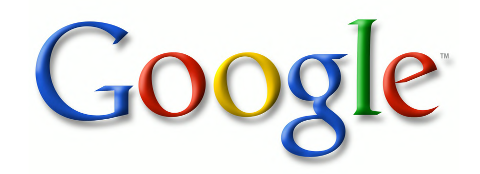


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

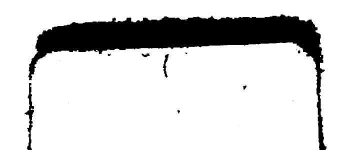
+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

3 3433 07855417 1

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К°.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

GERSONIUS.

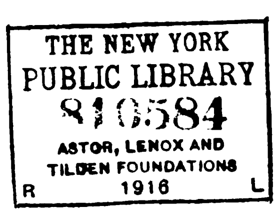
ТОМЪ XCII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К°.

1854.

Digitized by Google


THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810584
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 5 января 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

ЯНВАРЬ.

I. Словесность.

II. Науки и Художества.

III. Критика.

Digitized by Google

IV. Библіографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

V. Иностранная Литература.

DUPLICATE
[illegible]HANGED
Digitized by Google

VI. Современная Хроника Россіи.

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ НАУКЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ДУРОЧКА ДУНЯ.

ИДИЛЛІЯ.

Бога нѐчего гнѣвить —
Я имъ взъискана, старушка:
Миръ въ семьѣ; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить.

У меня семья большая.
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была,

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; чтò ни дай
Ей, хоть шелковое платье —
Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Да и съ виду: мы всѣ русы —
А она смугла, черна;
Да вплететъ какъ въ кудри бусы,
Алый шарфъ возьметъ она,

Digitized by Google

Запоетъ какъ басурманка,
Такъ глазами и блеститъ,
И хохочетъ... ну, цыганка
Да и только — просто стыдъ!

Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди,
Говорю: тамъ всѣ сестрицы,
Только такъ хоть посиди.»

— «Нѣтъ ужь, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нѣчего!» — «Какъ такъ?»
— «Что мнѣ съ этакими злыми!»...
И забьется на чердакъ.

Свадьба ль въ домѣ — все-равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То-есть, ухомъ не ведетъ.

Ну, ее за то и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня,
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я.

И она, какъ-будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ;
Обойму ее, цалуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ.

Надорветъ мое сердечко...
«Охъ, ты бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!

«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю.
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Digitized by Google

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей,
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она, вѣдь, съ каждой птицей
Особливо говоритъ...

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужь такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужь въ ней пути.
Чтò лечить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Вотъ, и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ разсказываетъ намъ —

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Digitized by Google

Что у моря там зеленый
Вѣчно лѣсъ растетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Что король тамъ страшный, дикій,
И гонитель христіанъ;

Что онъ ихъ тамъ травитъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями —
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать;

Только видимъ — дѣвка бредитъ,
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ пріидетъ зима.

Между-тѣмъ прошла ужь осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужь поздно. Мы за ней

Digitized by Google

Разослали по сосѣдямъ —
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ;
Снѣгъ въ лѣсу-то размело;

«Вглянь-ко» говорю я: «Саша» —
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? уж не Дуня ль наша?»
Такъ и есть, она! Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала ..

Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ все ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней прiѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ, двѣнадцатый годокъ.

Для ученья и надзора
Графъ копейки не жалѣлъ,
Ни на шагъ безъ гувернёра
Мальчикъ выйдти въ садъ не смѣлъ

Наша съ ними и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскiе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жь!

Digitized by Google

Гдѣ же ей пройдти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужь, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ : Божьи дѣти —
Онъ ихъ на небо беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

И возни намъ съ ней не мало
Было съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ.

А. Майковъ.

Digitized by Google

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть первая.

ГЛАВА I.

Безконечный Процесъ.

Лондонъ. Михайловъ-день прошелъ; лордъ-канцлеръ председательствуетъ въ Линкольнской Палатѣ. Ноябрь; немилосердо-гадкая погода; на улицахъ грязь. Дымъ изъ трубъ ложится на мостовую, осыпая ее мелкой черной пылью, словно снѣгомъ, одѣтымъ въ трауръ по солнцѣ; собакъ не узнаешь : всѣ въ грязи; да и лошади не лучше: грязь покрываетъ ихъ по самыя шоры. Пѣшеходы, подъ вліяніемъ дурнаго времени, очень не въ-духѣ; задѣваютъ другъ друга зонтиками, скользятъ и падаютъ на поворотахъ улицъ, гдѣ тысячи другихъ пѣшеходовъ скользили ужъ и падали съ начала дня, если онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, начинался, прибавляя, по краямъ троттуара, новые слои грязи, какъ проценты на капиталъ.

Туманъ повсюду, туманъ вверхъ по рѣкѣ, текущей среди зеленѣющихъ островковъ и лужаекъ; туманъ внизъ по рѣкѣ, пробирающейся среди безчисленныхъ рядовъ кораблей и омывающей грязные берега большаго и грязнаго города; туманъ надъ эссекскими болотами; туманъ надъ кентскими высотами; туманъ ползетъ по каютамъ угольныхъ судовъ, стелется по палубамъ, лѣзетъ вверхъ по снастямъ кораблей и смотрится въ люки бортовъ; туманъ ѣстъ глаза и щекочетъ гортани

Digitized by Google

старыхъ гринвичскихъ инвалидовъ, сопящихъ у огонька въ своихъ комнаткахъ; туманъ норовитъ въ чубукъ и трубку гнѣвнаго шкипера, курящаго послѣ обѣда въ своей тѣсной каюткѣ; туманъ пощипываетъ пальцы рукъ и ногъ разбитнаго шкиперскаго юнги, торчащаго на палубѣ; прохожіе на мостахъ, окруженные туманнымъ сводомъ со всѣхъ сторонъ, какъ-будто плывутъ на воздушномъ шарѣ, въ сѣрыхъ облакахъ.

Газъ мерцаетъ сквозь туманъ тамъ-и-сямъ по улицамъ, краснѣе солнца, освѣщающаго смокшее поле и плугъ земленашца; бо̀льшая часть лавокъ засвѣтила огни двумя часами ранѣе обыкновеннаго; газъ, подумаешь, обидѣлся этимъ, потому-что свѣтитъ такимъ мутнымъ и неопредѣленнымъ свѣтомъ.

Сырой вечеръ еще сырѣе, густой туманъ еще гуще и грязныя улицы еще грязнѣе близь стараго свинцоваго навѣса, осѣняющаго съ незапамятнаго времени входъ въ старое, крытое свинцомъ строеніе Темпля; рядомъ съ Темплемъ, въ Линкольнской Палатѣ, въ самомъ сердцѣ тумана, предсѣдательствуетъ лордъ-канцлеръ въ своей канцеляріи.

Въ такой ненастный день въ Обер-Канцеляріи долженъ присутствовать лордъ обер-канцлеръ: онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, и присутствуетъ, въ напудренномъ парикѣ, какъ-бы увѣнчанный туманною ореолою, въ мягкомъ креслѣ, обитомъ краснымъ сукномъ; къ нему обращена широкая фигура адвоката, съ густыми, какъ лѣсъ, бакенбардами, съ писклывымъ голоскомъ и съ безконечнымъ сверткомъ бумагъ подъ-мышкой; вниманіе ея, повидимому, устремлено на фонарь, укрѣпленный на крышѣ; но тамъ, кромѣ тумана, взоръ ея ничего не встрѣчаетъ. Въ такой скверный день въ Обер-Канцеляріи, должно находиться нѣсколько дюжинъ юристовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ они, глубоко-погруженные въ одинъ изъ десяти тысячъ пунктовъ безконечнаго процеса, подставляютъ, при всякомъ скользкомъ обстоятельствѣ, другъ другу ногу, путаются по горло въ судейскихъ крючкахъ, готовятъ потоки рѣчей въ широкихъ головахъ своихъ, охраняемыхъ париками изъ козьей шерсти и конской гривы, и разъигрываютъ роли честности и справедливости съ такимъ невозмутимымъ тактомъ, какой нехудо имѣть самымъ искуснымъ актерамъ. Въ такой ненастный день, въ Обер-Канцеляріи, должны быть различные ходатаи по дѣламъ, изъ которыхъ двое или трое получили ихъ въ наслѣдство отъ разбогатѣвшихъ отцовъ своихъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, ходатаи стоятъ, выстроенные въ линію, въ устланномъ цыновками кладезѣ (на днѣ котораго вы тщетно поискали бы истины), между краснымъ столомъ регистратора и шелковыми тогами, вооруженными билетами, актами, репликами, ордерами, декретами, свидѣтельствами, циркулярами, объясненіями.

Digitized by Google

Чтò это за палата мрачная и темная? Бѣдно освѣщена она тусклыми свѣчками; какъ надъ болотомъ, стелется въ ней безвыходно густой туманъ; ея стекла едва пропускаютъ дневной свѣтъ; прохожій, непосвященный въ ея тайны, случайно заглянувъ сквозь дверное стекло, отпрыгнетъ отъ ея порога, испуганный гробовымъ голосомъ, раздающимся изъ глубины комнаты, гдѣ высокіе парики присутствующихъ утопаютъ въ туманномъ облакѣ — это палата Обер-Канцеляріи.

Кто въ такое ненастное время сидитъ въ Обер-Канцеляріи, кромѣ лорда-канцлера, адвоката на очереди, двухъ или трехъ адвокатовъ, небывающихъ никогда очередными и вышепоименованнаго кладезя съ ходатаями? Здѣсь сидятъ еще, пониже судьи, украшеннаго парикомъ и тогой, вопервыхъ, регистраторъ, потомъ два или три крючка, два или три сутяги, одной съ нимъ масти. Всѣ они зѣваютъ, потому-что странная скука отъ процеса по дѣлу о Жарндисахъ (дѣло на очереди), прошедшаго сквозь огонь и воду. Стенографы, докладчики палаты и корресподенты газетъ отчаливаютъ всякій разъ съ остальными мелкими членами правосудія, какъ-только процесъ Жарндисовъ появляется на сцену — мѣста ихъ пусты. На боковой скамейкѣ стоитъ, прижавшись къ стѣнѣ, маленькая, сумасшедшая старушонка въ измятомъ чепцѣ; всякій разъ бываетъ она въ палатѣ отъ начала до конца засѣданія, всякій разъ ждетъ она какого-нибудь неяснаго приговора въ свою пользу. Говорятъ, что она или принадлежитъ, или, по-крайней-мѣрѣ, принадлежала къ числу просителей; но навѣрное никто не знаетъ—кому какое до нея дѣло? Она носитъ съ собой въ ридикюлѣ маленькій сверточекъ, который называетъ своими документами и который преимущественно состоитъ изъ кусочковъ бумаги и сухой травы.

Блѣднолицый и худощавый заключенный приходитъ, подъ стражею, съ полдюжины разъ, чтобъ лично защищать себя противъ возложеннаго на него обвиненія, яко-бы онъ, оставаясь единственнымъ душеприкащикомъ, запутался въ отчетахъ, о которыхъ никто не знаетъ, имѣлъ ли онъ какое-либо свѣдѣніе. Другой, разоренный истецъ, періодически является изъ Шропшайра и имѣетъ сильное поползновеніе обратиться къ лорду-канцлеру, по окончаніи присутствія; никто не можетъ вразумить его, что лордъ-канцлеръ и не подозрѣваетъ о его существованіи. Шропшайрскій истецъ садится на выгодномъ мѣстѣ, не спускаетъ глазъ съ судьи и норовитъ воскликнуть самымъ жалобнымъ басомъ: «милордъ!» какъ-только тотъ привстанетъ съ мѣста. Нѣсколько писцовъ и палатскихъ сторожей, видавшихъ этого господина, остаются въ канцеляріи, ожидая какой-нибудь забавной выходки съ его стороны, чтобъ развеселиться на зло нахмурившейся погодѣ.

Digitized by Google

Дѣло о Жарндисахъ плетется нога за ногу. Этотъ пугающій процесъ, отъ времени сдѣлался такъ запутанъ и многосложенъ, что ни единая душа не понимаетъ его; всего менѣе понимаютъ его истцы. Безчисленное множество дѣтей родилось во время процеса, безчисленное множество молодыхъ людей переженилось, безчисленное множество стариковъ отправилось на тотъ свѣтъ; множество людей съ отчаяніемъ узнали, что они попались въ процесъ по дѣлу Жарндисовъ, сами не зная, какъ и зачѣмъ; цѣлыя семейства наслѣдовали баснословную ненависть къ этому дѣлу. Маленькій отвѣтчикъ, или истецъ, которому обѣщали купить хорошенькую картонную лошадку, если процесъ по дѣлу о Жарндисахъ кончится въ пользу его папеньки, не только сдѣлался совершеннымъ мужчиной и владѣлъ настоящими лошадьми, но ужь успѣлъ умереть. Судейскія красавицы, изъ расцвѣтавшихъ дѣвушекъ, увяли бабушками и прабабушками; безчисленные списки именъ, запутанныхъ въ процесъ, сдѣлались истинными списками усопшихъ; на всемъ земномъ шарѣ не осталось, можетъ-быть, и трехъ Жарндисовъ съ-тѣхъ-поръ, какъ старому Тому Жарндису вздумалось наложить на себя руку, въ кофейной, находящейся въ Канцелярской Улицѣ; но все еще въ процесѣ по дѣлу Жарндисовъ не видать заповѣднаго конца.

Процесъ по дѣлу о Жарндисахъ сдѣлался предметомъ *юридической* шутки — вотъ лучшій плодъ его. Многимъ причинилъ онъ смерть; по-крайней-мѣрѣ, теперь, сталъ забавою для юристовъ. Во всѣхъ палатахъ Темпля нѣтъ канцеляриста, который бы не вклеилъ въ него собственноручнаго отношенія; нѣтъ канцлера, который бы не участвовалъ въ немъ, бывъ адвокатомъ. Много прекраснаго говорится о немъ старыми оберадвокатами, за бутылкой портвейна, послѣ дружескаго обѣда; новички въ адвокатствѣ считаютъ законнымъ долгомъ поостриться надъ нимъ. Послѣдній лордъ-канцлеръ, ловко съострилъ однажды: какъ-то мистеръ Блоурсъ, самый затѣйливый изъ судейскихъ крючковъ, говоритъ, что это-де можетъ случиться только тогда, когда съ неба посыплется картофель; «или тогда, мистеръ Блоурсъ, поправляетъ его покойный, когда мы покончимъ дѣло о Жарндисахъ»; эта острота пришлась очень по-сердцу всѣмъ крючкодѣямъ и сутягамъ.

Сколькихъ людей, непричастныхъ къ дѣлу, процесъ Жарндисовъ запуталъ и разорилъ — этотъ вопросъ неисчерпаемъ. Начиная отъ главнаго судьи, на шкапахъ котораго запыленными грудами лежатъ бумаги по дѣлу о Жарндисахъ, до простаго писаря въ Палатѣ Шести Писарей, который переписалъ десять тысячъ листовъ въ этомъ безконечномъ дѣлѣ, ни одна человѣческая душа не сдѣлалась лучше. Даже мальчишки, служащіе на посылкахъ у прокурора, разсказывающіе просителямъ

Digitized by Google

разныя небылицы, что, напримѣръ, мистеръ какой-нибудь Чизль, или Мизль, по горло заваленъ работой съ утра до вечера и разбираетъ ихъ дѣло, даже, говорю я, и эти мальчишки идутъ ужь по кривой дорогѣ, всасывая въ себя все дурное изъ процеса по дѣлу Жарндисовъ. Ходатай по дѣлу зашибъ, правду сказать, хорошую деньгу, зато вышелъ изъ вѣры и заклеймилъ все свое племя. Разнымъ Чизлямъ и Мизлямъ взошло въ привычку обѣщать попустому заглянуть въ дѣльцо и посмотрѣть, чтó выйдетъ для какого-нибудь Дризля, которому не очень-ловко чувствуется, когда окончится дѣло о Жарндисахъ. Даже тѣ, которые наблюдали за его ходомъ изъ очень-отдаленнаго круга, нечувствительно попали на ложную дорогу.

Такъ, въ самомъ сердцѣ тумана, предсѣдательствуетъ обер-лордъ канцлеръ въ своей канцеляріи.

— Мистеръ Тенгль! взываетъ несовсѣмъ-смѣло лордъ-обер-канцлеръ, ошеломленный въ послѣднемъ засѣданіи извѣстнымъ краснорѣчіемъ этого ученаго мужа.

— Млордъ (вмѣсто милордъ)! отвѣчаетъ мистеръ Тенгль. — Мистеръ Тенгль знаетъ больше всякаго въ дѣлѣ о Жарндисахъ. Онъ славится своимъ знаніемъ, какъ-будто, кромѣ этого дѣла, онъ ничего не читаетъ съ-тѣхъ-поръ, какъ оставилъ школу.

— Скоро вы составите пояснительную записку?

— Млордъ, нѣтъ; бездна пунктовъ; мой долгъ повиноваться, млордъ! вотъ отвѣтъ, который вырывается изъ ученой груди мистера Тенгля.

— Я думаю, многіе изъ адвокатовъ хотѣли бы сегодня защищать своихъ кліентовъ? спрашиваетъ лорд-канцлеръ съ едва-замѣтной улыбкой.

Восьмнадцать ученыхъ друзей мистера Тенгля, каждый съ небольшой тетрадкой въ восьмнадцать сотенъ листовъ, вскочили съ мѣстъ своихъ какъ восьмнадцать фортепьянныхъ молоточковъ, отвѣсили восьмнадцать поклоновъ и погрузились снова въ свои восьмнадцать мѣстъ мрака и неизвѣстности.

— Хорошо, въ среду на предбудущей недѣлѣ, говоритъ лорд-канцлеръ. — Хотя сегодня рѣшили еще только одинъ пунктъ, разсмотрѣли одну только почку наслѣдственнаго древа, разросшагося въ цѣлый лѣсъ, однакожь, когда-нибудь да прійдутъ же къ концу.

Канцлеръ встаетъ, адвокаты встаютъ; заключеннаго уводятъ; шропшайрскій посѣтитель восклицаетъ: «Милордъ!» Крючки и сутяги презрительно требуютъ тишины и злобно мѣряютъ взоромъ шропшайрскаго посѣтителя.

— Относительно молодой дѣвушки... продолжаетъ канцлеръ, все-еще по дѣлу Жанрдисовъ.

— Прошу прощенья, милордъ! мальчика... не дослушавъ подсказалъ мистеръ Тенгль.

— Относительно, продолжаетъ канцлеръ, возвысивъ голосъ и съ особеннымъ выраженіемъ: — молодой дѣвушки и мальчика... молодыхъ людей (мистеръ Тенгль срѣзался), которыхъ я представилъ сегодня суду и которые теперь находятся въ моей особенной комнатѣ, я объясню вамъ, что хочу ихъ видѣть и лично удостовѣриться, можно ли имъ дозволить жить у ихъ дяди. (Мистеръ Тенгль опять на ногахъ.)

— Прошу прощенья, милордъ! онъ на томъ свѣтѣ! восклицаетъ онъ.

— У ихъ... и канцлеръ начинаетъ разбирать, сквозь двойное стекло своихъ очковъ, бумаги, лежащія на его конторкѣ: — дѣдушки...

— Прошу прощенья, милордъ! жертва отчаянія: наложилъ на себя руку.

Въ такой критическій моментъ для лорда-канцлера, вдругъ изъ заднихъ слоевъ тумана является крошечный адвокатъ и восклицаетъ громовымъ басомъ:

— Ваша милость, милордъ, позвольте сказать: я за ихъ дѣдушку; онъ мнѣ родственникъ—это всякій знаетъ; я не приготовился объяснить предъ вами, въ какомъ колѣнѣ наше родство; но онъ мнѣ родственникъ—это всякій знаетъ!

Выслушавъ эту сентенцію, какъ замогильное посланіе, раздавшееся отъ одного конца палаты до другаго, крошечный адвокатъ погрузился снова въ туманъ, и любопытный глазъ не отъищетъ его.

— Я хочу переговорить съ обоими молодыми людьми, снова говоритъ канцлеръ: — и лично удостовѣриться, удобно ли имъ будетъ жить съ ихъ родственникомъ. Завтра, при началѣ засѣданія, мы опять займемся этимъ дѣломъ.

Канцлеръ ужь готовъ откланяться, какъ вдругъ шропшайрскій посѣтитель снова пытается крикнуть: «милордъ!» но канцлеръ, зная его привычку, мгновенно исчезаетъ; за нимъ исчезаютъ и всѣ. Батарея синихъ мѣшковъ заряжается усиленными зарядами штемпельныхъ бумагъ и уносится писарями; маленькая сумасшедшая старушка уходитъ съ своими документами; пустыя палаты запираются.

ГЛАВА II.

Леди Дедлокъ.

Въ этотъ мрачный день намъ нужно бросить взглядъ на большой свѣтъ только вскользь.

Digitized by Google

Миледи Дедлокъ возвратилась въ свой городской отель, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Парижъ, гдѣ она проведетъ нѣсколько недѣль; дальнѣйшія желанія миледи неизвѣстны : такъ говоритъ великосвѣтская молва, на радость Парижу; а великосвѣтская молва знаетъ всѣ фешонэбльные пріемы; знать, кой-что другое — фи! это было бы mauvais genre. Миледи Дедлокъ была до-сихъ-поръ, какъ она говоритъ, въ дружеской бесѣдѣ, въ своихъ владѣніяхъ въ Линкольншайрѣ; но воды въ Линкольншайрѣ разлились, размыли и затопили арки подъ мостомъ, ведущимъ въ паркъ; долина обратилась въ непроходимую рѣку, поникшія деревья — въ острова, и дождикъ съ утра до ночи, рябилъ и колыхалъ поверхность воды. Владѣнія миледи Дедлокъ сдѣлались ужасными. Погода впродолженіе нѣсколькихъ недѣль была такъ сыра, что деревья, кажется, отсырѣли и разбухли, какъ кисель, такъ-что не рубились, а рѣзались топоромъ дровосѣка и падали на землю безъ всякаго шума. Промокнувшая лань вязла глубоко въ промокнувшемъ грунтѣ. Выстрѣлъ изъ ружья терялъ въ сыромъ воздухѣ свой острый звукъ и дымъ съ полки медленно плылъ сѣрымъ облачкомъ къ синевато-зеленѣющимъ вершинамъ холмовъ, составляющихъ задній планъ на картинѣ падающаго дождя. Видъ изъ оконъ будуара миледи Дедлокъ переходилъ попеременно отъ грязно-сѣраго къ грязно-темному и впадалъ, наконецъ, совершенно въ китайскую тушь. Мраморныя вазы, украшающія каменныя террасы, обратились въ дождевыя урны и тяжелыя капли дождя во всю ночь не переставали падать на мощеную аллею. Миледи Дедлокъ (она бездѣтна) взглянула изъ окна своей комнаты. Печальный видъ окончательно разстроилъ нервы ея и она призналась, что въ Линкольншайрѣ умираетъ съ тоски.

Поэтому-то она и возвратилась изъ Линкольншайра, покинувъ его дождю, кроликамъ, дикимъ козамъ, куропаткамъ и фазанамъ. Портреты Дедлоковъ, давно-прошедшихъ временъ, еще долго казались мрачными привидѣніями на сырыхъ стѣнахъ зáмка, пока, наконецъ, управитель не обошелъ всѣ комнаты медленнымъ шагомъ и не спустилъ на всѣхъ окнахъ густыя сторы; и когда снова выглянутъ эти тѣни Дедлоковъ — не скажетъ фешонэбльное соображеніе, которое до мелочей знаетъ все прошедшее и настоящее, но не знаетъ будущаго.

Сэръ Лейстеръ Дедлокъ полными двадцатью годами старше миледи; и вотъ ужь нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не старѣется : ему постоянно шестьдесятъ-пять и никогда не будетъ шестидесяти-шести, а ужь шестидесяти-семи — и говорить нѣчего. Повременамъ мучитъ его подагра, отчего его поступь очень-нетверда. Свѣтлосѣдые волосы и бакенбарды, кружевныя брыжжи, бѣлый, какъ снѣгъ, жилетъ, синій фракъ, вѣчно-застегнутый

Digitized by Google

на всѣ блестящія пуговицы—даютъ ему важную осанку. Съ миледи онъ во всѣхъ отношеніяхъ церемоненъ и безукоризненно-вѣжливъ, высоко цѣнитъ ея личныя достоинства. Любезность его къ миледи не измѣнилась ни на волосъ съ первой минуты ихъ знакомства.

Онъ женился на ней по любви. Поговаривали, будто бы она не важнаго происхожденія; но что за бѣда, когда, въ замѣнъ того, она обладаетъ такимъ запасомъ красоты, настойчивости и здраваго смысла, съ которыми можно пристроить, очень-выгодно, цѣлый легіонъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Богатство и положеніе въ свѣтѣ, вмѣстѣ съ этими качествами, должны были несомнѣнно ее возвысить; и вотъ ужь нѣсколько лѣтъ миледи Дедлокъ была лучшею звѣздою и стояла въ апогеѣ фешонэбльнаго горизонта.

Что Александръ горько плакалъ, когда не оставалось ни одного міра для его побѣдъ — всякій это знаетъ, или по-крайней-мѣрѣ, долженъ знать, какъ обстоятельство, часто-повторяемое. Съ миледи Дедлокъ, завоевавшей весь фешонэбльный міръ, случилось иначе: въ ней температура понизилась не до точки таянія, а до точки замерзанія (хотя педагоги и утверждаютъ, что это все-равно; однакожь мнѣ позволительно имѣть и свое убѣжденіе); какая-то холодность ко всему, инерція чувствъ, мыслей и желаній, невозмутимое спокойствіе — вотъ трофеи ея побѣдъ.

Она еще очень-хороша, и если не въ первомъ цвѣту своемъ, то всетаки далеко ей до осени; тонкія черты лица ея имѣютъ больше пріятной миловидности, чѣмъ правильной красоты.

Миледи Дедлокъ, возвратилась изъ своихъ линкольншайрскихъ помѣстій (горячо слѣдимая фешонэбльной молвой) въ городской отель свой, чтобъ провести нѣсколько дней до отъѣзда въ Парижъ, гдѣ она пробудетъ нѣсколько недѣль; а что будетъ дальше — неизвѣстно. Въ ея городской отель является, въ этотъ ненастный и грязный день, устарѣлый джентльменъ, прокуроръ и совѣтникъ въ Обер-Канцеляріи. Онъ имѣетъ честь быть повѣреннымъ въ дѣлахъ фамиліи Дедлоковъ и хранитъ въ своей конторѣ такое несметное множество желѣзныхъ сундуковъ, съ надписью Дедлокъ, какъ-будто бы баронетъ былъ законный штемпель на деньгахъ всего государства. Чрезъ дворы, по лѣстницамъ, сквозь коридоры, чрезъ амфиладу блестящихъ комнатъ — чрезъ волшебную страну для посѣтителя и грустную пустыню для обитателя — ведетъ напудренный Меркурій стараго джентльмена на усмотрѣніе миледи.

Старый джентльменъ невзраченъ на видъ, но, говорятъ, сколотилъ порядочную копейку, составляя аристократическіе брачные контракты и духовныя завѣщанія, такъ-что карманъ его тугонекъ. Онъ считается безмолвнымъ хранителемъ семейныхъ тайнъ, атмосфера которыхъ окру-

Digitized by Google

жаетъ его со всѣхъ сторонъ. Замкнутое на всѣ пуговицы, безотвѣтное на каждый лучъ свѣта, платье его служитъ совершенной вывѣской его характера. Онъ никогда ни о чемъ не говоритъ, какъ только о дѣлахъ, и то, когда его спрашиваютъ; его иногда можно встрѣтить безмолвнаго, но совершенно какъ дома, на углу обѣденнаго стола, въ высшемъ обществѣ или близъ дверей салоновъ, гдѣ фешонэбльный кругъ очень-говорливъ; всѣ его знаютъ; половина пэровъ останавливается передъ нимъ и спрашиваетъ: — ну, какъ вы можете, мистеръ Телькингорнъ? Онъ съ важностью принимаетъ ихъ привѣтствія и хоронитъ въ груди своей, гдѣ погребено все, что̀ онъ знаетъ.

Сэръ Лейстеръ Дедлокъ въ покояхъ миледи и совершенно-счастливъ, что встрѣтилъ мистера Телькингорна: на немъ, изволите видѣть, какая-то печать обветшалости, которая очень по̀-сердцу сэру Лейстеру.

Такихъ ли идей о себѣ мистеръ Телькингорнъ? Богъ знаетъ; можетъ-быть и такихъ, можетъ-быть и нѣтъ; но вотъ замѣчательное обстоятельство, которому подчиняется все, соприкасающееся съ миледи Дедлокъ, какъ путеводительницей и представительницей своего маленькаго міра. Она считаетъ себя неразгаданнымъ существомъ, внѣ ряда обыкновенныхъ смертныхъ; то же подтверждаетъ и зеркало, въ которое она смотрится очень-часто, между-тѣмъ, какъ всякая тусклая, маленькая звѣздочка, вращающаяся около нея, начиная отъ горничной до директора Итальянской Оперы, знаетъ какъ-нельзя-лучше ея слабости и капризы, и по нимъ составляетъ такой вѣрный, нравственный масштабъ миледи, какую вѣрную мѣрку стана имѣетъ ея портниха. Нужно ли ввести въ моду новую одежду, новый обычай, новаго пѣвца, новаго балетмейстера, новый уборъ, вообще что-нибудь новое — найдется тысячи людей, тысячи цеховъ, которыхъ миледи Дедлокъ считаетъ распростертыми у ногъ своихъ, которые разскажутъ вамъ, какъ пять своихъ пальцевъ, весь ея характеръ и какъ надо приняться за дѣло. Они питаютъ всѣ ея мелочныя прихоти, притворяются ползущими за ея стопами, а въ самомъ-то дѣлѣ увлекаютъ ее за собою, а съ нею вмѣстѣ и ея поклонниковъ и поклонницъ, какъ Лемюель Гюливеръ увлекъ за собою могущественный флотъ могущественныхъ Лиллипутовъ.

Если вамъ хочется обратиться къ нашимъ покупателямъ, сударь, говорятъ ювелиры Блезъ и Сперкль — подразумѣвая подъ словомъ *свои покупатели* никого другаго, какъ леди Дедлокъ и ея хвостъ — такъ вы, сударь, имѣйте въ виду, что это публика не какая-нибудь: на нее надо дѣйствовать умѣючи, нападать на слабую ея сторону; а слабая ея сторона вотъ въ томъ да въ этомъ... Чтобъ пустить въ ходъ эту матерію, господа — говорятъ Шинъ и Глоссъ, купцы, друзьямъ своимъ

Digitized by Google

фабрикантамъ — такъ поклонитесь-ка намъ; мы знаемъ какъ залучать къ себѣ модныхъ покупателей, знаемъ какъ пустить въ ходъ свой товарецъ.

Если вамъ, сударь, хочется, чтобъ эта картинка была на столахъ модныхъ моихъ посѣтителей, говоритъ мистеръ Следдери, библіотекарь, или если вамъ, сударь, хочется, чтобъ этотъ карло, или этотъ великанъ, были представлены моднымъ моимъ посѣтителямъ, или, можетъ, вамъ, сударь, хочется снискать покровительство фешонэбльныхъ моихъ посѣтителей, для такого-то или другаго заведенія, такъ вы, сударь, обратитесь ко мнѣ: я, сударь, изучилъ, какъ пять своихъ пальцевъ, фешонэбльный кругъ, и я вамъ, сударь, скажу по секрету, безъ всякаго хвастовства, что верчу имъ какъ хочу. И въ этомъ мистеръ Следдери, какъ честный человѣкъ, не солгалъ ни на волосъ.

Между-тѣмъ мистеръ Телькингорнъ, быть-можетъ, знаетъ, а, быть-можетъ, и нѣтъ, что̀ происходитъ сію минуту въ душѣ Дедлоковъ.

— Дѣло миледи было опять представлено канцлеру, мистеръ Телькингорнъ? спросилъ сэръ Лейстеръ, подавая ему руку.

— Точно такъ-съ, и сегодня его представляли, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ, сдѣлавъ легкій поклонъ миледи, которая сидитъ на софѣ у огня, осѣняя лицо свое вѣеромъ.

— Я думаю, безполезно спрашивать, говоритъ миледи, все-таки подъ вліяніемъ скуки, нагнанной на нее въ линкольншейрскомъ помѣстьи: — сдѣлано ли что-нибудь въ мою пользу?

— Ничего такого не сдѣлано, что̀ могло бы назваться чѣмъ-нибудь, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

— И никогда ничего не будетъ сдѣлано, говоритъ миледи.

Сэръ Лейстеръ, безъ особеннаго негодованія, смотритъ на то, что дѣло тянется безконечно; онъ считаетъ эту привычку — тянуть дѣла и брать за нихъ взятки, чѣмъ-то законнымъ, истинно-великобританскимъ; къ-тому же, процесъ шелъ не о жизни и смерти, а о той небольшой части приданаго, которую принесла ему съ собою леди, и онъ увѣренъ, что для его имени, для имени Дедлоковъ, забавная вещь стоять въ самомъ процесѣ, а не въ его заглавіи.

— По вашему дѣлу, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — есть нѣсколько новыхъ показаній; и такъ-какъ они коротки и я имѣю, можетъ-быть, скучную привычку не упускать ни одного обстоятельства по ходу дѣла, не доведя его до свѣдѣнія моихъ кліентовъ (тонкая штука этотъ мистеръ Телькингорнъ! ни на волосъ не пріиметъ на себя отвѣтственности больше, сколько надо), и такъ-какъ я вижу, что вы намѣрены отправиться въ Парижъ, то я и принесъ ихъ съ собою.

Digitized by Google

Сэръ Лейстеръ также ѣхалъ въ Парижъ, но, это въ скобкахъ, фешонэбльная молва гласила только о миледи.

Мистеръ Телькингорнъ вынимаетъ изъ кармана бумаги, проситъ позволенія положить ихъ на золотыя бездѣлушки, разбросанныя по столу миледи, вооружаетъ носъ свой очками и начинаетъ читать при свѣтѣ лампы съ колпакомъ.

Въ Обер-Канцеляріи. Въ процесѣ по дѣлу Жона Жарндиса и...

Миледи прерываетъ его и проситъ не мучить ея слухъ, если это возможно, варварскими судейскими терминами.

Мистеръ Телькингорнъ, пропустивъ нѣсколько строкъ, продолжаетъ снова чтеніе; миледи совершеннѣйшимъ и умышленнѣйшимъ образомъ не слушаетъ его. Сэръ Лейстеръ, развалясь въ большихъ креслахъ, смотритъ на огонь въ каминѣ, и любуется изгибами и многоглагольствіемъ судейскаго краснорѣчія, термины котораго строются передъ нимъ въ ряды и слагаются ловко, въ какую-то національную крѣпость. Случилось, что огонь въ каминѣ очень запылалъ, миледи не могла укрыться своимъ опахаломъ, потому-что оно болѣе красиво, чѣмъ полезно; оно очень-много стóитъ денегъ, но имѣетъ очень-малую поверхность; миледи перемѣнила свое положеніе, отвернулась отъ огня и очутилась прямо противъ бумагъ; глядитъ на нихъ внимательно, наклонилась надъ ними и вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, спросила:

— Кто ихъ переписывалъ?

Мистеръ Телькингорнъ сталъ въ-тупикъ отъ такого неожиданнаго вниманія и необыкновенной интонаціи голоса.

— Это называется у васъ канцелярскимъ почеркомъ? спросила она, смотря на него съ обыкновеннымъ, свойственнымъ ей ласкающимъ выраженіемъ и играя вѣеромъ.

— Несовсѣмъ. Кажется (мистеръ Телькингорнъ во время отвѣта разсматриваетъ рукопись), кажется, канцелярскій почеркъ пріобрѣтенъ ужь тогда, когда рука была сформирована. Впрочемъ, зачѣмъ это вы спрашиваете?

— Такъ, чтобъ сколько-нибудь прервать эту несносную монотонію. Пожалуйста, продолжайте!

Мистеръ Телькингорнъ опять читаетъ. Жаръ становится сильнѣе; миледи прикрываетъ лицо опахаломъ. Сэръ Лейстеръ начинаетъ дремать. Но вдругъ онъ вскакиваетъ.

— А? чтò такое? Чтò вы говорите? спрашиваетъ онъ съ изумленіемъ.

— Мнѣ кажется, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ: — что миледи дурно себя чувствуетъ.

Digitized by Google

— Слабость, лепечетъ миледи блѣдными губками: — смертельная слабость... не заставляйте меня говорить... позвоните, и пусть снесутъ меня въ мою комнату.

Мистеръ Телькингорнъ удаляется; колокольчики звенятъ, шаги раздаются и умолкаютъ, тишина возстановляется, и наконецъ, напудренный Меркурій проситъ мистера Телькингорна снова пожаловать.

— Теперь лучше, говоритъ сэръ Лейстеръ, прося адвоката приеѣсть и продолжать чтеніе: — я очень испугался. Съ миледи никогда не бывало обмороковъ; но такая скверная погода, и притомъ, въ нашихъ линкольншайрскихъ помѣстьяхъ, она, въ-самомъ-дѣлѣ, соскучилась до смерти.

ГЛАВА III.

Эсѳирь.

Трудно, очень-трудно начать писать что-нибудь о себѣ-самой; чувствую, что голова моя пуста. Я это всегда знала. Помню, когда я еще была очень-маленькой дѣвочкой, говаривала я моей куклѣ, оставшись съ ней наединѣ: «ну, куколка, я глуповата — ты это хорошо знаешь, куколка: будь же со мной терпѣлива душа моя! И она была снисходительна, сидѣла противъ меня въ большихъ креслахъ, съ своей размалеванной рожицей, съ своими карминными губками; смотрѣла на меня, или, лучше сказать, въ пространство, своими кобальтовыми глазками, а я шила возлѣ нея и болтала ей свои маленькіе секреты».

Милая моя, старая моя куколка! я такъ была застѣнчива съ молоду, что рѣдко рѣшалась говорить съ кѣмъ-нибудь и ни съ кѣмъ не рѣшалась говорить отъ чистаго сердца, кромѣ тебя, безотвѣтная подруга моя. Слезы выступаютъ изъ глазъ моихъ, когда я вспомню, съ какимъ восторгомъ возвращаешься, бывало, домой изъ пансіона, взбѣжишь по лѣстницѣ въ свою горенку и увидишь тебя, моя вѣрная, моя милая куколка! — Знаешь, угадываешь заранѣе, что ты ждешь меня, моя ненаглядная. Помню, кàкъ, бывало, сядешь на полъ возлѣ тебя, облокотившись на ручку твоихъ большихъ креселъ и начнешь лепетать тебѣ про все, чтò видѣла, чтò замѣтила во время нашей дневной разлуки. Дà, я любила наблюдать — не такъ пристально какъ другіе — нѣтъ, я наблюдала по-своему, молча, и желала, желала отъ души, лучше понимать, чтò вижу; но воображеніе мое всегда было слабо и горизонтъ его расширялся только тогда, когда западалъ въ душу лучъ нѣжной любви къ кому-нибудь; но и это быть-можетъ только бредъ моего тщеславія.

Digitized by Google

Сколько я могу запомнить, я воспитывалась въ домѣ женщины, которую называли моей воспріемницею. Что̀ это было за доброе существо! Собой она была такъ прекрасна, что еслибъ улыбка осѣняла уста ея, то ее можно было бъ назвать олицетвореніемъ доброты; но она никогда не улыбалась, а всегда была важна и сурова. Мнѣ казалось, что она стоитъ высоко въ нравственномъ отношеніи, и что недостатки людей, ее окружающихъ, набрасываютъ на нее эту завѣсу суровости, подъ которой я ее всегда видала. Я была ничтожнѣе передъ нею, чѣмъ допускала разность лѣтъ нашихъ; я чувствовала себя такою жалкою, такою пустою сравнительно съ нею, что не могла быть при ней свободна такъ, какъ бы хотѣла. Сильно огорчало меня сознаніе, что я такъ недостойна ея; между-тѣмъ внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что я могла бъ быть лучшаго сердца, и часто бесѣдовала я объ этомъ съ моей милой, старой куколкой; но никогда не любила я моей воспріемницы такъ, какъ бы слѣдовало, такъ, какъ я понимала, что мнѣ должно любить ее, и все потому, что я была дурная дѣвочка.

Это, говорю откровенно, дѣлало меня еще больше робкой и отчужденной, чѣмъ я была отъ природы, и болѣе привязывало меня къ моей куколкѣ, какъ къ единственному другу, съ которымъ я себя чувствовала совершенно-развязной. Еще одно обстоятельство.

Я никогда не слыхала ни словечка о моей матери; ничего, никогда не слыхала о своемъ отцѣ. Не помню, чтобъ когда-нибудь носила траурное платье; никто никогда не показалъ мнѣ могилу матери моей, никто не сказалъ мнѣ, гдѣ она погребена. Не одинъ разъ заговаривала я объ этомъ предметѣ моихъ помышленій съ мистриссъ Рахилью, единственной служанкой въ нашемъ домѣ (другая прекрасная женщина, но всегда строгая со мною), которая обыкновенно уносила свѣчу изъ моей комнаты, когда я была въ постели, но она отвѣчала мнѣ только: «Эсѳирь, спокойной ночи!» и уходила оставляя меня одну.

Въ сосѣднемъ пансіонѣ, гдѣ воспитывалась я, насъ было семь дѣвочекъ. Всѣ онѣ называли меня маленькая Эсѳирь Семерсонъ, но я ни съ одной изъ нихъ не была знакома. Всѣ онѣ, конечно, были старше меня (я была ихъ моложе нѣсколькими годами); но кромѣ лѣтъ, кромѣ лучшаго ихъ передо мною образованія и бо̀льшихъ противъ меня свѣдѣній, еще что-то раздѣляло насъ. Одна изъ нихъ (я помню это очень хорошо) въ первую пору моего посѣщенія пансіона, пригласила меня къ себѣ поиграть, къ крайнему моему удовольствію; но воспріемница моя, написала за меня отказъ — и я осталась дома, и никуда не ходила я никогда.

Digitized by Google

Однажды, возвращаясь вечеромъ домой съ книгами и портфёлемъ изъ пансіона и наблюдая за длинною тѣнью, которая ложилась отъ меня, я ужь хотѣла подняться на лѣстницу, въ свою горенку, какъ вдругъ моя воспріемница отворила дверь изъ гостиной и позвала меня къ себѣ. Я нашла съ ней — что̀ случилось первый разъ въ жизни — посторонняго мужчину; это былъ осанистый, свысока̀ взирающій джентльменъ, одѣтый съ ногъ до головы въ черное платье; съ бѣлымъ галстухомъ, съ большими, золотыми печатьми на часовой цѣпочкѣ, съ золотыми очками на носу и съ огромнымъ, вензелевымъ перстнемъ на мизинцѣ.

— Вотъ она, сказала ему моя крестная шопотомъ и потомъ, произнесла своимъ обыкновеннымъ суровымъ голосомъ: — сэръ, вотъ Эсѳирь?

Господинъ поправилъ очки, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: — подойдите сюда, моя милая. Я подошла; онъ взялъ меня за-руку, просилъ снять шляпку и, пристально посмотрѣвъ на меня, сказалъ:—гм! да! снялъ съ носа очки, свернулъ ихъ въ сафьянный футляръ, развалился въ своемъ креслѣ и, вертя сафьянный футлярчикъ между пальцами, кивнулъ утвердительно моей воспріемницѣ. Она обернулась ко мнѣ и сказала: — ты пойдешь наверхъ, Эсѳирь. Я присѣла и оставила ихъ вдвоемъ.

Прошло два года съ-тѣхъ-поръ; мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда случилось страшное обстоятельство, которое я никогда не забуду. Однажды вечеромъ въ девять часовъ сошла я внизъ, къ моей воспріемницѣ, чтобъ, по заведенному обычаю, читать ей вслухъ религіозныя книги. Мы, какъ обыкновенно, сѣли передъ каминомъ; я читала; крестная слушала.

Вдругъ съ страшнымъ воплемъ и въ судорогахъ упала она на полъ; стоны ея раздались не только по всему дому, но были слышны на улицѣ.

Ее снесли въ постель. Цѣлую недѣлю страдала она, но наружность ея мало измѣнилась: тотъ же холодно-спокойный взглядъ, тѣ же столь-знакомыя мнѣ морщины, то же суровое выраженіе лица. Сколько разъ, и днемъ и ночью, приникала я къ ея изголовью, цаловала ее, благодарила ее, молилась за нее, умоляла о прощеньи, просила благословить меня, просила сказать мнѣ, что она меня видитъ, что она меня слышитъ. Нѣтъ, не было мнѣ отвѣта на мои призывы!

Въ самый день похоронъ моей бѣдной, доброй воспріемницы, явился господинъ въ черномъ платьѣ съ бѣлымъ галстухомъ. Мистриссъ Рахиль послала меня къ нему, и я его нашла въ тѣхъ же креслахъ, въ томъ

Digitized by Google

же положеніи, какъ видѣла его въ первый разъ, какъ-будто онъ не вставалъ съ-тѣхъ-поръ съ мѣста.

— Меня зовутъ Кенджъ, сказалъ онъ: — запомните это имя, дитя мое: Кенджъ и Карбой въ Линкольнской Палатѣ.

Я сказала, что помню, какъ онъ былъ здѣсь въ первый разъ.

— Сядьте, пожалуйста, сюда, поближе ко мнѣ; не плачьте, это не нужно. Мнѣ нѣтъ надобности, мистриссъ Рахиль, говорить вамъ, которой извѣстны дѣла покойной миссъ Барбары, что средства ея, умерли вмѣстѣ съ нею и что эта молодая дѣвушка, послѣ кончины своей тётки...

— Тётки сэръ...

— Мнѣ кажется, нѣтъ надобности питать тщетную надежду, когда все кончено и выиграть ничего нельзя, сказалъ мистеръ Кенджъ съ разстановкой. — Дà, тётка хотя и незаконная .. Не разстраивайтесь, дитя мое, не плачьте! Мистрисъ Рахиль, я думаю, нашъ молодой другъ, не разъ слыхала о дѣлѣ... о процесѣ по дѣлу Жарндисовъ.

— Никогда не слыхала, сказала мистриссъ Рахиль.

— Возможно ли... продолжалъ мистеръ Кенджъ, надѣвая очки: — чтобъ нашъ молодой другъ... не плачьте, не огорчайтесь моя милая... никогда не слыхала о процесѣ по дѣлу Жарндисовъ?

Я покачала головой, не понимая нисколько о чѣмъ идетъ рѣчь.

— Ничего не слыхать о дѣлѣ Жарндисовъ? сказалъ мистеръ Кенджъ, смотря на меня сквозь стекла своихъ очковъ и вертя потихоньку сафьянный футлярчикъ, какъ-бы въ раздумьи: — ничего не слыхать о самомъ запутаннѣйшемъ процесѣ въ Обер-Канцеляріи, о процесѣ, который, подобно мавзолею, хранитъ подъ спудомъ своимъ всѣ трудности, всѣ запутанности, всѣ фикціи, всѣ дѣловыя формы, созданныя изобрѣтательными умами огромныхъ палатъ Обер-Канцеляріи, о процесѣ, который, по обширности своей, можетъ существовать только въ обширнѣйшемъ государствѣ? Я долженъ сказать, что протари и убытки по дѣлу Жарндисовъ, мистриссъ Рахиль (мнѣ кажется, онъ потому обратился къ ней, что я была недовольно-внимательна), составляютъ въ сложности отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ! сказалъ мистеръ Кенджъ и прислонился къ спинкѣ кресла.

Я видѣла въ полномъ блескѣ свое невѣдѣніе, но что̀ дѣлать! мнѣ никогда не говорили ни о какомъ процесѣ, и я ни полслова не понимала изъ всего того, что̀ съ такимъ удивленіемъ и такъ торжественно произносилъ мистеръ Кенджъ.

— Такъ она въ-самомъ-дѣлѣ никогда не слыхивала о дѣлѣ Жарндисовъ? сказалъ мистеръ Кенджъ: — удивительно!

Digitized by Google

— Миссъ Барбара, сэръ, возразила мистриссъ Рахиль: — которая нынѣ въ области блаженныхъ...

— Безъ-сомнѣнія, тамъ, безъ-сомнѣнія, сказалъ вѣжливымъ тономъ мистеръ Кенджъ...

— ...Желала, чтобъ Эсѳирь училась тому только, что̀ ей можетъ быть полезно и пригодится въ жизни.

— Конечно! сказалъ мистеръ Кенджъ, и на повѣрку это справедливо. — Теперь къ дѣлу, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ. — Миссъ Барбара, единственная родственница ваша, умерла; нѣтъ причины думать, чтобъ мистриссъ Рахиль...

— О, ни въ какомъ случаѣ, сказала мистриссъ Рахиль поспѣшно.

— Конечно, сказалъ утвердительно мистеръ Кенджъ: — чтобъ мистриссъ Рахиль обязалась наблюдать и содержать васъ... пожалуйста, не плачьте моя милая... а потому положеніе ваше таково, что вы должны принять предложеніе, которое, года два тому назадъ, я дѣлалъ миссъ Барбарѣ, и которое, хотя она и отвергла, но нынѣ, во вниманіе плачевныхъ обстоятельствъ, васъ окружающихъ, должно быть принято. Заключу тѣмъ, что подобное предложеніе нисколько не противорѣчитъ тому достоинству, которое возлагаетъ на меня ходатайство какъ по дѣлу Жарндисовъ, такъ и по всякому другому дѣлу, какъ на представителя сколько высокой, столько иногда странной природы человѣка. Произнеся этотъ спичъ, мистеръ Кенджъ развалился снова въ креслахъ и спокойно вызывалъ насъ на отвѣтъ.

Но прежде всего онъ, кажется, любовался звуками своего голоса, который въ-самомъ-дѣлѣ былъ свѣжъ и полонъ и придавалъ большую важность каждому произносимому слову. Мистеръ Кенджъ съ невыразимомъ удовольствіемъ слушалъ самого себя; часто качалъ головою въ тактъ мѣрныхъ рѣчей своихъ, или описывалъ рукою круги въ воздухѣ, большей или меньшей величины, смотря по растянутости или сжатости его закругленныхъ періодовъ. Онъ производилъ на меня глубокое впечатлѣніе даже и тогда, когда я узнала, что онъ корчитъ знатнаго лорда, одного изъ своихъ кліентовъ, и что его обыкновенно называютъ Кенджъ-разсказчикъ.

— Мистеръ Жарндисъ, продолжалъ онъ: — узнавъ о жалкомъ, скажу о безвыходномъ положеніи, юнаго друга нашего, предлагаетъ помѣстить ее въ заведеніе перваго класса, гдѣ наукою разовьютъ умъ ея, расширятъ горизонтъ ея понимапія, наблюдутъ за нравственными и физическими ея нуждами, ознакомятъ съ тѣми обязанностями и укрѣпятъ въ тѣхъ правилахъ, съ которыми она должна стремиться по пути жизни, указанномъ ей перстомъ Провидѣнія.

Digitized by Google

Сердце мое было исполнено умиленіемъ какъ къ тому, что̀ онъ говорилъ, такъ и къ плавной манерѣ его выражаться, до такой степени, что я, при всемъ желаніи, не могла произнести ни одного слова.

— Мистеръ Жарндисъ, продолжалъ онъ: — далекъ отъ всякихъ условій; онъ выражаетъ только надежду, что нашъ молодой другъ никогда не рѣшится оставить упомянутое заведеніе, не сообщивъ ему своихъ намѣреній и безъ личнаго его содѣйствія. Что нашъ молодой другъ прилежно займется науками, ведущими въ храмъ образованія, и всѣми предметами, которые, впослѣдствіи, составятъ опору и средства ея въ жизни, что она смѣлою стопою пойдетъ по стезѣ добродѣтели и чести и что, и проч., и проч...

Я еще менѣе способна была говорить, чѣмъ прежде.

— Теперь послушаемъ, что̀ скажетъ намъ молодой другъ нашъ, продолжалъ мистеръ Кенджъ: — соберитесь съ духомъ, подумайте! Я жду вашего отвѣта; но подумайте.

Что̀ хотѣла сказать я, существо столь отчужденное и заброшенное, на такое неожиданное предложеніе — трудно передать; легче было бы повторить мой отвѣтъ, еслибъ онъ достоинъ былъ повторенія. Но нѣтъ силъ, нѣтъ чувствъ передать тѣ ощущенія, которыя наполняли и будутъ наполнять, до послѣдней минуты моей жизни, бѣдное сердце мое.

Это свиданіе было въ Виндзорѣ, гдѣ, сколько я запомню, протекла вся молодость моя. Спустя недѣлю, роскошно-снабженная всѣмъ нужнымъ, оставила я это мѣсто и почтовая карета увезла меня въ Редингъ.

Мистриссъ Рахиль повидимому не огорчилась нашею разлукою; я же плакала горько. Мнѣ казалось, что, послѣ стольскихъ лѣтъ жизни подъ одной кровлей, я бы должна была лучше изучить ее, я бы должна была заслужить ея любовь до такой степени, чтобъ ее огорчила разлука со мною. Когда губы ея коснулись моего лба, мнѣ показалось, что на меня упала крупная капля холодной воды съ черепичной крыши — на дворѣ было холодно, я чувствовала себя такою ничтожною, такъ униженною, что не вытерпѣла, обняла ее и сказала: — я знаю, это моя вина, что вы со мной разстаетесь такъ холодно.

— Нѣтъ, Эсѳирь, отвѣтила она мнѣ: — причиной этому твое несчастіе!

Карета стояла передъ низенькой калиткой сада; мы вышли изъ дому, сейчасъ же, какъ услышали стукъ колесъ ея; итакъ я оставила мистриссъ Рахиль съ стѣсненнымъ сердцемъ. Она возвратилась въ домъ и затворила за собой дверь, прежде чѣмъ успѣли втащить мои ящики въ наши кареты; я смотрѣла на знакомую крышу чрезъ каретное окно и сквозь слезы, до-тѣхъ-поръ, пока не потеряла ея изъ виду. Крестная

Digitized by Google

мать моя оставила все свое маленькое состояніе мистриссъ Рахиль и въ домѣ назначенъ былъ аукціонъ. Старый шерстяной коверъ, на которомъ были вышиты розы и который казался мнѣ первою драгоцѣнностью въ мірѣ, былъ вывѣшенъ на дворѣ, на морозъ и снѣгъ. За два дня до моего отъѣзда, я завернула мою старую куколку въ ея шаль и — совѣстно, право, вспомнить — похоронила ее подъ деревомъ, осѣняющимъ окно моей бывшей горенки. Единственную подругу мою — птичку, я увезла съ собою въ клѣткѣ.

Когда домъ скрылся изъ виду, я поставила клѣтку въ ноги на солому, пересѣла на узкую переднюю скамейку, подъ большимъ окномъ, и стала любоваться на оледенѣлыя вѣтви деревьевъ, которыя блистали, какъ прекрасные кристаллы полеваго шпата, на поля, гладко-устланныя снѣгомъ; на солнце столь красное и столь мало-грѣющее, на полосы льду, металлическаго цвѣта, гдѣ ободъ колеса или подрѣзъ коньковъ сняли съ нихъ пушистый снѣгъ. Въ каретѣ былъ господинъ, закутанный въ нѣсколько одеждъ; онъ сидѣлъ противъ меня, но на меня не обращалъ никакого вниманія, а смотрѣлъ въ противоположное окно.

Я думала о покойной моей крестной матери, о ночи, въ которую послѣдній разъ читала ей о предсмертномъ выраженіи лица ея, холодномъ и суровомъ, о мѣстѣ моей поѣздки, о людяхъ, которыхъ тамъ встрѣчу, о томъ, на кого они похожи и что̀ они будутъ говорить со мной, какъ вдругъ раздалось надъ моимъ ухомъ:

— Что̀ это! вы все ревете...

Я такъ испугалась, что едва могла произнести шопотомъ: я, сэръ? Я была увѣрена, что этотъ энергическій возгласъ выходилъ изъ устъ закутаннаго господина, хотя онъ и смотрѣлъ въ противоположное окно.

— Да̀, вы, сказалъ онъ, быстро ко мнѣ повернувшись.

— Мнѣ кажется, я не пла̀чу, простонала я.

— Какъ не плачете!..

Онъ отеръ глаза мои одною изъ безчисленныхъ шалей, которыя его закутывали (однакожь, очень-деликатно) и, показавъ мнѣ, что она мокра, сказалъ:

— А это что̀, не плачете?

— Пла̀чу, сэръ, отвѣчала я.

— О чемъ же вы плачете? развѣ вы не хотите туда ѣхать?

— Куда, сэръ?

— Куда! Туда, куда вы ѣдете?

— Я очень-рада, что ѣду туда, сэръ.

— Ну, такъ что̀ же, будьте веселы!

Онъ мнѣ показался очень-страннымъ, или, лучше сказать, въ немъ

Digitized by Google

было много страннаго: снизу до самаго подбородка онъ былъ закутанъ, завернутъ во множество пальтò, шинелей и шалей; на головѣ его была мѣховая шапка, глубокая, какъ котелъ, съ широкими наушниками; она нахлобучивала его до самыхъ глазъ. Нѣсколько ободренная послѣдними словами его, я оправилась и безъ боязни разсказала ему, что горюю о кончинѣ моей крестной матери и о томъ, что мистриссъ Рахиль разсталась со мною такъ холодно.

— Что вамъ до мистриссъ Рахиль! сказалъ господинъ: — пусть она провалится сквозь землю!

Я опять испугалась его и смотрѣла на него съ удивленіемъ. Но взоръ его былъ ласковъ, хотя онъ и ворчалъ про-себя разную брань на голову мистриссъ Рахили.

Проѣхавъ немного, онъ разстегнулъ верхнюю *оболочку* свою, которая была такъ широка, что могла бы легко закутать всю карету, опустилъ руку въ глубочайшій боковой карманъ и сказалъ мнѣ:

— Посмотрите, въ этой бумажкѣ (которая была очень-красиво сложена) завернутъ кусочекъ лучшаго, сладкаго пирожка, какой только можно купить; на немъ въ два пальца толщины слой сахару. А вотъ маленькій французскій паштетъ (игрушка по величинѣ и достоинствамъ), и какъ вы думаете, чѣмъ начиненъ онъ? Печонками самыхъ жирныхъ гусенятъ. Славный паштетъ! Посмотримъ, будетъ ли онъ вамъ по вкусу — скушайте!

— Благодарю васъ, сэръ, сказала я: — благодарю васъ отъ всего сердца. Я надѣюсь, что вы не разсердитесь за мой отказъ, но мнѣ не хочется.

— *Опять прокатило,* сказалъ господинъ (что̀ значило это выраженіе—я совершенно-не поняла) и выбросилъ и то и другое за окошко.

Онъ больше со мной не разговаривалъ. Не доѣзжая немного до Ридинга, онъ вышелъ изъ кареты, простился со мной, пожалъ мнѣ руку, совѣтовалъ мнѣ быть доброй дѣвочкой и заниматься науками. Правду сказать, я была очень-рада, что осталась одна. Мы его выпустили у дорожнаго столба. Я долго впослѣдствіи не могла пройдти мимо этого мѣста, не вспомнивъ о немъ и не ожидая съ нимъ встрѣчи; однакожь, никогда не встрѣчала его; таким-образомъ, время отъ времени, я его забывала и наконецъ забыла совершенно.

Когда карета остановилась, очень-хорошенькая леди выглянула изъ окна и сказала:

— Миссъ Донни!

— Нѣтъ, сударыня, Эсѳирь Семерсонъ.

— Да̀, знаю, сказала леди: — миссъ Донни!

Digitized by Google

Я тогда поняла, что миссъ Донни ея имя, и что она мнѣ рекомендуется. Я поспѣшила попросить у нея прощенія за мою ошибку и показала, по ея желанію, мои ящики. Очень-красивая служанка уложила всѣ мои вещи въ задній сундукъ маленькой зеленой каретки, потомъ мы всѣ втроемъ, помѣстились внутри этого экипажа и поѣхали.

— Для васъ все готово, Эсѳирь, сказала миссъ Донни: — и распредѣленіе вашихъ занятій составлено совершенно-согласно желаніямъ вашего опекуна, мистера Жарндиса.

— Моего, сказали вы, сударыня?

— Вашего опекуна, мистера Жарндиса, повторила миссъ Донни.

Миссъ Донни была ко мнѣ очень-внимательна: боясь, чтобъ я не озябла, она дала мнѣ понюхать сткляночку съ духами.

— Вы знаете моего опекуна, мистера Жарндиса, сударыня? рѣшилась я спросить миссъ Донни, послѣ большаго замѣшательства.

— Лично я его не знаю, Эсѳирь, а знаю чрезъ повѣренныхъ въ его дѣлахъ, господъ Кенджа и Корбойя, изъ Лондона. Какой прекраснѣйшій человѣкъ мистеръ Кенджъ! какой краснорѣчивый! нѣкоторые изъ его періодовъ истинно-величественны.

Я была совершенно согласна съ этимъ; но замѣшательство, которое я чувствовала, не позволило мнѣ говорить. Быстрый пріѣздъ нашъ къ мѣсту назначенія еще болѣе увеличилъ мое замѣшательство и не далъ мнѣ времени оправиться; я никогда не забуду того сомнительнаго и сказочнаго впечатлѣнія, которое, каждая вещь въ Гринлифѣ (жилищѣ миссъ Донни) производила на меня, въ день моего пріѣзда.

Но я скоро привыкла ко всему. Я такъ быстро сроднилась съ заведеннымъ порядкомъ въ Гринлифѣ, какъ-будто вѣкъ прожила въ немъ, и мнѣ казалась, словно во снѣ, прошедшая жизнь моя въ Виндзорѣ, у моей крестной матери. Ничто на свѣтѣ не могло быть подчинено такому строгому, точному и непреложному порядку, какъ жизнь въ Гринлифѣ. Тамъ все дѣлалось по указаніямъ часовыхъ стрѣлокъ: на все назначено было свое время и все совершалось въ назначенную заранѣе минуту.

Насъ было двѣнадцать учениць и двѣ миссъ Донни-близнецы. Меня учили такъ, чтобъ современемъ я могла сдѣлаться гувернанткою, потому я не только изучала всѣ предметы, которые преподавались въ Гринлифѣ, но скоро пособляла наставницамъ, при обученіи другихъ дѣтей. Вотъ одно различіе, которое дѣлали между мною и другими ученицами; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, на насъ смотрѣли одинаковыми глазами. Чѣмъ больше я стала знать, тѣмъ больше могла учить; а потому занятія мои съ каждымъ днемъ увеличивались, чему

Digitized by Google

я была рада, потому-что это внушало ко мнѣ любовь другихъ дѣвочекъ. Наконецъ, если поступала къ намъ, въ заведеніе, новая ученица, грустная и несчастная, она была увѣрена — не знаю ужъ почему, что найдетъ во мнѣ друга и покровительницу, и всѣ, вновь поступающія, были отдаваемы мнѣ на руки. Онѣ говорили, что я очень-мила, между-тѣмъ, сами были очень-миленькія дѣвочки! Я часто думала о томъ словѣ, которое дала себѣ еще при жизни миссъ Барбары: стараться сдѣлаться ученой, довольной, добросердечной и сдѣлать кому-нибудь доброе дѣло, чтобъ заслужить чью-нибудь любовь... и клянусь, мнѣ совѣстно, что я, сдѣлавъ такъ мало, пріобрѣла такъ много.

Я провела въ Гринлифѣ шесть спокойныхъ, счастливыхъ лѣтъ. Ни на одномъ лицѣ, благодаря Бога, не читала я тамъ, въ день моего рожденья, тяжелыхъ словъ, что я родилась напрасно. Напротивъ, каждый такой день приносилъ мнѣ столько знаковъ любви, привязанности и памяти, что ими я украшала свою комнату отъ новаго года до Рождества.

Въ эти шесть лѣтъ я не оставляла Гринлифа (кромѣ нѣсколькихъ визитовъ въ праздничные дни по сосѣдству). Спустя мѣсяцевъ около шести послѣ моего здѣсь помѣщенія, я, съ совѣта миссъ Донни, написала мистеру Кенджу письмо, въ которомъ высказала ему, какъ умѣла, мое счастіе и мою благодарность. Я получила форменный отвѣтъ, увѣдомлявшій меня въ полученіи моего письма и говорящій; «мы выписали его содержаніе, которое будетъ въ свое время представлено нашему кліенту». Послѣ этого я иногда слыхала отъ миссъ Донни и ея сестры, какъ аккуратно платятся за меня деньги и, спустя два года, я рѣшилась написать второе подобное письмо. Съ слѣдующей почтой я получила точно такой же отвѣтъ, писанный тѣмъ же форменнымъ, круглымъ почеркомъ съ подписью Кенджъ и Карбой, подписанною другою рукою, которую я приняла за руку мистера Кенджа.

Мнѣ кажется удивительнымъ, что я все это должна писать о себѣ самой, какъ-будто этотъ разсказъ былъ разсказъ моей жизни; но скоро мое незамѣчательное *я* отойдетъ на заднiй планъ.

Шесть счастливыхъ лѣтъ (я это говорю ужъ второй разъ) я провела въ Гринлифѣ, видя въ лицахъ, меня окружающихъ, какъ въ зеркалѣ, каждый шагъ моей жизни, каждую ступень моего возраста. Въ одно прекрасное утро, въ ноябрѣ, я получила слѣдующее письмо.

...года ...дня. №....

Старый Скверъ. Линкольнская Палата. по дѣлу Жарндисовъ.

Милостивая государыня!

Нашъ кліентъ мистеръ Жарндисъ, согласно ордеру Палаты Высшей Канцеляріи, изъясненному въ §§... главы... тома... беретъ подъ свою

Digitized by Google

опеку дѣвушку, состоящую по записи въ вышеупомянутой Палатѣ, и желаетъ, чтобъ вы оказали ваше пособіе и содѣйствіе въ ея образованіи.

Принимая во вниманіе просьбу мистера Жарндиса, мы имѣемъ честь увѣдомить васъ, что будущее воскресенье, въ восемь часовъ утра, васъ будетъ ожидать почтовая карета, въ которой вы имѣете отправиться изъ Ридинга въ Лондонъ въ гостинницу Бѣлаго Коня, гдѣ встрѣтитъ васъ одинъ изъ нашихъ писарей и будетъ имѣть честь препроводить васъ въ палату, вышерѣченной Обер-Канцеляріи (*).

Примите увѣреніе и проч.
покорные слуги ваши
Кенджъ и Корбай.

Миссъ
Эсѳири Семерсонъ.

О! никогда, никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произвело это письмо на всѣхъ насъ, обитательницъ Гринлифа. Сколько чувствъ, сколько нѣжныхъ попеченій видѣла я отъ подругъ моихъ; ка̀къ я благодарила Бога, что Онъ не забылъ меня, круглую сироту, смягчилъ и изгладилъ путь моей жизни и привязалъ ко мнѣ столько нѣжныхъ, юныхъ сердецъ. Мнѣ тяжело было видѣть слезы ихъ, ихъ печаль при мысли о разлукѣ со мною. Не то, чтобъ мнѣ хотѣлось видѣть ихъ равнодушнѣе, спокойнѣе; я должна сознаться—нѣтъ; но удовольствіе, грусть, самодовольствіе, радость, томительная печаль отъ выраженія глубокихъ чувствъ ихъ, были такъ перемѣшаны во мнѣ, что сердце разрывалось на части и въ то же время было исполнено восторгомъ.

Письмо назначало мнѣ выѣздъ черезъ пять дней. Боже! ка̀къ билось сердце мое, когда каждая минута въ эти пять дней служила новымъ доказательствомъ любви и привязанности моихъ подругъ; когда настало послѣднее утро и когда онѣ повели меня по всѣмъ комнатамъ, чтобъ я оглядѣла ихъ въ послѣдній разъ, и когда однѣ говорили мнѣ: «милая Эсѳирь, простись со мной около моей постели; вотъ здѣсь, гдѣ въ первый разъ ты такъ нѣжно заговорила со мною!» Другія просили написать имъ, въ знакъ памяти, что я буду ихъ вѣчно любить; и когда онѣ всѣ окружили меня, подносили свои прощальные подарки и со слезами говорили мнѣ: «что̀ будетъ съ нами безъ нея, безъ нашей милой Эсѳири?» и когда я старалась высказать имъ, ка̀къ онѣ были снисходительны и добры ко мнѣ, ка̀къ я благословляю ихъ и благодарю каждую изъ нихъ... Боже! ка̀къ билось сердце мое, когда обѣ миссъ Донни грустили о разлукѣ со мной не менѣе чѣмъ послѣдняя изъ подругъ моихъ;

---

(1) Форменныя бумаги въ англійскомъ судопроизводствѣ пишутся по-большей-части подъ титлами.

когда служанки говорили: «да будетъ надъ вами повсюду благословеніе Божіе, миссъ»; когда уродливый, хромоногій, старый привратникъ, который, мнѣ казалось, не обращалъ на меня никакого вниманія, заковылялъ за каретой, чтобъ поднести мнѣ, на прощанье, маленькій букетъ гераніума и сказалъ: «прощайте, миссъ, прощайте свѣтъ моихъ глазъ», право! «Богъ васъ не покинетъ!...»

И могла ли я послѣ всего этого удержаться, чтобъ не воскликнуть нѣсколько разъ: «Боже, ка̀къ я счастлива! Боже, ка̀къ Ты милостивъ ко мнѣ!» Послѣ того, когда, проѣзжая приходское училище, я увидѣла бѣдныхъ дѣтей, махавшихъ мнѣ платками и шляпами, увидѣла сѣдовласыхъ джентльмена и леди, которымъ я пособляла въ образованіи ихъ дочери, которыхъ иногда посѣщала (они считались большими горденами въ околоткѣ) и которые съ полнымъ простодушіемъ кричали мнѣ: «прощайте, Эсѳирь! Дай Богъ, чтобъ вы были счастливы!» могла ли я удержаться отъ слезъ и рыданій?

Однакожь, я скоро одумалась; мнѣ казалось, что, послѣ всего, что̀ сдѣлано для меня, мнѣ грѣшно явиться въ слезахъ туда, куда я ѣхала. Я старалась успокоить себя; я твердила себѣ постоянно: «не плачь Эсѳирь, не годится», и такимъ-образомъ понемногу стала приходить въ себя (по правдѣ, не такъ скоро, какъ бы слѣдовало), и наконецъ, освѣживъ глаза лавандовой водой, я обратилась мысленно къ Лондону.

Я была увѣрена, что мы ужь въ Лондонѣ, когда отъѣхали не болѣе десяти миль отъ Гринлифа; а пріѣхавъ, въ-самомъ-дѣлѣ въ Лондонъ, я думала, что мы никогда туда не попадемъ. По правдѣ, когда карета наша запрыгала по каменной мостовой, когда мнѣ казалось, что или мы передавимъ нѣсколько экипажей, или насъ задавятъ чужія лошади, я начала догадываться о скоромъ концѣ нашего путешествія. Скоро послѣ этого мы остановились.

Молодой господинъ, должно-быть, случайно-замаравшійся въ чернилахъ, увидѣвъ меня въ остановившемся экипажѣ, сказалъ:—добраго дня, миссъ, я отъ Кенджа и Корбая, изъ Линкольнской Палаты.

— Очень-рада, сэръ, сказала я.

Онъ былъ очень-любезенъ, отправилъ вещи мои по назначенію и предложилъ мнѣ сѣсть въ фіакръ.

— Скажите, сэръ, спросила я его испуганнымъ голосомъ: — вблизи долженъ быть большой пожаръ? потому-что улицы покрыты были густымъ, сѣрымъ дымомъ, непозволяющимъ различать предметы даже въ нѣсколькихъ шагахъ.

— О нѣтъ, миссъ, это особенность Лондона.

— Я никогда объ этомъ не слыхала.

— Туманъ миссъ — вотъ и все.

— Ужели!

Мы тихо ѣхали по грязнѣйшимъ и темнѣйшимъ улицамъ, какія только можетъ создать воображеніе; посреди такого гвалта и шума, что я дивилась, какъ могъ уцѣлѣть у насъ разсудокъ; наконецъ, проѣхавъ подъ сводомъ старыхъ воротъ, мы очутились среди безмолвнаго сквера и приближались къ углу стараго зданія, входъ въ которое состоялъ, подобно церковному входу, изъ широкихъ каменныхъ ступеней. Въ-самомъ-дѣлѣ здѣсь было кладбище: я видѣла надгробные камни сквозь окна, освѣщающія лѣстницу.

Это была контора Кенджа и Корбая. Молодой господинъ провелъ меня черезъ контору въ кабинетъ мистера Кенджа (тамъ никого не было), вѣжливо поставилъ мнѣ кресла передъ каминомъ и, указавъ на маленькое зеркальцо, висѣвшее на гвоздѣ, сказалъ:

— Въ случаѣ, миссъ, еслибъ вы пожелали оправиться послѣ столь долгаго пути, прежде чѣмъ вы будете представлены лорду-канцлеру... впрочемъ, кажется, въ этомъ нѣтъ никакой надобности...

— Я должна представиться канцлеру? сказала я, нѣсколько смутившись.

— Это такъ, одна только форма, миссъ, возразилъ молодой человѣкъ. —Мистеръ Кенджъ теперь въ судѣ. Онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Если вамъ угодно что-нибудь скушать, миссъ (на маленькомъ столикѣ стояла корзинка съ бисквитами и графинъ съ виномъ), или взглянуть въ газеты (онъ мнѣ подалъ нѣсколько листовъ); затѣмъ, онъ помѣшалъ въ каминѣ, раскланялся и оставилъ меня одну.

Все мнѣ казалось очень-страннымъ; всего страннѣе были для меня сумерки среди дня, бѣлое пламя свѣчей, холодъ и сырость, несмотря на огонь въ каминѣ, такъ-что я читала газеты, не понимая ни одного слова и соскучившись повтореніемъ одного и того же, я положила листы на столъ, взглянула въ зеркало, осмотрѣла вполовину-освѣщенную комнату, грязные пыльные столы, кучи исписанной бумаги, шкапъ съ книгами, безъ всякаго заглавія на корешкѣ, какъ-будто въ нихъ не было никакого содержанія; потомъ задумалась и думала, думала, думала... огонь въ каминѣ пылалъ, пылалъ и пылалъ; свѣчки трещали, оплывали и нагорали... щипцовъ не было... Наконецъ, спустя два часа времени, молодой человѣкъ вернулся и принесъ пару грязныхъ щипцовъ.

Явился и мистеръ Кенджъ. Онъ нисколько не измѣнился, но былъ удивленъ перемѣною во мнѣ и, кажется, остался доволенъ.

— Такъ-какъ вы, миссъ Семерсонъ, будете компаньйонкой молодой леди, которая теперь находится въ отдѣльной комнатѣ лорда-канцлера,

Digitized by Google

сказалъ мистеръ Кенджъ:—то мы сочли за лучшее просить и васъ въ эту комнату, пока лордъ-канцлеръ не потребуетъ васъ къ себѣ. Я не думаю, миссъ, чтобъ вы боялись лорда-канцлера.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчала я: — кажется, мнѣ нечего его бояться. И въ-самомъ-дѣлѣ, я это говорила отъ чистаго сердца.

Мистеръ Кенджъ подалъ мнѣ руку, мы вышли изъ его комнаты, прошли подъ длинной колоннадой, потомъ длиннымъ корридоромъ обогнули уголъ зданія и взошли въ очень-комфортэбльную комнату. Въ большомъ каминѣ былъ разведенъ большой огонь; молоденькая дѣвушка и молодой человѣкъ, облокотясь на экранъ, стояли передъ каминомъ и разговаривали между собой.

Они взглянули на насъ и я увидѣла, при свѣтѣ камина, что молодая дѣвушка была очаровательной наружности, съ такими роскошными, золотистыми волосами, съ такими ясными, голубыми глазами, съ такимъ открытымъ, невиннымъ, утѣшительнымъ выраженіемъ лица!

— Миссъ Ада, сказалъ мистеръ Кенджъ:—рекомендую вамъ миссъ Семерсонъ.

Она пошла мнѣ на ветрѣчу, съ самой дружеской улыбкой протянула-было руку, но вдругъ измѣнила свое намѣреніе, обняла и поцаловала меня. Словомъ, у нея была такая естественная, обворожительная манера, что не прошло пяти минутъ, какъ мы ужь сидѣли вмѣстѣ у окна, освѣщенныя ярко пламенемъ камина, и разговаривали между собой такъ легко, съ такимъ завиднымъ удовольствіемъ, какъ нельзя больше.

Какъ отлегло отъ сердца, когда я увидѣла, что она довѣрится мнѣ и полюбитъ меня! Сколько съ ея стороны было это великодушно, столько и утѣшительно для меня.

Молодой человѣкъ, ея отдаленный родственникъ, сказала она мнѣ, и его зовутъ Ричардъ Карстонъ. Онъ очень-красивъ собою: такое развитое лицо, такой звонкій, увлекающій смѣхъ. Она его подозвала къ намъ, онъ сталъ противъ насъ и болталъ весело и откровенно. Онъ былъ очень-молодъ: больше девятнадцати лѣтъ никакъ нельзя было дать ему; однакожь, сравнительно съ ней, онъ казался старше двумя годами. Они оба сироты и, что̀ было для меня всего удивительнѣе и неожиданнѣе, никогда не видались между собою до сегодня. Встрѣча насъ троихъ въ первый разъ, въ такомъ необыкновенномъ мѣстѣ, достойна была разговора и мы говорили объ этомъ, а огонь пересталъ, между-тѣмъ, трещать и пылать, и только моргалъ на насъ красными глазами своими, подобно, какъ выразился Ричардъ — засыпающему, старому льву Обер-Канцеляріи.

Мы разговаривали между собою вполголоса, потому-что, какой-то

Digitized by Google

господинъ, въ полной судейской формѣ, и въ стогообразномъ парикѣ, безпрестанно входилъ къ намъ и выходилъ изъ нашей комнаты; когда онъ отворялъ дверь, слышался вдали невнятный голосъ—это рѣчь, какъ намъ сказали, докладчика лорду-канцлеру по нашему дѣлу. Господинъ въ парикѣ сказалъ мистеру Кенджу, что лордъ-канцлеръ окончитъ черезъ пять минутъ засѣданіе, и вскорѣ мы услышали шумъ, топотъ и шарканье ногами, и мистеръ Кенджъ сказалъ намъ, что палата распущена и высокій лордъ въ сосѣдней комнатѣ.

Стогообразный парикъ отворилъ тотчасъ же дверь и попросилъ мистера Кенджа пожаловать. Мы всѣ пошли въ сосѣднюю комнату, впереди мистеръ Кенджъ съ моею милочкой — это названіе пишется невольно, я такъ съ нимъ свыклась; тамъ, за столомъ, поставленнымъ передъ каминомъ, одѣтый съ ногъ до головы въ черное, сидѣлъ въ креслахъ высокій лордъ-канцлеръ, а тога его, съ золотымъ позументомъ, лежала на другихъ креслахъ. При входѣ нашемъ, лордъ бросилъ на насъ испытующій взглядъ, но манера его была вѣжлива и ласкова.

Стогообразный парикъ положилъ на столъ, передъ лордомъ канцлеромъ, связку бумагъ; высокій лордъ, молча, выбралъ нѣсколько листовъ и сталъ разсматривать ихъ.

— Миссъ Клеръ, сказалъ онъ: — миссъ Ада Клеръ?

Мистеръ Кенджъ представилъ ее и высокій лордъ предложилъ ей сѣсть рядомъ съ собою. Я въ минуту замѣтила, что онъ былъ пораженъ и заинтересованъ ею. Мнѣ грустно было думать, что родительскій кровъ такого милаго существа былъ замѣненъ для нея чуждымъ и офиціальнымъ мѣстомъ. Высокій лордъ-канцлеръ, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, казался неспособнымъ къ обнаруженію родительской нѣжности и любви.

— Жарндисъ, о которомъ идетъ дѣло, сказалъ лордъ-канцлеръ, перевернувъ страницу: — это Жарндисъ изъ Холоднаго Дома?

— Жарндисъ изъ Холоднаго Дома, милордъ, возразилъ мистеръ Кенджъ.

— Печальное названіе! сказалъ лордъ-канцлеръ.

— Но не печальное мѣсто въ настоящую минуту, милордъ, сказалъ мистеръ Кенджъ.

— Холодный Домъ, сказалъ высокій лордъ: — лежитъ?..

— Въ Гертфордшайрѣ, милордъ.

— Мистеръ Жарндисъ, изъ Холоднаго Дома, холостъ?

— Холостъ, милордъ.

Молчаніе.

— Молодой мистеръ Ричардъ Карстонъ здѣсь? сказалъ высокій лордъ-канцлеръ, взглянувъ на него.

Digitized by Google

Ричардъ поклонился и выступилъ впередъ.

— Гм! произнесъ лордъ и перевернулъ нѣсколько листовъ.

— Мистеръ Жарндисъ изъ Холоднаго Дома, милордъ, сказалъ мистеръ Кенджъ тихимъ голосомъ: — если я осмѣлюсь напомнить вашей милости, избралъ въ компаньйонки для...

— Для мистера Ричарда Карстона? Такъ по-крайней-мѣрѣ показалось мнѣ (однакожь не выдаю за вѣрное), его милость говорилъ шопотомъ и съ улыбкой.

— Для мисс Ады Клеръ. Вотъ молодая дѣвушка, миссъ Семерсонъ.

Его милость бросилъ на меня снисходительный взглядъ и отвѣтилъ весьма-ласково на мой поклонъ.

— Миссъ Семерсонъ, кажется, не принадлежитъ по родству ни къ одной изъ партій процеса?

— Не принадлежитъ, милордъ.

Послѣ этого отвѣта мистеръ Кенджъ нагнулся къ уху лорда-канцлера и что-то шепнулъ ему. Милордъ, смотря въ бумагу, выслушалъ его, два или три раза кивнулъ головою, въ знакъ согласія, перевернулъ нѣсколько листовъ и больше не взглянулъ на меня ни разу, пока мы съ нимъ не распростились. Мистеръ Кенджъ отошелъ съ Ричардомъ въ сторону, ближе къ двери, гдѣ я стояла, оставивъ мою милочку (не могу иначе назвать ее) возлѣ лорда-канцлера; онъ говорилъ съ нею тихо, спрашивалъ ее, какъ она впослѣдствіи мнѣ разсказала, хорошо ли она обдумала предложеніе мистера Жарндиса изъ Холоднаго Дома, думаетъ ли она, что будетъ счастлива подъ его опекою, и почему такъ думаетъ? Послѣ этого разговора онъ всталъ, вѣжливо поклонился ей и обратился къ Ричарду Карстону; съ нимъ онъ говорилъ двѣ или три минуты стоя, а не сидя, и вообще съ бо́льшей свободой и ме́ньшей церемоніей, какъ-будто онъ все еще помнилъ, хотя и возвысился до лорд-канцлерскаго достоинства, что прямая дорога — лучшій доступъ къ откровенному, юношескому сердцу.

— Очень-хорошо! сказалъ милордъ громко. — Я отдамъ приказаніе. Мистеръ Жарндисъ, изъ Холоднаго Дома, избралъ, сколько я могу судить (это сопровождалось взглядомъ на меня), очень-достойную компаньйонку для молодой леди и все устроилось, согласно обстоятельствамъ, такъ хорошо, какъ только желать можно.

Онъ отпустилъ насъ дружески и мы были исполнены благодарности за его ласку и вѣжливость, вмѣстѣ съ которыми онъ, конечно, не ронялъ своего достоинства, но, напротивъ, еще болѣе выигралъ въ нашихъ глазахъ.

Digitized by Google

Взойдя подъ колоннаду, мистеръ Кенджъ вспомнилъ, что ему надо на минуту вернуться назадъ, чтобъ о чемъ-то спросить лорда-канцлера; онъ оставилъ насъ среди тумана, съ людьми и экипажемъ лорда, ожидавшими его выхода.

— Ну, слава Богу, сказалъ Ричардъ Карстонъ: — это кончилось! Куда-то мы теперь пойдемъ, миссъ Семерсонъ?

— Вы развѣ не знаете? сказала я.

— Ровно ничего не знаю.

— А вы знаете ли, моя душенька? спросила я Аду.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — а вы?

— И я не знаю! сказала я.

Мы посмотрѣли другъ на друга и расхохотались; какъ дѣти, заплутавшіяся въ лѣсу, мы не знали куда идемъ. Вдругъ странная, маленькая старушонка, въ измятомъ чепцѣ, съ большимъ ридикюлемъ, подошла къ намъ, улыбаясь и дѣлая книксены съ китайскими церемоніями.

— Знаю! сказала она: — знаю, Жарндисы! Очень-рада, имѣю честь рекомендоваться! Прекрасное предзнаменованіе: молодость, надежда и красота; попались сюда и не знаютъ какъ выйдти!

— Сумасшедшая! проговорилъ Ричардъ, забывъ, что она можетъ его слышать.

— Точно, сумасшедшая, молодой господинъ, сказала она съ такою поспѣшностью, что онъ весь вспыхнулъ: — я также была здѣсь подъ опекой. Тогда я не была сумасшедшая; каждая фраза ея сопровождалась низкимъ книксеномъ и улыбкою. — Я была молода! я имѣла надежду! даже была хороша собой — теперь все пропало! Ни красота, ни молодость, ни надежда ни къ чему не послужили. Я имѣю честь быть всегда въ Палатѣ, съ документами: жду рѣшенія, да! Прошу, примите поздравленіе.

Ада нѣсколько была испугана этимъ неожиданнымъ знакомствомъ. Желая успокоить ее и бѣдную старушку, я сказала ей, что мы ее благодаримъ и желаемъ ей здоровья.

— Ко-не-чно! сказала она.—Я думаю! Вотъ и Кенджъ-разсказчикъ. При немъ его документы! Какъ здоровье вашей свѣтлости?

— Благодарю, благодарю; не безпокойтесь добрая женщина, сказалъ мистеръ Кенджъ отводя насъ въ сторону.

— Нисколько не безпокоюсь, сказала бѣдная старушка, разставаясь съ нами. Я пожелала имъ счастья — вотъ и всё... Это не безпокойство! Жду рѣшенія... очень-скоро... Хорошее предзнаменованіе для васъ. Поздравляю васъ!

Она остановилась у нижней ступени каменной лѣстницы, на которую

Digitized by Google

мы взошли, и, провожая насъ глазами, дѣлала книксены, улыбалась и твердила: — молодость, надежда, красота, канцелярія, Кенджъ-разсказчикъ! ха! ха! Прощайте, прощайте.

ГЛАВА IV.

МИКРОСКОПИЧЕСКАЯ ФИЛАНТРОПІЯ.

— Мы должны провести ночь, сказалъ намъ мистеръ Кенджъ, когда мы возвратились въ его комнату:—въ домѣ мистриссъ Желлиби, и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ, что онъ увѣренъ заранѣе, что я знаю, кто такая мистриссъ Желлиби?

— Я, впрочемъ, не знаю, сэръ, отвѣчала я: — можетъ-быть, мистеръ Карстонъ или миссъ Клеръ не знаютъ ли?

Однакожь нѣтъ, никто изъ нихъ ничего не зналъ, касательно мистриссъ Желлиби.

— Не-уже-ли! Мистриссъ Желлиби... произнесъ мистеръ Кенджъ, ставъ спиною къ камину и устремивъ взоръ свой на пыльный коверъ, лежащій на полу, какъ-будто на немъ была біографія этой знаменитой леди: — мистриссъ Желлиби, особа съ замѣчательною силою характера; она посвящаетъ себя совершенно-общему благу. Въ разные періоды жизни она занималась разнообразными общественными вопросами и нынѣ, пока что-нибудь другое не обратитъ на себя ея вниманіе, она поглощена совершенно Африкою, въ видахъ размноженія кофейныхъ плантацій—туземцевъ и безопасныхъ колоній по берегамъ африканскихъ рѣкъ, для занятія сильно-развивающимся народонаселеніемъ нашего отечества. Мистеръ Жарндисъ, всегда готовый протянуть руку помощи всякому предпріятію, которое можетъ назваться благодѣтельнымъ и вызвать одобрительный отзывъ филантроповъ, цѣнитъ, я увѣренъ, очень-высоко замѣчательныя качества мистриссъ Желлиби.

При послѣднемъ словѣ мистеръ Кенджъ поправилъ узелъ галстуха и посмотрѣлъ на насъ.

— А мистеръ Желлиби, сэръ? спросилъ Ричардъ.

— Мистеръ Желлиби, гм! сказалъ мистеръ Кенджъ: — это... это; но я думаю, что отрекомендую его всего вѣрнѣе, если скажу, что онъ законный супругъ мистриссъ Желлиби.

— То-есть просто нуль, сэръ? сказалъ Ричардъ съ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Я этого не говорю, возразилъ мистеръ Кенджъ серьёзнымъ тономъ: — я не могу сказать этого, потому-что, по правдѣ, ничего не

Digitized by Google

знаю касательно мистера Желлиби. Сколько помню, я никогда не имѣлъ удовольствія видѣть мистера Желлиби. Онъ, можетъ-быть, очень-замѣчательный человѣкъ, но онъ, такъ сказать, совершенно погруженъ, совершенно уничтожается въ блестящихъ качествахъ достойной супруги своей.

Мистеръ Кенджъ объявилъ намъ, что до Холоднаго Дома далеко; что поѣздка туда, въ такой темный вечеръ, тягостна и скучна, тѣмъ болѣе, что мы ужь утомлены путешествіемъ, и что мистеръ Жарндисъ самъ пожелалъ оставить насъ на ночь у мистриссъ Желлиби; а завтра, тотчасъ послѣ ранняго обѣда, будетъ готовъ экипажъ для отъѣзда нашего изъ города.

Затѣмъ, онъ позвонилъ въ маленькій колокольчикъ; явился молодой джентльменъ. Называя его Гуппи, мистеръ Кенджъ спросилъ его отправлены ли наши вещи? Отправлены, отвѣчалъ мистеръ Гуппи и прибавилъ, что у подъѣзда дожидается карета, съ тѣмъ, чтобъ свезти и насъ за вещами, какъ скоро мы пожелаемъ ѣхать.

— Итакъ, мнѣ только остается, сказалъ мистеръ Кенджъ, пожимая намъ руки:—выразить то живое удовольствіе (добраго дня, миссъ Клеръ), которое я чувствую, видя васъ вмѣстѣ (прощайте, миссъ Семерсонъ!) и надежду, что вы не замедлите быть счастливыми (очень-радъ, что имѣлъ честь съ вами познакомиться, мистеръ Карстонъ) и пойдете по пути чести и справедливости! Гуппи, вы отправитесь туда же съ ними.

— Куда это туда, мистеръ Гуппи? спросилъ Ричардъ, когда мы спускались съ лѣстницы.

— Недалеко отсюда, сказалъ мистеръ Гуппи: — близь Тевейской Гостинницы — вы знаете?

— Ничего не знаю; я всегда жилъ въ Винчестерѣ и въ Лондонѣ первый день.

— Сейчасъ за угломъ, сказалъ мистеръ Гуппи.—Пройдемъ Канцелярскій Переулокъ, пересѣчемъ Гольборнскую Улицу и черезъ двѣ минуты тутъ какъ тутъ. А что жь, лондонская-то особенность миссъ, гм! пожаръ?.. И онъ кажется очень хотѣлъ поострить на мой счетъ.

— Дà, въ-самомъ-дѣлѣ туманъ очень-густъ, сказала я.

— Кажется, онъ вамъ не во вредъ, сказалъ мистеръ Гуппи, откидывая подножки кареты: — напротивъ, можно сказать, судя по вашей наружности, что онъ вамъ приноситъ пользу.

Такой нѣжный комплиментъ разсмѣшилъ меня до слезъ; наконецъ дверцы кареты захлопнулись и мистеръ Гуппи помѣстился на кòзлахъ. Мы втроемъ говорили и смѣялись надъ нашею неопытностью, толковали о странностяхъ Лондона, пока не остановились у воротъ дома, къ которому ѣхали. Онъ находился въ ряду высочайшихъ домовъ узкой улицы

Digitized by Google

очень-похожей на длинную систерну для тумана. У подъѣзда стояла толпа народа, преимущественно дѣтей, и надъ дверью была прибита довольно-грязная мѣдная дощечка съ надписью Желлиби.

— Не испугайтесь! сказалъ мистеръ Гуппи, взглянувъ къ намъ въ каретное окно: — одинъ изъ маленькихъ Желлибятъ просунулъ голову между перилъ и не можетъ вытащить назадъ.

— О бѣдное дитя! сказала я: — выпустите меня ради Бога.

— Будьте осторожны, миссъ: маленькіе Желлибята очень-злы, сказалъ мистеръ Гуппи.

Я бросилась къ бѣдному ребенку, который былъ одинъ изъ самыхъ грязныхъ бѣдняковъ, какихъ когда-нибудь случалось мнѣ видѣть. Голова у него затекла; онъ былъ испуганъ и громко кричалъ, находясь между двумя толстыми желѣзными прутьями перилъ; между-тѣмъ продавецъ молока и хлѣбникъ съ самыми чистыми намѣреніями тащили его за ноги назадъ, будучи, я полагаю, убѣждены, что голова его сожмется подъ вліяніемъ ихъ усилія и маленькій Желлиби выйдетъ цѣлъ и невредимъ изъ своей засады, на радость своей родительницѣ. Я замѣтила, успокоивъ прежде ребенка, что голова его была отъ природы очень-велика и потому пришла къ естественному заключенію, что тамъ гдѣ просунулась голова его, непремѣнно пройдетъ и весь его корпусъ, а потому и посовѣтовала протолкнуть его впередъ. Мысль эта такъ понравилась продавцу молока и хлѣбнику, что, еслибъ я не удержала бѣднаго ребенка за платье, они въ одну минуту спустили бъ его на мостовую; между-тѣмъ Ричардъ и мистеръ Гуппи сошли внизъ, чтобъ, въ случаѣ неудачи, подхватить ребенка; наконецъ, всѣ препятствія были превозможены и мальчикъ освобожденъ; но, вмѣсто благодарности, онъ сталъ колотить палкою, отчаяннымъ образомъ, мистера Гуппи.

Изъ принадлежащихъ къ дому никто не являлся, исключая одной особы въ патенахъ (¹), которую вытолкнули къ ребенку метлою изъ нижняго этажа, не знаю для какой цѣли, да и она, кажется, не знала зачѣмъ. Я поэтому полагала, что мистриссъ Желиби нѣтъ дома, и была удивлена, когда другая особа явилась въ корридорѣ и, идя впередъ насъ къ заднимъ комнатамъ нижняго этажа, произнесла громко: «вотъ двѣ молодыя леди миссисъ Желлиби!» Мы миновали нѣсколько дѣтей, которыхъ легко было задавить въ темнотѣ. Когда мы явились предъ очи мистриссъ Желлиби, одна изъ малютокъ упала съ лѣстницы и просчитала (что было слышно по шуму) головою всѣ ступени.

(¹) Особеннаго рода калоши, употребляемыя въ Англіи простолюдинами (patens).

Digitized by Google

Мистрисъ Желлиби, лицо которой ни одною чертою не выразило безпокойства насчетъ падающаго ребенка, между-тѣмъ, какъ мы не могли скрыть нашего испуга (послѣ Ричардъ говорилъ, что онъ счелъ до семи ударовъ), приняла насъ съ совершеннымъ спокойствіемъ. Она была хорошенькая собой, очень-маленькая, кругленькая женщина, между сорока и пятидесятью годами, съ красивыми глазами, которые имѣли странное свойство казаться смотрящими постоянно вдаль, какъ-будто (я опять приведу слова Ричарда) они ничего не были способны видѣть ближе Африки.

— Я очень-рада, сказала мистриссъ Желлиби пріятнымъ голосомъ: — что имѣю удовольствіе видѣть васъ у себя въ домѣ. Я слишкомъ-много уважаю мистера Жарндиса, и никто изъ тѣхъ, въ комъ онъ принимаетъ участіе, не можетъ здѣсь встрѣтить равнодушіе.

Мы выразили нашу благодарность и сѣли позади двери, гдѣ, на софѣ, былъ хромой инвалидъ. У мистриссъ Желлиби славные волосы; но, будучи занята слишкомъ-много африканскими обязанностями, она не имѣла времени причесываться. Шаль, прикрывавшая ея плечи, свалилась на кресло; когда она пошла намъ на встрѣчу и когда она повернулась къ намъ спиною, чтобъ снова сѣсть, мы не могли не замѣтить, что платье ея далеко не сходится и прорѣшка задѣлана плетнемъ изъ шнурка, подобно бесѣдкѣ.

Комната, засоренная бумагами и почти вся занятая большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ также бумагами, содержалась не только очень-нечисто, но даже очень-грязно. Такъ убѣждалъ насъ нашъ органъ зрѣнія, какъ органъ слуха убѣдилъ насъ, что бѣдный ребенокъ просчиталъ головою всѣ ступени лѣстницы и плакалъ до-тѣхъ-поръ, пока кто-то, въ кухнѣ, не зажалъ ему рта.

Но всего болѣе поразила насъ изнуренная и болѣзненная, но вовсе недурная собою, дѣвочка, которая сидѣла за письменнымъ столомъ, грызла перо и смотрѣла на насъ. Трудно вообразить себѣ, какъ она была испачкана чернилами; замѣчательно, что, начиная съ растрепанныхъ волосъ до красивой ножки, изуродованной гадкимъ, атласнымъ башмакомъ, стоптаннымъ на пяткѣ, ни одна вещь изъ ея костюма, не исключая даже булавокъ, не была тамъ, гдѣ нужно, то-есть на свойственномъ ей мѣстѣ.

— Вы застали меня, мои милыя... сказала мистриссъ Желлиби, и при этомъ сняла съ двухъ огромныхъ свѣчей, поставленныхъ въ свинцовыхъ подсвѣчникахъ, отчего распространился по комнатѣ сильный запахъ свѣчнаго сала (огонь въ каминѣ потухъ и кромѣ золы, кочерги и нѣсколькихъ полѣнъ, ничего не было на рѣшеткѣ): — вы застали

Digitized by Google

меня, мои милыя, какъ это всегда бываетъ, въ трудахъ; но вы, вѣрно, простите мнѣ. Проекты, касательно Африки, поглощаютъ все мое время. Они вовлекли меня въ переписку со многими клубами человѣколюбивыхъ обществъ и со многими частными людьми, которые выше всего ставятъ пользу человѣчества. Теперь я съ гордостью могу сказать, что мы идемъ впередъ. Мы надѣемся, что, при нашемъ содѣйствіи, съ будущаго года отъ полутораста до двухъ-сотъ семействъ, цвѣтущихъ здоровьемъ и благосостояніемъ, займутся развитіемъ кофейныхъ плантацій и умовъ туземцовъ Борріобула-Гха, по лѣвому берегу Нигра.

Такъ-какъ Ада молчала и только смотрѣла на меня, то я сочла долгомъ сказать мистриссъ Желлиби, что такіе успѣхи должны, безъ-сомнѣнія, радовать ея филантропическое сердце.

— Да̀, это меня очень радуетъ, сказала мистриссъ Желлиби: — хотя эти труды требуютъ напряженія всѣхъ силъ моихъ; однако, это ничего, еслибъ только все шло къ-лучшему, и я съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе убѣждаюсь въ успѣхѣ. Знаете ли, миссъ Семерсонъ, я часто удивляюсь, ка̀къ *вы* не обратили вашихъ мыслей на Африку?

Такой неожиданный оборотъ рѣчи такъ поразилъ меня, что, не успѣвъ ничего сообразить, я попробовала что-то намекнуть о климатѣ.

— Самый лучшій климатъ во всемъ мірѣ!.. сказала мистриссъ Желлиби.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, миледи?

— Конечно. Но во всемъ нужна предосторожность, сказала мистриссъ Желлиби: — вы пойдете, напримѣръ, по Гольнборской Улицѣ, безъ осторожности и можете попасться подъ лошадь. Вы пойдете по Гольнборнской Улицѣ съ предосторожностью—и никогда не попадете подъ лошадь. Точно такъ и съ Африкой.

— Безъ-сомнѣнія, сказала я, думая о Гольнборнской Улицѣ.

— Не хотите ли взглянуть, сказала мистриссъ Желлиби, подсунувъ намъ кучу бумагъ: — на эту статью и замѣчанія, гдѣ, въ общихъ чертахъ, вы найдете обозрѣніе того предмета, который такъ для меня важенъ; а я, между-тѣмъ, съ вашего позволенія, окончу письмо; моя старшая дочь, миссъ, она замѣняетъ мнѣ секретаря.

Дѣвочка, замѣняющая секретаря, перестала грызть перо и отвѣтила на нашъ поклонъ полу-конфузно, полу-сердито.

Мы сейчасъ кончимъ, продолжала мистриссъ Желлиби съ пріятной улыбкой: — хотя трудъ мой нескончаемъ. На чемъ мы остановились, Кадди?

— Приноситъ свое почтеніе мистеру Свалоу и проситъ... сказала Кадди.

— И проситъ, продолжала мистриссъ Желлиби диктовать: — разъяснить ему тѣ пункты, касательно африканскаго проекта, которые... Нѣтъ, Биби, нѣтъ! ни за что̀ въ мірѣ.

Биби (названный этимъ именемъ, вѣрно, по поводу африканскаго проекта) былъ тотъ несчастный мальчикъ, который свалился съ лѣстницы; голова его была обвязана тряпками и пластырями, и онъ прервалъ дипломатическую корреспонденцію, чтобъ показать израненныя ноги свои, глядя на которыя мы съ Адой не знали чему больше дивиться—ранамъ или грязи. Мистриссъ Желлиби сказала ему холоднымъ и спокойнымъ тономъ, которымъ говорила обо всемъ, «ступай прочь дрянной Биби!» и устремила снова прекрасныя очи свои на Африку.

Диктовка письма шла своимъ чередомъ; мы ее никакимъ образомъ не прерывали, сидѣли молча, и я рѣшилась потихоньку остановить бѣднаго Биби и взять его къ себѣ на руки. Ада начала его цаловать. Это такъ удивляло ребенка, что онъ смотрѣлъ на насъ во всѣ глазки и удерживалъ рыданія; наконецъ мало-по-малу онъ успокоился и заснулъ у меня на рукахъ. Я такъ была занята ребенкомъ, что не вникла въ детали письма, хотя общее впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, было таково, что ярко выставилась передо мною вся важность Африки и вся ничтожность другихъ вещей и странъ сего міра, и мнѣ совѣстно вздумать, что я такъ мало обращала на него вниманія!

— Шесть часовъ! сказала мистриссъ Желлиби: — а нашъ, такъ называемый часъ обѣда (потому-что мы обѣдаемъ во всѣ часы) — пять. Кадди, сведи миссъ Клеръ и миссъ Семерсонъ въ ихъ комнаты. Вамъ, можетъ-быть, угодно будетъ оправиться? Я увѣрена... вы извините меня, я такъ занята... О, это дурное дитя! оставьте его миссъ Семерсонъ!

Я просила позволенія удержать его, увѣряя, что онъ очень-тихій мальчикъ, унесла его съ собою наверхъ и положила къ себѣ на постель. Намъ съ Адою отведены были двѣ комнаты наверху, сообщавшіяся дверью; онѣ были почти безъ мёбели и въ большомъ безпорядкѣ, такъ-что занавѣсы подъ окнами были прикрѣплены вилками.

— Можетъ-статься, вы хотѣли бы теплой воды? спросила миссъ Желлиби, тщетно поискавъ глазами кружки съ ручкою.

— Если это не затруднитъ васъ, отвѣчали мы.

— Это еще ничего, возразила миссъ Желлиби:—дѣло въ томъ, не знаю есть ли теплая вода.

Вечеръ былъ холоденъ, комнаты наполнены какимъ-то смрадомъ, такъ-что, я должна признаться, положеніе наше было очень-непріятно. Ада, просто была готова плакать; однакожь мы скоро пришли въ веселое расположеніе духа и только-что занялись разборкою своихъ вещей, какъ

Digitized by Google

возвратилась къ намъ миссъ Желлиби и сообщила, что нигдѣ не могла отыскать теплой воды: котелъ куда-то засунулся: его не могли сыскать, а рукомойникъ, и тазъ въ такомъ видѣ, что вовсе не годятся къ употребленію.

Мы просили ее ни о чемъ не безпокоиться и спѣшили одѣться, чтобъ поскорѣе сойдти внизъ въ теплую комнату. Но всѣ маленькія дѣти поднялись наверхъ и стали за дверью, чтобъ посмотрѣть на непонятное для нихъ событіе, какимъ-образомъ Биби спалъ на моей кровати; наше вниманіе было развлечено постояннымъ явленіемъ носовъ и пальцевъ изъ опасной засады, между дверною щелью и петлями. Невозможно было затворить ни одной двери: у замка двери, ведущей въ мою комнату, не было рукоятки, и вообще замо̀къ былъ какъ-будто еще не совсѣмъ прилаженъ; рукоятка замка той двери, которая вела въ комнату Ады, вертѣлась очень-свободно, но ея язычокъ не задѣвалъ за щеколду и не удерживалъ двери. Между-тѣмъ, я предложила дѣтямъ войдти къ намъ и помѣститься вокругъ моего столика; они сидѣли очень-тихо; я одѣвалась и разсказывала имъ сказку о *красной шапочкѣ;* они слушали очень-внимательно, включая сюда и Биби, который проснулся во̀-время, чтобъ выслушать какъ пришелъ *волкъ*.

Когда мы спустились внизъ, мы замѣтили на окнѣ горшокъ съ надписью: «Въ знакъ памяти о тунбриджскихъ колодцахъ»; въ горшкѣ было масло и теплилась свѣтильня: вѣрно, что-нибудь въ родѣ африканской лампы. Въ парадной гостиной находилась молодая женщина, съ опухнувшимъ лицомъ, обвязаннымъ фланелью; она раздувала огонь въ каминѣ и давилась дымомъ и смрадомъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, густой дымъ наполнялъ комнату и такъ ѣлъ глаза и щипалъ горло, что мы, въ слезахъ и постоянно кашляя, высунулись въ открытое окно по-крайней-мѣрѣ на цѣлый часъ времени. Между-тѣмъ мистриссъ Жиллиби, съ тѣмъ же спокойнымъ духомъ, какъ и всегда, невозмущаемымъ этими земными невзгодами, диктовала письмо въ Африку. Я радовалась отъ души, что африканскіе проекты занимали все ея вниманіе, потому-что Ричардъ разсказывалъ намъ, между-тѣмъ, что онъ умывался надъ кастрюлею, въ которой варятъ рыбу, а мѣдный чайникъ, для кипятку, нашли у него на туалетномъ столикѣ. Эти подробности смѣшили меня и Аду до невѣжливости относительно филантропической хозяйки.

Вскорѣ послѣ семи часовъ, спустились мы въ столовую; мистриссъ Желлиби, очень-кстати, посовѣтовала намъ сходить съ лѣстницы осторожнѣе, потому-что ковры, неприкрѣпленные прутьями на ступеняхъ, были такъ изорваны и перепутаны, что походили на тенета. Обѣдъ состоялъ изъ трески, ростбифа, котлетъ подъ соусомъ и пуддинга—прекрасный обѣдъ, еслибъ только кушанья подавались не сырыми. Жен-

щина, окутанная фланелью, поставила всѣ блюда вдругъ, какъ попало, и не снимала ихъ до-тѣхъ-поръ, пока мы не вышли; тогда она взяла всѣ остатки и сунула ихъ на ступени лѣстницы; другая женщина, которую я видѣла въ патенахъ, часто приходила браниться съ ней; кажется, обѣ женщины жили въ большой враждѣ между собою.

Впродолженіе всего обѣда, который былъ очень-дологъ, потому-что прерывался событіями въ родѣ слѣдующихъ: напримѣръ, блюдо съ картофелемъ свалилось въ ящикъ для угольевъ, ручка отъ штопора отскочила и ударила по носу, и безъ того распухнувшему, молодой женщины, и тому подобное — мистриссъ Жиллиби, сохраняла ровность характера и непоколебимое спокойствіе. Она повѣдала намъ множество интересныхъ вещей о Борріобула-Гха и туземцахъ, и получила столько писемъ, что Ричардъ, сидѣвшій рядомъ съ ней, вынулъ по-крайней-мѣрѣ четыре куверта изъ ея соуса. Нѣкоторыя изъ писемъ состояли изъ протоколовъ женскихъ комитетовъ. Она намъ ихъ читала вслухъ; другія письма были отъ людей, соприкосновенныхъ, тѣмъ или другимъ образомъ, съ развитіемъ кофейныхъ плантацій и образованіемъ туземцевъ; нѣкоторыя изъ писемъ требовали отвѣта и потому она высылала свою дочь изъ-за обѣда нѣсколько разъ и диктовала ей. Она была очень-занята и, совершенно-справедливо, какъ она выражалась, продана своему дѣлу.

Мнѣ хотѣлось знать, кто это былъ скромный и плѣшивый джентльменъ въ очкахъ; онъ сѣлъ на незанятое мѣсто, когда со стола снята была рыба, и, казалось, безропотно подвергался ученію о Борріобула-Гха, хотя не принималъ въ этомъ предметѣ никакого активнаго участія. По безмолвію, можно было бъ принять его за туземца; но этому предположенію противорѣчилъ цвѣтъ кожи. Когда обѣдъ кончился и бѣлый туземецъ остался наединѣ съ Ричардомъ, мнѣ пришло въ голову: не это ли мистеръ Жиллиби. Въ-самомъ-дѣлѣ это онъ и былъ. Болтливый молодой человѣкъ, мистеръ Квель, съ лоснящимися выпуклыми висками, и волосами, зачесанными назадъ, пріѣхавъ вечеромъ, рекомендовался намъ филантропомъ.

Этотъ молодой человѣкъ, кромѣ того, что много говорилъ о своемъ значеніи въ африканскомъ вопросѣ, о своемъ проектѣ заставить кофейныхъ плантаторовъ учить туземцевъ точить ножки для фортепьянъ и стульевъ и вычислялъ несметныя выгоды отъ осуществленія столь счастливой мысли, умѣлъ еще заставить говорить о себѣ и мистриссъ Желлиби, задавая ей подобные вопросы: «я думаю, мистриссъ Желлиби, вы получаете каждый день отъ полутораста до двухсотъ писемъ относительно Африки?» или, «если меня не обманываетъ память, то вы мистриссъ Желлиби говорили мнѣ, что отправили по почтѣ до пяти ты-

Digitized by Google

сячъ циркуляровъ?» и всякой разъ повторялъ намъ отвѣты мистриссъ Желлиби, какъ истолкователь. Впродолженіе цѣлаго вечера мистеръ Желлиби сидѣлъ въ углу, прислонясь головою къ стѣнѣ, какъ-будто страдалъ ипохондріей. Оставшись послѣ обѣда наединѣ съ Ричардомъ, онъ нѣсколько разъ открывалъ ротъ, желая, казалось, сообщить что-то, лежащее на душѣ, но, къ величайшему смущенію Ричарда, опять смыкалъ губы, не произнеся даже звука.

Мистриссъ Желлиби сидѣла, какъ насѣдка въ гнѣздѣ, среди кучи бумагъ, пила кофе впродолженіе цѣлаго вечера и диктовала, между-прочимъ, своей старшей дочери. Она также имѣла разговоръ съ мистеромъ Квелемъ; предметомъ этого разговора, сколько я поняла, было *Африканское Человѣчество*, причемъ мистриссъ Желлиби высказала много восторженныхъ чувствъ и мыслей. Я не могла быть столь внимательной слушательницей, какъ бы хотѣлось, потому-что Биби и другія дѣти окружили насъ съ Адой въ углу гостиной и просили разсказать имъ другую сказочку; такимъ-образомъ мы сидѣли посреди ихъ и разсказывали имъ шопотомъ про *кота въ сапожкахъ* и кой-что еще другое, пока мистриссъ Желлиби вспомнила о нихъ какъ-то случайно и отправила ихъ спать. Биби хотѣлъ непремѣнно, чтобъ я сама снесла его въ постель; я пошла съ нимъ вмѣстѣ наверхъ, а служанка, съ фланелевой обвязкой, бросилась посреди остальныхъ дѣтей, какъ драконъ, и въ минуту уложила каждаго въ свою койку.

Послѣ этого я прибрала нѣсколько наши комнаты и, раздувъ, сколько можно, огонь въ каминѣ, сошла внизъ. Мистриссъ Желлиби смѣрила меня съ ногъ до головы неочень-милостивымъ взглядомъ, что̀ мнѣ было больно; впрочемъ, я не имѣю большихъ претензій.

Едва только, около полуночи, мы улучили возможность идти въ свои комнаты, и все-таки оставили мистриссъ Желлиби среди бумагъ и пьющею кофе, а миссъ Желлиби, грызущею перо.

— Что̀ за дикій домъ! сказала Ада, когда мы пришли наверхъ. — Странно со стороны брата Жарндиса прислать насъ сюда.

— Душа моя! сказала я: — все это смущаетъ меня, все это такъ странно, такъ непонятно для меня...

— Что̀ непонятно? спросила Ада, съ своей милой улыбкой.

— Все, моя милая, отвѣчала я: — все, быть-можетъ, очень-великодушно со стороны мистриссъ Жиллиби заниматься улучшеніемъ и развитіемъ туземцевъ, но... Биби!.. хозяйство!..

Ада разсмѣялась, обняла меня и, ставъ со мною передъ каминомъ, лепетала нѣжнымъ голоскомъ своимъ, что она считаетъ меня милымъ, добрымъ созданіемъ и что я вполнѣ пріобрѣла ея любовь.

Digitized by Google

— Вы обо всемъ думаете, Эсѳирь, сказала она мнѣ: — а между-тѣмъ такъ беззаботно-веселы; вы такъ много дѣлаете и такъ невзыскательны. Мнѣ кажется, вы бы и изъ этого дома сдѣлали пріятный и радушный домъ.

Доброе, простодушное дитя! Она не знала, что эти слова выражали только ея личныя качества; что она видѣла во мнѣ такъ много только потому, что была сама безконечно-добра и снисходительна.

— Могу ли я сдѣлать вамъ вопросъ? сказала я, сидя съ Адой передъ каминомъ.

— Хоть пятьсотъ, отвѣчала она.

— Вашего родственника, мистера Жарндиса — я такъ много, много обязана ему — можете ли вы описать мнѣ его?

— Откинувъ назадъ золотыя кудри свои, Ада обернулась ко мнѣ съ такимъ изумленнымъ смѣхомъ, что я была совершенно поражена сколько ея невыразимою красотою, столько и ея изумленіемъ.

— Эсѳирь... сказала она.

— Что̀, душа моя?

— Ты хочешь, чтобъ я тебѣ описала брата Жарндиса?

— Да̀, моя милая; я его никогда не видала.

— Да и я его никогда не видала, сказала Ада.

— Странно, ей-Богу странно.

Да̀; она никогда его не видала. Хотя она лишилась матери своей, бывъ еще очень-маленькимъ ребенкомъ, однакожь хорошо помнитъ, что та не могла говорить безъ слезъ о немъ, о великодушіи его благороднаго характера, на который можно положиться вполнѣ, и Ада въ немъ не сомнѣвалась. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, родственникъ ея, Жарндисъ, написалъ къ ней простое, доброе письмо (разсказывала Ада), въ которомъ увѣдомлялъ ее о настоящемъ намѣреніи, и говорилъ ей, что «современемъ исцѣлятся тѣ раны, которыя нанесены несчастнымъ канцелярскимъ процесомъ». Она отвѣчала, что принимаетъ съ благодарностью его предложеніе. Ричардъ получилъ подобное письмо и далъ такой же отвѣтъ. Онъ видѣлъ мистера Жарндиса только однажды въ своей жизни, пять лѣтъ тому назадъ, въ Винчестерской Школѣ. Такъ онъ разсказывалъ Адѣ, когда я ихъ застала передъ каминомъ въ особенной комнатѣ лорда-канцлера; онъ помнитъ, что мистеръ Жарндисъ, полный, краснощекій мужчина — вотъ все, что̀ могла мнѣ сообщить Ада.

Это заставило меня задуматься такъ, что Ада ужь успѣла заснуть, а я все сидѣла передъ огнемъ и думала; думала о Холодномъ Домѣ, думала и думала о томъ, ка̀къ далеко мнѣ кажется вчерашнее утро, и

Digitized by Google

Богъ знаетъ, куда бы унеслись мои мысли, еслибъ полетъ ихъ не былъ остановленъ легкимъ стукомъ въ дверь.

Я отворила и увидѣла миссъ Желлиби, дрожащую отъ холода, съ изломанною свѣчою въ изломанномъ подсвѣчникѣ въ одной рукѣ и съ стаканомъ въ другой.

— Доброй ночи! сказала она брюзгливымъ тономъ.

— И вамъ доброй ночи! отвѣчала я.

— Можно войдти? спросила она скоро и неожиданно тѣмъ же брюзгливымъ тономъ.

— Безъ-сомнѣнія, отвѣчала я: — только не разбудите миссъ Клеръ.

Она вошла, не хотѣла сѣсть и стояла передъ огнемъ, помакивая свои исхудалые пальцы, замаранные въ чернилахъ, въ стаканчикъ, въ которомъ находился уксусъ, и помазывая уксусомъ чернильныя пятна на своемъ лицѣ; она стояла насупившись и смотрѣла изподлобья.

— Я бы хотѣла, чтобъ Африка издохла! сказала она вдругъ.

Я думала-было возражать...

— Да̀, я бы хотѣла! сказала она. — Не говорите ничего, миссъ Семерсонъ. Я ненавижу и презираю ее.

Я тронула ей голову, голова была горяча; я совѣтовала ей успокоиться, отдохнуть; говорила ей, что она утомлена и что мнѣ ея жалко; но она стояла передо мной насупившись и косилась на меня. Прошло нѣсколько секундъ. Она поставила на полъ стаканчикъ съ уксусомъ и, повернувшись къ кровати, на которой спала Ада, сказала мнѣ тѣмъ же брюзгливымъ тономъ:

— Очень-хороша собой!

Я отвѣтила на это улыбкой.

— Сирота? Да̀?

— Да̀.

— Но знаетъ много, я думаю? Танцуетъ, играетъ, поетъ? Говоритъ, я думаю, пофранцузски, знаетъ географію, глобусы, умѣетъ работать иголкой и все умѣетъ?

— Конечно; сказала я.

— А я — я ничего не умѣю; я только и знаю, что писать. Я только и дѣлаю, что пишу. Я дивлюсь, какъ вамъ не стыдно было видѣть, пріѣхавъ сегодня къ намъ, что я неспособна ничего дѣлать. Въ этомъ виденъ злой вашъ характеръ; а о себѣ, я чаю, мечтаете Богъ знаетъ что̀?

Я видѣла, что бѣдная дѣвочка была готова заплакать; я сѣла передъ ней и смотрѣла на нее съ такимъ, кажется, нѣжнымъ выраженіемъ, такое сожалѣніе питала къ ней...

Digitized by Google

— Это срамъ, сказала она. — Вы знаете какъ это гадко; весь домъ гадокъ, дѣти гадки, я гадка. Отецъ несчастливъ — и немудрено! Присцила вѣчно въ нетрезвомъ видѣ. Стыдно съ вашей стороны, если вы скажете, что не замѣтили, какъ отъ нея пахло, когда мы сидѣли за обѣдомъ — вы это знаете!

— Другъ мой, я ничего не знаю, сказала я.

— Знаете, сказала она отрывисто. — Не говорите, что не знаете. Знаете!

— Милая моя! сказала я: — если вы мнѣ не даете сказать...

— Развѣ вы не говорите. Вѣдь вы говорите сказки, миссъ Семерсонъ!

— Душа моя, сказала я: — до-тѣхъ-поръ пока вы не захотите меня выслушать...

— Я не хочу васъ выслушивать.

— Я этому не вѣрю, потому-что это было бы неразсудительно. Я не знаю о чемъ вы говорите; служанка не подходила ко мнѣ близко во время обѣда; но я вѣрю вамъ и мнѣ это очень-прискорбно слышать.

— Вамъ тутъ нечѣмъ гордиться.

— Я и не горжусь, другъ мой. Глупо было бы съ моей стороны гордиться.

Она все-еще подъ вліяніемъ дурнаго расположенія духа, нагнулась надъ спящей Адой и поцаловала ее. Послѣ этого она тихо вернулась назадъ и стала возлѣ моего стула. Грудь ея сильно и болѣзненно подымалась; мнѣ было жаль ея, но я рѣшилась лучше молчать.

— Я бы желала умереть! сказала она. — Я бы желала, чтобъ мы всѣ умерли. Это для насъ всѣхъ было бы полезнѣе.

Спустя минуту, она стала возлѣ меня на колѣни, положила голову свою мнѣ на грудь, просила прощенья и горько плакала. Я утѣшала ее, хотѣла посадить ее на стулъ, но она говорила мнѣ: — нѣтъ, нѣтъ, я хочу такъ остаться!

— Вы учите дѣвочекъ, сказала она. — О, еслибъ вы могли поучить меня, какъ бы я училась у васъ! Я такъ несчастна и такъ много люблю васъ!

Я насилу могла уговорить ее, взять изорванный стулъ (другаго не было въ комнатѣ) и сѣсть возлѣ меня. Мало-по-малу бѣдная, утомленная дѣвочка заснула; я тихо подняла ея голову до моего плеча и закуталась вмѣстѣ съ нею въ шаль. Огонь въ каминѣ потухъ и мы всю ночь дрогли отъ холода. Долго не могла я заснуть и напрасно старалась, закрывъ глаза, забыться подъ вліяніемъ дневныхъ событій.

Digitized by Google

Наконецъ все начало мѣшаться. Дѣйствительность стала переходить въ мечту. То мнѣ казалась, что на моемъ плечѣ спитъ Ада, то одна изъ прежнихъ подругъ моихъ, съ которыми, мнѣ не вѣрилось, что я такъ недавно разсталась, то маленькая, сумасшедшая старушонка, утомленная отъ книксеновъ и улыбокъ, то кто-то изъ Холоднаго Дома; наконецъ. никто — и все смѣшалось.

Еще безсильный свѣтъ утра слабо боролся съ туманомъ, какъ я открыла глаза и они встрѣтились съ глазами маленькаго, грязнолицаго привидѣнія, стоящаго передо мною. Это былъ Биби; онъ сползъ съ постели своей въ халатцѣ и колпачкѣ, и такъ дрожалъ отъ холода, что зубы его били дробь.

ГЛАВА V.

Утреннія событія.

Хотя утро было сыро, хотя туманъ казался еще очень-густымъ — я говорю казался, потому-что стекла оконъ такъ были грязны, что врядъ ли могли пропускать самый яркій солнечный свѣтъ; но я приняла съ удовольствіемъ предложеніе миссъ Желлиби сдѣлать небольшую прогулку, тѣмъ-болѣе, что утро въ филантропическомъ домѣ не представляло для меня ничего привлекательнаго, а видъ лондонскихъ улицъ очень интересовалъ меня.

— Мама̀ еще нескоро сойдетъ внизъ, сказала она: — а завтракъ подадутъ Богъ-знаетъ когда; они все дѣлаютъ безъ толку. Папа̀ закуситъ чѣмъ попало, да и пойдетъ въ контору. Онъ не знаетъ, что́ значитъ завтракать. Присцила съ вечера приготовитъ ему кусокъ хлѣба, да немножко молока, если есть. Иногда молока нѣтъ; иногда кошка ночью съѣстъ. Но вы, я думаю, устали, миссъ Семерсонъ и, можетъ, хотите еще уснуть.

— Я вовсе не устала, моя милая, сказала я: — и съ удовольствіемъ пойду прогуляться.

— Если такъ, сказала миссъ Желлиби: — то я сейчасъ одѣнусь.

Ада также пожелала съ нами идти и скоро была готова. Я ничего лучше не могла предложить Биби, какъ умыть его и положить спать снова на мою постель. Впродолженіе всей этой операціи онъ съ такимъ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, какъ-будто первый и послѣдній разъ въ жизни подвергался такому испытанію; сначала, съ непривычки, оно показалось ему тяжело и онъ началъ-было хныкать; но скоро успокоился и еще скорѣе заснулъ. Я подумала, что, быть-можетъ, много беру на

Digitized by Google

себя, распоряжаясь самовольно; но скоро успокоилась: никто въ домѣ не могъ ничего замѣтить.

Умывая Биби, пособляя одѣваться Адѣ и одѣваясь сама, я успѣла согрѣться и сошла внизъ. Тамъ миссъ Желлиби старалась разогрѣть свои окоченѣлыя руки передъ каминомъ въ кабинетѣ, гдѣ Присцила, держа въ рукѣ сальную свѣчку, раздувала огонь и, желая развести его поскорѣе, бросила туда сальный огарокъ. Все, какъ было вчера вечеромъ, оставалось и теперь, въ томъ же порядкѣ, или, вѣрнѣе сказать, безпорядкѣ. Въ столовой скатерть послѣ обѣда была не убрана, а оставалась на столѣ для завтрака. Крошки, пыль, бумаги валялись по полу во всѣхъ комнатахъ. Два-три стакана и молочникъ висѣли на столбикахъ забора на дворѣ; дверь сѣнная была отворена и мы, выйдя на улицу, встрѣтили кухарку; она шла изъ сосѣдней таверны, утирая рукавомъ ротъ и, поровнявшись съ нами, сказала, что ходила смотрѣть, который часъ.

Прежде кухарки мы повстрѣчали Ричарда; онъ выдѣлывалъ разные па около Тевейской Гостинницы, чтобъ согрѣть ноги; раннее появленіе наше изумило его самымъ пріятнымъ образомъ, и онъ тотчасъ же изъявилъ желаніе идти съ нами вмѣстѣ. Я съ миссъ Желлиби пошли впередъ, а онъ съ Адою позади насъ. Миссъ Желлиби была опять въ дурномъ расположеніи духа, и еслибъ она мнѣ не говорила, то я никакъ не подумала бы, что она меня любитъ.

— Куда вы хотите идти? спросила она.

— Куда-нибудь, моя милая, отвѣтила я.

— Куда-нибудь значитъ никуда, сказала миссъ Желлиби, остановясь вдругъ.

— Ну такъ пойдемъ туда, куда вы хотите, отвѣчала я.

И миссъ Желлиби потащила меня впередъ быстрымъ шагомъ.

— Мнѣ все-равно! сказала она. — Будьте свидѣтельницею, миссъ Семерсонъ, я говорю, что мнѣ все-равно; но еслибъ этотъ лощеный лобъ, съ желваками на вискахъ, ѣздилъ къ намъ каждый вечеръ, цѣлые вѣка, то и тогда я не могла бы сказать ему ни одной буквы. Какого осла разъигрываетъ онъ у насъ съ своею Африкою!

И она еще скорѣе повлекла меня впередъ.

— Но какъ бы тамъ ни было, продолжала она: — а я все-таки скажу: пусть онъ ѣздитъ, сколько угодно, а я не выговорю ему ни одного слова. Я не выношу̀ его. Если есть что̀ для меня ненавистнаго, такъ это его разговоры. Я дивлюсь даже камнямъ мостовой, ка̀къ у нихъ достаетъ терпѣнія лежать на одномъ мѣстѣ и быть свидѣтелями

Digitized by Google

всей непослѣдовательности, всего противорѣчія, всѣхъ безсмыслицъ въ словахъ и поступкахъ его.

Слова ея, безъ-сомнѣнія, относились къ мистеру Квелю, молодому джентльмену, посѣтившему вчера вечеромъ мистриссъ Желлиби. Тяжело мнѣ было ее слушать; но, къ-счастью, Ричардъ и Ада скоро нагнали насъ и избавили меня отъ непріятной необходимости продолжать разговоръ. Миссъ Желлиби смолкла и угрюмо шла рядомъ со мною; я удивлялась длинному ряду и разнообразію лондонскихъ улицъ, числу пѣшеходовъ, спѣшившихъ по разнымъ направленіямъ, множеству экипажей, стремящихся взадъ и впередъ, дѣятельности, съ которою мыли ȯкна и чистили лавки, и особеннымъ существамъ въ лохмотьяхъ и тряпкахъ, скрытно искавшихъ въ кучахъ сору булавокъ, иголокъ и всякой дряни.

— Итакъ, кузина, раздался позади меня пріятный голосъ Ричарда, обращающагося къ Адѣ: — мы никакъ не можемъ разстаться съ Обер-Канцеляріей! Теперь мы другою дорогою вышли къ тому мѣсту, въ которомъ вчера встрѣтились; вотъ и знакомая старушка!

Въ-самомъ-дѣлѣ, она стояла прямо противъ насъ и, присѣдая и улыбаясь, говорила съ тѣмъ же тономъ покровительства :

— А! Жарндисы! добро пожаловать, очень-рада, очень-рада!

— Вы очень-рано выходите со двора, сударыня, сказала я ей, когда она мнѣ присѣла.

— Да-съ! я сюда прихожу рано, до начала засѣданія; здѣсь спокойно. Я здѣсь обдумываю, чтȯ мнѣ дѣлать впродолженіе дня, говорила старушка. — Дѣла требуютъ много осторожности. Тру-удно слѣдить за ходомъ дѣлъ Обер-Канцеляріи.

— Кто это, миссъ Семерсонъ? шепнула мнѣ миссъ Желлиби, ближе прижавшись къ моей рукѣ.

Слухъ маленькой старушки былъ тонокъ и, услышавъ вопросъ, она тотчасъ же отвѣчала за меня :

— Истецъ, дитя мое; къ вашимъ услугамъ. Я имѣю честь каждый день быть въ Палатѣ, съ документами. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? Тоже изъ партіи Жарндисовъ? сказала старушка, сдѣлавъ нижайшій книксенъ и склонивъ голову нѣсколько на сторону.

Ричардъ, желая загладить свой вчерашній промахъ, съ совершенною вѣжливостью объяснилъ ей, что миссъ Желлиби никакимъ образомъ не относится къ ихъ процесу.

— А! сказала старушка. — Ей нечего ждать рѣшенія! но вѣдь и она состарѣется. Дȧ! Ахъ, Боже мой! Вотъ садъ Линкольнской Палаты: я его зову своимъ садомъ. Это рай во время жары. Кȧкъ тамъ поютъ

Digitized by Google

птицы! Я въ немъ провожу большую часть судейскихъ вакацій, такъ, въ созерцаніи. Вамъ кажутся длинны вакаціи, не правда ли?

Мы сказали да̀, потому-что, казалось, ей хотѣлось этого отвѣта.

— Когда листъ падаетъ съ дерева и нѣтъ больше цвѣтовъ на букеты лорду-канцлеру, сказала старая леди: — то судейскія вакаціи кончены и шестая печать въ книгѣ судебъ; опять... Прошу ко мнѣ. Зайдите. Это будетъ для меня хорошее предзнаменованіе. Молодость, надежда, красота рѣдко меня посѣщаютъ. Ужь давно, давно, давно я ихъ не видала.

Она взяла меня за руку и повела насъ съ миссъ Желлиби впередъ, приглашая также Ричарда и Аду; я не знала, что̀ мнѣ дѣлать и взглядомъ просила помощи у Ричарда; но онъ, отчасти увлекаемый любопытствомъ, отчасти забавляясь этою выходкою, шелъ съ Адою сзади насъ. Наша странная предводительница, расточая съ неимовѣрною щедротою улыбки и книксены, вела-себѣ насъ впередъ, постоянно твердя, что она живетъ въ двухъ шагахъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, она говорила правду: она жила такъ близко, что еслибъ мы и хотѣли, то не имѣли бъ времени разсердиться на нее. Спустя двѣ, много три минуты, мы ужь были у ея жилища: старуха провела насъ маленькою, боковою дверью въ переулокъ, примыкающій къ Линкольнской Палатѣ, остановилась тутъ неожиданно и сказала:

— Вотъ гдѣ я живу, пожалуйста, войдите.

Она остановилась передъ лавкой, надъ которой было написано крупными буквами:

КРУКЪ.
ДЕПО ТРЯПЬЯ И БУТЫЛОКЪ.

И подъ этой надписью тонкими длинными буквами:

КРУКЪ.
ПОСТАВЩИКЪ КОРАБЕЛЬНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

Всѣ стекла оконъ были исписаны: на одномъ была нарисована красная мельница для бумажнаго тѣста, передъ ней телега, заваленная мѣшками съ старымъ тряпьемъ. На другихъ стеклахъ были слѣдующія надписи: «Покупаютъ кости». «Покупаютъ остатки съ кухни». «Покупаютъ старое желѣзо». «Покупаютъ обрѣзки бумагъ». «Покупаютъ принадлежности мужскаго и дамскаго туалетовъ». Здѣсь, казалось, все покупаютъ, но ничего не продаютъ. На всѣхъ частяхъ окна было множество грязныхъ бутылокъ: бутылки изъ-подъ ваксы, стклянки изъ-подъ лекарствъ, бутылки изъ-подъ пива и содовой воды, банки изъ-подъ пикуль, бутылки изъ-подъ чернилъ. Говоря о послѣднихъ, я припоминаю, что лавка въ

Digitized by Google

нѣкоторыхъ мелкихъ частностяхъ напоминала о своемъ сосѣдствѣ съ Линкольской Палатой и была нѣкоторымъ образомъ какъ-бы *подлипало*, или дальній, непризнанный родственникъ канцеляріи — такъ было много въ ней чернильныхъ стклянокъ. Около двери въ лавку была небольшая, шаткая скамья, на которой лежало нѣсколько старыхъ, истасканныхъ книгъ, съ надписью: «законы, по девяти пенсовъ томъ». Нѣкоторыя изъ надписей на стеклахъ, о которыхъ я говорила, были писаны канцелярскимъ почеркомъ, подобно тѣмъ бумагамъ, которыя я видѣла въ конторѣ Кенджа и Корбая и письмамъ, которыя я отъ нихъ получала. Среди этихъ надписей была одна, писанная тѣмъ же почеркомъ и ни въ какомъ отношеніи неимѣющая ничего общаго съ дѣлами лавки; она увѣдомляла, что нѣкто, почтенный человѣкъ, сорока-пяти лѣтъ, желаетъ переписывать на-чисто бумаги, и исполняетъ эту обязанность со всевозможною акуратностью. Адресоваться къ г. Немо, въ лавкѣ мистера Крука. Нѣсколько писарскихъ мѣшковъ, синихъ и красныхъ, висѣло тамъ-и-сямъ. Неподалеку отъ двери лежало множество свертковъ пожелтѣвшаго пергамена и вылинявшихъ, оборванныхъ штемпельныхъ бумагъ. Можно было подумать, что всѣ ржавые ключи, которые лежали тысячами на полу, какъ старое желѣзо, принадлежали къ дверямъ палатъ или сохранныхъ ящикамъ конторъ.

Такъ-какъ все еще было туманно и темно, и свѣтъ, падающій въ лавку, уменьшался близостью высокой стѣны Линкольнской Палаты, то мы ничего не могли бы разсмотрѣть, еслибъ старичокъ, въ очкахъ и мѣховой шапкѣ, не стоялъ у прилавка съ фонаремъ. Обернувшись къ двери, онъ взглянулъ на насъ. Это былъ коротенькій, блѣдный и тощій, какъ трупъ, человѣчекъ; голова его была накось всунута между плечьми и дыханіе его выходило паромъ наружу, какъ-будто бы внутри его былъ огонь. Подбородокъ, борода его и брови такъ были усѣяны бѣлыми волосами и такъ окружены морщинами и жилами, что, начиная съ груди, онъ походилъ болѣе на старый сукъ дерева, занесенный снѣгомъ, чѣмъ на живое существо.

— Хи, хи, хи! сказалъ старикъ, подходя къ двери: — хотите что-нибудь продать?

Мы конечно отступили назадъ и взглянули на нашу вожатую, которая старалась отперетъ дверь, ведущую въ домъ, ключомъ, вынутымъ изъ кармана. Ричардъ сказалъ ей, что такъ-какъ мы имѣли удовольствіе видѣть, гдѣ она живетъ, то теперь поспѣшимъ домой, потому-что время не терпитъ. Но отъ нея нельзя было такъ легко отдѣлаться. Она такъ усердно и настойчиво просила насъ войдти и посмотрѣть ея комнату, такъ была убѣждена, что посѣщеніе наше должно принести

Digitized by Google

ей счастіе, что я рѣшилась, во что бы ни стало, исполнить ея желаніе; къ-тому же, кажется, и любопытство подстрекало всѣхъ насъ. Наконецъ, когда старикъ, замѣтивъ, что трудъ ея отпереть дверь напрасенъ, сказалъ намъ: «войдите, войдите, доставьте ей удовольствіе, всего на одну минуту; пройдите черезъ лавку, если другія двери не слушаются». Мы всѣ взошли, ободренные веселымъ смѣхомъ Ричарда и разсчитывая на его помощь, въ случаѣ какой-нибудь невзгоды.

— Хозяинъ мой — Крукъ, сказала маленькая старушка, представляя его намъ съ сознаніемъ своего достоинства. — Сосѣди въ шутку зовутъ его лордомъ-канцлеромъ. Эксцентрикъ. Чудакъ. Большой руки чудакъ!

Она нѣсколько разъ покачала головой, потомъ указательнымъ пальцемъ постучала по лбу, примигнула, съ тѣмъ, чтобъ мы были къ нему снисходительны, «потому-что онъ, понимаете, немножко того, то-есть несовсѣмъ тутъ ладно», сказала старуха, указывая на голову и тономъ величія.

Старикъ слышалъ и только разсмѣялся.

— Это правда, сказалъ онъ, подходя съ фонаремъ къ намъ: — хи, хи, хи! какіе славные волосы! У меня внизу три мѣшка женскихъ волосъ, но нѣтъ ни одного локона, такого мягкаго и тонкаго — какой цвѣтъ, какая прелесть!

— Хорошо, хорошо, любезный, сказалъ Ричардъ, разсерженный тѣмъ, что старикъ взялъ въ свою желтую руку локонъ Ады: — ты можешь любоваться, сколько хочешь, но руками не трогать.

Старикъ бросилъ на него такой быстрый взглядъ, что я невольно обратилась на Ричарда отъ Ады, которая, покраснѣвъ отъ испуга, была такъ поразительно-прекрасна, что, казалось, привлекла къ себѣ даже блуждающее вниманіе маленькой старой леди. Но такъ-какъ Ада вмѣшалась въ ихъ крупный разговоръ и сказала, смѣясь, что она только можетъ гордиться такою невынужденною похвалою, мистеръ Крукъ такъ же быстро пришелъ въ свою первоначальную роль, какъ быстро вышелъ изъ нея.

— Видите, у меня здѣсь такъ много вещей, продолжалъ онъ, освѣщая фонаремъ комнату: — и всѣ, думаютъ сосѣди (а что они понимаютъ?), предназначены къ тому, чтобъ портиться и уничтожаться; у меня такъ много стараго пергамента и бумагъ. И у меня столько предметовъ для ржавчины, пыли и паутины. И все рыба, что попадетъ въ мои сѣти. И я не разстанусь ни съ одной вещью, которую я пріобрѣлъ (такъ думаютъ мои сосѣди, впрочемъ, что они понимаютъ?); нѣтъ у меня ни чистки, ни починки, ничего подобнаго... Хи! леди Жени, сюда!

Digitized by Google

Огромная сѣрая кошка спрыгнула съ ближайшей полки къ нему на плечи и перепугала всѣхъ насъ.

— Хи! покажи-ко имъ, какъ ты царапаешься. Хи! Ну-тка, ну-тка миледи! сказалъ ея хозяинъ.

Кошка спрыгнула внизъ и вцѣпилась своими тигровыми когтями въ пучки тряпья съ такимъ пронзительнымъ мяуканьемъ, что у меня замерло сердце.

— Она вцѣпится въ каждаго, кого я укажу ей, сказалъ старикъ. — Я также торгую кошачьимъ мѣхомъ и ея шкура была мнѣ продана живьемъ; славный, пушистый мѣхъ — посмотрите.

Онъ между-тѣмъ, провелъ насъ по всей лавкѣ и отворилъ дверь въ задней стѣнѣ, примыкающей къ воротамъ. Маленькая старая леди, замѣтивъ, что онъ еще хочетъ продолжать разговоръ, сказала ему весьма-снисходительно:

— Хорошо, Крукъ, очень-хорошо, только вы говорите много. Молодымъ друзьямъ моимъ некогда; я сама спѣшу: скоро начнется засѣданіе. Молодые друзья мои, это — Жарндисы.

— Жарндисы! сказалъ старикъ съ удивленіемъ.

— Да̀, Жарндисы, Крукъ. Большой процесъ.

— Хи! воскликнулъ старикъ, въ раздумьи и смотря на насъ съ удивленіемъ: — Жарндисы!.. кто бы подумалъ!..

Онъ такъ былъ погруженъ въ раздумье, съ такимъ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ, что Ричардъ невольно сказалъ:

— Кажется, что это дѣло очень тревожитъ васъ.

— Да̀, сказалъ старикъ разсѣянно: — дѣйствительно; ваше имя?

— Ричардъ Карстонъ.

— Карстонъ, повторилъ онъ, загнувъ на рукѣ указательный палецъ: — Карстонъ, есть также Барбара, да̀, Барбара... Клеръ... Дедлокъ, да̀... продолжалъ онъ, загибая остальные пальцы, поочередно.

— Онъ столько же знаетъ о процесѣ, сколько любой лордъ-канцлеръ, сказалъ нашъ удивленный Ричардъ.

— Ги! сказалъ старикъ, выходя изъ своей разсѣянности. — Да̀! Томъ Жарндисъ — извините, что я такъ называю его; но онъ подъ этимъ именемъ былъ извѣстенъ въ Палатѣ и подъ этимъ именемъ знали его здѣсь такъ же хорошо, какъ знаютъ ее; при этомъ онъ указалъ на свою жилицу; Томъ Жарндисъ часто бывалъ здѣсь. Во время процеса своего, онъ пріобрѣлъ привычку шататься изъ угла въ уголъ, заходилъ часто въ лавку и говаривалъ намъ, чтобъ береглись когтей нашихъ адвокатовъ. Попасть въ нихъ, говорилъ онъ, это все-равно, что умирать медленной смертью, горѣть на тихомъ огнѣ, умирать подъ

Digitized by Google

жалами пчелъ, утопать въ безднѣ, въ которой вода прибавляется по каплѣ, понемногу сходить съ ума. — Онъ былъ отъ самоубійства на полвершка, когда стоялъ вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ молодая леди.

Мы съ ужасомъ слушали его.

— Онъ взошелъ въ эту дверь, продолжалъ старикъ, проводя тихо пальцемъ воображаемый путь Тома Жарндиса: — было еще свѣтло (всѣ говорили, и ужь давно говорили, что рано или поздно, онъ сдѣлаетъ надъ собою грѣхъ), да, такъ было еще свѣтло, когда онъ взошелъ въ эту дверь и прошелся по лавкѣ, сѣлъ на скамейку, вотъ здѣсь, и просилъ меня (вы понимаете, что я тогда былъ моложе) принести ему кружку вина. «Принеси, Крукъ, сказалъ онъ, на сердцѣ очень-тяжело, дѣло мое опять въ судѣ; но мнѣ кажется, я ближе къ другому суду». Я боялся оставить его одного, предложилъ ему идти въ трактиръ, въ мою улицу (то-есть въ Канцелярскую Улицу), и я слѣдилъ за нимъ изъ окна, и мнѣ казалось, что онъ спокойно усѣлся въ креслахъ, передъ каминомъ, въ веселомъ обществѣ. Я успокоился, отошелъ отъ окна... вдругъ раздался выстрѣлъ... Я выбѣжалъ на улицу... сосѣди выбѣжали на улицу, и всѣ мы вскрикнули въ одинъ голосъ: Томъ Жарндисъ!

Старикъ замолчалъ, взглянулъ на насъ, взглянулъ на фонарь; задулъ свѣчку и закрылъ фонарь.

Ада и Ричардъ были блѣднѣе воска. По тому впечатлѣнію, которое произвелъ на меня разсказъ старика, на меня, совершенно-чуждую этого дѣла, я живо понимала, какъ было тяжело этимъ двумъ юнымъ, неиспытаннымъ скорбью сердцамъ, слушать повѣсть, сопряженную съ такими тяжкими воспоминаніями о тѣхъ несчастіяхъ, которыя достаются имъ въ удѣлъ. Я также боялась и за бѣдное, полубезумное созданіе, которое привело насъ сюда; мнѣ казалось, что слова старика возбудятъ въ душѣ ея тяжелую думу, и очень была удивлена, когда замѣтила, что она была спокойна, не сочувствовала ничему и равнодушно повела насъ наверхъ, говоря о своемъ хозяинѣ тономъ того снисхожденія, которое оказываютъ возвышенныя существа къ слабостямъ обыкновенныхъ смертныхъ: — вы знаете, онъ вѣдь того, немножко не въ своемъ умѣ!

Она жила наверху въ довольно-большой комнатѣ, изъ оконъ которой былъ видѣнъ конекъ крыши Линкольской Палаты, чтò, кажется, и было самою побудительною причиною къ найму этой квартиры. Старушка говорила, что ей тутъ хорошо, что она можетъ и по ночамъ смотрѣть на любимую крышу, въ-особенности при свѣтѣ луны. Комната была такъ-себѣ, чистенька, но очень-пуста. Изъ мёбели я замѣтила только са-

Digitized by Google

понужнѣйшее: двѣ, три гравюрки, изображающія канцлера и адвокатовъ, были приклеены облатками къ стѣнѣ и полдюжины ридикюлей разной формы и величины, висѣли тамъ и сямъ, наполненные, какъ она говорила, ея документами.

На каминной рѣшеткѣ не было видно не только угольевъ, даже золы, и ничто не напоминало, что мы въ жилой комнатѣ. Правда, на полкѣ стояли одна или двѣ тарелки, чашка съ выбитымъ бокомъ и еще что-то такое; но все это было негодно къ употребленію. Ея несчастное положеніе выставлялось теперь еще рѣзче и болѣе трогало меня.

— Много чести, благодарю, твердила бѣдная старушонка самымъ сладенькимъ голосомъ: — много чести дѣлаетъ мнѣ визитъ вашъ, Жарндисы. Очень-благодарна. Хорошее предзнаменованіе для меня. Живу уединенно, въ нѣкоторомъ родѣ. Выборъ квартиры затруднителенъ. Должна непремѣнно жить близь Палаты. Давно здѣсь живу. Дни въ Палатѣ, вечера и ночи здѣсь. Ночи для меня длинны; сплю мало; думаю много. Это такъ и должно быть: Оберканцелярія! Жалко нечѣмъ угостить, нѣтъ шоколату. Жду скоро рѣшенія, тогда поправлюсь. Отдѣлаю квартиру. Теперь, между нами, я въ дурныхъ обстоятельствахъ: ничего нѣтъ. Что̀ дѣлать! Все переношу. Здѣсь я дрогла отъ холода; здѣсь я чувствовала кой-что похуже холода — не бѣда. Прошу простить, что говорю о такихъ пустякахъ.

Она немного отдернула занавѣсъ, прикрывавшій длинное, узкое слуховое окно, и обратила наше вниманіе на множество висѣвшихъ клѣтокъ; въ нѣкоторыхъ были птицы: жаворонки, коноплянки, щегленки, штукъ около двадцати.

— Я берегу этихъ пташекъ, сказала она: — знаете для чего? Видите ли, я хочу имъ дать свободу, когда кончится мое дѣло. Да—а! Но онѣ умираютъ въ клѣткахъ. Жизнь этихъ бѣдняжекъ коротка; судопроизводство длинно. Не разъ вымиралъ весь выводокъ. Заводила снова — понимаете? Эти хотя и молоды, но врядъ ли доживутъ до дня освобожденія — убійственно! Не такъ ли?

Хотя она иногда и говорила въ формѣ вопроса, однакожь никогда не дожидалась отвѣта, а продолжала себѣ далѣе, какъ-будто, разговоръ шелъ не болѣе какъ со стѣнами.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжала она: — мнѣ иногда кажется, увѣряю васъ, что, рано или поздно, и меня найдутъ здѣсь на полу, бездыханную, холодную, какъ я нахожу этихъ бѣдныхъ пташекъ. А дѣло мое все еще не будетъ кончено. Шестая печать...

Ричардъ, побуждаемый сострадательнымъ взглядомъ Ады, старался найдти возможность, незамѣтно положить на каминъ нѣсколько денегъ.

Digitized by Google

Чтобъ этотъ маневръ удался, мы ближе подошли къ окну, показывая видъ, будто разсматриваемъ птицъ.

— Я не позволяю имъ много пѣть, говорила старая леди: — потому-что, вамъ это покажется смѣшно, боюсь, что онѣ поютъ въ то время, когда я бываю въ судѣ. Это кружитъ мнѣ голову. А мнѣ надо, чтобъ голова была свѣжа. Вы понимаете? Въ другое время, я вамъ перечту ихъ поименно; теперь некогда. Сегодня, въ счастливый для меня день, пусть онѣ поютъ сколько душѣ угодно. Ну, въ честь молодости — улыбка и книксенъ, въ честь надежды — еще улыбка и еще книксенъ, въ честь красоты — и еще улыбка и еще книксенъ. Ну, ну, пташки! покажите себя лицомъ.

Птицы начали щебетать и чирикать.

— Я не могу освѣжать воздухъ, сказала маленькая старушка (между-тѣмъ очень не мѣшало бы открыть окно): — потому-что кошка, вы видѣли ее въ низу, леди Жени, очень метитъ на моихъ птицъ. Она цѣлые часы проводитъ на крышѣ и только облизывается, поглядывая на нихъ. Я думаю, шептала она таинственно, что звѣрство ея усиливается завистливымъ опасеніемъ : боится, что скоро дамъ птичкамъ свободу. Рѣшеніе скоро прійдетъ. Она зла и хитра. Я почти увѣрена, что это не кошка, а волкъ, про котораго говорятъ въ сказкахъ. Трудно ее прогнать отъ двери.

Гдѣ-то по, сосѣдству, пробило девять съ половиною часовъ. Мы очень обрадовались: это давало намъ возможность, безъ особеннаго труда, окончить наше посѣщеніе. Въ самомъ-дѣлѣ, старая леди поспѣшно взяла свой мѣшокъ съ документами, который лежалъ на столѣ, спросила насъ не йдемъ ли и мы въ Палату и, услышавъ, что мы въ Палату не йдемъ и задерживать ее ни подъ какимъ видомъ не желаемъ, она отворила дверь и повела насъ внизъ.

— Сегодня, болѣе чѣмъ когда-нибудь, мнѣ необходимо прійдти раньше канцлера, знаете, сегодня счастливый для меня день, говорила старушка. — Онъ начнетъ съ моего дѣла, да̀! я въ этомъ увѣрена.

На лѣстницѣ она остановилась и шопотомъ говорила намъ, что весь домъ наполненъ разнымъ хламомъ, который скупалъ ея хозяинъ, и который ни за что̀ не хотѣлъ продавать, «потому-что, знаете, онъ, того, немножко не въ своемъ умѣ».

Потомъ молча указала она намъ на дверь, въ темномъ углу втораго этажа.

— Вотъ еще другой жилецъ; больше нѣтъ, шептала она. — Онъ писарь изъ Линкольнѣской Палаты. Уличные мальчишки говорятъ, что онъ подружился съ нечистымъ и очень-богатъ. Не знаю, куда онъ могъ

Digitized by Google

спустить деньги. Тс! Она, кажется, боялась, чтобъ ея не услышали и шла впередъ тихо, на цыпочкахъ.

Выходя изъ дома, опять черезъ лавку, мы увидѣли, что старикъ укладываетъ множество мѣшковъ съ макулатурою въ подвалъ. Трудъ, казалось, ему былъ не подъ-силу, потому-что крупныя капли пота выступали у него на лбу. Старикъ держалъ въ рукѣ кусокъ мѣлу, которымъ отмѣчалъ на полу крючковатыми знаками число уложенныхъ въ подвалъ мѣшковъ.

Ричардъ, Ада, миссъ Желлиби и маленькая старая леди, прошли мимо него; но мнѣ не удалось: онъ остановилъ меня за руку, намалевалъ на стѣнѣ букву Ж весьма-забавнымъ образомъ, началъ какъ-то снизу, придѣлывалъ крючки и наконецъ вышло Ж, не печатное, но совершенно похожее на то, какое пишутъ писцы мистеровъ Кенджа и Корбая.

— Разберете? спросилъ онъ меня, смотря испытующимъ взглядомъ.

— Конечно, отвѣчалъ я: — это написано разборчиво.

— Что жь это такое?

— Ж.

Взглянувъ на меня и на дверь, онъ стеръ Ж и на мѣсто его написалъ *а*, ужь не заглавное.

— А это чтò? спросилъ онъ.

Я опять прочла. Онъ снова стеръ, написалъ вмѣсто *а*, *р*, и такъ далѣе, все продолжая спрашивать меня стиралъ и писалъ по одной буквѣ, пока изо всѣхъ написанныхъ имъ буквъ не составилось Жарндисъ.

— Какъ это прочесть? спросилъ онъ.

Когда я прочла, онъ разсмѣялся. И опять, такимъ же страннымъ образомъ и съ такою же торопливостью, малюя по одной буквѣ и постоянно стирая, онъ написалъ Холодный Домъ. Я, съ тѣмъ же удивленіемъ, опять прочла, и онъ опять разсмѣялся.

— Хи! сказалъ онъ, бросивъ кусокъ мѣлу въ уголъ: — вы видите я умѣю заучать эти фигурки, хотя совершенно безграмотенъ.

Онъ смотрѣлъ такъ непріятно; кошка его такъ щетинилась на меня, какъ-будто я принадлежала къ породѣ птицъ, висѣвшихъ на чердакѣ, что меня морозъ подиралъ по кожѣ и можно понять, какъ я обрадовалась, когда Ричардъ вернулся изъ-за двери и сказалъ мнѣ шутливымъ тономъ:

— Миссъ Семерсонъ, надѣюсь, вы не занимаетесь здѣсь продажею вашихъ волосъ. Сберегите ваши локоны. Съ мистера Крука достаточно и трехъ мѣшковъ, которые лежатъ у него въ подвалѣ!

Digitized by Google

Я, не теряя времени, пожелала мистеру Круку здоровья и поспѣшила присоединиться къ нашему обществу. Мы отправились вмѣстѣ съ маленькой старой леди; она съ большими церемоніями возобновила вчерашнее обѣщаніе: быть полезною, даже болѣе, быть покровительницею для меня и Ады. Простившись съ ней, мы повернулись назадъ, чтобъ идти къ дому мистриссъ Желлиби; мистеръ Крукъ стоялъ у входа въ лавку и смотрѣлъ на насъ сквозь свои очки; на плечахъ его сидѣла кошка и пушистый хвостъ ея торчалъ, какъ огромное перо, по одну сторону его мѣховой шапки.

— Вотъ вамъ и приключеніе въ Лондонѣ! сказалъ со вздохомъ Ричардъ. — Ахъ, кузина, кузина! не могу подумать безъ страха объ этомъ процесѣ.

— Да̀, Ричардъ, говорила Ада: — грустно становится, какъ подумаешь, что *я* недругъ большаго числа своихъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, и что *они*, я увѣрена, питаютъ ко мнѣ враждебныя чувства; тяжело подумать, что мы вредимъ всячески другъ другу, не зная, какъ и за чѣмъ, и проводимъ всю жизнь въ раздорѣ и недоразумѣніяхъ. Не понимаю, какимъ-образомъ не найдется судьи, который отыскалъ бы на чьей сторонѣ справедливость; вѣдь кто-нибудь, да долженъ же быть правъ.

— Да̀, кузина, сказалъ Ричардъ: — дѣйствительно непонятно. Вся эта безполезная, безконечная игра, возмутительна. Но, во всякомъ случаѣ, Ада... могу я васъ такъ называть?

— Безъ сомнѣнія, милый Ричардъ?

— Во всякомъ случаѣ, Ада, Линкольнская Палата не будетъ тяготѣть надъ нами своимъ вліяніемъ. Благодаря добраго нашего родственника, который соединилъ насъ такъ счастливо, никто не разъединитъ насъ болѣе.

— Я такого же мнѣнія, милый Ричардъ, сказала Ада тихо.

Миссъ Желлиби таинственно пожала мнѣ руку и бросила на меня многозначительный взглядъ. На это я отвѣтила ей улыбкою, и мы весело продолжали свой путь.

Спустя полчаса послѣ нашего прихода, явилась мистриссъ Желлиби. Еще черезъ часъ стали приноситься, по одиначкѣ, всѣ принадлежности къ завтраку. Я не сомнѣваюсь, при томъ глубокомъ уваженіи, которое питаю къ особѣ мистриссъ Желлиби, что эта африканская леди утромъ, возставъ отъ сна, имѣла благую привычку совершать свой туалетъ, и потому не выдаю за истину, но мнѣ показалось, что платье и шаль не оставляли плечъ своей владѣтельницы со вчерашняго дня. Она была сильно озабочена впродолженіе завтрака, потому-что утренняя почта

Digitized by Google

принесла ей съ собою кучу писемъ о Барріобула-Гха, которыя, судя по ея словамъ, заставятъ почтенную филантропку провести тяжелый день. Между-прочимъ, къ ней часто приходили дѣти и показывали синяки на лицѣ и ногахъ; въ-особенности ноги могли служить настоящимъ календаремъ ихъ несчастныхъ паденій. Биби пропадалъ часа полтора и наконецъ полисменъ привелъ его съ Ньюгетскаго Рынка. Твердость характера, съ которою мистриссъ Желлиби перенесла потерю сына и наконецъ его возвращеніе, чрезъ полицейскаго агента, поразили насъ.

Между-тѣмъ она постоянно диктовала письма и циркуляры и Кади была ужь доведена до той степени чернильной окраски, въ которой мы ее застали въ первый разъ. Въ часъ пополудни за нами явилась коляска и телега за нашимъ багажемъ. Мистриссъ Желлиби снабдила насъ огромнымъ запасомъ—не съѣстныхъ вещей, а поклоновъ и почтеній доброму другу ея мистеру Жарндису. Кади сошла съ своего канторскаго стула, чтобъ простится съ нами, поцаловалась со мною и долго смотрѣла на насъ, грызя перо и рыдая. Биби спалъ и я очень радовалась, что не видалъ нашего отъѣзда. (Я подозрѣвала, что онъ ушелъ къ Ньюгетскому Рынку, отъискивая меня); остальныя дѣти вскарабкались на запятки коляски и, при первомъ движеніи экипажа, свалились на мостовую; у насъ замерло сердце, когда мы увидѣли, какъ они барахтались на камняхъ, близь Тевейской Гостинницы.

ГЛАВА VI.

Совершенно дома.

День все становился свѣтлѣе и ярче, по мѣрѣ того, какъ мы ѣхали по направленію къ востоку. Мы наслаждались солнцемъ и свѣжимъ воздухомъ и удивлялись все болѣе и болѣе безконечности и разнообразію улицъ, блеску и великолѣпію лавокъ, обширности рынковъ, пестрымъ толпамъ народа, которыхъ вызвало ясное время и усѣяло ими троттуары и улицы, словно цвѣтами. Мало-по-малу оставляли мы за собою чудный городъ и ѣхали по форштатамъ, которые сами-по-себѣ составляли, по моему мнѣнію, очень-обширные города, и наконецъ выѣхали въ поля, на дорогу, по сторонамъ которой виднѣлись вѣтряныя мельницы, скирды хлѣба и сѣна, верстовые столбы, крестьянскія телеги, деревья, пашни, камни и заборы. Чудный видъ представлялъ и зеленый ландшафтъ впереди насъ и огромная метрополія позади; мы были подъ какимъ-то сладкимъ обаяніемъ, такъ-что, когда повстрѣчалась съ нами карета, запряженная красивыми лошадьми, въ блестящей сбруѣ, съ звонкими ко-

локольчиками, мы, всѣ втроемъ, готовы были запѣть подъ музыку серебристаго, переливающагося звона.

— Вся дорога, напоминала мнѣ моего тёзку Уитингтона, сказалъ Ричардъ:—а эта карета заставляетъ меня окончательно о немъ думать.

— Ба! чтò случилось?

Мы остановились и карета остановилась также. Колокольчики смолкли, и только по-временамъ, когда лошади встряхивались или вздергивали головой, разсыпался по воздуху быстрый переливъ тонкаго звона.

— Нашъ извощикъ смотритъ на кучера кареты, сказалъ Ричардъ: —вотъ кучеръ подходитъ къ намъ... Здорово, пріятель!.. Кучеръ стоитъ ужь у дверцы нашей коляски... Чтò за чудо!.. прибавилъ Ричардъ, смотря пристально на кучера:—у него на шляпѣ ваше имя, Ада!

У него на шляпѣ всѣ наши имена. За ленточкой, опоясывающей низъ его шляпы, были заткнуты три записочки; одна, адресованная на имя Ады, другая на имя Ричарда, третья, на мое имя. Кучеръ почтительно подалъ намъ эти записочки, прочтя предварительно вслухъ, адресъ на каждой изъ нихъ. На вопросъ Ричарда отъ кого посланъ, онъ отвѣчалъ коротко: «отъ господина, сэръ» нахлобучился шляпой, хлопнулъ кнутомъ и покатилъ впередъ. И снова залились колокольчики, оглашая воздухъ мелодическимъ звономъ.

— Это карета мистера Жарндиса? спросилъ Ричаръ нашего извозщика.

— Дà, сэръ, отвѣчалъ онъ: — ѣдетъ въ Лондонъ.

Мы развернули записки; всѣ онѣ были одного содержанія и заключались въ слѣдующихъ словахъ:

«Я желаю, милый другъ, чтобъ мы встрѣтились попріятельски, безъ взаимныхъ недоразумѣній, а потому, предлагаю предать забвенію все прошедшее. Это будетъ утѣшеніемъ сколько для васъ, столько и для меня. Остаюсь любящій васъ».

«Джонъ Жарндисъ«.

Изъ всѣхъ насъ троихъ, я, быть-можетъ, менѣе могла удивляться лаконической запискѣ, потому-что мнѣ никогда не удавалось благодарить этого человѣка, который былъ моимъ благодѣтелемъ и единственнымъ защитникомъ моимъ впродолженіе столькихъ лѣтъ. Я никогда не думала, какъ выразить ему мои чувства за все добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, потому-что благодарность моя была глубоко въ моемъ сердцѣ; но теперь я находила очень-затруднительнымъ не сказать ему ни слова, встрѣтясь съ нимъ, лицомъ къ лицу.

По поводу этихъ записокъ, Ричардъ и Ада начали припоминать все, чтò слыхали въ дѣтствѣ о родственникѣ своемъ Жарндисѣ; они говорили, что это человѣкъ безконечно-добрый, но дѣлаетъ добро въ-тайнѣ и

Digitized by Google

тернѣтъ не можетъ, чтобъ его благодарили. Чтобъ избѣгнуть благодарности, онъ рѣшается иногда на странныя выходки, сердится, бранится, убѣгаетъ изъ дома и скрывается по нѣсколькимъ мѣсяцамъ. Ада смутно припоминала, что, какъ-то давно, очень-давно, ей разсказывала покойная мать ея, что она была въ жалкомъ положеніи; мистеръ Жарндисъ узналъ объ этомъ, вывелъ ее изъ затрудненія, осыпалъ благодѣяніями, такъ-что она рѣшилась, во чтò бъ ни стало, прійдти къ своему благодѣтелю и благодарить его — чтò жь случилось? Мистеръ Жарндисъ увидавъ изъ окна, что она подходитъ къ его дому и догадавшись о цѣли ея посѣщенія, опрометью бросился къ задней калиткѣ и исчезъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Эти разсказы занимали насъ всю дорогу, и мы ни о чемъ другомъ не могли говорить, какъ только о мистерѣ Жарндисѣ и о Холодномъ Домѣ. Мы спрашивали другъ друга, когда мы пріѣдемъ, какъ мы пріѣдемъ, кого мы увидимъ, тотчасъ ли выйдетъ къ намъ мистеръ Жарндисъ, или спустя нѣсколько времени, и чтò онъ намъ скажетъ и чтò мы ему скажемъ, и кàкъ остеречься отъ благодарности, а то, пожалуй, онъ разсердится, исчезнетъ и оставитъ насъ опять однихъ.

Дорога была тяжелая для лошадей, но пѣшеходныя тропинки по сторонамъ были заманчивы; мы вышли изъ экипажа и стали подыматься въ гору пѣшкомъ. Прогулка такъ намъ понравилась, что, взойдя на гору, мы еще долго продолжали идти пѣшкомъ по равнинѣ. Въ Барнетѣ для насъ были готовы свѣжія лошади, но ихъ нельзя было тотчасъ закладывать въ экипажъ, потому-что ихъ выкормили только-что передъ нашимъ пріѣздомъ и надо было нѣсколько обождать; пользуясь этимъ временемъ мы пошли впередъ, опять пѣшкомъ, и успѣли перейдти два поля, пока догнала насъ коляска. Эти остановки такъ замедлили наше путешествіе, что короткій день смѣнился длинною ночью прежде, чѣмъ мы достигли Сент-Альбанса, поблизости котораго лежалъ Холодный Домъ.

Въ это время мы были въ такомъ странномъ настроеніи духа, что даже Ричардъ сознавался, когда колеса нашего экипажа загремѣли по камнямъ старыхъ улицъ, что въ немъ преобладало сильное желаніе обратиться *вспять;* что жь касается до меня съ Адою, то мы въ полномъ смыслѣ дрожали съ головы до ногъ. При выѣздѣ изъ города, извощикъ нашъ, которому мы, вѣрно, очень понравились, сказалъ Ричарду, что теперь Холодный Домъ видѣнъ, несмотря на то, что ужь порядочно смерклось; мы привстали въ коляскѣ (Ричардъ поддерживалъ Аду) и старались отыскать на обширномъ горизонтѣ, при свѣтѣ лунной ночи, мѣсто нашего назначенія. Передъ нами мерцалъ огонекъ, и кучеръ, указавъ на него кнутомъ, сказалъ: «вотъ Холодный Домъ, господа, посмотрите!» ударилъ по лошадямъ и, несмотря на то, что дорога шла въ

Digitized by Google

гору, помчалъ насъ съ такой быстротою, что колеся вздымали песокъ и мелкіе камни, и то-и-дѣло посылали ихъ намъ въ головы. Завѣтный свѣтъ то терялся, то снова показывался и наконецъ, когда мы въѣхали въ широкую аллею, то увидѣли его ясно и больше не теряли изъ вида : онъ выходилъ изъ окна стариннаго дома, въ три этажа по переднему фасаду и съ полуциркульными подъѣздами. Когда мы подъѣхали къ дому, раздался звонъ колокольчика, и этотъ звонъ, среди ночной тишины и отдаленный лай собакъ и свѣтъ изъ отворенной двери, фырканье и паръ усталыхъ лошадей, учащенное біеніе нашихъ сердецъ — все это вмѣстѣ производило на насъ странное впечатлѣніе: смѣсь страха, надежды, замѣшательства и радости.

— Ада, душа моя! Эсѳирь, моя милая! какъ я радъ, что васъ вижу! милый Рикъ; еслибъ я имѣлъ еще руку, я бы протянулъ ее вамъ!

Джентльменъ, который говорилъ эти слова, звучнымъ пріятнымъ голосомъ, одною рукою обнималъ Аду, другою меня и цаловалъ насъ съ отеческою заботливостью. Онъ провелъ насъ изъ сѣней въ маленькую комнатку, согрѣтую и освѣщенную яркимъ огнемъ въ каминѣ. Здѣсь онъ еще поцаловалъ насъ, посадилъ рядомъ на диванъ, противъ камина, и мнѣ казалось, что еслибъ мы только произнесли одно слово благодарности, онъ исчезъ бы въ ту же минуту.

— Ну Рикъ! сказалъ онъ:—теперь руки мои свободны. Доброе слово лучше цѣлой рѣчи. Я отъ души радъ, что вижу васъ. Здѣсь вы дома. Обогрѣйтесь.

Ричардъ пожалъ ему обѣ руки съ чувствомъ уваженія и откровенности и сказалъ (съ такимъ чистосердечіемъ, что я, по правдѣ сказать, испугалась : мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ, мистеръ Жарндисъ сейчасъ исчезнетъ) : — «вы очень-добры сэръ; мы очень, очень вамъ обязаны!» снялъ шляпу и пальто и подошелъ къ огню.

— Ну какъ вамъ понравилась дорога? какъ вамъ понравилась мистриссъ Желлиби мои милые? сказалъ мистеръ Жарндисъ обращаясь къ Адѣ?

Пока Ада отвѣчала, я взглянула на него (нѣтъ надобности говорить съ какимъ любопытствомъ). Лицо его было красиво и оживлено быстрымъ, подвижнымъ взоромъ. Волосы его были серебристо-стальнаго цвѣта. На мой взглядъ ему было подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ свѣжъ, крѣпокъ и имѣлъ совершенно-прямой станъ. Съ первой минуты нашего свиданія, голосъ его и манера говорить, пробудили во мнѣ, какое-то смутное воспоминаніе, въ которомъ однакожь я не могла дать себѣ отчета; но, разсмотрѣвъ его теперь пристальнѣе, я замѣтила ту же странность обхожденія, тотъ же веселый, насмѣшливый взглядъ, ко-

Digitized by Google

торый я встрѣтила въ джентльменѣ, шесть лѣтъ тому назадъ, ѣхавшемъ со мною въ Ридингъ. Никогда въ жизни я не была такъ испугана, какъ теперь, когда мнѣ казалось, что онъ, угадавъ мои мысли, такъ и поглядываетъ на дверь, чтобъ ускользнуть.

Однакожь, къ нашей радости, онъ никуда не ускользнулъ, но, оборотясь ко мнѣ, спросилъ, что̀ я думаю о мистриссъ Желлиби?

— Она слишкомъ углублена въ Африку сэръ, сказала я.

— Благородно! очень-благородно! отвѣчалъ мистеръ Жарндисъ:—но вы говорите то же самое, что̀ и Ада; нѣтъ ли у васъ какой задней мысли?

— Намъ казалось, возразила я, взглянувъ на Ричарда и Аду:—что она, быть-можетъ, мало обращаетъ вниманія на семейную жизнь свою.

— *Прокатило!* воскликнулъ мистеръ Жарндисъ.

Я опять очень испугалась.

— Хорошо, говорите; мнѣ надобно знать ваши истинныя мысли. Быть-можетъ, я съ цѣлью посылалъ васъ къ ней.

— Мы думали, говорила я несмѣло: — что, быть-можетъ, должно прежде всего начать съ исполненія семейныхъ обязанностей, сэръ, и что если эти обязанности пренебрежены, то врядъ ли можно искупить этотъ недостатокъ исполненіемъ какихъ-либо другихъ обязанностей.

— Маленькіе Желлиби, сказалъ Ричардъ, поддерживая меня:—извините сэръ, я не могу прибрать другаго выраженія, находятся въ скверномъ состояніи.

— Да, такъ вотъ что̀! сказалъ мистеръ Жарндисъ поспѣшно: — вѣтеръ восточный?

— Во время пути нашего, замѣтилъ Ричардъ: — вѣтеръ былъ сѣверный.

— Милый мой Рикъ, сказалъ мистеръ Жарндисъ, поправляя огонь въ каминѣ: — я готовъ присягнуть, что вѣтеръ или восточный или сейчасъ повернетъ съ востока. Я всегда чувствую непріятную боль, то тамъ, то сямъ, когда дуетъ восточный вѣтеръ.

— Ревматизмъ, сэръ? спросилъ Ричардъ.

— Да̀, Рикъ, должно-быть, ревматизмъ. Итакъ маленькіе Желли— я этого боялся — находятся въ самомъ, о-о-охъ! Боже мой, этотъ восточный вѣтеръ! сказалъ мистеръ Жарндисъ.

Онъ сдѣлалъ два или три круга по комнатѣ, говоря эти отрывистыя фразы. Въ одной рукѣ онъ держалъ кочергу, другою потиралъ себѣ голову, съ такою *добродушною* досадою и былъ въ одно и то же время столько забавенъ и столько любезенъ, что мы любовались имъ болѣе, чѣмъ это возможно выразить на словахъ. Оставя кочергу, онъ протянулъ одну руку Адѣ, другую мнѣ и, попросивъ Ричарда принести

Digitized by Google

свѣчку, хотѣлъ вывести насъ въ другую комнату, но вдругъ повернувшись назадъ, сказалъ:

— Эти маленькіе Желлиби... Знаю, вамъ бы хотѣлось, чтобъ на нихъ посыпались съ неба конфекты или пряники, или что-нибудь въ этомъ родѣ! сказалъ мистеръ Жарндисъ.

— Ахъ братецъ!.. начала вдругъ Ада.

— Хорошо, милочка. Люблю слово: братецъ. Но, братецъ Джонъ, было бъ, можетъ, лучше.

— Пожалуй, братецъ Джонъ... смѣясь, начала опять Ада.

— Ха, ха, ха! Право, хорошо, сказалъ мистеръ Жарндисъ съ восторгомъ: — звучитъ необыкновенно-натурально; ну, что жь моя милая?

— Да то, что было лучше конфектъ.

— Имъ судьба послала Эсѳирь.

— А, а! сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Что жь сдѣлала Эсѳирь?

— Вотъ что, братецъ Джонъ... начала Ада, прижавшись къ его рукѣ и грозя мнѣ пальчикомъ, потому-что я дѣлала ей знаки, чтобъ она молчала: — Эсѳирь была ихъ истиннымъ другомъ. Эсѳирь нянчила ихъ, укладывала ихъ спать, мыла ихъ, одѣвала ихъ, разсказывала имъ сказки, убаюкивала ихъ, покупала имъ игрушки. (Добрая дѣвушка! я только купила Биби картонную лошадку послѣ того, какъ его отъискали на Ньюгетскомъ Рынкѣ). Она ободряла бѣдную Каролину, старшую дочь мистрисъ Желлиби; была такъ озабочена мною, такъ любезна ко мнѣ! Нечего, нечего Эсѳирь, не противорѣчь мнѣ! ты знаешь, что я говорю правду.

Добрая дѣвушка наклонилась ко мнѣ черезъ своего брата Джона и поцаловала меня, а потомъ, взглянувъ на него смѣло, сказала:

— Во что̀ бъ ни стало, но я хочу, братецъ Джонъ, поблагодарить васъ за такой прекрасный выборъ такой прекрасной подруги для меня.

Мнѣ казалось, что мистеръ Жарндисъ сейчасъ же исчезнетъ; однакожь онъ остался.

— Какой былъ вѣтеръ? говорили вы Рикъ, спросилъ мистеръ Жарндисъ.

— Сѣверный, когда мы подъѣзжали къ дому, сэръ.

— Вы правы. Восточнаго вѣтра нѣтъ. Это моя ошибка. Пойдемте, милыя дѣвушки, пойдемъ и посмотримъ вашъ домикъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ, неправильно-расположенныхъ домовъ, въ которыхъ полы находятся въ разныхъ горизонтахъ и вы переходите изъ комнаты въ комнату по ступенямъ, или полагая, что ужь осмотрѣли все, вдругъ, совершенно-неожиданно, встрѣчаете еще

Digitized by Google

новый рядъ комнатъ, гдѣ множество переходовъ, коридорчиковъ, сѣней и пристроекъ; гдѣ вы находите множество *комнатъ-бесѣдокъ* съ жалюзи, обвитыми плющомъ и дикимъ виноградомъ. Моя комната, въ которую мы прежде всего вошли, принадлежала къ роду послѣднихъ; она была съ стрѣльчатымъ сводомъ, въ которомъ виднѣлось столько угловъ, что я никогда не могла перечесть ихъ за одинъ разъ; въ углу былъ каминъ (на рѣшеткѣ котораго горѣли сухія березовыя дрова), выложенный чистыми, бѣлыми изразцами, и въ каждомъ изъ нихъ отражался огонь. Изъ этой комнаты, спустясь на двѣ ступени, вы входите въ очаровательный маленькій будуаръ, выходящій на цвѣтникъ; далѣе, поднявшись на три ступени, попадаете въ спальню Ады; въ этой комнатѣ широкое окно, изъ котораго взоръ вашъ любуется прекраснымъ видомъ днемъ, а ночью передъ вами огромное темное пространство и звѣздное небо. Углубленіе въ окнѣ было такъ велико, что по-крайней-мѣрѣ три Ады могли въ немъ потеряться. Отсюда небольшой галереей вы выйдете въ двѣ парадныя комнаты, пройдя которыя, маленькою лѣстницею спуститесь во дворъ. Если же изъ моей комнаты идти не въ спальню Ады, а вернуться назадъ, то, пройдя нѣсколько шаговъ, вы встрѣчаете лѣсенку, съ странно-изогнутыми ступенями; спустясь по ней, увидите безчисленное множество коридоровъ, гдѣ стоятъ катки для бѣлья, треугольные столы, настоящій индостанскій стулъ, который былъ вмѣстѣ и диваномъ, и сундукомъ, и кроватью, и былъ привезенъ изъ Индіи неизвѣстно кѣмъ и когда. Дальше вы попадаете въ комнату Ричарда, которая была и библіотекой и кабинетомъ, и спальней и казалась самой удобной и самой веселой. Отсюда прямо вы входите въ обширную комнату, въ которой мистеръ Жарндисъ круглый годъ спалъ съ открытымъ окномъ. Кровать его, безъ занавѣсъ, стояла посерединѣ, и, немного дальше, была небольшая каморка для ванны. Отсюда былъ выходъ прямо въ коридоръ изъ котораго шло нѣсколько надворныхъ лѣстницъ и можно было слышать, какъ конюхи чистятъ лошадей и разные тпру! и ну! которыми они ихъ ободряютъ. На этотъ же дворъ можно было выйдти и въ другую дверь (каждая комната имѣла по-крайней-мѣрѣ двѣ двери); стоило только спуститься шесть или семь ступенекъ.

Отдѣлка дома также, какъ и самый домъ, была скорѣе старинная, чѣмъ старая, и не утомляла взора скучнымъ однообразіемъ. Спальня Ады — это настоящій цвѣтникъ: цвѣты на ситцѣ, на шпалерахъ, на бархатѣ, на вышивкахъ; цвѣты на парчѣ, которою были обиты два кресла съ высокими спинками (близь нихъ, какъ два пажа, стояли два табурета, по обѣимъ сторонамъ камина). Гостиная наша была зе-

Digitized by Google

леная и по стѣнамъ ея висѣло множество картинъ въ рамахъ и подъ стекломъ; картины изображали множество удивительныхъ и удивленныхъ птицъ, которыя изъ-за стекла своихъ рамокъ, были, казалось, поражены истинною форелью въ стеклянномъ сосудѣ, такою темною и лоснящеюся, какъ-будто бы она была приготовлена съ говяжей подливкой; были онѣ поражены и смертью капитана Кука, и изображеніемъ полнаго процеса приготовленія чая въ Китаѣ, по образцу китайскихъ маэстро.

Въ моей комнатѣ были эллиптической формы гравюры, представляющія эмблемы мѣсяцевъ: леди, занимающіяся уборкою сѣна, въ короткихъ шпензерахъ, и широкихъ шляпахъ, подвязанныхъ подъ подбородокъ — для іюня; тонконогіе джентльмены въ треугольныхъ шляпахъ, идущіе на деревенскую колокольню — для октября. Грудныхъ портретовъ, рисованныхъ карандашомъ, было многое-множество; но они были разбросаны въ такомъ безпорядкѣ, что я нашла портретъ брата (молодаго офицера, *висящаго* у меня въ комнатѣ, въ буфетной); а портретъ старика (отца хорошенькой молодой невѣсты, съ цвѣткомъ на груди) въ столовой. Зато въ моей комнатѣ, въ видѣ дополненія, висѣла большая картина, изображающая четырехъ купидоновъ, подымающихъ на воздухъ четырьмя гирляндами изъ розъ и незабудокъ, весьма-толстаго джентльмена въ костюмѣ вѣка королевы Анны; пониже ея висѣла другая картина — вышивка; на ней были плоды, котелъ и азбука. Всѣ движимыя вещи, начиная отъ шкаповъ для платья, до креселъ и столовъ, занавѣсокъ и зеркалъ, даже до подушечекъ для булавокъ и стклянечекъ съ духами, стоящихъ на туалетѣ — все было разнообразно. Вся мёбель покрывалась бѣлыми чистыми чехлами, а ящики въ шкапахъ, какъ большіе такъ и малые, заключали въ себѣ значительный запасъ сухихъ розановъ и лаванды.

Пріятный видъ оконъ, съ богатыми тяжелыми занавѣсами, освѣщенныхъ съ одной стороны блѣдною луною, а съ другой яркимъ огнемъ камина; гостепріимное бряцанье тарелокъ и ножей; свѣжій ароматный воздухъ, пріятная теплота комнатъ, комфортъ, радостное лицо хозяина, одушевляющее все — вотъ что̀ представилось намъ въ Холодномъ Домѣ. Таковы и наши первыя впечатлѣнія.

— Я очень-радъ, что домикъ понравился вамъ, сказалъ мистеръ Жарндисъ, когда мы обошли комнаты и возвратились къ нашей гостиной: — онъ, знаете, безъ претензій, но удобенъ и покоенъ, и будетъ даже красивъ, когда въ немъ засверкаютъ такіе миленькіе глазки, какъ ваши. Намъ еще остается съ полчаса до обѣда. У меня никого нѣтъ, кромѣ лучшаго на землѣ созданія — дитяти.

— Дѣти — Эсѳирь, радуйся! сказала Ада.

Digitized by Google

— Я не говорю, что это ребенокъ въ буквальномъ смыслѣ слова, продолжалъ мистеръ Жарндисъ: — по лѣтамъ, это не дитя; онъ не только въ лѣтахъ, но такой же старикъ, какъ и я; по простодушію же своему, по свѣжести чувствъ, по энтузіазму и по совершенной неспособности къ мірскимъ дѣламъ, онъ настоящій ребенокъ.

— Мы были увѣрены, что онъ намъ очень понравится.

— Онъ знаетъ мистриссъ Желлиби, говорилъ мистеръ Жарндисъ: онъ музыкантъ, аматёръ, но могъ бы быть и виртуозомъ; онъ артистъ, дилеттантъ, но могъ бы быть и живописцемъ; онъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями, съ очаровательною манерою; онъ былъ несчастливъ въ своихъ дѣлахъ, несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ, несчастливъ въ своемъ семействѣ; но ему все равно — онъ дитя!

— Стало-быть, онъ имѣлъ своихъ дѣтей, сэръ? спросилъ Ричардъ.

— Да̀, Рикъ, съ полдюжины, даже больше, почти съ дюжину, я думаю; но онъ за ними никогда не смотрѣлъ. И могъ ли онъ смотрѣть? ему нуженъ человѣкъ, который присматривалъ бы за нимъ. Онъ, вѣдь, я говорю вамъ, дитя!

— И дѣти его, должны были сами о себѣ заботиться, сэръ?

— Да̀, безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ мистеръ Жарндисъ, и лицо его мгновенно вытянулось. — О дѣтяхъ подобныхъ людей говорятъ, что они не воспитываются, а растутъ какъ сморчки. Словомъ, дѣти Гарольда Скимполя, такъ или иначе, выросли. О-о-охъ! вѣтеръ опять, кажется, мѣняется. Я начинаю чувствовать!

Ричардъ замѣтилъ, что мѣстность была очень-открыта.

— Открыта! сказалъ мистеръ Жарндисъ: — нечего и говорить; одно названіе, Холодный Домъ, ужь показываетъ, что безъ вѣтра не обойдешься. Но намъ, Рикъ, по дорогѣ; идемъ!

Вещи наши были ужь привезены и разложены. Я одѣлась въ одну минуту и занималась укладкою нашихъ платьевъ въ различные ящики и шкапы; въ это время служанка (не та, которая ожидала Аду, а другая) вошла въ мою комнату съ коробочкою и ключами въ рукахъ.

— Это для васъ, миссъ, если позволите, сказала она мнѣ.

— Для меня? спросила я.

— Хозяйственные ключи миссъ.

Я не могла скрыть своего удивленія, такъ-что служанка, пораженная выраженіемъ моего лица, сказала мнѣ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Мнѣ было приказано вамъ отдать ихъ, когда вы будете однѣ, миссъ. Ваше имя миссъ Семерсонъ, если я не ошибаюсь?

— Да̀, это мое имя.

Digitized by Google

— Большая связка — это хозяйственные ключи, а маленькая — это ключи отъ погреба, миссъ. Когда вамъ будетъ угодно осмотрѣть погребъ и всѣ вещи — прикажите: я къ вашимъ услугамъ.

Я обѣщалась осмотрѣть все въ половинѣ седьмаго на другой день, и когда она ушла, я задумалась о той отвѣтственности, которая лежитъ на мнѣ. Въ такомъ положеніи застала меня Ада. Она столько оказала мнѣ довѣрія, когда я ей показала ключи и заговорила съ нею о нихъ, что дурно было бы съ моей стороны не ободриться: это было бы даже въ высшей степени неблагодарно и безчувственно. Хотя я знала, что ея слова слѣдствіе ея же доброты, однакожь не могла не утѣшиться ими.

Когда мы спустились внизъ, мистеръ Жарндисъ представилъ насъ мистеру Скимполю, который, стоя передъ огнемъ, разсказывалъ Ричарду, какой онъ былъ мастеръ, когда еще воспитывался въ школѣ, подкидывать мячикъ ногой.

Мистеръ Скимполь былъ кроткое, веселое созданіе, съ очень-объёмистой головой, но съ нѣжными чертами лица, съ пріятнымъ голосомъ и вообще въ немъ было много очаровательнаго. Все, что̀ онъ ни говорилъ, было прямо отъ сердца, безъ всякихъ натяжекъ и съ такою плѣнительною веселостью, что слушать его казалось наслажденіемъ. На видъ онъ былъ слабѣе мистера Жарндиса, но цвѣтъ лица его былъ лучше, волосы темнѣе и, вообще, казался моложе его. По наружности, онъ походилъ болѣе на преждевременно-состарѣвшагося молодаго человѣка, чѣмъ на сохранившагося старика. Въ манерахъ его, и даже въ одеждѣ, была какая-то непринужденная небрежность: волосы его были тщательно причесаны, а галстухъ слабо завязанъ, словомъ: онъ былъ одѣтъ точь-въ-точь такъ, какъ имѣютъ привычку одѣваться артисты, рисуя портреты съ самихъ-себя. Такую небрежность я привыкла въ умѣ своемъ всегда соединять съ какимъ-нибудь романтическимъ юношей, успѣвшимъ разочароваться умышленнымъ или неумышленнымъ образомъ. По моему мнѣнію, она мало шла къ старику, который ужь прожилъ длинный рядъ годовъ, полный заботъ и опытности.

Я узнала изъ разговора, что мистеръ Скимполь готовился къ медицинской карьерѣ и ужь жилъ въ качествѣ доктора при дворѣ одного германскаго принца. Онъ, между-тѣмъ, разсказывалъ намъ, что, будучи совершеннымъ ребенкомъ во всемъ, что̀ касалось мѣры и вѣса, и зная только то, что они ему страшно надоѣдали, онъ никогда не былъ въ состояніи прописать рецептъ съ надлежащею въ этомъ дѣлѣ точностью. Вообще, говорилъ онъ, что голова его не была устроена для мелочей; онъ также разсказывалъ съ большою веселостью, что когда надо

Digitized by Google

было пустить кому-нибудь кровь, или дать лекарство, то его всегда находили въ постели, читающимъ газеты, или рисующимъ каррикатуры, и, слѣдовательно, не въ-состояніи идти къ паціенту. Принцъ, недовольный, наконецъ, этимъ, въ чемъ, говорилъ мистеръ Скимполь съ полною откровенностью, онъ былъ совершенно-правъ — отказалъ ему; и мистеръ Скимполь, какъ онъ самъ сознавался, остался ни съ чѣмъ; потомъ онъ влюбился, женился и окружилъ себя розовыми амурами. Добрый другъ его Жарндисъ и нѣкоторые другіе добрые друзья, желая устроить его въ матеріальномъ отношеніи, доставляли ему, болѣе или менѣе-скоро, различныя мѣста и должности; но все это ни къ чему не вело, потому-что онъ долженъ сознаться въ двухъ очень-странныхъ недостаткахъ: вопервыхъ, онъ не имѣетъ понятія о времени; вовторыхъ, онъ не понимаетъ цѣнности денегъ. Потому-то онъ не могъ взяться ни за какую должность, не могъ окончить ни одного дѣла и не зналъ цѣны ни одной вещи. Такъ онъ жилъ, такъ ему и живется. Онъ очень любитъ читать газеты, очень любитъ рисовать карандашомъ каррикатуры, очень любитъ природу, очень любитъ искусство. Онъ требуетъ отъ людей только дать ему жить. Это немного. Чтò ему надо? Дайте ему газеты, общество, музыку, баранины, кофе, хорошій видъ, зелень, нѣсколько листовъ бристольской бумаги, стаканъ-другой бордо — вотъ и все, чтò ему надо. Хотя онъ и ребенокъ, но не станетъ тянуться за мѣсяцемъ. Онъ сказалъ людямъ: — Идите съ миромъ по вашимъ различнымъ дорогамъ. Носите красные кафтаны, синіе камзолы, батистовые рукава, засовывайте перья за уши, стремитесь за славой, торговлей, промышленостью, за всѣмъ, чтò вамъ вздумается, только дайте Гарольду Скимполю жить!

Все это, и еще значительно-болѣе, онъ сообщилъ намъ не только съ большою живостью и самодовольствомъ, но даже какъ-бы съ нѣкоторымъ достоинствомъ. О себѣ онъ говорилъ, какъ о постороннемъ человѣкѣ, какъ-будто онъ зналъ какого-то Скимполя, который, имѣя свои особенности, также имѣетъ и свои права. Если мнѣ было странно въ то время согласить то, чтò онъ говорилъ, съ тѣмъ, чтò я составила въ моемъ умѣ объ обязанностяхъ и долгѣ человѣка, то еще страннѣе было для меня понять, какимъ-образомъ онъ считалъ себя въ-правѣ быть свободнымъ отъ этихъ обязанностей; а что онъ сбросилъ ихъ съ себя, какъ величайшій эгоистъ, тутъ не было никакого сомнѣнія: онъ такъ опредѣлительно и такъ отчетливо выражался.

— Я ничего не домогаюсь, говорилъ мистеръ Скимполь, съ своею обычною легкостью. — Владѣнія для меня ничто. Для меня достаточно прекраснаго дома друга моего Жарндиса. Я обязанъ Жарндису за то,

Digitized by Google

что онъ владѣетъ такимъ домомъ. Я могу снять его планъ и фасадъ и измѣнять сколько душѣ угодно. Могу положить его на ноты. Когда я здѣсь, я ужь имъ достаточно владѣю; но все это безъ непріятностей, расходовъ и отвѣтственности. Словомъ, управляющій мой Жарндисъ, и онъ меня никогда не надуетъ. Мы только-что говорили о мистриссъ Желлиби. Вотъ женщина, съ сильной волей, съ огромнымъ запасомъ дѣловыхъ мелочей, хватается за все съ *изумительной энергіей*. Я нисколько не ропщу на себя за то, что не имѣю ни столько твердой воли, ни такого запаса дѣловыхъ мелочей, чтобъ хвататься за все съ изумительной энергіей. Я могу ей удивляться безъ зависти; могу симпатизировать ея дѣлу; могу бредить имъ на яву и во снѣ; могу лечь на траву (понимается — въ хорошую погоду), переплыть африканскую рѣку, обнять всѣхъ туземцевъ, которые мнѣ повстрѣчаются, съ полнымъ сочувствіемъ къ глубокому ихъ молчанію; нарисовать махровыя головки роскошныхъ тропическихъ растеній, съ такою отчетливостью, какъ-будто я ихъ въ-самомъ-дѣлѣ видѣлъ. Не знаю, можетъ ли изъ этого выйдти что-нибудь полезное, но вотъ, однако, все, что̀ я могу сдѣлать и что̀ я дѣлаю. Итакъ, Гарольдъ Скимполь, сознавая, что онъ самое довѣрчивое дитя, заклинаетъ тебя, свѣтъ — собраніе практическихъ людей съ дѣловыми привычками, дать ему жить и дозволить ему ѣздить верхомъ на своей палочкѣ.

Ясно было, что мистеръ Жарндисъ не оставался равнодушенъ къ такому заклятію. Положеніе мистера Скимполя у него въ домѣ было, и безъ словъ послѣдняго, очевиднымъ въ томъ ручательствомъ.

— Только вамъ завидую я, великодушныя созданія! говорилъ мистеръ Скимполь, повернувшись къ намъ, новымъ друзьямъ своимъ, но не обращаясь ни къ кому лично. — Я завидую вашей способности дѣлать то, что̀ вы дѣлаете...

Чѣмъ мы болѣе слушали, тѣмъ съ бо̀льшею веселостью говорилъ загадочный мистеръ Скимполь. Вечеромъ, когда я готовилась дѣлать чай, а Ада въ сосѣдней комнатѣ играла на фортепьяно, тихо напѣвая какую-то мелодію братцу своему, Ричарду, мистеръ Скимполь сѣлъ рядомъ со мной на диванъ и говорилъ объ Адѣ въ такихъ выраженіяхъ:

— Она похожа на утро, говорилъ онъ: — съ этими золотистыми волосами, съ голубыми глазами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, она похожа на лѣтнее утро. Птицы здѣшнія будутъ ошибаться, будутъ принимать ее за цвѣтокъ. Такое нѣжное, милое существо — утѣшеніе всему человѣческому роду. Мы не будемъ называть ее сиротою: она дитя вселенной.

Digitized by Google

Мистеръ Жарндисъ, я замѣтила, стоялъ неподалеку отъ насъ, съ руками, заложенными за спину, съ значительной улыбкой на лицѣ.

— Еслибъ была моя воля (при этомъ мистеръ Скимполь взглянулъ на Ричарда и Аду), на пути ихъ не было бы терніевъ тягостной дѣйствительности; я его усѣялъ бы цвѣтами, я проложилъ бы его по долинамъ, которыхъ не только не посѣщаетъ зима, но на которыхъ не бываетъ ни весны, ни осени, а царствуетъ одно только лѣто; на который ни лѣта, ни перемѣны не имѣютъ вліянія. И пошлое слово «деньги» никогда бы не поразило ихъ слуха.

Мистеръ Жарндисъ улыбнулся и слегка ударилъ рукою по головѣ мистера Скимполя, какъ-будто бы онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ дитя. Потомъ, сдѣлавъ шагъ или два впередъ, онъ остановился и взглянулъ на милую парочку. Взглядъ его былъ задумчивъ, но исполненъ добродушнаго выраженія, которое я часто, о, какъ часто! подмѣчала впослѣдствіи и которое глубоко врѣзалось въ мое сердце. Комната, гдѣ они сидѣли, была освѣщена только огнемъ камина. Ада сидѣла за роялемъ, Ричардъ стоялъ позади ея, нагнувшись надъ нею. На стѣнѣ тѣни ихъ сливались въ одну и дрожали въ таинственныхъ кругахъ, отъ колеблющагося пламени. Ада играла и пѣла такъ тихо, что такъ же ясно, какъ звуки ея голоса, былъ слышенъ шелестъ вѣтра по вершинамъ отдаленныхъ холмовъ. Тайна будущаго и легкій намёкъ на него, выраженный настоящимъ, обрисовывались вполнѣ въ этой картинѣ.

Но не для того вызвала я эту сцену изъ прошедшаго, чтобъ вспомнить мысль, которая мнѣ тогда запала въ голову—нѣтъ; я ее помню очень-хорошо. Вопервыхъ, не скрылось отъ меня различіе понятій и намѣреній въ безмолвномъ взглядѣ, брошенномъ въ ту сторону и въ потокѣ словъ, ему предшествовавшемъ. Вовторыхъ, хотя мистеръ Жарндисъ остановилъ на мнѣ взглядъ только минуту, но я поняла, что онъ довѣрялъ мнѣ свою надежду, что Ада и Ричардъ соединятся болѣе близкими узами, и онъ видѣлъ, что я поняла его.

Мистеръ Скимполь игралъ на фортепьяно и віолончелѣ; онъ былъ и композиторъ, началъ сочинять оперу, но на половинѣ соскучился и бросилъ. Свои сочиненія онъ разъигрывалъ съ большимъ вкусомъ. Послѣ чая, мы составили совершенный концертъ, въ которомъ Ричардъ, обвороженный голосомъ Ады, говорилъ мнѣ, что она знаетъ всѣ существующія пѣсни, а мистеръ Жарндисъ и я составляли партеръ. Черезъ нѣсколько времени ушелъ мистеръ Скимполь, а за нимъ вскорѣ и Ричардъ, и пока я думала, какъ могъ Ричардъ уйдти и потерять такъ много, дѣвушка, которая принесла мнѣ ключи, выглянула изъ-за двери и сказала:

Digitized by Google

— Миссъ, если вамъ угодно, выйдите ко мнѣ на минутку!

Когда мы съ ней остались вдвоемъ, она всплеснула руками и вскрикнула :

— О, миссъ, мистеръ Карстонъ проситъ васъ, ради-Бога, взойдти наверхъ, въ комнату мистера Скимполя. Его поразилъ сильный ударъ, миссъ!

— Ударъ? сказала я.

— Дà, миссъ, внезапно, отвѣчала служанка.

Я боялась, что болѣзнь его, можетъ-быть, серьёзна, однакожъ, просила служанку никого не безпокоить въ домѣ и, идя за ней по лѣстницѣ, придумывала, какое изъ средствъ, мнѣ извѣстныхъ, болѣе употребительно при ударѣ. Между-тѣмъ, служанка отворила дверь, я взошла въ комнату и, къ невыразимому удивленію, застала мистера Скимполя ни распростертымъ на полу, ни даже лежащимъ на постелѣ, а стоящимъ спокойно спиною къ камину и смотрящимъ съ улыбкою на Ричарда; между-тѣмъ, какъ Ричардъ, съ лицомъ, совершенно-разстроеннымъ, смотрѣлъ на господина въ длинномъ бѣломъ сюртукѣ, сидящаго на диванѣ. Волосы этого господина были рѣдки, висѣли прядями и онъ еще болѣе примазывалъ ихъ къ головѣ носовымъ платкомъ.

— Миссъ Семерсонъ, сказалъ Ричардъ съ безпокойствомъ: — я очень радъ, что вы пришли. Вы будете такъ добры, выпутаете насъ изъ бѣды. Другъ нашъ мистеръ Скимполь — не пугайтесь, арестованъ за долги.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, милая миссъ Семерсонъ, сказалъ мистеръ Скимполь съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ : — я никогда не былъ въ такомъ положеніи, какъ теперь, въ которомъ мнѣ такъ нуженъ тотъ прямой смыслъ, та опытность, которую каждый, кто имѣлъ счастіе пробыть съ вами хоть четверть часа, можетъ подмѣтить въ васъ.

Господинъ, сидящій на диванѣ, страдалъ, кажется, насморкомъ, потому-что онъ задалъ такое сморканье, что я невольно вздрогнула.

— Съ васъ требуютъ много денегъ, сэръ? спросила я мистера Скимполя.

— Милая моя миссъ Семерсонъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой и покачивая головою: — не знаю. Нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, нѣсколько шиллинговъ, нѣсколько пенсовъ — вотъ, кажется, и все.

— Двадцать-четыре фунта, шестнадцать шиллинговъ и семнадцать съ половиною пенсовъ, проворчалъ незнакомецъ : — вотъ сколько!

— И это звенитъ, а? звенитъ? говорилъ мистеръ Скимполь : — маленькая сумма?

Digitized by Google

Незнакомецъ ничего не сказалъ, но опять поднялъ сморканье такое сильное, что, кажется, еще бы немного, и у него отлетѣлъ бы носъ.

— Мистеръ Скимполь, сказалъ мнѣ Ричардъ: — совѣстится обратиться къ брату Жарндису, потому-что онъ не такъ давно... кажется, сэръ, я такъ васъ понялъ, что онъ не такъ давно...

— О, да! возразилъ мистеръ Скимполь, улыбаясь, хотя я забылъ, сколько это было, и гдѣ это было. Жарндисъ и теперь бы съ охотой за меня заплатилъ, но во мнѣ эпикурейскія чувства: я предпочитаю новизну и мнѣ бы хотѣлось (и онъ взглянулъ на Ричарда и на меня) развить великодушіе въ новой почвѣ.

— Что̀ бы намъ сдѣлать, миссъ Семерсонъ? тихо спросилъ меня Ричардъ.

Прежде, чѣмъ отвѣтить, я рѣшилась сдѣлать вопросъ: что̀ будетъ, если не найдутся деньги?

— Тюрьма... сказалъ незнакомецъ, и хладнокровно положилъ носовой платокъ въ свою шляпу, которая стояла на полу у ногъ его: — или квартира у Коавинса... (¹)

— Могу я спросить, сэръ, что̀ это такое?..

— «Коавинсъ»? сказалъ незнакомецъ: — домъ.

Мы переглянулись съ Ричардомъ. Всего страшнѣе было то̀, что арестъ безпокоилъ насъ, но не мистера Скимполя. Онъ наблюдалъ за нами съ такимъ участіемъ, которое показывало, что отъ этого затрудненія онъ умывалъ руки и въ душѣ своей считалъ его совершенно-нашимъ.

— Я думалъ, говорилъ онъ, стараясь съ полнымъ добродушіемъ вынутать насъ изъ затруднительнаго положенія: — что, имѣя процесъ въ Оберканцеляріи по огромному, какъ говорятъ, наслѣдству, мистеръ Ричардъ, или его прелестная кузина, или оба вмѣстѣ, могли бы подписать, или сдѣлать что-нибудь, или дать ручательство, или письмо, или билетъ—право, не знаю, какъ это называется, но мнѣ кажется, что въ такихъ обстоятельствахъ какою-то бумагой можно отдѣлаться?

— Нѣтъ, дудки! сказалъ незнакомецъ: — ни подъ какимъ видомъ!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? возразилъ мистеръ Скимполь. — Это кажется страннымъ для человѣка, который не можетъ быть судьей въ этихъ дѣлахъ.

(¹) Въ Англіи есть лица, которыя берутъ на свое попеченіе должниковъ, ручаются уплатить за нихъ кредиторамъ, конечно не безъ выгодъ для себя, и къ такимъ-то лицамъ принадлежитъ мистеръ Коавинсъ: фамилія, имѣющая нелестную извѣстность въ Лондонѣ.

Digitized by Google

— Странно, или нѣтъ, сказалъ незнакомецъ грубо: — говорятъ вамъ, деньги — и больше ничего.

— Успокойтесь, не горячитесь, добрый товарищъ! разсуждалъ мистеръ Скимполь, набрасывая карандашомъ эскизъ его головы на заглавномъ листѣ какой-то книги. — Пусть дѣла не разстраиваютъ васъ. Мы можемъ отдѣлить васъ отъ вашей обязанности; мы поймемъ разницу между человѣкомъ и дѣломъ; мы безъ предразсудковъ и знаемъ, что въ частной жизни вы человѣкъ достойный всякаго уваженія, съ большимъ призваніемъ къ поэзіи, быть-можетъ, неотгаданнымъ вами-самими.

Незнакомецъ отвѣчалъ на это только страшнымъ сморканьемъ: было ли оно доказательствомъ сознанія поэтическихъ достоинствъ своихъ, или презрительнаго отвращенія отъ нихъ — не знаю. На этотъ счетъ онъ не выразился.

— Итакъ, милая моя миссъ Семерсонъ и милый мой мистеръ Ричардъ, сказалъ мистеръ Скимполь, весело, невинно и довѣрчиво, смотря съ боку на свой рисунокъ: — вы видите, что я совершенно-неспособенъ пособить самому-себѣ и нахожусь вполнѣ въ вашихъ рукахъ! Я желаю одного только: быть свободнымъ. Бабочки свободны; человѣчество, я полагаю, не захочетъ препятствовать Гарольду Скимполю въ томъ, что̀ оно дозволяетъ бабочкамъ!

— Милая миссъ Семерсонъ, шепнулъ мнѣ Ричардъ: — у меня есть десять фунтовъ стерлинговъ, которые мнѣ далъ мистеръ Кенджъ: нельзя ли ихъ употребить въ дѣло?

У меня самой было денегъ около пятнадцати фунтовъ стерлинговъ и сколько-то шиллинговъ, которые я сберегала впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ говорится, на черный день. Я сказала Ричарду, что эту маленькую сумму денегъ, въ настоящемъ случаѣ не нуждаюсь въ ней; и просила его предупредить мистера Скимполя самымъ деликатнымъ образомъ, пока я схожу за деньгами, что мы уплатимъ его долгъ. Когда я возвратилась, мистеръ Скимполь поцаловалъ мою руку и, казалось, былъ очень-обрадованъ, не за себя (я чувствовала опять это странное противорѣчіе), но за насъ; личное его положеніе не могло имѣть на него ни малѣйшаго вліянія, и онъ единственно наслаждался нашимъ счастіемъ. Ричардъ просилъ меня, чтобъ пріятнѣе покончить дѣло, какъ онъ выражался, раздѣлаться съ Коавинсомъ (такъ въ шутку называлъ незнакомца мистеръ Скимполь); я отсчитала ему деньги и получила отъ него квитанцію. Все это привело въ восторгъ мистера Скимполя.

Похвала его мнѣ была выражена такъ нѣжно, что я покраснѣла менѣе, чѣмъ могла бы, и раздѣлалась съ незнакомцемъ въ бѣломъ сюр-

Digitized by Google

тукѣ, безъ всякой ошибки. Онъ сунулъ деньги въ карманъ и сказалъ отрывисто: «Добрый вечеръ, миссъ.»

— Другъ! сказалъ мистеръ Скимполь, стоя спиною къ огню и отбросивъ эскизъ, вполовину неконченный: — я бы хотѣлъ, не желая васъ оскорбить, сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

Отвѣтъ, кажется, былъ такой: «ну, катай!»

— Предвидѣли ли вы сегодня утромъ, что получите требуемое? спросилъ мистеръ Скимполь.

— Зналъ еще вчера за ужиномъ, сказалъ Коавинсъ.

— И это не лишило васъ аппетита, не причинило вамъ безпокойствъ?

— Ни на мизинецъ, сказалъ Коавинсъ: — кабы сегодня вамъ спустили, завтра бы не спустили: день небольшая штука.

— Но когда вы шли сюда, продолжалъ мистеръ Скимполь: — день былъ очаровательный: солнце сіяло, вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ, свѣтъ и тѣнь перебѣгали по полямъ, птицы щебетали.

— Ну, такъ что̀ жь? не мнѣ же щебетать, возразилъ Коавинсъ.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь: — но что̀ вы думали во время дороги?

— Что̀ такое? проворчалъ незнакомецъ весьма-обиженнымъ тономъ. — Думалъ!.. Мнѣ, сударь, и безъ того дѣла много, а получаю я очень-мало и безъ думанья.

— Такъ вамъ не приходило вовсе въ голову, говорилъ мистеръ Скимполь: — что Гарольдъ Скимполь любитъ наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, любитъ прислушиваться къ завыванію вѣтра, слѣдить за измѣненіемъ свѣта и тѣни; любитъ слушать пѣніе птицъ, этихъ хористовъ природы, и что вы идете оторвать его отъ этихъ предметовъ, лишить его единственнаго наслажденія въ жизни — вамъ вовсе не приходило этого въ голову?

— Мнѣ? такой вздоръ! нѣтъ, сказалъ Коавинсъ, съ такимъ чувствомъ негодованія и съ такимъ содроганіемъ въ голосѣ, что еслибъ онъ не дѣлалъ остановки послѣ каждаго слова, его нельзя было бы понять. Сказавъ послѣднее слово, онъ такъ потрясъ головой, что еслибъ еще немного, то, кажется, у него лопнули бы шейныя жилы.

— Страненъ, замѣчательно-страненъ процесъ мышленія дѣловыхъ людей! сказалъ мистеръ Скимполь задумчиво. — Благодарю васъ, добрый другъ. Покойной ночи!

Наше отсутствіе было довольно-продолжительно, и чтобъ не подать повода къ безпокойству, я, какъ скоро могла, такъ и сошла внизъ. Я застала Аду за работой; она сидѣла передъ каминомъ и разговаривала

съ братомъ своимъ, Джономъ. Вскорѣ за мною пришелъ мистеръ Скимполь, а спустя немного и Ричардъ. Въ остальную часть вечера я брала у мистера Жарндиса первый урокъ *бекгемона*; онъ очень любилъ эту игру, и мнѣ хотѣлось, сколько возможно-скорѣе понять ее, чтобъ иногда служить ему партнёромъ, если не найдется болѣе-занимательнаго противника. Но, несмотря на это, иногда мнѣ казалось, взглянувъ на мистера Скимполя, который такъ безпечно, въ такомъ непритворно-пріятномъ расположеніи духа, то игралъ отрывки своей композиціи на фортепьяно или віолончелѣ, то разсыпался въ веселыхъ разговорахъ, обращаясь къ нашему столу— мнѣ казалось, что послѣобѣденное происшествіе совершенно перешло на меня и Ричарда, и что не кто иной, а мы съ нимъ подвергались аресту за долги.

Мы разошлись очень поздно; Ада хотѣла было уйдти въ одиннадцать часовъ, но мистеръ Скимполь, желая остановить ее, сѣлъ за фортепьяно и запѣлъ весело какую-то пѣсенку.

И, далеко ужь за полночь, онъ взялъ свѣчку и ушелъ въ свою комнату; и мнѣ кажется, еслибъ онъ захотѣлъ, то могъ бы удержать насъ до разсвѣта. Ада и Ричардъ стояли еще у камина и спрашивали, какъ я думаю, кончила ли въ эту минуту мистриссъ Желлиби свою диктовку, какъ вошелъ мистеръ Жарндисъ, который, незадолго передъ этимъ выходилъ изъ комнаты.

— Ахъ Боже мой, что это значитъ? воскликнулъ онъ, потирая свою голову и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ съ *добродушнымъ* безпокойствомъ въ лицѣ: — чтó я услышалъ? Рикъ, дитя мое, Эсөирь, моя милая! чтò вы надѣлали? Зачѣмъ это вы сдѣлали? Какъ могли вы это сдѣлать? Сколько вы истратили? Ахъ Боже мой! вѣтеръ опять перемѣнился; я чувствую. Дуетъ, дуетъ...

Мы оба не знали чтò отвѣчать.

— Говори Рикъ, скажи Рикъ! это надо сейчасъ же покончить. Сколько вы дали денегъ? Вы оба, говорятъ, давали деньги. Зачѣмъ вы это дѣлали? Ахъ Боже мой! Какъ вы могли, Господи! Восточный вѣтеръ! Да, да!

— Сэръ, сказалъ Ричардъ: — я не знаю, будетъ ли деликатно съ моей стороны, если я вамъ скажу, мистеръ Скимполь совершенно положился на насъ.

— Что съ вами, дитя мое! Да онъ на всѣхъ полагается! сказалъ мистеръ Жарндисъ, ударивъ себя по головѣ, и остановился.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сэръ?

Digitized by Google

— На всѣхъ и на каждаго! Онъ вѣчно въ затруднительномъ положеніи. Завтра то же, что̀ сегодня! говорилъ мистеръ Жарндисъ, ходя по комнатѣ большими шагами и держа въ рукѣ подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчкой. — Онъ вѣчно въ затруднительномъ положеніи. Онъ родился съ тѣмъ, чтобъ быть постоянно въ затруднительномъ положеніи. Я твердо увѣренъ, что даже объявленіе въ газетахъ о его рожденіи было такъ написано: «Прошлый вторникъ мистриссъ Скимполь разрѣшилась отъ бремени сыномъ, находящемся въ затруднительномъ положеніи».

Ричардъ отъ души смѣялся, но между-тѣмъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ, сэръ, я бы хотѣлъ сохранить его довѣренность и не измѣнять ему; я увѣренъ, что вы не будете болѣе принуждать меня разсказывать вамъ о томъ, въ чемъ я далъ слово молчать, тѣмъ больше, что передъ вами я готовъ буду сознаться.

— Хорошо, сказалъ мистеръ Жарндисъ, остановясь и стараясь, въ разсѣянности, всунуть подсвѣчникъ себѣ въ карманъ. — Я, ахъ! возьмите его отъ меня мой милый; все суется подъ-руку. Это все вѣтеръ; да, я не хочу допытывать васъ, Рикъ; вы, можетъ-быть, правы. Но, Боже мой, напасть на васъ и на Эсѳирь и выжать васъ, какъ пару молодыхъ сентинкельскихъ апельсиновъ; нѣтъ сегодня ночью готовится буря! я чувствую!

Онъ, то совалъ руки въ карманъ, какъ-будто желая ихъ тамъ оставить, то вынималъ снова и сильно потиралъ ими голову.

Я воспользовалась его молчаніемъ и сказала, что мистеръ Скимполь, будучи въ такихъ дѣлахъ совершеннымъ ребенкомъ...

— Ну моя милая? ну? сказалъ мистеръ Жарндисъ, ловя меня на этомъ словѣ.

— Совершеннымъ ребенкомъ, продолжала я: — и вовсе непохожимъ на другихъ людей...

— Вы правы! сказалъ мистеръ Жарндисъ и лицо его прояснилось. — Женскій умъ проницателенъ. Да́, онъ дитя, совершенное дитя. Я это говорилъ вамъ съ самаго начала.

— Да̀, да̀, отвѣчали мы.

— Да̀, онъ дитя. Не правда ли? спросилъ мистеръ Жарндисъ, проясняясь болѣе и болѣе.

— Да̀, это правда, отвѣчали мы.

— Если сказать поистинѣ, то, право, это чистое ребячество съ вашей стороны, то-есть, я хочу сказать съ моей стороны, говорилъ мистеръ Жарндисъ: — хоть минуту, считать его за совершеннолѣтняго че-

Digitized by Google

ловѣка. Гарольдъ Скимполь, строящій планы, предвидящій послѣдствія! Ха, ха, ха!

Такъ пріятно было видѣть, что лицо его прояснилось совершенно, и онъ сердечно доволенъ; пріятно было знать — нельзя было этого не знать, что источникомъ этого удовольствія было доброе его сердце, которое терзалось тѣмъ, что онъ долженъ былъ осудить, бранить или тайно обвинить кого-нибудь.

— Какъ же я простъ! сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Забыть, что онъ дитя! Все говоритъ, что онъ дитя съ головы до ногъ. Кто, кромѣ ребенка, рѣшился бы васъ обоихъ сдѣлать участниками этого дѣла? Только ребенку могло пріидти въ голову, что у васъ есть деньги. И еслибъ дѣло шло о ста фунтахъ стерлинговъ, онъ поступилъ бы точно такъ же! говорилъ мистеръ Жарндисъ и лицо его сіяло радостью.

Мы были совершенно съ нимъ согласны.

— Да, да! сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Однакожь Рикъ, Эсѳирь и вы, Ада, потому-что я не знаю, уцѣлѣлъ ли и вашъ маленькій кошелекъ отъ его неопытности, должны обѣщать мнѣ, что ничего подобнаго впредь не будетъ, никакихъ пожертвованій, ни даже полпенни...

Мы всѣ дали честное слово; Ричардъ хитро посматривалъ на меня, указывая пальцемъ на свой карманъ, какъ-будто хотѣлъ сказать, что ему не грозитъ никакой опасности въ непослушаніи.

— Что жь касается до Скимполя, сказалъ мистеръ Жарндисъ: — то онъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ ему можно было отвести кукольный домъ, съ хорошимъ обѣдомъ и двумя куклами, у которыхъ онъ могъ бы безотвѣтственно занимать деньги. Теперь онъ, вѣрно, ужь покоится дѣтскимъ сномъ. Пора и мнѣ прилечь на изголовье своей усталой головой. Покойной ночи, мои дорогіе; да благословитъ васъ Богъ.

И онъ нѣжно поглядѣлъ на насъ, пока мы зажигали свѣчи, и сказалъ намъ съ улыбкой:

— Я сейчасъ смотрѣлъ на флюгернаго пѣтуха: вѣтеръ не опасенъ. Я ошибался: онъ дуетъ съ юга.

И ушелъ напѣвая про-себя пѣсенку.

Пріидя наверхъ, въ свои комнаты, мы еще поболтали съ Адой и обѣ были того мнѣнія, что неудовольствія на вѣтеръ была чистая выдумка; что Жарндисъ пользовался этимъ предлогомъ только для того, чтобъ не высказать истинной причины своего неудовольствія, чтобъ не бранить, или не оскорбить кого-нибудь, и эта характеристическая черта его замѣча-

Digitized by Google

тельной доброты ставила еще въ худшемъ свѣтѣ характеръ тѣхъ докучливыхъ людей, которые относятъ на погоду и вѣтеръ (въ-особенности на послѣдній) свой сварливой и желчный нравъ.

Въ этотъ вечеръ сердце мое, кромѣ благодарности, исполнилось къ нему такою любовью, что я даже получила надежду понять его, руководствуясь этими двумя чувствами. Очевидную, поразительную несообразность въ мистерѣ Скимполѣ, или въ мистриссъ Желлиби, я не могла еще понять вполнѣ, по недостатку опытности въ практической жизни. Впрочемъ, я и не старалась объ этомъ. Мысли мои, когда я была одна, были заняты Адою, Ричардомъ и тѣмъ довѣріемъ, которое, мнѣ казалось, я получила отъ мистера Жарндиса, къ будущей судьбѣ ихъ. Но иногда, какъ-бы повинуясь какому-то шквалу эгоизма, уносились онѣ и на мое прошедшее, какъ я ни старалась обратить ихъ на посторонніе предметы. Мнѣ представлялся домъ моей крестной матери, разные образы изъ прошедшаго являлись передо мною; я старалась разгадать причину того участія, которое принималъ во мнѣ мистеръ Жарндисъ со дня моего рожденія; даже я думала, не отецъ ли онъ мой? Теперь эти пустые сны давно ужь разлетѣлись.

Все прошло, подумала я, отходя отъ камина. Не мнѣ мечтать о прошедшемъ; мнѣ нужно трудиться съ веселымъ духомъ и благодарнымъ сердцемъ. И я сказала самой себѣ : Эсѳирь, Эсѳирь, долгъ выше всего! потрясла коробочку съ ключами и они прозвенѣли мнѣ, какъ колокольчики, счастливый путь въ постель.

ГЛАВА VII.

Путь Привидѣній.

Спитъ ли Эсѳирь, бодрствуетъ ли она, а въ линкольншайрскомъ помѣстьѣ пока все еще стоитъ дурная погода. И днемъ и ночью падаетъ тяжелый дождь, дринъ, дринъ, дринъ, на широкія каменныя плиты, которыми вымощена аллея, прозываемая Путь Привидѣній. Погода такъ дурна въ Линкольншайрѣ, что врядъ-ли самое живое воображеніе въ-состояніи представить себѣ, что она когда-нибудь да прояснится. Впрочемъ, не только живое, но и никакое, кажется воображеніе не разъигрывается здѣсь. Скука съ сумрачными крыльями сидитъ, какъ насѣдка, на Чизни-Вольдомъ.

Digitized by Google

Быть-можетъ, есть кой-какая игра воображенія у животныхъ въ Чизни-Вольдѣ. Быть-можетъ, лошади въ конюшняхъ... длинныя конюшни тянутся по пустому, обнесенному некрашеной кирпичной стѣной, двору, среди котораго висятъ въ башнѣ большой колоколъ и широколицые часы; голуби, гнѣздящіеся по сосѣдству, часто садятся на ихъ толстыя стрѣлки и, кажется, наблюдаютъ время... Такъ, быть-можетъ, лошади, потягивая ноздрями воздухъ, мечтаютъ о хорошей погодѣ и лучше съумѣютъ почуять ее, чѣмъ конюхи. Старикъ саврасый, твердоногій скакунъ, смотря изъ-за рѣшетки окна, надъ своей колодой, вѣрно, воображаетъ себѣ сочную траву и душистыя поля, по которымъ не разъ носился онъ, въ заскочь, среди борзыхъ собакъ. Гнѣдой, котораго мѣсто прямо противъ двери, нетерпѣливо дергаетъ привязь и прядетъ ушами, какъ только завидитъ входящаго конюха. «Ого-го, гнѣдко! говоритъ конюхъ: нѣтъ сегодня тебѣ работы!» Но гнѣдой знаетъ это такъ же хорошо, какъ и конюхъ.

Огромный дворной песъ, сидя въ конурѣ своей, среди двора, и положивъ широкую морду на лапу, быть-можетъ, думаетъ о томъ, какъ въ жаркую пору выводитъ его изъ терпѣнія тѣнь надворныхъ строеній; перемѣняя постоянно положеніе свое, онъ покидаетъ его въ извѣстное время дня, жгучимъ лучамъ солнца и негдѣ укрыться ему, кромѣ тѣсной конуры, гдѣ, высунувъ языкъ и задыхаясь, онъ гремитъ своею тяжелою цѣпью. Теперь въ тяжелой полудремотѣ онъ, можетъ, думаетъ, что домъ полонъ гостей, сараи набиты экипажами, конюшни заняты лошадьми и въ флигеляхъ толпятся лакеи и конюхи, и вотъ потягиваясь, вылѣзаетъ онъ изъ конуры, встряхиваетъ косматую шерсть свою и идетъ посмотрѣть, все ли на своемъ мѣстѣ. И почуявъ носомъ, что нѣтъ никого, лѣниво возвращается въ свою конуру и слышно, какъ онъ ворчитъ на дождикъ: рр... рр... рр... ложится мордой на лапу и сонная муха норовитъ ему въ глазъ.

Борзыя и гончія собаки, на псарнѣ позади парка, скучаютъ и вторятъ завыванью вѣтра такимъ страшнымъ воемъ, который раздается по всему двору, слышенъ на лѣстницахъ зáмка и долетаетъ даже въ будуаръ миледи: онѣ, быть-можетъ вспоминаютъ, какъ порхали и атукали по полямъ, пока дождикъ не мѣшалъ и не смывалъ съ мягкой травы легкій слѣдъ зайца. Плутовскіе кролики сидятъ въ норахъ близь корней деревьевъ и, быть-можетъ, думаютъ о тѣхъ дняхъ, когда вѣтерокъ подувалъ на ихъ длинныя уши и когда имъ можно было, съ аппетитомъ поглодать сладкую кору молоденькаго орѣшника.

Индѣйскій пѣтухъ, вѣчно-преслѣдуемый недостаткомъ своей пѣтушиной породы, можетъ-быть, жалѣетъ о тѣхъ лѣтнихъ дняхъ, когда

Digitized by Google

онъ водилъ индюшекъ по мягкой травѣ и по сжатой нивѣ и собиралъ зерны ржи и ячменя. Недовольный гусь, лѣниво выгнулъ шею, чтобъ безопасно пройдти подъ воротами, по-крайней-мѣрѣ въ двадцат футовъ вышиною, и былъ бы кажется, веселѣе, еслибъ на поверхность пруда падали лучи солнца, а не тяжелыя капли дождя.

Какъ бы то ни было, а въ Чизни-Вольдѣ мало фантазіи; еслибъ, кажется, и мелькнула какая-нибудь мысль, то и она бы унеслась далеко, подобно звуку въ пустомъ домѣ, въ область духовъ и привидѣній.

Такъ долго стояло ненастье въ Линкольншайрѣ, такъ сильно и такъ долго шелъ дождикъ, что мистриссъ Раунсвель, старая ключница въ Чизни-Вольдѣ, не разъ снимала съ своего носа очки, вытирала ихъ стекла платкомъ, чтобъ увѣриться, нѣтъ ли на нихъ капель дождя. Она, изволите видѣть, глуховата и подслѣповата, не видитъ и не слышитъ ливня, и никто ее въ этомъ увѣрить не можетъ. Мистриссъ Раунсвель, съ такою спиною и съ такимъ животомъ, что еслибъ она послѣ смерти вздумала оставить въ наслѣдство старинному камину свою шнуровку, вмѣсто чехла, то она пришлась бы впору, какъ-нельзя-лучше. Погода мало тревожитъ мистриссъ Раунсвель. Что ей дождь? Она говоритъ: — былъ бы только домъ цѣлъ, а домъ при ней, какъ бѣльмо на глазу. Она сидитъ въ своей комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ; круглое окно, въ которое она иногда смотритъ, выходитъ на гладкую площадку, обнесенную гладкими круглыми деревьями и гладкими, круглыми каменными столбами, стоящими другъ противъ друга въ такой симетріи, какъ-будто бы они желали играть въ мячъ. Весь домъ лежитъ на отвѣтственности мистриссъ Раунсвель. Она можетъ отпирать его, когда вздумаетъ, чистить и холить въ немъ все, что̀ угодно; но теперь домъ запертъ кругомъ и покоится глубокимъ сномъ, на желѣзной груди мистриссъ Раунсвель.

Никакъ невозможно представить себѣ Чизни-Вольдъ безъ мистриссъ Раунсвель, хотя она здѣсь только пятьдесятъ лѣтъ. Спросите ее теперь, въ этотъ дождливый день, давно ли она здѣсь, она отвѣтитъ вамъ: — если Богъ дастъ, доживу до вторника, то будетъ ровно пятьдесятъ лѣтъ три мѣсяца и двѣ недѣли. — Мистеръ Раунсвель умеръ нѣсколько раньше исчезновенія изъ моды косичекъ и скромно сложилъ свою, если только она уцѣлѣла подъ ударами времени, въ углу кладбища, въ паркѣ, близь старыхъ воротъ. Онъ родился, какъ и покинутая имъ дражайшая половина, въ торговомъ городѣ. Служеніе ихъ семейству Дедлоковъ, началось съ покойнаго сэра Лейстера, на поприщѣ молочныхъ скоповъ.

Digitized by Google

Настоящій представитель Дедлоковъ, который теперь въ Парижѣ, очень любитъ мистриссъ Раунсвель. Всякій разъ, какъ пріѣдетъ въ Чизни-Вольдъ, или уѣзжаетъ оттуда, онъ подаетъ ей руку.

Мистриссъ Раунсвель прожила не безъ горя. У ней было два сына; младшій вздурился и неизвѣстно гдѣ сложилъ буйную головушку свою. Даже до сегодня пухлыя руки мистриссъ Раунсвель приходятъ въ судорожное движеніе, когда она примется разсказывать, что̀ это былъ за милый мальчикъ, что̀ это было за красивое, живое, веселое созданье! Старшій сынъ ея могъ бы быть воспитанъ при ней въ Чизни-Вольдѣ и занять современемъ мѣсто дворецкаго — такъ нѣтъ; еще бывъ школьникомъ, сталъ дѣлать изъ жести паровыя машины и пріучать птицъ подымать колесомъ воду, такъ-что устроилъ однажды такой водяной прессъ, что, въ буквальномъ смыслѣ, канарейкѣ довольно было коснуться клювомъ, чтобъ пустить въ ходъ всѣ колеса. Такое направленіе много стоило слезъ мистриссъ Раунсвель. Материнское сердце предугадывало, что сынъ идетъ по дурной дорогѣ Ватъ-Тайлера и что такими же глазами смотритъ и патронъ ея, сэръ Лейстеръ, на всякое искусство, которое прибѣгаетъ за помощью къ пару и огню. Дурь и съ лѣтами не выбилась изъ головы безтолковаго мальчика (который, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ скромный и послушный сынъ); напротивъ, онъ, кажется, укоренился въ своихъ привычкахъ, такъ-что, даже построилъ модель новой самопрялки. Дѣлать нечего; мистриссъ Раунсвель должна была, волей-неволей, открыть все передъ баронетомъ. «Любезная моя Раунсвель, сказалъ сэръ Лейстеръ: — я не могу, какъ вы знаете, толковать объ этомъ. По моему мнѣнію, всего лучше, если вы его отправите куда-нибудь на фабрику. Желѣзные заводы, кажется, лежатъ дальше на сѣверъ: вотъ дорога мальчику съ такими тенденціями, какъ вашъ сынъ.»

И отправили его дальше на сѣверъ, и взросъ онъ на сѣверѣ.

Между-тѣмъ сынъ мистриссъ Раунсвель, сдѣлался мужемъ во всѣхъ отношеніяхъ: устроился, женился и подарилъ матушку внукомъ. Внукъ учился, ѣздилъ въ дальнія страны, чтобъ усовершенствоваться въ искусствахъ и вотъ въ этотъ самый ненастный день, стоитъ теперь, передъ каминомъ, въ комнатѣ своей бабушки, въ Чизни-Вольдѣ.

— Ахъ, какъ я рада, что тебя вижу Ватъ! ахъ, какъ я рада, какъ я рада! говорила мистриссъ Раунсвель.— Ты славный, красивый мальчикъ; вылитый дядя. Ааа-хъ, бѣдный мой Джоржъ! И при этомъ воспоминаніи, руки мистриссъ Раунсвель пришли въ судорожное движеніе.

Digitized by Google

— Говорятъ, бабушка, я похожъ на батюшку.

— Похожъ, мой милый, похожъ, но больше похожъ на бѣднаго дядю твоего Джоржа!

— А что отецъ твой (мистриссъ Раунсвель, сложила опять руки), здоровъ?

— Здоровъ и счастливъ, бабушка, во всѣхъ отношеніяхъ.

— Слава-Богу. — Мистриссъ Раунсвель любитъ своего сына, но вспоминаетъ о немъ съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ.

— Такъ онъ совершенно счастливъ? спрашиваетъ она.

— Совершенно.

— Слава Богу! Такъ онъ и тебя пустилъ по своей дорогѣ и отправлялъ въ дальнія страны, что-ли? Пусть такъ, ему лучше знать. Я вотъ и до старости лѣтъ дожила, да не слыхивала, что есть другія земли, кромѣ Чизни-Вольда, на бѣломъ свѣтѣ. А я на своемъ вѣку видала хорошихъ-то людей!

— Бабушка, сказалъ молодой человѣкъ, перемѣняя предметъ разговора: — что это за хорошенькую дѣвочку я встрѣтилъ у васъ? Ее зовутъ, кажется, Розой.

— Да, дитятко. Это дочь вдовы по сосѣдству. Нынъче не тотъ вѣкъ, и дѣвки-то учатся плохо. Я ее взяла съ молодыхъ ногтей. Ничего, принимается; изъ нея выйдетъ прокъ. Посѣтителей водитъ по дому очень-ловко. Она живетъ со мной.

— Я думаю, что не я ее выгналъ, бабушка?

— Нѣтъ, она думаетъ, что мы говоримъ о семейныхъ дѣлахъ. Она, видишь, скромница—хорошее свойство въ женщинѣ; нынъче оно рѣдко, сказала мистрисъ Раунсвель, вытянувъ до послѣдней крайности свой нагрудникъ; не тотъ вѣкъ!

Молодой человѣкъ склонилъ голову въ знакъ сознанія принциповъ мудрой опытности.

Мистрисъ Раунсвель прислушивается.

— Ѣдутъ! воскликнула она. Молодой собесѣдникъ ея давно ужъ слышалъ стукъ колесъ! Господи, кто могъ бы ѣхать въ такую гадкую погоду?

Черезъ нѣсколько минутъ послышался стукъ въ дверь.

— Войдите!

Черноглазая, черноволосая, застѣнчивая деревенская красавица вбѣжала въ комнату. Она была такъ свѣжа, съ такими розовыми и нѣжными щечками, что крупныя капли дождя, висѣвшія у нея на волосахъ, были какъ роса на только-что сорванномъ цвѣточкѣ.

Digitized by Google

— Кто это подъѣхалъ, Роза? спросила мистриссъ Раунсвель.

— Два молодые господина въ кабріолетѣ, сударыня. Они хотятъ осмотрѣть домъ — пускай! Если вы позволите, сказала я имъ, прибавила она быстро, въ видѣ отвѣта на отрицательное мотанье головой ключницы. Я вышла къ сѣнной двери и говорила имъ, что теперь не время и погода не та; но господинъ, который правитъ лошадью, снялъ подъ дождемъ шляпу и просилъ меня снести вамъ эту карточку.

— Прочти-ка, милый Ваттъ, что̀ тутъ написано, сказала ключница.

Роза такъ застѣнчива, что, подавая карточку, уронила ее; молодой человѣкъ бросился подымать, и они стукнулись лбами. Роза еще болѣе закраснѣлась.

— Мистеръ Гуппи, бабушка. Вотъ, что̀ было написано на карточкѣ.

— Гуппи! повторила мистриссъ Раунсвель. — М-и-с-т-е-ръ Г-у-п-п-и! Вретъ, я никогда о немъ не слыхивала!

— Онъ такъ мнѣ и сказалъ сударыня, отвѣчала Роза: — онъ еще прибавилъ, что они, вмѣстѣ съ другимъ господиномъ, пріѣхали прошлую ночь по почтѣ изъ Лондона, по магистратскимъ дѣламъ, на митингъ за десять миль отсюда. Митингъ кончился, дѣлать имъ было нечего, а они много слыхали о Чизни-Вольдѣ, вотъ, несмотря на дождь, и пріѣхали сюда посмотрѣть. Они адвокаты. Онъ говоритъ, что хотя и не служитъ у мистера Телькингорна, но знакомъ съ нимъ и можетъ воспользоваться, въ случаѣ надобности, его именемъ. Окончивъ рѣчь свою, такую длинную, Роза еще больше сконфузилась.

Такъ-какъ мистеръ Телькингорнъ не чуждъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, высокорожденной фамиліи Дедлоковъ; притомъ же, говорятъ, онъ составлялъ духовное завѣщаніе и самой мистриссъ Раунсвель: то, старая леди смягчается, соглашается на милостивое допущеніе посѣтителей и откомандировываетъ Розу. Внукъ ея получаетъ внезапно сильное желаніе и самъ осмотрѣть домъ и присоединиться къ обществу. Бабушка, обрадованная его предложеніемъ, спѣшитъ также накинуть на себя шаль, хотя внукъ, надо отдать ему справедливость, вовсе не желаетъ ее безпокоить.

— Очень благодарны вамъ, сударыня, говоритъ мистеръ Гуппи, снимая съ себя въ сѣняхъ непромокаемое пальто: — какъ лондонскимъ адвокатамъ, намъ рѣдко удается выѣхать изъ города, а ужь если выѣдемъ, такъ стараемся воспользоваться временемъ до послѣдней минуты.

Digitized by Google

Старая ключница, съ подобающею важностью, указываетъ на парадную лѣстницу. Мистеръ Гуппи и товарищъ его идутъ за Розой. Мистриссъ Раунсвель и ея внучекъ замыкаютъ шествіе. Молодой садовникъ бѣжитъ впередъ открывать ставни.

У мистера Гуппи и его товарища разбѣжались глаза, какъ это всегда бываетъ съ посѣтителями, прежде чѣмъ они успѣли увидѣть что-нибудь. Они совались въ такія мѣста, смотрѣли такія вещи, которыя не заслуживаютъ никакого вниманія, и проходили мимо замѣчательныхъ предметовъ. Ахали, когда открывалась передъ ними, неожиданно, цѣлая анфилада комнатъ, дивились, суетились и наконецъ окончательно замучились. Въ каждой комнатѣ, которую они осматривали, встрѣчала ихъ мистриссъ Раунсвель; высокая и прямая, какъ самый домъ, становилась она или въ углубленіи окна, или въ какой-нибудь нишѣ и слушала съ снисходительнымъ одобреніемъ поясненія Розы. Внучекъ ея былъ такъ внимателенъ къ Розѣ, что та все конфузилась болѣе и болѣе и казалась все лучше и лучше. Такъ шли они изъ комнаты въ комнату, вызывая намалеванныхъ Дедлоковъ изъ темноты на нѣсколько минутъ, впродолженіе которыхъ молодой садовникъ открываетъ ставни, и снова отправляя ихъ въ мракъ, когда ставни закрывались. Измученному мистеру Гуппи и безутѣшному товарищу его приходитъ на мысль, что нѣтъ конца Дедлокамъ.

Даже длинная гостиная Чизни-Вольда не можетъ оживить упадшаго духа мистера Гуппи. Онъ стоитъ на порогѣ и врядъ ли рѣшится войдти въ нее. Но портретъ, висящій надъ каминомъ, работы моднаго современнаго живописца, производитъ на него чарующее дѣйствіе. Онъ смотритъ на него съ необыкновеннымъ интересомъ; онъ, кажется, обворожёнъ имъ.

— Боже! восклицаетъ мистеръ Гуппи: — кто это?

— Картина надъ каминомъ, говоритъ Роза: — портретъ теперешней леди Дедлокъ. Онъ считается лучшимъ произведеніемъ живописца, какъ по сходству, такъ и по отдѣлкѣ.

— Клянусь! говоритъ мистеръ Гуппи, съ нѣкотораго рода смущеніемъ, своему товарищу:—что я никогда ея не видывалъ, но портретъ знакомъ! Не было ли съ него дѣлано гравюръ, миссъ?

— Никогда не было дѣлано. Сэръ Лейстеръ никогда не позволилъ бы.

— Гм! сказалъ мистеръ Гуппи полушопотомъ: —то-есть готовъ прострѣлить себѣ голову—такъ хорошо я знаю портретъ!... Такъ это миледи Дедлокъ?

Digitized by Google

— Картина по правую руку — портретъ нынѣшняго сэра Лейстера Дедлока; по лѣвую руку портретъ его отца, покойнаго сэра Лейстера.

— Мистеръ Гуппи даже полувзглядомъ не удостоиваетъ этихъ портретовъ. Непонятно, говоритъ онъ, таращa глаза на портретъ леди: — какимъ образомъ такъ ясно онъ сохранился у меня въ памяти. Провались я, прибавляетъ мистеръ Гуппи, озираясь вокругъ: — если этотъ портретъ мнѣ не снился тысячи, тысячи разъ.

Такъ-какъ никто изъ присутствующихъ не выказалъ спеціальнаго интереса къ сновидѣніямъ мистера Гуппи, то достовѣрность этого факта остается неизслѣдованною. Но мистеръ Гуппи тѣмъ не менѣе пораженъ портретомъ. Онъ даже стоитъ передъ нимъ неподвижно и теперь, когда садовникъ ужь затворилъ ставни. Но пора оставить чарующую комнату, и мистеръ Гуппи тянется за другими въ другіе покои; вытаращенные глаза его все еще обращены къ тому мѣсту, гдѣ онъ видѣлъ волшебный портретъ, и все еще ищутъ встрѣчи съ неподвижными глазами нарисованной леди Дедлокъ.

Но больше онъ ея не видитъ. Онъ осматриваетъ ея половину, которая, какъ лучшая часть дома, показывается послѣ всего. Онъ смотритъ въ окно, изъ котораго, незадолго передъ тѣмъ, смотрѣла она на скверную погоду, замучившую ее до смерти. Все на свѣтѣ имѣетъ конецъ; даже домы, при осмотрѣ которыхъ утомляются любопытствующіе, прежде, чѣмъ успѣютъ что-нибудь осмотрѣть. Мистеръ Гуппи достигъ конца замѣчательности, а свѣжая деревенская красавица — конца объясненія, который обыкновенно слагался изъ слѣдующихъ словъ:

«Вотъ и терраса, которой посѣтители много удивляются. Ее, по одной фамильной легендѣ, называютъ: *путь привидѣній*.»

— Уже-ли! восклицаетъ мистеръ Гуппи, согрѣтый любопытствомъ. — Чтò это за легенда, миссъ? Относится она какъ-нибудь къ портрету?

— Пожалуйста, разскажите намъ легенду, говоритъ Ваттъ полушопотомъ.

— Я не знаю ея, сэръ.

Роза покраснѣла еще болѣе.

— Ея не разсказываютъ посѣтителямъ; да ужь теперь о ней никто и не помнитъ, говоритъ старая ключница.

— Эта легенда больше ничего, какъ семейный анекдотъ.

— Извините, если я еще разъ сдѣлаю вамъ тотъ же вопросъ: имѣетъ ли легенда какую-нибудь связь съ портретомъ, сударыня? сказалъ мис-

Digitized by Google

теръ Гуппи: — потому-что, увѣряю васъ честью, чѣмъ больше я о немъ думаю, тѣмъ больше увѣренъ, что онъ мнѣ очень-знакомъ, но не знаю какъ!

Портретъ не имѣетъ ничего общаго съ легендой, за это можетъ поручиться старая ключница. Это извѣстіе возбуждаетъ въ взволнованной душѣ мистера Гуппи глубокую благодарность. Наконецъ благодарность развѣтвляется на всѣ предметы. Мистеръ Гуппи и товарищъ его надѣваютъ плащи и, сдѣлавшись непромокаемыми, спускаются за садовникомъ по черной лѣстницѣ внизъ и слышенъ стукъ колесъ ихъ таратайки.

Сумерки. Мистриссъ Раунсвель можетъ положиться на скромность своихъ молодыхъ слушателей и можетъ спокойно разсказать имъ, кàкъ стяжала терраса свое названіе. Она садится въ широкое кресло, у очень-темнаго окна, и говоритъ:

«Въ царствованіе короля Карла Перваго, друзья мои, сэръ Морбери Дедлокъ былъ единственный законный владѣтель Чизни-Вольда. Являлись ли до того времени привидѣнія въ фамиліи, или нѣтъ — не знаю; однакожь, это очень могло быть.»

«Сэръ Морбери Дедлокъ (продолжала мистриссъ Раунсвель) и его супруга, жили очень-дурно между собою. Послѣдняя очень любила ходить по этой террасѣ. Однажды она встрѣтилась съ мужемъ и сказала ему: — я хочу умереть здѣсь, гдѣ я ходила, и я буду ходить здѣсь, хотя буду въ могилѣ. Когда какое-нибудь несчастіе поразитъ этотъ домъ, Дедлоки услышатъ мои шаги.

Ваттъ смотритъ на Розу. Роза смотритъ въ полъ, вполовину испуганная, вполовину сконфуженная.

— И тогда тутъ она и умерла. И съ этого дня, продолжаетъ мистриссъ Раунсвель: — и прозвали эту террасу: Путь Привидѣній. И если эти шаги просто эхо, то это такое эхо, которое бываетъ только ночью и часто бываетъ вовсе неслышно, впродолженіе долгаго времени; но по-временамъ оно повторяется; и если въ семействѣ болѣзнь или смерть, то оно ужь непремѣнно слышно... Вотъ и вся исторія. Если звукъ есть, то это страшный звукъ, говоритъ мистриссъ Раунсвель, вставая съ своихъ креселъ, и въ немъ всего болѣе замѣчательно, что онъ насильно втирается въ ухо, и что тамъ себѣ ни дѣлай, а ужь непремѣнно его услышишь. Даже и миледи, которая ничего не боится, допускаетъ, что когда шаги слышны, то ужь они слышны. Вотъ посмотри Ваттъ, за тобою стоятъ большіе французскіе часы; они поставлены здѣсь нарочно; у нихъ звонкій бой и они наигрываютъ раз-

Digitized by Google

ныя штуки. Ты вѣдь знаешь, я думаю, какъ надо обращаться съ такими вещами.

— Какъ не знать, бабушка!

— Заведи-ка ихъ.

Ваттъ завелъ; часы заиграли.

— Теперь поди сюда, говорила ключница: — сюда, мой милый, къ изголовью миледи. Не знаю довольно ли стемнѣло; но послушай! слышны ли шаги на террасѣ и можетъ ли ихъ заглушить звонъ, музыка, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Слышны, бабушка.

— Вотъ и миледи тоже говоритъ.

Digitized by Google

ВОЛЫНЩИКИ.

РОМАНЪ ЖОРЖА ЗАНДА.

Часть третья.

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Видя, что Брюлета не на шутку сердится на Жозефа, я счелъ долгомъ принять его сторону.

— Я вовсе не хвалю Жозефа за то, что онъ такъ неблагодарно поступилъ съ тобою, сказалъ я Теренціи: — но такъ-какъ ты не ослѣплена теперь и можешь судить о вещахъ по справедливости, то сама согласишься, хорошенько разобравъ его поступокъ, что онъ поступилъ такъ изъ уваженія къ тебѣ, опасаясь обмануть тебя. Не всѣ похожи на тебя, моя лѣсная красавица; на свѣтѣ мало людей съ чистымъ сердцемъ и душой смѣлой, открытой — людей, которые прямо идутъ къ цѣли и всегда говорятъ правду; и притомъ, у тебя такой запасъ силы и добродѣтели, какого не найдется, можетъ-быть, у Жозефа, да и у многихъ другихъ, будь они на его мѣстѣ.

— Я не понимаю тебя, Тьенне, сказала Теренція.

— А я такъ понимаю, сказала Брюлета: — Жозефъ, безъ-сомнѣнія, боялся, чтобъ красота твоя не околдавала его; боялся полюбить тебя, чувствуя, что не можетъ полюбить такою любовью, которой ты достойна.

— Вотъ на это-то именно я и жалуюсь, сказала Теренція, краснѣя отъ стыда и гордости: — Жозефъ боялся вовлечь меня въ проступокъ — не такъ ли? Скажите всю правду; онъ не надѣялся на мой разумъ и на свою честь... а между-тѣмъ, уваженіе его утѣшило бы меня, такъ-какъ его сомнѣніе на мой счетъ для меня унизительно.

Digitized by Google

Я прощаю ему, впрочемъ, все, Брюлета, потому-что не страдаю ужь больше и чувствую себя выше его; я очень-хорошо вижу, что Жозефъ поступилъ со мною неблагодарно, не умѣлъ хорошенько понять своего долга, и въ этомъ не разувѣритъ меня никто на свѣтѣ. Я не стала бы и говорить о немъ, еслибъ мнѣ не нужно было еще кой-что разсказать вамъ; это необходимо, иначе вы не знали бы чтó и подумать о поведеніи моего брата.

— Ахъ, Теренція, голубушка, сказала Брюлета: — еслибъ ты знала, какъ давно мнѣ хочется узнать, чѣмъ кончилось несчастное приключеніе, которое всѣхъ насъ такъ перетревожило.

— Братъ мой, продолжала Теренція: — поступилъ вовсе не такъ, какъ многіе думали. Вмѣсто того, чтобъ уйдти въ далекія страны и тамъ скрыть свою несчастную тайну, онъ возвратился черезъ недѣлю назадъ и отправился въ монастырь, къ извѣстному вамъ кармелиту. Тотъ велѣлъ ему остаться въ монастырѣ и подождать его возвращенія. Я берусь устроить твое дѣло, сказалъ онъ, только не спрашивай у меня, какимъ образомъ я это сдѣлаю.

Кармелитъ отправился къ настоятелю; настоятель послалъ его къ своему епископу. Самые главные судьи слушаются его. Чтò ужь они тамъ говорили и дѣлали — намъ неизвѣстно, только епископъ призвалъ, наконецъ, къ себѣ брата и сказалъ ему:

— Сынъ мой, покайся передо мною въ своихъ прегрѣшеніяхъ.

И когда Гюріель разсказалъ ему все отъ начала до конца, епископъ говоритъ ему:

— Теперь, сынъ мой, положи на себя духовное покаяніе и принеси искреннее раскаяніе. Твое дѣло устроено: преслѣдовать тебя никто не станетъ; но я требую, чтобъ ты отказался отъ ремесла погоньщиковъ: они люди нечестивые и придерживаются дурныхъ обычаевъ.

Братъ согласился и отправился къ своимъ товарищамъ.

Онъ заплатилъ имъ, по условію, неустойку, продалъ муловъ и оставилъ при себѣ только лошадку, для домашняго обихода, такъ-что теперь, Брюлета, ты увидишь не погоньщика, а добраго и смирнаго лѣсника, работающаго вмѣстѣ съ батюшкой.

— Чай, ему трудненько было привыкать къ новому ремеслу? сказала Брюлета, слушавшая Теренцію съ удовольствіемъ, котораго не могла скрыть.

— Если ему трудно было привыкать къ новой работѣ, отвѣчала Теренція: — то зато утѣшительно было вспоминать о томъ, что ты боишься погоньщиковъ и что въ вашемъ краю ихъ терпѣть не могутъ... Теперь вы знаете, какъ братъ мой выбрался изъ хлопотъ; нетерпѣніе

Digitized by Google

вашe удовлетворено. Послушайте же, что я скажу вамъ о Жозефѣ: вы узнаете отъ меня такую вещь, которая, можетъ-быть, разсердитъ васъ, а еще болѣе удивитъ.

Теренція сказала это съ лукавой усмѣшкой, но Брюлета ни мало не смутилась и попросила ее объясниться.

— Знайте же, продолжала Теренція: — что мы провели послѣдніе три мѣсяца въ лѣсу Монтегю, гдѣ встрѣтили Жозефа. Жозефъ здоровъ, какъ-нельзя-больше, но попрежнему серьёзенъ и задумчивъ. Если вы хотите узнать, чѣмъ онъ занятъ теперь, то я скажу вамъ, что мы оставили его съ батюшкой въ большихъ хлопотахъ: батюшка помогалъ ему вступить въ цехъ волынщиковъ *мастеромъ;* вамъ, вѣроятно, извѣстно, а, можетъ-быть, и неизвѣстно, что волынщики составляютъ родъ братства и что у нихъ есть свои правила. Увидѣвъ насъ, Жозефъ пришелъ въ замѣшательство. Ему совѣстно было заговорить со мною и, можетъ-быть, онъ снова скрылся бы отъ насъ, еслибъ батюшка не упрекнулъ его въ недовѣрчивости и въ неблагодарности къ нашей дружбѣ, и не удержалъ его при себѣ, зная, что онъ можетъ быть ему еще полезенъ. Увѣрившись, что я совершенно-спокойна и ни мало не сержусь на него, Жозефъ ободрился, сталъ просить насъ быть попрежнему ему друзьями, и даже старался извинить свой поступокъ; но батюшка мой, не желая, чтобъ онъ прикасался къ больному мѣсту, обратилъ дѣло въ шутку, заставилъ его работать и началъ учить музыкѣ, чтобъ поскорѣе привесть его къ концу всѣхъ его трудовъ.

«Между-тѣмъ, Жозефъ къ великому моему удивленію, ни слова не говоритъ о васъ; я начинаю его расспрашивать и такъ-и-сякъ — молчитъ, да и только. Такъ мы съ братомъ ничего и не знали о васъ до самой прошедшей недѣли; тутъ только, проходя черезъ нашу родимую деревеньку, Гюріель, получили мы отъ васъ вѣсточку. Видя, какъ мы тревожимся на вашъ счетъ, батюшка замѣтилъ Жозефу, что ему не мѣшало бы сказать намъ, по-крайней-мѣрѣ, живы ли вы и здоровы ли, если онъ получаетъ отъ васъ письма. Жозефъ отвѣчалъ:

— Всѣ, слава Богу, живы и здоровы и я такъ же.

Онъ сказалъ эти слова голосомъ сухимъ, сердитымъ.

Батюшка не любитъ окольныхъ путей и приказалъ ему говорить прямо; тогда Жозефъ говоритъ ему, да такъ сердито, отрывисто:

— Вѣдь я вамъ сказалъ, что всѣ наши друзья здоровы и довольны, и я буду также доволенъ, если вы отдадите за меня вашу дочь.

Мы подумали сначала, что онъ просто съ ума сошелъ, и отвѣчали ему шутками, хотя, признаться, видъ его насъ сильно обезпокоилъ. Дня два спустя послѣ этого, Жозефъ снова заговорилъ о томъ же и обра-

Digitized by Google

тился ужь прямо ко мнѣ, спрашивая, люблю ли я его. Не желая мстить ему за такое позднее предложеніе, я только отвѣтила:

— Люблю, Жозефъ, люблю такъ, какъ Брюлета тебя любитъ.

Жозефъ замолчалъ, потупилъ голову и не говорилъ со мною больше; но потомъ братъ какъ-то завелъ съ нимъ тотъ же разговоръ и получилъ отъ него вотъ какой отвѣтъ:

— Гюріель, я не думаю больше о Брюлетѣ и прошу тебя никогда не напоминать мнѣ о ней.

«Кромѣ этого, мы ничего не могли отъ него вывѣдать. Онъ объявилъ только, что намѣренъ, тотчасъ послѣ полученія званія *волынщика-мастера*, отправиться на нѣкоторое время на родину, чтобъ показать матери, что онъ можетъ содержать ее, а потомъ ужь поселится навсегда въ Ла-Маршѣ, или въ Бурбоннѐ, если я соглашусь быть его женою.

«Тогда между мной, батюшкой и братомъ начались длинныя объясненія. Оба они хотѣли, чтобъ я сказала поправдѣ: хочу ли я этого или нѣтъ. Но было ужь поздно: я слишкомъ-хорошо узнала Жозефа и отказала ему спокойно, не чувствуя къ нему ровно ничего и зная, что и онъ ко мнѣ также никогда ничего не чувствовалъ. Я слишкомъ-горда, чтобъ согласиться быть подставной... Я была увѣрена, что ты писала къ нему и просила его отказаться отъ надежды...

— Нѣтъ, перебила Брюлета: — я ни слова не писала ему объ этомъ; вѣрно ужь такъ Богу было угодно, чтобъ онъ, наконецъ, забылъ меня. Можетъ-быть, впрочемъ, узнавъ тебя короче, милая Теренція, и...

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала рѣшительно *лѣсная* дѣвушка: — онъ поступилъ такъ съ досады, если не на твое равнодушіе, то на мое выздоровленіе. Онъ сталъ цѣнить меня только потому, что самъ потерялъ въ моихъ глазахъ цѣну. Пусть себѣ любитъ тамъ кого хочетъ, а мнѣ такой любви не надо! Мнѣ нужно все или ничего: *да* на всю жизнь и отъ всей души, или *нѣтъ* на всю жизнь — и гуляй себѣ на свободѣ! Чу! малютка проснулся. Возьмемъ его и пойдемте ко мнѣ: мы остановились въ старомъ Шассенскомъ Замкѣ.

— Постой, Теренція! скажи намъ, по-крайней-мѣрѣ, какъ и зачѣмъ вы сюда попали? спросила Брюлета, живо-затронутая тѣмъ, что̀ узнала отъ Теренціи.

— Много хочешь знать, голубушка, сказала Теренція: — не хочешь ли маленько посмотрѣть сначала!

И, обнявъ Брюлету прекрасной, обнаженной рукой, загорѣвшей отъ солнца, Теренція увлекла ее за собою, не давъ ей времени поднять

Digitized by Google

ребенка, котораго захватила другой рукою, какъ перышко, несмотря на то, что онъ былъ тяжелъ, какъ добрый бычокъ.

Шассенское помѣстье было прежде владѣльческимъ зàмкомъ съ правомъ суда и расправы; но въ то время ужь отъ зàмка осталась одна паперть — огромнѣйшая штука, крѣпко-построенная и такая широкая, что по обѣимъ сторонамъ ея были жилыя комнаты. Мнѣ кажется даже, что строеніе, которое я называю папертью и назначеніе котораго теперь трудно объяснить, судя по тому, какъ оно построено, было не что иное, какъ сводъ, служившій входомъ для другихъ строеній; потому-что развалины, окружающія дворъ и состоящія изъ развалившихся службъ и конюшенъ, не могли служить защитой, да и жить въ нихъ, я думаю, неслишкомъ-то было удобно. Въ то время, впрочемъ, о которомъ я вамъ говорю, въ зàмкѣ было еще три или четыре комнаты, совершенно пустыя и на видъ куда какія старыя; если въ этихъ-то покояхъ и жили когда-то люди въ свое удовольствіе, то, признаюсь, не больно же они были прихотливы?

А между-тѣмъ, счастіе и радость ожидали тамъ людей, о которыхъ я веду свой разсказъ... Вѣрно, ужь въ самомъ человѣкѣ есть что-нибудь, что заранѣе тѣшатъ его тѣми благами, которыя ему обѣщаны: потому-что мы съ Брюлетой не нашли въ этомъ мѣстѣ ничего дурнаго и печальнаго. Дворъ, поросшій травой и окруженный съ одной стороны развалинами, а съ другой — рощей, изъ которой мы вышли, высокій заборъ, а за нимъ кустарники, растущіе только въ садахъ богачей — слѣды заботъ и попеченій, показывавшіе, что тутъ нѣкогда жили и наслаждались; широкія и приземистыя ворота, заваленныя обломками, а кругомъ каменныя скамейки, гдѣ, во время òно, можетъ-быть, сиживали дозорные и караулили хоромы, считавшіяся Богъ-вѣсть какимъ сокровищемъ; терновникъ съ длинными, предлинными вѣтьвями, перебѣгавшими съ одного конца ветхой ограды на другой конецъ — все это, конечно, походило больше на тюрьму, заброшенную и забытую, чѣмъ на крѣпость оборонную; но намъ съ Брюлетой все показалось хорошо и мило, какъ весеннее солнышко, пробиравшееся сквозь ограду и сушившее сырость и плѣсень. Старый нашъ знакомецъ Клеринъ, гулявшій на свободѣ, былъ для насъ предвѣстникомъ скораго свиданія съ истиннымъ другомъ. Онъ, вѣрно, узналъ насъ, потому-что тотчасъ же подошелъ къ намъ, желая, чтобъ мы его приласкали; Брюлета не могла утерпѣть и поцаловала бѣлое пятнышко, виднѣвшееся у него на лбу, какъ рогъ мѣсяца.

— Вотъ мой зàмокъ, сказала Теренція, входя въ свѣтелку, гдѣ стояла уже ея кроватъ и разная утварь: — а подлѣ, комната батюшки и брата.

Digitized by Google

— Такъ и батюшка твой пріидетъ! вскричалъ я, вспрыгнувъ отъ радости:—вотъ это чудесно! никто еще на свѣтѣ не приходился мнѣ такъ по сердцу.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, сказала Теренція, ущипнувъ меня за ухо съ дружелюбнымъ видомъ.—Онъ также любитъ тебя. Ты самъ увидишь, когда пріидешь къ намъ на слѣдующей недѣли, и даже... Но объ этомъ поговоримъ послѣ. Вотъ идетъ нашъ хозяинъ.

Брюлета покраснѣла, полагая, что Теренція назоветъ такъ брата; но оказалось, что это былъ не Гюріель, а пріѣзжій человѣкъ, скупавшій на срубку шассенскій лѣсъ.

Я говорю лѣсъ, потому-что тамъ, безъ-сомнѣнія, былъ прежде лѣсъ, составлявшій одну рощу съ дубовой чащей, виднѣвшейся по ту сторону рѣки. Недаромъ же сохранилось это названіе: должно полагать, что оно означало что-нибудь. Изъ разговора, завязавшагося между покупщикомъ лѣса и Теренціею, мы скоро узнали въ чемъ дѣло Купецъ этотъ былъ землякъ старика Бастіена, и съ давнихъ поръ зналъ лѣсника и все его семейство за людей работящихъ и надежныхъ. Скупая большіе деревья для кораблей, онъ напалъ на эту заповѣдную рощу — а онѣ въ нашемъ краю большая рѣдкость — и подрядилъ старика Бастіена срубить ее. Лѣсникъ согласился тѣмъ охотнѣе, что Гюріель и Теренція до смерти были рады провести въ нашемъ сосѣдствѣ все лѣто, а можетъ быть, и часть зимы.

Старику Бастіену было предоставлено право выбрать работниковъ и распоряжаться ими по контракту, заключенному съ поставщикомъ лѣса на казенныя верфи. Чтобъ облегчить работу, подрядчикъ убѣдилъ владѣльца уступить ему безденежно жилыя покои въ старомъ зàмкѣ: для него самого жить тамъ было бы неудобно, но для семейства дровосѣка, въ позднее время года, помѣщеніе это представляло кровъ болѣе-надежный, чѣмъ шалаши изъ земли и кольевъ.

Гюріель и его сестра прибыли на мѣсто только поутру. Теренція принялась приводить домъ въ порядокъ, а Гюріель пошелъ осмотрѣть лѣсъ и мѣстность и ознакомиться съ тамошними жителями.

Мы слышали, какъ подрядчикъ подтвердилъ Теренціи, которая въ этомъ дѣлѣ знала толкъ не хуже любаго мужчины, о непремѣнномъ соблюденіи одного изъ условій договора, заключеннаго съ старикомъ Бастіеномъ, а именно: чтобъ онъ употреблялъ для очистки стволовъ отъ вѣтвей бурбонскихъ работниковъ, потому-что они одни только умѣютъ бережно обходиться съ лѣсомъ, а наши плотники перепортили бы ему самыя лучшія деревья.

— Ладно, отвѣчала Теренція: — но для рубки дровъ мы возьмемъ

Digitized by Google

кого намъ заблагоразсудится. Мы не хотимъ отбивать хлѣбъ у добрыхъ людей; что нам за охота, чтобъ они насъ возненавидѣли; и безъ того здѣшній народъ не слишкомъ-то любитъ прихожихъ да заѣзжихъ.

— Послушай, Брюлета, продолжала Теренція, когда хозяинъ ушелъ (онъ остановился въ Сарзэ): — если тебя ничто не удерживаетъ въ деревнѣ, то ты можешь доставить славную работу дѣдушкѣ на цѣлое лѣто. Ты говоришь, что онъ еще добрый работникъ; ну, и хозяинъ у него будетъ также добрый: батюшка не станетъ его неволить. Помѣщеніе вамъ здѣсь ничего не будетъ стоить, а хозяйничать станемъ мы вмѣстѣ.

Потомъ, видя, что Брюлетѣ до смерти хотѣлось сказать «да», а междутѣмъ, измѣнить себѣ также не хотѣлось, Теренція прибавила:

— Если ты у меня еще заикнешься, то я подумаю, что твое сердце засѣло у васъ въ деревушкѣ и что братъ мой опоздалъ.

— Опоздалъ! раздался звонкій голосъ за окномъ, закрытымъ плющомъ, какъ рѣшеткой: — дай Богъ, чтобъ это была неправда!

И Гюріель, пригожій и румяный, какъ маковъ цвѣтъ — вѣдь онъ былъ просто красота, когда лицо у него не было вымазано сажей — вбѣжалъ въ комнату, подхватилъ Брюлету и крѣпко поцаловалъ ее въ обѣ щеки, безъ всякихъ церемоній и жеманныхъ ухватокъ, которыми отличаются наши парни. Онъ былъ такъ счастливъ, такъ шибко смѣялся и такъ громко кричалъ, что сердиться на него не было возможности. Онъ и меня также обнялъ, а потомъ принялся прыгать по комнатѣ въ опьяненіи отъ радости и дружбы, какъ отъ молодаго вина.

Вдругъ, увидѣвъ Шарло, онъ остановился, какъ вкопанный, отвернулся въ другую сторону, проговорилъ два-три слова, неимѣвшія никакого отношенія къ ребенку, сѣлъ на постель и такъ поблѣднѣлъ, что я думалъ, что онъ въ обморокъ падаетъ.

— Что съ тобой? вскричала Теренція съ удивленіемъ.

И взявъ его за голову, прибавила:

— Господи Боже мой! да у тебя холодный потъ выступаетъ на лбу. Ужь не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, ничего! сказалъ Гюріель, вставая и оправляясь. — Это такъ, съ радости.

Въ ту минуту мать молодой пришла узнать, отчего мы ушли, и не случилось ли чего съ Брюлетой или съ малюткой. Видя, что насъ задержали посторонніе люди, она ласково пригласила Гюріеля и Теренцію откушать у нея и потанцовать. Нужно вамъ сказать, что женщина эта приходилась мнѣ теткой: она была сестра моего отца и покойнаго отца Брюлеты, и, какъ мнѣ казалось, знала, кто были родители Шарло,

Digitized by Google

потому-что не разспрашивала откуда онъ взялся, и ухаживала за нимъ, какъ-нельзя-больше. Она сказала даже гостямъ, что малютка намъ родственникъ, такъ-что они и не думали предполагать чего-нибудь такого.

Гюріель не успѣлъ еще прійдти въ себя и благодарилъ мою тетку, не зная на что рѣшиться. Теренція заставила его опомниться, сказавъ, что Брюлета должна возвратиться на праздникъ и чтобъ онъ шелъ съ нею, если не хочетъ упустить случая довести ее до того, чего имъ обоимъ давно хотѣлось. Гюріель встревожился и замялся.

— Развѣ вамъ неугодно танцовать со мною сегодня? сказала Брюлета.

— Какъ неугодно! отвѣчалъ онъ, глядя ей прямо въ глаза: — только вамъ-то угодно ли, чтобъ я танцовалъ съ вами?

— Очень: вы чудесно танцуете.

— Такъ вы потому только этого и желаете?

Брюлета смутилась: она видѣла, что Гюріель требуетъ невозможнаго — нельзя же ей было, въ-самомъ-дѣлѣ, все ему такъ вдругъ и высказать, а между-тѣмъ, ей не хотѣлось приниматься за старыя ужимки — такъ она боялась снова разсердить его и отбить у него смѣлость. Теренція помогла ей выйдти изъ тягостнаго положенія, упрекнувъ брата въ томъ, что онъ слишкомъ-многаго хочетъ заразъ.

— Правда твоя, сестра, отвѣчалъ Гюріель: — но я иначе дѣйствовать не умѣю. Послушайте, Брюлета, вы извините меня, а я попрошу васъ обѣщать мнѣ ни съ кѣмъ не танцовать во весь вечеръ, кромѣ меня: иначе я не иду!

— Скажите на-милость, вскричала тетка, которая была превеселаго нрава и все принимала къ лучшему: — каковъ молодецъ!.. Ну, Брюлета, вижу, что этотъ парень по тебѣ: онъ шутить не любитъ. Только вотъ что̀, голубчикъ, продолжала она, обращаясь къ Гюріелю: — здѣсь не водится говорить все, что̀ думаешь, и только тотъ у насъ имѣетъ право танцовать съ дѣвушкой нѣсколько разъ сряду, кому она отдастъ свое сердце и руку.

— Вѣдь и у насъ то же самое, тетка, отвѣчалъ Гюріель: — только отдастъ ли мнѣ Брюлета свое сердце или нѣтъ, а я непремѣнно требую, чтобъ она отдала мнѣ руку свою на всѣ танцы, на всѣ до единаго.

— Если Брюлета согласится, я не стану ей мѣшать, сказала тетка. — Она у насъ умница и знаетъ, какъ себя вести; я должна только ее предупредить, что̀ объ этомъ будутъ говорить.

— Братъ, сказала Теренція: — ты, кажется, съ ума сошелъ. Развѣ

Digitized by Google

такъ слѣдуетъ обходиться съ такой скромной дѣвушкой какъ Брюлета? Какое же право ты имѣешь на это?

— Пусть буду я сумасшедшій, пусть будетъ она какая-угодно скромница — все это дѣло возможное; только я хочу, чтобъ она для меня, сумасшедшаго и безумнаго, отбросила свою скромность въ сторону, да сейчасъ, сію же минуту. Я объ одномъ только прошу ее: пробыть со мною до конца праздника. Потомъ, если она не захочетъ и слышать обо мнѣ — ея воля.

— Ну, хорошо, сказала тетка: — а если ты покинешь ее потомъ, то кто загладитъ, кто вознаградитъ ее за тотъ вредъ, который ты ей причинишь?

— Она знаетъ, что я никогда ея не покину, отвѣчалъ Гюріель.

— Да объяснись же толкомъ, сказала тетка, обращаясь къ Брюлетѣ: — я тутъ ни крошки не понимаю. Что вы, обручены съ нимъ что-ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гюріель прежде чѣмъ Брюлета успѣла раскрыть ротъ. — Я никогда ничего не просилъ у нея, нѣтъ, никогда! А теперь, только она, она одна, безъ совѣтниковъ и наставниковъ, должна знать, можетъ ли или нѣтъ надѣлить меня тѣмъ, чего я у нея прошу.

Брюлета, дрожа какъ листъ, отвернулась къ стѣнѣ и закрыла лицо руками. Съ одной стороны, она была довольна тѣмъ, что Гюріель такъ рѣшительно съ нею поступаетъ, съ другой, ей было досадно, что онъ такъ мало показываетъ снисхожденія къ ея боязливому и робкому нраву. Она была не то, что̀ Теренція, и не могла вотъ такъ, сію же минуту, при всѣхъ и сказать: «да», а между-тѣмъ, выйдти изъ этого затрудненія не умѣла и принялась плакать.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

— Да ты, батюшка, кажется, и вправду сумасшедшій! сказала тетка, оттолкнувъ Гюріеля, который подошелъ къ Брюлетѣ, перепуганный и растроганный ея слезами.

И, взявъ за руку племянницу, она начала утѣшать ее, прося потихонько объяснить ей, что̀ все это значитъ.

— Еслибъ дѣдушка былъ твой здѣсь, сказала она: — онъ самъ объяснилъ бы мнѣ, что̀ у васъ такое съ этимъ парнемъ, и распорядился бы, какъ ему угодно; а такъ-какъ его нѣтъ съ нами и я замѣняю тебѣ теперь отца и мать, то ты мнѣ должна сказать всю правду. Если хочешь, я избавлю тебя отъ преслѣдованій, и не только не приглашу

Digitized by Google

къ себѣ этого чудака, или грубіяна—право ужь не знаю, какъ и назвать его — а попрошу еще оставить насъ въ покоѣ.

— Именно такъ! вскричалъ Гюріель: — пусть скажетъ, чего она хочетъ: я на все соглашусь безъ малѣйшей досады и сохраню къ ней и уваженіе и дружбу. Если она считаетъ меня чудакомъ или грубіяномъ, никто ей не мѣшаетъ отказать мнѣ. Говорите жь, Брюлета, вѣдь вы знаете, что, во всякомъ случаѣ, я останусь вашимъ другомъ и слугой покорнымъ.

— Будьте чѣмъ вамъ угодно, сказала наконецъ Брюлета, вставая и протягивая ему руку: — вы выручили меня изъ такой бѣды и столько претерпѣли за меня, что я не могу да и не хочу отказать вамъ, въ такой бездѣлицѣ, и буду танцовать съ вами, сколько вамъ угодно.

— Подумайте, однакожь, о томъ, что̀ говоритъ вамъ тетушка, отвѣчалъ Гюріель, взявъ ее за руку. — Объ этомъ будутъ говорить; и если между нами ничего не выйдетъ добраго, а съ вашей стороны это дѣло весьма-возможное, то всѣ ваши намѣренія и предположенія насчетъ замужства разрушатся или, по-крайней-мѣрѣ, удадутся вамъ не такъ-то скоро.

— Что жь! не велика бѣда, отвѣчала Брюлета: — это не то, что броситься въ смертельную опасность безъ страха и размышленія. Извините, тетушка, прибавила она: — я не могу вамъ сейчасъ же объяснить этого; но будьте увѣрены, что племянница ваша любитъ васъ, уважаетъ и никогда не заставитъ краснѣть за себя.

— Вѣрю, душенька, сказала добрая женщина, цалуя ее: — только, что жь мы станемъ отвѣчать на разспросы и толки?

— Да ничего, сказала рѣшительно Брюлета: — ровно ничего! Я дала себѣ слово не обращать вниманія на людскіе толки: ужь таковъ мой обычай, сами вы знаете.

Тогда Гюріель разъ пять или шесть поцаловалъ у нея руку, говоря:

— Спасибо, красавица, царица души моей; я не заставлю тебя раскаяваться въ твоихъ милостяхъ ко мнѣ.

— Да пойдешь ли ты наконецъ, упрямая голова! закричала тетка: — не могу же я ждать васъ цѣлый годъ; и если Брюлета не послѣдуетъ за мною сію же минутку, то молодая пожалуй еще броситъ гостей и сама прійдетъ за нею!

— Ступай, ступай, Брюлета, сказала Теренція: — а я побуду съ ребенкомъ, глазъ съ него не спущу — головой тебѣ отвѣчаю.

— Развѣ ты не пойдешь съ нами, моя красавица? сказала тетка, которая все время смотрѣла на Теренцію, какъ на чудо какое-нибудь. — А я, признаюсь, на тебя разсчитывала.

Digitized by Google

— Я прійду послѣ, бабушка, отвѣчала Теренція. — Мнѣ нужно еще вынуть брату платье, приличное вашему празднику. Мы, какъ видите, прямо съ дороги: и переодѣться не успѣли.

Тетка увела Брюлету, которая хотѣла-было взять съ собою ребенка; но Теренція упросила поручить его ей, желая, чтобъ Гюріель побылъ на свободѣ съ своей возлюбленной, и наговорился съ нею до-сыта, а малый ребенокъ, конечно, не далъ бы имъ и двухъ словъ сказать. Мальчугану это не понравилось; видя, что его *душенька* уходитъ, онъ принялся кричать и рваться изъ рукъ Теренціи.

— Тсъ! нишни! сказала она, смотря на него строго и серьёзно: — кричать ненадо... да!.. мой голубчикъ, ненадо.

Шарло, не привыкнувъ къ приказаніямъ, такъ былъ пораженъ этимъ тономъ, что примолкъ тотчасъ же. Видя, что Брюлета боиться его оставить на попеченіе дѣвушки, которая въ жизнь свою не дотрогивалась до ребенка, я вызвался принести его къ Брюлетѣ, когда будетъ нужно, а ей посовѣтовалъ не задерживать тетушку, которая начинала ужь терять терпѣніе.

Теренція, съ своей стороны, прогнала брата въ другую комнату бриться и одѣваться. Когда мы остались одни, я сталъ помогать ей выгружать сундуки и разбирать платье; Шарло между-тѣмъ, не смѣлъ пикнуть и смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Передавъ Гюріелю вещи, которыми нагрузила меня Теренція, я спросилъ ее : не хочетъ ли она также пріодѣться и не пойдти ли мнѣ, на это время прогуляться съ малюткой.

— Я пойду въ такомъ только случаѣ, отвѣчала она, положивъ свою одежду на постель: — если это необходимо для Брюлеты; если же она можетъ обойдтись безъ меня, то скажу тебѣ откровенно : мнѣ бы хотѣлось лучше остаться здѣсь, безъ хлопотъ. Во всякомъ случаѣ, я буду готова въ двѣ минуты, и провожать меня нѣтъ никакой надобности. Я привыкла отъискивать и устроивать помѣщенія въ дорогѣ не хуже любаго сержанта въ походѣ, и куда бы мы ни пришли, мнѣ вездѣ хорошо и удобно.

— Такъ ты не любишь танцовать? спросилъ я : — и потому только и хочешь остаться дома одна, а вовсе не потому, что боишься новыхъ людей?

— Да, отвѣчала она : — я не люблю плясокъ, шуму, пьянства, а пуще всего ненавижу пустой траты времени, за которой слѣдуетъ всегда скука и уныніе.

— Да вѣдь не всѣ же пляшутъ для того только, чтобъ плясать!

Digitized by Google
810584

Нѣтъ, видно, тебѣ страшны или противны разговоры нашихъ парней съ молодыми дѣвушками?

— Я не нахожу тутъ ничего страшнаго или противнаго, сказала спокойно Теренція. — Мнѣ скучно — вотъ и все тутъ. У меня нѣтъ такого ума, какъ у Брюлеты. Я не умѣю ни отвѣтить кстати, ни пошутить во-время, ни поговорить порядкомъ. Я глупа и забывчива, и потому въ веселой компаніи мнѣ становится какъ-то неловко, какъ волку или лисицѣ, еслибъ ихъ пригласили на танцы.

— А между-тѣмъ видъ у тебя далеко не волчій и танцуешь ты такъ чудесно, какъ вѣтви гибкой ивы, когда ихъ колышетъ тихій вѣтеръ.

Я бы могъ сказать ей много еще кой-чего, но въ ту минуту вошелъ въ комнату Гюріель, пригожій какъ лѣтнее солнышко. Ему хотѣлось поскорѣй пойдти, а мнѣ, признаюсь, было бы пріятнѣе остаться и поговорить съ его сестрой. Она остановила его и стала поправлять ему платокъ на шеѣ и банты на подвязкахъ, полагая, что онъ все еще недовольно-хорошъ, чтобъ весь вечеръ танцовать съ Брюлетой.

— Объясни же намъ теперь, сказала она, охорашивая его: — отчего ты сегодня такой ревнивый и почему ты непремѣнно хочешь, чтобъ Брюлета танцовала только съ тобою? Вѣдь ты можешь оскорбить ее такими требованіями.

— Тьенне! сказалъ Гюріель, вдругъ переставъ оправляться и взявъ на руки Шарло, который влѣзъ на столъ, чтобъ вдоволь оттуда на него насмотрѣться: — чей это ребенокъ?

Теренція, удивленная такимъ вопросомъ, спросила сначала его, съ какой стати онъ объ этомъ спрашиваетъ, а потомъ меня, отчего я не отвѣчаю. Мы смотрѣли другъ другу въ глаза какъ олухи.

Дорого бы я далъ, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, потому-что видѣлъ, какая бѣда висѣла у насъ надъ головою. Наконецъ, вспомнивъ, съ какой невинностью и спокойствіемъ посмотрѣла на меня Брюлета, когда, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, я предложилъ ей подобный вопросъ, я ободрился и, желая предупредить клевету, сказалъ, не запинаясь:

— Когда ты прійдешь къ намъ въ деревню, товарищъ, то многіе станутъ увѣрять тебя, что Шарло сынъ Брюлеты...

Гюріель не далъ мнѣ докончить и, схвативъ ребенка, началъ разсматривать его и вертѣть, какъ охотникъ вертитъ дичь лежалую. Опасаясь, чтобъ онъ не изувѣчилъ его какъ-нибудь со злости, я хотѣлъ взять у него изъ рукъ малютку, но Гюріель не далъ его, говоря:

— Не бойся, Тьенне! я не лютый звѣрь и не обижу птенца невиннаго. Еслибъ я даже нашелъ въ немъ сходство съ *нею*, то и тогда,

Digitized by Google

проклиная судьбу свою злосчастную, не утерпѣлъ бы и расцаловалъ бы это сходство; но, благодарю Бога, малютка ни капельки не похожъ на нее: иначе, во мнѣ бы кровь заговорила и застыла бы или закипѣла отъ одного прикосновенія къ нему.

— Тьенне, Тьенне! вскричала Теренція, какъ-будто бы выходя изъ усыпленія: — отвѣчай ему; отвѣчай также мнѣ, потому-что я тутъ ровно ничего не понимаю и готова съ ума сойдти отъ одной мысли... Подумай только, что пятно позора никогда не лежало на нашемъ семействѣ, и еслибъ батюшка могъ только полагать...

Гюріель не далъ ей договорить.

— Погоди, сестра, сказалъ онъ. — Лишнее слово недолго сказать; пусть лучше онъ самъ отвѣтитъ намъ... Тьенне! ты человѣкъ честный, скажи же мнѣ по правдѣ: чей это ребенокъ?

— Клянусь тебѣ Богомъ, что я самъ не знаю, отвѣчалъ я.

— Еслибъ онъ былъ ея, то ты навѣрное бы зналъ это?

— Да̀, я думаю: ей было бы трудно скрыть это отъ меня.

— Скрывала ли она отъ тебя еще что-нибудь?

— Никогда.

— Извѣстно ли ей, чей это ребенокъ?

— Кажется, что извѣстно; только она не позволяетъ даже и спрашивать объ этомъ.

— Такъ она не сознается, что Шарло ея сынъ?

— Да кто же посмѣетъ спросить ее объ этомъ?

— А ты?

Я разсказалъ ему въ трехъ словахъ все, что̀ зналъ и что̀ предполагалъ, и окончилъ, говоря:

— Уличить Брюлету нельзя, оправдать также; но подозрѣвать я рѣшительно не могу.

— И я тоже! сказалъ Гюріель. И, поцаловавъ малютку, онъ поставилъ его на полъ.

— А я и подавно, сказала Теренція: — только я не понимаю, отчего же эта мысль могла прійти другимъ и какимъ-образомъ ты самъ, братецъ, могъ подумать объ этомъ при первомъ взглядѣ на ребенка. Мнѣ и въ голову не приходило доискиваться, какъ онъ приходится Брюлетѣ: племянникъ ли онъ ея, или братъ двоюродный. Этотъ ребенокъ должно-быть изъ ихъ семьи, думала я, и видя, что Брюлета держитъ его на рукахъ, сама была готова взять его къ себѣ на руки.

— Я сейчасъ объясню тебѣ, какимъ образомъ мысль эта пришла мнѣ въ голову, отвѣчалъ Гюріель: — хотя, признаюсь, говорить мнѣ объ этомъ куда какъ тяжело... Ну, да ужь лучше разомъ все высказать!

Digitized by Google

Я рѣшился; и что бъ ни случилось теперь, или послѣ когда-нибудь, не отступлюсь отъ своего рѣшенія!... Ну, такъ вотъ видишь, Теренція, дня три тому назадъ, когда мы простились съ Жозефомъ... да что, впрочемъ, тутъ разсказывать! ты сама видѣла, какъ счастливъ, какъ доволенъ былъ я тогда: Жозефъ выздоровѣлъ, Жозефъ отказался отъ Брюлеты, Жозефъ просилъ твоей руки, а Брюлета, какъ онъ самъ мнѣ сказалъ, была еще не замужемъ! онъ говоритъ, что она такъ же свободна, какъ онъ, и на всѣ мои вопросы отвѣчалъ:

«— Дѣлай, что хочешь: я не люблю ея больше; можешь любить ее сколько душѣ твоей угодно: мнѣ это рѣшительно все-равно.

«Потомъ, когда мы стали прощаться, онъ удержалъ меня за руку и сказалъ: — въ ту минуту, какъ ты садилась въ телегу:

«— Правда ли, Гюріель, что ты ѣдешь на нашу сторону и собираешься ухаживать за той, которую я такъ долго любилъ?

«— Правда, отвѣчалъ я: — если ужь ты непремѣнно хочешь это знать. Таково мое намѣреніе и ты не имѣешь права мѣшать мнѣ: иначе я подумаю, что ты надсмѣхался надо мною, прося руки Теренціи.

«— Я и не думаю объ этомъ, отвѣчалъ Жозефъ: — но долгъ дружбы меня обязываетъ сообщить тебѣ, на прощаніе, новость очень-печальную. Богъ свидѣтель! никогда бы я не рѣшился дурно говорить про дѣвушку, отецъ которой воспиталъ меня, если бы ты не стоялъ на краю пропасти! Но вѣдь и твой отецъ также воспиталъ меня: дѣдушка Брюле поилъ и кормилъ мое тѣло, а батюшка твой просвѣтилъ мой умъ, а потому я считаю долгомъ сказать тебѣ всю правду. Знай же, Гюріель, что въ то время, когда я разстался съ Брюлетой изъ любви къ ней, Брюлета, тайно отъ меня, любила ужь другаго, что теперь ужь есть живое доказательство этой любви и что она даже не старается скрывать этого доказательства. Теперь, поступай какъ знаешь: я не стану больше мѣшаться въ твои дѣла.

Сказавъ это, Жозефъ повернулся и убѣжалъ въ лѣсъ.

Жозефъ былъ такъ встревоженъ, а я, напротивъ, такъ спокоенъ: столько любви и вѣры было у меня на душѣ, что я сказалъ себѣ: бѣдный парень, вѣрно, съ ума сошелъ или обозлился за что-нибудь на Брюлету. Ты помнишь, сестра, какъ я перемѣнился въ лицѣ: ты сама мнѣ это замѣтила и всю дорогу думала, что я боленъ. Пріѣхавъ въ село *Гюріель*, мы получили отъ родныхъ нашихъ письма: два къ Теренціи отъ Брюлеты и три ко мнѣ отъ тебя, Тьенне; письма эти были получены даннымъ-давно, но родные наши не сочли за нужное пересылать ихъ къ намъ, несмотря на то, что обѣщали переслать непремѣнно. Они были написаны такъ просто, такъ ласково и заключали въ себѣ такъ

много искренней дружбы, что я сказалъ: ѣдемъ! и забылъ слова Жозефа, какъ дурной сонъ. Мнѣ стало стыдно за него; мнѣ хотѣлось забыть навсегда то, что̀ я отъ него слышалъ; и когда я увидѣлъ Брюлету, когда я взглянулъ на ея кроткое, скромное личико, которымъ такъ восхищался, бывало, то, клянусь вамъ Богомъ! я забылъ все, такъ забылъ, какъ-будто никогда ничего и не было. Видъ этого ребенка убилъ меня!.. Вотъ почему я хотѣлъ узнать, свободна ли Брюлета и можетъ ли она любить меня. Теперь я вижу, что она свободна: иначе она не обѣщала бы мнѣ танцовать со мной однимъ и не стала бы подвергать себя пересудамъ и толкамъ. Она ни отъ кого не зависитъ— вотъ и все тутъ!.. а случилось ли въ ея жизни несчастье... повѣрю ли я этому несчастью или не повѣрю... сознается ли она мнѣ во всемъ, или оправдается въ моихъ глазахъ — для меня это рѣшительно все-равно: я ее люблю!

— Какъ! вскричала Теренція: — ты станешь любить подобную дѣвушку? Нѣтъ! Гюріель, этому не бывать! Подумай только о твоемъ отцѣ, о твоей сестрѣ! Не уходи отсюда, не узнавъ истины. Я не обвиняю Брюлету, я не вѣрю словамъ Жозефа. Я увѣрена, что Брюлета чиста и невинна; но пусть она сама намъ это скажетъ, а еще лучше будетъ, если она намъ это докажетъ. Сходи за нею, Тьенне. Она должна объясниться съ нами, прежде-чѣмъ братъ мой сдѣлаетъ такой шагъ, послѣ котораго честный человѣкъ не можетъ отступить назадъ.

— Не ходи, Тьенне! сказалъ Гюріель: — я тебѣ запрещаю! Если Брюлета такъ же невинна, какъ моя сестра Теренція, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, то никто не смѣетъ задавать ей такихъ обидныхъ вопросовъ прежде, чѣмъ я выполню честное слово, данное ей.

— Братъ, подумай только...

— Довольно, довольно! вскричалъ онъ, цалуя ее и вырываясь у нея изъ рукъ:— не мнѣ такъ строго судить о другихъ, когда я самъ такъ нуждаюсь въ прощеніи.

Сказавъ это, Гюріель бросился вонъ изъ комнаты и, не дожидаясь меня, побѣжалъ къ дому молодыхъ, гдѣ дымились трубы, готовился пиръ и гремѣлъ шумъ и гвалтъ на всю деревню.

— Бѣдный братъ! сказала Теренція, провожая его глазами:—никакъ не можетъ забыть своего несчастія и, можетъ-быть, никогда не утѣшится!

— Утѣшится, Теренція, сказалъ я: —когда узнаетъ, что любимъ той, которую любитъ, я тебѣ ручаюсь, что онъ любимъ и давнымъ-давно.

— Вѣрю, Тьенне; только достойна ли его эта дѣвушка? Еслибъ Брюлета съ перваго раза сказала брату: не домогайся, не ухаживай за мною: я обманута и обезчещена, то, конечно, онъ могъ бы пренебречь этимъ и простить все добровольному признанію; но позволять ухаживать

Digitized by Google

за собою и, не говоря ни слова, сносить ласки и удивленіе, тогда какъ... Тьенне, Тьенне! точно ли ты ничего не знаешь? Не можешь ли ты, по-крайней-мѣрѣ, хоть что-нибудь придумать или сказать мнѣ въ успокоеніе. Я слишкомъ люблю Брюлету и не имѣю духа обвинять ее; но что̀ скажетъ мнѣ батюшка, когда узнаетъ, что я не удержала брата на краю пропасти?

— Я могу тебѣ сказать только одно, Теренція: теперь, я менѣе чѣмъ когда-нибудь сомнѣваюсь въ Брюлетѣ: если кого-нибудь можно было подозрѣвать въ этомъ случаѣ, такъ это только Жозефа: относительно его людскіе толки имѣли по-крайней-мѣрѣ хоть тѣнь основанія; но изъ того, что̀ сказалъ намъ твой братъ, я вижу, что Жозефъ чистъ какъ снѣгъ. Кромѣ его, я знаю на свѣтѣ только одного человѣка, который, не говорю способенъ, но, по дружбѣ съ Брюлетой, находится въ такомъ положеніи, что могъ бы измѣнить своей чести и уступить искушенію. И этотъ человѣкъ — я! Что жь, вѣришь ли ты теперь мнѣ или нѣтъ, Теренція?. Посмотри мнѣ хорошенько въ глаза и потомъ отвѣчай откровенно: никто, никогда и не думалъ обвинять меня въ этомъ, сколько мнѣ извѣстно; но вѣдь я могъ всѣхъ обмануть: такъ можешь по-крайней-мѣрѣ думать ты, потому-что знаешь меня мало и не обязана мнѣ вѣрить на слово. Вотъ почему я говорю тебѣ: посмотри мнѣ въ лицо и суди сама, могутъ ли ложь и низость ужиться въ моей душѣ?

Теренція подняла голову и посмотрѣла на меня безъ малѣйшаго смущенія.

— Нѣтъ, Тьенне, сказала она: — ты неспособенъ такъ безсовѣстно лгать; и если ты спокоенъ насчетъ Брюлеты, то и мнѣ нечего тревожиться. Ступай же теперь веселиться, голубчикъ; ты мнѣ больше не нуженъ.

— Ошибаешься, Теренція, сказалъ я: — этотъ ребенокъ замучитъ тебя, съ чужими людьми онъ просто—мученіе, и гораздо-лучше будетъ, если я возьму его съ собою или останусь здѣсь и стану помогать тебѣ.

— Мученіе? повторила Теренція, посадивъ ребенка на колѣни. — Вотъ еще! велика важность управиться съ такой крошкой! Я дѣтей никогда не няньчила, но увѣрена, что тутъ вовсе не нужно особенной мудрости. Ну, мой карапузикъ, чего же ты хочешь? Кушать?

— Нѣтъ, проговорилъ Шарло. Онъ злился, не смѣя этого обнаружить.

— Ну, какъ хочешь! Я не стану тебя неволить; а когда тебѣ захочется супу, ты мнѣ самъ скажешь, я тебѣ подамъ и мы станемъ

Digitized by Google

играть съ тобой, если ты соскучишься. Скажи, хочешь со мной играть?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Шарло, хмурясь и надувая губы.

— Ну, такъ играй одинъ, сказала спокойно Теренція, опуская его на полъ:—а я пойду смотрѣть, какъ гуляетъ по двору маленькая лошадка; она такая хорошенькая, черная.

Она показала видъ, что хочетъ уйдти. Шарло заплакалъ. Теренція притворилась, какъ-будто бы не слышитъ. Шарло не вытерпѣлъ и подошелъ къ ней.

— Что̀ такое? что̀ съ тобою? сказала она, какъ-будто бы удивляясь: — говори поскорѣй, а не то я уйду; мнѣ некогда тебя ждать.

— Я хочу посмотрѣть маленькую лошадку, пропищалъ Шарло, рыдая.

— Ну такъ пойдемъ, только безъ слезъ, потому-что маленькая лошадка убѣжитъ, когда услышитъ дѣтскій крикъ.

Шарло скрылъ досаду и пошелъ любоваться Клериномъ.

— Хочешь покататься верхомъ? спросила Теренція.

— Нѣтъ; я боюсь.

— Я подержу тебя.

— Нѣтъ; я боюсь.

— Ну, какъ хочешь.

Черезъ минуту Шарло захотѣлъ покататься верхомъ.

— Нѣтъ, сказала Теренція, ты боишься.

— Нѣтъ.

— Да̀, говорятъ тебѣ.

— Право нѣтъ!

Теренція посадила ребенка верхомъ и повела лошадку, слегка придерживая Шарло. Поглядѣвъ на нихъ съ минуту, я убѣдился, что никакіе капризы не устоятъ противъ такой твердой и спокойной воли. Теренція съ перваго раза умѣла заставить слушаться ребенка, отъ природы упрямаго, тогда-какъ Брюлета достигла этого только черезъ годъ, и то трудомъ и терпѣніемъ. Видно было, что Богъ создалъ ее доброй матерью и что учиться этому ей не было никакой надобности. Она угадывала, что̀ и какъ слѣдовало дѣлать, и занималась ребенкомъ спокойно, ни чему не удивляясь и не показывая ни малѣйшаго нетерпѣнія.

Шарло, привыкнувъ всѣмъ распоряжаться, удивился, видя, что съ нею онъ можетъ только дуться на самого-себя, да и то совершенно-напрасно, потому-что она не обращала на это ни малѣйшаго вниманія. Не прошло и часа, какъ онъ сталъ просто шелковый: самъ просилъ того, чего ему хотѣлось и въ ту же минуту бралъ то, что̀ ему предлагали.

Digitized by Google

Когда Теренція стала кормить его, я не могъ надивиться, какимъ-образомъ она могла сообразить сколько и чего ему слѣдовало дать. Потомъ она умѣла занять его подлѣ себя, не переставая работать, и разговаривала съ нимъ, какъ съ большимъ человѣкомъ; она умѣла заставить его говорить, не показывая и виду, что разспрашиваетъ, такъ-что малютка въ нѣсколько минутъ истощилъ передъ нею весь свой запасъ поговорокъ и прибаутокъ, на которыя онъ былъ куда какъ скупъ, когда его ласкали и просили. Онъ былъ такъ доволенъ и такъ гордился своими познаніями, что сердился, когда у него недоставало словъ, и выражался словами своего собственнаго изобрѣтенія и, право, неглупо и недурно.

— Что ты тамъ дѣлаешь, Тьенне? сказала она вдругъ, какъ-будто бы длятого, чтобъ дать мнѣ почувствовать, что я остаюсь слишкомъ-долго.

И такъ-какъ я сочинилъ ужь, я думаю, пятьдесятъ исторій, чтобъ не уходить, то рѣшительно не могъ ничего придумать и отвѣчалъ просто, что смотрю на нее.

— Что жь это забавляетъ тебя, что ли? спросила она.

— Не знаю, отвѣчалъ я. — Спроси лучше у Божьей травки, довольна ли она, когда на нее свѣтитъ солнышко?

— Ого! да ты, кажется, выучился балясы точить! Только ты напрасно ихъ тратишь на меня: я не знаю толку въ такихъ рѣчахъ и не умѣю на нихъ отвѣчать.

— Да и я знаю въ нихъ толку не больше тебя. Я хотѣлъ только сказать, что по-моему, на свѣтѣ нѣтъ ничего лучше и отраднѣе такого зрѣлища. Развѣ не радостно видѣть молодую дѣвушку, которая съ такимъ удовольствіемъ потѣшаетъ малаго ребенка?

— Что жь тутъ особеннаго? сказала Теренція. — Глядя на этого ребенка и слушая его болтовню, я какъ-будто начинаю понимать назначеніе женщины; но вѣдь не всегда можемъ мы выбирать себѣ судьбу: я должна вести жизнь одинокую и бродячую, потому-что Богъ назначилъ меня быть опорой и утѣшеніемъ моего родителя. Я не жалуюсь и не желаю другой жизни; но понимаю, что пріятно жить иначе и нахожу, что Брюлетѣ сладко и отрадно ухаживать за малюткой, чей бы онъ ни былъ. Мнѣ никогда не случалось еще испытывать такого чудеснаго удовольствія и я рада случаю имъ воспользоваться. Съ такимъ ребенкомъ, право, никогда не соскучишься; я никакъ не полагала, что въ такой крошкѣ можетъ быть столько ума.

— А вѣдь, всѣмъ этимъ онъ обязанъ Брюлетѣ; многое нужно было передѣлать въ немъ, чтобъ сдѣлать изъ него милаго ребенка, тогда-какъ есть дѣти, которыя отъ природы бываютъ ужь такими.

Digitized by Google

— Это удивительно, сказала Теренція. — Если есть дѣти еще милѣе, то жить съ ними просто—рай!.. Ну теперь, кажется, мы наговорились, Тьенне! Уходи отсюда. Пожалуй еще за тобой прійдутъ, потащутъ и меня; а мнѣ, признаюсь откровенно, ужасно этого не хочется; я устала маленько и до смерти буду рада, если меня оставятъ въ покоѣ.

Нечего было дѣлать: я ушелъ, взволнованный и переполненный мыслью объ этой дѣвушкѣ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬИ ПОСИДѢЛКИ.

Не одна только дивная красота Теренціи наполняла мою душу—нѣтъ, не одна только красота, а еще что-то такое, что̀ заставляло меня предпочитать ее всѣмъ на свѣтѣ. Я удивлялся, какъ могъ я только любить Брюлету, которая какъ мало на нее походила; мнѣ казалось, что Теренція слишкомъ ужь откровенна, а Брюлета слишкомъ-хитра и тонка. Брюлета, по-моему, была во сто разъ милѣе: у нея всегда было въ запасѣ ласковое слово для друзей; она умѣла удерживать ихъ при себѣ, раздавая имъ приказанія, которыми молодежь такъ гордится, полагая, что безъ нея нельзя обойдтись. Теренція, напротивъ, прямо говорила, что вы ей не нужны и какъ-будто удивлялась и скучала, когда на нее обращали вниманіе. Обѣ онѣ, впрочемъ, знали себѣ цѣну; но Брюлета всячески старалась дать вамъ это почувствовать, тогда-какъ Теренція требовала отъ васъ только должнаго уваженія, и сама платила вамъ тѣмъ же. Не знаю почему, только это зерно гордости—зерно, глубоко зарытое въ душу, казалось мнѣ приманкой, привлекавшей меня и въ то же время пугавшей.

Когда я пришелъ, праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ. Брюлета порхала какъ бабочка въ рукахъ Гюріеля. Лица ихъ горѣли такимъ огнемъ; она была въ такомъ душевномъ упоеніи, а онъ сіялъ такимъ счастіемъ, что они не видѣли и не слышали, что̀ вокругъ нихъ дѣлалось. Музыка уносила ихъ, но они, я думаю, не чувствовали земли подъ ногами и были въ упоеніи. У танцующихъ всегда на умѣ или любовь, или какіе-нибудь замыслы, а потому не удивительно, что на нихъ никто не обращалъ особеннаго вниманія. Тамъ было столько вина, шуму, пыли, пѣсенъ и смѣха, что вечеръ наступилъ прежде, чѣмъ собранію пришло въ голову узнать, отчего тотъ или другой такъ веселится.

Брюлета остановилась только на минутку, узнать, что̀ дѣлаетъ Шарло и отчего Теренція не пришла; она была совершенно успокоена

Digitized by Google

моимъ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе, что Гюріель не далъ мнѣ распространиться насчетъ поведенія ея питомца.

Мнѣ не хотѣлось танцовать, потому-что я не могъ найдти ни одной дѣвушки себѣ по вкусу, хотя тамъ было много хорошенькихъ: ни одна изъ нихъ не походила на Теренцію, а Теренція не выходила у меня изъ головы. Я усѣлся въ уголокъ и принялся смотрѣть на Гюріеля, чтобъ потомъ разсказать Теренціи, если она станетъ меня спрашивать. Гюріель совершенно забылъ свое горе и былъ счастливъ какъ ребенокъ. Онъ былъ подъ-пару Брюлетѣ, потому-что, при случаѣ, любилъ поплясать и повеселиться не менѣе ея, и далеко превосходилъ всѣхъ нашихъ парней въ томъ отношеніи, что танцовалъ безъ отдыху и устали. Всѣмъ и каждому извѣстно, что въ танцахъ женщины уходятъ хоть какого угодно мужчину; имъ это ни по чемъ, тогда-какъ мы изнемогаемъ отъ жара и жажды. Гюріель не дотрогивался до угощенія, ничего не ѣлъ, не пилъ и какъ-будто далъ себѣ клятву вдоволь повеселить Брюлету, зная, что она больше всего любитъ танцы; но я видѣлъ очень-хорошо, что онъ самъ не меньше ее наслаждается и опрыгалъ бы весь свѣтъ на одной ножкѣ, еслибъ Брюлета согласилась только послѣдовать за нимъ.

Наконецъ, видя, что Брюлета всѣмъ отказываетъ, гости замѣтили, что она слишкомъ ужь благосклонна къ Гюріелю: тамъ-и-сямъ, за столами, начали объ этомъ поговаривать. Нужно вамъ сказать, что Брюлета вовсе не предполагала такъ веселиться и давнымъ-давно смотрѣла съ презрѣніемъ на всѣхъ окрестныхъ парней, слишкомъ-много дававшихъ волю языку, а потому не надѣла самаго хорошаго платья; и такъ-какъ тамъ было много дѣвушекъ, пышно-разряженныхъ, то не произвела такого впечатлѣнія, какъ прежде. Но когда она растанцовалась и оживилась, то всѣ поневолѣ должны были согласиться, что никто не могъ съ нею сравниться красотою: люди, незнавшіе ея, стали спрашивать о ней у ея знакомыхъ, изъ которыхъ одни отзывались о ней дурно, а другіе хорошо.

Желая узнать всю правду, я сталъ прислушиваться, не показывая виду, что знаю Брюлету и что она мнѣ родственница. Тогда я услышалъ повтореніе прежнихъ толковъ про подкидыша, про Жозефа и погоньщика; нѣкоторые увѣряли, что виной этому вовсе не Жозефъ, а высокій парень, который цѣлый вечеръ ухаживаетъ за нею и такъ увѣренъ въ себѣ, что никого къ ней не подпускаетъ.

— Прекрасно сдѣлалъ, сказалъ кто-то: — что пришелъ поправить свою вину: лучше поздно, чѣмъ никогда!

— У меня губа-то не дура, подхватилъ другой: — парень-то молодецъ собой и, кажется, добрый малый.

— Что ни говори, прибавилъ третій : — а они составятъ славную парочку, и когда священникъ благословитъ ихъ, то заживутъ своимъ домкомъ не хуже всякаго другаго.

Между-тѣмъ, моя тётка подозвала Гюріеля и, подведя его ко мнѣ, сказала ему:

— Я хочу, чтобъ ты выпилъ чарку вина за мое здоровье: у меня душа радуется, глядя, какъ ты танцуешь и какъ веселишь и одушевляешь всѣхъ моихъ гостей.

Гюріелю не хотѣлось даже и на минуту отойдти отъ Брюлеты, но хозяйка требовала этого непремѣнно и отказать ей въ этой учтивости онъ не могъ.

Они сѣли на концѣ стола, другъ противъ друга, и поставили между-собою свѣчку. Моя тетка Маргитоннъ была, какъ я вамъ ужь сказалъ, женщина маленькаго роста, но такая умница, что просто — чудо. Лицо у нея было преуморительное, бѣлое и свѣжее, хотя ей было лѣтъ за пятьдесятъ, и родила она, я думаю, дѣтей человѣкъ четырнадцать. Въ жизнь мою я ни у кого не видалъ такого длиннаго носа и такихъ крошечныхъ глазокъ — точно какъ-будто бы просверлили ихъ буравомъ; но эти маленькіе глазки были такіе живые и лукавые, что какъ взглянешь на нихъ, бывало, такъ и начнешь смѣяться и болтать какъ сорока.

Я замѣтилъ, однакожь, что Гюріель былъ на сторожѣ и недовѣрчиво поглядывалъ на вино, которое она ему подливала. Видя насмѣшку и любопытство на ея лицѣ, онъ, самъ не зная почему, рѣшился быть осторожнымъ. Тетушка моя съ самаго утра суетилась и болтала безъ умолку, но все еще не могла наговориться, и какъ только выпила два или три глотка вина, такъ острый кончикъ ея длиннаго носа закраснѣлся какъ клюква, а огромный ротъ, въ которомъ было столько зубовъ, что ихъ хватило бъ на три человѣка, принялся смѣяться до ушей. Она говорила, впрочемъ, здраво и съ толкомъ, потому-что никто лучше ея не умѣлъ веселиться: у нея веселость никогда не впадала въ крайность, а шутка не переходила въ злость и клевету.

— Ну, мой голубчикъ, начала она послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ, длятого только, чтобъ утолить первую жажду: — вотъ ты наконецъ и помолвленъ съ моей Брюлеточкой. Отступиться теперь тебѣ нельзя, потому-что то̀, чего ты такъ желалъ, случилось; здѣсь только и рѣчи, что объ этомъ, и если бъ ты могъ слышать, какъ я, всѣ толки и пересуды, то узналъ бы, что все прошедшее

Digitized by Google

моей красавицы-племянницы и все ея будущее взваливается тебѣ на спину.

Я видѣлъ, что слова эти вонзились какъ ножъ острый въ сердце Гюріелю и столкнули его прямо въ грязь; но онъ тотчасъ же оправился и отвѣчалъ съ улыбкой:

— Я желалъ бы, бабушка, чтобъ и прошедшее Брюлеты мнѣ принадлежало, потому-что въ ней все должно быть хорошо и прекрасно; но если бъ мнѣ досталось только будущее, то и тогда бы я поблагодарилъ Бога за свою участь.

— И прекрасно сдѣлаешь продолжала тетушка, не переставая смѣяться и смотря прямо ему въ лицо зеленоватыми глазками, которыми вдаль рѣшительно ничего не видѣла, такъ-что можно было подумать, что она собирается клюнуть его въ лобъ своимъ длиннымъ носомъ. — Ужь любить, такъ любить безъ оглядки.

— Таково мое намѣреніе, сказалъ Гюріель сухо.

— И оно тѣмъ похвальнѣе съ твоей стороны, продолжала она, не запинаясь: — что у Брюлеты больше ума, чѣмъ добра. Вѣдь ты знаешь, что все ея приданое можетъ помѣститься вотъ въ этомъ стаканѣ и что тутъ нечего разсчитывать на крупную монету.

— Тѣмъ лучше! отвѣчалъ Гюріель: — скорѣй сосчитаемъ: я не люблю тратить время на счеты да разсчеты.

— Притомъ же, тихій и воспитанный ребенокъ никогда не можетъ быть помѣхой въ домѣ, особливо, если отецъ его выполнитъ свой долгъ, а онъ выполнитъ его непремѣнно — головой тебѣ отвѣчаю.

Бѣдному Гюріелю было и жарко и холодно; но, полагая, что она испытываетъ его, онъ скрѣпилъ сердце и сказалъ:

— Обязанность отца — дѣло святое, и я выполню его, будьте въ этомъ увѣрены.

Тетушка протянула черезъ столъ худенькую ручонку и прикоснулась къ лицу Гюріеля. Она почувствовала, что у него потъ на лбу, хотя самъ онъ былъ блѣденъ какъ полотно. Въ ту же минуту злое выраженіе исчезло у нея съ лица и оно стало добрымъ и ласковымъ, какъ душа ея:

— Положи-ка локти на столъ, голубчикъ, сказала она: — и наклонись ко мнѣ поближе: я хочу поцаловать тебя въ щоку.

Гюріель, удивленный такой неожиданной нѣжностью, исполнилъ ея волю. Она откинула его густые волосы и посмотрѣла на серебряное сердечко, попрежнему висѣвшее у него на серьгѣ; вѣроятно, она знала какимъ образомъ оно къ нему попало. Потомъ, наклонясь къ самому уху, какъ-будто бы собираясь его укусить, шепнула ему нѣсколько

Digitized by Google

словъ, но такъ тихо, что я не могъ ихъ разслышать. Пошептавъ, она ущипнула его за ухо и сказала громко:

— Нечего говорить, у тебя вѣрное ухо; только согласись, что оно вознаграждено по заслугамъ?

Вмѣсто отвѣта Гюріель перепрыгнулъ черезъ столъ, уронивъ стаканы и свѣчку, которую я едва успѣлъ поддержать, и, усѣвшись подлѣ тетушки, началъ цаловать ее такъ крѣпко, какъ-будто бы она была его родная мать. Гюріель вертѣлся, какъ сумасшедшій, кричалъ и пѣлъ, пилъ и запивалъ, а маленькая тетушка такъ и умирала со смѣху и безпрестанно чокалась съ нимъ, приговаривая: «За здоровье отца твоего ребенка!»

— Это доказываетъ, сказала она наконецъ, обращаясь ко мнѣ: — что умнѣе всѣхъ иногда выходятъ тѣ, которыхъ считаютъ дураками, точно такъ, какъ тѣ, которые считаютъ себя великими умниками, остаются часто въ дуракахъ. Ты можешь это тоже сказать, Тьенне, потому-что ты человѣкъ прямодумный и добрый родственникъ; я знаю, что ты поступилъ съ своей двоюродной сестрой какъ родной братъ. Ты вполнѣ заслуживаешь награды и, надѣюсь, Богъ не оставитъ тебя своею милостью, рано или поздно Онъ надѣлитъ тебя полнымъ счастьемъ.

Сказавъ это, она ушла, а Гюріель обнялъ меня, говоря:

— Тетушка твоя говоритъ правду: она отличнѣйшая женщина. Тебѣ неизвѣстна наша тайна, но это ничего не значитъ; тѣмъ больше чести тебѣ, и... дай мнѣ слово, Тьенне, что ты пріидешь сюда на цѣлое лѣто работать съ нами: я имѣю виды на тебя и, если Богъ мнѣ поможетъ, то ты не будешь знать какъ и поблагодарить меня.

— Ты, должно-быть, отвѣдалъ, сказалъ я: — вина чистаго, безъ примѣси, и обязанъ этимъ моей тетушкѣ: она вынула оттуда соломенку, отъ которой ты могъ бы поперхнуться; что жь касается до твоихъ видовъ на меня, то они, братъ, не такъ скоро удадутся!

— Другъ Тьенне, счастье заразительно; и если ты не станешь противиться моимъ желаніямъ...

— Мои желанія слишкомъ, кажется, сходны съ твоими; только этого еще мало.

— Конечно; но попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Не ужь-то ты до такой степени берритонецъ, что и счастья попытать не захочешь?

— Твой примѣръ мнѣ наука и придаетъ мнѣ смѣлости, только надѣешься ли ты?..

Брюлета прервала нашъ разговоръ: она подошла и спросила, о чемъ мы говоримъ; но ея лицу было видно, что она ничего не подозрѣвала.

Digitized by Google

— Сядьте-ка сюда, голубушка, сказалъ Гюріель, привлекая ее къ себѣ на колѣно, какъ это дѣлается у насъ зачастую, не подавая повода къ злымъ толкамъ: — и скажите мнѣ откровенно, не хочется ли вамъ потанцовать съ кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ меня? Вы дали слово и сдержали его. Я желалъ этого длятого, чтобъ облегчить себя отъ печали, тяготившей мнѣ душу; если же вы думаете, что изъ этого могутъ возникнуть глупые толки на вашъ счетъ, то скажите только слово: я на все готовъ и буду танцовать съ вами тогда только, когда вамъ будетъ угодно.

— Развѣ я вамъ ужь наскучила, господинъ Гюріель? сказала Брюлета: — скажите правду: вамъ вѣрно, захотѣлось познакомиться съ другими дѣвушками?

— О, если такъ! вскричалъ Гюріель, внѣ себя отъ радости: — въ добрый часъ! я, право, не знаю есть ли здѣсь, кромѣ васъ, еще кто-нибудь, да и знать не хочу.

Онъ подалъ ей стаканъ, прося прикоснуться къ нему губами; потомъ, осушивъ его однимъ духомъ, разбилъ въ дребезги, чтобъ никто послѣ не могъ изъ него напиться, и повелъ танцовать свою невѣсту; а я принялся думать о томъ счастіи, на которое онъ мнѣ намекнулъ и которое, самъ не знаю, какимъ-образомъ такъ и охватило меня всего.

Я никогда прежде не разбиралъ себя съ этой стороны и, зная, что нравъ у меня не слишкомъ-то пылкій, никакъ не предполагалъ, чтобъ могъ такъ легко влюбиться въ такую серьёзную дѣвушку, какъ Теренція. Когда Брюлета отказала мнѣ, я не впалъ въ отчаяніе потому только, что любилъ веселье и развлеченія; но, при одной только мысли о Теренціи дрожь пробирала меня до костей, точно какъ-будто бы я отправлялся странствовать по морю безконечному, я, который никогда ногой не ступалъ на рѣчное судно.

Что жь это, думалъ я про себя, влюбился я что-ли сегодня, самъ того не замѣчая? Нужно такъ полагать, когда самъ Гюріель поощряетъ меня къ тому: видно онъ угадалъ правду по моему лицу; а все-таки мнѣ что-то не вѣриться: что-то тревожитъ и душитъ меня, а любить, мнѣ кажется, должно-быть, легко и весело.

Разсуждая самъ съ собою, я очутился, самъ не знаю какимъ-образомъ, около стараго зàмка. Эта старая куча камней дремала при лунномъ свѣтѣ такъ же безмолвно, какъ и тѣ, которые строили ее. Только слабый огонекъ свѣтился въ комнатѣ Теренціи, показывая, что не одни мертвецы сторожили въ ту минуту древнее жилище. Я подкрался потихоньку и, заглянувъ сквозь листья въ окошко, гдѣ не было ни рамъ,

Digitized by Google

ни стеколъ, увидѣлъ *лѣсную* красавицу: она молилась, стоя на колѣняхъ, возлѣ постели, на которой Шарло сладко спалъ.

Если я проживу еще сто лѣтъ, то не забуду лица, которое было у нея въ ту минуту. Я только-что покинулъ Брюлету, сіявшую какъ солнце, въ упоеніи любви и пылу танцевъ, и вотъ увидѣлъ Теренцію, одинокую и спокойную, тихую и блѣдную, какъ мѣсяцъ въ свѣтлую, весеннюю ночь. Вдали раздавались звуки музыки, но *лѣсная* дѣвушка не слыхала ихъ: она не внимала, я думаю, и соловью, который напѣвалъ чудесную пѣсню въ сосѣдней рощѣ.

Что̀ сталось со мной въ ту минуту, я не могу вамъ объяснить: душа моя вдругъ наполнилась мыслью о Богѣ, тогда-какъ эта святая мысль не всегда была у меня на умѣ въ тѣ молодые и вѣтренные годы. Какая же тайная сила согнула мнѣ колѣни и наполнила глаза слезами, которыя полились обильнымъ потокомъ, какъ-будто въ головѣ моей огромная туча разразилась дождемъ.

Не спрашивайте меня о чемъ я молилъ ангеловъ небесныхъ; я не смѣлъ просить Бога надѣлить меня такимъ сокровищемъ, какъ Теренція, но думаю, что молилъ Его пріуготовить меня достойнымъ образомъ къ такому великому счастью.

Когда я всталъ на ноги, Теренція кончила ужь молитву и стала приготовляться ко сну. Она сняла съ головы повязку и распустила волосы, которые черными густыми прядями упадали до самой земли; я поспѣшно удалился.

Въ ту минуту, какъ я выходилъ изъ стараго замка, человѣкъ, лицо котораго я не могъ разсмотрѣть въ темнотѣ, остановилъ меня, говоря:

— Эй, землякъ! скажи, пожалуйста, здѣсь, что ли, старый Шассенскій Замокъ.

— Дѣдушка Бастіенъ! вскричалъ я, узнавъ его по голосу.

И я крѣпко обнялъ старика, къ великому его удивленію. Онъ помнилъ меня не такъ хорошо, какъ я его; но когда онъ узналъ меня, то ласково отвѣчалъ на мое привѣтствіе и сказалъ:

— Ну, что? молодецъ, видѣлъ моихъ дѣтокъ? вѣдь они должны-быть здѣсь — знаешь ли ты это?

— Они здѣсь съ утра, отвѣчалъ я: — и мы съ Брюлетой также. Теренція вонъ тамъ спитъ, я думаю, теперь покойно, а Брюлета и твой любезнѣйшій сынъ Гюріель на свадьбѣ у нашей родственницы, вотъ здѣсь, близёхонько.

— Ну, слава Богу! сказалъ лѣсникъ: — я не опоздалъ: Жозефъ, вѣроятно, пройдетъ въ Ноанъ, гдѣ онъ надѣется найдти ихъ вмѣстѣ.

Digitized by Google

— Жозефъ? такъ онъ пришелъ съ тобою? А, вѣдь, мы думали, что вы прійдете дней черезъ пять или шесть: Гюріель намъ сказалъ...

— Вотъ ты сейчасъ узнаешь, какъ на свѣтѣ дѣла-то дѣлаются, сказалъ старикъ Бастіенъ, выходя на дорогу, чтобъ насъ никто не могъ подслушать.—Въ мірѣ нѣтъ ничего непостояннѣе головы влюбленныхъ: это сущій вѣтеръ. Гюріель, вѣрно, разсказывалъ тебѣ про Жозефа?

— Дà, рѣшительно все.

— Когда мои дѣтки отправлялись сюда, Жозефъ, прощаясь съ Гюріелемъ, шепнулъ ему что-то на ухо. Знаешь ли ты, чтò онъ ему шепнулъ?

— Знаю; только...

— Молчи, пожалуйста: мнѣ все извѣстно. Видя, что Гюріель перемѣнился въ лицѣ, а Жозефъ убѣжалъ въ лѣсъ, какъ сумасшедшей, я послѣдовалъ за нимъ и приказалъ ему повторить мнѣ то, чтò онъ сказалъ Гюріелю.

— Не знаю, отвѣчалъ мнѣ Жозефъ: — хорошо или дурно я поступилъ, только я не могъ поступить иначе. Вотъ въ чемъ дѣло: я обязанъ разсказать это и тебѣ.

«И Жозефъ разсказалъ мнѣ, что онъ получилъ письмо изъ деревни, въ которомъ пишутъ ему, что Брюлета воспитываетъ ребенка и что ребенокъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, его сынъ. Говоря объ этомъ, Жозефъ видимо мучился и досадовалъ, и совѣтовалъ мнѣ вернуть Гюріеля и не допустить его сдѣлать великую глупость и покрыть себя позоромъ.

«Разспросивъ его насчетъ лѣтъ ребенка и прочтя письмо, которое онъ носилъ постоянно при себѣ, какъ цѣлебное средство противъ сердечной раны, я тотчасъ же подумалъ, что его просто дурачатъ. Тѣмъ болѣе, что сынишка Карна, навахлявшій эту писульку въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ Жозефъ весьма-учтиво просилъ его похлопотать насчетъ его пріема въ цехъ здѣшнихъ волынщиковъ, вѣроятно, сочинилъ это длятого, чтобъ сбыть его съ рукъ. Потомъ, вспомнивъ, какая Брюлета была всегда скромница и разумница, я окончательно убѣдился, что на нее взвели напраслину и не могъ удержаться, чтобъ не посмѣяться и не побранить Жозефа за то, что онъ легко повѣрилъ такой гадкой клеветѣ.

«Конечно, мнѣ лучше всего было бы оставить его въ убѣжденіи, истинномъ или ложномъ, что Брюлета недостойна его привязанности. Но чтò ты будешь дѣлать? Духъ правды принудилъ меня говорить и не далъ подумать о послѣдствіяхъ. Я видѣлъ, что дѣвушку честную и добрую безчестятъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и мнѣ стало такъ

Digitized by Google

досадно, что я высказалъ все, чтò было у меня нà душѣ. Слова мои подѣйствовали на Жозефа гораздо сильнѣе, чѣмъ я полагалъ. Въ сердцѣ его вдругъ произошла совершенная перемѣна. Онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, бросился на землю и началъ рвать на себѣ платье и волосы съ такой яростью и отчаяньемъ, что я насилу могъ его успокоить. Къ-счастью, онъ совершенно оправился отъ болѣзни и сталъ такъ здоровъ какъ мы съ тобою. Будь это годъ тому назадъ, такое отчаяніе навѣрное убило бы его.

Весь остальной день и всю ночь провелъ я съ нимъ одинъ на одинъ, утѣшая и успокоивая его. Нелегко это для меня было. Съ одной стороны, я знаю, что Гюріель съ первой минуты, какъ только увидѣлъ Брюлету, полюбилъ ее пуще всего на свѣтѣ, и тогда только помирился съ жизнью, когда Жозефъ пересталъ мѣшать его надеждамъ. Съ другой стороны, я искренно люблю Жозефа и знаю, что Брюлета не выходила у него изъ головы съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ явился на свѣтъ Божій; слѣдовательно я долженъ былъ пожертвовать однимъ изъ нихъ, и я спрашивалъ себя; хорошо ли будетъ, если я приму сторону моего сына во вредъ своему ученику и питомцу.

— Тьенне, ты не знаешь теперь Жозефа, да, врядъ ли ты зналъ его когда-нибудь. Теренція, можетъ-быть, отозвалась тебѣ о немъ слишкомъ-строго. Она судитъ о Жозефѣ не такъ, какъ я. Она считаетъ его эгоистомъ, жестокимъ, неблагодарнымъ — это справедливо отчасти; но то, чтò извиняетъ Жозефа въ моихъ глазахъ, не можетъ извинить его въ глазахъ молоденькой дѣвушки. Женщины, Тьенне, требуютъ отъ насъ одной любви. Только въ сердцѣ онѣ находятъ пищу для жизни. Такъ онѣ созданы, и счастливы тѣ, которые способны понять это.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ я: — что я понимаю это теперь, и что женщины совершенно справедливы, требуя отъ насъ одной любви и сердца, потому-что лучше этого у насъ ничего нѣтъ.

— Конечно, дитятко! продолжалъ лѣсникъ: — я всегда такъ полагалъ. Я любилъ покойную жену болѣе денегъ, талантовъ, удовольствій, громкой славы, словомъ, болѣе всего на свѣтѣ. Вижу, что Гюріель пошелъ по моимъ слѣдамъ: для Брюлеты онъ безъ сожалѣнія оставилъ свое ремесло, привычки и обычаи. Полагаю, что и ты то же думаешь, когда такъ говоришь. Но вѣдь и талантъ что-нибудь да значитъ передъ Богомъ; Онъ не всякому даетъ его, и потому мы должны оказывать уваженіе и помощь тѣмъ, которые надѣлены талантомъ.

— Да развѣ ты полагаешь, что твой Гюріель, глупѣе нашего Жозефа, и что у него не больше его таланта въ музыкѣ?

Digitized by Google

— У моего Гюріеля есть и умъ и талантъ. Онъ получилъ званіе *волынщика-мастера* восьмнадцати лѣтъ и хотя не занимается этимъ ремесломъ, но знаетъ музыку и играетъ легко. Но между запоминающими и сочиняющими, другъ Тьенне, великая разница. Есть люди съ легкими пальцами и вѣрною памятью; они пріятно передаютъ только то, чему ихъ выучили; но есть и такіе, которые не довольствуются ученіемъ и уроками, идутъ впередъ, придумываютъ новыя мысли и оставляютъ свои труды въ подарокъ будущимъ музыкантамъ. Жозефъ принадлежитъ къ числу послѣднихъ; скажу болѣе, въ немъ какъ-будто соединились двѣ природы весьма замѣчательныя: природа *долинъ*, гдѣ онъ родился и гдѣ почерпаетъ мысли спокойныя, свѣтлыя, тихія, и природа нашихъ лѣсовъ и холмовъ, которая раскрылась предъ нимъ и надѣлила его мыслями нѣжными, живыми, чувствовательными; а потому для тѣхъ, которые съумѣютъ понять его, онъ будетъ не то, что деревенскій скоморохъ-волынщикъ; онъ будетъ настоящимъ волынщикомъ старыхъ временъ, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ самые великіе искусники слушаютъ со вниманіемъ и которые производятъ преобразованія въ музыкальномъ дѣлѣ.

— Такъ ты полагаешь, дѣдушка, что онъ сдѣлается такимъ же великимъ волынщикомъ, какъ ты.

— Ахъ, Тьенне, Тьенне! сказалъ старый волынщикъ, вздыхая: — ты самъ не знаешь, чтò говоришь... а объяснить тебѣ это будетъ трудненько...

— Ничего, дѣдушка, попробуй; мнѣ пріятно тебя слушать и притомъ я бы не хотѣлъ всю жизнь оставаться дуракомъ.

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

— Знай же, продолжалъ лѣсникъ, забывъ и меня и то, о чемъ началъ говорить (онъ любилъ поговорить, когда его слушали со вниманіемъ): и я могъ бы быть чѣмъ-нибудь, еслибъ весь, нераздѣльно, предался музыкѣ. Да, я былъ бы не то, чтò теперь, еслибъ сдѣлался музыкантомъ, какъ мнѣ хотѣлось этого въ молодости. Таланту ни на грошъ не прибудетъ у того, кто гудитъ трои сутки, не переставая, какъ тотъ несчастный, который коверкаетъ вонъ-тамъ, на свадьбѣ, наши горныя пѣсни. Руки устаютъ и грудь чахнетъ, когда играешь только изъ-за денегъ, тогда-какъ истинный артистъ, занимаясь этимъ ремесломъ, можетъ прокормить свое тѣло, не убивая души. Самый бѣдный праздникъ приноситъ музыканту два или три пистоля; слѣдовательно онъ можетъ

Digitized by Google

располагать собою, содержать себя прилично и, сверхъ-того, странствовать и учиться.

«Вотъ этого-то и хочется Жозефу, тѣмъ болѣе, что и я ему то же совѣтую. Но вотъ что̀ случилось со мной: я влюбился; покойница жена ни за что̀ на свѣтѣ не хотѣла быть женой бездомнаго музыканта, который вѣчно бродитъ, днемъ спитъ, а ночи проводитъ на праздникахъ и кончаетъ тѣмъ, что спивается съ-кругу. И дѣйствительно, рѣдко случается, чтобъ человѣкъ, занимающійся такимъ ремесломъ, велъ жизнь воздержную. Она убѣдила меня добывать себѣ хлѣбъ топоромъ — такъ все и погибло. Пока она была жива, я не жалѣлъ о своемъ погибшемъ талантѣ. Для меня, какъ я сказалъ ужь тебѣ, любовь была лучше всякой музыки.

«Жена моя скоро умерла, оставивъ мнѣ двухъ дѣтей, которымъ я предался весь; тутъ-то талантъ мой окончательно притупился, а пальцы огрубѣли отъ постоянной работы топоромъ и пилой; а потому скажу тебѣ откровенно, Тьенне, если мнѣ удастся счастливо пристроить своихъ дѣтокъ, то я покину тяжкое ремесло, уйду отсюда, помолодѣю и заживу по-своему: я буду странствовать до-тѣхъ-поръ, пока старость не пригонитъ меня, дряхлаго и насыщеннаго, къ домашнему очагу. И притомъ, мнѣ тяжело становится наконецъ все рубить да рубить деревья. Знаешь ли ты, Тьенне, что я вѣдь люблю ихъ, этихъ старыхъ спутниковъ моей жизни: они такъ много, много высказали мнѣ шопотомъ своихъ листьевъ и скрипомъ вѣтвей. И чѣмъ же я отплатилъ имъ за это? тѣмъ, что топоромъ врубился имъ въ сердце. Пора мнѣ погулять подъ ихъ густой сѣнью безъ опасенія, что они отвергнутъ меня какъ неблагодарнаго, и послушать ихъ тайныя рѣчи, которыхъ прежде я былъ недостоинъ...

Тутъ лѣсникъ, говорившій съ великимъ жаромъ, задумался на минутку, и я также, удивляясь тому, что онъ мнѣ не кажется сумасшедшимъ, тогда-какъ, скажи мнѣ это другой, я счелъ бы его просто за безумнаго. Это было, вѣрно, оттого, что онъ умѣлъ передать мнѣ свои мысли или, можетъ-быть, потому, что у меня самого въ ту минуту голова была настроена особеннымъ образомъ.

«Ты, можетъ-быть, думаешь, продолжалъ онъ: — что мы совсѣмъ уклонились отъ начала рѣчи—отъ Жозефа: ошибаешься; мы какъ разъ пришли къ нему. Теперь ты поймешь, почему я рѣшился, пораздумавъ хорошенько, обойдтись покруче съ бѣднымъ парнемъ. Видя, какой оборотъ приняла его печаль, я убѣдился, что Жозефъ не можетъ составить счастія женщины и въ то же время никогда самъ не будетъ счастливъ ни съ одной женщиной, если только она не станетъ гордиться

имъ и потакать его гордости; потому-что, сказать правду, ему не столько дружба нужна, сколько поощренія и похвалы. Почему онъ такъ любилъ Брюлету? потому, что она съ раннихъ поръ слушала его и поощряла къ музыкѣ. Дочь же мою онъ не могъ полюбить (онъ просилъ ея руки только съ досады), потому-что она требовала отъ него болѣе привязанности, чѣмъ знаній, и обращалась съ нимъ какъ съ сыномъ, а не какъ съ великимъ какимъ-нибудь талантомъ.

«Теперь, когда я проникъ въ сердце Жозефа, я могу смѣло сказать, что вся цѣль его состояла въ томъ, чтобъ ослѣпить Брюлету: Брюлета первая дѣвушка въ деревнѣ, царица красоты, была славная пожива для его самолюбія; но Брюлета увядшая, Брюлета преступная и униженная, съ виду по-крайней-мѣрѣ, Брюлета, жертва насмѣшекъ и злыхъ толковъ, потеряла въ глазахъ его всю цѣну. Тогда-какъ я знаю, что Гюріель, сердце котораго мнѣ также извѣстно, никогда не сталъ бы осуждать Брюлеты наобумъ, безъ всякихъ доказательствъ, и зная, что она не сдѣлала ничего предосудительнаго, сталъ бы любить ее и поддерживать тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе на нее стали бы нападать.

«Вотъ что̀ заставило меня наконецъ рѣшиться искоренить эту любовь въ сердцѣ Жозефа; вотъ почему сталъ я совѣтывать ему бросить всякую мысль о женитьбѣ. Я старался даже дать ему замѣтить то, въ чемъ я почти совершенно увѣренъ, а именно то, что Брюлета предпочитаетъ ему Гюріеля.

«Жозефъ какъ-будто бы со мной согласился, но, я думаю, онъ сдѣлалъ это только длятого, чтобъ отвязаться отъ меня, потому-что, вчера, чуть свѣтъ, сталъ готовиться въ дорогу, надѣясь провести меня и уйдти потихоньку. Я присталъ къ нему съ разпросами; онъ сталъ-было увертываться, но наконецъ потерялъ терпѣніе и проговорился. Тутъ я увидѣлъ, что онъ былъ въ великой досадѣ и рѣшился послѣдовать за Гюріелемъ и отбить у него Брюлету, если она только будетъ этого стоить. И такъ-какъ онъ въ этомъ несовсѣмъ былъ увѣренъ, то я счелъ за нужное побранить его и посмѣяться надъ его любовью, которая въ сущности не что̀ иное, какъ ревность безъ уваженія и, такъ сказать, своего рода прожорство.

«Жозефъ сознался, что я угадалъ правду, но тѣмъ не менѣе ушелъ, и въ этомъ, я думаю, ты узнаешь его обычное упорство. Въ ту минуту, когда онъ могъ получить званіе волынщика-мастера и когда ему было назначено явиться на испытаніе въ Озансъ, онъ все бросилъ, не принимая въ разсчетъ того, что можетъ испортить этимъ все дѣло и говоря, что такъ или иначе, а заставитъ принять себя въ цехъ здѣшнихъ волынщиковъ. Видя, что намѣреніе его неизмѣнно и что онъ,

Digitized by Google

пожалуй, еще напустится на меня, если я буду еще настаивать, я рѣшился послѣдовать за нимъ, опасаясь, чтобъ въ первую минуту не случилось съ нимъ какой-нибудь бѣды, а съ Гюріелемъ новаго несчастія. Мы разошлись только въ четырехъ съ половиною миляхъ отсюда, близь мѣстечка Сарзэ; онъ пошелъ по дорогѣ въ Ноанъ, а я сюда, надѣясь застать еще здѣсь Гюріеля и переговорить съ нимъ, и думая про себя: если я его не застану, то къ вечеру мои старыя ноги донесутъ меня какъ-нибудь до вашей деревни.

— Ты можешь спокойно проспать сегодняшнюю ночь, сказалъ я лѣснику:—а завтра мы подумаемъ объ этомъ... Только съ какой же стати тебя такъ тревожитъ встрѣча Гюріеля съ Жозефомъ? Жозефъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда не любилъ ссориться и всегда, бывало, замолчитъ, когда ему покажутъ кулакъ.

— Какъ-бы не такъ! отвѣчалъ старикъ Бастіенъ:—ты зналъ Жозефа въ то время, когда онъ былъ еще тщедушнымъ ребенкомъ и не вѣрилъ въ свои силы. Въ тихомъ озерѣ черти водятся!

— Не хочешь ли ты зайдти къ себѣ, въ новое жилище, взглянуть на дочку?

— Вѣдь ты говоришь, что ей тамъ хорошо и спокойно, слѣдовательно, мнѣ нечего тревожиться. Пуще всего мнѣ хочется узнать поскорѣе правду насчетъ Брюлеты. Конечно, сердце мое говоритъ въ ея пользу; но разсудокъ увѣряетъ меня, что въ ея поведеніи, вѣроятно, было же что-нибудь такое, что̀ подало поводъ къ пересудамъ. Все это я долженъ обсудить, а потомъ ужь и рѣшиться.

Я хотѣлъ-было ему разсказать, что̀ было, часъ тому назадъ, между Гюріелемъ и моей тёткой, но въ ту минуту къ намъ подошелъ самъ Гюріель. Брюлета послала его впередъ: она боялась, что Теренція не съумѣетъ закачать малютку и замучится съ нимъ. Послѣдовало объясненіе между отцомъ и сыномъ. Гюріель сталъ просить отца не требовать отъ него тайны, которую онъ далъ слово хранить, говоря, что сама Брюлета не знаетъ, что ему извѣстна эта тайна, но что онъ клянется, что Брюлета вполнѣ достойна его благословенія.

— Пойдемте къ ней, батюшка, прибавилъ онъ.—Вы можете прійдти на праздникъ безъ приглашенія, потому-что теперь танцуютъ на дворѣ. Изъ того, ка̀къ она встрѣтитъ и обниметъ васъ, вы увидите, что она дѣвушка такая милая, хорошая и невинная, какой нѣтъ еще на свѣтѣ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь и пойду только длятого, чтобъ сдѣлать тебѣ пріятное и самому имѣть удовольствіе посмотрѣть на нее. Только погоди немножко: я хочу поговорить съ тобою насчетъ Жозефа.

Digitized by Google

Я подумалъ, что лучше всего оставить ихъ наединѣ, а самому пойдти предупредить тётку насчетъ прихода отца гюріелева, зная, что она пріймѣтъ его радушно и не заставитъ стоять на дворѣ. Я нашелъ въ домѣ одну только Брюлету. Хозяйка и всѣ остальные гости, съ музыкой и пѣснями, понесли *жаркое* молодымъ, которые удалились въ сосѣдній домъ; тогда было ужь часовъ одиннадцать вечера. Такъ дѣлается у насъ изстари; но, признаюсь вамъ, мнѣ всегда казалось безсовѣстнымъ навѣщать молодую въ такую минуту и веселыми пѣснями смущать первый стыдъ бѣдняжки. Всѣ наши дѣвушки, однакожь, пошли туда, съ цѣлью или безъ цѣли; одна только скромная Брюлета осталась дома. Когда я взошелъ, она сидѣла у огонька и какъ-будто присматривала за кушаньемъ, но, собственно, она задремала маленько отъ усталости. Мнѣ не хотѣлось ее тревожить и лишать неожиданнаго удовольствія: пусть, думалъ я, ее разбудитъ приходъ отца гюріелева.

Я самъ усталъ порядкомъ, а потому сѣлъ на скамью и положилъ руки и голову на столъ, какъ человѣкъ, который хочетъ заснуть на двѣ или на три минуты; но мнѣ не спалось: я все думалъ о Теренціи. Наконецъ я какъ-будто забылся на минутку; вдругъ слышу шорохъ: раскрываю глаза, не поднимая головы, и вижу, въ комнату вошелъ человѣкъ и подходитъ къ печкѣ.

Въ избѣ было темно, потому-что всѣ свѣчи унесли къ молодымъ; но огонь, пылавшій въ печкѣ, слегка озарялъ комнату, такъ-что я могъ тотчасъ же узнать вошедшаго: это былъ Жозефъ. Онъ, вѣрно, встрѣтилъ на дорогѣ гостей, возвращавшихся со свадьбы, узналъ отъ нихъ гдѣ мы и вернулся назадъ. Онъ былъ весь въ пыли и держалъ на плечѣ палку, на концѣ которой висѣлъ узелъ. Палку и узелъ онъ бросилъ въ уголъ и остановился неподвижно, какъ приподнятый камень, устремивъ глаза на спящую Брюлету. На меня онъ не обратилъ вниманія.

Я не видалъ Жозефа около года; въ это время въ немъ произошла такая же великая перемѣна, какъ и въ Теренціи. Онъ поправился, поздоровѣлъ и, можно сказать, похорошѣлъ; онъ былъ попрежнему сухощавъ лицомъ и тѣломъ, но худымъ и тощимъ его нельзя было назвать. Лицо у него было желтое, какъ отъ загара, такъ и оттого, что нравъ у него былъ желчный; но этотъ темный цвѣтъ лица шелъ какъ-нельзя-больше къ его глазамъ большимъ и свѣтлымъ и къ длиннымъ волосамъ. Онъ былъ все тотъ же Жозефъ: печальный и задумчивый, но въ то же время въ немъ было что-то смѣлое и рѣшительное; неизмѣнная, твердая воля, которую онъ такъ долго скрывалъ, выглянула наконецъ наружу.

Digitized by Google

Я не шевелился, желая посмотрѣть, какъ обойдется онъ съ Брюлетой, и чтобъ судить по этому о томъ, чего можно ожидать отъ его встрѣчи съ Гюріелемъ. Жозефъ, вѣроятно, всматривался въ лицо Брюлеты и старался прочесть на немъ истину. Очень можетъ быть, что подъ этими глазами, сомкнутыми легкимъ сномъ, онъ угадалъ миръ душевный, потому-что Брюлета, озаренная блескомъ огонька, была такъ хороша, такъ хороша, что и пересказать нельзя. На щекахъ ея еще пылалъ румянецъ счастія, ротъ улыбался отъ удовольствія, а длинныя, шелковыя рѣсницы опущенныхъ глазъ бросали легкую тѣнь на лицо и какъ-будто бы щурились и подмигивали, какъ плутоватые взгляды молодыхъ дѣвушекъ, которыя отворачиваютъ глазки длятого, чтобъ взглянуть украдкой. Но Брюлета въ-самомъ-дѣлѣ спала и, вѣроятно, мечтала о Гюріелѣ, ни крошки не думая о Жезефѣ.

Я замѣтилъ, что красота Брюлеты такъ поразила Жозефа, что досада прошла въ немъ почти совершенно; онъ нагнулся и съ рѣшимостью, которой отъ него никакъ нельзя было ожидать, наклонился къ ея лицу и, вѣроятно, поцаловалъ бы ее, еслибъ я не чихнулъ, въ ту минуту, что есть мочи.

Брюлета вздрогнула и проснулась; я также вздрогнулъ и какъ-будто проснулся, а Жозефъ очутился въ преглупомъ положеніи: мы съ Брюлетой привѣтствовали его въ одинъ голосъ—она безъ всякаго смущенія, а я безъ малѣйшей насмѣшки.

Жозефъ, впрочемъ, скоро оправился и, ободрившись, сказалъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало:

— Какъ я радъ, что нашелъ васъ здѣсь! Только, послѣ годовой разлуки съ старымъ другомъ, Брюлетѣ можно было бы, кажется, поцаловать его?

Жозефъ снова наклонился, но Брюлета, удивленная его страннымъ видомъ, откинулась назадъ и сказала ему:

— Нѣтъ, Жозѐ! я не цалуюсь съ мужчинами, хотя всегда рада старому другу.

— Вы стали больно суровы! сказалъ Жозефъ, съ насмѣшкой и злостью.

— Я что-то не помню, Жозѐ, отвѣчала она: — чтобъ хоть когда-нибудь обошлась съ тобою сурово. Ты никогда не доводилъ себя до этого, никогда не позволялъ себѣ никакихъ вольностей и потому мнѣ не длячего было защищаться отъ твоихъ нѣжностей; съ какой же стати теперь ты требуешь отъ меня того, чего прежде между нами никогда не бывало?

— Господи Боже мой! стоитъ ли столько толковать и ломаться изъ-

Digitized by Google

за какого-нибудь шопалуя! сказалъ Жозефъ, все болѣе-и-болѣе разгорячаясь.—Если я не просилъ у васъ того, что вы другимъ такъ щедро раздавали, такъ это потому, что я былъ дуракъ, ребенокъ. Теперь я сталъ умнѣе и смѣлѣе, и надѣюсь, что вы станете обходиться со мною поласковѣе.

— Господи, что̀ съ нимъ сдѣлалось? сказала Брюлета, подвигаясь ко мнѣ въ изумленіи и испугѣ.—Онъ ли это, или кто-нибудь другой, похожій на него? Сначала мнѣ показалось-было, что это нашъ Жозе, но теперь вижу, что ошиблась: нашъ Жозе совсѣмъ не такъ говоритъ, не такъ смотритъ, не такъ чувствуетъ.

— Да чѣмъ же я оскорбилъ васъ, Брюлета? спросилъ Жозефъ, утихая при воспоминаніи о прошедшемъ и начиная раскаяваться въ своихъ словахъ.—Тѣмъ развѣ, что сталъ смѣлѣе, что теперь у меня достанетъ духу сказать вамъ, что для меня вы лучше всѣхъ на свѣтѣ, и что мнѣ всегда хотѣлось пріобрѣсть ваше доброе расположеніе? Тутъ, кажется, нѣтъ ничего обиднаго, тѣмъ болѣе, что я, можетъ-быть, нисколько не хуже тѣхъ людей, которыхъ вы подлѣ себя терпите.

При этихъ послѣднихъ словахъ въ немъ снова пробудилась досада; онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо съ видомъ человѣка, который ищетъ, на комъ бы вымѣстить свою досаду. Отъ души желая, чтобъ этотъ первый пылъ попалъ на меня, я сказалъ ему:

— Брюлета говоритъ правду, Жозефъ: ты совершенно измѣнился. Да и что̀ жь тутъ удивительнаго? Мы знаемъ, ка̀къ разстаемся, а ка̀къ свидимся — знаетъ одинъ Господь. Не удивляйся же, если и во мнѣ окажется какая-нибудь перемѣна. Я всегда обходился съ тобою кротко и терпѣливо, выручалъ изъ бѣды и утѣшалъ въ скукѣ. Теперь ужь не то: ты сталъ еще несправедливѣе, чѣмъ прежде, а я сдѣлался гораздо-щекотливѣе и нахожу, что тебѣ вовсе не слѣдъ при мнѣ упрекать мою двоюродную сестру въ томъ, что она цалуется со всякимъ и позволяетъ всѣмъ за собой ухаживать.

Жозефъ взглянулъ на меня съ величайшимъ презрѣніемъ и злобно оскалилъ зубы; потомъ, скрестивъ руки и осматривая меня съ ногъ до головы, сказалъ:

— А, вотъ что̀! Такъ это ты, голубчикъ?.. Я, впрочемъ, всегда это подозрѣвалъ: ты хотѣлъ меня усыпить ласками и дружбой.

— Это еще что̀ значитъ? сказала Брюлета, обидясь и полагая, что Жозефъ просто съ ума сошелъ. — Какое право имѣете вы осуждать меня, и какъ могли вы только подумать, что между мной и Тьенне можетъ быть хоть что-нибудь дурное, или предосудительное? Что̀ вы, пьяны, что ли, или въ горячкѣ?.. Иначе вы не могли бы до такой

Digitized by Google

степени забыть уваженіе, которымъ мнѣ обязаны, и привязанность, которую я, кажется, заслужила отъ васъ.

При этихъ словахъ, Жозефъ вдругъ присмирѣлъ и, взявъ Брюлету за руки, сказалъ ей, со слезами на глазахъ:

— Виноватъ, Брюлета, я въ-самомъ-дѣлѣ не такъ здоровъ: усталъ съ дороги, измучился отъ нетерпѣнія. Я желаю всячески угодить тебѣ: зачѣмъ же принимать мои угожденія въ дурную сторону? Я знаю, что ты держишь себя скромно и хочешь, чтобъ тебѣ всѣ повиновались. Красавицы имѣютъ на это право; а ты не только не подурнѣла, но, напротивъ, стала еще въ тысячу разъ лучше. Но сознайся: вѣдь ты любишь танцы, удовольствія, а въ танцахъ безпрестанно цалуются. Таковъ обычай, и я найду его прекраснымъ, когда, въ свою очередь, буду имъ пользоваться. А это будетъ непремѣнно, потому-что я теперь умѣю танцовать, и первый разъ въ жизни буду танцовать съ тобою. Слышишь: музыка возвращается; пойдемъ же. Ты сама увидишь, что я теперь могу записаться въ число твоихъ угодниковъ.

— Жозè, сказала Брюлета, несовсѣмъ-довольная его рѣчью: — вы очень ошибаетесь, если думаете, что у меня есть еще угодники. Я могла быть кокетной — мнѣ такъ хотѣлось и никто не имѣетъ права требовать у меня въ этомъ отчета; но, вѣдь, я могла также захотѣть перемѣниться, и имѣла, кажется, на это полное право... Я не танцую теперь со всякимъ и сегодня вечеромъ не буду больше танцовать.

— Мнѣ казалось, сказалъ Жозефъ, обидясь: — что я никогда не буду *всякимъ* для васъ — давнишней подругѣ, съ которой я жилъ подъ одной кровлей...

Звуки музыки и говоръ гостей, возвратившихся отъ молодыхъ, прервали рѣчь Жозефа. Гюріель вбѣжалъ въ комнату какъ сумасшедшій и, не обращая вниманія на Жозефа, схватилъ Брюлету въ охабку, приподнялъ ее какъ соломенку и повелъ къ отцу, который остался на дворѣ. Лѣсникъ радостно встрѣтилъ Брюлету и крѣпко обнялъ ее, къ великой досадѣ Жозефа, который послѣдовалъ за нею и, сжимая кулаки, смотрѣлъ, какъ она ласкалась къ старику, какъ къ отцу родному.

Между-тѣмъ я подошелъ къ старику Бастіену и шепнулъ ему на ухо, что Жозефъ пришелъ на свадьбу, что онъ злится не нашутку, и что лучше всего будетъ, если онъ уведетъ Гюріеля, а я, съ своей стороны, постараюсь увести Брюлету. Жозефъ пришелъ незваный: тётка удерживать его не станетъ и потому онъ поневолѣ долженъ будетъ пойдти ночевать въ Ноанъ, или къ кому-нибудь изъ сосѣдей. Старикъ согласился со мною и, показывая видъ, что не замѣчаетъ присутствія

Digitized by Google

Жозефа, стоявшаго въ сторонкѣ, сталъ совѣтоваться съ Гюріелемъ, а Брюлета между-тѣмъ, пошла отъискивать мѣсто, гдѣ бы ей лечь спать.

Тётушка обѣщалась приготовить намъ мѣсто для ночлега; но никакъ не предполагала, что Брюлетѣ прійдетъ въ голову лечь спать прежде трехъ или четырехъ часовъ утра. Мужчины у насъ на свадьбахъ въ первую ночь вовсе не ложатся и стараются, чтобъ танцы не прерывались трои сутки. Если кто-нибудь изъ нихъ слишкомъ ужь устанетъ, то пойдетъ уснуть куда-нибудь, на сѣновалъ или въ овинъ. Что жь касается до дѣвушекъ и женщинъ, то онѣ забиваются обыкновенно въ одну комнату, да и то только старыя или дурныя собой.

Когда Брюлета вошла въ комнату, гдѣ надѣялась найдти себѣ мѣстечко возлѣ какой-нибудь родственницы, то очутилась словно въ сонномъ царствѣ: тамъ было такъ тѣсно, что руки негдѣ было положить; и тѣ, которыхъ она разбудила, объявили ей, чтобъ она приходила поутру, когда онѣ пойдутъ готовить кушанье къ столу. Она сошла внизъ и объявила намъ объ этомъ затрудненіи. Она хватилась слишкомъ-поздно: у сосѣдей не было уже мѣста, а въ цѣломъ домѣ, не было ни одного стула, ни одной горницы, гдѣ бы она могла лечь.

— Нѐчего дѣлать! сказалъ лѣсникъ: — вамъ прійдется идти ночевать къ Теренціи, а мы съ Гюріелемъ проведемъ ночь здѣсь: слѣдовательно, никто противъ этого не можетъ слова сказать.

Чтобъ не возбуждать въ Жозефѣ еще болѣе ревности, я предложилъ увести Брюлету потихоньку. Старикъ Бастіенъ подошелъ къ Жозефу и заговорилъ съ нимъ, а мы въ это время пробрались черезъ садъ и пошли къ старому зáмку.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Когда я возвратился назадъ, старикъ Бастіенъ, Жозефъ и Гюріель сидѣли за столомъ. Они подозвали меня и пригласили сѣсть съ ними. Я принялся ѣсть, пить, болтать и пѣть, чтобъ избѣжать разговора о Брюлетѣ и такимъ-образомъ лишить Жозефа возможности выразить свою досаду. Видя, что мы сговорились и хотимъ принудить его вести себя прилично, Жозефъ овладѣлъ-было собою сначала и даже былъ веселъ. Но не надолго: скоро онъ началъ кусать насъ, ласкаясь, и отпускать шуточки, подъ которыми скрывалось ядовитое жало: а это ужь что за веселость!

Старикъ Бастіенъ хотѣлъ-было подпоить его маленько, чтобъ угомонить въ немъ желчь; да, я думаю, онъ и самъ отъ души желалъ этого, чтобъ забыться и разсѣяться. Къ-несчастію, вино обыкновенно не про-

Digitized by Google

изводило на Жозефа никакого дѣйствія, и на этотъ разъ его благодѣтельная сила пропала для него даромъ: онъ выпилъ вчетверо болѣе насъ, хотя намъ не было никакой надобности топить разсудокъ въ винѣ, и не опьянѣлъ ни крошки, напротивъ, мысли стали у него яснѣе и языкъ развязнѣе.

Наконецъ, послѣ одной шутки, которую Жозефъ, отпустилъ насчетъ хитрости женщинъ и коварства друзей, шутки черезчуръ ужъ злой, Гюріель ударилъ кулакомъ по столу и, взявъ руку отца, который давно толкалъ его локтемъ, напоминая ему о терпѣніи, сказалъ.

— Извините, батюшка, я не могу выносить этого долѣе: лучше ужъ прямо объясниться! Я знаю, пройдетъ день, недѣля, наконецъ цѣлый годъ, а у Жозефа будетъ тотъ же ядъ на языкѣ, и какъ бы я ни старался затыкать себѣ уши, рано или поздно, упреки и оскорбленія возьмутъ свое. Жозефъ! я давно вижу къ чему клонится твоя рѣчь. Напрасно, любезный, ты такъ много тратишь ума попустякамъ. Говори похристіански: я слушаю. Выскажи намъ свое сердце, объясни причины и поводы. Я съ своей стороны отвѣчу тебѣ тѣмъ же.

— Пусть будетъ по вашему! объяснитесь, сказалъ лѣсникъ, опрокидывая стаканъ вверхъ-дномъ (онъ умѣлъ при случаѣ покоряться необходимости): — полно пить! добраго вина не слѣдуетъ мѣшать съ нечистымъ ядомъ. Мы выпьемъ тогда, когда между нами водворится дружба и согласіе.

— Вы оба до крайности меня удивляете, отвѣчалъ Жозефъ (онъ продолжалъ попрежнему злобно смѣяться): — за что̀ вы на меня такъ напустились? Что васъ, муха что-ли укусила? Я никого не задѣваю. Я расположенъ только смѣяться надо всѣмъ и никто, кажется, не можетъ мнѣ этого запретить.

— Ну, Богъ знаетъ! сказалъ Гюріель, выходя изъ себя.

— Попробуйте! отвѣчалъ Жозефъ, продолжая скалить зубы.

— Довольно! вскричалъ старикъ Бастіенъ, ударивъ по столу кулакомъ. — Замолчите оба... Жозефъ не хочетъ говорить откровенно: нечего дѣлать! видно, мнѣ пріидется поговорить за васъ обоихъ... Ты усомнился въ душѣ насчетъ женщины, которую хотѣлъ любить. Это можно тебѣ простить, потому-что не всегда зависитъ отъ человѣка быть довѣрчивымъ или недовѣрчивымъ въ дружбѣ; тѣмъ не менѣе это несчастье, которое нелегко поправить. Покорись лучше своей участи и старайся къ ней привыкнуть.

— Съ какой стати? сказалъ Жозефъ, выпрямляясь какъ дикая кошка:—кто же бы могъ принять на себя трудъ донести на меня *той*,

Digitized by Google

которая не знаетъ моего проступка и, слѣдовательно, нисколько не пострадала отъ него?

— Ужь, вѣрно, не я, отвѣчалъ Гюріель:—я неспособенъ на такую низость.

— А кто-же другой? спросилъ Жозефъ.

— Ты самъ, сказалъ лѣсникъ.

— Да кто же меня къ этому принудитъ?

— Любовь къ ней. Сомнѣніе никогда не приходитъ одно: ты излечишся отъ перваго, появится второе и сорвется у тебя съ языка при первомъ словѣ, которое ты захочешь ей сказать.

— Да ужь это и было, Жозефъ, замѣтилъ я въ свою очередь:— ты оскорбилъ уже сегодня вечеромъ ту особу, за которой хочешь ухаживать.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ спѣсиво: — только, до этого нѣтъ никому дѣла, кромѣ насъ. Если я захочу, чтобъ она забыла оскорбленіе, почему вы думаете, что она его не забудетъ? Я помню пѣсенку моего учителя; музыка прекрасная и слова справедливыя:

«Мы предаемся тому, кто насъ молитъ».

Ступайте-же себѣ съ Богомъ, Гюріель. Проси на словахъ, я стану просить *музыкой* и мы увидимъ такъ ли сильно къ тебѣ привязаны, чтобъ мнѣ не оставалось ужь никакой надежды! Надѣюсь, впрочемъ, что ты пойдешь прямымъ путемъ, когда упрекаешь меня въ томъ, что я иду окольной дорогой.

— Согласенъ, отвѣчалъ Гюріель: — только прошу васъ замѣтитъ, что я не хочу слышать упрековъ ни въ шутку, ни серьёзно. Я не упрекаю васъ, хотя имѣю на то полное право, но не хочу сносить упрековъ, которыхъ не заслужилъ.

— Я желалъ бы знать, въ чемъ можете вы меня упрекнуть! сказалъ Жозефъ, позабывъ все отъ злости.

— Я запрещаю вамъ спрашивать объ этомъ: вы должны сами догадаться, сказалъ старикъ Бастіенъ. — Если вы подеретесь съ моимъ сыномъ, то не будете отъ этого нисколько чище! Не говоря ни слова, я простилъ вамъ въ душѣ; что жь будетъ хорошаго, если я возьму назадъ свое прощеніе?

— Если вы считаете меня виновнымъ и простили въ душѣ, то я благодарю васъ отъ всего сердце, вскричалъ Жозефъ съ чувствомъ. Только, по-моему, я никогда не оскорблялъ васъ. Я никогда не думалъ васъ обманывать; и если бъ дочь ваша отвѣчала мнѣ: «да», то я ни за что не отступился бы отъ своего слова: она дѣвушка безподобная, разумная, справедливая. Я сталъ бы ее любить, такъ или

Digitized by Google

иначе, но искренно и неизмѣнно. Она, можетъ-быть, спасла бы меня отъ многихъ ошибокъ и многихъ страданій! но она нашла меня недостойнымъ... Теперь я свободенъ, могу ухаживать за кѣмъ мнѣ угодно, и нахожу, что человѣкъ, пользовавшійся моею довѣренностью и обѣщавшій мнѣ помогать, слишкомъ поспѣшилъ воспользоваться минутой досады и посадилъ меня въ просакъ.

— Эта минута продолжалась цѣлый мѣсяцъ, Жозефъ, отвѣчалъ Гюріель: — будь же справедливъ: впродолженіе мѣсяца ты три раза просилъ руки Теренціи. Что жь, ты надъ ней надсмѣхался, что-ли? Если ты хочешь оправдаться въ моихъ глазахъ и загладить такую великую обиду, ты долженъ избавить меня отъ упрековъ и обвиненій. Вся моя вина состоитъ въ томъ, что я повѣрилъ тебѣ на слово; не заставь меня подумать, что вина эта такого рода, что мнѣ прійдется вѣкъ въ ней раскаяваться.

Жозефъ хранилъ молчаніе, потомъ всталъ и сказалъ:

— По разсудку вы совершенно правы. Вы разсуждаете прекрасно, а я говорю и дѣйствую какъ человѣкъ, который самъ не знаетъ, чего хочетъ; но оба вы просто сумасшедшіе, если не знаете, что можно быть въ полномъ умѣ и въ то же время желать, Богъ знаетъ чего. Оставьте меня такимъ, какимъ я есть, а я съ своей стороны не стану мѣшать вамъ быть всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно. Мы скоро узнаемъ, Гюріель, точно ли ты человѣкъ прямодушный. Выиграй у меня игру честно, и тогда я отдамъ тебѣ полную справедливость и удалюсь безъ всякой злобы.

— Да какъ же это вы такъ вдругъ убѣдитесь въ томъ, что я человѣкъ честный, когда до-сихъ-поръ не могли убѣдиться въ этомъ?

— Да такъ же: я увижу, что̀ ты скажешь обо мнѣ Брюлетѣ. Тебѣ легко вооружить ее противъ меня, тогда-какъ я не могу отплатить тебѣ тѣмъ же.

— Не горячись! сказалъ я Жозефу: — не обвиняй никого напрасно. Теренція сказала ужь Брюлетѣ, что ты, не далѣе, какъ недѣли двѣ тому назадъ, просилъ ея руки.

— Кромѣ этого, вѣроятно, она ничего не говорила, да и не скажетъ, прибавилъ Гюріель. — Жозефъ, мы добрѣе, чѣмъ ты думаешь, и вовсе не хотимъ лишать тебя дружбы Брюлеты.

Слова эти тронули Жозефа; онъ хотѣлъ-было пожать руку Гюріелю, но тотчасъ же раздумалъ, подавилъ въ себя доброе желаніе и ушелъ, не сказавъ больше ни слова.

— Вотъ бездушный-то человѣкъ! сказалъ Гюріель, которому, по добротѣ сердечной, тяжело было видѣть такую неблагодарность.

Digitized by Google

— Скажи лучше : несчастный человѣкъ! возразилъ его отецъ.

Пораженный этими словами, я послѣдовалъ за Жозефомъ, желая образумить и утѣшить его, потому-что я замѣтилъ въ его глазахъ тоску смертельную. Я былъ имъ также недоволенъ, какъ и Гюріель, но при всемъ томъ привычка сожалѣть о немъ и поддерживать его, была во мнѣ такъ велика, что я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе.

Жозефъ шелъ такъ быстро по дорогѣ въ Ноанъ, что я скоро потерялъ бы его изъ виду, если бы онъ не остановился на берегу Лажона, небольшаго пруда, окруженнаго пустырями. Ничего не можетъ быть печальнѣе этого мѣста; кругомъ все пусто и голо; два-три какихъ-нибудь дерева кой-какъ растутъ на тощей землѣ; зато все болото густо поросло дикой травою; и такъ-какъ водоросли и безчисленное множество другихъ болотныхъ травъ цвѣли въ ту пору, то воздухъ былъ наполненъ прекраснѣйшимъ запахомъ, словно въ цвѣточной теплицѣ.

Жозефъ легъ въ тростникъ, и полагая, что онъ одинъ и что его никто не видитъ, началъ выть и стонать какъ раненный волкъ. Я кликнулъ его длятого только, чтобъ предупредить, будучи совершенно увѣренъ, что онъ мнѣ не откликнется, и подошелъ къ нему.

— Плакать тутъ нечего, сказалъ я : — слезами, братъ, ничего не докажешь.

— Я не плачу, Тьенне, отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ : — я не знаю этой слабости, я не знаю этого счастія, я не могу облегчать себя слезами. Въ самыя тяжкія минуты я еле-еле могу выжать изъ глазахъ тощую слезу, да и та, какъ теперь, напримѣръ, такъ вотъ и жжетъ меня, словно раскаленый уголь! Не спрашивай меня почему это; я и самъ не знаю да и не хочу знать. Время откровенности прошло. Я теперь въ силахъ и не вѣрю въ чужую помощь. Отъ васъ ничего не дождешься — ничего, кромѣ жалости, а мнѣ ея не нужно : я разсчитываю на себя одного. Спасибо за доброе намѣреніе. Прощай. Ступай съ Богомъ.

— Да куда же ты пойдешь ночевать?

— Я пойду повидаться съ матушкой.

— Время теперь позднее, а отсюда до Сен-Шартье неблизко.

— Не могу же я здѣсь ночевать! сказалъ Жозефъ, вставая. — До свиданія, Тьенне : завтра увидимся.

— Приходи къ намъ въ деревню, потому-что мы уходимъ отсюда завтра.

— Мнѣ все-равно, отвѣчалъ онъ. — Гдѣ будетъ ваша Брюлета, тамъ и я буду : я отъищу ее на днѣ морскомъ и, можетъ-быть, заставлю ее заговорить совсѣмъ-другое.

Digitized by Google

Сказавъ это, Жозефъ удалился съ рѣшительнымъ видомъ. Видя, что гордость поддерживаетъ его, я рѣшился оставить его въ покоѣ, надѣялся, что усталость, радостное свиданье съ матерью и два или три дня размышленія приведутъ его наконецъ въ разсудокъ. Я рѣшился убѣдить Брюлету пробыть у тётки до послѣзавтра и пошелъ назадъ. Подходя къ деревни, я увидѣлъ на лужкѣ, по которому пошелъ для сокращенія дороги, лѣсника и его сына. Они улеглись спать на травѣ, не желая тревожить нашихъ дѣвушекъ и считая за удовольствіе проспать ночь подъ открытымъ небомъ, въ теплую весеннюю пору.

Мнѣ также понравилась эта мысль тѣмъ болѣе, что спать на свѣжей травѣ гораздо ужь лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь на чердакѣ, на теплой соломѣ. Я легъ подлѣ нихъ и, глядя на бѣлыя тучки, бѣжавшія по небу, вдыхая запахъ боярышника и, думая о Теренціи, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Я всегда спалъ крѣпко и въ молодости, бывало, рѣдко просыпался самъ собою. Товарищи мои, походивъ порядкомъ наканунѣ, также заспались и прозѣвали восходъ солнца, что̀ случалось съ ними не часто. Проснувшись, они стали смѣяться тому, что солнце встало прежде ихъ. Услышавъ смѣхъ, я раскрылъ глаза, не понимая какимъ образомъ я тутъ очутился.

— Ну, молодецъ, вставай поскорѣй, сказалъ Гюріель : — мы и то порядкомъ проспали. Знаешь ли ты, что сегодня послѣдній день мая, и что у насъ есть обычай украшать въ этотъ день цвѣтами двери возлюбленной. По настоящему, это дѣлается въ первый день, но отсутствовавшимъ дозволяется и въ послѣдній. Я не думаю, чтобъ насъ могъ кто-нибудь предупредить, потому, вопервыхъ, что никто не знаетъ, гдѣ живутъ наши красавицы, а вовторыхъ, потому, что обычай этотъ у васъ не въ ходу. Поспѣшить все-таки нужно, потому-что онѣ назовутъ насъ лѣнтяями, если, при выходѣ изъ комнаты, не найдутъ *майскаго пучка* на косякѣ.

— Какъ двоюродный братъ, отвѣчалъ я, смѣясь : — дозволяю тебѣ воткнуть пучокъ и нахожу, что и мнѣ хорошо бы было получить отъ тебя, какъ отъ роднаго брата, такое же позволеніе. Да вотъ отецъ-то, можетъ-быть, на это иначе смотритъ.

— Ничуть не бывало! сказалъ старикъ Бастіенъ. — Гюріель намекалъ мнѣ ужь объ этомъ. Попытаться нетрудно; вотъ успѣть — другое дѣло!.. Если тебѣ удастся, мой милый, мы будемъ отъ души рады. Дѣлай, какъ знаешь.

Ободренный его ласковымъ видомъ, я подбѣжалъ къ сосѣднему кустарнику и срѣзалъ молоденькую черешню, усѣянную цвѣтами. Гюріель

Digitized by Google

между-тѣмъ нарвалъ бѣлаго и розоваго шиповника и связалъ его въ пучокъ чудеснѣйшей лентой, шелковой съ золотомъ, которой онъ нарочно для этого запасся. Ленты эти въ большомъ у насъ ходу: женщины надѣваютъ ихъ на голову, подъ кружевной уборъ.

Черезъ двѣ минуты мы были въ старомъ зàмкѣ. Тишина, царствовавшая кругомъ, показывала, что красавицы наши, проболтавъ, вѣроятно, большую часть ночи, преспокойно спали... Каково же было наше удивленіе, когда, войдя на крыльцо, мы увидѣли надъ дверьми чудеснѣйшій пучокъ цвѣтовъ, перевитый бѣлой лентой, затканой серебромъ.

— Ого! вскричалъ Гюріель, приготовляясь сорвать подозрительный подарокъ и поглядывая косо на собаку, ночевавшую въ сѣняхъ. — Такъ-то ты стережешь домъ, сатана? Ты успѣла ужь завести здѣсь друга, которому дозволяешь подносить букеты, вмѣсто-того, чтобъ искусать ему всѣ ноги?

— Погоди на минутку, сказалъ старикъ, удерживая сына: — здѣсь только одинъ человѣкъ, котораго сатана знаетъ и которому извѣстенъ этотъ обычай, потому-что онъ видѣлъ, какъ его справляютъ у насъ. А ты далъ слово не мѣшать этому человѣку. Старайся же понравиться, не причиняя ему вреда и не трогай его приношенія: вѣдь онъ вѣрно бы его не тронулъ, если бы оно было твое.

— Да какъ же я могу, батюшка, знать, что это точно его подарокъ? Можетъ-быть, это кто-нибудь другой принесъ? да еще, пожалуй, для Теренціи!

Я замѣтилъ ему, что Теренціи никто здѣсь не знаетъ и даже, можетъ-быть, не видалъ, и, взглянувъ на бѣлые цвѣты, связанные пучками и только-что сорванные, вспомнилъ, что они у насъ мало извѣстны и растутъ только въ Лажонскомъ Болотѣ, гдѣ я видѣлъ вчера Жозефа. Вмѣсто того, чтобъ пойдти въ Сен-Шартье, Жозефъ, безъсомнѣнья, вернулся назадъ, къ пруду и, вѣроятно, долженъ былъ войдти въ глубину, въ самое вязкое и опасное мѣсто, чтобъ нарвать такое множество этихъ цвѣтовъ.

— Дѣлать нѣчего! сказалъ Гюріель со вздохомъ: — видно, намъ не избѣжать борьбы!

И онъ повѣсилъ свой букетъ съ задумчивымъ видомъ. Признаюсь вамъ, въ ту минуту Гюріель казался мнѣ черезчуръ ужь скромнымъ; по-моему, ему рѣшительно нѣчего было бояться: онъ могъ быть совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Вотъ я, такъ другое дѣло: я бы дорого далъ, еслибъ могъ быть такъ же увѣренъ въ его сестрѣ, и когда сталъ привязывать букетъ, сердце у меня такъ забилось, какъ-будто бы она стояла за дверьми и была готова швырнуть мнѣ этотъ букетъ въ лицо.

Digitized by Google

Зато какъ же и поблѣднѣлъ я, когда отворилась дверь... Брюлета появилась первая; она поцаловала лѣсника, пожала мнѣ руку и, взглянувъ на Гюріеля, вся раскраснѣлась отъ радости, но ни слова ему не сказала.

— Ого! батюшка, сказала Теренція, также выходя на крыльцо и крѣпко цалуя отца: — такъ вы это всю ночь на дворѣ провели? Войдите поскорѣй: я дамъ вамъ позавтракать... или нѣтъ, постойте: дай мнѣ посмотрѣть на букеты. Цѣлыхъ три, Брюлета?.. Вотъ какъ ты, голубушка! да это, пожалуй, все утро будетъ продолжаться!

— Два только для Брюлеты, отвѣчалъ Гюріель: — а третій, Теренція, твой

Говоря это, онъ указалъ ей на вишневую вѣтку, на которой было столько цвѣтовъ, что весь порогъ былъ усыпанъ ими, какъ бѣлымъ дождемъ.

— Мой? спросила Теренція съ удивленьемъ. — А, братецъ, понимаю: ты боялся, чтобъ я не приревновала тебя къ Брюлетѣ!

— Ну ужъ отъ брата никогда не жди такой любезности, сказалъ старикъ Бастіенъ. — Да не-ужь-то ты не замѣчаешь робкаго и скромнаго поклонника, который стиснулъ зубы вмѣсто того, чтобъ сказать что-нибудь?

Теренція осмотрѣлась кругомъ, какъ-будто бы ожидая увидѣть еще кого-нибудь, кромѣ меня, и когда ея черные глаза остановились на моемъ глупомъ и растерянномъ лицѣ, я, признаюсь, думалъ, что она расхохочется, а это было бы для меня просто ножъ въ сердце. Но она не засмѣялась и даже маленько покраснѣла. Потомъ ласково протянула мнѣ руку, говоря:

— Спасибо, Тьенне, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Я принимаю твои цвѣточки въ знакъ памяти, и, повѣрь мнѣ, не стану ими важничать.

— Если ты ихъ принимаешь, сказалъ старикъ: — то должна, по обычаю, отломить вѣтку и приш пилить ее къ головѣ.

— Нѣтъ, не надо, батюшка, отвѣчала Теренція: — пожалуй, еще кто-нибудь изъ здѣшнихъ дѣвушекъ разсердится на меня за это; а я вовсе не хочу, чтобъ добрый Тьенне сталъ раскаяваться въ своей учтивости.

— Будь увѣрена, вскричалъ я: — что никто не разсердится; и, если это самой тебѣ не противно, то ты мнѣ доставишь великое удовольствіе.

— Изволь! сказала она, отломивъ маленькую вѣточку и прикалывая ее булавкой къ головѣ. — Мы вѣдь здѣсь дома, Тьенне; но, еслибъ это было у васъ въ деревнѣ, я не такъ бы легко согласилась, чтобъ не поссорить тебя съ какой-нибудь землячкой.

Digitized by Google

— Поссорь меня со всѣми, Теренція; я только этого и желаю.

— Полно! сказала она: — къ-чему такъ торопиться. Когда отнимаешь что-нибудь у своего ближняго, то нужно, по-крайней-мѣрѣ, вознаградить его хоть чѣмъ-нибудь за это; а я знаю тебя мало, Тьенне, и не могу быть увѣрена, что мы тутъ что-нибудь выиграемъ.

Потомъ, перемѣняя рѣчь и забывая о себѣ, а это было съ ней безпрестанно, она сказала Брюлетѣ:

— Теперь твоя очередь, душенька; ну, какъ же ты поблагодаришь за эти букеты и который изъ нихъ возьмешь?

— Никакъ, до-тѣхъ-поръ, пока не узнаю кто мнѣ ихъ даритъ, отвѣчала осторожная Брюлета.—Говорите же, Гюріель, не дайте мнѣ ошибиться.

— Вонъ тотъ мой, отвѣчалъ Гюріель:—вотъ все, что̀ я могу вамъ сказать.

— Если онъ вашъ, то я беру его весь, сказала Брюлета, снимая букетъ. — Что жь касается до другаго, то, по-моему, водяные цвѣты не любятъ висѣть надъ дверью, имъ будетъ гораздо лучше въ канавѣ.

Говоря это, она украсила голову и грудь цвѣтами Гюріеля, отнесла остальное къ себѣ въ комнату и, возвратясь назадъ, хотѣла бросить другой букетъ въ старый ровъ, отдѣлявшій крыльцо отъ парка. И такъ-какъ Гюріель отказался исполнить ея порученіе, не желая причинить своему сопернику такого великаго оскорбленія, то Брюлета сама протянула-было руку, какъ-вдругъ, въ кустарникахъ, окружавшихъ дворъ, прямо противъ насъ, раздались звуки волынки и кто-то заигралъ пѣсню старика Бастіена.

Сначала онъ съигралъ ее такъ, какъ она была сочинена, потомъ, нѣсколько иначе, гораздо-нѣжнѣе и печальнѣе, а наконецъ переиначилъ всю отъ начала до конца, перемѣняя тоны и выдѣлывая разныя штуки своего сочиненія, также весьма-прекрасныя: такъ-что волынка у него точно какъ-будто вздыхала, плакала и молила, да такъ нѣжно и жалостно, что нельзя было слушать безъ состраданія. Потомъ, онъ заигралъ на другой ладъ, гораздо-громче и живѣе, какъ-будто грозя и упрекая. Брюлета, которая передъ тѣмъ подошла къ краю рва, чтобъ бросить туда цвѣты и остановилась въ нерѣшимости, вдругъ отступила назадъ, испугавшись гнѣвныхъ звуковъ этой пѣсни. Тогда, раздвинувъ кусты ногами и плечами, Жозефъ, показался на другой сторонѣ рва, сверкая глазами и продолжая играть, и музыкой и взглядомъ, какъ-бы грозилъ Брюлетѣ, великимъ отчаяніемъ, если она не откажется отъ своего намѣренія и понесетъ ему такое страшное оскорбленіе.

Digitized by Google

I.

ВОЛОСЫ БЕРЕНИКИ [1].

Invita, o regina, tuo de vertice cessi,
Invita: adjuro teque tuumque caput.
CATULLUS.

Посвящено княгинѣ Александрѣ Димтріевнѣ Оболенской.

I.

Блещутъ новыя свѣтила
Краше всѣхъ свѣтилъ ночныхъ:
Ихъ Киприда помѣстила
Въ хоръ созвѣздій золотыхъ.

Превратили въ звѣзды боги
Прядь волосъ земной жены;
Новымъ блескомъ ихъ чертоги
Въ небесахъ озарены.

---

(1) Береника, жена Птоломея-Эвергета, отправлявшагося въ Азію для завоеваній, дала обѣтъ богамъ отрѣзать свои волосы имъ въ жертву, если мужъ ея возвратится побѣдителемъ — что̀ и исполнилось. Волосы были положены во храмѣ Венеры-Зефириты; но жрецы сказали, что они ночью исчезли изъ храма, и Кононъ, знаменитый александрійскій астрономъ, вѣроятно, по наущенію жрецовъ, объявилъ, что открытое имъ въ это время новое созвѣздіе — *Волосы Береники*, превращенные богами въ звѣзды, подобно вѣнку Аріадны. Въ сочиненіяхъ Катулла находится прекрасное стихотвореніе: «*De coma Berenices*». Ученые утверждаютъ, что оно переводъ изъ греческаго поэта Каллимаха, воспѣвшаго апоѳеозу воло̀съ своей граціозной царицы. Эта пьеса не дошла до насъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

Тд любовь супруги страстной
Тамъ безсмертіемъ горитъ,
И съ эѳира ночью ясной
Намъ о страсти говоритъ...

Кто же любящая эта?..
Пусть всѣ знаютъ, что она
Птоломея-Эвергета
Русокудрая жена.

II.

Я лежу ночной порою
У потока на травѣ,
Весь очами и душою
Въ лучезарной синевѣ.

Я на лонѣ мирной страсти,
Мысли сердца полонъ я;
Красотѣ въ объятья власти
Отдана душа моя:

Вижу яркій образъ всюду
И прекрасныя черты...
Я всегда поэтомъ буду
И любви и красоты!..

Вамъ, художники другіе,
Горе, суетность людей,
Вамъ мечтанія больныя,
Стонъ и жалобы страстей!

Тд моя отвергла лира,
Что̀ проходитъ съ каждымъ днёмъ,
Что̀ изгонится изъ міра
Вѣчной правды торжествомъ...

Вѣрьте, молча я страдаю,
И больнѣй страдаю васъ,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждый жизни нашей часъ:

Digitized by Google

Но того, что̀ недостойно,
Я искусству не даю,
И въ душѣ горячкой знойной
Зло безъ о̀бразовъ таю.

III.

Рѣчь веду я со звѣздами,
Говорю свои имъ сны,
И любуюсь волосами
Эвергетовой жены...

И они съ небесъ запѣли
Пѣсню жалобы своей:
Ихъ мелодіи летѣли
Съ неба зо̀лотомъ лучей.

IV.

«Возліянья и обѣты
Отъ земли несутся къ намъ,
Мы величіемъ одѣты,
Жены, дѣвы и поэты
Причисляютъ насъ къ богамъ.

Намъ въ эѳирѣ не отрадно
Семизвѣздіемъ сіять,
Гдѣ сіяетъ Аріадна,
Упиваться славой жадно,
Ѳиміамы обонять:

Съ головы холодной сталью
Мы, какъ жертва, снесены
Берениккиной печалью,
И такой безмѣрной далью
Отъ нея отдѣлены...

Ка̀къ ты руку погружала
Въ нашу мягкую волну,
Насъ роскошно умащала,
Мелко въ косы заплетала
Отходившая ко сну!

Digitized by Google

Наполнялась вся палата
Благовоніемъ отъ насъ,
Оттѣняли мы когда-то,
Лоснясь масломъ аромата,
Снѣгъ чела и краски глазъ...

Но безжалостной женою
Предъ Искусствомъ стала ты,
Разлучая насъ съ собою
И разбивъ своей рукою
Стройность женской красоты...

Преклони жь боговъ слезами,
Даромъ жертвы дорогой,
Чтобъ съ падучими звѣздами
Мы скатились волосами
Надъ твоею головой,

Чтобы мы не раздѣляли
Въ небѣ любящихъ друзей:
Чтобъ, какъ прежде, заблистали
И свѣтить бы рядомъ стали
Оріонъ и Водолей.»

1853.

Н. ЩЕРБИНА.

II.

ДѢВОЧКИ.

Дѣвочки любятъ меня, и со мною, какъ съ ровней, играютъ,
Дѣтскія тайны свои довѣряютъ мнѣ такъ простодушно.
Ставятъ игрушки они предо мною, и, хвастаясь ими,
Каждой игрушки исторію мнѣ говорятъ преподробно:
Ктò и когда, и за чтò подарилъ имъ какую безделку.

«Знаешь ли, чтò... Прочитай намъ стихи свои. Ты ихъ читаешь
Старшимъ сестрамъ. Мы тебя ужь давно попросить собирались:
Также и мы любопытны, какъ старшія наши сестрицы...»

Digitized by Google

Эту забавную просьбу умѣлъ отклонить я искусно,
Рѣчь заведя объ игрушкахъ и новыя игры устроивъ;
Былъ я рѣзовъ и находчивъ, смѣялся ребяческимъ смѣхомъ.
Дѣвочки, много болтая со мной, о стихахъ позабыли;
Но пробудили они несовсѣмъ-то весёлыя мысли
Въ сердцѣ болящемъ моемъ, и я думалъ, дѣтей забавляя:
Дѣти! Искусство — слеза недовольства насущною жизнью,
Голосъ прозрѣнія въ лучшую жизнь съ полнотой ея стройной,
Страстная жажда вездѣ и всегда и во всемъ совершенства,
Вопли любви неизвѣданной нами и нами просимой,
Первое чадо разсудку и сердцу знакомаго горя...
Знайте : искусство — ужь это не счастіе наше, о, дѣти!..
Вы же, малютки, живете въ довольствѣ созвучья съ природой,
Въ свѣтлой охранѣ ея, подъ крыломъ ея дѣвственно-теплымъ,
Счастливы тѣмъ, что вамъ чуждо искусство, а съ нимъ и страданье,
Чужды вамъ слезы тоски по возникшемъ въ душѣ идеалѣ...
Такъ не просите жь, чтобъ я прочиталъ вамъ печальныя пѣсни!
Глядя съ участьемъ на васъ, одного я желаю : пусть долго
Будутъ стихи мои вашей блаженной душѣ недоступны.

1853.

Н. ЩЕРБИНА.

III.

ЛѢСЪ.

Въ зелени темной дремучаго лѣса брожу одинокій:
Тысячи радужныхъ красокъ, играя, горятъ на закатѣ;
Золотомъ каплютъ они на верхушки кудрявыхъ деревьевъ,
Свѣтлой струей извиваясь, окрайны вѣтвей пробѣгаютъ,
И въ промежуткахъ стволовъ разливаются розовымъ полемъ.
Странные, смутно-нѣжные звуки несутся изъ чащи,
Звуки, похожіе больше на тишь, разлитую повсюду...
Только порой подъ ногами моими трава шевелилась,
Ящерицъ быстро-скользившихъ слѣды отъ меня укрывая,
Прыткій кузнечикъ звенѣлъ въ кочедыжникѣ гдѣ-то, и часто
Пѣсню свою прерывалъ. Пробѣжавшему легкому вѣтру
Разомъ всѣ листья, спѣша, говорили, и вдругъ замолкали.

Digitized by Google

Воздухъ прохладно-густой, испареньями травъ напоенный,
Страстно дышалъ на ночные цвѣты; тяготѣя надъ ними,
Чашечки ихъ расширялъ и садился росой ароматной;
Въ свернутыхъ листьяхъ растеній покоился жукъ изумрудный;
Влаги росистой боясь, мотылёкъ испещренный скрывался
Въ желтой пыли лепестковъ, колыхаясь, какъ въ люлькѣ ребенокъ.
Льютъ надо мною зеленыя слезы свои непрестанно
Вѣтви плакучихъ деревьевъ, и, кажется, между собою
Перешепнулись кусты обо мнѣ осторожно, съ украдкой.

Этотъ языкъ безпредѣльной, никѣмъ неизвѣданной жизни
Слуху невнятною рѣчью своею наводитъ на душу
Образовъ много незримыхъ и много нѣмыхъ ощущеній,
Проситъ отвѣта себѣ и къ своей пріобщаетъ бесѣдѣ...
Носишь какого-то міра инаго присутствіе въ сердцѣ,
И разлился онъ, тотъ міръ, за тобой, предъ тобой, надъ тобою,
Обнялъ всецѣло тебя и содѣлалъ своимъ гражданиномъ;
Кажется, будто отжившія всѣ существа воплощенно
Зажили вновь, и витаютъ, тебя окружая собою,
Будто тѣ близкія души, что̀ ты схоронилъ и оплакалъ,
Прежнимъ участьемъ полны и любовію прежней согрѣты,
Плачутъ теперь надъ тобой и живаго хотятъ разговора;
Видится этой порою въ туманѣ таинственной грезы,
Будто бы даже и то̀, что̀ еще никогда не раждалось
Въявѣ живетъ, облекаясь въ какой-то сверхчувственный образъ.
Дремлющій воздухъ наполненъ вокругъ существами, которыхъ
Зрѣнье и слухъ не уловятъ, но чуютъ душевныя струны...
Связь ихъ съ собой постигаешь, но дать имъ отвѣта не можешь:
Мысль не слагается въ рѣчь, не находишь имъ нужнаго слова,
И отрѣшаешься весь отъ оковъ тяготѣющихъ плоти.

Ощупью въ мірѣ блуждая, томясь, и невѣдѣньемъ боленъ,
Къ вамъ я довѣрчивымъ сердцемъ, пытливой душою взываю,
Сонмы незримыхъ существъ! разскажите, откройте мнѣ тайны
Вашего міра, всѣ тайны того, что не вижу, не слышу,
Не осязаю, но чувствую смутнымъ души ощущеньемъ...
Грустно ходить мнѣ во тьмѣ, тяжело мнѣ и горько незнанье
Близкаго сердцу, родного душѣ, что ее окружаетъ...

1853.

Н. Щербина.

Digitized by Google

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГЪ.

ПОВѢСТЬ.

ПИСЬМО I.

Не удивляйся, что я пишу къ тебѣ съ послѣдней станціи, не доѣхавъ еще до мѣста; но мнѣ такъ грустно, или, лучше, я такъ напугана, что не могу отказать себѣ въ печальномъ удовольствіи передать тебѣ мои чувства и впечатлѣнія. Ныньче, въ 8 часовъ утра, я должна была перемѣнять лошадей въ послѣдній разъ и ожидала ихъ, сидя въ экипажѣ, когда человѣкъ мой вышелъ и объявилъ, что лошадей нѣтъ, по причинѣ большаго разгона. Въ сосѣдствѣ была ярмарка, и множество проѣзжающихъ спѣшило туда.

— Когда же будутъ лошади? спросила я съ досадой.

— Да къ обѣду, быть-можетъ, и будутъ обратныя, отвѣчалъ мнѣ показавшійся на порогѣ станціоннаго дома смотритель.—Посмотрите, изволите видѣть: еще экипажъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, лихая тройка съ бубенчиками и щегольской деревенской сбруей, впряженная въ тарантасъ, подкатила къ подъѣзду. Изъ тарантаса вылѣзла барыня, а за ней горничная.

— Лошадей! сказала она и на отрицательный отвѣтъ смотрителя вошла въ комнату, громко и сердито ворча. Нѣчего было дѣлать, я тоже вышла изъ экипажа и вошла въ домъ. Тамъ ужь расположилась пріѣзжая, женщина лѣтъ 48; ея горничная неопрятно-одѣтая, бѣгала и суетилась, пока госпожа вынимала изъ плетеной корзины дорожные запасы. Я сѣла въ углу, на диванъ, сняла шляпку и запыленную мантилью. Пожилая пріѣзжая была высока ростомъ, тучна; черты лица ея были крупны, но еще сохранили остатки прежней красоты, хотя можно было легко

Digitized by Google

замѣтить, что красота эта никогда не была завидной: пріемы этой женщины были крайне-живы, но пошлы, а голосъ рѣзкій. Нѣсколько разъ она взглядывала на меня съ любопытствомъ : видно было, что она искала случая заговорить; но мнѣ было такъ грустно, что я, взявъ книгу въ руки, прислонилась къ стѣнкѣ дивана и притворилась, будто читаю. Иванъ мой вошелъ въ комнату.

— Не прикажете ли чаю? спросилъ онъ у меня.

— Конечно, попроси поставить самоваръ.

Пожилая женщина быстро обернулась ко мнѣ, причемъ запыленная необъятной ширины юбка ея ситцеваго капота описала кругъ и подняла всю пыль съ пола; пыль взлетѣла на воздухъ и заставила меня чихнуть на всю комнату.

— На здоровье! произнесла незнакомая госпожа.

— Благодарю, отвѣчала я, слегка кланяясь.

— Вамъ угодно чаю? могу ли я попотчивать васъ своимъ? мой самоваръ готовъ, а вашего еще не ставили. Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Она придвинула стулъ къ чайному столу и пригласила меня сѣсть; мы очутились другъ противъ друга. Самоваръ кипѣлъ; новая моя знакомая мыла чашки и вытирала ихъ несовсѣмъ-чистымъ полотенцемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ говорила безъ умолку.

— Намъ прійдется ждать препорядочно: въ сосѣднемъ городѣ годичная ярмарка; всѣ туда съѣзжаются, а ужь наша молодёжь тому и рада—всѣ, рѣшительно всѣ туда отправились, кто покутить, кто лошадей купить, кто въ картишки побиться. Да вотъ я и сама туда же ѣду за провизіей, и право, такъ досадно, лошадей вездѣ ждать приходится! Я, знаете, сюда пріѣхала въ экипажѣ моего родственника, Павла Матвѣича Буранова — вы его знаете?

— Нѣтъ, сказала я.

— Да и гдѣ же умъ мой? Совсѣмъ забыла! Вѣдь вы не здѣшнія: я всѣхъ здѣшнихъ знаю. Вы проѣзжія, только трактъ-то большой. Смѣю спросить, куда ѣхать изволите?

— Въ А**.

— Въ А**! Ахъ, батюшки, къ намъ! И долго намѣрены пробыть? А откуда, смѣю спросить, ѣхать изволите?

— Изъ Петербурга.

— Изъ Петербурга! повторила пожилая госпожа съ изумленіемъ, нелишеннымъ новаго ко мнѣ уваженія. «Петербургская дама» — написано было на лицѣ ея — «вотъ какъ!»

Digitized by Google

— Далекій путь! сказала она, осматривая меня съ возрастающимъ любопытствомъ. Слишкомъ тысячу верстъ сдѣлать изволили; вѣрно въ свое имѣніе, или по дѣламъ, предприняли такой далекій путь.

— Нѣтъ, сказала я кратко.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ пожилой госпожи, и она, помолчавъ немного, опять приступила съ вопросами. Ея любопытство начинало забавлять меня.

— Вотъ ужь, право, не въ-догадъ, зачѣмъ вы это ѣдете такъ далеко. Эй, Устюшка, чего смотришь? галокъ что-ли считаешь? Видишь, барыня выкушала чашку — поди прими ее, да вытри. Ужь такіе эти постоялые дворы: ничего нѣтъ; полоскательной чашки не добьешься... Такъ вы изъ Петербурга? Если вы ѣдете въ А**, то, вѣроятно, мы встрѣтимся и познакомимся короче; очень-лестно будетъ, повѣрьте, говорю безъ лести. Я вѣдь въ А** принята во всѣхъ домахъ и даже, можно сказать, обласкана. Нѣчего Бога гнѣвить, хотя и понесла горькія утраты, но добрыми людьми не была оставлена. Вдовой осталась съ малолѣтнимъ сыномъ; сына лишилась; но знакомые, родные пригрѣли и утѣшили сироту; всѣ меня любятъ да жалуютъ. Ахъ, Богъ мой!.. говорила, говорила, а про главное-то забыла. Честь имѣю рекомендоваться: майорша Хлестова; а вы, смѣю спросить, по отчеству и фамиліи?..

— Анна Николаевна Нефёдова.

— Нефёдова! Богъ мой! да не съ родни ли вамъ... быть-можетъ, дядюшка, или двоюродный братъ — родной-то сестры у него нѣтъ — нашъ полиціймейстеръ?...

— Нѣтъ, не родня.

— Такъ однофамилецъ, однофамилецъ вашъ, Петръ Петровичъ Нефёдовъ. Славный человѣкъ, добрый такой! Намедни у него обѣдала... А позвольте узнать — не осудите за любопытство — чинъ вашего батюшки или мужа... извините, вы дама, или вдова?

— Ни то, ни другое, отвѣчала я, улыбаясь: — я дѣвушка.

— Дѣвица! воскликнула, всплеснувъ руками, моя новая знакомая. Дѣвица! какъ же это вы однѣ изволите ѣхать такую даль? Вѣрно, сирота! И къ кому же вы ѣдете? Вы сказали не въ имѣніе, не по дѣламъ, такъ ужь вѣрно къ родственникамъ?

— И не къ родственникамъ, сказала я опять спокойно. Яростное любопытство «майорши», какъ она называла себя, было бы нагло, еслибъ не носило на себѣ такой печати наивности.

Digitized by Google

— И не къ родственникамъ, такъ къ кому же? воскликнула она съ отчаяніемъ недоумѣнія.

— Я ѣду, сказала я: — mise au pied du mur, я ѣду къ Еленѣ Александровнѣ Шестовой. Вы вѣрно ее знаете?

— А! воскликнула майорша, перемѣняя тонъ и садясь глубже въ засаленное кресло: — а! понимаю! такъ вы просто гувернантка, которую Шестова ожидаетъ изъ Петербурга?

— Дà, сказала я.

— А! вотъ что̀! вотъ какъ! А гдѣ вы воспитывались, моя милая, въ институтѣ или въ пансіонѣ?

— Я воспитывалась у княгини Б**, сказала я: — и это всѣмъ извѣстное имя твоей матери опять крайне озадачило майоршу.

— Вотъ какъ! сказала она опять, но въ этотъ разъ на другой тонъ: — а ѣдете къ Шестовой? Что жь, моя милая! семейство хорошее, доброе: худо вамъ у нихъ не будетъ. Она живетъ съ братомъ — прекрасный человѣкъ! а сама-то добрѣйшая женщина; только не благословилъ ея Богъ дѣтками, не благословилъ.

— Развѣ онѣ... спросила я съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Чудихи, матушка, чудихи! прервала меня майорша: — особенно двѣ старшія. Романовъ, что-ли, начитались, или новыхъ правилъ набрались—кто ихъ знаетъ! Старшая-то изсохла совсѣмъ; кто говоритъ, больна была, а кто дѣло-то получше знаетъ, такъ причина-то иная. За женихомъ гонялась, да бросилъ онъ ее, сердечную, не женился; а меньшая-то... Впрочемъ, это такъ, къ слову пришлось сказать, меньшая: онѣ, изволите видѣть, двоежки и, двѣ капли воды, похожи другъ на друга... Такъ меньшая-то во всемъ со старшей примѣръ беретъ. Никуда-то, почитай, не ѣздятъ онѣ, все сидятъ дома, да все читаютъ, да на портреты глядятъ; портретовъ-то, говорятъ, у нихъ множество, да не родственныхъ, какъ приличію дѣвицамъ, а все чужіе—артисты, что-ли, али сочинители—не знаю, право, сказать навѣрно не умѣю. Въ свою комнату онѣ никого не пущаютъ, а дымятъ дымятъ цѣлый день, вѣрите ли, курятъ, какъ мужчины! Гадко и говорить-то! За̀мужъ не выходятъ; да и кто возьметъ съ такой репутаціей! Бѣдная мать знай плачетъ да кулаками слёзы утираетъ — достойная женщина, право, достойная!

— Но это взрослыя дѣвушки; кажется, есть еще меньшая?

— Какже! какже! дѣвочка лѣтъ одиннадцати, такая бойкая, такая живчикъ, хорошенькая! Только страшно, куда страшно смотрѣть на нея: не пошла бы по слѣдамъ сестрицъ! Вѣрите ли,

Digitized by Google

вчужѣ жаль. Въ домѣ-то живетъ братъ Шестовой и съ сыномъ. Вотъ, матушка, скажу я вамъ: красавецъ, какъ есть красавецъ писаный! А куда какъ можно много добра сдѣлать... меньшую-то спасти. Вы сперва гдѣ служили?

— Это мое первое мѣсто. Я не оставляла княгини до ея смерти.

— Такъ, такъ. А какъ она скончалась, чай, съ наслѣдниками-то не поладили? Дѣло обыкновенное, извѣстное. Я сама была свидѣтелемъ. У нашей у сосѣдки была воспитанница; лелѣяла она ее, ходила какъ за родной дочерью... да куда дочь! не насмотрится, бывало, на нее покойница; а какъ отдала она Богу душу—наслѣдники и отказали отъ дому дѣвочкѣ. Нашлись добрые люди, прибрали ее, пріютили, замужъ выдали; да вотъ вѣдь и она долго жила у Шестовой; такое ужь добрѣйшее сердце: надъ всѣми сжалится; только не благословилъ ее Богъ дѣтьми, не благословилъ.

И майорша покачала головой въ знакъ соболѣзнованія.

— Чайку еще хотите? не церемоньтесь!

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— А я, милая, увидя экипажъ вашъ—такая коляска-то модная, на плоскихъ ресорахъ: видно, что отъ перваго мастера да новая, почитай съ иголочки — думала, признаюсь вамъ, что вы знатная барыня. Одно меня смущало: горничной нѣтъ; гдѣ это, думаю я, запропастилась горничная этой барыни? а вы, выходитъ, гувернантка. Да откуда жь достали вы экипажъ? Шестова неслишкомъ-богата и не могла же послать за вами отсюда? Знатный экипажъ!

Я сочла за необходимость сказать майоршѣ, что ты подарила мнѣ его. Ея болтовня была несносна, и я думала только о томъ, какъ бы мнѣ отъ нея отдѣлаться.

— Не-уже-ли вы купили коляску-то? Да гдѣ купить? Не бойсь, стоитъ дороже вашего годоваго жалованья. Что будете получать у Шестовой?

— Не знаю, сказала я, желая прекратить разговоръ.

— Не знаете? какже такъ? Вотъ неопытность-то: не сдѣлали кондицій! Оно, правда, Елена Михайловна добрѣйшая дама, но съ другими не совѣтую, не совѣтую, послушайтесь старухи.

— Но вѣдь я вступаю къ Еленѣ Михайловнѣ, а не въ другой домъ.

— Оно такъ, оно конечно; но все ужь лучше поступать пообстоятельнѣе. А какъ отойдете, прійдется жить у другихъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, я бы здѣсь не осталась, опять бы въ Петербургъ уѣхала, еслибъ—чего Боже сохрани! мнѣ не понравилось у Шестовой.

— Въ Петербургъ? да къ кому въ Петербургъ-то, если наслѣдники-то васъ знать не хотятъ? Мудреное дѣло! Легко сказать: опять въ Петербургъ.

Долго болтала майорша; она разсказала мнѣ едва-ли не хронику города за цѣлое полустолѣтіе. Я легла на диванъ, но она, ни мало не смущаясь, сѣла у моего изголовья, и рѣчи ея лились потокомъ; неизвѣстныя мнѣ имена и отчества путались въ головѣ моей, но все же я могу сказать, что, волей-неволей, я знаю теперь всѣ ссоры, и всѣ исторіи города А**. И Богъ вѣсть, что̀ за исторіи! Явно, что языкъ этой Хлестовой цѣлый вѣкъ упражнялся въ сплетняхъ и пересудахъ. Я мало вѣрю ей, или, лучше сказать, ничему не вѣрю. Это провинціальная сплетница и, вѣроятно, приживалка, хотя она очень-много говоритъ о связяхъ своихъ и твердитъ, что *вхожа̀* во всѣ знатные, богатые домы А**; но именно это выраженіе и наводитъ меня на мысль, что она приживалка. Сильно пугаетъ меня тоже ея благосклонный отзывъ о Шестовой: если такая женщина хвалитъ ее, ужь не обманули ли насъ? Однако твой дядя такъ ручался за Шестову! Но онъ зналъ ее въ молодости, и мнѣ всегда сдавалось, что онъ былъ влюбленъ въ нее когда-то. Ну, а если мужчина влюбленъ... это ужь извѣстно. Я совершенно сбита, какъ говорится, съ толку; и грустно и стыдно признаться мнѣ: я сожалѣю, что не осталась съ тобою, не уступила просьбамъ твоимъ. Что̀ дѣлать, милая Саша! не могла я рѣшиться быть лишней, жить въ чужой семьѣ. Тебѣ я, конечно, сестра по сердцу; но семья твоего мужа такъ многочисленна; для твоей свекрови, заловокъ, шуриновъ я была не болѣе, какъ компаньйонка... Я рѣшилась. Женщинѣ безъ состоянія и родителей остается одно: жить трудами. Собственное ея достоинство сохранено; она сама уважаетъ себя и внушаетъ другимъ то же самое чувство. Жребій брошенъ. Знаю, что твое сердце втайнѣ мнѣ сочувствуетъ—мало того, понимаетъ, что не было для меня другаго пути; знаю, что ты всегда, вблизи или вдали, раздѣлишь мою радость или горе. Помолись за меня; черезъ нѣсколько часовъ я буду въ неизвѣстномъ городѣ, посреди чужой семьи, съ важной обязанностью: руководить и воспитывать ввѣренное мнѣ дитя. Мнѣ страшно, Саша, и потому ужь я сознаю, что принимаюсь съ должнымъ уваженіемъ за добровольно-взятую на себя дол-

Digitized by Google

жность. Еслибъ я могла привязаться и полюбить мою воспитанницу! Мнѣ кажется, что любовь необходима воспитательницѣ. Прощай, до свиданія—когда? неизвѣстно; но когда-нибудь ворочусь и я къ тебѣ, пріѣду повидаться. Эта мысль утѣшаетъ меня и даетъ мнѣ силу твердо выносить нашу первую разлуку со времени дѣтской нашей встрѣчи.

ПИСЬМО II.

Нынче недѣля, какъ я у Шестовыхъ. Чтò сказать тебѣ? Я пріѣхала въ сумерки; меня встрѣтила въ залѣ высокая дѣвушка, лѣтъ двадцати-двухъ, черноволосая и красивая собою. Она очень-ласково меня привѣтствовала и провела въ гостиную, говоря: «Маменька». Анна Николаевна Нефёдова!

Женщина лѣтъ пятидесяти, высокая, но сгорбленная, съ правильнымъ профилемъ и черными съ просѣдью волосами, гладко лежавшими надъ рюшемъ траурнаго чепчика, встала съ креселъ, взяла меня за обѣ руки и, усадивъ подлѣ себя, стала разспрашивать о моемъ здоровьи и о длинномъ пути, который долженъ былъ утомить меня; потомъ вспоминала о твоемъ дядѣ, прибавляя, что онъ писалъ къ ней и отзывался обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Я поклонилась. Скоро разговоръ прервался, и меня проводили въ приготовленную заранѣе комнату, гдѣ все было не только чисто, но даже комфортэбльно убрано. Я поспѣшила переодѣться, чтò было очень кстати, потому-что въ мою комнату явилась горничная и спросила, гдѣ мнѣ будетъ угодно пить чай.

— А гдѣ подаютъ чай? спросила я, приглаживая волосы.

— Лидія Петровна разливаетъ его сама въ залѣ, отвѣчала горничная.

— Такъ я пойду туда.

Въ залѣ, за большимъ круглымъ столомъ, я нашла все семейство Шестовыхъ. Увидя меня, Елена Михэйловна, сказала мнѣ:

— Познакомьтесь: вотъ дочь моя, Дуня; вы видите, это вторая Лидія; а вотъ племянникъ мой, Владиміръ.

Я наклонилась на поклоны и сѣла.

— А гдѣ же Липинька? спросила хозяйка.

— Играетъ въ саду. Я за ней послала, отвѣчала Дуня.

И голосъ ея, мелодическій, нѣжный, съ оттѣнкомъ какой-то грусти, заставилъ меня взглянуть на нее. Она рѣзала хлѣбъ и стояла склонивъ голову. Представь себѣ высокую дѣвушку съ

Digitized by Google

темно-карими, большими, задумчивыми глазами, прекраснымъ очертаніемъ высокаго лба, на которомъ были откинуты назадъ густые, волнистые, темные волосы. Тонкій, маленькій носикъ съ приподнятыми ноздрями и толстыя, но пріятныя губы выражали смѣсь энергіи и страстной нѣжности, а матовая блѣдность лица и прозрачность кожи придавали видъ идеальной прелести всему существу ея. Движенія ея были полны тихой граціи и достоинства. Лидія была, конечно, похожа на сестру, какъ блѣдная копія похожа на прекрасный оригиналъ; лицо ея не имѣло ни выраженія, ни характера лица Дуни, хотя черты ихъ были одинаковы. Ея двоюродный братъ сидѣлъ подлѣ нея и говорилъ съ ней вполголоса. Я вспомнила майоршу и ея выраженіе: «писаный красавецъ». Дѣйствительно, онъ былъ красивъ, высокъ, бѣлъ, румянъ, съ черными, какъ бисеренки, незначащими глазами. Въ это самое время въ комнату вбѣжала моя будущая воспитанница, бѣлокурая и живая. Руки и платье ея были вымачканы въ пескѣ.

— На что̀ ты похожа? сказала ей мать, ласково качая головой: — посмотри на себя.

— Домики изъ мокраго песку строила, сказала дѣвочка весело, и хотѣла поправить короткіе волосы, которые упали на лобъ ея; но, замѣтивъ, что запачкала лобъ свой въ мокромъ пескѣ, схватила съ колѣнъ сестры платокъ и начала имъ тереть безжалостно свое нѣжное личико и руки.

— Полно, перестань, поклонись Аннѣ Николавнѣ и слушайся ее. Она не будетъ позволять тебѣ шалить и пачкаться въ пескѣ.

Дѣвочка взглянула на меня несовсѣмъ-благосклонно своими большими сѣрыми глазами.

— Пойдемте, умойтесь, сказала я, взявъ ее за руку и уводя изъ комнаты. — Я надѣюсь, что мы будемъ дружны; вы будете меня слушаться?

Лидинька молчала.

— Мы будемъ учиться, а послѣ ученья играть.

— Во что̀?

— Во что̀ хотите.

— Я не люблю куколъ; я люблю бѣгать, люблю строить домики изъ песку...

— И пачкаться, сказала я, смѣясь.

— Конечно. Что жь тутъ дурнаго? можно умыться. Смотрите, вотъ я опять бѣленькая.

Она засмѣялась такъ весело, что я сама улыбнулась. Въ ре-

Digitized by Google

бенкѣ этомъ не было ничего принужденнаго, ничего запуганнаго. По ребенку всего легче судить о семействѣ: ребенокъ — чистосердечная вывѣска домашней жизни. Мое сужденіе было въ пользу Шестовыхъ. Я воротилась въ залу съ Лидинькой. Когда мы вошли, разговоръ прервался; меня дичились, а я наблюдала.

— Не было ли вамъ задержки въ лошадяхъ въ Б**? сказалъ Владиміръ, обращаясь ко мнѣ. — У насъ ярмарка въ С**.

— Да̀, я ждала лошадей, и встрѣтилась на станціи съ одной изъ вашихъ знакомыхъ.

— Съ кѣмъ это? спросила хозяйка, причемъ дочери ея взглянули на меня недовѣрчиво.

— Съ майоршей Хлестовой, сказала я, улыбаясь и упирая на чинъ госпожи; но никто не отвѣчалъ на мою улыбку; только Владиміръ воскликнулъ:

— Куда потащилась эта противная болтунья?

— Она ѣхала на ярмарку.

— Да̀, закупать провизію для Аѳанасьевыхъ; она ихъ фактотумъ, приживалка, компаньйонка и экономка. Нѣкуда имъ денегъ дѣть! Ну, да она протретъ имъ глаза, и своего кармана не забудетъ.

— Владиміръ!.. сказала Елена Михайловна, съ укоромъ.

— А много наплела она вамъ сплетень? продолжалъ Владиміръ, не обращая вниманія на неудовольствіе тетки.

— Она очень хвалила Елену Михайловну, сказала я.

— Говорить дурно о маменькѣ было бы грѣшно, сказала Лидія. — Маменька ужь такъ добра къ ней.

— Однакожь, замѣтилъ Владиміръ : — чего не плела она о кузинахъ! И что онѣ замужъ не выходятъ, и что гнались за женихами, и что Вольскій бросилъ Дуню, и что...

— Перестань! сказала Елена Михайловна строго, скрывая свое волненіе.

Всѣмъ было неловко; я не смѣла взглянуть на сестеръ; но когда я подняла глаза, яркій румянецъ горѣлъ на щекахъ обѣихъ.

— Не люблю я, когда молодые люди рѣзко осуждаютъ, продолжала Елена Михайловна.

— Развѣ я дѣвушка, что не могу сказать своего мнѣнія прямо и просто?

Я взглянула на него, не понимая, что̀ онъ хотѣлъ сказать; но онъ не продолжалъ, а тетка возразила ему:

— Оттого и враговъ нажилъ.

Digitized by Google

— Очень мнѣ нужно! возразилъ онъ, смѣясь беззаботно.

— Намъ... сказала Елена Михайловна, но внезапно замолчала и вышла изъ комнаты; всѣ пошли за ней, а я, жалуясь на усталость, просила позволенія уйдти въ свою комнату.

На другой день утромъ Елена Михайловна, сказала мнѣ, что я должна начать уроки съ слѣдующей недѣли, а до-тѣхъ-поръ она желаетъ, чтобъ я познакомилась и обглядѣлась (это ея выраженіе) въ ея семействѣ. Вслѣдствіе такого рѣшенія, вотъ ужь три дня, какъ я сижу за работой, у окна гостиной. Домъ Елены Михайловны не большой, но чистый, и замѣчателенъ тѣмъ, что жилыя комнаты еще чище, уютнѣе и комфортэбльнѣе гостиныхъ. Спальня ея меньшой дочери, ея собственная и моя очень-мило убраны; у Дуни и Лидіи, которыя спятъ въ одной комнатѣ и вообще неразлучны, я еще не была. Поутру сестры не выходятъ. Елена Михайловна занимается хозяйствомъ, или чтеніемъ, и я, сидя въ одной комнатѣ, съ глазу на глазъ до самаго обѣда, едва перемолвлюсь съ ней словомъ. Она читаетъ; я работаю, или разговариваю съ Липинькой. Къ обѣду всѣ сбираются; старшія дочери очень-молчаливы, за-то племянникъ черезчуръ болтливъ и всякое утро привозитъ изъ канцеляріи, гдѣ онъ служитъ, кучу разсказовъ, касающихся до знакомыхъ семейства Шестовыхъ. Ты понимаешь, что это мало затрогиваетъ мое любопытство. Жизнь веду я, какъ видишь, однообразную, но спокойную; не вижу ни капризовъ, ни требованій, но за-то не могу не признаться, что очень-замѣтна какая-то холодность, несообщительность, отчужденіе отъ новаго лица, вошедшаго въ семью. Жаловаться, однако, было бы грѣшно: всѣ ко мнѣ внимательны, а Елена Михайловна даже ласкова; но и эти ласки отмѣчены холодной вѣжливостью. Я не могу разгадать двухъ старшихъ дочерей: онѣ, должно-быть, умны, если судить объ умѣ по выраженію лица; но я еще не слыхала отъ нихъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго слова. Дичатся ли онѣ меня, или опасаются—кто знаетъ? только съ-тѣхъ-поръ, какъ я пріѣхала, онѣ меньше бываютъ съ матерью, и я узнала это изъ болтовни Липиньки.

— Зачѣмъ сестрицы все у себя съ-тѣхъ-поръ, какъ вы пріѣхали? спрашивала у меня дѣвочки раза три и, не получая на это удовлетворительнаго отвѣта, спросила у матери, которая смутилась и отвѣчала:

— Ты знаешь, что сестры всегда заняты.

Завтра воскресенье, и меня предупредили, что въ этотъ день

Digitized by Google

обыкновенно дѣлаютъ здѣсь визиты. Не улыбайся: обычай понятенъ. Здѣсь мало людей праздныхъ: всѣ служатъ, слѣдственно воскресенье единственный свободный день. Завтра я увижу всѣхъ, или почти всѣхъ знакомыхъ Шестовой и познакомлюсь съ обществомъ. Это меня интересуетъ. Ты знаешь, я никогда не бывала въ провинціи. Мнѣ показалось, что Елена Михайловна намекала мнѣ, чтобъ я позаботилась о своемъ туалетѣ, но я ношу трауръ и не намѣрена скидать его.

ПИСЬМО III.

Люди какъ люди — вездѣ одни, хоть тебя и поразила бы нѣкоторая странность обращенія посреди чинности провинціальнаго пріема; иногда звукъ голоса, или возгласъ, или сужденіе, или замѣчаніе, которые напомнятъ тебѣ тотчасъ, что ты не въ своей сферѣ и что твои интересы — не интересы лицъ, собравшихся вокругъ тебя. Я не буду и не умѣю описывать тебѣ пестрое собраніе лицъ, которое вчера было у насъ по случаю пріѣзда брата Елены Михайловны, воротившагося въ городъ. Еще изъ залы слышны были восклицанія.

«Пріѣхалъ! когда? право?»

И потомъ:

«Елена Михайловна! Перфилій Михайлычъ! поздравляемъ! поздравляемъ!»

Ты бы подумала, что Перфилій Михайлычъ ѣздилъ на край свѣта, за тридевять земель, въ тридесятое царство — ничего не бывало: Перфилій Михайлычъ ѣздилъ за 50 верстъ и былъ въ отсутствіи около двухъ недѣль; но здѣсь кругъ знакомства такъ близокъ и тѣсенъ, что незамѣтное въ Петербургѣ производитъ здѣсь волненіе. Меня представили многимъ дамамъ: всѣ онѣ на одинъ ладъ — очень-прилично и по модѣ одѣты, воспитаны также. Вообще мнѣ показалось, что всѣ живутъ въ ладу, по-крайней-мѣрѣ встрѣчали другъ друга не только привѣтливо, но ласково, по-дружески. Только я не могу припомнить иныхъ именъ, потому-что фамиліи не въ употребленіи. Тебя представляютъ Александрѣ Сергѣвнѣ, ждутъ къ обѣду Осипа Ѳедорыча и чрезвычайно заботятся о Аринѣ Никитичнѣ, которая больна вотъ ужь мѣсяцъ... Не смѣйся, что я такъ подробно описываю тебѣ такія бездѣлки; я сама смѣюсь и смѣюсь добродушно. Эта пестрая смѣсь лицъ мнѣ

Digitized by Google

незнакомыхъ, это собраніе разнородныхъ элементовъ а**скаго общества меня интересуетъ. Я бы желала вдругъ узнать отношенія лицъ между собою, ихъ характеры, ихъ жизнь внутреннюю и внѣшнюю, но это дается не такъ легко и не такъ скоро. Люблю я подмѣчать, изучать—сухое занятіе! но самая жизнь моя такъ суха, что, отъ праздности, нехудо предаться и анализу. Я была бы очень рада, еслибъ а**ское общество сдержало то, что̀ обѣщаетъ. Жизнь безъ претензій, въ тѣсномъ кружкѣ, жизнь мирная и скромная мнѣ по нраву. Ты знаешь, я не поклонница этикета и столичной пышности; люблю я тѣсный, домашній кругъ, гдѣ можно говорить, что̀ войдетъ на умъ, и проводить время безъ затѣй роскоши и чванства. Вѣроятно, и здѣсь отъищу я двухъ-трехъ лицъ, съ которыми сойдтись будетъ пріятно, и эта мысль тѣмъ болѣе утѣшаетъ меня, что я потеряла надежду сблизиться съ тѣмъ семействомъ, гдѣ судьба судила мнѣ жить, быть-можетъ, долгіе годы. Елена Михайловна женщина пожилая; моя воспитанница — ребенокъ; племянникъ — пустой мальчикъ, а кузины его настойчиво избѣгаютъ меня. Быть-можетъ, я имъ не нравлюсь, или ужъ слишкомъ-дики онѣ; впрочемъ, и это предположеніе невѣрно. Въ воскресенье онѣ принимали всѣхъ, и хотя были холодны, по обыкновенію, но все же вѣжливѣе и разговорчивѣе. Я замѣтила, что мать ихъ любима, Владиміръ также, но онѣ... впрочемъ, это только предположеніе.

Прошла еще недѣля. Я цѣлый день занята, и только поэтому не скучаю; иначе было бы невыносимо-тяжело жить совершенно одной. Всякій наступающій день вмѣсто того, чтобъ сблизить меня съ Шестовыми, кажется, отдаляетъ отъ нихъ еще болѣе. Сперва, какъ новое лицо въ домѣ, я имѣла право на вѣжливое слово; теперь ко мнѣ привыкли, считаютъ меня своимъ человѣкомъ и, вѣроятно, потому я не слышу болѣе и этого вѣжливаго слова. Елена Михайловна замѣтила мнѣ разъ навсегда, что если мнѣ надо чего-нибудь, пусть я прикажу: экономкѣ велѣно исполнять всѣ мои прихоти; но не того желала бы я. Мнѣ было бы легко остаться безъ чая, безъ обѣда, безъ экипажа, но не легко, моя милая Саша, жить безъ живаго слова, жить одной посреди себѣ подобныхъ, особенно послѣ нашей дружеской, задушевной жизни съ тобою. Какъ быть! надо привыкнуть—и я привыкаю. Однажды вечеромъ, когда Липинька — прерѣзвая дѣвочка — ушла спать, мнѣ стало до того грустно, что я ушла въ залу и долго, очень-долго ходила взадъ и впередъ въ полуосвѣщенной комнатѣ, потомъ зажгла

Digitized by Google

свѣчи и сѣла за фортепьяно, наигрывая голосъ твоей любимой аріи — знаешь, на слова Пушкина:

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Не успѣла я съиграть и трехъ темповъ, какъ въ комнату вошла Лидія и сѣла молча въ уголъ. Я продолжала играть, чтобъ не показаться смѣшной, изъ приличія; но, признаюсь тебѣ, мнѣ смертельно хотѣлось уйдти. Этотъ безмолвный свидѣтель мѣшалъ мнѣ чувствовать, вспоминать — словомъ, онъ тяготилъ меня.

— Вы не поете? спросила Лидія, и это былъ едва-ли не первый вопросъ ея съ нашей первой встрѣчи.

— Пою, отвѣчала я.

— Такъ спойте, пожалуйста, сказала она, живо подходя ко мнѣ.

Я молчала, хотѣла отказать, и взглянула на стоявшую передо мной Лидію: ея лицо дышало жизнью, а темные, прекрасные глаза глядѣли на меня привѣтливо.

Я запѣла. Быть можетъ, милая Саша, никогда не пѣвала я такъ хорошо; я забылась: сердце мое было полно; порывъ, увлеченіе, страсть, я это чувствовала, дышали въ моемъ голосѣ.

И все, что я любилъ и все, что сердцу мило
. . . .
Шуми, шуми, послушное вѣтрило!

Эти звуки, эти слова, выражающія такое полное отъ себя отреченіе, отреченіе отъ прошлаго, проникли въ существо мое. Голосъ мой зазвенѣлъ, задрожалъ, порвался; я замолчала, и невольныя слёзы выступили на глазахъ; я закрыла инструментъ и вышла изъ комнаты. Весь вечеръ просидѣла я одна, ничего не дѣлая; мнѣ даже не хотѣлось взять пера, чтобъ писать къ тебѣ. Бываютъ такія минуты, что надо уединиться, надо войдти въ себя; пройдетъ — и можно сказать, что̀ чувствовала, а въ ту минуту только чувствуешь. Съ-тѣхъ-поръ прошла недѣля, но мои отношенія съ неприступными дочерьми Елены Михайловны не измѣнились. Лидія будто не видала, будто не слыхала, что̀ я должна была перечувствовать; она будто и не замѣчаетъ, что подлѣ ней другая женщина, дѣвушка ея лѣтъ, живетъ одиноко и печально. Конечно, я не требую, чтобъ она бросилась ко мнѣ на шею и съ фальшивой экзальтаціей поклялась мнѣ въ дружбѣ, какъ это водится въ пансіонѣ. Ты знаешь, я положительна, разсудительна, и не люблю такихъ изліяній и изъявленій; но мнѣ кажется, что,

помимо такихъ крайностей, дѣвушки одинакихъ лѣтъ могли бы сказать другъ другу нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Но Богъ съ ними! Я рѣшилась не обращать никакого вниманія на обѣихъ сестеръ; по ихъ положенію, онѣ, а не я, должны сдѣлать первый шагъ къ сближенію; для меня достаточно увѣренности, что на землѣ есть лицо, которое любитъ меня искренно, далеко ли, близко ли оно—это другой вопросъ. Перенесть разлуку можно и должно, когда есть сознаніе, что я любима. Ты понимаешь, что я говорю о тебѣ: мнѣ довольно твоей дружбы; другой я не ищу. Жизнь состоитъ не въ однѣхъ привязанностяхъ; есть въ жизни и цѣль, и честной трудъ, и долгъ; могутъ быть минуты унынія, конечно, но не должны быть годы страданія или скуки. Это поняла я давно и пойду прямо и твердо по избранному пути. Куда приведетъ онъ меня — не знаю, но внутреннее спокойствіе ужь и теперь во мнѣ и со мною: значитъ, я ужь и теперь награждена за попытку существовать самостоятельно. Внутреннее спокойствіе — первѣйшій признакъ правоты, другъ мой, и съ этимъ даромъ все переносится если не легко, то твердо. Прощай. Если долго не будешь получать писемъ отъ меня, то не безпокойся; скажи себѣ, что я занята, но люблю тебя попрежнему. Повѣрь, что ты не ошибешься.

. . . .

ПИСЬМО IV.

Проживъ болѣе мѣсяца, я многое уяснила себѣ въ семейномъ быту Шестовыхъ. Скажу тебѣ, что сестры Шестовы еще страннѣе, когда къ нимъ подойдешь ближе. Никогда еще не встрѣчала я такого смѣшенія прекрасныхъ качествъ души и сердца съ извращенностью понятій, такой положительности во многомъ, и такой до безумія доходящей скрытности. Все это, вѣроятно, слѣдствіе той сферы, въ которой взросли онѣ. Но я хочу, чтобъ ты сама поняла ихъ, и потому разскажу тебѣ подробно, кàкъ я узнала ихъ и кàкъ довелось мнѣ проникнуть въ ихъ неприступное убѣжище—въ ихъ спальню.

Однажды Елена Михайловна просила меня сказать дочерямъ, что, по причинѣ нашего скораго отъѣзда въ деревню, у ней обѣдаютъ Силовы съ дочерьми, Татьяна Петровна Колесова и нѣсколько молодыхъ людей. Татьяна Петровна Колесова—жена чиновника, когда-то служившаго въ Петербургѣ; она недурна собою, страшная щеголиха и модница; всѣ въ городѣ говорятъ о ея свѣт-

Digitized by Google

скости, образованіи, о ея огромномъ знакомствѣ въ Петербургѣ. Это, однако, не спасаетъ ея, какъ и многихъ другихъ дамъ а*скаго общества, отъ сплетень и недоброжелательства. Что касается до Шестовыхъ, онѣ принимаютъ рѣшительно всѣхъ и не принадлежатъ ни къ какому кругу въ-особенности. Правило ихъ: не только не говорить худо ни о комъ, но даже не высказывать своего мнѣнія ни о чемъ, что̀ придаетъ разговору, надо признаться, чрезвычайную безцвѣтность.

Выслушавъ порученіе Елены Михайловны, я пошла къ сестрамъ и постучалась въ ихъ дверь.

— Кто это? спросилъ голосъ одной изъ нихъ.

— Это я.

— Кто я? Можно ли отвѣчать такъ безтолково! послышался голосъ Дуни.

— Я, Анюта, Анна Петровна.

— Ахъ! извините пожалуйста! сказала Дуня отворивъ дверь и стоя на порогѣ. Она протянула мнѣ руку, сжала мою и продолжала:

— Извините, я не знала, я не полагала, что это вы; я была такъ далека отъ мысли, что...

— Сто̀итъ ли такъ извиняться изъ пустяковъ! замѣтила я, не входя въ комнату, но стоя на порогѣ и держась за ручку двери. Сестры не пригласили меня войдти. — Впрочемъ, продолжала я, смѣясь добродушно: — согласитесь, что судьба странно распорядилась вами: ей непремѣнно хотѣлось, чтобъ первое слово, которое вы сказали мнѣ, собственно мнѣ, было грубо.

— Какъ-такъ? спросила за Дуню Лидія встревоженнымъ голосомъ.

— Да такъ! Евдокія Матвѣвна въ первый разъ только ныньче сказала мнѣ слово, и оно было: «вы безтолковы». Если я не ошибаюсь, кромѣ утренняго «здравствуйте» и вечерняго «прощайте», мы ничего не говорили.

— Мы дикарки, сказала Дуня, смѣясь: — и еще больше дикарки съ вами. Мы знаемъ, что вы жили въ большомъ свѣтѣ, были свѣтской дѣвушкой; наша тихая, семейная жизнь вамъ не можетъ нравиться.

— Почему же? спросила я живо и, не дожидаясь отвѣта, прибавила: — зачѣмъ осуждать, не взглянувъ на человѣка попристальнѣе!

— Я осуждаю? сохрани Боже! Мое первое правило... наше пер-

Digitized by Google

мое правило, хочу я сказать, никогда не позволять себѣ ни слова, ни даже намёка противъ кого бы то ни было.

— Да, я это замѣтила. Простите мою откровенность; но съ вами потому и говорить нельзя, что, кажется, будто вы ни о чемъ не имѣете своего мнѣнія; а вглядись въ васъ, вы молчите, но зато, въ глубинѣ души куда какъ строги!

— Съ чего вы это взяли? сказала Дуня, взглянувъ на сестру.

— Съ того, что вы обѣ умны, добры, и могли бы и любить и утѣшать словомъ симпатіи васъ окружающихъ. Ничего не бывало: вы равно всѣхъ чуждаетесь, и вмѣстѣ съ тѣмъ не показываете никакого знака отчужденія даже и тѣмъ, кого вправѣ презирать. Вы никого не любите; добрыхъ и злыхъ, благородныхъ и низкихъ, вы равно чуждаетесь. Не должно ли заключить изъ этого, что, войдя вотъ въ этотъ уголокъ (я показала рукой на ихъ комнату), куда не допускаются непосвященные, вы даете полную волю негодующему уму и тутъ ужь по волѣ осуждаете и невсегда справедливо.

— О, какъ вы хитры! сказали обѣ сестры.

— Нисколько, возразила я. — Кто можетъ назвать самое искреннее изложеніе собственнаго мнѣнія хитростью? Скорѣй я теперь чистосердечна до нарушенія приличій.

— Вы многое угадали, сказала Дуня задумчиво. — Но видите ли: мое и сестрино положеніе самое затруднительное; намъ иначе поступать невозможно. Когда вы ближе насъ узнаете, вы многое больше и лучше поймете.

— Я однако забыла: Елена Михайловна поручила мнѣ сказать вамъ, что она проситъ васъ прійдти въ гостиную раньше обыкновеннаго: у нея обѣдаетъ Колесова и еще кто-то изъ мужчинъ.

— Какая скука! воскликнула Лидія: — но кто же будетъ? ужь вѣрно этотъ вѣчный спутникъ Татьяны Петровны, Лихотинъ, Пятовъ и ихъ подражатель Черепанинъ.

— Кто эти молодые люди? Я ихъ не знаю, сказала я.

— И слава Богу! воскликнула Лидія: — это чума, это претензія...

— Лидія!.. сказала Дуня.

— Что жь? не-уже-ли Анна Петровна выдастъ насъ? Мы ее знаемъ теперь.

Такое подозрѣніе показалось мнѣ до того обиднымъ, что я не сказала ни слова.

Digitized by Google

— Конечно, кто говоритъ! возразила Дуня живо: — но... но... не должно говорить дурно ни о комъ.

Я улыбнулась и, заслышавъ голосъ Лининьки, тотчасъ ушла; мнѣ было досадно, быть-можетъ, потому, что я сдѣлала первый шагъ къ сближенію; и что жь?—мнѣ попрежнему не довѣряли! Я была такъ не въ духѣ, когда меня позвали въ гостиную, что мнѣ смертельно хотѣлось сорвать сердце на комъ-нибудь.

Татьяна Петровна сидѣла на диванѣ подлѣ хозяйки, по другую руку которой помѣстилась высокая, чинная, надменная Палозова, съ двумя дочерьми совершенныхъ лѣтъ. Татьяна Петровна была очень-нарядна и нарядна не безъ вкуса, но съ явной претензіей поразить и уничтожить соперницъ, кто бы онѣ ни были. Какъ нельзя милѣе и достойнѣе показались мнѣ подлѣ этихъ женщинъ и дѣвушекъ наши двѣ сестрицы, въ простыхъ сѣренькихъ платьяхъ изъ шерстяной матеріи. Мягкія складки кашмира граціозно обтянули ихъ стройныя тальи; сестры были, по обыкновенію, неразговорчивы, но старались, однако, занять гостей, что было неслишкомъ-трудно; Татьяна Петровна говорила за всѣхъ.

— У васъ ужасные магазины, право ужасные! продолжала она съ ужимками лица и быстро-измѣнявшимися интонаціями голоса, чрезвычайно-пошлаго. — Вообразите: на-дняхъ я получила изъ Петербурга вотъ это самое платье (она бойко взяла полу юбки и подняла ее), судите сами: есть ли возможность надѣть какое-нибудь платье безъ лентъ. Искала, искала, бѣгала, бѣгала — нигдѣ нѣтъ подъ цвѣтъ и фасонъ. Нашла вотъ только эту дрянь. То-ли-дѣло Петербургъ! Бывало, поѣду къ княгинѣ О**, скажу, не хочешь ли, милая, на Невскій: лентъ надо. А она, бывало, скажетъ: «Ахъ! зачѣмъ? Я пошлю къ Делиль». Вотъ мы бывало сидимъ да папиросы куримъ; привезутъ картоны, выберемъ—и все тутъ, дѣло въ шляпѣ.

— У Слоева есть ленты, сказала Вѣра Палозова замѣтно-затронутая за живую струну. — Знаете ли, его товары не хуже московскихъ.

— Московскихъ! И Татьяна Петровна залилась звонкимъ смѣхомъ, отъ избытка котораго даже топотала маленькими ножками.— Москва! да это все-равно, что вашъ А**: тотъ же провинціализмъ. Бывало: я ѣду въ Москву — надо вамъ сказать, что тётка моя всегда живетъ въ Москвѣ: такъ нельзя же не навѣстить старуху — а княгиня В** пріѣдетъ прощаться и скажетъ, бывало: «Колесова, куда?»—въ Москву! «Нѣтъ ужь, милая, не ѣзди; вернешься

Digitized by Google

къ намъ провинціей». А ужь еслибъ вы знали, какіе я бывало анекдоты привожу оттуда—всѣ помираютъ со смѣху, у Ю**, у Д** разсказываю... Вѣрите ли, княгиня В** искала моего знакомства, сама первая пріѣхала, ужь я была извѣстна всѣмъ своей веселостью. Княгиня В**...

— В** не князья, сказала я тихо, но холодно.

Татьяна Петровна посмотрѣла на меня съ изумленіемъ, которое тотчасъ же уступило мѣсто обыкновенному выраженію, чрезвычайной смѣлости, упорнаго взгляда; но за-то Софья и Вѣра Палозовы торжествовали, и сіяющая радость озарила ихъ мертвенныя лица.

— Можетъ-быть, ваши В** и мои В** совсѣмъ не родня; есть В** не князья, есть и князья, сказала она, переходя отъ жаркаго разсказа къ холодному удостовѣренію.

— В** положительно нѣтъ князей, сказала я. Быть-можетъ, ихъ связи, большое положеніе въ обществѣ и богатство ввели васъ въ заблужденіе; это дѣйствительно одинъ изъ значительныхъ петербургскихъ домовъ; но они не князья.

— Не знаю; мои В** князья, произнесла Татьяна Петровна настойчиво и повернулась ко мнѣ спиною.

Чрезъ нѣсколько минутъ, пользуясь появленіемъ мужчинъ, Вѣра и Софья Палозовы подбѣжали ко мнѣ и, сжимая мнѣ руки, въ порывѣ дружбы, лепетели наперерывъ:

— Ахъ, какъ вы насъ обязали! какія вы милыя! Вотъ такъ-то ее, хорошенько! Что̀ мы дуры, что ли, дались ей? Вамъ можно говорить: здѣсь всѣ знаютъ, что вы воспитывались у княгини Б**, которая не отличала васъ отъ родной дочери. Ну, кого она морочитъ? она-то кто?

Я ничего не отвѣчала. Равно смѣшны и ничтожны показались мнѣ эти женщины; но я взглянула на Дуню и Лидію: онѣ были также неподвижны и, казалось, не замѣчали маленькой сцены, разъигранной передъ ними. Въ это время появился новый гость. Вошедшій господинъ былъ преисполненъ чувства собственнаго достоинства, быть-можетъ, потому, что съ давнихъ поръ онъ прослылъ въ А** острякомъ, умникомъ и человѣкомъ въ высшей степени образованнымъ. Еще не видавъ его, я слышала отъ всѣхъ такого рода вопросы:

— Вы познакомились съ Ляховымъ? Нѣтъ? Ужели? Ну, познакомьтесь — презабавный!

— Остроумный!

Digitized by Google

— А ужъ какой острякъ, уморитъ со смѣху!

— А ужъ какъ образованъ: говоритъ о чемъ угодно!

— Не здѣсь ему мѣсто — въ столицѣ!

И хоръ затягивалъ:

— Познакомьтесь, познакомьтесь!

И этого-то господина пришлось мнѣ увидѣть въ первый разъ. Неистово-развязно влетѣлъ онъ въ комнату и, пожавъ руки присутствующимъ, обратился къ Палозовымъ и воскликнулъ:

— Ба! ба! ба! фарфоровыя барышни здѣсь! Мое почтеніе!

Татьяна Петровна опять затопотала ножками и упала на стѣнку дивана, въ припадкѣ необузданнаго смѣха.

Ты догадываешься, или нѣтъ, что это была ужъ острота остряка по ремеслу и призванію.

— А что Маня, здорова? сказалъ онъ, обращаясь къ Татьянѣ Петровнѣ.—Удивительный ребенокъ! продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ, и ни къ кому особенно:—вообразите себѣ, недѣлю назадъ, отправились мы въ Приватово. Сидимъ на станціи и чай распиваемъ. Маня вбѣгаетъ и принимается плясать порусски. Я замеръ и остолбенѣлъ! Кто училъ ее? кто училъ? закричалъ я. Татьяна Петровна не знаетъ, Петръ Ѳедорычъ не вѣдаетъ, какъ и слѣдуетъ отцу (хохотъ присутствующихъ); что жь вы думаете? Маня была на крыльцѣ, взглянула на хороводъ, воротилась и ужъ танцуетъ! Право, невидаль дѣвочка!

— Да̀, она удивительно-ловка и сметлива. Бывало, когда я повезу ее на балъ къ графу Т**, около Мани всегда кружокъ. А въ Петербургѣ дѣти танцуютъ восхитительно—судите сами объ Манѣ!

Присутствующіе были полны удивленія и уваженія, кромѣ Палозовыхъ, которыя злобно улыбались, и хозяекъ, которыя оставались равнодушны.

За обѣдомъ ѣли, пили, острили, но все это очень утомило меня, и когда, на другой день, пріѣхавшая гостья спросила моего мнѣнія о многихъ у насъ бывшихъ, я не безъ намѣренія и хотя мягко, но высказала его вполнѣ. Мнѣ хотѣлось, во что̀ бы ни стало, вызвать сужденіе семейства Шестовыхъ; но при первыхъ словахъ моихъ, Лидія дернула меня за платье. Ты знаешь, ка̀къ я упряма; я не только продолжала разговоръ, но еще рѣзче отозвалась о Татьянѣ Петровнѣ, прибавляя, что ея разсказы о Петербургѣ просто ложь. Гостьи очень-жарко вступились за нея и прибавили, что сама Аполлинарія Ѳедоровна очень любитъ ее и ѣздитъ къ ней всякую недѣлю.

Digitized by Google

— Ну, чтожь изъ этого? спросила я.

— Помилуйте! сказала гостья: — ужь всѣмъ извѣстно, что̀ такое Аполлинарія Өедоровна: это всѣми уважаемая дама. Кто ея не знаетъ? Всякій встрѣчный скажетъ вамъ о ней.

— Я послѣдую вашему совѣту и постараюсь съ ней встрѣтиться. Это имя сдѣлалось для меня чѣмъ-то мистическимъ и заключаетъ въ себѣ какую-то невѣдомую силу.

Елена Михайловна и обѣ ея дочери посмотрѣли на меня съ безпокойствомъ и вслѣдъ затѣмъ всѣ онѣ вставили два-три слова похвалы знаменитой въ лѣтописяхъ А** Аполлинаріи Өедоровнѣ.

Лишь-только гостья уѣхала, какъ Елена Михайловна позвала меня въ кабинетъ свой; она ласково, но твердо и настойчиво взяла съ меня слово никогда не говорить ни о комъ своего мнѣнія.

— Развѣ вы не видите, заключила она: — что эта дама именно желала вывѣдать ваше мнѣніе? быть-можетъ, она затѣмъ только и пріѣхала, и теперь по всему городу развезетъ о васъ нелѣпые слухи.

— Это мнѣ все-равно.

— О, молодость, молодость! возразила хозяйка, качая головой: — что̀ пріятнаго жить съ людьми и знать, что они не терпятъ насъ? А потомъ, скажу я, между нами: клевета не пощадитъ васъ.

Я молчала.

— Я вижу, вы согласны со мною?

— Могу ли я, однако, отказаться отъ своихъ мнѣній?

— Все крайности. Зачѣмъ отказаться, но отказываться говорить ихъ при чужихъ — благоразуміе.

— Но кто же здѣсь мои? спросила я съ одушевленіемъ. Здѣсь мнѣ все чужіе. Вы, конечно, добры ко мнѣ, но...

— Что такое? спросила она живо.

Я смѣшалась, мнѣ не хотѣлось сказать всю мысль мою.

— Я понимаю; сказала добрѣйшая Шестова: — я понимаю: дочери мои, правда, ужь слишкомъ сосредоточены; сойдтись съ ними нелегко; но когда онѣ полюбятъ, онѣ полюбятъ очень-нѣжно, полюбятъ вполнѣ. Не забудьте, что, вышедши изъ пансіона, онѣ, бѣдняжки, не разъ обжигались здѣсь: это измѣнило ихъ характеръ. Не вините ихъ.

— Я не виню, но я молода, Елена Михайловна, и жила въ семьѣ; мнѣ тяжело видѣть себя здѣсь лишнею, тяжело жить одной. Это тѣмъ страннѣе, скажу больше—тѣмъ обиднѣе, что я

Digitized by Google

знаю, что ваши дочери не горды и не считаютъ гувернантки тѣмъ-то въ родѣ горничной.

— Не грѣшно ли вамъ? не грѣшно ли? воскликнула Елена Михайловна. Все уладится, и мы скоро поѣдемъ въ деревню; тамъ вы ближе узнаете дочерей моихъ, сойдетесь; а теперь обѣщайте мнѣ, что если не для себя, то для меня вы не будете говорить дурно ни о комъ изъ здѣшнихъ. Если васъ нужно убѣдить, я прибавлю, что этимъ вы сдѣлаете вредъ всему моему семейству. Мы молчимъ, это правда; но ваши мнѣнія припишутъ намъ и будутъ преслѣдовать дочерей моихъ; ужь ихъ и такъ многіе не жалуютъ.

— Но за что̀ же? спросила я невольно.

— За многое. Поживете — сами увидите. Матери говорить о дѣтяхъ не приходится; но онѣ добрыя, хорошія дѣти. Такъ обѣщаете?

— Все, что̀ вамъ угодно.

Она пожала мнѣ руку, и тѣмъ кончился разговоръ нашъ.

Черезъ нѣсколько дней я замѣтила большую перемѣну въ обращеніи Дуни и Лидіи; и однажды вечеромъ, когда я, по обыкновенію, отправилась въ свою комнату, Дуня пошла за мной и спросила у меня: не хочу ли я выпить чашку чая съ ними, у нихъ. Я согласилась, и въ первый разъ вошла въ ихъ спальню.

— Милости просимъ, сказала Лидія, сидя за маленькимъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ и чашки.—Это нашъ обычай: простясь съ маменькой, мы пьемъ чай еще разъ у себя. Это вечернее время посвящено самымъ задушевнымъ разговорамъ. Дуня, спроси третью чашку. Не правда ли, вы всякій день будете третьею?

— Если вы спрашиваете это отъ души, приглашаете такъ же, то я отвѣчу, что давно желала сблизиться съ вами.

— Въ добрый часъ, сказала Дуня радушно.

Мы сѣли около стола. Я осмотрѣлась: это была небольшая комнатка въ два окна, выходящія въ садъ; вдоль стѣны стояли двѣ кровати, подъ большими пологами, съ кіотомъ въ головахъ одной изъ нихъ; лампада горѣла передъ образами. Къ другой стѣнѣ былъ приставленъ большой письменный столъ, раздѣленный на двѣ половины, съ двумя чернильницами и двумя стульями, къ нему придвинутыми. Между окнами былъ еще столъ, около котораго мы теперь сидѣли, и небольшой диванчикъ, на рулеткахъ, казалось, былъ назначенъ длятого, чтобъ по волѣ двигать его всюду.

Digitized by Google

Сестры сидѣли теперь на немъ рядомъ; въ этомъ уголку все говорило о занятіяхъ мирной жизни, тѣсной дружбѣ и вѣяло отъ него задушевностью. На стѣнахъ висѣли портреты великихъ поэтовъ и музыкантовъ, и этажерка была завалена книгами. Я улыбнулась, вспомнивъ о майоршѣ.

— Чему вы смѣетесь? спросила Лидія.

Я разсказала имъ, смѣясь, кое-что изъ рѣчей майорши и думала вызвать смѣхъ на лицахъ слушательницъ, но онѣ были серьёзны, и грустно было выраженіе лицъ ихъ.

— Не разсказывайте намъ никогда, что̀ говорятъ о насъ, сказала Лидія : — на насъ это наводитъ грусть.

— Ка̀къ? слова какой-нибудь сплетницы могутъ тревожить васъ? спросила я.

— Конечно! Еслибъ вы знали, ка̀къ мы готовы были всѣхъ любить, все высказывать; еслибъ вы знали, ка̀къ мы обожглись съ перваго нашего шага въ обществѣ, вы поняли бы наше отчужденіе отъ всѣхъ. Мы рѣшились жить однѣ, вдвоемъ, сказала Дуня.

Я посмотрѣла на нее: она говорила серьёзно, а мнѣ — не досадуй на меня — стало смѣшно при мысли, что она, сама того не зная, пародируетъ извѣстный стихъ: *Я въ пустыню удаляюсь* этой извѣстной старинной пѣсни.

— Я вижу, вы не соглашаетесь со мной, продолжала она.

— Нѣтъ, не могу согласиться. Вездѣ есть хорошіе и худые люди; первыхъ бы я старалась отъискать, а отъ послѣднихъ бѣжала бы. Уже-ли вы въ цѣломъ городѣ не нашли добраго, милаго семейства, какъ, напримѣръ, ваше?

Сестры помолчали, взглянули другъ на друга, и наконецъ Дуня сказала:

— Нѣтъ, есть; но мы разошлись.

— Отчего же?

— Видите ли, въ семействѣ Вольскихъ, которое издавна было дружно съ нашимъ, было много сестеръ; одна изъ нихъ жестоко, низко поступила съ нами. Она, однажды, узнала тайну, или, лучше, вырвала у одной изъ насъ признаніе; мы были такъ молоды... братъ ея намъ нравился, а она, вообразите себѣ, разнесла по всему городу.. Мы не могли простить этого и разошлись.

— Со всѣми?

— Со всѣми.

Digitized by Google

— Но чѣмъ же другія сестры были виноваты?

— Конечно, не были... но такъ... ужь было неловко: все же сестры. Потомъ онѣ вышли за̀мужъ, но мы никогда не могли опять сойдтись и остались чужими.

— Насъ преслѣдуетъ какое-то несчастье, сказала Лидія. — Вообразите себѣ, что съ другимъ семействомъ мы разошлись совершенно-невольно... Вы съ нынѣшняго дня намъ нечужая; мы все вамъ скажемъ. Братъ Владиміръ влюбился въ одну изъ сестеръ, но она не любила его и отказала ему — видите ли, это ужь несчастье!

— Я не понимаю... сказала я.

— Весь городъ узналъ объ отказѣ. Кажется, мать хвасталась, что Владиміръ сватался... Мы, пожалуй, простили бы ей, но Владиміръ и слышать не хотѣлъ. Къ-тому же сама Павлина считаетъ неприличнымъ принимать насъ послѣ отказа. Мы раззнакомились.

— Но замужнія сестры этой Павлины... вы были дружны съ ними?

— Какже! но замужнія сестры говорятъ, что остаться съ нами въ прежнихъ отношеніяхъ, значитъ, явно показать, что онѣ не оправдываютъ поступка сестры и матери — обвиняютъ ихъ.

— Извините меня, я вовсе не вижу этого.

— Однако, такъ рѣшилъ бы весь городъ.

— Но что̀ вамъ за нужда?

— Какъ можно! какъ можно! сказали онѣ обѣ. Всякое слово здѣсь передается — право такъ. Вотъ хоть-бы вашъ намеднишній разговоръ; сама маменька боится слѣдствій, что если выйдетъ непріятность съ Аполлинаріей Ѳедоровной...

— Развѣ ваша маменька дорожитъ этой женщиной?

— Какъ не дорожить! Маменькѣ будетъ обидно, если Аполлинарія Ѳедоровна не позоветъ насъ на балъ, или на вечеръ. Хотя мы ни танцевъ, ни выѣздовъ не любимъ, однако нельзя же снести обиду въ глазахъ всего общества. Вамъ кажется странно, но знаете пословицу: съ волками жить...

— Но вѣдь вы сами говорите, что рѣшились жить однѣ.

— О, это наша другая жизнь! сказала Лидія:—наша очаровательная, наша неоцѣненная жизнь!

Ты знаешь, я не охотница до восторженности и пансіонерства; мое и твое воспитаніе были ужь, можетъ-быть, слишкомъ-положительны, и я, быть-можетъ, осмѣяла бы въ тебѣ такого рода

Digitized by Google

возгласъ; но мнѣ жаль стало этой дѣвушки. Было что-то наивное и граціозное въ ея восклицаніи; дѣтствомъ вѣяло отъ него, и кто знаетъ, на сколько истины заключалось въ немъ! Къ-тому же осмѣять ее, хотя и полуулыбкой, значило, убить въ зародышѣ раждавшуюся ихъ ко мнѣ довѣренность. Я провела съ ними весь вечеръ и убѣдилась, что хотя мы ровесницы, но я старше ихъ вдвое. Это такое дѣтство, смѣшанное съ преждевременной и преувеличенной осторожностью въ сношеніяхъ, это такая боязнь другихъ, боязнь неразумная и обыкновенно исчезающая при первомъ соприкосновеніи съ нѣсколько-симпатичной имъ натурой... Суди сама: два мѣсяца онѣ бѣгали отъ меня, какъ отъ заразы, и съ двухъ словъ, сказанныхъ мной матери, гдѣ невольно высказалась и моя молодость и жажда какой-нибудь привязанности, онѣ приняли меня съ распростертыми объятьями и открытымъ сердцемъ. Еслибъ я захотѣла, въ этотъ же первый вечеръ узнала бы многое; онѣ ужь говорили мнѣ, что считали меня свѣтской женщиной, но теперь видятъ, что ошиблись, что я прекрасное созданіе, и лицо мое особенно имъ очень нравится. Ка̀къ бы то ни было, я угадываю ихъ сердце и душу; и если умъ ихъ искаженъ, если взглядъ ихъ зараженъ неясными понятіями о жизни и людяхъ; если ихъ экзальтація, слѣдствіе одиночества и чрезмѣрной чувствительности, часто непріятно поражаетъ человѣка свѣжаго и здороваго—все же въ натурѣ ихъ много чистаго и благороднаго, что̀ невольно заставляетъ полюбить ихъ. Теперь онѣ занимаютъ меня, какъ лица новыя, до-сихъ-поръ мною невиданныя, но я ужь чувствую: ихъ можно любить, вѣчно на нихъ досадуя. Въ нихъ столько противорѣчій, и какъ все это мирится — Богъ вѣсть!

ПИСЬМО V.

Мы переѣхали въ деревню на все лѣто, и еслибъ ты видѣла, ка̀къ хороша деревня эта, какой это миленькій уголокъ! Сначала, однако, я немного удивилась: гдѣ террасы, бассейны, длинныя галереи и обширный садъ и паркъ? Все это въ умѣ моемъ слилось съ понятіемъ о деревнѣ, быть-можетъ, потому, что мы всегда проводили лѣто въ Покровскомъ твоей матери, гдѣ протекло наше счастливое дѣтство и юность. Маленькій сельскій домикъ Шестовыхъ не походитъ на Покровское, но зато ка̀къ онъ милъ въ простотѣ своей! Одной стороной онъ примыкаетъ къ рощѣ, которая растетъ по скату и подступаетъ къ самому берегу рѣки, такой не-

Digitized by Google

широкой, что мнѣ хочется назвать ее ручьемъ; крутой берегъ усѣянъ большими, свѣтящимися на солнцѣ голышами и большими камнями. Камни эти, въ живописномъ безпорядкѣ, рябые, обросшіе мхомъ и болотными травами, вѣроятно, остатки какой-нибудь постройки, громоздятся вокругъ высокихъ, плакучихъ березъ, стоящихъ надъ ручьемъ, склонивъ къ нему длинныя свои вѣтви. На другой сторонѣ ручья разбросана небольшая деревенька, и всякій вечеръ несется оттуда блѣянье овецъ, топотъ стадъ и табуна, крикъ дѣтей и женщинъ, загоняющихъ коровъ своихъ. Это возвращеніе стада, при лучахъ заходящаго солнца, сквозь легкую пыль полуугасающей окрестностии, имѣетъ для меня особую прелесть; эта картинка, простая, сельская, полная движенія и скромной жизни поселянъ, привлекаетъ мой взоръ и навѣваетъ сладкія думы. Я особенно люблю смотрѣть на нее съ высокаго балкона нашего мезонина. Я поняла, что деревня—настоящая деревня, а не дача на-манеръ итальянской виллы, удаленно построенная отъ села отъ всего живаго и живущаго—удовлетворяетъ меня вполнѣ. Простая, скромная красота сельской жизни имѣетъ свою неоспоримую поэзію, и въ этомъ какъ-нельзя-больше согласна со мной Дуня, которая приняла къ сердцу все, что я говорила ей по этому поводу, и, въ припадкѣ какой-то нѣжности, въ первый разъ поцаловала меня, воскликнувъ съ дѣтскою радостью:

— О, я вижу, что вы будто сестра намъ! Мы будемъ дружны!

Между-тѣмъ жизнь наша течетъ однообразно. Дуня много гуляетъ; но я имѣю поводъ думать, что ея прогулки дѣлаются не безъ цѣли. Недавно я видѣла, какъ она заходила въ кладовую и кухню и взяла тамъ что-то, уложила въ большую плетеную корзину и отправилась черезъ мельницу по вьющейся, какъ змѣя, нагорной дорожкѣ. Однажды, видя, что она опять уходитъ, я остановила ее.

— Куда вы сбираетесь и что у васъ въ корзинѣ? спросила я у ней нескромно.

Дуня смутилась.

— Я обѣщалась зайдти нынче къ одной старой знакомой.

— А что ваша знакомая развѣ пьяница? замѣтила я смѣясь, указывая на двѣ бутылки, которыхъ горлышка торчали изъ корзины. Но Дуня—я ужь не разъ имѣла случай замѣтить это—не любитъ шутокъ: она слегка улыбнулась, хоть и неохотно, и, сказавъ кротко: «это бульйонъ», поспѣшила уйдти, избѣгая другихъ вопросовъ. Неправда ли, Саша, что Дуня странная дѣвушка? Навѣстить больную

Digitized by Google

въ деревнѣ, мнѣ кажется дѣломъ такимъ простымъ и обыкновеннымъ, что я не понимаю, почему она скрываетъ его. Дѣлать изъ этого тайну также смѣшно, какъ и разглашать свои мнимыя благодѣянія. Я просто разсердилась на Дуню, разсердилась, быть-можетъ, и потому, что мнѣ хотѣлось идти съ нею и раздѣлить ея заботы о больныхъ; я знаю, что ихъ очень-много въ околоткѣ. Но все это возможно и само-по-себѣ уладилось бы съ другой, но не съ Дуней: ея скрытность превышаетъ всякое вѣроятіе. Она выходитъ каждый день, но даже не беретъ съ собой и Лидіи, которая покоряется сестрѣ съ беззаботностью дитяти. Нѣсколько дней назадъ, Дуня исчезла съ утра и возвратилась домой вечеромъ.

— Ну, что? спросила у ней мать, увидя ее.

— Умираетъ, отвѣчала Дуня чуть-слышно.

— Послать бы за докторомъ.

— Ее давно лечитъ одинъ изъ нашихъ сосѣдей, отвѣтила Дуня.

— Какой сосѣдъ?

— Персильевъ, мамà, тотъ самый, чтò недавно купилъ Грачовку.

— Ты видѣла его? воскликнула Лидія:—ну чтò? каковъ онъ? молодъ? старъ? дуренъ? хорошъ?

Дуня посмотрѣла на сестру очень-серьёзно; Лидія покраснѣла и замолчала.

— Я встрѣчала его очень-часто, сказала Дуня, смягчаясь при видѣ замѣшательства сестры, но не обратила на него особеннаго вниманія: мнѣ было не до него. Онъ молодъ и очень заботится о больной.

— Это мнѣ не пò-сердцу, замѣтила Елена Михайловна:—Богъ-вѣсть, чтò о тебѣ подумаютъ! Эти встрѣчи съ молодымъ мужчиной...

— Маменька, сказала Дуня съ несвойственнымъ ей жаромъ: — чтò мнѣ за дѣло до толковъ, когда совѣсть моя чиста, когда я знаю, что долгъ мой, мой женскій и христіанскій долгъ обязываетъ меня ходить за больной? Если я должна оправдываться, то скажу вамъ, что я едва его видѣла и едва сказала съ нимъ два слова о больной нашей.

— Ну, хорошо, хорошо Дуня! дѣлай какъ знаешь, сказала ей мать, съ умиленіемъ глядя на нее. Ты добрая, милое дитя мое, и всѣ должны уважать тебя, но не всѣ поймутъ твои достоинства. Найдутся злые люди.

Не воображай, что этотъ разговоръ происходилъ при мнѣ: Дуня

Digitized by Google

и мать ея не сказали бы при мнѣ ни слова; но я сидѣла на балконѣ и сквозь растворенное окно все видѣла и слышала. Съ-тѣхъ-поръ Дуня не выходитъ одна: она беретъ съ собой свою старую няню, или горничную. Вчера она возвратилась въ слезахъ и заперлась въ своей комнатѣ, куда входила одна Лидія. Сама мать оставила ихъ однѣхъ и только повторила нѣсколько разъ впродолженіе дня:

— Такія онѣ у меня добрыя!

Правда, онѣ очень-добры, но къ этой добротѣ ихъ примѣшивается какое-то преувеличенное чувство. Какое оно — я еще несовсѣмъ отдаю себѣ отчетъ, да и зачѣмъ все анализировать? Дуня добра и достойна уваженія—чего жь больше? Но простоты, простоты хотѣла бы я, и чувствую, что тогда полюбила бы Дуню нѣжнѣе, уважала бы глубже. Помимо воли моей, я недовольна своими отношеніями къ ней: мы далёки. Въ обѣихъ насъ есть что-то, чтò раздѣляетъ насъ, и порою даже отталкиваетъ другъ отъ друга, несмотря на наше обоюдное желаніе сблизиться. Часто посреди самаго интереснаго разговора мнѣ случается сказать что-нибудь, чтò крѣпко не нравится Дунѣ, или она сама выскажетъ такое мнѣніе, которое кажется мнѣ или смѣшнымъ, или досаднымъ. О Лидіи я умолчу. Она выросла подъ вліяніемъ сестры и живетъ, мыслитъ, какъ Дуня. Прощай, однако. Меня давно зовутъ къ Липинькѣ: пора давать урокъ. До свиданія.

ПИСЬМО VI.

Цѣлый мѣсяцъ я не писала къ тебѣ; и сколько измѣненій произошло у насъ впродолженіе этого времени! Въ нашемъ маленькомъ мірѣ появились новыя лица, которыя замѣтно оживили семейный кружокъ нашъ. Сосѣдъ Шестовыхъ, Тимоѳей Ивановичъ Персильевъ и сестра его, Полина, познакомились съ нашимъ домомъ и всякій день бываютъ у насъ. Полина, умная и бойкая дѣвушка, *немножко-слишкомъ* независимая, рѣзкая въ сужденіяхъ, но образованная. Братъ ея еще замѣчательнѣе. Представь себѣ высокаго мужчину, лѣтъ 35-ти, съ высокимъ, открытымъ лбомъ, длинными волосами, закинутыми назадъ, чтò придаетъ его выразительной физіономіи нѣчто величавое. Большіе, свѣтлые, съ упорнымъ взглядомъ глаза говорятъ о волѣ и энергіи; его простые, благородные пріемы, стройная и умная рѣчь и богатое образова-

Digitized by Google

ніе заставили бы его занять непослѣднее мѣсто во всякомъ обществѣ. Онъ почти всегда живетъ въ деревнѣ съ старикомъ-отцомъ, который не любитъ города. Появленіе Персильевыхъ у насъ произвело много перемѣнъ: Дуня и Лидія сдѣлались веселѣе, да и сама я могу сказать то же самое. Долгіе разговоры на узенькомъ балконѣ, длинныя прогулки въ полѣ и рощѣ, частыя чтенія поутру, подъ развѣсистымъ дубомъ нашего палисадника—вся эта очаровательная жизнь людей, ставшихъ близкими, при одинаковомъ образованіи, полна прелести. Къ-тому же, всѣ мы еще молоды, и молодость наша сказывается вездѣ. Она вспыхнула и въ Дунѣ и новымъ свѣтомъ озарила лицо ея, до-тѣхъ-поръ серьёзное, строгое: Дуня шутитъ, Дуня смѣется, Дуня совсѣмъ другая. Я подозрѣваю, что Персильевъ ей сильно нравится. Да и какъ бы могло быть иначе? Еслибъ ты его видѣла, Саша, какъ онъ милъ, какъ любезенъ, какъ увлекательны его разсказы, какъ глубокъ умъ его! Полина рѣзва, жива и беззаботна; она едва-ли не съ перваго дня обращалась съ нами, какъ съ лицами давно-знакомыми. Третьягодня мы ходили гулять версты за двѣ отъ дома. Никогда не видала я Дуни оживленнѣе и красивѣе. Прозрачный, тонкій румянецъ игралъ на щекахъ ея; она бѣгала, шутила съ Липинькой, Пашей и со мной. Персильевъ — я это замѣтила — слѣдилъ за ней глазами и наконецъ подошелъ къ ней и предложилъ ей руку, а Лидіи другую; они опередили насъ. Я осталась съ Липинькой и Пашей.

— Вамъ всегда было здѣсь весело? спросила у меня Паша: — я хочу сказать, прежде нашего знакомства?

— Мы жили тише, спокойнѣе. Шестовы очень-добры.

— Да, братъ много говорилъ мнѣ о Дунѣ, прежде чѣмъ я познакомилась съ ней. Сначала она была какъ-то дика, но скоро сдѣлалась *ручною*, какъ пойманный звѣрокъ. Согласитесь сами, что трудно со мной церемониться.

— Это правда, сказала я.

Паша засмѣялась.

— Терпѣть не могу церемоній! Все пустяки. Люблю жить на волѣ; что на душѣ, то и на языкѣ. Вѣдь этакъ лучше. А Шестовы милое, но странное семейство.

— Тише! сказала я, показывая ей на Липиньку, вертѣвшуюся около насъ.

— И, полноте! что за вздоръ! Да я имъ это и въ глаза скажу. А гдѣ братъ и племянникъ Шестовой?

Digitized by Google

— Оба Ясновскіе служатъ и остались въ городѣ.

— А что онъ милъ, молодой Ясновскій?

— Да, онъ хорошъ собою.

— Что такъ холодно? воскликнула Паша, смѣясь: — ужь не влюблены ли вы въ него? Что вы такъ глядите на меня? Дивитесь моей нецеремонности? Привыкайте. Вы тоже въ своемъ родѣ недотрога! Но со мной вамъ нельзя, никому нельзя быть жеманной... Что это? Куда бѣгутъ они? Можно ли ходить такъ шибко! Тима! Тима! кричала Паша брату: — зачѣмъ вы насъ бросили? Пойдемте вмѣстѣ: веселѣе!

Передовые остановились. Я взглянула: Дуня стояла въ граціозной позѣ, опершись на руку Персильева и сложивъ на ней свои маленькія ручки. Она склонила на бокъ голову, и во всей ея фигурѣ, воздушной и стройной, было столько стыдливой нѣжности и спокойствія, что я невольно залюбовалась ею. Не спуская съ нея глазъ, Персильевъ болталъ съ Лидіей, которая смѣялась дѣтскимъ смѣхомъ и звонко; этотъ дѣтскій смѣхъ ея разносился въ вечернемъ воздухѣ.

— Что тебѣ? спросилъ Персильевъ у подошедшей сестры.

— А то, что мнѣ завиденъ смѣхъ Лидіи, завидна томность Дуни, завиденъ огонь глазъ твоихъ: они блестятъ больше обыкновеннаго — нельзя ли все это раздѣлить съ нами? сказала Паша, шутя, и шутка эта въ мигъ измѣнила всю картину. Встревоженная Дуня, какъ спугнутая птичка, оставила руку Персильева и принялась разсѣянно срывать листья съ близьстоявшаго дуба. Персильевъ на минуту, на одну минуту казался раздосадованъ и пошелъ впередъ, продолжая говорить съ Лидіей, которая одна ничего не замѣтила. Она продолжала смѣяться, и лицо ея дышало жизнью и весельемъ дитяти. Мало-по-малу оправилась и Дуня и стала отвѣчать на рѣзкія выходки Паши, съ которою шла вмѣстѣ, обнявъ ее за талью. Скоро Персильевъ присоединился къ намъ, продолжая дразнить Лидію и называя ее взрослой дитятей-пансіонеркой; она оправдывалась, напоминая ему, что она и Дуня — близнецы.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ: — вы не увѣрите меня, что вамъ 25 лѣтъ. Это невозможно! Взгляните на сестру свою — это женщина, и она старше васъ! Мало того, ея серьёзное лицо, важныя движенія, стройность небрежной походки — все напоминаетъ богиню... ну, отгадайте, какую?

— Венеру, закричала Паша: — это богиня любви!

— Отстань, пожалуйста! сказалъ ей братъ не безъ досады: — я говорю съ Лидіей Матвѣвной: пусть она отгадываетъ.

— Гебу… она разливаетъ чай, а это нашъ нектаръ, сказала Лидія.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ познаніямъ въ миѳологіи, возразилъ ей Персильевъ, низко и насмѣшливо кланяясь: — видно, что вы недавно покинули скамью пансіона.

— Неправда! Я ужь говорила вамъ, что скоро семь лѣтъ, какъ я вышла изъ пансіона.

— На это нѣтъ доказательствъ, сказалъ Персильевъ: — я этого не принимаю. Ну, отгадывайте!

— Минерву! сказала вдругъ Липинька: Минерва — богиня мудрости, а Дуня наша — умница.

— Браво! именно Минерву! сказалъ Персильевъ, цалуя бѣлокурую головку моей маленькой воспитанницы.

— Нѣтъ, сказала Паша, находившая, вѣроятно, удовольствіе въ смущеніи Дуни и досадѣ брата: — она не можетъ быть Минервой — есть препятствіе: она, вѣроятно, или любила, или любитъ, или будетъ любить.

Дуня вспыхнула, но преодолѣла себя и отвѣчала, смѣясь, что не любила еще, но за будущее не поручится.

— Браво, ручной звѣрокъ! сказала Паша: — въ васъ есть прогресъ: вы стали понимать шутки!

Въ это время мы подошли къ большому обрыву надъ рѣкой; онъ былъ изъ сыпучаго песка, но довольно-высокъ и крутъ; съ обѣихъ сторонъ его росъ кустарникъ, и крутая тропинка, извиваясь между кустовъ, вела внизъ къ берегу рѣки. Мы сѣли на самомъ краю обрыва; многіе изъ насъ спустили ноги и поглядывали внизъ съ любопытствомъ. Я нахожу особенное удовольствіе сидѣть на краю пропасти, или стоять на высокой башнѣ, даже на высокой лѣстницѣ. Помнишь ли, сколько разъ въ дѣтствѣ бранили меня за эту страсть лазить, садиться на высотѣ и глядѣть внизъ? Большое пространство въ воздухѣ всегда меня притягивало: кажется, такъ бы и бросилась туда. Я сидѣла на самомъ краю обрыва, и хотя онъ не былъ похожъ на пропасть, но былъ красивъ, и я залюбовалась бѣгущею внизу рѣкою. Стальной цвѣтъ ея, кой-гдѣ блестѣвшій на солнцѣ, ея извилины, выдававшіяся на изумрудномъ лугу, шумъ мельницы вдали, плотина, по которой медленно ѣхала телега и ярко алѣлъ красный платокъ шедшей крестьянки, густыя ивы, нагибавшіяся надъ черной полосой

Digitized by Google

плотины и спускавшія въ воду свои зеленыя вѣтви — привлекли мое вниманіе. Я задумалась и смутно слышала вокругъ себя говоръ, смѣхъ и возгласы. Вдругъ мимо меня мелькнуло платье, пролетѣлъ кто-то и бросился внизъ. Я вскрикнула и вскочила, крѣпко хватая Липиньку за руку.

— Анюта! что̀ вы? Это не я, это Полина. Глядите: она ужь сбѣжала. Вотъ сумасшедшая! Сдѣлай я это, меня бы наказали.

Но я не слушала Липиньки: я глядѣла на Дуню. Она почти лежала на рукѣ Персильева, который обхватилъ ее за талью. Дуня была блѣднѣе полотна и спросила слабо: «гдѣ Лидія?»

Съ какою нѣжностью, съ какою любовью смотрѣлъ на нее человѣкъ этотъ, и шепталъ онъ ей едва-внятныя, едва-слышныя слова; но я ихъ слышала, слышала всѣ, до одного:

«Дуня, Дуня! это не Лидія, успокойтесь», говорилъ онъ: «вы блѣдны, вы дрожите. Ну, что̀? прошло?» продолжалъ онъ, увидя улыбку на губахъ Дуни, которая опомнилась и, освободившись отъ руки его, обвившей ея талью, медленно подошла къ обрыву и нагнулась на краю его. Персильевъ держалъ ее крѣпко за руку.

— Паша — кошка, говорилъ онъ: — она смѣла и рѣшительна; глупая привычка — тревожить другихъ! Однако, осторожнѣе, не упадите.

— Но гдѣ же Лидія? спросила Дуня опять.

— Развѣ вы не видали, что она сбѣжала по тропинкѣ, увидя, что сестра моя бросилась внизъ?

— Лидія, вѣрно, испугалась такъ же, какъ и я, сказала Дуня.

— Кто можетъ такъ пугаться, какъ вы? Вы сенситивъ, травка *не-тронь-меня*, сказалъ Персильевъ, смѣясь и шутя, и прибавилъ такъ тихо, что я едва могла разслушать слова его: — по какому-то странному предчувствію, я всегда любилъ это растеніе; оно такъ прекрасно, оно такъ болѣзненно-чувствительно, что робко сжимается при неосторожномъ прикосновеніи — не правда ли?

— Ну, что̀? сказалъ онъ громко, видя, что Паша возвращается невредимой: — совершила геройскій подвигъ? Можно ли такъ дурачиться!

— Я, кажется, всѣхъ напугала, сказала запыхавшаяся Паша, выходя изъ кустовъ. — Кто жь могъ вообразить, что дамы такія трусихи, слабо-нервныя женщины? А ты испугался, Тима?

— За тебя — нѣтъ. Я давно знако̀мъ съ твоими геройскими привычками. Но скажи мнѣ, съ чего вошла тебѣ въ голову такая нелѣпость — броситься внизъ съ такой крутизны?

Digitized by Google

— Спроси у Лидіи.

— Боже мой! сказала Лидія: — я не могла вообразить себѣ такой дерзости; я говорила, что внизъ сойдти нельзя, а Паша отвѣчала, что если нельзя сойдти, то можно сбѣжать, и, въ отвѣтъ на мои сомнѣнья, бросилась съ утеса.

— Хорошъ утесъ! одинъ сыпучій песокъ, возразила Паша: — убиться невозможно.

— Можно вывихнуть руку, замѣтила Дуня.

Она была еще такъ взволнована, что Нерсильевъ побранилъ сестру еще разъ и сказалъ въ заключеніе:

— Неисправима!

Потомъ онъ занялся Дуней. Онъ сѣлъ опять подлѣ нея и говорилъ съ ней вполголоса; она слушала его улыбаясь и поминутно взглядывала на него своими большими, глубокими глазами. Сколько было нѣжности, упоенія въ этихъ глазахъ! Этотъ взоръ былъ краснорѣчивѣе словъ и выражалъ, быть-можетъ, больше, чѣмъ она сама хотѣла. Я не могла этого вынести и встала. Тяжело видѣть вблизи любовь, которую впродолженіе всей жизни мы, быть-можетъ, и не почувствуемъ и не внушимъ никому. Еще сильнѣе, еще горьче въ эту минуту я почувствовала свое одиночество и ушла бродить по полю, срывая машинально цвѣты и длиннолиственную траву.

Поздно возвратились мы домой; всѣ были веселы, кромѣ меня. Лицо Нерсильева сіяло счастьемъ, а выраженіе кроткаго упоенія и нѣжной томности было разлито по всему существу Дуни. Входя на ступени балкона, я услышала ея звонкій поцалуй на щекѣ Лидіи, съ которой она шла обнявшись... Счастливая Дуня!

ДНЕВНИКЪ ДУНИ.

Утромъ.

Дни мои не бѣгутъ, не мчатся: они летятъ на крыльяхъ невидимой феи — и какіе дни! Дни безмятежнаго счастія, упоенія, надежды!.. Что̀ говорю я: надежды? Смѣла ли я мечтать когда-нибудь о такомъ счастіи? Когда-то я думала, что любила — какъ я ошибалась! Вольскій мнѣ только нравился; и какъ быстро исчезло во мнѣ это чувство, лишь-только сестра его задѣла мое самолюбіе! Нѣтъ. . Это была не любовь. Тогда, помню отказалась я отъ нея навсегда, ничего не ждала отъ жизни — и вотъ какъ неожиданно, какъ внезапно, какъ своевольно пришла она, овладѣла мною и погрузила меня въ безконечное море блаженства! Я не ошибаюсь; онъ любитъ меня — я это вижу, я чувствую; онъ любитъ

Digitized by Google

меня съ перваго дня нашей встрѣчи—по-крайней-мѣрѣ, такъ поняла я вчера его нежный намёкъ на наше первое свиданіе. Но все это прошлое... зачѣмъ вспоминать его, когда настоящее такъ упоительно? Вчерашняя прогулка вѣчно останется въ моей памяти. Онъ никогда не говоритъ мнѣ о любви своей, но я знаю, что онъ любитъ меня. Вчера онъ такъ испугался моего испуга, что еще теперь я чувствую его сильную руку на моей таліи; онъ почти прижалъ меня къ себѣ, будто хотѣлъ спасти, будто хотѣлъ защитить меня даже отъ меня самой. Онъ что-то подобное сказалъ мнѣ послѣ; а когда я призналась, что, можетъ-быть, съ самаго рожденія не была я такъ весела, что жить хорошо и радостно—какъ внезапно, нѣжно взглянулъ онъ на меня и языкъ его шепталъ слова, полныя прелести! Какъ блистали глаза его, какъ былъ онъ прекрасенъ въ эту минуту! И ныньче, и завтра, и послѣ-завтра я увижу его, и потомъ... потомъ, онъ не говорилъ еще мнѣ, но я знаю, онъ будетъ мужемъ моимъ, и какъ я буду счастлива! Сперва я боялась, что онъ не сойдется съ Лидіей, что Лидія дичится его и находитъ его слишкомъ-серьёзнымъ; но теперь и это уладилось. Я говорила безпрестанно Лидіи о немъ, а ему о Лидіи, и настоятельно требовала и просила ихъ сближенія. Теперь я спокойна. Вчера онъ сказалъ мнѣ, что Лидія милое и любезное дитя; онъ даже находитъ, что черты Лидіи правильнѣе моихъ; а Лидія призналась, что она очень-рада, узнавъ ближе Тима.... Я не могу довольно сознать и понять, какъ могло мнѣ выпасть на долю такое счастіе и чѣмъ я заслужила его! Ныньче онъ просилъ меня прійдти въ рощу, на скатъ горы; я возьму Лидію съ собою: она не мѣшаетъ мнѣ, да къ-тому же она просила меня, если я пойду гулять, идти вмѣстѣ съ ней.

Вечеромъ.

Мнѣ грустно, что онъ былъ недоволенъ: ему было досадно, что я пришла не одна; скоро, однако, онъ уступилъ моимъ доводамъ и согласился, что я не могу оскорбить нѣжно-любимую сестру скрытностью и недовѣріемъ. Мы возвратились домой къ вечернему чаю; никогда не видала я его милѣе, веселѣе; никогда не видала я Лидіи забавнѣе и живѣе. Возвратясь, Лидія шепнула мнѣ: «ты права— онъ очень милъ!» Я была такъ счастлива, что расцаловала мою маленькую, миленькую сестру. Однако, дома меня ждала непріятность, и даже — кто бы угадалъ это? — ссора.

Мы разговорились о почеркахъ. Наша увѣряла, что она умѣетъ

Digitized by Google

угадывать характеры по почерку, и научилась этому искусству у одного путешествовавшаго француза. Я смѣялась.

— Не смѣйтесь, сказалъ мнѣ Тима: — если вы допускаете, что можно угадывать характеръ по чертамъ лица и устройству черепа, почему же не по почерку?

Я стала спорить, но Лидія, которая, по живости характера, не любитъ длинныхъ споровъ, ни утомительныхъ разговоровъ, пресѣкла разомъ наши разсужденія.

— Что спорить? На испытаніе ее, Дуня! Принеси письма... письма Эмиліи — знаешь? пусть угадаетъ.

— Если эта Эмилія ваша пансіонская подруга, то угадывать нѣчего, сказалъ Тимъ лукаво: — Паша опишетъ васъ, Лидія Матвѣвна, и это будетъ Эмилія, Адель, Саша, какая угодно пріятельница. Вы всѣ на одно лицо.

Лидія захлопала въ ладоши.

— Неправда! Эмилія оригинальна, да и я оригинальна, только вы еще меня не знаете.

— Претензія! сказала Паша, смѣясь. — Ну, давайте сюда эту Эмилію, и мы увидимъ!

Лидія почти вытолкнула меня изъ комнаты. Я вошла къ себѣ и стала искать свой кошелекъ, гдѣ лежалъ ключъ отъ ящика съ письмами — кошелька не было. Я позвала горничную, но кошелекъ не находился; пришла и старая няня и разворчалась на меня, увѣряя, что Ѳедя, сынъ садовника, укралъ мой кошелекъ. Я разсердилась, когда не на шутку напали на моего любимца, и сказала, что не хочу искать кошелька. Пропалъ — такъ пропалъ, и, однако, какъ было мнѣ жаль его! Его вязала Эмилія и подарила мнѣ еще въ пансіонѣ; семь лѣтъ я берегла этотъ залогъ ея дружбы, берегла такъ, что кошелекъ былъ совсѣмъ новенькій. Я возвратилась въ гостиную и разсказала Тиму и Лидіи всю ссору съ няней; но каково же было мое удивленіе, когда оба они приняли сторону няни! Впрочемъ, Лидія скоро отступилась отъ своего мнѣнія, но Тимъ упорно держался за свое. Онъ часто видалъ Ѳедю со мной на балконѣ нашего дома и сказалъ мнѣ:

— Да онъ и смотритъ повѣсой.

— Онъ очень, очень-милъ, возразила я съ жаромъ, вступаясь за своего любимца.

— Не знаю, возразилъ Тимъ, смѣясь: — чѣмъ онъ милъ; знаю, что онъ грязенъ, неумытъ, просто — чумичка.

Онъ хотѣлъ разсмѣшить меня, но я обидѣлась.

Digitized by Google

— Бранить бѣднаго мальчика за то, что онъ бѣденъ! воскликнула я съ негодованіемъ: — я не узнаю васъ.

— Не за то, что онъ бѣденъ, возразилъ Тимъ серьёзно: — а за то, что грязенъ и шалунъ.

— Я люблю дѣтей безъ памяти, воскликнула я.

— Любите ихъ—никто не мѣшаетъ, возразилъ онъ: — но скажите: думаете ли вы, что сдѣлали ему много добра, откармливая его сахаромъ и пріучая къ праздности. Ужъ если вы такъ любите дѣтей, лучше выучили бы ихъ грамотѣ. А вы пріучили ихъ ходить въ свою комнату, брать со стола вещи, ломать ихъ. Вы кормили Ѳедю сахаромъ, давали ему деньги—что жь вышло? онъ сталъ красть и укралъ у васъ же у первой.

— Это не онъ, сказала я: — я знаю, что не онъ: онъ добрый и милый мальчикъ.

— Да почему вы это знаете? Потому, что онъ ѣстъ сахаръ? Не хотите ли, я вамъ пришлю изъ Грачовки дюжину такихъ миленькихъ мальчиковъ: они всѣ охотники до сахара.

Его ироническій тонъ мнѣ очень не понравился; онъ замѣтилъ это и прибавилъ кротко:

— Я хочу сказать, что доброта должна быть разумна; а въ вашемъ обращеніи съ дѣтьми вижу одну порчу.

Я спорила жарко, съ убѣжденіемъ и силою; мнѣ казались сухи, эгоистичны и суровы доводы Тима. Мнѣ было больно слушать его, и потому, быть-можетъ, я защищалась еще съ бо̀льшей стойкостью. Онъ былъ раздосадованъ и, сказавъ: «не понимаю любви къ неумытымъ и грязнымъ дѣтямъ!», принялся ходить по комнатѣ.

— Не понимаю сухости сердца, сказала я: — мало того, я не уважаю такихъ правилъ.

Онъ остановился, измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ. Я испугалась и быстро подошла къ нему.

— Тима, сказала я, въ первый разъ позволяя себѣ назвать его такъ, какъ звала его Паша: — Тима, не сердитесь, простите меня! Я сказала, чего не думаю; не браните меня. Подумайте: развѣ хорошо отвратить женщину отъ любви къ ближнимъ, къ сиротамъ? Вы сами не захотите этого.

— Сохрани меня Боже! сказалъ онъ, взявъ меня за руку. Не отъ этого хотѣлъ бы я васъ вылечить... Но оставимъ это: время, сдѣлаетъ свое дѣло; жизнь вылечитъ.

Digitized by Google

— Никогда! сказала я: — и не надѣйтесь: правила мои глубоко соединены съ душой моей; мои убѣжденія...

— Благородны, я это знаю, сказалъ онъ: — но вы часто впадаете въ преувеличеніе.

Мы сѣли. Онъ сдѣлался опять добръ и нѣженъ; я опять счастлива, и мы отдались нашему обыкновенному настроенію, когда мы вдвоемъ. Богъ вѣсть, о чемъ говорили мы; но мы были счастливы и понимали опять другъ друга. Рука моя лежала въ его рукѣ, и тихое его пожатіе сладостно отзывалось въ моемъ сердцѣ. Оно трепетало и билось, но отъ сладкаго умиленія.

Няня вошла въ комнату.

— Вотъ кошелекъ вашъ! сказала она мнѣ сурово: — впередъ берегите его; ноги мои немолодыя, чтобъ бѣгать по всей дворнѣ за вашими вещами.

— Гдѣ ты нашла его? сказала я, обнимая старушку.

— Гдѣ? говорила, у Ѳедьки — такъ и есть. Какъ я его постращала, онъ и отдалъ.

— Ахъ, няня! дядя прибьетъ его! сказала я, огорчаясь при мысли, что всѣ были правы, и что мой любимецъ не минуетъ бѣды.

— Вѣстимо, прибьетъ; а по-вашему, по головкѣ, что-ли, его гладить? Куда же онъ будетъ годенъ, если съ этихъ-то поръ красть начинаетъ?

— Няня, бѣги скорѣй, скажи Ивану, что я и слышать не хочу, чтобъ онъ Ѳедю наказывалъ.

— Нѣтъ ужъ, матушка, я малаго губить не хочу, говорите сами; да и дядя-то не извергъ какой: онъ мальчика любитъ, а побьетъ маленько — что жь? ничего! не крадь впередъ. Легко ли, маленькій какой! тринадцать лѣтъ малому — и крадетъ со стола у барышни.

Я думала, Тимъ скажетъ что-нибудь, но онъ молчалъ, и лицо его было холодно.

— Вы и въ этомъ со мной несогласны? спросила я.

— Дядя этого мальчика золъ или не любитъ его? спросилъ Тимъ у меня.

— Нѣтъ, онъ добрый старикъ. Такъ что жь? Ужели желать, чтобъ онъ наказалъ его?

— Конечно, сказалъ Тимъ.

— Тимъ, сказала я, не вынося выраженія лица его: — вамъ не надо сердиться; лицо ваше — зеркало вашей души; при мнѣ оно не должно туманиться: это доходитъ мнѣ до сердца.

Digitized by Google

Вѣроятно, въ моемъ голосѣ было много нѣжнаго и молящаго: онъ повернулъ ко мнѣ голову, поцаловалъ руку мою и сказалъ со вздохомъ:

— Сколько доброты, Дуня, но какъ безразлична она! Сколько любви! сколько нѣжности! сколько сокровищъ души! Не расточайте же ихъ безплодно.

Эта фраза повела насъ къ длинному разговору, который опять перешелъ въ споръ, но кончился однако перемиріемъ. Несмотря на это, я была нѣсколько оскорблена. Я люблю доброту души его; я еще не забыла, съ какой заботливостью лечилъ онъ мою больную Арину Ивановну, какъ ходилъ за нею: зачѣмъ же онъ хочетъ казаться жестокимъ и суровымъ? Негодный Ѳедя! онъ оскорбилъ меня, я такъ ему вѣрила. Я не хочу видѣть его: онъ обманулъ меня, а я не прощаю обмана. Я разсталась съ Персильевымъ, какъ всегда, очень-дружески, но помимо воли моей; его мнѣнія меня безпокоятъ, тревожатъ. Мы не во всемъ сходимся, и это меня огорчаетъ.

Черезъ мѣсяцъ.

Какъ давно я не принималась за перо, да и теперь еще не знаю, какъ нашла свободную минуту! У насъ всѣ такъ счастливы... О себѣ я не говорю: я, быть-можетъ, менѣе всѣхъ ихъ спокойна. Многое измѣнилось во мнѣ, многое не нравится мнѣ въ немъ; однако и я счастлива. Что же касается до Лидіи, она очень любитъ Тима, и часто, поздно вечеромъ, мы говоримъ о немъ. Я до-сихъ-поръ не сказала ей, что люблю Тима, да и зачѣмъ бы стала я говорить? Вѣдь онъ еще, говоря языкомъ прозы и дѣйствительности, не только не сватался, но еще и не объяснился со мною. Но Лидія все видитъ и молчитъ; маменька тоже. Препятствій нѣтъ къ моему счастью; есть только нѣкоторыя несогласія во мнѣніяхъ, которыя отравляютъ это счастіе. Я должна признаться, хотя и съ болью сердца, что во многомъ не схожусь съ нимъ; свѣтъ ужь успѣлъ испортить его: онъ иначе, чѣмъ я, глядитъ на вещи, и нѣтъ въ немъ, можетъ-быть, того чистаго, высокаго взгляда, о которомъ я всегда мечтала, воображая того, котораго полюблю. Но это было давно, очень-давно; съ-тѣхъ-поръ я короче познакомилась съ людьми и жизнью и даже отказалась отъ любви, потерявъ надежду встрѣтить достойнаго человѣка. И вотъ, однако, онъ передо мною, я нашла его. Любовь моя такъ сильна, что со-временемъ — я знаю это — она способна многое измѣнить въ немъ; вѣрю, что моя преданность тронетъ его;

Digitized by Google

что мнѣ суждено изгладить слѣды, которые близкое прикосновеніе свѣтской жизни наложило на него—и я не всматриваюсь въ раздѣляющія насъ мнѣнія. Тимъ называетъ меня странной: не я, а онъ страненъ. Какъ съ его умомъ, сердцемъ, не понять извѣстныхъ сторонъ моего сердца? Еще третьягодня вышла между нами очень-большая размолвка. Вотъ какъ это случилось. Къ намъ въ сосѣдство пріѣхало семейство Ниловыхъ, богатое, знатное, состоящее изъ мужа, пріятеля и товарища Тима, жены его и взрослой дочери. Тимъ все настаивалъ, чтобъ я поѣхала къ нимъ, по приглашенію Ниловой, и не хотѣлъ понять, что еслибъ я уступила его просьбѣ, цѣлый городъ, цѣлый околотокъ смѣялся бы надо мною. Сдѣлать первой визитъ новопріѣзжимъ считается въ А** едва-ли не преступленіемъ. Не знаю, что сказалъ Тимъ Ниловымъ, но на другой же день самъ Ниловъ съ дочерью пріѣхалъ къ намъ. Дочь, разряженная, развязная, очень-умная, но легкая дѣвушка, объявила, чуть не смѣясь, что мама ея почти всегда нездорова, а она пріѣхала *съ первымъ визитомъ*, чтобъ познакомиться со мной. Мнѣ показалось, что она произнесла это слово, особенно ударяя на него, что она считаетъ меня или провинціалкой или пансіонеркой, и вообще тонъ ея мнѣ не понравился; однако дѣлать было нѣчего—я отправилась къ Ниловымъ на другой день и, конечно, только для Тима, сказавъ ему, что, по всѣмъ правиламъ, Ниловой слѣдовало быть самой у маменьки. Тимъ разсердился и повторилъ нѣсколько разъ мое несчастное выраженіе: *по всѣмъ правиламъ,* осыпая насмѣшками обычаи, мнѣнія и претензіи маленькихъ городковъ, удивляясь при этомъ, какъ такая дѣвушка, какъ я, могла заразиться мелочностью понятій душнаго, маленькаго уголка. Я вспыхнула, и мы поссорились. Отъ этой ли ссоры, или просто потому, что я не могу имѣть ничего общаго ни съ какой модной женщиной, будь она типъ всего прекраснаго и привлекательнаго, мнѣ было очень-скучно у Ниловыхъ, которые засыпали меня комплиментами, обременили ласками. Они могутъ быть очень-умны и любезны, но и я не откажусь отъ ума моего. Я видѣла, что все это дѣлалось не для меня, а для Тима, что я была въ глазахъ ихъ не больше, какъ провинціальная барышня, сантиментальная и въ-сущности смѣшная. Мы обѣдали еще разъ у Ниловыхъ, и я была такъ холодна, такъ горда, что отняла у Тима охоту просить меня ѣздить туда. Когда, на другой день, онъ пришелъ къ намъ и спросилъ у меня, нравятся ли мнѣ друзья его, я, не колеблясь, высказала ему свое мнѣніе

Digitized by Google

и ждала вспышки съ его стороны. Но вспышки не было: онъ сдѣлался задумчивъ и мраченъ, и тогда, въ свою очередь, я требовала объясненія. Онъ сказалъ мнѣ, что Ниловы мнѣ не нравятся потому, что я заранѣе составила себѣ мнѣніе о нихъ, что я упорна, хотя и должна сознаться, что все семейство его пріятеля было какъ-нельзя-болѣе любезно и ласково со мною.

— Я очень-благодарна имъ, сказала я съ усиліемъ: — за эту любезность, но не могу сойдтись съ ними.

— Почему же? спросилъ Тимъ.

— Онѣ женщины свѣтскія и зараженныя самыми странными понятіями, отвѣчала я.

— Напримѣръ?

— Да многое, всего не перечтешь. Вчера мать говорила, что не желала бы, чтобъ дочь ея вышла за бѣдняка. «Да это понятія Аполлинаріи Өедоровны!» сказала я съ жаромъ и прибавила не безъ горечи: «хотя вы и обвиняете меня въ провинціализмѣ, но видите, я не сочувствую такимъ понятіямъ, а презираю ихъ».

— Дà, сказалъ Тимъ: — конечно, но съ тою только разницею, что Нилова уважаетъ честную бѣдность; и если боится ея для дочери, то потому только, что бѣдность можетъ отравить самое полное семейное счастіе; а ваша Аполлинарія Өедоровна презираетъ бѣдность, считая ее чѣмъ-то въ родѣ проказы.

— Мнѣ съ вами не сговорить, Тимъ: вы умны и умѣете вывернуться; но согласитесь, что это одно и то же.

Тимъ возражалъ, но возражалъ напрасно. По этому поводу было много споровъ, и всѣ послѣдніе дни были отравлены ими. Онъ особенно нападалъ на то, что я не могу простить Александринѣ (дочери Ниловой) ея легкомысленность и свѣтскость, которыя заставляютъ ее страстно любить всякія удовольствія и въ-особенности балы. По моему мнѣнію, это самое ясное и неоспоримое доказательство пустоты и тщеславія. Напрасно Тимъ старался съ рѣдкимъ упорствомъ заставить понять меня, что въ семнадцать лѣтъ молодость неотвязно требуетъ своей дани, и веселье, какое бы оно ни было, необходимо ей. Какъ-будто такая суетная потребность есть извиненіе! Воодушевясь, Тимъ, по обыкновенію, зашелъ дальше, дошелъ до крайности и говорилъ, что мужчины тратятъ годы въ пирахъ, въ буйномъ весельи, а женщина любитъ танцы, блестящія собранія, наряды.

Я была такъ непріятно затронута этими словами, что сказала ему съ жаромъ, мнѣ несвойственнымъ:

Digitized by Google

— Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ *вы*, именно *вы* любили шумные, буйные пиры съ товарищами — не вѣрю! сказала я.

— Да что жь тутъ удивительнаго? спросилъ онъ тѣмъ холоднѣе, чѣмъ жарче говорила я.

Я была оскорблена ужь однимъ его тономъ и молчала.

— Что жь вы молчите? спросилъ онъ кротче.

— *Вы* не должны быть какъ другіе, произнесла я, надѣясь, что онъ пойметъ мысль мою. Но, вѣроятно, намъ не суждено понимать другъ друга. Эта фраза моя привела Тима въ ужасную досаду; онъ принялся мнѣ доказывать, что я его не знаю и вижу въ немъ не его, а какое-то существо, созданное моимъ собственнымъ воображеніемъ, и съ которымъ онъ не имѣетъ ничего общаго.

— Какъ было бы лестно, заключилъ онъ: — быть любиму такимъ-образомъ! Значитъ, любили бы *не меня*, а совершенно другаго, и позже, убѣдясь въ ошибкѣ, разлюбили бы тотчасъ. Какая утѣшительная перспектива!

Мы замолчали и молчали долго.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Тимъ спокойнѣе: — я не хочу скрывать отъ васъ истины. Въ молодости я не отставалъ отъ товарищей, былъ легкомысленъ, возвращался домой далеко за полночь, и бывало — что грѣха таить — при прощаньи, или встрѣчѣ друга, выпивалъ и лишній стаканъ...

Я встала; лицо мое горѣло. Этотъ идеалъ души моей, мой идеалъ, мой Тимъ... Боже мой!

— Не говорите, сказала я: — больно слушать.

Я замолчала и потомъ продолжала:

— По-крайней-мѣрѣ, теперь все забыто и не возобновится? сказала я съ замираніемъ сердца.

Тимъ колебался, наконецъ взялъ меня за руку и сказалъ ласково:

— Не знаю, лгать не хочу. Если женюсь, я буду, конечно, строже къ себѣ самому; но не ручаюсь, что, при встрѣчѣ съ товарищемъ, запоздаю и поздно ворочусь съ пирушки. Надо понять жизнь, Дуня; надо помириться съ нѣкоторыми людскими слабостями. Что жь дѣлать?

Онъ могъ говорить долго—я ничего не слыхала, не хотѣла слушать!

Итакъ, мало того, что онъ не хотѣлъ отказаться отъ прошедшаго, онъ не ручался за будущее! Уже-ли онъ такъ испорченъ,

Digitized by Google

что его исправить нельзя? Нѣтъ, это невозможно! Увидя, что я очень оскорблена, очень огорчена, онъ былъ такъ нѣженъ со мною, такъ милъ, что никто бы не устоялъ противъ его увлекательныхъ словъ и неодолимаго очарованія его любви. Я еще болѣе вижу, сколько любима, когда, несмотря на то, что не уступаю ему, онъ приходитъ мириться и этимъ примиреніемъ доказываетъ, что былъ неправъ. Бываютъ такія минуты, что я прощаю ему все. Еще вчера вечеромъ я испытала это. Я не видала его цѣлый день и пошла ему на встрѣчу къ мельницѣ. Увидѣвъ его издали, я поспѣшила пріютиться за ивой близь плотины и ожидала его. Онъ не могъ меня видѣть, а я его видѣла. Онъ шелъ медленно, задумавшись—и какъ хорошъ былъ онъ! Какъ былъ хорошъ благоухающій, тихій вечеръ! Какъ было все прекрасно вокругъ меня! какъ было все безмятежно-ясно во мнѣ самой! Я не спускала съ него очарованныхъ глазъ; его высокая, стройная фигура обрисовывалась на скатѣ зеленаго холма; онъ шелъ медленно и машинально сбивалъ палкой высокія маковки полевыхъ цвѣтовъ. Мнѣ стоило показаться, и онъ бы поспѣшилъ ко мнѣ; но я не хотѣла этого: я ждала его и, кажется, вѣчно бы продлила эту минуту сладкаго ожиданія, впродолженіе которой, упоенная счастіемъ душа моя летѣла ему на встрѣчу. Когда онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, легкій шорохъ привлекъ его вниманіе; онъ не увидѣлъ, но отгадалъ меня и быстро подошелъ къ дереву, за которымъ я стояла; все лицо его просвѣтлѣло и выразило такую тихую, такую ясную радость, что сердце мое дрогнуло. Онъ молча нагнулся и долгимъ поцалуемъ поцаловалъ руку мою, обвивавшую стволъ дерева. Черезъ минуту мы сидѣли подъ этой самой ивой, на берегу рѣки. Свѣтлыя, прозрачныя струи ея катились у ногъ моихъ; я долго-долго глядѣла на нихъ и чувствовала, съ трепетомъ наслажденія, что взоръ его былъ ко мнѣ прикованъ. Глаза наши встрѣтились, но я не вынесла огня и страсти, которые горѣли во взорахъ его, и опустила голову въ смущеніи.

— Взгляни на меня, сказалъ онъ: — я люблю взглядъ твой, полный кротости и глубины.

— Не могу, Тима, сказала я чуть-слышно: — не могу; но я такъ счастлива...

— Дуня, говорилъ онъ задумчиво: — какъ хороша, какъ полна ты невыразимой прелести! тебѣ ли не составить счастія мужчины? тебѣ ли...

Онъ замолчалъ и задумался.

Digitized by Google

— Чтò хотѣли сказать вы? спросила я почти робко.

Онъ молчалъ.

— Что хотѣлъ сказать ты? повторила я, нѣжно взявъ его за руку и чувствуя сильныя біенія моего сердца.

— Кто былъ бы въ силахъ не любить тебя? сказалъ онъ порывисто и прижималъ меня къ сердцу въ такомъ порывѣ любви и нѣжности, что я забыла все въ мірѣ и помнила только, что люблю и любима... А солнце заходило и розовый горизонтъ неба горѣлъ все ярче и ярче, оттѣняя потемнѣвшую зелень рощи; серебряные тополи нашего сада блистали на темномъ фонѣ липовыхъ аллей и ярко выдавались впередъ живописными купами.

— Посмотри, сказала я ему, указывая на чудную картину пейзажа, облитую послѣднимъ сіяньемъ угасавшей зари: — посмотри на старый, развѣсистый тополь: я играла подъ нимъ маленькая, подъ нимъ провела я лучшіе часы юности, и не жалѣю ихъ: все блѣдно передъ настоящимъ. Кто бы сказалъ мнѣ тогда, что я должна быть такъ счастлива?

— Ты создана для счастья, для радостей семейства. Помнишь ли, какъ я встрѣтилъ тебя? Съ тѣхъ самыхъ поръ твой образъ врѣзался въ моей памяти, и съ-тѣхъ-поръ овладѣлъ остылымъ сердцемъ. Не старъ ли я для тебя? Взгляни на меня и скажи, не старъ ли я?

Я молча улыбнулась.

— Я понимаю тебя, сказалъ онъ: — и надѣюсь, что позже и ты поймешь меня. Все насъ разлучающее изгладится, а теперь тебѣ довольно знать, что сердце мое полно одной тобою.

Долго мы сидѣли... Стемнѣло; мнѣ надо было спѣшить домой; онъ не хотѣлъ провести вечеръ у насъ, а только проводилъ меня до дому. Я тоже не была способна видѣть никого, ни говорить о чемъ бы то ни было, прошла прямо къ себѣ, заперлась и просидѣла вечеръ одна; сердце мое было полно и уединеніе было мнѣ необходимо...

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Богъ-вѣсть, чтò происходитъ у насъ; я не могу отдать себѣ отчета въ томъ, чтò совершается передъ моими глазами. Я писала тебѣ, что была увѣрена во взаимной любви Персильева и Дуни. Въ послѣднее время частыя размолвки ихъ начали тревожить Елену Михайловну; хотя она никогда не говорила ни слова, но ея безпокойство было очевидно. Все лѣто я жила одна, жила

безмолвнымъ свидѣтелемъ чужихъ волненій, чужаго счастья, чужой жизни. Конечно, я была коротко знакома съ Пашей, привязалась къ Липинькѣ, но мало видѣла Дуню и Лидію, которыя забыли обо мнѣ, поглощенныя своими привязанностями или удовольствіями. Недѣли двѣ назадъ, Дуня неожиданно занемогла и цѣлые восемь дней не выходила изъ комнаты, не принимая никого, кромѣ матери и Лидіи. Даже Лидію она часто просила оставить ее одну, говоря, что спокойствіе и уединеніе необходимы ей. Персильевъ приходилъ всякій день узнавать о ея здоровьѣ. Онъ измѣнился, поблѣднѣлъ и очень-неспокоенъ. Его волненіе бываетъ такъ сильно, что онъ едва скрываетъ его. Третьягодня Дуня появилась опять между нами; но, Боже мой! что̀ сталось съ ней? Она блѣдна, какъ мертвецъ; кожа ея сдѣлалась какъ-то болѣзненно-прозрачна, а лицо такъ худо, что я испугалась, увидѣвъ ее. Она сидѣла подлѣ матери, и Персильевъ не могъ сказать ей ни слова наединѣ, хотя настоятельно искалъ случая поговорить съ ней. Вчера, однако, онъ засталъ Дуню одну и, подавъ ей руку, поневолѣ вывелъ ее на балконъ. Не знаю, что̀ произошло между ними; ихъ свиданіе не было продолжительно. Персильевъ сошелъ живо съ балкона и, не простясь ни съ кѣмъ, ушелъ изъ дома. Дуня долго стояла неподвижно, прислонясь головой къ колоннамъ балкона. Она была такъ блѣдна, что я испугалась и подошла къ ней. Увидѣвъ меня, она хотѣла уйдти, но зашаталась и должна была схватиться рукой за перила. Ноги ея подкашивались.

— Что̀ съ вами? воскликнула я, невольно поддерживая ее.

— Тише! тише! сказала она чуть-слышно: — молчите, ради Бога! Гдѣ Лидія? гдѣ маменька?

— Ихъ нѣтъ; онѣ ушли гулять.

Она вздохнула тяжело, глубоко, и просила меня довести ее до ея комнаты, гдѣ опять легла въ постель. Елена Михайловна испугалась, увидѣвъ ее въ такомъ положеніи, и предложила ѣхать въ городъ, на что̀ Дуня тотчасъ согласилась. Мы ѣдемъ завтра. Лидія очень огорчена болѣзнью сестры и не отходитъ отъ нея. Дуня ласкова со всѣми и старательно скрываетъ свои внутреннія страданія. Персильевъ опять пришелъ вечеромъ и провелъ нѣсколько часовъ съ Еленой Михайловной. Онъ мраченъ и раздраженъ. Нынче онъ приходилъ прощаться, но Дуня не могла выйдти и не видала его. Персильевъ шутилъ, но всѣ шутки его были [illegible]ько-насмѣшливы. Отчего вышелъ разрывъ этотъ — не могу

Digitized by Google

ничего понять. Иногда мнѣ кажется, что я разгадала, въ чемъ дѣло; но эта догадка до того невѣроятна, что я не рѣшаюсь не только передать ее тебѣ, но даже сама отвергаю ее. Или это не разрывъ, а только размолвка, которая приняла характеръ болѣе-серьёзный? Между Дуней и Персильевымъ и прежде случались недоразумѣнія, споры, переходившіе въ ссору. Удивляюсь Лидіи: она такъ легкомысленна, или такъ привыкла вѣрить Дунѣ, что повѣрила и теперь ея увѣреніямъ, будто она не разстроена, а больна. Лидія сожалѣетъ только о томъ, что покидаетъ деревню, и твердитъ:

— Вотъ мы уѣдемъ; Дуня оправится очень-скоро, а ужь сюда намъ не попасть опять! Сентябрь маменька останется въ городѣ. Какъ досадно!

Лидія звала Персильева и сестру его въ городъ, звала отъ имени Дуни, что̀, казалось, обрадовало обоихъ. Они обѣщали непремѣнно пріѣхать. Прощай, однако; у меня бездна дѣла. Надо уложить свои и липинькины вещи, помочь Лидіи, потому-что Дуня не встаетъ съ постели, и мы повеземъ ее въ каретѣ. Мнѣ грустно... Не хочется и мнѣ оставить деревню, хотя я не имѣла здѣсь никакихъ радостей и жила совершенно-одинока; но кто знаетъ? быть-можетъ, въ городѣ будетъ еще скучнѣе.

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Три мѣсяца, милый другъ мой, я писала тебѣ не письма, а какіе-то бюльлетени о моемъ здоровьѣ. Но не вини меня; еслибъ ты знала, какая тоска, какая томительная скука тяготѣла надъ нами! Дуня оправилась отъ болѣзни, но сдѣлалась такъ грустна, такъ печальна, что навѣяла на всѣхъ насъ свою скуку и мрачность. Она мало выѣзжаетъ, мало принимаетъ, и мать ея не просила ея ѣздить больше и чаще въ здѣшній большой свѣтъ. Я знаю чрезъ Ясновскихъ, что на-счетъ Дуни и Лидіи ходятъ по городу самые непріятные для Шестовыхъ слухи: разсказываютъ, что она встрѣтила въ деревнѣ Персильева, который всѣмъ извѣстенъ какъ богатый женихъ, старалась поймать его, по выраженію здѣшнихъ дамъ, всячески старалась завлечь его, но не успѣла въ своихъ намѣреніяхъ. Всѣ эти сплетни тревожатъ Елену Михайловну, Лидію и даже самую Дуню. Она говорила недавно, что не любитъ общества А** и не можетъ принудить себя ѣздить на вечера. Такимъ-образомъ около трехъ мѣсяцовъ мы жили уединенно, и скука тяготѣла надъ нами, хотя Ясновскій и приво-

Digitized by Google

зилъ, по обыкновенію, цѣлый коробъ вѣстей изъ канцеляріи. Къ-несчастью, онъ совершенно лишенъ такта, и вмѣсто того, чтобъ скрыть отъ кузинъ толки по ихъ поводу, самъ первый разсказываетъ имъ самые непріятные слухи. Когда онъ входитъ въ комнату, не только семейство Шестовыхъ, но и я всегда опасаюсь, что наше спокойствіе будетъ возмущено новыми выдумками, которыя передавать онъ страстно любитъ. Вчера вечеромъ мы были всѣ особенно-скучны и сидѣли въ спальнѣ Дуни, когда горничная вбѣжала къ намъ и съ радостнымъ видомъ воскликнула:

— Барышни! барышни! извольте идти къ маменькѣ; знаете ли, кто тамъ? Тамъ Палагея Ивановна Персильева и съ братцемъ.

Дуня и Лидія встали; обѣ онѣ перемѣнились въ лицѣ, обѣ смутились, и однако ни одна изъ нихъ не шла изъ комнаты, не спѣшила на встрѣчу пріѣхавшимъ.

— Что же вы? спросила я: — или вамъ непріятно это посѣщеніе?

— Ахъ, нѣтъ! воскликнула Лидія: — я очень люблю Пашеньку. Ну, пойдемъ же, прибавила она, обращаясь къ Дунѣ.

— Поди, мой другъ, я сейчасъ прійду, сказала Дуня и подошла къ зеркалу, будто хотѣла поправить туалетъ свой. Лидія стояла на порогѣ и пристально глядѣла на сестру.

— Да ты хороша, хороша и такъ, замѣтила Лидія.

— А ты все еще здѣсь? Я думала, ты ушла, отвѣчала Дуня, поспѣшно отходя отъ зеркала и ища чего-то на стульяхъ и диванѣ.

— Иди, иди, Лидія! говорила она: — Груша! Груша! гдѣ мой платокъ?

— Вотъ онъ, извольте, сказала Груша, взявъ его на первомъ стулѣ.

— Пойдемъ же, Дуня. Я одна не пойду, сказала Лидія рѣшительно.

— Какая же ты странная! произнесла Дуня съ досадой и, взявъ сестру подъ-руку, вышла съ ней вмѣстѣ.

Я смотрѣла на нихъ съ недоумѣніемъ, потомъ задумалась и вдругъ услышала въ коридорѣ поцалуи, восклицанія, говоръ, и въ ту же минуту дверь отворилась — обѣ сестры вошли съ Пашей, которая бросилась мнѣ на шею.

— Что жь вы это? и друзей ужь не встрѣчаете? или вовсе забыли ихъ, или вовсе разлюбили? говорила Паша. . . . . .

Digitized by Google

— Да вотъ Лидія промѣшкала, сказала Дуня.

— Тебя дожидалась, замѣтила Лидія.

— Все постарому, несносные сіамскіе близнецы! сказала Пашенька насмѣшливо, но ласково: — также неразлучны, также сходны во всемъ, даже во вкусахъ, даже въ болѣзняхъ нравственныхъ и физическихъ. Ну, а духъ самоотверженія тотъ же; скажите?

— Полно дурачиться, отвѣчали сестры въ одинъ голосъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, не зная куда глядѣть и какъ скрыть румянецъ, вспыхнувшій на щекахъ ихъ. Онѣ вспомнили обо мнѣ и взялись за меня, какъ за якорь спасенія.

— Анюта безъ тебя заняла твою прежнюю должность и сдѣлалась нашей *третьей*, вмѣсто тебя, сказали онѣ наперерывъ. — Мы теперь еще больше подружились.

— Значитъ, я буду четвертая, подхватила Пашенька, протягивая руку: — partie quarrée; это лучше трехъ; знаете пословицу terzo in comodo. Это я говорю не для васъ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: — я не ревнива; чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Мы сѣли.

— Ну разсказвайте, сказала Пашенька: — что̀ у васъ новаго.

— У насъ, ей-Богу ничего: смертельная тоска и скука.

— А зачѣмъ не писали мнѣ ни слова? сказала она. — Въ деревнѣ все интересуетъ, а вы злодѣйки знаете, что вы особенно интересуете всѣхъ насъ.

Это было сказано съ особымъ удареніемъ, отъ котораго сестры опять смутились, на что̀ Пашенька не обращала никакого вниманія.

— А скажите, часто онѣ вспоминали о насъ? спросила у меня Паша.

— Неочень-часто, сказала я лукаво.

— Не-уже-ли ни обо мнѣ, ни о братѣ? Хороши пріятельницы! Я разскажу это Тиму.

Дуня и Лидія до того смутились, что не знали, что̀ сказать. Лидія выбѣжала изъ комнаты, говоря громко:

— Надо булокъ къ чаю. Ты любишь булки?

— Ужь есть ли сахаръ? сказала Пашенька. — Дуня, не пойдти ли тебѣ за сахаромъ, а? Такъ что жь? онѣ вамъ не говорили ни слова, ни одного слова о насъ, о Персильевыхъ? продолжала Пашенька, обращаясь ко мнѣ. — Скажите? не говорили о Пашѣ Персильевой, о Тимѣ не говорили?

Digitized by Google

— Ну, полно, сказала Дуня съ усиліемъ, но серьёзно.

— Что жь ты у меня не спросишь, на сколько я пріѣхала? сказала Пашенька серьёзнѣе: — не спросишь о Тимѣ?

— Что, здоровъ онъ? произнесла Дуня.

— То-то, здоровъ онъ! Разумѣется, здоровъ; пріѣхалъ со мной. И еслибъ вы вышли встрѣтить меня, то встрѣтили бы и его: онъ проводилъ меня сюда и зашелъ къ Еленѣ Михайловнѣ; но не цѣлую же ночь ему было ждать васъ; поздно: ушелъ въ гостинницу; завтра явится. Смотри же, Дуня, будь мила; полно дурачиться!

— Я не знаю, что̀ ты хочешь сказать, Паша?

— То-то не знаю; добро, добро!

Дунѣ было до того неловко, что она разсердилась.

— Я такъ дружна съ тобою, такъ дружна и съ нимъ, сказала она строго: — что не могу быть неласкова и непривѣтлива.

— Я не то хотѣла сказать; вѣдь Анюта твоя пріятельница, при ней говорить можно. Я...

Лидія вошла въ комнату; Паша замолчала и потомъ сказала, смѣясь:

— Пока вы будете сантиментально разливать чай, позвольте мнѣ лечь; я устала. Вы знаете, я не терплю церемоній, люблю простоту, безъ любезничанья.

— Ты называешь любезничаньемъ всякую деликатность, сказала Лидія, смѣясь.

— Да̀, неумѣстную, возразила Пашенька.

— По-твоему все неумѣстно, сказала Дуня; а я повторю, что̀ не разъ говорила: и откровенность бываетъ куда неумѣста! Нельзя говорить, будто топоромъ рубить.

— По-мо̀ему лучше отрубить: что-нибудь да выйдетъ; а медлить, колебаться — несносно.

— Ну, а если разрубить античную статую—это хорошо? спросила Лидія.

— Молода еще съ сравненіями! сказала Пашенька. Кстати о статуяхъ. Знаете ли, что̀ мы дѣлали впродолженіе послѣднихъ осеннихъ вечеровъ? Братъ выписалъ чудесное изданіе: «L'histoire des peintres», и мы все читали и гравюры разсматривали — прелесть! Что̀? и вамъ, я думаю, было бы интересно послушать и посмотрѣть — не правда ли?

— Особенно Лидіи, сказала Дуня: — она безъ ума отъ всего,

что касается искусства, и въ последнее время много занималась рисованьемъ.

— Ну вотъ, охота говорить о моемъ пачканьи! Развѣ ты меньше моего любишь читать, заниматься?..

— У Лидіи есть талантъ, сказала я.

— А вы рисуете? спросила у меня Пашенька.

— Да, немного; теперь времени нѣтъ, а прежде я пристально занималась.

— Аннета привезла съ собою три картины, прелестныя копіи съ извѣстныхъ оригиналовъ. Мы, пожалуй, покажемъ тебѣ ихъ.

— Надо посмотрѣть, сказала Пашенька.

Разговоръ долго длился; я была утомлена и, полагая, что пріятельницы будутъ еще свободнѣе безъ меня, ушла къ себѣ ранѣе обыкновеннаго.

На другой день утромъ, окончивъ уроки, я вошла въ гостиную, гдѣ встрѣтила Персильева, который очень-дружески меня привѣтствовалъ; но въ этотъ первый день я едва сказала съ нимъ два слова. Часъ обѣда приближался, а сестры не являлись. Персильевъ, разговаривая съ Еленой Михайловной, былъ тревоженъ и взглядывалъ на дверь при всякомъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ. Пашенька вошла прежде всѣхъ; она была еще болтливѣе, еще безцеремоннѣе вчерашняго и говорила безпрестанно, была умна и остроумна. Наконецъ слуга вошелъ въ комнату съ обычнымъ возгласомъ: «кушанье поставили!» Мы встали; Елена Михайловна спросила:

— А гдѣ же Дуня и Лидія?

И въ это самое время онѣ явились въ дверяхъ. Персильевъ живо подошелъ къ нимъ и протянулъ руку Дунѣ.

— Пожалуйста, не черезъ порогъ! закричала Пашенька.

— Я не вѣрю примѣтамъ, сказалъ онъ, сжимая руки сестеръ попеременно и освѣдомляясь о ихъ житьѣ-бытьѣ. Онѣ отвѣчали съ застѣнчивостью, но почти холодно; казалось, каждая взвѣшивала малѣйшее слово, разсчитывала движеніе. Впродолженіе обѣда общій разговоръ шелъ съ утомительной принужденностью, хотя Персильевъ и сестра его постоянно старались оживить его. Цѣлый день потомъ сестры были такъ неразлучны, что нельзя было говорить съ одной, не говоря съ другой. Вечеромъ онѣ сѣли за работу около круглаго стола, куда пригласили и меня, и самый незначащій, часто прерывавшійся разговоръ въ которомъ едва-ли не я и Персильевъ принимали самое дѣятельное участіе,

Digitized by Google

занялъ насъ до ужина. Гдѣ прежняя короткость, непринужденность, болтливость? Все исчезло! Даже Елена Михайловна приняла Персильева церемонно, какъ-будто онъ не бывалъ у насъ каждый день. Боится ли она городскихъ слуховъ, или просто смущена — кто знаетъ? На другой день — то же самое поведеніе, та же несообщительность, та же принужденность, та же скука. Мнѣ показалось, что Персильевъ недоволенъ и мраченъ; однако онъ разговариваетъ, но больше со мной, чѣмъ съ ними, и, надо признаться, его разговоры очень-занимательны. На третій день, въ то время, какъ я сидѣла въ гостиной, а Дуня и Лидія еще не выходили, Пашенька, выслушавъ какое-то замѣчаніе брата о висѣвшей на стѣнѣ гравюрѣ, вдругъ вскрикнула:

— А что жь картины? Вы обѣщали мнѣ еще въ деревнѣ показать ихъ, когда мы пріѣдемъ въ городъ.

— Какія картины? сказала я просто.

— Ну, вотъ, какія! Ваши, разумѣется. Тима знатокъ: покажите ему.

— Право, ихъ смотрѣть не стоитъ труда; мои картины — плохія копіи чудныхъ оригиналовъ, которые вашъ братъ, вѣроятно, видѣлъ, которые всѣмъ извѣстны.

— О, да вы съ претензіями! сказала Паша: — а я сперва и не замѣтила. Еслибъ это были не копіи, вы были бы артистъ!

Слово «претензія» мнѣ тѣмъ болѣе не понравилось, что Персильевъ взглянулъ на меня, и его умный, проницательной взглядъ будто говорилъ: ужели претензія? Я поспѣшно встала, говоря:

— Сейчасъ скажу, чтобъ картины внесли сюда.

— Куда же, Анюта? Онѣ такъ велики, замѣтила Елена Михайловна. — Тимоѳей Иванычъ потрудится зайдти къ тебѣ. Пойдемте, прибавила она, и тотчасъ встала, желая, вѣроятно, сдѣлать болѣе приличнымъ посѣщеніе мужчины въ комнату дѣвушки.

Я не пошла, а побѣжала впередъ и, отворивъ дверь своей комнаты, просила войдти гостей.

Персильевъ остановился и долго смотрѣлъ на копію съ картины Моллера «Поцалуй».

— Очень, очень-мило! сказалъ онъ, наконецъ, обращая ко мнѣ благосклонностью дышавшее лицо: — только позвольте мнѣ говорить откровенно. Я видѣлъ оригиналъ этой картины; колоритъ вы передали очень-вѣрно; но часть выраженія лицъ ускользнула отъ васъ. Въ вашей копіи дѣвушка дѣлаетъ гримасу; у Моллера лицо

Digitized by Google

ея дышетъ стыдливостью и любовью. Это важной недостатокъ въ вашей копіи.

— Очень-немудрено, сказала я просто. — Знаете ли, какія незамѣтныя тѣни и линіи измѣняютъ выраженіе!...

— Очень-знаю, отвѣчалъ онъ: — и французы выразили эту мысль въ своей поговоркѣ: du sublime au ridicul il n'y a qu'un pas. Я, разумѣется, не хочу сказать, что ваша картина смѣшна — вы поймете это... она имѣетъ много достоинствъ, а о недостаткѣ ея я позволилъ себѣ вамъ замѣтить.

— Разумѣется, моя картина не болѣе, какъ смѣшна подлѣ картины Моллера, сказала я.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Думалъ ли онъ, что я обидѣлась, или раздосадована, какъ бы то ни было, выраженіе лица моего тотчасъ успокоило его, и онъ прибавилъ:

— Вѣрный залогъ дѣйствительнаго таланта — понимать трудность искусства и чувствовать красоту оригинала. Я отъ души поздравляю васъ.

Между-тѣмъ Паша давно теребила мои портфёли и альбомы, и изрѣдка вскрикивала: «Какъ похожъ! Посмотри, посмотри, Тима, вѣдь это Пятова! А это Черепанинъ! А вотъ и Паловова — браво! брависсимо! Да что жь ты не смотришь?

— Погоди, другъ мой, дай налюбоваться однимъ, а потомъ я попрошу позволенія заглянуть и въ портфёль.

— Вы не занимались пейзажемъ? спросилъ меня Персильевъ.

— Нельзя же за всѣмъ гнаться, сказала я: — нѣтъ, не занималась.

— Правда, правда! говорилъ онъ, задумчиво разсматривая моего «св. Себастіана»: — но я скажу вамъ, что историческая живопись недоступна для женщины. Дальше копій вы вѣроятно не пойдете.

— Конечно, сказала я: — но портреты...

— Портреты... да, правда; но вѣдь это не можетъ удовлетворить любви къ искусству. Всякое искусство — творчество.

— Я не говорю о себѣ, но были примѣры... Вспомните Ангелику Кауфманъ: какая прелесть ея картины! Я вижу ихъ какъ теперь!

— Она ограничилась, однако, поясными фигурами; кисть ея нѣжна, колоритъ прозраченъ и... Но, извините меня, она не имѣетъ понятія о мускулахъ и формахъ: ея мускулы и формы не живые, а будто набитые ватой.

Digitized by Google

Въ это время Дуня и Лидія вошли въ комнату и подали руку Персильеву; очень-живо и радушно онъ встрѣтилъ ихъ, но скоро жаръ его потухъ отъ холодности ихъ обращенія. Онъ сдѣлалъ Дунѣ два-три вопроса — она отвѣчала коротко и разсматривала мой портфёль, въ полголоса дѣлая свои замѣчанія Лидіи. Было очень-замѣтно, что мой портфёль попался очень-кстати въ руки сестеръ и помогалъ имъ скрывать ихъ постоянную неловкость въ присутствіи Персильева.

Впродолженіе цѣлаго дня всѣ были несвободны, что-то тяготило всѣхъ. Желаніе Пашеньки сблизить брата съ Дуней и ея безпрестанные, многозначащіе взгляды, обращенные то на того, то на другаго, только еще болѣе отдаляли ихъ, особенно Дуню. Впродолженіе цѣлаго вечера я помогала вести разговоръ съ Персильевымъ, и, могу сказать, говорила съ нимъ впервые. Въ деревнѣ онъ не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, а теперь начиналъ замѣчать меня по-необходимости. Между-тѣмъ, Пашенька, усѣвшись въ сторонѣ, завладѣла Владиміромъ, который былъ ей представленъ, и немилосердо надъ нимъ подсмѣивалась, хотя въ ея насмѣшкахъ было болѣе веселости, чѣмъ насмѣшливости. Мы сидѣли у круглаго стола въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ сестры сидѣли рядомъ, я подлѣ нихъ, а подлѣ меня Персильевъ. Сначала Дуня и Лидія молчали, но мало-по-малу сдѣлались свободнѣе, вѣроятно, благодаря отсутствію зоркаго наблюдателя — Паши, и вмѣшались въ разговоръ мой съ Персильевымъ. О чемъ не говорили мы! Персильевъ желалъ все знать: онъ разспрашивалъ о нашихъ удовольствіяхъ, занятіяхъ и въ-особенности чтеніяхъ.

— А вы все попрежнему читаете нѣмецкіе стихи и нѣмецкіе романы? спросилъ онъ у сестеръ.

— Перестали, сказала Дуня, смѣясь: — васъ послушались. Въ послѣднее время мы прочли очень-много серьёзныхъ книгъ, особенно историческихъ. Мы сдѣлали много успѣховъ; Лидія исписала цѣлую тетрадь извлеченій и résumé.

— Кстати о книгахъ. Вы желали имѣть Диккенса поанглійски: я выписалъ его полныя сочиненія; позвольте мнѣ предложить его вамъ, Евдокія Матвѣвна.

— Мы охотно прочтемъ его, сказала Дуня. — Благодарю васъ. Будьте покойны, мы бережемъ книги и возвратимъ ихъ вамъ въ цѣлости.

— Вы можете беречь его развѣ потому, что Диккенса всегда

пріятно имѣть. Я позволилъ себѣ дерзкую мысль выписать его для васъ.

Дуня покраснѣла и не сказала ни слова, а Лидія, спѣша на помощь къ сестрѣ, очень-неловко спросила что-то, чтобъ измѣнить разговоръ. Персильевъ отвѣтилъ и замолчалъ; онъ былъ недоволенъ и не желалъ скрывать это чувство. Впродолженіе остальнаго вечера онъ былъ задумчивъ, а я досадовала: мнѣ казалось поведеніе сестеръ не только странно, но глупо. Когда подали чай, Персильевъ напомнилъ сестрѣ, что имъ необходимо навѣстить одно знакомое семейство. Они отправились; мы остались однѣ.

— Отчего вы не хотите взять Диккенса? спросила я.

— Въ городѣ скажутъ, что мы принимаемъ подарки, отвѣтила Лидія. — О насъ и такъ говорятъ Богъ-вѣсть что̀!

— А почему вы стали такъ церемонны съ Персильевымъ, спросила я: — что я не узнаю̀ вашихъ прежнихъ отношеній и дружбы?

Обѣ онѣ смутились.

— Тогда мы были въ деревнѣ; деревня имѣетъ свои преимущества, сказала Дуня: — къ-тому же Пашенька вообразила себѣ, что онъ долженъ жениться на одной изъ насъ, и это ея намѣреніе, извѣстное и ему и намъ, поселило между нами ту неловкость и холодность, которая тяготитъ насъ, и изъ его присутствія въ нашемъ домѣ дѣлаетъ наказаніе.

— Ахъ, Дуня, Дуня! воскликнула Лидія съ жаромъ: — можно ли быть такъ неоткровенной! Ты ни меня и никого не увѣришь, что лѣтомъ онъ не былъ влюбленъ въ тебя; но ты холодна, какъ ледъ, и не скажешь ему ни одного привѣтливаго слова.

— Уже-ли онъ вамъ не нравится? спросила я у Дуни: — Персильевъ человѣкъ умный, съ привлекательной наружностью и большимъ, многостороннимъ образованіемъ. Вниманіе такого человѣка не можетъ не быть пріятно женщинѣ.

— Вотъ что̀ я всегда говорю Лидіи, сказала Дуня: — но она...

— Ты бы лучше это почаще повторяла себѣ самой, отвѣчала Лидія. — Персильевъ будетъ отличный мужъ: его мнѣнія сходны съ твоими, вкусы ваши тоже.

— Неправда, ты рисуешь, а онъ страстный любитель живописи.

— Очень ему нужно мое пачканье! сказала Лидія грустно: — онъ о немъ и не заботится.

Digitized by Google

— Неправда. Вчера еще онъ съ участіемъ разспрашивалъ о твоихъ занятіяхъ; вотъ, спроси хоть у Анюты. Мужчинъ не разберешь, Лидія: они не любятъ высказывать свои чувства. Что до меня касается, чтò мнѣ дѣлать! Я не могу любить его любовью, хотя чувствую, что любила бы его очень-нѣжно, какъ брата; но какъ мужа — никогда!

— Отчего же? спросила Лидія нерѣшительно. Онъ сильно нравился тебя лѣтомъ — помнишь?

— Немножко нравился; но вѣдь это не любовь. Узнавъ его короче, я поняла, что не люблю его; между нами было много несогласій. Я не нашла въ немъ того, чего искала. Еслибъ онъ женился на тебѣ...

— Но я не пойду за него, возразила Лидія, смѣясь принужденно и тотчасъ прибавила не безъ горечи: — да онъ и не возьметъ меня: я ему не нравлюсь.

Дуня хотѣла говорить, но Лидія воскликнула: — Перестань, Дуня, перестань, оставимъ этотъ разговоръ.

Настало самое затруднительное положеніе. Я тотчасъ поняла, что догадка, которая въ деревнѣ казалась мнѣ нелѣпой, была справедлива: Дуня рѣшилась уступить Персильева сестрѣ; Лидія несовсѣмъ понимала положеніе сестры; и если не поддавалась совершенно ея желанію, то потому только, что смутно понимала, что не она любима Персильевымъ. Спокойствіе Дуни, ея обладаніе собою во время всего разговора, исключали повидимому предположеніе о возможности сильной страсти, тогда-какъ волненіе Лидіи было замѣтно.

Елена Михайловна вызвала Дуню; я осталась вдвоемъ съ Лидіей. Она подошла ко мнѣ и, взявъ меня за руку, сказала живо:

— Поговорите съ Дуней; я хочу знать правду: любитъ она Персильева, или нѣтъ. Она говоритъ, что сперва онъ ей нравился, а потомъ она убѣдилась, что они во многомъ несходны и онъ не можетъ составить ея счастія. Если она разлюбила его, то, конечно, я... Если же она любитъ его, зачѣмъ играетъ она собственнымъ счастіемъ? Мнѣ чувствуется, что Персильевъ любитъ не меня, а Дуню, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же...

Лидія залилась слезами.

— Ради Бога, узнайте правду; она не признается мнѣ, она не признается!.. Я, я клянусь, что не пойду за него зàмужъ, если Дуня любитъ его, даже еслибъ онъ и любилъ меня. Да еще и любитъ ли? Дуня говоритъ, будто дá. Право, я измучилась. Къ

Digitized by Google

тому же, мы ничего не скрываемъ другъ отъ друга, живемъ душа въ душу; а какъ дѣло дойдетъ до Персильева, то мы будто чужія... Это больно! Лишь-только этотъ человѣкъ сталъ между нами, какъ наша прошлая полная откровенность исчезла. Мы родились, росли, чувствовали, были больны вмѣстѣ, а теперь... Нѣтъ, я не прощу ему этого.

— Лидія, вы сами себѣ противорѣчите. Скажите мнѣ, я ничего не понимаю: любите ли вы Персильева?

— Кажется, люблю... да̀, люблю... Онъ милый, добрый. Дуня говорила когда-то, что онъ идеалъ мужчины, и я согласна съ ней. Да̀, я люблю его, но онъ меня любитъ, или ее? Она увѣряетъ, будто...

Лидія заплакала и ушла изъ комнаты. Поздно вечеромъ я взяла Дуню за руку и стала ходить съ ней по залѣ.

— Лидія очень-грустна, сказала я осторожно, желая вывѣдать правду: — она плачетъ.

— Что̀ съ ней? спросила Дуня тревожно и хотѣла бѣжать къ сестрѣ; я остановила ее :

— Не ходите; она просила меня переговорить съ вами. Она описывала мнѣ то счастье, которое вы у ней отнимаете : быть свидѣтельницею вашего счастія съ человѣкомъ, котораго вы любите и который васъ любитъ.

Дуня улыбнулась холодно и иронически.

— Лидія говорила вамъ это? Не можетъ-быть! не можетъ-быть! Персильевъ увидѣлъ меня прежде Лидіи — вы это знаете; но когда онъ познакомился въ домѣ нашемъ, сходство мое съ сестрой поразило его. Лидія влюбилась въ него страстно. Я не люблю Персильева, я слишкомъ расхожусь съ нимъ во мнѣніяхъ, во всемъ, а онъ... онъ, если не любитъ, то скоро полюбитъ Лидію.

— Но увѣрены ли вы, что Лидія любитъ Персильева? Она говоритъ, что нисколько.

— Она лжетъ! Она любитъ его страстно, безгранично. Увѣрена ли я? Да что такое любовь? Развѣ она не является вдругъ? развѣ она не охватываетъ всего существа? Можно ли скрыть ее? Никогда! и особенно отъ глазъ заботливой сестры... Я бы провела жизнь съ ними и нянчила бы дѣтей ихъ — это ужь давно рѣшено.

— Но если Персильевъ любитъ васъ?...

— Да что̀ ему любить во мнѣ? Вы посмотрите на меня : мой голосъ — голосъ Лидіи, мое лицо — лицо Лидіи, а мои чувства, мнѣнія, привычки — совершенно-противоположны его чувствамъ

Digitized by Google

и мнѣніямъ. Лидія во всемъ будетъ согласна съ нимъ; Лидія милѣе, живѣе меня. Она, какъ птичка, поющая сладкую пѣснь, оживитъ уютный, домашній уголъ. Она создана для него, а я—нѣтъ. Онъ серьёзенъ, я тоже; онъ надѣленъ сильной волей, а я, кажется, тоже; къ-тому же не мое назначеніе сдѣлаться украшеніемъ семейной жизни: мнѣ пала на долю сторона прозаическая — нянчить дѣтей, смотрѣть за хозяйствомъ; а имъ — любить, жить другъ для друга. Съ Пашей нельзя говорить: во-первыхъ, она воображаетъ, что въ Тима всѣ должны влюбляться и, пожалуй, не прочь отъ нелѣпой мысли, что мы обѣ влюблены въ него; но это ея выдумка, ея фантазія. Она затвердила одно: «пустяки, экзальтація!» Послушавъ ее, узнаешь, что все благородное, высокое—экзальтація, и только. Она ничего не понимаетъ; но не о ней рѣчь. Подумайте, каково мнѣ, убѣжденной, что Лидія и Тимъ были бы счастливы, знать, что они расходятся—онъ потому, что не знаетъ ея короче, она потому, что уступаетъ мнѣ любимаго ею человѣка... Это ужасно! Вѣрите ли, что она никогда не признавалась мнѣ въ любви своей, а я знаю, что она любитъ. Эта скрытность убиваетъ меня.

Я посмотрѣла на Дуню пристально: волненіе ея было очень-сильно; она была блѣдна, и руки ея дрожали. Въ эту самую минуту Персильевъ и сестра его вошли въ комнату; глаза его, упавъ на Дуню, загорѣлись; онъ подошелъ къ ней, подалъ ей стулъ и предложилъ сѣсть и выслушать его. Я поспѣшила уйти, взявъ Пашу за руку.

— Они объяснятся, сказала Паша: — Лидіи нѣтъ; она одна. Надо же положить конецъ всему этому. Они помѣшаны, право помѣшаны; вотъ ужь пять мѣсяцовъ, какъ они влюблены другъ въ друга, и все не могутъ покончить чѣмъ-нибудь. Я почти-насильно привезла сюда брата. Онъ твердитъ, что Дуня холодна, и если не любитъ его, то онъ не будетъ ее преслѣдовать. Онъ не сантименталенъ, напротивъ...

— Но Дуня, кажется, разлюбила вашего брата, сказала я.

— Вотъ еще! возразила Паша, смѣясь: — начать съ того, что его нельзя разлюбить. Онъ человѣкъ замѣчательный и по уму и по качествамъ сердца. Дуня не любитъ его — какъ бы не такъ! Она безъ ума отъ него... Будемте ходить: хочется угадать по ихъ лицамъ, что они говорятъ, чѣмъ все это кончится?..

Я взглянула невольно въ отворенную дверь въ залу. Персильевъ говорилъ что-что съ жаромъ; его горѣвшіе глаза были устрем-

Digitized by Google

лены на блѣдное, потупленное лицо Дуни; одна рука его лежала на спинкѣ ея стула, другая была ей протянута. Она тихо подняла голову и медленно отвела своей рукой эту руку, ей протянутую. Онъ поблѣднѣлъ и быстро всталъ. Мы повернулись спиной къ дверямъ, и я не видала ничего болѣе; сердце мое сжалось, глаза не могли видѣть Персильева, но онъ врѣзался въ моемъ воображеніи съ блѣднымъ лицомъ, горѣвшими глазами, протянутой рукой. Наша говорила что-то—я не слыхала. Я ужасалась безумія Дуни, безсмыслія или недогадливости Лидіи; нѣтъ, ни одна изъ нихъ — я глубоко это чувствовала — не умѣла любить. Любовь не разсуждаетъ, любовь стремится къ своей цѣли. Она—жадный пріобрѣтатель своего блага, она не уступитъ своего сокровища; или если уступитъ его, то развѣ вмѣстѣ съ жизнью... Во мнѣ поднялось чувство жгучей зависти: такой человѣкъ любилъ и не былъ любимъ истинно. Всѣ очарованія, казалось, были въ немъ; очарованіе высокаго ума, высокаго развитія, благородной души, добрѣйшаго сердца...Когда я опять посмотрѣла въ залу, Персильевъ и Дуня стояли другъ противъ друга; онъ неумолимо глядѣлъ на нее и сказалъ что-то. Дуня сдѣлала шагъ назадъ, прижала руки на груди, но молчала, а онъ быстро и твердо подошелъ къ намъ.

— Сестра, я получилъ письмо; намъ завтра надо ѣхать въ деревню, сказалъ онъ отрывисто.

Казалось, ей это не понравилось.

— Хорошо, увидимъ, отвѣчала она: — я надѣюсь, что завтра ты перемѣнишь намѣреніе и не будешь эгоистомъ. Вспомни, что я цѣлые шесть мѣсяцевъ жила безвыѣздно въ деревнѣ.

— Я могу остаться день или два, но не больше, сказалъ онъ задумчиво, проводя рукой по лбу. — Впрочемъ, оставайся; я уѣду одинъ.

— Это невозможно: батюшка не любитъ, чтобъ я жила одна въ городѣ; онъ будетъ сердитъ.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста не задерживай меня; мнѣ надо ѣхать.

Онъ взялъ ея руку, ласково пожалъ, поклонился всѣмъ и уѣхалъ.

Мы опять остались однѣ.

— Я черезъ два дня не уѣду. Это онъ говоритъ сгоряча; все пустяки; надо вразумить эту безумную Дуню. Помогите мнѣ.

— Рады бы всей душой; но какъ?

— Я сейчасъ пойду къ нимъ и разбраню Дуню.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого: можете все испортить.

— Хуже не будетъ, возразила Паша и, не слушая меня, пошла къ сестрамъ; я пошла за ней. Мы отворили дверь: въ спальнѣ было темно; трепещущій свѣтъ лампады едва-едва освѣщалъ комнату; пологи постели были спущены; сестры спали.

Паша не смутилась; смѣлой рукой отдернула она пологъ Дуниной постели и назвала ее по имени. Отвѣта не было; она окликнула ее опять.

— Что тебѣ? оставь меня, сказала Дуня слабо: — мнѣ смертельно хочется спать, а ты только разбудишь Лидію. И она повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Паша нетерпѣливо пожала плечами и вошла ко мнѣ. Мы провели почти всю ночь безъ сна, говоря о Дунѣ. Паша была раздражена и грозилась, что завтра же добьется толку. Я старалась, но совершенно-безуспѣшно, успокоить ее. Она ночевала у меня и на другой день очень-рано ушла къ сестрамъ, но скоро возвратилась, и, въ пылу перваго порыва негодованія, разсказала мнѣ разговоръ свой съ Дуней. Вотъ онъ слово въ слово:

Дуня и Лидія одѣвались, когда Паша вошла къ нимъ; она сѣла не здороваясь ни съ кѣмъ, почему Лидія и сказала ей съ насмѣшкой:

— Что̀ такъ трагически?

— А вотъ что̀, сказала Паша, вспыхнувъ: — я всегда думала, что вы порядочныя женщины, а выходитъ на повѣрку, что вы просто глупы и противны, особенно ты, Дуня. Что̀ ты вчера сказала брату? Онъ завтра ѣдетъ въ деревню.

Лидія измѣнилась въ лицѣ и бросилась къ сестрѣ.

— Дуня! Дуня! закричала она: — что̀ онъ вчера говорилъ съ тобою? о чемъ?

— Успокойся, сказала Дуня хладнокровно: — это все выдумки и выходки Паши: ты знаешь, она вспыльчива и сварлива. Персильевъ ничего не говорилъ со мною особеннаго, ни одного слова. Что̀ могъ онъ говорить мнѣ?.. Паша, зачѣмъ ты приходишь смущать насъ? Мы счастливы, мы покойны. Если у твоего брата есть дѣло въ деревнѣ, не придавай же этому особеннаго значенія. Подумаешь, слушая тебя, что я и онъ несчастные любовники. Еслибъ онъ сватался и былъ любимъ мною, что̀ бъ могло помѣшать мнѣ принять его предложеніе. Маменька не прочь; Лидія была бы очень-рада.

— Конечно, сказала Лидія съ грустью и раздумьемъ.

Digitized by Google

— Ну, видишь ли. Еслибъ твой братъ и любилъ меня, я не люблю его и не могу быть его женою. Наши убѣжденія и мнѣнія различны: согласія не было бы между нами; а согласіе счастье супружества.

Паша посмотрѣла въ глаза Дунѣ; Дуня была спокойна, и на лицѣ ея не было ничего, кромѣ досады и одушевленія, похожаго на гнѣвъ. Лидія наблюдала за сестрой и мало-по-малу успокоивалась.

Если мы ошиблись, и она въ-самомъ-дѣлѣ не любитъ его, подумала Паша, и мысль, что Лидія, быть-можетъ, влюблена, вдругъ озарила умъ ея. Вѣроятно, Дуня все сообразила, потому-что она напала на Пашу съ большимъ одушевленіемъ.

— Да съ чего взяла ты, что онъ любитъ меня? съ того, что ли, что мы были дружны въ деревнѣ, что вчера мы говорили въ залѣ? Мало ли о чемъ мы могли говорить! Развѣ ты слышала, или онъ самъ сказалъ тебѣ? не думаю!

Паша молчала. Жестоко показалось ей, несмотря на ея обычную смѣлость, увѣрять Дуню въ любви брата, увѣрять при Лидіи, для которой подобное слово было бы тяжко.

— Ну, вотъ видишь, что ты говоришь вздоръ не обдумавши, продолжала Дуня съ жаромъ: — ты молчишь; да и что̀ тебѣ дѣлать, какъ не молчать?

— Кто васъ разберетъ! сказала Паша въ неописанной досадѣ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. Что̀ тамъ произошло—не извѣстно, но къ обѣду явилась одна Дуня. Лидія была разстроена и сказалась больной. Я вошла къ ней и застала ее въ слезахъ.

— Я не могу жить такъ, не могу, сказала она бросаясь ко мнѣ на шею: — сердце мое разрывается. Я не могу бороться съ собою, съ сестрой, съ ея внушеніями, съ собственными сомнѣніями и съ надеждой, которая помимо воли моей заронилась въ душу. Лучше ударъ, чѣмъ неизвѣстность. Дунѣ я плохо вѣрю, и себѣ не вѣрю. Дуня увѣряетъ меня... будто вчера онъ не объяснялся съ ней, а просто говорилъ о насъ обѣихъ; будто онъ самъ не знаетъ которую любитъ больше! При этомъ Дуня клянется, что она не любитъ его вовсе и что если я не буду попрежнему холодна съ *нимъ*, она убѣждена, что онъ полюбитъ меня. Что мнѣ дѣлать? Я боюсь любить его, боюсь сближаться; пожалуй, я совсѣмъ погибну, и будетъ поздно; теперь я могла бы еще утѣшиться, забыть, а тогда... (Она помолчала) А если Дуня обманываетъ меня, что̀ тогда? Я умру съ горя!

Digitized by Google

Что могла я сказать? Я молчала. Лидія умоляла меня идти въ гостиную и сказать ей, весела ли Дуня и что дѣлаетъ Персильевъ. Я была очень-довольна этимъ порученіемъ, дававшимъ мнѣ возможность уйдти; но въ гостиной меня ожидало любопытное зрѣлище—любопытное въ-особенности для меня, свидѣтельницы вчерашней сцены. Дуня сидѣла подлѣ матери, была веселѣе и разговорчивѣе обыкновеннаго. Она безпрестанно шутила и смѣялась, тогда-какъ Персильевъ былъ задумчивъ и угрюмъ. Паша поддерживала разговоръ и отвѣчала шутками на шутки Дуни, предметъ которыхъ былъ Владиміръ; надъ нимъ они смѣялись по поводу какого-то неудавшагося волокитства.

Я сѣла за пяльцы. Персильевъ тотчасъ сѣлъ подлѣ меня и тотчасъ завязалъ со мною длинный разговоръ вполголоса. Мы говорили о чужихъ краяхъ, и о томъ, кто давалъ мнѣ первоначальные уроки рисованія, и объ искусствѣ вообще. Это завело насъ гораздо-дальше, чѣмъ я предполагала. Говоря о себѣ, я должна была говорить о твоей матери и разсказала ему ту тяжелую эпоху въ моей жизни, когда я лишилась ея и должна была отказаться отъ независимости, чтобъ начать трудную жизнь. Въ первый разъ съ участіемъ и что еще больше тронуло меня, съ уваженіемъ слушалъ Персильевъ разсказъ мой, потому-что я увлеклась — и видишь ли ты, я была права: онъ не осудилъ меня какъ ты, а сказалъ, что я поступила съ достоинствомъ, благородно, что мое рѣшеніе принять должность гувернантки, послѣ жизни роскошной и праздной, показываетъ, что во мнѣ есть и твердость, и воля, и, что еще важнѣе въ мои лѣта, прибавилъ онъ, практическій смыслъ— практическій въ благородномъ, непошломъ значеніи слова.

— Я несовсѣмъ сочувствую, говорилъ онъ: — сантиментальному направленію въ дѣвушкахъ. Должно сознаться, что если свѣтская жизнь убиваетъ часто поэзію въ душѣ женщины, она вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ и понимать жизнь. И какъ достойна любви и уваженія та женщина, которая, не потерявъ ни благородства стремленій, ни пылкихъ порывовъ юности, ни поэзіи, понимаетъ требованія жизни дѣйствительной!

— Но много ли такихъ? сказала я.

— Есть такія, возразилъ онъ съ одушевленіемъ : — и передо мною такая — это вы. Я мало былъ съ вами въ деревнѣ, но теперь начинаю понимать васъ : вы не скрываетесь, и васъ легко узнать. Вы добры, вы чувствительны; въ васъ есть любовь къ искусству, есть силы для сухаго труда — что же отняла у васъ,

свѣтская жизнь? Фальшивую экзальтацію.... Помилуйте, да это благодать! Вы не можете себѣ предоставить, какую ненависть я чувствую къ фальшивой экзальтаціи.

Онъ говорилъ съ жаромъ и горечью: было ясно, что этотъ разговоръ былъ ему близокъ и тронулъ больную струну въ его сердцѣ. Я поняла все, но не могла говорить о томъ, чего, повидимому, не знала.

— Что̀ понимаете вы подъ фальшивой экзальтаціей? спросила я.

— Совершенное искаженіе пониманія, отсутствіе простоты, и... сказать ли? правды. Положимъ, что это безсознательно и не преднамѣренно — тѣмъ хуже, тѣмъ грустнѣе. Дѣвушка, ведя жизнь уединенную, уходитъ, какъ улитка, въ свою раковину, создаетъ тамъ себѣ маленькій мірокъ, надѣляетъ его идеалами, во имя которыхъ дѣйствуетъ, и, при первомъ столкновеніи съ жизнью и страстями, подводитъ жизнь, живую жизнь, страсть, живую страсть, подъ эти заранѣе, въ больномъ бреду уединенія созданныя правила. Самопожертвованіе, худо-понимаемое, искусственное, безплодное—конёкъ ея. Она жертвуетъ собою и другимъ, пожалуй, безъ малѣйшаго на то права, и наслаждается, гордится, хвалится внутри себя тѣмъ, что умѣетъ жертвовать. И чѣмъ же становится? палачомъ себя самой, палачомъ другихъ, палачомъ — страшно вымолвить — человѣка, котораго любитъ!

— Но если судьба, сказала я: — ставитъ женщину одиноко, что ей дѣлать? Поневолѣ умъ бродитъ, фантазія увлекаетъ; это не вина, а несчастіе.

— Извините—вина, возразилъ Персильевъ.—Повѣрьте, лучше жить съ людьми меньше насъ развитыми, низшими насъ въ моральномъ отношеніи, но съ людьми. Они ужь тѣмъ полезны, что показываютъ намъ мелкую сторону жизни—но все дѣйствительность. Дѣйствительность великое слово: въ немъ вся будущность всякаго живущаго.

— Отъ экзальтаціи можно вылечить, произнесла я.

— Думалъ я и объ этомъ... едва-ли! Вопервыхъ, нѣтъ ничего упрямѣе экзальтаціи. Вы думаете убили ее—погодите: она гдѣ-нибудь да пробьется опять. Вы хотите вразумить — обижаются! Вы хотите доказать и приводите примѣры—вамъ или не вѣрятъ или, не задумавшись, однимъ словомъ клеймятъ эти примѣры. Вы молчите, выбившись изъ силъ — вы не любите; вы разгорячились и бичуете вашего вѣчнаго врага — крайности и

экзальтацію — о! да это ясно, вы не только не любите, но ненавидите, и къ-тому же сердце ваше жостко. Я такъ боялся экзальтаціи въ сестрѣ моей, что ужь зашелъ за предѣлы, воспитывая ее; она, кажется, ужь слишкомъ-положительна, и потому не всегда деликатна. Но по-моему эта крайность предпочтительнѣе.

— И вы бы никогда не полюбили женщины экзальтированной? спросила я лукаво.

— Кто знаетъ, что мы любимъ, почему, какъ. Любовь не разсуждаетъ. Такія женщины часто горячо любимы, быть-можетъ, потому, что въ нихъ много нѣжнаго, высокаго, благороднаго. Поймите, что я говорю не о сантиментальности: это извнѣ-привитая болѣзнь, сродная мелкимъ, пустымъ существамъ, а объ экзальтаціи... По-моему, экзальтація, это—нѣжность, поэтическія, высокія стремленія, неруководимыя разсудкомъ и дошедшія до сумасшествія, пожалуй, до смѣшнаго. Я всегда радъ, когда встрѣчаю рѣдкое соединеніе сердца, разума, безъ экзальтаціи. Оттого я такъ скоро сошелся съ вами.

Въ эту самую минуту насъ прервали; къ-тому же часъ моего урока наступилъ: я должна была идти съ Липинькой въ классную и не видала Персильева до поздняго вечера. Паша сказала мнѣ, что она упросила брата остаться еще на нѣсколько дней въ городѣ. «Быть-можетъ, все и уладится», прибавила она. Но мнѣ кажется, что она столько же, если не болѣе, заботится о себѣ: Владиміръ сильно занимаетъ ее. Не понимаю, какъ можетъ ей нравиться этотъ пустой мальчикъ. Развѣ одна красота его прельстила эту умную дѣвушку? развѣ и она оправдываетъ на себѣ замѣчаніе, что умныя женщины способны любить глупыхъ мужчинъ, и наоборотъ? Les extrêmes se touchent — и это должно быть по системѣ компансацій.

Что ты думаешь о моемъ разговорѣ съ Персильевымъ? Онъ не совсѣмъ-правъ, но и несовсѣмъ ошибается. Борьба его съ любовью и способность анализировать очень-замѣтны; а анализъ— не гибель ли любви?

ПИСЬМО VI.

Я не писала тебѣ цѣлыя недѣли; онѣ были такъ значительны для меня, что я не имѣла времени не только писать, но и одуматься. Теперь я ничѣмъ не развлечена и собралась съ мыслями. Персильевы, вотъ ужь недѣля, уѣхали, и ихъ отъѣздъ оставилъ

Digitized by Google

пробѣлъ въ моемъ существованіи. Я привыкла къ нимъ и пріятно проводила съ ними время. Послѣдняя недѣля меня особенно сблизила съ нимъ; онъ бывалъ у насъ всякій день и любилъ говорить со мною. Часто Дуня и Лидія были съ нами, но онѣ также, если не болѣе, чѣмъ въ первые дни свиданія съ Персильевымъ, были холодны и молчаливы, будто тяжело висѣло надъ ними какое-то мрачное облако сомнѣній, опасеній, непонятнаго смущенія. Холодомъ вѣяло отъ обѣихъ, особенно отъ Дуни; Лидія оживлялась иногда, но и она, взглянувъ на сестру, тотчасъ умолкала и задумывалась. Персильевъ видимо былъ утомленъ и, быть-можетъ, такъ гордъ, что не хотѣлъ сдѣлать новую попытку къ сближенію. Однажды онъ говорилъ со мною очень-откровенно; вотъ какъ это случилось. Я осталась дома совершенно одна: все семейство Шестовыхъ было приглашено на свадьбу. Мнѣ было грустно; я сидѣла одна; настали сумерки; я зажгла одинокую свѣчку, и ея тусклый свѣтъ едва освѣщалъ большую гостиную. Богъ-вѣсть о чемъ я думала... далеко были мысли мои; блуждали онѣ и затерялись въ прошедшемъ, быстро связывая его съ настоящимъ. Мнѣ страшно захотѣлось видѣть тебя, обнять, высказаться. Я глубоко чувствовала свое одиночество, и глаза мои наполнялись невольными, неудержимыми слезами. Въ это самое время въ залѣ раздался грубый голосъ Артемія, нашего буфетчика:

— Господъ дома нѣтъ, говорилъ онъ.

— Всѣ уѣхали?

— Всѣ-съ.

— И Анна Петровна?

— Нѣтъ-съ, Анна Петровна дома.

— Такъ поди же доложи ей.

Это былъ Персильевъ. Я была въ томъ расположеніи, когда умная бесѣда необходима, и потому, поддаваясь первому движенію, растворила дверь и сказала привѣтливо:

— Войдите, войдите; я здѣсь.

Онъ вошелъ. Артемій подалъ намъ самоваръ, я сдѣлала чай; онъ сидѣлъ подлѣ меня молча, и выраженіе лица его было такъ печально, что я поняла, что не ему слѣдовало разгонять мою скуку, а мнѣ — сердечную тоску его. Но я не могла говорить: мнѣ было и неловко и тоскливо.

— Когда вы ѣдете? спросила я невольно.

— Послѣ-завтра, рано утромъ. Я бы давно уѣхалъ, но не могъ сладить съ Пашенькой: она упряма, и если что возь-

Digitized by Google

метъ въ голову, то ея не разувѣришь; твердитъ одно и не понимаетъ, что есть препятствія, которыя преодолѣть не только невозможно, но и не должно.

Я молчала.

— Не правда ли? спросилъ онъ.

— Я не знаю, о какихъ препятствіяхъ вы говорите.

— Зачѣмъ лукавить? сказалъ онъ съ укоризной: — вы все знаете, я это вижу; да и Паша сказала мнѣ. Вы дальновидны и все угадали; къ-тому же вы долго жили въ свѣтѣ, а тамъ научаются отгадывать не только, что̀ есть, но что̀ будетъ, или можетъ быть. Скажите, что̀ вы думаете о Шестовыхъ? какъ вы ихъ поняли?

— Прекрасныя, добрыя дѣвушки; я полюбила ихъ, сказала я.

— Ихъ невозможно не любить, узнавъ короче, сказалъ онъ живо: — но и не сердиться на нихъ невозможно. Я, признаюсь, ужасно утомленъ; въ моемъ сердцѣ возникла, помимо воли моей, какая-то борьба... не смѣйтесь надо мной, что въ мои лѣта я не совсѣмъ умѣю отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ во мнѣ происходитъ. Въ жизни бываютъ странныя столкновенія, и быть можетъ потому, что я не въ первой молодости, я не хочу поддаться чувству, меня увлекающему.

Пока Персильевъ говорилъ, мнѣ было тяжело, и слова его ложились гнётомъ на мое сердце.

— Вы знаете, ка̀къ я познакомился съ Шестовыми?

— Дуня говорила мнѣ, что вы встрѣтили ее случайно у больной.

— Но она не сказала вамъ, у кого?

— Нѣтъ.

— Ну, да̀; я встрѣтилъ ее у больной старухи. Представьте себѣ взыскательную, вѣчно-недовольную старуху, больную, сварливую. Дуня ходила за ней, но съ какой кротостью, съ какимъ смиреніемъ и ангельскимъ терпѣньемъ! Она просиживала ночи у ея изголовья, умоляла принять лекарство, сносила капризы и упреки, перевязывала раны, читала Евангеліе... это была сестра милосердія въ полномъ смыслѣ слова. И все это дѣлалось просто, безъ сознанія собственной доброты и преданности. Я могъ только удивляться ей и умилялся при видѣ этихъ скромныхъ, чисто-женскихъ добродѣтелей. Такимъ-образомъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца я встрѣчалъ ее каждый день, посѣщая больную въ качествѣ медика. Позже я познакомился съ вашимъ домомъ и узналъ Дуню короче и въ первый разъ увидѣлъ Лидію. Съ перваго интимнаго разговора я понялъ, что Дуня—взрослое дитя, а

Digitized by Google

Лидія—во всемъ ея блѣдная копія. Съ первыхъ шаговъ къ сближенію я понялъ, что воспитать Дуню не такъ легко, какъ казалось мнѣ вначалѣ: я встрѣтилъ сильное, упорное сопротивленіе, похожее на самостоятельность, но самостоятельность ложную, граничившую съ упрямствомъ, сбивавшую на тупость пониманія, не вслѣдствіе недостатка ума, а вслѣдствіе ложнаго взгляда на жизнь. Однакожь я обходилъ вопросы и, давъ волю сердцу, любилъ ее всѣми силами души моей въ тѣ часы, когда всматривался съ упоеніемъ въ ея глубокіе, полные нѣжности и чувства глаза. Все лѣто я былъ счастливъ, надѣялся... что̀ я говорю! былъ увѣренъ во взаимности чувства. Я медлилъ объясненіемъ, желая многое передѣлать въ ней; но вдругъ она отдалилась отъ меня. Я настойчиво требовалъ объясненія. Мое негодованіе было невыразимо, когда Дуня наотрѣзъ объявила мнѣ, что не любитъ меня больше, что мы слишкомъ несходны, и что въ ней осталось одно чувство — дружба сестры и друга. Напрасно я требовалъ, просилъ, умолялъ—она повторяла одно: «развѣ я говорила вамъ когда-нибудь, что буду любить вѣчно? развѣ я завлекала васъ? развѣ я дала слово?». Отвѣчать было нѣчего. Она уѣхала изъ деревни и я не видалъ ея до-сихъ-поръ. Я пріѣхалъ сюда съ надеждой, что этотъ капризъ прошелъ; но это не капризъ. Двѣ недѣли назадъ — вы видѣли—я имѣлъ съ ней объясненіе, въ которомъ истощилъ и сердце свое, и терпѣніе, и все краснорѣчіе истиннаго чувства: все было напрасно! Я—и вы поймете все смѣшное такого положенія — дошелъ до того, что доказывалъ ей, что она любитъ меня, и, вѣрите ли? не вызвалъ на лицо ея ни тѣни чувства. Передо мною стояла статуя... Нѣтъ, эта женщина не знаетъ, не умѣетъ любить! любовь не струится въ крови ея, не зажигаетъ ее огнемъ страсти; это холодная мечтательница, жаждущая не живой любви, а мертваго, искусственнаго героизма. Я ошибся въ ней, но мнѣ жаль не ея, а моихъ собственныхъ грёзъ о счастіи; мнѣ жаль въ ея лицѣ ту женщину, которую я когда-то любилъ. Какая сила упорства...

— Энергіи, сказала я тихо. Развѣ вы не видите что, за этимъ упорствомъ стоитъ чувство болѣе-сильное? Оно-то заставляетъ Дуню жертвовать собой и вами.

— Да̀, знаю и вижу это безуміе: она намекала мнѣ о томъ, чего она ждетъ отъ меня. Вы говорите о Лидіи. Лидія не имѣетъ ни ума, ни оригинальности, ни силы Дуни. Лидія плохая копія Дуни; она заняла самыя мнѣнія и правила сестры. Если Лидія

Digitized by Google

вообразила себѣ, что любитъ меня, то потому только, что Дуня меня любитъ, или любила, и Дуня... да это можетъ привести въ ярость! Дуня не умѣла, съ ея умомъ, разглядѣть, что такое чувство Лидіи. Вотъ что значитъ не имѣть простаго, прямаго пониманія — это ужасно! Я бы баловалъ, лелѣялъ Лидію, еслибъ она была сестрой жены моей; я бы поѣхалъ на край свѣта, чтобъ развлечь ее; но женой моей она никогда не будетъ! Если можете, заставьте Дуню понять, что я еще люблю ее, что, лишая себя и меня счастія, она лишаетъ сестру завиднаго положенія. Говорю вамъ, что я былъ бы нѣжнѣйшимъ братомъ и что сама Лидія, ручаюсь, порадовалась бы нашему счастью и нашла бы собственное счастье съ другимъ. Но не надо играть чувствомъ, Анна Петровна: оно умретъ. Я не юноша, я человѣкъ поживишій на свѣтѣ, и меня оскорбляетъ, раздражаетъ борьба за безумную мысль. Я прихожу въ бѣшенство и теряю мою увѣренность, что можно возвратить Дуню на дѣйствительную почву, безъ которой семейная жизнь не существуетъ. Я знаю, не безъ боли, не безъ страданія, не безъ ранъ выйду я изъ борьбы моего разума съ моей любовью; но разумъ останется побѣдителемъ; я вылечусь, и тогда Дуня, быть-можетъ, поздно пожалѣетъ о себѣ, обо мнѣ, о сестрѣ...

Персильевъ говорилъ съ ожесточеніемъ и жаромъ.

— Кто такъ говоритъ, сказала я, тотъ въ половину вылеченъ. —Предвидѣть возможность разлюбить—едва-ли не конецъ любви.

— Можетъ-быть, не знаю, возразилъ онъ мрачно:—но вотъ ужъ полгода, какъ я мучусь. Будетъ! довольно! Я не юноша, говорю я вамъ. Взгляните на меня: мнѣ тридцать-пять лѣтъ; сѣдые волосы пробиваются; пора знать жизнь и самого себя.

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ; я близка къ ней и могу сказать многое.

Онъ взялъ мою руку и сжалъ ее.

— Вы мнѣ напишете о результатѣ? Я ѣду послѣзавтра; не въ моихъ силахъ оставаться долѣе

Я молчала.

— Ужели вы считаете, что вамъ неприлично написать ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Я напишу, сказала я съ усиліемъ.

Мы оба замолчали и молчали долго. Невыразимо-грустно и тяжело было мнѣ; онъ взглянулъ на меня и, замѣтивъ печальное выраженіе моего лица, сказалъ живо:

Digitized by Google

— Я, кажется, нагналъ на васъ тоску — извините меня.

— Нѣтъ, я ужь и прежде была печальна, отвѣчала я: — это часто случается со мною.

— Съ кѣмъ этого не бываетъ! сказалъ онъ задумчиво: — но я, думая о васъ, не могъ бы вообразить васъ иначе, какъ веселой, спокойной...

— Развѣ вы думаете, что во мнѣ и сердца нѣтъ? спросила я не безъ горечи.

— Совсѣмъ нѣтъ; но неровный характеръ, измѣнчивость въ расположеніи духа бываетъ у людей страстныхъ, горячихъ. Ваша натура иная: въ васъ есть спокойствіе полное мысли, есть чувствительность безъ излишества и теплота безъ порывистаго пламени. Важная вещь для жизни — вы все поймете умомъ и сердцемъ, поймете страсть, борьбу, бурю въ жизни другаго, но сами не способны перейдти ихъ. Вы созданы для семейной жизни, для тихаго счастія. Еслибъ я выбиралъ жену для сына, я выбралъ бы васъ.

Мнѣ было досадно, и оскорблена была я. Мнѣ казалось, это право говорить въ глаза свое мнѣніе просто и прямо принадлежитъ только другу, что Персильевъ не довольно-близокъ со мною, чтобъ позволить себѣ такую вольность. Вѣроятно, лицо мое предательски выдало мои мысли, потому-что Персильевъ взялъ меня за руки и сказалъ ласково:

— Вы недовольны! но чѣмъ же? Ужели вы не поняли, сколько уваженія, сколько дружескаго чувства къ вамъ заключалось въ словахъ моихъ? Извините меня; вижу, что я считалъ себя въ болѣе-короткихъ съ вами отношеніяхъ, которыхъ допустить вы не хотите.

Мнѣ стало стыдно; я покраснѣла и молча подала ему руку, которую онъ поцаловалъ. Въ эту минуту Паша и все семейство Шестовыхъ вошло въ переднюю. Я невольно выдернула руку свою изъ рукъ Персильева, выдернула съ такой поспѣшностью, что онъ удивился. Я смутилась еще больше. Что̀ онъ обо мнѣ подумаетъ?

Паша вбѣжала въ комнату.

— Дайте и намъ чаю! мы холодны и голодны... Ну, ужь свадьба! признаюсь!...

Я вышла, чтобъ позвать человѣка и просить подогрѣть самоваръ. Въ дверяхъ столкнулась я съ Дуней и Лидіей. Боже мой, какъ хороши онѣ показались мнѣ! Обѣ были одѣты одинаково: въ бѣлыхъ, воздушныхъ, прозрачными складками падавшихъ платьяхъ. Бѣлые пояса схватывали ихъ талью, и легкій газъ, какъ

Digitized by Google

облако, обвивалъ ихъ бѣлыя, длинныя шейки, какъ шея лебедя. Я невольно оглянулась. Персильевъ глядѣлъ на Дуню—и взоръ его блестѣлъ: видно было, что плѣнительная красота ея зажгла въ немъ опять худо-потухшее пламя любви. Дуня снимала свой шарфъ; онъ помогалъ ей и коснулся рукой руки ея и пожалъ эту руку. Мгновенно румянецъ пробѣжалъ по лицу Дуни, и она обернулась въ испугѣ. Лидія стояла къ ней спиной; Персильевъ и я равно ловили взглядъ Дуни — но его не было. Потупивъ голову, взяла она опять шарфъ, бережно сложила его и вынесла изъ комнаты. Въ дверяхъ, за которыми стояла я, онъ настигъ ее и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я завтра ѣду. Слово, одно слово, послѣднее: я люблю васъ... позвольте мнѣ надѣяться... я буду ждать, сколько вамъ угодно; но скажите, что когда-нибудь я буду счастливъ...

Дуня хотѣла отвѣчать; онъ прервалъ ее порывисто:

— Молчите, не говорите «нѣтъ». Подумайте: двѣ недѣли назадъ вы были неумолимы со мною, вы были безжалостны, вы оскорбили меня холодностью, но я... я побѣдилъ свою гордость. Я опять у ногъ вашихъ... Слово надежды! Дуня, вспомните прошлое!..

Она поблѣднѣла какъ снѣгъ, взглянула на него, хотѣла сказать что-то и не могла; губы ея слегка дрожали, ноздри приподнялись; потомъ она отвернулась, потомъ обратила опять къ нему страдающее лицо свое и сказала тихо, такъ тихо, что слова ея едва звучали:

«Я могу любить васъ только какъ брата».

И, не дожидаясь отвѣта, не взглянувъ на него, она вышла изъ комнаты.

Онъ не проводилъ ея взглядомъ; онъ только, будто невольно и безсознательно, сдѣлалъ движеніе рукой и прошелъ въ переднюю. На другой день его холодное, почти небрежное прощанье съ Дуней должно было разбить ея сердце; по-крайней-мѣрѣ, оно растерзало бы мое, еслибъ я была на ея мѣстѣ. Не знаю, что было съ Дуней; она не только не говоритъ о Персильевѣ, но уходитъ, если начнутъ говорить о немъ. Вообще, она стала еще серьёзнѣе и молчаливѣе, вдалась въ различныя занятія: читаетъ, переводитъ, шьетъ, учитъ Липиньку музыкѣ, вѣроятно, чтобъ убить время и, можетъ-быть, внутреннее свое мученіе. Лидія поплакала въ день отъѣзда Персильевыхъ; Дуня не отходила отъ нея цѣлый день. Теперь она спокойнѣе и выѣзжаетъ съ матерью, часто безъ Дуни,

Digitized by Google

которая выдумала, что ей надо раньше ложиться спать. Вообще, въ домѣ нашемъ сдѣлалось невыносимо-скучно; даже Елена Михайловна скучаетъ, а Владиміръ поговариваетъ, что ему надо ѣхать въ деревню по дѣламъ. Персильевы сосѣди ихъ по деревнѣ: ужь не туда ли спѣшитъ этотъ пустой мальчикъ и не покорила ли Паша его мягкое сердце?

ПИСЬМО VII.

Владиміръ дѣйствительно былъ у Персильевыхъ и провелъ съ ними болѣе недѣли. Онъ несовсѣмъ-доволенъ своей поѣздкой: родъ жизни ихъ ему очень не нравится. Онъ говоритъ, что Персильевъ проводитъ цѣлое утро въ своемъ кабинетѣ, а Паша хлопочетъ по хозяйству и сидитъ съ старикомъ-отцомъ. Послѣ обѣда всѣ остаются вмѣстѣ около часа, послѣ чего старикъ уходитъ отдыхать, Персильевъ отправляется на фабрику, а Паша — къ себѣ. Вечеромъ, особенно въ почтовый день, всѣ, по выраженію Владиміра, сидятъ уткнувъ головы въ журналы, а въ остальные дни Персильевъ обыкновенно читаетъ вслухъ книгу, пока Паша работаетъ, а старикъ слушаетъ и, порой, вздремлетъ. Тогда чтеніе прерывается, и говорятъ шопотомъ, чтобъ не безпокоить его.

— Какъ не дремать! прибавляетъ отъ себя Владиміръ: — меня вчужѣ тоска взяла; это хуже каторги.

— Вы сказали свое мнѣніе Прасковьѣ Ивановнѣ? спросилъ я.

— Разумѣется; но развѣ это ея вина? Это все ея умный братецъ; она такъ и сказала мнѣ, и въ слѣдующіе дни было ужь сноснѣе: эти чтенія прекратились. Иногда я могъ поговорить съ Прасковьей Ивановной, а иногда игралъ въ пикетъ съ старикомъ. Ну, признаюсь, вотъ люди! Персильевъ сдѣлался еще скучнѣе и нахмуреннѣе, и я понялъ кузинъ. Можно ли, въ-самомъ-дѣлѣ, выйдти за такого чудака, хотя по состоянію, онъ, конечно, женихъ завидный? Сама Аполлинарія Ѳедоровна искала случая съ нимъ познакомиться. А которая изъ васъ, спросилъ Владиміръ, обращаясь внезапно къ кузинамъ: — отправила его съ носомъ, этого я въ толкъ не взялъ, а прочее угадалъ... меня не проведешь... знаю, гдѣ раки зимуютъ!

— Съ чего ты взялъ? сказали сестры, вспыхнувъ.

— Ну, хорошо, хорошо... Мы себѣ-на-умѣ! Но все перемелется — мука будетъ. Да, забылъ, къ вамъ есть письмо отъ Прасковьи Ивановны.

Digitized by Google

При этихъ словахъ онъ вынулъ пакетъ и отдалъ его сестрамъ; онѣ, казалось, были рады такому неожиданному повороту разговора, взяли письмо и ушли къ себѣ.

Послѣ обѣда, проходя черезъ гостиную, я услышала за собою чьи-то шаги: это былъ Владиміръ; онъ шопотомъ назвалъ меня по имени; я остановилась.

— Прасковья Ивановна присылала и вамъ письмо, но крѣпко приказывала мнѣ отдать его вамъ, когда вы будете однѣ. Я, признаюсь, не понимаю, зачѣмъ и почему, но, конечно, ужъ если Прасковья Ивановна приказала, то не безъ причины: она такая умница. Ну, вотъ я и отдалъ. Смотрите же, отпишите ей, что я исполнилъ ея порученіе въ-точности. Напишете?

— Непремѣнно; благодарю васъ.

Я взглянула на адресъ: онъ былъ написанъ рукою Паши. О чемъ она могла писать ко мнѣ? Между-тѣмъ я должна была спрятать письмо до болѣе-благопріятнаго времени. Липинька сидѣла ужь за тетрадями и торопила меня дать ей урокъ, желая идти гулять по окончаніи его. Никогда еще не приходилось мнѣ употребить столько усилій надъ собою, чтобъ заняться не тѣмъ, чѣмъ хотѣлось, а чего требовала моя обязанность; но мимо воли моей, впродолженіе двухчасоваго урока, всевозможныя предположенія прошли въ умѣ моемъ, тѣмъ-болѣе, что письмо было объемисто. Наконецъ урокъ кончился; Липинька уѣхала кататься съ няней; я заперлась въ своей комнатѣ и нетерпѣливо сломила печать... Письмо было не отъ Паши, а отъ ея брата. Вотъ оно:

Письмо Персильева къ Анютѣ.

По зрѣломъ размышленіи и, могу сказать, выстрадавъ письмо это, я рѣшился воспользоваться вашимъ дружескимъ позволеніемъ и высказать вамъ всѣ мои мысли. Особенныя обстоятельства, въ-которыхъ я находился во время поѣздки въ городъ, достаточно сблизили меня съ вами, такъ-что я могу обратиться къ вамъ съ новою просьбою и откровенно говорить съ вами обо всемъ до меня касающемся. Я передумалъ. Не говорите обо мнѣ съ Евдокіей Матвѣевной. Я много и долго разсуждалъ, колебался и добился того, что мысли мои окончательно установились. Я пришелъ къ тому заключенію, что дальнѣйшее преслѣдованіе моего первоначальнаго желанія ни къ чему не приведетъ меня; да еслибъ и привело, то не будетъ ли къ худшему? Я, кажется, былъ увлеченъ чувствомъ несовсѣмъ-разумнымъ, когда искалъ любви и

руки Евдокіи Матвѣевны: мы ни въ чемъ несходны, и я думаю, что, съ моей стороны, благоразумнѣе отказаться, хотя и съ болью сердца, отъ всякихъ новыхъ попытокъ. Мы иначе глядимъ на жизнь, иначе понимаемъ ея обязанности, и главное — ея наслажденія, радости. Кто знаетъ? вступивъ въ бракъ, мы бы скоро увидѣли оба, что обманулись. Я слишкомъ-положителенъ, слишкомъ-занятъ, слишкомъ-старъ, быть-можетъ, для нея, а она слишкомъ-мечтательна, слишкомъ-деликатна (до болѣзненности), слишкомъ-ребячлива для меня. Мнѣ нужна подруга, товарищъ, словомъ — женщина. Мнѣ некогда воспитывать жену, да и достанетъ ли на это моего терпѣнія? Воспитаніе взрослаго дитяти — трудное дѣло. Перевоспитывая, можно изуродовать, или даже, совершивъ это при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, на-вѣки погубить въ сердцѣ женщины ея первоначальную любовь и преданность. Для кого же тогда воспитаешь ее? Для другаго... Но вы согласитесь, что это верхъ несчастія. Къ-тому же, такой страшный переломъ всѣхъ понятій влечетъ за собою самыя непредвидѣнныя слѣдствія: иногда все существо прежде-нѣжной женщины становится сухимъ, иногда упрямство переходитъ въ ожесточеніе; часто она теряетъ свою особенность и дѣлается сколкомъ того, кто взялся за трудное дѣло ея перевоспитанія. А чаще — и этого всего больше боюсь я — такая ломка всего живаго, всего животрепещущаго, хотя и неправильно-бьющагося уничтожитъ въ женщинѣ всякую въ себя довѣренность и помнетъ немилосердо то, что̀ въ женской душѣ зову я *сенситивомъ*, чувствительной струной—этимъ перломъ внутренней жизни, который неоцѣнимъ для меня. Женщина, потерявъ этотъ перлъ, будетъ несчастна; и что̀ буду я въ глазахъ ея, въ своихъ собственныхъ?—Мои правила неизмѣнны и я не могъ бы сказать въ свое оправданіе: цѣль оправдываетъ средства. Я сталъ бы ненавидѣть себя—мы оба были бы несчастны. Жениться, вовсе не думая брать на себя такое опасное дѣло — но какъ жить съ женой, съ которой во всемъ расходишься? Она не пойметъ меня, а я, понимая ее, не буду въ состояніи ей сочувствовать. Меня ничто такъ не раздражаетъ, какъ тупость пониманія, а, несмотря на умъ свой, Дуня часто не понимала меня. Я знаю всѣ ея достоинства, но они еще болѣе раздражаютъ меня. Видѣть, чѣмъ бы она могла быть, и сносить ея характеръ — это всегда было пыткой для меня... Но къ чему все это? Я увлекся, объясняя вамъ мысль мою и почти забылъ, что она сама еще разъ, такъ твердо, такъ рѣшительно отвергла меня. Какое упор-

ство! какая энергія! и все вслѣдствіе правилъ, созданныхъ воображеніемъ и преувеличенныхъ. Еслибъ эта женщина встрѣтилась со мною, когда ей было семнадцать лѣтъ — другое дѣло... Въ семнадцать лѣтъ характеръ, мнѣнія, правила—воскъ, который легко моделировать; въ двадцать-пять лѣтъ женщина установилась, и передѣлывать ее, значитъ, ломать ее безжалостно при воплѣ и протестѣ всѣхъ въ ней укоренившихся чувствъ; это значитъ истреблять ихъ безжалостно. Нѣтъ, я неспособенъ къ такой роли. Лучше отказаться отъ нея рѣшительно и твердо, какъ она отказалась отъ меня, и употребить силу характера и волю на излеченіе самого себя. Что я любилъ въ ней? — кротость ея; но ея кротость наружная: она въ высшей степени непреклонна, когда рѣшилась на что-нибудь. Доброта ея неоспорима; но я всегда былъ оскорбленъ, видя, до чего она простираетъ свое безразличіе; къ-тому же, она не знаетъ людей, и ея надо вѣчно будетъ беречь отъ интригановъ, которые тотчасъ, съ помощью двухъ-трехъ ловкихъ громкихъ фразъ, способны увлечь и обмануть ее. И что за противорѣчія—эта нетерпимость во мнѣніяхъ и это дѣтское пониманіе людей, эта осторожность, недовѣрчивость въ первоначальныхъ сношеніяхъ и эта откровенность невпопадъ? Замѣтьте, что она больще боится людей благородныхъ и жадно бросается на уду мастеровъ въ искусствѣ обмануть. Она не сочувствуетъ — мало того, не уважаетъ многихъ знакомыхъ, и, вообразите, до того боится ихъ, что жертвуетъ больше чѣмъ личной независимостью—свободой высказать свое мнѣніе! Она не терпитъ провинціальной жизни и, однако, во многомъ заразилась ея мелочностью. Помню тысячи случаевъ размолвокъ въ то блаженнное время, когда я былъ счистливъ и любилъ ее. Правда, я былъ безжалостенъ, и такіе споры вели насъ къ совершенному разногласію во всемъ; мы расходились и въ большихъ и въ малыхъ вопросахъ, и, однако, я любилъ ее, любилъ горячо и искренно. Въ ней было столько прелести, столько граціи, поэзіи и чистоты, что я былъ притянутъ къ ней неодолимой силой; въ ея фальшивомъ взглядѣ было всегда столько благородства и чистоты, что размолвки наши кончались тѣмъ, что я, не уступая, обходилъ спорные пункты и даже оправдывалъ ее передъ собственными глазами, надѣясь, что жизнь вылечитъ ее позже. Мы любили другъ друга и были счастливы до-тѣхъ-поръ пока Дуня не схватилась за новую нелѣпость: уступить меня сестрѣ, будто я вещь, будто не люблю я ея, вопреки всему насъ раздѣлявшему, будто не любитъ она меня! . . . .

Digitized by Google

Теперь я вполнѣ разъяснилъ вамъ свои прошлыя отношенія къ Дунѣ, хотя мало сказалъ о главной цѣпи, связывавшей меня съ нею, цѣпи полной такого обаянія, что я до-сихъ-поръ вспоминаю пролетѣвшіе дни съ болью сердца и жгучимъ сожалѣніемъ. Дунѣ обязанъ я счастливѣйшими минутами моего зрѣлаго возраста: она воскресила для меня забытыя мною упоенія первоначальной любви, когда душа, преисполненная чувствомъ, безконечно наслаждается присутствіемъ любимой женщины.

Въ любви Дуни было столько свѣжести, нѣжности, стыдливой граціи и ласки, что и мое устарѣвшее сердце вновь обрѣтало давно-забытый имъ трепетъ, языкъ полный тайнаго значенія слова любви, несвязные, но понятные любящимся глаза, сладостныя слёзы. Да, всѣмъ этимъ насладился я подлѣ Дуни, и не спѣшилъ рѣшительнымъ признаньемъ: я былъ такъ счастливъ... Гдѣ почерпнула эта дѣвушка тайну очаровать умъ, отвердѣвшій въ практическихъ занятіяхъ, очерствѣвшій въ одиночествѣ и остывшій съ лѣтами? какъ она могла вновь возбудить въ немъ способность находить прелесть въ мелочахъ и забывать все для любви и ея радостей? Гдѣ уловила она ту неоцѣненную поэзію, которая невидимо окружала ее и неодолимо привлекала къ ней? гдѣ выучилась она говорить тѣ слова, которыя никогда не забываются? О! жаль, жаль мнѣ нашего прошлаго счастія! Вырвалъ бы я ее, умчалъ бы на край свѣта, еслибъ могъ надѣяться, что сила любви моей разобьетъ ея гибельныя для счастія теоріи! Еслибъ вы видѣли, какъ была она увлекательна, когда, предавшись чувству, одному чувству, забывала ихъ!...

Я дурно сдѣлалъ, что писалъ къ вамъ такъ откровенно: это письмо расшевелило во мнѣ все прошлое, разбудило заснувшую, оборвавшуюся во мнѣ любовь, и безплодныя, недостойныя крѣпкаго, возмужалаго человѣка сожалѣнія волнуютъ меня. Стыдно въ мои лѣта поддаваться дѣтскимъ чувствамъ; прошла пора, а все жаль ее! Была хороша она и радостна, и я благодаренъ за то, что было, и что невозвратно миновало. Мнѣ кажется, еслибъ Дуня опять пришла ко мнѣ, пришла сама, я не могъ бы любить ее какъ прежде: надломленная любовь не подымается; я бы... но кто это знаетъ?

Зачѣмъ я написалъ все это? спросите вы не безъ основанія. Я скажу вамъ правду, хотя она не совсѣмъ-легка для моего самолюбія. Сердце мое было полно: надо было облегчить его и подѣлиться мыслями съ другимъ существомъ мыслящимъ и чувствую-

щины. Что касается до сестры, то я ужъ сказалъ вамъ когда-то, что ея характеръ и мнѣнія образовались подъ моимъ вліяніемъ. Я боялся излишней чувствительности и убилъ въ ней, самъ того не замѣчая, поэзію; боялся безхарактерности и убилъ женственность, убилъ деликатность. Желая достичь цѣли, я перешелъ ее и самъ плачу за свою ошибку. Несмотря на истинную ея ко мнѣ привязанность, она меня очень-часто отталкиваетъ, и я, въ свою очередь, боюсь ея насмѣшливаго или рѣзкаго слова. Если что-нибудь меня оправдываетъ, такъ развѣ то, что я самъ былъ молодъ, когда воспитывалъ Пашу; но вѣдь и это плохое оправданіе! Вы видите сами, какъ удалось мнѣ одно воспитаніе: кто же внушитъ мнѣ дерзать приняться за другое?... Кстати о Пашѣ. Я хочу спросить у васъ просто и прямо: думаете ли вы, что Владиміръ Ясновскій серьёзно влюбленъ въ нее и будетъ свататься? Признаюсь, я бы не желалъ этого; не такого мужа хотѣлъ бы я для сестры. Она умна, добра, благородна: она могла бы сдѣлать лучшій выборъ. Несмотря на то, что мы дружны, она не говоритъ со мной о Ясновскомъ. Боится ли она насмѣшекъ моихъ (но ихъ бы не было; я излеченъ отъ нихъ), или стыдно ей сознаться, что онъ ей нравится, послѣ моего рѣзкаго о немъ отзыва — не знаю; только я увѣренъ, что онъ занимаетъ ее, хотя она попрежнему шутитъ надъ нимъ, что, однако, не мѣшаетъ ей запальчиво, бойко защищать его отъ нападокъ другихъ. Ужели она влюбилась въ одну красоту его? Это меня безпокоитъ, и я былъ бы очень-доволенъ, еслибъ вы написали мнѣ, что онъ не думаетъ серьёзно о сестрѣ моей, и что съ его стороны это не болѣе, какъ простое волокитство. Я буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Одиночество, въ которомъ живу я, томитъ меня, и ваше письмо замѣнитъ мнѣ дружескій визитъ и дружескую бесѣду.

Не дивитесь, что Паша надписала вамъ адресъ на письмѣ: я хорошо знаю жизнь маленькаго городка и не хочу своими сношеніями съ вами подать поводъ къ глупымъ толкамъ и непріятнымъ для васъ выводамъ. Ясновскій болтливъ, а Елена Михайловна, какъ она ни добра, какъ ни образована, не пойметъ простыхъ, дружескихъ отношеній между мужчиной и женщиной, писемъ же—и того менѣе. Не говорите никому ни слова о письмѣ моемъ къ вамъ. Что жь дѣлать? Не только въ глуши, но и въ большихъ городахъ я встрѣчалъ семейства, гдѣ не могли понять самыхъ простыхъ отношеній. Я знаю васъ на столько, что, увѣренъ, вы согласны со мною.

Digitized by Google

Если вамъ нужно книгъ, напишите, какихъ именно: я пришлю вамъ ихъ тотчасъ.

Анюта къ Сашѣ.

Ну, что̀ ты скажешь о письмѣ этомъ? Не правда ли, что онъ очень-уменъ. Ка̀къ прямо, ка̀къ безъискусственно онъ смотритъ на людей и жизнь! Практическая дѣятельность, что̀ ни говори онъ, не уничтожила въ немъ поэзіи, жара, страсти. Его письмо, мѣстами, пропитано страстью; и когда читаешь эти строки, сердце бьется, какъ-будто онѣ относятся къ той, которая читаетъ. Вотъ мужчина, какъ я любила представлять его себѣ: благородный, стойкій, дѣятельный и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, способный любить и оцѣнить любовь женщины! Жадно читала я письмо это, хотя не безъ сжимающей сердце тоски... Но что̀ такое письмо? Еслибъ ты видѣла его, еслибъ ты слышала его одушевленную, блестящую рѣчь, и ка̀къ при этомъ хорошъ онъ: я рѣдко... нѣтъ, никогда не видала я такого выразительнаго лица, такихъ прекрасныхъ глазъ. И Дуня... безумная Дуня!.. Боже мой! сколько, однакожъ, надо силы, чтобъ добровольно отказаться отъ него! Положимъ, что она не любитъ его страстно — но онъ сильно ей нравится... Впрочемъ, кто знаетъ? Она скрытна и сосредоточенна до невѣроятности, и живетъ затворницей. Я пыталась говорить съ ней о немъ, но она просила меня замолчать. Когда прійдешь къ ней, она ласкова, но молчалива, задумчива и нагоняетъ на меня какую-то хандру, смѣшанную съ досадой... Однако, прощай. Я устала, а мнѣ надо отвѣчать Персильеву съ этой же почтой.

Письмо Анюты къ Персильеву.

Съ глубокимъ вниманіемъ и участіемъ прочла я письмо ваше и немедля берусь за перо, чтобъ отвѣчать вамъ. Вы спрашиваете о намѣреніяхъ Ясновскаго — сказать что-нибудь утвердительно не могу. Мои отношенія съ нимъ самыя далекія; но я могла замѣтить изъ его разговоровъ, что ваша сестра ему серьёзно нравится; а такъ-какъ отецъ его давно желаетъ видѣть его женатымъ, то весьма-вѣроятно, что онъ будетъ свататься. Не понимаю, почему вамъ такъ не хочется видѣть сестру вашу за̀мужемъ за Ясновскимъ; онъ, конечно, человѣкъ недалекій, но это собственно касается до сестры вашей; и если онъ успѣлъ ей понравиться— значитъ, она примирилась съ этимъ недостаткомъ. Въ семейной жизни характеръ Ясновскаго ровенъ, непритязателенъ. Мнѣ ка-

Digitized by Google

жется, что жена будетъ управлять имъ, и сестра ваша не употребитъ, конечно, во зло своей власти надъ мужемъ. Несмотря на рѣзкость ея мнѣній и рѣчей, она въ-сущности очень-добрая дѣвушка. Я полагаю, что счастье вашей сестры составляетъ вашу главную заботу, и, мнѣ кажется, за него бояться нечего: выборъ ея хотя не блестящій, но и непредосудительный. Ясновскій человѣкъ честный; состояніе его не велико, но зато сестра ваша богата: кажется, при этомъ бракѣ, еслибъ состоялся онъ, соблюдены будутъ всѣ условія для прочной будущности.

Что̀ мнѣ сказать вамъ о васъ самихъ? Рѣшеніе ваше принято, хотя, быть-можетъ, вы ужь слишкомъ-скоро отступились отъ надежды; по-крайней-мѣрѣ, такъ думаю я, видя глубокую тоску, въ которую впала Дуня. Не это, конечно, удивляетъ меня: меня удивляетъ непонятливость Лидіи и отчужденіе, если можно такъ выразиться, Елены Михайловны, которая сдѣлалась, однако, очень печальна. Странная женщина! Она, можно сказать, присутствуетъ при внѣшнихъ и внутреннихъ событіяхъ, совершающихся въ ея семействѣ, и не подаетъ вида, что знаетъ о происходящемъ въ немъ. Сперва я приняла это равнодушіе за эгоизмъ, но, нѣсколько дней назадъ, убѣдилась въ противномъ. Дочери ея были заняты выкройкой; пока онѣ, нагнувъ головы, заботливо скалывали изгибы покроя, мать долго съ умиленіемъ глядѣла на нихъ, и худо-скрытыя слезы заблистали въ глазахъ ея украдкой; она отерла ихъ и нѣжнѣе обыкновеннаго простилась вечеромъ съ дочерьми. Вообще она стала съ ними ласковѣе, и часто, чего прежде не замѣчала я, цалуетъ ихъ въ голову проходя мимо, или посылаетъ ихъ въ гости, чаще принимаетъ у себя. Лидію все это разсѣеваетъ—но не Дуню. Бѣдная Дуня исхудала и беспрестанно борется съ собою, желая подавить тоску, ее гложущую. Мы почти никогда не бываемъ однѣ, и я, какъ другія, имѣю меньше свободнаго времени. Признаюсь вамъ, меня, какъ Дуню, эти пріемы утомляютъ не развлекая; къ-тому же иногда гости уѣдутъ поздно, я лягу спать поздно, а на другой день надо рано встать, чтобъ приготовиться къ урокамъ. Вечерніе съѣзды, позднія бесѣды введены въ употребленіе лицами праздными, или такими, у которыхъ работа не распредѣлена. Когда-то и я любила эти вечернія собранія: это было въ то счастливое время, когда кроткій взоръ моей второй матери слѣдилъ за мною и Сашей, когда наше удовольствіе было ея радостью. Она позволяла намъ ту невинную свободу въ обращеніи, ту короткость, полную приличія, которыя такъ

Digitized by Google

быстро способствуютъ умственному развитію и, сближая дѣвушекъ съ лицами различныхъ возрастовъ и положеній, знакомятъ ихъ съ людьми и ихъ безчисленными, разнообразными свойствами. Если такъ рано, такъ благоразумно научилась я глядѣть на жизнь, я обязана этимъ моей первой руководительницѣ въ жизни семейной и общественной. Княгиня Б** была, кажется, очень-несчастлива въ молодости и вынесла изъ опыта и бури жизни одно правило, доброту и благородство котораго вы сами оцѣните. Она дала обѣтъ никогда не проходить мимо болѣзни физической или нравственной, мимо горя, мимо бѣдности, не протянувъ руки помощи. Состояніе ея было большое и помогло ей привести въ исполненіе эти намѣренія. Такимъ-образомъ попалась къ ней и я. Проѣзжая черезъ одно село, въ одной изъ самыхъ глухихъ нашихъ губерній она увидѣла меня. Я шла, бѣдно одѣтая и заплаканная за гробомъ моей матери; пріѣхавъ на станцію, княгиня, замѣтившая меня, разспросила обо мнѣ. Ей сказали, что мать моя умерла въ крайней бѣдности и что отецъ мой, отставной чиновникъ, имѣетъ такую частную должность, которая требуетъ безпрестанныхъ отлучекъ изъ дома. Сосѣди прибавляли, что теперь я вовсе останусь безъ призора. Княгиня послала тотчасъ за отцомъ моимъ— и судьба моя была рѣшена. Черезъ часъ я сидѣла въ каретѣ, которая быстро умчала меня въ другую сферу и иной міръ. Сперва княгиня хотѣла отдать меня въ пансіонъ, но Саша полюбила меня— и я была воспитана съ ней вмѣстѣ. Княгиня не отличала меня отъ ней. Однажды мы были у обѣдни въ домовой церкви графа Э**. «Кто эта миленькая дѣвочка?» спросила у княгини одна изъ свѣтскихъ женщинъ, показывая на Сашу. «Это дочь моя» сказала княгиня. «А эта?» спросила та же дама, показывая на меня. О, никогда не забуду я ея голоса, ея взора, когда она отвѣчала: «это тоже дочь моя!» Многіе порицали ее за то, что она дала блестящее образованіе бѣдной дѣвочкѣ; но княгиня твердила мнѣ, что я должна учиться, чтобъ во всѣхъ случаяхъ жизни зависѣть отъ себя самой. Она, однако—я знаю это—хотѣла обезпечить мою будущность, но скоропостижная, преждевременная смерть застигла ее и лишила меня всего. Конечно, я не могу много жалѣть о состояніи, на которое не имѣла ни малѣйшаго права, но всю жизнь мою буду жалѣть о ней, моей второй, нѣжно-любившей меня матери. Я всѣмъ ей обязана, даже тѣмъ, что не тягощусь настоящимъ положеніемъ. Переходъ былъ, конечно, тяжелъ; но теперь онъ совершился—и я довольна собою. Правда, трудно

Digitized by Google

жить безъ семейства (отецъ мой давно умеръ), но я мечтаю (не смѣйтесь надо мною, и если вы писали откровенно, вы видите, я слѣдую вашему примѣру), мечтаю, что со-временемъ и я найду людей близкихъ, и вокругъ меня составится цѣлый маленькій міръ, котораго если не центромъ, то частью буду я, что этотъ міръ замѣнитъ мнѣ семью, которой я лишилась такъ рано. Найдти людей достойныхъ, полюбить ихъ, заставить ихъ полюбить себя — дѣло немаловажное, и много тутъ и счастія и тихихъ наслажденій. Вы видите, требованія мои отъ жизни неогромныя, но и не незначительны. Ни мало, ни много, благая середина — это мой конёкъ. Мнѣ кажется, тотъ счастливъ, кто умѣетъ найдти, понять ее; эта середина есть примиреніе съ судьбой, съ смиренной долею, назначенной въ жизни, умѣнье найдти въ долѣ этой свойственныя ей радости. Какая доля бываетъ безъ радостей? Я вѣрю вознагражденіямъ внѣшнимъ или внутреннимъ; не знаю, права ли я — но вѣра эта утѣшительна. Безъ страха смотрю и въ будущее и живу имъ, но не исключительно — избави Боже: оно обманчиво! Я больше стараюсь, я приневоливаю себя жить въ настоящемъ и ловлю съ жадностью бѣдняка брошенную ему монету — ловлю минуты удовольствія и веселья. Я не могу жаловаться: иногда онѣ бываютъ и у меня; и когда посмотришь попристальнѣе вокругъ себя, какъ много лицъ, которыя не имѣютъ и того, что мы имѣемъ! Не дальше какъ вчера, мнѣ случилось встрѣтить очень жалкое лицо и узнать часть его исторіи. Не могу не подѣлиться съ вами своими впечатлѣніями, тѣмъ болѣе, что вы можете помочь моему новому знакомому. Вчера мы были на вечерѣ у Колесовой. Дѣвушки сидѣли вмѣстѣ, кружкомъ; Дуня и Лидія, встрѣтясь случайно съ Павлиной, говорили съ ней очень-тихо; я осталась одна и вышла въ другую комнату, гдѣ многочисленные зеленые столы были заняты играющими. Въ углу человѣкъ среднихъ лѣтъ, котораго я встрѣчала и прежде, сидѣлъ свѣсивъ голову. Это былъ высокій, худощавый мужчина съ большими яркими глазами и, какъ смоль, черными волосами. Въ то самое время, какъ я смотрѣла на него, Татьяна Петровна, во всей красѣ своего петербургскаго наряда (такъ говорила она по-крайней-мѣрѣ) и своихъ сорока лѣтъ, все еще слывшихъ за двадцать-восемь, подошла къ нему съ картой. Смуглый господинъ, вставъ, поклонился, покраснѣлъ до ушей и сказалъ что-то, что я не могла разслышать. Татьяна Петровна захохотала и возразила громко: «Пустяки! Я знаю, что вамъ не подъ-силу, но я придержу половину».

Digitized by Google

Смуглый господинъ поблѣднѣлъ и произнесъ отрывисто, безъ смущенія, но съ раздражительностью:

— Я не играю.

— Какъ рѣшительно! сказала хозяйка насмѣшливо: — въ такомъ случаѣ, позабавьте дѣвицъ, спойте романсъ.

— Да, да! раздались со всѣхъ сторонъ голоса дѣвицъ и дамъ.

— Онъ будетъ пѣть, сказала одна дѣвушка: — сама Тумачева попроситъ его; онъ у ней даетъ уроки, ему отказать нельзя. Посмотрите, какъ распоется — съ завываньемъ!

— Но кто онъ? спросила я.

— Какой-то итальянецъ; говорятъ, что онъ сочинилъ оперу, которую не приняли на театрѣ, вслѣдствіе чего онъ помѣшался и Богъ-вѣсть какъ попалъ сюда. Его всюду приглашаютъ; но больше для потѣхи: какъ за фортепьяно, такъ и за слёзы — сами увидите.

Въ это время теноръ очень-тонкій, трогательный, но небольшой, раздался въ залѣ; не было методы въ пѣніи итальянца, но зато томленіе и страсть пробивались въ каждой нотѣ, и звуки эти схватили меня за душу: я чувствовала, что все существо мое было полно состраданія къ поющему, и невольно подошла къ фортепьяно. Когда онъ смолкъ, ироническія рукоплесканія, прерываемыя хохотомъ, раздались въ залѣ; но, казалось, онъ не замѣчалъ этого, и чувство, имъ овладѣвшее, было такъ сильно, что онъ, забывшись, перелистывалъ ноты и потомъ запѣлъ опять. Мало-по-малу слушающіе отходили, улыбки и хохотъ прекращались и кто-то сказалъ довольно-громко сзади меня:

— Да заставьте его замолчать: всю душу вытянулъ. Дай ему волю, будетъ пѣть до истерики!

Я взглянула на музыканта: лицо его подергивало; видно было, что всѣ нервы его были въ движеніи; онъ съ пронзающимъ душу чувствомъ пѣлъ:

Я стражду, я плачу,
Душа истомилась въ разлукѣ...

— Ну, хорошо! хорошо! будетъ! сказала хозяйка, безцеремонно закрывая фортепьяно.

Онъ вздрогнулъ.

— Вы устали, отдохните, сказала я ему тихо.

Видно, звуки моего голоса поразили его: онъ быстро всталъ и сказалъ мнѣ:

— Я дѣйствительно не могу пѣть, особенно собственную ком-

Digitized by Google

позицію. Эта арія изъ моей последней оперы. Не правда ли, хорошо?

— Ну, пошелъ, пошелъ! сказала мнѣ одна изъ дѣвушекъ: — романсъ Глинки; но онъ вездѣ видитъ собственную композицію. Это пунктъ его помѣшательства.

Я долго говорила съ нимъ; онъ дѣйствительно помѣшанъ, но очень-хорошо знаетъ музыку. Дуня говорила мнѣ, что вы желаете давно имѣть регента для пѣвчихъ: онъ могъ бы исполнить эту должность очень-успѣшно. Существованіе его въ городѣ достойно всякаго участія; онъ крайне-бѣденъ, уроковъ имѣетъ очень-мало, да и то по самой низкой цѣнѣ, такъ-что понять нельзя, чѣмъ онъ существуетъ. Елена Михайловна говорила мнѣ, что часто приглашала его къ себѣ, но безъ успѣха: онъ всѣхъ дичится и ни къ кому не ходитъ. Вообразите же наше удивленіе, когда на другой день моего разговора съ нимъ, онъ явился къ намъ и провелъ весь день съ нами! Я просила его давать мнѣ уроки музыки: рояль мой, тому ужь недѣля, благополучно прибылъ изъ Петербурга. Эти уроки будутъ полезны и мнѣ и ему, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время я очень-мало занималась музыкой. Въ городѣ, я слышала отъ Владиміра, бранятъ меня и называютъ экзальтаціей мое ласковое обращеніе съ Педрони (имя музыканта), освѣдомляются, откуда у меня столько денегъ, чтобъ платить безъ нужды за уроки музыки... Я, разумѣется, не обращаю вниманія на всѣ эти пошлости, хоть мнѣ кажется, что Елена Михайловна принимаетъ это къ сердцу. Вообще всякій слухъ безпокоитъ ея, лишь-только онъ касается до кого-нибудь, кто близокъ ея дому; и я дивлюсь, почему и она и ея дочери такъ мало-любимы. Ваша сестра, конечно, рѣзче и безцеремоннѣе Шестовыхъ, которыя, какъ вы знаете, никогда не высказываютъ своего мнѣнія, и, однако, она больше здѣсь любима, чѣмъ онѣ. Объясните мнѣ эту загадку... Но письмо мое такъ длинно, что мнѣ совѣстно. Прощайте. Желаю вамъ успѣшнаго труда, душевнаго мира и всѣхъ благъ, съ ними неразлучныхъ. Надѣюсь скоро имѣть отъ васъ болѣе-пріятныя вѣсти.

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Дни наши тянутся; вотъ ужь и зима проходитъ; скоро масляница, и въ городѣ готовятся вечера и балы. Елена Михайловна настаиваетъ, чтобъ я приняла въ нихъ участіе: я согласилась. Почему не воспользоваться ея предложеніемъ? почему не раз-

Digitized by Google

мяться? Это тѣмъ для меня необходимѣе, что, помимо воли моей, я не совсѣмъ довольна собою: и скучно и грустно мнѣ. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я отвѣчала Перевальеву, но отвѣта не имѣю — онъ молчитъ; молчитъ и Паша, не пишетъ даже къ сестрамъ Шестовымъ, будто всѣ они забыли о нашемъ существованіи. Эти дни, недѣли, мѣсяцы, тянулись для меня невыносимо, да и не для меня одной: въ нашемъ домѣ такая апатія, такая тоска, что выносить ихъ очень-трудно. Владиміръ рѣшительно влюбленъ въ Пашу и колеблется между желаніемъ блеснуть на масляницѣ въ полькѣ (которая тріумфъ его) и желаніемъ опять уѣхать въ деревню. Кажется, однако, онъ помирился на половинѣ: масляницу будетъ занятъ танцами, а великій постъ проведетъ въ деревнѣ. Завтра я звана на балъ и вынула изъ сундука платье, подаренное мнѣ твоей матерью. Не знаю, будетъ ли мнѣ весело, но я желала бы повеселиться, чтобъ стряхнуть съ себя то тяжелое чувство, которое овладѣло мною и убиваетъ во мнѣ самую молодость. Итакъ, до завтра.

. . . .

Пышный, многолюдный, шумный балъ прогремѣлъ и замолкъ, горѣлъ и погасъ, прошелъ, какъ все проходитъ на сценѣ свѣта. Балъ былъ оживленъ; зала большая, хорошо-освѣщенная; всѣ туалеты болѣе или менѣе изящные, безъ примѣси смѣшнаго или уродливаго; много хорошенькихъ дѣвушекъ и женщинъ. Я не скучала: ты знаешь, я люблю танцы и танцовала безъ отдыха, безъ усталости. Дуня и Лидія были особенно-хороши. Лидія была весела, но Дуня не оживлялась и посреди танцевъ — странная дѣвушка! гдѣ ея молодость, или что съѣло ее? Ужели экзальтація дала ей эту преждевременную задумчивость и усталость? Шесть лѣтъ прошло со времени ея выпуска изъ пансіона, и эти шесть лѣтъ въ глуши маленькаго городка не могли пресытить ее удовольствіями. Конечно, есть натуры до того апатичныя, что онѣ никогда неспособны къ веселью; но Дуня не изъ числа ихъ. Помнишь ли ты, какъ беззаботно, какъ безумно танцовали мы, бывало, и въ виллѣ какого-нибудь principe на берегахъ Средиземнаго Моря, и въ тѣсной многомодной залѣ парижскихъ крезовъ, гдѣ кругъ танцующихъ такъ сжатъ и тѣсенъ, что, кажется, веселью не будетъ и мѣста; и однако, какъ было живо оно! Помнишь ли ты шумные, чинные съѣзды въ Лондонѣ и безцеремонныя, пестрыя сходбища въ кур-залахъ модныхъ водъ, гдѣ рулетка сильно оспоривала первенство у вальса и польки, отчего и рулетка, и полька,

Digitized by Google

и тамъ ошибалась еще болѣе? Кажется, если которой изъ насъ не слѣдовало веселиться на вчерашнемъ балѣ городка, то, конечно, мнѣ — а что жь? Я позабыла о Парижѣ, Лондонѣ, Баден-Баденѣ, и, услышавъ знакомые звуки танцевъ, кружилась съ беззаботною веселостью. Но, возвратясь домой, почувствовала я такую невыносимую грусть, что, конечно, не поѣду опять на балъ. Послѣ шумнаго веселья болѣзнь души какъ-то ощутительнѣе. Это испытала я на себѣ.

Чрезъ двѣ недѣли.

Вчера меня позвали въ гостиную, и знаешь ли кого я нашла тамъ? Ты угадала, другъ мой: Персильевы пріѣхали въ городъ на всю масляницу. Какъ я рада была видѣть ихъ! Онъ сказалъ мнѣ, что сдался и пріѣхалъ по настоятельнымъ просьбамъ сестры, желавшей непремѣнно потанцовать, и не отвѣчалъ мнѣ именно потому, что рѣшился пріѣхать. Свиданіе мое съ нимъ было самое дружеское, самое нѣжное. Еслибъ ты видѣла, съ какимъ участіемъ онъ разспрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ, выѣздахъ; какъ хохоталъ, когда я разсказала ему здѣшнія сплетни; какъ улыбался, когда я говорила ему, что много танцовала и веселилась, и что, вѣроятно, продолжала бы выѣзжать, еслибъ не боялась новыхъ сплетенъ, которыя безпокоятъ не меня, а Шестовыхъ.

Онъ пожалъ плечами и не отвѣчалъ мнѣ на это. Скоро мы разговорились опять, но пріятное расположеніе духа его исчезло, когда Дуня вошла въ комнату: онъ сдѣлался грустнѣе и задумчивѣе. Онъ любитъ еще ее, Саша, непремѣнно любитъ, хотя и увѣряетъ меня, что пересталъ думать о ней, и что все это для него не болѣе, какъ прошлое.

Чрезъ три недѣли.

Я все обиралась кончить это письмо; но вѣришь ли ты? не имѣла ни минуты свободной. У насъ новости, которыя, впрочемъ, никого не удивили: Владиміръ Ясновскій вчера сдѣлалъ предложеніе Пашѣ, и оно было принято; она выходитъ за него замужъ, и Персильевы останутся въ городѣ до самой пасхи; отецъ Паши пріѣдетъ сюда, и Персильевъ вчера нанялъ домъ; свадьба назначена на Ѳоминой. Персильевъ удивительно уменъ и сметливъ. Еслибъ ты видѣла, какъ онъ держитъ себя съ будущимъ мужемъ сестры, то, конечно, не могла бы подозрѣвать, что онъ когда-то не желалъ этого брака. Съ сестрою онъ нѣжнѣе обыкновеннаго, что, кажется, ее тронуло: она меньше смѣется надъ тѣмъ, что

Digitized by Google

называетъ *пасіоничаньемъ;* или любовь, какъ бы мелка ни была она, измѣняетъ женщину и даже наименѣе-деликатной, придаетъ тотъ оттѣнокъ чувствительности, который разливаетъ такую прелесть вокругъ влюбленныхъ? Дуня, несмотря на всѣ усилія Персильева стать съ ней на ногу добраго знакомаго и родственника и показать совершенное забвеніе прошлаго, не можетъ переломить себя, видимо грустить и отдаляется отъ него. Лидія больше Дуни поддается на такую сдѣлку: она иногда шутитъ съ Персильевымъ, иногда кокетствуетъ, иногда сердится; и хотя онъ обращается съ ней больше какъ съ ребенкомъ, чѣмъ какъ съ женщиной, она, мнѣ кажется, не обращаетъ вниманія на эти оттѣнки поведенія и сдѣлалась очень-весела и болтлива. Дуня избѣгаетъ Персильева и ни разу не осталась съ нимъ съ глазу на глазъ. Кажется, ихъ любви положены непреоборимыя препятствія; сами они создали ихъ, сами съ необыкновеннымъ, обоюднымъ упорствомъ хранятъ ихъ. Я дивлюсь, съ какимъ фанатизмомъ восточнаго факира эта дѣвушка обреклась безплодному, нравственному истязанію, и однако не могу отказаться отъ сочувствія и сердечной жалости къ ней, хотя и знаю, что все это плодъ заблужденій ума, что все это софизмы сердца, привыкшаго тушить въ себѣ всѣ природные порывы и потребности. Зрѣлище грустное и поучительное! Мать понимаетъ ея страданія, но едва-ли винитъ ее; по-крайней-мѣрѣ такъ могла я заключить изъ нѣкоторыхъ ея словъ.

Не дивись, что я такъ разбираю меня окружающихъ: жизнь наша жизнь чисто-внутренняя, и я всякій день слѣжу за ея развитіемъ и ходомъ. Мало-по-малу и меня втянула она въ свой скрытый подъ обманчивой тишиной водоворотъ, и я начинаю страдать и смущаться. Какъ? не знаю. Зачѣмъ? боюсь... Да, я боюсь, Саша, милая Саша! «Поздно» — страшное слово, и оно что-то очень-часто стало приходить мнѣ на умъ. Зачѣмъ я не раньше, не прежде встрѣтилась съ нимъ? Мнѣ кажется, я была создана для него, какъ онъ созданъ для меня... Но прощай; мнѣ некогда; да и что бы стала я еще писать тебѣ?

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Я разомъ получила твои три письма. Ты безпокоишься, ты взволнована — ты права: напрасны, безполезны твои позднія предостереженія. Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится, это не то: я люблю его, люблю всѣми силами моего сердца. Ты знаешь, какъ я была равнодушна до-сихъ-поръ, какъ мало, быть-можетъ, понимала

Digitized by Google

любовь; помню то время, когда я несовсѣмъ вѣрила въ ея силу и безумство. Конечно, какая женщина не пойметъ возможности истинной и нѣжной привязанности; но какъ далеко отъ нея до страсти! Помнишь ли ты то время, когда мы вмѣстѣ читали «Леон-Леони», и я не одобряла любви Жюльетты? и теперь я не отступаюсь отъ этого мнѣнія и повторяю это въ ту самую минуту, когда чувствую, что люблю сама со всею страстью, къ которой способна любовь Жюльетты, казавшаяся мнѣ невозможною». Любовь — чувство высокое; оно создано длятого, чтобъ возвышать душу, а не унижать ее; избранникъ сердца становится идеаломъ, въ которомъ все доброе и благородное души нашей олицетворилось; оттого онъ такъ дорогъ намъ, что разстаться съ нимъ значитъ убить въ себѣ самое дорогое и высокое, значитъ иэсушить въ источникѣ живую струю жизни сердца и души. И могла ли я не полюбить его? Я не говорю о его блестящихъ способностяхъ, живомъ умѣ, рѣдкомъ образованіи: все это, какъ оно ни не оцѣненно, не стоило бы ничего въ глазахъ моихъ, еслибъ не было соединено съ несравненной добротой, съ человѣколюбіемъ, доходящимъ до самоотверженія, съ благородствомъ правилъ и убѣжденій рѣдкихъ и стойкихъ. Еслибъ ты видѣла только, какъ онъ добръ со всѣми, отъ него зависящими, какъ принялъ къ сердцу судьбу Педрони, какъ, не тяготясь, выслушиваетъ его вѣчныя повторенія и ужь спасъ его отъ бѣдности, взявъ его къ себѣ. Надо замѣтить, что Педрони, ознакомясь съ нами, нераздражаемый ничѣмъ, начинаетъ показывать проблески ума и наблюдательности; онъ очень-рѣзокъ въ своихъ приговорахъ, и въ немъ есть какое-то странное соединеніе правоты и здраваго смысла съ самыми нелѣпыми выходками, и совершенно-кривымъ толкомъ, какъ-скоро дѣло касается до устройства собственной его жизни. Пунктъ его помѣшательства особенно замѣтенъ въ томъ, что онъ не принимаетъ самыхъ выгодныхъ предложеній на томъ основаніи, что ему ничто не удается, потому-что до-сихъ-поръ ничто не удавалось. Но Персильевъ мастерски обходитъ съ нимъ тѣ пункты, на которыхъ онъ помѣшанъ, и, съ необычайнымъ терпѣніемъ выслушавъ его болѣзнью навѣянныя нелѣпости, заставляетъ его быть разсудительнымъ.

Педрони привязался къ Персильеву и привыкъ искать его, когда ему необходимо высказаться. А между-тѣмъ дни идутъ, и мое положеніе становится часъ-отъ-часу затруднительнѣе и щекотливѣе: я не знаю, возможно ли будетъ мнѣ остаться у Шестовыхъ,

Digitized by Google

При мысли этой, я чувствую, что во мнѣ что-то обрывается, сердце ноетъ, а умъ отступаетъ и возстаетъ противъ этой возможности. Но что̀ дѣлать — суди сама: Дуня меня возненавидѣла, и хотя не позволяетъ себѣ ни одного слова, но взглядъ ея, полный отвращенія, и холодность ея со мною превышаютъ все, что̀ я до-сихъ-поръ воображала. Не упрекая себя ни въ чемъ, я чувствую постоянное безпокойство, и внутренное мученіе истомило меня. Мнѣ очень-понятно, что̀ сдѣлалось съ Дуней: она ревнуетъ — и къ кому же? къ человѣку, котораго отвергла, отъ котораго отказалась, но не для меня! Елена Михайловна сдѣлалась тоже холодна: я всѣмъ здѣсь чужая, и мои отношенія къ семейству невыносимы. А Персильевъ? Онъ рѣшительно не измѣняется, обращаетъ на меня особенно-нѣжное вниманіе, ласковъ, какъ былъ сперва, часто говоритъ со мною впродолженіе цѣлаго вечера, но говоритъ, какъ говорятъ съ коротко-знакомой дѣвушкой — вотъ и все. Но глаза Дуни, зоркіе, блестящіе, слѣдятъ за каждымъ моимъ движеніемъ; она жадно ловитъ каждое слово мое, не слыша его — угадываетъ; она угадала истину; она знаетъ, что я люблю его... Но развѣ я виновата? Но развѣ я, несмотря на любовь мою, стараюсь отнять у ней жениха, или любимаго человѣка? Развѣ я кокетничаю? Сама ты знаешь меня: развѣ сойду я до унизительной роли враждовать за мужчину, кто бы такой ни былъ онъ; стараться наперерывъ передъ другой прельстить его и увлечь? Сохрани Боже! при одной этой мысли, румянецъ стыда и самолюбія покрылъ мои щеки. Что̀ мнѣ дѣлать, Саша? Если Персильевъ еще ничего не понялъ, онъ скоро все пойметъ и угадаетъ: онъ такъ проницателенъ — отъ него не замаскируешься. Я ужь начинаю бояться, и моя свобода обращенія пропадаетъ; только еще порою, увлекаясь его разговоромъ, я невольно забываюсь; но лишь-только Дуня посмотритъ на меня, я теряюсь и, какъ преступница, дрожу и потупляю голову. Мое положеніе ужасно... что мнѣ дѣлать?

Письмо Дуни къ Эмиліи.

Какъ давно не писала я къ тебѣ! Давно... Но дружба, которая связала насъ на скамьяхъ пансіона, живетъ свято и неприкосновенно въ сердцѣ моемъ, и я прихожу нынче къ тебѣ съ полною довѣренностью и откровенностью. Матери, нѣжно-любимой и уважаемой матери, я не сказала ни слова; сестрѣ—идолу души моей съ дѣтства, я еще менѣе могла повѣрить страшную тайну мою; но истомленное мое сердце проситъ участія, утѣшенія; душа моя

Digitized by Google

жизнья: ей необходимо освѣжиться полной исповѣдью. Слушай же, милый другъ мой, и потомъ пожалѣй меня. Нынче лѣтомъ я встрѣтила человѣка необыкновеннаго… Не стану входить въ подробности; скажу только, что я влюбилась въ него, влюбилась безумно и страстно, и за это, быть можетъ, судьба наказала меня. Мое израненное сердце не можетъ совладѣть съ собою: оно любитъ, несмотря на мои жгучія слезы, на мое позднее раскаяніе. Я была счастлива только три мѣсяца, счастлива, какъ рѣдко бываютъ счастливы. Я пила во взорахъ его, въ словахъ любви его, въ нѣжной ласкѣ его ту отраву, которая теперь сводитъ меня въ могилу. Я все забыла; семья, друзья — все въ это упоительное время было позабыто, я вся отдалась чувству… о, какъ я наказана! Однажды — и этотъ день никогда не изгладится изъ моей памяти — я, по обыкновенію, говорила о немъ съ Лидіей, и вдругъ увидѣла ея худо-скрытыя слезы. Я стала замѣчать за сестрой и убѣдилась, что она, какъ и я, любила его. Могу ли я выразить тебѣ мое отчаяніе! Въ ту страшную минуту потемнѣло въ глазахъ моихъ; я не знала, гдѣ я, что я… Я, какъ дитя, затерявшееся въ пустынѣ и палимое зноемъ, искала спасенія съ силой отчаянія, и кто опишетъ тебѣ ту ужасную ночь! Я ушла изъ дома, бродила одна, садилась усталая, вставала опять безсознательно и до истощенія силъ ходила по саду, не видя ничего, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета. Я закрывала глаза, чтобъ избавить себя отъ сознанія страшной истины. Борьба поднялась во мнѣ, борьба между моей любовью и завѣтнымъ чувствомъ всей жизни моей; слабое сердце отстаивало свои права, эгоистично билось оно, и его голосъ смутно взывалъ ко мнѣ, мученіе охватывало все существо мое! А память, неумолимая и непреклонная, нашептывала повѣсть о прошломъ… Помнишь ли ты, Эмилія, годы невинности, годы школьнаго ученія, когда я тебѣ всякій день говорила о сестрѣ, которой со мной не было и которую я любила такъ нѣжно? Ты помнишь ли, что въ это самое время пріѣхала изъ дома наша няня и увезла меня? Лидія не вынесла разлуки со мною: она была больна, и звала меня одну, умоляла опять соединить насъ. Меня взяли домой. Никогда не забуду я этого свиданія; ка̀къ бросились мы на шею другъ къ другу, ка̀къ плакали мы, ка̀къ съ этой минуты Лидія стала поправляться; мое присутствіе спасло ее, быть-можетъ, отъ смерти. Сколько безсонныхъ ночей провела я у ея изголовья! сколько разъ, при свѣтѣ лампады, смотрѣла я на ея блѣдную головку, лежавшую на плечѣ моемъ! сколько молитвъ и бла-

Digitized by Google

гословеній слетало тогда съ языка моего на эту милую головку! какъ мечтала я о будущемъ и какъ все оно было заранѣе устроено для одной Лидіи — для этой любимицы моего дѣтства и юности, этой надежды моего будущаго, этой сестры моей, сестры вдвойнѣ! И въ эту страшную ночь борьбы и муки, прошлое встало передо мною; оно неумолимо меня преслѣдовало укоромъ, полнымъ горечи, заставило замолчать сердце — и оно замерло. Не разъ, не одинъ разъ борьба сокрушала меня и до основанія потрясала все существо мое. Смиренія въ сердцѣ не было, была въ немъ боль и любовь. Могла ли я отдать ей любовь мою? Но любовь моя была — жизнь моя, больше чѣмъ жизнь. Иногда мнѣ казалось — куда страсть не увлекаетъ насъ! — что Лидія не умѣетъ, не можетъ любить какъ я, что она легкомысленнѣе меня и научится забывать! Но мнѣ ли назначено заставить ее узнать эту грустную сторону жизни? Я поняла, что все это были уловки эгоизма: жертвы требовалось, иначе прошлое было бы ложь и пустыя мечтанія! Я отдалилась отъ него, я покорилась своей участи, но спокойствіе, наслажденіе самоотреченія, безмятежность—все то, чего я ожидала, не сошло на меня. Сердце страдало, и его страданіе заглушало разумъ. Всякую минуту я могла пасть подъ грѣшными навѣтами — и приняла мѣру строгую, рѣшительную, отчаянную... Однажды ночью, при спящей Лидіи, я поклялась отказаться отъ него, отказаться невозвратно, ничѣмъ не ограничивая своего отреченія; я поклялась ни словомъ, ни намекомъ не измѣнять себѣ, и сдержала эту клятву — но для кого?... Плачь надо мной, милый другъ мой, плачь, потому-что я не могу плакать. Отверженный мной, раненый въ глубину души, непонявшій, быть-можетъ, чего мнѣ стоило отказаться отъ него, онъ, упрекнувъ меня, что я не умѣю любить, отшатнулся отъ меня — но не къ сестрѣ моей былъ онъ привлеченъ, нѣтъ! онъ любитъ... а если еще не любитъ, то скоро полюбитъ, я это чувствую, другую, чужую мнѣ женщину, которая сама давно ужь влюблена въ него!.. Для кого же разбила я жизнь мою, сердце мое, счастье мое—все мое? Эту женщину вижу я всякій день, всякую минуту; я могу слѣдить за развитіемъ любви ея, могу съ ненавистью разсказать слово-за-словомъ всю повѣсть его съ ней сближенія. Бѣдная Лидія! бѣдная сестра! я плачу надъ ней. О, какъ ненавижу я эту чужую намъ женщину, пришедшую украсть наше счастье. Я ненавижу ее всѣми силами души моей. Этому холодному созданію, *ей*, не понять любви моей, не понять моихъ мученій, да и что ей

Digitized by Google

до нихъ? Она хвалилась когда-то, что неспособна на жертвы — вѣрю, вѣрю! Она способна присвоить все себѣ, хотя бы это все и стоило жизни двумъ другимъ. Лидія еще ничего не видитъ; я все обнадеживала ее, я ей говорила, что, рано или поздно, онъ будетъ ея мужемъ. Ужели мнѣ мало собственныхъ страданій, и мнѣ суждено упиться до отчаянія ея страданіемъ?... Эмилія, напиши ко мнѣ, скажи хоть слово утѣшенія, слово примиренія: я страдаю безконечно, и зло наполняетъ душу мою. Укажи мнѣ путь мой, укажи мнѣ спасеніе и прибѣжище.

Я думаю, что не вынесу всего этого и умру. О, еслибъ это могло случиться! какъ бы благословила я эту минуту избавленія! Здоровье мое слабѣетъ; я чувствую, что падаю подъ тяжкимъ крестомъ моимъ!...

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ счастія, если можно назвать счастіемъ горькую участь любить безъ взаимности. По-крайней-мѣрѣ я видѣла его каждый день; когда онъ пріѣзжалъ къ Шестовымъ, я избѣгала слишкомъ-продолжительныхъ разговоровъ съ нимъ, потому-что не могла сносить взоровъ Дуни, не могла сносить ея укоряющаго выраженія лица, но зато, какъ безмятежно, какъ быстро пролетали тѣ часы, которые, вырвавшись изъ дому, я проводила у Паши! Туда же приходила иногда Лидія, и мы всегда встрѣчались съ Персильевымъ. Мнѣ казалось, что онъ все больше и больше привыкаетъ ко мнѣ, что я по душѣ ему, что ему не только пріятно видѣть меня и говорить со мною, но еще знать, что я только съ нимъ могу отдохнуть отъ различныхъ непріятностей, которыя въ послѣднее время какъ градъ сыплятся на меня со всѣхъ сторонъ. Въ городѣ всѣ вооружились противъ меня, и записныя сплетницы, узнавъ Богъ-вѣсть какъ, что я писала къ Персильеву, разсказываютъ обо мнѣ, съ разными прибавленіями, разныя небывалыя исторіи. Эти сплетни неслишкомъ огорчали меня ужь и потому, что онѣ вызвали нѣсколько жаркихъ съ его стороны выраженій, изъ которыхъ я могла видѣть, сколько онъ принимаетъ во мнѣ участія. Я однако не обманываюсь; теплымъ участіемъ и дружбой его должна я довольствоваться.

Однажды—это было недавно, и около мѣсяца послѣ пріѣзда Персильевыхъ въ городъ — Владиміръ вошелъ къ сестрѣ Тима и засталъ меня тамъ; но онъ, вѣроятно, не замѣтилъ меня и воскликнулъ съ досадой:

Digitized by Google

— Знаете ли, что онѣ еще выдумали?

— Кто? спросила Паша.

— Вотъ эти сплетницы, майорша и Колесова, больше всѣхъ кричатъ, что Дуня влюблена въ Тимоѳея Иваныча, и что Анна Петровна отбиваетъ у ней жениха и, вѣроятно, отобьетъ. Извините, Анна Петровна, прибавилъ онъ, увидѣвъ меня: — это они говорятъ, а не я.

Я поблѣднѣла, и слезы стремительно потекли изъ глазъ моихъ, слезы стыда и оскорбленнаго самолюбія. Персильевъ вскочилъ и сказалъ Владиміру почти-запальчиво:

— Охота вамъ пересказывать такія нелѣпости!

Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ обѣ руки мои и, горячо сжимая ихъ въ своихъ рукахъ, говорилъ тихо и ласково:

— О чемъ же вы плачете? Не стыдно ли вамъ быть такъ малодушной? Вы знаете, что все это выдумка; вы знаете, какое чистое, какое невинное чувство дружбы связываетъ насъ! Имѣйте же силу презирать праздные толки! Повѣрьте, продолжалъ онъ съ большимъ жаромъ: — я бы отказался отъ вашего участія, еслибъ зналъ, что вамъ прійдется такъ дорого платить за него. Я сожалѣю, что, сблизившись съ вами, сталъ причиной столькихъ непріятностей.

Я взглянула на него, и вѣроятно, много нѣжнаго укора помимо воли моей высказалъ ему взоръ мой, потому-что онъ прибавилъ поспѣшно:

— Нѣтъ, я не жалѣю, что узналъ васъ... Я не то хотѣлъ сказать; но всякая слеза ваша падаетъ мнѣ на сердце, и я упрекнулъ себя, я долженъ былъ знать, что въ глуши маленькаго городка все подаетъ поводъ къ клеветѣ, и многія жадно схватываютъ первый предлогъ, чтобъ выместить прошлое. Полгорода сердито на меня за то, что я не дѣлаю визитовъ, а Колесова ненавидитъ васъ. Какъ же имъ не выдумывать и не клеветать! Но кто первый все это разгласилъ? спросилъ онъ у Владиміра.

— Кто ихъ знаетъ! Какой-то здѣшній франтъ видѣлъ, что Артемій, буфетчикъ тетушки, несъ письмо на почту. Онъ полюбопытствовалъ взглянуть на адресъ и, увидѣвъ ваше имя, Тимоѳей Иванычъ, спросилъ, отъ кого письмо. Артемій сказалъ съ-дуру *отъ мамзели*... извините, Анна Петровна, это онъ такъ выразился, а не я.

— Продолжайте, сказалъ Персильевъ сквозь зубы. Лицо его дышало гнѣвомъ.

— Что продолжать-то? Потомъ стали говорить, что Дуня сохнетъ отъ ревности, и что вы насмѣетесь надъ обѣими, что вамъ, молодому человѣку, то и на руку, что двѣ... ну, разныя пустяки. Майорша знаетъ всякій разъ, когда Анна Петровна бываетъ у Паши, и сколько остается съ ней, и разноситъ это по городу. Ужь всего не перескажешь!

— Я сюда никогда не прійду, сказала я, рыдая. А Дуня? Дошли ли до нея эти слухи?

— Нѣтъ, я не успѣлъ еще разсказать ей; я ее давно не вижу: она все у себя, сказалъ Владиміръ простосердечно.

— Ужь вы не разсказывайте ей, пожалуйста, возразилъ Персильевъ: — это только напрасно разстроитъ ее.

— Да, Владиміръ, не говори ей, подхватила Паша.

— Пожалуй, если ты приказываешь, я конечно не скажу, только я что-то не понимаю. Вѣдь Дуня никогда не любила васъ, Тимоѳей Иванычъ, такъ что жь ей? Ее бы надо было предупредить: она бы стала выѣзжать, а не прятаться, какъ она дѣлаетъ вотъ ужь мѣсяцъ. Слухи бы упали. Я даже думалъ, да, признаться сказать, говорилъ и другимъ, защищая ее, что она вамъ отказала: такъ куда! никто не вѣритъ, всѣ мнѣ въ носъ смѣются. Скажите, она отказала вамъ?

— Это правда, отвѣтилъ Персильевъ: — я сватался и получилъ отказъ. Вы можете сказать, что слышали это отъ меня самого.

Я не могла выносить долѣе этого разговора, надѣла шляпку и ушла домой. Но тамъ новое испытаніе ожидало меня. Я нашла всѣхъ въ суетѣ и страхѣ. Дуня лежала безъ памяти; люди побѣжали за докторомъ; горничныя суетились и толпились въ комнатахъ; Лидія была до того перепугана, что не владѣла собой и, вырываясь изъ рукъ матери, поминутно бросалась къ сестрѣ, обливала ее слезами, громко звала по имени, будто призывая къ жизни.

Вошедши въ комнату Дуни, я увидѣла Елену Михайловну, блѣдную и встревоженную; она неподвижно стояла надъ дочерьми, изъ которыхъ одна лежала безъ чувствъ, а другая отчаянно рыдала, обхвативъ ее руками и положивъ свою голову на грудь ея. Увидѣвъ меня, Елена Михайловна быстро обернулась и воскликнула:

— Бѣдныя дѣти мои!

Потомъ, закрывъ лицо руками, она упала въ кресло. Въ ея голосѣ было столько пронзающаго душу укора, что я не вынесла

Digitized by Google

его, бросилась не къ ней, а къ Дунѣ, силой оторвала отъ ней Лидію и сказала ей строго и сухо:

— Встаньте! вы хотите уморить сестру!

Лидія оторопѣла и повиновалась мнѣ.

— Воды, уксусу! сказала я.

Лидія выбѣжала изъ комнаты и тотчасъ возвратилась опять съ лекарствами въ рукахъ, но она такъ дрожала, что не могла помочь мнѣ. Я попросила Елену Михайловну увесть ее въ другую комнату и принялась оттирать Дуню. Послѣ сильнаго, продолжительнаго обморока, она наконецъ пришла въ себя, и первое ея движеніе было — оттолкнуть меня еще слабою рукою.

— Лидію! проговорила она чуть-слышно блѣдными, какъ снѣгъ, губами.

Но я, измученная, потрясенная до глубины души, не могла молчать.

— Дуня, Дуня! закричала я, цалуя ея руки: — простите меня, не ненавидьте меня! Я ни въ чемъ не виновата, Дуня; судьба виновата! Никто не воленъ въ своемъ сердцѣ. Дà, я люблю его, но люблю, какъ вы, безнадежно.

Съ возвратившимися вдругъ силами Дуня быстро приподнялась съ постели и сѣла; глаза ея блистали огнемъ горячки и страсти.

— Безнадежно! повторила она медленно.

— Клянусь вамъ, безнадежно; онъ не любитъ меня, онъ только добръ до меня, но онъ добръ до всѣхъ — вы это знаете. Я не лукавлю, Дуня: я тысячу разъ искала въ глазахъ его инаго чувства, но его нѣтъ! нѣтъ! Онъ спокоенъ подлѣ меня; онъ хладнокровенъ; онъ совершенно обладаетъ собою. Никогда я не старалась — Богъ въ томъ свидѣтель — никогда не старалась завлечь его; я только сама, да и то невольно, полюбила его, и долго не отдавала себѣ отчета въ этомъ чувствѣ. Ужели это такое преступленіе въ глазахъ вашихъ, что вы не можете простить его, что ваша матушка, когда-то осыпàвшая меня ласками, показываетъ мнѣ на васъ и говоритъ «бѣдныя дѣти!» будто я убила васъ!

Слезы текли ручьями по щекамъ моимъ. Я сжимала руки Дуни въ своихъ рукахъ и покрыла ихъ наконецъ поцалуями и слезами.

— Уѣдемте отсюда, сказала я ей, рыдая: — я буду ходить за вами, буду далеко отъ него, далеко отъ искушенія... кто знаетъ? Здѣсь, не надѣясь ни на что̀, я бы поддалась чувству и прибавляла бы всякій день новую горечь въ вашу, и безъ того горькую, жизнь. Я не могу, не хочу быть вашимъ врагомъ, еще менѣе

Digitized by Google

хочу внести постоянное мученье и подозрѣніе въ сердцѣ ваше. Уѣдемте!

Дуня молчала; она боролась съ собою. Блѣдное лицо ея покрылось пятнами, быстро исчезавшими. Я плакала.

— Дуня! Богъ велитъ прощать и любить враговъ; а я... я не врагъ вашъ!

Дуня быстро нагнулась ко мнѣ, протянула мнѣ обѣ руки и сказала едва-слышно:

«Уѣдемте!»

Я обняла ее; я плакала, плакала горько; со щекъ Дуни скатились рѣдкія, но крупныя, жгучія слезы!... Боже мой! такія слезы не освѣжаютъ томящейся души. Заслышавъ вдали легкій шумъ, она сильно оттолкнула меня отъ себя и произнесла отрывисто:

— Лидія!

Дѣйствительно, это была Лидія; она бросилась къ сестрѣ.

— Что̀ съ тобой? что̀ съ тобой? говорила она, рыдая. — Отъ меня все скрываютъ! Что̀ случилось?

— Перестань, не плачь, сказала Дуня, гладя рукой ея волосы: — ничего не случилось; все пройдетъ; не пугайся, моя милая. Вотъ мнѣ и хорошо; я скоро встану. Ну, пойди, пойдите обѣ, оставьте меня; я усну, быть-можетъ.

Мы вышли. Три недѣли Дуня была опасно-больна, три недѣли не смыкала я глазъ, ухаживая за ней день и ночь. Я не видала Персильева. Дунѣ теперь гораздо-лучше; она сказала матери, что желала бы уѣхать отсюда, и мы начали сбираться. Доктора̀ совѣтуютъ намъ ѣхать въ Крымъ: морскія ванны, говорятъ они, укрѣпятъ потрясенные нервы бѣдной дѣвушки. Я ѣду съ ними; черезъ двѣ недѣли насъ здѣсь не будетъ.

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Вотъ ужь болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ мы пріѣхали и поселились на берегу моря, въ очаровательной дачѣ. Впрочемъ, я не буду вдаваться въ описанія того, къ чему, при моемъ настоящемъ расположеніи духа, я совершенно равнодушна; да и не только я, но и всѣ меня окружающіе. Уѣзжая изъ А**, я только на минуту, только однажды видѣла Персильева: это было въ день отъѣзда; онъ пришелъ проводить насъ. Со мной онъ простился дружески, но безъ особенной нѣжности, мало-того, даже съ какою-то холодностью. Кажется, болѣзнь Дуни сильно огорчила его и, быть-можетъ, имѣла вліяніе на его отношенія со мною. Дуня почти не

Digitized by Google

видѣла его, потому-что я не могу назвать свиданіемъ то мгновеніе, когда она садилась въ карету и увидѣла его посреди лицъ, собравшихся къ намъ для проводовъ. Мы ѣхали въ большой четвероместной каретѣ, гдѣ насъ было пятеро, включая туда и Липиньку. Всѣ мы болѣе или менѣе заботились о Дунѣ, которая была чрезвычайно-слаба; но по-мѣрѣ-того, какъ мы приближались къ югу и удалялись отъ А**, ей становилось легче. Путешествіе не утомляло ея; напротивъ, оно дало ей новыя силы и, повѣришь ли? всѣмъ намъ было легче, будто мы вздохнули и оправились отъ той удушливой атмосферы, въ которой жили въ послѣднее время. Дуня добра ко мнѣ, но не тревожитъ ни малѣйшимъ намёкомъ воспоминаній прошлаго; бѣгу ихъ и я. Будто прошлое умерло и для ней и для меня. Мы ведемъ самую тихую, уединенную и однообразную жизнь; купаемся, сидимъ на балконѣ, смотримъ на горы, на облака, поминутно играющія на вершинахъ ихъ, и слушаемъ плескъ неумолчнаго моря. Мы грустимъ, но не скучаемъ. Мнѣ кажется, грусть—живое чувство, и не съ нимъ можетъ совмѣститься мертвое ощущеніе скуки. Мнѣ кажется, что Дунѣ лучше; иногда она выходитъ гулять, опираясь на руку Лидіи, взбирается по небольшой тропинкѣ на верхъ отвѣсной скалы, вдавшейся въ море. Тутъ садится она на край обрыва и, несмотря на всѣ наши просьбы, сидитъ до поздняго вечера, сидитъ и смотритъ въ даль, на небо и горы — дѣлается спокойнѣе. Невиданная ли доселѣ красота природы, или просто перемѣна мѣста, или разлука съ лицомъ ей милымъ, сдѣлала эту перемѣну — не знаю; но она спокойнѣе и все больше-и-больше покоряется своей участи. Она даже иногда разговариваетъ, чего давно, очень-давно не случалось съ ней.

Недавно, при закатѣ солнца, показывая намъ на облитыя золотомъ и туманомъ горы, тонувшія вдали въ синевѣ моря, Дуня сказала намъ:

— Какъ это напоминаетъ мнѣ мое дѣтство! Помнишь ли, Лидія, продолжала она, обращаясь къ сестрѣ: — когда мы были очень, очень-маленькія, и отецъ читывалъ намъ вслухъ «Пери и Ангелъ»? Потомъ онъ занемогъ; мы поѣхали на Кавказъ и часто любовались тамъ цѣпью снѣговыхъ горъ. Помнишь ли, бывало, выйдемъ на балконъ, рано утромъ, при первыхъ лучахъ солнца... Покрытыя снѣгомъ горы и двухглавый Эльбрусъ горятъ, бывало, на горизонтѣ всѣми переливчатыми цвѣтами опала, и яркое золото блещетъ на вершинахъ ихъ... Я тогда никакъ не могла предста-

Digitized by Google

вить себѣ, что это горы, освѣщенныя восходящимъ солнцемъ; мнѣ казалось, что это тѣ ворота рая, отъ которыхъ была изгнана бѣдная Пери... Мнѣ становилось жаль ее, очень-жаль, и я твердила:

У вратъ потеряннаго рая
Сидѣла Пери молодая...

— Горы и я помню очень-живо, сказала Лидія: — но не помню, чтобъ ты говорила мнѣ о Пери и о воротахъ рая.

— А я помню. Ну, вотъ ужь мы и не дѣти, а вновь эта цѣпь другихъ горъ напоминаетъ мнѣ мои дѣтскія грёзы, мои дѣтскія ощущенія, и мнѣ пріятно, не отводя взора, смотрѣть на извивы и волнообразныя линіи этой цѣпи, исчезающей въ синемъ морѣ. Взоръ тонетъ въ туманѣ, а сквозь него свѣтятся эти горы, облитыя волшебными красками, и кажется мнѣ, что это видѣніе — путь отъ земли къ небу, залогъ небывалыхъ красотъ... Не то же ли жизнь наша? Тонетъ сердце въ морѣ страстей, а послѣ... тамъ... далеко... стòитъ лишь душѣ оживиться — есть залогъ лучшаго.

— Чего же? спросила Лидія.

— Другой жизни, дитя мое; эта жизнь коротка; будетъ другая жизнь — знаешь, какъ говоритъ писаніе: «гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная...»

— Боже мой! Дуня! да это изъ панихиды... Чтò съ тобой?...

И Лидія бросилась къ сестрѣ.

— Я люблю тебя и буду жить для тебя, сказала Дуня спокойно: — тобою и жизнь дорога мнѣ. Не пугайся же; но вѣдь рано или поздно мы всѣ умремъ, душа моя.

— Надѣюсь, что это случится какъ-можно-позже для насъ и въ одно время, сказала Лидія — и въ эту минуту она была дѣйствительно привлекательна по тому трогательному чувству, которое одушевляло ее. Быть-можетъ, она начинала сознавать часть истины, и Дуня, быть-можетъ, это почувствовала, потому-что, притянувъ Лидію къ себѣ, сказала ей:

— Дà, дà, мы будемъ жить долго, жить счастливо, жить вмѣстѣ.

Мнѣ показалось, что не въ ту пору, когда Дуня билась съ разящей страстью, когда, пожираемая ревностью, она научилась ненавидѣть, когда, вседневно скрывая въ себѣ бурю и тревогу всего существа своего, она силилась подавить ихъ — нѣтъ, не въ тѣ минуты пожертвовала она всѣмъ сестрѣ; а здѣсь, теперь, подъ небомъ вѣчно-синимъ, при плескѣ неумолчныхъ волнъ, при

Digitized by Google

голосѣ и гармоніи вѣчно-юной, великолѣпной природы, которая говорила ей о Богѣ, все создавшемъ; спокойствіе, мало-по-малу сходило на нея и жертва была принесена и совершена ею. Она обняла сестру и протянула мнѣ руку... она прощала... она была прекрасна въ эту минуту, и какая-то ясность пробилась сквозь лицо ея, страдающее и блѣдное, и озарило его свѣтлой улыбкой, полной тихой меланхоліи. Еслибъ я не боялась оскорбить ее, возмутить такъ дорого-купленную ею минуту спокойствія, я, быть-можетъ, предалась бы изліянію чувствъ. Когда-то считала я Дуню существомъ измѣнчивымъ и своенравнымъ: теперь сознаюсь, что въ ней есть много прекраснаго, что обыкновенное сердце неспособно на то высокое чувство великодушія и самопожертвованія, которое охватило все существо Дуни и срослось съ бытіемъ ея. Жить — для нея значитъ, жертвовать собою.

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Ты пишешь ко мнѣ, что всѣ мы помѣшались въ уединеніи; что ты не узнаёшь и меня, можетъ-быть. Я не спорю о себѣ, но буду спорить о Дунѣ. Ты говоришь, что самопожертвованіе не выносится до конца и что оно часто требуетъ вознагражденій во имя прошлаго: все это можетъ относиться къ кому-нибудь другому, но не къ Дунѣ. Эта женщина никогда не отдастся эгоизму, а развѣ все безжалостнѣе, все неумолимѣе будетъ становиться къ своему собственному чувству. Это стòитъ же чего-нибудь! И хотя бы тò было безполезно — все же благородно! Мое мнѣніе о Дунѣ установилось и его никто не поколеблетъ. Скажу одно: надо видѣть ее вблизи, чтобъ оцѣнить ее. Мало ли чтò осуждаемъ мы умомъ, а между-тѣмъ сердце тронуто и громко возстаетъ противъ ума. Я лучше хотѣла слушаться сердца и поддалась тому обаянію, той поэзіи, которую Дуня разливаетъ вокругъ себя. Зная, что я неспособна на подобный подвигъ, я, хотя и признаю его ненужнымъ и, однако, не могу не быть тронута тою кротостью и покорностью, съ которой она переноситъ тяжкую ношу безотраднаго чувства.

Ты жалуешься, что я рѣдко пишу — это правда; но что жь мнѣ дѣлать? Не могу писать. Кажется, протекло два мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ я не бралась за перо; но я не могла преодолѣть себя; да и чтò сказала бы я тебѣ? Жизнь моя тоже разъигралась, и не на радость. По-мѣрѣ-того, какъ здоровье Дуни возстановляется, какъ болѣзнь души ея стихаетъ, и сердце, исто-

Digitized by Google

щивъ весь запасъ силъ, любви, страсти, примиряется съ мыслью, что жизнь ея разбита, и безсознательно ищетъ другаго пути, другой отрады, я замѣчаю, что она со-дня-на-день дѣлается набожѣе. Окружающая насъ природа, уединеніе, тихая семейная жизнь — все способствуетъ этому, и какъ не желать ей успокоенія? Религія дастъ его ей... А я? Я падаю духомъ. Болѣзнь Дуни поразила меня, пробудивъ во мнѣ укоры совѣсти; я перестала думать о себѣ, видя несчастіе всего семейства — а теперь... теперь! Вотъ отчего не писала я тебѣ; я чувствую, что любовь моя растетъ, крѣпнетъ... Зачѣмъ я уѣхала? Но съ кѣмъ бы осталась я тамъ, и было ли бы этоблагородно? Нѣтъ, я должна была уѣхать. Да и чего хочу я? Онъ меня не любитъ—я знаю это. Скоро пять мѣсяцовъ, какъ мы здѣсь, и только одно письмо получили мы отъ Паши: она увѣдомляетъ насъ, что вышла замужъ и ужь переѣхала въ деревню. Ни слова о братѣ, кромѣ холоднаго поклона. Получивъ письмо это, Дуня передала его мнѣ и Лидіи и не сказала ни слова. Она рѣшилась, кажется, никогда не произносить его имени. Горько было мнѣ прочесть это письмо Паши! Еслибъ онъ любилъ меня, еслибъ имѣлъ ко мнѣ хоть малѣйшее участіе, онъ могъ бы написать ко мнѣ: вѣдь писалъ же онъ прежде! Нѣтъ, кончено, надо отказаться отъ всякой надежды. Ка̀къ тяжелы слова эти, милая Саша, и ка̀къ горько, ка̀къ страшно было мнѣ сказать ихъ и себѣ самой и тебѣ! Да и могъ ли онъ полюбить меня? Еще такъ недавно онъ любилъ Дуню, любилъ горячо, любилъ помимо воли своей; понятно мнѣ и это: въ Дунѣ столько поэзіи... а я? Что жь я съ моимъ бѣднымъ разумомъ, которымъ когда-то столько гордилась? Гдѣ во мнѣ эта привлекательность, эта прелесть, которыя притягиваютъ къ себѣ любовь мужчины? Я не дурна собой — мнѣ не разъ говорили это; но онъ не можетъ любить одну наружность: онъ слишкомъ-требователенъ и ищетъ въ женщинѣ души, сердца. Но развѣ у меня нѣтъ сердца? Мало ли у кого есть оно: за сердце уважаютъ, любятъ дружбой. Любовь, Саша, дѣло невольное, и всѣ мои разсужденія ни къ чему не ведутъ, хоть съ утра до поздняго вечера я разбираю себя, его, и прихожу къ страшному заключенію, что никогда ни на минуту, ни на мгновеніе не была никѣмъ любима истинно. Ужасно, Саша! это истинное бѣдствіе для женщины. Что лучше: никогда не быть любимой, или, узнавъ всю сладость любви, потерять любимаго человѣка? Я предпочитаю послѣднее; по-крайней-мѣрѣ, было бы чѣмъ помянуть жизнь, молодую жизнь! Не-уже-ли суждено мнѣ

Digitized by Google

пройдти гладкій, но безотрадный путь одиночества, испытывая мученія безнадежной любви? Я не могу примириться съ этой долей. И гдѣ моя прежняя разсудительность? не я ли говорила, что всякая доля имѣетъ свои радости? И вотъ я, страдающая отъ любви, не умѣю вылечить себя, мало того, не хочу: моя любовь дорогà мнѣ — и разсуждать поздно. Одно слово, великое, понятное для тѣхъ, кто любитъ, просится на языкъ мой, и я сознаю всю истину, въ немъ заключающуюся: *люблю, потому-что это онъ, и потому-что это я.* Нѣтъ другой причины, но причина тутъ. Я люблю и не вижу конца, исхода для любви моей…

Вчера у насъ говорили, гдѣ зимовать. Елена Михайловна сказала, что поѣдетъ туда, куда захочетъ Дуня, хоть бы то было на край свѣта. Дуня не хочетъ слышать объ А** и просила мать ѣхать въ Одессу.

— Тамъ опера: Лидія любитъ музыку; тамъ море: я страстно люблю его, заключила она.

— Развѣ ты ужь не любишь музыки? спросила у нея мать:— давно ли?

— Любила, сказала она: — теперь не знаю; впрочемъ, вы не заботьтесь обо мнѣ: я хочу быть здорова и буду здорова; а объ удовольствіяхъ моихъ вы не думайте. Повѣрьте, у меня есть такія минуты внутренняго восторга и сердечнаго умиленія, что онѣ стóятъ суетныхъ удовольствій свѣта. Я буду счастлива по-своему, увѣряю васъ.

Мать замолчала; она, кажется, поняла ее. Этотъ разговоръ нанесъ мнѣ новый ударъ. Я разсчитывала — быть-можетъ, безсознательно, на зиму; я надѣялась увидѣть его, а судьба влечетъ меня все дальше и дальше отъ него. Увидѣть его было бы такъ отрадно; но къ-чему и это? Или слѣпому, безразсудному сердцу моему хочется потеряться окончательно, разбиться безвозвратно? ужели оно стремится къ гибели, и слабый лучъ разсудка гаснетъ передъ его безумнымъ требованіямъ? Нѣтъ, лучше заглушить въ себѣ боль сердца, самое воспоминаніе о тайной, слабой, но несбывшейся надеждѣ на счастіе. Прощай, другъ мой. Пожалѣй обо мнѣ: мнѣ очень-горько… я очень-несчастлива!

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Впродолженіе больше нѣсколькихъ мѣсяцовъ, милый другъ мой, письма мои были такъ незначительны, такъ тоскливы, что я поняла, сколько они огорчаютъ тебя, и писала еще рѣже, еще короче

Digitized by Google

прежнюю. Ты, однако, могла ясно видѣть изъ нихъ, что Дуня все больше и больше покорялась своей участи и посвятила всю себя религіи, семьѣ и бѣднымъ. Лидія, попавъ случайно въ большой городъ и блестящее общество, очутилась какъ-бы въ давно-желанной сферѣ, вполнѣ-отвѣчавшей ея назначенію. Она разсѣялась и вдалась въ свѣтскія удовольствія, которыя раздѣляла съ ней и я, хотя тосковала попрежнему и чувствовала все больше и больше, что, подавленная силою воли и разума любовь моя живетъ въ глубинѣ измученнаго сердца. Такъ прошла зима, наступила весна, и Елена Михайловна рѣшилась опять ѣхать въ Крымъ на все лѣто. Я занялась сборами и, съ тайнымъ стѣсненіемъ сердца, понимала, что Шестовы, быть-можетъ, никогда не возвратятся въ А**. Невольныя слезы отуманили глаза мои, и я грустно задумалась надъ нашими чемоданами. Въ эту минуту человѣкъ вошелъ въ комнату и подалъ мнѣ письмо. Руки мои задрожали, свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ моихъ при видѣ этого милаго, слишкомъ-знакомаго почерка. Ты отгадываешь, отъ кого было оно, я посылаю тебѣ его.

Письмо Персильева къ Анютѣ.

Годъ я не писалъ къ вамъ, цѣлый годъ не далъ я вамъ о себѣ вѣсти, и вы легко угадаете почему именно. Когда вы уѣхали (все это сдѣлалось такъ быстро, такъ непредвидимо), я едва простился съ вами, едва видѣлъ васъ и былъ глубоко пораженъ, тронутъ болѣзнью Дуни, которая (я не скрывалъ этого отъ себя) могла быть смертельною. Несчастною, хотя и невинною причиною ея страданій былъ я, и съ замираніемъ сердца присутствовалъ при развязкѣ, сознавая, что я безсиленъ, не властенъ распутать этотъ хитросплетенный узелъ, который сплелся изъ самаго простаго и обыкновеннаго случая. Я былъ увѣренъ, что Лидія неслишкомъ ко мнѣ привязана, и что мнимая любовь ея живетъ въ ея воображеніи и воображеніи сестры ея. Какъ бы то ни было, я могъ только молчать и въ глубинѣ души сокрушаться о тѣхъ гибельныхъ слѣдствіяхъ, которыхъ былъ зрителемъ. Не думайте, однако, чтобъ, проводя всѣхъ васъ, я забылъ о васъ. И я не былъ счастливъ, и я былъ утомленъ и боленъ морально. Я не былъ чужой ни Дунѣ, ни вамъ. Я узналъ скоро, черезъ моего друга Н*, что вы въ Одессѣ; я зналъ, что̀ вы дѣлаете, ка̀къ проводите время, зналъ даже до извѣстной степени состояніе вашего духа, а чего не зналъ, то угадывалъ. Дуня выздоровѣла; она спокойнѣе

Digitized by Google

и примиряется съ своей долей, входитъ въ новый періодъ нравственной жизни. Лидія весела, беззаботна, окружена роемъ молодыхъ поклонниковъ. Мнѣ пишутъ, что она царица блестящихъ баловъ, что ложа ваша въ оперѣ rendez-vous всего фешёнэбльнаго одесскаго круга, и, быть-можетъ, скоро сбудется мое предсказаніе: она полюбитъ, выйдетъ зàмужъ и будетъ счастлива. Все пришло въ обыкновенные жизненные размѣры: одна покорилась, другая разсѣялась; остаются два лица, которыя, покончивъ съ прошедшимъ, не покончили другъ съ другомъ. Эти лица: вы и я. Долго думалъ я объ васъ и издали могъ безпристрастно обсудить вашъ характеръ и наклонности; вы могли сдѣлать то же самое. Я уважаю васъ очень-искренно, очень-глубоко. Все ваше поведеніе во время болѣзни Дуни и сборовъ къ путешествію было такъ безукоризненно, такъ преисполнено благородныхъ внушеній добраго сердца, что не уважать васъ было бы невозможно. Мнѣ казалось — простите, умоляю васъ, мое предположеніе, основанное на одной надеждѣ — мнѣ казалось, что я несовсѣмъ-чуждъ вамъ, что ваше дружеское и нѣжное участіе ко мнѣ переживетъ годъ разлуки, что этотъ годъ много принесетъ съ собою и уяснитъ для насъ наши отношенія. Начну съ себя. Когда мы простились, я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, чтò происходитъ во мнѣ; иногда мнѣ казалось, что я люблю еще Дуню; но лишь только я узналъ, что она внѣ опасности, какъ почувствовалъ, что тяжкое бремя упало съ груди моей, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что и любовь моя къ ней угасла, и что томящее душу состраданіе не есть любовь. Я чаще думалъ о васъ, чѣмъ о ней; однако (это полная моя исповѣдь, и я не хочу вводить васъ въ заблужденіе) я не любилъ васъ страстно, хотя вашъ умъ, характеръ, мнѣнія и взглядъ на жизнь и людей совершенно подходятъ не только подъ мои понятія, но и подъ мои требованія. Именно, такой женщины, какъ вы искалъ я, такую желалъ въ Дунѣ, но Дуню, вы знаете, я только любилъ, а васъ оцѣнилъ вполнѣ за ваши прекрасныя качества. Не холодно мое къ вамъ уваженіе: оно соединяется съ нѣжнѣйшимъ чувствомъ дружбы, и участія; позвольте же мнѣ посвятить вамъ всю жизнь мою и искать съ вами того счастія, которое возможно въ семейной жизни. Съ полнымъ сознаніемъ вашихъ достоинствъ, съ полной довѣренностью въ васъ, съ полной надеждой на будущее наше счастье, я прихожу просить у васъ руки вашей: не откажите мнѣ, и вспомните, что не разъ слишкомъ-большія требованія убивали въ зародышѣ готовое пышно расцвѣсть счастье. Я бы могъ

сказать вамъ, какъ это всегда говорится, что я люблю васъ до безумія; но я неспособенъ никогда играть истиной, и тѣмъ болѣе въ такую рѣшительную для насъ минуту. Я слишкомъ уважаю васъ и, быть-можетъ, говорю меньше, чѣмъ чувствую. Теперь я прихожу на судъ вашъ: рѣшите, могу ли я составить ваше счастье? Въ моемъ собственномъ я увѣренъ: я слишкомъ-хорошо знаю васъ и глядѣлъ на васъ не глазами страстнаго, отуманеннаго любовью обожателя, а глазами правдиваго, строго-судящаго друга. Моя участь въ рукахъ вашихъ.

Письмо Анюты къ Сашѣ.

Милая моя, вотъ письмо Персильева! Сначала я удивилась и, вѣришь ли ты, глубоко огорчилась и много плакала. Онъ не любитъ меня, какъ бы я того хотѣла. Но теперь, когда я тысячу разъ перечла письмо его, мысли мои измѣнились. Какъ не уважать его за такую откровенность, какъ не оцѣнить ея! Ты прочла ли внимательно, чтò пишетъ онъ: *я говорю, быть-можетъ, меньше, чѣмъ чувствую*. Надѣюсь, что позже онъ полюбитъ меня, быть-можетъ, не той страстной любовью, о которой всѣ мы, женщины, жадно мечтаемъ, но любовью нѣжной, любовью преданной и нелишенной жара и упоенія. Говоря тебѣ это, не говорю ли я, что я согласна на его предложеніе, и была бы совершенно-счастлива, еслибъ не мысль о Дунѣ... Мнѣ жаль ее! я такъ люблю ее!

Получивъ письмо это, какъ я ужъ призналась тебѣ, я много плакала, и Дуня замѣтила тотчасъ мое волненіе и встревоженный видъ. Она вошла поздно вечеромъ въ мою комнату и спросила у меня ласково:

— Анюта, чтò съ вами?

Я молчала и заплакала сильнѣе.

— Скажите, чтò съ вами? продолжала Дуня, садясь подлѣ меня: — вотъ ужъ годъ, какъ вы ходите за мной какъ сестра и, вы должны понять, что мои предубѣжденія противъ васъ давно прошли и забыты.

— Забыты? спросила я: — совсѣмъ забыты, не такъ ли?

Дуня при этомъ настойчивомъ вопросѣ слегка перемѣнилась въ лицѣ.

— Я полагаю, я надѣюсь, сказала она печально: — я должна забыть, прибавила она тверже, послѣ минуты молчанія.

Digitized by Google

— Дуня, милая моя! сказала я тогда порывисто: — я получила письмо отъ него, и письмо это тяжело, но вмѣстѣ и... словомъ сказать, это письмо можетъ совершенно измѣнить судьбу мою.

Мы сидѣли; Дуня быстро встала и схватилась рукой за спинку кресла.

— Онъ любитъ васъ, воскликнула она невольно.

— Нѣтъ, Дуня, нѣтъ! но онъ хочетъ жениться на мнѣ. Вотъ письмо; читайте сами.

Дуня взяла письмо Персильева и сѣла въ кресла; рука ея дрожала, лицо мѣнялось; она долго, я въ этомъ увѣрена, не могла прочесть ни строчки—такъ велико было ея волненіе. Наконецъ она медленно читала, и когда на оборотѣ страницы дошла до того мѣста, гдѣ онъ писалъ о ней и о томъ, что не любитъ ужъ ея, двѣ слезы скатились со щекъ ея и медленно канули на дрожавшую въ рукахъ бумагу; потомъ она медленнѣе, спокойнѣе, холоднѣе дочла письмо до конца, свернула его по складкамъ, вложила въ пакетъ и отдала мнѣ.

Настало тяжелое молчаніе.

— Дуня, сказала я: — вы знаете, я давно люблю его; ужели вы не простите мнѣ, что я буду его женой? Ваше негодованіе отравитъ мое счастіе.

— Такъ вы за него выходите? спросила Дуня.

— Я люблю его, отвѣчала я тихо.

Настала опять минута молчанія.

— Не бойтесь, сказала наконецъ Дуня: — ни моего негодованія, ни моей скорби—ихъ нѣтъ... Судьба такъ хотѣла! Я очень привыкла къ вамъ, Анюта, продолжала она, помолчавъ; я цѣню ваше доброе сердце, но вы несходны со мной: я бы не пошла замужъ за человѣка, который только уважаетъ меня нелюбя, да еще высказываетъ это такъ холодно. Впрочемъ, всякій понимаетъ и чувствуетъ по-своему, и, быть-можетъ, вы по-своему правы, если ваше пониманіе приведетъ васъ къ счастью. Дай вамъ его, Боже!

Слова Дуни были пропитаны горечью; только послѣднее ея восклицаніе произнесено было съ усиліемъ и подавленной тоскою. Я сжала ей руку; она позволила мнѣ сжать ее, но не отвѣчала на мое пожатіе и вышла изъ комнаты.

На другой день она была блѣднѣе обыкновеннаго и, несмотря на просьбы матери, безпрестанно о ней заботящейся, вышла

Digitized by Google

изъ дома: вѣроятно ходила въ церковь. Возвратясь, она вошла къ матери, потомъ ко мнѣ.

— Я предупредила маменьку, сказала она мнѣ спокойно: — но Лидіи не сказала ни слова. Я думаю (тутъ Дуня глубоко вздохнула, и что-то въ родѣ улыбки, похожей на скорбную насмѣшку, мелькнуло на ея физіономіи), я думаю, лучше всего вамъ самимъ объявить намъ при ней ваше замужство.

— Вы напрасно безпокоитесь, Дуня, сказала я несмѣло: — Лидія разсѣялась.

— Вы думаете? сказала Дуня не безъ горечи и ироніи: — но я несогласна съ вами — я лучше знаю ее!

— Приказывайте, отвѣчала я тихо, съ уваженіемъ къ скорбному чувству, владѣвшему ею.

— Такъ нынче, послѣ обѣда, этакъ часа за два до оперы, чтобъ она имѣла время успокоиться, и мы могли бы разсѣять ее, сказала Дуня: — вы объявите намъ эту новость.

Она вышла.

Обѣдъ показался мнѣ тяжелъ и длиненъ. Дуня была, по обыкновенію, молчалива и задумчива. Елена Михайловна едва скрывала слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ; одна Лидія, ничего не замѣчая, была болтлива, а я терпѣла невыразимо и едва смѣла глядѣть на Дуню и мать ея. Напрасно твердила я себѣ, что я невиновата: мнѣ было тяжело, мнѣ было больно; я сама едва не плакала. Наконецъ обѣдъ кончился; подали кофе. Глаза Дуни встрѣтились съ моими: они приказывали мнѣ говорить. Я встала, и, должно-быть, была блѣднѣе смерти, потому-что Елена Михайловна сказала мнѣ ласково, вѣроятно, чтобъ ободрить меня:

— Что̀ съ вами, дитя мое?

— Вы были для меня всегда добры, сказала я: — и ваша семья сдѣлалась моею. Теперь я считаю долгомъ сообщить вамъ, прежде всѣхъ другихъ, важную перемѣну въ судьбѣ моей. Я выхожу замужъ.

— За кого? воскликнула Лидія. — Поздравляю, поздравляю васъ. Но за кого же?

Она бросилась мнѣ на шею съ избыткомъ дѣтскаго чувства; Елена Михайловна крѣпко пожала руку мою.

— Я выхожу, сказала я: — быть-можетъ, это удивитъ васъ — за одного нашего стараго, общаго знакомаго, котораго мы всѣ давно не видали, не видали съ нашего отъѣзда изъ А**.

Digitized by Google

— Изъ А**! закричала Лидія, и въ ея голосѣ слышалось что-то похожее на страхъ, смѣшанный съ удивленіемъ.

— Да̀, за Персильева! сказала Дуня твердо, взявъ Лидію за руку и глядя ей въ глаза будто желая передать ей и свою силу и свое мужество.

Лидія, не говоря ни слова, опустилась на близстоявшій стулъ, измѣнилась въ лицѣ и прислонилась къ спинкѣ стула, будто пораженная. Дуня шепнула ей что-то; я подошла къ ней — она опомнилась, поцаловала меня молча и выбѣжала изъ комнаты. Дуня ушла за ней.

Когда, черезъ два часа послѣ этого, я увидѣла Лидію, она была въ цвѣтахъ и лентахъ, ярко завершавшихъ прелесть ея наряда. Она казалась еще интереснѣе; на блѣдномъ лицѣ ея, гдѣ слѣды недавнихъ слезъ оставили оттѣнокъ грусти, мелькнула улыбка самодовольствія, когда мать любуясь ею, сказала, что она особенно-хороша.

Все семейство уѣхало въ оперу, не исключая и Дуни, которая не хотѣла оставить сестру и уступила ея просьбамъ ѣхать вмѣстѣ. Я осталась одна и пишу тебѣ.

Все тяжелое, все горькое, все потрясающее миновалось; теперь выпадаютъ на долю мою одни радостныя волненія. Чрезъ мѣсяцъ я буду съ тобою и напишу *ему*, чтобъ онъ пріѣхалъ туда же. Ты благословишь насъ, и твое благословеніе — я вѣрю этому — завершитъ мое будущее счастье. Прощай, до свиданія, до скораго, радостнаго свиданія!

ЕВГЕНІЯ ТУРЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

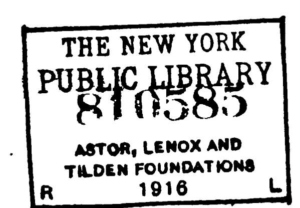
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И Кº.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Digitized by Google


THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810585
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

ФЕВРАЛЬ.

I. Словесность.

II. Науки и Художества.

III. Критика.

Digitized by Google

IV. Библіографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

V. Иностранная Литература.

VI. Современная Хроника Россіи.

Digitized by Google

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИССКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть вторая.

ГЛАВА VIII.

Скрываетъ много грѣшковъ.

Утромъ, набросивъ бурнусъ еще до разсвѣта, я съ любопытствомъ глядѣла въ окно, въ неосвѣщенныхъ стеклахъ котораго, какъ два маяка, отражались двѣ мои свѣчки. Интересно было видѣть, какъ всѣ предметы, смѣшанные мракомъ ночи въ одну неопредѣленную, темную массу, отдѣлялись другъ отъ друга и принимали ясныя формы при первыхъ лучахъ восходящаго солнца. По мѣрѣ того, какъ горизонтъ яснѣлъ и открывался ландшафтъ, по которому, въ ночной темнотѣ, перебѣгалъ вѣтеръ, подобно памяти моей надъ моею прошедшею жизнью, я, съ возрастающимъ удовольствіемъ, открывала новые и новые предметы, окружавшіе меня во время сна. Сперва они казались блѣдными призраками въ полумракѣ, и надъ ними мерцала запоздалая звѣздочка; но полумракъ разсѣвался, картина наполнялась и расширялась, такъ-что съ каждымъ взглядомъ въ ту или другую сторону глазъ мой открывалъ такое множество разнообразныхъ предметовъ, что разсмотрѣть ихъ требовалось по-крайней-мѣрѣ съ часъ времени. Незамѣтно огонь свѣчей сталъ лишнимъ, слиняли темныя тѣни въ углахъ моей комнаты, день озарилъ ярко-красивый ландшафтъ, на которомъ, сродно съ мрачнымъ характеромъ своимъ, древній монастырь, съ массивными башнями, набрасывалъ легкую тѣнь. Но часто мрачное съ виду (помню я такъ училась) бываетъ источникомъ яснаго и свѣтлаго.

Digitized by Google

Всякая часть въ домѣ была въ такомъ порядкѣ, каждый изъ слугъ былъ ко мнѣ такъ внимателенъ, что связки ключей моихъ не требовали много хлопотъ; но все-таки, пробуя, запомнишь, что̀ лежитъ въ каждомъ ящикѣ, что̀ стоитъ въ каждомъ чуланѣ; стараясь переписать всѣ банки съ вареньемъ, пикулями, разными разностями; разставить хрусталь, фарфоръ, фаянсъ и многое множество разныхъ вещей, я такъ засуетилась, что не видала, какъ подоспѣло время завтрака и не вѣрила ушамъ своимъ, когда услышала звонъ сборнаго колокола. Однакожь я тотчасъ сошла внизъ и сдѣлала чай; эта обязанность лежала на мнѣ; потомъ, такъ-какъ къ завтраку всѣ опоздали и никто не приходилъ еще къ чаю, я пошла взглянуть въ садъ, чтобъ ознакомиться съ нимъ. Что̀ это за восхитительное мѣсто! Впереди роскошная аллея и дорога, по которой мы вчера подъѣхали къ дому, и которую, сказать мимоходомъ, такъ изрыли колесами, что я тутъ же попросила садовника заровнять колеи; позади цвѣтникъ, въ который выходило окно изъ комнаты моей милочки; она увидѣла меня, открыла окно и смотрѣла на меня съ такою привѣтною улыбкою, какъ-будто хотѣла поцаловать меня на этомъ разстояніи. Позади цвѣтника огородъ, далѣе выгонъ, небольшой сѣновалъ и красивенькій, маленькій птичникъ. Что̀ же касается до самаго дома, то онъ съ своими тремя этажами, съ различной формы окнами, изъ которыхъ однѣ были очень-большія, другія очень-маленькія, и всѣ очень-красивыя, съ рѣшеткою, на полуденной сторонѣ, для розъ и каприфолій, съ своимъ радушнымъ, спокойнымъ, пригласительнымъ видомъ, былъ, какъ говорила Ада, прійдя ко мнѣ въ садъ подъ-руку съ добрымъ хозяиномъ нашимъ, достоинъ ея братца Джона — смѣлое слово, за которое, впрочемъ, онъ только щипнулъ слегка ея хорошенькую щечку.

Мистеръ Скимполь былъ за завтракомъ такъ же милъ, какъ и вчера вечеромъ. На столѣ былъ медъ, и это навело его на разговоръ о пчелахъ. Онъ ничего не имѣетъ противъ меда, сказалъ онъ (и въ-самомъ-дѣлѣ ничего не имѣлъ, потому-что кушалъ его съ большимъ аппетитомъ); но пчелы — другое дѣло; онъ протестуетъ противъ ихъ самонадѣянной надменности. Онъ вовсе не понимаетъ, почему ставятъ ему въ примѣръ трудолюбивую пчелку; онъ предполагаетъ, что пчелы любятъ заниматься добываніемъ меда, и еслибъ не любили этого ремесла, то никому бы не пришло въ голову требовать отъ нихъ сотъ — вотъ и все; а потому нѣтъ никакой надобности пчеламъ выставлять на видъ свои вкусы. Еслибъ каждый конфетчикъ, ворча подъ-носъ встрѣчному и поперечному, пробѣгалъ изъ конца въ конецъ міръ, поражая все, что̀ встрѣчаетъ на пути и требуя эгоистически, чтобъ

Digitized by Google

всякій видѣлъ и зналъ, что онъ идетъ сѣсть за свою работу и нестерпитъ никакой остановки, то міръ былъ бы невыносимо-жалкое мѣсто въ природѣ. Вотъ трутень — другое дѣло: трутень — это олицетвореніе болѣе пріятной идеи. Трутень говоритъ непритворно, безъ обиняковъ: ужь вы меня извините, а къ труду душа не лежитъ! Я въ мірѣ, гдѣ столько предметовъ для обзора, а времени для разбора такъ мало; и я осмѣливаюсь отложить трудъ въ сторону и предаюсь наблюденію, прося, чтобъ заботился обо мнѣ тотъ, кто считаетъ наблюденіе лишнимъ и любитъ трудъ.

Таковою кажется мистеру Скимполю философія трутня, и онъ считаетъ ее славною философіей, допуская, во всякомъ случаѣ, необходимость дружественныхъ отношеній трутня съ пчелою, что̀, какъ ему извѣстно, всегда и бываетъ, если только работящее насѣкомое неочень-надменно смотритъ на свое произведеніе.

Онъ развивалъ эту мысль съ свойственною ему легкостью по всѣмъ направленіямъ и привелъ насъ въ веселое расположеніе духа, хотя, казалось, онъ такъ серьёзно вѣрилъ въ дѣльность словъ своихъ, какъ только былъ способенъ. Я, однакожь, скоро оставила ихъ веселую бесѣду и пошла распорядиться по хозяйству. Новыя обязанности мои заняли меня на нѣсколько времени; возвращаясь назадъ, съ связкою ключей въ рукѣ, я повстрѣчалась въ коридорѣ съ мистеромъ Жарндисомъ; онъ пригласилъ меня въ маленькую комнату, рядомъ съ его спальней. Это была, частью, маленькая библіотека, съ книгами и бумагами, частью, маленькій музеумъ сапоговъ, туфлей и шляпныхъ картоновъ.

— Сядьте, моя милая! сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Эта комната, вы должны знать, называется *Воркотня*. Когда я не въ духѣ, я прихожу сюда и ворчу.

— Вы, навѣрно, рѣдко бываете здѣсь, сэръ, сказала я.

— О, вы меня не знаете! возразилъ онъ. — Когда я встревоженъ, или сбитъ съ толку этимъ восточнымъ вѣтромъ, я всегда убѣгаю сюда. Ворчотня — это наиболѣе посѣщаемая комната изо всего дома. Вы вполовину не знаете, каковъ я... Что̀ съ вами, моя милая, вы дрожите!...

Я дрожала и не могла удержаться, какъ ни старалась: бывъ наединѣ съ этимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, чптая любовь въ глазахъ его, я чувствовала себя такою счастливою, такою гордою, сердце мое было такъ полно... Я поцаловала его руку. Я не знаю, что̀ я сказала, не знаю, говорила ли даже что-нибудь... Онъ былъ смущенъ и отошелъ къ окну. Пока онъ не повернулся и я не прочла на лицѣ

Digitized by Google

его того, что̀ онъ желалъ скрыть, мнѣ все казалось, что онъ, того-и-гляди, ускользнетъ. Однакожь онъ подошелъ ко мнѣ и нѣжно погладилъ меня по головѣ. Я сѣла.

— Гм! Гм! сказалъ онъ: — поотлегло. Тфу! Не дѣлайте глупостей!...

— Больше этого не случится, сэръ, возразила я: — но на первый разъ я не могла удержаться.

— Вздоръ! отчего не удержаться? Ну, что тутъ особеннаго? Слышу о доброй, маленькой дѣвочкѣ, сиротѣ, безъ покровителя, и забираю себѣ въ голову быть ея покровителемъ. Она выростаетъ, и болѣе чѣмъ оправдываетъ мое хорошее о ней мнѣніе, и я остаюсь ея защитникомъ и ея другомъ. Ну что тутъ такого?... Ничего, ровно ничего! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Будемъ теперь любоваться твоимъ откровеннымъ, веселымъ и утѣшительнымъ личикомъ.

Я сказала себѣ: «Эсѳирь, что̀ ты дѣлаешь? Ты поражаешь меня. Ей-Богу, я не ожидала отъ тебя подобнаго вздора!» Эти слова произвели доброе впечатлѣніе; я сложила руки надъ ключами и собралась съ духомъ. Лицо мистера Жарндиса выразило одобреніе, и онъ началъ говорить со мною съ такою довѣренностью, какъ-будто каждое утро мы имѣли обыкновеніе бесѣдовать другъ съ другомъ, Богъ знаетъ, какъ по долгу. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ казалось.

— Такъ, въ-самомъ-дѣлѣ, Эсѳирь, сказалъ онъ мнѣ: — ты не имѣешь никакого понятія объ этомъ оберканцелярскомъ процесѣ?

Я, безъ-сомнѣнія, покачала головой.

— Чортъ знаетъ, кто его понимаетъ! возразилъ онъ. — Адвокаты запутали его въ такую дьявольщину, что первоначальныя пружины этого процеса сгладились давнымъ-давно съ лица земли. Дѣло, видишь ли, въ духовномъ завѣщаніи и въ наслѣдствѣ по этому завѣщанію, или по-крайней-мѣрѣ, дѣло было въ этомъ, а теперь оно только въ издержкахъ. Насъ постоянно требуютъ, приводятъ къ присягѣ; мы то и дѣлаемъ, что являемся, клянемся, присягаемъ, отвѣчаемъ на допросы, допрашиваемъ сами, становимся на очныя ставки, свидѣтельствуемъ, подписываемъ, расписываемся, вращаемся и кружимся около лорда-канцлера и его знаменитыхъ спутниковъ, и тратимся въ пухъ и прахъ. Вотъ въ чемъ вопросъ! Все же остальное исчезло до̀-чиста какою-то сверхъестественною силой.

— Такъ дѣло было въ духовномъ завѣщаніи, сэръ? сказала я ему, желая отвлечь его отъ этихъ размышленій, потому-что онъ началъ ужь сильно потирать себѣ голову.

— Да̀, началось съ духовнаго завѣщанія, если только оно съ чего-

Digitized by Google

нибудь начиналось, возразилъ онъ. — Нѣкто Жарндисъ составилъ себѣ большой капиталъ и въ одинъ скверный день оставилъ большое наслѣдство. Вопросъ : какъ распредѣлить наслѣдство? Капиталъ, оставленный по духовному завѣщанію, весь извѣялся; наслѣдники доведены до такого жалкаго состоянія, что еслибъ, наслѣдуя деньги, они совершили тяжкое преступленіе, то бо́льшаго наказанія нельзя было бы имъ придумать, и самое духовное завѣщаніе обратилось въ мертвую букву. Все, что̀ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ извѣстно каждому, неизвѣстно только тому, къ кому оно относится. Чтобъ слѣдить за ходомъ этого дѣла, каждый изъ наслѣдниковъ обязанъ имѣть множество копій, въ нѣсколькихъ экземплярахъ каждой бумаги, которая увеличиваетъ собою и безъ того ужь огромную кучу бумагъ; или, по-крайней-мѣрѣ, долженъ за эти копіи заплатить деньги, не получая ихъ, какъ это обыкновенно и бываетъ, и долженъ пройдти, прямо, посреди такой демонской кутерьмы издержекъ, взятокъ, безсмыслицъ и сумасшествій, которая не снилась самой страшной вѣдьмѣ въ канунъ чортова шабаша. Судъ задаетъ вопросы Правосудію, Правосудіе отсылаетъ ихъ въ Судъ. Судъ находитъ, что онъ не можетъ рѣшить безъ Правосудія; Правосудіе находитъ, что оно не можетъ рѣшить безъ Суда, и оба не могутъ сказать за одинъ разъ, что они этого рѣшить не могутъ безъ ходатая и адвоката за А, безъ ходатая и адвоката за В, и такъ далѣе, пока не переберутъ всей азбуки, какъ въ сказкѣ про Бѣлаго Быка. Такимъ-образомъ проходятъ годы, проходятъ десятки лѣтъ, проходитъ жизнь, проходятъ жизни — и дѣло все тянется и никогда не можетъ пріидти къ концу. И мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ выпутаться изъ него, потому-что принадлежимъ къ нему; должны принадлежать къ нему волей или неволей. Но не сто̀итъ думать о немъ! Когда мой дѣдъ, бѣдный Томъ Жарндисъ, началъ о немъ думать, то кончилъ жизнь при самомъ же началѣ своихъ размышленій.

— Я знаю его исторію, сэръ.

Онъ печально покачалъ головою и продолжалъ :

— Я его наслѣдникъ; этотъ домъ, Эсѳирь, достался мнѣ послѣ него. Это былъ дѣйствительно Холодный Домъ. На немъ видимо отразились тѣ бѣдствія, жертвою которыхъ былъ его владѣлецъ.

— Какъ же онъ, съ-тѣхъ-поръ, измѣнился! сказала я.

— Прежде его называли Нагорный Домъ. Дѣдъ далъ ему его настоящее названіе и жилъ въ немъ затворникомъ : денно и нощно корпѣлъ онъ надъ кучами этихъ злосчастныхъ бумагъ процеса, въ тщетной надеждѣ вывести истину на чистую воду. Между-тѣмъ, домъ разрушался, вѣтеръ свисталъ сквозь разщелявшіяся стѣны, дождь проте-

калъ сквозь прогнившую крышу, дикая осока пробивалась по всѣмъ тропинкамъ, до развалившейся двери. Когда я привезъ сюда бренные останки дѣда, мнѣ казалось, что и домъ размозженъ, какъ черепъ владѣльца — такъ все было запущено и разрушено.

Онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, говоря послѣднія слова съ замѣтнымъ трепетомъ, потомъ взглянулъ на меня; лицо его прояснилось, и онъ опять сѣлъ, опустивъ руки въ карманъ.

— Не говорилъ ли я, что эта комната *воркотня*, моя милая... а? На чемъ я остановился?

— Вы хотѣли сказать о тѣхъ благодѣтельныхъ перемѣнахъ, которыя вы сдѣлали въ Холодномъ Домѣ.

— Въ Холодномъ Домѣ... да̀. Здѣсь, въ округѣ, близь Лондона, есть у насъ еще помѣстье, которое теперь въ такомъ же видѣ, въ какомъ я засталъ Холодный Домъ; я говорю: у насъ, подразумѣвая подъ этимъ процесъ. Это помѣстье не для людей, а для денегъ: только деньги, и деньги могутъ сдѣлать изъ этихъ остатковъ что-нибудь невозмущающее сердца, неогорчающее души. Вообрази себѣ улицу полуразвалившихся подслѣпыхъ домовъ, безъ стеколъ, безъ рамъ, съ голыми ставнями, висящими на заржавыхъ петляхъ; стропила подгниваютъ, крыши рушатся; каменныя ступени поросли зеленымъ мхомъ, полусгнившія двери покрыты слизистыми червями и мокрицами — вотъ каково помѣстье! Холодный Домъ не былъ въ когтяхъ адвокатовъ, но владѣлецъ его имѣлъ процесъ, а потому и надъ Холоднымъ Домомъ тяготѣла та же печать разрушенія. Да̀, моя милая, и надъ всей Англіей тяготѣетъ та же печать: это знаетъ каждый ребенокъ.

— Но за-то, какъ онъ измѣнился! сказала я опять.

— Такъ вотъ какъ! продолжалъ онъ болѣе веселымъ тономъ: — умно, очень-умно съ твоей стороны, обращать меня постоянно къ яркой сторонѣ медали (какое понятіе о моемъ умѣ!). Да, это вещи, о которыхъ я позволяю себѣ говорить и думать только въ этой комнатѣ. Если ты находишь справедливымъ передать что̀ ты слышала, Рику и Адѣ, ты можешь, продолжалъ онъ серьёзнымъ тономъ: — я полагаюсь вполнѣ на твое благоразуміе, Эсѳирь.

— Надѣюсь, сэръ, сказала я.

— Что̀ за сэръ, душенька! называй меня просто своимъ опекуномъ.

Сердце мое опять забилось сильнѣе обыкновеннаго; слезы готовы были закапать; но я скрѣпилась, я сказала себѣ: «Эсѳирь, Эсѳирь, помни обѣщанье! Предложеніе его, полное обдуманной нѣжности, было сдѣлано такъ просто, какъ-будто это былъ пустой капризъ съ его стороны. Какъ удержаться отъ волненія! Но я чуть-чуть брякнула клю-

Digitized by Google

чами, этотъ звукъ напоминалъ мнѣ мои обязанности; я плотнѣе скрестила руки на груди моей и спокойно взглянула на своего собесѣдника.

— Надѣюсь, добрый опекунъ мой, сказала я: — что вы неочень разсчитываете на мое благоразуміе. Не обманывайтесь во мнѣ. Боюсь огорчить васъ, но, что̀ дѣлать, надо сказать правду: я неочень-умна; вы сами бы скоро это замѣтили, еслибъ даже не достало во мнѣ духа сознаться прямо передъ вами.

Онъ, казалось, вовсе не огорчился этимъ открытіемъ, напротивъ, онъ обернулся ко мнѣ съ улыбкой, сіявшей на всемъ лицѣ его, и сказалъ, что онъ меня хорошо знаетъ и что я для него совершенно-умна.

— Въ такомъ случаѣ я буду надѣяться, что это такъ, сказала я: — но все-таки, добрый опекунъ мой, я боюсь...

— Ты совершенно-умна, чтобъ быть у насъ доброй маленькой хозяйкой, милая Эсѳирь, продолжалъ онъ добродушно, шутливымъ тономъ: — «маленькой старушенькой» изъ дѣтской пѣсенки, разумѣется, не изъ пѣсенки Скимполя, нѣтъ, изъ той пѣсенки, которая говоритъ:

Милушка-старушенька,
Куда такъ высоко?
Для милаго ребенка
Снять съ неба облачко.

И я увѣренъ, что, впродолженіе твоего хозяйства, ты очистишь горизонтъ нашъ отъ мрачныхъ облаковъ, такъ-что, въ одно прекрасное утро, мы запремъ и заколотимъ на-глухо дверь въ *ворчотню*.

Съ этого времени мнѣ надавали множество различныхъ нѣжныхъ прозвищъ, между которыми, настоящее имя мое терялось окончательно: меня звали и старушонкой, и маленькой старушонкой, и хозяюшкой, и мамашей, и мистриссъ Шиптонъ, и матушкой Геббертъ, и тётушкой Дерденъ и проч. и проч., всѣми именами, какія только можно было выбрать изъ колыбельныхъ пѣсенъ.

— Однако, къ дѣлу, сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Вотъ Рикъ, славный малый, обѣщающій много. Какъ ты думаешь, что̀ съ нимъ дѣлать?

— О, Боже мой, спрашивать мое мнѣніе о такомъ предметѣ!

— Вѣдь, Эсѳирь, продолжалъ мистеръ Жарндисъ, засунувъ руки въ карманы и вытянувъ комфортэбльно ноги: — Рикъ въ такихъ лѣтахъ, что долженъ на что-нибудь рѣшиться; долженъ избрать себѣ карьеру. Знаю, что зашевелятся парики; но что̀ дѣлать, этого не обойдешь.

— Чего не обойдешь, мой добрый опекунъ? спросила я.

Digitized by Google

— Шевеленья париковъ; имъ нѣтъ отъ меня другаго названія. Онъ вѣдь, въ канцелярской опекѣ, моя милая. Такъ, видишь ли, Кенджу и Корбаю понадобится поговорить объ этомъ. Этотъ господинъ— смѣшная породія гробовщика, готовящій въ задней комнатѣ Оберканцеляріи гробъ для честности и справедливости, тоже не утерпитъ, чтобъ не поговорить объ этомъ. Да мало ли! и у ассессоровъ, и у адвокатовъ, и у канцлера, у всѣхъ зачешутся языки; всѣмъ захочется знать такъ или иначе, такую ли ему дать дорогу или другую, потому-что за это имъ платятъ деньги; и разсмотрятъ вопросъ обширно, важно, церемонно, словоохотно и безъ всякаго толка, такъ-что, наконецъ-концовъ, и выйдетъ, что деньги возьмутъ, дѣла не сдѣлаютъ, а только будутъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Это-то я, моя милая, и называю шевеленье париковъ. Какимъ-образомъ люди сдѣлались жертвою этихъ париковъ, за чьи грѣхи дѣти падаютъ въ эту ловушку— не знаю; только это такъ.

Онъ опять началъ потирать себѣ голову и морщиться, какъ-бы почуя вѣтеръ. Но потиралъ ли онъ себѣ голову, ходилъ ли большими шагами по комнатѣ , морщился ли, побранивая вѣтеръ или, хоть даже все это продѣлывалъ вмѣстѣ, стоило только ему взглянуть на меня — и лицо его прояснялось, принимало снова свое добродушное выраженіе, и онъ комфортэбльно разваливался въ креслахъ, протягивалъ ноги и погружалъ руки въ свои глубочайшіе карманы. Такова была его любовь ко мнѣ.

— Быть можетъ, всего лучше, сказала я : — спросить мистера Ричарда: къ чему онъ самъ чувствуетъ наклонность.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ онъ : — и я того же мнѣнія. Знаешь, что̀ я думаю ! Что̀ еслибъ ты, съ твоимъ талантомъ и съ свойственнымъ тебѣ благоразуміемъ, разъ-другой попробовала завести разговоръ объ этомъ предметѣ съ Адой и съ нимъ, и вывѣдала бы его настоящее мнѣніе—а? Это было бы очень-хорошо! Я думаю, молоденькая старушонка, что дѣло разъяснится только при твоей помощи. Да ; и я тебя на это благословляю.

Я не шутя трусила при одной мысли о такомъ важномъ порученіи и о такой довѣренности, какую оказывалъ мнѣ мой добрый опекунъ. Я этого никакъ не ожидала; я думала, что онъ самъ будетъ говорить съ Ричардомъ — не тутъ-то было ! Однакожь, я не сдѣлала никакого возраженія, обѣщала исполнить его желаніе, такъ, какъ только достанетъ силъ, прибавивъ, на всякій случай, что не ошибается ли онъ, приписывая мнѣ столько благоразумія, между-тѣмъ, какъ я вовсе не умна. На это добрый опекунъ мой разсмѣялся самымъ веселымъ смѣхомъ, какой только удавалось мнѣ слышать.

Digitized by Google

— Полно, полно! сказалъ онъ, вставъ съ кресел и отодвинувъ ихъ назадъ. — Насегодня довольно сидѣть въ Воркотнѣ! Только еще одно слово въ заключеніе: не хочешь ли ты мнѣ сдѣлать какой-нибудь вопросъ, милая Эсѳирь?

Онъ смотрѣлъ на меня такъ внимательно, что и я невольно смотрѣла на него во всѣ глаза, и чувствовала, что я его понимаю.

— О себѣ, сэръ? спросила я.

— Да̀.

— Нѣтъ, добрый опекунъ мой, говорила я, стараясь обнять его своими руками, которыя, къ-сожалѣнію, дрожали и были холоднѣе, чѣмъ я желала. Ничего! я вполнѣ увѣрена, что все, что̀ мнѣ слѣдуетъ знать, все, что̀ только касается до меня, вы мнѣ сказали бы сами, безъ всякихъ со моей стороны разспросовъ. Да; надо имѣть очень-грубое сердце, чтобъ не надѣяться на васъ и не довѣряться вамъ вполнѣ. Такъ, добрый геній мой, мнѣ не о чемъ, совершенно не о чемъ у тебя спрашивать.

Онъ взялъ меня подъ-руку и мы пошли съ нимъ къ Адѣ. Съ этой минуты мнѣ было какъ-то легко въ его присутствіи; я чувствовала себя счастливой, что ничего не узнала отъ него болѣе.

Мы вели сначала очень-дѣятельную жизнь въ Холодномъ Домѣ. Надо было познакомиться со всѣми сосѣдями, знавшими мистера Жарндиса и жившими въ близкомъ и въ дальнемъ разстояніи отъ Холоднаго Дома. Намъ съ Адой казалось, что всякій, кому была нужда въ чемъ-нибудь, въ-особенности въ деньгахъ, зналъ мистера Жарндиса. Разбирая, рано утромъ, въ Воркотнѣ письма, адресованныя на его имя и отвѣчая на нѣкоторыя изъ нихъ вмѣсто него, мы поражались, что почти всѣ изъ его корреспондентовъ имѣли сильное поползновеніе составлять комитеты для выдачи и сбора денегъ. Рвеніе барынь, къ этой благой цѣли было также сильно, какъ и рвеніе мужчинъ; даже, казалось, барыни первенствовали: съ такою страстью бросались онѣ въ комитеты, съ такимъ неутомимымъ мужествомъ собирали подписки! Мнѣ казалось, что жизнь многихъ изъ нихъ была посвящена вполнѣ только на то, чтобъ разсылать во всѣ часы и по всѣмъ отдѣленіямъ почтъ, разноцѣнные лотерейные билеты въ пользу пріютовъ; это были билеты и въ шиллингъ цѣною и въ полкроны, и въ полсоверена и даже въ одинъ пенни. Чего имъ не было нужно?.. Онѣ просили платья, просили бѣлья, просили денегъ, угольевъ, супу; просили автографовъ, процентовъ, хлѣба, фланели; просили всего, что̀ могло быть и чего не могло быть у мистера Жарндиса. Цѣли ихъ были также различны, какъ и просьбы. То онѣ хотѣли воздвигнуть новое зданіе, то уплатить долги за старое, то же-

Digitized by Google

лали помѣстить сестеръ милосердія въ новый красивый домъ, котораго фасадъ прилагался тутъ же, при письмѣ; то онѣ хотѣли поднести какой-нибудь кувшинъ мистриссъ Желлиби, въ знакъ привязанности къ ней; то имъ нужно было снять портретъ съ ихъ секретаря, чтобъ угодить его тещѣ, питавшей несомнѣнное почтеніе къ его изумляющимъ достоинствамъ. Чего, чего не было имъ нужно! Право, мнѣ кажется, онѣ просили, по-крайней-мѣрѣ, пятьсотъ тысячъ различныхъ вещей, начиная отъ гвоздя, до пожизненнаго дохода, отъ мраморнаго памятника, до серебрянаго чайника. И какіе титулы принимали онѣ въ письмахъ! То были жены Англіи, дщери Великобританіи, сестры всѣхъ добродѣтелей, воспріемницы Америки, крестницы правды, словомъ: барыни тысячи замысловатыхъ названій. По нашему бѣдному соображенію и по ихъ письмамъ, намъ казалось, что онѣ вербовали сотнями тысячъ членовъ въ свои комитеты съ тѣмъ, чтобъ ни одного не выбалотировать. Голова наша шла кругомъ, когда мы думали о той судорожной жизни, какую должны были вести эти неутомимыя вѣщательницы о пользѣ человѣчества.

Посреди барынь, наиболѣе-отличавшихся своею, если такъ можно выразиться, добродѣтелью на чужой счетъ, занимала первое мѣсто мистриссъ Пардигль; она, сколько я могла судить по числу ея писемъ, адресованныхъ на имя мистера Жарндиса, была такая же крѣпко-неистощимая *писательница*, какъ и сама знаменитая мистриссъ Желлиби. Мы замѣчали, что вѣтеръ тотчасъ же мѣнялъ свое направленіе, какъ только заходила рѣчь о мистриссъ Пардигль. Мистеръ Жарндисъ кряхтѣлъ, потиралъ себѣ голову, морщился и, выразивъ, что люди бываютъ двухъ родовъ: одни дѣлаютъ очень-мало, но кричатъ очень-много, другіе же дѣлаютъ очень-много, но не шумятъ объ этомъ нисколько, лишался возможности продолжать разговоръ далѣе. Однакожь, во всякомъ случаѣ, мы интересовались очень повидать мистриссъ Пардигль, подозрѣвая найдти въ ней типъ *перваго сорта*, и были очень-рады, когда, въ одинъ прекрасный день, она пожаловала въ Холодный Домъ, съ *пятернею* своихъ малолѣтнихъ сыновей.

Это была леди сильной руки, какъ говорится, женщина-козырь; съ очками, очень-крупнымъ носомъ, съ громкимъ, басистымъ голосомъ, выражающимъ вообще потребность въ широкомъ пространствѣ, такъ-что при своемъ появленіи, знаменитая леди тотчасъ же опрокинула подоломъ своей юбки нѣсколько стульевъ, стоявшихъ отъ нея, впрочемъ, на довольно-большомъ разстояніи. Такъ-какъ дома мы были съ Адою вдвоемъ, то ее приняли очень-робко, тѣмъ болѣе, что она принесла съ собою

Digitized by Google

какой-то холодъ; даже и маленькіе Пардиглы шли за нею, съ засинѣвшимися носами.

— Добраго дня, молодыя леди, говорила мистриссъ Пардигль громкимъ голосомъ, послѣ обычныхъ поклоновъ: — рекомендую, пять моихъ сыновей. Вы, я думаю, должны были видѣть ихъ имена на печатной *подпискѣ* (быть-можетъ, не на одной), находящейся въ рукахъ нашего достопочтеннаго друга, мистера Жарндиса. Эгбертъ, моя старшая отрасль; двѣнадцатый годъ; этотъ мальчикъ ассигновалъ изъ своихъ карманныхъ денегъ, единовременное пособіе въ пять шиллинговъ и три пенса токкогупскимъ индійцамъ. Освальдъ, моя вторая отрасль; десять лѣтъ, шесть мѣсяцовъ. Этотъ ребенокъ, пожертвовалъ на богатый подарокъ, поднесенный по случаю торжественнаго національнаго праздника знаменитому Смитерсу, два шиллинга и девять пенсовъ. Францисъ, мой третій отпрыскъ; девяти лѣтъ. Это дитя, увлеченное примѣромъ брата, поднесло свой шиллингъ и шесть съ половиною пенсовъ. Феликсъ, мой четвертый отпрыскъ, семь лѣтъ; пожертвовалъ восемь пенсовъ престарѣлымъ вдовицамъ. Альфредъ, моя послѣдняя вѣтвь, только пяти лѣтъ; записался, по собственному своему влеченію, въ клубъ Дѣтей Радости и ужь съ этихъ ногтей, поклялся никогда во всю жизнь не употреблять табаку ни въ какомъ видѣ.

Мы никогда въ жизни не видали такихъ непріятныхъ дѣтей; не въ томъ дѣло, что они были всѣ и слабы и вялы въ значительной степени — нѣтъ; они казались какими-то хищными звѣрьками. Когда рѣчь коснулась до токкагупскихъ индійцевъ, я едва могла разувѣрить себя, что Эгбертъ никакимъ образомъ не принадлежитъ къ этому несчастному племени — такъ казался онъ мнѣ дикъ. Когда мистриссъ Пардигль высчитывала ихъ приношенія на пользу человѣчества, лицо каждаго ребенка выражало какую-то мрачную злобу, въ-особенности лицо Эгберта. Впрочемъ, я должна исключить маленькаго члена клуба Дѣтей Радости: онъ выслушалъ о геройскомъ отреченіи своемъ отъ соблазна употреблять табакъ, съ выраженіемъ совершеннѣйшей и пошлѣйшей глупости.

— Я слышала, вы навѣщали мистриссъ Желлиби? сказала мистриссъ Пардигль. Мы отвѣчали утвердительно, прибавивъ, что провели у нея одну ночь.

— Мистриссъ Желлиби, продолжала мистриссъ Пардигль: — все-таки своимъ многозначительнымъ, громкимъ, грубымъ голосомъ (звуки этого голоса, такъ странно поражали мой слухъ, что мнѣ все мерещилось, будто и на голосѣ у нея надѣты очки въ видѣ рупора — право! Кстати объ очкахъ; врядъ ли они были не лишнею мёбелью на ея носу; кажется

Digitized by Google

въ нихъ не нуждались ея глаза, которые, по выраженію Ады, торчали, какъ плошки); мистриссъ Желлиби — это благодѣтельница человѣчества и заслуживаетъ руку помощи. Дѣти мои содѣйствовали ей въ африканскихъ проектахъ: Эгбертъ пожертвовалъ одинъ шиллингъ и шесть пенсовъ— всю сумму, которую получаетъ впродолженіе девяти недѣль на расходы; Освальдъ, одинъ шиллингъ и полтора пенса—также свой девятинедѣльный доходъ: словомъ, каждый изъ нихъ, сдѣлалъ что-нибудь въ пользу туземцевъ, сообразно съ своими маленькими средствами. Но, несмотря на это, мы не во всемъ сходимся съ мистриссъ Желлиби Мы находимся съ ней въ понятіяхъ о семейномъ долгѣ — это всякій знаетъ. Всѣмъ извѣстно, что мистриссъ Желлиби отстраняетъ совершенно свое семейство отъ всякаго участія въ тѣхъ проектахъ, которымъ сама предана. Хорошо ли это, худо ли — не знаю, только это не въ моихъ правилахъ. По мнѣ, гдѣ я, тутъ и дѣти; они всюду со мною. Кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, пусть рѣшатъ другіе.

Это правило товарищества вызвало изъ груди болѣзненной, старшей отрасли мистриссъ Пардигль, пронзительный вой, который она скрыла подъ зѣвотой; но мы были убѣждены съ Адой впослѣдствіи, что зѣвота началась воемъ.

— Круглый годъ, каждый день ходятъ они со мной въ пріюты въ шесть съ половиною часовъ утра, несмотря ни на какую погоду, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, продолжала мистриссъ Пардигль скороговоркою: — и цѣлый день присутствуютъ при всѣхъ моихъ разнообразныхъ обязанностяхъ. Я въ комитетѣ школъ, я въ ученомъ комитетѣ, я въ комитетѣ раздачи пожертвованій, я въ отдѣленіи комитета ткачей, я во многихъ другихъ комитетахъ и, быть-можетъ, никто такъ не заваленъ дѣломъ, какъ я; но они всегда со мной, всегда мои спутники. Такимъ-образомъ, при самомъ развитіи своемъ, они пріобрѣтаютъ познаніе бѣднаго класса людей и способность дѣлать вообще добрыя дѣла; словомъ: пріобрѣтаютъ вкусъ къ такимъ вещамъ, которыя со-временемъ сдѣлаютъ ихъ полезными для ближняго и исполнятъ съ самодовольствіемъ ихъ сердца. Дѣти мои нерасточительны: они употребляютъ всѣ свои карманныя деньги на подписки, по моему указанію, для благотворительныхъ цѣлей; они были на столькихъ публичныхъ митингахъ, слушали столько отчетовъ, рѣчей, споровъ, что дай Богъ любому взрослому. Альфредъ, ему только шестой годокъ вначалѣ, какъ я ужь говорила вамъ, самъ просился въ комитетъ Дѣтей Радости, и былъ одинъ изъ того небольшаго числа дѣтей, которыя оказали сочувствіе ко всему тому, что̀ съ такимъ жаромъ внушалъ имъ предсѣдатель комитета въ день балотировки, впродолженіе битыхъ двухъ часовъ.

Digitized by Google

Альфредъ посмотрѣлъ на насъ такъ злобно, какъ-будто бы говорилъ, что онъ никогда не забудетъ, не хочетъ забыть тѣ бѣдствія, которымъ подвергался въ этотъ злосчастный день.

— Вы должны были замѣтить, миссъ Семерсонъ, продолжала мистриссъ Пардигль: — въ тѣхъ печатныхъ мѣстахъ подписокъ, о которыхъ я говорила и которыя находятся въ рукахъ нашего достопочтеннаго друга, мистера Жарндиса, что имена дѣтей моихъ сопровождались именемъ О. А. Пардигль. Ч. К. О. (членъ королевскаго общества). Фунтъ стерлинговъ. Это ихъ родитель. Мы всегда идемъ этой дорогой. Сначала я кладу мою лепту на алтарь человѣколюбія; потомъ юныя отрасли мои спѣшатъ принести свои посильныя подаянія и приписываются тутъ же, по порядку своего происхожденія на свѣтъ, и наконецъ мистеръ Пардигль скрѣпляетъ все своею подписью и своимъ приношеніемъ. Мистеръ Пардигль считаетъ себя совершенно-счастливымъ, что можетъ принести и свое малое подаяніе по моему назначенію. Такимъ-образомъ все, что̀ мы дѣлаемъ, не только служитъ утѣшеніемъ для насъ, но, я надѣюсь, можетъ быть поучительно и для другихъ.

Слушая этотъ потокъ рѣчей, я, должна сознаться, невольно пришла на такую мысль: что если мистеръ Пардигль обѣдаетъ у мистера Желлибй, и мистеръ Желлиби откроетъ свою душу передъ мистеромъ Пардигль, захочетъ ли мистеръ Пардигль, въ свою очередь, исповѣдать передъ мистеромъ Желлиби съ полною откровенностью свои обыденныя ощущенія?

— У васъ домъ на хорошемъ мѣстѣ, сказала мистриссъ Пардигль.

Мы были очень-рады перемѣнить разговоръ, подвели ее къ окну и стали показывать прекрасные виды; но очки оставались ко всему замѣчательно-равнодушны.

— Знаете ли вы мистера Гешера? спросила она опять.

Мы должны были сознаться, что не имѣли еще удовольствія познакомиться съ мистеромъ Гешеромъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, я васъ увѣряю, продолжала мистриссъ Пардигль, своимъ повелительнымъ тономъ: — это истинно-пылкій, убѣдительный характеръ, полный теплаго чувства! Видите ли этотъ лужокъ? Онъ какъ-будто самою природою назначенъ для общественныхъ митинговъ. Что жъ бы вы думали? Мистеръ Гешеръ не проѣхалъ бы его мимо, онъ бы на немъ остановился, всталъ бы на свою телегу и проговорилъ бы нѣсколько часовъ сряду на какую хотите тэму. Вотъ каковъ это человѣкъ! Ну-съ, теперь мои красавицы, продолжала мистриссъ Пардигль, возвращаясь къ своему стулу и опрокинувъ по дорогѣ, какою-то невидимою силою, маленькій круглой столикъ, на которомъ

лежало мое рукодѣлье, хотя онъ находился отъ нея на порядочномъ разстояніи: — теперь, мои красавицы, хотите ли знать меня *на-распашку?*

Это была такая смущающая задача, что Ада смотрѣла на меня въ совершенномъ недоумѣніи. Что жь касается до моей несчастной натуры, то все, чтò мнѣ пришло въ голову при этомъ неожиданномъ вопросѣ, выразилось сильнымъ приливомъ крови къ моимъ щекамъ.

— То-есть, знать меня вдоль и поперегъ, говорила мистриссъ Пардигль: — уловить выдающіяся стороны моего характера? Смѣю сказать, что у меня очень-*выпуклый* характеръ, бросающійся прямо въ глаза. Это значитъ, чтò на умѣ, то и на языкѣ. Дà, скажу прямо, безъ обиняковъ: я женщина работящая. Я люблю тяжелую работу; я въ восторгѣ отъ тяжелой работы. Усилія мнѣ полезны. Я такъ закалена въ трудѣ, такъ свыклась съ тяжелой работой, что не знаю, чтò значитъ усталость.

Мы пробормотали, что это очень-изумительно и очень-добродѣтельно, или что-то въ этомъ родѣ, изъ вѣжливости только, потому-что, сказать по правдѣ, вовсе не знали, почему это изумительно и добродѣтельно.

— Я не знаю, чтò значитъ утомиться, этого слова нѣтъ въ моемъ лексиконѣ, говорила мистриссъ Пардигль. — Вы ни за чтò въ свѣтѣ не утомите меня, какъ ни старайтесь! Это множество усилій (которыя для меня пустякъ), это множество дѣлъ (которыя для меня, такъ— пфу!) иногда поражаютъ и меня своимъ несметнымъ количествомъ и разнообразіемъ; но это ничего. Дѣти мои и мистеръ Пардигль выбиваются изъ силъ, только глядя на меня; а мнѣ не почемъ: всѣ дѣла передѣлаю, какъ лутошки переломаю и, могу похвалиться, выйду свѣжа, какъ жаворонокъ.

Сравненіе ли съ жаворонкомъ, воспоминаніе ли о выбиваніи изъ силъ— не знаю, произвело такое впечатлѣніе на мрачнолицаго, старшаго сына мистриссъ Пардигль, что глаза его искривились самымъ непріятнымъ образомъ. Я замѣтила, что правая рука его сжалась судорожно въ кулакъ и нанесла ударъ въ тулью фуражки, торчавшей у него подъмышкой лѣвой руки.

— Это даетъ мнѣ важныя преимущества при моихъ обыденныхъ *дозорахъ,* трещала мистриссъ Пардигль. — Если я иду дозоромъ, какъ членъ благотворительныхъ комитетовъ, и встрѣчаю человѣка, который не хочетъ слушать того, чтò я должна ему сказать, тогда я ему говорю прямо: «я, мой дружище, не устану; ужь ты тамъ какъ хочешь, а я не устану; говорю тебѣ, что я не устану и не отвяжусь отъ тебя до-тѣхъ-поръ, пока не выскажу чтò хочу. И такъ или сякъ, а ужь

достигну своей цѣли! Надѣюсь, миссъ Семерсонъ, вы не откажете мнѣ въ вашемъ содѣйствіи при сегодняшнихъ моихъ *дозорахъ*. Миссъ Клеръ также? Идемъ сейчасъ же!

Я попробовала сначала отдѣлаться отъ этого воинственнаго предложенія, опираясь, какъ это обыкновенно водится, на занятія по хозяйству, которыя я не могла оставить. Не тутъ-то было! протестъ этотъ оказался совершенно-ничтожнымъ. Я перемѣнила планъ отказа: начала говорить, что сомнѣваюсь въ своихъ способностяхъ; что я слишкомъ-неопытна въ искусствѣ примѣнять свой характеръ къ характерамъ другихъ людей и не умѣю выставлять на видъ необходимыхъ качествъ человѣка; что я не имѣю того тонкаго знанія человѣческаго сердца, которое такъ необходимо для такого важнаго дѣла — ходить дозоромъ; что мнѣ еще надобно многому поучиться самой, прежде чѣмъ позволить себѣ учить другихъ; что для этого мало только одного добраго намѣренія; что, по этимъ причинамъ, я считаю болѣе полезнымъ употреблять время въ томъ ограниченномъ кругу дѣятельности, который очерченъ вокругъ меня; что боюсь насильно расширять этотъ кругъ, а предоставляю времени раздвинуть его предѣлъ. Все это я говорила съ чистымъ убѣжденіемъ въ томъ, что мистриссъ Пардигль и старше меня, и опытнѣе, и имѣетъ въ существѣ своемъ много марсовскаго.

— Вы неправы, миссъ Семерсонъ, сказала она: — быть-можетъ, вы не такъ способны къ тяжелой работѣ; можетъ-быть, не пробовали дѣлать усилія — такъ это другая вещь. Вы посмотрите, какова я въ дѣлѣ, я сейчасъ иду съ дѣтьми тутъ, по сосѣдству, къ кирпичнику — скверный характеръ — очень буду рада видѣть васъ вмѣстѣ со мною. Также и миссъ Клеръ, если ей угодно сдѣлать мнѣ честь.

Мы переглянулись съ Адой и, дѣлать было нечего, рѣшились принять предложеніе. Поэтому мы отправились въ свои комнаты надѣть шляпы и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ назадъ, застали истомленныхъ дѣтей въ углу, а героическую мистриссъ Пардигль, снующею взадъ и впередъ по комнатѣ и опрокидывающею всѣ легкія вещи на полъ. Мистриссъ Пардигль завладѣла Адою и пошла впередъ, а я слѣдовала за ними сзади, съ дѣтьми.

Ада разсказывала мнѣ впослѣдствіи, что мистриссъ Пардигль говорила съ ней, своимъ крикливымъ голосомъ, что я и сама слышала, впродолженіе всего пути къ кирпичнику; она повѣдала, какъ, два или три года тому назадъ, она пересилила въ спорѣ какую-то другую, должно-быть, тоже замѣчательную леди. Дѣло, изволите видѣть, шло о выборѣ одного изъ двухъ конкурентовъ, не знаю куда-то. Онѣ, из-

Digitized by Google

волите видѣть, шумѣли, кричали, грозились, бранились и вообще всѣ проводили время пріятно и полезно, кромѣ несчастныхъ конкурентовъ, которые, помнится, и по это время не были никуда избраны.

Я люблю, если на мою долю достанется быть съ дѣтьми, и, вообще говоря, я счастлива въ дѣтяхъ: они какъ-то скоро привязываются ко мнѣ; но съ Пардиглями, признаться сказать, было несносно. Едва мы успѣли выйдти изъ дверей, какъ Эгбертъ, съ манерами уличнаго мальчишки, вытаскивающаго изъ кармановъ платки, сталъ просить у меня шиллингъ, на томъ основаніи, что у него нѣтъ и никогда не бываетъ денегъ. У *нея* руки проворны, *она* все оберетъ, говорилъ онъ, указывая на мистриссъ Пардигль. Я попробовала сдѣлать ему замѣчаніе, что такъ относиться о матери нейдетъ. Онъ за это ущипнулъ мнѣ руку и закричалъ: — а, да! знаемъ мы вашего брата! Вамъ это, небойсь, нравится! Покажетъ деньги, да и спрячетъ себѣ въ карманъ! А тамъ говоритъ, что это мои деньги. Хороши мои! Я не могу истратить полфарсинга! Эти отчаянныя восклицанія такъ воспламенили его, а за нимъ и Освальда и Франциса, что я не знала куда дѣваться; они, какъ піявки, вцѣпились въ мою руку и давай ее щипать самымъ страшнымъ образомъ: захватятъ когтями, маленькій кусочекъ тѣла, да такъ и вертятъ. Я едва-едва удерживалась отъ крика. Къ-тому же Феликсъ наступалъ постоянно мнѣ на ноги, и этотъ юный членъ клуба Дѣтей Радости, давшій клятву въ будущемъ никогда не употреблять табакъ ни въ какихъ видахъ, кажется, въ настоящемъ, никогда не употреблялъ пироговъ, потому-что, когда мы проходили мимо пирожника, онъ такъ задрожалъ и замахалъ руками, что я боялась, не сдѣлалось ли съ нимъ припадка. Я никогда въ жизни не страдала такъ сильно духовно и тѣлесно, какъ въ этотъ памятный день, съ этими ненатурально ограниченными дѣтьми, которыя, впрочемъ, доказали мнѣ, что они очень-натуральны.

Я была рада, когда мы наконецъ добрались до жилища кирпичника, хотя оно находилось въ ряду несчастныхъ лачугъ, расположенныхъ на краю глинистой ямы, вмѣстѣ съ свиными хлѣвами, прижавшимися плотно къ разбитымъ окнамъ, съ жалкими палисадниками, въ которыхъ ничего не было, кромѣ стоячихъ лужъ. Тамъ-и-сямъ были поставлены старые ушаты и лоханки для пріема съ крышъ дождевой воды; мѣстами были вырыты ямы для той цѣли и образовали какъ-бы колодцы жидкой грязи. Въ дверяхъ и окнахъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ зѣвали по сторонамъ, мало обращая вниманія на насъ; повременамъ, впрочемъ, они пересмѣивались или говорили что-то въ родѣ того, что филантропы, много думаютъ о нихъ, да мало дѣлаютъ; боятся за-

Digitized by Google

марать сапожки, прійдя посмотрѣть на ихъ житье-бытье, и тому подобное.

Мистриссъ Пардигль во всю дорогу выказывала огромный запасъ нравственной рѣшительности и, охуждая торжественнымъ тономъ грязныя привычки людей низшаго класса (хотя я очень сомнѣвалась, чтобъ и она сама въ такомъ грязномъ мѣстѣ могла сохранить свою чистоту), привела насъ въ лачугу, находящуюся въ самомъ отдаленномъ углу. Кромѣ насъ, въ этой сырой, дымной комнатѣ была женщина съ подбитымъ глазомъ, держащая на рукахъ передъ огнемъ издыхающаго ребенка; мужчина, весь въ сажѣ и глинѣ, очень-истощенный, лежалъ, растянувшись на полу и курилъ трубку; дюжій молодой парень, привязывающій ошейникъ на собаку и разбитная дѣвка, стиравшая что-то въ грязной водѣ. Они взглянули на насъ молча; женщина, казалось, отвернулась въ сторону, чтобъ скрыть свой подбитый глазъ. Никто, однако же, насъ не привѣтствовалъ.

— Ну, друзья мои, сказала мистриссъ Пардигль, только голосъ ея, какъ мнѣ показалось, вовсе не имѣлъ дружескаго выраженія; въ немъ слышалось что-то дѣловое, систематическое: — ну, какъ вы поживаете? Я, вотъ, опять пришла къ вамъ. Я вѣдь говорила вамъ, что меня ничто на свѣтѣ не утомитъ. Люблю трудную работу, очень люблю, и, какъ видите, держу свое слово.

— Опять тутъ васъ принесло! проворчалъ человѣкъ, лежащій на полу, повернувъ къ намъ голову и опершись на руку: — всѣ, что ли, привалили?

— Не безпокойся, другъ мой, сказала мистриссъ Пардигль: — садясь на одинъ стулъ и опрокинувъ другой на полъ:—мы всѣ здѣсь, всѣ.

— Всѣ! Что больно мало? вишь тутъ изъ-за васъ и пошевелиться негдѣ! сказалъ кирпичникъ, держа въ зубахъ трубку и посматривая на насъ.

Молодой парень и дѣвка разсмѣялись. Два пріятеля молодаго парня, которыхъ приходъ нашъ привлекъ къ дверямъ этой хижины, стояли позади насъ, опустивъ руки въ карманы, и также расхохотались во все горло.

— Вы меня не утомите, добрые люди, говорила мистриссъ Пардигль, обращаясь къ послѣднимъ: — люблю тяжелый трудъ, и чѣмъ вы больше оказываете препятствій, тѣмъ мнѣ пріятнѣе трудиться.

— Экъ ее носитъ! проворчалъ кирпичникъ, лежащій на полу.— Не уймется! Ну, отзванивай, отзванивай, да и съ колокольни долой! Что, въ самомъ дѣлѣ пристала ко мнѣ! Спрашивать, да развѣдывать, да языкъ мозолить!.. Знаю! Ну, что, стираетъ ли дѣвка? Вонъ стираетъ... По-

Digitized by Google

смотри на воду... Понюхай! Хорошо пахнетъ?.. Что, нравится?.. Такъ, не бойсь, хороша, что и о водкѣ не вздумаешь!.. Грязна ли изба?.. да, грязна, смрадный духъ... нездоровый духъ... всѣ дѣти больны; всѣ пятеро ходятъ какъ мертвые... Да и лучше бы того... концы въ воду... и для нихъ и для насъ. Ну, что еще?.. Читалъ ли книжонку, которую оставила здѣсь?.. Нѣтъ, не читалъ... Здѣсь никто читать не умѣетъ. Да еслибъ и нашелся какой грамотѣй, такъ я бы слушать не сталъ... да... читай груднымъ дѣтямъ... а я не дитя. Еще бы ты мнѣ оставила куклу... а я бы съ ней няньчиться сталъ... какъ я велъ себя, да? Вотъ какъ: три дня бражничалъ... пилъ бы и четвертый день... да денегъ не хватило... Отчего у жены глазъ подбитъ? Я подбилъ, далъ въ сердцахъ тумака — вотъ и все. А если скажетъ, что упала, да ушиблась — совретъ... не вѣрь!

Онъ оставилъ трубку, чтобъ произнести залпомъ эти вопросы и отвѣты и, окончивъ послѣднее слово, повернулся на другой бокъ и снова началъ курить.

Мистриссъ Пардигль, которая впродолженіе всей выходки хозяина смотрѣла на него сквозь очки, съ притворнымъ спокойствіемъ и, какъ мнѣ казалось, старался всячески возбудить въ немъ негодованіе, достала изъ кармана какую-то книгу и начала читать.

Чтеніе ея разбудило дѣтей и они смотрѣли на насъ вытараща глаза; старшіе члены семейства не обращали на насъ никакого вниманія, кромѣ молодаго парня, который всякій разъ заставлялъ лаять собаку, когда мистриссъ Пардигль приходила въ паѳосъ. Мы, къ сожалѣнію, понимали ясно, что между нами и этими людьми лежитъ тяжелая, желѣзная преграда, которую не отодвинетъ наша новая пріятельница. Все, что она читала и говорила, казалось намъ, очень-дурно выбраннымъ для слушателей такого рода. Что жь касается до маленькой книжки, о которой говорилъ кирпичникъ, лежащій на полу, то мы съ ней познакомились впослѣдствіи, и мистеръ Жарндисъ говорилъ намъ, что эта книжка такая, которую, онъ полагаетъ, не рѣшился бы взять въ руки даже Робинзонъ Крузо, хотя онъ былъ вовсе безъ книгъ на пустынномъ островѣ своемъ.

Понятно, какъ мы обрадовались, когда мистриссъ Пардигль окончила свое чтеніе. Человѣкъ, лежащій на полу, повернулъ къ ней свою голову и сказалъ брюзгливо:

— Ну, отзвонила?

— Насегодня довольно, мой другъ. Но я никогда не устану. Я буду навѣщать васъ послѣдовательно, возразила мистриссъ Пардигль съ педагогической важностью.

Digitized by Google

— Отчаливай! проворчалъ хозяинъ сквозь зубы. — Что тамъ себѣ хочешь дѣлай, только отчаливай!

Мистриссъ Пардигль, въ-самомъ-дѣлѣ, встала не безъ того, конечно, чтобъ не поднять вихря подоломъ своихъ юбокъ, отъ котораго едва спаслась трубка. Взявши двухъ дѣтей своихъ за руки и приказавъ другимъ слѣдовать за собою, она выразила надежду, что кирпичникъ и вся семья его исправятся къ слѣдующему ея приходу и направила стопы свои въ другую лачужку.

Я думаю, что будетъ несправедливо съ моей стороны, если я не прибавлю, что мистриссъ Пардигль, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ дѣлахъ, давала примирительный видъ своимъ поступкамъ, какъ-бы дѣлая добро *гуртòмъ* и въ большомъ размѣрѣ.

Она думала, что мы слѣдуемъ также за ней. Между-тѣмъ, какъ только она ушла, мы тотчасъ же подошли къ женщинѣ, сидящей у огня, чтобъ спросить не больно ли дитя ея.

Она смотрѣла на него, какъ мы замѣтили, прикрывая рукою свой обезображенный глазъ, какъ-будто хотѣла скрыть отъ бѣднаго ребенка, слѣды насилія, шума и дурнаго съ собою обхожденія его отца.

Ада, которой нѣжное сердце было очень-чувствительно, стала на колѣни и открыла лоскутъ, прикрывавшій лицо ребенка. Тогда я увидѣла все и отвела ее въ сторону... Малютка умиралъ.

— О, Эсѳирь! вскричала Ада: — взгляни сюда, Эсѳирь, душа моя, бѣдняжка... Бѣдный мученикъ, бѣдный страдалецъ... Мнѣ такъ жалко его... такъ жалко эту женщину... Ахъ, Эсѳирь! я никогда не видала ничего подобнаго!.. Дитя, милое дитя, что съ тобою?..

Такое состраданіе, такая нѣжность чувствъ, съ которыми, ставъ на колѣни возлѣ матери, оплакивала Ада страданія ребенка, могли смягчить всякое грубое сердце, если только оно еще бьется въ груди. Бѣдная женщина посмотрѣла на нее сначала съ удивленіемъ, а потомъ залилась горькими слезами.

Я взяла съ колѣнъ ея легкое бремя, сдѣлала все, что̀ могла, чтобъ холодѣющій трупъ ребенка казался спокойнѣе, положила его на доску и прикрыла своимъ носовымъ платкомъ. Потомъ мы пробовали утѣшить несчастную мать, говорили ей слова Спасителя о дѣтяхъ. Она молчала, но плакала, плакала горько.

Обернувшись, я замѣтила, что молодой парень выгналъ собаку и стоялъ у двери, глядя на насъ. На глазахъ его не было видно слезъ, но не было въ нихъ и непріятнаго выраженія. Дѣвушка была также спокойна и сидѣла въ углу, устремивъ глаза въ полъ. Кирпичникъ всталъ: онъ все еще курилъ трубку и смотрѣлъ на насъ съ недовѣріемъ, но молчалъ.

Digitized by Google

Какая-то старуха, одѣтая въ лохмотья, вбѣжала въ лачужку, бросилась прямо къ бѣдной матери и вскрикнула: «Женни! Женни!» Бѣдная мать встала съ своего мѣста и повисла на шеѣ старухи.

Старуха была вовсе непривлекательна, но эта симпатія, съ которою она утѣшала бѣдную женщину, эти слезы, которыя мѣшались съ слезами осиротѣвшей матери, придавали ей характеристическую красоту. Утѣшенія ея состояли только въ словахъ: «Женни! Женни!»; но эти слова были произносимы такимъ тономъ, въ которомъ выражалось много, много неподдѣльнаго чувства.

Мнѣ казалось поразительно, какъ эти двѣ женщины, грубыя, одѣтыя въ лохмотья, были такъ близки другъ къ другу; какъ вязало ихъ взаимное чувство истинной любви, какъ дѣлили онѣ горе и близко принимали его къ сердцу, загрубѣлому въ тяжелыхъ испытаніяхъ жизни. Я думаю, что лучшая сторона этихъ людей для насъ закрыта. Что̀ нищій чувствуетъ къ нищему, знаетъ только Богъ, да они сами.

Мы сочли за лучшее уйдти, чтобъ не возмущать своимъ присутствіемъ ихъ скорби. Мы вышли такъ тихо, что никто не обратилъ на насъ вниманія, кромѣ молодаго парня: онъ стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и такъ близко около двери, что намъ трудно было пройдти. Замѣтя это, онъ отошелъ въ сторону, не показывая нисколько, что безпокоится для насъ; но мы, на всякій случай, его поблагодарили очень-ласково. Онъ ничего намъ не отвѣтилъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращалась Ада назадъ, и Ричардъ, котораго мы застали дома, очень былъ огорченъ ея слезами (хотя успѣлъ мнѣ шепнуть потихоньку, что она прекрасна и подъ вліяніемъ грусти). Мы условились вечеромъ взять съ собой нѣсколько припасовъ и сходить опять къ кирпичнику. Мистеру Жарндису мы сказали въ очень-короткихъ словахъ о случившемся, но, несмотря на это, вѣтеръ тотчасъ же перемѣнился.

Насталъ вечеръ и мы отправились въ-сопровожденіи Ричарда.

Мы оставили его въ нѣкоторомъ отдаленіи и однѣ пошли въ жилище кирпичника; когда мы подошли къ двери, мы увидѣли ту женщину, которая принесла столько утѣшенія бѣдной Женни. Она стояла у порога и выглядывала боязливо.

— Это вы, барышни? сказала она со вздохомъ. — Я поджидаю старшину. Сердце не на мѣстѣ! Что̀, какъ выгонитъ меня, старуху, изъ дома? Нѣтъ, лучше пусть убьетъ на этомъ мѣстѣ!

— Ты говоришь, добрая старушка, про мужа? спросила я.

— Да, миссъ, про старшину. Женни забылась сномъ, бѣдняжка изъ силъ выбилась. Шутка-ли, ровно недѣлю и день и ночь все возилась

Digitized by Google

съ ребенкомъ. Развѣ когда мнѣ удастся на минутку или на двѣ перехватить его.

Она дала намъ дорогу; мы тихо вошли и положили, что̀ принесли съ собою, около бѣдной постели, на которой спала мать. Та же грязь, какую мы видѣли утромъ, была вездѣ, и казалось, что неопрятность составляла непремѣнную принадлежность этой лачужки. Но трупъ ребенка былъ омытъ, обернутъ въ чистыя тряпки и на платкѣ моемъ, который все-таки прикрывалъ его личико, лежалъ букетъ душистой травы, положенный такъ нѣжно, такъ красиво... такими грубыми, изсохшими руками!

— Да благословитъ тебя Богъ! сказали мы ей. — Ты добрая женщина.

— Я, барышни? возразила она съ удивленіемъ. — Тс!.. Женни! Женни!..

Мать простонала во снѣ и открыла глаза; звуки знакомаго голоса, казалось, успокоили ее. Она заснула снова.

Какъ мало думала я, когда, приподнявъ платокъ, чтобъ взглянуть на крошечнаго ребенка, уснувшаго вѣчнымъ сномъ — какъ мало думала я на какой безпокойной груди будетъ лежать этотъ платокъ послѣ того, какъ онъ покрывалъ такую безмятежную, такую безгрѣшную грудь! Я только думала, что, быть-можетъ, ангелъ-хранитель этого ребенка обратитъ взоръ свой на ту женщину, которая одѣла трупъ его въ чистый лоскутъ полотна, на ту женщину, которая, простясь съ нами, осталась у двери озираясь и прислушиваясь робко и твердила своимъ грубымъ, но идущимъ къ сердцу голосомъ: Женни! Женни!

ГЛАВА IX.

Примѣты и намеки.

Не знаю, какъ это случается, но мнѣ кажется, я пишу только про себя. Я все хочу писать про другихъ, стараясь какъ можно меньше думать о себѣ и ей-Богу сержусь, какъ только имя мое попадетъ подъ перо; говорю себѣ: убирайся пожалуйста, несносное созданіе, куда-нибудь; я не хочу говорить о тебѣ. Не тутъ-то было! Надѣюсь, впрочемъ, что снисходительный читатель, найдя много обо мнѣ на этихъ страницахъ, предположитъ, что и я играла въ описываемыхъ происшествіяхъ какую-нибудь роль и что нельзя было вычеркнуть меня изъ хода описываемыхъ событій.

Digitized by Google

Моя милочка и я, мы занимались вмѣстѣ чтеніемъ, работою, музыкой и не видали какъ бѣжало время; скучные зимніе дни пролетѣли мимо насъ, какъ легкокрылыя пташки. Обыкновенно, послѣ обѣда и вечеромъ, Ричардъ бесѣдовалъ съ нами. Хотя онъ былъ самое безпокойное въ мірѣ существо, но безъ него намъ бывало скучно.

Онъ очень, очень, очень любилъ Аду, я знаю это и считаю лучшимъ высказать сразу. Мнѣ никогда не случалось прежде видать влюбленныхъ, однакожь я безъ затрудненія поняла ихъ чувства. Я, безъ-сомнѣнія, ничего имъ не говорила; даже не показала виду, что знаю въ чемъ дѣло; напротивъ, я старалась казаться такою слѣпою, такою непонятливою, что право иногда мнѣ приходило въ голову, когда я сиживала одна за работой: уже ли я въ-самомъ-дѣлѣ могу такъ притворяться, могу такъ обманывать?

Но дѣлать было нечего. Мнѣ оставалось только молчать и быть тише воды, ниже травы. Да они и сами были на словахъ такъ скромны, какъ мышки. Они высказывались мнѣ такъ мило, такъ осторожно хитрили, такъ неумышленно, такъ безуспѣшно, что, право, мнѣ было очень-трудно скрывать отъ нихъ, какъ они меня интересовали.

— Наша маленькая хозяюшка, такая славная хозяюшка — скажетъ, бывало, Ричардъ, встрѣчая меня въ саду рано утромъ, съ веселымъ смѣхомъ и, быть-можетъ, слегка закраснѣвшись: — что я не могу жить безъ нея. Прежде, чѣмъ начинается возня моя съ книгами и инструментами, или скачка, сломя-голову, по холмамъ и оврагамъ, я такъ люблю прійдти сюда въ садикъ, погулять съ нашимъ добрымъ другомъ, что вотъ я и опять налицо.

— Ты знаешь, милая тетушка Дердонъ — скажетъ, бывало, вечеромъ Ада, положивъ головку ко мнѣ на плечо (и пламя свѣчей играетъ въ ея задумчивомъ взорѣ): — я не люблю болтать, прійдя въ свою комнату. Но какъ-то пріятно посидѣть немного смотря на тебя, задуматься на плечѣ твоемъ, прислушиваясь къ завыванью вѣтра и вспоминая о бѣдныхъ морякахъ, носящихся по волнамъ океана.

Ахъ, можетъ-быть, Ричардъ вступитъ въ морскую службу! Мы часто поговаривали о его карьерѣ. Была рѣчь и о томъ, что онъ любитъ море и склоненъ къ матросской жизни. Мистеръ Жарндисъ писалъ къ одному изъ родственниковъ, высокорожденному сэру Лейстеру Дедлокъ, просилъ его содѣйствія въ устройствѣ судьбы Ричарда, на что сэръ Лейстеръ отвѣчалъ очень-ласковымъ письмомъ; говорилъ, что онъ сочтетъ себя очень-счастливымъ, если можетъ споспѣшествовать ко благу юнаго джентльмена, и что онъ готовъ все сдѣлать, что только въ его власти; но что власть его во многихъ отношеніяхъ ограниченна,

Digitized by Google

что миледи посылаетъ поклонъ молодому джентльмену (она очень-хорошо помнитъ, что связана съ нимъ родствомъ въ отдаленномъ колѣнѣ), и увѣрена, что онъ во всякомъ родѣ службы пройдетъ поприще свое съ ревностью и съ честью.

— Это ясно, говоритъ мнѣ Ричардъ: — я самъ долженъ прокладывать себѣ дорогу. Что за бѣда! Сколько людей трудомъ проложили себѣ путь! Ничего, и мы пойдемъ! Я бы только желалъ, чтобъ на первый разъ меня сдѣлали командиромъ какого-нибудь кáпера; я бы взялъ съ собой лорда-канцлера и держалъ бы его на самомъ маленькомъ жалованьи до-тѣхъ-поръ, пока онъ не кончилъ бы нашего процеса. Жиру бы съ него очень поспало, еслибъ онъ у меня не скоро поворачивался!

Въ характерѣ Ричарда, рядомъ съ прекрасными качествами — съ чувствительностью, добротою и неистощимою веселостью — была какая-то безпечность, нерасчитанность, которая пугала меня, главное, потому, что онъ, по какой-то странной ошибкѣ, принималъ ее за благоразуміе. Во всѣхъ его денежныхъ разсчетахъ не было нисколько основательности; вспомните, только, его продѣлку съ мистеромъ Скимполемъ.

Мистеръ Жарндисъ узналъ объ уплаченной нами суммѣ или отъ мистера Скимполя, или отъ Коавинса — не знаю; только онъ отдалъ деньги мнѣ сполна, съ тѣмъ, чтобъ я удержала мнѣ принадлежащую часть, а остальное возвратила Ричарду. Боже! что хотѣлъ сдѣлать Ричардъ съ этими деньгами! Вопервыхъ, онъ считалъ ихъ находкою; вовторыхъ, еслибъ только высчитать всѣ тѣ расходы, какіе онъ предполагалъ и о которыхъ говорилъ такъ часто со мною, то право это составило бы *большую* сумму денегъ.

— Да почему же нѣтъ, тетушка Геббертъ? говорилъ онъ мнѣ, желая безъ всякой надобности отдать пять фунтовъ стерлинговъ кирпичнику.

— Вѣдь я чистоганомъ, выигралъ въ этомъ дѣлѣ съ Коавинсомъ, десять фунтовъ!

— Какимъ же это образомъ? спрашивала я.

— Какъ, какимъ-образомъ? Я отдалъ десять фунтовъ стерлинговъ и очень былъ радъ ризвязаться съ ними, не ожидая никогда найдти ихъ опять въ карманѣ. Что, не правда?

— Правда; отвѣчала я.

— Хорошо! Теперь я опять владѣю десятью фунтами...

— Тѣми же десятью.

— Совсѣмъ не тѣми же. Я получилъ больше десятью фунтами чѣмъ ожидалъ, слѣдовательно могу истратить ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти.

Digitized by Google

Точно такимъ же образомъ, убѣдясь въ безполезности отдать кирпичнику пять фунтовъ стерлинговъ, онъ считалъ эти деньги пріобрѣтенными и полагалъ, что ихъ можно также легко истратить, какъ онѣ легко пріобрѣтены.

— Позвольте-ка, говорилъ онъ: — я пріобрѣлъ неожиданно пять фунтовъ стерлинговъ по дѣлу кирпичника, стало-быть, еслибъ я позволилъ себѣ скакать въ почтовой коляскѣ въ Лондонъ и обратно, что̀ стоитъ только четыре фунта, такъ я все-таки выигралъ бы одинъ фунтъ. А это не шутка! Не такъ ли?

Ричардъ былъ такъ откровененъ и великодушенъ, какъ только можно быть. Онъ былъ пылокъ, храбръ и, несмотря на живость своего характера, былъ такъ скроменъ, что я въ нѣсколько недѣль полюбила его какъ брата. Эта скромность, свойство души его, обнаруживалась и безъ вліянія Ады; но, подъ ея благотворнымъ вліяніемъ, онъ становился, самымъ занимательнымъ, веселымъ, любезнымъ и чистосердечнымъ собесѣдникомъ. Сознаюсь откровенно, что, сидя съ ними, говоря съ ними, гуляя съ ними, замѣчая, какъ они болѣе-и-болѣе влюбляются другъ въ друга, какъ скрываютъ любовь свою и считаютъ ее глубочайшимъ секретомъ, сознаюсь откровенно, что я не менѣе ихъ была очарована и предавалась этимъ упоительнымъ грёзамъ.

Такъ поживали мы день за день, какъ вдругъ однажды утромъ, за завтракомъ, мистеръ Жарндисъ получилъ письмо, взглянулъ на конвертъ и сказалъ: — А, а! отъ Бойтсорна! — распечаталъ письмо и началъ читать его съ видимымъ удовольствіемъ; прочтя до половины, онъ сказалъ намъ, между прочимъ, что Бойтсорнъ ѣдетъ къ намъ въ гости. Кто же бы это былъ Бойтсорнъ? думали мы всѣ. И я увѣрена, мы всѣ думали, по-крайней-мѣрѣ я за себя ручаюсь, пріиметъ ли этотъ Бойтсорнъ участіе въ томъ, что̀ у насъ теперь происходитъ?

— Съ Лаврентіемъ Бойтсорномъ, лѣтъ сорокъ-пять тому назадъ, мы хаживали вмѣстѣ въ школу, сказалъ мистеръ Жарндисъ, хлопнувъ по письму, которое онъ положилъ на столъ. — Тогда онъ былъ пылкій, громогласный, добросердечный и смѣлый мальчикъ; теперь сталъ пылкій, громогласный, добросердечный и смѣлый мужъ. Что это за страшный дѣтина!

— Ростомъ, сэръ? спросилъ Ричардъ.

— Да̀, Рикъ, ростомъ; отвѣчалъ мистеръ Жарндисъ: — будучи старше меня десятью годами и выше меня вершками двумя, онъ держитъ голову прямо, какъ старый солдатъ; грудь на-выкатѣ; руки — что твои кузнечные молоты, а горло — не знаю съ чѣмъ и сравнить; заго-

Digitized by Google

воритъ ли онъ, засмѣется ли, просто ли чихнетъ — такъ задрожатъ потолочныя балки!

Мистеръ Жарндисъ съ такимъ восторгомъ описывалъ портретъ друга своего Бойтсорна, что вѣтеръ ни разу не измѣнялъ направленія.

— А теперь друзья мои, Рикъ, Ада и ты, маленькая старушка, говорилъ мистеръ Жарндисъ: — я хочу описать вамъ внутреннія достоинства этого человѣка: его теплое сердце, его пылкую душу; языкъ его такъ же звученъ, какъ и его голосъ, то-есть, онъ во всемъ и всегда въ превосходной степени. Когда бранится — это настоящій звѣрь, многіе его и считаютъ, я думаю, за звѣря. Впрочемъ, баста! больше про него ни слова! Увидите сами. Только вотъ что: не удивляйтесь, что онъ говоритъ со мной съ видомъ покровительства; онъ не можетъ забыть до-сихъ-поръ, что я былъ самый маленькій мальчикъ въ школѣ и что наша дружба началась съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ, однажды, вступясь за меня, вышибъ моему обидчику два зуба (онъ говоритъ шесть). Бойтсорнъ и его человѣкъ, милая старушонка, продолжалъ мистеръ Жарндисъ, обратясь ко мнѣ: — будутъ у насъ сегодня къ обѣду.

Я распорядилась, чтобъ все было готово къ принятію мистера Бойтсорна, и мы съ любопытствомъ ожидали его пріѣзда.

Начало ужь темнѣть, а онъ не пріѣзжалъ. Насталъ часъ обѣда, его все-таки не было; отложили обѣдъ еще на часъ времени, и мы сидѣли возлѣ камина, освѣщенные пламенемъ; вдругъ сѣнная дверь отворилась настежь и раздался въ сѣняхъ голосъ, произносившій очень громко и съ живостью слѣдующія слова:

— Насъ надулъ этотъ каналья проводникъ, Жарндисъ. Поѣзжай, говоритъ, направо, тогда, когда надо было ѣхать налѣво. Такой бестіи не сыщешь на всемъ земномъ шарѣ; вѣрно и отецъ его былъ порядочный негодяй, что воспиталъ такого сына-мерзавца. Я жалѣю, что не убилъ его собственными руками.

— Развѣ ты думаешь, что онъ съ умысломъ завелъ васъ въ другую сторону? спросилъ мистеръ Жарндисъ.

— Еще бы нѣтъ! Да я увѣренъ, что этотъ мошенникъ ободралъ не одного бѣдняка, заведя чортъ знаетъ куда! Клянусь, онъ показался мнѣ такой подозрительной собакой, когда говорилъ мнѣ: повернуть направо. Жалѣю, что я тутъ же не выколотилъ ему всѣхъ костей!...

— То-есть зубовъ, ты хочешь сказать, возразилъ мистеръ Жарндисъ.

— Ха, ха, ха! расхохотался мистеръ Лаврентій Бойтсорнъ, и въ-самомъ-дѣлѣ такъ громко, что задрожали стекла. — Ха, ха, ха! Ты

Digitized by Google

еще не забылъ прошлыя проказы! Я тебѣ говорю по правдѣ, что рожа этого мошенника, выражала плутовство, подлость и разбой. Такъ бы и поставилъ его на большой дорогѣ пугаломъ для плутовъ. Если я встрѣчу завтра этого разбойника, такъ ужь не пеняй на меня, я сверну ему голову, какъ гнилой сукъ.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь ни на волосъ, сказалъ мистеръ Жарндисъ. — А пока пойдемъ въ комнаты.

— Клянусь тебѣ, Жарндисъ, говорилъ мистеръ Бойтсорнъ, взглянувъ, должно-быть, на часы: — еслибъ ты былъ женатъ, я бы вернулся назадъ отъ твоего порога и лучше бы забрался на самыя отдаленныя вершины Гималайскаго Хребта, чѣмъ позволить себѣ представиться женѣ твоей въ такой безтолковый часъ.

— Зачѣмъ такъ далеко? сказалъ мистеръ Жарндисъ.

— Клянусь тебѣ жизнью и честью! воскликнулъ мистеръ Бойтсорнъ: — ни за что бъ въ мірѣ я не рѣшился быть столь нахальнымъ, чтобъ заставить хозяйку дома ожидать себя до этого часа. Я бы лучше позволилъ застрѣлить себя, ей-Богу!

Говоря такимъ образомъ, подымались они по лѣстницѣ, и мы скоро услышали, какъ гремѣли въ комнатѣ, для него назначенной, его полнозвучные ха, ха, ха! и ха, ха, ха! такъ-что сосѣднее эхо, кажется, заражалось веселостью и такъ же хохотало отъ чистаго сердца, какъ онъ, или какъ мы, увлеченные его смѣхомъ.

Мы всѣ получили предубѣжденіе въ его пользу, потому-что въ смѣхѣ его слышалось какое-то прочное достоинство, равно какъ и въ его сильномъ, здоровомъ голосѣ, въ этой округленности и полнозвучности, съ которыми онъ произносилъ каждое слово, и даже въ гнѣвѣ его, доходящемъ до превосходной степени, который гремѣлъ, какъ выстрѣлъ изъ пушки, но холостой, никого не поражая. Когда мистеръ Жарндисъ представилъ его намъ, мы увидѣли, что наружность его вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему предубѣжденію. Онъ былъ не только красивый старикъ, высокій, широкогрудый, какъ его описывалъ намъ опекунъ мой, съ огромной сѣдой головою, съ пріятнымъ спокойствіемъ на лицѣ, когда онъ молчалъ, съ наклонностью къ толстотѣ, умѣряемой строгою и мыслящею жизнью, съ подбородкомъ, готовымъ тотчасъ же удвоиться, если дать ему поблажку; но еще манеры его были истинно-джентльменскія; онъ былъ такъ рыцарски вѣжливъ; лицо его сіяло такою нѣжною и пріятною улыбкой, было такъ ясно и откровенно, что онъ выражался на немъ именно такимъ, какимъ былъ, то-есть неспособнымъ, какъ говоритъ Ричардъ, къ чему-нибудь, въ

Digitized by Google

маленькомъ масштабѣ. Я смотрѣла на него съ одинакимъ удовольствіемъ и тогда, когда, сидя за обѣдомъ и весело улыбаясь, онъ разговаривалъ со мной и Адой, и тогда, когда мистеръ Жарндисъ возводилъ его въ превосходную степень и онъ выстрѣливалъ холостыми зарядами изъ пушекъ — мелкаго огнестрѣльнаго оружія онъ не любилъ; и тогда, когда, закинувъ голову, онъ раздражался своимъ громоносвымъ ха, ха, ха!

— Я думаю, ты привезъ съ собою свою птичку? спросилъ мистеръ Жарндисъ.

— Клянусь, это самая удивительная птичка на всемъ земномъ шарѣ, говорилъ, воспламеняясь, мистеръ Бойтсорнъ: — что за удивительное созданіе! Я не возьму за нея десять тысячъ гиней! Я завѣщалъ ей пожизненную пенсію, если она переживетъ меня. Это феноменъ, дивный феноменъ, по понятливости и по привязанности. Да и отецъ ея былъ самый-удивительный изъ всѣхъ самцовъ!

Предметомъ этихъ похвалъ была маленькая канарейка, такая ручная, что человѣкъ мистера Бойтсорна принесъ ее на указательномъ пальцѣ въ комнату, и она, облетѣвъ ее слегка, усѣлась спокойно на голову своего хозяина. Видѣть это крошечное, слабое созданіе, сидящее такъ спокойно на головѣ мистера Бойтсорна въ то время, какъ онъ сыпалъ своими крупными, энергическими словами, значило, видѣть самую вѣрную картину характера этого замѣчательнаго человѣка.

— Клянусь тебѣ, Жарндисъ, говорилъ онъ, отщипнувъ маленькій кусочекъ хлѣбца и подавая его нѣжно своей канарейкѣ: — еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, я завтра же схватилъ бы за шиворотъ любаго адвоката, такъ-что затрещали бы кости, и трясъ бы его до-тѣхъ-поръ, пока деньги не высыпались бы изъ всѣхъ его кармановъ. Я добился бы своего тѣмъ или другимъ способомъ! Поручи, братецъ, мнѣ пощупать бока твоего стряпчаго; я исполню съ большимъ удовольствіемъ!

Впродолженіе всего этого времени маленькая канарейка клевала изъ рукъ его.

— Благодарю тебя, Лаврентій; но дѣло теперь въ такомъ ужь положеніи, возразилъ, смѣясь, мистеръ Жарндисъ: — что достаточно и законнаго сотрясенія Палаты и всей Оберканцеляріи, чтобъ подвинуть его впередъ.

— Никогда на свѣтѣ не было такой дьявольской трущобы, какъ Оберканцелярія! сказалъ мистеръ Бойтсорнъ.

Когда мы разсмѣялись и онъ, въ свою очередь, забросилъ голову назадъ, и окрестное эхо начало вторить его громогласное ха, ха, ха,

Digitized by Google

ха! Но эти залпы вовсе не нарушали спокойствія птички, которая такъ была увѣрена въ своей безопасности, что прыгала по столу около своего господина, поворачивая голову и вправо и влѣво и, казалось, смотрѣла на него своими веселыми глазками такъ, какъ-будто и онъ самъ былъ не кто другой, какъ птичка.

— Ну, а какъ идутъ твои дѣла съ сосѣдомъ? За кѣмъ осталось право пользоваться прогономъ? спросилъ мистеръ Жарндисъ. — Вѣдь ты тожь несовсѣмъ свободенъ отъ судовъ!

— Онъ, братецъ, подалъ на меня прошеніе, что я владѣю чужою землею; а я подалъ на него прошеніе, что онъ владѣетъ чужою землею, отвѣчалъ мистеръ Бойтсорнъ: — это, я тебѣ скажу, гордѣйшее существо! Нравственно невозможно, чтобъ его звали сэръ Лейстеръ. Я увѣренъ, что его зовутъ сэръ Люциферъ.

— Благодарите за комплементъ нашему родственнику! смѣясь, сказалъ мой опекунъ Адѣ и Ричарду.

— Я готовъ былъ бы просить прощеніе у миссъ Клеръ и у мистера Картстона, возразилъ нашъ гость: — еслибъ я не прочелъ на открытыхъ и веселыхъ лицахъ ихъ, что они отъ своего дальняго родственника на очень-далекой дистанціи.

— А можетъ и онъ отъ насъ! возразилъ Ричардъ.

— Клянусь! воскликнулъ мистеръ Бойтсорнъ, разразившись вдругъ новымъ залпомъ: — этотъ Дедлокъ, да и отецъ его, да и дѣдъ въ-придачу, просто, тупоголовый, безсмысленный, заносчивый чурбанъ. Пишетъ ко мнѣ черезъ своего агента или черезъ, чортъ знаетъ, кого — не знаю: «Сэръ Лейстеръ Дедлокъ баронетъ, принося свое совершеннѣйшее почтеніе мистеру Лаврентію Бойтсорну, проситъ его обратить вниманіе на то обстоятельство, что прогонъ, примыкающій къ старому церковному дому и находящійся нынѣ во владѣніи мистера Лаврентія Бойтсорна, принадлежитъ по праву ему, сэру Лейстеру баронету, потому-что составляетъ часть парка при Чизни Вольдѣ, и что нынѣ сэръ Лейстеръ Дедлокъ баронетъ, находитъ приличнымъ присоединить его къ своимъ владѣніямъ». Я написалъ ему такой отвѣтъ: «Мистеръ Лаврентій Бойтсорнъ, принося свое совершеннѣйшее почтеніе сэру Лейстеру Дедлоку баронету, проситъ его обратить вниманіе на то обстоятельство, что онъ, мистеръ Лаврентій Бойтсорнъ никакихъ правъ сэра Лейстера Дедлока баронета ни на какой предметъ не признаетъ; а что касается до пріобщенія вышепоминаемаго прогона, къ владѣніямъ сэра Лейстера Дедлока баронета, долгомъ считаетъ присовокупить, что онъ, мистеръ Лаврентій Бойтсорнъ, посмотрѣлъ бы, кто осмѣлится взять на себя трудъ

Digitized by Google

пожаловать для подобнаго пріобщенія». Онъ посылаетъ какого-то одноглаваго мерзавца прорубить и навѣсить калитку. Я отдѣлываю этого циклопа такъ ловко пожарною трубою, что онъ едва уноситъ ноги. Онъ строитъ калитку ночью! Утромъ я калитку срываю и сжигаю. Онъ посылаетъ своихъ клевретовъ перенести заборъ и мять траву. Я строю имъ западни, стрѣляю толченнымъ горохомъ имъ въ ноги, обливаю ихъ пожарной трубой и рѣшаюсь освободить окончательно человѣческій родъ отъ бремени, то-есть отъ существованія этихъ отчаянныхъ мерзавцевъ. Онъ опять подаетъ просьбу о завладѣніи чужою собственностью. Я также опять подаю просьбу о завладѣніи чужою собственностью. Онъ подаетъ просьбу о самоуправствѣ. Я самоуправляюсь! Ха, ха, ха, ха!»

Слушая, какъ все это онъ говорилъ съ невыразимою энергіею, можно было бы подумать, что онъ злѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ людей. Смотря, какъ онъ въ то же время любуется птичкой, которая сидитъ у него на рукѣ, и какъ онъ нѣжно разглаживаетъ ея перышки, можно было подумать, что онъ самый кроткій изъ всѣхъ людей. Слыша смѣхъ его и наблюдая при этомъ добродушное выраженіе его лица, можно было подумать, что у него нѣтъ на свѣтѣ никакой заботы, никакого спора, никакого горя, а что жизнь его проходитъ какъ ясное лѣтнее утро,

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ: — не отымутъ моего прогона никакіе Дедлоки! Хоть я чистосердечно признаюсь (тутъ голосъ его смягчился въ одну минуту), что леди Дедлокъ, совершеннѣйшая леди во всемъ свѣтѣ, которой я готовъ отдать всякое почтеніе, какъ джентльменъ, а не какъ баронетъ, съ головою, набитою стародавностью своего рода... Человѣкъ, который на двадцатомъ году своей жизни былъ ужь въ полку офицеромъ, не позволитъ никакимъ сэрамъ Люциферамъ, будь они живые или умершіе, щелкать себя по носу.

— И не позволитъ никому щелкать по носу и младшихъ своихъ товарищей—такъ ли? сказалъ опекунъ мой.

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія! сказалъ мистеръ Бойтсорнъ, ударивъ его по плечу съ видомъ покровительства, въ которомъ просвѣчивалось что-то серьёзное, хоть онъ и смѣялся. — Лаврентій Бойтсорнъ всегда за друга горой! Жарндисъ, ты можешь положиться на него. Но кстати о завладѣніи чужою собственностью. Миссъ Клеръ и миссъ Семерсонъ, я увѣренъ, простятъ меня, что я такъ долго распространялся о такомъ сухомъ предметѣ; нѣтъ ли ко мнѣ, чего-нибудь отъ вашихъ повѣренныхъ, Кенджа и Корбая?

— Кажется, ничего нѣтъ, Эсѳирь? сказалъ мистеръ Жарндисъ.

Digitized by Google

— Ничего нѣтъ, добрый опекунъ мой.

— Благодарю васъ, возразилъ мистеръ Бойтсорнъ. — Впрочемъ, мнѣ не было нужды спрашивать у миссъ Семерсонъ, потому-что при поверхностномъ взглядѣ на нее, каждый можетъ замѣтить ея вниманіе и предусмотрительность. (Они всѣ хотѣли ободрять меня и всѣ ободряли.) Но вотъ причина, по которой я сдѣлалъ этотъ вопросъ: я теперь изъ Линкольншайра и, конечно, не былъ еще въ Лондонѣ, но думалъ, что нѣсколько писемъ на мое имя должны быть присланы сюда. Впрочемъ, вѣроятно, они прійдутъ завтра.

Я часто подмѣчала впродолженіе вечера, который прошелъ очень-пріятно, что мистеръ Бойтсорнъ съ особеннымъ участіемъ и удовольствіемъ наблюдалъ за Ричардомъ и Адою. Пріятныя черты лица его выражали какую-то нѣжность, когда, сидя около фортепьяно, онъ слушалъ ихъ игру и пѣніе съ напряженнымъ вниманіемъ; ему не было надобности говорить, что онъ любитъ музыку: это выражалось въ каждой чертѣ лица его; наблюдая за нимъ, я не могла удержаться, чтобъ не спросить добраго опекуна моего, съ которымъ мы въ углу, на маленькомъ столикѣ играли въ *бекгемонъ*, былъ ли мистеръ Бойтсорнъ женатъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — не былъ.

— Странно, а онъ похожъ на женатаго.

— На чемъ же ты основываешь свое мнѣніе? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Вотъ на чемъ, добрый опекунъ мой, сказала я, не безъ того, чтобъ не покраснѣть немного отъ моего смѣлаго предположенія: — въ манерахъ его столько нѣжнаго, онъ такъ внимательно-ласковъ къ намъ, и...

Мистеръ Жарндисъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ его старый другъ.

Я больше не сказала ни слова.

— Ты угадала молоденькая старушка, отвѣтилъ онъ: — однажды, онъ чуть-чуть не женился. Это было давно, очень-давно, и только однажды.

— Что жь, невѣста его умерла?

— Нѣтъ... то-есть, да; она умерла для него. Это обстоятельство сдѣлало большое вліяніе на всю его жизнь. Можешь ли ты повѣрить, что его голова и сердце были полны романической страсти?

— Могу, добрый опекунъ мой, и легко могу, послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали.

— Съ-тѣхъ-поръ онъ никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ могъ быть, говорилъ задумчиво мистеръ Жарндисъ: — теперь, въ эти преклонныя

Digitized by Google

лѣта, никого нѣтъ возлѣ него, кромѣ его слуги и маленькой желтенькой подруги... Кажется, твой ходъ, душа моя!

По выраженію лица добраго опекуна моего, я тотчасъ замѣтила, что продолжать разговоръ за этотъ предѣлъ, значитъ поднять вѣтеръ съ востока. Я замолчала. Во мнѣ было возбуждено участіе, но не любопытство. Я немного подумала объ этой старой исторіи ночью, когда будило меня сильное всхрапыванье мистера Бойтсорна, даже пробовала рѣшить трудную задачу: вообразить себѣ старое время и облечь стариковъ въ красоты юности, но всегда засыпала прежде рѣшенія. И мнѣ снились дни моего дѣтства, проведенные въ домѣ моей крестной матери. Не знаю, что̀ это значитъ, только этотъ періодъ моей жизни всего чаще являлся мнѣ во снѣ.

Съ утренней почтой пришло къ мистеру Бойтсорну письмо отъ мистеровъ Кенджа и Корбая. Они увѣдомляли его, что къ обѣду явится къ нему одинъ изъ ихъ клерковъ. Это было въ самый для меня хлопотливый день, въ который я обыкновенно сводила всѣ счеты, за недѣлю очищала книги и приводила въ возможный порядокъ все свое хозяйство. Мистеръ Жарндисъ, Ричардъ и Ада, желая воспользоваться хорошей погодой, отправились на отдаленную прогулку; я, по причинѣ занятій, осталась дома. Мистеръ Бойтсорнъ поджидалъ клерка изъ конторы Кенджа и Корбая и далъ слово мистеру Жарндису, прійдти къ нимъ на встрѣчу, какъ-только окончитъ дѣла.

Я была очень-занята: разсматривала книги, подводила итоги, платила и получала деньги, выдавала квитанціи и, какъ говорится, сбилась съ ногъ, когда доложили о пріѣздѣ мистера Гуппи. Мнѣ казалось, что это былъ тотъ самый мистеръ Гуппи, который провожалъ меня до почтовой кареты, когда я первый разъ пріѣхала въ Лондонъ, и я очень обрадовалась повидать его, потому-что онъ былъ не чуждъ моему настоящему счастью.

Когда онъ явился, я едва могла узнать его — такъ онъ былъ щегольски разодѣтъ. На немъ было совершенно-новое, брусничнаго цвѣта съ искрой, платье; блестящая шляпа, фіолетовыя, лайковыя перчатки, пестрѣйшій галстухъ, цѣлая клумба цвѣтовъ въ петличкѣ и толстое золотое кольцо на мизинцѣ. Ко всему этому отъ него распространялся сильный запахъ медвѣжьяго жира и разныхъ душистыхъ снадобій. Онъ разсматривалъ меня съ такимъ вниманіемъ, которымъ, сказать по правдѣ, я была сконфужена. Я просила его сѣсть. Онъ сѣлъ въ углу, поминутно протягивая и сжимая ноги. Я спрашивала его о дорогѣ, о здоровьи мистера Кенджа и тому подобное, и хоть говорила съ нимъ, не-

Digitized by Google

смотря на него, но чувствовала, что взоръ его тяготѣлъ надо мною съ испытующимъ любопытствомъ.

Пришелъ человѣкъ, пригласить его наверхъ къ мистеру Бойтсорну. Мистеръ Гуппи всталъ и раскланялся со мною. Я сказала ему, что къ его возвращенію будетъ здѣсь приготовленъ завтракъ и что мистеръ Жарндисъ просилъ его закусить.

— Буду ли я имѣть честь найдти васъ опять здѣсь, миссъ? спросилъ меня мистеръ Гуппи, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и держась за дверную ручку.

На мой утвердительный отвѣтъ онъ пріятно улыбнулся и, раскланявшись еще разъ, пошелъ наверхъ. Находя мистера Гуппи очень-неловкимъ и робкимъ, потому-что онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ сконфуженъ, я думала, что всего лучше дождаться его прихода, снабдить его всѣмъ нужнымъ и оставить самому себѣ. Завтракъ былъ поданъ; но мистеръ Гуппи не являлся. Свиданіе его съ мистеромъ Бойтсорномъ было продолжительное и бурное, какъ мнѣ показалось, потому-что, хоть комната, въ которой они совѣщались, была далеко отъ столовой, но я слышала, какъ повременамъ грозный голосъ Бойтсорна возвышался подобно порывамъ вихря, и разражался взрывами и залпами.

Наконецъ вернулся и мистеръ Гуппи; онъ, казалось, былъ очень недоволенъ конференціей.

— Клянусь, миссъ! сказалъ онъ мнѣ шопотомъ: — онъ чистый татаринъ!

— Пожалуйста, закусите чего-нибудь, сэръ, сказала я.

Мистеръ Гуппи сѣлъ за столъ и началъ судорожнымъ образомъ натачивать ножикъ на вилкѣ, между-тѣмъ, продолжалъ смотрѣть на меня (что̀ я чувствовала, не подымая глазъ) съ тѣмъ же страннымъ настойчивымъ любопытствомъ. Точенье продолжалось такъ долго, что я, наконецъ, сочла своею обязанностью взглянуть на него, чтобъ по-крайней-мѣрѣ, снять съ него тотъ *заговоръ*, подъ вліяніемъ котораго натачиваніе ножа никогда не кончилось бы.

Только-что я подняла глаза, онъ тотчасъ же обернулся къ ростбифу и началъ его рѣзать.

— Позвольте отрѣзать, миссъ? Вы, вѣрно, скушаете кусочекъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала я.

— Ужели вы ничего не хотите, миссъ? сказалъ мистеръ Гуппи, выпивъ залпомъ стаканъ вина.

— Ничего не хочу, благодарю васъ, сказала я: — я поджидала васъ для того только, чтобъ узнать, не нужно ли вамъ чего-нибудь. Скажите, можетъ-быть, вамъ еще чего-нибудь угодно?

Digitized by Google

— Нѣтъ-съ, вы слишкомъ-внимательны миссъ. Мнѣ ничего ненадо. Здѣсь все, чтò нужно; дà, все... впрочемъ, я... я... конечно я не смѣю... я... я никогда... и онъ выпилъ два стакана вина, одинъ за другимъ.

Я подумала, что лучше сдѣлаю, если уйду.

— Прошу прощенья, миссъ? сказалъ мистеръ Гуппи, вставъ съ мѣста, когда замѣтилъ, что я встала и иду въ другую комнату. — Прошу прощенья. Позвольте мнѣ имѣть счастіе... еще одну минуту... мнѣ нужно сообщить вамъ секретно...

Не зная, чтò отвѣчать, я сѣла снова.

— Не пугайтесь, миссъ... тутъ нѣтъ ничего... ей-Богу, нѣтъ ничего... говорилъ мистеръ Гуппи, придвинувъ боязливо кресло къ тому столику, за которымъ я сидѣла. — Одно прошеніе... а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

— Я, право, не понимаю, чтò вы говорите? спросила я съ удивленіемъ.

— Такъ, ничего... Это судейскій терминъ, миссъ. Вы вѣдь не осмѣете меня, не погубите меня, не только въ глазахъ Кенджа и Корбая, но ни въ чьихъ глазахъ? Если разговоръ нашъ кончится ничѣмъ, я остаюсь тѣмъ же, чѣмъ былъ: я не поврежу ни карьерѣ своей, ни своимъ предначертаніямъ, словомъ: все останется только между нами?

— Это ставитъ меня въ-тупикъ, сэръ, сказала я: — я никакъ не могу вообразить себѣ, что вы можете сообщить мнѣ въ тайнѣ, мнѣ, которую вы видѣли только однажды въ жизни; но во всякомъ случаѣ, я не соглашусь ни подъ какимъ видомъ сдѣлать вамъ вредъ или зло.

— Благодарю васъ, миссъ. Я вамъ вѣрю — съ меня этого достаточно.

Впродолженіе этого времени мистеръ Гуппи то полировалъ лобъ свой носовымъ платкомъ, то сильно натиралъ ладони одну о другую.

— Позвольте, миссъ... выпью еще стаканъ вина... это, я думаю, поможетъ... а то, знаете ли, въ горлѣ колъ-коломъ... все буду останавливаться... Это будетъ обоимъ намъ непріятно.

Онъ выпилъ стаканъ и вернулся опять. Я, пользуясь этимъ временемъ, отодвинулась какъ можно дальше за свой столикъ.

— Не позволите ли, миссъ, предложить вамъ стаканчикъ вина? сказалъ мистеръ Гуппи, замѣтно-освѣженный.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчала я.

— Ни даже полстакана? говорилъ мистеръ Гуппи: — ни четверть стакана? Нѣтъ! Такъ къ дѣлу: мое настоящее жалованье, миссъ Семерсонъ, въ конторѣ Кенджа и Корбая, два фунта стерлинговъ въ не-

Digitized by Google

дѣлю. Когда я первый разъ имѣлъ счастіе видѣть васъ, оно, то-есть мое жалованье простиралось только до одного фунта стерлинговъ и пятнадцати шиллинговъ и стояло на этой точкѣ долгое время. Потомъ оно увеличилось пятью шиллингами, и мнѣ обѣщано увеличить его еще пятью шиллингами по истеченіи, отъ нынѣшняго числа, двѣнадцати мѣсяцевъ, то-есть года. Родительница моя имѣетъ небольшую собственность, въ видѣ пожизненнаго дохода, которымъ живетъ, хотя безъ большихъ претензій, но независимо, въ Старой Причальной Улицѣ. Она обладаетъ въ высшей степени свойствомъ быть свекровью. Она ни во что̀ не вмѣшивается, любитъ тишину и спокойствіе и кроткаго нрава. Правда, она имѣетъ нѣкоторыя слабости — да кто же ихъ и не имѣетъ? Однако жь, никогда не выказываетъ ихъ при гостяхъ: когда бываютъ гости, вы можете смѣло оставить у нея на рукахъ все вино, водку, настойки — ничего не тронетъ. Ну, безъ гостей, другое дѣло — опять скажу: кто Богу не грѣшенъ?

Мой собственный уголокъ, миссъ, на Пентонской Площади, въ Пентанвильскомъ Переулкѣ. Глухо, очень-глухо; но весело. Открытое поле. Воздухъ чистъ и здоровъ... Миссъ Семерсонъ!... миссъ Семерсонъ!... Я... я обожаю васъ. Будьте такъ милостивы, позвольте мнѣ (какъ мы обыкновенно говоримъ) сдѣлать поясненія... предложить вамъ себя... то-есть руку и сердце!

Мистеръ Гуппи въ-заключеніе упалъ на колѣни; я была въ безопасности за столомъ но все-таки очень испугалась.

— Встаньте, сэръ, сейчасъ же, сказала я: — и покончите эту каррикатурную сцену, иначе я измѣню данному обѣщанію и позвоню.

— Выслушайте меня, миссъ! говорилъ мистеръ Гуппи, подымая ко мнѣ руки.

— Я не могу больше слушать ни одного слова, сэръ, отвѣчала я: — если вы тотчасъ же не встанете и не сядете за столъ.

Онъ жалобно посмотрѣлъ на меня, но послушался: всталъ съ колѣнъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Какая злая насмѣшка! сказалъ онъ, положа руку на сердце и меланхолически кивая мнѣ черезъ столъ головою. Въ такую минуту, сидѣть за говядиной! Нѣтъ, миссъ, съ души мутитъ смотрѣть на говядину въ такую минуту!

— Кончайте, говорила я: — я дала слово васъ выслушать. Извольте же кончать.

— Я кончу, миссъ, сейчасъ же кончу; какъ сильно уваженіе и чувство любви къ вамъ, такъ велико и мое послушаніе. Вотъ конецъ:

Digitized by Google

я бы желалъ тебя, сокровище моего сердца, назвать своею, передъ алтаремъ Предвѣчнаго!...

— Это совершенно-невозможно, сказала я: — нечего и говорить!

— Я знаю, говорилъ мистеръ Гуппи, наклоняясь надъ соусомъ и смотря на меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, какъ прежде; я чувствовала, что онъ на меня смотрѣлъ, хотя сама не смотрѣла на него: — я знаю, что, смотря съ свѣтской точки зрѣнія, предложеніе мое во всѣхъ отношеніяхъ — ничтожное предложеніе. Но, миссъ Семерсонъ! ангелъ!.. Ахъ, нѣтъ, ради Бога не звоните! Я былъ воспитанъ въ жесткой школѣ, изучалъ людей съ различнымъ характеромъ. Хотя еще я молодъ, но я извѣдалъ жизнь, видалъ коловратность счастія. Благословляемый вашею рукою, сколько бы я нашелъ силъ упрочить ваше благосостояніе, усладить вашу жизнь. Чему бы я не выучился, ободряемый вами. Конечно, я теперь ничего не знаю; но сколько бы я могъ знать подъ вліяніемъ вашей довѣренности, вашей любви.

Я сказала ему, что всякое упрочиваніе моего благосостоянія такъ же нелѣпо, какъ его собственное упрочиваніе въ моемъ сердце, и что онъ долженъ понять, что ему слѣдуетъ теперь удалиться, куда онъ только захочетъ.

— Жестокая дѣвушка! сказалъ мистеръ Гуппи: — еще одно слово... Я думаю, ты замѣтила, какъ я былъ пораженъ твоею красотою ужь въ тотъ день, когда ожидалъ тебя близь гостинницы Случайнаго Продавца! Я думаю, ты могла замѣтить, что только уваженіе къ твоей красотѣ заставило меня откинуть передъ тобой ступеньки извощичьей кареты! Съ-тѣхъ-поръ, жестокая, образъ твой навѣки врѣзался въ груди моей! Какъ часто вечеромъ ходилъ я взадъ и впередъ, подъ окнами дома мистриссъ Желлиби, съ тѣмъ только, чтобъ взглянуть на кирпичныя стѣны, защищавшія тебя отъ ночной прохлады. Если я говорилъ о желаніи упрочить твое благосостояніе, такъ помни, что въ основѣ чувствъ моихъ, въ основѣ моихъ помышленій, была одна, только одна любовь къ тебѣ.

— Мнѣ бы очень было прискорбно, мистеръ Гуппи, сказала я, привставъ и взявъ за шнурокъ звонка: — причинить вамъ или кому бы то ни было, негодованіе за благородное чувство, выраженное хотя и грубо, но откровенно. Если вы въ-самомъ-дѣлѣ, хотя дурно и неумѣстно, желали высказать мнѣ то доброе мнѣніе, которое вы имѣете обо мнѣ, то я, во всякомъ случаѣ, считаю своимъ долгомъ благодарить васъ. Знайте, что нѣтъ причины мнѣ быть тщеславной и я вовсе не тщеславна. Я надѣюсь, прибавила я (право, не знаю зачѣмъ), что вы теперь отправитесь въ Лондонъ и займетесь такъ же прилежно дѣлами конторы Кенд-

жа и Корбая, какъ-будто на васъ и не находило такого безумнаго припадка.

— Еще полминуты, миссъ! воскликнулъ мистриссъ Гуппи, умоляя меня не звонить: — все, что было, не будетъ имѣть огласки?

— Я никому не скажу ни слова, если вы сами не вынудите меня впослѣдствіи.

— Еще четверть минуты миссъ! Если, въ случаѣ, вы будете смотрѣть благосклоннѣе: когда бы это ни было, куда бы я ни былъ заброшенъ судьбою — это все-равно: чувства мои не измѣнятся, въ-отношеніи того, что̀ я для васъ готовъ сдѣлать. Помните: мистеръ Гуппи, нумеръ восемьдесятъ-седьмой, Пентонская Площадь; если же переѣхалъ, или умеръ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, мистриссъ Гуппи, нумеръ триста-второй, Старая Причальная улица!

Я позвонила, вошелъ слуга, мистеръ Гуппи положилъ карточку свою на столъ, и сдѣлавъ отчаянный поклонъ, удалился. Поднявъ глаза на него, я встрѣтила его взоръ, печальный и грустный.

Я еще съ часъ, или болѣе, провозилась съ записными книгами и повѣркою счетовъ. Наконецъ, покончивъ дѣла, я прибрала свой письменный столъ, и была такъ спокойна и весела, и думала, что забыла утреннее приключеніе. Но, придя наверхъ, въ свою комнату, я, къ удивленію моему, начала смѣяться противъ воли, еще къ большему удивленію, начала потомъ плакать. Словомъ: я пришла въ такое раздражительное состояніе, въ какомъ не была и тогда, когда повѣряла свои тайны доброй, старой куколкѣ, зарытой давно ужъ подъ деревомъ, въ саду.

ГЛАВА X.

Адвокатскій писецъ.

На восточномъ углу Канцлерскаго Переулка или, лучше сказать, на Стряпномъ Подворьѣ въ Канцелярской Улицѣ, мистеръ Снегсби, продавецъ канцелярскихъ принадлежностей, ведетъ свой торгъ на законномъ основаніи. Подъ сѣнью Стряпнаго Подворья, гдѣ во всякое время тѣнь, мистеръ Снегсби развиваетъ свою дѣятельность во всѣхъ родахъ и формахъ, составляющихъ матеріальную и, слѣдовательно, невинную часть субейскихъ дѣлъ и процесовъ. Тутъ у него кожи и свертки пергамена; бумага разнаго формата, цвѣта и достоинства: стопы въ листъ, въ полулиста, въ четвертку, осьмушку; однѣ бѣлыя, другія сѣрыя, синія, сѣ-

Digitized by Google

рожелтыя; гладкія, шероховатыя, проникающія; тутъ у него и гербовая бумага и палочки для перьевъ, и перья стальныя и гусиныя; чернила, песокъ, резина, карандаши, сургучъ и облатки; тутъ у него и красныя тесемки, и зеленый шелкъ, и карманныя книжки, альманахи, дневники и адресъ-календари, ящички, линейки, чернильницы и стеклянныя и свинцовыя; ножи, ножечки, ножницы и множество канцелярскихъ инструментовъ—всего не перескажешь! Словомъ: мистеръ Снегсби, окончивъ курсъ своей науки, то-есть, переставъ быть подмастерьемъ, сталъ торговать подъ одною фирмою съ хозяиномъ своимъ, мистеромъ Пифферомъ. По этому поводу на Стряпномъ Подворьѣ совершился нѣкотораго рода переворотъ. Масляной краской свѣжо было написано: «Пифферъ и Снегсби», на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде плохо виднѣлось единственное, давно-извѣстное имя Пифферъ, которое едва можно было разобрать, потому-что дымъ, народный лондонскій плющъ, густо обвился не только около вывѣски Пиффера, но и вокругъ всей его лавки, и закрывалъ ея родословное древо.

Но не видать Пиффера на Стряпномъ Подворьѣ. Никто здѣсь не ожидаетъ его прихода. Ужь съ четверть вѣка лежитъ онъ на кладбищѣ, въ Гольборнской Улицѣ, и цѣлый день и полъ-ночи рыщетъ надъ его головою сотня вагоновъ и каретъ, какъ страшный драконъ. И не вѣдаетъ никто, пользуется ли когда онъ дремотою этого дракона, чтобъ выйдти изъ преисподней и подышать свѣжимъ воздухомъ Стряпнаго Подворья, пока пронзительный голосъ безжалостнаго пѣтуха, засѣдающаго въ подвалѣ маленькой молочной лавки, въ Канцелярской Улицѣ (интересно бы знать понятіе пѣтуха о разсвѣтѣ! не думаю, чтобъ онъ могъ изучить что-нибудь своимъ опытомъ и наблюденіемъ), не прокричитъ ему обратнаго марша. И если въ-самомъ-дѣлѣ приходитъ Пифферъ взглянуть на Стряпное Подворье подъ сумракомъ ночи, чего не можетъ, конечно, отрицать ни одинъ изъ торговцовъ канцелярскими принадлежностями, то онъ приходитъ невидимо и никому отъ прихода его ни жарко, ни холодно.

При жизни его и во время ученья Снегсби, продолжавшагося цѣлыя семь лѣтъ, съ Пифферомъ, совершенствуясь на томъ же торговомъ поприщѣ, жила племянница, коротконогая, крикливая племянница, немного поджарая въ груди, неловко сплюснутая, съ птичьимъ носомъ, такъ заостреннымъ на концѣ, какъ веретено. Кумушки Стряпнаго Подворья поговаривали, что покойная мать этой племянницы, ослѣпленная родительскою любовью, желала довести до совершенства неуклюжій станъ своей дочки, и съ этой цѣлью, упершись материнскими ногами въ кроватныя ножки, для большой устойчивости, затягивала ее ежедневно въ

шнуровку съ силою, способною внушить привычку держаться прямо и величественно. Кромѣ наружныхъ средствъ, употреблялись и внутреннія, съ такою же энергіей: она вливала ей въ горло цѣлыми стаканами уксусъ и лимонный сокъ, и эти соединенныя кислоты, какъ говорили кумушки, утонили и заострили носъ и окислили ея характеръ. Хотя эта молва и была всеобщая, но она или не достигала до ушей молодаго Снегсби, или не производила на него никакого впечатлѣнія, такъ-что онъ, достигнувъ мужскаго возраста, завладѣлъ драгоцѣннымъ предметомъ этой молвы, и такимъ образомъ за разъ вступилъ съ мистеромъ Пиферомъ въ двойственныя связи: родства и товарищества. Теперь, на Стряпномъ Подворьѣ, въ Канцелярской Улицѣ, мистеръ Снегсби и племянница соединены брачными узами, и племянница до-сихъ-поръ гордится своимъ станомъ, который, хотя о вкусахъ спорить нельзя, но надо сказать правду, такъ тонокъ, какъ спичка.

Эта парочка составляетъ, какъ думаютъ сосѣди, единъ голосъ. Этотъ голосъ, который единственно выходитъ устами мистриссъ Снегсби, частенько раздается по Стряпному Подворью. И если мистеръ Снегсби не выражается въ этихъ сладкозвучныхъ тонахъ, издающихся изъ груди мистриссъ Снегсби, значитъ, онъ не выражается никогда. Онъ больше ничего, какъ смиренный, плѣшивый, боязливый человѣчекъ, съ лоснящейся головой и щетиновиднымъ клочкомъ черныхъ волосъ на затылкѣ. Имѣетъ сильное поползновеніе къ спокойствію и тучности. Когда онъ стоитъ у двери на Стряпномъ Подворьѣ, въ своемъ сѣромъ рабочемъ сюртукѣ, съ нарукавниками изъ чернаго каленкора и смотритъ на облака, или стоитъ позади своей конторки, въ своей темной лавкѣ, съ тяжелою линейкою, размѣривая и обрѣзая овечьи шкурки, съ пособіемъ своихъ двухъ подмастерьевъ, онъ кажется совершенно-спокойнымъ и смиреннымъ человѣкомъ. Изъ-подъ его ногъ, въ такое время, вырываются часто стоны и жалобы, какъ изъ преисподней неспокойнаго духа, и можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда эти стоны достигаютъ самыхъ высокихъ нотъ, мистеръ Снегсби рѣшается сказать своимъ подмастерьямъ:

— Кажется, жена моя моетъ голову Криксѣ!

Это прозвище, которое произнесъ мистеръ Снегсби, служило поводомъ поострить краснобаямъ Стряпнаго Подворья: они говорили, что Крикса *настоящее* имя для мистриссъ Снегсби: оно бы выразило совершенно-правильно ея характеръ, бурный и крикливый. Это прозвище — собственность, и притомъ единственная собственность, за исключеніемъ пятидесяти шиллинговъ годоваго дохода и очень-маленькаго, плохо-наполненнаго сундучка плохимъ платьемъ сухопарой дѣвки, взятой изъ благотворительнаго пріюта (думаютъ, что ея настоящее имя Августа).

Digitized by Google

Крикса хотя была воспитана въ Тутингѣ благотворительною рукою и, слѣдовательно, развивалась при благопріятныхъ обстоятельствахъ, однакожь страдала припадками, происхожденіе которыхъ благотворительный пріютъ не могъ объяснить.

Крикса дѣвка, собственно говоря, лѣтъ двадцати-трехъ, много, четырехъ, но на лицо кажется по-крайней-мѣрѣ десятью годами старше. Она, вслѣдствіе необъяснимыхъ припадковъ, ходитъ въ наймы по дешевой цѣнѣ, и такъ боится, чтобъ ее снова не отправили въ благотворительный пріютъ, что, кромѣ того времени, въ которое ее находятъ головою или въ ведрѣ, или въ ушатѣ, или въ лоханкѣ, или подъ столомъ, или вообще въ какомъ-нибудь мѣстѣ, близь котораго она находилась во время припадка — она всегда за работой. Она служитъ утѣшеніемъ родителямъ и опекунамъ подмастерьевъ: они видятъ ясно, что Крикса не подаетъ надежды на внушеніе нѣжныхъ чувствъ въ неопытныя сердца юношей. Съ утѣшеніемъ смотритъ на нее мистриссъ Снегсби: она можетъ всегда и за все къ ней придраться, всегда и за все ее выбранить. Съ утѣшеніемъ смотритъ на нее и мистеръ Снегсби, который думаетъ, что держать ее, значитъ дѣлать доброе дѣло. Въ глазахъ Криксы помѣщеніе продавца канцелярскихъ принадлежностей есть храмъ красоты и роскоши. Она считаетъ маленькую гостиную наверху, которая, такъ сказать, всегда въ папильйоткахъ и въ фартукѣ, то-есть всѣ украшающія ее бронзовыя вещицы завернуты въ бумажки, а мёбель подъ чехлами, за самый фешонэбльный будуаръ во всей подлунной. Видъ изъ оконъ съ одной стороны на Стряпное Подворье (и если высунуться немножко изъ окна, то и на Канцелярскую Улицу), съ другой — на задній дворъ помощника шерифа Коавинса, казался ей картиной неподражаемой красоты. Множество портретовъ, сдѣланныхъ масляною краскою, портретовъ, изображающихъ мистера Снегсби, смотрящимъ на мистриссъ Снегсби, и мистриссъ Снегсби, смотрящею на мистера Снегсби, были въ глазахъ ея произведеніемъ кисти Рафаэля, или Тиціана.

Мистеръ Снегсби предоставляетъ все, что̀ не входитъ въ техническія мистеріи его занятій, мистриссъ Снегсби. Она распоряжается деньгами, бранится съ сборщиками податей, слѣдитъ за мыслями мистера Снегсби и, безъ всякой отвѣтственности, подаетъ къ столу только то, что̀ ей вздумается. Потому-то всѣ женщины, по той и по другой сторонѣ Канцелярскаго Переулка, даже дальше, по всей Гольборнской Улицѣ, смотрятъ на нее вообще, какъ на спасительный штандартъ, такъ-что, если гдѣ-нибудь у нихъ случается крупная семейная размолвка, или вооруженные переговоры, то онѣ говорятъ мужьямъ, чтобъ тѣ сравнили положеніе ихъ,

то-есть женъ, съ положеніемъ мистриссъ Снегсби, и буйность ихъ, то-есть мужей, съ кротостью мистера Снегсби. Молва, которая, подобно летучей мыши, летаетъ постоянно около Стряпнаго Подворья и садится на окно каждаго дома, говоритъ, что мистриссъ Снегсби ревнива, имѣетъ пылкій характеръ, и что мистеръ Снегсби часто подвергается ея инквизиторской власти. Въ эти моменты онъ убѣгаетъ изъ дома, иногда безъ шляпы, и оказываетъ, вообще говоря, храбрость мыши. Странно, но замѣчено, что женщины, которыя ставятъ мистера Снегсби какъ блистательный примѣръ заносчивымъ мужьямъ своимъ, смотрятъ на него, въ-дѣйствительности, съ нѣкотораго рода презрѣніемъ. Въ-особенности одна дама, мужа которой сильно подозрѣваютъ въ томъ, что онъ пробовалъ не разъ на ея спинѣ употреблять свой дождевой зонтикъ, въ качествѣ исправительнаго орудія, считаетъ его самымъ ничтожнымъ существомъ.

Впрочемъ, быть-можетъ, эти неясные слухи происходятъ оттого, что мистеръ Снегсби человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ, мечтательной и поэтической натуры. Онъ любитъ, напримѣръ, въ лѣтнее время прогуляться къ гостинницѣ Желѣзная Скоба и наблюдать, какъ порхаютъ воробьи и какъ шелестятъ листья деревьевъ. Любитъ въ воскресный день послѣ обѣда пройдтись на Архивный Дворъ и раздумать (когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа), что было нѣкогда доброе, старое время, но что теперь, онъ готовъ поклясться, можно найдти одинъ или два каменные гроба подъ этой часовней, если только разрыть землю. Онъ баловалъ свое воображеніе, размышляя о многихъ канцлерахъ, вицеканцлерахъ, ассесорахъ и архиваріусахъ, находящихся на томъ свѣтѣ, и получалъ такой смакъ къ сельской жизни, разсказывая своимъ двумъ подмастерьямъ, какъ онъ слыхивалъ, что въ-старину вмѣсто Гольборнской Улицы протекалъ ручей, свѣтлый, какъ кристаллъ, и что на мѣстѣ троттуаровъ были прямыя тропинки, ведущія въ зеленые луга — получалъ такой смакъ къ сельской жизни, что не хотѣлъ оставаться здѣсь.

День клонится къ концу; газъ засвѣщается, но свѣтитъ еще невполнѣ-ярко, потому-что невполнѣ-темно. Мистеръ Снегсби стоитъ у двери своей лавки и наблюдаетъ за облаками. Смотритъ, какъ запоздалая ворона летитъ на западъ, черезъ Стряпное Подворье. Она перелетаетъ Канцелярскій Переулокъ, Садъ Линкольнской Палаты и направляетъ полетъ свой къ ея полямъ.

Здѣсь, въ огромномъ домѣ, который былъ прежде дворцомъ, живетъ мистеръ Телькингорнъ. Покои раздѣлены и отдаются въ наемъ, и въ этихъ остаткахъ прежняго величія гнѣздятся теперь адвокаты, какъ черви въ зернѣ орѣха; но обширныя лѣстницы, корридоры и переднія оста-

Digitized by Google

лись еще и понынѣ, остались даже разрисованные плафоны, гдѣ аллегорія, въ римскомъ шлемѣ и въ лазуревыхъ покровахъ, лежитъ посреди цвѣтовъ, облаковъ и толстоногихъ мальчиковъ, и причиняетъ зрителю головную боль, какъ это, кажется, бываетъ со всѣми аллегоріями, болѣе или менѣе. Здѣсь, посреди множества сундуковъ съ надписью древнихъ фамилій, сидитъ мистеръ Телькингорнъ, если не находится безмолвно въ какомъ-нибудь сельскомъ домѣ, гдѣ свѣтскіе люди умираютъ съ тоски. Сегодня онъ дома: сидитъ за своимъ столомъ. Старой школы, старая устрица, которую никто не можетъ открыть.

Какимъ кажется онъ, такимъ кажется и кабинетъ его, при сумракѣ сегодняшняго вечера: ржавымъ, устарѣлымъ, ускользающимъ отъ наблюденія, молчаливымъ. Тяжелые на подъемъ, широкоспинные, старинные краснаго дерева стулья, съ подушками, набитыми конскимъ волосомъ, старые тонконогіе столы, покрытые пыльнымъ сукномъ, гравюры, изображающія портреты лордовъ послѣдней или предпослѣдней генераціи, окружаютъ его. Темнаго цвѣта, толстый турецкій коверъ покрываетъ полъ кабинета, и двѣ свѣчки, въ старинныхъ, серебряныхъ подсвѣчникахъ, мало освѣщаютъ обширную комнату. Заглавія книгъ глубоко вдавлены въ переплетъ корешка; на всемъ, гдѣ только можно, виситъ замóкъ; нигдѣ не видать ключа. Мало бумагъ видно на столѣ. Около него лежитъ нѣсколько рукописей, но онъ не обращаетъ на нихъ вниманія. Онъ тихо и медленно выработываетъ какую-то несозрѣвшую идею въ мозгу, вертя чернильницу и два обломка сургуча. Вотъ красный сургучъ, вотъ черный. Нѣтъ, все это не то! мистеръ Телькингорнъ, опять ихъ мѣшаетъ и начинаетъ снова работу.

Здѣсь, подъ расписными плафонами, гдѣ карапузая аллегорія таращитъ глаза на его хитросплетенія, какъ-будто желая броситься на него, а онъ, между-тѣмъ, не обращаетъ на нее никакого вниманія, мистеръ Телькингорнъ имѣетъ за-разъ и квартиру и контору. Онъ не держитъ большой прислуги; при немъ находится только одинъ человѣкъ, среднихъ лѣтъ, обыкновенно съ потертыми локтями; онъ всегда сидитъ за высокой перегородкой въ сѣняхъ и рѣдко заваленъ работой. Мистеръ Телькингорнъ идетъ не простой дорогой. Писарей ему ненужно. Онъ большой резервуаръ тайнъ и не позволитъ открыть въ себѣ крана. Кліенты его нуждаются въ немъ: онъ для нихъ все и во всемъ. Бумаги, которыя онъ хочетъ, чтобъ были написаны, пишутся спеціальнымъ адвокатомъ Темпля по таинственнымъ наставленіямъ; чистыя копіи, которыя онъ требуетъ, пишутся лучшими писцами, и онъ не заботится о платѣ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ, сидящій за перегородкой,

Digitized by Google

едва-ли знаетъ столько о дѣлахъ палатъ, сколько можетъ знать мусорщикъ Гольборнской Улицы.

Кусокъ краснаго сургуча, кусокъ чернаго сургуча, крышечка съ чернильницы, крышечка съ другой чернильницы, маленькій ящикъ для песку... Такъ! Ты въ середину, ты справа, ты слѣва. Эта мысль должна быть выработана или сегодня, или никогда... Сегодня! Мистеръ Телькингорнъ встаетъ, поправляетъ очки, надѣваетъ шляпу, кладетъ рукописи въ карманъ, выходитъ, говоритъ человѣку среднихъ лѣтъ, съ проношенными локтями: «Я скоро буду назадъ». Рѣдко говоритъ онъ ему что-нибудь яснѣе.

Мистеръ Телькингорнъ идетъ туда, откуда летѣла ворона, несовсѣмъ, можетъ-быть, туда, но почти туда, на Стряпное Подворье въ Канцелярскую Улицу, гдѣ Снегсби, поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, исполняетъ всѣ заказы по письменной части съ надлежащею акуратностью; принимаетъ для копій и переписки акты, бумаги и проч., и проч., и проч.

Часовъ пять или шесть пополудни — и пары теплаго чая наполняютъ воздухъ Стряпнаго Подворья бальзамическимъ благоуханіемъ. Они клубятся и около двери въ лавку мистера Снегсби. Здѣсь время идетъ не такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ: здѣсь обѣдаютъ въ началѣ втораго; а въ половинѣ десятаго ужинаютъ. Мистеръ Снегсби былъ ужь на походѣ въ подземельныя области для воспріятія чаю, когда, выглянувъ изъ двери, увидѣлъ запоздалую ворону.

— Хозяинъ дома?

Крикса наблюдаетъ за лавкой, потому-что подмастерья пьютъ въ кухнѣ чай съ мистеромъ и съ мистриссъ Снегсби, а слѣдовательно, двѣ дочки портнаго, причесывающіяся передъ двумя зеркалами, поставленными на два окна втораго этажа противоположнаго дома, тщетно думаютъ возбудить разсѣянность въ молодыхъ подмастерьяхъ; онѣ пробуждаютъ только безкорыстное удивленіе Криксы, которой волосы не расли, не растутъ и, сказать по правдѣ, никогда расти не будутъ — возбуждаютъ удивленіе къ густымъ кудрямъ своимъ.

— Хозяинъ дома? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ.

Хозяинъ дома, и Крикса хочетъ позвать его. Она исчезаетъ быстро, потому-что рада уйдти изъ лавки, на которую, хотя и смотритъ съ уваженіемъ, однако не безъ примѣси страха; она видитъ въ ней депо страшныхъ орудій юриспруденческихъ пытокъ — мѣсто, въ которое не слѣдуетъ, собственно говоря, входитъ, когда зажженъ газъ.

Является мистеръ Снегсби, жирный, согрѣтый чаемъ, лоснящійся и

Digitized by Google

жующій. Онъ кладетъ на прилавокъ кусокъ хлѣба съ масломъ и говоритъ:

— Статочное ли дѣло! мистеръ Телькингорнъ!

— Пару словъ, Снегсби!

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ! Зачѣмъ это вы безпокоились сами? Вамъ бы прислать за мною вашего слугу. Покорно прошу войдите сюда, за прилавокъ!

Снегсби просіялъ въ одну минуту.

Комната за прилавкомъ, сильно пропитанная запахомъ пергамена, была вмѣстѣ и складомъ товаровъ, и конторой, и бюро.

Мистеръ Телькингорнъ сѣлъ на стулъ, спиною къ письменному столу.

— Дѣло Жарндисовъ? Снегсби.

— Слушаю, сэръ.

Мистеръ Снегсби, отвернулъ рожокъ газа и кашлянулъ въ руку, въ знакъ скромной надежды на награду. Мистеръ Снегсби, будучи робкимъ человѣчкомъ, мастеръ кашлять на всѣ тоны и такимъ образомъ замѣнять слова.

— Вы переписывали для меня, въ послѣднее время, нѣсколько объясненій по этому дѣлу?

— Да̀, сэръ, мы переписывали.

— Копія одного изъ нихъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, опустивъ беззаботно руку (о тонкая, невскрываемая устрица старой школы!) въ фальшивый карманъ своего сюртука: — писана особеннымъ почеркомъ, который мнѣ нравится. Такъ вотъ, проходя случайно мимо и имѣя эту копію при себѣ, я и хотѣлъ спросить васъ... ахъ, ошибся! ее со мной нѣтъ .. впрочемъ, ничего... когда-нибудь въ другое время... А, вотъ она! Такъ я хотѣлъ спросить васъ, кто это переписывалъ?

— Кто это переписывалъ, сэръ? сказалъ мистеръ Снегсби, взявъ рукопись и положивъ ее на столъ, причемъ онъ перебиралъ листы съ такимъ крученьемъ и сученьемъ лѣвою рукою, какое только свойственно поставщикамъ канцелярскихъ принадлежностей.

— Это писано на сторонѣ, сэръ, говорилъ мистеръ Снегсби : — мы тогда много заказали на сторонѣ работы. Дайте только взглянуть въ книгу, и я тотчасъ же скажу вамъ, сэръ, кто это переписывалъ.

Мистеръ Снегсби снимаетъ книгу со шкапа, по дорогѣ кусаетъ хлѣбъ съ масломъ, который, кажется, нейдетъ ужь въ горло, осматриваетъ рукопись съ одной стороны, ведетъ указательнымъ пальцемъ правой руки по открытой страницѣ книги и читаетъ:

«Жьюби, Пеккеръ, Жарндисъ...»

— Жарндисъ! Вотъ оно, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби. — Такъ

Digitized by Google

и есть! я теперь вспомнилъ. Мы точно отдавали на сторону, сэръ, писцу, который живетъ какъ-разъ тутъ, по той сторонѣ переулка.

Мистеръ Телькингорнъ видѣлъ запись въ книгѣ, и прежде продавца канцелярскихъ принадлежностей успѣлъ прочесть и имя Жарндиса, и имя писца.

— Какъ! его зовутъ Немо? сказалъ мистеръ Телькингорнъ.

— Немо, сэръ. Вотъ онъ. Сорокъ-два листа. Отданы въ среду въ восемь часовъ вечера. Принесены въ четверкъ, утромъ, въ десять часовъ.

— Немо! повторилъ мистрисъ Телькингорнъ: — *nemo* значитъ полатыни — никто.

— Вѣрно, поанглiйски, немо значитъ кто-нибудь, сэръ, прибавилъ мистеръ Снегсби и прокашлялся своимъ смиреннымъ кашлемъ. — Вѣрно, это ужь такое имя. Вотъ посмотрите, сэръ: сорокъ-два листа. Выданы въ среду въ восемь часовъ вечера. Возвращены въ четверкъ, въ девять съ половиною часовъ утра.

Зрачокъ мистера Снегсби замѣчаетъ голову мистриссъ Снегсби, которая высовывается изъ-за двери съ тѣмъ, чтобъ провѣдать, что̀ значитъ бѣгство ея мужа отъ чая. Мистеръ Снегсби производитъ пояснительное кашлянье въ видѣ сигнала: — не безпокойся, моя милая, тутъ дѣльцо!

— Въ девять съ половиною часовъ, сэръ, повторяетъ мистеръ Снегсби. — Наши канцелярскiе писаря, которые живутъ работою *поштучно*, странный народъ. Можетъ-быть, это и не его имя, только онъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ. Помнится, сэръ, что онъ, даже печатно, объявлялъ себя подъ этимъ именемъ и въ Правленiи, и въ Королевскомъ Судѣ, и въ Палатѣ Судей. Вѣдь вы знаете, сэръ, какого рода тамъ письмо? Работы много!

Мистеръ Телькингорнъ смотритъ сквозь маленькое окно, черезъ дворъ Коавинса, помощника шерифа, на его окна, освѣщенныя огнемъ. Комната, гдѣ Коавинсъ вкушаетъ кофе, выходитъ на дворъ и тѣни нѣсколькихъ джентльменовъ волнуются и вытягиваются на сторахъ. Мистеръ Снегсби, пользуясь удобнымъ случаемъ, чуть-чуть поворачиваетъ голову черезъ плечо, глядитъ на свою дражайшую половину и старается выразить ей кривляньемъ рта и шевеленьемъ губъ: Тель...кин...горнъ, бо...гатъ, боль...шое, влi...я...нiе.

— Давали ли вы, прежде, какую-нибудь работу этому писарю? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Какъ же, какъ же! Онъ работалъ для васъ.

Digitized by Google

— Думая о важныхъ дѣлахъ, я забылъ, какъ вы мнѣ сказали его адресъ?

— Черезъ улицу, сэръ. Именно... мистеръ Снегсби дѣлаетъ еще усиленный глотокъ, какъ-будто кусокъ хлѣба съ масломъ все еще стоитъ у него въ горлѣ. — Именно, у продавца тряпья и бутылокъ.

— Вы мнѣ укажете этотъ домъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, сэръ!

Мистеръ Снегсби снимаетъ каленкоровые нарукавники, снимаетъ сѣрый сюртукъ, надѣваетъ черный, снимаетъ шляпу съ крючка и говоритъ вслухъ:

— А, вотъ и жена моя! Будь такъ добра, моя милая, и скажи одному изъ подмастерьевъ, чтобъ онъ присмотрѣлъ за лавкой, пока я перейду черезъ улицу съ мистеромъ Телькингорномъ. Мистриссъ Снегсби, сэръ! Черезъ двѣ минуты я буду дома, другъ мой!

Мистриссъ Снегсби присѣдаетъ адвокату, удаляется за прилавокъ, наблюдаетъ за ними изъ-за оконной занавѣски, тихонько удаляется въ заднюю комнату и смотритъ въ книгу, которая осталась открытою. Мистриссъ Снегсби очевидно любопытна.

— Вамъ это мѣсто покажется страннымъ, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби, идя по мостовой и уступая почтительно узенькій троттуаръ адвокату: — да и писецъ тоже такой странный. Этотъ народъ — очень дикій народъ, сэръ. Преимущество этого Немо состоитъ въ томъ, что онъ можетъ не спать сколько угодно. Дайте ему работу, и онъ несомкнетъ глазъ пока не кончитъ.

Совершенно-темно, и газовые фонари въ полномъ блескѣ.

Посреди писарей, несущихъ на почту обыденныя письма, посреди совѣтниковъ и стряпчихъ, идущихъ домой обѣдать, посреди истцовъ и просителей, посреди тяжущихся во всѣхъ родахъ, посреди толпы, на жизненномъ пути которой юридическая мудрость съ давняго времени настроила мильйоны баррикадъ, ныряя сквозь уличную грязь, которая, никто не знаетъ изъ чего составлена, и никто не знаетъ, какъ и зачѣмъ собирается около насъ; мы знаемъ только то, что когда ее соберется много, то необходимо надо оскребать ее лопатами. — Идетъ адвокатъ Телькингорнъ съ поставщикомъ канцелярскихъ принадлежностей Снегсби къ лавкѣ тряпья и бутылокъ, гдѣ, кромѣ этого добра, можно найдти цѣлый складъ всякаго хлама; къ лавкѣ, лежащей за тѣнью стѣны Линкольнской Палаты, и въ которой, судя по ея вывѣскѣ, предлагаетъ что̀ кому нужно, нѣкто Крукъ.

— Вотъ тутъ онъ живетъ, сэръ, говоритъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей.

Digitized by Google

— Такъ вотъ гдѣ онъ живетъ! говоритъ разсѣянно адвокатъ. Благодарю васъ.

— Развѣ вы не зайдете къ нему, сэръ?

— Нѣтъ, благодарю. Я теперь пойду домой. Прощайте. Благодарю васъ!

Мистеръ Снегсби снимаетъ шляпу, отвѣшиваетъ подобающій поклонъ и возвращается къ своей дражайшей половинѣ и къ чаю.

Но мистеръ Телькингорнъ не тотчасъ идетъ домой; онъ прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, вернулся назадъ къ лавкѣ Крука и взошелъ въ нее.

Довольно-темно въ лавкѣ. Сальная свѣча, стоящая на окнѣ, нагорѣла. Старикъ, и возлѣ него кошка, сидятъ въ заднемъ углу у камина. Старикъ встаетъ и идетъ на встрѣчу мистеру Телькингорну, держа въ рукахъ другую нагорѣвшую свѣчку.

— Дома ли вашъ постоялецъ?

— Мужчина или женщина, сэръ? спрашиваетъ мистеръ Крукъ.

— Мужчина. Писарь, который занимается перепискою бумагъ.

Мистеръ Крукъ пристально осмотрѣлъ посѣтителя. Онъ знаетъ его. Имѣетъ неясное предчувствіе о его аристократической важности.

— Вы хотите видѣть его, сэръ?

— Да̀.

— Это и мнѣ рѣдко удается, говоритъ мистеръ Крукъ съ гримасою, въ замѣнъ улыбки: — позвать его къ вамъ, сэръ? Впрочемъ, мало надежды, чтобъ онъ сюда пришелъ.

— Такъ я къ нему пойду, говоритъ мистеръ Телькингорнъ.

— Во второй этажъ, сэръ. Возьмите свѣчку. Вотъ здѣсь!

Мистеръ Крукъ, рядомъ съ своею кошкою, стоитъ у первой ступени лѣстницы и смотритъ на мистера Телькингорна.

— Хи, хи! говоритъ онъ, когда мистеръ Телькингорнъ почти скрылся.

Мистеръ Телькингорнъ смотритъ внизъ черезъ перила. Кошка оскаливаетъ зубы, щетинится и шипитъ на него.

— Смирно, леди Женни! Будь почтительна къ гостямъ, миледи!.. Знаете ли, что̀ говорятъ про моего жильца? шепчетъ мистеръ Крукъ, подымаясь на одну или двѣ ступени.

— Что̀ говорятъ про него?

— Говорятъ, что онъ продалъ душу свою *врагу;* мы съ вами, конечно, этому не вѣримъ; но все же я вамъ скажу, что жилецъ мой такого желчнаго и мрачнаго характера, что не отказался бы отъ сдѣлки съ *нечистымъ*. Не раздражайте его, сэръ — вотъ мой совѣтъ.

Мистеръ Телькингорнъ кивнулъ головой и идетъ дальше. Онъ под-

ходитъ къ темному углу во второмъ этажѣ, стучится въ дверь— отвѣта не получаетъ. Отворяетъ дверь— дверь распахивается и задуваетъ свѣчку.

А можетъ, свѣчка потухла и сама; воздухъ въ комнатѣ такъ гадокъ, что горѣніе врядъ ли возможно. Комнатка маленькая, грязная, закопченая. На ржавомъ подобіи каменной рѣшетки, согнутой посерединѣ, какъ-будто бы бѣдность ударила и ее, тлѣетъ нѣсколько угольевъ. Въ углу, передъ каминомъ, стоитъ трехногій, изломанный столъ, испещренный дождемъ чернилъ. Въ другомъ углу, на одномъ изъ двухъ стульевъ, лежитъ старый чемоданъ, замѣняющій шкапъ для платья. Бо̀льшаго шкапа не надо: бока чемодана и такъ ввалились во внутрь, какъ щеки умирающаго съ голоду. Вездѣ голый полъ; только передъ каминомъ лежитъ старый, ободраный матъ. Нѣтъ на окнахъ занавѣсъ, выгорожающихъ темноту ночи; но полинялыя ставни закрыты плотно, и сквозь ихъ сердцевидныя отверстія могъ бы увидать голодъ жертву свою на одрѣ.

На кучѣ стараго, грязнаго тряпья, покрытаго толстымъ, грубымъ, изорваннымъ полотномъ, видитъ, съ содроганіемъ, адвокатъ, стоящій въ дверяхъ, лежащаго человѣка. Онъ лежитъ въ рубашкѣ, панталонахъ и съ голыми ногами. При пугающемъ мракѣ догарающей свѣчи, лицо его кажется желтымъ. Растрепанные волосы головы, всклочась съ растрепанною бородою и усами, обрамляютъ его голову. Отвратительно-грязна комната; отвратительно-гадокъ воздухъ ея; какъ зловредный міазмъ, ложится онъ на лёгкія адвоката.

— Эй, дружище! вскрикиваетъ адвокатъ, стуча желѣзнымъ подсвѣчникомъ о дверь.

Отвѣта нѣтъ, хотя дружище лежитъ, повернувшись немного въ сторону и съ открытыми глазами.

— Эй, дружище! восклицаетъ адвокатъ снова, встань, проснись!

И пока онъ стучитъ въ дверь, свѣчка совершенно потухаетъ. Кругомъ темнота и только два черные глаза, прорѣзанные въ ставняхъ, смотрятъ на кровать.

ГЛАВА XI.

Братъ.

Чье-то прикосновеніе къ морщинистой рукѣ адвоката, въ темной комнатѣ, гдѣ онъ стоитъ въ нерѣшимости, заставляетъ его вздрогнуть и вскрикнуть:

— Кто это?

Digitized by Google

— Это я, говоритъ ему въ самое ухо старый хозяинъ лавки.—Не можете разбудить его?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же ваша свѣчка?

— Потухла. Возьмите ее.

Крукъ беретъ свѣчку, идетъ къ огню, наклоняется надъ каминной рѣшеткой и пробуетъ раздуть уголья. Но нѣтъ ни одной искры подъ пепломъ и усилія его тщетны. Сдѣлавъ еще безотвѣтный призывъ своему жильцу, онъ шепнулъ адвокату, что хочетъ сойдти внизъ и принести свѣчку изъ лавки, и удалился. Мистеръ Телькингорнъ, по причинамъ, ему извѣстнымъ, дожидается мистера Крука не въ комнатѣ, но на лѣстницѣ, за дверью.

Ожидаемый свѣтъ скоро является на стѣнѣ и Крукъ, въ сопровожденіи зеленоглазой кошки, показывается со свѣчей.

— Онъ всегда такъ спитъ? спрашиваетъ адвокатъ шопотомъ.

— Хи!.. не знаю, отвѣчаетъ Крукъ, мотая головой и насупивъ брови. — Я, изъ его привычекъ знаю только одну, что онъ рѣдко показывается.

Такъ разговаривая, входятъ они вмѣстѣ въ комнату. И когда огонь освѣтилъ ея стѣны, глаза въ ставняхъ какъ-будто закрылись. Но глаза лежащаго на постели были все-таки открыты.

— Господи спаси насъ! восклицаетъ мистеръ Телькингорнъ.—Онъ умеръ!

Крукъ такъ быстро опустилъ тяжелую руку, которую было приподнялъ, что она свѣсилась съ кровати.

Съ минуту смотрятъ они молча другъ на друга.

— Пошлите скорѣе за докторомъ, сэръ! Позовите миссъ Флайтъ, закричите ей съ лѣстницы! Вотъ здѣсь, у кровати, сткляночка съ ядомъ! Зовите скорѣе миссъ Флайтъ. Кричите, сэръ, говоритъ Крукъ, растопыривъ надъ трупомъ свои искривленныя руки, какъ крылья вампира.

Мистеръ Телькингорнъ выбѣгаетъ на лѣстницу и кричитъ:

— Миссъ Флайтъ! Флайтъ! Скорѣе, сюда, гдѣ вы, Флайтъ?

Крукъ слѣдитъ за нимъ глазами и пока тотъ зоветъ миссъ Флайтъ, онъ считаетъ нужнымъ подойти къ старому чемодану и отойдти назадъ.

— Скорѣй Флайтъ! скорѣй ближайшаго доктора! такъ говоритъ Крукъ съумасшедшей, маленькой старушонкѣ, своей жилицѣ. Она выходитъ изъ своей конурки, въ минуту исчезаетъ и скоро возвращается въ сопровожденіи оторваннаго отъ обѣда, раздраженнаго врача, съ порядочнымъ запасомъ табаку на верхней губѣ и съ сильнымъ, шотландскимъ произношеніемъ.

Digitized by Google

— А! перекреститесь хорошенько, говоритъ Эскулапъ, взглянувъ на нихъ, послѣ минутнаго обзора трупа: — онъ, мертвъ, какъ фараонъ!

Мистеръ Телькингорнъ, стоя у стараго чемодана, спрашиваетъ: давно ли онъ умеръ?

— Давно ли, сэръ? говоритъ Эскулапъ: — надо полагать, что онъ умеръ часа три назадъ.

— Да̀, такъ должно быть, замѣчаетъ темнолицый молодой человѣкъ, стоящій по другую сторону кровати.

— Принадлежите вы къ медицинской профессіи, сэръ? спрашиваетъ Эскулапъ.

— Принадлежу, отвѣчаетъ темнолицый молодой человѣкъ.

— Ну, такъ я ухожу, говоритъ Эскулапъ: пособить здѣсь нельзя, и этимъ замѣчаніемъ окончилъ онъ свой коротенькой визитъ и возвратился дообѣдывать.

Темнолицый молодой человѣкъ освѣщаетъ постель и съ той и съ другой стороны, и тщательно осматриваетъ писца, который доказалъ достовѣрность своего имени — сдѣлался никѣмъ.

— Я часто видалъ его, говоритъ чернолицый врачъ: — онъ покупалъ у меня опіумъ года съ полтора. Что̀, изъ васъ кто-нибудь родня ему? спрашиваетъ онъ, взглянувъ на трехъ присутствующихъ.

— Онъ нанималъ этотъ уголъ отъ меня, отвѣчаетъ угрюмо Крукъ и беретъ свѣчку изъ протянутой руки чернолицаго врача: — онъ говорилъ мнѣ однажды, что я его ближайшій родственникъ.

— Онъ умеръ, говоритъ врачъ, отъ сильнаго пріема опіума — тутъ нѣтъ сомнѣнія. Вся комната пропитана опіумомъ. Тутъ его будетъ достаточно, продолжаетъ онъ, взявъ изъ рукъ Крука старый чайничекъ: — чтобъ положить на мѣстѣ цѣлую дюжину людей.

— Вы думаете, что онъ это сдѣлалъ съ умысломъ? спрашиваетъ Крукъ.

— Принялъ-то усиленный пріемъ?

— Да!

(Крукъ чавкаетъ губами, ожидая отвѣта съ невыразимымъ любопытствомъ).

— Не знаю. Я думаю, что безъ умысла, потому-что онъ привыкъ къ большимъ пріемамъ; а впрочемъ, кто его знаетъ? Онъ, я думаю, былъ очень-бѣденъ?

— Я думаю, что такъ. Каморка его не изъ роскошныхъ, говоритъ Крукъ, глаза котораго сверкали, не хуже кошачьихъ, по всѣмъ угламъ каморки. — Но я въ ней съ-тѣхъ-поръ не былъ, какъ онъ помѣстил-

Digitized by Google

ся, а самъ онъ былъ скрытенъ: не говорилъ мнѣ о своихъ обстоятельствахъ.

— Онъ вамъ долженъ за постой?

— За шесть недѣль.

— Онъ не отдастъ никогда! говоритъ чернолицый молодой человѣкъ, продолжая свои наблюденія: — нѣтъ сомнѣнія, что онъ мертвъ, какъ фараонъ, и, судя по его наружности и обстоятельствамъ, я думаю, что смерть для него — счастье. Однакожъ онъ хорошо сложенъ и съ-молоду, надо полагать, былъ красивъ. Онъ это произнесъ не безъ чувства и, смотря на лицо трупа, щупалъ небьющееся сердце. — Я помню, что однажды я замѣтилъ въ немъ что-то такое, похожее на человѣка лучшаго происхожденія. Ошибаюсь я, или нѣтъ? продолжалъ онъ, озираясь вокругъ.

— Вы бы еще спросили біографію всѣхъ тѣхъ леди, которыхъ волосы хранятся у меня въ мѣшкахъ, въ подвалѣ, отвѣчалъ Крукъ: — онъ жилъ у меня полтора года, занимался, а можетъ-быть и не занимался перепискою бумагъ — вотъ все, что я о немъ знаю.

Во время этого разговора, мистеръ Телькингорнъ съ руками, заложенными за спину, стоялъ у стараго чемодана и казался совершенно-чуждымъ всѣмъ тремъ родамъ интересовъ, возбужденныхъ смертью писца: онъ былъ чуждъ и участію, съ которымъ молодой врачъ смотрѣлъ на трупъ, какъ на субъектъ своей профессіи, очевидно, отличнымъ отъ того участія, съ которымъ онъ смотрѣлъ на него, съ филантропической точки зрѣнія; онъ былъ чуждъ и тому наслажденію, съ которымъ уродливый старикъ чавкалъ губами при видѣ смертнаго одра; и, наконецъ, тому ужасу, который эта картина производила на сумасшедшую старушонку. Его невозмутимое лицо было такъ же невыразительно, какъ и его черное платье. Нельзя было даже понять, думалъ онъ въ это время о чемъ-нибудь, или нѣтъ: ни въ одной чертѣ его не выражалось ни терпѣніе, ни нетерпѣніе, ни вниманіе, ни разсѣянность: ничего не было видно въ немъ, кромѣ внѣшней шелухи его.

Вотъ онъ вмѣшивается въ разговоръ, обращаясь къ молодому врачу съ своей неподвижной, *дѣловой* манерою.

— Я зашелъ сюда, говоритъ онъ: — только-что передъ вами; въ намѣреніи отдать покойнику, котораго я никогда не видывалъ прежде, нѣсколько бумагъ для переписки. Я слышалъ о немъ отъ моего поставщика канцелярскихъ принадлежностей, Снегсби, съ Стряпчаго Подворья. Такъ-какъ никто изъ здѣшнихъ не имѣетъ о немъ никакихъ свѣдѣній, то не худо было бы послать за Снегсби — а? продолжалъ онъ, обратившись къ сумасшедшей старушонкѣ, которая часто видала

Digitized by Google

его въ Палатѣ, и которую онъ часто видалъ тамъ, и которая теперь судорожными знаками вызывалась сбѣгать за поставщикомъ канцелярскихъ принадлежностей. — Сходите-ка, въ-самомъ-дѣлѣ!

Старушонка ушла; чернолицый врачъ оставляетъ свои безплодныя наблюденія и прикрываетъ предметъ ихъ, штопанымъ, перештопанымъ подобіемъ одѣяла. Мистеръ Крукъ перемолвилъ съ нимъ слова два. Мистеръ Телькингорнъ хранитъ молчаніе и все-таки продолжаетъ стоять у стула съ старымъ чемоданомъ.

Мистеръ Снегсби поспѣшно является, въ своемъ сѣромъ сюртукѣ и въ черныхъ нарукавникахъ.

— Боже мой! Боже мой! восклицаетъ онъ: — таки свернулся, бѣдняга! Съ нами крестная сила!

— Можете ли вы, Снегсби, дать хозяину этой лавки нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ несчастномъ созданіи? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ. — Онъ, кажется, долженъ за постой и притомъ, вы знаете, его надо похоронить.

— Слушаю, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби, производя оправдательное откашливанье въ кулакъ: — я, право, не знаю, какой дать совѣтъ... развѣ только посовѣтовать послать за священной особой.

— Васъ не спрашиваютъ о совѣтѣ, возражаетъ мистеръ Телькингорнъ: — я и безъ васъ бы могъ дать совѣтъ.

(— Безъ-сомнѣнія, никто лучше васъ, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби, съ почтительнымъ откашливаніемъ въ кулакъ).

— Но мнѣ хотѣлось только, чтобъ вы дали свѣдѣнія или о его родныхъ, или о его происхожденіи, или о чемъ-нибудь, до него касающемся.

— Увѣряю васъ, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби, предпославъ отвѣту своему просительный кашель: — что я столько же знаю откуда онъ пришелъ, какъ и то...

— Куда онъ отправился! дополнилъ врачъ, чтобъ вывести его изъ затруднительнаго положенія.

Молчаніе.

Мистеръ Тилькингорнъ смотритъ на поставщика канцелярскихъ принадлежностей. Мистеръ Крукъ съ разинутымъ ртомъ ожидаетъ, кто первый начнетъ говорить.

— Что жь касается до его родныхъ, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби: — то еслибъ нашелся человѣкъ, который бы мнѣ сказалъ: «послушай, Снегсби, вотъ тебѣ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, билетами англійскаго Банка, только назови мнѣ хоть одного изъ его

родныхъ», такъ я не могъ бы этого сдѣлать, сэръ! Помнится, что, года полтора тому назадъ, или около этого, когда онъ переѣхалъ въ эту лавку тряпья и бутылокъ...

— Да̀, полтора года, сказалъ Крукъ, кивнувъ головою.

— Года полтора тому назадъ, или около этого, говоритъ мистеръ Снегсби, очевидно, ободрясь: — онъ пришелъ въ нашу улицу, однажды утромъ, послѣ завтрака, и, заставъ жену мою (которую я называю мистриссъ Снегсби, когда требуютъ обстоятельства) въ нашей лавкѣ, произвелъ въ ея присутствіи пробу своему почерку и далъ замѣтить, что онъ нуждается въ работѣ, и что онъ — отъ слова не станется — (любимая поговорка мистера Снегсби, которую онъ произносилъ съ суевѣрною откровенностью, слишкомъ зарапортовавшись) — въ очень-критическихъ обстоятельствахъ! Жена моя, вообще говоря, небольшая охотница до незнакомыхъ, въ-особенности «отъ слова не станется», когда они въ чемъ-нибудь нуждаются; но къ нему она какъ-то была снисходительна, потому ли, что онъ былъ небритъ, потому ли, что голова его не была причесана, или по какой другой, свойственной женщинамъ, причинѣ, предоставляю обсудить вамъ, только она приняла пробу его почерка, а также и его адресъ. Жена моя неочень-понятлива на имена, продолжаетъ мистеръ Снегсби, не безъ того, чтобъ не произвести въ кулакъ почтительнаго кашля — и ей казалось, что Немо все равно, что Нимородъ, поэтому она и взяла въ привычку говорить мнѣ за обѣдомъ: «Мистеръ Снегсби, вы еще не дали Нимороду работы?» или «Мистеръ Снегсби, зачѣмъ не отдали вы Нимороду эти тридцать-восемь листовъ по дѣлу Жарндиса?» и тому подобное. Такимъ-то образомъ, онъ и сталъ заниматься отъ насъ работою поштучно, и вотъ все, что̀ я о немъ знаю; могу еще одно только прибавить, что онъ писалъ быстро и не спать ночи ему ни почемъ, и что, примѣромъ будучи сказать, если вы ему дадите переписать сорокъ-пять листовъ въ середу вечеромъ, то онъ вамъ принесетъ ихъ утромъ въ четверкъ обратно. Все это.. мистеръ Снегсби смолкъ, и вѣжливо махнулъ шляпой на постель покойника, какъ-будто хотѣлъ выразить: Все это, я не сомнѣваюсь, подтвердилъ бы и мой почтенный другъ, еслибъ — отъ слова нестанется — былъ не мертвъ.

— Не лучше ли для васъ будетъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ Круку: — поискать у него бумагъ, которыя могли бы что-нибудь пояснить? Завтра долженъ быть обыскъ, и васъ поведутъ къ допросу. Умѣете вы читать?

— Не умѣю, возражаетъ старикъ съ отвратительной гримасой.

— Снегсби, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — сдѣлайте за него

осмотръ. Онъ, пожалуй, можетъ попасться въ какія-нибудь непріятности. Находясь здѣсь, я подожду, если вы поторопитесь, и, въ случаѣ надобности, могу засвидѣтельствовать, что все было произведено въ законномъ порядкѣ. Принесите-ка, пріятель, свѣчку для мистера Снегсби: онъ тотчасъ все сдѣлаетъ что нужно, для вашего спокойствія.

— Вопервыхъ, здѣсь есть старый чемоданъ, сэръ, говоритъ Снегсби.

— Да, есть; мистеръ Телькингорнъ прежде, кажется, его не замѣтилъ, хотя стоялъ такъ близко отъ него и хотя въ комнатѣ больше ничего не было!

Продавецъ тряпья приноситъ свѣчку и поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей производитъ обыскъ. Молодой врачъ облокотился на уголъ камина. Миссъ Флайтъ дрожитъ и выглядываетъ изъ-за двери. Старый, способный ученикъ старой школы, съ матовыми черными штанами, завязанными лентами на колѣняхъ, въ широкомъ черномъ жилетѣ, въ длиннополомъ черномъ фракѣ, въ широкомъ, незатянутомъ бѣломъ галстухѣ, съ бантикомъ, который такъ знакомъ въ Палатѣ Перовъ, стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ и въ томъ же положеніи.

Въ старомъ чемоданѣ кой-какое платьишко, связка билетовъ Заемнаго Банка, этихъ подорожныхъ къ бѣдности, измятая бумажка, пропахнувшая опіумомъ, на которой нацарапано для памяти: «въ такой-то и такой-то день, принялъ столько-то грановъ, въ такой-то день, столькими-то гранами больше», и такъ далѣе; замѣчанія эти начаты писать съ давняго времени, какъ-будто съ тѣмъ, чтобъ продолжать ихъ регулярно, но потомъ брошены. Нѣсколько грязныхъ лоскутковъ, разрозненныхъ газетъ, заключающихъ слѣдствія о мертвыхъ тѣлахъ — и больше ничего. Снегсби ищетъ и въ стѣнномъ шкапѣ и въ ящикѣ опрысканнаго чернилами стола. Но нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ ни клочка отъ какого-нибудь письма, ничего подобнаго. Молодой врачъ осматриваетъ одежду адвокатскаго писаря и находитъ только перочинный ножикъ и двѣ-три мелкія монеты. Совѣтъ мистера Снегсби становился самымъ благоразумнымъ: надо послать за священной особой.

Маленькая сумасшедшая старушонка бѣжитъ за приходскимъ сторожемъ; остальное общество выходитъ изъ комнаты.

— Не оставляйте здѣсь кошки, говоритъ врачъ: — это не годится!

Мистеръ Крукъ выгоняетъ ее впередъ себя; она крадется по лѣстницѣ, опустивъ свой пушистый хвостъ и облизывая рыло.

— Доброй ночи, говоритъ мистеръ Телькингорнъ и уходитъ къ своей аллегоріи и мечтамъ.

Въ это время слухъ разнесся по улицѣ. Толпы обывателей собираются обсудить дѣло, и авангардъ наблюдательнаго корпуса (преимуще-

Digitized by Google

ственно мальчики) протискиваются къ самымъ стекламъ лавки мистера Крука. Полисменъ, входившій не разъ въ лавку и выходившій изъ нея, стоитъ теперь у ея порога такъ же величественно, какъ башня, позволяя себѣ иногда взглянуть на мальчишекъ, толпящихся у его ногъ, которые, при взглядѣ его, отступаютъ и падаютъ. Мистриссъ Перкинсъ, находящаяся ужь нѣсколько недѣль во враждебномъ безмолвіи съ мистриссъ Пайперъ, по поводу непріятной ссоры, приключившейся за то, что маленькій Перкинсъ пробилъ голову маленькому Пайперу, въ этотъ день, столько замѣчательный, вступаетъ опять въ дружественныя отношенія. Цаловальникъ шинка на углу, привелегированный дилеттантъ, какъ имѣющій точныя свѣдѣнія о жизни человѣческой вообще, и въ-частности близкія сношенія съ нализавшимся до-пьяна, сообщаетъ свои замѣчанія полисмену съ видомъ неприступнаго головорѣза, нестрашащагося ни полицейскаго жезла, ни будки. Народъ толкуетъ изъ оконъ, черезъ улицу и отдѣльными толпами бѣжитъ съ непокрытою головою изъ Канцелярской Улицы, узнать въ чемъ дѣло. Общее чувство, кажется, въ пользу мистера Крука: радуются, что смерть не его захватила, конечно, не безъ примѣси нѣкотораго естественнаго смущенія въ погрѣшительности своихъ предположеній. Наконецъ, посреди всей этой суматохи, является и приходскій сторожъ.

На него смотрятъ не безъ популярности, хотя его обязанность состоитъ собственно въ томъ, чтобъ прійдти и только взглянуть на трупъ. Ощущеніе возрастаетъ, когда изъ устъ въ уста переходитъ молва, что приходскій стражъ на лѣстницѣ. Приходскій сторожъ взошелъ.

Приходскій сторожъ, между-тѣмъ, выходитъ, и ощущеніе, нѣсколько ослабнувшее во время его отсутствія, снова возвышается. Слышно, что онъ ищетъ свидѣтелей къ завтрашнему обыску, которые могли бы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія осмотрщику мертвыхъ тѣлъ и суду присяжныхъ объ умершемъ. Онъ тутъ же обращается къ безчисленному множеству людей, которые ему ровно ничего сказать не могутъ. Онъ еще болѣе одурѣваетъ отъ постоянныхъ толковъ, что вотъ-де сынъ мистриссъ Гринъ былъ самъ писцомъ и зналъ его лучше чѣмъ кто-нибудь. Подать сюда сына мистриссъ Гринъ! Наводятъ справки и узнаютъ, что, кажется, сынъ мистриссъ Гринъ находится въ настоящую минуту на кораблѣ, идущемъ въ Китай, и отправился туда ужь три мѣсяца тому назадъ; но что, однакожь, можно переговорить съ нимъ по телеграфу, если члены Адмиралтейства дадутъ разрѣшеніе. Приходскій сторожъ заходитъ въ различныя лавки и комнаты, разспрашиваетъ жильцовъ, заперевъ, на всякій случай, двери и этимъ затворничествомъ, медлитель-

Digitized by Google

ностью и общимъ невѣдѣніемъ приводитъ въ отчаяніе публику. Полисменъ подмигиваетъ цаловальнику. Интересъ публики теряется и переходитъ въ реакцію. Уличные мальчишки начинаютъ поддразнивать приходскаго сторожа, напѣвая ему подъ-носъ тоненькими, пискливыми голосами уличную пѣсню, съ припѣвами, въ которыхъ говорится, что будто бы онъ сварилъ мальчишку и кормитъ этимъ супомъ пріютъ бѣдныхъ. Полисменъ находитъ наконецъ нужнымъ поддержать законъ, и хватаетъ за шиворотъ одного пѣвца; остальные хористы убѣгаютъ и заложникъ ихъ усмиренія отпускается, подъ условіемъ сейчасъ же спрятаться туда откуда вылѣзъ, и съ краткой, но назидательной рѣчью: берегись! Условіе тотчасъ же выполняется. Такъ замираетъ ощущеніе на-время и непоколебимый полисменъ (для котораго опіума нѣсколько больше, нѣсколько меньше, нипочемъ) съ своею лоснящеюся шляпой съ своимъ тугонакрахмаленнымъ ошейникомъ, въ своемъ несгибаемомъ сюртукѣ, съ кожаной перевязью и поручнями и со всею своею принадлежностью, идетъ своею дорогою однообразными тяжелыми шагами, постукиваетъ ладонями, обтянутыми въ бѣлыя перчатки и останавливается тамъ и сямъ по угламъ улицъ, и озирается вокругъ, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли чего-нибудь... отъ затерявшагося ребенка до убійства.

Подъ покровомъ ночи полоумный приходскій сторожъ плетется по Канцелярской Улицѣ съ своимъ спискомъ присяжныхъ, на которомъ имя каждаго присяжнаго написано невѣрно, и все написано невѣрно, исключая его собственнаго имени, которое прочесть никто или не съумѣетъ или не захочетъ. Списки составлены, свидѣтельства готовы; приходскій сторожъ заходитъ къ Круку, чтобъ дождаться нѣсколькихъ бѣдняковъ, которымъ онъ назначилъ свиданіе; они скоро являются и онъ ведетъ ихъ наверхъ, гдѣ они оставляютъ, подъ наблюденіемъ большихъ глазъ ставень, что-то для нихъ новое, что̀ составляетъ послѣднее жилище ни для кого, и для каждаго.

И всю ночь простоялъ гробъ у стараго чемодана, и всю ночь пролежалъ на постели трупъ того человѣка, который, странствуя сорокъпять лѣтъ по жизненному пути, оставилъ такой же невидимый по себѣ слѣдъ, какъ трехдневный ребенокъ.

На слѣдующее утро улица ожила снова, снова затолпился народъ, какъ на ярмаркѣ. Мистриссъ Перкинсъ, болѣе чѣмъ помирившаяся съ мистриссъ Пайперъ, тараторитъ съ этою превосходнѣйшею женщиною безъ умолку. Осмотрщикъ мертвыхъ тѣлъ засѣдаетъ въ залѣ гостинницы Солнечный Гербъ, гдѣ два раза въ недѣлю собирается гармоническій митингъ, подъ предсѣдательствомъ особы первоклассной знаменитости, противъ которой торчитъ на стулѣ маленькій Свильсъ, комиче-

Digitized by Google

скій баритонъ, надѣющійся (судя по билету, прилѣпленному на стеклѣ окна), что друзья соберутся окрестъ его и поддержатъ талантъ первой руки. Солнечный Гербъ трещитъ въ занятіяхъ въ это утро. Даже дѣти, подъ вліяніемъ общаго возбужденія, требуютъ такого подкрѣпленія силъ, что пирожникъ, пристроившійся на углу улицы по случаю такихъ замѣчательныхъ обстоятельствъ, разсказывалъ, что его пирожки разлетѣлись какъ дымъ. Между-тѣмъ, какъ приходскій сторожъ снуетъ въ это время между дверью лавки Крука и дверью Солнечнаго Герба и показываетъ любопытный субъектъ, довѣренный его наблюдательности, двумъ-тремъ своимъ наперсникамъ, за что тѣ воздаютъ ему свое благодареніе, въ видѣ стакана эля, или пунша.

Въ назначенный часъ является осмотрщикъ мертвыхъ тѣлъ; ожидаемый ужь собравшимися присяжными. Приходъ его привѣтствуется сильнымъ ударомъ кеглей, раздавшимся изъ-за стѣнъ сухаго жедепома, принадлежащаго къ залѣ Солнечнаго Герба. Осмотрщикъ любитъ болѣе посѣщать питейные домы, чѣмъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, то-есть онъ человѣкъ соціальный. Сильный запахъ сырыхъ опилокъ, пива и табачнаго дыма вмѣстѣ съ образомъ смерти, во всѣхъ ея ужасахъ, составляетъ какъ-бы непремѣнное условіе его призванія. Приходскій сторожъ и хозяинъ ведутъ его въ залу гармоническаго митинга, гдѣ онъ кладетъ свою шляпу на фортепьяно, беретъ кресло и помѣщается во главѣ длиннаго стола, сдвинутаго изъ нѣсколькихъ маленькихъ столиковъ и обрамленнаго безконечною цѣпью липкихъ стакановъ и кружекъ. Всѣ изъ присяжныхъ, которые могутъ протиснуться, садятся также за столомъ; остальные жмутся между плевальницъ и чубуковъ, или прислоняются къ фортепьяно. Надъ головою осмотрщика виситъ шнуръ съ рукояткою звонка, что съ одной стороны даетъ ему важный видъ, а съ другой, напоминаетъ висилицу.

Отбирать и приводить къ клятвѣ присяжныхъ!

Пока церемонія идетъ своимъ порядкомъ, вниманіе общества возбуждается приходомъ кубической формы коротконогаго человѣчка, съ широкими воротничками, съ влажными глазами и съ сильно-закраснѣвшимся носомъ. Онъ скромно становится около двери, какъ вообще ничтожный смертный; но видно, что онъ очень-близокъ обществу вокальнаго митинга. Всѣ переглянулись и пробѣжалъ вокругъ стола шопотъ: маленькій Свильсъ. Общество считаетъ за непреложное, что вечеромъ во время гармоническаго собранія, маленькій Свильсъ распотѣшитъ всю публику, корча осмотрщика мертвыхъ тѣлъ.

— Итакъ, джентльмены! начинаетъ осмотрщикъ.

— Мол-ча-ать! Слышите ли! взываетъ приходскій сторожъ. — Это

Digitized by Google

воззваніе относится, однакожъ, не къ осмотрщику, какъ можно бы подумать, потому-что стражъ смотритъ на него во всѣ глаза.

— Итакъ, джентльмены, продолжаетъ осмотрщикъ: — вы собраны здѣсь, чтобъ изслѣдовать родъ смерти нѣкоторой особы. Вамъ разскажутъ обстоятельства, сопровождавшія кончину, и вы должны будете произнести вашъ приговоръ смотря на... (кегли! — Приходскій сторожъ, унять ихъ!) — смотря на эти обстоятельства по долгу и совѣсти. Во-первыхъ, мы начнемъ съ того, что осмотримъ трупъ.

— Дорогу, дорогу! закричалъ приходскій сторожъ.

И потянулись они длинной процесіей, нѣкоторымъ образомъ напоминающей похоронную процесію, въ маленькую каморку, находящуюся во второмъ этажѣ лавки мистера Крука, откуда нѣсколько присяжныхъ выбѣгаютъ назадъ блѣдные, какъ полотно. Приходскій сторожъ очень старается, чтобъ два джентльмена, неочень-чистоплотные относительно обшлаговъ и пуговицъ, видѣли все, что только видѣть можно. Для этой цѣли онъ пристраиваетъ къ мѣсту, занимаемому осмотрщикомъ мертвыхъ тѣлъ, особенный маленькій столикъ и готовитъ за нимъ мѣста для грязныхъ джентльменовъ, которые, какъ ему извѣстно, пользуются популярностью и служатъ въ родѣ ходячихъ газетъ. Слаба человѣческая природа, и приходскій стражъ не выше людскихъ слабостей! Онъ надѣется прочесть въ печати, что Муни дѣятельный и предусмотрительный приходскій сторожъ, сказалъ или сдѣлалъ то и то, и даже надѣется, что имя его станетъ на ряду съ именами великихъ мужей, которыми такъ богаты новѣйшія лѣтописи.

Маленькій Свильсъ ожидаетъ возвращенія осмотрщика и присяжныхъ. Тѣмъ же дѣломъ занимается и мистеръ Телькингорнъ. Мистера Телькингорна принимаютъ съ большимъ уваженіемъ и сажаютъ между осмотрщикомъ, этимъ важнымъ лицомъ, и ящикомъ для угольевъ. Допросъ идетъ своимъ чередомъ. Присяжные узнаютъ, какъ умеръ предметъ ихъ приговора, и больше ничего не узнаютъ о немъ.

— Одинъ очень-важный адвокатъ присутствуетъ здѣсь, джентльмены, говоритъ осмотрщикъ: — онъ, какъ мнѣ извѣстно, былъ случайно въ то время, когда узнали о смерти, слѣдовательно, можетъ повторить только то, что вы ужь слышали отъ врача, отъ хозяина лавки, отъ жильца и отъ поставщика канцелярскихъ принадлежностей, а потому нѣтъ надобности безпокоить его. Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь, кто можетъ что-нибудь сказать больше?

Мистриссъ Перкинсъ выталкиваетъ впередъ мистриссъ Пайперъ.

Мистриссъ Пайперъ тутъ же приводится къ присягѣ.

Digitized by Google

— Анастасія Пайперъ, джентльмены, замужняя женщина. Ну-съ, мистриссъ Пайперъ, что́ вы имѣете сказать?

Мистриссъ Пайперъ можетъ наговорить много и безостановочно, въ-особенности въ скобкахъ; но врядъ ли что-нибудь можетъ сказать. Мистриссъ Пайперъ, изволите видѣть, живетъ на дворѣ (гдѣ мужъ ея имѣетъ столярную вывѣску), и ужь давнымъ-давно извѣстно между сосѣдями (именно ужь и тогда говорили, когда Богъ далъ ей ребенка Александра, Джемса Пайпера, такого хилаго и пискливаго, что они съ мужемъ рѣшились позволить бабкѣ окрестить его, не надѣясь, чтобъ онъ прожилъ и десять минутъ — бѣдный страдалецъ! Джентльмены! Богъ благословилъ : теперь ужь ребенку годъ шесть мѣсяцевъ и четыре дня, и онъ ползаетъ на четвереринькахъ). Такъ еще и тогда говорили, что покойный истецъ запродалъ себя врагу. Она думаетъ, что причиною такой молвы былъ видъ покойника. Она часто видала его и находила, что видъ его страшенъ и дикъ, и что дѣти боялись его какъ *буки*, въ-особенности дѣти робкія (что̀ можетъ также подтвердить и мистриссъ Перкинсъ, потому-что она здѣсь, и вѣрно постоитъ за свою честь, равно-какъ и за честь мужа и дѣтей), что она часто видала, какъ покойнаго писца дразнили и сердили мальчишки (потому-что дѣти, всегда дѣти, въ-особенности, когда они живаго и веселаго характера, и напрасно было бы требовать отъ нихъ, джентльмены, чтобъ они были какими-нибудь *мофузоилами*, потому-что и вы сами *мофузоилами* никогда не были), что, по случаю этихъ толковъ и его мрачнаго выраженія, ей всегда казалось, что онъ, того и гляди, вытащитъ изъ своего кармана какую-нибудь мотыгу и размозжитъ голову Дженни (этотъ мальчишка не имѣетъ страха, такъ бывало и липнетъ къ его ногамъ). Что̀, однакожь, она никогда не видала, чтобъ покойный писецъ вынималъ изъ своего кармана мотыгу, или какое другое страшное орудіе. Что она часто замѣчала, какъ онъ бѣжалъ отъ дѣтей, какъ-будто ненавистникъ дѣтскій, и никогда съ ними не останавливался и никогда не говорилъ ни съ однимъ изъ нихъ, и никогда не говорилъ ни съ однимъ взрослымъ человѣкомъ (выключая только одного мальчика, который таскается изъ угла въ уголъ и который, еслибъ былъ на-лицо, могъ бы разсказать вамъ, что онъ его видалъ и говорилъ съ нимъ часто).

— Здѣсь ли этотъ мальчикъ? спрашиваетъ осмотрщикъ мертвыхъ тѣлъ.

— Его здѣсь нѣтъ, отвѣчаетъ приходскій сторожъ.

— Подать его сюда! говоритъ осмотрщикъ, и пока дѣятельный и предусмотрительный Мунни идетъ отъискивать мальчика, осмотрщикъ ведетъ разговоръ съ мистеромъ Телькингорномъ.

Digitized by Google

— А! вотъ и мальчикъ, джентльмены.

Вотъ онъ, грязный, нечесаный, въ лохмотьяхъ. — Ну, мальчикъ! — Позвольте, позвольте!... Предосторожность! Мальчику надо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ.

Имя? Джо. Другаго имени не знаетъ. Не знаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ два имени; никогда объ этомъ не слыхивалъ. Имя Джо ему нравится. Не имѣетъ онъ ни отца, ни матери, ни родственниковъ. Никогда не былъ въ школѣ. Что значитъ родительскій домъ — не знаетъ. Знаетъ, что метла — метла. Что лгать нехорошо. Не помнитъ, кто ему сказалъ, что метла — метла, что лгать нехорошо, но знаетъ и то и другое, а потому онъ будетъ говорить правду.

— Отъ него мы толку не добьемся, джентльмены! говоритъ осмотрщикъ мертвыхъ тѣлъ, меланхолически качая головой.

— Полагаете ли вы, сэръ, что намъ ненадо слушать его показаній? говоритъ одинъ, очень-внимательный присяжный.

— Безъ-сомнѣнія, говоритъ осмотрщикъ. — Вы слышали мальчика: онъ ничего не можетъ сказать. Можемъ ли мы выслушивать вздоръ предъ лицомъ суда? Конечно, нѣтъ: было бы злоупотребленіе. Возьмите мальчика прочь!

Мальчика отводятъ прочь, къ совершенному назиданію слушателей, преимущественно маленькаго Свильса, комическаго баритона.

— Ну, нѣтъ ли еще свидѣтелей? Болѣе свидѣтелей не открывается.

Итакъ, джентльмены! Вотъ неизвѣстный человѣкъ; доказано, что онъ имѣлъ привычку употреблять опіумъ въ большихъ пріемахъ. Онъ умеръ отъ слишкомъ-большаго пріема опіума. Если вы имѣете причины думать, что онъ совершилъ надъ собой самоубійство, то вы и прійдете къ этому заключенію. Если же вы думаете, что онъ умеръ отъ несчастнаго случая, то и рѣшеніе ваше будетъ сообразно съ вашимъ мнѣніемъ.

Рѣшеніе сообразно съ мнѣніемъ: случайная смерть.

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія, джентльмены! дѣло кончено. Прощайте.

Осмотрщикъ мертвыхъ тѣлъ застегиваетъ свой сюртукъ, и съ мистеромъ Телькингорномъ разспрашиваютъ тихонько въ углу непринятаго свидѣтеля.

Это несчастное созданіе знаетъ только то, что покойникъ (котораго онъ признаетъ по желтому цвѣту лица и по черным волосамъ) бывалъ иногда преслѣдуемъ на улицѣ. Что, однакожь, въ холодный, зимній вечеръ, когда онъ, мальчишка, дрожалъ отъ холода подъ воротами, недалеко отъ того мѣста, гдѣ жилъ покойникъ, покойникъ, проходя мимо

Digitized by Google
810585

его вернулся назадъ, поговорилъ съ нимъ и, узнавъ, что онъ не имѣетъ ни родителей, ни родныхъ, сказалъ:

— И я никого не имѣю на бѣломъ свѣтѣ!

И далъ ему денегъ на обѣдъ и на наемъ ночлега. Что съ-тѣхъ-поръ онъ съ нимъ часто говаривалъ и спрашивалъ, хорошо ли онъ спитъ по ночамъ, и какъ онъ переноситъ холодъ и голодъ, и не желаетъ ли онъ умереть, и дѣлалъ много подобныхъ странныхъ вопросовъ, что когда у него не было денегъ, онъ говорилъ проходя мимо:

— Я также бѣденъ сегодня, какъ ты, Джо!

Но когда у него были деньги, онъ всегда былъ радъ (чему мальчикъ вѣрилъ отъ чистаго сердца), подѣлиться съ нимъ.

— Онъ былъ очень-добръ до меня, говорилъ мальчикъ, утирая глаза оборванными рукавами рубашки: — смотря теперь на него, какъ онъ тутъ, бѣдняга, лежитъ, я желалъ бы, чтобъ онъ услышалъ меня. Онъ былъ очень-добръ до меня, очень-добръ!...

Когда оборванный мальчикъ сбѣгалъ съ лѣстницы, мистеръ Снегсби, очевидно дожидавшійся его, сунулъ ему въ руку полкроны и прибавилъ, приложивъ указательный палецъ къ носу:

— Когда ты увидишь меня съ женою, то-есть съ леди, хочу я сказать, такъ ни гу-гу! ни слова!

Присяжные остаются еще на нѣсколько времени въ залѣ Солнечнаго Герба и разговариваютъ. Спустя нѣсколько минутъ, полдюжины исчезаютъ въ облакѣ табачнаго дыма, которымъ пропитывается вся гостиная Солнечнаго Герба. Двое бредутъ въ Гамстидъ, четверо сговариваются сходить на шарамыгу въ вечерній спектакль и повершить дѣла устрицами. Маленькаго Свильса подчуютъ со всѣхъ сторонъ. Спрашиваютъ его мнѣнія о случившихся происшествіяхъ; онъ представляетъ ихъ въ лицахъ и ломаетъ комедію (это конекъ маленькаго Свильса). Хозяинъ Солнечнаго Герба, считая Свильса популярнымъ, горячо представляетъ его присяжнымъ и публикѣ, замѣчая, что, для характеристическихъ пѣсенъ, онъ не знаетъ подобнаго молодца и, что для костюмовъ его мало цѣлаго обоза.

Мало-по-малу Солнечный Гербъ погружается въ мракъ ночи и наконецъ начинаетъ блистать газовыми лучами. Настаетъ время гармоническаго митинга. Джентльменъ, въ званіи знаменитости, садится въ кресло, противъ него маленькій Свильсъ съ раскраснѣвшимся лицомъ. Друзья ихъ соединяются окрестъ и готовы поддержать талантъ первой руки. Когда вечеръ пришелъ только-что въ разгаръ, маленькій Свильсъ говоритъ: джентльмены, если вы мнѣ позволите, я постараюсь

Digitized by Google

представить вамъ краткое описаніе сцены изъ дѣйствительной жизни, которая сегодня происходила здѣсь. Общество въ восторгѣ и аплодируетъ его предложенію. Онъ уходитъ изъ комнаты Свильсомъ и возвращается ужь осмотрщикомъ мертвыхъ тѣлъ (то-есть ни капли на него непохожимъ), описываетъ обыскъ, прибѣгая иногда къ фортепьяно, и акомпанируетъ припѣвъ типпи-толь-ли-доль... типпи-толь-ло-доль... типпи-толь-ли-доль... Дилли!...

Бренчащее фортепьяно наконецъ смолкло и гармоническіе друзья негармонически храпятъ на своихъ изголовьяхъ. Тишина вокругъ одинокаго трупа, покоющагося въ своемъ послѣднемъ земномъ жилищѣ и два глаза, прорѣзанные въ ставняхъ, сторожатъ его, среди нѣсколькихъ часовъ ночнаго спокойствія. Еслибъ въ то время, когда этотъ несчастный, покинувшій свѣтъ, человѣкъ, былъ еще груднымъ ребенкомъ, мать его, къ груди которой онъ приникалъ и которую онъ обнималъ своею маленькою ручкою, могла прозрѣть въ будущее, и тогда, когда она съ нѣжною любовью смотрѣла на него, увидать его лежащимъ здѣсь, на смертномъ одрѣ и въ такомъ положеніи, какъ бы невѣроятно показалось ей это видѣніе. О! если были дни, когда онъ былъ нѣжно лелѣянъ женщиной, носившей его у своего сердца: гдѣ же теперь эта женщина, теперь, когда трупъ его еще на землѣ?

Въ квартирѣ мистера Снегсби на Стряпномъ Подворьи, ни больше ни меньше какъ спокойная ночь. Крикса спитъ убитымъ сномъ, потому-что, какъ говорилъ самъ мистеръ Снегсби, «отъ слова не станется», она кувыркалась изъ одного припадка въ другой. Причина этихъ припадковъ состоитъ въ томъ, что Крикса имѣла отъ природы нѣжное сердце и нѣчто впечатлительное, что̀, при другихъ обстоятельствахъ, развилось бы, но, подъ благотворнымъ вліяніемъ тутингскаго заведенія для бѣдныхъ, замѣнилось припадками. Впрочемъ, какая бы ни была причина, только за чаемъ она такъ была взволнована разсказомъ мистера Снегсби объ обыскѣ, при которомъ онъ присутствовалъ, что за ужиномъ, опрокинувъ предварительно кусокъ голландскаго сыра, она растянулась въ кухнѣ на полу во всю длину свою, пробыла въ обморокѣ необыкновенно-долго, и только-что было очнулась, какъ опять пришибло ее снова, такъ-что она прошла сквозь цѣлую цѣпь припадковъ, одинъ за другимъ, съ самыми короткими промежутками, которые она употребляла длятого, чтобъ слезно просить мистриссъ Снегсби не отказать ей отъ мѣста, когда она совершенно прійдетъ въ себя, и также упрашивала оставить ее на каменномъ полу и идти спать. Даже мистеръ Снегсби, человѣкъ вообще очень-терпѣливый, утромъ, услыхавъ, какъ въ маленькой молочной лавкѣ пѣтух

Digitized by Google

приходилъ въ безкорыстный восторгъ, по случаю разсвѣта — сказалъ Криксѣ: Пфууу... ты! А вѣдь я думалъ, ты ужь совсѣмъ умерла!

Какіе вопросы рѣшаетъ эта восторженная птица при первыхъ лучахъ солнца, или зачѣмъ она кричитъ изъ всѣхъ силъ (впрочемъ, и люди кричатъ иногда, по поводу различныхъ обстоятельствъ) на то, что кажется ни въ какомъ случаѣ къ ней не относится — это не дѣло. Довольно, что приходитъ разсвѣтъ, приходитъ утро, приходитъ полдень.

Дѣятельный и предусмотрительный стражъ — такъ въ-самомъ-дѣлѣ, было напечатано въ утреннемъ листкѣ — приходитъ съ своими бѣдными помощниками къ мистеру Круку и уноситъ тѣло брата, здѣсь умершаго, на кладбище, окруженное домами, гдѣ, быть-можетъ, безпечно веселятся другіе наши братья и сестры, а смерть ожидаетъ и ихъ изъ-за угла, и приходскій сторожъ отведетъ и имъ мѣсто на томъ же кладбищѣ.

Призадумаешься!...

Настала ночь; темно. Мальчишка, съ метлой на плечѣ, подходитъ тихо и боязливо къ кладбищу.

Джо, это ты? Да̀, ты, ты, отвергнутый свидѣтель, отъ котораго ничего не добьешься. — Онъ былъ добръ до тебя, очень-добръ! говорилъ ты; но не видитъ устрица старой школы въ словахъ твоихъ, того радостнаго луча, которымъ озарится будущая жизнь брата.

ГЛАВА XII.

На часахъ.

Дождь наконецъ пересталъ въ Линкольншайрѣ и прояснился горизонтъ въ Чизни-Вольдѣ. Мистриссъ Раунсвель вся въ хлопотахъ: сэръ Лейстеръ и миледи возвращаются изъ Парижа. Фешонэбльная молва разнесла эти радостныя вѣсти по полуночной Англіи, и прибавила, что l'êlite du beau monde (она, изволите видѣть, слаба въ англійскомъ нарѣчіи и чертовски-сильна во французскомъ) найдетъ блестящій пріемъ въ древнемъ и гостепріимномъ замкѣ въ Линкольншайрѣ.

Для пущей важности, на случай пріѣзда блистательнаго и фешонэбльнаго круга гостей, а такъ же и для Чизни-Вольда на всякій случай починена арка подъ мостомъ, ведущимъ въ паркъ, и вода, взойдя въ свои обыкновенные предѣлы, картинно льется передъ окнами замка и не мѣшаетъ переправѣ. Ясные, но негрѣющіе лучи солнца пробѣгаютъ по хрупкому лѣсу, ободрительно смотрятъ на рѣзкій вѣтеръ, раз-

Digitized by Google

дувающій листья и осушающій мохъ; скользятъ по парку за подвижною тѣнью облаковъ; смотрятся въ окна зàмка, бросаютъ на фамильные портреты такія пятна и полосы свѣта, какія никогда не приходили въ голову живописцамъ. Во всю длину портрета миледи, стоящаго надъ каминомъ, сливаются они въ одинъ широкій мечъ, который, нисходя, кажется, дробитъ каминъ въ мелкіе куски.

Подъ этими негрѣющими лучами и при этомъ рѣзкомъ вѣтрѣ, миледи и сэръ Лейстеръ возвращаются въ свои владѣнія въ своемъ дормезѣ (позади котораго въ маленькой колясочкѣ сидятъ, въ пріятной бесѣдѣ: горничная миледи и камердинеръ сэра Лейстера). Съ значительнымъ запасомъ треска, звона и щелканья кнутомъ и съ храбрыми демостраціями со стороны двухъ безсѣдельныхъ коней и двухъ центавровъ съ лощеными шляпами, съ ботфортами и развѣвающимися гривами и хвостами, выѣзжаютъ они со двора бристольской гостинницы на Вандомской Площади и галопируютъ между колоннадою, то дающею тѣнь, то пропускающею свѣтъ, по Риволійской Улицѣ къ Площади Согласія, къ Елисейскимъ Полямъ, къ заставѣ Звѣзды, вонъ изъ Парижа.

По правдѣ, они не могутъ ѣхать такъ скоро, какъ бы хотѣлось, потому-что и здѣсь, въ Парижѣ, миледи умирала съ тоски. Концерты, собраніе, опера, театры, гульбища — ничто не ново для миледи подъ луною. Даже и въ послѣднее воскресенье, когда бѣдняки веселились, играя съ дѣтьми посреди подстриженныхъ деревьевъ и статуй въ дворцовомъ саду, или гуляли по Елисейскимъ Полямъ — сборному пункту ученыхъ собакъ и деревянныхъ лошадей, или за городомъ, окружали Парижъ плясками, любезничаньемъ, пьянствомъ, куреньемъ, игрою въ бильярдъ, карты и домино, даже въ послѣднее воскресенье, миледи въ тоскливомъ отчаяніи, и въ скукѣ въ гигантскихъ размѣрахъ, почти возненавидѣла свою горничную за то, что та была весела.

Потому-то, какъ лошади ни скачутъ, а ей все кажется тихо. Томительная скука гонится за ней, окружаетъ ее и свинцомъ лежитъ на душѣ. Одно, и то слабое средство отъ скуки, это бѣжать, бѣжать безъ оглядки, отъ одного мѣста къ другому. Исчезай Парижъ, смѣняйся длинными, продольными и поперечными аллеями, изъ обнаженныхъ зимою деревьевъ! И когда взглянутъ на тебя, покажись темнòю, неопредѣленною массою; съ Заставою Звѣзды въ видѣ бѣлой точки, блестящей на солнцѣ и съ двумя высокими башнями, въ видѣ двухъ мрачныхъ тѣней на горизонтѣ!

Сэръ Лейстеръ, по обыкновенію, въ хорошемъ расположеніи духа. Тоска никогда его не гложетъ. Когда ему нечего дѣлать, онъ можетъ погрузиться въ созерцаніе своего величія. Для человѣка важное пре-

Digitized by Google

имущество имѣть предметъ такой неисчерпаемой огромности. Прочтя письма, адресованныя на его имя, онъ завалился въ уголъ кареты и всѣмъ существомъ своимъ предался мышленію о той важности, которая сосредоточивается въ его особѣ, для всего человѣчества вообще.

— У васъ много писемъ сегодня? говоритъ миледи, спустя много времени послѣ отъѣзда. Она утомилась отъ чтенія: прочла цѣлую страницу, на пространствѣ двадцати миль.

— Да̀, но все пустыя. Ничего особеннаго.

— Мнѣ показалось, что вы читали обыкновенно-безконечное посланіе мистера Телькингорна.

— Вы все замѣчаете! говоритъ сэръ Лейстеръ съ удивленіемъ.

— Хааа!.. вздыхаетъ миледи. Онъ скучнѣйшій человѣкъ!

— Онъ проситъ — извините, я забылъ передать — онъ проситъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, вынимая письмо изъ конверта и развертывая его: — передать вамъ нѣсколько словъ. Съ этой остановкой для смѣны лошадей, я совсѣмъ забылъ объ его приписочкѣ. Извините меня. Онъ пишетъ... Сэръ Лейстеръ такъ мѣшкотно вынимаетъ очки, такъ мѣшкотно надѣваетъ ихъ на носъ, что нервы миледи начинаютъ раздражаться; онъ пишетъ: «что касается до права на прогонъ.» Ахъ, извините, это не то. — Онъ пишетъ: да̀, да! Вотъ оно! Онъ пишетъ: «приношу мое совершеннѣйшее почтеніе миледи, надѣюсь, что перемѣна мѣста, сдѣлала и въ ихъ здоровьи благодѣтельную перемѣну. Будьте такъ милостивы, сэръ, передайте миледи (это, можетъ-быть, ихъ интересуетъ), что я имѣю кой-что сообщимъ имъ, по ихъ возвращеніи, относительно лица, переписывавшаго по канцелярскому процесу бумаги, почеркъ которыхъ такъ возбудилъ ихъ любопытство. Я его видѣлъ.

Миледи обернулась къ окну и смотритъ на дорогу.

— Вотъ его постскриптумъ, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ.

— Я бы хотѣла пройдтись немного, говоритъ миледи, продолжая смотрѣть изъ окна.

— Пройдтись? повторилъ сэръ Лейстеръ съ удивленіемъ.

— Я бы хотѣла пройдтись немного, говоритъ миледи тономъ, недопускающимъ недоразумѣнія. — Велите остановиться!

Карету велѣно остановить; слуга соскакиваетъ съ запятокъ, отворяетъ дверцы, откидываетъ ступеньки, повинуясь нетерпѣливому мановенію ручки миледи. Миледи быстро вылетаетъ изъ кареты, идетъ такъ скоро, что сэръ Лейстеръ, при всей своей пунктуальной вѣжливости, не въ-состояніи предложить ей руку и остается далеко позади. Спустя двѣ-три минуты, онъ ее нагоняетъ. Она улыбается; съ виду она такая хорошенькая; опирается на его руку, идетъ въ сопровожденіи его

Digitized by Google

съ четверть версты, утомляется, соскучивается и снова садится въ карету.

Шумъ и трескъ продолжаются въ большую часть трехъ дней, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ брянчаньемъ звонковъ, хлопаньемъ бичей и бо̀льшими или мѐньшими демонстраціями храбрости, со стороны центавровъ и голоспинныхъ коней. Взаимная, любезная вѣжливость супруговъ возбуждаетъ общее удивленіе въ тѣхъ гостинницахъ, гдѣ они останавливаются.

— Хотя милордъ немножко старенекъ для миледи, говоритъ содержательница гостинницы Золотой Обезьяны: — и годится ей въ нѣжные отцы, но нельзя не сказать, что они страстно любятъ другъ друга. Посмотрите какъ милордъ, съ посѣдѣвшей головою, стоитъ у кареты, шляпа подъ-мышкой, и пособляетъ миледи взойдти или выйдти по ступенькамъ экипажа. Посмотрите какъ миледи, благодарная за его вниманіе, склоняетъ къ нему свою прелестную головку и подаетъ ему свои пальчики. Восхитительно!

Море вообще неочень-почтительно къ великимъ людямъ и выводитъ на лицо сэра Лейстера такія пятна, какъ на лимбургскомъ сырѣ, и выворачиваетъ наизнанку всю его систему. Но несмотря на это, достоинство его все превозмогаетъ: онъ ѣдетъ съ миледи въ Чизни-Вольдъ, въ Линкольншайръ, отдохнувъ отъ морскаго пути только одну ночь въ Лондонѣ.

Подъ этими негрѣющими лучами солнца, еще менѣе-теплыми по мѣрѣ приближенія вечера, при этомъ рѣзкомъ вѣтрѣ, еще болѣе-рѣзкомъ въ то время, когда отдѣльныя тѣни обнаженныхъ деревьевъ сливаются въ одну длинную тѣнь и когда Аллея Привидѣній, готовясь покрыться темнотою ночи, освѣщается съ восточнаго угла красноватымъ отблескомъ солнца, въѣзжаетъ великолѣпная чета въ паркъ. Грачи, качаясь въ своихъ висячихъ домахъ, свитыхъ на сучьяхъ вязовой аллеи, кажется, рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто сидитъ въ каретѣ, проѣзжающей подъ ними; иные какъ-будто каркаютъ, что сэръ Лейстеръ и миледи ѣдутъ домой; другіе кричатъ, утверждая противное мнѣніе; вотъ смолкли, какъ-будто рѣшили вопросъ окончательно; но вотъ опять, снова, поднялось карканье какъ жаркій споръ, возбужденный однимъ соннымъ грачомъ, должно-быть, склоннымъ къ противорѣчію. Не обращая вниманіе на ихъ качанье и карканье, катитъ карета къ дому, сквозь окна котораго, тамъ и сямъ, мерцаютъ гостепріимные огоньки не въ такомъ количествѣ, чтобъ дать обитаемый видъ черной массѣ лицеваго фасада. Но блистательный и аристократическій кругъ пріѣздомъ своимъ скоро обратитъ замокъ въ самое разнообразно-пріятное мѣсто.

Digitized by Google

Мистриссъ Рауневель ожидаетъ гостей на порогѣ и съ подобающимъ почтеніемъ чувствуетъ обычное пожатіе лѣвой руки сэра Лейстера.

— Какъ ваше здоровье, мистриссъ Рауневель? Очень-радъ, что вижу васъ.

— Надѣюсь, что имѣю счастье встрѣчать васъ въ добромъ здоровьи, сэръ Лейстеръ?

— Въ очень-добромъ, мистриссъ Рауневель.

— Миледи, смѣю надѣяться, также... говоритъ мистриссъ Рауневель и прибавляетъ низкій поклонъ.

Миледи безъ словъ даетъ замѣтить, что она такъ-себѣ, сколько позволяетъ ея томительное состояніе.

Роза въ отдаленіи стоитъ позади ключницы и миледи, которая еще не подчинила равнодушію быстроту своей наблюдательности, хотя надъ всѣми ея чувствами ужь тяготѣла печать апатіи, спрашиваетъ:

— Что это за дѣвочка?

— Ученица моя, миледи. Роза.

— Подойди ко мнѣ, Роза! говоритъ миледи Дедлокъ съ видомъ какого-то участія. — Знаешь ли, дитя мое, какъ ты хороша собою? продолжаетъ она, касаясь ея плеча кончиками двухъ пальцевъ.

Роза, очень сконфузясь, отвѣчаетъ:

— Не знаю, миледи, и подымаетъ глаза, и опускаетъ ихъ внизъ, и не знаетъ куда глядѣть и краснѣетъ все болѣе-и-болѣе, и все болѣе-и-болѣе кажется хорошенькой.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятнадцать, миледи.

— Девятнадцать! повторяетъ миледи, задумчиво. — Берегись, дитя мое, не поддавайся лести.

— Слушаю, миледи!

Миледи слегка прикасается своимъ нѣжнымъ, затянутымъ въ перчатку, пальчикомъ къ пухленькой, съ ямочкою, щечкѣ Розы, и идетъ на площадку дубовой лѣстницы, гдѣ сэръ Лейстеръ, принявъ рыцарскую позу, ожидаетъ ее. Старый Дедлокъ, нарисованный во весь ростъ, таращитъ на нихъ глаза, съ видомъ человѣка, незнающаго, что дѣлать (надо полагать, что въ такомъ состояніи онъ находился постоянно въ дни королевы Елисаветы).

Въ этотъ вечеръ, въ комнатѣ ключницы, Роза то-и-дѣло дѣлаетъ, что твердитъ похвалы миледи. Она такъ добра, такъ снисходительна, такъ хороша собою, такъ блистательна, прикосновеніе ея такъ горячо, что Роза до-сихъ-поръ его чувствуетъ! Мистриссъ Раунсвель подтверждаетъ все это, не безъ собственнаго достоинства: она можетъ

Digitized by Google

только замѣтить... Избави Боже, чтобъ она могла говорить, хотя полслова, въ хулу котораго-нибудь изъ членовъ этой фамиліи, въ-особенности въ хулу миледи, которой удивляется весь свѣтъ; но она позволяетъ себѣ замѣтить только одно, что еслибъ миледи была немножко иообходительнѣе, не такъ холодна, мистриссъ Раунсвель думаетъ, что она тогда была бы еще любезнѣе.

— *Почти* жалко, прибавляетъ мистриссъ Раунсвель: — и все-таки *почти*, потому-что всякое даже предположеніе въ перемѣнѣ обстоятельствъ такой фамиліи, какъ Дедлоки, походитъ на хулу, *почти* жалко, что миледи не имѣетъ дѣтей. Еслибъ, кажется, была у нея дочь, взрослая дѣвушка, къ которой миледи питала бы привязанность, то нѣтъ сомнѣнія, что тогда миледи обладала бы всѣми совершенствами.

— А можетъ-быть это сдѣлало бы ее еще болѣе-надменною, говоритъ Ваттъ, который побывалъ ужь дома, у своихъ родителей, и опять вернулся къ бабушкѣ; такой славный внучекъ!

— Болѣе и менѣе, мой другъ, отвѣчаетъ ключница съ достоинствомъ: — это такія слова, которыя я не смѣю не только произносить, но и слушать, когда ихъ произносятъ, говоря о чемъ-нибудь до миледи касающемся.

— Виноватъ, бабушка; но развѣ она не надменна?

— Если она надменна, стало-быть, такъ и должно. Фамилія Дедлоковъ на все имѣетъ права.

— Ну да, я знаю бабушка, не сердись на меня я такъ пошутилъ! говоритъ Ваттъ.

— Сэръ Лейстеръ и миледи Дедлокъ, мой милый, не могутъ быть предметомъ шутки, это негодится.

— Сэръ Лейстеръ ни въ какомъ случаѣ не шутка, говоритъ Ваттъ: — и я всенижайше прошу у него прощенія. Надѣюсь, бабушка, что вѣдь, несмотря на ихъ присутствіе и на съѣздъ гостей, я могу еще здѣсь пробыть денька два, какъ путешественникъ?

— Безъ-сомнѣнія, можешь, мой другъ.

— Я очень-радъ, потому-что... видите ли, я имѣю невыразимое желаніе ближе ознакомиться съ этими прекрасными окрестностями.

Случилось, что онъ при этомъ взглянулъ на Розу; Роза потупила глазки и очень, очень закраснѣлась, право. Но, по старой примѣтѣ, должны бы, кажется, разгорѣться ея ушки, а не щечки, потому-что горничная миледи говоритъ въ это время о ней съ большой энергіей.

Горничная миледи, француженка, лѣтъ тридцати-двухъ, родомъ изъ провинцій, лежащихъ между Авиньйономъ и Марселемъ, большеглазая,

Digitized by Google

смуглолицая, съ черными волосами. Она была бы хороша собою, еслибъ не этотъ кошачій ротикъ и какая-то неловкая сжатость лица, отъ которой скулы и лобъ казались очень выступающими. Во всемъ ея анатомическомъ развитіи было что-то заостренное и съуженное; у нея была особенная способность смотрѣть въ стороны не поворачивая головы, что избавляло отъ непріятной картины, въ-особенности, когда она была не въ духѣ и стояла по близости ножей. Несмотря на вкусъ, съ которымъ она одѣвалась, на разнообразіе всѣхъ ея туалетныхъ принадлежностей, эти особенности придавали ей видъ волчицы. Кромѣ совершенныхъ свѣдѣній въ косметическихъ тонкостяхъ, приличныхъ ея званію, она, какъ природная англичанка, говорила поанглійски, слѣдовательно, она не лѣзетъ въ карманъ за словами, сидя теперь за обѣдомъ съ пріятнымъ сопутникомъ своимъ, камердинеромъ сэра Лейстера, и осыпая бѣдную Розу такимъ наборомъ брани и колкостей за то, что та обратила на себя вниманіе миледи, что пріятный собесѣдникъ вздыхаетъ свободнѣе, когда она принимается за ложку.

— Ха, ха, ха, ха! она, Гортензія, будучи въ услуженіи у миледи почти пять лѣтъ, всегда была на далекой дистанціи, а эту дѣвчонку, эту куклу ласкаютъ — и когда же ласкаютъ! — когда миледи только-что успѣла пріѣхать. — Ха, ха, ха! Знаешь ли, какъ ты хороша собою, дитя мое? Изволите видѣть, дитя мое! Нѣтъ миледи... Это нехорошо... Сколько тебѣ лѣтъ, дитя мое? Берегись, чтобъ тебѣ не вскружили голову!.. слышите!.. ха, ха, ха! Что можетъ быть смѣшнѣе этого!.. Отлично!

Словомъ, это такая замѣчательная вещь, которую мадемоазель Гортензія никогда не забудетъ. Вотъ ужь нѣсколько дней, и за обѣдомъ, и посреди своихъ соотечественницъ, и посреди другихъ горничныхъ, пріѣхавшихъ съ гостями, она предается молча удовольствію насмѣшки, удовольствію, которое выражается съуживаніемъ лица, надуваніемъ губъ, боковыми взглядами изъ угловъ глазъ и часто отражается въ въ зеркалахъ миледи, разумѣется, тогда, когда сама миледи въ нихъ не глядится.

Всѣ зеркала въ домѣ приведены въ дѣйствіе: иныя изъ нихъ послѣ долгаго отдыха. Они отражаютъ хорошенькія личики, улыбающіяся лица, молоденькія личики, старческія лица, которыя ни за что не хотятъ быть старыми; словомъ: цѣлую коллекцію лицъ, прибывшихъ провести двѣ или три недѣли января, въ Чизни-Вольдѣ, лицъ, за которыми слѣдитъ фешонэбльная молва, эта гончая собака съ тонкимъ чутьемъ, отъ дня ихъ рожденія, въ Сент-Джемскомъ Предмѣстьи, до того времени, пока не поглотитъ ихъ смерть. Линкольншайрское по-

Digitized by Google

мѣстье ожило. Днемъ слышны выстрѣлы и голоса въ лѣсахъ; кавалькады наѣздниковъ и экипажей оживляютъ аллеи парка; прислуга въ ливреяхъ и безъ ливрей наполняетъ надворныя строенія. Ночью, сквозь просѣки лѣса, рядъ оконъ зала, въ которомъ виситъ портретъ миледи, кажется рядомъ блестящихъ камней, обдѣланныхъ въ черную эмаль.

Блистательный и избранный кругъ заключаетъ въ себѣ немаловажный запасъ образованія, ума, красоты и добродѣтели; но посреди всего этого въ немъ есть маленькій недостатокъ.

— Что жь это такое?

— Дендизмъ!

Теперь ужь нѣтъ фешонэбльныхъ денди, нѣтъ тугонакрахмаленныхъ бѣлыхъ галстуховъ, нѣтъ фраковъ съ тальями на затылкѣ, нѣтъ фальшивыхъ икръ, нѣтъ шнуровокъ; нѣтъ болѣе этихъ каррикатуръ обабившейся изнѣженности, которыя цѣлымъ гуртомъ падали въ обморокъ отъ избытка восторга въ театральныхъ ложахъ и приводились въ чувство другими сладенькими существами, подносившими имъ подъ носъ длинногорлыя сткляночки со спиртомъ; нѣтъ этихъ beaux, которымъ надо четырехъ лакеевъ для натяжки на нихъ лосинъ, которые идутъ смотрѣть на всѣ экзекуціи, которыхъ мучитъ совѣсть за то, что они случайно проглотили горошину. Да, этого ничего нѣтъ! Но, можетъ-быть, есть другой дендизмъ въ избранномъ и блистательномъ кругу? дендизмъ, занимающійся менѣе невинными вещами, чѣмъ тугонакрахмаленные галстухи?

Да, этого не скроешь. Въ эти январскія недѣли въ Чизни-Вольдѣ нѣкоторыя леди и джентльмены новѣйшаго фешонэбльнаго тона выказали рѣшительный дендизмъ въ сужденіяхъ своихъ о разныхъ предметахъ.

Вотъ, напримѣръ, милордъ Будль, человѣкъ съ огромнымъ вѣсомъ въ своей партіи, знаетъ, что значитъ офиціальный постъ и говоритъ сэру Лейстеру Дедлоку, послѣ обѣда, съ большою важностью, что пренія не то, чѣмъ пренія должны быть; Парламентъ не то, чѣмъ Парламентъ долженъ быть, даже и кабинетъ не то, чѣмъ былъ прежде. Онъ предвидитъ съ боязнью, что если предположить, что настоящее министерство падетъ, то правительство не имѣетъ никого въ виду, кромѣ лорда Судля и сэра Томаса Дудля, потому-что герцогъ Фудль не можетъ засѣдать въ одной и той же палатѣ съ Гудлемъ, какъ показала размолвка по этому дѣлу съ Жудлемъ; такъ-что, отдавая портфёль Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и управленіе Нижнею Палатою Зудлю, сдѣлавъ министромъ финансовъ Кудля, назначивъ управлять колоніями Будля и Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Нудля; что вы тогда сдѣлаете съ Чудлемъ? Положимъ, вы его назначите предсѣдателемъ въ Совѣтѣ; но на это мѣсто готовятъ Рудля. Сдѣлаете его директоромъ Департамента

Digitized by Google

Лѣсовъ, но это мѣсто впору и Тудлю. Чтò жь изъ этого выходитъ? Выходитъ, что отечество падаетъ, разсыпается (чтò совершенно-ясно для патріотизма сэра Лейстера Дедлока), потому-что нельзя отъискать поста, соотвѣтствующаго Чудлю!

По другую сторону высокопочтенный Вилльямъ Буффи, членъ Парламента, доказываетъ черезъ столъ сидящей противъ него особѣ, что паденіе отечества — въ чемъ нѣтъ ужь никакого сомнѣнія — должно быть приписано Куффи. Еслибъ поступили съ Куффи такъ, какъ бы слѣдовало поступить съ нимъ, когда онъ вступилъ въ Парламентъ, поудержали бы его отъ присоединенія къ Дуффи, тогда бы вы его направили къ партіи Фуффи и имѣли бы въ немъ надежнаго оратора противъ Гуффи, и при выборахъ — сильную руку въ Нуффи, и представители трехъ графствъ, Жуффи, Руффи и Суффи, въ соединеніи съ дѣятельнымъ Муффи, упрочили бы дѣла государства. Между-тѣмъ, какъ теперь, вамъ извѣстно, мы всѣ зависимъ отъ каприза какого-нибудь Пуффи!

Касательно этого предмета и предметовъ менѣе-важныхъ, слышится много различныхъ мнѣній и толковъ, но блестящему и образованному кругу, безъ исключенія, совершенно-ясно, что дѣло идетъ единственно о Будлѣ и его партіи, и о Буффи и его партіи. Они-то разъигрываютъ роль большихъ актёровъ на великосвѣтской сценѣ. Рѣчь была и о другихъ, но только какъ-то случайно, какъ о сверхъ-комплектныхъ, которымъ предназначена роль хоровъ, или переносчиковъ декорацій; но Будль и Буффи, ихъ партіи, семейства, наслѣдники, душеприкащики, распорядители, управляющіе, и проч., и проч., и проч., занимали первыя роли на жизненной сценѣ.

Во всякомъ случаѣ, Чизни-Вольдъ набитъ биткомъ, такъ набитъ, что горничныя пріѣзжихъ леди, дурно и тѣсно помѣщенныя, горятъ неугасаемымъ желаніемъ вернуться обратно. Одна только комната пуста: это комната наверху, въ павильйонѣ; она средняго достоинства, но комфортэбльно мёблирована и имѣетъ какой-то старинный, дѣловой видъ. Эта комната предназначена мистеру Телькингорну и никѣмъ не займутъ ее, потому-что мистеръ Телькингорнъ когда-нибудь да пріѣдетъ. Теперь его еще нѣтъ. У него скромная привычка пройдти пѣшкомъ паркомъ, если погода хорошая, тихо пробраться въ эту комнату, расположиться въ ней такъ, какъ-будто бы онъ никогда изъ нея не выходилъ; сказать человѣку, чтобъ онъ доложилъ о его пріѣздѣ сэру Лейстеру, полагая, что, быть-можетъ, желаютъ его видѣть, явиться за десять минутъ до обѣда и стать въ тѣни двери библіотеки. Онъ спитъ въ своемъ павильйонѣ съ скрипучимъ флюгеромъ надъ головою, передъ окномъ у

Digitized by Google

всего широкая свинцовая крыша, на которой въ ясное утро можно видѣть черную фигуру мистера Телькингорна, какъ какого-нибудь ворона крупной породы.

Каждый день миледи, приходя къ обѣду, взглянетъ на дверь библіотеки и убѣдится, что мистера Телькингорна еще нѣтъ. Каждый день за обѣдомъ миледи взглянетъ, нѣтъ ли свободнаго стула за столомъ, ожидающаго прихода мистера Телькингорна; но нѣтъ свободнаго стула. Каждый вечеръ миледи, какъ-то случайно, спроситъ служанку свою:

— Мистеръ Телькингорнъ здѣсь?

И всякій вечеръ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ, миледи, его еще нѣтъ.

Однажды вечеромъ, распустивъ свои волосы, миледи погрузилась въ глубокія мысли, по поводу отрицательнаго отвѣта горничной, пока не увидѣла въ зеркалѣ свое недовольное личико и пару постороннихъ черныхъ глазъ, слѣдящихъ за нею съ любопытствомъ.

— Потрудись, пожалуйста, говоритъ миледи, обратя теперь мысли свои на Гортензію: — заниматься своимъ дѣломъ. Ты можешь любоваться своей красотой въ другое время.

— Извините, миледи, я любуюсь вашей красотою.

— Напрасно, говоритъ миледи: — это вовсе не твое дѣло.

Наконецъ, какъ-то, послѣ обѣда, передъ солнечнымъ закатомъ, когда пестрыя толпы фигуръ, оживлявшихъ Террасу Привидѣній, разошлись и на террасѣ остались только сэръ Лейстеръ и миледи, является мистеръ Телькингорнъ. Онъ подходитъ къ нимъ своимъ привычнымъ методическимъ шагомъ, который не бываетъ ни скорѣе, ни медленнѣе. На немъ его обыкновенная выразительная маска — если это только маска; онъ носитъ фамильные секреты въ каждомъ членѣ своего тѣла, въ каждой складкѣ своего платья. Преданъ ли онъ душою своимъ кліентамъ, или онъ продаетъ имъ только свои услуги — это его секретъ, который онъ таитъ точно такъ же, какъ секреты своихъ кліентовъ. Его я, также его кліентъ, котораго онъ не обманетъ.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Телькингорнъ? говоритъ сэръ Лейстеръ, подавая ему руку.

Оказывается, что мистеръ Телькингорнъ совершенно-здоровъ. Сэръ Лейстеръ также совершенно-здоровъ и миледи также здорова, чѣмъ всѣ совершенно-довольны.

Адвокатъ, заложа руки за спину, ходитъ по одной сторонѣ сэра Лейстера на террасѣ; миледи идетъ по другой сторонѣ.

— Мы ожидали васъ раньше, говоритъ сэръ Лейстеръ.

Digitized by Google

Милостивое замѣчаніе! Это все-равно, что сказать: «Мистеръ Телькингорнъ, мы помнимъ васъ и заочно, замѣтьте это, сэръ, что и заочно, частичка мысли нашей направлена къ вамъ!»

Мистеръ Телькингорнъ, уразумѣвъ это, кланяется и говоритъ, что онъ очень-обязанъ.

— Я бы раньше пріѣхалъ, продолжаетъ онъ: — но былъ задержанъ разными дѣлами по вашему процесу съ Бойтсорномъ.

— Человѣкъ, съ дурно-направленнымъ характеромъ, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ съ строгостью: — очень-опасный человѣкъ въ сосѣдствѣ. Человѣкъ съ низкими наклонностями...

— Онъ очень-настойчивъ, замѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Люди такого сорта всегда настойчивы, говоритъ сэръ Лейстеръ, глубоко-настойчивымъ тономъ. — Я не удивляюсь, что вы о немъ такого мнѣнія.

— Теперь дѣло только въ томъ, продолжаетъ адвокатъ: — не будете ли вы согласны на какую-нибудь уступку?

— Нѣтъ, сэръ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — ни на грошъ, ни на ноготь!

— Я не говорю о чемъ-нибудь важномъ; безъ сомнѣнія, не вамъ уступать; но сдѣлать уступку, такъ, въ бездѣлицѣ...

— Мистеръ Телькингорнъ, возражаетъ сэръ Лейстеръ: — бездѣлицъ не можетъ быть между мной и мистеромъ Бойтсорномъ. Скажу болѣе, что я не могу допустить, чтобъ *какое-нибудь* изъ моихъ правъ могло быть бездѣлицей: я это говорю не столько относительно своего лица, сколько относительно значенія того имени, которое я ношу и честь котораго я долженъ поддерживать.

Мистеръ Телькингорнъ снова наклоняетъ голову и говоритъ:

— Я буду руководиться вашимъ желаніемъ; но знаю, что мистеръ Бойтсорнъ надѣлаетъ намъ много хлопотъ...

— Такіе люди, мистеръ Телькингорнъ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — только и способны на то, чтобъ дѣлать непріятности. Скверный, негодный онъ человѣкъ!

Сэръ Лейстеръ, произнося такую сентенцію, кажется, облегчилъ нѣсколько свою гордую грудь.

— Однако вечерѣетъ, прибавилъ онъ: — миледи, пожалуй, простудится. Войдемъ въ комнаты.

Они подходятъ къ сѣнной двери, и леди Дедлокъ обращается въ первый разъ къ мистеру Телькингорну.

Digitized by Google

— Вы въ вашемъ письмѣ поручали сэру Лейстеру передать мнѣ, относительно того лица, котораго почеркъ обратилъ на себя мое вниманіе. Это только вы имѣете такую прекрасную память. Я совсѣмъ объ этомъ забыла. Письмо ваше напомнило мнѣ опять. Я не могу понять, почему мнѣ знакомъ этотъ почеркъ. Только, какъ хотите, знакомъ.

— Вамъ знакомъ? повторяетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Да, говоритъ миледи разсѣянно: — кажется, знакомъ. И уже-ли вы взяли трудъ отъискать того, кто писалъ это... какъ оно называется... клятвенное показаніе?

— Да.

— Какъ странно!

Они входятъ въ мрачную столовую залу, расположенную въ нижнемъ этажѣ, освѣщающуюся днемъ двумя глубокими окнами. Теперь сумерки. Огонь камина рѣзко отражается на выстланной плитами стѣнѣ и слабо на стеклахъ оконъ, сквозь которыя видно, какъ ползетъ сѣрый туманъ, собратъ сѣрымъ, густымъ облакамъ, клубящимся по небу.

Миледи лѣниво опускается въ кресло, стоящее близь угла камина; сэръ Лейстеръ садится также въ креслахъ противъ нея. Адвокатъ становится противъ камина, осѣняя глаза рукою, и изъ-за руки наблюдаетъ за миледи.

— Да, говоритъ онъ: — я спрашивалъ объ этомъ человѣкѣ и нашелъ его. Но, что̀ всего страннѣе, я его нашелъ...

— Самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ, говоритъ лѣниво леди Дедлокъ.

— Я его нашелъ мертвымъ.

— О, Боже мой! восклицаетъ сэръ Лейстеръ, пораженный не обстоятельствомъ, но тѣмъ, что объ этомъ обстоятельствѣ, говорятъ въ его присутствіи.

— Мнѣ указали его жилище, бѣдное, грязное, и я нашелъ его мертвымъ.

— Извините меня, мистеръ Телькингорнъ, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ. — Я полагаю, что чѣмъ меньше говорить объ этомъ...

— Пожалуйста, сэръ Лейстеръ, дайте мнѣ выслушать исторію до конца, говоритъ миледи: — это совершенно-сумрачная исторія. Какъ страшно! мертвецъ!

Мистеръ Телькингорнъ сознаетъ справедливость замѣчанія наклоненіемъ головы и продолжаетъ:

— Или самъ онъ поднялъ на себя руки...

— Клянусь честью! восклицаетъ сэръ Лейстеръ. — Это въ самомъ дѣлѣ!..

Digitized by Google

— Дайте выслушать мнѣ исторію, говоритъ миледи.

— Какъ тебѣ угодно, моя милая, но я долженъ сказать...

— Нѣтъ, вамъ не должно говорить. Продолжайте, мистеръ Телькингорнъ.

Любезность заставляетъ сэра Лейстера уступить; но онъ все-таки чувствуетъ, что разсказывать такіе ужасы при такихъ особахъ, право... право...

— Такъ я говорю, продолжаетъ адвокатъ съ неколебимымъ спокойствіемъ: — что я не знаю, умеръ ли онъ, поднявъ самъ на себя руки; только мнѣ непреложно извѣстно, что причиною его смерти собственно онъ самъ; но только неизвѣстно, умышленно или неумышленно. Судъ нашелъ, что онъ принялъ ядъ случайно.

— Какого же сорта человѣкъ, спрашиваетъ миледи: — былъ этотъ несчастный?

— Очень-трудно опредѣлить, отвѣчаетъ адвокатъ, мотая головой. — Онъ жилъ въ такой бѣдности, въ такомъ безпорядкѣ были его всклоченные волосы и борода, онъ былъ такъ грязенъ, что я счелъ бы его самымъ ничтожнымъ изъ ничтожныхъ. Случившійся тутъ докторъ говорилъ, однако, что онъ его видалъ нѣсколько разъ, и что онъ имѣетъ поводъ думать, что нѣкогда обстоятельства его были лучше.

— Какъ звали этого несчастнаго?

— Его звали такъ, какъ онъ самъ себя прозвалъ; но настоящаго имени его никто не зналъ.

— Даже и никто изъ тѣхъ, которые находились при немъ во время его болѣзни?

— При немъ никого не было. Его нашли мертвымъ, или, лучше сказать, я его нашелъ мертвымъ.

— Безъ всякой надежды что-нибудь узнать о немъ?

— Безъ всякой. При немъ былъ... говоритъ адвокатъ, припоминая: — старый чемоданъ; но въ немъ не нашли никакихъ бумагъ.

Впродолженіе этого короткаго разговора леди Дедлокъ и мистеръ Телькингорнъ, безъ всякаго измѣненія въ своихъ обычныхъ манерахъ, пристально смотрѣли другъ на друга, что, быть-можетъ, очень-натурально при разсказѣ о такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Сэръ Лейстеръ во все это время смотрѣлъ на огонь съ тѣмъ же выраженіемъ, съ какимъ одинъ изъ его предковъ смотритъ на лѣстницу. Когда исторія была разсказана, онъ возобновилъ снова протестъ свой, говоря, что для него совершенно-ясно, что миледи никакимъ образомъ не могла знать этого бѣдняка (развѣ не получала ли отъ него

Digitized by Google

просительныхъ писемъ), и онъ очень-радъ, что не услышитъ болѣе о предметѣ, столь ничтожномъ для миледи.

— Конечно, это такой ужасъ, говоритъ миледи, накидывая на себя свою мантилью, подбитую горностаемъ: — но, однако, это можетъ заинтересовать на минуту!... Будьте такъ добры, мистеръ Телькингорнъ, отворите мнѣ дверь.

Мистеръ Телькингорнъ почтительно повинуется. Она проходитъ мимо него, усталая, лѣнивая и надменно-прекрасная. Потомъ они опять встрѣчаются, встрѣчаются за обѣдомъ и такъ далѣе, нѣсколько дней сряду. Леди Дедлокъ, все та же высокомѣрная богиня, окруженная еиміамомъ, и безконечно способная, несмотря на все это, умереть со скуки. Мистеръ Телькингорнъ все та же безмолвная сокровищница благородныхъ тайнъ, замѣтно не на своемъ мѣстѣ, но совершенно какъ у себя дома. Они такъ мало, повидимому, обращаютъ другъ на друга вниманія, какъ только могутъ два человѣка подъ одною крышею. И глубоко скрыто въ ихъ сердцахъ, какъ они слѣдятъ другъ за другомъ, какъ они не вѣрятъ другъ другу, какъ остерегаются, чтобъ не попасть на удочку, одинъ другаго, и сколько бы далъ каждый, чтобъ узнать тайны, гнѣздящіяся въ душѣ и мозгу своего противника.

ГЛАВА XIII.

Разсказъ Эсѳири.

Много толковали мы о будущей судьбѣ Ричарда, сначала между собою, какъ этого желалъ мистеръ Жарндисъ, а потомъ и въ его присутствіи; но всѣ разговоры мало подвигали насъ впередъ. Ричардъ говорилъ, что онъ готовъ на все. Когда мистеръ Жарндисъ замѣчалъ, что, по его мнѣнію, не поздно ли теперь ему вступить въ морскую службу, къ которой надо пріучаться съ очень-молодыхъ лѣтъ; Ричардъ говорилъ, что онъ и самъ этого побаивается, и очень-легко можетъ быть, что лѣта его ушли. Когда мистеръ Жарндисъ спрашивалъ его мнѣнія о военной службѣ, Ричардъ отвѣчалъ, что онъ и объ этомъ думалъ, и полагаетъ военную службу недурною вещью. Когда мистеръ Жарндисъ совѣтовалъ ему серьёзно поразмыслить о вопросѣ, что его прежнее пристрастіе къ морю — истинное влеченіе, или только шалость, обыкновенная дѣтская любовь покататься на лодкѣ; Ричардъ отвѣчалъ безостановочно, что онъ ужь думалъ и передумалъ объ этомъ вопросѣ, но разрѣшить его никакъ не можетъ отчетливо.

Digitized by Google

— Сколько, быть-может, говорилъ мистеръ Жарндисъ: — онъ обязанъ за эту нерѣшительность своему характеру, то-есть сколько эта нерѣшительность ему врожденное чувство, столько же я вполнѣ увѣренъ и Оберканцелярія грѣшна въ этомъ. Она привила ему привычку не останавливаться на одной цѣли, не доканчивая оставлять дѣло; думать, не выработавъ окончательно мысли, и бросаться въ ту или другую сторону, не зная навѣрное, чего держаться. Если характеръ и болѣе взрослыхъ людей мѣняется подъ вліяніемъ обстоятельствъ, то можно ли требовать, чтобъ характеръ юноши подвергаясь въ развитіи своемъ такому сильному вліянію, могъ устоять или бороться съ нимъ?

Я чувствовала, что слова его справедливы; но еще, если позволю себѣ сказать откровенно, мнѣ казалось, что образованіе его не споспѣшествовало къ развитію характера, къ развитію въ немъ самостоятельности. Онъ цѣлыя восемь лѣтъ провелъ въ школѣ и, какъ я слыхала, училъ и сочинялъ латинскіе стихи всѣхъ родовъ и размѣровъ и поражалъ своими успѣхами; но я никогда не слыхала, чтобъ кому-нибудь изъ сподвижниковъ его образованія пришло въ голову испытать, въ чемъ заключаются его естественныя наклонности, въ чемъ состоятъ его слабости и какой дорогой лучше вести его на поприще науки? Онъ такъ изострился въ стихосложеніи, что еслибъ остался до совершеннолѣтія въ школѣ, то только бы и занимался, что латинскими стихами. Хотя я не сомнѣваюсь, что они очень-звучны, очень-хороши, очень-полезны для различныхъ жизненныхъ цѣлей, и такъ прочно укладываются въ памяти, что не забываются цѣлую жизнь; но мнѣ все-таки кажется, что было бы для Ричарда полезнѣе заняться чѣмъ-нибудь другимъ съ такимъ же прилежаніемъ, съ которымъ онъ такъ совершенствовался въ латинской версификаціи.

Во всякомъ случаѣ, я мало понимала толку въ этомъ, да и теперь неясно знаю, занимались ли молодые люди классическаго Рима или классической Греціи стихосложеніемъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ?

— Я никакъ не могу придумать, какую бы мнѣ избрать карьеру? говорилъ задумчиво Ричардъ. — Я знаю только, что, кромѣ духовнаго званія, мнѣ всѣ карьеры одинаковы.

— Не имѣешь ли ты склонности къ занятіямъ мистера Кенджа? спросилъ мистеръ Жарндисъ.

— Не могу сказать вамъ опредѣлительно, сэръ! отвѣчалъ Ричардъ. — Я гребу веслами охотно; адвокатскіе ученики часто отправляются водою. Славныя занятія!

Digitized by Google

— Докторское поприще!.. говорилъ мистеръ Жарндисъ.

— Недурно, сэръ! отвѣчалъ Ричардъ.

Я крѣпко сомнѣваюсь, чтобъ онъ когда-нибудь объ этомъ думалъ.

— Вотъ истинная дорога, сэръ! повторилъ Ричардъ, съ большимъ воодушевленіемъ. — Вотъ онъ, наконецъ, Ч. М. К. О! (членъ Медицинскаго Королевскаго Общества).

Хотя онъ самъ смѣялся надъ словами своими отъ всего сердца, но между-тѣмъ говорилъ, что судьба его рѣшена; выборъ сдѣланъ; и чѣмъ больше онъ о немъ думаетъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ, что эта дорога совершенно по немъ: «быть врачемъ» — его призваніе! Мнѣ все казалось, что онъ пришелъ къ такому заключенію только потому, что зналъ, что, ухватясь съ жаромъ за эту мысль, онъ не имѣлъ болѣе надобности трудиться надъ выборомъ своей карьеры. Я невольно спрашивала себя: всегда ли латинскіе стихи имѣютъ такое медицинское окончаніе, или это только единственный случай съ Ричардомъ?

Мистеръ Жарндисъ много употребилъ труда, чтобъ обсудить съ нимъ это дѣло серьёзно и внушить ему, что, сдѣлавъ однажды выборъ, трудно вернуться назадъ. Послѣ разговора съ мистеромъ Жарндисомъ, Ричардъ сталъ серьёзнѣе обыкновеннаго, однакожь, сказавъ намъ съ Адою, что все обстоитъ благополучно, онъ началъ говорить о другомъ.

— Клянусь Небомъ... воскликнулъ мистеръ Бойтсорнъ, принимавшій живѣйшее участіе въ этихъ дѣлахъ; впрочемъ, онъ ни о чемъ не могъ говорить безъ увлеченія: — клянусь Небомъ, я въ восторгѣ, что молодой человѣкъ, съ теплымъ сердцемъ и мягкимъ характеромъ, посвящаетъ себя такому благородному назначенію. Чѣмъ съ большимъ чувствомъ будетъ онъ исполнять свои обязанности, тѣмъ спасительнѣе для человѣчества и тѣмъ губительнѣе для тѣхъ сребролюбивыхъ пачкуновъ, которые выставляютъ это лучшее искусство въ самомъ-дурномъ свѣтѣ. И наконецъ, что̀ скверно, гремѣлъ мистеръ Бойтсорнъ: — такъ это — обращеніе съ хирургами на нашихъ судахъ; оно требуетъ непремѣннаго и немедленнаго измѣненія. А что касается до этихъ корпорацій, приходскихъ общинъ и разныхъ другихъ сходокъ толстоголовыхъ олуховъ, которые соединяются для одной только пустой болтовни, то, клянусь! ихъ бы надо было присудить на весь остатокъ ихъ жизни къ заточенію въ ртутныхъ рудникахъ, хотя бы только для того, чтобъ лишить возможности смотрѣть на свѣтъ Божій.

Послѣ такого объясненія оглядѣлъ онъ всѣхъ насъ съ пріятной улыбкой и загремѣлъ своими раскатами: ха, ха, ха! — гремѣлъ до-тѣхъ-поръ, пока всѣ, единогласно, не были увлечены его смѣхомъ.

Digitized by Google

Такъ-какъ Ричардъ окончательно рѣшился вступить на медицинское поприще и твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи, даже по истеченіи сроковъ, назначенныхъ ему для испытанія мистеромъ Жарндисомъ, и говаривалъ намъ съ Адою, что все обстоитъ благополучно, то надобно было посовѣтоваться съ мистеромъ Кенджемъ. Мистеръ Кенджъ явился, въ одинъ прекрасный день, къ обѣду, развалился въ креслахъ, вертѣлъ, на всѣ манеры свои очки, говорилъ звучными періодами и продѣлывалъ всѣ тѣ манеры, какія я ужь видала, бывши еще маленькой дѣвочкой.

— А! а! говорилъ мистеръ Кенджъ. — Да, очень-хорошо, прекрасная карьера, мистеръ Жарндисъ, прекрасная карьера!

— Курсъ наукъ, говорилъ опекунъ мой, глядя на Ричарда: — требуетъ большаго прилежанія и добросовѣстнаго труда.

— О, безъ-сомнѣнія! говорилъ мистеръ Кенджъ, безъ-сомнѣнія!

— Впрочемъ, прилежаніе и добросовѣстный трудъ нераздѣльны ни съ какимъ занятіемъ, дойстойнымъ человѣческаго назначенія, говорилъ мистеръ Жарндисъ:—слѣдовательно, на какое бы поприще человѣкъ ни желалъ вступить, всегда и вездѣ эти качества должны быть соединены съ доброю волей.

— Безъ-сомнѣнія! говорилъ мистеръ Кенджъ, и мистеръ Ричардъ Карстонъ — который выказалъ себя достойнымъ воздѣлывателемъ науки, скажу болѣе, воспріялъ все, что только можно было воспріять подъ благодѣтельною классическою тѣнью, гдѣ проструилось его младенчество, подобно, такъ-сказать, тихому ручью — примѣнитъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, привычки, скажу даже принципы и рутину версификаціи того языка, на которомъ, если я не ошибаюсь, сказано, что поэты не образуются, а родятся — къ воздѣлыванію болѣе обширнаго поля дѣятельности, на которое онъ вступаетъ.

— Вы можете положиться на меня, сказалъ Ричардъ, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ: — я употреблю всѣ усилія, всѣ старанія.

— Очень-хорошо, прекрасно, мистеръ Жарндисъ! говорилъ мистеръ Кенджъ, плавно кивая головою: — въ-самомъ-дѣлѣ, если мистеръ Ричардъ Карстонъ увѣряетъ насъ, что онъ употребитъ всѣ усилія, всѣ старанія, то мнѣ, кажется намъ, остается только открыть ему путь въ храмъ искусства, полезнѣйшаго человѣческому роду и помѣстить его на первый разъ къ опытному, мудрому и пользующемуся довѣріемъ врачу. Есть ли у васъ кто-нибудь въ виду?

— Кажется, еще никого нѣтъ, Рикъ? спросилъ мистеръ Жарндисъ.

— Никого, сэръ, отвѣчалъ Ричардъ.

— Очень-хорошо! замѣтилъ мистеръ Кенджъ. — Теперь къ дѣлу. Нѣтъ ли какого еще у васъ желанія?

Digitized by Google

— Н... нѣтъ... отвѣчалъ Ричардъ.

— Очень-хорошо! замѣтилъ опять мистеръ Кенджъ.

— Я бы желалъ, сказалъ Ричардъ: — побольше разнообразія, больше опытовъ, больше практическаго изученія...

— Похвально, очень-похвально! отвѣчалъ мистеръ Кенджъ: — я думаю, мистеръ Жарндисъ, продолжалъ онъ: — все это легко можетъ быть устроено. Вопервыхъ, надо начать съ того, чтобъ употребить всѣ силы, скажу болѣе, всѣ душевныя способности, эти неоцѣненныя сокровища, вложенныя въ насъ Всевышнею рукою, къ отъисканію врачей, вполнѣ-соотвѣтствующихъ нашей цѣли, и тогда я думаю, даже могу сказать навѣрное, останется только выбрать одного изъ нихъ, болѣе-достойнаго. Вовторыхъ, намъ надо будетъ соблюсти тѣ небольшія формальности, необходимыя по нашему возрасту и по положенію нашему относительно опеки, и тогда передъ нами откроется ровная, прямая дорога, на которой, скажу словами мистера Ричарда Карстона, намъ останется употребить всѣ силы и всѣ старанія къ общему удовольствію. Странное стеченіе обстоятельствъ, продолжалъ мистеръ Кенджъ, меланхолически улыбаясь: — стеченіе обстоятельствъ, которое едва-ли въ состояніи объяснить ограниченный умъ человѣка: это то, что одинъ изъ моихъ родственниковъ находится дѣйствительно на медицинской дорогѣ. Онъ, можетъ-быть, способенъ исполнить наше желаніе, можетъ-быть, согласится на наше предложеніе и, быть-можетъ, оправдаетъ наши надежды; говорю: *быть-можетъ,* потому-что такъ же мало могу отвѣчать за него, какъ мало могу отвѣчать за васъ.

Затѣмъ предложено было мистеру Кенджу переговорить съ своимъ родственникомъ. И такъ-какъ мистеръ Жарндисъ обѣщалъ свезти насъ, недѣльки на двѣ, въ Лондонъ, то поѣздка была назначена на другой день, чтобъ за-разъ и покончить дѣла и повеселиться.

Мистеръ Бойтсорнъ уѣхалъ отъ насъ черезъ недѣлю; мы наняли квартиру въ красивенькомъ домѣ близь Оксфордской Улицы, надъ лавкой обойщика. Лондонъ казался намъ дивомъ, и мы цѣлые часы проводили любуясь его разнообразными видами и диковинками, которыя, казалось, неистощимы. Мы посѣщали лучшіе театры и съ большимъ наслажденіемъ видѣли тѣ пьесы, которыя стоило видѣть. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ театрѣ мистеръ Гуппи началъ снова меня преслѣдовать.

Однажды вечеромъ, въ театрѣ, я сидѣла съ Адою впереди ложи, а Ричардъ занялъ свое любимое мѣсто позади Ады; вдругъ взглянувъ случайно въ партеръ, я увидѣла мистера Гуппи съ растрепанными во-

Digitized by Google

лосами и смотрящаго на меня отчаянным взором. Я чувствовала, въ продолженіе всего представленія, что онъ не обращалъ вниманія на актеровъ, а что глаза его устремлены были прямо на нашу ложу, съ заранѣе придуманнымъ отчаяніемъ и глубокою грустью.

Это обстоятельство лишило меня удовольствія, потому-что мнѣ какъ-то было непріятно, неловко, подъ его взглядомъ, во всякомъ случаѣ смѣшнымъ до глупости.

Съ этого времени, всякій разъ, когда мнѣ приходилось быть въ театрѣ, я непремѣнно встрѣчала въ партерѣ мистера Гуппи, съ волосами, спущенными на лобъ, съ отчаяньемъ на лицѣ, глупо-смотрящимъ на меня и семенящимъ на своемъ стулѣ. Когда, бывало, прійдешь въ театръ и не встрѣтишься съ нимъ, съ какимъ удовольствіемъ наслаждаешься игрою актеровъ, или слушаешь музыку; но вдругъ почувствуешь дѣйствіе двухъ глазъ, взглянешь невольно внизъ и видишь отвороченные воротнички, тоскливо-глупый взоръ, семененье, и тогда знаешь ужь навѣрное, что эти два несносные глаза не отвернутся во весь вечеръ.

Право, я не могу выразить, какъ мнѣ это было непріятно. Хоть бы онъ, по-крайней-мѣрѣ, причесывалъ свои волосы, или завязывалъ галстухъ какъ слѣдуетъ, было бы гадко, но все-таки нѣсколько лучше; а то, вообразите себѣ, сидѣть подъ надзоромъ смѣшной фигуры, чувствовать, что она слѣдитъ за каждымъ моимъ движеніемъ — это, право, несносно! На меня это производило такое впечатлѣніе, что я не могла увлекаться пьесой, не могла смѣяться, когда мнѣ было смѣшно; не могла чувствовать, не могла говорить... словомъ, не могла быть естественною, быть такъ, какъ бы хотѣлось. Конечно, я могла бы избѣжать наблюденій невыносимаго мистера Гуппи: стоило только сѣсть въ глубинѣ ложи за Ричардомъ и Адою; но вотъ бѣда: я знала, что Ричардъ съ Адой не могли быть такъ откровенны другъ съ другомъ, такъ весело проводить время, если рядомъ съ ними сидѣла не я, а кто-нибудь другой. Такимъ-образомъ я оставалась на своемъ мѣстѣ, не зная куда глядѣть, потому-что куда бы я ни глядѣла, я чувствовавала, что отчаянный мистеръ Гуппи слѣдитъ за мною.

Иногда мнѣ приходило въ голову пожаловаться на него мистеру Жарндису; но я боялась, что молодой человѣкъ можетъ потерять свое мѣсто. и я буду причиной его несчастія. Думала иногда сказать Ричарду; но онъ, пожалуй, поколотилъ бы мистера Гуппи. Иногда думала взглянуть на него строго, или покачать на него головой — не могла! Хотѣла написать къ его матери, но боялась, что это будетъ хуже.

Digitized by Google

Такъ-что я наконецъ пришла къ-заключенію, что я ничего не могу сдѣлать. Мистеръ Гуппи не только былъ постоянно во всѣхъ театрахъ, въ которыхъ были мы, но всегда встрѣчалъ насъ при выходѣ, и даже вставалъ на запятки нашего экипажа, гдѣ я, право, видала его нѣсколько разъ, претерпѣвающимъ пораженія отъ гвоздей, вбиваемыхъ для предупрежденія охотниковъ покататься на чужой счетъ. Когда мы пріѣзжали домой, онъ прислонялся къ столбу передъ нашей квартирой.

Домъ обойщика, въ которомъ мы жили, выходилъ на двѣ улицы и прямо противъ оконъ моей спальни былъ фонарный столбъ; вечеромъ я боялась подойти къ окну: я была увѣрена, что увижу мистера Гуппи (какъ однажды и случилось въ одну лунную ночь), прислонившагося къ столбу съ рискомъ простудиться. Еслибъ мистеръ Гуппи не былъ, къ полному моему несчастію, занятъ дѣлами цѣлый день, я бы рѣшительно не имѣла отъ него спокойствія.

Пока мы занимались этими удовольствіями, въ которыхъ такъ странно участвовалъ мистеръ Гуппи, дѣлались и дѣла, приведшія насъ въ Лондонъ. Родственникъ мистера Кенджа былъ нѣкто мистеръ Бейгамъ Беджоръ; онъ имѣлъ хорошую практику въ Чельзи, и къ-тому же, содержалъ большую лечебницу для приходящихъ. Онъ былъ согласенъ принять Ричарда въ свой домъ и слѣдить за его науками; и такъ-какъ казалось, что науки пойдутъ своимъ порядкомъ, подъ надзоромъ мистера Бейгама Беджора, что мистеръ Бейгамъ полюбилъ Ричарда и самъ *нравился ему достаточно*, то контрактъ былъ заключенъ и взято согласіе отъ лорда-канцлера.

Въ тотъ день, когда дѣло сладилось, мы всѣ были приглашены къ мистеру Беджору на обѣдъ. Это былъ только обѣдъ, въ своей семьѣ, какъ говорила пригласительная записка мистера Беджора, и мы, въ-самомъ-дѣлѣ, не встрѣтили ни одной леди, кромѣ мистриссъ Беджоръ. Она сидѣла въ будуарѣ, посреди различныхъ предметовъ, показывающихъ, что она *немножко* рисуетъ, немножко играетъ на фортепіано, немножко играетъ на гитарѣ, немножко играетъ на арфѣ, немножко поетъ, немножко работаетъ иголкою, немножко читаетъ, немножко занимается поэзіей и немножко занимается ботаникой.

По моему мнѣнію, она была женщина лѣтъ пятидесяти, дѣвственно-одѣвающаяся и очень-нѣжной комплекціи. И если ко всѣмъ ея достоинствамъ я прибавлю, что она немножко румянилась, то думаю, что не согрѣшу.

Самъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ былъ красненькій, свѣжелицый курнозатый джентльменъ, съ слабымъ голоскомъ, бѣлыми зубками, свѣт-

Digitized by Google

лыми волосами и удивленнымъ взоромъ, нѣсколькими годами помоложе своей дражайшей супруги. Онъ удивлялся исключительно ей и въ-особенности по той причинѣ (какъ намъ казалось), что она имѣетъ въ немъ ужь третьяго супруга. Мы едва успѣли сѣсть, какъ онъ торжественно сказалъ мистеру Жарндису:

— Вы, можетъ-быть, не повѣрите, но я ужь третій супругъ мистриссъ Бейгамъ Беджоръ!

— Не-уже-ли? сказалъ мистеръ Жарндисъ.

— Дà, третій! мистриссъ Бейгамъ Беджоръ, миссъ Семерсонъ, конечно, непохожа на женщину, пережившую двухъ супруговъ?

— Безъ-сомнѣнія, непохожа, отвѣчала я.

— И какихъ замѣчательныхъ супруговъ! сказалъ мистеръ Беджоръ, тономъ довѣренности: — мистера Своссера, капитана корабля королевской службы; это былъ первый супругъ мистриссъ Беджоръ, знаменитѣйшій офицеръ! Потомъ, профессора Динго, моего непосредственаго предшественника — это, скажу вамъ, европейская знаменитость!

Мистриссъ Беджоръ пріятно улыбнулась.

— Дà, моя милая! отозвался мистеръ Беджоръ на ея улыбку: — я пояснилъ мистеру Жарндису и миссъ Семерсонъ, что ты ужь была за двумя, очень-замѣчательными мужьями, и они, какъ это случается съ каждымъ, кому я объ этомъ говорю, съ трудомъ вѣрятъ мнѣ.

— Мнѣ едва-было двадцать лѣтъ, сказала мистриссъ Беджоръ: — когда я вышла за мистера Своссера, капитана королевскаго флота. Я была съ нимъ въ Средиземномъ Морѣ, проводила время, какъ настоящій матросъ. Ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ нашего бракосочетанія, я сдѣлалась женою профессора Динго.

— Европейская знаменитость! прибавилъ мистеръ Беджоръ, въ видѣ постскриптумъ.

— И, продолжала мистриссъ Беджоръ: — насъ вѣнчали съ мистеромъ Беджоромъ опять точно въ тотъ же день, въ который я выходила за другихъ мужей. Къ-этому дню я чувствую особенное уваженіе.

— Итакъ, мистриссъ Беджоръ, теперь ужь вступила въ третій бракъ за третьяго мужа: первые двое были въ высшей степени замѣчательные люди, сказалъ мистеръ Беджоръ, выражая такимъ образомъ сумму событій, пересказанныхъ ею, тоже въ своемъ родѣ, очень-замѣчательною супругою. И всякій разъ бракосочетаніе совершалось двадцать-перваго марта, въ одиннадцать часовъ до полудня.

Мы всѣ вообще выразили удивленіе.

— Но, несмотря на скромность мистера Беджора, сказалъ мистеръ

Digitized by Google

Жарндисъ: — я позволю себѣ исправить неточность его выраженія: по моему мнѣнію, мистриссъ Беджоръ выходила замужъ за трехъ замѣчательнѣйшихъ мужей.

— Благодарю васъ, мистеръ Жарндисъ! Я то же самое всегда говорю, замѣтила мистрисъ Беджоръ.

— А что я тебѣ всегда говорю, моя милая? сказалъ мистеръ Беджоръ: — что безъ всякаго притворства, безъ всякаго униженія той маленькой извѣстности, которою я пользуюсь (что другъ нашъ, мистеръ Карстонъ, будетъ имѣть случай замѣтить не разъ), я не такъ малодушенъ, говоритъ мистеръ Беджоръ, обращаясь ко всѣмъ намъ: — не такъ безразсуденъ, чтобъ осмѣлиться поставить имя свое на ряду съ такими замѣчательными людьми, какъ капитанъ Своссеръ и профессоръ Динго, съ этими знаменитостями первой руки.

— Можетъ-быть, вамъ доставитъ удовольствіе взглянуть, продолжалъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ, провожая насъ въ залу: — вотъ портретъ капитана Своссера. Онъ былъ снятъ съ него, по его возвращеніи изъ Африки, гдѣ онъ подвергся мѣстной лихорадкѣ. Мистриссъ Беджоръ полагаетъ, что онъ нѣсколько желтъ. Но славное лицо! Не правда ли, славное лицо?

Мы единогласно повторили: — славное лицо!

— Я всегда чувствую, когда смотрю на портретъ, говорилъ мистеръ Беджоръ: — что желаніе видѣть такого человѣка, можетъ-быть очень-сильно! Это ужь одно показываетъ, что капитанъ Своссеръ человѣкъ первой руки! По другую сторону, профессоръ Динго. Я зналъ этого человѣка хорошо, былъ при немъ во время его послѣдней болѣзни — большое сходство: только-что не говоритъ! Надъ роялью мистриссъ Бейгамъ Беджоръ, бывшая мистриссъ Своссеръ. Надъ софою мистриссъ Бейгамъ Беджоръ, бывшая мистриссъ Динго. Что жь касается до мистриссъ Бейгамъ Беджоръ in esse, я обладаю оригиналомъ и не имѣю копіи.

Обѣдъ былъ поданъ, и мы спустились внизъ. Кушанья были хороши и приготовлены со вкусомъ. Но капитанъ и профессоръ, такъ вертѣлись въ головѣ мистера Беджора, что я съ Адою, пользуясь особеннымъ его расположеніемъ, были посвящены во всѣ тайны европейскихъ знаменитостей.

— Вамъ угодно воды, миссъ Семерсонъ? Позвольте, позвольте! не въ этотъ стаканъ. Джемсъ, принеси кубокъ профессора!

Ада очень удивлялась искусственнымъ цвѣтамъ, находящимся подъ стеклянным колпакомъ.

Digitized by Google

— Удивительное произведеніе! говорилъ мистеръ Беджоръ. — Этотъ букетъ былъ подаренъ мистриссъ Бейгамъ Беджоръ, когда она была въ Средиземномъ Морѣ.

Прося мистера Жарндиса выпить стаканъ бордо, мистеръ Беджоръ говорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не этого бордо! позвольте, позвольте! Сегодня радостный день и, по случаю радостнаго дня, мы выпьемъ особеннаго бордо! Джемсъ! бутылку капитана Своссера! Мистеръ Жарндисъ, рекомендую. это, сударь мой, винцо было привезено капитаномъ Богъ-знаетъ какъ давно. Попробуйте: что за вкусъ! Душа моя, выпьемъ вмѣстѣ, чокнемся! Джемсъ, подай барынѣ бутылку капитана Своссера! Душа моя, за твое здоровье!

Послѣ обѣда мы, дамы, удалились въ другую комнату и все-таки не безъ того, чтобъ не захватить съ собою первыхъ двухъ мужей мистриссъ Беджоръ. Мистриссъ Беджоръ въ будуарѣ своемъ дала намъ біографическій очеркъ жизни и службы капитана Своссера до вступленія его въ бракъ; съ большими подробностями сообщила она намъ его біографію съ того времени, когда онъ почувствовалъ къ ней первый зародышъ любви, на кораблѣ Криплеръ, во время бала, даннаго въ честь господъ офицеровъ въ Плимутскомъ Портѣ.

— Милый старикъ Криплеръ! говорила мистриссъ Беджоръ, качая головой: — это былъ благородный корабль. Славный ходокъ, стрѣла, когда паруса обрасоплены, какъ говорилъ капитанъ Своссеръ. Извините, если я привожу морскіе термины. Я была настоящій матросъ. Капитанъ Своссеръ любилъ его, потому-что на немъ увидѣлъ меня въ первый разъ. Онъ часто говаривалъ, бывало, что еслибъ былъ богатъ, то непремѣнно купилъ бы старикашку Крипля и велѣлъ бы сдѣлать надпись на томъ мѣстѣ палубы, гдѣ мы стояли съ нимъ въ катильйонѣ и гдѣ онъ постоянно терялъ курсъ (какъ онъ самъ говорилъ) подъ вліяніемъ моихъ маяковъ — такъ, въ морскомъ духѣ, называлъ онъ мои глаза.

Мистриссъ Беджоръ покачала головой, вздохнула и взглянула въ зеркало.

— Большая разница была между капитаномъ Своссеромъ и профессоромъ Динго, сказала она съ болѣзненною улыбкою. — Я это очень хорошо чувствовала сначала. Въ жизни моей была настоящая революція; но привычка въ связи съ наукою, въ-особенности съ наукою, сроднила меня съ нимъ. Будучи единственною спутницей въ ботаническихъ изслѣдованіяхъ профессора, я почти забыла, что нѣкогда странствовала по морямъ и сдѣлалась почти ученою. Странно то, что про-

Digitized by Google

фессоръ былъ діаметрально-противоположенъ капитану Своссеру, а мистеръ Беджоръ нисколько не похожъ ни на одного изъ нихъ!

Потомъ мы перешли къ кончинѣ капитана Своссера и профессора Динго, которая какъ у того, такъ и у другаго сопровождалась значительными мученіями. Во время этого разговора, мистриссъ Беджоръ дала намъ замѣтить, что она только однажды въ жизни любила съ бѣшеной страстью, и предметомъ этой бѣшеной страсти, которая никогда не могла и не можетъ воротиться, былъ капитанъ Своссеръ. Профессоръ умиралъ у насъ постепенно, съ бо̀льшими и бо̀льшими му̀ками, и мистриссъ Беджоръ слабымъ голосомъ, подражая умирающему, начала-было говорить: «гдѣ моя Лаура?.. Лаура дай... мнѣ воды... и... тостовъ...» но приходъ мужчинъ положилъ конецъ этому разсказу, и профессоръ Динго — европейская знаменитость, былъ за̀живо похороненъ.

Я замѣтила въ этотъ вечеръ, что Ада и Ричардъ старались какъ можно больше быть вмѣстѣ. И неудивительно: имъ предстояла скорая разлука. Пріѣхавъ домой и взойдя наверхъ въ свою комнату, Ада, какъ это очень-натурально, была молчаливѣе и скучнѣе обыкновеннаго. Такъ просидѣли мы пѣсколько времени; вдругъ она бросилась въ мои объятія и начала говорить дрожащимъ голосомъ:

— Милая моя Эсѳирь! я хочу открыть тебѣ большую тайну!

(Важная тайна, моя милочка, безъ-сомнѣнія!)

— Въ чемъ дѣло, Ада?

— О Эсѳирь, ты этого никогда не угадаешь!

— Развѣ попробовать? спросила я.

— Ахъ нѣтъ! ненадо! ради Бога, ненадо! говорила Ада, очевидно испуганная моимъ намѣреніемъ.

— Ну однако, что же такое? говорила я, притворяясь задумчивою.

— Я хотѣла... шептала Ада: — сказать тебѣ... о... Ричардѣ.

— Ну что̀ же, моя милочка! сказала я, целуя ея золотистую головку: — что̀ хотѣла ты сказать о немъ?

— О Эсѳирь, ты никогда этого не угадаешь!

Такъ была она мила въ эту минуту, что я не хотѣла вывести ее изъ затруднительнаго положенія.

— Онъ говоритъ... я знаю, что это глупо... я знаю, что мы еще очень-молоды... но онъ говоритъ, говорила она со слезами: — что онъ страстно любитъ меня, Эсѳирь!

— Н-е-у-ж-е-л-и? сказала я: — мнѣ бы это и въ голову никогда не пришло! Но я бы могла тебѣ объ этомъ сказать нѣсколько недѣль тому назадъ, моя милочка.

Digitized by Google

Ада бросилась ко мнѣ въ восторгѣ; личико ея сіяло; она обнимала меня, смѣялась, плакала, краснѣла — просто чудо!

— Да, моя милочка, вотъ я какая колдунья! Твой Ричардъ любитъ тебя такъ пылко, какъ только можетъ, ужь Богъ знаетъ, сколько времени!

— И ты мнѣ никогда объ этомъ не говорила! сказала Ада, поцаловавъ меня.

— Нѣтъ, душа моя, я ждала, чтобъ ты мнѣ открылась сама.

— Ну, я открылась тебѣ. Что же ты скажешь, дурно это съ моей стороны, или нѣтъ?

Еслибъ я была самая жестокая изъ женщинъ, я бы и тогда не могла произнести *дурно;* но теперь, видя радостное волненіе этой милочки, *нѣтъ*, невольно слетѣло съ языка моего.

— Ну-съ, такъ теперь я знаю все? сказала я.

— Ахъ нѣтъ, еще не все, милая Эсѳирь! воскликнула Ада, плотнѣе прижавшись ко мнѣ и склонивъ свою головку на мою грудь.

— Нѣтъ? сказала я. — Такъ есть еще что-нибудь?

— Да̀, это не все, говорила Ада, качая головкою.

— Какъ?.. Не-уже-ли и ты... начала я шутя.

Но Ада, взглянувъ на меня и, улыбаясь сквозь слезы, не дала мнѣ кончить:

— Да̀, да̀! ты угадала, ты угадала! говорила она, заливаясь слезами: — да, я люблю его отъ всего сердца, отъ всей души!

Я, смѣясь, сказала ей, что ея тайна мнѣ была также давно извѣстна, какъ и тайна Ричарда. Потомъ я ее старалась успокоить, что̀ заняло, впрочемъ, неслишкомъ-много времени. Она успокоилась и была совершенно-счастлива.

— А что, тётушка Дерденъ, какъ ты думаешь, братецъ Джонъ подозрѣваетъ нашу любовь или нѣтъ? спросила она.

— Если онъ не слѣпъ и не глухъ, моя пташка, говорила я: — то можно надѣяться, что онъ знаетъ вашу тайну не хуже насъ съ тобою.

— Мы должны разсказать ему обо всемъ до отъѣзда Ричарда, говорила Ада робкимъ голосомъ: — пособи намъ, душенька: переговори съ нимъ за насъ... Ты не разсердишься, если Ричардъ войдетъ къ намъ сюда?

— Ричардъ? Да вѣдь его нѣтъ дома, милочка?

— Не... знаю, возразила Ада съ такимъ наивнымъ плутовствомъ, что я сама готова была бы въ нее влюбиться. — Онъ... можетъ-быть... дожидается здѣсь... за дверью.

Digitized by Google

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ стоялъ за дверью и тотчасъ же вошелъ къ намъ. Они оба сѣли по сторонамъ меня и, казалось, были влюблены въ меня, а не другъ въ друга — такъ были они ко мнѣ нѣжны, ласковы и довѣрчивы. Я любовалась ихъ нѣжностями и мало-по-малу разговоръ нашъ принялъ болѣе-серьёзное направленіе. Мы говорили о томъ, какъ они молоды, сколько должно пройдти лѣтъ, пока осуществится любовь ихъ, сколько они должны трудиться, образовываться, чтобъ впослѣдствіи быть достойными другъ друга. Ричардъ давалъ слово работать до упаду для Ады; Ада давала слово работать до упаду для Ричарда. Наконецъ, я обѣщала завтра сообщить обо всемъ мистеру Жарндису, и мы разошлись далеко за полночь.

Настало и завтра. Послѣ чая, я пошла къ моему опекуну къ комнату, которая замѣняла намъ Ворнотню Холоднаго Дома, и сказала ему, что мнѣ надо поговорить съ нимъ по секрету.

— Хорошо, маленькая старушонка, сказалъ онъ, закрывъ книгу: — если ты знаешь этотъ секретъ, стало-быть, тутъ нѣтъ ничего дурнаго.

— Я думаю, что ничего нѣтъ, добрый опекунъ мой сказала я. — Это случилось только вчера.

— Вчера? Чтò же это такое, Эсѳирь?

— Добрый опекунъ мой, помните ли вы тотъ счастливый вечеръ, когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Холодный Домъ? когда Ада пѣла въ темной комнатѣ?

Мнѣ хотѣлось ему напомнить тотъ взглядъ, который тогда онъ бросилъ на меня. И, если не ошибаюсь, я достигла цѣли.

— Потому-что... сказала я съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Помню, душа моя. Ну, что жь?

— Потому-что Ада и Ричардъ влюблены другъ въ друга и признались другъ другу.

— Не-уже-ли? воскликнулъ мой опекунъ, съ изумленіемъ.

— Дà; и, сказать вамъ правду: я этого ожидала.

— Маленькая плутовка!

Минуты двѣ просидѣлъ онъ молча, съ своею доброю, пріятною улыбкою, и потомъ сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ ихъ видѣть. Когда они пришли, онъ обнялъ Аду съ отеческою нѣжностью и началъ говорить съ Ричардомъ.

— Рикъ, сказалъ онъ: — я радъ, что заслужилъ твою довѣренность. Благодарю тебя. Судьба, соединяя насъ всѣхъ четверыхъ вмѣстѣ, прояснила мою жизнь, придала ей новые интересы и новыя радости. Уви-

Digitized by Google

давъ васъ въ первый разъ, я, конечно, думалъ, что впослѣдствіи, можетъ-быть, ты съ твоей красоточкой-кузиной (не краснѣй Ада, не конфузься милочка) пойдешь въ болѣе-близкомъ союзѣ по жизненному пути. Но все это впослѣдствіи, впослѣдствіи!

— Мы и говоримъ о будущемъ, сэръ, отвѣчалъ Ричардъ.

— Дѣльно! сказалъ мистеръ Жарндисъ: — благоразумно! Теперь, выслушайте меня, мои друзья. Я могъ бы сказать вамъ, что вы теперь не знаете самихъ-себя; что могутъ быть тысячи обстоятельствъ, которыя отдѣлятъ васъ другъ отъ друга; что эта цѣпь цвѣтовъ, легко рвется и легко обращается въ свинцовую цѣпь; но я этого не сдѣлаю. Это мудрствованіе впереди. Я увѣренъ, что чувства ваши не перемѣнятся другъ къ другу черезъ нѣсколько лѣтъ. Я вамъ хочу сказать только одно, что если когда-нибудь вы почувствуете, что въ васъ слабнетъ любовь, что между вами не можетъ существовать другаго чувства, кромѣ родственной дружбы, то не стыдитесь признаться мнѣ въ этомъ; не думайте, чтобъ это взаимное охлажденіе было ужасно или необыкновенно. Я вамъ только другъ и дальнѣйшій родственникъ. Я не имѣю надъ вами никакой власти, но я желаю и надѣюсь пользоваться до-тѣхъ-поръ вашимъ довѣріемъ, пока буду заслуживать вашу любовь.

— Я убѣжденъ, сэръ, отвѣчалъ Ричардъ: — что если я говорю, что вы имѣете на насъ обоихъ сильное вліяніе, которому мы тѣмъ охотнѣе покоряемся, что питаемъ къ вамъ глубокое уваженіе, полную благодарность и безконечную привязанность — я убѣжденъ, что и Ада раздѣляетъ совершенно мое мнѣніе.

— Милый, несравненный, братецъ Джонъ! сказала Ада, склонившись головкою на его плечо: — вы замѣнили мнѣ вполнѣ моего отца — и вся любовь, все послушаніе мое принадлежатъ единственно вамъ.

— Хорошо! сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Перейдемъ теперь къ нашему предположенію. Откроемъ съ надеждою глаза и взглянемъ въ будущее. Рикъ, свѣтъ передъ тобою, и очень-натурально, что онъ пріиметъ тебя такъ, какъ ты въ него вступишь. Надѣйся только на Провидѣніе и на свои силы. Постоянство въ любви — хорошее качество, но оно не имѣетъ смысла, не имѣетъ значенія безъ постоянства во всемъ. Еслибъ въ тебѣ были сокрыты таланты всѣхъ великихъ людей настоящаго и прошедшихъ вѣковъ, то ты могъ бы быть полезенъ только тогда, еслибъ разработывалъ ихъ съ полною энергіей и постоянствомъ. Если жь ты думаешь, что несомнѣнный успѣхъ, въ большихъ или малыхъ вещахъ, зависѣлъ, или можетъ зависѣть, или будетъ зависѣть только отъ слѣпаго случая, отъ фортуны, то ты оставь эту жалкую мысль, или оставь свою кузину Аду.

Digitized by Google

— Я выбросилъ бы эту мысль изъ головы, сэръ, возразилъ Ричардъ съ улыбкою: — еслибъ она гнѣздилась въ умѣ моемъ. Нѣтъ; я пойду своей дорогой, буду трудиться вдалекѣ отъ Ады, подкрѣпленный Провидѣніемъ и ея любовью.

— Справедливо! сказалъ мистеръ Жарндисъ. — Если ты не можешь сдѣлать ее счастливой: къ-чему же преслѣдовать ее?

— Сдѣлать Аду несчастной! нѣтъ; лучше мнѣ ненадо ея, гордо говорилъ Ричардъ.

— Хорошо сказано, очень-хорошо! воскликнулъ мистеръ Жарндисъ. — Она остается здѣсь, въ своемъ домѣ, со мною. Люби ее, Рикъ, въ своей рабочей жизни такъ же много, какъ ты ее любишь теперь — и все пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, все пойдетъ гадко. Вотъ и конецъ моей проповѣди! Я думаю, что вамъ съ Адою не мѣшаетъ прогуляться.

Ада поцаловала его нѣжно. Ричардъ съ чувствомъ пожалъ ему руку и потомъ влюбленные вышли изъ комнаты, озираясь назадъ, чтобъ дать мнѣ почувствовать, что они меня поджидаютъ.

Дверь осталась отворенною и мы смотрѣли на нихъ, какъ они проходили по сосѣдней комнатѣ, освѣщенной солнцемъ, къ двери въ задней стѣнѣ ея. Ричардъ, склонивъ голову къ Адѣ, говорилъ ей съ большимъ жаромъ; она смотрѣла ему прямо въ глаза, слушала его и, кажется, была неспособна видѣть что-нибудь, кромѣ Ричарда. Такъ молоды, такъ прекрасны, такъ полны надежды, такъ полны обѣтовъ, шли они рука-объ-руку сквозь солнечные лучи, падавшіе черезъ окно въ комнату! Подобно этимъ лучамъ, можетъ-быть, и мысли ихъ проходили сквозь длинный рядъ годовъ, облекая ихъ въ пышные, свѣтлые образы. Они прошли, скрылись въ тѣни другой комнаты, облако заволокло солнце, которое такъ ярко привѣтствовало лучомъ своимъ счастливую парочку.

— Правъ ли я, Эсѳирь? сказалъ мнѣ опекунъ мой, когда мы съ нимъ остались вдвоемъ.

Тотъ, который такъ добръ, такъ мудръ, спрашиваетъ *меня,* справедливъ онъ или нѣтъ!

— Рику надо пріобрѣсти много хорошаго. Онъ это можетъ, говорилъ мистеръ Жарндисъ задумчиво. — Я ничего не сказалъ Адѣ, Эсѳирь. Другъ и совѣтникъ ея всегда къ ней близокъ.

И онъ положилъ руку мнѣ на голову, смотря на меня съ отеческою любовью.

Я плохо могла скрыть то волненіе, въ которомъ находилась.

Digitized by Google

— Тсс! сказалъ мистеръ Жарндисъ: — теперь мы должны заботиться, чтобъ жизнь нашей маленькой старушки текла не все въ хлопотахъ о другихъ.

— Въ хлопотахъ? . Нѣтъ, добрый опекунъ мой, я считаю себя счастливѣйшимъ существомъ!..

— Вѣрю, вѣрю, сказалъ онъ: — но, быть-можетъ, кто-нибудь найдетъ, чего никогда не найдетъ Эсѳирь... что весь міръ долженъ думать только о молоденькой старушонкѣ!..

Я забыла сказать въ своемъ мѣстѣ, что за обѣдомъ былъ у насъ гость, джентльменъ, смуглолицый молодой врачъ. Онъ былъ молчаливъ, но видно, что онъ уменъ и пріятенъ въ обществѣ. Ада спрашивала меня, какъ я его нахожу; я сказала, что онъ мнѣ нравится.

Digitized by Google

КРАСАВИЦѢ.

Я стремлюсь вѣчно-юной душою
И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ:
Въ ней явилася жизнь предо мною
Въ безграничной своей полнотѣ.

Не могу я безъ слезъ умиленья,
Безъ восторговъ взирать на тебя...
Ты родникъ моего вдохновенья,
И могу ли я жить не любя!

Поражаетъ меня сочетанье
И теченіе линій въ тебѣ,
Безразличное красокъ сліянье
Въ незамѣтной для ока борьбѣ,

И мелодія духа разлита
Многозвучно въ тѣлесныхъ чертахъ,
И сіяніемъ страсти повита
Говоритъ и трепещетъ въ глазахъ.

Предъ тобою и мысли, и чувства
Мнѣ хотѣлось бы въ мраморъ облечь:
Я ищу для созданій искусства
Осязаемо-зримую рѣчь.

Digitized by Google

Пусть невѣжда ихъ дерзко обидитъ,
И каменьями броситъ въ меня:
Онъ въ ихъ чувственномъ тѣлѣ не видитъ
Сокровеннаго мысли огня...

Во плоти ихъ исканіе духа
Въ неразъятномъ сліяніи съ ней
Недоступно для грубаго слуха
И темно для незоркихъ очей.

1853.

Н. ЩЕРБИНА.

ВЕСТАЛКА.

— «Другъ! мой возлюбленный другъ, отпусти, умоляю!
Скоро Діана взойдетъ, полноликая дѣва,
Зорко подсмотритъ мой путь запоздалый и скрытный:
Взоромъ прозрачно-лучистымъ она проникаетъ
Все сокровенное ночи, и людямъ освѣтитъ
Тайну запретной любви для погибели нашей...

Чтò же ты держишь такъ крѣпко меня за одежды?
Должно во храмъ мнѣ спѣшить потаенной тропою:
Можетъ погаснуть огонь безъ меня предъ кумиромъ...
Знай — я погибла тогда... Отпусти жь благодушно,
И отпусти, навсегда распростившись со мною»...

— Хоть на мгновенье продли ты свиданіе наше!..
Иль ты не любишь меня? О, когда бы любила,
То позабыла бъ и вестинъ огонь, и Діану...
Вижу — бѣдна ты душой и восторгами страсти,
Сколько богата роскошной своей красотою.

Digitized by Google

— «Нѣтъ! Ты не знаешь меня, и слѣпою любовью,
Грубой любовью прозрѣть не способенъ мнѣ въ душу...
Я ухожу, и прощаюсь на вѣки съ свиданьемъ!
Этихъ немногихъ минутъ для меня ужь довольно:
Въ нихъ полнота бытія расцвѣла и созрѣла
Цвѣтомъ возможнаго счастья — мелькнувшаго счастья;
Ихъ не изжить мнѣ во всю мою жизнь остальную,
Въ нихъ бытія моего и конецъ и начало!»

Москва, 1853.

Н. ЩЕРБИНА.

КОЛОМБЪ.

(Изъ Шиллера.)

Далѣе, смѣлый пловецъ! И пусть невѣжды смѣются,
Пусть у руля утомленныя руки кормчій опуститъ —
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться:
Развѣ мысленнымъ взорамъ твоимъ не ясно онъ видѣнъ?
Вѣруй вожатаго-разуму! бодро плыви океаномъ!
Еслибъ земли тамъ и не было, выйдетъ она изъ пучины:
Въ тѣсномъ союзѣ и были и будутъ природа и геній;
Чтò обѣщаетъ одинъ, всегда исполняетъ другая.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

Digitized by Google

ЮНОША.

Ясно надо мною
Голубое небо:
Стану ли я думать
О туманныхъ тучахъ?
Весело мнѣ юность
Завиваетъ кудри:
Стану ль я клониться
Головой кудрявой?
Думаютъ ли розы,
Пышно расцвѣтая,
Что онѣ увянутъ
Завтра отъ мороза?
Думаютъ ли звѣзды,
Загораясь ночью,
Что заря поутру
Ихъ погаситъ въ небѣ?

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

Digitized by Google

ВОЛЫНЩИКИ.

РОМАНЪ ЖОРЖА ЗАНДА.

Часть четвертая и послѣдняя.

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

— Отличная пѣсня и чудеснѣйшимъ образомъ съиграна! вскричалъ старикъ, хлопая руками, когда Жозефъ кончилъ. — Вотъ что хорошо, такъ хорошо! И повѣрь мнѣ, Жозефъ, человѣкъ, достигшій такого мастерства, можетъ во всемъ утѣшиться. Ступай сюда и прими наши поздравленія.

— Есть обиды, послѣ которыхъ нельзя утѣшиться, и если Брюлета броситъ мои цвѣты въ канаву, то канава эта превратится между нами въ непроходимую бездну, полную ядовитыхъ терніевъ.

— Боже сохрани! отвѣчала Брюлета: — развѣ можно отвѣчать обидой на такую прекрасную музыку? Поди сюда, Жозе, и будь увѣренъ, что между нами никогда не будетъ терніемъ, если ты только самъ ихъ не посадишь.

Жозефъ, какъ дикій вепрь, раздвинулъ густой терновникъ, который, какъ сѣть, удерживалъ его на краю рва и, перелетѣвъ черезъ тину, зеленѣвшую на днѣ, вспрыгнулъ на крыльцо. Потомъ, взявъ букетъ изъ рукъ Брюлеты, онъ сорвалъ нѣсколько цвѣтковъ и хотѣлъ помѣстить ихъ подлѣ шиповника, украшавшаго голову Брюлеты. Все это дѣлалъ онъ съ гордымъ видомъ, какъ человѣкъ, которому обязаны всѣ повиноваться. Брюлета остановила его, говоря:

— Погоди, Жозе, мнѣ пришла въ голову мысль, которой ты долженъ покориться. Ты скоро будешь принятъ *мастеромъ* въ цехъ во-

Digitized by Google

лынщиковъ : Богъ надѣлилъ меня великой охотой къ музыкѣ, потому-что, никогда не учившись, я все-таки въ ней кой-что смыслю; а потому хочу подвергнуть васъ испытанію и вознаградить того, кто останется побѣдителемъ. Передай волынку Гюріелю : пусть онъ также покажетъ намъ свое искусство.

— Съ великимъ удовольствіемъ! вскричалъ Жозефъ, лицо котораго засіяло гордостью. — Ну, Гюріель, теперь твоя очередь ! начинай и, если можешь, заставь козлиную кожу запѣть по соловьиному !

— Ты нарушаешь условіе, Жозефъ, отвѣчалъ Гюріель. — Ты предоставилъ мнѣ говорить на словахъ и я говорилъ. А я предоставляю тебѣ музыку, и сознаюсь, что ты играешь во сто кратъ лучше меня. Возьми же назадъ волынку и поговори съ нами еще этимъ языкомъ: мы готовы цѣлый день тебя слушать.

— Такъ-какъ ты признаешь себя побѣжденнымъ, возразилъ Жозефъ: — то я стану играть только тогда, когда мнѣ прикажетъ Брюлета.

— Играй, сказала Брюлета.

И въ то время, какъ онъ игралъ удивительнѣйшимъ образомъ , она сплела изъ бѣлыхъ цвѣтовъ гирлянду и обвила ее серебристой лентой, которой былъ связанъ пучокъ ; потомъ, когда Жозефъ кончилъ, она подошла къ нему и обвила этой гирляндой его волынку, говоря :

— Жозе, прекрасный волынщикъ, я принимаю тебя *мастеромъ* въ цехъ и вручаю тебѣ заслуженую награду. Да принесетъ она тебѣ счастье и славу! Пріими ее въ знакъ моего уваженія къ твоимъ великимъ талантамъ.

— О, какое счастье! вскричалъ Жозефъ.— Спасибо, моя Брюлета. Доверши же мое счастье и гордость : возьми себѣ одинъ изъ этихъ цвѣтковъ. Сорви на мнѣ самый красивый и приколи его поскорѣй къ сердцу, если не хочешь надѣть на голову.

Брюлета улыбнулась, краснѣя и, какъ ангелъ прекрасный, посмотрѣла на Гюріеля, который поблѣднѣлъ, думая, что все погибло.

— Жозефъ, сказала она съ улыбкой: — по моей милости ты сейчасъ вступилъ мастеромъ въ прекрасный цехъ— цехъ музыкантовъ. Будь же этимъ доволенъ и не суйся въ цехъ влюбленныхъ: любовь не пріобрѣтается силой и мастерствомъ, а дается по волѣ Божіей.

Лицо Гюріеля прояснилось, а Жозефъ насупился.

— Брюлета, вскричалъ онъ: — ты должна исполнить мою волю.

— Тс! Жоже, не горячись такъ! сказала она: — одинъ Богъ можетъ распоряжаться нами, и вотъ одинъ изъ его маленькихъ ангеловъ, при которомъ не слѣдуетъ говорить такихъ словъ.

Говоря это, она взяла на руки Шарло, который подскочилъ къ ней,

Digitized by Google

какъ ягненокъ къ матери. Въ то время, какъ Жозефъ игралъ, Теренція вошла въ комнату и разбудила Шарло; малютка не далъ себя одѣть, выбѣжалъ, почти голый, и принялся цаловать свою *душеньку*, какъ ревнивый владыка, который, и знать не хочетъ, что у нея есть вздыхатели и поклонники.

Жозефъ, забывшій свои подозрѣнія и полагавшій, что Карна обманулъ его, при видѣ ребенка отступилъ назадъ, какъ отъ змѣя. Когда же онъ увидѣлъ, какъ малютка ласкается къ Брюлетѣ, называетъ ее маменькой-душенькой и мамашей маленькаго Шарло, то у него въ глазахъ помутилось, какъ у человѣка, который падаетъ въ обморокъ; потомъ, вспыхнувъ гнѣвомъ, онъ бросился къ ребенку и грубо притянулъ его къ себѣ.

— Такъ истина-то, наконецъ, выходитъ наружу! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ:—вотъ какъ вы меня дурачите и какимъ мастерствомъ изволите заниматься!

Брюлета, перепуганная гнѣвомъ Жозефа и крикомъ Шарло, хотѣла-было взять у него малютку, но Жозефъ былъ внѣ себя отъ ярости: онъ тянулъ его къ себѣ и злобно смѣялся, говоря, что хочетъ вдоволь на него насмотрѣться, чтобъ открыть сходство. Все это время онъ тискалъ и душилъ ребенка, къ великому отчаянію Брюлеты, которая не смѣла защищать его, боясь еще болѣе увеличить опасность и, замирая отъ страха, бросилась къ Гюріелю, говоря ему:

— Ради Бога защитите! онъ убьетъ моего малютку.

Гюріель не заставилъ себя два раза просить. Онъ схватилъ Жозефа за шиворотъ и сжалъ такъ быстро и крѣпко, что у него руки опустились, а я между-тѣмъ, подхватилъ ребенка и полуживаго передалъ Брюлетѣ.

Жозефъ самъ едва не лишился чувствъ отъ бѣшенства и затрещины, которую задалъ ему Гюріель. Драка была бы неизбѣжна и старикъ Бастіенъ всталъ ужь между ними, еслибъ Жозефъ могъ понять, что съ нимъ случилось; но у него въ головѣ была одна только мысль, что Брюлета мать и что мы всѣ обманывали его.

— Такъ вы ужь и не скрываете этого? проговорилъ онъ голосомъ, прерывавшимся отъ удушья.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? спросила Брюлета.

Она сѣла на траву и, со слезами на глазахъ утѣшала малютку, у котораго всѣ руки были въ синякахъ и царапинахъ.

— Вы человѣкъ сумасшедшій и злой — вотъ все, что̀ я знаю. Не подходите ко мнѣ и никогда пальцемъ не смѣйте тронуть этого ребенка, а не то, Богъ отвергнетъ васъ, какъ Каина.

Digitized by Google

— Одно слово только, Брюлета! продолжалъ Жозефъ: — если ты его мать, сознайся мнѣ. Я сжалюсь и прощу тебя; я стану даже тебя поддерживать, если это будетъ нужно; но если ты запрешься и солжешь мнѣ... то, я стану презирать тебя и на-вѣкъ забуду!

— Я его мать? я? вскричала Брюлета, вставая и отталкивая отъ себя ребенка. — Вы думаете, что я его мать? прибавила она, снова прижимая къ сердцу бѣднаго малютку, причинившаго ей столько горя.

И она съ отчаяніемъ осмотрѣлась вокругъ, отъискивая глазами Гюріеля:

— Могла ли я предполагать, прошептала она: — что обо мнѣ станутъ такъ думать!

— Доказательствомъ того, что никто о васъ такъ не думаетъ, сказалъ Гюріель, подходя къ ней и лаская Шарло: — служитъ то, что всѣ любятъ ребенка, котораго вы любите.

— Этого мало, братецъ, сказала Теренція съ живостью: — повтори лучше то, что̀ ты сказалъ мнѣ вчера: «Чей бы ни былъ этотъ ребенокъ, онъ будетъ моимъ, если она согласится быть моею».

Брюлета обвилась обѣими руками около шеи Гюріеля и прижалась къ нему, какъ виноградная лоза къ дубу.

— Будь моимъ владыкой, сказала она: — кромѣ тебя, мой возлюбленный, у меня никого не было да и не будетъ.

Жозефъ смотрѣлъ на внезапную развязку, причиною которой онъ былъ самъ, съ такой горестью и сожалѣніемъ, что на него больно было смотрѣть. Крикъ отчаянія, вырвавшійся у Брюлеты, убѣдилъ его въ истинѣ, и ему казалось, что обида, которую онъ только-что нанесъ ей, была не что иное, какъ мечта. Онъ почувствовалъ, что между ними все ужь кончено и, не говоря ни слова, схватилъ волынку и побѣжалъ. Лѣсникъ догналъ его и привелъ назадъ, говоря:

— Нѣтъ, Жозе, друзья дѣтства такъ не разстаются. Откинь гордость и извинись передъ честной дѣвушкой. Она теперь дочь моя: они обручены къ великому моему счастью; но я хочу, чтобъ она осталась тебѣ сестрой. Брату можно простить то, чего нельзя простить другому.

— Пусть прощаетъ, если хочетъ и если можетъ, отвѣчалъ Жозефъ. — Но если я дѣйствительно виноватъ, то прежде всего долженъ искупить вину передъ самимъ-собою. Презирайте, ненавидьте меня, Брюлета: для меня ваша ненависть чуть ли не лучше прощенія. Я вижу, что сдѣлалъ все, что̀ только можно было, чтобъ погубить себя въ вашихъ глазахъ... Поправить этого нельзя; но если вы чувствуете ко мнѣ жалость, то, Бога-ради, не показывайте мнѣ этого — вотъ все, о чемъ я васъ прошу.

Digitized by Google

— Ничего этого не было бы, отвѣчала Брюлета: — еслибъ ты исполнилъ долгъ свой: пошелъ повидаться съ матерью. Ступай же поскорѣй къ ней, Жозефъ; только, ради-Бога, не говори ей, какую нанесъ ты мнѣ обиду: она, просто, умретъ съ горя.

— Дочка моя дорогая, сказалъ лѣсникъ, снова удерживая Жозефа: — мнѣ кажется, что дѣтей можно бранить только въ то время когда они совершенно-спокойны; иначе, они все принимаютъ вкривь и вкось, и не пользуются тѣми наставленіями, которыя имъ дѣлаютъ. По-моему, на Жозефа находятъ иногда минуты сумасшествія; и если онъ не извиняется въ своихъ проступкахъ такъ охотно, какъ другіе, такъ это, можетъ-быть, потому, что онъ слишкомъ-хорошо сознаетъ ихъ и страдаетъ отъ упрековъ совѣсти болѣе, чѣмъ отъ людскихъ упрековъ. Будь же для него примѣромъ благоразумія и доброты. Человѣку легко прощать, когда онъ счастливъ, а ты, должно-быть, очень-счастлива, видя, какъ всѣ тебя здѣсь любятъ. Любить больше нѣтъ возможности, потому-что я узналъ тебя теперь еще лучше и чувствую къ тебѣ такое великое уваженіе, что собственными руками сверну шею тому, кто оскорбитъ тебя, будучи въ полномъ разсудкѣ; а о Жозефѣ этого нельзя сказать. Онъ обидѣлъ тебя въ горячкѣ, безъ всякаго размышленія, и ему тотчасъ же стало стыдно самого-себя, и повѣрь мнѣ, онъ искренно теперь раскаявается въ своемъ проступкѣ... Ну, Жозефъ, прибавь хоть одно слово къ концу моей длинной рѣчи; больше этого мы отъ тебя не спрашиваемъ: Брюлета и тѣмъ будетъ довольна — не такъ ли, дочка?

— Вы не знаете, батюшка, Жозефа, если думаете, что онъ скажетъ это слово, отвѣчала Брюлета: — я, впрочемъ, и не требую отъ него этого и желаю только одного: угодить вамъ... Я прощаю тебя, Жозе, хотя знаю, что тебѣ нѣтъ надобности въ моемъ прощеніи. Оставайся съ нами завтракать и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. То, что было сказано — забыто.

Жозефъ не отвѣчалъ ни слова, но снялъ шляпу и положилъ палку, какъ-будто намѣреваясь остаться. Дѣвушки пошли готовить завтракъ, Гюріель принялся чистить лошадь, а я сталъ играть съ ребенкомъ, котораго Брюлета, уходя, поручила мнѣ. Между-тѣмъ, старикъ Бастіенъ, желая развлечь Жозефа, заговорилъ съ нимъ о музыкѣ и расхваливалъ украшенія, которыя Жозефъ придѣлалъ къ его пѣсни.

— Не говорите мнѣ объ этой пѣсни, сказалъ ему Жозефъ: — она напоминаетъ мнѣ одно горе, и я отъ души бы желалъ забыть ее.

— Если такъ, сказалъ старикъ: — то съиграй мнѣ что-нибудь

Digitized by Google

своего собственнаго сочиненія, только сейчасъ, сію же минуту; съиграй то, что придетъ тебѣ въ голову.

Жозефъ пошелъ съ нимъ въ паркъ и заигралъ тамъ такую печальную и жалобную пѣсню, что намъ казалось, будто бы душа его плачетъ, томится и сокрушается въ мукахъ раскаянія.

— Слышишь? сказалъ я Брюлетѣ: — онъ по-своему проситъ у тебя прощенія; и если печаль и сокрушеніе сердца могутъ служить удовлетвореніемъ, то онъ удовлетворяетъ тебя вполнѣ.

— Я никогда не повѣрю, чтобъ у такого гордаго человѣка могло быть сердце, хоть сколько-нибудь нѣжное, и вполнѣ теперь соглашаюсь съ мнѣніемъ Теренціи, которая говоритъ, что капелька нѣжности влечетъ ее къ себѣ болѣе, чѣмъ палата ума и знанія; тѣмъ не менѣе я отъ души ему простила и не чувствую къ нему той великой жалости, которую онъ требуетъ въ своей печальной пѣсни, потому, что у него и безъ меня есть утѣшеніе, а именно: уваженіе, которое самъ онъ и другіе будутъ оказывать его талантамъ. Еслибъ Жозефъ болѣе дорожилъ дружбой, то не сталъ бы молча, съ холоднымъ взглядомъ, принимать наши упреки. Всѣ мы, небойсь, мастера просить то, что намъ нужно.

— Ну что, дѣтки, сказалъ старикъ Бастіенъ, возвращаясь изъ парка: — слышали, какъ Жозефъ игралъ? Онъ высказалъ все, что только могъ и хотѣлъ высказать, и совершенно-довольный тѣмъ, что заставилъ меня плакать своей музыкой, пошелъ отсюда веселѣе и спокойнѣе.

— А все-таки же вы не могли его убѣдить остаться съ нами позавтракать! сказала Теренція съ улыбкой.

— Не могъ, отвѣчалъ старикъ.— Онъ игралъ такъ хорошо, что, я думаю, въ три четверти утѣшился и разсудилъ, что ему гораздо-лучше уйдти сейчасъ же послѣ этого, чѣмъ послѣ какой-нибудь глупости, которая легко могла у него сорваться съ языка за столомъ.

Когда мы сѣли за столъ, у насъ у всѣхъ на душѣ было легко и весело: намъ нечего было ужь опасаться ссоры между Гюріелемъ и Жозефомъ; и такъ-какъ Теренція, и при немъ и безъ него, ничѣмъ не обнаруживала, что ей досадно или жаль прошлаго, то и я, и Гюріель, и его отецъ, всѣ мы были въ самомъ веселомъ и пріятномъ расположеніи духа. Шарло, видя, что его всѣ ласкаютъ и ублажаютъ, началъ забывать человѣка, который такъ напугалъ и исцарапалъ его. Правда,повременамъ, при малѣйшемъ шумѣ, онъ оборачивался со страхомъ, но Теренція тотчасъ же его успокоивала, смѣясь и говоря, что онъ ушелъ и не пріидетъ ужь больше.

Одна Брюлета была задумчива и печальна, какъ-будто бы ее постигло какое-нибудь несчастіе. Гюріель встревожился, замѣтивъ это; старикъ

Digitized by Google

Бастіенъ рѣшился помочь ему: онъ зналъ всѣ извороты души человѣческой и былъ такъ добръ, что лицо его и слова могли претворить въ сладкій медъ всякую горечь душевную. Онъ взялъ Брюлету за руки и, прижавъ красавицу къ сердцу, сказалъ ей, подъ конецъ завтрака:

— Брюлета, у насъ есть просьба до тебя, но ты такъ печальна и встревожена, что мы съ сыномъ не смѣемъ просить тебя. Ободри насъ, душенька, улыбнись хоть разомъ.

— Говорите, батюшка и приказывайте мнѣ, отвѣчала Брюлета.

— Вотъ видишь ли что: мы бы хотѣли, чтобъ ты завтра жа представила насъ своему дѣдушкѣ; Гюріель хочетъ просить его благословенія.

— Нѣтъ, батюшка, еще не пришло то время, сказала Брюлета, снова заплакавъ:— или, лучше сказать, прошло то время. Еслибъ вы сказали мнѣ это часомъ раньше, когда Жозефъ не говорилъ еще мнѣ извѣстныхъ вамъ словъ, то я съ радостью исполнила бы ваше желаніе; а теперь, признаюсь вамъ, мнѣ какъ-то совѣстно вдругъ принять предложеніе честнаго человѣка, когда я знаю, что меня не всѣ считаютъ честной дѣвушкой. Я и прежде знала, что меня считаютъ вѣтренницей и кокеткой. Гюріель самъ слегка журилъ меня за это, въ прошломъ году, а Теренція просто бранила, хотя въ то же время оказывала мнѣ дружбу. Видя, что Гюріель рѣшился покинуть меня безъ всякихъ просьбъ, я призадумалась и поразмыслила. Богъ помогъ мнѣ: Онъ послалъ на мое попеченіе ребенка, который сначала такъ мнѣ ненравился, что я хотѣла-было отказаться отъ него и, вѣроятно, отказалась бы, еслибы къ сознанію долга не примѣшивалась во мнѣ мысль, что трудами и добродѣтелью я скорѣй заставлю полюбить себя, чѣмъ болтовней и нарядами. Мнѣ, казалось, что я должна загладить свою прошлую безпечность и растоптать ту великую любовь, которую питала къ своей маленькой особѣ. Видя, что меня всѣ бранятъ и оставляютъ, я утѣшала себя, говоря: когда онъ вернется, то увидитъ, что меня нельзя бранить за то, что я стала скромна и благоразумна; а теперь вотъ я узнаю совсѣмъ-другое: и поступокъ Жозефа, и слова Теренціи показываютъ, что я ошибалась. Не одинъ Жозефъ давно считалъ меня погибшей; Гюріель думалъ то же самое, и только слѣпая любовь и величіе душевное могли вчера заставить его сказать своей сестрѣ: «Виновата ли она или нѣтъ, а ее люблю я, возьму за себя такой, какъ она есть». Ахъ, Гюріель, Гюріель! я отъ души вами благодарна, но не хочу, чтобъ вы женились на мнѣ, не узнавъ меня хорошенько. Я стала бы слишкомъ страдать, еслибъ васъ стали осуждать изъ-за меня, а я знаю, что это

Digitized by Google

будетъ непремѣнно. Я слишкомъ уважаю васъ и никогда не допущу, чтобъ вы прослыли отцомъ чужаго ребенка. Согласитесь сами, вѣроятно было же что-нибудь такое въ моемъ прежнемъ поведеніи, чтò могло подать поводъ къ такому обвиненію. Такъ теперь же я хочу, чтобъ вы могли судить обо мнѣ по моему вседневному поведенію, и чтобъ вы убѣдились, что я не только умѣю выплясывать на праздникахъ, но умѣю также хозяйничать и держать домъ въ порядкѣ. Мы будемъ жить это лѣто здѣсь, съ вами, какъ вы этого сами желаете; и, если я не могу тотчасъ же увѣрить васъ, что мнѣ нѣчего краснѣть за этого ребенка, то надѣюсь по-крайней-мѣрѣ, впродолженіе года доказать вамъ своими поступками, что я благоразумна, и что совѣсть моя чиста и спокойна.

Гюріель вырвалъ Брюлету изъ объятій отца, нѣжно поцаловалъ слезы, струившіеся по ея прекрасному лицу, и потомъ снова опустилъ ее на грудь старика.

— Благословите же ее, батюшка, сказалъ онъ: — вы сами видите теперь, что я не солгалъ, говоря, что она вполнѣ этого достойна. Нѣчего сказать, она говоритъ мастерица — просто, золотой языкъ, и на ея рѣчь мы можемъ отвѣчать только то, что намъ нѣтъ надобности подвергать ее годовому, недѣльному, или какому бы тамъ ни было испытанію, и что мы сегодня же вечеромъ пойдемъ просить ея руки у дѣдушки, потому-что только этого и недостаетъ, чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Вотъ видишь, Брюлета, сказалъ старикъ, къ чему привело тебя твое краснорѣчіе? Вмѣсто того, чтобъ пойдти завтра, мы пойдемъ сегодня. Дѣлать нѣчего, дочка, ты должна покориться, и да будетъ это наказаніемъ за твое прежнее дурное поведеніе.

Лицо Брюлеты засіяло наконецъ удовольствіемъ: зло, которое причинилъ ей Жозефъ, было забыто. Когда мы, впрочемъ, стали вставать изъ-за стола, она испытала новую досаду: Шарло, слыша, что Гюріель называетъ старика Бастіена *батюшкой*, началъ его самого такъ называть, за что тотъ сталъ его ласкать пуще прежняго; но Брюлету это огорчило.

— Не придумать ли намъ, сказала она: какое-нибудь родственное имя для бѣднаго ребенка? потому-что теперь всякій разъ, какъ онъ меня назоветъ матерью, мнѣ будетъ казаться, что имя это огорчаетъ тѣхъ, которые меня любятъ.

Мы стали-было ее успокоивать, какъ вдругъ Теренція сказала:

— Говорите тише, насъ подслушаютъ.

Digitized by Google

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Мы всѣ обернулись къ крылъцу и увидѣли конецъ палки, упертой въ землю, и пузатую туго-набитою сумку, которая возвышалась надъ заборомъ и показывала, что тамъ стоитъ нищій, выжидая, чтобъ мы обратили на него вниманіе и подслушивая то, что̀ до него вовсе не касалось.

Я подошелъ къ нему и узналъ стараго кармелита. Онъ тотчасъ же приблизился ко мнѣ и признался, безъ всякаго смущенія, что слушалъ нашъ разговоръ цѣлую четверть часа и притомъ еще съ большимъ удовольствіемъ.

— Мнѣ послышался голосъ Гюріеля, сказалъ онъ: — но, признаюсь, я такъ мало ожидалъ найдти его здѣсь, что не повѣрилъ бы своимъ собственнымъ глазамъ, еслибъ не подслушалъ того, что̀ вы говорили. Брюлета, впрочемъ, знаетъ, что меня вамъ нѐчего опасаться.

— Да и мы знаемъ, отвѣчалъ Гюріель.

— Вы? спросилъ странникъ.— Оно, впрочемъ, такъ и должно быть!

— Знаемъ потому, продолжалъ Гюріель, обращаясь къ Брюлетѣ: что тётушка ваша все разсказала мнѣ вчера. Теперь вы видите, голубушка, что мнѣ вовсе не мудрено было вамъ повѣрить.

— Да̀, вечеромъ, сказала Брюлета, вздохнувъ свободнѣе: — а поутру, вчера… Такъ-какъ вамъ извѣстны мои дѣла, прибавила она, обращаясь къ кармелиту: то присовѣтуйте мнѣ что-нибудь. Вамъ поручено было пристроить Шарло, вамъ же слѣдуетъ и придумать какую-нибудь исторію, чтобъ избавить меня отъ безчестія, не разглашая тайны его рожденія.

— Исторію? повторилъ старикъ. — Мнѣ сочинять исторіи и учить васъ лгать? Нѣтъ, голубушка, я не изъ числа тѣхъ, которые могутъ губить свою душу изъ любви къ пригожимъ дѣвушкамъ. А потому я долженъ помочь вамъ какимъ-нибудь другимъ способомъ; да я ужь и помогъ вамъ больше, чѣмъ вы думаете. Потерпите только маленько и все устроится къ-лучшему, какъ то дѣло, изъ котораго Гюріель узналъ, что на меня можно положиться.

— Я знаю, отвѣчалъ Гюріель:— что обязанъ вамъ спокойствіемъ и счастіемъ моей жизни, и готовъ положить за васъ голову на плаху. Присядьте же, честной отецъ, и побесѣдуйте съ нами. Все, что̀ у насъ есть, готово къ вашимъ услугамъ и домъ нашъ — вашъ домъ.

Старикъ Бастіенъ и Теренція также стали свидѣтельствовать свое почтеніе доброму страннику, какъ вдругъ въ комнату влетѣла наша тётушка

Digitized by Google

Маргитонн и объявила, что она требует непремѣнно, чтобъ мы всѣ, сколько насъ есть, шли къ ней въ гости. У нея въ тотъ день справлялось шествіе *капусты*, старинный шутовскій обычай, который справляется обыкновенно на другой день послѣ свадьбы. Шествіе началось ужь и приближалось къ нашему дому. Пройдя нѣсколько шаговъ, гости останавливались, пили, пѣли и плясали. На этотъ разъ Теренція не могла отказаться отъ приглашенія; я взялъ ее подъ-руку и повелъ на встрѣчу веселымъ гостямъ; Гюріель и Брюлета пошли сзади насъ, а тётушка приняла на свое попеченіе малютку. Старикъ Бастіенъ уговорилъ также и странника принять участіе во всеобщемъ весельи.

Парень, сидѣвшій на носилкахъ и представлявшій *садовника*, или, какъ у насъ еще до-сихъ-поръ говорятъ, *язычника*, былъ наряженъ удивительнѣйшимъ образомъ. Онъ нашелъ на дорогѣ возлѣ парка гирлянду изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, перевитыхъ серебряной лентой, и подпоясалъ ею горбъ, набитый паклей. Мы тотчасъ же узнали откуда взялась эта лента. Жозефъ, уходя отъ насъ, вѣрно, бросилъ ее или потерялъ. Дѣвушки, съ завистью смотрѣвшія на чудесную ленту и разсуждавшія о томъ, какъ бы не дать ему ее испортить, вдругъ бросились на *язычника* и, несмотря на то, что онъ отчаянно защищался и цаловалъ ихъ своей мордой, выпачканной дрожжами, вырвали у него и раздѣлили между собой эту драгоцѣнность. Такимъ-образомъ ленты Жозефа, разорванныя на куски, весь день сіяли на повязкахъ самыхъ пригожихъ дѣвушекъ нашего околотка, гдѣ имъ было гораздо-лучше, чѣмъ валяться на дорогѣ.

Толпа съ шумомъ и смѣхомъ прошла по деревни, останавливаясь у каждаго дома, и возвратилась къ молодымъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ; потомъ начались танцы и продолжались до самой ночи. Распростившись съ хозяевами, мы съ Брюлетой, въ сопровожденіи лѣсника, Гюріеля и Теренціи, отправились въ Ноанъ, подъ предводительствомъ кармелита; старикъ велъ подъ уздцы Клерина, а на Клеринѣ сидѣлъ толстый Шарло, который нѣсколько охмелѣлъ отъ того, чтó видѣлъ, смѣялся какъ сумасшедшій, и хотѣлъ непремѣнно пѣть, потому-что весь день при немъ пѣли.

Хотя нынѣшняя молодежь никуда не годится, но, я думаю, и вамъ случалось нерѣдко видѣть какъ пятнадцатилѣтнія дѣвушки проходятъ верстъ по десяти поутру да столько же вечеромъ, чтобъ только попрыгать день на праздникѣ, да когда еще? въ самую жаркую лѣтнюю пору, а потому вы повѣрите мнѣ, когда я вамъ скажу, что мы пришли домой, не уставши ни крошки. Напротивъ того, мы еще танцовали вчетверомъ по дорогѣ подъ волынку старика Бастіена, тогда-какъ Шарло преспокойно себѣ спалъ на лошади, а странникъ называлъ насъ сума-

Digitized by Google

сноснями и въ то же время самъ хохоталъ и хлопалъ руками, глядя, какъ мы пляшемъ.

Наконецъ, часу въ десятомъ вечера, мы подошли къ дому Брюлеты. Старикъ Брюле спалъ ужь, когда въ комнату ввалила веселая компанія. Такъ-какъ онъ былъ порядкомъ глухъ и спалъ ужасно крѣпко, то Брюлета успѣла уложить ребенка, подала намъ перекусить и посовѣтовалась съ нами насчетъ того, будить его или нѣтъ, прежде чѣмъ онъ проснется.

Наконецъ, онъ въ просонкахъ повернулся въ нашу сторону, увидалъ свѣтъ, узналъ насъ съ Брюлетой и, повидимому, удивился присутствію постороннихъ. Потомъ привсталъ, сѣлъ на постель и съ такимъ важнымъ видомъ, какъ судья какой-нибудь, выслушалъ рѣчь старика Бастіена, сказанную громко и коротко, но съ надлежащимъ почтеніемъ. Кармелитъ, которому старикъ Брюле оказывалъ полную довѣренность, съ своей стороны, началъ хвалить семейство Гюріелей, а Гюріель объявилъ свои чувства и намѣренія какъ насчетъ настоящаго, такъ и въ-разсужденіи будущаго.

Старикъ Брюле слушалъ ихъ, не говоря ни слова, такъ-что я подумалъ-было, что онъ ничего не понялъ; но вышло, что, несмотря на сонный видъ, онъ былъ въ полномъ разумѣ и отвѣчалъ, какъ прилично человѣку умному, что онъ очень-хорошо помнитъ, что отецъ Гюріеля сынъ его стариннаго друга, что онъ весьма уважаетъ все его семейство и вполнѣ вѣритъ словамъ странника, и что въ этомъ дѣлѣ совершенно полагается на умъ и разсудительность своей внучки. По его мнѣнію, она вѣрно ужь не потому такъ долго выбирала и не для того отказывала выгоднымъ женихамъ, чтобъ сдѣлать наконецъ глупость, и если желаетъ выйдти за Гюріеля, то Гюріель вѣрно ужь будетъ добрымъ мужемъ.

Онъ говорилъ умно и складно и забылъ упомянуть только объ одномъ, да и то вспомнилъ, когда мы стали уходить, а именно, о томъ, что Гюріель погоньщикъ муловъ.

— Вотъ это одно только мнѣ и не нравится, прибавилъ онъ: — моей внучкѣ прійдется скучать дома одной три четверти года.

Его тотчасъ же утѣшили, объявивъ ему, что Гюріель оставилъ ремесло погоньщика и работаетъ вмѣстѣ съ отцомъ. При этомъ и самъ дѣдушка изъявилъ согласіе прійдти на лѣто работать въ Шассенъ.

Послѣ этого мы разстались, совершенно довольные другъ другомъ. Теренція осталась ночевать у Брюлеты, а остальные пошли ко мнѣ.

На другой день, вечеромъ, мы узнали отъ кармелита, который прогулялъ весь день, что Жозефъ, незаходившій къ намъ въ деревню,

Digitized by Google

пробылъ около часа у матери, а отъ нея отправился, какъ онъ сказалъ, собирать волынщиковъ на испытаніе, которое онъ долженъ выдержать для полученія званія мастера и свидѣтельства на право отправленія ремесла. Мать пришла въ отчаяніе отъ этого намѣренія, полагая, что Карна и вся шайка волынщиковъ, которыхъ и безъ того развелось слишкомъ-много, воспротивятся этому и надѣлаютъ ему бѣдъ. Жозефъ не хотѣлъ ничего слушать, говоря, что онъ намѣренъ взять ее изъ услуженія и увести далеко отсюда, хотя она, повидимому, вовсе этого не желаетъ.

Черезъ два дни всѣ приготовленія были кончены, Гюріель и Брюлета оглашены въ нашей приходской церкви, и мы всѣ отправились въ Шассенъ, какъ-будто бы на край свѣта. Такъ-какъ намъ пришлось взять съ собою всю домашнюю утварь, потому-что Брюлета не хотѣла, чтобъ дѣдушка ея въ чемъ-нибудь нуждался, то мы должны были нанять телегу и, къ крайнему удивленію всей деревни, нагрузили на нее все, что̀ было у нихъ въ домѣ, до послѣдней корзины. Она не забыла ни своихъ козъ, ни куръ, къ великому удовольствію Теренціи, которая заранѣе радовалась тому, что будетъ за ними ухаживать: она не умѣла ходить за скотомъ и хотѣла научиться при такомъ удобномъ случаѣ.

Это подало мнѣ поводъ просить ее, въ шутку, принять меня подъ свое управленіе, какъ самое тихое и вѣрное животное изъ всего стада. Она не разсердилась, но и не поощряла меня къ дальнѣйшимъ шуткамъ. Только мнѣ показалось, что она была какъ-будто довольна тѣмъ, что я такъ весело покинулъ семейство и послѣдовалъ за нею, и если она не старалась привлечь меня къ себѣ, то по-крайней-мѣрѣ и не отталкивала.

Въ то время, какъ старикъ Брюле и женщины стали садиться въ телегу, а Брюлета весело посматривала по сторонамъ, гордясь тѣмъ, что отправляется съ такимъ красавцемъ въ виду своихъ невѣрныхъ поклонниковъ, кармелитъ подошелъ къ намъ проститься и прибавилъ такъ громко, чтобъ любопытные могли слышать:

— Я иду въ вашу сторону и провожу васъ.

Онъ сѣлъ подлѣ старика Брюле и мы двинулись. Проѣхавъ версты двѣ, онъ попросилъ остановиться. Гюріель велъ подъ уздцы Клерина, который прекрасно ходилъ въ упряжи, а мы съ его отцомъ шли нѣсколько впереди. Видя, что телега остановилась, мы вернулись назадъ, полагая, что случилось что-нибудь. Подходимъ и видимъ: Брюлета вся въ слезахъ цалуетъ Шарло, а Шарло кричитъ во все горло и нейдетъ къ кармелиту, который хотѣлъ взять его съ собою. Гюріель сталъ просить не брать ребенка насильно, а попробовать уговорить его; ему такъ

Digitized by Google

тяжело было видѣть печаль Брюлеты, что онъ самъ только-что не плакалъ.

— Чтò у васъ такое? спросилъ старикъ Бастіенъ: — зачѣмъ ты, дочка, отдаешь бѣднаго малютку? Не ужь-то вслѣдствіе той мысли, которую забрала ты себѣ въ голову нѣсколько дней тому назадъ?

— Нѣтъ, батюшка, отвѣчала Брюлета: — его требуютъ родители и мы должны отдать его для его же собственной пользы. Бѣдняжка не понимаетъ этого, а я вотъ и понимаю, да духу у меня не достаетъ съ нимъ разстаться. Но такъ-какъ важныя причины заставляютъ родителей взять его немедленно, то, вмѣсто-того, чтобъ лишать меня послѣдней храбрости, лучше ободрите меня.

Брюлета толковала о твердости, а сама не могла устоять противъ слезъ и рыданій малютки, котораго полюбила отъ всей души. Теренція должна была вмѣшаться въ это дѣло. Въ лицѣ ея и въ каждомъ словѣ было столько увѣренности и доброты, что она могла бы, кажется, убѣдить камень; малютка чувствовалъ это, самъ того не сознавая. Она успѣла его успокоить и убѣдить, что его берутъ не надолго. Онъ рѣшился наконецъ пойдти на руки къ кармелиту. Мы снова двинулись въ путь, въ разныя стороны, подъ звуки пѣсни, которую запѣли, чтобъ озадачить и развлечь малютку; пѣніе это походило, впрочемъ, болѣе на церковный псаломъ, чѣмъ на простую пѣсню; Шарло, однакожь, удовольствовался и тѣмъ, и когда голоса затихли въ отдаленіи, громкій голосъ кармелита покрылъ жалобный крикъ бѣднаго ребенка.

— Ну теперь поѣдемте поскорѣе, сказалъ лѣсникъ: — мы постараемся утѣшить тебя, Брюлета, нашей любовью.

Гюріель влѣзъ на телегу, сѣлъ подлѣ Брюлеты и всю дорогу разговаривалъ съ нею такъ нѣжно, что она сказала, когда мы пріѣхали:

— Не считайте меня неутѣшной, истинный другъ мой! На меня нашла минута слабости; но я знаю очень-хорошо на кого перенести привязанность, которую чувствовала къ бѣдному малюткѣ, и гдѣ найдти радость, которую онъ мнѣ доставлялъ.

Мы нескоро размѣстились какъ слѣдуетъ въ старомъ зàмкѣ: одинъ котелъ чего стоило намъ повѣсить! Оказалось, что тамъ нѣсколько жилыхъ комнатъ, хотя съ перваго раза можно было подумать, что онѣ обрушатся намъ на голову; но вѣтеръ столько лѣтъ потрясалъ старыя развалины, не разрушая ихъ, что онѣ могли прожить на свѣтѣ еще дольше насъ.

Тётушка Маргитонъ, весьма-довольная нашимъ сосѣдствомъ, доставила намъ все, чтò было необходимо для удобства, къ которому мы привыкли. Семейство Гюріелей согласилось раздѣлить съ нами эти удобства, хотя

Digitized by Google

оно къ нимъ вовсе не привыкло, да и мало ихъ цѣнило. Скоро прибыли и бурбонезскіе работники, и вмѣстѣ съ нашими работниками, нанятыми старикомъ Бастіеномъ на мѣстѣ, составили цѣлую колонію, одна часть которой поселилась въ замкѣ, а другая въ деревнѣ.

Работа была трудная, потому-что лѣсъ круто, почти отвѣсно, спускался къ рѣкѣ; срубать деревья было мудрено и опасно. Въ лѣсу Аллё я на опытѣ узналъ какой горячій нравъ у старика Бастіена. Тутъ ему не на что было горячиться: все, что̀ было потруднѣе, дѣлалъ онъ самъ съ отборными лѣсниками, а у остальныхъ работа была легкая; но мнѣ непремѣнно хотѣлось сдѣлаться дровосѣкомъ перваго сорта, чтобъ угодить старику; а у него учиться я не рѣшался, боясь, чтобъ онъ опять не сталъ меня бранить за мою неловкость и ошибки, что̀ въ присутствіи Теренціи было бы для меня слишкомъ-горько; а потому я упросилъ Гюріеля растолковать мнѣ пріемы и показать хорошенько какъ приложить ихъ къ дѣлу. Онъ, разумѣется, охотно согласился, а я съ своей стороны принялся такъ прилежно работать, что черезъ нѣсколько дней удивилъ своей ловкостью хозяина. Онъ расхвалилъ меня и спросилъ въ присутствіи дочери, почему я такъ прилежно занимаюсь ремесломъ, которое въ нашемъ краю вовсе ненужно.

— Потому, отвѣчалъ я: — что мнѣ хотѣлось бы ко всему быть годнымъ и вездѣ заработывать себѣ хлѣбъ насущный. Съ человѣкомъ все можетъ случиться; и если я женюсь и жена моя захочетъ жить въ лѣсу, то я послѣдую за нею и буду тамъ ее содержать не хуже всякаго другаго.

И, чтобъ доказать Теренціи, что я вовсе не такой нѣженка, какъ она могла думать, я сталъ пріучать себя спать на жесткомъ, началъ ѣсть и пить умѣренно и вообще старался сдѣлаться такимъ же здоровеннымъ лѣсникомъ, какъ всѣ окружавшіе ее. Мнѣ не стало отъ этого нисколько хуже, напротивъ-того, я чувствовалъ, какъ умъ мой постепенно становился легче, а мысли яснѣе. То, что̀ прежде я понималъ съ великимъ трудомъ, послѣ долгихъ объясненій, мало-по-малу разъяснилось само-собою предъ моими глазами, такъ-что Теренціи не приходилось ужь больше смѣяться надъ моими дурацкими вопросами. Она разговаривала со мной безъ скуки и часто соглашалась съ моими сужденіями.

Такъ прошли добрыя двѣ недѣли, а надежды не прибыло во мнѣ ни капли. Когда же я сталъ жаловаться Гюріелю на свою судьбу, говоря, что я никогда, видно, не посмѣю сказать ничего такого дѣвушки, которая слишкомъ превосходитъ меня во всемъ, и никогда, вѣроятно, не захочетъ и взглянуть на меня, Гюріель отвѣчалъ:

— Будь покоенъ, Тьенне, у моей сестры сердце самое справедливое;

Digitized by Google

конечно, у нея, какъ у всякой молодой дѣвушкѣ, есть свои фантазіи, но фантазіи эти никогда не устоятъ противъ любви къ чистой правдѣ и святой справедливости.

Рѣчи Гюріеля, вполнѣ согласныя съ тѣмъ, что̀ говорилъ мнѣ его отецъ, ободрили меня, тѣмъ болѣе, что Теренція замѣтила наконецъ, какой я вѣрный и преданный слуга: я былъ такъ внимателенъ къ ней, я такъ заботливо устранялъ, сколько могъ, все то, что̀ могло досадить ей, утомить ее или раздражить; я такъ мало обращалъ вниманія на другихъ дѣвушекъ— да и что̀ за охота была мнѣ на нихъ смотрѣть; наконецъ, я обнаруживалъ къ ней такое великое уваженіе и такъ высоко цѣнилъ ея достоинства, что она раскрыла глаза. На мою всегдашнюю готовность предупреждать всѣ малѣйшія ея желанія она смотрѣла съ видомъ нѣжной задумчивости и платила мнѣ благодарностью, который я гордился пуще всего на свѣтѣ. Она не привыкла, какъ Брюлета, къ услугамъ, и не умѣла, какъ она, заставить себѣ угождать. Она всегда какъ будто удивлялась тому, что о ней заботились, но зато, когда это случалось, она въ тысячу разъ болѣе другихъ показывала благодарности, и я былъ внѣ себя отъ радости, когда она съ важнымъ видомъ и безъ лживой скромности говорила мнѣ : «право, Тьенне, ты ужь слишкомъ ко мнѣ добръ», или : «Тьенне, ты такъ заботишься обо мнѣ, что мнѣ самой хотѣлось бы найдти случай отплатить тебѣ тѣмъ же.»

Разъ какъ-то она сказала мнѣ что-то подобное при *лѣсникахъ*, изъ которыхъ одинъ, парень красивый, замѣтилъ вполголоса, что она слишкомъ ужь много показываетъ мнѣ вниманія.

— Правда твоя, Леонардъ, отвѣчала Теренція, смотря на него съ увѣренностью: — я должна оказывать ему вниманіе за его угожденія мнѣ и дружбу къ моимъ.

— А вы думаете, возразилъ Леонардъ: — что другіе стали бы поступать иначе, еслибъ могли надѣяться, что имъ станутъ платить тѣмъ же?

— Я была бы ко всѣмъ справедлива, продолжала Теренція:—еслибъ имѣла расположеніе и надобность принимать отъ всѣхъ угожденія; но вѣдь этого нѣтъ во мнѣ и дружбы одного человѣка для меня совершенно достаточно.

Я сидѣлъ подлѣ нея на травѣ въ то время, какъ она такъ говорила, и взялъ ее за руку. Она тотчасъ же отняла ее, но, уходя, слегка дотронулась до моего плеча въ знакъ довѣренности и душевнаго родства.

Между-тѣмъ все шло постарому и я начиналъ не на шутку страдать отъ необходимости скрывать свою любовь къ Теренціи, тѣмъ болѣе, что Гюріель и Брюлета любили другъ друга такъ нѣжно и были такъ счастливы, что, гляда на нихъ, умъ и сердце приходили въ смяте-

ніе. Для нихъ день блаженства приближался, а для меня не было и надежды...

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Въ воскресенье, въ тотъ же день, когда Брюлету послѣдній разъ оглашали, старикъ Бастіенъ и Гюріель, посовѣтовавшись о чемъ-то потихоньку, отправились куда-то, сказавъ, что идутъ въ Ноанъ по дѣлу на-счетъ свадьбы. Брюлета, зная, что всѣ приготовленія кончены, удивилась тому, что они такъ хлопочутъ по пустякамъ и не хотятъ посовѣтоваться съ нею. Она даже надулась на Гюріеля, когда онъ объявилъ ей, что уходитъ на цѣлыя сутки; Гюріель, однакожь, не уступилъ на этотъ разъ и кой-какъ успокоилъ ее, сказавъ, что уходитъ для нея же и хочетъ приготовить ей пріятную неожиданность.

Между-тѣмъ Теренція, которую я съ глазъ не спускалъ, видимо старалась скрыть свое безпокойство, и когда отецъ ея и братъ ушли, повела меня въ садикъ, гдѣ сказала мнѣ:

— Тьенне, я въ большой тревогѣ и не знаю, какъ пособить этому. Я разскажу тебѣ сейчасъ, что̀ случилось, а ты придумай, что̀ бъ намъ такое сдѣлать, чтобъ отвратить бѣду. Сегодня ночью мнѣ не спалось; я лежу и слышу, что батюшка уговаривается съ братомъ пойдти на помощь Жозефу—вотъ что̀ могла я понять изъ ихъ разговора : волынщики здѣшняго околотка, которыхъ Жозефъ просилъ подвергнуть его испытанію, приняли его какъ нельзя хуже; несмотря на то, онъ хочетъ непремѣнно поступить въ здѣшній цехъ; отказать ему въ этомъ они могутъ не иначе, какъ подвергнувъ его надлежащему испытанію.

«Какъ на грѣхъ случись, что Карна-сынъ долженъ былъ вступить на мѣсто отца, который оставляетъ ремесло, еслибъ Жозефъ не вмѣшался въ дѣло, которое было рѣшено заранѣе.

«Работники наши, расхаживая по здѣшнимъ трактирамъ, узнали, что волынщики сговариваются не принимать Жозефа, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто ничего не смыслитъ въ музыкѣ. Еслибъ дѣло здѣсь шло объ одномъ отказѣ и несправедливости въ отношеніи къ Жозефу, то я не стала бы такъ безпокоиться; но вѣдь отецъ мой и братъ также *волынщики-мастера*, и куда бъ они ни пришли, имѣютъ голосъ вездѣ, гдѣ только дѣло коснется до музыки, а потому сочли долгомъ явиться на испытаніе, единственно на тотъ конецъ, чтобъ помочь Жозефу. Притомъ же, тутъ есть еще одна вещь, которой я не знаю : у волынщиковъ есть тайны, о которыхъ батюшка и братъ разговариваютъ тихонько и на какомъ-то особенномъ языкѣ, такъ-что я никогда ни слова не могла

Digitized by Google

понять, потому ли, что они хотятъ постоять за свое мнѣніе на испытаніи, или потому, что у нихъ есть правила, сообразоватся съ которыми, говорятъ, больно-трудно, только во всякомъ случаѣ имъ грозитъ опасность, потому-что они взяли съ собою сучковатыя и коротенькія палки — оружіе простое, а страшное, какъ ты самъ это видѣлъ. Между прочимъ, они говорили (это было рано поутру): «все это пареньо: онъ ни себѣ, ни другимъ не даетъ покоя! А между-тѣмъ помочь ему надо, потому-что онъ лѣзетъ въ волчью пасть, не заботясь ни о своей кожѣ, ни о кожѣ своихъ друзей».

«Потомъ Гюріель сталъ жаловаться, говоря, что наканунѣ свадьбы ему вовсе нѣтъ охоты проломить кому-нибудь голову и самому вернуться съ разбитой головой. А батюшка отвѣчалъ ему на это, что не слѣдуетъ предаваться пустымъ опасеніямъ, а должно дѣйствовать прямо и смѣло тамъ, гдѣ человѣколюбіе призываетъ насъ на помощь ближнему.

«Такъ-какъ они назвали Леонарда въ числѣ тѣхъ, которые узнали о злыхъ замыслахъ волынщиковъ, то я допрашивала его и узнала, что вотъ ужъ дней восемь, какъ Жозефъ и, слѣдовательно, всѣ тѣ, которые поддерживаютъ его, служатъ предметомъ ненависти и угрозъ, и что волынщики ваши не только условились не принимать его въ братство, но даже уговаривались проучить, чтобъ отнять у него охоту и возможность другой разъ просить о томъ же. Я знаю, въ то время, когда Гюріель получилъ званіе мастера, я была еще ребенкомъ и слыхала, что тутъ нужна храбрость, потому-что поступающіе подвергаются какимъ-то испытаніямъ, гдѣ должны показать свою силу и мужество. Но такъ-какъ у насъ волынщики ведутъ жизнь бродячую и музыка для нихъ не составляетъ ремесла, то нисколько не мѣшаютъ другъ другу и не преслѣдуютъ вновь-вступающихъ. Судя по словамъ Леонарда и по тѣмъ предосторожностямъ, которыя принялъ батюшка, у васъ это дѣлается, должно быть, совсѣмъ-иначе: у васъ бываютъ при этомъ драки; и тѣ, которые являются тутъ, не всегда возвращаются назадъ. Тьенне, голубчикъ, помоги мнѣ, я, просто, умираю отъ страха и печали. Я не смѣю ни слова сказать нашимъ работникамъ: еслибъ батюшка подумалъ, что я подслушала ихъ тайну и измѣнила имъ, то навѣкъ лишилъ бы меня своей довѣренности и уваженія. Онъ привыкъ меня видѣть мужественной, какъ только можетъ быть мужественна женщина въ опасностяхъ; но, послѣ несчастнаго приключенія съ Мальзакомъ, признаюсь тебѣ, я стала трусихой и теперь вотъ готова пойдти и броситься въ самую средину свалки — такъ боюсь я за людей, драгоцѣнныхъ моему сердцу.

— И ты, голубушка, называешь это трусостью? сказалъ я Теренціи — Полно, пожалуйста, успокойся и предоставь это дѣло мнѣ. Ужь какъ

Digitized by Google

они тамъ ни хитри, а я открою ихъ шашни и вывѣдаю ихъ тайну, такъ-что имъ и въ голову не прійдетъ подозрѣвать тебя. Пусть батюшка твой разсердится на меня, прогонитъ отъ себя и лишитъ того счастія, на которое я надѣюсь — все это не остановитъ меня, Теренція, только бы мнѣ привести его и Гюріеля цѣлыми и невредимыми къ тебѣ, а тамъ... я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ, хотя бъ мнѣ не пришлось никогда больше тебя увидѣть! Прощай. Успокойся и ни слова объ этомъ Брюлетѣ: она умретъ со страха. Я скоро узнаю, что намъ нужно дѣлать. Держи себя только такъ, какъ-будто ты ничего не знаешь. Я принимаю все на свою шею.

Теренція бросилась ко мнѣ на шею и поцаловала меня въ обѣ щеки съ простодушіемъ доброй и невинной дѣвушки. Полный мужества и увѣренности, я принялся за дѣло.

Началъ я съ того, что пошелъ отъискивать Леонарда, зная, что онъ парень добрый, сильный, смѣлый и отъ души любитъ старика Бастіена. Онъ ревновалъ меня маленько къ Теренціи, но согласился помогать мнѣ. Я сталъ спрашивать его: сколько волынщиковъ собирается на испытаніе и не знаетъ ли онъ такого мѣста, откуда бы мы могли наблюдать за ними. На первый вопросъ онъ не могъ ничего мнѣ сказать, а на второй отвѣчалъ, что испытаніе происходитъ при всѣхъ и назначено, какъ онъ слышалъ, черезъ часъ послѣ вечерень, въ Сен-Шартье, въ трактирѣ Бенуа. Во время совѣщанія волынщики удаляются, но не выходятъ изъ дома и самый приговоръ произносится при всѣхъ.

Я полагалъ, что полдюжины молодцовъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ достаточно для водворенія мира, еслибъ дѣйствительно вышла какая-нибудь ссора, или драка, и зная, что справедливость на нашей сторонѣ, вполнѣ былъ увѣренъ, что найдутся добрые люди, которые намъ помогутъ. Мы съ Леонардомъ выбрали себѣ четырехъ товарищей, согласившихся послѣдовать за нами, и вмѣстѣ съ ними какъ-разъ составили желанное число.

Условившись во всемъ, какъ слѣдуетъ, я пошелъ сказать Теренціи, что мы приняли всѣ мѣры противъ опасности; потомъ мы явились въ Сен-Шартье къ назначенному часу.

Въ харчевню набралось столько народа, что негдѣ было повернуться; мы должны были помѣститься за столомъ, на дворѣ. Я нашелъ, это мѣсто весьма выгоднымъ и, попросивъ товарищей не напиваться, пробрался въ трактиръ, гдѣ собралось ужь человѣкъ шестнадцать волынщиковъ, кромѣ Гюріеля и его отца, сидѣвшихъ за столомъ въ самомъ темномъ углу. Они нахлобучили шляпы на глаза такъ, что ихъ трудно было узнать, тѣмъ болѣе, что изъ людей, находившихся тутъ,

Digitized by Google

очень-немногіе ихъ знали и видѣли. Я показалъ видъ, какъ-будто бы не замѣчаю ихъ и, возвысивъ голосъ такъ, что они могли меня слышать, спросилъ Бенуа, почему это къ нему собралось столько волынщиковъ? Я хотѣлъ этимъ показать, что ничего не знаю и зашелъ въ трактиръ такъ, безъ всякой причины.

— Какъ! вскричалъ Бенуа: — я забылъ сказать, что онъ только-что выздоровѣлъ и былъ блѣденъ и худъ, какъ щепка: — ты не знаешь, что Жозефъ, твой старинный другъ, сынъ моей хозяйки, хочетъ вступить въ волынщики и что сегодня назначено испытаніе для него и для молодаго Карна? По-моему, это страшная глупость съ его стороны, прибавилъ онъ тихо: — Мать его убивается съ тоски, и до смерти боится за него, потому-что на этихъ совѣщаніяхъ вѣчно выходятъ ссоры. Бѣдняжка такъ тревожится, что у ней голова идетъ кругомъ: посѣтители жалуются, а этого никогда не бывало съ-тѣхъ-поръ, какъ она у меня.

— Не могу ли я помочь тебѣ, чѣмъ-нибудь? спросилъ я, желая найти поводъ остаться въ трактирѣ и расхаживать вокругъ столовъ.

— Какъ-же, голубчикъ! отвѣчалъ онъ: — ты можешь оказать мнѣ великую услугу, потому-что, признаюсь тебѣ откровенно, я еще очень-слабъ, и, когда пойду въ погребъ за виномъ, голова у меня такъ и кружится. Я вѣрю тебѣ вполнѣ; нà вотъ, возьми ключи отъ погреба; потрудись ужь разливать вино въ кружки и приносить ихъ сюда; а съ остальнымъ мы ужь какъ-нибудь управимся.

Я не заставилъ просить себя два раза; предупредивъ товарищей насчетъ порученія, которое принялъ на себя для успѣшнѣйшаго исполненія нашего намѣренія, я принялся исполнять должность ключника, наблюдая за посѣтителями и прислушиваясь къ ихъ разговорамъ.

Жозефъ и молодой Карна сидѣли на противоположныхъ концахъ стола, угощая волынщиковъ. У нихъ было больше шуму, нежели веселья. Они пѣли и кричали, чтобъ избѣжать разговоровъ, остерегаясь другъ друга и чувствуя, что въ душѣ каждаго кипитъ зависть и ревность.

Я замѣтилъ, что не всѣ волынщики держали сторону Карна, какъ я думалъ сначала. Мало-по-малу я убѣдился, впрочемъ, что Жозефу отъ этого нисколько не легче, потому-что тѣ, которые были противъ его соперника, были также противъ него самого: имъ хотѣлось, чтобъ мѣсто стараго Карна осталось незанятымъ и такимъ-образомъ число волынщиковъ уменьшилось. Мнѣ показалось, что такихъ было больше всего, и потому я полагалъ, что одна участь ждетъ обоихъ соперниковъ: и тотъ и другой будутъ отвергнуты.

Digitized by Google

Пиръ продолжался часа два; потомъ началось испытаніе. Никто не требовалъ, чтобъ присутствовавшіе замолчали и утихли, потому-что волынка въ комнатѣ такой инструментъ, который не стѣсняется шумомъ и заглушитъ какой угодно крикъ и гвалтъ. Около дома собралась толпа народа. Товарищи мои поднялись по стѣнѣ и усѣлись на открытое окно; я сталъ недалеко отъ нихъ. Гюріель и его отецъ остались на прежнемъ мѣстѣ. Карна, по жребію, досталось играть первому. Онъ влѣзъ на ларь и, ободряемый отцомъ, который не могъ удержаться, чтобъ не бить ему тактъ ногою, началъ игралъ на волынкѣ стариннаго устройства, объ одномъ басѣ.

Онъ игралъ очень-плохо, будучи крайне разстроенъ, и я замѣтилъ, что бо̀льшая часть волынщиковъ была этимъ до крайности довольна. По обыкновенію, они хранили молчаніе, чтобъ придать себѣ больше важности; но и другіе зрители также молчали, что̀ сбило окончательно съ толку бѣднаго парня, который надѣялся встрѣтить хоть какое-нибудь ободреніе; отецъ его началъ суетиться въ великой досадѣ, обнаруживая тѣмъ свой злой и мстительный нравъ.

Когда пришла очередь Жозефа, онъ вырвался изъ объятій матери, которая все время шопотомъ умоляла его отказаться отъ своего намѣренія. Онъ влѣзъ на ларь, ловко держа огромную бурбоннезскую волынку, всѣхъ ослѣпившую блескомъ серебряныхъ украшеній, зеркалами длиною басовъ. Жозефъ смотрѣлъ гордо и какъ-будто съ презрѣніемъ на людей, собравшихся его послушать. Всѣ замѣтили, какъ похорошѣлъ онъ, и молодыя дѣвушки наши спрашивали себя: тотъ ли это Жозе-зѣвака, который былъ такимъ слабымъ и хилымъ и котораго всѣ считали такимъ глупымъ? У него, впрочемъ, былъ такой спѣсивый видъ, что онъ никому не могъ понравиться; и когда комната наполнилась гуломъ его волынки, дѣвушки почувствовали скорѣй страхъ, чѣмъ удовольствіе.

Но такъ-какъ тутъ были люди, знавшіе толкъ: приходскіе пѣвчіе, потомъ еще *канапельщики*, которые, какъ извѣстно, великіе знатоки въ пѣсняхъ, наконецъ, нѣсколько старухъ, сохранившихъ память о быломъ времени, когда все было лучше и краше, то Жозефа тотчасъ же оцѣнили, какъ за то, что онъ гудѣлъ не уставая, не надсаживаясь и бралъ вѣрно, такъ-какъ и за тотъ вкусъ, который онъ обнаружилъ, играя все новыя пѣсни красоты несравненной. Когда же Карна замѣтилъ ему, что у него волынка лучше и потому преимущество на его сторонѣ, онъ отстегнулъ ее и сталъ играть на *гобоѣ*, да такъ чудесно, что всѣ еще больше оцѣнили удивительную красоту его музыки. Наконецъ, онъ взялъ волынку своего противника и такъ искусно ее нала-

Digitized by Google

дилъ, что она заиграла у него довольно-пріятно, какъ-будто совсѣмъ другая.

Судьи слушали молча, не обнаруживая своего мнѣнія; но остальные, всѣ, сколько ихъ тутъ было, застучали ногами отъ радости, начали кричать во все горло и порѣшили, что ничего такого прекраснаго не было въ нашей странѣ; а бабушка Бланъ изъ Бреля, старуха лѣтъ восьмидесяти-четырехъ, женщина добрая и вовсе неглухая и незаика, подойдя къ волынщикамъ и ударивъ клюкой по столу, за которымъ они сидѣли, сказала имъ съ откровенностью, дозволительной въ такомъ престарѣломъ возрастѣ:

— Ну что вы рожи-то корчите и качаете головою, когда никто изъ васъ и въ подметки не годится этому парню; о немъ черезъ двѣсти лѣтъ будутъ говорить, а ваши имена будутъ забыты прежде, чѣмъ вы сгніете въ сырой землѣ.

Потомъ она вышла, говоря (и всѣ были согласны съ ея словами), что если волынщики не примутъ Жозефа въ цехъ, то это будетъ самая вопіющая несправедливость.

Когда настала минута совѣщанія, волынщики пошли наверхъ въ свѣтелку; я побѣжалъ отворить имъ дверь нарочно длятого, чтобъ постоять на лѣстницѣ и подсмотрѣть, что̀ они тамъ будутъ дѣлать. Гюріель и его отецъ подошли къ дверямъ послѣдніе; старикъ Карна узналъ Гюріеля; онъ видѣлъ его у насъ на праздникѣ, въ ивановъ-день и спросилъ: чего они хотятъ и по какому праву явились на совѣщаніе?

— По такому же, какъ вы, отвѣчалъ старикъ Бастіенъ: — а если вы не вѣрите, то предложите намъ условные вопросы, или испытайте въ какой угодно музыкѣ.

Ихъ впустили и затворили за ними дверь. Я сталъ прислушиваться, но волынщики говорили такъ тихо, что я могъ убѣдиться только въ томъ, что они признали права старика и его сына и стали совѣщаться, безъ шуму и спора.

Сквозь щелку въ дверяхъ я видѣлъ, какъ они раздѣлились на кружки, по три и по четыре человѣка, и разсуждали шопотомъ, не приступая къ отбору голосовъ; потомъ, когда настала минута подавать голоса, одинъ изъ нихъ пошелъ посмотрѣть, не подслушиваетъ ли кто-нибудь: я долженъ былъ спрятаться и поскорѣй сойдти внизъ, боясь, чтобъ меня не засталъ онъ у дверей.

Когда я сошелъ внизъ, товарищи мои и множество другихъ знакомыхъ сидѣли за столомъ, поздравляя и угощая Жозефа. Молодой Карна, одинокій и печальный, забился въ уголъ, забытый всѣми и униженный крайности. Старый кармелитъ былъ тутъ же; онъ стоялъ у печки,

Digitized by Google

разспрашивая хозяина о томъ, что̀ у него дѣлается въ трактирѣ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ подошелъ къ самому большому столу, за которымъ сидѣлъ Жозефъ, окруженный любопытными, разспрашивавшими его о той странѣ, гдѣ онъ набрался такихъ талантовъ.

— Другъ Жозефъ, сказалъ онъ: — мы, кажется, съ тобой старые знакомые: позволь же мнѣ поздравить тебя съ побѣдой и замѣтить, что долгъ великодушія и благоразумія предписываетъ намъ утѣшать побѣжденныхъ и что, на твоемъ мѣстѣ, я постарался бы подружиться съ молодымъ Карна, который сидитъ вонъ тамъ, одинъ, бѣдняжка, повѣся голову.

Кармелитъ говорилъ такъ тихо, что только Жозефъ и сидѣвшіе возлѣ него могли разслышать его слова. Я думаю, онъ вмѣшался въ это дѣло не только по добротѣ сердечной, но и по просьбѣ матери Жозефа, которой хотѣлось, чтобъ сынъ ея помирился съ своими врагами.

Слова странника польстили самолюбію Жозефа.

— Правда ваша, сказалъ онъ.

И, возвысивъ голосъ, прибавилъ:

— Ну, Франсуа, полно сердиться на друзей! Я увѣренъ, что ты можешь съиграть гораздо-лучше, чѣмъ игралъ сегодня. Что жь дѣлать! въ другой разъ поправишься; да притомъ, вѣдь, приговоръ не произнесенъ еще. Вмѣсто того, чтобъ дуться на насъ, поди-ка лучше сюда, выпей съ нами и давай жить дружно, какъ два быка, запряженные въ одну телегу.

Всѣ одобрили Жозефа. Франсуа, боясь показаться слишкомъ ужь ревнивымъ, принялъ его предложеніе и сѣлъ недалеко отъ него. Все шло покуда прекрасно. Къ-несчастью, Жозефъ не могъ удержаться и тотчасъ же обнаружилъ, что онъ ставитъ себя выше всѣхъ другихъ и, отпуская своему сопернику разныя любезности, обходился съ нимъ съ видомъ покровительства и тѣмъ, разумѣется, еще больше оскорбилъ его.

— Ты говоришь такъ, какъ-будто получилъ ужь званіе *мастера*, сказалъ Карна: — а между-тѣмъ, ты еще ничего не получилъ. Люди, знающіе толкъ въ дѣлѣ, не всегда отдаютъ преимущество тѣмъ, у кого пальцы проворны, а умъ прытокъ на изобрѣтенія. Часто они отдаютъ предпочтеніе тому, кто имъ больше извѣстенъ, пользуется бо̀льшимъ уваженіемъ и, слѣдовательно, обѣщаетъ быть добрымъ товарищемъ.

— О! я въ этомъ ни мало не сомнѣваюсь! отвѣчалъ Жозефъ. — Я долго былъ въ отсутствіи, и хотя считаю себя столько же достойнымъ уваженія, какъ и всякой другой, а почти увѣренъ, что они будутъ ссылаться на эту глупую причину — на то, что я мало извѣстенъ.

Digitized by Google

Ну да это мнѣ все-равно, Франсуа! Я вовсе не надѣялся найдти здѣсь собранія настоящихъ музыкантовъ, способныхъ судить обо мнѣ; я зналъ, что у васъ никогда не найдется столько любви къ истинному знанію, чтобъ предпочесть талантъ разнымъ выгодамъ и разсчетамъ. Я желалъ только, чтобъ люди справедливые, съ ушами здоровыми, послушали и оцѣнили меня въ присутствіи матушки и друзей моихъ. А теперь я смотрѣть не хочу на вашихъ злосчастныхъ волынщиковъ и на всю ихъ жалкую музыку! Мнѣ кажется, что я былъ бы даже радъ, еслибъ они мнѣ отказали.

Странникъ кротко замѣтилъ Жозефу, что онъ говоритъ не такъ, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку.

— Гордость отнимаетъ цѣну у всякаго достоинства, сказалъ онъ.

— Пусть его гордится! возразилъ Карна: — я на него за это не сержусь. Послѣ такихъ неудачъ ему нужно же хоть чѣмъ-нибудь себя утѣшить; вѣдь о немъ ужь можно истинно сказать: отличный игрокъ, а проигрался въ-пухъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ Жозефъ, поставивъ стаканъ на столъ и смотря прямо въ глаза своему противнику.

— Что̀ тутъ толковать, отвѣчалъ Франсуа. — Здѣсь всѣмъ это извѣстно.

— Мнѣ по-крайней-мѣрѣ неизвѣстно; а такъ-какъ ты говоришь со мной, то я надѣюсь, что ты не побоишься объясниться.

— О, нисколько! я могу прямо въ лицо тебѣ сказать то, что̀ не можетъ оскорбить тебя; вѣдь ты такъ же мало виноватъ въ томъ, что несчастливъ въ любви, какъ я въ томъ, что плохо игралъ сегодня вечеромъ.

— Полно, перестаньте! сказалъ одинъ изъ находившихся тутъ парней: — оставьте въ покоѣ *Жозету*. Она нашла себѣ мужа и никому больше до нея нѣтъ дѣла.

— А по-моему, замѣтилъ другой: — тутъ не Жозефъ остался съ носомъ, а тотъ, кто принимаетъ себѣ на шею его грѣхи.

— О комъ вы говорите? вскричалъ Жозефъ: — кого вы называете Жозетой? и къ чему ведутъ всѣ эти злыя насмѣшки на мой счетъ?

— Замолчите, безстыдники! сказала Маритонъ, покраснѣвъ и дрожа отъ гнѣва и огорченія, какъ это всегда бывало, когда при ней обвиняли Брюлету. — Я бы желала, чтобъ у васъ вырвали ваши проклятые языки и повѣсили ихъ на поруганье.

— Говорите тише, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей: — вѣдь вы знаете, что Маритонъ слышать не можетъ, когда дурно говорятъ о миломъ дружкѣ ея, Жозѐ. Красавицы всегда поддерживаютъ другъ-

Digitized by Google

друга, а она еще не такъ стара, чтобъ отказаться отъ всякихъ видовъ на этотъ счетъ.

Жозефъ силился понять въ чемъ его обвиняютъ и съ какой стати надъ нимъ смѣются.

— Да объясни мнѣ хоть ты это, сказалъ онъ, дергая меня за руку: — не оставляй меня безъ защиты и безъ отвѣта.

Я хотѣлъ было вмѣшаться въ разговоръ, хотя далъ себѣ слово не ввязываться въ споръ, если тутъ не будетъ лѣсника, или его сына, но Карна перебилъ меня.

— Э, Боже мой! сказалъ онъ, оскаливъ зубы: — Тьенне скажетъ тебѣ небольше моего.

— Такъ вотъ ты на что̀ намекаешь! вскричалъ Жозефъ. — Послѣ этого я могу дать клятву, что ты безсовѣстный лгунъ и что ты написалъ и подписалъ ложное свидѣтельство. Никогда...

— Ладно, ладно! продолжалъ Карна: — ты могъ извлечь пользу изъ моего письма; и если справедливо то, что это твой ребенокъ, то ты распорядился недурно, передавъ его во владѣніе своему другу. Другъ этотъ преданъ тебѣ душою и теперь поддерживаетъ тебя тамъ, наверху, на совѣщаніи. А если, какъ я полагаю, ты пришелъ сюда затѣмъ, чтобъ предъявить свои права и тебѣ отказали, какъ это можно заключить изъ того забавнаго зрѣлища, которое происходило въ Шассенскомъ Замкѣ, и которое нѣкоторые люди видѣли издали...

— Какое зрѣлище? спросилъ странникъ. — Объяснись, молодой человѣкъ: я тутъ былъ, можетъ-быть, свидѣтелемъ и хочу знать, какое заключеніе ты вывелъ изъ этого происшествія?

— Извольте, отвѣчалъ Карна. — Я разскажу вамъ то, что̀ видѣлъ своими собственными глазами; словъ я не слыхалъ и потому предоставляю вамъ самимъ выводить заключенія... Вотъ изволите видѣть, господа-честные: въ послѣдній день прошедшаго мѣсяца Жозефъ всталъ чуть-свѣтъ и понесъ Брюлетѣ букетъ; у дверей красавицы встрѣтилъ онъ мальчишку, лѣтъ двухъ; мальчишка этотъ, безъ-сомнѣнія, его сынъ; родитель, вѣроятно, предъявилъ на него свои права, потому-что схватилъ его и хотѣлъ унести съ собою. Завязался споръ, который кончился тѣмъ, что другъ Жозефа, бурбоннезскій *лѣсникъ*, который теперь наверху съ своимъ отцомъ и за котораго Брюлета выходитъ замужъ въ будущее воскресенье, поколотилъ его порядкомъ и поцаловалъ мать и ребенка. Потомъ Жозѐ-зѣваку вытолкали потихоньку за дверь, послѣ чего онъ, со стыда и досады, больше ужь къ нимъ не возвращался. Вотъ какой удивительный случай привелось мнѣ видѣть! Объясняйте его себѣ какъ хотите, а я знаю навѣрное, что у

Digitized by Google

ребенка этого два отца, которые ссорятся изъ-за него и одна мать, которая, вмѣсто того, чтобъ выйдти замужъ за перваго отца, выгнала его вонъ, какъ недостойнаго или неспособнаго воспитать ребенка.

Кармелитъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на это обвиненіе, какъ обѣщался, возвратился къ печкѣ и началъ говорить о чемъ-то съ Бенуа тихо, но съ великимъ одушевленіемъ. Жозефъ, видя, что происшествіе, котораго онъ и самъ не могъ понять хорошенько, перетолковано такимъ безсовѣстнымъ образомъ, потерялся и посматривалъ по сторонамъ, надѣясь въ комъ-нибудь найдти помощь. Мать его во время этого разговора выбѣжала изъ комнаты какъ сумасшедшая, такъ-что изъ всѣхъ присутствовавшихъ одинъ я могъ бы уличить Карна. Разсказъ его поразилъ всѣхъ удивленіемъ и никто не думалъ защищать Брюлету, противъ которой попрежнему всѣ были сильно вооружены. Я было хотѣлъ заступиться за нея, но Карна перебилъ меня на первомъ словѣ:

— О! что касается до тебя, братецъ, сказалъ онъ: — то тебя никто не обвиняетъ; очень можетъ быть, что ты и въ-самомъ-дѣлѣ ничего не зналъ, хотя и извѣстно, что ты также покушался надуть добрыхъ людей: вѣдь это ты принесъ ребенка-то изъ Бурбонне, гдѣ онъ росъ и воспитывался. Но ты такъ простъ, дружище, что, можетъ-быть, повѣрилъ имъ на слово. Вотъ дурачина-то! продолжалъ онъ, обращаясь къ собранью и показывая на меня! Онъ ходилъ въ Бурбонне повидаться съ крестникомъ и его убѣдили, что крестникъ этотъ вышелъ изъ кочна капусты! Вѣроятно, также, онъ принесъ сюда ребенка въ мѣшкѣ, думая про-себя: вотъ прійдетъ вечеръ и мы зажаримъ этого козленка; наконецъ, онъ такой добрякъ, что Брюлета могла бы убѣдить его, еслибъ захотѣла, что мальчишка похожъ на него — и онъ былъ бы совершенно этимъ доволенъ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Я разсердился, началъ кричать, спорить, но все было напрасно: меня не слушали и на мои увѣренія и доказательства отвѣчали смѣхомъ. Вдругъ, среди шума и брани, раздался громкій голосъ, измѣнившійся нѣсколько отъ болѣзни, но все еще способный заглушить крикливые голоса разшумѣвшихся посѣтителей. Бенуа, давно привыкшій укрощать бури и волненія, вздымаемыя виномъ и пирами, обратился къ своимъ гостямъ съ слѣдующею рѣчью:

— Удержите ваши языки, сказалъ онъ: — и выслушайте меня, а не то я выгоню васъ вонъ отсюда, хотя бы мнѣ пришлось потомъ на-

Digitized by Google

всегда закрыть мое заведеніе. Перестаньте злословить честную дѣвушку, которую вы черните потому только, что она вела себя слишкомъ-благоразумно. Вы хотите знать родителей ребенка, послужившаго поводомъ къ такимъ толкамъ: они передъ вами... Можете высказать имъ прямо въ глаза то, что̀ накопилось у васъ на душѣ. Да̀!. продолжалъ онъ, привлекая къ себѣ Маритонъ, которая плакала, держа въ рукахъ ребенка: — вотъ мать моего наслѣдника, а вотъ мой наслѣдникъ, сынъ достойной женщины, съ которой я сочетался бракомъ. Если вы спросите меня когда именно, то я отвѣчу, что вамъ до этого дѣла нѣтъ; но тому, кто станетъ спрашивать меня съ доброй цѣлью, я могу показать документы, изъ которыхъ онъ увидитъ, что я всегда признавалъ Шарло своимъ сыномъ и что, прежде чѣмъ онъ родился, мать его была ужь моей законной женой; но мы должны были скрывать это.

Когда онъ кончилъ, въ комнатѣ воцарилась великая тишина отъ удивленія. Жозефъ, вскочившій при первыхъ словахъ, стоялъ недвижно, какъ истуканъ. Видя на его лицѣ сомнѣніе, стыдъ и гнѣвъ, кармелитъ счелъ за нужное прибавить къ этому еще нѣсколько объясненій. Онъ объявилъ намъ, что Бенуа долженъ былъ скрыть свою женитьбу потому, что этому противился родственникъ, которому онъ наслѣдуетъ и который далъ ему денегъ взаймы для оборотовъ; онъ могъ потребовать ихъ назадъ и разорить его въ-конецъ. А такъ-какъ, съ другой стороны, Маритонъ, боялась навлечь на себя злословіе и оскорбить Жозефа, то она скрыла рожденіе Шарло и отдала его къ кормилицѣ въ Сент-Северъ; а годъ спустя послѣ этого, замѣтивъ, что ребенка прескверно воспитываютъ, убѣдила Брюлету взять его къ себѣ, будучи увѣрена, что никто не станетъ заботиться о немъ такъ, какъ она; она не думала, что это можетъ повредить честной дѣвушкѣ; и когда увидѣла бѣду, хотѣла-было взять отъ нея ребенка, но болѣзнь мужа помѣшала ей, да и сама Брюлета такъ привязалась къ малюткѣ, что не хотѣла съ нимъ разстаться.

— О, да̀! сказала Маритонъ съ живостью: — она, моя голубушка, доказала мнѣ свою дружбу: «Тебѣ и безъ того будетъ много хлопотъ, говорила она, если ты потеряешь мужа и если его родственники не признаютъ тебя. Онъ такъ боленъ, что не переживетъ заботъ и безпокойствъ, которыя тотчасъ же явятся, какъ только вы объявите о вашей женитьбѣ. Потерпи же лучше маленько и не убивай его дѣловыми заботами: все устроится по вашему желанію, когда онъ, при помощи Божіей, выздоровѣетъ.»

— И я обязанъ своимъ выздоровленіемъ, прибавилъ Бенуа: — единственно попеченіямъ этой достойной женщины — жены моей и душевной

Digitized by Google

добротѣ дѣвушки, о которой теперь идетъ рѣчь; она терпѣливо сносила клеветы и оскорбленія, чтобъ не измѣнить нашей тайнѣ и не разорить меня. Но вотъ еще вѣрный и примѣрный другъ, продолжалъ онъ, указывая на странника: — человѣкъ умный, расторопный и прямодушный. Мы были съ нимъ товарищами въ то время, когда я учился въ Монлюсонѣ. Онъ отправился къ упрямому старикашкѣ, моему дядѣ, и наконецъ, не далѣе какъ сегодня утромъ, убѣдилъ его позволить мнѣ жениться на моей доброй хозяюшкѣ. И когда дядя обѣщалъ не требовать у меня назадъ денегъ и не лишать наслѣдства, ему объявили, что дѣло ужь сдѣлано и представили Шарло; старикъ нашелъ, что онъ славный мальчикъ и, какъ двѣ капли, похожъ на своего отца.

Видя, что Бенуа доволенъ и веселъ, всѣ развеселились и тутъ только замѣтили сходство, на которое никто, не исключая и меня, до-тѣхъ-поръ не обращалъ вниманія.

— Такимъ-образомъ, Жозефъ, продолжалъ трактирщикъ: — ты долженъ любить и уважать свою мать, какъ я ее люблю и уважаю. Дѣла наши, слава Богу, теперь устроены, и такъ-какъ я поклялся передъ Богомъ и передъ нею, замѣнить тебѣ твоего покойнаго отца, если ты согласишься остаться съ нами, то сдѣлаю тебя участникомъ въ своей торговлѣ и, будь увѣренъ, что ты не останешься въ накладѣ. Слѣдовательно, тебѣ нѣтъ надобности вступать въ цехъ волынщиковъ, тѣмъ-болѣе, что твоя мать находитъ это неудобнымъ для тебя и безпокойнымъ для нея. Ты хотѣлъ обезпечить ея судьбу; теперь это мое дѣло, да, сверхъ-того, я предлагаю тебѣ устроить еще и твою собственную участь... Послушай же насъ, наконецъ, и откажись отъ этой проклятой музыки! Останься съ родными, поживи на родинѣ... Или ты, можетъ-быть, стыдишься, что твой вотчимъ честный трактирщикъ?

— Что вы мой вотчимъ — я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Жозефъ, не обнаруживая ни радости, ни печали, но съ видимой холодностью: — что ты человѣкъ честный — я это знаю, и притомъ богатый — я это вижу; и если матушка будетъ счастлива съ вами...

— О, счастлива, Жозефъ! счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, и въ-особенности сегодня! сказала Маритонъ, обнимая сына: — потому-что надѣюсь, что ты никогда больше насъ не оставишь.

— Матушка, отвѣчалъ Жозефъ: — я вамъ больше не нуженъ: вы счастливы. Все идетъ прекрасно. Вы однѣ только и удерживали меня здѣсь. Теперь мнѣ остается только любить васъ, потому-что Брюлета — и для нея необходимо, чтобъ всѣ здѣсь присутствующіе слышали это отъ меня — никогда не чувствовала ко мнѣ ничего, кромѣ

Digitized by Google

родственной привязанности. Теперь я свободенъ и могу послѣдовать своей судьбѣ, судьбѣ незавидной, но неизмѣнной — судьбѣ, которая для меня дороже всѣхъ денегъ на свѣтѣ и всѣхъ удобствъ въ жизни. Прощайте же, матушка! Да вознаградитъ Господь Богъ того, кто доставитъ вамъ счастіе, а мнѣ ничего больше не нужно: ни почетнаго мѣста на родинѣ, ни свидѣтельства на званіе *мастера*, присуждаемаго невѣждами, ненавистниками моими. У меня есть волынка и мысли завѣтныя, которыя послѣдуютъ за мной всюду и вездѣ доставятъ мнѣ кусокъ насущнаго хлѣба, потому-что, я знаю, куда бы ни пришелъ я, мнѣ стоитъ только заиграть — и меня всѣ узнаютъ!

Въ то время, какъ Жозефъ говорилъ, дверь на лѣстницу отворилась и все собраніе волынщиковъ молча вошло въ комнату. Старикъ Карна попросилъ замолчать компанію и съ веселымъ и рѣшительнымъ видомъ, который до крайности удивилъ всѣхъ, сказалъ:

— Франсуа Карна, сынъ мой! Испытавъ ваши таланты и разсмотрѣвъ ваши права; собраніе волынщиковъ признаетъ васъ еще малосвѣдущимъ для полученія званія мастера и совѣтуетъ вамъ, не унывая, поучиться еще, чтобъ современемъ снова явиться на испытаніе, которое, можетъ-быть, будетъ для васъ благопріятнѣе. А васъ, Жозефъ Пико, отъ деревни Ноанъ, совѣтъ волынщиковъ-мастеровъ здѣшняго округа, за ваши несравненные таланты, единодушно и единогласно признаетъ волынщикомъ-мастеромъ перваго класса.

— Ну, если такъ, сказалъ Жозефъ, оставаясь, повидимому, равнодушнымъ къ своему торжеству и одобренію зрителей:—то я принимаю, хотя, признаюсь, вовсе не ожидалъ отъ васъ такого рѣшенія, да и не слишкомъ-то дорожу имъ.

Гордость Жозефа никому не понравилась.

— Вамъ, кажется, угодно, Жозефъ, поспѣшилъ прибавить Карна, съ видомъ коварства, которое не укрылось отъ моего взгляда: — ограничиться почетнымъ званіемъ? Вы, вѣроятно, не хотите вступить въ число здѣшнихъ волынщиковъ?

— Я еще и самъ не знаю, отвѣчалъ Жозефъ, очевидно, наперекоръ, чтобъ не вдругъ угодить своимъ врагамъ: — я подумаю объ этомъ.

— А я полагаю, сказалъ молодой Карна: — что онъ давно ужъ все обдумалъ и боится дальнѣйшихъ послѣдствій.

— Боюсь? повторилъ Жозефъ съ жалостью: — да чего же тутъ бояться, позвольте васъ спросить?

Тогда старшина волынщиковъ, старикъ Пальйу, изъ Вернёля, сказалъ Жозефу:

Digitized by Google

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, молодой человѣкъ, что еще недостаточно умѣть играть на волынкѣ для того, чтобъ вступить въ наше общество; у насъ есть свои правила, которыя должны быть вамъ извѣстны; мы вамъ предложимъ на этотъ счетъ вопросы, на которые вы должны отвѣчать, если съумѣете и посмѣете. Сверхъ-того, у насъ есть своего рода условія и обязательства. Если вы согласны, то объявите намъ свое рѣшеніе черезъ часъ, а къ завтрашнему утру все должно быть кончено.

— Я понимаю васъ, отвѣчалъ Жозефъ: — дѣло идетъ о странныхъ условіяхъ и испытаніяхъ. Все это величайшая глупость, сколько я могу судить, и о музыкѣ тутъ и рѣчи нѣтъ, потому-что, я увѣренъ, никто изъ васъ не отвѣтилъ бы мнѣ ни на одинъ вопросъ, еслибъ я сталъ спрашивать васъ. Слѣдовательно, всѣ вопросы, которые вы станете мнѣ предлагать, будутъ касаться предметовъ, извѣстныхъ вамъ столько же, сколько лягушкамъ въ прудѣ. Все это вздоръ, бабьи сказки — ни больше, ни меньше!

— Если вы такъ думаете, сказалъ волынщикъ Рене: — то мы не смѣемъ съ вами спорить; пусть будете вы великимъ ученымъ, а мы останемся ослами. Оставайтесь при своихъ тайнахъ, а мы останемся при своихъ. Намъ нѣтъ надобности высказывать ихъ людямъ, которые ихъ презираютъ. Только помните вотъ что: вотъ вамъ свидѣтельство на званіе волынщика-мастера; оно составлено надлежащимъ образомъ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать вотъ они, ваши друзья, бурбоннезскіе волынщики, вмѣстѣ съ нами составлявшіе и подписавшіе его. Вы можете идти показывать ваши таланты куда вамъ угодно и сколько вамъ угодно; но вамъ запрещается играть на всемъ протяженіи приходовъ, составляющихъ нашу принадлежность; они раздѣлены между нами и простираются числомъ до ста-пятидесяти; вамъ будетъ дана бумага, гдѣ обозначены имена этихъ приходовъ. Если же вы нарушите запрещеніе, то мы долгомъ считаемъ предупредить васъ: вы будете изгнаны насильно.

— Вамъ нѣтъ надобности грозить ему, сказала Маритонъ: — предоставьте ему играть на волынкѣ сколько онъ хочетъ, безъ всякой прибыли. Благодаря Бога, она не нужна ему; притомъ же, ремесло волынщика ему не по силамъ: у него слишкомъ-слаба грудь... Ну, Жозефъ, поблагодари же ихъ за ту честь, которую они тебѣ сдѣлали, и не серди ихъ, предоставь имъ барыши. Покончите поскорѣй это дѣло и тогда мой мужъ поставитъ вамъ на угощеніе четверть бочки вина, иссудунскаго, или сансеррскаго, какого хотите.

— Пожалуй, отвѣчалъ старикъ Карна: — мы готовы на это со-

гласиться тѣмъ болѣе, что и для вашего сына это будетъ гораздо-лучше. Чтобъ выдержать испытаніе, нужно быть недуракомъ и нетрусомъ, а бѣдный мальчикъ, кажется, не слишкомъ боекъ.

— А вотъ мы это увидимъ! сказалъ Жозефъ, попадая въ ловушку, несмотря на то, что старикъ Бастіенъ шопотомъ предостерегалъ его. — Я требую, чтобъ меня подвергли испытаніямъ; и такъ-какъ вы не можете отказать мнѣ въ этомъ послѣ того, какъ вы дали свидѣтельство, то я буду заниматься ремесломъ, если мнѣ это вздумается, или, по-крайней-мѣрѣ, докажу вамъ, что никто изъ васъ не въ-состояніи мнѣ этого запретить.

— Согласны! сказалъ старшина, причемъ онъ, старикъ Карно и многіе другіе обнаружили злобную радость: — мы пойдемъ приготовляться къ вашему пріему, другъ Жозефъ. Вѣдь теперь ужь вамъ нельзя отступить назадъ; и если вы откажетесь отъ своего намѣренія, то прослывете хвастунишкой и мокрой курицей.

— Ступайте, ступайте! сказалъ Жозефъ: — я буду ждать васъ съ нетерпѣньемъ.

— Напротивъ-того, мы будемъ ждать васъ въ полночь, сказалъ ему Карна на-ухо.

— Гдѣ? спросилъ Жозефъ съ увѣренностью.

— У воротъ кладбища, отвѣчалъ старшина шопотомъ.

Они отказались отъ угощенія, не хотѣли слушать словъ и убѣжденій матери Жозефа и ушли всѣ вмѣстѣ, грозя бѣдой тому, кто послѣдуетъ за ними и станетъ разузнавать ихъ тайны.

Лѣсникъ и Гюріель пошли за ними, не сказавъ ни слова Жозефу, изъ чего я заключилъ, что они, возставая противъ козней, которыя волынщики готовили Жозефу, долгомъ считали не предупреждать его и ни въ чемъ не измѣнять своимъ обычаямъ.

Несмотря на угрозы, я послѣдовалъ за волынщиками издали, безъ всякихъ особенныхъ предосторожностей: я пошелъ по одной дорогѣ съ ними, заложивъ руки въ карманъ и посвистывая, какъ человѣкъ, которому до другихъ дѣла нѣтъ. Я зналъ, что они не подпустятъ меня къ себѣ слишкомъ близко и хотѣлъ только узнать, въ какую сторону они пойдутъ, чтобъ найдти потомъ средство подкрасться къ нимъ незамѣтно.

Съ этой цѣлью я мигнулъ Леонарду, чтобъ онъ удержалъ своихъ товарищей въ трактирѣ и подождалъ моего возвращенія. Преслѣдованія мои продолжались недолго. Трактиръ выходилъ на улицу, которая спускается къ рѣкѣ, гдѣ теперь проходитъ почтовая иссудунская дорога. Въ то время улица эта составляла глухой переулокъ, узенькій и прескверно-вымощенный; по обѣимъ сторонамъ тянулись домы, старые-

Digitized by Google

престарые, съ остроконечными башенками и каменными воротами. Последній изъ этихъ домовъ сломанъ въ прошломъ году. Отъ рѣчки, протекавшей около самой стѣны трактира *Увѣнчаннаго Быка*, дорога вела прямо, какъ стрѣла, въ широкую и длинную улицу, изрытую и обсаженную деревьями; но лѣвую сторону тянулись старинные домы, а по правую глубокій ровъ, въ то время наполненный водою, и высокая стѣна зàмка. На концѣ улицы церковь и два переулочка, изъ которыхъ одинъ ведетъ къ приходскому дому, а другой тянется вдоль кладбища. Волынщики повернули къ кладбищу. Они шли впереди меня шаговъ на сто, и могли успѣть пройдти переулокъ, подойдти къ башнѣ *Англичанъ* и черезъ калитку выйдти въ поле. Остановиться въ переулкѣ имъ нельзя было, потому-что дорога, сжатая съ правой стороны рвомъ, а съ лѣвой валомъ и деревьями, окружающими кладбище, была такъ тѣсна, что двое не могли пройдти рядомъ.

Полагая, что они прошли ужь черезъ калитку, я обошелъ уголъ зàмка подъ сводомъ, поддерживавшимъ галерею, по которой господа, владѣтели зàмка, проходили въ приходскую церковь, и очутился одинъ въ переулкѣ, куда, послѣ захода солнца, ни одинъ человѣкъ не смѣлъ носа показать, какъ потому, что тутъ было кладбище, такъ и потому, что сѣверная часть зàмка пользовалась самой дурной славой. Разсказывали, что, во время войны съ Англичанами, во рву этомъ потоплена гибель народа, а нѣкоторые даже увѣряли, что слышали тамъ свистъ крокодила во время эпидеміи.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что крокодилъ не что иное, какъ особенный родъ ящерицы, которая иногда показывается въ маломъ видѣ, величиной вотъ небольше моего мизинца, а иногда падувается всѣмъ тѣломъ и становится величиной съ быка, аршинъ въ пять или шесть длиною. Мнѣ не случалось видѣть этого звѣря и я не могу даже поручиться, чтобъ онъ точно существовалъ на свѣтѣ; но говорятъ, что онъ изрыгаетъ ядъ, отравляющій воздухъ и причиняющій заразу.

Я несовсѣмъ этому вѣрилъ, но, признаюсь, не чувствовалъ особенной охоты оставаться въ тѣсномъ переулкѣ, гдѣ, за высокой стѣной зàмка и густыми деревьями кладбища, свѣта Божьяго не было видно. Я ускорилъ шаги, не смотрѣлъ по сторонамъ и вышелъ въ ворота *Англичанъ;* отъ которыхъ теперь и слѣда не осталось.

Но тутъ, несмотря на то, что ночь была тихая и лунная, я не могъ открыть ни подлѣ, ни вдали, ни малѣйшихъ слѣдовъ людей, за которыми шелъ.

Ну, проклятая шайка, вѣрно, забралась на кладбищѣ, гдѣ, чай, теперь занимается какими-нибудь суевѣрными заклинаніями, подумалъ я, и

Digitized by Google

вовсе не желая быть свидѣтелемъ этихъ заклинаній, но, будучи готовъ на все для родныхъ Теренціи, вернулся назадъ, прошелъ ворота и пошелъ по проклятой дорогѣ *Англичанъ*, прислушиваясь къ малѣйшему шуму и ступая тихонько около самаго вала, мимо могилъ, которыя только-что не задѣвали за меня.

Я слышалъ, какъ плакала сова на башнѣ и какъ свистѣли ужи въ черной водѣ канавы, но и только. Мертвые спали въ землѣ такъ же тихо и спокойно, какъ живые люди на постеляхъ. У меня достало духу влѣзть на валъ и взглянуть на мѣсто успокоенія: тамъ все было въ порядкѣ, но моихъ волынщиковъ нѣтъ-какъ-нѣтъ: точно какъ-будто они тутъ никогда не проходили.

Я обошелъ зàмокъ. Кругомъ все было заперто: и господа и слуги спали какъ убитые, потому-что тогда было ужь, я думаю, часовъ около десяти.

Я возвратился въ трактиръ *Увѣнчаннаго Быка*, не постигая, куда могли дѣваться волынщики, и рѣшился спрятаться съ товарищами въ переулокъ *Англичанъ*, откуда легко было видѣть, чтò будетъ съ Жозефомъ, когда онъ явится въ назначенный часъ къ дверямъ кладбища.

Я нашелъ товарищей на мосту. Они собирались разойдтись по домамъ, полагая, что Гюріелямъ нѣчего опасаться послѣ того, какъ они такъ дружелюбно поладили съ волынщиками на совѣщаніи. Что же касается до Жозефа, то они ни мало не заботились о немъ, да и меня уговаривали не принимать въ немъ участія. Я отвѣчалъ имъ, что, по моему мнѣнію, вся опасность-то заключается въ самыхъ испытаніяхъ, и что она угрожаетъ всѣмъ троимъ, потому-что злые умыслы волынщиковъ очевидны, и что Гюріели непремѣнно станутъ помогать Жозефу, судя по тому, чтò было утромъ

— А вы ужь и на попятный дворъ? сказалъ я имъ въ заключеніе. — Ужь не потому ли это, что насъ только восьмеро противъ шестьнадцати.

— Ты не такъ разсчитываешь, сказалъ Леонардъ. — не-ужь-то ты думаешь, что старикъ Бастіенъ и его сынъ станутъ драться противъ своихъ собратій?

— Дѣйствительно, я не такъ разсчиталъ, отвѣчалъ я: — насъ девять человѣкъ. Жозефъ не дастъ себя задушить, когда ему слишкомъ крѣпко наступятъ на горло; а оба Гюріеля взяли съ собою оружіе, ужь вѣроятно длятого, чтобъ защитить Жозефа силой, если ихъ не послушаютъ добровольно.

— Не въ томъ дѣло, возразилъ Леонардъ: — если бы насъ было только шестеро, а ихъ двадцать человѣкъ, то мы и тогда бы пошли;

Digitized by Google

но тутъ, кромѣ драки, есть еще другая штука, которая намъ вовсе не по-сердцу. Въ трактирѣ сейчасъ объ этомъ шелъ разговоръ: каждый разсказывалъ, что̀ видѣлъ или слышалъ; кармелитъ началъ осуждать ихъ обычаи, какъ дѣло нечестивое и гнусное, а Маритонъ такъ перепугалась, что навела страхъ на всѣхъ. Жозефъ, правда, слушалъ да смѣялся, но вѣдь, какъ знаешь? можетъ-быть, это и правда...

— Признайтесь-ка лучше прямо, сказалъ я: — что вы струсили. Ну, что жь еще тамъ говорили? разсказывайте ужь все разомъ, чтобъ можно было посмѣяться или предостеречься.

— Да то̀, сказалъ другой парень, видя, что Леонардъ стыдится во всемъ признаться: — что никто изъ насъ еще не видалъ въ лицо лѣшаго, да и не желаетъ видѣть.

— Охъ! охъ! сказалъ я, видя, что всѣмъ имъ какъ-будто бы стало легче послѣ этого признанія: — такъ вотъ вы чего боитесь! Ну, признаюсь, молодцы! есть чего бояться христіанину! Да я вамъ ручаюсь головой, что я — я одинъ возьму за гриву чудовище такъ спокойно, какъ козла за бороду. Давно ужь онъ, голубчикъ, солитъ тѣмъ, кто его боится, тогда-какъ я увѣренъ, что здоровому парню сто̀итъ только схватить его за рога, такъ у него злости-то убудетъ по-крайней-мѣрѣ на половину, а это, вѣдь, не шутка!

— Коли на то пошло, сказалъ Леонардъ, устыдясь своей боязни: — такъ и я ему не уступлю; и если ты сломаешь ему рога, такъ я попробую выдернуть у него хвостъ. Говорятъ, онъ у него больно-хорошъ; вотъ мы и посмотримъ, изъ чего онъ: изъ золота или изъ пакли.

Лучшее средство противъ страха — насмѣшка. Признаюсь вамъ откровенно, говоря такимъ образомъ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія помѣриться силами съ *Жоржономъ* — такъ называютъ у насъ лѣшаго. Я такъ же точно боялся, какъ и другіе, но для Теренціи готовъ былъ идти куда угодно.

Товарищи наши, видя, что мы съ Леонардомъ на все готовы, рѣшились послѣдовать за нами. Для бо̀льшаго успѣха я возвратился въ трактиръ, разсчитывая найдти тамъ друзей, которые, не зная въ чемъ дѣло, пошли бы съ нами такъ, для удовольствія, и, въ случаѣ надобности, могли бы поддержать насъ. Но было ужь слишкомъ-поздно. Въ трактирѣ не было никого, кромѣ хозяина, сидѣвшаго за ужиномъ съ кармелитомъ, жены его, молившейся Богу, да Жозефа, который легъ на постель и спалъ — я долженъ это сказать — такъ спокойно, что мы устыдились своихъ опасеній.

Digitized by Google

— У меня осталась одна только надежда, сказала Маритонъ, окончивъ молитву: — можетъ-быть, онъ проспитъ назначенный часъ и проснется только завтра поутру.

— Вотъ женщины-то! возразилъ Бенуа, засмѣявшись: — по-ихнему, жить человѣку со стыдомъ — ни почемъ! Я далъ слово разбудить Жозефа въ полночь, и разбужу непремѣнно.

— Да ты не любишь его! вскричала мать. — А вотъ мы посмотримъ, пошлешь ли ты Шарло въ опасность, когда прійдетъ его очередь?

— Ты сама не знаешь, что̀ говоришь, жена, отвѣчалъ трактирщикъ. — Ступай-ка лучше спать съ моимъ сынишкой; я отвѣчаю тебѣ, что не дамъ заспаться твоему. Я не хочу, чтобъ онъ сталъ меня потомъ упрекать въ томъ, что я обезчестилъ его.

— Да притомъ, сказалъ странникъ: — какая же опасность можетъ быть въ тѣхъ дурачествахъ, которыми они, я думаю, тамъ занимаются? Повѣрьте мнѣ, что все это вамъ только грезится. Повторяю вамъ еще разъ, что эти глупые обычаи не что иное, какъ нечестивый вздоръ, дурачества, ни мало не опасныя для людей съ умомъ. Жозефу стоитъ только посмѣяться надъ чудовищами, которыхъ они ему покажутъ, и они всѣ разбѣгутся отъ него.

Слова кармелита ободрили моихъ товарищей.

— Если это глупыя шутки, говорили они: — то мы бросимся на ихъ чудовище и исколотимъ его въ пухъ! Не сказать ли намъ, Бенуа, о нашемъ намѣреніи? Онъ, можетъ-быть, поможетъ намъ.

— Ну ужь не знаю, отвѣчалъ я. — Бенуа слыветъ за человѣка храбраго; но, вѣдь, семейныя дѣла мудрено разбирать, особенно, когда тутъ замѣшаются пасынки. Вотчимы обыкновенно неслишкомъ-то нѣжны къ своимъ пасынкамъ, а Жозефъ еще разсердилъ сегодня вечеромъ своего вотчима. Пойдемте-ка лучше такъ, тѣмъ болѣе, что намъ пора быть на мѣстѣ.

Мы тихонько пошли и, одинъ за однимъ, пробрались въ переулокъ *Англичанъ*. Мѣсяцъ былъ на исходѣ и потому намъ стоило только лечь на краю дороги, у самаго вала, и тогда насъ нельзя было замѣтить, какъ-бы близко мимо насъ ни прошли. Товарищи мои прибыли недавно въ нашу сторону и потому не чувствовали къ этому никакого отвращенія. Я оставилъ ихъ однихъ, а самъ перелѣзъ черезъ валъ, спустился на кладбище и спрятался близь самыхъ воротъ, такъ-что могъ видѣть кто выйдетъ, и недалеко отъ нихъ, такъ-что могъ предупредить ихъ, въ случаѣ надобности.

Digitized by Google

ТРИДЦАТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Я ждалъ долго, тѣмъ болѣе, что время всегда проходитъ медленно въ печальной компаніи усопшихъ. Наконецъ, на башнѣ пробило полночь. Тогда надъ низенькой стѣной кладбища, близь самыхъ дверей, показалась голова человѣка. Протянулось еще четверть часа, а я не слыхалъ и не видалъ ничего, кромѣ этого человѣка. Соскучившись ждать, онъ принялся насвистывать бурбоннезскую пѣсню. Я узналъ Жозефа, который обманулъ ожиданіе своихъ враговъ: сосѣдство мертвецовъ ни мало не пугало его.

Наконецъ, другой человѣкъ, стоявшій по другую сторону воротъ, за толстымъ деревомъ, скрывавшимъ его отъ моихъ глазъ, вдругъ высунулся изъ-за стѣны, какъ-будто длятого, чтобъ захватить въ-расплохъ Жозефа, который даже не шевельнулся, и отвѣчалъ, смѣясь:

— Ну, дядя Карна, поздно же ты приходишь: еще бы немножко, такъ я, кажется, заснулъ бы, ожидая тебя. Что жь ты мнѣ, отворишь ворота, или я долженъ войдти въ крапивный садъ напроломъ.

— Постой, сказалъ старикъ Карна: — не лазь. Я сейчасъ перелѣзу къ тебѣ.

Онъ перелѣзъ черезъ стѣну и сказалъ Жозефу, что онъ долженъ позволить себѣ надѣть на голову и на руки претолстый мѣшокъ и идти безъ сопротивленія.

— Надѣвай, сказалъ Жозефъ съ насмѣшкой и почти съ презрѣніемъ.

Я слѣдилъ за ними и увидѣлъ, что они пошли по переулку. Я пережидалъ ихъ и перелѣзъ черезъ валъ какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ своихъ спутниковъ. Ихъ было ужь только четверо. Пятый, молодой парнишка, удралъ потихоньку, не говоря ни слова. Я боялся, чтобъ и другіе не сдѣлали того же самаго: имъ показалось время ужасно-долго и, какъ они сами мнѣ послѣ говорили, они слышали странный шумъ, выходившій какъ-будто изъ-подъ земли.

Скоро показался Жозефъ; онъ шелъ ничего не видя и держась за руку Карна. Они шли прямо къ намъ, но, шагахъ въ двадцати, свернули съ дороги. Карна подвелъ Жозефа къ самому краю рва. Мы думали, что онъ хочетъ утопить его и вскочили на ноги, чтобъ помѣшать этому злодѣйству; но они тотчасъ же оба вошли въ воду — ровъ былъ не глубокъ въ этомъ мѣстѣ — и вступили подъ низкій сводъ, внизу высокой стѣны замка, спускавшейся въ канаву. Тутъ только понялъ я, куда исчезли мои волынщики.

Пришлось послѣдовать за ними. Для меня тутъ не было ничего особенно-страшнаго, но товарищей моихъ мнѣ было трудно уговорить на это.

Digitized by Google

Они слыхали, что подземелья зàмка выходятъ за ворота и простираются до самаго Деоля, то-есть верстъ на девять, и что тотъ, кто ихъ не знаетъ, можетъ на вѣкъ тамъ заплутаться.

Я принужденъ былъ сказать, что знаю ихъ очень-хорошо, хоть моя нога тамъ никогда не была, и я не зналъ навѣрно, чтò это такое: винные погреба или подземный городъ, какъ нѣкоторые увѣряли.

Я шелъ впереди, ступая на удачу и ощупывая стѣны; проходъ былъ узенькій и низкій, такъ-что головы нельзя было поднять.

Такъ шли мы нѣсколько минутъ; вдругъ надъ нами раздался такой шумъ и гвалтъ, какъ-будто сто громовъ разразились въ какой-нибудь дьявольской пещерѣ. Шумъ этотъ былъ такъ страненъ, такъ ужасенъ, что я остановился, стараясь понять, чтò это такое, и потомъ быстро пошелъ впередъ, чтобъ не дать времени разъиграться воображенію. Я просилъ товарищей слѣдовать за мною, но шумъ былъ такъ великъ, что они не могли меня разслышать. Полагая, что они идутъ за мною, я подвигался впередъ до-тѣхъ-поръ, пока шумъ утихъ; тогда я обернулся и спросилъ тутъ ли они. Отвѣта не было.

Опасаясь говорить громко, я сдѣлалъ пять или шесть шаговъ назадъ, протянувъ руки и кличa ихъ потихоньку... Исчезли мои спутники! Они оставили меня одного.

Мы были недалеко отъ выхода и потому, надѣясь догнать ихъ въ самомъ проходѣ или на улицѣ, я пошелъ быстрѣе и съ большой увѣренностью, чѣмъ прежде, прошелъ канаву и окинулъ взглядомъ переулокъ. Все было напрасно: товарищи мои исчезли, какъ волынщики; точно какъ-будто земля ихъ поглотила.

Признаюсь, меня бросило въ дрожь, когда я думалъ, что мнѣ прійдется или бросить все, или снова войдти въ проклятое подземелье и бороться одному съ засадами и ужàсами, ожидавшими тамъ Жозефа. Я спросилъ самого себя: оставилъ ли бы я Жозефа на произволъ судьбы, еслибъ дѣло шло только объ одномъ его спасеніи? и когда чувство христіанской любви отвѣчало въ моей душѣ, что нѣтъ, то я спросилъ у своего сердца: такъ ли сильна въ немъ любовь къ Теренціи, какъ любовь къ ближнему въ моей совѣсти? и мое сердце такъ отвѣчало мнѣ, что я вошелъ подъ черные и грозные своды подземелья безъ малѣйшаго страха и побѣжалъ впередъ, если не такъ же весело, то по-крайней-мѣрѣ также скоро, какъ на свою собственную свадьбу.

Я шелъ, попрежнему ощупывая стѣны, и встрѣтилъ по правую сторону другой проходъ, котораго въ первый разъ не замѣтилъ, потому-что держался лѣвой руки. Полагая, что товарищи мои, возвращаясь назадъ, должны были встрѣтить его и, вѣроятно, вошли туда, думая,

Digitized by Google

что онъ ведетъ къ выходу, я рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, тѣмъ болѣе, что не могъ сказать навѣрное, чтобы путь, выбранный мною сначала, привелъ меня къ желанной цѣли.

Но и тутъ я не нашелъ своихъ товарищей; что же касается до волынщиковъ, то не успѣлъ я еще ступить двадцати шаговъ, какъ прежній шумъ послышался надъ моей головой, только гораздо ближе, чѣмъ въ первый разъ. Скоро смутный свѣтъ явился передо мною и я увидѣлъ, что стою у входа въ огромное круглое подземелье съ тремя или четырьмя выходами, черными-пречерными, какъ адская пасть.

Я удивлялся тому, что вижу ясно, или почти ясно, въ пещерѣ, гдѣ не было никакого свѣта и только нагнувшись, замѣтилъ, что свѣтъ этотъ шелъ снизу и проходилъ сквозь землю, по которой я шелъ. Я замѣтилъ также, что земля въ этомъ мѣстѣ подымалась горбомъ, такъ-что я сталъ держаться края, боясь провалиться посрединѣ. Пробираясь вдоль стѣны, я открылъ нѣсколько впадинъ въ этомъ сводѣ, влѣзъ въ одну изъ нихъ и расположился самымъ удобнымъ образомъ; оттуда я могъ видѣть все, что происходило въ другомъ, также круглымъ погребѣ, находившимся подо мною.

Послѣ ужь я узналъ, что тутъ была въ-старину тюрьма, прилегавшая къ другой, главной темницѣ, страшная пасть которой виднѣлась еще, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ самыхъ верхнихъ покояхъ замка. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда увидѣлъ въ глубинѣ погреба остатки костей, сложенные въ видѣ пугала, и черепы человѣческіе, въ которые вставлены были факелы.

Жозефъ стоялъ тамъ одинъ съ развязанными глазами, скрестивъ руки на груди, и казался такъ же спокоенъ, какъ я былъ встревоженъ. Онъ съ презрѣніемъ слушалъ ревъ восьмнадцати волынокъ, гудѣвшихъ и тянувшихъ одну ноту, похожую на рычаніе. Эти дикіе звуки выходили, вѣроятно, изъ сосѣдняго погреба, гдѣ были спрятаны волынщики.

Нагудѣвшись вдоволь, они принялись кричать и мяукать; и эти крики и мяуканье, повторяемые отголосками, раздавались такъ громко, какъ-будто цѣлое стадо бѣшеныхъ звѣрей всевозможныхъ сортовъ ревѣли и рычали. На все это Жозефъ, который, поистинѣ, былъ такой человѣкъ, какого я еще не видывалъ между нашими крестьянами, отвѣчалъ тѣмъ, что пожималъ плечами и зѣвалъ, какъ-будто скучая всѣми этими дурачествами.

Его храбрость перешла ко мнѣ и я начиналъ было подсмѣиваться надъ комедіею, какъ вдругъ послышался легкій шумъ; я обернулся и увидѣлъ, какъ-разъ насупротивъ меня, у входа въ коридоръ, которымъ я прошелъ, такую образину, отъ которой у меня кровь застыла въ жилахъ.

Digitized by Google

Стоитъ, вижу я, человѣкъ, съ виду какъ-будто похожій на рыцаря стариннаго времени, въ желѣзномъ панцырѣ, съ длинной-предлинной пикой и въ кожаной одеждѣ такого покроя, какого теперь больше не видно; всего же страшнѣе въ немъ было лицо, походившее какъ двѣ капли на мертвую голову.

Я оправился нѣсколько, подумавъ, что кто-нибудь изъ шайки волынщиковъ надѣлъ старинное одѣяніе, чтобъ напугать Жозефа; но, поразмысливъ хорошенько, я увидѣлъ, что опасность грозила мнѣ самому, потому-что онъ могъ замѣтить, что я подслушиваю и прицѣпиться ко мнѣ.

Несмотря на то, впрочемъ, что онъ могъ видѣть меня также, какъ я его видѣлъ, онъ не двигался и стоялъ неподвижно, какъ призракъ, полуозаренный свѣтомъ, выходившимъ снизу; и такъ-какъ свѣтъ этотъ колыхался и дрожалъ отъ движенія вѣтра, то повременамъ призракъ скрывался во мракѣ, и мнѣ казалось, что я видѣлъ его только въ воображеніи, потомъ снова появлялся ярче прежняго; но его ноги, закрытыя ступенькой, постоянно оставались во мракѣ, такъ-что мнѣ казалось будто предо мною носится воздушное видѣніе.

Не могу сказать, сколько времени я томился, глядя на это видѣніе; я перересталъ наблюдать за Жозефомъ и думалъ, что сойду съ ума отъ страха, посягнувъ на дѣло, превышавшее мои силы. Я вспомнилъ, что видѣлъ въ одномъ изъ покоевъ зàмка старую картинку, портретъ, какъ мнѣ сказали, древняго воина, пребезпокойнаго человѣка, котораго владѣтель зàмка, его родной братъ, посадилъ въ темницу. Желѣзный панцырь, кожаное платье и изсохшее лицо мертвеца, стоявшаго передо мною, такъ походили на эту картинку, что мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что это, должно-быть, тѣнь покойнаго воина, пришедшая посмотрѣть, кто смущаетъ ея послѣдній покой, и что она, пожалуй еще, можетъ разсердиться и выразить свое неудовольствіе такъ или иначе.

Догадки мои были тѣмъ основательнѣе, что призракъ не говорилъ мнѣ ни слова и не обращалъ на меня никакого вниманія, какъ-будто бы зная, что я пришелъ туда вовсе не длятого, чтобъ встревожить его бѣдныя кости.

Шумъ, непоходившій на прежніе крики, заставилъ меня снова взглянуть въ погребъ, гдѣ стоялъ Жозефъ, и я увидѣлъ другое зрѣлище, зрѣлище странное и безобразное.

Жозефъ стоялъ попрежнему спокойно передъ чудовищемъ, одѣтымъ въ собачью шкуру, съ рогами на махнатой головѣ, красной рожей, когтями и хвостомъ. Чудовище это прыгало и кривлялось какъ бѣснующійся, такъ-что страшно и гадко было смотрѣть. Скоро, впрочемъ, я догадался въ чемъ дѣло: хотя демонъ и старался говорить чужимъ го-

Digitized by Google

лосомъ, но я тотчасъ же узналъ въ немъ Доре Франтена, нулинійскаго волынщика, одного изъ самыхъ сильныхъ и страшныхъ забіякъ въ окрестности.

— Ладно, ладно! говорилъ онъ Жозефу: — хотя ты и увѣряешь, что смѣешься надо мною и ни мало не боишься, но отъ меня, братъ, этимъ не отдѣлаешься: я глава музыкантовъ и не позволю тебѣ быть музыкантомъ, если ты не вступишь со мною въ бой и не побѣдишь меня.

— Очень-хорошо знаю, сказалъ Жозефъ. — Правило гласитъ: ты долженъ убить чудовище или оно тебя убьетъ.

При этихъ словахъ Гюріель и его отецъ вышли изъ-подъ свода, сбоку и подошли къ Франтену; они хотѣли, кажется, что-то ему сказать, но ихъ удержали волынщики, которые въ ту же минуту окружили его. Тогда старикъ Карна сказалъ, обращаясь къ Жозефу:

— Мы видимъ, что ты не боишься колдовства и освободимъ тебя отъ дальнѣйшихъ испытаній, если ты покоришься обычаю, который требуетъ, чтобы ты поколотилъ врага.

— Если вашему чудовищу хочется быть избитымъ, отвѣчалъ Жозефъ, — то дайте мнѣ поскорѣй позволеніе, и тогда онъ увидитъ чья кожа крѣпче: его или моя. Чѣмъ же только мы будемъ драться?

— Кулаками, отвѣчалъ Карна.

— Надѣюсь, что тутъ нѣтъ злаго умысла, сказалъ старикъ Бастіенъ.

Жозефъ не обратилъ вниманія на его слова и, взбѣшенный тѣмъ, что его хотѣли одурачить, бросился на образину, сорвалъ съ противника косматую прическу и такъ крѣпко сжалъ его, что тотъ полетѣлъ на землю и Жозефъ на него.

Но въ ту же минуту Жозефъ вскочилъ на ноги и мнѣ показалось, что онъ вскрикнулъ отъ удивленія и боли; между-тѣмъ всѣ волынщики принялись играть, за исключеніемъ Гюріеля и его отца; они только показывали видъ, что играютъ и смотрѣли на борьбу съ видомъ сомнѣнія и безпокойства.

Жозефъ, впрочемъ, таскалъ чудовище по землѣ и, казалось, одолѣвалъ его; одно только удивляло меня: онъ боролся съ такимъ бѣшенствомъ, которое казалось мнѣ вовсе неестественнымъ и заставляло меня опасаться, чтобъ онъ не надѣлалъ бѣдъ. Волынщики, съ своей стороны, помогали ему: вмѣсто того, чтобъ защищать своего товарища, они только вертѣлись около него, не переставая играть, и колотили ногами.

Вдругъ старикъ Бастіенъ бросился между противниками и началъ разнимать ихъ, ударивъ Франтена по рукамъ палкой и говоря, что онъ еще не такъ его треснетъ, если его не станутъ слушать. Гюріель подско-

чилъ къ отцу также съ поднятой палкой, волынщики перестали гудѣть и кружиться; настала тишина и спокойствіе.

Тогда я увидѣлъ, что Жозефъ, изнемогая отъ боли, вытиралъ лицо и руки, исцарапанныя и обагренныя кровью; и еслибъ Гюріель не поддержалъ его, то онъ, вѣроятно, упалъ бы безъ чувствъ на землю, тогда-какъ Доре Фратенъ, сбросивъ съ себя бѣсовскій нарядъ, горячо дышалъ и, посмѣиваясь, утиралъ потъ, который струился у него по лицу только отъ усталости.

— Что это значитъ? вскричалъ Карна, подходя къ лѣснику съ видомъ угрозы — Ты измѣнникъ! По какому праву ты останавливаешь испытаніе?

— Я прекращаю испытаніе, сказалъ Бастіенъ: — и принимаю на себя всю отвѣтственность и весь стыдъ, не потому, чтобъ я былъ измѣнникомъ, а потому-что *мастера* злы, коварны и жестоки. Не думаете ли вы меня увѣрить, что вы не нарочно измучили и, можетъ-быть, смертельно ранили бѣднаго парня! Вы ненавидите его потому, что чувствуете, что онъ будетъ предпочтенъ вамъ и что тамъ, гдѣ онъ хоть разъ поиграетъ, никто не станетъ васъ слушать. Вы не смѣли отказать ему въ званіи *мастера*, потому-что всѣ стали бы смотрѣть на это, какъ на вопіющую несправедливость, но длятого, чтобъ отбить у него охоту играть въ приходахъ, которые вы себѣ заграбаздали, вы придумали для него такія тяжкія и опасныя испытанія, противъ которыхъ никто изъ васъ не устоялъ бы и одной минуты.

— Я не понимаю, что̀ вы хотите этимъ сказать, отвѣчалъ старшина волынщиковъ: — и нахожу, что упреки, которые вы дѣлаете намъ въ присутствіи *новичка* — неслыханная дерзость! Мы не знаемъ, какъ у васъ принимаютъ поступающихъ; а у насъ здѣсь есть свои обычаи, и мы никому не позволяемъ издѣваться надъ ними.

— А я, я охуждаю и браню ихъ, сказалъ Гюріель, останавливая платкомъ кровь, струившуюся по лицу и рукамъ Жозефа, котораго онъ посадилъ на колѣни и старался привести въ чувство. — Я не хотѣлъ и не могъ сдѣлать этого при всѣхъ, потому-что связанъ съ вами клятвою, но здѣсь скажу вамъ прямо въ лицо, что вы негодяи. Въ нашемъ краю дерутся съ чудовищемъ только для шутки и стараются не ушибить другъ друга; а вы выбираете самаго сильнаго между вами и даете ему скрытое оружіе, которымъ онъ можетъ выткнуть глаза и проколоть жилы. Посмотрите, какъ израненъ парень! онъ такъ взбѣсился на вашу злобу, что уходилъ бы себя до смерти, еслибъ мы его не остановили. Что жь бы вы тогда съ нимъ сдѣлали? Бросили бы въ этой проклятой трущобѣ, гдѣ погибло, можетъ-быть, много несчастныхъ, кости которыхъ вопіютъ о мщеніи.

Digitized by Google

Слова Гюріеля напомнили мнѣ о призракѣ, о которомъ я было совсѣмъ забылъ; я обернулся, но его ужь не было. Тогда я принялся отъискивать дорогу, которая вела въ нижній погребъ, чувствуя, что моя помощь скоро будетъ необходима для Гюріеля и его отца.

Найдя лѣстницу, я спустился внизъ и сталъ у входа, не стараясь даже спрятаться, потому-что тамъ шелъ такой споръ и была такая сумятица, что на меня никто не обращалъ вниманія.

Лѣсникъ поднялъ съ земли звѣриную шкуру и указалъ на иглы, которыми она была утыкана, какъ скребница, потомъ на рукавицы, къ которымъ придѣланы были гвозди, торчавшіе остріемъ наружу. Волынщики разсердились за то, что ихъ обличали въ присутствіи Жозефа.

— Стоитъ ли такъ шумѣть изъ-за какой-нибудь закрапины, сказалъ Карна. — Вольно жь ему было такъ горячиться и лѣзть на противника безъ всякой предосторожности: онъ долженъ былъ бы знать, что ему тутъ могутъ нагрѣть морду... Полноте, пожалуйста: чтó его такъ жалѣть!.. Испытаніе кончено; онъ можетъ теперь убираться, и признаться, что наши забавы ему не по силамъ и, слѣдовательно, онъ никакимъ образомъ не можетъ быть нашимъ товарищемъ и собратомъ.

— Нѣтъ, могу! вскричалъ Жозефъ, вырываясь изъ рукъ Гюріеля. — Буду, наперекоръ вамъ! Мы снова начнемъ драку и будемъ биться до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ насъ не ляжетъ на мѣстѣ!

— А я не дозволяю этого, сказалъ старикъ Бастіенъ: — и приказываю вамъ провозгласить его побѣдителемъ; въ противномъ же случаѣ, клянусь вамъ, я приведу сюда цѣлую толпу волынщиковъ, которые научатъ васъ справедливости и покажутъ вамъ, кàкъ должно вести себя.

— Ты? вскричалъ Фратенъ, выхватывая изъ-за пояса колъ. — Приводи, голубчикъ; только прежде этого мы постараемся тебя отмѣтить, чтобъ узнать потомъ, когда ваша милость къ намъ пожалуетъ.

Лѣсникъ и его сынъ приготовились къ защитѣ; Жозефъ бросился на Фратена и хотѣлъ вырвать у него колъ, а я въ одинъ прыжокъ очутился около нихъ. Но прежде чѣмъ завязалась драка, призракъ, такъ сильно тревожившій меня, появился на порогѣ, протянулъ копье и сталъ приближаться тихими шагами, отъ которыхъ у негодяевъ душа ушла въ пятки. Всѣ остановились, пораженные ужасомъ и удивленіемъ. Въ ту же минуту, въ глубинѣ подземелья, послышался заунывный голосъ.

Тутъ наши волынщики не устояли; одинъ изъ нихъ закричалъ: «Мертвецы! мертвецы встаютъ!» и всѣ они бросились бѣжать, крича и толкая другъ друга, и скрылись въ разные выходы, тогда-какъ у входа въ темницу появилось другое привидѣніе, покрытое саваномъ, продолжавшее напѣвать что-то самымъ жалобнымъ образомъ. Черезъ минуту

Digitized by Google

мы остались одни: враги исчезли. Тогда воинъ сбросилъ съ себя шишакъ и маску, и мы узнали веселое лицо Бенуа; а когда саванъ свалился съ привидѣнія, передъ нами явился кармелитъ.

— Я употребилъ эту хитрость! сказалъ онъ: — съ добрымъ намѣреніемъ; ихъ нужно было непремѣнно проучить хорошенько.

— Я былъ увѣренъ, что они разбѣгутся отъ страха, какъ только мы покажемся, сказалъ Бенуа.

Потомъ, замѣтивъ, что Жозефъ израненъ и въ крови, онъ перепугался и обнаружилъ къ нему такое великое участіе, которое доказало мнѣ, что я напрасно сомнѣвался въ его добротѣ и дружбѣ къ Жозефу.

Въ то время, какъ мы осматривали раны Жозефа, которыя оказались вовсе неопасны, кармелитъ разсказывалъ намъ, какъ онъ узналъ отъ дворецкаго, что волынщики, съ его дозволенія, справляютъ свои глупые обычаи въ подземельяхъ стараго зàмка. Подземелья эти находились на далекомъ разстояніи отъ покоевъ, гдѣ жила сама барыня, владѣтельница Сен-Шартье, такъ-что шумъ и крики не доходили до нея; да еслибъ она и услыхала что-нибудь, то только посмѣялась бы, потому-что никакъ нельзя было подозрѣвать, чтобъ тутъ скрывалось что-нибудь дурное. Бенуа, подозрѣвая, что у волынщиковъ кроется на умѣ что-нибудь недоброе, выпросилъ у дворецкаго старинное платье и ключи отъ подземелья, и такъ кстати появился къ намъ на помощь.

— Спасибо за услугу, сказалъ старикъ Бастіенъ: — жаль только, что эта мысль пришла тебѣ въ голову, потому-что люди эти могутъ подумать, что я самъ напросился на нее и такимъ-образомъ измѣнилъ тайнамъ своего *ремесла*. Увѣряю васъ, лучше всего будетъ, если мы уйдемъ отсюда потихоньку: пусть-себѣ думаютъ, что видѣли привидѣніе.

— Тѣмъ болѣе, сказалъ Бенуа: — что они, пожалуй, еще разозлятся на меня и перестанутъ ко мнѣ ходить: а вѣдь это не шутка. Желалъ бы я знать, видѣли ли они Тьенне? Да, кстати, какимъ-образомъ онъ здѣсь очутился?

— Да развѣ онъ не съ вами пришелъ? спросилъ Гюріель.

— Нѣтъ, не съ ними, отвѣчалъ я: — я пришелъ самъ-по-себѣ; наслышавшись разныхъ исторій насчетъ вашихъ испытаній; я хотѣлъ на нихъ посмотрѣть. Но, клянусь вамъ, что волынщики не узнали меня: они такъ перепугались и переполошились, что имъ было не до меня.

Мы хотѣли-было ужь уйдти, какъ вдругъ послышался глухой шумъ и смѣшанные голоса.

— Чтò это такое? сказалъ кармелитъ. — Ужь не вернулись ли они назадъ? Видно, мы еще отъ нихъ не отдѣлались! Поскорѣй! нарядимтесь снова.

Digitized by Google

— Постойте, сказалъ Бенуа, прислушиваясь. — Я знаю, что это такое. Проходя сюда по погребамъ замка, я встрѣтилъ четырехъ молодцовъ, изъ которыхъ одного знаю: это вашъ работникъ, Леонардъ. Они зашли сюда, вѣроятно, также изъ любопытства, заплутались въ погребахъ и порядкомъ струхнули. Я отдалъ имъ фонарь и просилъ подождать меня. Вѣроятно, они встрѣтили вольнщиковъ и пустились ихъ преслѣдовать.

— А можетъ-быть, и на оборотъ, сказалъ Гюріель: — если ихъ немного. Пойдемте, посмотримте!

Въ эту минуту раздались шаги; шумъ продолжался и наконецъ вошелъ Карна, а за нимъ Доре Фратенъ и еще человѣкъ восемь вольнщиковъ; они дѣйствительно сцѣпились-было драться съ моими товарищами и, убѣдившись въ томъ, что имѣютъ дѣло съ живыми людьми, опомнились отъ страха. Они напустились на насъ, упрекая Гюріелей въ измѣнѣ и говоря, что они заманили ихъ въ западню. Бастіенъ началъ-было оправдываться, желая помирить ихъ; нашъ странникъ принялъ все на себя и сталъ ихъ упрекать въ злыхъ умыслахъ; но враги наши чувствовали, что перевѣсъ на ихъ сторонѣ, потому-что съ каждой минутой къ нимъ подходили новыя силы на помощь; и когда они почти всѣ собрались, то стали ужь возвышать голосъ и перешли отъ брани къ угрозамъ, а отъ угрозъ къ кулакамъ. Видя, что нѣтъ никакой возможности избѣжать драки, тѣмъ болѣе, что они во время *испытанія* сильно натянулись и сами-себя не помнили, мы приготовились къ защитѣ, собрались въ кучу и прижались другъ къ другу спиной, а лицомъ обратились къ врагу, какъ быки, когда на нихъ нападаетъ стая волковъ.

Насъ было только шестеро, а ихъ, человѣкъ пятнадцать или шестнадцать. Кто-то ударилъ меня по рукѣ; боли я не почувствовалъ, но не могъ свободно дѣйствовать рукой и считалъ ужь все погибшимъ, какъ вдругъ товарищи мои, услышавъ шумъ и крикъ, подоспѣли къ намъ на помощь, ударили съ тылу на враговъ и обратили ихъ въ бѣгство вторично и окончательно.

Я увидѣлъ, что побѣда на нашей сторонѣ, что никто изъ нашихъ не раненъ опасно и тогда только почувствовалъ, что мнѣ досталось за всѣхъ. Я повалился на землю, какъ мертвый.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Очнувшись, я увидѣлъ, что лежу на одной постели съ Жозефомъ и не безъ труда припомнилъ, что со мной случилось; а всмотрѣвшись

Digitized by Google

хорошенько, я узналъ, что нахожусь въ спальной трактирщика, и что рука у меня перевязана послѣ кровопусканія. Солнце весело свѣтило сквозь желтыя занавѣски, и кромѣ великой слабости, я не чувствовалъ въ себѣ никакой боли. Я оборотился къ Жозефу. У него на лицѣ видны были знаки, но оно не было изуродовано.

— Помнишь ли, Тьенне, сказалъ онъ, цалуя меня: — какъ мы съ тобой, бывало, возвращаясь изъ школы, дрались съ вернельскими мальчишками и потомъ ложились отдыхать гдѣ-нибудь въ канавѣ? Какъ часто тогда ты отдувался за меня своими боками и какъ тогда я не умѣлъ поблагодарить тебя по заслугамъ! Но и тогда и теперь, надѣюсь, ты не думалъ, что у меня сердце такъ же сухо, какъ языкъ?

— Никогда не думалъ, товарищъ, отвѣчалъ я, такъ же цалуя его: — и до смерти радъ, что могъ еще разъ помочь тебѣ. Не принимай только всего на свой счетъ. У меня была другая мысль.

Я остановился, не желая, чтобъ у меня, отъ душевной слабости, сорвалось съ языка имя Теренціи. Въ ту же минуту бѣлая рука тихонько отдернула занавѣску, и я увидѣлъ передъ собою живой образъ Теренціи, которая наклонилась ко мнѣ, между-тѣмъ, какъ Маритонъ, зайдя съ другой стороны къ постели, ласкала и разспрашивала сына.

Теренція, какъ я вамъ сказалъ, наклонилась ко мнѣ, а я, въ удивленіи и какъ-будто во снѣ, приподнялся, чтобъ поблагодарить ее и сказать, что я внѣ всякой опасности, и вдругъ, растерявшись какъ дуракъ и краснѣя какъ дѣвчонка, получилъ отъ нея такой чудесный поцалуй, который я никогда забуду.

— Что̀ ты дѣлаешь, Теренція? вскричалъ я, схвативъ ее за руки такъ, какъ-будто хотѣлъ ихъ проглотить: — ты хочешь съ ума меня свести!

— Я хочу поблагодарить тебя и любить до конца жизни, отвѣчала Теренція: — за то, что ты сдержалъ свое слово. Благодаря тебя, батюшка мой и братъ цѣлы и невредимы. Я знаю все, что̀ ты сдѣлалъ и что̀ испыталъ изъ любви къ нимъ и ко мнѣ, и не покину тебя ни на минутку до-тѣхъ-поръ, пока ты будешь боленъ.

— Ахъ, Теренція! сказалъ я, вздыхая: — я не заслуживаю такой милости. Дай только Богъ, чтобъ я никогда не выздоровѣлъ, потому-что самъ не знаю, что̀ будетъ со мною потомъ...

— Потомъ сказалъ лѣсникъ, входя въ комнату въ сопровожденіи Гюріеля и Брюлеты: — ну, дочка, что жь мы сдѣлаемъ съ нимъ потомъ?

— Потомъ... повторила Теренція, въ первый разъ покраснѣвъ во всю щеку.

— Ну, моя *простосердечная*, отвѣчай поскорѣй, продолжалъ старикъ: — отвѣчай какъ прилично дѣвушкѣ, которая никогда не лгала.

— *Потомъ*, батюшка, сказала Теренція: — я также его никогда не покину.

— Уходите отсюда! вскричалъ я, какъ съумасшедшій: — опустите занавѣску, я хочу одѣться, встать и потомъ прыгать, пѣть и плясать; я совсѣмъ здоровъ; у меня рай на душѣ...

Сказавъ это, я снова впалъ въ изнеможеніе и какъ-будто во снѣ видѣлъ, какъ Теренція поддерживала меня и старалась привести въ чувство.

Къ вечеру мнѣ стало лучше, а Жозефъ всталъ ужь съ постели. И я бы могъ сдѣлать то же самое, но мнѣ не позволили и заставили пролежать вечеръ въ кровати. Друзья мои сидѣли въ той же комнатѣ и разговаривали между-собою, а Теренція, усѣвшись у моего изголовья и склонившись ко мнѣ, кротко внимала рѣчамъ, въ которыхъ я изливалъ счастіе, наполнявшее мою душу.

Кармелитъ разговаривалъ съ Бенуа, запивая бесѣду бѣлымъ виномъ, которое они глотали въ видѣ прохладительнаго напитка; Гюріель говорилъ съ Брюлетой въ уголку, а Жозефъ съ матерью и Бастіеномъ.

Гюріель говорилъ Брюлетѣ:

— Помнишь ли, какъ я тебѣ сказалъ, показывая на сердечко, висѣвшее у меня на серьгѣ: «Оно останется тутъ вѣчно, если только мнѣ не оторвутъ уха». И что жь! въ подземельѣ мнѣ разсѣкли ухо, но оно осталось на мѣстѣ; кольцо сломано, но вотъ оно, у меня, вмѣстѣ съ сердечкомъ, нѣсколько-помятымъ. Ухо заживетъ, кольцо мы отдадимъ спаять и все пріидетъ въ прежній порядокъ.

Маритонъ говорила старику Бастіену:

— Что-то теперь будетъ послѣ этой схватки? Вѣдь они не оставятъ его въ покоѣ, если онъ станетъ здѣсь играть.

— Не опасайся, отвѣчалъ старикъ: — все устроилось къ лучшему, они проучены порядкомъ и ничего не посмѣютъ сдѣлать ни Жозефу, ни намъ, потому-что тутъ были посторонніе свидѣтели. Они способны дѣлать зло только изподтишка, а потомъ, когда сдѣлаютъ его, насильно или такъ, дружелюбно, заставляютъ *новичка* поклясться, что онъ никому этого не разскажетъ. Жозефъ не давалъ клятвы и будетъ молчать только изъ великодушія; Тьенне также; а работники мои, по моему совѣту и приказанію. Но, вѣдь, они очень-хорошо понимаютъ, что теперь имъ стóитъ только тронуть насъ волоскомъ, такъ мы всѣ заговоримъ — и тогда дѣло пойдетъ въ судъ.

Жозефъ не говорилъ ни слова, и вѣроятно мучился въ душѣ, глядя

Digitized by Google

на влюбленныхъ, передъ которыми онъ не могъ выразить своей досады послѣ того, какъ мы съ Гюріелемъ оказали ему такую услугу.

Старикъ Бастіенъ, чувствовавшій къ нему слабость, какъ музыкантъ, старался поддержать въ немъ любовь къ славѣ. Жозефъ всячески старался принудить себя безъ зависти смотрѣть на чужое счастье, и мы должны были сознаться, что, при всей гордости и холодности, парень этотъ отличался необыкновеннымъ умѣніемъ побѣждать себя.

Мы съ Жозефомъ скрывались въ домѣ его матери до-тѣхъ-поръ, пока у насъ не исчезли слѣды драки. Товарищи мои сохранили въ-тайнѣ это дѣло, но пригрозили волынщикамъ, черезъ Леонарда, который поступилъ въ этомъ случаѣ весьма-смѣло и благоразумно, объявивъ имъ, что донесетъ обо всемъ начальству, если они не захотятъ помириться съ своими противниками.

Когда они всѣ оправились — многимъ изъ нихъ порядкомъ досталось, и въ томъ числѣ старику Карна; начались переговоры и положено было предоставить Жозефу нѣсколько приходовъ; онъ требовалъ этого непремѣнно, хотя вовсе не намѣренъ былъ пользоваться своимъ участкомъ.

Я прохворалъ дольше, чѣмъ полагалъ. Гюріель и Брюлета, мои наилюбезнѣйшіе друзья, отложили свою свадьбу единственно только для-того, чтобъ вѣнчаться въ одинъ день со мною. Черезъ мѣсяцъ мы были обвѣнчаны, причемъ Бенуа за одно объявилъ и вмѣстѣ съ нами отпраздновалъ и свою свадьбу. Добрый трактирщикъ дотого былъ доволенъ тѣмъ, что Брюлета такъ прекрасно воспитала его наслѣдника, что предложилъ ей значительный подарокъ. Брюлета отказалась и, бросившись къ его женѣ на шею, сказала:

— Развѣ вы забыли, что эта добрая женщина была мнѣ матерью въ-продолженіе двѣнадцати лѣтъ? Могу ли я принять отъ васъ деньги, когда до-сихъ-поръ еще не могла поквитаться съ нею?

— Нѣтъ, душенька, сказала Маритонъ: — воспитывая тебя, я не видала ничего, кромѣ чести и удовольствія, тогда-какъ мой Шарло причинялъ тебѣ одни заботы и хлопоты.

— Только это одно, отвѣчала Брюлета: — и уравновѣшиваетъ маленько наши счеты. Мнѣ хотѣлось составить счастіе вашего Жозѐ, въ благодарность за вашу доброту ко мнѣ; но я не могла управиться съ своимъ бѣднымъ сердцемъ, и въ вознагражденіе за то горе, которое причинила Жозефу, должна была сама погоревать и помучиться изъ любви къ вашему другому сыну.

— Вотъ такъ дѣвушка!.. вскричалъ Бенуа, утирая свои большущіе круглые глаза, изъ которыхъ мудрено было вышибить слезу: — Да, нечего сказать, удивительная дѣвушка!..

Digitized by Google

И онъ не могъ больше ничего сказать.

Чтобъ отмстить Брюлетѣ за то, что она отказалась отъ подарка, Бенуа отпраздновалъ на свой счетъ ея свадьбу, да и мою также. Онъ не скупился на угощеніе, пригласилъ гостей человѣкъ, я думаю, двѣсти, и потратилъ кучу денегъ, но ни мало не сожалѣлъ объ этой издержкѣ.

Жозефъ крѣпился до самой свадьбы. Поутру, въ день свадьбы, онъ былъ блѣденъ какъ смерть и какъ-будто изнемогалъ отъ размышленій. Когда стали выходить изъ церкви, онъ взялъ волынку у моего тестя и заигралъ свадебный маршъ, сочиненный имъ въ ту ночь, нарочно для насъ. Музыка была такая чудеснѣйшая и произвела во всѣхъ такое восхищеніе, что печаль его тотчасъ же разсѣялась; онъ проигралъ намъ всѣ свои лучшіе танцы и впродолженіе всего праздника упивался любимѣйшимъ своимъ наслажденіемъ.

Потомъ онъ проводилъ насъ въ Шассенъ, гдѣ, приведя въ порядокъ наши дѣла, старикъ Бастіенъ сказалъ намъ:

— Теперь, дѣтки, вы счастливы и богаты для людей вашего состоянія; передаю вамъ подряды и предоставляю кончить рубку шассенскаго лѣса: это дѣло выгодное; сверхъ-того все, что у меня есть, принадлежитъ вамъ. Вы пробудете здѣсь почти до самаго конца года и въ это время можете пообдумать и порѣшить насчетъ будущихъ плановъ. Вы изъ разныхъ краевъ и привычки и вкусы у васъ различные. Постарайтесь выбрать и привыкнуть къ такой жизни, которая могла бъ доставить вашимъ женамъ счастіе во всѣхъ отношеніяхъ и заставить ихъ ежечасно благословлять союзъ, столь прекрасно-начатый. Я возвращусь къ вамъ черезъ годъ. Надѣюсь, что вы припасете двухъ прекраснѣйшихъ малютокъ на утѣшеніе дѣдушкѣ. Тогда вы скажете мнѣ на что рѣшились. Не торопитесь, подумайте хорошенько: то, что кажется намъ прекраснымъ сегодня, завтра можетъ показаться намъ еще лучше или никуда негоднымъ.

— Да куда же вы это уходите батюшка? спросила Теренція, обнимая его со страхомъ.

— Я пойду вмѣстѣ съ Жозефомъ побродить маленько и поиграть по дорогамъ, отвѣчалъ старикъ: — для меня это необходимо: вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ я отказываю себѣ въ этомъ.

Ни слезы, ни мольбы не могли удержать старика; мы проводили его до половины дороги въ Сен-Северъ; и когда мы обнялись съ нимъ и грустно прощались, Жозефъ сказалъ намъ:

— Не грустите. Я знаю, онъ для меня отказывается отъ счастія, которое ждетъ его съ вами: вѣдь онъ любитъ меня какъ родной отецъ

Digitized by Google

и знаетъ, что изъ всѣхъ его дѣтей я болѣе всѣхъ заслуживаю сострадавія. Но не бойтесь: я отнимаю его у васъ не надолго и увѣренъ, что вы увидитесь съ нимъ скорѣе, чѣмъ онъ самъ думаетъ.

Потомъ, ставъ на колѣни передъ моей женой и Брюлетой, Жозефъ продолжалъ:

— Сестрицы мои дорогія, я обидѣлъ васъ и былъ за то въ душѣ больно наказанъ. Простите же мнѣ это оскорбленіе, чтобъ я могъ простить его самъ себѣ и уйти отсюда спокойнѣе.

Обѣ онѣ обняли его и нѣжно поцаловали. Тогда Жозефъ обратился къ нимъ, съ такимъ сердечнымъ увлеченіемъ, которое насъ поразило. Онъ излилъ передъ нами свою душу въ такихъ кроткихъ и нѣжныхъ рѣчахъ, какихъ мы отъ него никогда не слыхали; онъ просилъ насъ также простить его и сохранить о немъ воспоминаніе.

Мы вошли на возвышеніе, чтобъ проводить ихъ еще глазами. Старикъ Бастіенъ, изъ великодушія, игралъ на волынкѣ и повременамъ оборачивался, махая шапкой и посылая намъ рукой поцалуи.

Жозефъ не оглядывался. Онъ шелъ молча, повѣся голову, какъ-бы въ изнеможеніи или глубокой думѣ. Я не могъ удержаться и сказалъ Гюріелю, что въ ту минуту, когда Жозефъ прощался съ нами, я замѣтилъ на его лицѣ то, что часто замѣчалъ въ немъ во время его дѣтства и что у насъ считается признакомъ злой судьбы.

Счастіе и надежда мало-по-малу изсушили слезы нашей скорбной семьи. Всѣхъ труднѣе было утѣшиться моей красавицѣ-женѣ, потому-что она никогда не разставалась съ отцомъ; и когда онъ ушелъ, у нея, какъ-будто что-то отъ души оторвалось. Несмотря на душевное мужество, любовь ко мнѣ и то счастіе, которое испытываетъ женщина, когда чувствуетъ, что скоро будетъ матерью, я видѣлъ, что ей недостаетъ чего-то и что она вздыхаетъ тайкомъ; а потому я только и думалъ о томъ, какъ бы мнѣ устроить свои дѣла такъ, чтобъ жить вмѣстѣ съ ея отцомъ, и рѣшился продать, если будетъ нужно, все свое добро, покинуть семейство и послѣдовать за женой туда, куда ей вздумается пойдти.

То же самое было и съ Брюлетой, которая рѣшилась во всемъ слѣдовать желаніямъ мужа, тѣмъ болѣе, что дѣдушка ея, послѣ кратковременной болѣзни, умеръ также тихо и спокойно, какъ жилъ, посреди нашихъ заботъ и нѣжныхъ ласкъ своего милаго дѣтища.

— Тьенне, часто говорила она мнѣ: — видно намъ съ тобой прійдется измѣнить нашей Берри для Бурбонне. Гюріель такъ любитъ тамошнюю жизнь и перемѣны воздуха, что наши тихія равнины не могутъ ему нравиться; а я съ нимъ такъ счастлива, что никогда не потерплю,

Digitized by Google

чтобъ у него на душѣ таилась хоть капля горя. Родныхъ у меня здѣсь больше нѣтъ, а отъ всѣхъ моихъ друзей, кромѣ тебя, разумѣется, я не видала здѣсь ничего, кромѣ непріятностей. Я только и живу Гюріелемъ! Гдѣ ему будетъ хорошо, тамъ и мнѣ будетъ прекрасно.

Зима застала насъ еще въ Шассенскомъ Лѣсу. Мы обезобразили это прекраснѣйшее мѣсто, лучшее украшеніе котораго составляла дубовая чаща. Снѣгъ покрывалъ трупы чудеснѣйшихъ деревьевъ, обнаженныхъ и брошенныхъ, головой впередъ, въ рѣку, гдѣ они мерзли и коченѣли во льду. Разъ какъ-то, мы съ Гюріелемъ сидѣли у очага, гдѣ пылали сучья, подогрѣвая нашъ ужинъ; Теренція и Брюлета хлопотали около огонька, а мы съ тихимъ блаженствомъ въ душѣ любовались ими; обѣ онѣ сдержали слово, данное старику, насчетъ внучковъ.

Вдругъ, онѣ вскрикнули, и Теренція, забывъ, что она не такъ ужь легка, какъ была весной, бросилась, чуть не черезъ огонь, обнимать человѣка, который скрывался отъ насъ за густымъ дымомъ отъ сырыхъ листьевъ. Передъ нами стоялъ ея добрый отецъ. Когда первая радость поутихла, мы спросили у него о Жозефѣ и увидѣли, что лицо его понрачилось, а глаза наполнились слезами.

— Онъ не ошибся, отвѣчалъ старикъ:— сказавъ вамъ, что вы увидите меня прежде, чѣмъ я думалъ! Онъ какъ-будто предчувствовалъ свою судьбу: Господь Богъ, смягчившій его сердце въ ту минуту, заставилъ его подумать о самомъ-себѣ.

Мы не смѣли болѣе его разспрашивать. Старикъ сѣлъ, развязалъ мѣшокъ и вынулъ оттуда куски разбитой волынки.

— Вотъ все, что̀ осталось послѣ бѣднаго Жозè, сказалъ онъ. — Онъ не могъ избѣжать своей судьбы. Мнѣ казалось, что я успѣвалъ смягчить въ немъ гордость, и оно дѣйствительно было такъ; но тамъ, гдѣ дѣло касалось музыки, онъ съ каждымъ днемъ становился все спѣсивѣе и неприступнѣе. Можетъ-быть, это моя вина. Я хотѣлъ заставить его забыть горе и неудачи въ любви, указавъ на то счастіе, которое заключалось въ его талантѣ. Онъ вкусилъ, по-крайней-мѣрѣ, сладость похвалъ; но чѣмъ болѣе вкушалъ онъ ихъ, тѣмъ сильнѣе становилась въ немъ жажда и онъ продолжалъ играть, несмотря на боль въ груди.

«Мы были далеко, почти у самыхъ Морванскихъ Горъ, тамъ обнаружилась въ немъ злая чахотка и онъ, разбивъ волынку, скоро умеръ.

— Боже мой! сказала Брюлета, заплакавъ: — бѣдный Жозè! бѣдный мой товарищъ!.. Что̀-то теперь скажемъ мы его матери?

— Мы скажемъ ей, отвѣчалъ печально старикъ: — чтобъ она не давала своему малюткѣ привязываться къ музыкѣ... Музыка не по си-

Digitized by Google

ламъ такимъ людямъ, какъ мы. У насъ голова кружится на той высотѣ, на которую она насъ поднимаетъ!

— Ахъ! батюшка! вскричала Теренція: — еслибъ и вы могли также отказаться отъ нея! Богъ знаетъ, какихъ бѣдъ она можетъ накликать на вашу голову!

— Будь покойна, душенька, отвѣчалъ онъ: — я отказался ужь отъ нея. Я хочу жить въ семействѣ и воспитывать вашихъ малютокъ, которыя какъ-будто бы ужь прыгаютъ у меня на колѣняхъ... Ну, дѣтки, гдѣ жь мы поселимся?

— Гдѣ вамъ угодно... вскричала Теренція.

— И нашимъ мужьямъ, прибавила Брюлета.

— Гдѣ угодно моей женѣ, сказалъ я.

— Гдѣ вамъ всѣмъ угодно, сказалъ Гюріель въ свою очередь.

— И прекрасно! продолжалъ старикъ Бастіенъ. — Такъ-какъ я зналъ ваши привычки и ваши средства, и притомъ принесъ вамъ еще немножко денегъ, то разсчелъ на дорогѣ, что вамъ всѣмъ немудрено угодить. Если хочешь, чтобъ персикъ созрѣлъ, то не вынимай ядра, говоритъ пословица. Ядро — земля, которой владѣетъ Тьенне. Мы окружимъ эту землю и построимъ домъ, гдѣ всѣмъ намъ будетъ мѣсто. Я охотно буду сѣять пшеницу и не стану больше рубить деревъ; буду сочинять пѣсенки на старинный ладъ, сидя по вечерамъ у дверей, посреди своихъ, и не стану больше ходить пить чужое вино и возбуждать зависть да ревность. Гюріель любитъ странствовать; жена его, кажется, теперь также не прочь отъ этого: вотъ она и будетъ путешествовать вмѣстѣ и заниматься разными предпріятіями такого сорта, какъ была, напримѣръ, рубка Шассенскаго Лѣса, гдѣ вы, я вижу, порядкомъ поработали. Лѣто они станутъ проводить въ лѣсу; а если ихъ будутъ стѣснять ребятишки, то у Теренціи, слава Богу, достаточно силы и души, чтобъ управиться съ двумя гнѣздышками; и каждую осень мы будемъ сходиться вмѣстѣ до-тѣхъ-поръ, пока Гюріель, закрывъ мнѣ глаза и вдоволь побродивъ по свѣту, почувствуетъ, наконецъ, потребность отдыхать круглый годъ, какъ я теперь ее чувствую.

Все устроилось такъ, какъ совѣтывалъ и предполагалъ старикъ Бастіенъ. Господь Богъ благословилъ насъ за наше послушаніе, и такъ-какъ человѣческая жизнь не что иное, какъ смѣсь печалей и радостей, то бѣдная Маритонъ часто приходила къ намъ поплакать, а добрые сосѣди — посмѣяться.

Digitized by Google

АСПАЗІЯ.

Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?
Владычица Аѳинъ, перикловa подруга,
Которую Сократъ почтилъ названьемъ друга,
Какъ дѣвочка люблю, вздыхаю, плачу я...
Все позабыла — блескъ, правленье государства,
Дѣла, политики полезное коварство,
И даже самыя лѣта... но, впрочемъ, нѣтъ!
У женщинъ для любви не существуетъ лѣтъ;
Хоть, говорятъ, глупа послѣдней страсти вспышка,
Пускай я женщина, а онъ еще мальчишка;
Но счастье вѣдь не въ томъ, чтобы самой любить
И чувствомъ пламеннымъ сгарать и наслаждаться:
Нѣтъ, счастіемъ его дышать и любоваться,
И въ немъ неопытность къ блаженству пріучить...
А онъ — онъ чистое подобье полубога!
Онъ робокъ, онъ стыдливъ и даже дикъ немного (¹);
Но сколько гордости въ приподнятыхъ губахъ,
И какъ краснѣетъ онъ при ласковыхъ словахъ!
Еще онъ очень-юнъ: щека блеститъ атласомъ,
Но рано слышится въ немъ страсть повелѣвать;
И позы любитъ онъ героевъ принимать
И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ...
На играхъ побѣдивъ, онъ станетъ какъ Ахиллъ!
Но побѣжденный, онъ еще мнѣ больше милъ:
Надвинетъ на чело колпакъ онъ свой фригійскій,
И точно маленькій Юпитеръ Олимпійскій
Глядитъ съ презрѣніемъ, хотя въ душѣ гроза
И горькою слезой туманятся глаза...

(¹) ...... et même un peu farouche...
Racine. «Phèdre».

О какъ бы тутъ его прижать къ горячей груди
И говорить: «не плачь, не плачь, то злые люди!..»
Въ ланиты, яркія румянцемъ вешнихъ розъ,
И въ очи цаловать, блестящія отъ слезъ,
Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться,
И вмѣстѣ плакать съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться!..

А. МАЙКОВЪ.

РЕБЕНОКЪ.

Лежу на коврѣ, а по мнѣ-то, пыхтя,
Цѣпляется полный мальчишка,
И за носъ теребитъ меня,
И букой стращаетъ, плутишка,
И какъ мы хохочемъ, друзья!

Стыдите меня вы! смѣшно это вамъ;
Но я не стыжусь, не скрываю:
Да, часто по цѣлымъ часамъ
Я съ малымъ ребенкомъ играю,
Ребенкомъ я дѣлаюсь самъ!

Слѣжу я за нимъ, чуть дыша,
И каждый намъ мигъ драгоцѣненъ...
А какъ въ немъ смѣется душа!
И какъ этотъ смѣхъ откровененъ!
О, какъ ему жизнь хороша!

Вѣдь сладокъ вамъ розъ ароматъ и лилей,
Въ зной — отдыхъ подъ липовой тѣнью,
Такъ въ пору тревогъ и страстей
Отрадно, отдавшись мгновенью,
Жить легкою жизнью дѣтей.

А. МАЙКОВЪ.

Digitized by Google

СУЖЕНАГО КОНЕМЪ НЕ ОБЪѢДЕШЬ.

ПОВѢСТЬ.

J'ai lu quelque part l'histoire d'un épagneul qui avait terassé un lion...

(Изъ записокъ начитаннаго человѣка.)

I.

Цѣлые десять дней я не увижу васъ, другъ мой. Но только вдали отъ васъ я съумѣю, можетъ-быть, заняться не вами исключительно. Приступаю къ обѣщанному вамъ разсказу — къ чистосердечной, полной исповѣди. Не знаю, совершится ли задуманный мною подвигъ, или на одну попытку станетъ моихъ нравственныхъ силъ. Но и самая попытка есть ужь подвигъ, на который я могу рѣшиться исключительно для васъ, Евгеній!

О дѣтствѣ моемъ не стану говорить подробно. Для васъ не нашлось бы ничего занимательнаго въ разсказѣ о радостяхъ и слезахъ ребенка, котораго вы зазнали ужь двадцати-четырехлѣтней женщиной. Изъ этой поры моей жизни, изъ первоначальнаго моего воспитанія я вынесла, кажется, только то, что̀ согласовалось съ моими врожденными способностями. Можетъ-быть, такого результата не имѣли въ виду мои воспитатели и достигли его безсознательно. Вы слыхали о моемъ отцѣ: онъ слылъ человѣкомъ гордымъ, неуживчивымъ. Но это неправда. Тотъ, кто, несмотря на жосткость его пріемовъ, умѣлъ бы сблизиться съ нимъ, нашелъ бы въ немъ человѣка любящаго, образованнаго и даже очень-пріятнаго въ обыденной жизни. Мать моя была женщина безпредѣльно-добрая; я любила ее безъ памяти; отца же до четырнадцати лѣтъ я мало видѣла. Сраженный неожиданною кончиною моей матери, онъ искалъ развлеченій въ безпрестанныхъ разъѣздахъ,

Digitized by Google

пока не стала развиваться въ немъ хроническая болѣзнь, которою онъ прострадалъ восемь лѣтъ. Когда съ рукъ гувернатки перешла я на его попеченія, я стала понимать сокровенныя богатства этой природы и, вообразите, совершенно завладѣла тѣмъ, кого привыкла считать желѣзнымъ человѣкомъ! Не я выполняла его прихоти, а онъ угождалъ мнѣ во всемъ. Мало-по-малу онъ отдалъ въ мое распоряженіе и себя и управленіе домомъ. Я хлопотала по хозяйству, занималась чтеніемъ, ѣздила верхомъ и принимала сосѣдей.

Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, когда къ намъ неожиданно пріѣхалъ Юрій Өедоровичъ Нагибинъ, дальній родственникъ моей матери; я его не знала вовсе, и пріѣздъ его былъ мнѣ непріятенъ. За исключеніемъ немногихъ сосѣдей, мы никого не видали, и я одичала въ деревнѣ. Отецъ насъ познакомилъ: я холодно поклонилась Юрью и нѐхотя протянула ему руку.

Уединенная жизнь развиваетъ склонность къ наблюдательности. Въ свѣтѣ, гдѣ лица и явленія смѣняются передъ нами съ калейдоскопической быстротой, мы никого не знаемъ, ни во что̀ не вглядываемся; но въ деревнѣ новое знакомство составляетъ событіе, и новое лицо становится предметомъ изученья. Получивъ такое направленіе смолоду, я и впослѣдствіи нескоро постигла тайну сводить такъ-называемыя шапочныя знакомства.

Сначала я почти не принимала участія въ разговорѣ отца моего съ нашимъ гостемъ; за-то съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась въ Юрья, вслушивалась въ каждое его слово, слѣдила за его движеніями. Роста онъ немного-выше средняго. Въ чертахъ его лица необыкновенное согласіе — своего рода правильность. Его физіономія, открытая и живая, невольно внушаетъ довѣріе. Навыкъ свѣта и въ-особенности любовь матери, безусловно имъ восхищавшейся, вдоволь надѣлили его самоувѣренностью, проявлявшейся на каждомъ шагу, но, къ-счастью, въ такихъ простодушныхъ формахъ, что она не производила непріятнаго впечатлѣнія, а, напротивъ, обращалась въ пользу Юрья: *cela impose*, какъ говорятъ французы (можетъ-быть, впрочемъ, это послѣднее замѣчаніе, вѣрно только въ-отношеніи ко мнѣ); но живость физіономіи и пріемовъ не скрадывала въ Юрьѣ печати немужской мягкости характера, отсутствія всякой энергіи. Съ перваго раза чувствовалось противорѣчіе такого сочетанія; но противорѣчіями и объясняется весь характеръ этого человѣка, со всѣми его недостатками...

Digitized by Google

Понемногу я втянулась въ разговоръ; онъ шелъ живо и весело. Юрья нисколько не смутила строгая наружность отца моего, и онъ, уходя вечеромъ въ свою комнату, объявилъ, что намѣренъ пробыть у насъ нѣсколько дней. Какъ случилось, что онъ пробылъ три мѣсяца? На это онъ самъ не съумѣлъ бы отвѣчать.

Съ первой встрѣчи я его коротко узнала; онъ мнѣ понравился; но, вопреки общему правилу, я ни минуты не была ослѣплена на его счетъ. Мнѣ достаточно было нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ съ нимъ, чтобъ убѣдиться въ благородствѣ его образа мыслей, образованности его ума и колоссальности воображенія.

Мы спорили, и я уступала, но уступала ему собственно, его личности, а не фосфорическому блеску его словъ.

На другой день я проснулась ранѣе обыкновеннаго и сошла въ садъ. Долго бродила я безъ цѣли и, сама не знаю почему, остановилась противъ комнаты Юрья. Дверь на террасу была отворена. Спиною къ ней, передъ зеркаломъ, стоялъ Юрій, ужь одѣтый, и тщательно занимался уборкой своихъ длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ. Онъ ихъ расчесывалъ, закидывалъ назадъ и старался привести въ эффектный безпорядокъ. Это продолжалось довольно-долго; вдругъ онъ повернулъ голову въ мою сторону. Мнѣ стало совѣстно и за себя и за него; я почти бѣгомъ повернула въ аллею, но онъ видѣлъ меня и побѣжалъ за мною, называя меня по имени.

— Настя!... кузина!... Извините, я не зналъ, что ваше утро начинается такъ рано, и отворилъ террасу, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Вы, кажется, застали меня за туалетомъ?

— А вашъ туалетъ долго продолжается? спросила я, улыбаясь.

— Признаюсь, вообще довольно-долго, и въ-особенности меня занимаютъ мои волосы. Ихъ похвалила не одна женщина, и я самъ къ нимъ очень-пристрастенъ.

Но ни одни волосы были предметомъ нѣжной его заботливости. Онъ одѣвался обдуманно, просто и изящно, и, пользуясь сельской свободой, подъ предлогомъ лѣтнихъ жаровъ, повязывалъ свой галстухъ съ небрежностью, обличавшей тайное желаніе высказать красоту шеи; не менѣе тщательно занимался онъ своею бѣлою рукой, на которой носилъ маленькій изумрудный перстень, очевидно подаренный ему женщиной. Все это не было смѣшно въ Юрьѣ. Рядомъ съ чувствомъ дѣвочки, которая любитъ наряды, не какъ средство достиженія задуманной цѣли, а какъ предметъ

Digitized by Google

простодушнаго наслажденія, въ немъ высказывалось чувство эстетическое, любовь къ гармоніи, перенесенная на самыя мелочныя, вседневныя явленія.

Я предложила ему сигару; онъ отказался, говоря, что грудь его не выноситъ сигары, а что трубку нельзя курить иначе, какъ въ восточномъ костюмѣ, въ комнатѣ, устланной коврами, на которыхъ смѣшно сидѣть, не скрестивъ ногъ потурецки. Много говорилъ онъ подобнаго вздора; но такъ искренни были слова его, такъ отчетливо опредѣляли его личность, что нравились мнѣ, какъ нравится намъ вѣрное отраженіе того, что мы любимъ. Съ быстротой мысли переходя отъ одного предмета къ другому, онъ вдругъ заговорилъ о своемъ пріѣздѣ къ намъ, приходя въ восхищеніе отъ неожиданной встрѣчи съ людьми порядочными, заброшенными въ степную глушь. Въ отцѣ моемъ онъ видѣлъ болѣе, нежели замѣчательнаго человѣка. Меня онъ прозвалъ Circea Borealis. Вообще впечатлѣніе, произведенное на него нашимъ знакомствомъ, было такъ сильно, что мнѣ стоило только захотѣть, чтобъ овладѣть имъ окончательно. Но вышло наоборотъ. Юрій не полюбилъ меня серьёзно; а минутный восторгъ, внушенный ему моею наружностью, вскорѣ замѣнился чувствомъ, до-тѣхъ-поръ ему незнакомымъ. Онъ понялъ, что беретъ верхъ надо мной, и чувство владычества обрадовало его, какъ ребенка; онъ имъ безотчетно наслаждался, не угадывая моей любви, истинной тайны его надо мной вліянія.

Я выслушивала его дѣтскія бредни, не имѣя духа ему противорѣчить и добровольно жертвуя ему своими убѣжденіями; въ покорности моей онъ видѣлъ не что иное, какъ дѣйствіе его нравственнаго могущества. И какъ онъ имъ наивно гордился! съ какимъ своенравіемъ забавлялся мной, повѣряя свою власть на каждой мелочи! Мое пластическое образованіе, какъ онъ выражался, занимало его не менѣе нравственнаго. Онъ говорилъ, что женщина получаетъ право на постоянное вниманіе любимаго человѣка тогда только, когда постигнетъ тайну безконечнаго разнообразія формы, при постоянномъ ея изяществѣ. Я привыкла придерживаться самой строгой простоты въ туалетѣ, или, лучше сказать, очень-мало имъ занималась. Юрій упросилъ меня надѣвать платья розовыя, голубыя, яркихъ цвѣтовъ, которые всегда мнѣ были ненавистны. Прическа моя тоже безпрестанно измѣнялась по его прихоти. Сначала онъ находилъ, что вгладь-зачесанные волосы идутъ къ выраженію моего будто-бы серьёзнаго профиля; но слу-

Digitized by Google

чайно-попавшаяся ему подъ-руку журнальная картинка напомнила ему кудри à la Sévigné; онъ заставилъ меня ихъ носить, говоря, что кудри—самое богатое украшеніе женщины, и восхищался ими болѣе недѣли, пока не довелось намъ прочесть вмѣстѣ рыцарскій романъ «Jehan de Saintré»; тогда онъ началъ звать меня belle châtelaine и требовать, въ оправданіе словъ своихъ, чтобъ я причесывалась *à la reine Margot*.

Моя маленькая библіотека, составленная изъ любимыхъ моихъ авторовъ, подверглась строгому его разбору. Надо вамъ сказать, что этотъ періодъ его жизни былъ ознаменованъ непримиримой ненавистью къ Жоржу Занду. Онъ съ негодованіемъ выбросилъ изъ моего шкапа всѣ ея романы, говоря, что никому не позволитъ заронить превратную мысль въ мою дѣвственную душу. Жоржъ Зандъ была замѣнена Голдсмитомъ и madame de Staël, которымъ суждено было очень-недолго участвовать въ дѣлѣ моего нравственнаго образованія. Отыскавъ нѣсколько старыхъ французскихъ книгъ въ кабинетѣ отца моего, Юрій невольно зачитался и на цѣлую недѣлю заразился ихъ духомъ, говорилъ рѣзко, отрывисто, споря противъ того, что дважды два — четыре. Я начинала свыкаться съ подобными выходками спорщика, не удивлялась имъ, а только радовалась, что забыты Голдсмитъ и m-me de Staël. Сказать ли правду? я восхищалась воспріимчивости Юрія, объясняя богатствомъ нравственныхъ силъ его способность такъ горячо и искренно освоивать себѣ вовсе ему чуждыя убѣжденія. Мила мнѣ была его ребяческая злоба, которая обрывалась на Киперѣ, моей собакѣ, или на нашемъ карликѣ Ростѣ, когда что-нибудь задѣвало то, что̀ Юрій называлъ своими убѣжденіями. Какъ Гамлетъ, онъ поражалъ Полонія, вѣчно проходя мимо своей цѣли...

Во имя родства Юрій пользовался всѣми правами самой безпредѣльной короткости, опасной для девятнадцати-лѣтней дѣвушки, которой предоставлена полная свобода дѣйствій. Отецъ мой полюбилъ Юрія какъ единственнаго человѣка, котораго ни мало не озадачили его жосткіе пріемы; но онъ видѣлъ въ немъ не болѣе какъ взрослаго ребенка и не повѣрилъ бы, что онъ способенъ внушить мнѣ серьёзное чувство. Утро Юрій проводилъ въ моей комнатѣ; мы читали поочереди, и онъ мнѣ давалъ уроки англійскаго языка. Вечеромъ мы отправлялись вдвоемъ гулять верхомъ, или въ кабріолетѣ. Во время прогулки онъ мнѣ разсказывалъ эпизоды своей свѣтской жизни и знакомилъ меня со всѣми личностями, которыя играли какую-нибудь роль въ-отношеніи къ

нему. Онъ иногда довольно-вѣрно цѣнилъ людей и удачно схватывалъ ихъ хорошую или смѣшную сторону; но, увлекаясь наружнымъ блескомъ, принимался фантазировать, и сплошь да рядомъ любилъ людей за то именно, чего въ нихъ нѣтъ. Часто онъ повѣрялъ мнѣ свои намѣренія и предположенія, которыя смѣнялись каждый вечеръ, судя по впечатлѣніямъ протекшаго дня. Женщины болѣе всего тревожили его воображеніе: онъ поочередно былъ поклонникомъ сорока-лѣтней бальзаковой красавицы, или чистаго дѣвственнаго образа: онъ просто любилъ женщинъ и всѣ сколько-нибудь изящные типы; но такое несложное объясненіе собственныхъ чувствъ не приходило ему на мысль.

Разъ, лѣтнимъ вечеромъ, мы вдвоемъ ходили по саду. Юрій былъ молчаливъ; я сѣла на скамью, онъ легъ на траву у ногъ моихъ и сталъ напѣвать французскій романсъ, довольно-пошлый, но слова говорили про любовь и въ эту минуту показались мнѣ прекрасными. Когда онъ кончилъ, я ему сказала:

— Не-уже-ли вы никогда не любили?

— Я? отвѣчалъ онъ: — Боже мой! кто любилъ какъ я, такъ страстно, такъ разрушительно для собственнаго сердца?

Пораженная неожиданностью признанія, я собралась съ силами, чтобъ спросить:

— А васъ любили?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Такія женщины, какъ она, не любятъ никого. Она мечтательна какъ героиня Байрона, капризна какъ маркиза восьмнадцатаго вѣка, и зла какъ змѣя; но за-то какое въ ней могущество! Я не понимаю, чтобъ съ ней можно было равнодушно встрѣтиться.

— Я бы дорого дала, сказала я: — чтобъ походить на женщину, способную внушить такое чувство.

— Что вы говорите! замѣтилъ Юрій, пожимая плечами. — Да она не стоитъ вашей ноги...

Я невольно вскрикнула:

— Не-уже-ли? Вы это находите?..

Онъ взглянулъ на меня, увидѣлъ слезы, навернувшіяся мнѣ на глаза, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Какой вы ребенокъ!..

Но рука моя дрожала; я не рѣшалась поднять голову и была не въ силахъ скрыть свое волненіе.

— Настя, сказалъ онъ смущеннымъ голосомъ: — вы слишкомъ меня любите...

Digitized by Google

Я не отвѣчала. Онъ оставилъ мою руку, долго сидѣлъ молча и наконецъ всталъ. Я робко глядѣла на него. Его физіономія выражала сильную внутреннюю борьбу: онъ нѣсколько времени стоялъ неподвижно и вдругъ быстрыми шагами удалился въ глубину сада. Я сидѣла какъ приговоренная къ смерти, смутно понимая, что эта минута рѣшала мою судьбу.

Я надѣялась: мнѣ казалось возможнымъ, что Юрій меня любитъ безсознательно и что мое внезапное признаніе открыло ему тайну его собственныхъ чувствъ... Не знаю, сколько времени я просидѣла на скамьѣ въ лихорадочномъ трепетѣ, ожидая развязки этой сцены. Вдругъ сердце мое замерло: Юрій показался въ концѣ аллеи; онъ шелъ твердымъ шагомъ, сѣлъ возлѣ меня и тихо спросилъ:

— Какъ вы думаете, Настя, будете ли вы счастливы со мной?

— Любите ли вы меня? спросила я въ свою очередь.

— Отъ всей души; я васъ люблю какъ сестру и лучшую изъ всѣхъ женщинъ.

Эти слова меня убили. Я поняла, что, въ порывѣ необдуманнаго самопожертвованія, онъ рѣшился жениться на мнѣ. Такой порывъ я вызвала невольно, но имъ воспользоваться не согласилась бы ни за что̀ на свѣтѣ.

— Согласны ли вы быть моей женой? сказалъ Юрій.

— Нѣтъ, отвѣчала я.

Онъ на меня пристально посмотрѣлъ; я продолжала:

— Вы меня любите какъ сестру — мнѣ этого довольно. Подумайте о себѣ: найдется женщина, которую вы полюбите нѣжнѣе; передъ вами сто лѣтъ счастія... Вы такъ молоды...

— Вы меня не поняли, Настя, сказалъ онъ. — Выслушайте меня. Правда, двадцати-четырех-лѣтній мужчина считается очень молодымъ человѣкомъ; но я много испыталъ. Способность любви разъ навсегда истощилась во мнѣ одной безумной страстью, которой не будетъ повторенія. Но изъ этого не слѣдуетъ что я отжилъ; напротивъ, я не хочу и не долженъ обречь себя на бездѣйствіе. Человѣкъ не даромъ надѣляется могучими нравственными силами. Онѣ даются ему для выполненія высокаго назначенія. Наивное признаніе ваше открыло мнѣ глаза: цѣль жизни моей найдена. Мой удѣлъ благородный: мой удѣлъ — ваше счастіе. Дайте руку. Вы согласны?..

Ка̀къ ни говорите, самая сильная женская природа слабѣетъ передъ иными испытаніями. Онъ могъ обманываться иначе: онъ

Digitized by Google

могъ сказать мнѣ, что чувствуетъ, что меня полюбитъ, и я бы повѣрила ему. Но слова любви не было въ его необдуманномъ предложеніи. Въ его глазахъ не нужно было любви между такимъ мужемъ, какъ онъ, и такою женою, какъ я. Онъ пристрастился къ мысли о призваніи, не понимая, что мнѣ невозможно смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія.

— Я васъ очень-хорошо понимаю, сказала я: — вы поступаете благородно, но необдуманно. Не вы ли говорили, что никогда не встрѣчались равнодушно съ той женщиной, которую любили? Могло ли въ одну минуту изгладиться такое сильное чувство?

Юрій покачалъ головой.

— Вы все судите какъ ребенокъ, отвѣчалъ онъ (онъ очень любилъ звать меня ребенкомъ). — Сильное чувство, конечно, неизгладимо. Оно можетъ обратиться въ ненависть, но все-таки существуетъ, только подъ другой оболочкой. Да что же вы изъ этого заключаете? Что жь общаго между чувствомъ, мною испытаннымъ, и прямымъ назначеніемъ человѣка? Почему вы не хотите понять меня? Не-уже-ли я не могу быть поэтомъ или ваятелемъ потому именно, что я любилъ? Я точно также посвятилъ бы жизнь свою искусству, какъ посвящу ее теперь моему настоящему призванію. Еслибъ вдругъ мнѣ попалась кисть, и я бъ неожиданно начертилъ неподражаемый образъ красавицы, идеальный, глубоко-прочувствованный: вы не усумнились бы въ ясномъ свидѣтельствѣ указаннаго мнѣ свыше пути? Понимаете ли, что вы мой идеалъ?

Я въ эту минуту строго судила Юрія. Мнѣ стало досадно и горько, что разъ въ жизни ему не удалось быть взрослымъ человѣкомъ. Теперь, вспоминая эту сцену, я должна сознаться, что онъ былъ невыразимо-хорошъ ребяческой красотою. Голосъ его возвышался постепенно, онъ экзальтировался своими собственными словами. Немного-восторженный слогъ, которымъ онъ говорилъ въ торжественные часы своей жизни, былъ въ немъ несмѣшонъ. Юрій стоялъ противъ меня, окрестивъ руки; его длинные волосы развѣвались по вѣтру; глаза сіяли блескомъ искренняго, хотя и безумнаго убѣжденія. Но я была оскорблена. Во мнѣ заговорили отцовская кровь и женское самолюбіе; я не прощала ребяческаго отвѣта на мою любовь; я досадовала, что мы такъ некстати высказали оба — я свою тайну, онъ свое непрошеное великодушіе.

— Дѣйствительно, сказала я, не сдерживая ироніи: — странно

Digitized by Google

было бы, еслибъ вдругъ вы оказались ваятелемъ или живописцемъ. Даже позволительно не вѣрить переходу отъ ученическихъ рисунковъ къ образу идеальной красоты. Но идеала я неспособна замѣнить ни въ какомъ случаѣ. Знаете ли? Мы, кажется, говоримъ съ вами о небылицахъ, пока папенька ждетъ насъ къ чаю... Пора домой. Завтра у обоихъ будетъ голова посвѣжѣе... Вы же очень подвержены приливамъ крови къ головѣ... Завтра мы отдадимъ себѣ отчетъ въ сегодняшнемъ вечерѣ и, вѣрно, посмѣемся сами надъ собой...

Я встала. Онъ слѣдовалъ за мною съ полуизумленнымъ, полусконфуженнымъ видомъ. Я обернулась, протянула ему руку и сказала, смѣясь:

— Вы теперь напоминаете мнѣ моего Кипера. Онъ точно также смотритъ исподлобья, когда, вмѣсто ожидаемой имъ конфетки, я подаю ему пустую бумажку.

Юрій чуть-было не разсердился, но посмотрѣлъ на меня пристально, пожалъ плечами и опять назвалъ меня ребенкомъ!

На другой день его воображеніе значительно остыло; однако, онъ спросилъ у меня, чѣмъ я собираюсь объяснить ему вчерашнюю сцену.

— Да чѣмъ ее объяснить? сказала я. — Вы меня будете бранить, какъ всегда браните за романтическое направленіе моихъ мыслей. Вчера утромъ, несмотря на ваши увѣщеванія, я читала Жоржа Занда; вечеромъ вы пѣли романсы, разсказывали Богъ-знаетъ какія исторіи, одна другой опаснѣе для воображенія, настроеннаго на бредни; вечеръ былъ необыкноенно-хорошъ; я некстати размечталась... вотъ и все.

Наше объясненіе продолжалось довольно-долго. Я говорила то нѣжно, то шутя, но результатъ вышелъ неожиданный: Юрій слѣпо повѣрилъ мнѣ на слово и разразился грозой противъ слова *романтизмъ*, возвратился къ любимой своей роли наставника, говорилъ о чистотѣ души моей, заклиналъ меня предоставить исключительно ему выборъ книгъ для моего чтенія, цаловалъ мои руки, смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и даже не подозрѣвалъ затаенныхъ мною страданій. Мнѣ стало понятно гоголевское «могущество слабости». Не оно ли съ простодушнымъ невѣдѣніемъ обрекало меня на мучительныя пытки, обращало весь запасъ молодыхъ моихъ силъ въ одну мелочную заботу о бережномъ обхожденіи съ ребенкомъ? на чувства благородныя налагало клеймо ребячества и пошлости?

Digitized by Google

Наши отношенія не измѣнились. Юрій уѣхалъ, въ полной увѣренности, что я его люблю какъ роднаго брата, и обѣщался часто писать ко мнѣ. Всѣ страданія разлуки легли мнѣ на душу. Мной овладѣли праздность и тоска. Я стала мечтательна и угрюма.

Вы не знаете, что̀ такое тамбовская степь? Ровныя, безпредѣльныя поля могли бы дать понятіе о морѣ; но въ нихъ нѣтъ ни поэзіи, ни жизни моря; ничѣмъ ненарушимая тишина царствуетъ въ неизмѣримомъ пространствѣ. Однако, бывало, прежде я весело садилась на лошадь и пускалась всѣмъ ея скокомъ по извилистой полевой дорогѣ. Любила я родныя поля, «шумящія спѣлымъ колосомъ», ихъ яркое освѣщеніе въ часъ полуденнаго зноя и ихъ вечернюю свѣжесть. Свободно дышала грудь, неозабоченная вопросами о жизни, о свѣтѣ, о томъ, что̀ дѣлается за безконечностью степей. Возвращаясь домой, послѣ солнечнаго заката, я прислушивалась къ пѣснямъ рабочихъ и вторила давнознакомому напѣву. Всѣ любили меня. Я была необходимымъ условіемъ счастья другихъ, и жила этой мыслью и довольствовалась вседневными явленіями мирнаго круга.

Послѣ отъѣзда Юрія, степь мнѣ казалась душной, страшной, какъ изгнаніе. Я бросила всѣ прежнія занятія. Мое душевное состояніе стало невыносимо, и я тщетно пыталась выйдти изъ него. Я рада была бы бѣжать сама не зная куда; и еслибъ не отецъ, я уѣхала бы въ Москву, въ другое мѣсто—все равно, уѣхала бы куда-нибудь: мнѣ нужно было дышать другимъ воздухомъ, броситься въ другую жизнь... бездѣйствіе убивало меня!

Долго я оставалась безъ извѣстія о Юрьѣ; наконецъ онъ мнѣ написалъ изъ Москвы: дѣла свои, противъ всякаго ожиданія, онъ нашелъ въ страшномъ безпорядкѣ. Задушевный его пріятель, который взялся ими заниматься, обманулъ его безсовѣстно. Юрью взгрустнулось, и онъ вспомнилъ обо мнѣ. Я ему отвѣчала немедля и послала всѣ деньги, которыми могла располагать, браня его за то, что онъ давно не обратился къ намъ. Его чрезвычайно тронуло мое письмо, и въ посылкѣ денегъ онъ видѣлъ несомнѣнное доказательство моей къ нему привязанности.

Не-уже-ли она нуждалась въ краснорѣчіи матеріальнаго доказательства?...

Письмо за письмомъ, онъ увлекся перепиской, оживившей меня на цѣлые два мѣсяца. Потомъ на долю Юрья выпали неожиданныя развлеченія; онъ сталъ отвѣчать мнѣ крайне-неакуратно и небрежно. Я нѣсколько разъ напоминала ему его обѣщаніе воро-

Digitized by Google

титься въ наши края; но, по его словамъ, препятствія толпою возникали вокругъ него, какъ-скоро онъ собирался къ намъ. Я поняла, что должна, во чтò бы ни стало, искоренить мою любовь къ забывшему меня человѣку; было что-то унизительное для меня въ чувствѣ нераздѣленномъ, даже незамѣченномъ...

Я принялась за безжалостный разборъ личности Юрья, созналась въ его совершенномъ ничтожествѣ, старалась убѣдиться, что въ немъ самомъ нѣтъ нравственнаго оправданія моей любви къ нему, и, наконецъ, умѣла довести себя до того, что не жалѣла о прекращеніи нашей переписки... какъ вдругъ она неожиданно возобновилась: Юрій писалъ мнѣ, что онъ женится!

Его женитьба становилась вѣчной преградой между нами. Этотъ доводъ далъ мнѣ новыя силы къ борьбѣ противъ собственныхъ чувствъ моихъ, которыя, можетъ-быть, воскресли бы отъ одного слова любви... Между-тѣмъ, видимо гасло здоровье отца моего. За полгода до его смерти, за меня сталъ свататься сосѣдъ нашъ, князь Б***, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безупречный. Отецъ мой желалъ этого брака, но я не любила князя и рѣшилась на отчаянное сопротивленіе... Дорого оно мнѣ стоило и часто упрекомъ ложится мнѣ на совѣсть. Больной отецъ долго уговаривалъ меня — напрасно: князю отказали...

Отецъ мой скончался. Я горько плакала; я оставалась на землѣ одна, совершенно одна. Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ не знала я чтò начать, куда мнѣ дѣваться...

II.

Въ это время я получила письмо отъ Нины Лониной, моей двоюродной сестры. Мы разстались почти дѣтьми, но постоянная переписка поддерживала между нами родственныя и дружескія сношенія, хотя мало насъ знакомили другъ съ другомъ; я по-крайней-мѣрѣ не умѣла извлечь изъ нея положительныхъ данныхъ о личности Нины. Нина ужь цѣлыя пять лѣтъ была зàмужемъ, жила зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ на дачѣ, и звала меня къ себѣ такъ настойчиво и мило, что трудно бъ было отказаться, еслибъ даже мнѣ и не хотѣлось ѣхать, еслибъ одиночество и не развило во мнѣ непреодолимой потребности въ перемѣнѣ мѣста. Оставляя степи, я писала къ Нагибину, чтобъ увѣдомить его о кончинѣ отца и пожелать ему счастья.

Лонины жили въ пяти верстахъ отъ Москвы. Въ первый разъ

Digitized by Google

проѣзжая Москвой, я плѣнялась, какъ ребенокъ, городскимъ шумомъ и новизною предметовъ.. Часу въ седьмомъ вечера моя дорожная карета остановилась у подъѣзда загороднаго дома, похожаго на щегольскую игрушку. Въ залѣ меня встрѣтила Нина; я едва узнала ее, но бросилась къ ней на шею. Она поцаловала меня и, окинувъ взглядомъ, сказала:

— Какъ ты запылена!

— Какъ ты похорошѣла! какъ ты хороша! повторяла я, обнимая ее и въ-самомъ-дѣлѣ любуясь ею.

Меня удивляетъ, что Нина слыветъ красавицей во мнѣніи женщинъ болѣе, нежели во мнѣніи мужчинъ, которые вообще находятъ въ ней недостатокъ одушевленія, натянутость, заученность въ привычкахъ, въ наклонѣ головы, въ систематической медленности движеній. По-моему, ослѣпительная бѣлизна Нины, кроткое выраженіе ея взгляда и улыбки и стройность ея стана вполнѣ искупаютъ всѣ ея недостатки; по-моему, Нина хороша какъ ангелъ, хотя черты ея лица нельзя назвать правильными. Она улыбнулась моему восклицанію и отвѣчала:

— Я въ-правѣ тебѣ сдѣлать тотъ же самый комплиментъ, Настя. Пойдемъ, я тебя познакомлю съ мужемъ; онъ, вѣроятно, не знаетъ, что ты пріѣхала.

Рядомъ щегольскихъ покоевъ повела она меня въ свой кабинетъ, гдѣ двое молодыхъ людей сидѣли за ломбернымъ столомъ и играли въ пикетъ. При нашемъ появленіи, одинъ изъ нихъ поспѣшно всталъ съ мѣста, подошелъ ко мнѣ и поцаловалъ мою руку — это былъ Лонинъ. Съ первой минуты онъ мнѣ пришелся какъ-то по душѣ. Мы обмѣнялись немногими словами, но въ каждомъ словѣ Лонина высказывалось неподдѣльное радушіе и доброта.

— Настя, князь Чемеринъ, сказала Нина, представляя мнѣ другаго игрока.

Князь поклонился мнѣ учтиво и холодно, и снова погрузился въ карты.

— Продолжайте вашу игру, сказала я Лонину: — мы уйдемъ съ Ниной. Впрочемъ, при ней, какъ и при васъ, мнѣ совѣстно оставаться въ дорожномъ платьѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, дачный нарядъ Нины отличался поразительной простотой и свѣжестью. Но, странное дѣло: несмотря на привлекательность всѣхъ подробностей новой среды, въ которую я перешла прямо изъ запыленной дорожной кареты, я осталась не-

Digitized by Google

довольна первымъ полученнымъ мною впечатлѣніемъ: мнѣ стало жаль тревожныхъ и свѣтлыхъ ожиданій, коротавшихъ время моего путешествія. Я радовалась мысли свидѣться съ Ниной, готовилась слушать близкіе моему сердцу искренніе, долгіе ея разсказы о ней самой; готовилась, въ свою очередь, высказать ей всю мою душу; я любила Нину какъ сестру... Теперь, не знаю почему, мнѣ становилось неловко съ ней; ея пріемы, безспорно, ласковые, не вызывали меня на искренность. Нина привела меня въ назначенную мнѣ комнату, позвала мою горничную и сама помогла мнѣ освободиться отъ дорожныхъ доспѣховъ и распустить волосы.

Когда я стала одѣваться, мнѣ подали лѣтнее траурное платье, которое Нина заранѣе приготовила для меня. Она была моимъ постояннымъ коммиссіонеромъ, заказывала мнѣ наряды и пересылала ихъ въ деревню. Новое платье прекрасно на мнѣ сидѣло, и Нина радовалась, что ея подарокъ удался и поспѣлъ къ моему пріѣзду. Все это было очень-мило; но разговоръ почему-то не клеился между нами: мы переходили отъ одного вопроса къ другому. Я ничего не знала о Нинѣ и не умѣла приступить къ разспросамъ. Нина, напротивъ, знала изъ моихъ писемъ все, что касалось до меня, но не заводила рѣчи о предметахъ, мнѣ въ-особенности-близкихъ. Я ей писала о Нагибинѣ, но она мнѣ о немъ не сказала ни слова.

— Послѣ смерти отца, сказала я наконецъ: — я старалась какъ можно болѣе заниматься, но грустила и скучала такъ, что впала бы въ уныніе, еслибъ ты не вызвала меня къ себѣ.

— Очень-рада, отвѣчала она: — я выѣзжаю мало, но зимой мы принимаемъ довольно. Ты скоро свыкнешься съ нашимъ обществомъ, а покамѣстъ, на досугѣ, позволишь мнѣ приготовить тебя къ твоей будущей роли въ свѣтѣ и передать тебѣ кой-какія замѣчанія.

— Благодарю тебя, Нина. Вѣроятно, эта школа для меня необходима: я одичала въ деревнѣ.

— И судя по твоимъ письмамъ, въ тебѣ... pardon, въ тебѣ развилось направленіе немного-своенравное... заключила она, улыбаясь и грозя мнѣ пальцомъ.

— То-есть, въ какомъ отношеніи?..

— Ты слишкомъ-много читала для двадцатилѣтней дѣвушки, и выраженія у тебя иногда выходятъ рѣзки... Да это ничего, ты отъ нихъ скоро отвыкнешь... pardon, ты не сердишься?

Digitized by Google

— Боже мой! я тебѣ повторяю, что твои совѣты будутъ приняты съ ученическимъ смиреніемъ. За рѣзкость моихъ выраженій, повѣрь, я не стану заступаться, хотя и не понимаю, на что именно ты намекаешь; но едва-ли это плодъ моихъ чтеній: ихъ выборомъ занимался мой отецъ.

А я, вышедши замужъ въ твои годы, ничего не читала, кромѣ исторіи, книгъ религіознаго содержанія и очень немногихъ англійскихъ романовъ.

Возвратясь къ Лонину и его гостю, мы расположились въ двухъ шагахъ отъ нихъ на террасѣ, уставленной цвѣтами. Я невольно стала всматриваться въ Чемерина, повинуясь необъяснимому чувству, которое нерѣдко останавливаетъ наше вниманіе на предметахъ, непріятно на насъ дѣйствующихъ. Вы не встрѣчались съ княземъ, и мнѣ бы хотѣлось дать вамъ вѣрное о немъ понятіе.

Онъ хорошъ собой: черты лица его правильны и рѣзки; карие глаза прекрасны, волосы густы и совершенно-черны; рука мала, какъ у женщины, и блѣдна до синеватости, что производитъ впечатлѣніе особенно-непріятное... Но не заключайте изъ этого очерка, чтобъ личность князя сколько-нибудь сбивалась на демонство, которымъ еще такъ недавно и такъ щедро надѣлялись всѣ эксцентрическіе герои романовъ—нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ: это личность самая прозаическая, вопреки замѣчательной красотѣ, изяществу пріемовъ и англійскому покрою платья. И ни пріемы князя, ни его блѣдность, ни одна его черта, ничто не отзывается тѣмъ, что намъ знакомо подъ названіемъ душевныхъ недуговъ, нравственной усталости выстраданнаго характера. Напротивъ, въ этомъ человѣкѣ, который кажется изсѣченнымъ изъ мрамора, все просто, покойно и мощно; въ немъ скупо сберeглись и окрѣпли всѣ природные дары; только непріятно поражаетъ односторонность даннаго имъ развитія. Князь—олицетворенная положительность, холодная, вѣчно себѣ вѣрная, ничѣмъ-невозмутимая положительность, торжество разсудка надъ всѣмъ, что близко къ увлеченію, или даже къ чувству. Я увѣрена, что его блѣдность происходитъ просто отъ недостатка теплоты крови.

Лонинъ нѣсколько разъ прерывалъ игру, чтобъ сказать мнѣ два-три слова; Чемеринъ оставался погруженнымъ въ карты и терпѣливо ждалъ обращенія своего партнера къ игрѣ. Видно было, что всякому занятію онъ привыкъ сообщать серьёзный характеръ дѣла.

Digitized by Google

— Нина, сказала я: — твой мужъ мнѣ очень нравится; кажется, мы съ нимъ скоро сойдемся.

— Вѣроятно. Дмитрій отличный человѣкъ.

Я знала, что Лонинъ, когда женился, былъ страстно влюбленъ въ Нину; тѣмъ не менѣе меня тревожило сомнѣніе о ея счастьи.

— Знаешь ли, сказала я ей: — переписываясь съ тобой, я часто себя спрашивала: счастлива ли ты? Въ твоихъ письмахъ высказываются покорность судьбѣ гораздо-болѣе, нежели нѣжность къ мужу.

— Право? отвѣчала она. — Нѣтъ, я очень-счастлива. Ты напрасно такъ понимала мои письма, или я какъ-нибудь дурно выражалась. Говоря вообще, порядочная женщина не жалуется... Повторяю тебѣ, что я очень-счастлива. Дмитрій, конечно, вспыльчивъ, какъ всѣ мужчины вообще; онъ мало знаетъ женщинъ, но это еще ничего не доказываетъ.

Она вздохнула и перемѣнила разговоръ, да такъ неловко заговорила о погодѣ, о цвѣтахъ, спросила, нравится ли мнѣ ихъ дача...

Терраса и скверъ, устроенные передъ нею, были усѣяны весенними цвѣтами. Но тишина вечера, пахучесть воздуха и самая миловидность хозяйки дома—все теряло свою цѣну въ моихъ глазахъ отъ методической холодности Нины и разсчитанности ея словъ. Я почти обрадовалась появленію Чемерина, какъ концу бесѣды, которой недавно еще ждала съ такимъ душевнымъ волненіемъ. Вслѣдъ за княземъ на террасу явился Лонинъ, держа на рукахъ прелестную четырехлѣтнюю дѣвочку.

— Я хотѣлъ самъ познакомить васъ съ моей дочерью, кузина, сказалъ онъ. — Скажите, какъ вы ее находите?

И, говоря эти слова, онъ осыпалъ ребенка поцалуями, не оставляя мнѣ возможности его разглядѣть.

— Теперь, прибавилъ онъ, относясь къ дочери: — мы отправимся спать, а тамъ я уѣду. Чемеринъ, хотите, я васъ довезу, или вы остаетесь?

— Пожалуй, отвѣчалъ князь: — поѣдемте.

— Развѣ вы не хотите пить чай съ нами? спросила Нина.

— *Au fait, j'ai demandé mes chevaux pour dix heures,* сказалъ Чемеринъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собою: — *nous pourrions nous croiser*. Если прикажете, продолжалъ онъ, обращаясь къ Нинѣ: — *Il était dit que ce soir mes hommages vous appartiendraient, mesdames.*

Digitized by Google

— Такъ прощайте, сказалъ Лонинъ: — до завтра. Онъ поцаловалъ жену, простился съ нами и уѣхалъ.

Мы остались втроемъ; самоваръ подали на террасу, и разговоръ незамѣтно завязался. Князь обладаетъ даромъ слова, но не увлекаетъ слушателей, потому-что отъ него вѣетъ холодомъ безжизненности. Касаясь общихъ и частныхъ вопросовъ, онъ съ цинической искренностью высказываетъ свой матеріальный взглядъ на жизненные интересы. Очень-многіе, и въ-особенности женщины, видятъ въ немъ оригинала и человѣка съ огромными способностями; онъ дѣйствительно уменъ; но мнѣ, съ перваго раза, бросились въ глаза крайняя односторонность его воззрѣній, ограниченность, тѣснота ихъ рамы. Судя о личностяхъ и вещахъ, просто ему недоступныхъ, какъ человѣку, неспособному чувствовать, онъ говоритъ умно и сухо, остритъ ловко и неожиданно; но и острить можно иначе, съ примѣсью болѣе-теплой ироніи, изобличающей душевную полноту. Впослѣдствіи, познакомившись ближе съ Чемеринымъ, я созналась, что, при первой встрѣчѣ съ нимъ, судила его слишкомъ-строго, хотя и справедливо. Въ этотъ вечеръ онъ мнѣ былъ до такой степени непріятенъ, что я даже не вмѣнила ему въ достоинства — достоинствъ неоспоримыхъ. Онъ простъ и чистосердеченъ, не облекается въ чужія добродѣтели, не обѣщаетъ болѣе, нежели сколько можетъ дать, и со всякимъ остается вѣренъ себѣ. Въ этотъ вечеръ я не могла быть безпристрастнымъ судьей тѣхъ людей, которые такъ холодно отвѣчали моимъ душевнымъ потребностямъ, которые, каждымъ словомъ, въ силу противоположности нашего настроенія, болѣзненно дѣйствовали на мои нервы, какъ дикій звукъ дѣйствуетъ на музыкальное ухо.

Однако, они оба были молоды, прекрасны, оба говорили о жизни, объ искусствѣ, но Чеморинъ — со всею положительностью матеріализма, а Нина — съ точки зрѣнія того, что̀ она называла дѣльнымъ воспитанıемъ.

Становилось поздно. Давно уже фаэтонъ князя объѣхалъ песчаную дорогу, ведущую къ крыльцу; но его сигара все еще дымилась, и онъ продолжалъ говорить неизмѣнно ровнымъ голосомъ, отъ времени до времени прерывая рѣчь свою отрывистымъ смѣхомъ, похожимъ на сухой кашель. Наконецъ я встала и, подъ предлогомъ усталости, отправилась въ свою комнату.

На другой день, часовъ въ десять, я одѣлась и сошла въ гостиную, гдѣ меня встрѣтилъ Лонинъ. Маленькая Катя сидѣла у него на колѣняхъ и играла карманными его часами. Мы при-

вныли къ изліяніямъ материнской любви, и потому для насъ есть что-то болѣе трогательное въ нѣжности отца къ своимъ дѣтямъ. Это нѣжность безпредѣльная: мать сохраняетъ способность журить и наказывать ребенка, но мужчина теряетъ ее совершенно: онъ любитъ дѣтей съ ослѣпленіемъ, пристрастіемъ и слабостью. Когда Лонинъ цаловалъ свою дочь, казалось, всѣ его любящія способности сливались въ одно чувство съ тѣмъ, чтобъ дать полную мѣру его доброй и нѣжной природѣ. Намъ подали кофе. Катя отправилась бѣгать по саду, и тогда Лонинъ занялся исключительно мною. Въ немъ я заранѣе видѣла друга; всякому доброму слову его была я рада, какъ вознагражденію за вчерашній день, обманувшій всѣ мои надежды. Говоря со мною, Лонинъ съ женскою заботливостью умѣлъ войдти во всѣ мелочныя подробности моей прошлой жизни; когда жь онъ спросилъ меня, не выпало ли на мою долю хотя минутное чувство, помирившее меня съ однообразными воспоминаніями моей молодости, я смутилась и не нашлась ему отвѣчать; онъ взялъ мою руку и поцаловалъ ее. Разговоръ перемѣнился: его продолжать было бы и неловко и безполезно. Мы поняли оба, что если на первый разъ не все можетъ быть высказано между нами, то многое выскажется современемъ. Мы всегда будемъ встрѣчаться друзьями. Лонинъ радовался моему пріѣзду: онъ не проговаривался и даже избѣгалъ слишкомъ-прозрачныхъ выраженій, но не менѣе того мнѣ стало ясно, что ему именно принадлежитъ мысль вызова меня изъ деревни въ Москву. Мнѣ хотѣлось, можетъ-быть, изъ чувства приличія, съ благодарностью упомянуть о Нинѣ, но въ эту минуту это такъ походило бы на лукавство, что я невольно смолчала. Передъ искренностью Лонина лукавить было невозможно.

— Кàкъ хорошо, что я нынче пріѣхалъ раньше обыкновеннаго! сказалъ онъ. — Мы успѣли съ вами познакомиться, пріятельски, тàкъ именно, кàкъ мнѣ хотѣлось.

— Развѣ вы живете не здѣсь? отвѣчала я.

— Нѣтъ, въ Москвѣ; занимаюсь дѣлами.

— Какая скука!

— Ничего.

«. . . . . . Скука
Отдохновеніе души»;

а дѣловыя бумаги чѣмъ суше, тѣмъ лучше: усерднѣе работаешь, чтобъ скорѣе покончить.

— Но мнѣ всегда кажется, что надъ такой работой черствѣетъ душа.

— Нѣтъ. Я даже тружусь con amore. У насъ запутанный процесъ, который долженъ упрочить большое состояніе за моей Катей. Мнѣ удалось дать ему самый счастливый оборотъ. Конечно, невесело сидѣть цѣлое утро надъ кипою бумагъ, или въ Гражданской Палатѣ; но все имѣетъ свою хорошую сторону: это достаточный предлогъ, чтобъ на-время удалиться отъ свѣта, котораго я не терплю. А зимой дѣло будетъ выиграно, и я опять примусь за отправленіе свѣтскихъ обязанностей, хотя и уклоняюсь отъ нихъ, сколько могу.

— Да почему жь отъ нихъ не уклониться совершенно, какъ-скоро онѣ вамъ въ тягость?

— Нельзя; пойдутъ упреки, толки, неудовольствія, а я дорожу спокойствіемъ. Нѣтъ, ужь лучше жить какъ указано! Я же считаюсь свободнѣе другихъ; состояніе мое обезпечено: да и вправду сказать, мнѣ почти нѐчего дѣлать.

— Ищитѐ себѣ дѣятельности по душѣ.

— Теперь поздно, сказалъ Лонинъ. — По выходѣ изъ Дерптскаго Университета, я увлекся страстью къ наукѣ, продолжалъ заниматься и держалъ экзаменъ на магистра. Женившись, я думалъ не покидать занятій; но молодость унесла съ собою несбыточныя намѣренія...

— Полноте! сказала я. — Почему вы говорите о молодости, какъ-будто она для васъ прошла?

— Что̀ же отъ нея осталось? спросилъ въ свою очередь Лонинъ. — Я былъ молодъ, не зналъ мѣры своимъ силамъ и думалъ, что меня станетъ на все. И знаете ли, была частица правды въ самонадѣянности моихъ убѣжденій. Разгулъ молодости не заглушилъ моей любви къ наукѣ: во мнѣ развилась жажда серьёзной нравственной дѣятельности. Я принялся за работу, и ка̀къ она спорилась въ моихъ рукахъ, ка̀къ помогала мнѣ моя студенческая обстановка! Отъ труда я отдыхалъ въ кругу товарищей, а изъ дружеской бесѣды выносилъ поощреніе на продолженіе начатаго дѣла, и съ новыми силами опять брался за трудъ.

Лонинъ говорилъ съ жаромъ; увлеченная участіемъ къ нему, я невольно спросила:

— Что̀ же заставило васъ отказаться отъ такой жизни?

— Душевныя потребности, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія: — такія потребности, которыя, можетъ-быть, не со-

Digitized by Google

вмѣстны съ кабинетной жизнью... Мнѣ всегда казалось, что наука не въ-состояніи надѣлить меня полнымъ счастьемъ, какое я способенъ испытать... Желая все соединить, я все испортилъ. Наукой мнѣ пришлось заниматься не попрежнему, не изъ любви къ ней, а изъ любви къ себѣ, не такъ, какъ занимается ею безкорыстный труженикъ, а какъ человѣкъ, который ищетъ развлеченія. Все пошло навыворотъ, и я бросилъ все! Друзей я потерялъ изъ виду; вѣроятно, со многими не прійдется и встрѣтиться!..

Лонинъ всталъ, закурилъ папироску, подошелъ къ окну и сталъ задумчиво глядѣть въ даль. Мнѣ пали на сердце его послѣднія слова; дополненіе ихъ печальнаго смысла было у меня передъ глазами: тихая задумчивость Лонина, его разсѣянный взглядъ, подернутый выраженіемъ постоянной грусти, сѣдина, кое-гдѣ пробивавшаяся въ его рѣдкихъ волосахъ... Я поняла все. Передо мною съ-разу раскрылся весь ходъ того грустнаго романа, въ которомъ и на мою долю выпадала роль, исполненная братской заботливости, чувства еще нѣжнѣйшаго, какимъ, дай Богъ, чтобъ Лонинъ былъ любимъ еще разъ въ жизни!

Въ комнатѣ Нины раздался звонокъ; Лонинъ вдругъ оглянулся, какъ человѣкъ, внезапно пробужденный отъ сна... Въ ту же минуту я вступила въ права своей роли.

— У меня болитъ голова. Пройдемтесь по саду, сказала я.

Мы сошли въ садъ и нѣсколько минутъ молча гуляли по дорожкамъ.

— У васъ въ-самомъ-дѣлѣ болитъ голова? спросилъ наконецъ Лонинъ.

— Да̀, немного. Мы вчера засидѣлись. Чемеринъ уѣхалъ поздно.

— Поздно? повторилъ онъ равнодушно.—Ну, какъ онъ вамъ нравится?

— Да никакъ. Онъ наводитъ холодъ на душу.

— Неправда ли? Бронзовый!

— Онъ часто бываетъ у васъ?

— Часто: привыкъ. Впрочемъ, въ иныхъ отношеніяхъ, онъ не дурной человѣкъ. Въ денежныхъ дѣлахъ честенъ и безъ надобности не солжетъ. Но честность онъ называетъ условіемъ кредита, а ложь — малодушіемъ. Вообще, его хорошія качества кажутся мелкими по милости его собственной оцѣнки.

Мы еще обмѣнялись двумя-тремя словами и замолчали оба. Намъ былъ труденъ переходъ отъ утренней бесѣды къ предме-

Digitized by Google

тамъ посторонними, и никто изъ насъ не заботился о томъ, чтобъ поддержать разговоръ. Лонинъ шелъ задумавшись и насвистывая нѣмецкую пѣсеньку. Черезъ четверть часа мы поворотили къ террасѣ, на которой показалась Нина.

Она заботливо освѣдомилась о здоровьѣ мужа и замѣтила, что онъ блѣденъ, на что Лонинъ не отвѣчалъ ни слова. Вообще, въ обращеніи съ женой онъ былъ постоянно приличенъ, холоденъ, и обнаруживалъ нетерпѣніе тогда только, когда слишкомъ выказывалась супружеская нѣжность и заботливость Нины. Привели Катю; Нина велѣла посадить ее на коверъ возлѣ себя и подать игрушки. Этотъ часъ посвящался обыкновенно вышиванью *à l'anglaise* и отправленію материнскихъ обязанностей. Катя принялась пеленать свою куклу; Нина, продолжая вышивать, заговорила со мной, а Лонинъ взялъ *Débats* и сталъ читать.

Я слушала Нину такъ неохотно, что это могло бы отозваться въ моихъ отвѣтахъ; къ-счастью, отвѣчать было нè на что. Нина говорила какъ книга... говорила о многомъ, о истинномъ назначеніи женщины, о положеніи ея въ свѣтѣ, наконецъ о должномъ пренебреженіи къ свѣтскимъ успѣхамъ, причемъ въ словахъ Нины сквозило ея неравнодушіе къ успѣхамъ этого рода. Какъ вы видите, предобѣденное время посвящалось также повторенію общихъ мѣстъ.

Часу въ четвертомъ на дорогѣ показалось облако пыли, и издали послышался стукъ экипажа.

— Кто это? сказалъ Лонинъ, смотря въ даль.

— Не знаю, отвѣчала Нина, направляя свой лорнетъ на дорогу. А! это, кажется, Чемеринъ. Онъ мнѣ начинаетъ надоѣдать. Впрочемъ, его сегодняшнее посѣщеніе ты, Настя, имѣешь полное право принять на свой счетъ.

— Я? спросила я съ удивленіемъ.

Лонинъ пристально посмотрѣлъ на жену; она вспыхнула и нагнулась на свою работу; у меня забилось сердце: я ждала... сама не знаю чего, но ждала чего-то страшнаго.

Къ крайнему моему удивленію, Лонинъ хладнокровно перевернулъ листъ газеты и продолжалъ читать.

Женщина, когда она хитритъ, чаще всего теряетъ изъ виду условія своевременности и умѣстности хорошо-задуманной хитрости, и иногда однимъ словомъ, вымолвленнымъ пяти минутами ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало, разрушаетъ свой долговременный трудъ. Нина дала промахъ, но не сробѣла. Справившись съ минутнымъ

смущеніемъ, она съ неподражаемымъ простодушіемъ разсказала мнѣ, что князь Чемеринъ восхищался мною наканунѣ и уѣхалъ, какъ-только я ушла въ свою комнату. Я посмотрѣла на Нину съ чувствомъ непобѣдимаго отвращенія. Я бы еще простила ей ея послѣднюю ложь, необдуманную заранѣе, вынужденную, можетъ-быть, обстоятельствами; но какъ было помириться съ тѣмъ, что эта ложь выводила на чистую воду — съ комедіей, которую постоянно разъигрывала Нина, съ притворными ласками, которыя она расточала мужу? И мужъ не терпѣлъ этихъ ласкъ, вѣроятно, зная имъ цѣну; все это дѣлалось для зрителей, для свѣта, для репутаціи!... Появленіе Чемерина прервало мои размышленія. Несчастная выходка Нины казалась мнѣ проговоркою насчетъ князя; но одинъ видъ его спуталъ всѣ мои соображенія: князь нисколько не походилъ на влюбленнаго. Это былъ тотъ же самый вчерашній, бронзовый человѣкъ, какъ назвалъ его Лонинъ. Скажу болѣе: меня поразила его математически-полная неизмѣняемость. Не смѣйтесь надо мной: вы встрѣтите человѣка два раза въ одномъ и томъ же платьѣ, въ одинаковомъ расположеніи духа, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ здоровья или болѣзни — и это васъ не удивитъ ни мало, какъ не удивила бы, вѣроятно, и незначительная, подмѣченная вами перемѣна: все это не болѣе, какъ случайность. Но послѣ двухъ встрѣчъ съ княземъ, вы не допускаете мысли о подобной случайности; вы сознаётесь, что малѣйшее измѣненіе — прямая невозможность, что какъ-скоро она произойдетъ, то князь Чемеринъ перестанетъ быть княземъ Чемеринымъ. Не могу себѣ представить, что онъ когда-то былъ моложе и когда-нибудь постарѣетъ; не понимаю даже, что онъ можетъ казаться усталымъ, соннымъ, голоднымъ; скорѣе готова вѣрить, что онъ не скидаетъ съ плечъ своего теплаго пиджака и не ложится спать.

За обѣдомъ, несмотря на присутствіе женщинъ, онъ пустился съ Лонинымъ въ нескончаемый разговоръ о какомъ-то политико-экономическомъ вопросѣ. У Чемерина большое состояніе, слишкомъ-достаточное для полнаго удовлетворенія потребностей порядочнаго человѣка, но въ его глазахъ недостаточное. Онъ исключительно занятъ матеріальными интересами, погруженъ въ спекуляціи и денежные обороты; пріобрѣтеніе — главная цѣль его жизни.

Послѣ обѣда князь потребовалъ карточный столъ, Нина сѣла за работу, а я сошла въ садъ... Игра продолжалась не болѣе часа. Лонинъ собирался ѣхать въ Москву и пришелъ со мной проститься.

Digitized by Google

— Что вы грустны? спросилъ онъ.

— Дà; со вчерашняго дня все для меня такъ ново, что я невольно задумалась.

— Вотъ видите ли, кузина, для васъ начинается новая жизнь; свыкайтесь поскорѣе съ личностями и явленіями всякаго рода; вы готовитесь на безполезныя и нескончаемыя страданія, если не пріобрѣтете способности ничего не принимать къ сердцу. За-то, какъ-скоро ее пріобрѣтете, знайте, что вы неизлечимо-больны, что вы впали въ равнодушіе... Вообще, лучшимъ изъ своихъ дѣтей свѣтъ готовитъ незавидную будущность...

— Не утѣшительное предсказаніе! А мнѣ необходимо поощреніе... Къ-счастью, чтò бъ вы ни говорили, возлѣ васъ душѣ тепло и привольно...

— Боже мой! кàкъ вы меня радуете! вскричалъ Лонинъ, пожимая мои руки.—Дà, я счастливъ, что могу вамъ служить хоть минутнымъ развлеченіемъ, хоть просто игрушкой... Зовите меня всякій разъ, какъ вздумаете потолковать со мной. Я собрался ѣхать, да мнѣ не къ спѣху; погуляемъ вмѣстѣ, вдоволь наговоримся.

Мы пошли рука-объ-руку, и между нами завязался разговоръ... о многомъ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которыми скоро сводится знакомство.

Несчастіе развило въ Лонинѣ способность жить двойною жизнью: онъ дѣйствительно жилъ, работалъ только для своей Кати, а собственно для себя довольствовался жизнью мечтательной, перенесенной въ прошедшее, въ воспоминанія о невозвратимыхъ дняхъ первой молодости и мирныхъ кабинетныхъ занятій. Ему былъ открытъ удобный случай занять видную мелодраматическую роль, увѣривъ и себя и другихъ, что сродныя ему наслажденія жизни ученаго, принесены имъ въ жертву дочери; но свѣтлаго чувства своей отцовской любви онъ никогда не омрачилъ ни малѣйшимъ упрекомъ; невозможность возвращенія къ прошлому оставалась просто безъ объясненій. Лонинъ не сознавалъ немощи своего характера, не зналъ, что онъ принадлежитъ къ числу людей, которые

. . . идутъ, куда ихъ повела
Случайность,

не находя въ себѣ противодѣйствующихъ ей силъ и не мирясь съ ней откровенно, а уступая ей нéхотя и понемногу, и понемногу изнывая...

Живо помню я этотъ вечеръ. Уставъ отъ долгой ходьбы, я сѣла

Digitized by Google

на дерновую скамью, устроенную подъ липами, въ самой отдаленной части сада, въ углу пресѣченія двухъ линій его низкой каменной ограды. Лонинъ стоялъ, облокотясь на ограду. Его волосы, мягкими прядями ложились между пальцами руки, поддерживавшей усталую голову; лучъ молодаго мѣсяца, падая ему прямо въ лицо, еще болѣе выдавалъ его обычную блѣдность и усиливалъ задумчивое выраженіе глазъ... Въ эту минуту Лонинъ поразительно напоминалъ собою портреты Шиллера...

Съ какою любовью говорилъ онъ о своей юности и съ какой благодарностью узналъ во мнѣ слушателя, душою причастнаго его воспоминаніямъ! Кàкъ онъ доволенъ былъ своимъ вечеромъ! Ему не хотѣлось ѣхать; нѣсколько разъ брался онъ за шляпу, лежавшую у ногъ его, прощался со мною, и опять начиналъ говорить, и оставался. Когда же онъ въ послѣдній разъ поцаловалъ мою руку и вышелъ въ калитку, у которой давно дожидались его лошади, я долго смотрѣла ему вслѣдъ и еще долѣе думала о немъ.

Я поняла, что съ этого вечера я стала для него предметомъ искренней привязанности, на-ряду съ Катей и Дерптомъ... Но въ этотъ вечеръ я не влюбилась въ Лонина... Почему? Богъ-знаетъ! Можетъ-быть, во мнѣ еще хранились слѣды перваго испытаннаго мною чувства, отъ котораго наболѣло мое сердце.

Передо мною совершенно-неожиданно явился Чемеринъ. Не приготовившись къ рѣзкому переходу отъ бесѣды съ Лонинымъ къ разговору съ княземъ, я сконфузилась, какъ школьникъ, пойманный въ шалости, и спросила довольно-неловко:

— Князь, какимъ образомъ вы здѣсь?

— Самымъ простымъ: для Нины Павловны пробилъ урочный часъ материнскихъ занятій, и уходя, она поручила мнѣ просить васъ къ чаю.

При этихъ словахъ, онъ подалъ мнѣ руку и повелъ меня къ террасѣ.

— Вы долго меня искали, князь?

— Ничуть. Я прямо отправился въ самый уединенный уголъ сада, съ увѣренностью, вполнѣ-оправданною, какъ вы видите, что вы именно тамъ.

— Съ чего же взялась такая увѣренность?

Я была такъ предубѣждена противъ Чемерина, что каждое его слово заранѣе готовилась отражать, какъ непріятельскій ударъ.

— Это выводъ моихъ наблюденій вчерашнихъ и сегодняшнихъ.

— Извините, князь. Ваши вчерашнія наблюденія производи-

Digitized by Google

лась исключительно надъ пикетомъ, а сегодняшнія надъ полити-ко-экономическими мнѣніями Дмитрія Иваныча.

— Неоспоримо, но неисключительно: всему своя очередь.

— Очень вамъ благодарна. Что же послѣ?

— А... послѣ... какъ-скоро вы мнѣ позволяете говорить... мнѣ легко было убѣдиться въ вашей любви къ мечтательности.

— Но, князь, вы говорите со мною какъ съ институткой.

— Вы ошибаетесь, и я готовъ уяснить вамъ мою мысль. Хоть всего двадцать-четыре часа, какъ я имѣю честь васъ знать, я убѣжденъ, что отъ природы вы надѣлены практическими свойствами; но мечтательность, привитая вамъ, Богъ-знаетъ какъ и кѣмъ, неминуемо даетъ имъ ложное направленіе.

— Вы хотите сказать, что я впаду въ романтизмъ.

— Непремѣнно, и полюбите драму. Это вамъ испортитъ жизнь и цвѣтъ лица.

— Можетъ-быть; но я не намѣрена мѣняться.

— Вы довольны собой?

— Очень.

— За-то недовольны другими — вотъ ужъ первые плоды мечтательности. Дайте срокъ, и въ вашихъ глазахъ люди будутъ порожденіемъ крокодила, а жизнь — пустынею, усѣянною терніемъ.

Мы ужъ всходили на террасу; я была взбѣшена на князя и на себя, и не нашлась отвѣчать на слова, вызванныя моею собственною неловкостью.

— Князь даетъ тебѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ? спросила Нина, немного ироническимъ тономъ, доказывающимъ, что ей несовсѣмъ пoсердцу моя прогулка съ Чемеринымъ.

— Именно, отвѣчалъ онъ.

Настасья Александровна позволила мнѣ высказать мои догадки о ней.

— Дѣйствительно, вы такъ давно ее знаете!

— Тѣмъ болѣе чести моей проницательности, сказалъ Чемеринъ и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: — а всего страшнѣе то, что ваша любовь къ мечтательности готовитъ васъ къ самой мечтательной любви.

— Можетъ-быть, князь. Но всему своя очередь, какъ вы сейчасъ сказали. Ваша проницательность вывела вѣрное заключеніе о томъ, какъ я буду любить. Надѣюсь, что ваша откровенность заставитъ васъ сознаться, что вы сами не любили и не будете любить никакимъ образомъ.

Digitized by Google

— Позвольте вамъ сказать, что это замѣчаніе недостойно вашего ума, отвѣчалъ Чемеринъ. — Всякій человѣкъ любитъ, и любитъ по-своему; но въ дѣлѣ чувства женщины требуютъ, чтобъ всякій сталъ на ихъ точку зрѣнія. Un peu de tolérance, mesdames... Для меня, какъ и для другихъ, существуетъ потребность любви. Это даже одно изъ главныхъ условій полнаго комфорта. Но сохраненіе комфорта невозможно при драмахъ, и я ихъ не терплю. Навѣрное, ихъ уменьшилось бы на половину, еслибъ въ насъ самихъ было поболѣе естественности; а то въ началѣ чувства мы впадаемъ въ преувеличенія, которыя ставятъ насъ въ затруднительное положеніе, когда чувство вымираетъ. Зачѣмъ нарушать естественный ходъ событій? Какъ-скоро вы знаете, что̀ вамъ нужно, отъ васъ зависитъ обстановка вашей жизни; но обстановка обветшала, смѣняйте ее безъ шума и восклицаній. Согласитесь, что барышъ огромный. Умственныя и душевныя способности остаются въ равновѣсіи, и жизнь течетъ ровнымъ токомъ безъ треволненій, смѣшныхъ для зрителей и вредныхъ для здоровья.

— Такая жизнь, князь, не лишена стройности и гармоніи, возразила я: — и въ ней есть, мнѣ кажется, что-то общее съ ходомъ заведеннаго органнаго вала.

Нина разсмѣялась смѣхомъ замѣтно-принужденнымъ и сказала:

— Не правда ли? я то же самое повторяю князю. Il est tout d'une pièce.

— Я, съ своей стороны, сказалъ Чемеринъ: — одно поддѣльное нахожу смѣшнымъ и предосудительнымъ. Тотъ, въ комъ прирожденная способность чувствовать направлена на умноженіе удобствъ жизни, остается непремѣнно вѣренъ цѣлямъ природы. И смѣяться надъ его простымъ, неиспорченнымъ чувствомъ также невозможно, какъ невозможно смѣяться надъ самой природой, надъ деревомъ, или мухой. Во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ думать, что, съ какой бы стороны мы ни взялись за вопросъ, условіе терпимости остается на сторонѣ моихъ понятій. Сознайтесь, что ваши чувства взыскательны, а снисходительны именно мои.

— Это отчасти парадоксально, сказала Нина. — Я вамъ постоянно доказываю, что я къ вамъ снисходительна, какъ къ старому пріятелю.

И, стараясь превозмочь свое пасмурное настроеніе, она протянула руку Чемерину и принялась шутить надъ нимъ довольно

Digitized by Google

умно и забавно. Къ концу вечера она ужь была, что̀ называется, совершенно въ своей тарелкѣ.

Слѣдующій день былъ пріемнымъ днемъ Лониныхъ. Ихъ городскіе знакомые съѣхались къ обѣду на дачу. Лонинъ смертельно скучалъ на этихъ обѣдахъ, но никогда отъ нихъ не отдѣлывался. Въ этотъ памятный день я въ первый разъ увидѣла Александра Ильича. Что̀ я могу сказать о немъ? Ему тогда было сорокъ-пять лѣтъ; наружность его, не привлекательная, но совершенно-приличная, соотвѣтствовала и годамъ его, и солидному положенію въ свѣтѣ, которое онъ умѣлъ превосходно поддержать. Онъ пользовался репутаціею умнаго человѣка; но умъ его былъ тяжелаго свойства и не переходилъ за границы признанныхъ имъ истинъ и понятій. Какъ человѣкъ дѣльный, онъ о дѣлѣ судилъ умно и здраво, а какъ человѣкъ, опытный хорошо зналъ лю ей и свѣтъ. Въ немъ была способность поддѣлываться подъ всякій ладъ, приноровляться къ смыслу даже тѣхъ людей, которыхъ понятія были ему прямо-ненавистны; въ такихъ случаяхъ онъ умѣлъ скрывать свои тайныя чувства и жертвовать довольно-мелочнымъ самолюбіемъ. Вообще говорилъ онъ мало; а когда разговоръ касался предметовъ, просто ему недоступныхъ, онъ велъ себя крайне-осмотрительно и говорилъ сколько именно было нужно, чтобъ молчаніемъ не обратить на себя нелестнаго вниманія. Смолоду ему не повезло ни на службѣ, ни въ любви: онъ оставилъ службу и пересталъ заниматься женщинами, даже трунилъ надъ своими неудачами, которыя въ-сущности не давали ему покоя и навѣрное сократили его жизнь. На досугѣ онъ привелъ свое состояніе въ отличный порядокъ, и многія матушки прочили за него своихъ дочерей; но и въ дѣлѣ женитьбы, о которой онъ серьёзно помышлялъ, Александръ Ильичъ велъ себя безукоризненно, никогда не подавалъ ложныхъ надеждъ, а съ другой стороны, не сватался тамъ, гдѣ могъ получить отказъ. Вообще, онъ держалъ себя такъ, что всѣ единогласно признавали его за отличнаго человѣка: искреннихъ друзей онъ не нажилъ, но и во всю свою жизнь ни съ кѣмъ не поссорился. Нина мнѣ его представила, и я съ нимъ безъ скуки провела цѣлый часъ. Онъ говорилъ плавно и умѣлъ занять меня разсказомъ о своихъ путешествіяхъ по Россіи.

Послѣ этой первой встрѣчи, довольно-часто повторялись наши бесѣды и все на одинъ и тотъ же ладъ; онѣ касались общихъ

Digitized by Google

вопросовъ, нелишенныхъ занимательности, но отнюдь не способныхъ сколько-нибудь сблизить насъ другъ съ другомъ.

Такъ продолжалось до самой той минуты, какъ я дала Александру Ильичу слово выйдти за него зàмужъ.

III.

Другъ мой, въ разсказѣ, можетъ-быть, слишкомъ-длинномъ о первыхъ трехъ дняхъ, проведенныхъ мною у Лониныхъ, я старалась припомнить всѣ мелочныя событія, всѣ подробности разговоровъ, въ которыхъ участвовала, для того, чтобъ познакомить васъ съ лицами, имѣвшими вліяніе на мою жизнь. Но вы меня хорошо знаете, Евгеній, и угадываете заранѣе, что̀ я передумывала въ каждый изъ этихъ дней, и въ сложности извлекла изъ нихъ печальные выводы.

Я покинула деревню, чтобъ ѣхать къ Нинѣ, которой не знала, считая ее своей сестрой, а ея домъ — своимъ домомъ. Мысль о жизни подъ чужимъ кровомъ, мысль ненавистная отцу моему, испугала, остановила бы меня, еслибъ она хоть разъ мелькнула въ моей головѣ. Я очнулась слишкомъ-поздно. Вотъ ужь три дня, какъ я живу у Нины — и что мнѣ она? Чужая по всему. Я ея не люблю и не уважаю. Когда нѣтъ у ней гостей, мы вмѣстѣ работаемъ и разговариваемъ. Она старается выказаться мнѣ во всемъ величіи своей добродѣтели и безупречной жизни. Я слушаю молча и досадуя, и Нина меня терпитъ, потому-что считаетъ меня глупѣе себя, потому-что увѣрена, что я даюсь въ обманъ. Нѣтъ, нестерпимы такія отношенія и имъ долженъ быть конецъ! Я твердо рѣшилась ѣхать обратно въ деревню; но какъ было это устроить? Еще до пріѣзда моего, Нина успѣла предупредить близкихъ своихъ знакомыхъ, что зоветъ меня къ себѣ на житье, такъ-что въ свѣтѣ мой отъѣздъ не могъ быть объясненъ иначе, какъ нашимъ разрывомъ. Этого мнѣ не хотѣлось: я не любила Нины, но вмѣняла себѣ въ обязанность щадить ея общественное положеніе — исключительный предметъ ея постоянной заботливости. Мнѣ приходило на мысль откровенно объясниться съ ней, прося ее помочь намъ обѣимъ выйдти изъ неловкаго положенія, въ которое насъ поставила собственная наша поспѣшность. Но кàкъ объясниться съ Ниной? Сказать ей, что я вижу ее насквозь, что между нами не можетъ быть ничего общаго, и что лучше всего намъ разъѣхаться безъ шума? На подобное объясненіе у меня не доставало

душу. Обратиться къ Лонину? Отъ этого средства я менѣе всего ждала успѣха: Лонинъ бросился бы къ ногамъ моимъ, умоляя остаться; я бы не съумѣла ему отказать и связала бы себя лишнимъ обѣщаніемъ.

Дѣлать было нѐчего: я стала надѣяться на помощь случая и готовилась воспользоваться первымъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, которое бы могло меня вывести изъ этого дома. Сознаюсь, не безъ страха думала я о деревнѣ; мнѣ хотѣлось жить; по-крайней-мѣрѣ, я ощутительно возвращалась къ жизни, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствовала обновленіе душевныхъ силъ, далеко неисчерпанныхъ моей первой любовью. Не нынче, завтра, ея слѣдъ долженъ былъ исчезнуть совершенно. Можетъ-быть, даже Чемеринъ правъ, упрекая меня въ романическихъ наклонностяхъ, и, можетъ-быть, только въ силу этихъ наклонностей, мнѣ еще такъ дорогà память о Нагибинѣ. И живъ ли дѣйствительно его образъ въ моей душѣ? или я безсознательно преувеличиваю значеніе чувства мечтательнаго, уже вымершаго? На такіе вопросы я не умѣла дать себѣ отвѣта, но ужь начинала понимать всю неполноту моего печальнаго романа: видѣла въ немъ первую дѣтскую привязанность, о которой позже женщины вспоминаютъ съ улыбкой, явленіе той поры жизни, когда сердце отдается любви безъ разбора, когда оно ищетъ не сочувствія и не взаимности, а довольствуется первымъ предлогомъ, вызывающимъ наружу его молодыя силы. Я понимала, что теперь могу любить иначе, что любовь, какъ-скоро коснется меня, заставитъ меня жить полною жизнью...

При такомъ сознательномъ развитіи душевныхъ способностей тяжело мнѣ было обречь себя на отшельничество. Не легко было и оставаться подъ покровительствомъ Нины: я не мирилась съ этой мыслью — она возмущала мою гордость. Но время шло, а вожделѣнный случай не являлся мнѣ на выручку. Мало-по-малу я принялась за прежнія свои занятія: за англійскій языкъ и живопись. Обыкновенно, утренніе часы рисованья посвящались вмѣстѣ и бесѣдѣ съ Лонинымъ. Онъ, казалось, все болѣе и болѣе привязывался къ моему обществу и часто объяснялъ мнѣ это тѣмъ, что, умѣя цѣнить дружбу мужчины, невольно жметъ нѣжнѣе нѣжную руку. Несмотря на эти оттѣнки чувства, которыя безсознательно внесъ Лонинъ въ наши дружескія отношенія, они оставались безукоризненно-чистыми. Но, какъ общее правило, я готова допустить, что опасному испытанію подвергаются друзья

такого рода, если имъ не по шестидесяти лѣтъ, и если сердце ихъ совершенно свободно. Случалось, что Нина прерывала наши бесѣды, являясь къ мужу съ кипою счетовъ, или реестромъ необходимыхъ визитовъ и поздравительныхъ писемъ; случалось также, что Лонинъ не сдерживалъ порыва досады; тогда Нина, молча и покорно опускала голову, но въ-теченіе дня находила случай поговорить о томъ, что кротость и смиреніе составляютъ первую обязанность добродѣтельной супруги.

Чеиеринъ продолжалъ ѣздить къ Лонинымъ, и надобно ему отдать справедливость, оказался человѣкомъ честныхъ правилъ въ-отношеніи къ женщинамъ: онъ дорожилъ подобной репутаціей, довольно-основательно считая ее лучшимъ залогомъ успѣха. За недостаткомъ истиннаго чувства, которое жертвуетъ всѣмъ на свѣтѣ, чтобъ спасти честь любимой женщины, нельзя не похвалить и правилъ Чемерина, хотя основанныхъ на разсчетѣ. Его обращеніе съ Ниной было безупречно. Съ ея стороны, въ послѣднее время стала обнаруживаться плохо-скрытая досада на князя. Для него настала пора смѣны сантиментальной обстановки, какъ онъ выражался, и ничто въ свѣтѣ не могло его остановить въ этихъ домашнихъ распоряженіяхъ, какъ-скоро онъ ихъ признавалъ нужными. Со мною князь былъ разговорчивъ и любезенъ, конечно, той любезностью, которую свѣтъ изобрѣлъ отъ нечего-дѣлать и которая ни къ чему не ведетъ, хотя преимущественно относится къ женщинѣ, успѣвшей понравиться свѣтскому человѣку. Въ-отношеніи къ Чемерину я не хлопотала о подобномъ успѣхѣ, да и трудно было догадаться, что я сколько-нибудь затронула его сердце. Казалось, онъ просто баловалъ меня какъ дитя: онъ привозилъ мнѣ пажитосы и мои любимые конфекты, и, зная, что я люблю цвѣты, присылалъ мнѣ великолѣпные букеты изъ оранжерей своей подмосковной. Такую внимательность князя, незамѣтно обратившуюся въ привычку, я всѣми силами старалась отвлечь отъ себя, догадываясь, что Нина не проститъ ея ни мнѣ, ни ему. Нина мнѣ давала чувствовать, что князь любезенъ со мной изъ уваженія къ ней, и я ее поддерживала въ этой мысли, не скрывала передъ ней своего мнѣнія о Чемеринѣ и всячески избѣгала оставаться между ними. При такихъ отношеніяхъ дѣло не обходилось безъ неловкостей. Такъ разъ, за вечернимъ чаемъ, князь предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ въ кабріолетѣ, которымъ я очень-наивно восхищалась. Нина покраснѣла съ досады, а я, подъ разными предлогами, отклонилась отъ предложенія...

Digitized by Google

Я ужь около двухъ недѣль жила у Лониныхъ.

Однажды вечеромъ мнѣ случилось остаться дома одной. Я дорожила этими минутами, въ которыя отдыхала отъ тяжести своихъ сношеній съ Ниной. Она поѣхала куда-то на пикникъ; мнѣ было весело, я чувствовала себя свободной на цѣлый вечеръ, который надѣялась повершить дружеской бесѣдой съ Лонинымъ. Поджидая его, я сѣла за пяльцы. Въ залѣ послышались мужскіе шаги.

— Дмитрій, вы? сказала я, не приподымая головы.

— Настя! отвѣчалъ мнѣ знакомый голосъ.

Я онѣмѣла отъ удивленія. Нагибинъ вбѣжалъ въ комнату и прежде, нежели я успѣла встать съ креселъ, крѣпко обнялъ меня и поцалуями осыпалъ мои руки.

— Вы женаты? спросила я, стараясь унять его какъ могла, и сама оправиться отъ внутренняго волненія.

— Нѣтъ, это дѣло, слава Богу, осталось безъ послѣдствій, отвѣчалъ онъ. — Дайте на себя посмотрѣть. Ка̀къ вы похорошѣли? Скажите, ка̀къ вамъ не совѣстно такъ поступать со мной? цѣлые два мѣсяца не писать мнѣ о кончинѣ дядюшки. Кажется, я первый долженъ былъ объ этомъ узнать. Кто же вамъ ближе меня? Письмо ваше, отъискивая меня, странствовало двѣ недѣли; но какъ-скоро я получилъ его, я поскакалъ въ Москву, пріѣхалъ вчера, сегодня узналъ, что вы на дачѣ — и вотъ я съ вами... Вы меня не забыли?

— Юрій, дайте мнѣ опомниться. Вы такъ безпорядочны сами, что и меня успѣете сбить съ толку. Откуда вы? По какому случаю вы не женились?

— Все разскажу вамъ, отвѣчалъ онъ, отодвигая пяльцы и садясь на подушку у ногъ моихъ. — Вы знаете, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ службу, я скитаюсь какъ вѣчный жидъ. Прошедшей зимой пробылъ я довольно-долго у матушки, въ Оренбургѣ, гдѣ и встрѣтился съ Мальницкой. Двадцати-лѣтняя дѣвушка, очень-умная, нелишенная образованія, что̀ ни говорите, большое развлеченіе въ провинціи. Я увлекался ея обществомъ и разъ, послѣ искренняго разговора съ ней, рѣшился на ней жениться. Въ тотъ же вечеръ я къ вамъ объ этомъ написалъ. Но мать моя меня обожаетъ. Въ ея глазахъ нѣтъ женщины меня достойной... она слышать не хотѣла о моей женитьбѣ и постоянно обращала ее въ шутку. Правду сказать, я теперь самъ убѣдился, что ни на волосъ не былъ влюбленъ. Такъ... случай, деревня, бездѣй-

Digitized by Google

ствіе. Разумѣется, въ моихъ глазахъ эта женщина получила несвойственныя ей прелести, но въ ихъ истинѣ нелегко было убѣдить матушку. Такъ время и прошло. Потомъ я получилъ ваше письмо. Матушка приняла къ сердцу ваше одиночество; долго мы говорили о васъ; Лонину она знаетъ за женщину холодную и неспособную васъ понять; и когда я объявилъ, что ѣду къ вамъ, потому-что вамъ нужна помощь брата, матушка меня поцаловала и охотно благословила на путь.

— Такъ вы пріѣхали собственно для меня?

— А для кого же?

— Скажите мнѣ, какого рода искренній разговоръ навелъ васъ на мысль жениться на Мальницкой?

— А просто: она мнѣ дала почувствовать, что я ее увлекъ, что она меня любитъ.

— Хороша она собой?

— Сказать вамъ правду? отвѣчалъ Юрій смѣясь: — ее и разглядѣлъ только на пути изъ Оренбурга въ Москву.... Просто, дурна.

— Теперь я все понимаю. Ваша мать умная женщина, Юрій.

— Да скажите, Настя, рады ли вы, что меня видите? Я пріѣхалъ, чтобъ быть свидѣтелемъ вашего вступленія въ свѣтъ. Въ свѣтѣ я пожилъ, и моя опытность можетъ вамъ пригодиться. Помните? для васъ не безъ пользы осталось время моего пребыванія, у васъ въ деревнѣ. Принявшись тогда за ваше воспитаніе, я былъ увѣренъ, что вы будете рѣдкою женщиной. Посмотрите на себя: съ вашимъ миньятюрнымъ станомъ, горбатымъ носикомъ, бѣлыми ручками и немного-ѣдкимъ умомъ вы очаровательны, какъ маркиза прошлаго вѣка. Учитесь только пользоваться природными вашими дарами. О! я довершу начатое мною дѣло, и вся Москва станетъ вами восхищаться будущей зимой....

Я невольно улыбнулась. «Сумасшедшій!» сказала я.

Это слово сорвалось у меня съ языка, но оно всегда нравилось Юрью; онъ любилъ, чтобъ въ немъ признавали оригинальную, даже необузданную природу.

— Дѣйствительно я сумасшедшій! воскликнулъ онъ. — Когда уймутся мои страсти? Когда я утрачу способность отъ всякой искры вспыхивать какъ порохъ? Но тихими и нѣжными воспоминаніями моей жизни я обязанъ вамъ, Настя. Сколько разъ вашъ кроткій образъ являлся мнѣ въ часы уединенія и нравственнаго покоя! О тамбовскія степи! О Circea Borealis! Скажите, вы не забыли тѣхъ блаженныхъ временъ?.. Что дѣлаетъ ваша гнѣдая кобылка

Digitized by Google

Бетти, наша вѣрная спутница въ стенахъ? Что нашъ англійскій языкъ?

— Я продолжаю имъ заниматься.

— Прекрасно... мы снова пріймемся за наши уроки. Но какъ вы здѣсь устроились? Что за женщина Лонина? Я хочу знать всѣ подробности вашей жизни.

Онъ закидалъ меня вопросами, на которые я отвѣчала, не опредѣляя, разумѣется, моихъ отношеній къ Нинѣ. Изъ моего разсказа Юрій заключилъ, что его присутствіе и опора мнѣ необходимы, что для него настало время сдержать клятву, данную тѣни отца моего: стать мнѣ защитникомъ и другомъ.

— Не правда ли, говорилъ онъ, не понимая эгоизма своихъ милыхъ рѣчей: — не правда ли, что въ нашихъ отношеніяхъ есть особая прелесть? Это не простая дружба. Въ дружбѣ мужчины съ молодой дѣвушкой есть что-то милое, нарядное, нѣжное, непохожее на другія чувства. Когда, вдали отъ васъ, мнѣ встрѣчаются неудачи, я утѣшаюсь мыслью, что вы по мнѣ грустите и что во всякое время въ васъ найду я теплое сочувствіе. А наше первое свиданіе въ глуши степей, въ прародительскомъ домѣ, гдѣ вы расли ангеломъ-хранителемъ больнаго отца, разъ навсегда наложило романическую печать на наше знакомство. Родству привыкли вообще давать слишкомъ-мало значенія: мы ему возвратили его истинный смыслъ. Во имя его никто не въ-правѣ осудить нашей короткости.

Не измѣнился Юрій; но, Боже мой! и я не измѣнилась. Все такъ же одушевлены и необдуманны его слова, такъ же мало понимаетъ онъ и себя и другихъ — и онъ мнѣ все такъ же милъ и симпатиченъ.

Онъ упрекнулъ меня въ томъ, что я ему не рада; я пожала ему руку. Но это пожатіе было грустно; я уже понимала, что вся прежняя моя любовь овладѣваетъ мной, и что нѣтъ во мнѣ силъ противиться ей.

Темнѣло; вечеръ былъ чудесный. Мы сошли въ садъ и ходили рука-объ-руку. Я невольно сознавалась въ своемъ счастьи, и счастье убивало во мнѣ способность думать о будущемъ; за-то Юрій пустился въ планы и предположенія; онъ не сомнѣвался въ ожидавшихъ меня успѣхахъ, заранѣе наслаждался ими, а себѣ до такой степени чистосердечно усвоилъ роль моего рыцаря, что въ эту минуту готовъ былъ собою жертвовать для меня. По-крайней-мѣрѣ онъ самъ былъ въ томъ убѣжденъ, какъ и я.

Digitized by Google

До-сихъ-поръ я не видала его въ отношеніяхъ съ обществомъ, и нѣкоторыя стороны его характера остались для меня закрытыми. Я знала, что у него много друзей и что онъ любитъ ихъ горячо... однимъ словомъ, все, что я знала, обращалось въ его пользу... Въ одиннадцать часовъ онъ уѣхалъ, не дождавшись возвращенія Нины и обѣщая представиться ей на другой же день. Лонинъ не пріѣзжалъ, но я о немъ и не думала; я долго бродила по саду, упиваясь вечернимъ воздухомъ, который напитанъ былъ запахомъ резеды и сирени. Какъ хороша стала природа въ моихъ глазахъ, и какое согласіе съ нею получило мое душевное настроеніе! Я повторяла себѣ каждое слово Юрья и вдругъ принималась плакать о томъ, что его ужъ нѣтъ возлѣ меня, что этотъ часъ пропадаетъ для счастья; потомъ сама пугалась своего безумія, старалась прійдти въ себя; но сердце мое билось, голова горѣла, и не созрѣвали въ ней доводы разсудка. Ночь прошла безъ сна. Нина воротилась на разсвѣтѣ, и на другой день, не ранѣе втораго часа, явилась въ гостиную, гдѣ я представила ей Юрья. Онъ ей рекомендовался именемъ моего родственника и брата, и съ неподдѣльнымъ участіемъ заговорилъ обо мнѣ и о моей будущности. Нина отвѣчала ему, что я одна изъ главныхъ заботъ ея сердца. Потомъ рѣчь зашла о вчерашнемъ пикникѣ и общихъ знакомыхъ, которыхъ у нихъ нашлось много. Юрій съумѣлъ наговорить Нинѣ такъ много любезностей, что видимо ей понравился. Она просила его остаться обѣдать съ нами. Къ обѣду пріѣхалъ Лонинъ, захлопотавшійся въ Москвѣ по дѣламъ. Его не совсѣмъ пріятно удивило присутствіе Юрья; онъ въ немъ видѣлъ человѣка, котораго я разлюбила давно и съ которымъ не слѣдовало мнѣ встрѣчаться, во избѣжаніе тяжелыхъ и ненужныхъ воспоминаній. Какъ ни уменъ мужчина, онъ не одаренъ извѣстнаго рода инстинктомъ, врожденнымъ всякой женщинѣ.

Для Нины я не была предметомъ особенно-нѣжной заботливости; но она оказалась проницательнѣе своего мужа и сразу отгадала все, какъ ни старалась я себя превозмочь и казаться равнодушной. Послѣ отъѣзда Юрья мы съ ней остались вдвоемъ. Она подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку.

— Настя, сказала она, будь откровенна со мной: Нагибинъ тебѣ нравится?

Я несовсѣмъ угадывала источникъ участья Нины, но, не довѣряя его чистотѣ, отвѣчала равнодушно:

— Я когда-то писала къ тебѣ, что онъ мнѣ нравится. Но это-

му уже слишкомъ годъ. Въ такой срокъ всякое чувство успѣетъ остыть.

— Почему ты скрываешься отъ меня? Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего предосудительнаго. Ваше родство самое отдаленное, и ты можешь выйти за него замужъ.

— Положимъ, что онъ мнѣ нравится, какъ ты полагаешь, но этого недостаточно: я не могу выйти замужъ за человѣка, который не думаетъ на мнѣ жениться.

Нина задумалась.

— Это вздоръ, сказала она. — Послушай: я знаю, тебя трудно переувѣрить, но я люблю тебя и вмѣняю себѣ въ обязанность наставить тебя на путь истины. Цѣль всякой женщины — жизнь семейная, жизнь супруги и матери. Тебѣ по нраву эти тихія обязанности; къ-тому же ты сирота, тебѣ скорѣе другой надо пристроиться. Теперь представляется удобный случай. Вѣрь мнѣ: не пропускай его. Ты умна и, коли захочешь, съумѣешь поставить на-своемъ. Да и для будущности Нагибина это самое удачное соображеніе. Онъ будетъ счастливъ съ тобой.

— Благодарю за участіе, Нина; но я убѣждена, что если мнѣ суждено быть женою Нагибина, то это устроится и безъ женскихъ ухищреній, на которыя я, можетъ-быть, и неспособна. Къ-тому же я неочень надѣюсь на прочность чувства, вызваннаго почти насиліемъ.

— Э, полно! возразила Нина. — Какой бы ни былъ источникъ чувства, не слѣдуетъ разсчитывать на его долговременность. Я благословляю тебя идти замужъ за Нагибина; я его просила ѣздить къ намъ запросто, какъ-можно-чаще.

На слѣдующій день я ждала Юрья только къ обѣду, на которомъ ему предстояло познакомиться со всѣми обычными посѣтителями дома Лонинымъ; утро его было занято визитами и перепиской. Лонинъ, по обыкновенію своему, пришелъ посидѣть со мною. Въ первый разъ мнѣ стало неловко съ нимъ; мы говорили о Юрьѣ: онъ—съ точки зрѣнія, которой для меня ужъ не существовало, я—съ твердымъ намѣреніемъ не открывать ему своей тайны. Не знаю, стыдилась ли я самой тайны, или только досадовала, что Лонинъ не отгадалъ ея.

Первыми явились къ обѣду Юрій и князь Чемеринъ. Я нетерпѣливо выжидала этой встрѣчи, не угадывая впечатлѣнія, которое два человѣка, до такой степени несходные, должны были произвести другъ на друга. Князь привезъ Нинѣ и мнѣ великолѣп-

Digitized by Google

ные букеты, и объявилъ, что наканунѣ ему удалось покончить выгодную сдѣлку по поставкѣ суконъ, что ровно на двои сутокъ расположило его къ любезности и болтливости. Дѣйствительно, онъ былъ необыкновенно въ ударѣ, то-есть колоссально-сухъ, уменъ и простъ, говорилъ съ такой оригинальной откровенностью и острилъ съ такимъ щегольствомъ, что въ его словахъ правда походила на парадоксъ. Это вызывало общество на замѣчанія, очень ловкія со стороны Юрья, основательныя со стороны Александра Ильича и глубоко-нравственныя со стороны Нины. Но всѣ замѣчанія князь отражалъ съ равнымъ блескомъ; онъ рѣшительно оказался героемъ этого дня и, благодаря ему, разговоръ за обѣдомъ шелъ живо и весело. Я сама была въ духѣ, хоть и независимо отъ причинъ, такъ счастливо настроившихъ князя, спорила съ нимъ и отъ души смѣялась его выходкамъ, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, могли быть подведены подъ одну общую формулу: «цинизмъ чувствъ и остроуміе выраженія».

Вечеръ кончился вистомъ: не было общества, котораго бы князь не промѣнялъ на карты; онъ не былъ страстнымъ игрокомъ, а любилъ игру, какъ занятіе, требующее разсчета и соображенія.

Результаты встрѣчи съ Чемеринымъ не замедлили оказаться на Юрьѣ: Юрій влюбился въ Чемерина. Когда стали разъѣзжаться, онъ предложилъ князю ѣхать вмѣстѣ до Москвы, былъ у него на другой день и вечеромъ съ восторгомъ говорилъ о немъ. Въ-теченіе недѣли онъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобъ стать на короткую съ нимъ ногу. Эту короткость отношеній князь ограничивалъ обѣдами и разъѣздами на лошадяхъ Юрья. Они пріѣзжали вмѣстѣ на дачу и вмѣстѣ отправлялись домой.

— Я такой добросовѣстный sportsman, говорилъ Чемеринъ: — что всегда стараюсь беречь своихъ лошадей, когда представляется случай пользоваться чужими. А въ часы переѣздовъ и обѣда я неимовѣрно сговорчивъ и всякому обществу радъ: это время потерянное для всякой дѣятельности, и я стараюсь его занять чѣмъ Богъ пошлетъ.

Какъ вы видите, Чемеринъ не щадилъ Юрья; онъ зналъ его наизусть и никогда не пропускалъ случая высказать ему самыя горькія истины подъ видомъ цинической шутки:

— Вы, можетъ-быть, не были бы порядочный человѣкъ, Нагибинъ, говорилъ онъ ему: — еслибъ удались; но въ настоящемъ вашемъ видѣ вы меня компрометируете своей дружбой. Не понимаю, за что вы меня любите — я васъ вовсе не люблю.

Digitized by Google

Въ такихъ словахъ Юрій видѣлъ только оригинальную шутку; смѣялся ей до слезъ, князя звалъ *сыномъ природы*, *проповѣдникомъ простоты* и привязывался къ нему съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе всѣми силами души своей. Недолго странность этого психическаго явленія удержалась на одномъ слѣпомъ поклоненіи Юрья особѣ Чемерина. Юрій незамѣтно дошелъ до полнаго и добровольнаго уничтоженія собственной личности передъ чужою. Онъ утратилъ способность самостоятельной мысли, заразился всѣми понятіями князя, и ихъ ложнымъ развитіемъ ограничилъ всю свою умственную дѣятельность. Что въ князѣ было естественно и оставалось приличнымъ, то неизбѣжно перенималось Юрьемъ и доводилось имъ до самыхъ дикихъ крайностей.

Но всего печальнѣе для меня была внезапная перемѣна его отношеній ко мнѣ. Онъ, разумѣется, навязался своими признаніями князю, который принялся трунить надъ донкихотствомъ моего рыцаря. Юрій устыдился своей рыцарской роли, имъ же самимъ вымышленной и, конечно, лишенной внутренняго смысла, но обличавшей его привязанность ко мнѣ. Онъ сталъ замѣтно удаляться отъ меня, не искалъ случая говорить со мною наединѣ, и только изрѣдка ласковымъ словомъ, вымолвленнымъ украдкой отъ князя, давалъ мнѣ поводъ надѣяться, что не все еще невозвратно для меня пропало.

Отъ Нины не ускользала перемѣна обращенія Юрья со мною.

— Ну, Настя, говорила она: — теперь я сама начинаю думать, что ты не сладишь съ Нагибинымъ. Онъ влюбится въ тебя только съ разрѣшенія Чемерина.

Словъ болѣе-теплаго участія мнѣ не отъ кого было ждать. Лонинъ въ исходѣ мѣсяца недѣли на двѣ уѣхалъ изъ Москвы, да, правду сказать, я едва и замѣтила его отсутствіе...

Чеменинъ былъ со мною попрежнему любезенъ и внимателенъ; но я его возненавидѣла и, вымещая на немъ вину другаго, искала случая высказать ему все свое нерасположеніе.

Это мнѣ отчасти удалось, и вотъ какимъ образомъ: говорили о женщинахъ; Юрій не преминулъ свести разговоръ на блистательные успѣхи Чемерина; князь стоялъ въ дверяхъ, въ pose régence, что было ему очень къ-лицу.

— Ce que vous dites là, mon cher, est du dernier bourgeois, сказалъ онъ. — Кто намекаетъ на подобныя вещи? и какой порядочный человѣкъ остается доволенъ похвальнымъ отзывомъ такого рода? Я смолоду держусь прилично и не заслужилъ репу-

тацiи Чемерина и сердцеѣда. Вы право опасны: вы были бы способны убить человѣка, еслибъ умѣли владѣть смертоноснымъ оружiемъ.

— Единственный человѣкъ! воскликнулъ Юрiй, обращаясь ко мнѣ: — обижается тѣмъ, что̀ польстило бы самолюбiю другаго.

— Да что̀ тутъ лестнаго для моего самолюбiя? возразилъ Чемеринъ. — Я женщинъ люблю, какъ любятъ ихъ всѣ, какъ, вѣроятно, любите и вы. Только я не рыцарствую, не стараюсь запутать до-нельзя свои дѣла, напротивъ, ищу средства честно выйдти изъ затруднительнаго положенiя.

— Прекрасно! отвѣчалъ Юрiй: — и я совершенно тѣхъ же правилъ (князь засмѣялся); но жить по нимъ возможно будетъ только тогда, когда ихъ станутъ придерживаться сами женщины.

— А ужъ это мое дѣло, сказалъ князь. — Я не гоняюсь за героинями романовъ, не хлопочу о блистательныхъ успѣхахъ и потому не позволяю, чтобъ мнѣ ими попрекали.

— Кажется, сказалъ Юрiй: — вы хотите насъ увѣрить, что еслибъ свѣтская женщина влюбилась въ васъ и сдѣлала къ вамъ первый шагъ, вы отъ нея отказались бы?

— Сохрани меня Богъ отъ подобной грубости! Но ни въ какомъ случаѣ я не обѣщалъ бы ей болѣе того, что̀ могу дать, и, во избѣжанiе недоразумѣнiй, объяснилъ бы ей, какъ сейчасъ объяснилъ вамъ, что̀ такое въ моихъ глазахъ идеальная женщина. Это выраженiе я, кажется, перенялъ у васъ.

При этихъ словахъ кровь мнѣ бросилась въ лицо не столько отъ чувства негодованiя, сколько отъ чувства непростительной радости: мнѣ наконецъ представлялась возможность сказать непрiятность князю:

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, князь, что, для представителя формы, вы впадаете въ странную ошибку. Я не думаю, чтобъ съ порядочными женщинами позволено было говорить о женщинахъ *идеальныхъ*.

Нина бросила на меня ободрительный взглядъ, а Юрiй воскликнулъ, что мое замѣчанiе пахнетъ провинцiей.

— Князь, вѣроятно, понялъ, что я права, отвѣчала я: — и вы, Юрiй, это поймете тоже, когда голова ваша освѣжится: теперь вы въ чаду...

— Какъ? я имѣлъ несчастiе заслужить вашъ благородный гнѣвъ? спросилъ Чемеринъ, садясь возлѣ меня.

— Полноте, князь; къ-чему говорить о гнѣвѣ, когда между

Digitized by Google

нами не можетъ быть рѣчи ни о гнѣвѣ, ни о милости! Я отъ васъ требую только того, что вы можете дать — приличія.

— Если я, къ-сожалѣнію, не успѣлъ вамъ доказать, что я приличій не забываю, отвѣчалъ князь почти съ досадой: — то время докажетъ вамъ, можетъ-быть, что въ нравственномъ смыслѣ я не такъ уродливъ, какъ вы полагаете.

Но недолго я наслаждалась торжествомъ своимъ. Князь съ неподражаемымъ искусствомъ принялся трунить надъ всей этой сценой и умѣлъ передать ее съ такимъ комизмомъ, что возбудилъ общій смѣхъ. Я сама смѣялась сквозь слезы досады и отчаянія. Не мнѣ было бороться противъ вліянія этого человѣка на Юрья. Надобно было дѣйствовать съ терпѣніемъ и холодностью, а гдѣ ихъ взять, когда любишь?...

Вскорѣ послѣ этого происшествія, въ одинъ изъ пріемныхъ дней Лониныхъ, Александръ Ильичъ, прощаясь со мною, вручилъ мнѣ запечатанное письмо, прося позволенія пріѣхать въ слѣдующую середу за отвѣтомъ. Крайне-удивленная, я вошла въ кабинетъ Нины и, не замѣтивъ ея присутствія, распечатала письмо.

— Отъ кого это? спросила она.

Я сказала.

— Онъ, вѣрно, за тебя сватается.

— Какой вздоръ!

— Прочтемъ вмѣстѣ.

Дѣйствительно въ письмѣ было предложеніе.

— Ну, что жь? ты согласна? спросила Нина.

— Я его не знаю; я о немъ никогда не думала — могу ли я согласиться!

Нина умна; не довѣряя дѣйствію своихъ словъ на меня, она смолчала, но рѣшилась на самыя отчаянныя средства, чтобъ выдать меня замужъ. Она понимала, что навлечетъ на себя нареканіе свѣта, если иначе отпуститъ меня изъ своего дома...

IV.

Около недѣли я оставалась глазъ-на-глазъ съ Ниною: Лонинъ не возвращался, Юрій еще дней за десять до предложенія Александра Ильича, уѣхалъ изъ Москвы, а Чеменинъ почти не являлся на дачу.

Нина надѣялась до поры до времени скрыть свои намѣренія, но повела дѣло несовсѣмъ-искусно. Цѣлые пять дней она хра-

Digitized by Google

нила со мной слишкомъ-упорное молчаніе насчетъ Александра Ильича, а на шестой проговорилась. Мнѣ поневолѣ пришлось обратиться къ ней съ просьбою избавить меня отъ личнаго объясненія съ человѣкомъ, которому я хотѣла отказать на-отрѣзъ. Нина предложила свое посредничество, но принялась мнѣ доказывать, что, какъ хозяйка дома и женщина, дружески-расположенная къ Александру Ильичу, она вмѣняетъ себѣ въ обязанность смягчить, сколько можно, рѣшительность моего отказа, чтобъ не удалить отъ себя человѣка ей искренно-преданнаго и не повергнуть его въ совершенное отчаяніе. Другими словами: она собиралась его всячески обнадежить и выторговать у него новый, дальній срокъ, какъ необходимый мнѣ для зрѣлаго обсужденія дѣла. Я отплатила ей хитростью за хитрость, не стала опровергать ея доводовъ, и рѣшилась, во что бы ни стало, дѣйствовать собственными средствами. Не улыбалась мнѣ перспектива слѣдующаго дня; къ-счастью, съ ранняго утра Александръ Ильичъ извѣстилъ насъ, что онъ не будетъ. Онъ воспользовался пересылкою книгъ, обѣщанныхъ имъ Нинѣ, чтобъ написать ей длинное письмо, въ которомъ жаловался на неумолимость врача и простудный кашель, повергался къ ногамъ Нины и моимъ, и выражалъ надежду, что первый, дозволенный ему выѣздъ вознаградитъ его за потерю нынѣшняго дня... Я вздохнула свободнѣе и занялась Катей: бѣдняжкѣ нездоровилось цѣлое утро; она перебралась въ кабинетъ Нины, гдѣ я сидѣла за пяльцами, съ полчаса разставляла передо мною свои игрушки, и наконецъ заснула на моихъ рукахъ. До обѣда времени оставалось много: я разсчитывала, что она проснется до пріѣзда гостей; но Чеминъ, не знаю почему, пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго и, не заходя въ кабинетъ, прямо изъ гостиной сошелъ съ Ниною въ садъ. Окно было отворено, и я изъ глубины комнаты могла слѣдить за ихъ прогулкою; разговоръ казался оживленнымъ...

Въ силу одной изъ тѣхъ непредвидимыхъ и неизбѣжныхъ случайностей, которыя часто повторяются между людьми, живущими подъ одною кровлею, мнѣ довелось слышать конецъ этого разговора. Сталъ накрапывать дождь; Нина и князь устроились подъ навѣсомъ террасы, прилегавшей къ окну, и продолжали говорить довольно-громко, такъ-что до меня доходило почти каждое ихъ слово. Съ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, мнѣ нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни прибѣгнуть къ одной изъ обычныхъ уловокъ, открывающихъ тайну незамѣченнаго и непрошен-

Digitized by Google

наго присутствія... Впрочемъ, и на уловки подобнаго рода выдается, и то не всегда, одно какое-нибудь мгновеніе, которымъ надо умѣть пользоваться... Оно прошло, можетъ-быть... и вотъ, я стала ждать съ минуты на минуту, что обнаружится мое присутствіе безъ явнаго участія съ моей стороны, случайнымъ поворотомъ головы князя или Нины... Никому не желаю испытать невыгоду такого положенія: и совѣстно, и досадно; не знаешь, что̀ дѣлать; въ голову приходитъ честная, но дѣтская мысль «стараться не слышать» и на повѣрку оказывается лишенною практическаго смысла.

— Ужели вы воображаете, говорила Нина: — что я давно этого не замѣчаю?... Она вамъ нравится.

— Очень, отвѣчалъ Чемеринъ.

— Ка̀къ откровенно!... Вы просто въ нее влюблены.

— Почти.

— Да зачѣмъ же дѣло стало? Женитесь на ней.

— Это невозможно. Вопервыхъ, я женюсь только на мильйонѣ; вовторыхъ, она меня терпѣть не можетъ.

— Вы въ этомъ сознаетесь и продолжаете ее любить?

— Вѣдь я никому не мѣшаю.

— Никому!... Положимъ, я въ сторонѣ; а Нагибинъ? Безъ вашихъ насмѣшекъ и совѣтовъ, его бы, конечно, легко было женить.

— Я ему никогда ничего не совѣтовалъ, а смѣюсь надъ нимъ, потому-что онъ дѣйствительно смѣшонъ. Если же мои насмѣшки способны его удалить отъ Настасьи Александровны, то это явное доказательство, что онъ ею очень-мало занятъ.

— Знаете что? сказала Нина голосомъ болѣе-и-болѣе раздражавшимся: — устройте ея свадьбу и тогда волочитесь за ней—это будетъ на васъ похоже...

— Это вовсе не будетъ на меня похоже, спокойно отвѣчалъ Чемеринъ.—Если и допустить, что она меня полюбитъ, что̀ совершенно-несбыточно, то все-таки она не выйдетъ изъ числа женщинъ, которыя не по-мнѣ, хотя мнѣ и нравятся. Близкому знакомству съ нею невозможно придумать конецъ недраматическій. Очень благодаренъ. Вы знаете, что я нервозенъ какъ кошка: я даже не выношу желѣзной дороги, а женскій крикъ дѣйствуетъ на мои нервы, какъ скрипъ металла по тарелкѣ. Нѣтъ! Je prends mon bien où je le trouve, какъ говорилъ Мольеръ, а мой удѣлъ, вамъ извѣстно, спокойствіе и порядокъ.

Digitized by Google

— То-есть, матеріализмъ и безнравственность?

— Вы себя компрометируете, Нина, отвѣчалъ князь, сопровождая эти слова сухимъ своимъ смѣхомъ. Ваше самолюбіе страдаетъ; но когда оно заживетъ, вы убѣдитесь, что я не виноватъ передъ вами. Вы умны, хороши собой, словомъ: вы могли бы пользоваться жизнью, еслибъ отвыкли капризничать, какъ дѣвочка...

— Я не понимаю, сказала Нина: — какъ, при вашемъ самолюбіи, вамъ можетъ нравиться женщина, которая васъ не любитъ. Правда, и вы ее любите изъ одного упрямства: она даже не соединяетъ въ себѣ тѣхъ достоинствъ, которыхъ вы требуете отъ женщины.

— Видно, вы меня считаете черезчуръ-одностороннимъ человѣкомъ, отвѣчалъ князь. — Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ она была моей воспитанницей, я бы далъ ей совсѣмъ-другое направленіе; а теперь, мнѣ въ ней нравится ея особенный *quant à soi*, гордость ея души при мягкости чувствъ—однимъ словомъ, именно то, что не можетъ нравиться какому-нибудь Нагибину. Что за мелкая природа этого человѣка! Онъ способенъ любить только изъ-подъ бича. А Настасью Александровну, вы увидите, онъ скоро возненавидитъ!

Разговоръ продолжался, но ничего болѣе я не слыхала и не помню. Мнѣ былъ нанесенъ смертельный ударъ; въ моихъ ушахъ не переставали раздаваться послѣднія слова Чемерина: «Настасью Александровну онъ скоро возненавидитъ!» Передо мною сразу раскрылся весь смыслъ этого страшнаго предсказанія. Дѣйствительно, изъ всѣхъ насмѣшекъ князя, Юрій обидѣлся только тѣми, которымъ подверглись его отношенія ко мнѣ; онъ устыдился этихъ отношеній и ужь отказался отъ нихъ. Я стала орудіемъ пытки для его самолюбія; онъ меня возненавидитъ!... Но, Боже мой! чѣмъ же предупредить это испытаніе?...

Весь день я ходила сама не своя. Всѣ это замѣтили. «Охота тебѣ, сказала мнѣ вполголоса Нина:— обращать на себя подобнаго рода вниманіе. Скажи, ради Бога, что съ тобою? Займись чѣмъ-нибудь; самоваръ поданъ, совѣтую тебѣ разливать чай. C'est au moins une contenance.»

Я сѣла за чайный столъ, къ которому пріютились два-три человѣка мнѣ едва-знакомыхъ гостей.

Для Чемерина Нина стала устроивать партію. Вдругъ въ дверяхъ показался Юрій: я почувствовала, что мѣняюсь въ лицѣ...

Digitized by Google

Едва поздоровавшись со мною, Юрій обратился къ Чемерину.—По вашей милости я опоздалъ, Чемеринъ, сказалъ онъ: — я въ Москвѣ съ трехъ часовъ, и проискалъ васъ по всему городу, чтобъ вмѣстѣ ѣхать сюда. Измучивъ понапрасну своихъ лошадей, я въ шестомъ часу принужденъ былъ послать за наемной каретой и довольствоваться холоднымъ обѣдомъ у Шевалье; за-то я порядочно бранилъ и васъ и судьбу.

— Судьба дѣйствительно передъ вами виновата, отвѣчалъ Чемеринъ: — вамъ слѣдовало родиться въ парѣ сіамскихъ близнецовъ.

Юрій засмѣялся подобострастнымъ смѣхомъ, отъ котораго у меня навернулись слезы на глазахъ... Но мнѣ предстояло выдержать новое испытаніе: Нина отозвала Юрья въ дальній уголъ комнаты и принялась съ нимъ кокетничать... говорю это, не подвергаясь опасности ее оклеветать. Я все видѣла: каждая ея улыбка, каждый взглядъ болѣзненно отзывались въ моемъ сердцѣ, которое не ошибалось въ значеніи этихъ взглядовъ и улыбокъ, хотя я не давала себѣ отчета въ томъ, чего добивается Нина. И какъ хороша она была въ этотъ вечеръ! Темнозеленый цвѣтъ ея шелковаго платья и яркій румянецъ, вызванный внутреннимъ волненіемъ, выдавали ослѣпительную бѣлизну ея лица. Ея русые волосы, завитые мелкими кольцами, какъ дымъ разсыпались вокругъ щекъ и лба, и только одинъ длинный локонъ падалъ ей на плечи. Вспоминая о ней теперь, я невольно сравниваю ее съ пастелемъ Латура... Мало-по-малу разговоръ принялъ серьёзный оборотъ. Юрій говорилъ съ жаромъ; когда приняли чай, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Настя, сказалъ онъ отрывисто: — за васъ сватается Александръ Ильичъ Войтовъ: мнѣ это сейчасъ говорила Нина Павловна?

— Этотъ трудъ она, кажется, могла предоставить мнѣ, отвѣчала я.

— Дѣло не въ томъ; а отчего вы не согласны идти замужъ? Это отличная партія.

— Вамъ велѣно такъ говорить? спросила я.

— Мнѣ ничего не велѣно, отвѣчалъ Юрій, вспыхнувъ. А вамъ пора, кажется, подумать о себѣ, пора отказаться отъ роли безпріютной красавицы, да и меня избавить отъ репутаціи вашего Донкихота. Нѣтъ институтки, которая не поняла бы всей пошлости такого положенія, и вы бы меня въ него не поставили, если бы не начитались плохихъ романовъ.

Digitized by Google

— Опомнитесь, сказала я холодно: — тогда я вамъ буду отвѣчать.

Чтобы скрыть свое волненіе, я встала и вышла въ залу, гдѣ машинально сѣла за фортепьяно и принялась наигрывать польку... Вслѣдъ за мной явился Юрій.

— Это очень-драматично, сказалъ онъ: — только напрасно вы не выбрали «Walse infernale», или что-нибудь въ этомъ родѣ: было бы еще эффектнѣе.

— Оставьте меня, отвѣчала я тихо, чувствуя, что перестаю владѣть собой. Онъ отошелъ; я побѣжала въ свою комнату, бросилась на кровать и громко зарыдала... Приходили меня звать внизъ: я велѣла сказать, что больна и ложусь спать.

Во всю ночь не смыкала я глазъ. Тяжелымъ кошемаромъ легли мнѣ на сердце всѣ событія этихъ сутокъ, всѣ возникшіе для меня горькіе вопросы. Они мнѣ представлялись въ самомъ смутномъ видѣ; я понимала, что имѣю причины плакать, но не была въ состояніи ни дать себѣ отчета въ своемъ положеніи, ни привести въ ясность накопившіяся во мнѣ чувства... и только одна мысль складывалась въ болѣе-опредѣлительныя формы: — мысль о необходимости моего отъѣзда изъ дома Лониныхъ...

Поутру Нина зашла меня провѣдать. Она старалась казаться привѣтливѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Что это, Настя? На тебѣ лица нѣтъ. Я пошлю за докторомъ.

— Не надо, отвѣчала я: — я плохо спала и встала съ головною болью. Это пройдетъ на воздухѣ.

— Такъ знаешь что? Я собираюсь въ Москву. Мнѣ нужно на Кузнецкій Мостъ; не хочешь ли проѣхаться вмѣстѣ со мною?

— Очень-рада: я кстати запасусь красками для деревни.

— Какъ для деревни? спросила Нина. Ты собираешься въ деревню?

— Да; мнѣ пора ѣхать!

Она посмотрѣла на меня съ изумленіемъ и сказала:

— Ты шутишь?

— Вовсе не шучу. Почему ты это думаешь?

— Помилуй, Настя, что съ тобой сдѣлалось?... Объяснись ради Бога. Всѣмъ извѣстно, что ты пріѣхала къ намъ на житье, и нѣтъ причины, чтобъ ты насъ покинула прежде нежели выйдешь замужъ... Ты сама это обѣщала... Да и прилично ли тебѣ въ твои годы жить одной въ деревнѣ? И что тебѣ вздумалось такъ... вдругъ? Скажи: ты шутишь? тебѣ нездоровится? тебѣ приснился дурной сонъ?

Digitized by Google

— Я снамъ не върю, отвъчала я. Мое ръшеніе не такъ внезапно, и не такъ необдуманно, какъ тебѣ кажется. Слушай, Нина. Ты меня вызвала къ себѣ, не зная меня; мы разстались дѣтьми; съ той поры сложились наши характеры, и мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга. Теперь, пока ты не успѣла раскаяться въ своемъ гостепріимствѣ, намъ и слѣдуетъ разстаться, и мы разстанемся на пріятельской ногѣ....

— Ничего не понимаю... Я, можетъ-быть, невольно оскорбила тебя чѣмъ-нибудь?

— Полно, Нина. Убѣдись, что я не сержусь, какъ дѣвочка, и говорю несгоряча. Какъ ты не хочешь понять невыгоды нашего теперешняго положенія! Еслибъ даже тебѣ и нетрудно было ужиться со мною, въ свѣтѣ ты мною всегда останешься недовольна. Зачѣмъ тебѣ брать на себя лишнюю отвѣтственность? У тебя есть дочь, ты сама молода...

— Настя! сказала она вдругъ, послѣ продолжительнаго молчанья:—ты неоткровенна со мною; ты удаляешься не отъ меня... Но за что же слагать на меня чужую вину? Чѣмъ же я-то виновата?

Нѐ къ-чему было мнѣ изобличать Нину, и я не дала прямаго отвѣта на ея слова. Долго говорила она; но, убѣдившись въ трудности поколебать мое намѣреніе, струсила непшутя, со слезами бросилась ко мнѣ на шею и умоляла меня остаться.

— Если напрасны всѣ доводы, говорила она:—если ты не вѣришь моей дружбѣ, то останься изъ великодушія. Подумай обо мнѣ: что скажутъ про меня? Ты свѣта не знаешь: онъ никого не щадитъ и не останавливается передъ клеветой. У меня много враговъ, потому-что я богата и недурна собой. И безъ того уже говорятъ, что я тебя ревную, и, кàкъ ты думаешь, къ кому? Смѣшно вымолвить! Къ Чемерину! къ Чемерину, который одинаково занятъ обѣими нами, то-есть ни на волосъ! Да что до этого за дѣло: разбирать не станутъ, а станутъ клеветать; и подумай, что эта клевета можетъ даже имѣть вліяніе на будущность Кати. А мое семейное положеніе?.. А мужъ мой?.. Что онъ скажетъ?.. Ты и его не знаешь: онъ тебя уважаетъ и не проститъ мнѣ твоего отъѣзда... Настя! пощади меня!

Неловко мнѣ было выслушивать мольбы Нины; но между нею и мною все было кончено: я ни на шагъ не отступила отъ высказаннаго мною намѣренія.

— По-крайней-мѣрѣ, сказала Нина: — умоляю тебя объ од-

Digitized by Google

номъ: дай мнѣ слово дождаться возвращенія Дмитрія: онъ долженъ скоро быть... тогда дѣлай что̀ хочешь, я тебя удерживать не буду. Если жь онъ тебя здѣсь не застанетъ, я просто не посмѣю показаться на глаза.

Я схитрила; и чтобъ положить конецъ тяжелому разговору, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ такъ мало было искренности, выдала свое собственное желаніе за уступку желанію Нины: я дала ей слово.

Дѣйствительно, мнѣ не хотѣлось ѣхать, не простившись съ Лонинымъ и, изъ дружбы къ нему, я заранѣе рѣшилась подвергнуться встрѣчѣ съ Юрьемъ. Къ-тому же, на этотъ счетъ меня отчасти успокоивали сло̀ва Нины, которыя мнѣ прямо намекали на то, что я удаляюсь именно отъ этой встрѣчи. Стараніемъ Нины, встрѣча выйдетъ сноснѣе, думала я.

Но меня перехитрила Нина. Она осталась недовольна первыми ударами, нанесенными мнѣ наканунѣ; только по ея разсчету, ихъ плохіе результаты не слѣдовало объяснять тѣмъ, что удары были слишкомъ-метки; напротивъ, она сочла необходимымъ дѣйствовать рѣшительнѣе, благо найдено было оружіе.

Отказываюсь передать вамъ все, что̀ я вытерпѣла въ послѣдующіе два дня. При первомъ словѣ Юрья рушились и мои надежды на лучшее его обхожденіе со мною, и заблаговременно-принятыя мною намѣренія стать съ нимъ на ногу совершенной холодности, обыкновеннаго свѣтскаго знакомства... На меня градомъ посыпались и тѣ же насмѣшки, и самые язвительные упреки въ неблагодарности къ Нинѣ, которую Юрій засталъ въ слезахъ, по милости моего упрямства.

Подъ руководствомъ Нины, Юрій постигъ всѣ тайны систематическаго преслѣдованія. Онъ не давалъ мнѣ времени опомниться: оскорбленіе слѣдовало за оскорбленіемъ. Противъ Нины меня защитила бы моя гордость; но въ этомъ дѣлѣ я забывала участіе Нины, чтобъ видѣть Юрья, одного Юрья!..

Пораженная прямо въ сердце, я упала духомъ, дошла до степени полнаго нравственнаго безсилія. Нинѣ оставалось воспользоваться своей побѣдой. Ея зоркій глазъ высмотрѣлъ минуту, удобнѣйшую для достиженія конечной цѣли.

Рѣзкимъ переходомъ Юрья отъ словъ убійственной холодности и ироніи къ одному доброму слову я была возвращена къ жизни; но цѣлительное нежданное слово, заставъ меня врасплохъ,

Digitized by Google

должно было вызвать меня на безграничную благодарность, на слѣпое повиновеніе.

Юрья легко было заставить перемѣнить обращеніе со мною. Сбитый съ толку Ниной, онъ сталъ ея слѣпымъ оружіемъ: теперь стоило ему раскрыть глаза на мое положеніе, которое даже могло вмѣниться въ упрекъ его неловкости, и предоставить ему дѣйствовать по внушенію собственнаго сердца.

Онъ явился въ мою комнату, блѣдный, разстроенный, подошелъ ко мнѣ и взялъ мою руку: — Настя, сказалъ онъ, вы огорчены?

— Юрій, другъ мой, отвѣчала я: — я сдѣлаю все, что̀ вы хотите... но не сердитесь болѣе... Я понимаю, что вамъ стало не по силамъ то положеніе, въ которое я васъ поставила. Я не хочу быть вамъ помѣхой, портить вашу жизнь.

— Настя, вы ангелъ, когда вы такъ говорите! отвѣчалъ Юрій.— Я знаю, вы меня любите слишкомъ-горячо, и одинъ умѣю цѣнить вашу привязанность. Но подумайте, ее оклевещетъ свѣтъ; она повредитъ намъ обоимъ. Намъ невозможно оставаться на такой ногѣ. Я буду спокоенъ тогда только, когда вы будете устроены. На васъ лягутъ новыя обязанности, конечно, но ваша душа такъ богата, что и на мою долю сохранитъ теплое чувство.

— Довольно, довольно! отвѣчала я. — Я безъ ропота посвящу себя новымъ обязанностямъ, и для ихъ выполненія съумѣю пожертвовать своими чувствами. Но не забывайте, Юрій, что вы рѣшили мою судьбу.

На другой день я дала слово Александру Ильичу.—Онъ не замедлилъ выразить свое неудовольствіе насчетъ короткости моей съ Юрьемъ, и сталъ обходиться съ нимъ замѣтно-сухо. На конфекты Чемерина онъ тоже смотрѣлъ искоса; но князь отстоялъ наши отношенія, отшучиваясь отъ Александра Ильича и забавляясь плохо-скрытой его досадой.

Я была убита; но первый шагъ былъ сдѣланъ безъ возврата; я не унывала и не жаловалась. Болѣе всего меня пугали ревнивыя выходки Александра Ильича; я всѣми силами старалась не давать имъ повода, скрывала всякое чувство, способное его оскорбить. Съ Юрьемъ я почти не говорила и стала рѣдко его видѣть — а онъ и не задумывался надъ моимъ положеніемъ, и попрежнему не разставался съ Чемеринымъ.

Тягостно мнѣ было мое первое свиданіе съ Лонинымъ. Я видѣла, какъ его коляска въѣхала во дворъ и пошла къ нему на встрѣчу. Изъ писемъ Нины онъ уже зналъ о сватовствѣ Алек-

сандра Ильича и о данномъ мною согласіи. Онъ былъ видимо разстроенъ, крѣпко сжалъ мою руку и долго молчалъ. — Вы выходите замужъ? сказалъ онъ наконецъ. Я не отвѣчала. Онъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Ну, прощайте, Настя. Совѣстно сказать, а досадно, что мнѣ ужъ не прійдется ѣздить сюда по утрамъ... Катя моя почиваетъ въ тѣ часы, которые я просиживалъ у вашего мольберта... Не хотѣлось бы мнѣ, чтобъ Катя васъ забыла; но ка̀къ быть?.. дѣти неблагодарны!

Въ первый разъ съ роковаго дня рѣшенія моей участи у меня хлынули слёзы. Лонинъ бросился ко мнѣ, взялъ мою руку и поцаловалъ ее. Я молчала; онъ отошелъ къ окну и, чтобъ скрыть душевную тревогу, принялся насвистывать свою нѣмецкую пѣсенку.

Съ-тѣхъ-поръ онъ мнѣ не говорилъ о моемъ замужствѣ.

Свадьба, по желанью Александра Ильича, совершилась въ послѣднихъ числахъ августа. Онъ же рѣшилъ, чтобъ въ тотъ же день, прямо изъ-за свадебнаго ужина, мы отправились въ деревню. Я на все соглашалась. Нагибинъ и князь Чемеринъ были моими шаферами. Изъ церкви мы пріѣхали въ яркоосвѣщенный домъ моего мужа. Гостей было много. Послѣ первыхъ поздравленій, я искала минуты отдыха и перешла въ маленькую боковую комнату, тускло-освѣщенную матовою лампою. Вдругъ въ дверяхъ показался Юрій. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ка̀къ вы хороши!

— Прощайте, Юрій. Теперь живите безъ заботы: моя участь рѣшена, и вы можете считать себя совершенно-свободнымъ. Довольны ли вы?

— Настя, въ вашихъ словахъ слышится тайный упрекъ. Скажите, вы несчастливы?

Я горько улыбнулась.

— Нѣтъ, отвѣтила я: — не ищите скрытаго смысла въ моихъ словахъ. Я прямо говорю, что̀ думаю. Мужъ мой не велитъ мнѣ оставаться съ вами наединѣ. Прощайте!

Можетъ-быть, совѣсть заговорила въ Юрьѣ: онъ съ жаромъ взялъ руку, которую я ему протянула.

— Ступайте, повторила я: — я хочу быть одна.

Онъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, у самыхъ дверей, послышался его голосъ:

— Что̀ это за свадьба, говорилъ онъ довольно-трагическимъ тономъ: — мы просто за̀-живо похоронили двадцатилѣтнюю дѣвушку!

Digitized by Google

— Какъ вы все некстати дѣлаете! отвѣчалъ Чемеринъ. — Этой женщинѣ, напротивъ, предстоитъ будущность... Ей недолго страдать отъ брака по разсудку. Я видѣлся вчера съ докторомъ Войтова: онъ мнѣ сказалъ, что у него рѣшительно чахотка и что онъ проживетъ много-много года полтора.

Они отошли. Пораженная этой вѣстью, я не въ-силахъ была сойдти съ мѣста; между-тѣмъ мое отсутствіе было замѣчено — меня стали искать. Первая подошла ко мнѣ Нина и вскрикнула, увидѣвъ, что я блѣдна, какъ смерть.

Я превозмогла себя, благодарила Нину за ея гостепріимство и подарила ей дорогой браслетъ. Она поцаловала меня, кажется, съ неподдѣльнымъ участіемъ: я увѣрена, что всякій, повременамъ, способенъ на доброе побужденіе... Около полуночи мы собрались ѣхать. Юрью я поклонилась издали. Лонинъ посадилъ меня въ карету; я нагнулась къ нему и сказала: «Надѣюсь только на васъ: вы меня не забудете». Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но его перебилъ Александръ Ильичъ:

— Извините... позвольте мнѣ сѣсть... Пора намъ ѣхать.

Мы ѣхали очень-скоро и долго оба молчали. Я дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Меня приводила въ ужасъ мысль, что я возлѣ человѣка, обреченнаго на смерть. Наконецъ я спросила:

— Скажите, отчего мы ѣдемъ въ деревню?

— Какъ отчего! отвѣчалъ Александръ Ильичъ. — Вѣдь ты сама на это согласилась безпрекословно?

— Я и теперь согласна, какъ-скоро вы этого желаете; но мнѣ хотѣлось бы знать, какія именно причины побудили васъ оставить городъ въ началѣ осени?

— Причины очень-ясныя, мой другъ, отвѣчалъ Александръ Ильичъ: — неизбѣжные свадебные балы, обѣды, вечера; все это довольно-скучно да и разстроиваетъ здоровье. На свое здоровье я, конечно, не могу пожаловаться, но хочу поберечь тебя. Во всякомъ случаѣ, надобно дорожить привычками акуратной жизни и не измѣнять имъ безъ крайней необходимости. А какая тутъ необходимость? Выѣздовъ я не люблю; а еслибъ ты стала выѣзжать безъ меня, это дало бы поводъ сплетнямъ. Отказаться отъ приглашеній — опять не приходится: свѣтскими связями не слѣдуетъ пренебрегать; да я бы и не захотѣлъ нажить себѣ репутацію Рауля-Синей-Бороды. Въ деревнѣ нѣтъ всѣхъ этихъ затрудненій. Жизнь покойнѣе и воздухъ чище.

— Но, замѣтила я съ робостью: — ужь если заботиться о здо-

ровьѣ, зачѣмъ не имѣть при себѣ доктора? а въ городѣ это удобнѣе...

— Доктора мнѣ вовсе ненужно, отвѣчалъ онъ съ живостью: — я говорю не о лѣченіи, а о гигіенѣ. И сверхъ-того, во всѣхъ отношеніяхъ деревня лучше Москвы. Къ-чему молодой женщинѣ окружать себя Чемериными и Нагибиными, способными только компрометировать ея положеніе? Отказать имъ отъ дома неловко, а принимать ихъ, право, не находка!

— Вы, мнѣ кажется, придаете слишкомъ-большое значеніе безділицамъ, отвѣчала я. — Женщина, несовсѣмъ-глупая, можетъ держаться такъ, что никакое свѣтское знакомство не окомпрометируетъ ея...

— А мнѣ кажется, что ты объ этомъ судишь слишкомъ-слегка, перебилъ Александръ Ильичъ. — Мое мнѣніе не таково. Разъ посвятивъ себя супружеской жизни, добрая жена ни на минуту не теряетъ изъ виду своихъ обязанностей.

— Вы убѣдитесь, что я раздѣляю ваше мнѣніе; но принимать конфекты отъ человѣка, къ которому я болѣе, нежели равнодушна, не было въ моихъ глазахъ отступленіемъ отъ обязанностей.

— А въ моихъ большое, отвѣчалъ Александръ Ильичъ, почти съ раздраженіемъ. — Впослѣдствіи мы поймемъ другъ друга, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

Мнѣ были извѣстны многія черты характера Александра Ильича; но теперь онѣ мнѣ представлялись въ новомъ свѣтѣ, въ подтвержденіе словъ Чемерина. На память мнѣ приходило много незначащихъ обстоятельствъ, теперь только осмысленныхъ и едва-замѣченныхъ мною, когда Александръ Ильичъ былъ моимъ женихомъ. Его лихорадочная раздражительность, съ которою, несмотря на умѣнье владѣть собою, онъ отвѣчалъ на самые простые разспросы о здоровьѣ; замашки молодечества, несвойственнаго его лѣтамъ, хвастливое пренебреженіе предосторожностей противъ холода и сырости... Всѣмъ было извѣстно, что его мать умерла чахоткой. Мнѣ какъ-то случилось затронуть этотъ вопросъ: Александръ Ильичъ отвѣчалъ мнѣ съ сердцемъ, что это вздоръ, что дѣйствительно у нея грудь была слаба, но что она умерла воспаленіемъ, вслѣдствіе простуды.

И все, что мнѣ припоминалось, все, что получало новое значеніе въ моихъ глазахъ, складывалось въ одно чувство непобѣдимаго страха, который на насъ наводитъ картина смерти...

Мы путешествовали всю ночь, и на слѣдующій только день,

Digitized by Google

вечеромъ, пріѣхали въ деревню Александра Ильича. На дворѣ было холодно и пасмурно. Въ домѣ ожидали нашего пріѣзда, и въ гостиной топился камелёкъ. Я сѣла у огня и, пользуясь отсутствіемъ мужа, дала волю давно-сдержаннымъ слезамъ. Ихъ мигомъ высушилъ стукъ шаговъ Александра Ильича; онъ подошелъ ко мнѣ и рукой обвилъ мою талью.

Александръ Ильичъ былъ въ меня влюбленъ, насколько онъ былъ способенъ влюбиться. Иначе говоря, я соединяла въ себѣ качества, которыя онъ требовалъ отъ жены: обезпеченное состояніе, уживчивый характеръ и, главное, молодость. Онъ старался вѣчно обманывать и себя и другихъ. Не въ силахъ помириться съ мыслью о смерти, онъ хотѣлъ внѣшней обстановкой удалить отъ себя всякое напоминаніе о неизбѣжной для него развязкѣ, которую онъ невольно предчувствовалъ. Съ этой цѣлью онъ хотѣлъ имѣть передъ глазами свѣжее женское лицо, новый предметъ развлеченія, и, слѣдовательно, къ женитьбѣ его побудилъ нѣкоторымъ образомъ эгоизмъ, хотя Александръ Ильичъ былъ несомнѣнно честный человѣкъ. Онъ былъ по природѣ ревнивъ, что̀ составляетъ вообще характерную черту всѣхъ личностей неблестящихъ и нѣсколько-завистливыхъ; но въ немъ болѣзнь развила этотъ природный недостатокъ въ раздражительную придирчивость, къ которой не было возможности примѣниться. Въ глубокомъ уединеніи, въ которомъ мы жили, онъ не находилъ серьёзнаго предмета опасеній, и тѣмъ не менѣе былъ въ вѣчной тревогѣ: придирался къ прошедшему, находилъ средства оскорбляться явленіями міра вещественнаго и міра отвлеченнаго, безпощадно преслѣдовалъ героевъ любимыхъ мною авторовъ, и каждый день говорилъ мнѣ колкости насчетъ портрета Лермонтова, висѣвшаго въ моемъ кабинетѣ. Лермонтова я не знавала лично и, разумѣется, пожертвовала его портретомъ капризу Александра Ильича. Впрочемъ, это ни къ чему не повело: предметъ упрековъ былъ всегда подъ-рукой у Александра Ильича. О комъ бы я ни говорила, онъ видѣлъ въ моихъ словахъ унизительное для него сравненіе. По его мнѣнію, я въ другихъ хвалила именно то, чего въ немъ не было, и порицала свойства, ему принадлежавшія. По человѣческому чувству жалости, по невозможности противорѣчить умирающему, я вмѣняла себѣ въ обязанность безпрекословное повиновеніе всѣмъ его прихотямъ; строго исполняла я обѣтъ кротости и молчанія. Слава Богу, мнѣ удалось не выбиться изъ силъ, ни обнаружить ни разу своего нетерпѣнія!.. Но чего мнѣ это стои-

Digitized by Google

ю, тѣмъ болѣе, что не было мнѣ отдыха, что я жила въ вѣчномъ напряженіи душевныхъ силъ! Александръ Ильичъ не покидалъ меня ни на минуту и не скрывалъ своей досады, когда, желая вздохнуть на свободѣ, я лишнюю четверть часа посвящала своему туалету. Послѣ обѣда, несмотря на свѣжесть осеннихъ сумерокъ, мы ѣздили кататься вмѣстѣ. Эти прогулки были убійственно-холодны и однообразны. Впрочемъ, я вышивала по канвѣ, а Александръ Ильичъ сидѣлъ возлѣ меня, занимаясь хозяйственными счетами и неуклонно слѣдя за малѣйшимъ моимъ движеніемъ. Неизмѣнный порядокъ, какой-то нѣмецкій порядокъ, царствовалъ въ домѣ. Казалось, симетричная и чопорная разстановка старой мёбели, акуратность прислуги и даже вѣчно-правильный ходъ часоваго маятника — все носило отпечатокъ щепетильности и положительности хозяина дома... и отъ всего вѣяло холодомъ и недостаткомъ жизни. Разъ-назначенные часы для завтрака, обѣда и чая не измѣнялись ни подъ какимъ предлогомъ. Самъ Александръ Ильичъ съ девяти часовъ утра одѣвался такъ же отчетливо, какъ въ городѣ, акуратно выкуривалъ одну сигару въ день, выпивалъ стаканъ чаю и ѣлъ три блюда за столомъ. Такъ было положено двадцать лѣтъ назадъ, и съ той поры велось безъ перемѣны.

Въ началѣ октября Александръ Ильичъ сталъ сильно кашлять. Онъ увѣрялъ, что это гастрическій кашель, который пройдетъ самъ-собою при маленькой діэтѣ, и что не стóитъ на него обращать вниманія. Я просила позволенія послать за докторомъ, но Александръ Ильичъ разсердился не на шутку и сказалъ мнѣ, что я непремѣнно желаю видѣть его больнымъ. Я не настаивала. Кашель усиливался съ каждымъ днемъ и продолжался болѣе шести недѣль, несмотря на діэту. Разъ Александръ Ильичъ закашлялся до дурноты; у него кровь хлынула горломъ. Первымъ его словомъ когда онъ очнулся, было: «Не нужно посылать за докторомъ... это не болѣе, какъ гемороидальный припадокъ».

Но послѣ этого припадка онъ такъ ослабѣлъ, что его довели до дивана; въ постель онъ лечь не соглашался. Тутъ, не взирая на запрещеніе, я послала за докторомъ, который, къ-счастью, оказался умнымъ и опытнымъ человѣкомъ: онъ принялъ рѣшительныя мѣры, долго пробылъ наединѣ съ моимъ мужемъ и уговорилъ его устроиться въ кабинетѣ и не выходить въ другія комнаты. Мнѣ позволили входить къ больному на два или на три часа въ день, и то съ условіемъ: не говорить съ нимъ, а только вслухъ читать ему журналы.

Digitized by Google

Не знаю, какъ доктору удалось убѣдить Александра Ильича, только приказанія его стали выполняться съ точностью; но я могла замѣтить, что съ этого времени Александръ Ильичъ часто впадалъ въ глубокую тоску, обыкновенную предвѣстницу лихорадочной досады и раздражительности. Часто онъ принимался быстрыми шагами ходить по комнатѣ; у него вырывались жесты нетерпѣнія и отрывистыя слова. Однажды онъ ходилъ долѣе обыкновеннаго, и лихорадочныя движенія повторялись у него одно за другимъ. Замѣтя, что я слѣжу за нимъ съ безпокойствомъ, онъ смутился, но превозмогъ себя и сказалъ мнѣ, улыбаясь: «А я все думаю объ этомъ докторѣ: просто чудакъ! Не знаю, зачѣмъ онъ засадилъ меня въ эту тюрьму... я совершенно здоровъ... Вотъ ужь часъ, какъ я хожу и не чувствую ни малѣйшей усталости.»

Но онъ едва держался на ногахъ и упалъ въ кресло... Первое отступленіе отъ докторскихъ предписаній обрушилось на мнѣ: каждый день Александръ Ильичъ изобрѣталъ новыя причины удерживать меня въ своей комнатѣ долѣе дозволеннаго времени.

Однако у меня оставались свободныя минуты, и я имъ радовалась. Для меня стало благополучіемъ одной ходить по комнатамъ, или читать долго ночью передъ сномъ. У Александра Ильича была большая библіотека, собранная его матерью; я воспользовалась ею, и одна за другой перешли въ мою комнату запыленныя, давно нетронутыя книги. За моей перепиской строго наблюдалъ Александръ Ильичъ, хотя я писала рѣдко и только къ Лониной. Онъ читалъ мои письма и получавшіеся на нихъ отвѣты. Во время его болѣзни я приносила ему пакетъ на почту, и онъ самъ отправлялъ его. Мнѣ нерѣдко случалось слышать, какъ онъ спрашивалъ у человѣка, который ѣздилъ въ городъ, сколько онъ отвезъ писемъ, опасаясь, чтобъ я не переслала пакета мимо его цензуры. Но разъ я поднялась на хитрость: у меня было приготовлено письмо къ Лонину; когда посланный, получивъ уже всѣ приказанія, проходилъ черезъ залу, я, подъ предлогомъ заранѣе придуманнаго порученія, послала его въ другой конецъ дома, а письмо велѣла покамѣстъ положить на столъ. Въ его отсутствіе подмѣнила я письмо, адресованное къ Нинѣ, которое и сожгла на другой день. Я дружески писала къ Лонину, говорила ему о своемъ положеніи и заклинала его не отвѣчать мнѣ ни подъ какимъ предлогомъ. Къ-чему же я писала? спросите вы... Мысль, что обо мнѣ подумаетъ живой человѣкъ, получила въ моихъ глазахъ такую прелесть, что я ею жила цѣлый мѣсяцъ, обдумывая свой планъ...

Digitized by Google

Александръ Ильичъ сталъ понемногу оправляться; въ неморозные дни ему позволено было выѣзжать; онъ катался по утрамъ, и не иначе, какъ со мной. Съ возвращеніемъ силъ онъ вышелъ изъ своего заключенія и, какъ привидѣніе, сталъ бродить по пустымъ комнатамъ, слабо-освѣщеннымъ холоднымъ декабрскимъ солнцемъ. Я жадно искала случая видѣть что-нибудь напоминающее о жизни, и велѣла принести цвѣтовъ изъ оранжереи; но блѣдная зелень этихъ зимнихъ цвѣтовъ, выращенныхъ искусствомъ, такъ приходилась подстать мертвымъ предметамъ, которые меня окружали, что мои надежды на новое занятіе рушились съ перваго же дня.

Единственный сосѣдъ, изрѣдка посѣщавшій насъ, былъ помѣщикъ лѣтъ пятидесяти и холостякъ, одинъ изъ тѣхъ добродушныхъ людей, которые проживаютъ вѣкъ, не дѣлая никому ни зла, ни добра, не задумываясь ни надъ какимъ вопросомъ и принимая за жизнь не хитрую смѣсь привычекъ и предразсудковъ. Онъ безвыѣздно жилъ въ деревнѣ и поставлялъ себѣ за честь бывать у насъ разъ въ недѣлю. Кто повѣритъ, что я бывала рада его посѣщенію какъ перемѣнѣ, какъ мгновенному отдыху! Въ длинные, безконечные вечера, пока онъ разговаривалъ съ Александромъ Ильичомъ о погодѣ и посѣвахъ, я дышала свободно...

Великимъ постомъ Александръ Ильичъ опять разнемогся; но меня оживляло приближеніе весны. Когда мужъ мой засыпалъ, я перебиралась въ свою комнату, у открытой форточки дышала полувесеннимъ воздухомъ и бросала крошки хлѣба птичкамъ, которыя, чирикая, садились на черныя вѣтки кустарника, посаженнаго подъ моимъ окномъ. Часто я думала, что весь міръ забылъ меня, и не удерживалась отъ слезъ; по-временамъ мнѣ казалось, что еслибъ вдругъ явился передо мною даже Чемеринъ, я бы и его встрѣтила съ радостнымъ восклицаніемъ: я бы и въ немъ видѣла живое существо, способное сказать мнѣ о томъ, что дѣлается между людьми.

V.

Однажды въ сумеркахъ, пользуясь сномъ Александра Ильича, я велѣла затопить каминъ и разсѣянно принялась за чтеніе. Вдругъ въ передней послышался шорохъ: нашъ сосѣдъ былъ наканунѣ; я стала прислушиваться, не смѣя надѣяться на появленіе человѣческаго лица. Тихій шагъ раздался въ залѣ, и Лонинъ показался въ дверяхъ.

Digitized by Google

Я на него смотрѣла, не узнавая его, не вѣря себѣ, потомъ бросилась къ нему и залилась слезами.

Нѣсколько минутъ мы сидѣли другъ передъ другомъ и не могли выговорить ни слова. Лонинъ глоталъ слезы; наконѣцъ онъ спросилъ вполголоса:

— Онъ спитъ?

— Дà... мы можемъ поговорить, но я еще не нахожу словъ. Какими судьбами вы здѣсь?

— Я получилъ ваше письмо два мѣсяца назадъ. Вы запрещали мнѣ отвѣчать вамъ, иначе бы давно завязалась между нами переписка. Офиціальными вашими письмами къ женѣ моей я довольствоваться не могъ... меня постоянно стала занимать мысль навѣстить васъ. Долго я обдумывалъ, кàкъ бы такъ устроить, чтобъ... знаете... это не вышло натянуто и гласно. Наконецъ я нашелъ дѣловой предлогъ, чтобъ уѣхать изъ Москвы. Тамъ никто и не знаетъ, что я у васъ. Я могу пробыть здѣсь двое сутокъ... А Александръ Ильичъ? онъ не разсердится?

— Нѣтъ, я васъ научу, кàкъ съ нимъ обойдтись. Болѣзнь ужасно раздражила его нравъ, и надо съ нимъ дѣйствовать бережно, какъ съ причудливымъ ребенкомъ. Но... ужели Нина увидитъ что-нибудь предосудительное въ вашемъ посѣщеніи?

— Нѣтъ... чтò же тутъ можетъ быть предосудительнаго? Да такъ... пойдутъ толки... лучше ихъ избѣжать. Вы знаете, я толковъ не люблю... Боже мой! прибавилъ онъ озираясь:—какая мертвая тишина! Говорите, я хочу васъ слушать не теряя времени. Всякая минута мнѣ дорога!

Я принялась ему подробно разсказывать о моей жизни, наполненной мыслью о смерти съ-тѣхъ-поръ, какъ я услышала слова Чемерина въ день моей свадьбы.

— Безжалостный! воскликнулъ Лонинъ:— узнать объ этомъ наканунѣ... и не разстроить свадьбы! Кажется, еслибъ онъ сюда вошелъ въ эту минуту, я бросился бы на него и каждую вашу слезинку выместилъ бы на немъ!

Надъ этимъ взрывомъ искренняго негодованія я невольно разсмѣялась. Затѣмъ пошли разспросы о всѣхъ общихъ знакомыхъ, начиная съ Кати. О Юрьѣ мнѣ Лонинъ сказалъ, что онъ пробылъ зиму въ Москвѣ, ѣздилъ на балы, ухаживалъ за двумя-тремя женщинами и постоянно жаловался на скуку; у Лониныхъ онъ бывалъ довольно-часто, иногда разспрашивалъ обо мнѣ, читалъ мои письма къ Нинѣ и говорилъ, что непремѣнно посѣтилъ

Digitized by Google

бы меня, еслибъ не опасался возбудить ревность въ моемъ мужѣ. Весной онъ отправился въ Петербургъ вслѣдъ за Чемеринымъ, безъ котораго попрежнему не могъ обойдтись.

Звукъ колокольчика извѣстилъ насъ о томъ, что проснулся Александръ Ильичъ. Я вошла къ нему въ комнату и объявила о пріѣздѣ Лонина.

— Я желаю, прибавила я твердымъ голосомъ: — чтобъ вы ласково приняли Лонина: онъ мнѣ близкій родственникъ; я многимъ обязана его женѣ и хочу, чтобъ онъ видѣлъ ваше дружеское къ нему расположеніе.

— Помилуй, душа моя, отвѣчалъ Александръ Ильичъ, озадаченный рѣшительнымъ тономъ моихъ словъ и скрывая, какъ могъ, внутреннюю тревогу: — я очень-радъ видѣть его у насъ... Проси сюда. Да сперва вели освѣтить мою комнату, а то, пожалуй, онъ подумаетъ, что я умираю... прибавилъ онъ, улыбаясь.

Я побѣжала за Лонинымъ, который сразу какъ-нельзя-лучше понялъ и роль свою и положеніе больнаго, такъ-что свиданіе обошлось гораздо-лучше, чѣмъ я воображала.

— Что это? говорятъ вы простудились, Александръ Ильичъ? сказалъ онъ: — и, какъ нарочно, къ моему пріѣзду. Да охота вамъ нѣжиться въ такой теплицѣ! Вамъ бы сѣсть на лошадь да проскакать верстъ двадцать!

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила я: — всему свое время. Александру Ильичу надобно сперва совершенно оправиться, и тогда, пожалуй, пусть ѣздитъ верхомъ сколько угодно.

— Еслибъ не жена да докторъ, который, правду сказать, ничего не смыслитъ, я бы давно распорядился по-вашему, сказалъ Александръ Ильичъ. — Я себя знаю... было бы гораздо-лучше.

Мы провели вечеръ у Александра Ильича, который просидѣлъ за полночь и говорилъ безъ умолку, несмотря на частыя мои напоминанія. Лонинъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; страшныхъ усилій стоила ему эта тяжелая роль; по временамъ невольно онъ задумывался, и лицо его принимало выраженіе свойственной ему тихой грусти. На другой день мнѣ почти не удалось побесѣдовать съ Лонинымъ. Александръ Ильичъ увѣрялъ, что онъ не нарадуется на гостя, и настоятельно требовалъ, чтобъ онъ сидѣлъ у него въ кабинетѣ, или же самъ собирался выйдти въ другія комнаты. Эту комедію больной не могъ выдержать болѣе сутокъ. Онъ до такой степени утомился, что не сталъ надѣяться на свои силы и боялся измѣнить себѣ въ присутствіи

Digitized by Google

посторонняго человѣка. Послѣ обѣда, въ день отъѣзда Лонина, онъ ему объявилъ, что получилъ дѣловыя письма, на которыя долженъ отвѣчать немедля, чему и намѣренъ посвятить остальную часть дня. «Ну, а послѣ этого» прибавилъ онъ «немудрено, что я поутомлюсь... побоюсь засидѣться и заговориться съ вами... лягу спать... У меня же немного болитъ голова. Должно-быть, угорѣлъ. Я васъ болѣе не увижу; мы простимся теперь.»

На прощаньѣ, онъ благодарилъ Лонина за посѣщеніе, а мнѣ напомнилъ, чтобъ я позаботилась снабдить дорогаго гостя съѣстными припасами.

Надо вытерпѣть то, что вытерпѣла я, чтобъ понять съ какимъ восторгомъ я увидѣла Лонина, съ какимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ выжидала я возможности отвести душу въ бесѣдѣ съ нимъ! Самъ Лонинъ едва-ли понималъ меня вполнѣ... На мою долю выпадало наконецъ пять-шесть часовъ жизни — и какъ я торопилась жить! Нѣтъ средства ни вспомнить, ни передать вамъ нашего разговора; говорено было о многомъ, обо всемъ...

Время шло. Лонинъ хотѣлъ во всѣхъ подробностяхъ познакомиться съ моимъ жилищемъ. Я его повела по всему дому, гдѣ не было ни одного угла неотмѣченнаго мертвенностью и скукой. Лонинъ долго стоялъ въ моей комнатѣ, молча разсматривая книги въ старинныхъ переплетахъ, всѣ принадлежащія къ отжившей школѣ восьмнадцатаго вѣка... Ничего живаго, современнаго!... У Лонина навернулись слезы. Глубоко-тронутая, я пожала его руку. Мы вернулись въ гостиную; онъ долго сидѣлъ молча, опустивъ голову на грудь...

Подали самоваръ. Я вспомнила о моемъ пріѣздѣ въ Москву, о нашемъ первомъ разговорѣ на дачѣ, въ саду: Это вызвало Лонина на слова, исполненныя нѣжности и теплаго участія, на безплодныя сожалѣнія о протекшемъ. Послѣ чаю мы вмѣстѣ раздули огонь и сѣли у камина. Вдругъ Лонинъ спросилъ у меня:

— Скажите, вы еще любите Нагибина?

— Нѣтъ, отвѣчала я: — нѣтъ пищи такому чувству. Нагибинъ никогда и не понималъ, что я его любила...

— Еслибъ я тогда былъ въ Москвѣ, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія: — вы бы не вышли замужъ: я бы этого не допустилъ.

— Нѣтъ, вы бы ничего не сдѣлали.

— Уже-ли вы полагаете, что я бы равнодушно смотрѣлъ на вашу свадьбу?

Digitized by Google

— Не равнодушно, хотя вы себя и обвиняете въ равнодушіи... Но участіе не замѣняетъ воли...

— У меня бы стало и воли и энергіи... Настя, прибавилъ онъ вполголоса: — какъ часто, послѣ вашего отъѣзда, я плакалъ по васъ какъ ребенокъ!

Онъ всталъ и быстрыми шагами принялся ходить по комнатѣ.

Я взяла пахитоски со стола, закурила одну; другую подала Лонину. Онъ ее принялъ машинально и зажегъ... Мы разсѣянно смотрѣли на огонь и говорили общими мѣстами. Въ одиннадцать часовъ ему доложили, что лошади готовы. Онъ поцаловалъ мои холодныя руки и вышелъ изъ комнаты.

Дорого я поплатилась за этотъ единственный, отрадный эпизодъ моей уединенной жизни: Александръ Ильичъ старался его всячески выместить на мнѣ упреками, придирками, намеками всякаго рода. Къ-тому же, посѣщеніе Лонина на минуту вывободило меня изъ той среды, съ которой я должна была свыкнуться, и мнѣ стоило неймовѣрныхъ усилій вновь, безъ унынія приняться за сухія и безотрадныя мои занятія. Но воля и необходимость взяли свое. Опять систематично размѣрился мой день, весь посвященный заботамъ хозяйки дома; опять часами вожделѣннаго отдыха стали для меня часы одинокихъ прогулокъ и чтеніе старыхъ моихъ знакомцевъ, Локка и Монтеня...

Между-тѣмъ болѣзнь Александра Ильича приняла новый характеръ: весна и лѣто прошли въ безпрестанныхъ перемѣнахъ то къ лучшему, то къ худшему. Въ половинѣ августа онъ слегъ и ужь не вставалъ... Въ первыхъ числахъ ноября его не стало... Ужасны были его послѣднія минуты!...

Мнѣ хотѣлось скорѣе освободиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, уѣхать куда-нибудь — лишь бы уѣхать; но мое здоровье разстроилось и удержало меня еще недѣли на три въ моемъ уединеніи. Первымъ путемъ я переѣхала въ ту деревню, гдѣ жилъ и похороненъ мой отецъ, гдѣ быстро пронеслись годы моего дѣтства, гдѣ я узнала первыя ощущенія любви...

Кому незнакомы сцены возвращенія на родину, въ давно-покинутыя мѣста? И привѣтствіе старыхъ слугъ, столпившихся у подъѣзда, и тяжкое чувство одиночества, которое охватываетъ душу вступающаго въ знакомый опустѣвшій домъ, и значеніе каждаго предмета, давно забытаго и разомъ приводящаго на память цѣлый рядъ свѣтлыхъ или грустныхъ дней!.. Въ моей комнатѣ все сохранилось въ знакомомъ мнѣ порядкѣ, какъ-будто я

Digitized by Google

ея не покидала: мольбертъ съ неоконченнымъ эскизомъ у окна, на столѣ книги съ замѣтками, нетронутыми цѣлые три года; портретъ отца, который, казалось, привѣтствовалъ меня грустною улыбкой, какъ и всѣ домашніе, какъ все, что̀ меня окружало...

О моемъ пріѣздѣ узнали сосѣди, ѣздившіе къ отцу, и навѣстили меня. Я всѣмъ имъ была рада, какъ друзьямъ моего дѣтства, какъ лицамъ, неразлучнымъ съ воспоминаніями о лучшихъ дняхъ моей жизни... Въ этомъ смирномъ углу земли я отдохнула душою. Зима прошла незамѣтно. Весною, по приказанію доктора, предписавшаго мнѣ во̀ды, я наняла дачу въ окрестностяхъ Москвы — свѣтленькій домикъ о четырехъ комнатахъ, утопавшій въ зелени молодой рощи. Я занялась имъ съ любовью: убрала его цвѣтами, гравюрами, коврами. Спокойствіе и выборъ занятій по душѣ составили мнѣ своего рода счастіе.

Лонины были въ Гельзингфорсѣ. Изъ круга ихъ знакомыхъ я видѣлась только съ Ольгой Стояновой, совершенно-свѣтской молодой женщиной, сохранившей, однакожь, и оригинальность ума и душевную доброту. Она безвыѣздно жила въ Москвѣ съ мужемъ и двумя дѣтьми, и умѣла согласовать нѣжныя чувства жены и матери съ ненасытной страстью къ танцамъ, которые, съ перваго появленія ея въ свѣтъ вскружили ея милую головку. Между нами мало было общаго, но мы очень полюбили другъ друга. Она меня навѣщала иногда въ моемъ уединеніи и нешутя уговаривала ѣздить на всѣ балы будущей зимы.

— Настя, говорила она: — вы не знаете всей прелести круженнаго платья, не испытали всѣхъ наслажденій вальса и не понимаете всѣхъ удобствъ мазурки. Домой пріѣдешь поздно, устанешь, уснешь крѣпко; на другой день проснешься веселой и свѣжей, и съ какимъ удовольствіемъ перецалуешь дѣтей! Посмотрите, я всегда весела; за-то мужъ меня балуетъ какъ третьяго ребенка, а я не промѣняю его ни на кого въ свѣтѣ, что̀ не мѣшаетъ мнѣ любить мазурку.

Я смѣялась. Ольга меня звала пуританкой. На мои разспросы о Лониныхъ, она мнѣ отвѣчала по-своему, что Нина была все такъ же несносна, а Лонинъ впалъ въ такую мизантропію, что нѣтъ надежды, чтобъ и морскія ванны могли его преобразовать въ порядочнаго человѣка. «Я часто это ему говорила» прибавила она; «впрочемъ, я его очень люблю, особенно за-то, что онъ вамъ истинно преданъ. Я часто его разспрашивала о васъ, но ничего не могла добиться. Разъ только онъ совершенно-неожи-

данно объявилъ, что нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая бы стоила вашей ноги, и потомъ замолчалъ на цѣлый годъ.»

— Милое, чистое созданіе! подумала я.

Разъ — это случилось ужь въ началѣ сентября, но первые осенніе дни стояли теплые и ясные, такъ-что мнѣ еще не хотѣлось покидать моего лѣтняго пріюта — вечерняя прогулка завела меня далѣе обыкновеннаго. Я вышла на большую дорогу, откуда видна была на далекое пространство раскинувшаяся Москва. Я заглядѣлась на великолѣпную панорому, и вдругъ въ часъ всенощной, городъ, нѣмой для отдаленнаго зрителя, неожиданно огласился звономъ всѣхъ своихъ колоколовъ; ихъ оглушительный, пересыпающійся говоръ смягчался отдаленіемъ и долеталъ до меня, слитый въ одинъ стройный музыкальный звукъ. Темнѣло. Я перестала глядѣть и начала слушать.

Не помню, что̀ меня заставило очнуться; я почти испугалась и сумерекъ и трехъ верстъ, которыя мнѣ надлежало пройдти. Сентябрскій вечеръ былъ свѣжъ. Я скорыми шагами пустилась въ обратный путь; подъ моими ногами хрустѣли листья, начинавшія падать съ березъ... Вы можете не вѣрить предчувствіямъ, а я имъ вѣрю.

Мой первый невольный страхъ усиливался безъ причины. Я чувствовала присутствіе какого-то смутнаго, но волновавшаго меня чувства, отъ котораго не освободилъ меня даже видъ моего ярко-освѣщеннаго домика. Я вошла въ гостиную, спросила чаю, сѣла къ окну и съ удивленіемъ замѣтила, что мой альбомъ, предметъ всегдашней моей заботливости, вынутъ изъ футляра и оставленъ раскрытымъ на столѣ. Я нагнулась на страницу и прочла слѣдующія строки, написанныя карандашомъ:

«I onse broke her noble heart and could kever be consoled.»

Вошедшій лакей доложилъ мнѣ, что въ мое отсутствіе молодой человѣкъ, неназвавшій себя по имени, прождалъ меня около часа и недавно только уѣхалъ.

Но ни женскій почеркъ Нагибина, ни его романтическая выходка, ни слова, напрашивающіяся на прежнюю любовь, не властны были возбудить во мнѣ чувства, безжалостно разбитаго Юрьемъ. Для меня, какъ для всякой женщины, любившей безъ воздаянія, было что-то оскорбительное въ воспоминаніи о прошедшемъ, о томъ, что

Жаръ души растратила въ пустынѣ...

Во мнѣ заговорило негодованіе. Чего хочетъ Юрій? Къ-чему это

Digitized by Google

позднее раскаяніе? Опять комедія! опять роль! Когда онъ устанетъ морочить людей и себя?

Съ самаго утра слѣдующаго дня я стала ждать посѣщенія Юрья и приготовилась его встрѣтить какъ стараго знакомаго и устранить, во что бы ни стало; всякаго рода объясненія и драматическія сцены; но, къ моему удивленію, Юрій не явился, и ужъ передъ вечеромъ мнѣ подали отъ него письмо, которое переписываю отъ слова до слова:

«Узнаёте ли вы давно-забытый вами почеркъ? Пишу къ вамъ «не съ тѣмъ, чтобъ напомнить о себѣ: я ничего не прошу и ни «на что не надѣюсь... Судьба давно отучила меня и ждать «и надѣяться. Я пишу къ вамъ, повинуясь непреодолимому «влеченію сердца, съ которымъ, ради прошедшаго, не умѣю «торговаться. Настя! помните ли наше прощальное свиданіе, «въ день вашей свадьбы? И если помните, то какъ вы вспоминаете о немъ? Знаете ли вы, что оно составило переломное «событіе моей жизни, что съ-тѣхъ-поръ меня преслѣдуетъ вашъ «гордый образъ и страшный смыслъ вашихъ послѣднихъ словъ? «Съ-тѣхъ-поръ вы не переставали являться передо мной подъ «бѣлымъ вуалемъ, во всемъ блескѣ вашей красоты и молодости, «во всемъ величіи вашей покорности судьбѣ. Я хотѣлъ заглушить «совѣсть и освободиться отъ тяжелаго для меня воспоминанія, «бросился въ свѣтъ и жадно искалъ развлеченій — но меня томила «смертельная тоска; все, что я видѣлъ, обращалось въ мѣру тому, что я невозвратно утратилъ, и съ каждымъ днемъ неотвязчивѣе и постояннѣе становилась мысль о томъ, какъ вы были мною «пожертвованы и какъ я былъ вами любимъ!

«Весной я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ меня ждалъ Чемеринъ, «гдѣ я нашелъ цѣлый кругъ друзей; но ихъ общество лишилось для меня своего прежняго значенія. Я думалъ въ разгульной жизни найдти желаемое развлеченіе, но она не заглушила «во мнѣ ни голоса совѣсти, ни любви моей къ вамъ; потомъ я «отправился въ Оренбургъ, на свиданіе съ матерью, и засталъ ее «больной. Она скончалась два мѣсяца тому назадъ. Потерявъ ее «вслѣдъ за вами, я лишился тѣхъ нѣжныхъ, ничѣмъ-незамѣняемыхъ привязанностей, безъ которыхъ жизнь холодна, какъ «преддверіе смерти.

«Я рѣшился васъ отъискать, возвратился въ Москву, и узналъ, «что вы живете на дачѣ. Сердце мое сильно билось, когда я подъѣхалъ къ рощѣ, окружающей вашъ домъ. Я вышелъ изъ коляс-

Digitized by Google

«ки, недоумѣвая, идти ли мнѣ далѣе. Калитка въ садъ была «отворена, я вступилъ въ аллею и очутился противъ балкона, на «которомъ вы сидѣли съ книгой въ рукахъ. Долго смотрѣлъ я на «васъ, какъ на новое для меня явленіе. Кàкъ вы перемѣнились! «Кàкъ вы хороши! Кàкъ много прелести придаютъ вамъ [illegible] «трауръ и ваша блѣдность! Вы закрыли книгу, положили «къ себѣ на колѣни и задумчиво смотрѣли въ даль. О чемъ вы «задумались?...

«Сколько испытаній вы вынесли! Сколько постигли житейскихъ «тайнъ! Кàкъ вы выросли въ глазахъ моихъ! Кàкъ вы очарова-«тельны, Настя и, Боже мой! кàкъ я несчастливъ! Примите мое «признаніе, кàкъ хотите: я люблю васъ мучительно, страстно «люблю! Не имѣя силы просить у васъ свиданія, я нѣсколько дней «сряду возвращался на дачу, выжидая вашего появленія у окна, «или на балконѣ, надѣясь, что вы пройдете мимо меня, по аллеѣ, «откуда я слѣдилъ за каждымъ вашимъ движеніемъ, затаивъ ды-«ханіе, чувствуя трепетъ безумно-любящаго васъ сердца... «Иногда во мнѣ мелькаетъ мысль, что вы свободны, что не су-«ществуетъ препятствій нашему счастію... но кàкъ избавиться «отъ сознанія, что вы должны меня презирать!... Я знаю, вы «меня простите, но чтò мнѣ прощеніе безъ любви!

«Отвѣчайте мнѣ; я хочу васъ видѣть, хочу упасть къ ногамъ «вашимъ; я прошу не любви вашей, но состраданія къ безотрад-«нымъ, томительнымъ мукамъ души моей.»

Я и теперь не могу отдать себѣ отчета въ противорѣчащихъ другъ другу чувствахъ, возбужденныхъ во мнѣ чтеніемъ этого письма. Но буду откровенна: оно доставило мнѣ минуту торжества, близкаго къ чувству удовлетворенной мести...

Въ разсчитанныхъ, довольно-холодныхъ выраженіяхъ отвѣчала я Юрью, что буду рада его видѣть.

Часа черезъ два послѣ отъѣзда посланнаго, явился Юрій. Тревожно забилось мое сердце. Къ чему послужило заранѣе заучивать роль, обдумывать пріемъ? Разомъ рушились всѣ предположенія; все пошло своимъ путемъ — путемъ неожиданностей и внезапныхъ влеченій сердца. Юрій пробылъ у меня до полуночи. Нѣтъ возможности разсказать въ какомъ-нибудь порядкѣ всѣ событія этого вечера, всѣ отрывистыя обмѣненныя нами слова любви... Дà, Юрій любилъ меня страстно! Онъ, рыдая, обнималъ мои ноги и умолялъ меня забыть о прошедшемъ. Но я о прошедшемъ и не помнила: чувство новаго, неизвѣстнаго

Digitized by Google

мнѣ блаженства наполняло мою душу! И какъ было не любить Юрья? Кто могъ съ такимъ увлеченіемъ выразить любовь свою? Кто зналъ такъ цѣну и счастью и любви?.. Я сдѣлалась его закономъ; онъ сталъ думать, дѣйствовать и говорить подъ вліяніемъ моихъ мыслей, дѣйствій и рѣчей, выучился толковать каждое движеніе, угадывать значеніе каждаго слова... Любовь преобразовала его въ новаго человѣка; выполненіе малѣйшей моей прихоти онъ добивался съ несвойственной ему настойчивостью, и, предоставляя себѣ исключительно право заботиться обо мнѣ, обнаруживалъ дѣятельность, на которую я считала его неспособнымъ. Юрій носилъ трауръ по своей матери, и нельзя еще было назначить времени нашей свадьбы; но мы были такъ счастливы въ настоящемъ, что отъ будущаго не ожидали бо́льшаго счастья. Мы видѣлись каждый день; но какое разнообразіе въ этихъ ежедневныхъ свиданіяхъ! Какое значеніе умѣлъ придать Юрій нашимъ разговорамъ, прогулкамъ, чтеніямъ!.. Въ первой молодости, онъ занимался наукой съ любовью; его умъ образовался въ доброй школѣ; онъ говорилъ обо всемъ съ знаніемъ дѣла, съ душевнымъ участіемъ, съ краснорѣчіемъ, которому не вредила врожденная его восторженность. Фраза была ему къ лицу: она обличала юношескій жаръ его души, гармонировала съ его характеромъ и даже съ выраженіемъ его подвижной физіономіи. Иногда мы спорили: это случалось всякій разъ, какъ Юрій вдавался въ ненавистныя мнѣ теоріи Чемерина. Онъ не заразился душевнымъ холодомъ своего прежняго идола, но видимо сбивался въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ. Возможно ли было допустить, чтобъ человѣкъ, способный чувствовать все прекрасное, могъ безъ негодованія смотрѣть на порокъ? Я не мирилась съ этой мыслью.

Мы вмѣстѣ пріискали въ Москвѣ домъ для зимы. Юрій самъ убиралъ мою комнату: стѣны, окна и двери были драпированы темнымъ бархатомъ, на которомъ ярко выдавалась зелень цвѣтовъ, и мраморные медальйоны, изображающіе древнія и современныя поэмы любви. Въ каждомъ предметѣ, даже въ выборѣ и разстановкѣ мёбели выказывалась заботливость о милой женщинѣ. Онъ устроилъ маленькій диванъ противъ огромнаго зеркала, съ тѣмъ, говорилъ онъ, чтобы, сидя рядомъ со мною, онъ въ зеркалѣ могъ видѣть меня съ головы до ногъ. Онъ заботился о томъ, достаточно ли тепло въ комнатахъ, не дуетъ ли изъ оконъ, довольно ли мягки ковры... Наконецъ домъ былъ отдѣланъ; я переѣхала въ него въ день моего рожденія и тщательно занялась

Digitized by Google

туалетомъ, изобличившимъ съ моей стороны глубокое знаніе вкусовъ Юрья. Я надѣла голубое штофное платье, съ длиннымъ поясомъ, затканнымъ серебромъ, и убрала свои волосы по старинному портрету Ninon de Lenclos. Дѣйствительно я походила на маркизу XVIII вѣка... Оправдывалось любимое сравненіе Юрья... Тогда я была хороша...

Юрій пріѣхалъ вечеромъ и привезъ мнѣ моихъ любимыхъ духовъ въ драгоцѣнномъ карманномъ флаконѣ, подаренномъ ему его матерью и съ незапамятныхъ временъ хранившемся въ ихъ семействѣ. Вы угадываете, съ какимъ чувствомъ я приняла такой подарокъ. Мы ужинали вдвоемъ, и съ какимъ наслажденіемъ, съ какою вѣрою въ будущее строили воздушные зáмки! Грустно воспоминаніе о такихъ минутахъ; но само-по-себѣ онѣ такъ хороши, что искупаютъ цѣлую жизнь страданій...

Зима установилась рано. По вечерамъ мы садились въ санки и всею рысью фаворитнаго рысака Юрья огибали линію бульваровъ, или же въѣзжали въ великолѣпныя области Кремля, котораго ворота, храмы и башни при лунномъ свѣтѣ получаютъ фантастическій характеръ... Въ этихъ прогулкахъ выказывалась вся заботливотть Юрья обо мнѣ; онъ то поправлялъ мое боа, то придерживалъ мой вуаль, когда поднимало его вѣтромъ... Возвратясь домой, мы пили чай, читали и разговаривали далеко за полночь.

Юрій хотѣлъ современемъ познакомить меня съ кругомъ близкихъ ему людей; но покамѣстъ мы довольствовались другъ другомъ и не видали никого, кромѣ Ольги Стояновой. Разъ мы сговорились съ Юрьемъ съѣхаться у нея утромъ. Ольга мнѣ представила мсьё де-Моранжи, француза, только-что пріѣхавшаго въ Москву и незамедлившаго выказать мнѣ полный запасъ своего французскаго остроумія, котораго главная тайна заключается въ умѣніи не останавливаться ни передъ какимъ на свѣтѣ затрудненіемъ и разрѣшать его чѣмъ попало, конечно, не всегда удовлетворительно, но по-крайней-мѣрѣ безостановочно.

— Chantez-vous, madame?

— Non, monsieur, je n'ai pas de voix.

— Eh bien, l'on chante sans voix.

— Je n'ai même pas d'oreille.

— Ma foi, l'on s'en passe.

Впрочемъ, Моранжи былъ до крайности вѣжливъ и воспитанъ въ тѣхъ правилахъ любезности и поклоненія *прекрасному полу,*

Digitized by Google

которыя на женщинъ заставляютъ смотрѣть какъ на существа, созданныя изъ газа и эѳира, а на обращеніе съ ними какъ на многосложную науку, сотканную изъ неуловимѣйшихъ тонкостей, доступныхъ только спеціалисту. За-то и отъ женщины требовалось, чтобъ она вела себя соотвѣтственно понятіямъ г. Моранжи: «женщина, которая ѣстъ яблоко, перестаетъ быть женщиной» говорилъ онъ, напримѣръ. Однако меня онъ удостоилъ своего особеннаго вниманія и исключительно передо мной расточалъ сокровища своей любезности, пока Юрій толковалъ съ Ольгой. Неожиданно-произнесенное имя Натальи Петровны Мальницкой заставило меня принять участіе въ ихъ разговорѣ.

— Она здѣсь? спросила я.

— Здѣсь, отвѣчала Ольга, и опять навязалась мнѣ на шею. Я говорю Юрью Ѳедорычу, что она желаетъ его видѣть, а онъ и не тронутъ! прибавила она, улыбаясь.

— Что̀ у ней за память! замѣтилъ Юрій. Ка̀къ не забыть меня послѣ двухъ лѣтъ благополучной разлуки!

— Память замѣняетъ ей и умъ и красоту, отвѣчала Ольга.

Мнѣ очень захотѣлось видѣть Мальницкую. Я призналась въ этомъ Ольгѣ, которая обѣщала мнѣ на слѣдующій же вечеръ позвать ее къ себѣ на вечеръ. Юрья она пригласила также, но мы согласились не говорить ему объ ожидающей его встрѣчѣ.

Возвратясь домой, Юрій подшучивалъ надъ Моранжи, а я, смѣясь, отстаивала его, какъ будущаго моего обожателя. На другой день мнѣ принесли букетъ отъ неизвѣстнаго. Легко было догадаться, что это приношеніе Моранжи. Послѣ обѣда я получила записку отъ Ольги; она писала, что «интересная особа», которую я желала видѣть, будетъ у нея непремѣнно. «Вашъ обожатель» прибавила она «будетъ васъ ждать съ нетерпѣніемъ. А каково онъ выбираетъ букеты?»

Въ ожиданіи Юрья, я одѣлась рано. Когда онъ пріѣхалъ, я ему показала букетъ. Онъ нашелъ, что выборъ цвѣтовъ довольно-плохъ, потомъ машинально взялъ записку Ольги, забытую мною на столѣ, прочелъ ее, вспыхнулъ и спросилъ меня холодно:

— Что̀ жь ты не ѣдешь?

— Подождемъ немного, отвѣчала я: — позже поѣдемъ вмѣстѣ.

— Я не поѣду.

— Ка̀къ?..

— Я нездоровъ.

Digitized by Google

Онъ опустился въ кресло. Я взяла его руку: дѣйствительно, у него былъ маленькій жаръ.

— Поѣзжай, сказалъ Юрій: — твой обожатель тебя ждетъ и ты желаешь его видѣть; вамъ будетъ превесело.

Въ любимомъ человѣкѣ ревность не порокъ. Не отвѣчая ни слова, я вышла изъ комнаты, бѣлымъ пеньюаромъ замѣнила выѣздное платье и написала Ольгѣ, что не буду; потомъ возвратилась къ Юрью, который сидѣлъ, опустивъ голову на обѣ руки, и молча поставила передъ нимъ хрустальную вазу съ букетомъ Моранжи. Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня.

— Это жертва? спросилъ онъ иронически.

— Полно, Юрій, не мучь меня. Ты сумасшедшій, и я бы должна тебя наказать... Мнѣ хотѣлось видѣть Мальницкую, которая сегодня будетъ у Ольги. Перечти эту записку.

— Настя, ангелъ мой! сказалъ Юрій: — прости мнѣ минуту безумной ревности. Я такъ горячо люблю тебя, что теряю способность понимать вещи самыя простыя. И стоитъ ли эта глупая женщина, чтобы ты ѣхала на нее смотрѣть? Не располагай своимъ временемъ: я хочу имъ пользоваться безраздѣльно. Знаешь ты, что я считаю часы, которые меня отдѣляютъ отъ той минуты, когда ты будешь моей женой? Но ты моя, Настя. Скажи, что ты моя!

Вмѣсто отвѣта, я нагнулась и поцаловала его блѣдную руку. Это единственная ласка, которой отъ женщины не проситъ; она остается свободнымъ выраженіемъ ея собственнаго чувства; это ласка самая страстная, дающая всю мѣру женской покорности и любви.

VI.

Память объ этомъ вечерѣ не даетъ мнѣ покоя... И какая же власть обращала меня въ существо безъ гордости, безъ воли?.. Въ чемъ заключалась тайна неотразимаго вліянія этого человѣка надо мною? Не мою ли гордость наказывало провидѣніе, смиривъ меня передъ существомъ, лишеннымъ гордости и воли?..

Чемеринъ пріѣхалъ въ Москву. Юрій ему очень обрадовался, а я была такъ счастлива, что въ душѣ моей не было мѣста враждебному чувству. Неизмѣнный князь посѣщалъ меня довольно-часто и, сколько позволяли приличія, шутилъ надъ любовью Юрья. Можно было догадываться, что онъ ей не вѣритъ, считая ее минутною прихотью.

Digitized by Google

Горько мнѣ сознаться въ томъ, но Чемеринъ былъ правъ!..

Не знаю, какъ вамъ досказать печальную развязку моего романа: мнѣ самой неизвѣстны подробности рѣшительнаго дня, сразу подчинившаго Юрья оскорбительному для меня вліянію... Дѣло, видно, было поведено людьми, хорошо-постигшими характеръ Юрья, умѣвшими однимъ рѣшительнымъ ударомъ достигнуть своей цѣли. Юрій, безъ-сомнѣнія, былъ застигнутъ врасплохъ, иначе онъ успѣлъ бы проговориться. Я ничего не знала и слѣпо вѣрила головнымъ болямъ и неожиданнымъ дѣламъ, которыми онъ сначала объяснялъ свои частыя отлучки. Но когда онъ сталъ пропадать по цѣлымъ днямъ, оставляя безъ отвѣта мои письма, исполненныя мучительной тоски, и въ первый разъ чѣмъ-то принужденнымъ отозвалось его обращеніе со мной, мнѣ стало страшно: я поняла, что гибну!

Менѣе-оскорбительно было бы мнѣ воспоминаніе объ этомъ времени, еслибъ тогда, призвавъ на помощь всю свою энергію, я первая удалилась отъ Юрья, какъ отъ человѣка недостойнаго моей любви... Но не съ этой точки зрѣнія мнѣ представлялось тогда мое положеніе: любовь брала верхъ надъ чувствомъ гордости и надъ самой очевидностью. Отгоняя отъ себя мысль о возможности разрыва, я напрашивалась на обманъ, придумывала самыя запутанныя, самыя натянутыя объясненія, чтобъ только не сдаться истинѣ, чтобъ затемнить ясность самого факта. Такъ умѣла я прожить нѣсколько нескончаемыхъ, памятныхъ мнѣ дней!

Разъ вечеромъ, пріѣхалъ ко мнѣ Чемеринъ, которому я обрадовалась, какъ возможности хоть на минуту освободиться отъ неотвязчивыхъ мыслей... Явился и Юрій, но черезъ четверть часа уѣхалъ, несмотря на мои мольбы — и какія мольбы!... Я не выдержала и зарыдала.

— Боже мой! что̀ съ нимъ сдѣлалось? сказала я съ отчаяніемъ, обращаясь къ Чемерину, ужь взявшемуся за шляпу.

— Ничего... онъ все такой же, какъ былъ, отвѣчалъ спокойно князь.

— Князь, продолжала я: — скажите мнѣ, что̀ все это значитъ? Ради Бога, скажите, куда онъ поѣхалъ?

— Я не бываю тамъ, куда онъ ѣздитъ, отвѣчалъ Чемеринъ. — Но вы успокойтесь и рѣшитесь сознаться въ томъ, что вы ошиблись.

Дождавшись утра, я послала къ Юрью съ запиской, но его не застали. Прошло два-три часа, двумя-тремя годами укоротившіе

Digitized by Google

мою жизнь. Я не знала, за что приняться; мнѣ хотѣлось разсѣяться утомительнымъ движенiемъ, оглушительнымъ шумомъ; я велѣла заложить карету, не дождалась и отправилась пѣшкомъ... Не знаю, долго ли я бродила сперва по улицамъ, потомъ по аллеямъ Прѣсненскихъ Прудовъ, но, выбившись изъ силъ, упала на скамью.

Тутъ меня застала Ольга Стоянова, гулявшая съ дѣтьми.

— Что съ вами, Настя? спросила она: — вы похудѣли, какъ послѣ горячки.

Я не отвѣчала. Ольга поручила дѣтей гувернанткѣ, а сама молча сѣла возлѣ меня. Взглянувъ на нее, я увидѣла слезы на ея рѣсницахъ и протянула ей руку, которую она крѣпко сжала.

— Я буду съ вами откровенна, Настя, сказала она: — можно?

— Можно, тѣмъ лучше... говорите все, что хотите, все, что знаете...

— Какъ вы могли полюбить Нагибина?

— Боже мой, опять этотъ вѣчный и вѣчно-странный вопросъ! Такъ, полюбила...

— Однако, этотъ вопросъ здѣсь у мѣста. Вы давно знали, что онъ за человѣкъ.

— Да этотъ человѣкъ любилъ меня, Ольга.

— Видите, при всемъ вашемъ умѣ, вы не догадались, что онъ любить неспособенъ. Вы приняли за искры чувства фосфорическiй блескъ его воображенiя... Года два назадъ, онъ вздумалъ за мной ухаживать... я вызнала его сразу и не понимаю возможности хоть на минуту ошибиться на его счетъ. По-крайней-мѣрѣ, теперешнiй его выборъ долженъ вамъ окончательно раскрыть глаза.

— О какомъ выборѣ говорите вы?

— Разумѣется, не о васъ, а о Мальницкой.

— О Мальницкой! повторила я, пораженная отъ изумленiя.

— Да развѣ вы не знали?

— Ради-Бога, Ольга, разскажите мнѣ все: недоумѣнiе мучительнѣе всего на свѣтѣ. Онъ влюбленъ въ Мальницкую?

— Ни на волосъ, въ томъ-то и дѣло. Да и есть ли средство въ нее влюбиться? Она дурна собой и просто глупа.

— Но за что же я пожертвована ей?

— Это легко объяснить: вы его любите просто и честно; Мальницкая—олицетворенная ложь: для достиженiя своей цѣли она не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ; а Нагибинъ принадлежитъ

Digitized by Google

къ числу тѣхъ людей, на которыхъ еще дѣйствуютъ обмороки, вопли, всѣ отвратительныя выходки дурно-воспитанной женщины. Въ ней, разумѣется, гордости нѣтъ ни на грошъ; но есть своего рода самолюбіе, которое не мирится съ минутною привязанностью Нагибина къ вамъ. На Нагибина она мѣтитъ давно, и его ужь разъ спасла умная мать. Теперь мать его умерла, а онъ остался тѣмъ же выгоднымъ женихомъ. Мальницкая и принялась опять за свое. На столько въ ней есть сноровки, чтобъ понять характеръ человѣка, съ которымъ она имѣетъ дѣло. Ей стоило только залучить его къ себѣ, чтобъ увѣрить его, что вы его не любите, что вы неумны, недобры, нехороши собой, и наоборотъ, убѣдить его и въ своихъ небывалыхъ достоинствахъ и въ своей привязанности къ нему… Жалкій человѣкъ! Ему нужно вѣчное ярмо. Забудьте его, Настя: онъ не достоинъ любви порядочной женщины.

Я плакала навзрыдъ. Ольга посадила меня въ свою карету и отвезла домой, цѣлый день хлопотала обо мнѣ, сама уложила меня въ постель и даже отказалась отъ бала, чтобъ до двухъ часовъ утра просидѣть у ногъ моихъ.

При первомъ свиданіи моемъ съ Юрьемъ, у насъ было объясненіе, похожее на всѣ объясненія такого рода… Я просила его сказать мнѣ прямо, любитъ ли онъ меня, и смертельно боялась услышать правду. Онъ съумѣлъ не отвѣчать. До той поры онъ не слыхалъ отъ меня ничего похожаго на упрекъ; но тутъ я не вытерпѣла и напомнила ему его собственное мнѣніе о Мальницкой. Онъ покраснѣлъ и сказалъ мнѣ довольно-рѣзко, что я ея не знаю и не имѣю права осуждать ее.

— Но, Юрій, она тебя не любитъ! Вспомни первое свое сватовство: не ты ли говорилъ мнѣ, что она дѣйствовала изъ одного разсчета? Какъ же могъ ты, зная эту женщину, подчиниться ея вліянію?

— Да что же дѣлать, отвѣчалъ Юрій: — когда женщина къ вамъ ластится, да и дѣйствительно васъ любитъ?

— И ты за выраженіе истиннаго чувства принимаешь притворныя ласки, и не умѣешь отъ нихъ отдѣлаться, и сознаешься въ этомъ! Но гдѣ же твоя энергія, твоя ненависть ко лжи, твоя любовь къ прекрасному?

— Сдѣлай одолженіе, сказалъ онъ: — оставимъ этотъ разговоръ. Я положительно боленъ; завтра буду къ тебѣ, и мы поговоримъ.

Онъ поцаловалъ мою руку и собрался ѣхать.

Digitized by Google

— Юрій, другъ мой, останься ради-Бога; изъ жалости ко мнѣ, останься!

— Невозможно! отвѣчалъ онъ и уѣхалъ.

И какъ дѣйствительно не остановило его простое чувство жалости! Этотъ *гуманный* человѣкъ видѣлъ, что я убита, и безъ совѣсти жертвовалъ мною, чтобъ не оскорбить женщины холодной и разсчетливой, которой онъ не любилъ! Разумѣется, онъ только обѣщалъ быть ко мнѣ... Не къ-чему было возвращаться, но разговоръ нашъ не остался неоконченнымъ. Вотъ что писалъ мнѣ Юрій:

«Я привыкъ смотрѣть правдѣ въ глаза и не терплю сомнѣній. «Выслушай меня: я любилъ тебя, но пережилъ эти минуты за«блужденій сердца. Вспомни, при какихъ обстоятельствахъ мы «свидѣлись: когда, убитый потерею матери, я напрашивался на «какое-нибудь чувство въ замѣну того, что я потерялъ. Ты яви«лась передо мною, и мое больное воображеніе облекло тебя во «всѣ возможныя совершенства. Что же вышло?.. Ты меня не «поняла; я въ тебѣ не нашелъ ни простоты, ни мягкости ду«шевной. Вчера ты не побоялась безъ милосердія осудить жен«щину, достойную уваженія и любви. Если и есть въ ней не«достатки, одно непорочное сердце съумѣетъ не извинить ихъ. «Я же, не обинуясь, сознаюсь, что уважаю и люблю ее. Ея при«рода благородная, женская, нѣжная, способна на глубокую при«вязанность. Я знаю, многіе о ней разумѣютъ иначе, но тѣмъ «хуже для нихъ!

«Теперь рѣши сама: хочешь ли ты меня видѣть, или нѣтъ?»

Я измѣнила себѣ: къ вѣчному стыду своему я написала Нагибину, что хочу его видѣть; за-то онъ себѣ не измѣнилъ — и не пріѣхалъ.

Недѣли двѣ я, больная, пролежала въ постели. Ольга не отходила отъ меня. Когда я стала оправляться, мнѣ сказали, что Чемеринъ ежедневно пріѣзжалъ навѣдываться обо мнѣ. Я встрѣтила его словами искренней благодарности, которыя, казалось, его удивили. Неожиданно-выказанное имъ участіе ко мнѣ спутало всѣ мои понятія на его счетъ; я въ нихъ начинала раскаяваться, и въ Чемеринѣ готовилась узнать новаго человѣка. Но съ перваго раза и болѣе нежели когда-нибудь, меня поразила всё та же вѣчная неизмѣняемость этой личности. Мнѣ вспомнились, однако, собственныя слова Чемерина: «послѣдствія вамъ докажутъ, можетъ-быть, что въ нравственномъ смыслѣ я не такъ урод-

Digitized by Google

ливъ, какъ вы полагаете», и я употребила всевозможныя старанія, чтобъ стать съ нимъ на пріятельскую ногу. Чемеринъ, съ своей стороны, видимо старался меня разсѣять. По моей просьбѣ, онъ взялся доставить мнѣ случай видѣть Нагибина въ послѣдній разъ. Въ залѣ Собранія былъ концертъ; Чемеринъ узналъ что Нагибинымъ взято три билета, и вызвался быть моимъ кавалеромъ.

Когда дѣло дошло до моего туалета, которымъ я предоставила распорядиться горничной, она подала мнѣ то самое платье, которое было на мнѣ въ день моего рожденія и переѣзда въ новый домъ. Это платье я не въ силахъ была надѣть и спросила другое. Въ восемь часовъ явился князь, и мы поѣхали.

Испытали ли вы то мучительное впечатлѣніе, которое производитъ толпа, музыка и блескъ на больную душу? Въ залу, принявшую праздничный видъ, я вступила, не узнавая никого, блѣдная какъ смерть, убитая горемъ и болѣзнью. Князь, не покидая моей руки, пробирался сквозь толпу, на каждомъ шагу кланялся знакомымъ и на ходу обмѣнивался нѣсколькими словами съ молодыми женщинами, сіявшими нарядомъ и весельемъ... Мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, всѣ казались непристойно-веселы...

Наконецъ мы дошли до перваго ряда креселъ; кресло крайнее было еще свободно: я его заняла; Чемеринъ сталъ возлѣ меня. Концертъ начался, ряды зашумѣли; потомъ настала совершенная тишина... Я выжидала этой минуты, робко осмотрѣлась и увидѣла Нагибина. Онъ только-что ввелъ въ залу двухъ дамъ, которыя усаживались на скамью у самой галереи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Онъ поспѣшилъ за младшей изъ нихъ. Это была Наталья Петровна Мальницкая; я старалась смотрѣть на нее безъ предубѣжденій и, мнѣ кажется, нѣтъ возможности найдти въ ней какую-нибудь изъ тѣхъ прелестей, которыя нерѣдко въ женщинѣ искупаютъ недостатокъ красоты. Какое отсутствіе выраженія! какое невыносимое жеманство! Немилосердо вертѣлась она на стулѣ, лорнировала направо и налѣво, и безпрестанно что-то нашептывала на ухо Нагибину. Онъ нечаянно взглянулъ на меня; наши взоры встрѣтились — но онъ мнѣ не поклонился и сейчасъ же неудавшимся, неловкимъ движеніемъ обратился къ Мальницкой.

Онъ принялъ какой-то двусмысленный, озабоченный, таинственный и рѣшительный видъ; казалось, онъ на всѣхъ глядѣлъ свысока, какъ-будто хотѣлъ сказать: «я поставлю на своемъ, и ни«кто мнѣ не смѣетъ противиться».

Digitized by Google

Первая половина концерта кончилась. Мальницкая встала и взяла Нагибина подъ-руку. Поравнявшись съ моими креслами, она нагло посмотрѣла на меня и на князя, а онъ, не взглянувъ ни на кого изъ насъ, тріумфально повелъ ее далѣе.

— Ужь кстати и мнѣ не поклонился! сказалъ Чемеринъ: — и я въ опалѣ! Сознайтесь, однакожь, что печальная сторона нѣкоторыхъ вещей исчезаетъ за ихъ комической стороной. Когда вамъ особенно сгрустнется, вспомните объ этомъ торжественномъ шествіи и о самодовольномъ видѣ тріумфатора: вы, право, разсмѣетесь.

Съ-тѣхъ-поръ я не видала Нагибина. Онъ женатъ и въ полномъ повиновеніи у своей жены. Она его поссорила со всѣми близкими къ нему людьми и ограничила кругъ его знакомства безусловными поклонниками ея добродѣтелей и пятидесяти тысячъ дохода. Онъ, говорятъ, совершенно свыкся съ своимъ положеніемъ и объясняетъ его безконечными теоріями и парадоксами. «Повѣрьте, повторяетъ мнѣ Ольга вслѣдъ за Чемеринымъ: — повѣрьте, что еслибъ непредвидѣннымъ случаемъ, на минуту, Нагибинымъ перестала управлять женина воля, онъ добровольно вернулся бы подъ ярмо. Чемеринъ хорошо знаетъ этого человѣка: эта жизнь совершенно по немъ».

Цѣлый годъ я провела отшельницей, видалась съ одной Ольгой и изрѣдка съ Чемеринымъ. Мало-по-малу я стала спокойнѣе смотрѣть на прошедшее, въ любви моей къ Нагибину привыкла видѣть неумолимое несчастіе, уродливое исключеніе изъ общаго порядка вещей, а изъ посланныхъ мнѣ тяжелыхъ испытаній вынесла глубокій запасъ недовѣрчивости...

Евгеній! вы первый поколебали убѣжденія, привитыя мнѣ обстоятельствами. Совершенство вашей природы, чистота вашей души, возвышенность вашего ума возвратили меня къ болѣе-теплымъ, къ болѣе-свойственнымъ мнѣ чувствамъ вѣры и любви. Когда я поняла, что вы меня любите, все прошедшее воскресло предо мною, чтобъ стать непреодолимой преградой между вами и мною. Евгеній! я не достойна васъ. Вотъ вамъ всѣ подробности печальнаго романа, который вамъ ужь былъ отчасти извѣстенъ...

Вы поймете, чего мнѣ стоила полная, чистосердечная исповѣдь, и поймете также, что она на васъ налагаетъ обязанность чистосердечнаго отзыва. Не стѣсняйтесь ничѣмъ, не принуждайте себя къ снисходительности. Не забывайте, что нельзя жить въ вѣчномъ принужденіи, которое неминуемо отзовется на насъ обоихъ!

Digitized by Google

Но ни въ какомъ случаѣ, вы не лишите меня друга. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я всегда найду теплое сочувствіе въ сердце того, кто строгъ къ себѣ, но снисходителенъ къ другимъ.

ЭПИЛОГЪ.

Рукопись, свернутая въ трубку, лежала на столѣ. Настасья Александровна успѣла къ сроку окончить свой трудъ. Ея глаза съ нетерпѣніемъ ожиданія переходили отъ тетради къ часамъ; она дѣйствительно ждала появленія того, для кого рѣшилась писать.

Вошедшій лакей подалъ ей письмо. Она разсѣянно взглянула на адресъ, поблѣднѣла и положила передъ собой нераспечатанный пакетъ... Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ она встала, подошла къ камину и сдѣлала движеніе, чтобъ бросить письмо въ каминъ; но въ самое рѣшительное мгновеніе какая-то невидимая сила удержала ея руку. Она судорожно сорвала печать и прочла слѣдующія строки :

«Еслибъ вы не были безпредѣльно-добры, еслибъ я васъ не «ставилъ выше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, я бы не посмѣлъ пи«сать къ вамъ.

«Я убитъ душою; я глубоко презираю себя, но во мнѣ роди«лось воскрешающее чувство : непреодолимое желаніе васъ ви«дѣть доказываетъ мнѣ, что я еще не совсѣмъ недостоинъ этого «счастья. Ради всего, что̀ было вамъ дорого, отвѣчайте мнѣ однимъ «спасительнымъ словомъ. Писать болѣе я не умѣю, не могу.

«Юрій.»

Настасья Александровна долго стояла задумавшись и потомъ упала въ кресло и зарыдала, закрывъ лицо руками.

Она чувствовала себя недостойной любви порядочнаго человѣка!

ОЛЬГА Н***.

Digitized by Google

II.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Статья пятая ([1]).

Родины. — Крестины. — Именины.

Царскія родины были радостнымъ событіемъ не только въ царскомъ семейномъ быту, но и въ жизни всего народа. Въ актахъ того времени это событіе иначе не называется, какъ *государскою всемірною радостью*. И дѣйствительно, патріархальныя, родственныя основы нашей старинной жизни очень-естественно дѣлали эту государскую радость радостью всего русскаго міра. Міръ — народъ, принималъ ее такъ же близко къ сердцу, какъ и самъ государь-отецъ. Многочисленные вѣстники царя, объявлявшіе повсюду, по всѣмъ городамъ и селамъ, государскую радость, повсемѣстныя заботы о дарахъ для новорожденнаго— все это служило выраженіемъ общей всемірной радости.

Когда приспѣвало время, государыня-царица весьма-часто выходила на богомолье, служила молебны, раздавала милостыню. Царица Евдокія Лукьяновна, супруга царя Михаила Өеодоровича, въ это время ходила молиться въ Село Покровское, къ Покрову, въ Ивановскій Монастырь,

---

([1]) Первыя четыре статьи напечатаны : первая и вторая въ «Отечест. Запискахъ» 1851 года (томы LXXIV и LXXVIII), въ №№ 2, 3 и 9-мъ; третья въ «Отечеств. Зап.» 1852 года (томъ LXXX), въ № 1-мъ, и четвертая въ «Отечеств. Зап.» 1853 года (томъ LXXXVI), въ № 1-мъ.

Digitized by Google

къ Спасу на Новое, гдѣ поклонялась праху *родителей,* къ Зачатію Св. Богородицы въ Китай-Городъ, иногда къ Николѣ Явленному, за Арбатскія Ворота.

Такъ предъ рожденіемъ царевны Пелагіи Михаиловны, 1628 года апрѣля 17, царица Евдокія 21 февраля ходила молиться вмѣстѣ съ тещею, великою старицею Мароою Ивановною, въ Село Покровское «и на молебенъ пожаловали въ соборъ къ Покрову рубль, да въ придѣлы къ Сергію Чудотворцу, да къ Димитрію Царевичу по полтинѣ, да въ теплой храмъ къ Николѣ Чудотворцу полтину жъ; да ѣдучи изъ Покровскаго назадъ на Покровкѣ пожаловали въ больницу 16 алтынъ 4 деньги». Марта 27, царица ходила молиться одна къ Спасу на Новое «и пожаловала, идучи въ монастырь на Покровкѣ въ богадѣльни милостины рубль, да нищимъ всякимъ людемъ, въ четырехъ мѣстѣхъ, 18 алтынъ; да идучи съ монастыря, пожаловала нищимъ черноризицамъ и черноризцамъ и мірскимъ всякимъ людемъ, 86 человѣкомъ, по 6 денегъ человѣку.

Однажды на такое богомолье царицу сопровождалъ и самъ государь. Недѣль за шесть до рожденія царевны Мароы (1631 г. августа 19) іюня 4, царь Михаилъ Өеодоровичъ и царица Евдокія Лукьяновна ходили молиться къ Зачатію Св. Богородицы да къ Николѣ Чудотворцу, что въ Китаѣ-Городѣ у стѣны, и на дорогѣ для ихъ государскаго многолѣтнаго здравія роздано на милостыну разныхъ городовъ безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и вдовамъ и всякимъ бѣднымъ людемъ 2 рубли 12 алтынъ.

Наканунѣ самыхъ родинъ, 18 августа, царица ходила молиться къ Зачатію одна «и для ея государскаго многолѣтнаго здравія дано вдовамъ и бѣднымъ людемъ ручные милостины 3 рубли». Иногда государыня поднимала чудотворныя иконы къ себѣ въ хоромы. Такъ къ царицѣ Евдокіи марта 18-го 1628 года приходили съ чудотворнымъ образомъ Антипія Великаго антипьевскіе попы «и государыня слушала молебна и «пожаловала антипьевскимъ попамъ на молебенъ 2 рубли».

Есть также извѣстія, что когда наступало время родинъ, царица служила въ своихъ хоромахъ молебенъ съ водосвятіемъ и *садилась на мѣсто.* Мы не знаемъ, что это значило, но вотъ офиціальная записка: «Въ 1634 году марта 30 (слѣдовательно за 18 дней до рожденія царевны Пелагеи Михаиловны, 17 апрѣля) у царицы Евдокіи Лукьяновны въ хоромѣхъ пѣли молебенъ и воду святили, *какъ она государыня сѣла на мѣсто.* И государыня пожаловала крестовымъ дьякомъ Ивану Семенову съ товарищи, 6 человѣкомъ, полтину». Въ 1673 году августа 14, за 8 дней до рожденія царевны Наталіи Алек-

Digitized by Google

сѣевны, 22 августа, такимъ же образомъ «сѣла на мѣсто» царица Наталія Кириловна, причемъ Крестовая государыни наряжена была слѣдующимъ образомъ: «Августа въ 14 день, въ четвергъ, за часъ до свѣта въ Крестовой наряжена постеля, вшедъ въ крестовую на лѣвой сторонѣ у дверей скамья липовая, положено на нее: коверъ золотной большой кизылбашской, постеля лебяжья, взголовье лебяжье жъ; на нее пуховикъ — пухъ чижовой, бумажникъ да взголовье чижовое, подушка отласъ червчатъ. Отъ стѣны положено сголовье бумажное, наволоки новые камчатые луденчатые, одѣяло отласъ золотной, по червчетой землѣ; гривы и каймы отласъ по серебряной землѣ, исподъ пупки собольи съ пухомъ. Да въ запасъ положено въ ногахъ одѣяло камка кизылбашская по бѣлой землѣ травки золоты; грива отласъ золотной, исподъ пупки собольи, опушка горностаева. А накрыта постеля—было сукно скорлатъ червчетъ, сшито въ полтора полотнища. Да въ запасъ приготовленъ коверъ меншой, золотной кизылбашской, а лежалъ по указу въ Казенной Избѣ. Лавки наряжены полавошники бархатъ рытой; взяты полавочники изъ Истопничей Полаты... И того жъ дни въ пятомъ часу дни великая государыня царица изволила сѣсть на мѣсто...»

Кошихинъ разсказываетъ о самомъ времени родинъ слѣдующее: «Какъ приспѣетъ время родитися царевичу и тогда царица бываетъ въ мыльнѣ, а съ нею бабка и иные немногіе жены; а какъ родится и въ то время царю учинится вѣдомо, и посылаютъ по духовника, чтобъ далъ родильницѣ и младенцу и бабкѣ и инымъ при томъ будучимъ женамъ молитву, и нарекъ тому новорожденному младенцу имя; и какъ духовникъ дастъ молитву, и потомъ въ мыльню входитъ царь смотрити новорожденнаго; а не давъ молитвы, въ мыльню не входятъ и не выходятъ никто. А дается новорожденному младенцу имя, отъ того времени, какъ родится, счотчи впередъ, въ восьмой день, котораго святаго день и ему то жъ имя и будетъ» (1).

Послѣ этого государь тотчасъ же посылалъ свою государскую всемірную радость объявить прежде всего къ патріарху, затѣмъ, жалуючи своею милостію, къ властямъ духовнымъ, къ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, къ именитому человѣку (Строганову) и къ гостямъ; а также въ Троицкій, Савинскій и во всѣ московскіе монастыри.

---

(1) Впрочемъ, этотъ счетъ не всегда наблюдался, напримѣръ, Петръ Великій родился 30 мая 1672 года, а ангелъ его былъ 29 іюня, въ петровъ-день; царевна Наталья Алексѣевна родилась 22 августа 1673 года, а ангелъ ея былъ августа 26, слѣдовательно въ пятый день, и пр.

Digitized by Google

Къ патріарху ходилъ съ этою вѣстью ближній бояринъ, къ боярамъ и окольничимъ — царскій постельничій, къ думнымъ и ближнимъ людямъ — дьякъ, а къ прочимъ и въ монастыри посылали жильцовъ. Царица, съ своей стороны, также посылала извѣстить всѣхъ боярынь, женъ окольничихъ и ближнихъ людей, а равно игуменей Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и Алексѣевскаго монастырей. Во всѣ города и дальніе монастыри посылались такъ-называемыя *богомольныя* грамоты, въ которыхъ обыкновенно прописывалось, что въ нынѣшнемъ такомъ-то году, такого-то мѣсяца и дня «за молитвъ святыхъ отецъ, Богъ простилъ царицу нашу (имрекъ), а родила намъ сына или дщерь (имрекъ), а именины такого-то числа». Далѣе слѣдовало назначеніе, чтобъ, «какъ грамота придетъ, въ соборной церкви, со всѣмъ освященнымъ соборомъ пѣть молебны съ звономъ и молить Всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистую Богородицу и Приснодѣву Марію и всѣхъ святыхъ за государскія здоровья и за новорожденнаго»; затѣмъ включалась и самая форма ектеніи.

Въ тотъ же день, или, смотря по времени, на другой, царь выходилъ въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ и народа къ торжественному молебну въ Успенскій Соборъ ([1]). Тамъ патріархъ съ духовными властями, архимандритами, игуменами и соборянами совершалъ служеніе, послѣ котораго, всѣмъ освященнымъ соборомъ, поздравлялъ государя съ новорожденнымъ. Бояре и прочіе чины также *здравствовали государю*, причемъ одинъ изъ самыхъ почетнѣйшихъ говорилъ ему отъ лица всего синклита поздравительную рѣчь. Въ это же самое время, по распоряженію патріарха, молебствовали во всѣхъ московскихъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ со звономъ, который продолжался во весь день.

Послѣ молебна государь посѣщалъ Архангельскій Соборъ, Чудовъ и Вознесенскій Монастыри, Троицкое и Кирилловское Подворья и потомъ шествовалъ въ Соборъ Благовѣщенскій, а оттуда въ Столовую или Переднюю Палату.

Если новорожденный былъ первенцемъ, и притомъ сынъ, то, при входѣ во дворецъ государь, во изъявленіе своей радости, спѣшилъ прежде всего осыпать милостями отца царицы и вообще ея родственни-

---

([1]) Если время, напримѣръ, вечеръ или ночь, неудобно было для торжественнаго выхода къ молебну, въ такомъ случаѣ государь слушалъ молебенъ въ одной изъ дворцовыхъ, сѣнныхъ, церквей отлагая торжественный выходъ до другаго дня; но иногда молебенъ бывалъ и вечеромъ, такъ, напримѣръ, при рожденіи царевны Ѳеодоры, 1674 г. сентября 4, за часъ до вечера — молебенъ отправленъ на первомъ часу ночи.

Digitized by Google

ковъ и близкихъ къ ней людей, которые и получали обыкновенно повышенія въ чинахъ. Такъ при рожденіи Петра Великаго, когда царь Алексѣй Михайловичъ изъ Благовѣщенскаго Собора вошелъ въ Столовую Палату, думные дворяне Кирилло Полуектовичъ Нарышкинъ, отецъ царицы (¹) и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, получили окольничество, а стольники Ѳед. Полуектовичъ Нарышкинъ и Авр. Никит. Лопухинъ — думное дворянство.

Изъявивъ свои милости и благоволеніе къ родственникамъ царицы, государь въ Передней Палатѣ жаловалъ «для всемірныя радости водкою, разными медами и фряжскими винами : ренскимъ, романеею и др. бояръ, окольничихъ и всѣхъ дворовыхъ чиновниковъ ; раздавалъ имъ коврижки, разные овощи, изъ патоки въ ковшахъ, яблоки, дули, груши, и взваръ—такіе же, особенно приготовленные въ патокѣ, овощи».

Въ тотъ же день «ходитъ царь (говоритъ Кошихинъ) по монастыремъ и кормитъ чернцовъ и даетъ милостыню жъ, также и въ тюрьмы и въ богадѣльни посылаютъ милостыню большую ; да изъ тюремъ же виноватыхъ свобождаютъ, кромѣ самыхъ великихъ дѣлъ». Такъ въ 1665 году 5-го апрѣля, въ пятомъ часу ночи (часу въ 12 по нашему счету) царь Алексѣй Михайловичъ «изволилъ идти *для рожденія сына своего государева* государя царевича и великаго князя Семіона Алексѣевича на дворъ священника Никиты и на Земской и на Аглинской и на Тюремный дворы и въ Стрѣлецкой Приказъ, и въ Черную Палату и въ Богадѣльню, что у Боровицкаго мосту, и жаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ милостынею изъ своихъ государскихъ рукъ, а роздано : священнику Никитѣ 50 руб., на его же дворѣ нищимъ и кажненымъ 70 человѣкамъ по полтинѣ; на Земскомъ дворѣ подъ Приказомъ колодникамъ мужеска полу 70 чел., женска полу 15 чел. — по полтинѣ ; на Аглинскомъ дворѣ (плѣннымъ) начальнымъ людемъ 6 чел. по 2 р., шляхтѣ 49 чел. — по рублю; мѣщаномъ и драгуномъ и челяди 109 чел. — по полтинѣ ; на Тюремномъ дворѣ тюремнымъ сидѣльцомъ въ польской избѣ начальнымъ людемъ и шляхтѣ 60 чел.— по рублю, челядникомъ 6 чел. — по полтинѣ; въ Опальной Избѣ начальнымъ людемъ и шляхтѣ 48 чел. — по рублю, челядникомъ 13 чел. —

(¹) Отецъ царицы Наталіи Кирилловны, Кирилло Полуектовичъ Нарышкинъ, въ 1663 году, былъ ротмистромъ въ полку полковника и головы московскихъ стрѣльцовъ Артемона Матвѣева «у Новоприборныхъ рейтаръ у Танбовцовъ, у Ломовцовъ, да у Темниковцовъ». За нимъ было въ это время 8 дворовъ крестьянскихъ; жалованья получалъ онъ въ чинѣ ротмистра по 13 рублей въ мѣсяцъ. (Прих. Расх. Книга Тайн. Прик. 7172 г.)

Digitized by Google

по полтинѣ; да русскимъ въ Заводной 7 чел. — по рублю, для того, что они великому государю здравствовали съ новорожденнымъ сыномъ его государевымъ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Семіономъ Алексѣевичемъ. А достальнымъ 147, въ Барышкинѣ 120, въ Холопьѣ 119, въ Приказной 4, въ женской 53, тюремнымъ сторожемъ 8 — по полтинѣ человѣку. Въ Стрѣлецкомъ Приказѣ колодникомъ 34 чел., въ Богадѣльнѣ, что у Дровянаго Двора, нищимъ и увѣчнымъ старицамъ 30 ч. по полтинѣ. Да великій же государь жаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ изъ своихъ государскихъ рукъ у священника Никиты на дворѣ разслабленнаго и, дорогою идучи, нищихъ безсчетно, а роздано 161 р. 26 алт. 4 д. Да по его же великаго государя указу дано стрѣльцомъ, которые за нимъ великимъ государемъ ходили на Тюремной и на Аглинской дворы полковника и головы Артемонова Приказу Матвѣева пятидесятникамъ и рядовымъ 63 чел. — по рублю, а которые въ то время стояли на караулахъ; Артемонова жъ приказу Матвѣева стрѣльцамъ: у Куретныхъ Воротъ 16 чел., по Кремлю у воротъ: у Троицкихъ 9, у Отводной башни 4, у Предтеченскихъ 10, у Боровицкаго Мосту 5, у Тайницкихъ 8, въ Застѣнкѣ у рутья 2; по Китаю у Неглиненскихъ Воротъ 24, у Никольскихъ 8, у Ильинскихъ 8, у Варварскихъ 8, у Москворѣцкихъ 12, у Аглинскаго Двора 34, у Тюремнаго Двора 19 — по полтинѣ человѣку. (Всего въ расходѣ 1015 рублевъ 10 алтынъ)» [1].

Въ 1674 году 4-го сентября, по случаю рожденія въ этотъ день царевны Ѳеодосіи Алексѣевны, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ приказнымъ всякихъ чиновъ людямъ: «которые колодники во всѣхъ приказахъ не въ большихъ винахъ сидятъ и въ правежахъ не въ большихъ, и тѣхъ колодниковъ, для своей всемірной радости, велѣлъ свободить» [2]. На другой день, по этому же случаю, государь давалъ столъ на нищую братію. «Великій государь жаловалъ, для своей государской всемірной радости и для новорожденной дщери своей, государыни царевны и великой княжны Ѳеодоры Алексѣевны, кормилъ у себя въ Передней нищую братью и милостынею тожъ жаловалъ и съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ; а носили ѣствы и питье, по указу великаго государя, передъ нищую братью стольники государыни царицы, по списку» (дѣти ближнихъ людей, не старѣе 15 лѣтъ).

---

(1) Прих. Расх. Книга Тайн. Прик. 7173 г.
(2) Дворц. Разр., т. III, стр. 989.

Digitized by Google

На другой или на третій день, а иногда и черезъ нѣсколько дней, государь давалъ чиновный столъ на патріарха, духовныхъ властей, бояръ и пр., которые предъ тѣмъ приносили обыкновенные дары новорожденному. О столѣ и дарахъ мы будемъ говорить ниже.

«И послѣ того (продолжаетъ Кошихинъ) бываютъ у царя *крестины*, въ который день ни прилучится, смотря по младенцову здоровью; а креститъ того младенца патріархъ; а воспріемникъ бываетъ перваго Троицы Сергіева Монастыря келарь старецъ, а кума царевна — сестра или свойственная царю и царицѣ». Воспріемниками бывалъ также патріархъ или одинъ изъ царевичей. Такъ царевну Ѳеодору Алексѣевну крестилъ царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ и царевна Ирина Михайловна. Крещеніе происходило большею частью въ Чудовомъ Монастырѣ, и рѣдко въ Успенскомъ Соборѣ (1), причемъ иногда присутствовалъ и самъ государь. Вотъ записка о крещеніи царя Алексѣя Михайловича: «1629 года марта въ 22 день ходилъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи въ Чудовъ Монастырь для крещенія сына своего царевича и великаго князя Алексѣя Михайловича. А крестили его государя царевича отъ роженія его во 2 воскресенье, въ Чудовѣ Монастырѣ, у Алексѣя Чудотворца въ трапезѣ. А государь царь и святѣйшій государь патріархъ были тутъ же; а воспріемникъ Троицы Сергіева Монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ, а воспріемница Ирина Никитична; а крестилъ Благовѣщенской протопопъ Максимъ Максимовъ, государевъ царевъ духовникъ». Новорожденнаго вывозили къ крещенью въ каптанѣ. Впереди шли одинъ изъ первостепенныхъ бояръ, также отецъ царицы и человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ большихъ, то-есть старшихъ дворянъ. Путь кропилъ святою водою одинъ изъ дворцовыхъ священниковъ. Изъ каптаны къ крещенью и отъ крещенья въ каптану новорожденнаго несла воспріемница въ сопровожденіи двухъ бояръ и 30 боярынь. Если крещенье отправлялось торжественно въ присутствіи патріарха и всего высшаго духовенства, то государь жаловалъ по этому случаю за крещенье патріарху 1500 золотыхъ, митрополитамъ каждому по 300, архіепископамъ по 200, епископамъ по 100, архимандриту Чудова Монастыря 80 рублей, своему духовнику, протопопу Благовѣщенскому 100 р., протопопу Успенскаго Собора, гдѣ происходило крещенье 50 р., протодьякону 40 р., ключарямъ по 30 р., а прочимъ соборянамъ «противъ ихъ окладу».

---

(1) Царевну Ѳеодору Алексѣевну крестили въ Успенскомъ Соборѣ; при крещеньи присутствовалъ самъ государь. (Дворц. Разр., т. III, стр. 1060 и 1063.)

Digitized by Google

Послѣ крестинъ давался также *чиновный крестинный* столъ, иногда въ тотъ же день или, смотря по обстоятельствамъ, черезъ нѣсколько дней. Въ такомъ случаѣ въ тотъ день государь жаловалъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и ближнихъ людей только водкою.

На родинахъ и крестинахъ, когда давались чиновные столы, исполнялся древній коренной обычай подносить новорожденнымъ дары. *Дары, поминки, приносы, поклоны, почести,* представляли одно изъ характеристическихъ явленій нашей древней жизни. Безъ даровъ почти нельзя было сдѣлать шагу во всѣхъ отношеніяхъ общественныхъ, служебныхъ, семейныхъ, и тѣмъ болѣе, когда дарившій находился, такъ сказать, въ полной милости у того лица, къ которому, по обычаю, долженъ былъ являться съ *почестью* или даромъ. Всякой даръ, самъ-по-себѣ иногда незначительный, признавался всегда какъ выраженіе чувствъ дарившаго, какъ выраженіе почета, котораго въ извѣстной мѣрѣ требовалъ себѣ каждый разрядъ тогдашняго общества. Дары были только видимыми знаками доброжелательства, расположенія, покорности, преданности и соразмѣрялись всегда съ степенью лица, которому подносились дары и съ достаткомъ дарившаго. Въ отношеніи къ служебнымъ лицамъ, основа *приносовъ, поклоновъ, почестей* коренилась въ древнѣйшихъ финансовыхъ установленіяхъ, въ тѣхъ *урокахъ,* о которыхъ упоминается еще при Ольгѣ. Таковы, напр., были дары на святой, объ рождествѣ *славленое,* объ масляницѣ *прощеное,* то-есть, когда приходили прощаться. Но само-собою разумѣется, что дары большею частью пріурочивались къ торжествамъ и праздникамъ семейнымъ, гдѣ сохранялось ихъ первобытное, существенное значеніе. При-всемъ-томъ не безъ вниманія оставалась и цѣнность дара: его съ одной стороны опредѣляли, а съ другой желали опредѣлить степень преданности и доброжелательства. Мы упоминали выше, что, по случаю родинъ въ царскомъ семействѣ, по всѣмъ городамъ и монастырямъ посылались богомольныя грамматы съ стольниками, стряпчими и жильцами. Кошихинъ разсказываетъ, что когда «тѣ люди, пріѣхавъ въ городы, чинъ свой исполнятъ и грамоты отдадутъ, и послѣ моленія у властей и у воеводъ и въ монастырѣхъ обѣдаютъ, а по обѣдѣ власти благословляютъ ихъ образами и дарятъ, и воеводы дарятъ же, чѣмъ прилучится, и тѣхъ даровъ отъ властей и отъ монастырей и отъ воеводъ бываетъ имъ не мало». Слова Кошихина подтверждаются офиціальными документами того времени. Въ нихъ мы открываемъ, что дѣти боярскіе царицына чину, ходившіе отъ царицы къ боярынямъ *со здоровьемъ,* то-есть спросить о здоровьѣ и объявить о родинахъ, точно также получали за объявленіе этой радости весьма-значительные по тому времени подарки

Digitized by Google

деньгами и вещами, которые послѣ должны были предъявить въ Мастерской (гардеробной) царицыной Палатѣ, а тамъ все записывалось въ особую книгу для свѣдѣнія.

Такъ въ 1662 году мая 24, на рожденье царевны Ѳеодосіи, ни одинъ изъ посланныхъ не получилъ менѣе пяти рублей деньгами, а нѣкоторымъ, сверхъ-того, дарили серебряные кубки, ковши, шелковыя ширинки, атласы, тафты и т. п. Самые значительные подарки, отъ 25 до 40 рублей, даны въ это время женами бояръ Морозовыхъ, Одоевскаго, Пронскаго, Салтыковыхъ, Милославскаго и окольничаго Ртищева. Жена боярина Бориса Ивановича Морозова, какъ сестра царицы, была столько обрадована, что подарила вѣстнику царской радости сто рублей (1). Сумма, немаловажная въ то время, особенно для боярскаго сына, получавшаго въ годъ не болѣе 10 рублей жалованья. Впрочемъ, неизвѣстно куда поступали эти дары и оставались ли они у тѣхъ, кто получалъ ихъ.

Въ тотъ день, когда государь давалъ родинный столъ, всѣ, приглашенные къ этому столу, должны были поздравить царя со всемірною радостью дарами, которые и подносили новорожденному въ царицыной Золотой Палатѣ. Дары эти сходствовали съ тѣми, которые въ народномъ быту въ такое же время приносились новорожденному *на зубокъ*. Патріархъ, духовныя власти, бояре, окольничіе и боярыни *благословляли* новорожденнаго, каждый окладнымъ образомъ, а чаще всего золотымъ крестомъ и непремѣнно съ мощами (2), подносили по серебряному кубку, по портищу золотнаго бархата, атласа или объяри и по сороку соболей. Патріархъ и нѣкоторыя другія лица дарили, сверхъ-того, *золотыми* (3). Именитый человѣкъ Строгановъ, иноземные и московскіе гости, гостиной и суконной сотенъ торговые люди, московскіе нѣмцы подносили кубки, бархаты, атласы, нѣсколько сороковъ соболей и сотню или двѣ *золотыхъ*. Посадскіе люди всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ и земскіе старосты привозили также дары для новорожденнаго состоявшіе, по обыкновенію, въ кубкахъ, матеріяхъ и соболяхъ. Каждая изъ московскихъ дворцовыхъ и черныхъ слободъ, въ лицѣ своего старосты или выборнаго подносила новорожденному по-крайней-мѣрѣ сорокъ соболей въ 10 или 15 рублей. Весьма-понятно, что такъ-называемые

(1) См. ниже, Приложеніе I.
(2) См. ниже, Приложеніе II.
(3) Патріархъ Филаретъ Никитичъ, на рожденье царя Алексѣя Михайловича, подарилъ ему крестъ съ мощами и 150 золотыхъ.

Digitized by Google

золотые, разныя серебряныя вещи, дорогія матеріи и соболи къ этому времени сильно возвышались въ цѣнѣ.

Въ 1629 году, на рожденье царя Алексѣя Михайловича, именитые люди Строгановы, Андрей и Петръ Семеновичи и Иванъ Максимовичъ, поднесли ему: четыре серебряные кубка, въ которыхъ вѣсу было полпуда, цѣною на 100 рублей; золотныхъ атласовъ и бархатовъ на 165 рублей, четыре сорока соболей въ 255 рублей, всего на 520 рублей, и сверхъ-того, 100 золотыхъ (¹). Гости и гостиная сотня челомъ ударили всѣ вообще: четыре серебряные кубка, вѣсомъ въ 22 фунта на 110 р., атласовъ и бархатовъ на 165 р., четыре сорока соболей на 158 р., всего на 433 р. и сверхъ-того, 200 золотыхъ. Суконной сотни тяглецы поднесли три кубка, вѣсомъ въ 7 ф. на 35 р., атласовъ и бархатовъ на 92 р., три сорока соболей въ 117 р., всего на 244 р. и 30 золотыхъ. Посадскіе люди Устюжане—два кубка въ 32 р., два атласа въ 70 р., два сорока соболей въ 70 р.; посадскіе люди Нижегородцы—кубокъ въ 10 р., атласъ въ 30 р., сорокъ соболей въ 55 р. и 50 золотыхъ; Казанцы — кубокъ въ 45 р., атласъ въ 35 р., сорокъ соболей въ 55 р.; Московской Конюшенной Слободы старосты и тяглецы два кубка и два сорока соболей на 60 р. и т. д. Въ той же соразмѣрности, или менѣе, смотря по достатку, подносили какъ посадскіе другихъ городовъ, такъ и старосты московскихъ дворцовыхъ и черныхъ слободъ. Нельзя не замѣтить, что цѣнность даровъ, съ другой стороны можетъ служить указаніемъ благосостоянія того или другаго города, потому-что посадскіе для такихъ даровъ, по всему вѣроятію, дѣлали складчину сообразно прожиткамъ и промысламъ каждаго, что̀ было даже извѣстно офиціально. Такимъ-образомъ эта цѣнность служила въ то же время мѣриломъ, во сколько былъ промышленъ и, слѣдовательно, богатъ извѣстный городъ, или извѣстный разрядъ торговыхъ людей. Устюжане, напримѣръ, поднесли на 172 р., а Казанцы на 135 р. Суконная московская сотня на 244 р., кромѣ 30 золотыхъ.

Мало-по-малу у новорожденнаго составлялась собственная своя *казна*. Напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича, при его рожденіи, однихъ соболей въ сборѣ было около пятидесяти сороковъ, на 2200 рублей. Эта *соболиная казна* тогда же была отдана московскимъ торговымъ

(¹) Цѣнность *золотыхъ* въ XVII столѣтіи была слѣдующая: золотой угорской тянетъ 10 денегъ съ полуденьгою, корабельный тянетъ 3 алтына 3 деньги, а португальскій съ крестомъ 17 алтынъ 3 деньги. Золотникъ стоилъ 13 алтынъ 2 деньги.

людямъ, «а велѣно имъ тѣми собольми съ кизылбашскимъ купчиною съ Моллар-ахметемъ торговать, на деньги и на золотые и на ефимки продавать и на всякіе кизылбашскіе товары мѣнять, чтобъ государевѣ казнѣ была прибыль, а не убыль» ([1]).

Случалось также, что государь не принималъ родинныхъ даровъ и жаловалъ ихъ обратно тѣмъ, кто приносилъ. Такъ въ 1631 году 22 августа, когда принесены были дары на рожденье царевны Мареы Михаиловны, царица Евдокія этихъ даровъ принимать не велѣла, а пожаловала дарами приносщиковъ, кто что̀ приносилъ ([2]). Въ 1674 году 1 октября на рожденье царевны Өеодоры Алексѣевны у царя Алексѣя Михайловича и царицы Наталіи Кирилловны были въ верху въ Золотой Царицыной Палатѣ, святѣйшій Іоакимъ патріархъ, преосвященные митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены съ образы; да они жъ въ подношеніи подносили: золотые, и кубки серебряные золоченые, а иные сосуды серебряные дорогіе, и аксамиты, и бархаты, и атласы, и объяри, и участки золотые, и серебряные, и гладкіе, и соболи добрые. И великій государь и великая государыня царица пожаловали образы у нихъ принять изволили; а что въ подношеніи подносили и тѣмъ всѣмъ пожаловали ихъ. А которыхъ властей самихъ на Москвѣ не было и тѣхъ властей у стряпчихъ образы принималъ на Постельномъ Крыльцѣ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. А послѣ того у великаго жъ государя были съ подношеніемъ царевичи Касимовской, Сибирской, да бояре и окольничіе и думные и ближніе люди и гости и гостиные и суконные и черныхъ сотенъ и Кадашевцы и Конюшенныхъ Слободъ торговые и изъ городовъ посадскіе люди; и великій государь подношеніемъ пожаловалъ ихъ. А при великомъ государѣ бояре и окольничіе комнатные были въ однорядкахъ нарядныхъ съ круживы, а некомнатные въ охобняхъ нарядныхъ съ круживы жъ ([3]).

Принимая съ дарами въ своей Золотой Палатѣ бояръ и прочихъ сановниковъ, царица жаловала ихъ также *взваромъ, коврижками и романеею* ([4]).

На крестинахъ, какъ самъ государь, такъ всѣ лица царскаго семейства, равно воспріемникъ и воспріемница *благословляли* новорож-

---

([1]) Книга 7137 года, а въ ней писанъ приходъ государя царевича князя Алексѣя Михайловича казнѣ марта съ 12 числа, какъ онъ, государь, родился. (Арх. Ор. Пал., № 747.)

([2]) Дворц. Разр., т. II, 233.

([3]) Дворц. Разр., т. III, 1059.

([4]) Дворц. Разр., т. II, 233.

Digitized by Google

деннаго преимущественно золотыми крестами съ мощами. Въ 1629 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ благословилъ сына своего государя царевича Алексѣя Михаиловича, какъ онъ государь крестился: крестъ золотъ съ мощми, на крестѣ рѣзано распятіе Господа нашего Іисуса Христа, наведено черныю, во главѣ у креста камень изумрудъ, у главы въ закрѣпнѣ два зерна жемчужныхъ, назади креста подпись: животворящее древо, ризы Христовы часть, млеко Пречистые Богородицы, мощи Иванна Предотечи, мощи Григорія Богослова, мощи Ивана Златоустаго, муро Дмитрія Страстотерпца, муро страстотерпца Георгія, мощи мученика Никиты, мощи Великаго Василія, мощи Андрея Первозваннаго, мощи Евангелиста Матвѣя, мощи Апостола Варѳоломея, мощи Якова Перскаго, мощи Тихона Чудотворца, мощи Ѳеодора Стратилата, мощи Михаила Маленна, мощи преподобныя Евдокѣи, мощи Георгія Новаго, мощи безсребренника Козьмы, мощи безсребреника Дамьяна, ризы и гроба и раки часть Сергія преподобнаго, мощи царевича Дмитрея зубъ. Повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Руссіи самодержца, сдѣланъ сей крестъ сто тридцать-седьмаго въ шестое-надесять лѣто государства его.» Воспріемникъ царевича, троицкаго монастыря келарь Александръ, благословилъ: крестъ золотъ съ мощми, во главѣ у креста Спасовъ образъ и на крестѣ Распятіе литое, по кресту на спнѣхъ 22 зерна жемчужныхъ, 4 яхонта лазоревы, 3 лала, 16 искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ; около креста подпись: древо отъ ваія, камень гроба Господня, неопалимые купины, муро Дмитрея Селунскаго, мощи первомученика Стеѳана, древо Моисеева жезла, риза и млеко и трава Богородицы, древо животворящее, мощи Іоанна Златоустаго, мощи Луки Евангелиста, мощи Ивана Милостиваго, святость царя Костянтина, отъ ризъ изъ гроба чудотворца Сергія часть». Подобными крестами, исполненными драгоцѣннѣйшей святыни, благословляли младенца-царевича и другія лица. Такое множество св. мощей и другихъ священныхъ предметовъ, явилось у благочестивыхъ и набожныхъ нашихъ предковъ отъ усердія греческихъ иноковъ, которые, особенно въ-теченіе XVII столѣтія, пріѣзжая часто въ Москву за подаяніемъ, вывозили въ даръ государю эту святыню — неоцѣнимые памятники древняго благочестія.

Столы *родинный* и *крестинный*, какъ столы почетные, давались всегда въ Грановитой Палатѣ. Патріархъ, власти духовныя, нѣкоторыя лица изъ другихъ разрядовъ духовенства, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, дворяне, головы стрѣлецкіе, именитый человѣкъ (Строгановъ), гости, гостиной, суконной и черныхъ сотенъ торговые люди, дворцовыхъ слободъ сотскіе, старосты и выборные, посадскіе изъ го-

Digitized by Google

родовъ—были участниками этихъ радостныхъ столованій. Въ то же время были столы и у царицы, въ ея Золотой Палатѣ, или въ другихъ покояхъ, гдѣ присутствовали *верховыя*, то-есть придворныя, и *пріѣзжія* боярыни, жены окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, крайчія, казначеи, кормилицы, учительницы, постельницы и мастерицы, золотошвеи и бѣлошвеи.

Эти столы отличались отъ другихъ преимущественно тѣмъ, что, по окончаніи ихъ, подавали всѣмъ присутствовавшимъ въ огромномъ количествѣ такъ-называемыя *коврижки*, *сахары* или конфекты, *взвары* и разныя другія сласти.

Такъ въ 1672 году, при рожденіи Петра Великаго, въ родинной столъ іюня 2, бывшій на этотъ разъ въ царицыной Золотой Палатѣ, бояре и всѣ, кто былъ за столомъ, принимая изъ собственныхъ рукъ государя *водку*, заѣдали ее коврижками, яблоками, дулями, инбиремъ, смоквою, сукатомъ и разными другими овощами, сушеными или въ патокѣ. Самый столъ начался *взваромъ*, который стольники разносили въ ковшахъ.

Въ крестинный столъ, іюня 29, данный въ Грановитой Палатѣ, *сахарами* и *овощами* занята была вся Столовая Палата, откуда ихъ и отпускали за столъ. Царю Алексѣю Михаиловичу въ это время подано:

Коврижка сахарная большая *гербъ* Государства Московскаго.

Вторая *коврижка* сахарная коричная, *Голова* большая, росписана съ цвѣтомъ, вѣсомъ два пуда двадцать фунтъ.

Орелъ сахарной большой литой, бѣлой. Другой *орелъ* сахарной же большой красной съ державами, вѣсу въ нихъ по полтора пуда орелъ.

Лебедь сахарной литой, вѣсомъ два пуда.

Утя сахарное литое жъ, вѣсомъ двадцать фунтовъ.

Попугай сахарной литой, вѣсомъ двадцать фунтовъ.

Голубь сахарной литой, вѣсомъ восемь фунтовъ.

Городъ сахарной *Кремль* съ людьми съ конными и съ пѣшими.

Башня большая съ орломъ.

Башня средняя съ орломъ.

Городъ четвероугольной съ пушками.

Двѣ *трубы* сахарныхъ большихъ коричныхъ, бѣлая да красная, вѣсомъ по пятнадцати фунтовъ труба.

Марципанъ сахарной большой, на пяти кругахъ.

Другой *марципанъ* сахарной же леденцовой.

Двѣ *спицы* сахару леденцу бѣлово да красново, вѣсомъ по двѣнадцати фунтовъ спица.

Digitized by Google

Сорокъ блюдъ сахаровъ узорочныхъ, *людей* конныхъ, пѣшихъ и разныхъ статей, по полуфунту на блюдѣ.

Тридцать блюдъ сахаровъ леденцовъ на разныхъ овощахъ, вѣсомъ по фунту безъ четверти на блюдѣ.

Десять блюдъ конфектовъ постныхъ, по фунту на блюдѣ.

Десять блюдъ сахаровъ зеренчатыхъ на разныхъ пряныхъ зельяхъ, по фунту на блюдѣ.

Ягодъ, смоквей полъ-ящика, вѣсомъ пять фунтовъ, сукату, цытроновъ, яблокъ мушкатныхъ и помаранцовыхъ, шапталы, инбирю въ патокѣ и иныхъ разныхъ индѣйскихъ овощей, всего десять блюдъ, по фунту на блюдѣ.

Всего въ столъ наряжено и подано сто-двадцать блюдъ. Полоса арбузная, другая дынная.

Да въ Грановитую отпущено въ столъ, какъ великій государь жаловалъ сахарами:

Сорокъ трубъ корицы бѣлыхъ и красныхъ сахарныхъ, да двѣнадцать книжекъ сахарныхъ же, вѣсомъ пять фунтовъ.

Сто-восемьдесятъ-три блюда сахаровъ зеренчатыхъ, вѣсомъ по фунту. (Имали и въ Грановитую носили стольники).

Пяти митрополитамъ подано: по головѣ сахару, вѣсомъ по 4 фунта; сахаровъ узорочныхъ, вѣсомъ по четыре фунта, по два блюда; сахаровъ-леденцовъ и конфектовъ по полуфунту, по три блюда; сахаровъ зеренчатыхъ по полуфунту; ягодъ винныхъ, финиковъ, по блюду, по полуфунту на блюдѣ; по трубѣ корицы, по десяти золотниковъ трубка. Всего по тринадцати блюдъ человѣку, а складываны на большія блюда, поставлены передъ всякаго вдругъ, да съ Сытнаго (дворца) полоса арбузная, другая дынная. Тремъ архіепископамъ и одному епископу: двѣ головы сахару, вѣсомъ по четыре фунта голова; по три блюда сахаровъ узорочныхъ, по два блюда сахаровъ-леденцовъ и конфектовъ, по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ, ягодъ финиковъ да винныхъ по блюду, по трубочкѣ корицы — вѣсомъ (всего) противъ митрополичьихъ блюдъ. Всего по десяти блюдъ человѣку. Да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная.

Архимандритамъ троицкому и чудовскому, наряжено и подано противъ архіепископовъ. А складывано и подано всякому человѣку на одномъ блюдѣ.

Девяти архимандритамъ другихъ монастырей, келарямъ троицкому да чудовскому, учителю старцу Симеону, да старцу Мелетію: четыре головы сахару, вѣсомъ по три фунта голова, по два блюда сахаровъ узорочныхъ по полуфунту; сахаровъ-леденцовъ и конфектовъ по два блюда,

Digitized by Google

по полуфунту, сахаровъ зеренчатыхъ по блюду, ягодъ винныхъ, финиковъ, по фунту на блюдѣ, по трубочкѣ корички, вѣсомъ противъ блюдъ троицкаго и чудовскаго архимандритовъ. Всего по восьми блюдъ человѣку. Да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная.

Игуменамъ, строителямъ, казначеямъ, протопопамъ, ключарямъ, попамъ и дьяконамъ соборнымъ, всего двадцати-восьми человѣкамъ: пять головъ сахару, вѣсомъ по три фунта голова, по полублюду сахаровъ узорочныхъ, по полублюду сахаровъ-леденцовъ, по полублюду сахаровъ зеренчатыхъ, по блюду ягодъ винныхъ да финиковъ; всего по пяти блюдъ человѣку, вѣсомъ противъ архимандричьихъ блюдъ.

Чернымъ дьяконамъ и бѣлымъ попамъ и дьяконамъ двадцати человѣкамъ по фунту сахаровъ зеренчатыхъ да по фунту ягодъ винныхъ.

Уставщику, государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, двѣнадцати человѣкамъ: голова сахару, вѣсомъ четыре фунта, по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ, по полуфунту на блюдѣ, по фунту разныхъ ягодъ человѣку.

Патріаршимъ и властелинскимъ (архіерейскимъ) пѣвчимъ и подьякамъ, семидесяти четыремъ человѣкамъ, по полуфунту сахаровъ зеренчатыхъ, по фунту ягодъ изюму человѣку.

Грузинскому царевичу Николаю Давыдовичу, голова сахару росписная съ цвѣткомъ, средняя, вѣсомъ 15 фунтовъ. Двѣ спицы сахару-леденцу, бѣлая да красная, вѣсомъ по 4 фунта спица; пятнадцать блюдъ сахаровъ узорочныхъ по полуфунту, десять блюдъ сахаровъ-леденцовъ и конфектовъ, по фунту безъ чети; восемь блюдъ сахаровъ зеренчатыхъ по фунту; ягодъ финиковъ, смоквей, винныхъ по блюду, по фунту на блюдѣ, бочечка инбирю въ патокѣ вѣсомъ три фунта. Всего сорокъ блюдъ, да съ Сытнаго Дворца полоса арбузная, другая дынная.

Касимовскому и симбирскимъ церевичамъ тремъ человѣкамъ: по головѣ сахару, вѣсомъ по 5 фунтовъ голова; по полуспицѣ сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, вѣсомъ по 3 фунта; по пяти блюдъ сахаровъ узорочныхъ, по полуфунту; по три блюда сахаровъ-леденцовъ и конфектовъ, по полуфунту; по три блюда сахаровъ зеренчатыхъ по фунту; ягодъ изюму, винныхъ, финиковъ, смоквей по блюду, вѣсомъ по фунту, по бочечкѣ инбирю въ патокѣ, вѣсомъ по два фунта съ четвертью, по трубѣ корицы, вѣсомъ по четьи фунта. Всего по двадцати блюдъ человѣку; да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная.

Бояромъ одиннадцати человѣкамъ — шесть головъ сахару вѣсомъ по 4 фунта голова, по фунту сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, по четыре блюда сахаровъ узорочныхъ, вѣсомъ по четыре фунта, по три

Digitized by Google

блюда сахаровъ-леденцовъ по полуфунту, по три блюда сахаровъ зеренчатыхъ по полуфунту; ягодъ винныхъ и финиковъ по фунту; по трубѣ корицы, по 15 золотниковъ трубка; шесть бочечекъ инбирю въ патокѣ, вѣсомъ по полтретья фунта бочечка. Всего по тринадцати блюдъ человѣку; да съ Сытнаго три полосы арбузныя, три полосы дынныя.

Окольничимъ девяти человѣкамъ, пять головъ сахару по 3 фунта голова, по полуфунту сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, по три блюда сахаровъ узорочныхъ, вѣсомъ по 4 фунта, по два блюда сахаровъ леденцовъ по полуфунту, по три блюда сахаровъ зеренчатыхъ по полуфунту на блюдѣ, по трубочкѣ корицы, вѣсомъ по 10 золотниковъ; три бочечки инбирю въ патокѣ, вѣсомъ по два фунта. Всего по десяти блюдъ человѣку; да съ Сытнаго двѣ полосы арбузныя да дынныя.

Думнымъ дворянамъ и казначею, десяти человѣкамъ: три головы сахару, вѣсомъ по 3 фунта, по полуфунту сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, по два блюда сахаровъ узорочныхъ, по два блюда сахаровъ-леденцовъ, по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ, по трубочкѣ корицы, три бочечки инбирю въ паточкѣ, вѣсомъ все противъ окольничихъ блюдъ; всего по восьми блюдъ человѣку, да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная.

Думнымъ дьякамъ шести человѣкамъ, да тайныхъ дѣлъ дьяку; три головы сахару вѣсомъ по 3 фунта, а сахаровъ и овощей подано по восьми блюдъ человѣку, вѣсомъ противъ думныхъ дворянъ, да двѣ бочечки инбирю въ патокѣ, вѣсомъ по два фунта, да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная.

Стольникамъ комнатнымъ шестнадцати — шесть головъ сахару вѣсомъ по 3 фунта, сахаровъ и овощей по восьми блюдъ, вѣсомъ противъ блюдъ думныхъ дьяковъ.

Дворянамъ московскимъ двѣнадцати человѣкамъ, да ясельничему, да именитому человѣку (Строганову): четыре головы сахару вѣсомъ по 4 фунта голова, по полуфунту сахару-леденцу бѣлаго, да краснаго. сахару по тому жь, по два блюда сахаровъ узорочныхъ, по блюду сахаровъ-леденцовъ, по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ, двѣ бочечки инбирю въ патокѣ, вѣсомъ по два фунта; всего по шести блюдъ человѣку, да съ Сытнаго полоса арбузная, полоса дынная.

Полковникамъ и головамъ и полуголовамъ стрѣлецкимъ, сорока-шести человѣкамъ: десять головъ сахару, вѣсомъ по три фунта голова, по четыре фунта сахару-леденцу бѣлаго и краснаго, по блюду сахаровъ узорочныхъ, по блюду сахаровъ-леденцовъ, по полуфунту на блюдѣ, по блюду сахаровъ зеренчатыхъ по фунту, по полуфунту ягодъ изюму и

Digitized by Google

винныхъ на блюдѣ; всего по пяти блюдъ; восемь бочечекъ инбирю, вѣсомъ по два фунта бочечка, да съ Сытнаго двѣ полосы арбузныхъ, двѣ дынныхъ.

Грузинскаго царевича Николая Давыдовича боярамъ и дворянамъ шести человѣкамъ, да посланникамъ черкасскимъ (малороссійскимъ) двумъ человѣкамъ: три головы сахару, вѣсомъ по 4 фунта голова; а сахары и овощи поданы счетомъ и вѣсомъ противъ блюдъ дворянъ московскихъ.

Гостямъ шестнадцати человѣкамъ: четыре головы сахару вѣсомъ по 3 фунта голова, по 4 фунта сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, по блюду сахаровъ узорочныхъ, по 4 фунта, по фунту сахаровъ зеренчатыхъ, по фунту ягодъ разныхъ; всего по четыре блюда человѣку; пять бочечекъ инбирю въ патокѣ, да съ Сытнаго полоса арбузная да дынная.

Гостиной и суконной и черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ сотскимъ и старостамъ и выборнымъ людямъ семидесяти-шести человѣкамъ: по фунту сахаровъ зеренчатыхъ розныхъ, да по фунту ягодъ розныхъ человѣку.

Выше упомянуто, что всѣ эти разнообразные сахары и ягоды подавались каждому, «складывая на одно блюдо».

Такимъ же образомъ, въ такомъ же количествѣ подавались сахары и овощи и за столомъ царицы Натальи Кирилловны. Столъ былъ въ ея деревянныхъ хоромахъ. «Послѣ столоваго кушанья къ ней, государынѣ, подано сахаровъ и овощей»:

Коврижка сахарная большая, гербъ Государства Казанскаго.

Другая коврижка сахарная, средняя, коричная.

Голова большая росписана съ цвѣтомъ, вѣсомъ два пуда десять фунтовъ.

Орелъ сахарный литой, бѣлой, большой съ державою, вѣсомъ пудъ двадцать фунтовъ.

Лебедь сахарный литой, вѣсомъ два пуда.

Утя сахарное литое, вѣсомъ двадцать фунтовъ,

Попугай сахарный литой, вѣсомъ десять фунтовъ.

Голубь сахарный отливанной, три фунта.

Городъ сахарный треугольной съ цвѣтами.

Полатка сахарная круглая.

Полатка жь сахарная четвероугольная.

Кроватка сахарная.

Сорокъ блюдъ сахаровъ узорочныхъ по полуфунту.

Тридцать блюдъ сахаровъ-леденцовъ по фунту безъ четьи.

Digitized by Google

Десять блюдъ сахаровъ зеренчатыхъ, на разныхъ пряныхъ зельяхъ, по фунту.

Полъящика смоквей, вѣсомъ шесть фунтовъ.

Сукату въ патокѣ, инбирю въ патокѣ жь, по блюду.

Три блюда индійскихъ овощей въ патокѣ, вѣсомъ по пяти фунтовъ.

Ягодъ финиковъ да винныхъ по блюду, на блюдѣ по два фунта.

Всего сто блюдъ.

Да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная.

Грузинской царицѣ Еленѣ Леонтьевнѣ подано сахаровъ и овощей столько жъ блюдъ, что̀ и царевичу Николаю Давыдовичу.

Женамъ касимовскаго и сибирскихъ царевичей тремъ княгинямъ подано столько жъ, что̀ и мужьямъ ихъ.

Верховымъ и пріѣзжимъ боярынямъ тринадцати человѣкамъ — противъ бояръ.

Женамъ окольничихъ пяти боярынямъ — противъ окольничихъ.

Женамъ думныхъ дворянъ тремъ человѣкамъ — противъ думныхъ дворянъ.

Стольничьимъ женамъ тринадцати человѣкамъ — противъ стольниковъ.

Кравчей — противъ боярынь.

Дворовымъ боярынямъ и казначеямъ 25 человѣкамъ — противъ женъ думныхъ дворянъ.

Кормилицамъ и учительницамъ девяти человѣкамъ — по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ, вѣсомъ по полуфунту, ягодъ изюму и винныхъ по блюду, по фунту на блюдѣ.

Постельницамъ и мастерицамъ 120 человѣкамъ — по блюду сахаровъ зеренчатыхъ по полуфунту, по блюду ягодъ изюму и винныхъ, по полуфунту.

Всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя по службѣ, или по другимъ причинамъ, не могли быть, то-есть сидѣть за столомъ, эти сахары и овощи посылались на домъ. Изъ этого не исключались также дьяки и подъячіе Дворцовыхъ Приказовъ, стрѣлецкіе сотники, доктора и аптекаря и всѣ низшіе придворные служители, которые не приглашались къ столу.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ одиннадцати должностнымъ лицамъ у царскаго стола, боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и стольникамъ — сахары и овощи посланы на ихъ дворы, въ томъ количествѣ, какое соотвѣтствовало по столовому списку каждому изъ упомянутыхъ чиновъ, то-есть боярамъ противъ бояръ, и т. д.

Тогда же послано шестидесяти-пяти стольникамъ, которые передъ государя ѣсть ставили и чашничали и которые сидѣли за столовыми

Digitized by Google

поставцами, смотрѣли въ столы, властей и бояръ кормили — по фунту сахаровъ зеренчатыхъ, по четьи фунта сахаровъ узорочныхъ по четьи фунта сахаровъ леденцовъ, по фунту ягодъ розныхъ.

Четыремъ дворцовымъ дьякамъ: по головѣ сахару, голова по 3 фунта, сахару-леденцу бѣлаго и краснаго по полуфунту, по два блюда сахаровъ узорочныхъ, по четьи фунта, по блюду сахаровъ-леденцовъ по полуфунту, по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ по фунту, по блюду ягодъ розныхъ по фунту; всего по семи блюдъ человѣку; по бочечкѣ инбирю въ патокѣ, вѣсомъ по два фунта.

Дьякамъ разныхъ дворцовыхъ же приказовъ тринадцати человѣкамъ: по два блюда сахаровъ узорочныхъ по четьи фунта, по два блюда сахаровъ зеренчатыхъ разныхъ по полуфунту, по блюду ягодъ розныхъ по фунту; всего по пяти блюдъ человѣку.

Тремъ степеннымъ ключникамъ — противъ дьяковъ.

Шести путнымъ ключникамъ: по блюду сахаровъ узорочныхъ по четьи фунта, по блюду сахаровъ зеренчатыхъ по полуфунту, по блюду ягодъ розныхъ по фунту; всего по три блюда человѣку.

Патріаршему боярину: голова сахару вѣсомъ 3 фунта, сахару-леденцу бѣлаго и краснаго по полуфунту, два блюда сахаровъ узорочныхъ по четьи фунта, два блюда сахаровъ зеренчатыхъ розныхъ по полуфунту, блюдо ягодъ розныхъ, вѣсомъ одинъ фунтъ; всего шесть блюдъ.

Патріаршимъ дьякамъ пяти человѣкамъ — противъ степенныхъ ключниковъ.

Тайныхъ дѣлъ подъячимъ десяти человѣкамъ: по блюду сахаровъ-леденцовъ по полуфунту, по блюду сахаровъ зеренчатыхъ розныхъ по полуфунту, по блюду ягодъ розныхъ по фунту на блюдѣ; всего три блюда.

Дохтурамъ и оптекарю тремъ человѣкамъ — противъ думныхъ дьяковъ, да имъ же по головѣ сахару, вѣсомъ по 4 фунта.

Разныхъ Стрѣлецкихъ Приказовъ сотникамъ 135 человѣкамъ — по блюду сахаровъ зеренчатыхъ, по блюду ягодъ розныхъ, по полуфунту на блюдѣ.

Стрѣльцамъ, которые стояли на караулѣ по Красному Крыльцу и на дворцѣ, всѣмъ вообще: тридцать фунтовъ сахаровъ зеренчатыхъ, два пуда изюму крошенаго, пудъ винныхъ, полтора пуда черносливу.

Царица, съ своей стороны, также разсылала сахары и овощи нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ. Въ этотъ столъ, напримѣръ, царица Наталія Кирилловна послала во дворъ сыну знаменитаго Матвѣева, Андрею: голову сахару вѣсомъ 5 фунтовъ, десять блюдъ сахаровъ узорочныхъ по четьи фунта, пять блюдъ сахаровъ-леденцовъ по фунту; всего 15 блюдъ.

Digitized by Google

Вообще изъ этой росписи видно, что въ этотъ день за столомъ государя сидѣло 375 человѣкъ, а за столомъ царицы женскаго пола — 256 человѣкъ. Разослано сахаровъ и овощей по домамъ отъ государя 256 человѣкамъ, кромѣ караульныхъ стрѣльцовъ, отъ царицы — 7 человѣкамъ. Сахаровъ и овощей разошлось по нѣскольку пудъ, и не употреблены только двѣ коврижки сахарныя, бѣлая да красная; голова большая, два орла литые большіе, лебедь, утя, попугай, голубь, сахарные литые, городъ сахарный Кремль; двѣ башни, большая да середняя, двѣ трубы сахарныя большія, два марцыпана, которые составляли собственно украшеніе стола и были, вѣроятно, послѣ разосланы лицамъ царскаго семейства, царевичамъ и царевнамъ.

Родинные и крестинные столы давались также «на поповъ и дьяковъ» преимущественно дворцовыхъ. Такъ, на родинный столъ Петра Великаго, іюня 2, передъ Золотою Палатою царицы, въ проходныхъ сѣняхъ кормлены были благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у *крестовъ*, то-есть въ царскихъ моленныхъ.

«А стрѣльцовъ и иныхъ чиновъ людей (говоритъ Кошихинъ), государь жалуетъ, велитъ поитъ на погребѣ питьемъ. А дается стрѣльцамъ и солдатамъ и инымъ чинамъ питье не по мѣрѣ. Только когда прилучатся такіе дни, или праздники, и имъ середи царскаго двора испоставя вина ведеръ по 100 и по 200 въ кадяхъ, да пива и меду противъ того въ шестеро и въ семеро (слѣдовательно, отъ 600 до 1200 или отъ 700 до 1400 ведеръ), и кто хочетъ пить и окромѣ стрѣльцовъ, и ему пить вольно. А съ двора къ себѣ никому домой носити не дадутъ». Вообще, по свидѣтельству Кошихина, въ эти дни выходило съ царскихъ погребовъ вина отъ 400 до 500 ведеръ, «а пива и меду тысячи по двѣ; и по три ведеръ и больше».

Праздникъ довершался музыкою: на царскомъ дворѣ и по сѣнямъ играли на органахъ, трубили въ трубы и въ сурны, били въ литавры, по накрамъ (бубнамъ) и набатамъ (барабанамъ). Такъ на рожденьи царевны Ѳеодосіи, въ 1675 г., во время родиннаго стола, 1 октября великій государь «указалъ боярину Хитрово устроить для своей государевой потѣхи трубачамъ и накрщикамъ и сурначамъ и литаврщикамъ и набатчикамъ» особое мѣсто на дворцѣ, гдѣ бывалъ старый Монастырскій Приказъ. Этотъ оркестръ утѣшалъ государя до окончанія стола, который отошелъ въ четвертомъ часу ночи, или, по теперешнему счету, часу въ девятомъ вечера. То же повторилось и на крестинный столъ октября 4, передъ которымъ всему оркестру былъ сдѣланъ смотръ (1).

(1) Дворц. Разр., т. III, стр. 1058—1059.

Digitized by Google

День рожденія въ царскомъ быту праздновался въ одно время съ *именинами*, впрочемъ, безъ особеннаго великолѣпія.

Вечерню и всенощное наканунѣ этого дня цари обыкновенно слушали въ одной изъ придворныхъ церквей; къ обѣднѣ выходили иногда въ соборъ Благовѣщенскій, а чаще въ тѣ московскіе монастыри и храмы, которые освящены были въ честь святыхъ, тезоименитыхъ государямъ. Такъ царь Михаилъ Θеодоровичъ на свои именины іюля 12, выходилъ обыкновенно къ обѣдни, а иногда и къ вечерни, къ Михаилу Малеину въ Благовѣщенскій Соборъ или въ Вознесенскій Монастырь, гдѣ были придѣлы этого святаго. Царь Алексѣй Михайловичъ, именины котораго были 17 марта, почти всегда слушалъ обѣдню и потомъ молебенъ въ Алексѣевскомъ Дѣвичьемъ Монастырѣ. Въ 1675 году, такой выходъ происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: великій государь *шелъ* въ саняхъ въ большихъ въ нарядныхъ; на *наклесткахъ* (запяткахъ) стояли бояре, по правую сторону кн. Иванъ Алексѣевичъ Воротынской, по лѣвую сторону кн. Михаилъ Юрьевичъ Долгоруково; на оглобляхъ стояли у *цчата* стольники и ближніе люди, по правую сторону Θеодоръ Петровичъ Салтыковъ, по лѣвую сторону Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ; около саней шли пѣшкомъ головы и полуголовы стрѣлецкіе; впереди по обѣ стороны шли съ батожьемъ стрѣльцы, сто человѣкъ изъ Стремяннаго Приказа или полка, впереди же съ *стряпнею* ѣхалъ постельничій Θедоръ Алексѣевичъ Полтевъ, за которымъ ѣхали стряпчіе 1) съ полотенцомъ (платкомъ), 2) съ стуломъ, 3) съ подножьемъ теплымъ, собольимъ, бархатнымъ червчатымъ. Великій государь былъ въ шубѣ въ золотной съ кружевомъ, нашивка съ кистьми, да въ горлатной шапкѣ. Бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки были въ шубахъ, а иные въ однорядкахъ, съ кружевами; ближніе люди были въ однорядкахъ также съ кружевами; приказные люди, стольники, стряпчіе, дворяне были въ чистомъ и цвѣтномъ платьѣ, а головы и полуголовы стрѣлецкіе были въ цвѣтномъ въ служивомъ платьѣ.

У праздника въ монастырѣ служилъ патріархъ Іоакимъ, два митрополита, архіепископъ, архимандриты, игумены, протопопы; пѣвчіе пѣли патріаршіе.

Пришедши отъ обѣдни, государь въ передней, или столовой, жаловалъ *имениными пирогами* и *водкою* патріарха, властей и прочее духовенство, затѣмъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ, стряпчихъ стрѣлецкихъ головъ и гостей. Свѣтскимъ чинамъ раздача пироговъ происходила иногда и въ переднихъ сѣняхъ, а въ походѣ — даже на церковной паперти. Въ 1673 году на именины царевны Θеодосіи, царь Алексѣй Михайловичъ, бывшій тогда въ селѣ

Digitized by Google

Павловскомъ, жаловалъ пирогами на папертн у церкви. Чинамъ царицы, то-есть мамамъ, верховымъ боярынямъ, казначеямъ и проч., государь жаловалъ пироги въ царицыныхъ хоромахъ. Такимъ же образомъ въ свои именины, изъ собственныхъ рукъ, раздавали именинные пироги совершеннолѣтній царевичъ и царица въ своей Золотой Палатѣ. Вмѣсто царевенъ, малолѣтныхъ царевичей, а иногда и вмѣсто царицы, государь чаще всего самъ раздавалъ эти пироги, которые Кошихинъ называетъ *калачами*. «А сдѣланы тѣ калачи (говоритъ онъ), бываютъ долгіе, аршина въ два и въ три, толщиною въ четверть аршина». При раздаваніи, вѣроятно, они разрѣзывались на части, въ мѣру калача. Къ боярынямъ и лицамъ, которыя не могли явиться во дворецъ по старости и болѣзни, именинные пироги разсылались по домамъ. Такъ въ 1663 году, въ день ангела царевны Екатерины Алексѣевны, были разосланы именинные крупичатые пироги: боярынямъ — съ макомъ, по четыре калача пирогъ, женамъ окольничихъ — съ макомъ же, по три калача пирогъ, а женамъ ближнихъ стольниковъ—съ сыромъ по полутретья (два съ половиной) калача пирогъ ([1]). Дворовымъ людямъ, то-есть нижнимъ придворнымъ служителямъ царскіе именинные пироги раздавалъ степенный ключникъ.

Нерѣдко въ день своихъ именинъ, равнымъ образомъ въ именины царицы и дѣтей, государь хаживалъ съ именинньімъ пирогомъ къ патріарху и подносилъ ему изъ собственныхъ рукъ, лично. Въ 1671 г. царь ходилъ съ пирогами къ патріарху Іоасафу на свои именины марта 17, и на именины дочерей Маѳы и Екатерины сентября 1 и ноября 25, причемъ въ Патріаршей Крестовой жаловалъ пирогами патріаршихъ домовыхъ людей, боярина, ризничаго, крестовыхъ священниковъ и дьяковъ ([2]).

Чиновный столъ въ именины ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ столовъ праздничныхъ; но онъ рѣдко давался; по-большей-части въ этотъ день «у государя стола не было» и разсылались только *подачи съ кубками, чарками* то-есть съ винами и *корками*, вѣроятно, пирожнымъ. Къ патріарху посылали цѣлый *столъ*, то-есть все количество кушаній и винъ, которыя назначались къ столу. Такой же столъ государь посылалъ и къ дѣтямъ-именинникамъ съ однимъ изъ ближнихъ бояръ, котораго они угощали обыкновенно водкою и жаловали подачами съ *кубки* и съ *корки*, то-есть винами и сластями, какъ мы сказали.

([1]) См. ниже, Приложеніе III.
([2]) Древн. Росс. Вивл., т. VI, стр. 313, 323, 324.

Digitized by Google

Послѣ именниннаго стола пили заздравную чашу, патріархъ, моля Бога, говорилъ рѣчь заздравную, пилъ чашу напередъ самъ, потомъ подавалъ царю, духовнымъ властямъ и боярамъ. Послѣ родиннаго, крестиннаго и именниннаго стола, точно также, какъ и послѣ столовъ праздничныхъ, государь дарилъ патріарха кубкомъ и разными дорогими матеріями, причемъ дьякъ произносилъ патріарху рѣчь. «Да въ тѣ же дни, какъ празднуютъ ихъ государскіе именины (говоритъ Кошихинъ) въ войнѣ и въ городѣхъ большіе воеводы, и митрополиты, и въ монастырехъ власти, дѣлаютъ столы на воинскихъ и на иныхъ людей, и на поповъ и на черницовъ; а по обѣдѣ потомужъ пьютъ заздравные чаши. Также въ тѣжъ дни, на Москвѣ и въ городѣхъ, всякого чину люди работы ни какіе не работаютъ, и въ рядѣхъ не сидятъ, и свадебъ не играютъ, и мертвымъ погребенія не бываетъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

7170 года мая въ 24 день, во вторникъ, противъ среды, за два часа до свѣта, родися Благовѣрная Государыня Царевна и Великая Княжна Феодосья Алексѣевна, и посыланы дѣти боярскіе *со здоровьемъ* (1).

Касимовскаго Царевича женѣ — Дмитрій Спиридоновъ, Прохоръ Перепечинъ.; (имъ дано) 10 рублевъ мѣдныхъ.

Сибирскаго Царевича Князь Петра Алексѣевича женѣ — Глѣбъ Бартеневъ; денегъ 10 руб. мѣд.

Сибирскаго Царевича Князь Алексѣя Алексѣевича женѣ — Гаврила Зашмовъ; денегъ 10 руб. мѣд.

Боярина Бориса Ивановича Морозова женѣ Аннѣ Ильичнѣ, Федоръ Шиловъ; денегъ 100 рублевъ.

Боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго женѣ — истопничей Артемій Шухартовъ; четыре аршина объяри червчатой, рубашка миткалинная шита золотомъ, съ порты. Стоканъ серебрянъ вѣсомъ 30 золотниковъ.

Боярина князь Ивана Петровича Пронскаго женѣ—Федоръ Шиловъ; дороги брусничной цвѣтъ яшскіе, киндякъ лимонной узкой, сафьянъ красной, денегъ 20 рублевъ.

---

(1) Древн. Вивл., т. XI.

Digitized by Google

Боярина Глѣба Ивановича Морозова женѣ—Семенъ Косторинъ, Иванъ Зайцовъ Большой; 10 руб. сереб.

Боярина Ивана Васильевича Морозова женѣ — діякъ Иванъ Взимковъ; стопочка серебряная съ рукояткою вѣсомъ полфунта пять золотниковъ, 20 руб. денегъ мѣдныхъ.

Боярина Михайла Михайловича Салтыкова женѣ—Яковъ Молчановъ; кубокъ лощатой золоченъ, вѣсомъ полфунта двадцать золотниковъ, 8 аршинъ камки красной, куфтерю.

Боярина Василья Васильевича Бутурлина женѣ—Наумъ Айгустовъ: 5 аршинъ атласу цвѣтнаго.

Боярина князь Федора Юрьевича Хворостинина женѣ—Алексѣй Куличкинъ: 5 руб. серебряныхъ.

Боярина Ивана Андреевича Милославскаго женѣ—Богданъ Никитинъ: ширинка тафтяная накищивана золотомъ, денегъ мѣдныхъ 25 руб.

Боярина Василья Ивановича Стрѣшнева женѣ—Яковъ Кормилицынъ: *даровъ*, 8 аршинъ атласу цвѣтнаго.

Боярина князь Федора Никитича Одоевскаго женѣ—Петръ Блудовъ: ширинка тафтяная накищивана золотомъ, денегъ десять руб. мѣд.

Боярина Петра Михайловича Салтыкова женѣ—Яковъ Зайцовъ: *даровъ*, братина серебряная, вѣсомъ полфунта съ золотникомъ, да 4 аршина бѣлой тафты струйчатой. (Ходилъ въ его мѣсто, братъ его, Гаврило Зайцовъ.)

Боярина князь Федора Федоровича Куракина женѣ — Дмитрій Стетуринъ; денегъ 8 рублевъ мѣдныхъ.

Окольничего князь Федора Андреевича Хилкова женѣ — Тимофей Озеровъ; полъ 6-ти арш. атласу цвѣтнаго.

Окольничего Федора Михайловича Ртищева женѣ—Иванъ Киркинъ: дороги кашанскіе, да денегъ 40 руб. мѣд.

Окольничего Ивана Михайловича Милославскаго женѣ—Степанъ Тороканoвъ: 40 рублевъ мѣдныхъ.

Окольничего Василья Михайловича Еропкина женѣ... (пробѣлъ).

Окольничего князь Василья Петровича Львова женѣ—Михайло Завьяловъ: 7 аршинъ бархату брусничной цвѣтъ.

Стольника князь Ивана Алексѣевича Воротынскаго женѣ — Мартынъ Лотаревъ: полъ осьма аршина камки рудожолтой куфтерю, братина серебряная вѣсомъ полфунта безъ золотника.

Стольника князь Якова Никитича Одоевскаго женѣ—Борисъ Бахтеяровъ: 7 аршинъ съ полъ аршиномъ атласу цвѣтнаго, да ковшъ серебрянъ 27 золотниковъ.

Стольника князь Юрья Ивановича Ромодановскаго женѣ — Никита Ладоженской... (пробѣлъ).

Стольника Федора Михайловича Ртищева женѣ—Сергѣй Постельниковъ: 40 руб. мѣд.

Digitized by Google

Стольника Іева Голохвастова женѣ — Іевъ Шестаковъ: денегъ 5 руб. мѣд.

Стольника Василья Голохвастова женѣ—Федоръ Голенищевъ: денегъ мѣдныхъ полъ 10-ти руб.

Новодѣвичья монастыря игуменьѣ съ сестрами — Игнатей Очаковъ: Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, денегъ 10 рублевъ мѣдныхъ.

Вознесенскаго Монастыря игуменьѣ — Василій Палицынъ, Иванъ Бурковъ: 2 ширинки тафтяные накищеваны золотомъ, дороги двоеличные гилянскіе, 11 руб. денегъ.

Келарю... (пробѣлъ).

Къ соборнымъ старицамъ... (пробѣлъ).

Къ Окольничему къ Михаилу Алексѣевичу Ртищеву — Иванъ Шестаковъ: денегъ 5 рублевъ мѣдныхъ.

Алексѣевскаго Новодѣвичьяго Монастыря къ Игуменьѣ—Иванъ Бурковъ... (пробѣлъ).

II.

7169 г. Іюня въ 9 день *у родиннаго* стола, боярыни, пріѣзжія Государю Царевичю и великому князю Федору Алексѣевичу ***кресты подносили***, и которая чѣмъ Государю Царевичу челомъ ударила, и то писано подъ сею статьею:

Касимовскаго царевича князя Василья Еруслановича жена княгиня Марья Никифоровна благословляетъ крестъ золотъ съ мощми, да челомъ бьетъ кубокъ серебряной золоченъ съ кровлею, бархатъ золотной по червчатой землѣ, сорокъ соболей.

Сибирскаго царевича князь Петра Алексѣевича жена княгиня Настасья Васильевна: крестъ золотой съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотъ по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Сибирскаго жъ царевича князь Алексѣя Алексѣевича жена княгиня Настасья Васильевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотъ по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Боярина Бориса Ивановича Морозова жена Анна Ильична: крестъ золотъ съ мощми, да кубокъ золоченъ съ кровлею; сорокъ соболей.

Боярина князь Якова Куденстовича Черкаскаго жена княгиня Авдотья Семеновна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотъ по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго жена княгина Авдотья Федоровна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ, (бархатъ золотъ) по зеленой землѣ; сорокъ соболей.

Digitized by Google

Боярина Глѣба Ивановича Морозова жена Федосья Прокофьевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотъ по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Боярина князь Ивана Петровича Пронскаго жена княгиня Настасья Дмитріевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебряной золоченъ съ кровлею, бархатъ золотной по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Боярина князь Федора Никитича Одоевскаго жена Софья Ивановна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотной; сорокъ соболей.

Боярина Ивана Васильевича Морозова жена Степанида Семеновна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотъ по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Боярина князь Федора Юрьевича Хворостинина жена княгиня Елена Борисовна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной по серебряной землѣ; сорокъ соболей.

Боярина князь Федора Федоровича Куракина жена княгиня Авдотья Андреевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной по серебряной землѣ; сорокъ соболей.

Боярина Михайла Михайловича Салтыкова жена Парасковья Ивановна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной; сорокъ соболей.

Боярина Петра Михайловича Салтыкова жена Елена Васильевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной по серебряной землѣ; сорокъ соболей.

Боярина Василья Васильевича Бутурлина жена Настасья Григорьевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебряной золоченъ съ кровлею, отласъ золотной по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Окольничего Федора Михайловича Ртищева жена Аксинья Матвѣевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной; сорокъ соболей.

Окольничего Ивана Михайловича Милословскаго жена Александра Кузминишна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ съ кровлею, отласъ золотной по серебряной землѣ; сорокъ соболей.

Окольничего Василья Михайловича Еропкина жена Аграфена Тимофѣевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ лощатой съ кровлею, отласъ золотной; сорокъ соболей.

Окольничего князь Василья Петровича Львова жена княгиня Марья Никитишна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, бархатъ золотной по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Стольника князь Ивана Алексѣевича Воротынскаго жена княгиня Марья Федоровна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной по серебряной землѣ; сорокъ соболей.

Digitized by Google

Стольника князь Якова Никитича Одоевскаго жена княгиня Анна Михайловна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, отласъ золотной; сорокъ соболей.

Стольника князь Юрья Ивановича Ромодановскаго жена княгиня Анисья Ивановна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебряной золоченъ съ кровлею, отласъ золотной персидской; сорокъ соболей.

Стольника Федора Михайловича Ртищева жена Ульяна Степановна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебряной золоченъ съ кровлею, отласъ золотной по зеленой землѣ; сорокъ соболей.

Стольника Іева Голохвастова жена Матрена Алексѣевна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебряной золоченъ съ кровлею, бархатъ золотной по червчатой землѣ; сорокъ соболей.

Стольника Василья Голохвастова жена Анна: крестъ золотъ съ мощми, кубокъ серебряной золоченой съ кровлею, бархатъ золотной персидской; сорокъ соболей.

III.

7172 ноября въ 24 день *розсылка именинными пирогами* на Ангелъ Государыни Царевны и великой княжны Екатерины Алексѣевны:

Пироги Боярынямъ по 4 калача, съ макомъ.

Касимовскаго царевича женѣ, Родіонъ Телешовъ.

Сибирскаго царевича Большаго женѣ, Осипъ Назаровъ.

Сибирскаго царевича Меньшаго женѣ, Тихонъ Скрыпинъ.

Боярина Бориса Ивановича Морозова женѣ вдовѣ Аннѣ Ильиничнѣ. (Отмѣтка: въ верху.)

Боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго женѣ, Никита Ляпуновъ.

Боярина князь Ивана Петровича Пронскаго женѣ, Федоръ Аникѣевъ.

Боярина Глѣба Ивановича Морозова женѣ, Илья Парской Молодой.

Боярина Ивана Васильевича Морозова женѣ, Аксенъ Третьяковъ.

Боярина Михайла Михайловича Салтыкова женѣ (пробѣлъ).

Боярина Василья Васильевича Бутурлина женѣ, Петръ Боранцовъ.

Боярина князь Федора Юрьевича Хворостинина женѣ (отмѣтка: въ верху).

Боярина Ивана Андреевича Милославскаго женѣ вдовѣ, Панкратій Бибиковъ.

Боярина Василья Ивановича Стрѣшнева женѣ, Иванъ Рукинъ.

Боярина князь Федора Никитича Одоевскаго женѣ, Иванъ Зайцовъ Большой.

Боярина Петра Михайловича Салтыкова женѣ, Прохоръ Перепечинъ.

Боярина князь Федора Федоровича Куракина женѣ, Петръ Блудовъ.

Digitized by Google

Бoярина князь Якова Никитича Одоевскаго женѣ (пробѣлъ).

Пироги крупичатые съ макомъ по 4 колача.

Окольничего князь Федора Андреевича Хилкова женѣ, Иванъ Шестаковъ.

Окольничего Федора Михайловича Ртищева женѣ, Феофанъ Карачовъ.

Окольничего Ивана Михайловича Милославскаго женѣ, Дмитрій Степуринъ.

Окольничего Василья Михайловича Еропкина женѣ, Семенъ Есиповъ.

Окольничего князь Василья Петровича Львова женѣ, Федоръ Белеховъ.

Пироги съ сыромъ по полу 3 колача.

Стольника князь Ивана Алексѣевича Воротынскаго женѣ, Илья Парской Старой.

Стольника князь Юрья Ивановича Ромодановскаго женѣ, Леонтій Кормилицынъ.

Стольника Федора Михайловича Ртищева женѣ вдовѣ, Лукьянъ Ладоженской.

Стольника Іева Голохвастова женѣ, Гаврило Подобѣдовъ.

Стольника Василья Голохвастова женѣ, Гаврила Зайцовъ.

Ив. Забѣлинъ.

Digitized by Google

ПОМПЕЯ.

ИЗЪ НЕАПОЛИТАНСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Статья первая.

I.

Въ Неаполѣ, на берегу поэтическаго взморья, въ самомъ шумномъ центрѣ итальянской жизни, вы охотно забываете о древностяхъ. Эти вѣчно-обновляющіяся улицы никакимъ архитектурнымъ обломкомъ не напомнятъ вамъ, что вы гостите въ одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи. Надо видѣть изящные некрополи въ окрестностяхъ, надо посѣтить давные храмы Пестума, чтобъ убѣдиться, что вы дѣйствительно на берегахъ Великой Греціи, которая имѣла своихъ художниковъ въ то время, когда Римъ производилъ только воиновъ.

Въ Неаполѣ природа торжествуетъ и надъ искусствомъ и надъ воспоминаніями. Подъ этимъ обольстительнымъ небомъ становятся понятнѣе чувственные миѳы древнихъ. Обаяніе классическаго сибаритизма вдыхается здѣсь вмѣстѣ съ воздухомъ.

Но дымящійся Везувій, покуда вы къ нему не привыкли, напоминаетъ вамъ трагическія судьбы этого роскошнаго берега. Въ первыя ночи, когда вы съ своего балкона видите багровое пламя, вырывающееся изъ жерла горы, вамъ невольно приходитъ на умъ волканическая катастрофа 79-го года, и вы перечитываете знаменитыя письма Плинія-младшаго къ Тациту. Глядя на эти бѣлѣющіеся въ лунномъ свѣтѣ города, селенія, виллы, спящіе у подножія волкана, вы вспоминаете, что подъ ними таятся другіе, античные города, погребенные заживо въ полномъ цвѣтѣ силъ, и не только Геркуланумъ, Помпея, Стабія, найденные и, отчасти, снова увидѣвшіе свѣтъ, но нѣсколько такихъ, которые оставили намъ одни имена: Ретина, Оплонтъ, Тегіанумъ, Тауранія, Козе, Везерисъ...

Digitized by Google

На утро вы спѣшите посѣтить Помпею. Этотъ греко-римскій городъ, выходящій изъ-подъ пепла, съ статуями своихъ боговъ и героевъ, съ образчиками античной живописи, со всѣми тайнами домашней жизни и общественнаго суевѣрія, безспорно, интереснѣе всякихъ иныхъ развалинъ. Это древность живая, которая, конечно, поучительнѣе всѣхъ возможныхъ фоліантовъ.

Три пути ведутъ изъ Неаполя въ Помпею: выбирайте любой, отправляйтесь въ коляскѣ, или двуколесной корриколо, по живописной дорогѣ черезъ Резину и Портичи; плывите въ размалеванной лодкѣ, на латинскомъ парусѣ, по голубому заливу, или, наконецъ, довѣрьте свою особу прозаическимъ рельсамъ, положеннымъ у подножія Везувія.

Нетерпѣливый путешественникъ, разумѣется, предпочитаетъ современный способъ сообщенія и избираетъ желѣзную дорогу. Изъ живаго города въ мертвый — вагонъ переноситъ васъ въ сорокъ-пять минутъ времени; но здѣсь вы невольно посѣтуете на быстроту, съ какою увлекаетъ васъ паровозъ: справа и слѣва мелькаютъ мимо васъ цѣлые ряды картинъ, отъ которыхъ вы не захотѣли бы отторгнуть взора. Кокетливыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, жилища прячутся въ садахъ, террасами спускающихся къ морю; вы не успѣете различить въ нихъ перцовое дерево отъ маслины — и ужь они исчезли; отъ васъ убѣгаютъ кипарисъ и пальма; ихъ смѣнили макароны, просушивающіеся на плоскихъ кровляхъ; вотъ опять замелькали бѣлыя пилястры, обвитыя гирляндами лозъ и гроздій; прелестный овалъ женскаго лица обрисовался въ полупрозрачной лиственной рамкѣ... одинъ мигъ — и вы мчитесь посреди люднаго селенія, а высоко надъ этими домами, надъ этими массами растительности, подымается осыпанная пепломъ голова Везувія, который не перестаетъ дымиться надъ улыбающейся сценой.

Вамъ хотѣлось бы взглянуть поближе на это шумное населеніе, которое, съ незапамятныхъ временъ, строится на грунтѣ вѣчныхъ землетрясеній, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, поетъ и пляшетъ на лавѣ, едва-остывшей. Это зрѣлище необыкновенное и способно, по свидѣтельству врачей, разсѣять самую упорную меланхолію.

Эта волканическая почва никогда не покидалась; каждый клочокъ ея обрабатывается съ любовью. Виноградники разстилаются по всему широкому основанію Везувія, отважно взбѣгаютъ на его скаты, оттѣсняемые нерѣдко и горячимъ пепломъ и потоками лавы. Зато неаполитанскій виноградарь не опасается ни холодныхъ дождей, ни тумановъ, и оставляетъ свои гроздья на лозахъ до начала ноября.

Желѣзная дорога смѣло легла между моремъ и волканомъ... Но кто поручится въ томъ, что компанія успѣетъ выручить свои капиталы,

Digitized by Google

положенные на эту волканическую почву? Слѣды грозныхъ катастрофъ здѣсь на каждомъ шагу; впрочемъ, они такъ быстро прикрываются роскошною растительностью, заманчивыми виллами. Рельсы здѣсь положены на пластахъ золы и шлаковъ, изверженныхъ волканомъ; тоннели пробиты въ массахъ лавы...

Вотъ городокъ Торре-дель-Греко, отчасти испытавшій участь Геркуланума. Это было въ 1794 году; широкая рѣка лавы, спустившейся съ Везувія къ морю, до-сихъ-поръ чернѣетъ и поражена безплодіемъ. Дорога пробита въ этой окаменѣвшей массѣ. Мѣстами, въ черныхъ стѣнахъ лавы виднѣются еще силуэты залитыхъ, объятыхъ ею каменныхъ домиковъ. Однакожь, Торре-дель-Греко давно ужь оправился отъ разрушенія: та же лава, которая погубила городъ, едва остываетъ — служитъ матеріаломъ для его возобновленія. Жители находятъ свои полуразрушенные, полузалитые лавой домы и устраиваются въ нихъ, какъ могутъ. Нерѣдко случается, что дверь, въ которую вы входите теперь съ улицы, была прежде окномъ втораго этажа, или весь прежній домъ превращается въ темный подвалъ, куда спускаются сквозь плоскую крышу, на которой и воздвигнуто новое зданіе. Новую постройку, можетъ-статься, ожидаетъ не лучшая участь, однакожь, въ этихъ стѣнахъ, сложенныхъ изъ обломковъ недавно-потухшей лавы, спятъ спокойно. Врачи даже посылаютъ сюда своихъ паціентовъ для успокоенія отъ столичной тревоги. Здѣсь провелъ послѣдніе свои дни Перголезе. «Stabat Mater», эта пѣснь скорби, извѣстная всему свѣту, была плодомъ его предсмертнаго вдохновенія.

Въ промежуткахъ зданій и садовъ открывается очаровательная перспектива моря, съ излучинами берега, который, своимъ чернымъ пескомъ или грудами лавы, врѣзывается въ ярко-голубыя волны. Отъ ранняго утра до поздней ночи тутъ шумятъ купающіеся, или водолазы, ловящіе раковины и разнообразные «плоды моря». Любо поглядѣть на этихъ темнокожихъ красавцевъ, когда они отдыхаютъ, распростершись на пескѣ, точно статуи, только-что вылитыя изъ бронзы.

Недалеко отъ городка Торре-дель-Аннунціата впадаетъ въ заливъ рѣчка Сарно, обмелѣвшая и мутная, какъ-будто ея струи никогда не питали изящныхъ помпейскихъ фонтановъ.

Наконецъ, поѣздъ останавливается у ярко-выбѣленнаго одноэтажнаго домика станціи, лежащей у подножія высокаго сѣраго вала.

«*Pompei!*» провозглашаетъ кондукторъ тѣмъ же тономъ, какимъ онъ произносилъ: «Portici, Torre-del-Greco...»

Но при этомъ словѣ сердце путешественника бьется сильнѣе. Одна мысль, что вы сейчасъ войдете въ жилище древняго римлянина, при-

Digitized by Google

коснетеся къ древности, которая до-сихъ-поръ была для васъ чѣмъ-то отвлеченнымъ; одна эта мысль производитъ впечатлѣніе новое, оживляющее.

Два-три художника, съ портфёлями подъ-мышкой, два-три путешественника съ зонтиками въ рукахъ, выходятъ изъ вагоновъ; шумливый поѣздъ устремляется дальше, по дорогѣ въ Ночèру, и оставляетъ насъ посреди мертваго затишья.

Мы въ Помпеѣ; но античныя зданія еще скрываются за сѣрымъ валомъ, который образовался изъ волканической золы и щебня, вывозимыхъ сюда изъ отрытой части города. Отъ станціоннаго домика вы прохòдите шаговъ сотню по аллеѣ, покуда еще безтѣнныхъ деревьевъ, потомъ переходите поперегъ калабрской дороги, увязая по лодыжки въ бѣловатой смѣси песка и золы; но прежде, чѣмъ проникнете въ первую античную улицу, васъ встрѣчаетъ партія солдатъ, въ сѣрыхъ куртках и колпакахъ: это патентованные охранители Помпеи. Вы должны избрать себѣ одного изъ нихъ въ проводники, sine qua non. Для уединенной прогулки въ Помпеѣ, требуется особое разрѣшеніе. Эта предосторожность немножко обременительна для добросовѣстнаго посѣтителя — но чтò жь дѣлать? Туристы и антикваріи грозились разнести всю Помпею по мелочи въ своихъ карманахъ. Англичане, да, по слѣдамъ ихъ, и иные фанатическіе любители искусства, откалывали себѣ на память куски отъ античныхъ памятниковъ, отъ мозаикъ, даже отъ стѣнной живописи, на которой не удовольствовались расписываться и карандашомъ и гвоздями.

Итакъ, поневолѣ избравъ себѣ проводника, я ступилъ на волканическіе, сѣрые камни античной улицы, вымощенной точно такъ же, какъ знаменитая аппіева дорога, пролегавшая черезъ Помпею до Пестума.

Помпейскія улицы чрезвычайно-узки, однàкожь, не ỳже существующихъ и нынѣ на югѣ, особливо въ провинціальныхъ городахъ; но мелкость частныхъ римскихъ зданій васъ поражаетъ.

Эти низенькіе, лишенные всякихъ архитектоническихъ украшеній фасады наружностью своею напоминаютъ скромныя жилища поселянина, или винограларя, какія мы видимъ въ окрестностяхъ Помпеи. Тѣ изъ помпейскихъ улицъ, гдѣ нѣтъ храмовъ, ни общественныхъ зданій, представляются вамъ двумя линіями кирпичныхъ, отчасти обрушенныхъ стѣнъ, безъ оконъ, но со множествомъ большихъ и малыхъ дверныхъ отверстій. Мѣстами, это однообразіе нарушается колоннами атріума или дворика; но бòльшею-частью и атріумъ скрывается за рядами мелкихъ лавокъ.

Digitized by Google

Весьма-немногія зданія сложены изъ туфа, или изъ лавы; повсюду вы видите одинъ кирпичъ; отъ стюковой и даже отъ мраморной обшивки стѣнъ осталось немного слѣдовъ. Колонны тоже всѣ почти сложены изъ кирпича и покрыты твердымъ и блестящимъ стюкомъ.

Но мостовая во всѣхъ помпейскихъ улицахъ монументальна. Эти широкіе, неправильные многоугольники волканическаго камня, отесанные довольно-гладко, сплочены между собою весьма-искусно и скрѣплены мѣдными шипами. Всѣ улицы по обѣ стороны окаймлены довольно-высокими троттуарами, которые тоже сложены изъ камня, въ видѣ грубой мозаики; подъ троттуарами устроены водосточные жолоба. Вообще, древніе заботились о чистотѣ, очевидно, болѣе, чѣмъ нынѣшніе неаполитанцы. Во многихъ мѣстахъ, особенно на перекресткахъ, посреди улицы утвержденъ широкій овальный камень, одинаковой высоты съ троттуарами, для удобства пѣшеходовъ во время ливней, которые на югѣ мгновенно превращаютъ улицы въ ложа потоковъ. Въ промежуткахъ между этими камнями и троттуарами, оставленныхъ для проѣзда колесъ, римскія колеса изрыли глубокія колеи. Въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ я видѣлъ колеи почти въ полфута глубиною! Чѣмъ объяснить эту неисправность общественнаго пути — бѣдностью, или безпечностью? Но извѣстно, что Помпея была обогащена торговлей. Самыя эти колеи свидѣтельствуютъ о значительномъ движеніи. Непонятно только: какимъ средствомъ разъѣзжались встрѣтившіяся колесницы, потому-что два экипажа рядомъ могли свободно двигаться едва-ли не въ двухъ или трехъ улицахъ, ведущихъ къ форуму и къ амфитеатру.

На перекресткахъ вездѣ почти видны остатки фонтановъ, нелишенные изящныхъ орнаментовъ. Эти водоемы и углы домовъ защищены отъ колесъ тумбами. Мѣстами, на углахъ вниманіе ваше привлечетъ жертвенникъ ларъ, или намалеванное изображеніе какого-нибудь миѳологическаго божества — покровителя улицы.

Надъ входомъ въ нѣкоторые домы вы видите каменную доску съ именемъ владѣльца, или изваянную изъ камня эмблему какого-нибудь искусства, или ремесла.

Многія стѣны, преимущественно на углахъ домовъ, исписаны алой и черной краской. Съ любопытствомъ разбиралъ я эти письмена, но рѣдко съ успѣхомъ, потому-что многія древне-римскія каракули имѣютъ сходство съ арабскими. Частью это извѣщенія отъ городскаго правленія, частью афиши цирка, объявленія о квартирахъ, продажѣ. Случаются также привѣтствія сильнымъ, челобитныя къ покровителямъ и даже язвительныя эпиграммы на враговъ.

Digitized by Google

Многія изъ этихъ надписей, снятыя вмѣстѣ съ штукатуркой, уже перенесены въ музеумъ, такъ-какъ на открытомъ воздухѣ онѣ быстро стираются.

Войдемте въ одно изъ этихъ античныхъ жилищъ. Дружеское «Salve», изображенное мозаикой на порогѣ, привѣтствуетъ гостя, хотя хозяина ужь нѣтъ въ-продолженіе многихъ столѣтій... Въ этомъ привѣтствіи есть что-то трогательное. Вотъ дворикъ, обставленный колоннами; но дорическій стиль здѣсь далекъ отъ своей первобытной простоты. Нижняя половина стержня окрашена темнокрасною, верхняя — бѣлою краской. Цвѣтистыя фрески, изящные арабески придаютъ комнатамъ улыбающійся характеръ. Стѣны раздѣлены на большіе параллелограмы алаго, лазуреваго, желтаго цвѣтовъ. На нашъ вкусъ, эти краски слишкомъ-рѣзки; но глазъ южнаго человѣка привычнѣе къ яркимъ тонамъ, и потому тутъ мы не судьи. Фигуры и вообще стѣнныя картины обыкновенно занимаютъ небольшое пространство посрединѣ стѣны. Страсть къ расписыванью и раскрашиванью простиралась въ Помпеѣ такъ далеко, что кисть маляра не пощадила даже многихъ мраморныхъ капителей.

Помпейскіе домы, точно такъ же, какъ и геркуланскіе, чрезвычайно-малы, большею-частью одноэтажные, по-крайней-мѣрѣ отъ втораго этажа рѣдко гдѣ остались слѣды; но комнаты, хотя и украшены съ бо̀льшимъ вкусомъ, совершенно противорѣчатъ нашимъ понятіямъ о домашнихъ удобствахъ: уютность этихъ уголковъ можно назвать тѣснотою. Вообразите комнатки отъ двухъ до четырехъ шаговъ шириною и отъ четырехъ до восьми шаговъ длиною: онѣ темны и рѣдко имѣютъ сообщеніе одна съ другою; свѣтъ проникалъ въ нихъ единственно въ дверь, выходящую на маленькій дворикъ, атріумъ. Расположеніе этихъ частей античныхъ домовъ отчасти сохранилось въ старинныхъ итальянскихъ монастыряхъ. Эти сумрачныя комнатки, конечно, сохраняли прохладу и примѣнены къ климату. Въ нихъ были спальни: во многихъ остались широкія каменныя эстрады, на которыхъ стлались постели. Зато не знаю ничего прелестнѣе античнаго перистиля — этого изящнаго дворика, обнесеннаго рядами легкихъ колоннъ, или, лучше сказать, безплафонной залы, гдѣ собирались бесѣдующіе. Прохладный помостъ изъ мраморной мозаики, фонтанъ, падающій въ мраморную чашу, цвѣты, благоухающіе въ вазахъ, между колоннами, и надъ изящнымъ карнизомъ портика роскошная лазурь неба Великой Греціи — при всей этой обстановкѣ перистиль былъ убѣжищемъ поэтическимъ.

Древніе обитатели этой очаровательной страны точно такъ же, какъ и нынѣшніе ихъ потомки, бо̀льшую часть жизни проводили на открытомъ воздухѣ, работали, бесѣдовали на улицахъ, сходились подъ портя-

Digitized by Google

ками форума, въ театрахъ, въ публичныхъ термахъ. Жилища ихъ строились съ тою же цѣлью, какъ у птицъ вьются гнѣзда — это убѣжища для покоя и прохлады.

Женская половина примыкала къ садику, какъ на Востокѣ: это былъ дворикъ съ цвѣтникомъ и небольшимъ бассейномъ. Съ одной стороны его перистиля былъ покой для пріема пріятелей, съ другой — триклиніумъ — столовая, нерѣдко имѣвшая подвижную крышу, которая закрывалась въ ненастье. Въ знойные дни крыша замѣнялась пологомъ, или наметомъ изъ виноградныхъ листьевъ. Столъ и сѣдалища были, напротивъ, неподвижные, мраморные, покрывавшіеся подушками. Необширность античной столовой и широкіе размѣры сѣдалищъ, на которыхъ древніе за трапезой возлежали, доказываютъ, что они не жаловали многолюдныхъ обѣдовъ. Собесѣдники, очевидно, были избранные, по древней поговоркѣ: «не менѣе числа Грацій, не болѣе числа Музъ».

Едва-ли не въ каждомъ домѣ существовало святилище, sacrarium, гдѣ хранилась статуйка какого-нибудь избраннаго божка.

Ларамъ отводилась нишь въ атріумѣ, и на картинахъ изображены были жертвы, принесенныя домашнимъ богамъ.

Несмотря на роскошь публичныхъ бань, многіе зажиточные помпейцы имѣли въ своемъ домѣ маленькое, но изящное помѣщеніе для ванны, въ которой освѣжались, окруженные улыбающимися фресками.

Камины были извѣстны, но, повидимому, парѳенопейская зима въ нихъ не нуждалась, потому-что до-сихъ-поръ въ Помпеѣ отрыто не болѣе трехъ каминовъ. Кухня, погреба для храненія винъ, кладовыя провизіи и зерноваго хлѣба, помѣщались обыкновенно въ подземельяхъ, сухихъ и довольно-свѣтлыхъ, или нѣсколько удалялись отъ жилыхъ зданій. Воротъ въ домахъ не имѣется, да и какой экипажъ могъ бы проникнуть въ эти дворики шаговъ въ десятокъ длины и шаговъ семь ширины?

Гуляя по мертвымъ улицамъ Помпеи, заходя въ десятки жилищъ, вы почти изъ-за каждой полуобрушившейся стѣны видите дымящійся конусъ Везувія, и эта картина увлекаетъ ваши мысли къ прошедшему... Римляне любили этотъ роскошный берегъ и застраивали его виллами. Везувія никто не опасался. Во времена Августа, Везувій почитался волканомъ погасшимъ. Преданія о его изверженіяхъ относились къ разряду баснословныхъ сказаній; притомъ, волканъ удаленъ отъ Помпеи на пять миль — кто бы могъ думать тогда, что плугъ земледѣльца пройдетъ высоко надъ крышами Помпеи? Кто бы повѣрилъ, что городъ будетъ засыпанъ волканомъ и снова явится на свѣтъ со всѣми своими античными сокровищами?

Digitized by Google

И я теперь стою спокойно на мѣстѣ страшной катастрофы 79-го года. Кругомъ меня тишина невозмутимая; только птички щебечутъ, прилетая въ свои гнѣзда, свитыя на полуразрушившихся фризахъ; солнечные лучи заглядываютъ въ покои, лишенные плафоновъ, и золотятъ античную живопись и мозаики. Бархатистая голубизна неба ясна и прозрачна; виноградники съ зрѣющими гроздьями зеленѣютъ на холмахъ, подъ которыми еще похоронены другія жилища, невидавшія свѣта впродолженіе семнадцати столѣтій. Теплый вѣтерокъ затронетъ лиственыя гирлянды и опять отдыхаетъ. Везувій, одѣтый въ серебристо-голубую дымку, величественный и безмятежный, покоится въ недальнемъ разстояніи...

Но все это кажется обольстительнымъ сновидѣніемъ. Ужасы прошедшаго представляются мнѣ дѣйствительностью гораздо-болѣе, чѣмъ мирная, улыбающаяся сцена настоящаго.

Долгое время Помпея, послѣ своей катастрофы, была забыта. Воспоминаніе о ней сохранялось у однихъ историковъ; однако вершины нѣкоторыхъ изъ ея публичныхъ зданій, антаблементъ ея амфитеатра никогда не были вполнѣ скрыты подъ волканической массой, и у окрестныхъ жителей сохранялось преданіе о подземномъ городѣ. Искатели кладовъ, въ средніе вѣка, вѣроятно, не мало трудились надъ разработкою этой богатой почвы. Античныя медали, монеты, бронзовыя фигурки и глиняныя вазы составляли здѣсь предметы торговли съ незапамятныхъ временъ.

Нельзя также предположить, чтобъ многіе древніе жители Помпеи, послѣ катастрофы, не возвращались на родное пепелище и не пытались, хотя, безъ-сомнѣнія, часто безуспѣшно, отъискивать свою собственность, проникнуть въ зарытыя жилища.

При новѣйшихъ разрытіяхъ, нерѣдко находили слои пепла перемѣшанными, и подъ ними слѣды разрушенія, которое никакъ нельзя приписать Везувію. Случалось, заступы останавливались на желѣзномъ ящикѣ. Зрители съ любопытствомъ ожидали увидѣть какія-нибудь античныя сокровища — ничего не бывало: ящикъ былъ давно взломанъ съ другой стороны и опорожненъ, можетъ-быть, самимъ владѣльцемъ, а можетъ-быть, и счастливыми искателями кладовъ. Случались сцены даже комическія. Когда откапывалось какое-нибудь зданіе, гдѣ предполагалась богатая добыча, то дилеттантамъ археологіи разсылались приглашенія. Толпа любопытныхъ спѣшила въ Помпею поглядѣть, какъ

Digitized by Google

античные домы выходятъ на свѣтъ, съ своими картинами, съ богами и со всѣми мелочами жизни, въ томъ самомъ видѣ, какъ они были оставлены за восемнадцать столѣтій; но, какъ изумлены были антикварія, когда изъ нижнихъ слоевъ пепла выкапывались свѣжія апельсинныя корки!

Сѣроватая масса, покрывающая Помпею на пять аршинъ съ половиною, состоитъ изъ волканическаго пепла и мелкихъ кусковъ пемзы (lapilli), которые лежатъ семью слоями различной толщины; восьмой слой, самый верхній, составляетъ чистая земля, которой толща измѣняется отъ восьми вершковъ до полутора аршина. Верхи зданій прикрыты однимъ этимъ слоемъ, и на немъ-то разведены виноградники и плантаціи масличныхъ деревьевъ. По-счастью, на этой наносной почвѣ не расположилось никакое селеніе и не затруднило раскапываній античнаго города, какъ это случилось съ Геркуланомъ, на великолѣпный театръ, на изящные портики котораго нагромоздились невзрачные домишки Резины и Портичи.

Остатки обугленныхъ веществъ, выгорѣвшія двери и балки, мѣстами растопленное стекло, живопись, измѣнившаяся въ цвѣтѣ, очевидно, дѣйствіемъ огня — все это доказываетъ, что на Помпею сначала сыпались раскаленныя вещества и что дожди, или можетъ-быть вода, изверженная самимъ волканомъ, затопили улицы, когда онѣ ужь были покрыты слоемъ пепла и каменьевъ. Вотъ почему часто надъ этими слоями, на различныхъ высотахъ, находятъ скелеты въ положеніи существъ, увлекаемыхъ потоками. Въ этой волканической массѣ, бывшей въ жидкомъ состояніи, неслись со всѣхъ сторонъ вазы, лампы, монеты — все, что̀ было потеряно бѣгущими. Волканическое тѣсто, образовавшееся изъ пепла и воды, легко проникало во внутренность домовъ и покрывало собою всѣ предметы такъ, что даже самая ломкая домашняя утварь не была раздавлена паденіемъ плафоновъ и верхнихъ этажей [1]. Мѣстами на мостовой отрывались камни волканическаго свойства, въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ, и возлѣ нихъ — раздробленные черепы.

Домъ Фавна — одинъ изъ роскошнѣйшихъ домовъ въ Помпеѣ. Кто былъ его владѣльцемъ? Счастливо-развитой богачъ, или энтузіастъ-художникъ, во всякомъ случаѣ, это былъ страстный поклонникъ искус-

---

[1] Свѣдѣнія, сообщенныя автору извѣстнымъ археологомъ, директоромъ Помпеи, г. Бонуччи.

Digitized by Google

ства. Тонкій вкусъ хозяина проявляется въ каждомъ архитектоническомъ обломкѣ, попираемомъ вашей ногою. По широкимъ ступенямъ вы входите въ просторный атріумъ, котораго стѣны блещутъ цвѣтистою живописью; вы шагаете по полу изъ красной яшмы, агата и восточнаго алебастра ; бассейнъ посереди атріума былъ украшенъ бронзовой статуей Фавна, который сообщилъ названіе дому. Обширное мѣсто, гдѣ былъ, вѣроятно, садъ съ фонтаномъ, бившимъ въ просторную чашу, обставленъ двадцатью-четырьмя іоническими колоннами; между ними красовались статуи или маленькіе алтари божковъ-пенатовъ; пара бронзовыхъ треножниковъ дымилась здѣсь въ честь Ѳеба, Конкордіи и Грацій, которыхъ обломки найдены были подъ пепломъ. Отдыхая подъ тѣнью этого изящнаго перистиля, я не могъ наглядѣться на это чудное небо, синѣвшее между разрозненными колоннами, и на картину Везувія, курившагося въ отдаленіи. Въ этомъ роскошномъ домѣ все оставалось впродолженіе семнадцати вѣковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было въ минуту катастрофы. Бронзовая, стеклянная, серебряная утварь лежала въ изобиліи на мраморныхъ столахъ. Почти во всѣхъ этихъ комнатахъ полы были покрыты прекрасными мозаиками, на которыхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ изображены гирлянды цвѣтовъ и плодовъ, маски, купающіяся нимфы, цвѣтники съ фонтанами, музыкальные инструменты, нынѣ неизвѣстные, Вакхъ, верхомъ на пантерѣ и нѣкоторыя сцены изъ жизни боговъ.

Но вотъ античная гостиная, смежная съ перистилемъ, въ которой полъ блисталъ огромнѣйшей и прекраснѣйшей изъ всѣхъ мозаическихъ картинъ, найденныхъ въ Помпеѣ. Эта знаменитая мозаика представляетъ сцену битвы... Но археологи до-сихъ-поръ не разрѣшили обстоятельно — битва ли это грековъ съ персами, или римлянъ съ галлами, сраженіе ли это при Иссѣ, при Граникѣ или на поляхъ мараѳонскихъ, неизвѣстно, кто тутъ предводителями — Александръ Македонскій и Дарій Кодоманъ, или Цезарь, поражающій Птоломея?.. Археологи согласны только въ томъ, что это мастерская мозаичная копія съ мастерской античной картины и, стало-быть, замѣчательнѣйшее произведеніе древности, пощаженное временемъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ туристы могли любоваться этимъ мозаикомъ на мѣстѣ; но теперь и онъ перенесенъ въ Неаполь.

Въ этомъ полуразрушенномъ жилищѣ вы пожалѣете болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, о томъ, что картины и мозаики не оставлены здѣсь на своемъ мѣстѣ и такимъ-образомъ лишены настоящаго своего назначенія, какъ украшеніе различныхъ покоевъ, изъ которыхъ каждый составлялъ непремѣнно архитектурное цѣлое.

Digitized by Google

Съ любопытствомъ заходитъ путешественникъ въ помпейскія публичныя бани. Разумѣется, это не болѣе какъ миньятюра, въ-сравненіи съ громадными римскими термами Тита или Каракаллы; вмѣсто фасада, одноэтажное зданіе обставлено снаружи рядами мелкихъ лавокъ; но за ними скрываются камеры бань, отдѣланныя въ такомъ граціозномъ стилѣ, что археологи единодушно назвали эти бани женскими.

Изъ-подъ портика небольшаго двора я вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ была найдена кружка для сбора денегъ, отсюда въ залу, гдѣ посѣтительницы развязывали свой поясъ и, оставляя одежды въ углубленіяхъ, устроенныхъ по стѣнамъ, переходили по мозаичному полу въ прохладную баню, гдѣ опускались въ прозрачную раздушонную воду мраморнаго бассейна. Этотъ круглый бассейнъ, углубленный въ полу, окруженъ внутри двумя ступенями и могъ легко вмѣщать въ себѣ до пятнадцати человѣкъ. Для отдохновенія, купальщицы могли выходить изъ ванны въ одинъ изъ четырехъ алькововъ. Фризъ этой круглой залы украшенъ стюковыми арабесками. Своды въ баняхъ совершенно уцѣлѣли; на ихъ кессонахъ и розеткахъ сохранились слѣды алой и голубой красокъ.

Другая дверь изъ передбанника ведетъ въ теплую баню, гдѣ посѣтители поступали въ распоряженіе опытныхъ банщиковъ. Сводъ этой залы украшенъ лѣпными арабесками и барельефами. Легкій карнизъ поддерживается изящными маленькими каріатидами изъ обожженной глины, а въ промежуткахъ ихъ миньятюрныя ниши, гдѣ становились флаконы съ духами и благовонными маслами, для втираній, которыя играли значительную роль въ гигіенѣ древнихъ. Въ этой комнатѣ найдена бронзовая жаровня. Далѣе, вы переходите въ горячую или паровую баню, sudatorium, гдѣ, въ полукруглой нишѣ, струилась горячая вода въ каменную ванну. И здѣсь на карнизѣ сохранились прекрасныя стюковыя украшенія; на противоположной сторонѣ устроена въ полу обширная мраморная ванна, или, точнѣе, бассейнъ для горячей воды. Пары проводились сюда по желѣзнымъ трубамъ отъ трехъ бронзовыхъ котловъ изъ смежной камеры. Отсюда же печью нагрѣвался воздухъ въ пространствѣ между двойными стѣнами и двойнымъ каменнымъ поломъ, покрытымъ простой мозаикой.

Подобное же отдѣленіе бань существуетъ въ другой половинѣ этого зданія, съ тою разницей, что тамъ замѣтно отсутствіе украшеній. Археологи приписываютъ эти бани мужчинамъ, хотя ничѣмъ не доказано, чтобъ мужчины въ древности были менѣе склонны къ изяществу, чѣмъ женщины.

Римскія термы первоначально, во времена республики, имѣли весьма-

Digitized by Google

скромный характеръ. Древніе римляне купались въ волнахъ Тибра, безъ-сомнѣнія, чаще чѣмъ нынѣшніе; при-всемъ-томъ, омовенія теплой водой были крайне-необходимы при употребленіи шерстяныхъ одеждъ, которыми въ-древности замѣнялись даже и полотняныя. Съ упадкомъ суровыхъ республиканскихъ нравовъ, азіатская чувственность стала проникать въ Римъ. Публичныя термы украшались порфиромъ и мраморомъ, мозаичными картинами и греческими статуями. Цезари соперничали между собою въ роскоши этихъ построекъ. Стѣны въ баняхъ окроплялись благовоніями. Если вѣрить Плинію, женщины такъ щедро обливались духами, что запахомъ своимъ привлекали на себя вниманіе мужчинъ. Сабина Поппеа, знаменитая римская красавица временъ Нерона, оставила свои ванны въ исторіи. Когда она отправлялась изъ Рима въ Тиволи, или Баіи, всюду за ней слѣдовало стадо четырехсотъ ослицъ, необходимое для трехъ молочныхъ ваннъ, въ которыхъ кокетка купалась ежедневно.

Помпейскія бани, конечно, далеко не могли сравниться съ римскими: это бани провинціальнаго городка третьяго разряда; при-всемъ-томъ, кáкъ роскошны и изящны онѣ въ-сравненіи съ нашими столичными!

Когда я оставлялъ послѣднюю камеру, изъ глубины большой ванны поднялась женская фигура, предложившая мнѣ освѣжиться апельсинами. Нынѣшній сторожъ древнихъ бань явно покровительствовалъ этой предупредительности. На ступенькахъ ванны я увидѣлъ и плоды, и вино, назначавшіеся для освѣженія туристовъ.

Повидимому, помпейскія бани посѣщались ночью, потому-что въ термахъ найдена цѣлая куча (болѣе тысячи) глиняныхъ свѣтильниковъ; найдены также остатки выпуклыхъ стеколъ, которыми, вѣроятно, защищались лампы отъ паровъ. На нѣкоторыхъ лампахъ изображены граціи, на другихъ — эмблема тайны, въ видѣ купидона, съ указательнымъ пальцемъ, приложеннымъ ко рту. Впрочемъ, количество этихъ свѣтильниковъ, несоразмѣрное съ уютностью зданія, заставило предполагать, что они были тутъ сложены на продажу. Очень можетъ быть также, что лампы отдавались на подержаніе посѣтителямъ, уходившимъ изъ термъ въ темнотѣ ночи.

Теперь поведу я васъ на форумъ, въ самый важный и великолѣпный изъ помпейскихъ кварталовъ, гдѣ тѣснятся всѣ публичныя зданія, гдѣ вѣчно шумѣла толпа, спѣшившая на политическія и торговыя бесѣды подъ портиками, въ трибуналы, на религіозныя торжества, или на выборы. Улица, ведущая къ форуму, просторна и во всю длину окаймлена лавками, въ которыхъ найдены разнообразнѣйшіе товары, стеклянная посуда, глиняныя амфоры и вазы всевозможныхъ формъ, золотыя и се-

Digitized by Google

ребряныя женскія украшенія, бронза, статуэтки, даже золотой галунъ, сотканный, очевидно, не безъ содѣйствія машины.

Мы на форумѣ. Вотъ ряды полуобрушенныхъ колоннъ, остатки портиковъ, окружавшихъ съ трехъ сторонъ эту длинную и довольно-широкую площадь; вотъ и пьедесталы, на которыхъ стояли статуи знаменитыхъ гражданъ. Эти изящные портики исправлялись послѣ землетрясенія 63 года; мостовая покрывалась мраморными плитами; колонны, базы, капители лежали посереди форума; ваятель не успѣлъ имъ дать послѣднихъ ударовъ рѣзца.

На развалинахъ форума въ Римѣ вамъ указываютъ на остатки такого множества храмовъ, дворцовъ, базиликъ, портиковъ, что вы не можете сообразить, кàкъ умѣщались всѣ эти зданія на такомъ ограниченномъ пространствѣ. Въ Помпеѣ, гдѣ зданія на форумѣ сравнительно уцѣлѣли, вы видите планы всѣхъ этихъ построекъ. Здѣсь, на небольшомъ пространствѣ, возвышались храмъ Юпитера, Пантеонъ, храмъ Венеры, храмъ Августа, Квиринуса, Халцидикумъ и Базилика. Нѣсколько далѣе, видите комическій театръ, подлѣ него трагическій театръ, храмы Геркулеса, Эскулапа и Изиды. Всѣ эти зданія не громадны, но имѣютъ видъ величественный; они отдѣлены одно отъ другаго тѣсными проходами, но со стороны фасада всегда поражаютъ взоръ своей архитектоническою красотою. Въ соединеніи этихъ массъ, колоннадъ, портиковъ, фронтоновъ, древніе не придерживались строгаго симметрическаго порядка: врожденное глубокое чувство красоты руководило ими и въ архитектурѣ; гармоническое сочетаніе линій, изящное разнообразіе, они предпочитали холодной симметріи, которая такъ утомляетъ зрѣніе.

Близь арки, ведущей на форумъ, противъ юпитерова храма, видны развалины Пантеона, или храма, посвященнаго Августу и назначавшагося для общественныхъ торжествъ и пиршествъ. Между обломками колоннъ, жертвенниковъ и пьедесталовъ мы вошли въ пространный дворъ, котораго перистиль уже исчезъ. Стѣны были расписаны изображеніями животныхъ и съѣстныхъ припасовъ; тутъ были барашки, птицы, живыя и ощипанныя, рыбы, плоды, амфоры, роги изобилія, обвитые гирляндами и поддерживаемые геніями.

Справа, въ одиннадцати небольшихъ храминахъ пировали почетнѣйшіе изъ гражданъ. Впереди возвышается трибуна съ четырьмя нишами; въ одной изъ нихъ, вѣроятно, стояла статуя Августа, потому-что отъ нея найдена одна рука съ державой. Статуи Ливіи и маленькаго Друза перенесены отсюда въ музей.

Вотъ sacellum, нѣчто въ родѣ маленькой кумирни, съ мраморнымъ жертвенникомъ. На этихъ каменныхъ стойкахъ разрѣзàлись тѣла жертвъ,

Digitized by Google

раздаваемыхъ народу; кровь стекала въ жолобъ у подножія стоекъ, которыя были выкрашены алой краской. На стѣнахъ здѣсь живописныя изображенія птицъ, кабаньей головы, окорока. Въ рѣдкомъ помпейскомъ триклиніумѣ не было подобныхъ изображеній. Повидимому, Помпейцы цѣнили и гастрономическія наслажденія, и желудокъ ихъ былъ организованъ отнюдь не такъ, какъ у нынѣшнихъ неаполитанцевъ, извѣстныхъ вообще своею воздержностью.

Такъ-называемый треугольный форумъ представляетъ однѣ развалины. Сто колоннъ поддерживали его портики. Этотъ форумъ очевидно древнѣе перваго; быть-можетъ, по этой мостовой шагали еще Этруски. Храмъ Геркулеса лежитъ также въ развалинахъ посреди этой площади; это было едва-ли не древнѣйшее зданіе въ Помпеѣ; по остаткамъ видно, что оно было построено въ первобытномъ дорическомъ стилѣ, напоминающемъ храмы Пестума.

Отъ храмовъ форума меня повели къ театрамъ: одинъ называютъ трагическимъ, другой—комическимъ, или Одеонюмъ. Оба эти зданія сохранились въ такой степени, что можно было бы поставить на ихъ сцены любую трагедію Эврипида. Здѣсь я могъ изучить во всѣхъ подробностяхъ устройство древняго театра и понять всю красоту этого рода зданій. Планъ театра имѣетъ видъ правильнаго полукруга, прилегающаго діаметромъ къ параллелограму сцены. Залы нашихъ театровъ всегда удлиннены въ видѣ полуэллипсиса, для увеличенія числа ложъ, но въ ущербъ условіямъ акустики и сценической перспективы.

Всѣ уступы помпейскаго театра были покрыты бѣлымъ мраморомъ; но мраморъ сохранился только на нижнихъ его частяхъ. Нижніе пять уступовъ назначались для декуріоновъ, августаловъ и иныхъ почетныхъ лицъ; слѣдующіе двадцать уступовъ занимались народомъ и наконецъ четыре верхніе ряда — женщинами. У этого театра никогда не было инаго плафона, кромѣ неба; но бывали дни, и объ этомъ объявлялось въ афишахъ, когда театръ покрывался пологомъ, velarium, для защиты зрителей отъ солнца или дождя. Въ противномъ случаѣ античные дилеттанты защищались, какъ могли, своими плащами и широкополыми ѳессалійскими шляпами.

Сцена возвышена аршина на два; ширина ея до тридцати шаговъ, но глубина не болѣе десяти. Въ глубинѣ сцены каменный фронтисписъ съ нишами, гдѣ были статуи, и съ тремя дверьми: въ среднюю выходили герои, въ другія двѣ—второстепенныя лица. За сценой были комнаты, гдѣ одѣвались актёры и танцовщики. Справа и слѣва помѣщались машины для перемѣны декорацій, для поднятія героя на облака, или для превращенія его въ одно изъ божествъ Олимпа

Digitized by Google

Цѣна мѣстамъ въ древнихъ театрахъ, конечно, была общедоступная, какъ и нынѣ въ Италіи: за нѣсколько оболовъ можно было насладиться геніальнымъ произведеніемъ. Входящему выдавалась круглая костяная марка, на которой означался нумеръ мѣста и названіе пьесы и автора. На нѣкоторыхъ найденныхъ здѣсь маркахъ возвѣщалась трагедія Эсхила.

Малый театръ построенъ по образцу большаго, только въ меньшемъ размѣрѣ; эти два зданія отдѣлены одно отъ другаго единственно узкимъ коридоромъ. Малый театръ имѣлъ постоянную крышу: на верхнемъ уступѣ видны слѣды колоннъ, ее поддерживавшихъ; промежутки этихъ колоннъ, замѣнявшихъ окна, свободно пропускали въ театръ и свѣтъ и чистый воздухъ. Можетъ-статься также, что сцена иногда освѣщалась лампами. Сцена Одеона довольно-широка, но въ глубинѣ имѣетъ не болѣе семи аршинъ. Кромѣ комическихъ представленій и пантомимъ, здѣсь также бывали состязанія поэтическія и диспуты философскіе. Здѣсь же, вѣроятно, давались *ателланы*, сатирическія пьесы, или фарсы, изобрѣтенные въ этрускомъ городѣ, Ателла. Извѣстно, какъ падокъ былъ народъ римскій, особенно молодое поколѣніе, до такихъ зрѣлищъ, и часто ателланы бывали дотого язвительны и нескромны, что сенатъ находилъ нужнымъ останавливать представленія.

Сидя на верхнемъ уступѣ трагическаго театра, я не могъ налюбоваться обворожительнымъ мѣстоположеніемъ Помпеи. Подо мной тѣснились античныя зданія, безмолвныя, какъ гробницы; надъ полуобрушенными стѣнами и колоннами возвышались кипарисы, выросшіе на холмахъ пепла, которые еще не тронуты заступами и облегаютъ отрытую часть Помпеи; вдали синѣетъ море; справа, въ нѣкоторомъ отдаленіи, встаютъ голубоватыя и фіолетовыя массы горъ, удаляющихся цѣпью къ югу; слѣва подымается темносѣрый Везувій съ своимъ медленно-клубящимся дымомъ — вотъ декорація, достойная трагедіи Эсхила или Эврипида! Мнѣ кажется, она даже могла отвлекать вниманіе зрителя отъ сцены. Но не будь тутъ этой природы, не будь этого солнца, этого прозрачнаго воздуха, развалины Помпеи, обобранной, опустошенной, были бы печальнѣе всякихъ другихъ развалинъ. Ни одного дома, ни одного храма нѣтъ цѣлаго, нигдѣ нѣтъ ни крыши, ни плафона: повсюду линіи полуобрушенныхъ кирпичныхъ стѣнъ, ряды полуразбитыхъ пилястръ, пьедесталы, лишенные статуй, колонны, лишенныя капителей, потому-что все, что было украшеніемъ этихъ храмовъ, публичныхъ и частныхъ зданій и площадей, перенесено въ неаполитанскій музей: унесены отсюда не только статуи, жертвенники, вазы и вся найденная утварь, не только мозаики, снятыя съ половъ, и живопись, снятая со стѣнъ вмѣстѣ со штукатуркою, но и многія архитектоническія украшенія, даже надписи,

Digitized by Google

Въ рѣдкомъ домѣ вы еще находите мозаичный полъ или встрѣтите на стѣнѣ какое-нибудь живописное изображеніе. Колоритъ ихъ видимо блекнетъ, несмотря на то, что почти каждая оставшаяся здѣсь картинка защищена стекломъ въ грубой деревянной рамкѣ, и открывается только проводниками.

И такъ, посреди этихъ обнаженныхъ стѣнъ, нѣтъ никакой возможности вполнѣ возсоздать картину городской и домашней жизни древнихъ; лучшая часть Помпея хранится нынѣ въ неаполитанскомъ музеумѣ; стало-быть, необходимо ознакомиться со всѣми его сокровищами.

Жаръ становился нестерпимѣе. Въ Помпеѣ все одни камни; и когда они раскалены лѣтнимъ солнцемъ, прогулка по античнымъ улицамъ — сущая пытка. Низкія, полуобрушенныя стѣны одноэтажныхъ домовъ бросаютъ прохожему весьма-скудную тѣнь. Можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ, посреди этихъ камней, я встрѣтилъ группы персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ; они зеленѣютъ на довольно-обширной площади, обнесенной портиками, отъ которыхъ остались длинные фронты дорическихъ колоннъ, окрашенныхъ алымъ цвѣтомъ. Это мѣсто, какъ и многія другія мѣста Помпеи, остается предметомъ спора у археологовъ: одни называютъ его казармой, другіе—рынкомъ, Forum nundinarium. Въ зданіи, его окружающемъ, одна просторная зала, одна кухня и, кромѣ того, длинная цѣпь мелкихъ каморокъ. Здѣсь найдены военные доспѣхи и оружіе, мѣдная труба, шесть флейтъ изъ слоновой кости и великолѣпная каска, на которой изображено разореніе Трои. Вѣроятно, эта каска принадлежала центуріону; но самого центуріона не распознали между тридцатью-шестью найденными здѣсь скелетами. Въ тѣсныхъ норахъ, очевидно, темницахъ, отрыты четыре скелета съ оковами на ногахъ. Были-ли это преступники, или военноплѣнные — неизвѣстно.

У входа въ зданіе нашли кости коня, опутанныя богатой сбруей. Даже нелѣпые эскизы, которые досужая рука чертила гвоздемъ, или мѣломъ, на стѣнахъ подъ портиками, остались неприкосновенными на удивленіе потомству и, по своей древности, заслужили едва не академическія почести.

Въ этой казармѣ нынче помѣщаются швейцарцы, охраняющіе мертвый городъ. Они варятъ себѣ макароны въ античной кухнѣ, и на мѣсто пенатовъ и ларъ поставили изображеніе Мадонны.

Утомленный прогулкою, я искалъ тѣни. Мнѣ указали маленькій шалашъ, сплетенный изъ масличныхъ сучьевъ, густо-перевитыхъ вино-

Digitized by Google

градникомъ. Сѣдалищемъ моимъ была опрокинутая коринѳская капитель, столомъ — полуразбитый мраморный жертвенникъ, на которомъ, безъ моего спроса, появилась широкобедрая фольетта краснаго вина, а для закуски отдано было въ мое распоряженіе деревцо, увѣшанное зарумянившимися персиками. И вино и бархатистые плоды пришлись кстати: я освѣжился и сталъ бесѣдовать съ швейцарцами. Ветераны, которымъ поручено охранять Помпею, повидимому страшно скучаютъ посреди классическихъ камней: эти люди не видятъ въ развалинахъ ничего, кромѣ нѣмыхъ камней. Единственнымъ развлеченіемъ служитъ имъ взиманіе прямыхъ и косвенныхъ податей съ поэтическаго и антикварскаго наслажденія путешественниковъ. При угощеніи виномъ, ветераны норовятъ освѣжиться вмѣстѣ съ вами и непрочь поболтать. Многіе изъ нихъ готовы изъясняться пофранцузски, понѣмецки, поитальянски; даже, для бòльшей вразумительности, вдругъ на всѣхъ трехъ языкахъ. Безпрерывное столкновеніе съ иностранцами усвоило этимъ швейцарцамъ родъ внѣшняго космополитизма, и прежде всего, изъ трехъ языковъ произвели они самую неблагозвучную смѣсь.

Помпейскіе сторожа всѣ, болѣе или менѣе, становятся по-неволѣ антикваріями; однако розсказни ихъ о римской жизни надо принимать не безъ критической разборчивости.

Когда я достаточно освѣжился персиками и виномъ, когда вдоволь наслушался всевозможныхъ хроникъ 79-го года и былъ посвященъ во всѣ сплетни и домашнія тайны помпейцевъ, меня повели къ амфитеатру, построенному на восточной оконечности города. Узкая аллея къ нему извивается въ виноградникахъ, разведенныхъ на холмахъ, подъ которыми скрывается неотрытая часть Помпеи.

Наружность помпейскаго амфитеатра, съ своими двумя ярусами аркадъ, не поражаетъ васъ ни громадностью, ни красотой наружной архитектуры, хотя этотъ амфитеатръ сохранился лучше всѣхъ этого рода древнихъ построекъ. Зданіе попорчено только снаружи, особенно потерпѣли верхнія его части, потому-что они никогда не были вполнѣ засыпаны пепломъ; верхніе уступы, впродолженіе многихъ вѣковъ, выставлялись изъ-подъ слоевъ волканической золы и наносовъ земли, когда о Помпеѣ еще не было и помина.

Несмотря на свою цѣлость, этотъ амфитеатръ, съ своими двумя ярусами аркадъ, далеко не можетъ сравниться съ полуразрушенною громадою Колизея.

Но когда, по тѣсному проходу, по которому выходили гладіаторы, я вышелъ на арену, внутренность амфитеатра поразила меня своею огромностью и красотою: я не ожидалъ увидѣть такое множество эллипти-

Digitized by Google

ческихъ уступовъ, не зная, что арена значительно углублена въ землю. На многихъ, преимущественно на нижнихъ, уступахъ сохранилась обшивка изъ бѣлаго мрамора.

На этихъ тридцати каменныхъ скамьяхъ свободно помѣщалось до двадцати тысячъ зрителей. Для Помпеи, гдѣ было не болѣе тридцати или сорока тысячъ жителей, такой амфитеатръ, конечно, слишкомъ-великъ; но извѣстно, что зрѣлища привлекали сюда множество народа изъ сосѣднихъ городовъ, которые въ-древности тѣснились на этомъ берегу еще болѣе, чѣмъ въ наше время.

Чичероне мой, рядовой швейцарской гвардіи, оказался глубокимъ антикваріемъ. Онъ водилъ меня по внутреннимъ галереямъ и по уступамъ амфитеатра, объясняя мнѣ расположеніе зданія, какъ-будто самъ онъ, не далѣе какъ на дняхъ, былъ свидѣтелемъ боя гладіаторовъ. «Вотъ эти, говорилъ онъ, ближайшіе къ аренѣ уступы назначались для правительственныхъ лицъ, для жрецовъ и весталокъ; выше, рядовъ двѣнадцать, занимались патриціями и зажиточнымъ купечествомъ; надъ ними сидѣли прочіе граждане; наконецъ, высшіе уступы отдавались исключительно плебеямъ.» Мѣсто каждаго зрителя было означено линіями и нумеромъ, начертанными красной краской. Въ верхней части амфитеатра, подъ крытой галереей существуютъ какъ-будто ложи, какихъ не замѣчено въ другихъ амфитеатрахъ. Мой чичероне не сомнѣвается, что тутъ были мѣста для прекраснаго пола.

Съ тою же самоувѣренностью онъ указалъ три узкіе прохода на арену: первый для гладіаторовъ, другой для дикихъ звѣрей, третій — куда уносились тѣла, умерщвленныя на потѣху зрителей. Кромѣ немногихъ человѣческихъ скелетовъ, въ одной изъ подземныхъ камеръ амфитеатра отрытъ львиный остовъ. Проводникъ показалъ мнѣ даже небольшой триклиніумъ, гдѣ гладіаторамъ, передъ смертью, давалась обильная трапеза.

Между-тѣмъ, какъ я отдыхалъ на одномъ изъ широкихъ уступовъ амфитеатра, и воображеніе мое, съ помощью воспоминаній Плинія, Витрувія и Ювенала, возсоздавало античные бои, выводило на арену тигровъ и пантеръ, превращая сцену на одно представленіе въ паркъ, засаженный подлинными кустарниками и деревьями, или въ озеро, гдѣ плавали крокодилъ и гиппопотамъ... партія британскихъ туристовъ, отъискавшая, съ помощью своего чичероне, консульское мѣсто, и усадившая своихъ дамъ въ ложу весталокъ, потребовала зрѣлища, болѣе-существеннаго.

На арену вышли двѣ простыя неаполитанскія женщины; одна изъ нихъ была ужь въ лѣтахъ; но здѣсь и старухи рѣдко отказываются отъ пляски, а небольшая серебряная монета даже превращаетъ ихъ въ неистовыхъ танцовщицъ; другая привлекала не столько красотой профиля,

Digitized by Google

сколько пылом молодости, который проявлялся въ малѣйшемъ ея движеніи. Грубая матерія синей юбки не таила роскошныхъ формъ сельской танцовщицы и обрисовывала ихъ въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ. Къ нимъ присоединилась пара мужчинъ въ алыхъ колпакахъ и вообще въ легкомъ костюмѣ неаполитанскаго рыбака: руки у нихъ обнажены выше локтя, ноги обнажены выше колѣна. Дѣвушка ударила въ тамбуринъ—и всѣ четверо съ жаромъ принялись выплясывать свою любимую національную сальтареллу.

Обѣ пары запрыгали съ изумительною быстротою. Пылкость крови видимо мѣшаетъ неаполитанцу строго подчиняться какой-нибудь хореграфической фигурѣ. Эта пляска казалась мнѣ болѣе импровизаціей: въ ней весьма-мало поэтическихъ позъ и страстной мимики; но всѣ эти, даже самыя неистовыя движенія, особенно колебаніе торса и наклоняющагося бюста, не лишены граціи.

Наконецъ, пляшущіе стремглавъ закружились другъ около друга... это вращательное движеніе доходило до восторженности... и вдругъ всѣ они разомъ остановились и держались неподвижно на лѣвой ногѣ, поднявъ правую ногу и правую руку, обращенную локтемъ къ партнёру. Эта поза встрѣчается на нѣкоторыхъ древнихъ фрескахъ и даже на этрускихъ вазахъ. Очень вѣроятно, что сальтарелла происходитъ по прямой линіи отъ античной пляски Великой Греціи.

Вечернія тѣни удлиннялись, когда мы проходили посреди густой, но молодой растительности, покрывающей неотрытую часть Помпеи. Достигнувъ пустынныхъ античныхъ улицъ, мы ужь не застали въ нихъ солнца; но отъ стѣнъ и отъ мостовой еще струился удушливый жаръ. Я хотѣлъ-было дождаться ночи и восхода луны, въ увѣренности, что помпейскія развалины значительно выиграютъ при ночномъ освѣщеніи; но проводники хоромъ объявили мнѣ, что Помпея на ночь закрывается, изъ опасенія не столько грабителей, сколько энтузіастовъ искусства и археологіи, которые не могутъ не отбить куска отъ нравящейся имъ статуи, колонны или карниза.

Возвращеніе въ Неаполь по желѣзной дорогѣ имѣетъ свою прелесть, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на-единѣ съ камнями, хотя и классическими. Въ вагонѣ, освѣщенномъ послѣдними лучами, собирается общество чрезвычайно-веселое и разнообразное. Туристы всѣхъ націй шумятъ тутъ болѣе, если только это возможно, чѣмъ самые туземцы. Даже британская флегма начинаетъ оттаявать подъ неаполитанскимъ небомъ. Въ вагонѣ я слышалъ въ одну и ту же минуту и лаконическіе возгласы художниковъ, и споръ о состояніи каллиграфіи у Осковъ и Самнитянъ, и беллиніевскіе мотивы, и хохотъ молоденькихъ женщинъ.

Digitized by Google

и тутъ же, подлѣ меня, серьёзный доминиканецъ прослушивалъ по книжкѣ теологическій урокъ у семинариста, который твердилъ свою латинь вслухъ, на дорогѣ отъ Помпеи до Портичи, не развлекаясь ни шумомъ поѣзда, ни красотами окружающей сцены.

Между-тѣмъ солнце погрузилось въ море, багровый огонь Везувія засверкалъ явственнѣе въ голубомъ сумракѣ, и мы, съ пѣснями и смѣхомъ, въѣзжаемъ въ Неаполь, щедро осыпанный газовыми огнями.

II.

Неаполитанскій Музеумъ.

(Palazzo degli Studj).

На другой день пестрая, шумливая, но живописная толпа неаполитанскихъ улицъ была еще занята утренними закупками; продавцы молока бѣгали съ своими козами и доили ихъ передъ каждымъ домомъ, а я ужь поднимался вверхъ по Толедской Улицѣ, къ площади delle Pigne, спѣша въ неаполитанскій музеумъ, въ своемъ родѣ единственный въ цѣломъ мірѣ. Римъ и Флоренція богаче его образцами древней пластики и христіанской живописи; но въ Неаполѣ собраны художественныя и археологическія сокровища, отрытыя изъ-подъ пепла Помпеи, Стабіи, изъ лавы Геркуланума и также найденныя въ развалинахъ древнихъ городовъ, Пестума, Нучеріи, Минтурна, Байи, Путеоли и другихъ. Тысячи предметовъ знакомятъ насъ здѣсь съ домашнею жизнью древнихъ, вводятъ насъ въ античное хозяйство и въ тайники капищъ, въ студіи художника и въ мастерскую ремесленника; здѣсь, наконецъ, и античная живопись перестаетъ быть для насъ миѳомъ.

Неаполитанскій музеумъ — это цѣлый міръ, оригинальный міръ римской цивилизаціи, для описанія котораго потребовались бы десятки томовъ (1), для подробнаго изученія котораго необходимы годы.

Громадное зданіе музеума построено въ простомъ, но благородномъ стилѣ, приличномъ наукѣ. Прежде здѣсь помѣщался университетъ, но и до-сихъ-поръ за зданіемъ осталось прекрасное названіе Palazzo degli Studj.

---

(1) Отсылаемъ любознательныхъ читателей къ безконечному, но прекрасному изданію, которое является въ Неаполѣ, подъ названіемъ : Real Museo Borbonico.

Digitized by Google

Войдемте подъ портикъ великолѣпныхъ сѣней, въ глубинѣ которыхъ подымается лѣстница, украшенная бюстами. Здѣсь васъ встрѣчаетъ конная статуя Фердинанда I-го, котораго Канова облачилъ въ шлемъ и латы Минервы. Дворъ, смежный съ галереей, также наполненъ обломками античныхъ статуй и колоннъ, гробницъ и архитектурныхъ фрагментовъ; на все это вы взглянете мелькомъ, потому-что хранители помпейскихъ сокровищъ, стоящіе у дверей справа и слѣва, точно купцы у магазиновъ, настоятельно приглашаютъ васъ каждый въ свое отдѣленіе.

Болѣе двухъ тысячъ произведеній античной живописи, снятыя вмѣстѣ съ штукатуркой съ помпейскихъ стѣнъ, перенесены сюда безъ малѣйшихъ поврежденій. Эти драгоцѣнные, особенно потому, что единственные — образцы римскаго искусства, устранены такимъ-образомъ отъ разрушительнаго дѣйствія дождя и вѣтра, солнца и росы; хотя, конечно, разлученныя со стѣной, которой служили декораціей, и собранныя здѣсь, эти картины по-необходимости утратили нѣкоторую часть своего значенія. Притомъ вліяніе воздуха на краски неустранимо. Фрески, восемнадцать столѣтій таившіеся подъ волканической золой, сохранились изумительно, и отрытые являются во всей своей первобытной свѣжести; но съ этого же мгновенія начинаютъ видимо блекнуть.

Вы вступаете въ область нимфъ, сатировъ, крылатыхъ геніевъ, центавровъ, вакханокъ, боговъ и героевъ языческаго міра. Самыя небрежныя, слегка-очерченныя изъ этихъ изображеній замѣтно проникнуты пластическимъ духомъ древнихъ. И въ эскизахъ домашняго быта, и въ историческихъ сценахъ, въ картинахъ миѳологическихъ, гдѣ преобладаетъ поэтическая мысль—повсюду встрѣчаются фигуры, плѣняющія васъ тою же граціею нагихъ формъ и драпировки, какія мы привыкли видѣть въ античныхъ статуяхъ. Но все это отнюдь не полное выраженіе живописи у древнихъ. Если нужны сравненія, то въ созданіяхъ помпейской кисти можно найдти аналогію съ произведеніями нашей плафонной живописи.

Кромѣ картинъ миѳологическаго содержанія, которыя, за немногими исключеніями, представляютъ извѣстнѣйшіе типы и сцены, въ Помпеѣ найдено не мало изображеній вседневной жизни древнихъ.

Помпейскіе живописцы съ очевиднымъ предпочтеніемъ и, надо признаться, съ поразительною истиною, изображали также плоды, птицъ и звѣрей. Античная кисть не чуждалась даже изображенія кухонныхъ припасовъ, въ голландскомъ родѣ: вотъ блюда съ дичью, съ рыбой, съ плодами и раками; вотъ ваза, полная вишенъ; вотъ раковины и м... рены — лакомства римской знати; особенно натуральны серебр... отливы чешуи этихъ рыбъ; вотъ павлинъ, пеликанъ, газели, с...

играющій съ своими дѣтенышами, попугай, впряженный въ маленькую колесницу и управляемый стрекозою; вотъ кошка, заѣвшая куропатку, заяцъ, лакомящійся виноградомъ. Вообще звѣри изображены съ большимъ знаніемъ натуры, а часто даже съ примѣсью юмористическаго, или фантастическаго свойства, которое бы могло быть изобрѣтено только романтической фантазіей. Полагаютъ даже, что это политическая каррикатура. А что каррикатура тогда ужь существовала, доказательствомъ тому—сцена уморительнѣйшихъ карликовъ, и Эней, несущій Анхиза, которые оба съ собачьими головами.

Особенно понравилась мнѣ одна картина, исполненная настоящаго анакреонтическаго юмора: это—граціозное изображеніе торговки, продающей божковъ любви. Одного крошечнаго амура она ужь вынула изъ своей клѣтки, держитъ бѣдняжку за крылышки и выхваляетъ его двумъ молодымъ красоткамъ. Амурчикъ простираетъ къ нимъ ручки : ему очевидно хочется быть купленнымъ; однако дѣвушки еще не рѣшаются приступить къ страстному торгу, хотя по всему замѣтно, что онѣ готовы на всякую издержку и не уйдутъ домой, не унеся крылатаго божка съ собою.

Не менѣе интересны и слѣдующія картины : Мальчикъ, пугающій своихъ товарищей огромной и безобразнѣйшей маской; купидоны, дразнящіе козу : одинъ вцѣпился ей въ бороду, другой хочетъ утолить свою жажду ея молокомъ; крокодилъ, готовый пожрать осла, котораго хозяинъ оттаскиваетъ за хвостъ.

Но вотъ мы посреди самыхъ обыкновенныхъ сценъ будничной жизни древнихъ Римлянъ. Слѣпецъ, сопровождаемый своей собачкой, приближается къ двумъ женщинамъ, готовымъ надѣлить его изъ полной корзинки; мѣдникъ куетъ молотомъ котелъ; ребятишки играютъ въ жмурки; женщины торгуютъ кусокъ сукна; башмачникъ предлагаетъ одной изъ четырехъ, сидящихъ на скамьѣ женщинъ, пару сандалій; далѣе, вы видите, кàкъ древніе люди пьютъ вино и закусываютъ пирогомъ, или хлѣбомъ; вотъ мастерская ваятеля, а вотъ и школа: передъ бородатымъ педагогомъ, виновнаго мальчика держатъ двое изъ его товарищей, третій является исполнителемъ приговора; прочіе ученики сидятъ спокойно; нѣкоторые изъ нихъ держатъ въ рукахъ досчечки для письма.

Встрѣчаются, между-прочимъ, и пейзажи, но всѣ они явно фантастическіе; это черезчур-вольное подражаніе природѣ, при несовершенствѣ перспективы, напоминаетъ китайскихъ мастеровъ. Цвѣтники и сады [illegible]пейскихъ живописцевъ представляютъ вамъ довольно-загадочную рас[illegible]льность, и фонтаны, и грядки, педантически-округленныя и разго[illegible]нныя, и даже птицъ, прикованныхъ къ жерди цѣпочкой... Пови-

димому, и древніе искали въ садахъ не природы, а торжества искусства надъ природой. Они старались обнаружить искусство такъ же рачительно, какъ мы усиливаемся скрывать его.

Не знаю ничего волшебнѣе античныхъ танцовщицъ. Эти изображенія украшали четыре стѣны довольно-обширной комнаты. Я такъ часто останавливался передъ ними, что онѣ врѣзались въ моей памяти; вижу и теперь эти чудно-граціозныя существа, написанныя на темномъ грунтѣ, въ положеніяхъ, какихъ роскошнѣе, привлекательнѣе и разнообразнѣе невозможно придумать. Я знаю всѣхъ этихъ античныхъ танцовщицъ наперечетъ: ихъ всего, кажется, шестнадцать, но вы не промѣняли бы ихъ на цѣлыя фаланги нынѣшнихъ. Эти помпейскія очаровательницы полуодѣты въ прозрачные цвѣтныя покрывала, и облекаются въ нихъ съ неслыханною граціей. Ножки античныхъ танцовщицъ обнажены; впрочемъ, у нѣкоторыхъ вы видите пурпурныя сандаліи, у иной даже нѣчто въ родѣ туфель; руки украшены браслетами. Волосы этихъ красавицъ убраны въ короткія кудри, или свободно развѣваются по плечамъ; нитка перловъ, вѣтка плюща, или морскія растенія, съ равною небрежностью и прелестью вплетены въ ихъ косы. Особенно поражаетъ ярко-золотистый цвѣтъ волосъ у дѣвъ Великой Греціи. Но припомните, что въ древнемъ Римѣ была неистовая мода на эти германскіе оттѣнки. Чернокудрыя матроны тратили десятки тысячъ сестерцій на парики, или на краску волосъ, которая была бы натуральна. Нѣтъ сомнѣнія, и танцовщицы, увлекаясь общимъ предразсудкомъ, скрывали прекрасный природный цвѣтъ своихъ волосъ.

Изображенія помпейскихъ танцовщицъ не забываются. Какъ роскошна та, которая несется восторженная, какъ сущая вакханка! Сколько граціи въ движеніи ея рукъ, которыя придерживаютъ развѣвающееся покрывало, и роняютъ его безчисленныя складки на роскошные члены, между тѣмъ, какъ длинная коса золотистыми прядями ниспадаетъ на нихъ черезъ руку!

Другая держитъ въ правой рукѣ амфору, а на лѣвой ладони широкую золотую чашу; зеленая, какъ морскія волны, одежда съ широкой розовой каймой обвиваетъ и обрисовываетъ ея граціозныя формы, не упадая до ножекъ, слегка обутыхъ въ жолтыя туфли.

Вотъ еще одна въ свѣтло-жолтыхъ и розовыхъ одеждахъ: въ лѣвой рукѣ высоко надъ плечомъ держитъ она тамбуринъ и граціозно подымаетъ правую, чтобъ ударить въ него легкими пальцами. Вотъ танцовщица, одѣтая менадой: на головѣ у нея вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ; фіолетовая одежда роскошно волнуется, обвивая тѣло ея; обнажены только руки и часть груди; она пляшетъ подъ звуки тимпана.

Digitized by Google

Неменѣе привлекательна и та, что̀ держитъ въ лѣвой рукѣ плоскую чашу. Ея прелестное тѣло полуприкрыто прозрачной темно-желтой тканью, упадающей въ густыхъ складкахъ на лѣвую руку, между-тѣмъ, какъ правою приподнято это развѣвающееся покрывало надъ головою, и вся фигура, кажется, летитъ въ золотистомъ туманѣ.

Но едва-ли не обольстительнѣе всѣхъ этихъ очаровательницъ та, у которой въ правой рукѣ что-то въ родѣ гремушки, а въ лѣвой пучокъ цвѣтовъ. Все въ ней исполнено чудной граціи, отъ мельчайшей складки одеждъ до всей ея позы. Матово-жолтая мантія, обрисовывающая обворожительные члены, придерживается на плечахъ золотыми аграфами, и ревниво и кокетливо прикрываетъ молодую грудь своими прозрачными складками.

Наглядѣвшись на этихъ античныхъ очаровательницъ, я, разумѣется, ужь не могъ помириться съ современнымъ неаполитанскимъ балетомъ, и поэтическимъ натурамъ будетъ это понятно.

Знаменитѣйшая мозаическая картина, украшавшая помостъ одного роскошнаго помпейскаго триклиніума, вдѣлана нынѣ въ полу «Галереи Флоры». Богиня цвѣтовъ здѣсь напрасно обольщаетъ насъ своими колоссальными прелестями, которыя такъ мастерски обнаружены прозрачными складками мраморной туники... Мы не можемъ оторвать глаза отъ большаго помпейскаго мозаика, отъ этого несравненнаго изображенія битвы. Все въ немъ жизнь, движеніе, натура. По предположенію археологовъ, это должна быть побѣда Александра Македонскаго при Иссѣ. Къ-несчастію, время сдѣлало въ мозаикѣ нѣсколько пробѣловъ и, между-прочимъ, уничтожило единственное знамя, которое могло бы устранить сомнѣнія. Неизвѣстный, повидимому геніальный художникъ избралъ одинъ, рѣшительный эпизодъ битвы. Пораженные персы, или варвары, въ своихъ шапкахъ, которыхъ концами окутаны у нихъ уши и бороды, столпились вокругъ квадриги своего предводителя, вооруженнаго лукомъ. Македонскіе всадники, несмотря на длинныя пики, нависшія надъ ихъ шлемами, энергично преслѣдуютъ бѣгущихъ. Полководецъ ихъ — прекрасный юноша въ богатомъ панцырѣ, но съ непокрытой головой, въ которой есть сходство съ профилемъ Александра Македонскаго, сохранившимся на медаляхъ. На всемъ скаку своего Буцефала поражаетъ онъ пикой сатрапа, подъ которымъ въ ту же минуту палъ раненный пращею вороной конь. Пораженный, судорожно-ухватившійся за смертоносную пику, сатрапъ очевидно одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ Дарія, потому-что вниманіе всѣхъ сосредоточено на погибающемъ, и фигура эта помѣщена посрединѣ картины. Одинъ всадникъ спѣшился, въ намѣреніи подать раненному своего коня, но съ ужасомъ видитъ, что ужь поздно. Предводитель персовъ,

Digitized by Google

можетъ-статься, самъ Дарій Кодоманъ, стоя въ своей колесницѣ, съ ужасомъ и состраданіемъ наклонился, простираетъ руку къ погибающему, между-тѣмъ, какъ возница, въ эту минуту общаго смятенія, помышляетъ только о спасеніи бѣгствомъ, и бойко замахнулся кнутомъ надъ четверней порывающихся впередъ коней. Подъ копытами ихъ разбросаны копья, мечи, переломленныя стрѣлы, лежатъ также раненные. Одинъ изъ нихъ, обращенный къ зрителю тыломъ, усиливается подняться, и вы видите смертную блѣдность на лицѣ его, отраженномъ въ блестящемъ щитѣ.

Вообще, выраженіе физіономій, искусство группировки, совершенство рисунка и колорита, все въ этой картинѣ неподражаемо. Несомнѣнно, это должно быть копія съ замѣчательнаго оригинала; но и такая копія много измѣнила наши понятія объ античной живописи. Кто, изъ видѣвшихъ помпейскій музеумъ, рѣшится повторять, что Рафаэль и Микель-Анджело геніальнѣе Апеллеса и Полигнота?

Небольшія картины, сдѣланныя съ удивительнымъ искусствомъ изъ мозаики, также заслуживаютъ полнаго вниманія художника. Какъ хорошъ, напримѣръ, этотъ маленькій Вакхъ, сидящій верхомъ на пантерѣ; въ одной рукѣ онъ держитъ чашу съ виномъ, въ другой гирлянду изъ виноградныхъ листьевъ и гроздій, которыя граціозно обвиваются около шеи укрощеннаго звѣря. Цвѣты и сценическія маски окаймляютъ эту прелестную картину. Такими мозаиками покрыты были въ домахъ помпейскихъ богачей полы, не только въ комнатахъ, но и на открытыхъ дворахъ.

Большая часть этихъ мозаическихъ картинъ, въ полномъ блескѣ колорита, перемѣщена въ музеумъ и украшаетъ полы девяти залъ, гдѣ находится богатѣйшее собраніе этрускихъ вазъ.

Въ особой галереѣ собраны другія мозаичныя украшенія помпейскихъ жилищъ, гдѣ рѣдкая вещь, рѣдкая ваза, столъ, лампа или посудина, какимъ-нибудь пластическимъ или живописнымъ изображеніемъ не говорятъ о своемъ назначеніи. Искусство у древнихъ глубоко проникло въ жизнь, стало общею потребностью и потому облагородило самое ремесло, почти слилось съ ремесломъ. Здѣсь, въ галереѣ мозаикъ, между-прочимъ, нельзя не полюбоваться столомъ, на которомъ мастерски изображены рыбы. Далѣе вы видите изящный фризъ, украшенный цвѣточными гирляндами и масками, и найденный въ комнатѣ, гдѣ, какъ думаютъ, читались произведенія поэзіи; это предположеніе основывается на томъ, что тамъ же найдены мозаичныя картины, одна, изображающая трехъ музыкантовъ, другая — трехъ сивиллъ, третья — драматическаго писателя.

Digitized by Google

Древніе, сколько намъ извѣстно, ставили произведенія своей живописи, въ цвѣтущую ея эпоху, наравнѣ съ лучшими созданіями своей пластики.

Какъ ближайшая помощница политеизма, она развилась гораздо-ранѣе, чѣмъ живопись, о которой Гомеръ нигдѣ не упоминаетъ. Едва-ли не первоначальныя попытки живописи мы должны видѣть въ черныхъ фигурахъ, въ родѣ силуэтовъ, какими расписаны древнѣйшія греческія вазы. Плиній первую идею живописи приписываетъ дочери сикіонскаго скудельника, которая обрисовала на стѣнѣ тѣнь покидавшаго ея возлюбленнаго.

Какъ-бы то ни было, а живопись процвѣтала въ Греціи уже во времена персидскихъ войнъ. Полигнотъ, современникъ и другъ Кимона, украшалъ своими произведеніями храмы въ Аѳинахъ и другихъ городахъ Эллады. Его «Послѣдній день Трои» и «Сошествіе Улисса въ адъ», картины, написанныя на стѣнахъ аполлонова храма въ Дельфахъ, стяжали художнику славу, которая пережила его произведенія. Послѣдователи Полигнота, бо̀льшею частью Аѳиняне, трудами своими создали историческую живопись. Преданія героической эпохи и событія современной исторіи изображались на огромныхъ картинахъ, исполненныхъ истины и эффекта.

Періодъ совершенствованія открывается Аполлодоромъ, первымъ вѣрнымъ подражателемъ природѣ, и Зевксисомъ, живописцомъ женской прелести, который стремился къ идеализированію формы. Вмѣстѣ съ нимъ славились Паррасіосъ, Тиманѳесъ, Павзонъ, Эйпомпосъ и другіе мастера азіатской школы. Аѳины и Сикіонъ были центрами этой прекрасной дѣятельности.

Отъ періода утонченности искусства остался также длинный рядъ славныхъ именъ: Памфилосъ, Павсіасъ, Эйфраноръ, Мелантіосъ, Никіасъ, надъ которыми возвышается Рафаэль древней живописи, Апеллесъ, въ честь котораго живопись называлась «апеллесовымъ искусствомъ», ars apellea. Это былъ живописецъ совершенства красоты, граціи, изящества, той прелести, которая выражается словами venustas, χάρις. Его Венера-Анадіомена, сохранившаяся еще во времена Августа, была совершеннымъ идеаломъ богини любви и прелести. Апеллесъ изображалъ многихъ героевъ греческаго міра. Завоеватель Востока не дозволялъ писать съ себя портреты никому, кромѣ Апеллеса; но это, разумѣется, потому, что живописецъ изобразилъ его земнымъ Зевсомъ и далъ въ руку ему стрѣлы олимпійскихъ громовъ.

Отъ всего этого творчества достигла до насъ одна тѣнь, въ копіяхъ, уцѣлѣвшихъ на нѣкоторыхъ древнихъ вазахъ.

Digitized by Google

По смерти Александра, политическіе перевороты повлекли за собою упадокъ искусствъ, которому немало способствовало и обиліе художественныхъ произведеній: мифологическія преданія и національная исторія были до-того исчерпаны живописцами, что не представляли новыхъ сюжетовъ. Художники принуждены были пролагать искусству новые пути. Они обратились къ изображенію сценъ вседневной жизни и, наконецъ, къ живописи эротической. Красота и грація замѣнились чувственностью. Пародія и каррикатура выступили на сцену. Но и на этомъ поприщѣ встрѣчаются мастера, поддерживавшіе славу греческой живописи. Настоящимъ представителемъ этого періода является Пирикъ. Онъ изображалъ лавки, рыночныя сцены, хлѣва и тому подобные предметы, присвоенные впослѣдствіи фламандскою школой. Если вѣрить Плинію, Пирикъ пользовался громкой славой, и въ мастерствѣ исполненія не уступалъ величайшимъ живописцамъ древности.

Наконецъ, Римляне завоевали Элладу. Произведенія искусства стали военной добычей: фрески, снятые пилой вмѣстѣ съ штукатуркой со стѣнъ греческихъ храмовъ, пересылаются въ Лаціумъ. Римъ становится музеумомъ античной живописи.

Во времена цезарей античное искусство обнаруживаетъ еще послѣднія искры жизни; живопись изображаетъ патетическія сцены извѣстныхъ трагедій; но художники замѣтно становятся слугами роскоши. Расписываніе жилищъ развило декоративную живопись. Арабески и ландшафты вошли въ моду. Искусство все болѣе-и-болѣе превращалось въ ремесло. Рабы торопливо размалёвывали стѣны по прихоти своихъ господъ. Объ оригинальности не было и помина. Комнатные живописцы были не что иное, какъ болѣе или менѣе искусные кописты.

Образцы помпейской стѣнной живописи и мозаикъ, альдобрандинская свадьба и нѣсколько арабесковъ, видѣнныхъ Рафаэлемъ въ термахъ Тита — вотъ едва-ли не все, что̀ осталось намъ отъ живописи древнихъ (1). Достоинства ихъ признаны всѣми знатоками; «Битва Александра Македонскаго» почитается геніальнымъ произведеніемъ исторической живописи...

И между-тѣмъ, все это не болѣе, какъ образчики мастерства второклассныхъ, частью даже комнатныхъ живописцевъ, работавшихъ въ третьестепенномъ городѣ, въ эпоху упадка древней живописи. Сюжеты и композиція помпейскихъ картинъ вообще выше исполненія, потому-что бо̀льшею-частью, это — копіи съ древнѣйшихъ картинъ; но въ лучшихъ изъ этихъ произведеній и самое исполненіе дышетъ классической гра-

(1) *Wiegmann*, «Ueber die Malerei der Alten».

Digitized by Google

ціей и обаяніемъ. Это своего рода декораціонный стиль. На произведенія помпейской живописи надо смотрѣть не какъ на самостоятельныя картины, но какъ на части цѣлаго украшенія комнаты. Эти человѣческія или звѣриныя фигуры, арабески и растенія состоятъ въ гармонической связи между собою. Разрознить ихъ, значитъ уничтожить настоящій эффектъ цѣлаго. Вотъ почему перенесеніе этихъ произведеній по частямъ въ музеумъ отнимаетъ у нихъ много значенія.

И посмотрите—рѣдкая стѣна въ атріумѣ, перистилѣ или триклиніумѣ, даже въ бѣднѣйшихъ жилищахъ, не лишена живописи; не говорю ужь о домахъ богачей, или о термахъ и храмахъ, гдѣ искусство оставило множество прекраснѣйшихъ образцовъ. Это обиліе, это повсемѣстное распространеніе художественныхъ произведеній, доказываетъ тѣсное соединеніе искусства съ жизнью.

И еще бо̀льшая-часть античныхъ сокровищъ скрывается подъ землей. Какъ знать, быть-можетъ, современемъ выйдетъ на свѣтъ какое-нибудь произведеніе древней кисти, передъ которымъ померкнутъ всѣ доселѣ-открытыя въ Помпеѣ фрески и картины.

Галереи античныхъ статуй въ бурбонскомъ музеумѣ уступаютъ въ богатствѣ одному Ватикану. Неаполь собралъ сокровища древняго искусства не только изъ городовъ, погубленныхъ волканомъ, но также изъ Рима, изъ всей Южной Италіи и изъ Сициліи.

Коллекція бронзовыхъ статуй и бюстовъ здѣсь одна изъ замѣчательнѣйшихъ. Въ рядахъ бюстовъ вы находите множество знаменитыхъ лицъ древняго міра: всѣ эти физіономіи отличаются натуральностью и выразительностью, какими запечатлѣны произведенія римскихъ художниковъ. Вотъ бюстъ Коммода, весьма-рѣдкій, такъ-какъ по смерти этого цезаря, были уничтожены всѣ его изображенія. Вотъ бюстъ Тиверія, съ эмалевыми глазами, что̀ повторяется и на бюстѣ актрисы и производитъ непріятное впечатлѣніе. Чудно-хороша голова Антиноя, представленная съ аттрибутами Вакха. Не знаю, красотою ли этого юноши, или заказами цезаря, вдохновлялись художники, только всѣ изваянія этого любимца адріанова исполнены, очевидно, первоклассными рѣзцами.

Не менѣе интересны лица Нерона, Друза и особенно страдальческая, мыслящая физіономія Сенеки. Но голова Сципіона-Африканскаго, съ двумя историческими шрамами на лѣвой сторонѣ лба, замѣчательнѣе многихъ другихъ по красотѣ исполненія.

Digitized by Google

Вообще, драгоценнѣйшіе антики этой галереи — очевидно греческаго происхожденія: оно обнаруживается и въ граціи, и въ композиціи, и въ поэзіи мысли, и въ красотѣ формъ — во всѣхъ свойствахъ, чуждыхъ положительнымъ римлянамъ.

Не могу назвать ни одной бронзовой статуи, которая сравнилась бы съ фигурой Меркурія, найденной въ Геркулануме. Олимпійскій Вѣстникъ, юноша въ полномъ цвѣтѣ красоты, отдыхаетъ, сидя на скалѣ, и оперпись на руку. Онъ утомленъ быстрыми перелётами; вы чувствуете его прерывистое дыханіе; онъ не помышляетъ о порученіяхъ Юпитера; онъ жаждетъ только покоя. Этого совершенства формъ и выразительности, этой безукоризненной чистоты стиля, греческое искусство достигало, конечно, нерѣдко; однакожъ, подобныхъ образцовъ древность завѣщала намъ весьма-немного.

«Пьяный Фавнъ», распростертый на звѣриной шкурѣ и облокотившійся на козій мѣхъ, наполненный виномъ — весьма-натураленъ; его переполненный желудокъ и отяжелѣвшій торсъ, его пальцы, пытающіеся подражать щелканью кастаньетами, возбуждаютъ невольную улыбку.

Далѣе, вы полюбуетесь античной актрисой: движеніе, съ какимъ она застегиваетъ на своемъ плечѣ мантію, исполнено необыкновенной граціи. «Спящій Фавнъ» восхищаетъ васъ чуднымъ выраженіемъ покоя, разлитаго во всѣхъ его членахъ. Въ-заключеніе, не могу не указать на статуйку «Венеры, выходящей изъ ванны», которая подъ-пару пляшущему Фавну, одному изъ прелестнѣйшихъ помпейскихъ антиковъ.

Войдемте въ галереи, наполненныя сотнями мраморныхъ статуй, бюстовъ, гермесовъ, барельефовъ и саркофаговъ.

Въ первой залѣ особенно замѣчательны изваянія семейства Бальбусовъ. Въ физіономіяхъ отца и сына, матери и трехъ дочерей, весьма-удачно выражено фамильное сходство. Это семейство, очевидно, пользовалось почетомъ въ Геркуланумѣ, потому-что изваянія найдены въ театрѣ. Двѣ конныя статуи проконсула Марка Нонія Бальбуса и его сына, исполнены рѣдкой простоты и благородства. Гиппоманы замѣтили, что оба эти коня бѣгутъ иноходью, то-есть поднимаютъ обѣ ноги съ одной стороны, чего мы не видимъ ни въ какой другой конной статуѣ, ни у древнихъ, ни у новѣйшихъ ваятелей.

Подъ «Портикомъ божествъ» вниманіе ваше привлекаетъ бюстъ римской красавицы Плотины. Художникъ даже не забылъ ей сдѣлать, по античной модѣ, накладку изъ множества локончиковъ, которую чичероне снимаетъ и надѣваетъ, какъ парикмахеръ. Далѣе, вы остановитесь передъ Аполлономъ, играющимъ на лирѣ. Винкельманъ увѣряетъ,

Digitized by Google

что это одно изъ лучшихъ изображеній бога поэзіи. Венера Капуанская недаромъ носитъ эпитетъ «побѣдоносной», *victrix:* это олицетворенное сознаніе красоты и величія; это настоящая богиня; передъ нею Венера Медицейская не больше, какъ прекрасная женщина. На лбу у Венеры Побѣдоносной діадема Юноны, подъ ногами у нея минервинъ шлемъ — знаки побѣды надъ обѣими соперницами.

Бюстъ Александра-Македонскаго неожиданно является здѣсь посреди божествъ, вѣроятно, оттого, что у него на головѣ торчатъ маленькіе рожки, означающіе, что онъ сынъ Юпитера-Аммона.

«Портикъ Цезарей» представляетъ цѣлые ряды историческихъ портретовъ. Сидящая статуя Агриппины, матери Нерона, оставляетъ въ васъ впечатлѣніе глубокое: во всей этой полунаклоненной фигурѣ, въ каждомъ мускулѣ ея лица выражено безвыходное отчаяніе.

Марціана, жена Траяна, представлена въ положеніи Венеры Капитолійской: ваятелю пришлось сочетать юное тѣло съ головой пожилой матроны. Бюстъ Адріана запечатлѣнъ выраженіемъ ума; въ физіономіи Каракаллы много суровости. Голова Нерона, въ дубовомъ вѣнкѣ, чрезвычайно-привлекательна; но въ глазахъ и въ оконечностяхъ губъ проглядываетъ убійственное коварство. Нѣкоторые изъ предводителей преторіанцевъ, въ шлемахъ и панцыряхъ, неподражаемо изваянны изъ мрамора.

Въ бюстѣ Юлія Цезаря энтузіасты находятъ много сходства съ Наполеономъ.

Въ галереѣ цвѣтныхъ мраморовъ особенно поразителенъ Аполлонъ, играющій на лирѣ, полуколоссальная статуя, изсѣченная изъ порфира. Подъ рѣзцомъ терпѣливаго ваятеля этотъ твердый камень достигъ невѣроятной степени гибкости, и непонятно, почему руки и ноги Аполлона вырублены изъ каррарскаго мрамора. Статуя Діаны эфесской представляетъ также образецъ такого сочетанія различныхъ матеріаловъ въ одной статуѣ: богиня изваяна изъ восточнаго алебастра, а голова, руки и ноги ея вылиты изъ бронзы.

Въ «Залѣ Музъ» вы полюбуетесь мраморной чашей съ барельефнымъ изображеніемъ Вакха, отданнаго на воспитаніе нимфамъ. Поврежденіе нѣкоторыхъ фигуръ и виноградной гирлянды, обвивавшей края вазы, не могли уничтожить всей ея красоты. Кромѣ нимфъ, вы видите тутъ Кома, играющаго на флейтѣ, Менаду, ударяющую въ тимпанъ, и ревностныхъ поклонниковъ бога винограда.

Этотъ антикъ найденъ рыболовами въ Гаэтскомъ Заливѣ и долго служилъ имъ тумбой для причаливанья лодокъ. Слѣды каната остались на

Digitized by Google

мраморѣ. Къ счастью, антикъ былъ замѣченъ сенаторомъ и перенесенъ въ Гаэту.

Въ «Залѣ Юпитера» посѣтитель невольно останавливается передъ колоссальнымъ изваяніемъ главы боговъ; этотъ дивный типъ исполненъ суровой красоты и необыкновеннаго величія. Бюстъ Зевса найденъ въ развалинахъ какого-то храма въ Кумахъ.

Далѣе укажу на двѣ прекрасныя головы Гомера, одну изъ коллекціи фарнезійской, другую, отрытую въ Геркулануме, гдѣ, между прочими художественными находками, добыты превосходный бюстъ Демосѳена — оживленная, говорящая физіономія, впрочемъ, непохожая на другіе портреты оратора, и статуя Аристида— образцовое произведеніе греческаго рѣзца, исполненное естественности, простоты и спокойнаго величія. Нѣтъ сомнѣнія, что это Аристидъ мнимый; но главное дѣло въ томъ, что фигура безподобно драпирована широкой тогой и, кажется, движется навстрѣчу къ зрителю, особенно, если онъ помѣстится на одинъ изъ трехъ пунктовъ, намѣченныхъ здѣсь Кановой.

Въ «Кабинетѣ Венеры» богиня любви и красоты является въ различныхъ позахъ, какими она ослѣпляла смертныхъ. Но все это болѣе или менѣе замѣчательныя копіи.

Знаменитая Венера Каллипига (καλλίπυγος) здѣсь обворожительнѣе всѣхъ своихъ соперницъ. Это красавица въ полномъ развитіи дѣвственныхъ формъ.

Бѣлый мраморъ принялъ отъ времени теплые, желтоватые оттѣнки, и статуя кажется живою, затаившею только на мигъ дыханіе: рука художника невольно прикасается къ этому торсу и скользитъ по его волнующимся линіямъ, не чувствуя ни холода, ни жесткости камня.

Это произведеніе, безспорно, принадлежитъ эпохѣ, когда пластика ужъ переставала цѣломудренно служить красотѣ и начинала угождать чувственности. Венера Каллипига — не богиня, однакожь, еще и не гетера.

Въ одномъ изъ нижнихъ портиковъ, гдѣ стѣны испещрены античными надписями, хранятся два знаменитыя произведенія пластики, «Геркулесъ» и «Группа Вола», найденныя въ Римѣ, въ развалинахъ термъ Каракаллы.

Геркулесъ — это типъ совершенства тѣлесной силы. Народный герой эллиновъ представленъ въ состояніи покоя; но его чудовищно-широкія плечи, его богатырская грудь и неимовѣрно-развитыя мышцы рукъ и ногъ обличаютъ всю его могучесть. Опираясь на палицу, Геркулесъ прислонился къ древесному пню, на которомъ виситъ львиная шкура; но подъ рукой исполина и этотъ трофей кажется ничтожнымъ. Мускулы всего этого колоссальнаго тѣла, очевидно, еще въ сильномъ на-

Digitized by Google

пряженія; жилы страшно налиты кровью: это — море, взволнованное послѣ бури... Но въ поникшей головѣ колосса замѣтно глубокое уныніе. Эта голова мала, несоразмѣрна съ атлетическими членами; не задумался ли богатырь о томъ, что золотое гесперидское яблоко, которое держитъ онъ въ рукѣ, заложенной за спину, слишкомъ-ничтожное вознагражденіе за его исполинскіе подвиги.

Основываясь на греческой надписи, статую Геркулеса считаютъ произведеніемъ аѳинянина Гликона; но вѣроятнѣе, что это копія съ одного изъ Геркулесовъ Лизиппа.

Когда этотъ колоссъ былъ найденъ въ Римѣ, ему не доставало обѣихъ ногъ, и Микель-Анджело поручено было ихъ реставрировать. Онъ вылѣпилъ ноги изъ глины, но тотчасъ же разбилъ ихъ молоткомъ, говоря, что не можетъ приставить ни пальца къ такому дивному антику. Вильгельмъ делла-Порта, несудившій такъ строго, впослѣдствіи изваялъ ноги Геркулесу по рисунку Буонаротти. Подлинныя ноги найдены были позже, когда ужь Геркулесъ, вмѣстѣ съ другими художественными сокровищами фамиліи Фарнезе, поступилъ, по наслѣдству, въ музеумъ неаполитанскаго короля.

Знаменитая група «Вола», Toro Farnese, которую я вижу здѣсь въ сосѣдствѣ съ Геркулесомъ, принадлежала къ той же коллекціи; это огромнѣйшая изъ всѣхъ групъ, оставленныхъ намъ древностью; это цѣлая сцена, изваянная изъ мрамора. Два ваятеля, Аполлоній и Таврискъ, соединенными трудами изобразили эпизодъ изъ жизни Дирцеи, жены ѳивскаго царя Ликія, который отдалъ подъ ея власть Антіопу, жену убитаго имъ сикіонскаго царя Эпопея. Дирцея обходилась съ Антіопой круто, тѣмъ-болѣе, что Антіопа славилась своей красотой въ Греціи и даже нѣкогда была обольщена самимъ Юпитеромъ, подъ видомъ Сатира. Месть Антіопы ужасна: она велитъ привязать свою соперницу за волосы къ рогамъ дикаго вола и выпустить его на скалы цитеронскія. Амѳіонъ и Цеѳосъ, сыновья Антіопы, напрягаютъ всѣ свои силы, удерживая съ двухъ сторонъ необузданнаго звѣря. Полунагая Дирцея лежитъ, связанная, у ногъ его; она простираетъ руки, какъ-будто хочетъ обнять колѣни и разжалобить Амѳіона, который умѣлъ расшевелить и камни игрой своей на лирѣ. Сидящій юноша, вакхантъ въ виноградномъ вѣнкѣ, пораженъ ужасомъ; но Антіопа, стоящая съ тирсомъ въ рукѣ, кажется, готова объявить жертвѣ прощеніе. Сцена происходитъ на скалѣ, на которой изваяны съ одной стороны, бросающаяся на вола собака, киста, или корзинка для жертвоприношеній, и лира, принесенная Амѳіономъ; съ другой — кабанья голова, орелъ, змѣя, выползающая изъ

Digitized by Google

древеснаго ствола, и бѣгущая собака — аксессуары, вѣроятно, символическіе, но еще неразгаданные.

Къ-сожалѣнію, античнаго въ этой группѣ не сохранилось и половины; а реставраторы отнюдь не подражали благородной простотѣ, какою были запечатлѣны найденные обломки, и увлеклись вкусомъ своего вѣка, любившаго вычурность. Между-тѣмъ и то, что уцѣлѣло здѣсь отъ подлинныхъ трудовъ Аполлонія и Таврiска, напримѣръ, фигура Антіопы, кромѣ головы, и сидящій вакхантъ, вполнѣ оправдываютъ похвалы, какихъ удостоилъ эту группу Плиній.

Поразителенъ до крайности переходъ отъ прекрасныхъ остатковъ греческаго и римскаго ваянія, гдѣ все проникнуто идеею жизни и красоты, въ галереи египетскихъ древностей, которыя выражаютъ неподвижность глубокой думы или смерти. Статуи изъ чернаго мрамора, сидящія съ крѣпко-стиснутыми ногами, руки, простертыя вдоль колѣнъ, Анубисъ съ головой шакала, Изида съ кошачьей физіономіей, ласточка съ человѣчьей головой и, наконецъ, эти гробы съ муміями, полу-трупами, полу-куклами — все это производитъ впечатлѣніе тяжелое...

Въ гробѣ изъ сикомороваго дерева, украшенномъ разноцвѣтными іероглифами, весьма-хорошо сохранилась мумія женщины, скрестившей на груди руки. На шеѣ у нея ожерелье, составлено изъ жука, озирисова глаза, ниломѣра, кинокефала, маленькой вазы и еще какихъ-то амулетовъ — все изъ разныхъ камней. Подъ шеей этой муміи найденъ свитокъ папируса, исчерченный іероглифами. Одинъ изъ этихъ тысячелѣтнихъ покойниковъ лежитъ въ стеклянномъ, другой въ глиняномъ саркофагѣ.

Вотъ мумія дитяти въ маскѣ изъ раскрашеннаго полотна; грудь ея обвернута вызолоченными пеленками съ символическими знаками Озириса.

Вотъ набальзамированная кошка, а далѣе жаба, съ удивительнымъ искусствомъ изсѣченная изъ камня.

Вотъ мраморная Изида изъ храма, воздвигнутаго этому божеству въ Помпеѣ.

Древніе обитатели Италіи были суевѣрны и готовы поклоняться всякому иноземному божеству. Поклоненіе египетской богинѣ легко утвердилось въ Помпеѣ; но мрачная мистика этого служенія не могла искоренить прежняго воззрѣнія на жизнь и чувства прекраснаго, въ проникнутыхъ духомъ Эллады, обитателяхъ Великой Греціи.

Жалкую также роль подлѣ антиковъ играютъ разныя китайскія и индійскія бездѣлушки; но и послѣ античныхъ вещей можно здѣсь по-

Digitized by Google

любоваться на ларчикъ, приписываемый Бенвенуто Челлини, на томъ основаніи, что этотъ изящный ларецъ обличаетъ и мастерство и иронію, чисто-челлиніевскія.

Мастеру заказываютъ денежный ларчикъ, а онъ на днѣ ларчика изображаетъ Александра, вынимающаго изъ сокровищницы побѣжденнаго Дарія золото, для того, чтобъ на мѣсто его уложить свитки гомеровой поэмы.

Нѣсколько разъ возвращался я въ залу, гдѣ хранится бронзовая утварь, найденная въ жилищахъ, храмахъ и театрахъ разрушенныхъ городовъ. Глядя на всѣ эти изящныя, хотя и почернѣвшія, позеленѣвшія вещи, вы невольно убѣждаетесь, что существо религіи древнихъ было поклоненіе красотѣ.

Самые незначительные предметы, какъ, напримѣръ, блюда, котлы, сковороды, таганы, треножники и проч., являются здѣсь произведеніями головы поэтической, любящей прекрасное и граціозное.

Желѣзныхъ кухонныхъ вещей, повидимому, у древнихъ не существовало. Вся утварь, кромѣ глиняной и стекляной, дѣлалась изъ бронзы; вѣроятно бронза была несравненно-дешевле нынѣшней, потому-что бронзовыя вещи встрѣчаются въ беднѣйшихъ помпейскихъ жилищахъ. Въ кухонныхъ приборахъ окисленіе мѣди устранялось не полудой, а тонкимъ слоемъ серебра, которымъ обкладывались внутреннія стѣнки кастрюль, вазъ, самоваровъ, ложекъ и прочаго.

Рѣдкая изъ этихъ вещей лишена украшеній, которыя большею-частью символически изображаютъ назначеніе утвари. Если отдѣлка золотыхъ и серебряныхъ вещей древнихъ невполнѣ-удовлетворительна, то бронзовыя издѣлія почти всѣ верхъ совершенства. Какой-нибудь безмѣнъ, на которомъ вѣсили хлѣбъ или мясо — художественное произведеніе; форма самой обыкновенной лампы не лишена изящества; послѣдняя кружка могла бъ быть предметомъ гомерическаго описанія.

При взглядѣ на всѣ эти античныя вещи, не знаешь, чему больше дивиться — плодовитости ли фантазіи мастера, или художественной оконченности работы.

Безподобна коллекція бронзовыхъ лампъ; безспорно, античныя лампы почти-что ночники въ-сравненіи съ нынѣшними, карсельскими; но посмотрите, какое разнообразіе формъ и украшеній, которыя не только изящны, но и всегда исполнены смысла. Комическія эмблемы встрѣчаются тутъ подлѣ серьёзныхъ; между эротическими фигурами попадаются символы языческихъ вѣрованій. Почти каждая лампа сама говоритъ о своемъ назначеніи: ночная бабочка, притаившаяся мышь

напоминают о ночномъ затишьи, о размышленіи въ часы безмолвія, о мирномъ снѣ.

Иныя лампы явственно намекаютъ на любовь. Какъ краснорѣчивъ и милъ этотъ амуръ, уцѣпившійся за ручку свѣтильника и лукаво поглядывающій на пламя, какъ шалунъ, намѣревающійся потушить его.

Множество лампъ сдѣлано въ видѣ звѣриныхъ головъ, или въ формѣ человѣческихъ масокъ, частью комическихъ, частью серьёзныхъ, выражающихъ какую-то спокойную, таинственную думу. Случайная ли это фантазія мастера, или не пытался ли онъ выразить таинственную физіономію ночи, ея прелесть и обольстительность, ея мракъ и сонъ, и своенравныя грёзы — не знаю; но внимательно разсматривая эти изящныя лампы, я невольно уношусь въ глубокую древность. Помпейскіе свѣтильники такъ цѣлы, какъ-будто масло выгорѣло въ нихъ недавно. Въ одной изъ этихъ лампъ, потушенныхъ за семнадцать столѣтій назадъ, сохранилась даже полуобгорѣвшая свѣтильня.

Помпейскіе канделабры, на которые ставились или привѣшивались лампы, неподражаемы по своей простотѣ и изяществу: это все почти тонкія колонки съ каннелурами, въ человѣческій ростъ вышиною, стоящія на трехъ львиныхъ лапахъ.

На бронзовомъ столѣ, покрытомъ мозаикой, возвышается пилястръ, обвѣшенный нѣсколькими лампами, въ видѣ звѣриныхъ головъ; далѣе пять лампъ, каждая на трехъ цѣпочкахъ, висятъ на сучьяхъ бронзоваго дерева. Вообще, помпейскіе канделабры, подставки для лампъ — весьма изящныхъ и разнообразныхъ формъ, которыя отчасти ужь усвоены новѣйшимъ мастерствомъ и нерѣдко выдаются за изобрѣтеніе современнаго воображенія. Какъ безподобенъ канделябръ, стоящій на этомъ мозаичномъ столѣ; или другой, на которомъ лампы въ видѣ масокъ и дитя держитъ щипцы, для снимáнія нагорѣвшей свѣтильни, или тотъ, на которомъ висятъ три лампы въ видѣ раковинъ или канделабръ, украшенный силеномъ, который обоими своими указательными пальцами указываетъ на сидящаго надъ нимъ попугая.

Помпейскія лампады, о трехъ свѣтильняхъ и на цѣпочкахъ, чрезвычайно похожи на тѣ, какія встрѣчаемъ и въ нынѣшнихъ итальянскихъ жилищахъ; но античные фонари, по своей формѣ, несравненно изящнѣе нашихъ; стекла замѣнены въ нихъ тончайшими роговыми пластинками, или слюдой.

Утварь для жертвоприношеній, найденная въ помпейскихъ храмахъ, чрезвычайно разнообразна. Вотъ цѣлый рядъ жертвенниковъ; на одномъ изъ нихъ сохранился даже пепелъ. Вотъ жертвенникъ изъ храма

Digitized by Google

Изиды; другой, маленькій, очевидно служилъ арусниціямъ, и при немъ всѣ инструменты для изслѣдованія утробы жертвенныхъ животныхъ.

Далѣе, вы видите изящные треножники для куреній и возліяній. Кàкъ хорошъ тотъ, который составленъ изъ трехъ сфинксовъ, или другой — изъ трехъ фавновъ, несущихъ вазу! Вы прикасаетесь рукою къ утвари, которая была въ рукахъ жрецовъ за восемнадцать столѣтій: тутъ собраны и сосуды для возліянія и различные жертвенные ножи, для птицъ и для животныхъ, и сотни пенатовъ и ларъ, большею-частью безобразнѣйшихъ домашнихъ божковъ, которые имѣли свой завѣтный уголокъ въ каждомъ античномъ домѣ.

Всѣ эти пенаты и лары — куклы вершка въ два-три величиною и представляютъ непостижимый контрастъ съ прелестными статуйками, которыми древніе украшали свои жилища; сколько граціозности въ фигуркѣ ребенка, женщины, снимающей браслеты, или женщины, выходящей изъ ванны! Но всѣхъ этихъ статуэтокъ не пересчитать: вниманіе художника привлекутъ и силéнъ, и сидящій Юпитеръ, и *фарнезскій* Геркулесъ въ миньятюрѣ, Юпитеръ и Минерва, украшенные серебромъ и золотомъ, наконецъ, статуйки Демосѳена, Эпикура, Зенона, найденныя между папирусами въ геркуланской библіотекѣ.

Бронзовыя вазы и кубки также безподобны, также даютъ высокое понятіе о степени развитія художественнаго вкуса у древнихъ. Тутъ соединено все — и красота формы, и изящество барельефовъ и совершенство отдѣлки. Кàкъ причудливо и кàкъ граціозно нарисованы ручки каждой вазы, каждаго кубка! У вазъ являются онѣ то въ видѣ двухъ птицъ, то въ видѣ львиныхъ головъ и змѣй, то въ видѣ двухъ бойцовъ. Замѣчательна ваза съ эластическими ручками, также ваза, представляющая женскую голову съ ожерельемъ и другими украшеніями изъ серебра.

Не менѣе прелестны ручки кубковъ, являющіяся или въ видѣ стебля, перегнувшагося подъ крышкой и оканчивающагося цвѣткомъ, или въ видѣ амура, или фавна, который образуется изъ распуколки цвѣтка и, облокотясь на край сосуда, съ любопытствомъ заглядываетъ въ глубину его.

Замѣчателенъ бронзовый сосудъ на трехъ сфинксовыхъ лапахъ, весьма сходный съ нашимъ самоваромъ, только, конечно, изящнѣе его формой. Кромѣ-того, существовали у древнихъ маленькія бронзовыя печки, тоже, очевидно, служившія для нагрѣванія воды.

Съ особеннымъ интересомъ встрѣчаете вы здѣсь остатки античной мёбели, которая отчасти была бронзовая и мраморная. Рѣдкій британскій туристъ не присядетъ на это курульное кресло, въ которомъ нѣ-

Digitized by Google

когда сидѣли консулы, преторы и эдилы. Вы видите тутъ складное кресло, удобное для переноски; двойное кресло bisellium, и остатки античной кушетки.

Далѣе слѣдуютъ орнаменты помпейскихъ фонтановъ, обломки земледѣльческихъ орудій и хирургическіе инструменты. Между ними вы видите зондъ, почти ничѣмъ неотличающійся отъ того, который былъ изобрѣтенъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Античное оружіе также удивляетъ васъ красотой отдѣлки, которая далеко оставляетъ за собой произведенія средневѣковыхъ оружейниковъ. Вы видите здѣсь бранные доспѣхи, найденные не только въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, но и въ гробницахъ Рима и Пестума. Бронзовыя вещи сохранились хорошо, но желѣзныя обезображены ржавчиной. Остатки мечей, стальные клинки и бронзовыя ножны, кинжалы, обломки копья, чешуйчатый панцырь, щиты и шлемы, нѣкоторые съ забралами — эти шлемы весьма-изящной работы, но страшной тяжести. На одномъ изъ нихъ барельефъ изображаетъ послѣднюю ночь Трои. Повидимому это изящество распространялось и на каски рядовыхъ, если судить по красотѣ шлема, найденнаго въ Помпеѣ на головѣ часоваго, который умеръ подъ огненнымъ дождемъ на своемъ постѣ, у геркуланскихъ воротъ.

При всей своей красотѣ, шлемъ этого храбраго воина такъ тяжелъ, что вы готовы усомниться, точно ли въ-древности онъ былъ въ употребленіи — но черепъ, понынѣ невынутый изъ каски, не допускаетъ никакого сомнѣнія. Вамъ остается только подивиться, какъ крѣпка была голова римскаго воина.

Не могу пересчитать всѣхъ мелочей, какія дошли до насъ отъ древнихъ чрезъ посредство Везувія. Многія изъ этихъ вещей имѣютъ разительное сходство съ нынѣшними, напримѣръ, разной величины ключи, замки, задвижки, гвозди, бубенчики, которые навѣшивались на шею домашнихъ животныхъ.

Но вотъ проводникъ вашъ ударяетъ висячимъ молоткомъ въ круглую мѣдную доску, и вы слышите звонъ античнаго колокола, aes sonans, звонъ, который раздавался за двадцать столѣтій. Далѣе, цѣлый шкапъ наполненъ обломками древнихъ музыкальныхъ инструментовъ, которыхъ употребленіе слишкомъ загадочно. Насчетъ музыки у древнихъ, мы остаемся въ прежнемъ невѣдѣніи.

На полу лежатъ оковы (cippus), найденныя въ Помпеѣ на остовѣ узника.

Цѣлый шкапъ наполненъ письменными приборами. Чернильницы, тростниковыя палочки, замѣнявшія гусиное перо, разнообразныя печатки

Digitized by Google

и, между-прочимъ, письменный приборъ, найденный въ Апуліи, и о которомъ одинъ антикварій написалъ два тома in-quarto.

Далѣе показываютъ вамъ театральные билеты— четыреугольныя металлическія дощечки, съ именемъ пьесы и автора и съ нумеромъ скамьи.

Тутъ же видите порядочное количество обточенныхъ и просверленныхъ косточекъ разныхъ животныхъ. Употребленіе этихъ вещицъ до-сихъ-поръ не разгадано. Вѣроятно, это были амулеты.

Между игральными костями вы замѣчаете также фальшивыя, что̀ явственно удостовѣряетъ васъ, что не всѣ римляне были герои.

Въ отдѣленіи античной стеклянной посуды вы видите тысячи маленькихъ амфоръ, чашъ, бутылокъ, стклянокъ, воронокъ, оконныя и фонарныя стекла, наконецъ флаконы, которые называются слезницами, въ томъ предположеніи, будто въ эти узко-горлые сосуды собирались слезы плакальщицъ, между-тѣмъ, какъ въ этихъ флаконахъ были благовонныя масла, для поливанія погребальнаго костра. Форма древней стеклянной посуды вообще не изящнѣе нашей. Античное стекло толще нашего; оно полупрозрачно и большею-частью черноватаго, фіолетоваго, мутно-синяго и зеленаго цвѣтовъ. Впрочемъ, отъ времени, почти всѣ эти сосуды приняли радужные оттѣнки. Нѣкоторыя вещицы отдѣланы съ большою тщательностью; стеклу искусно приданы волнистые оттѣнки алебастра и агата. Вы выдите множество стеклянныхъ зеренъ — это бусы, изъ которыхъ составлялись ожерелья, пояса, браслеты. Но существуетъ здѣсь античное блюдо, какого, безъ-сомнѣнія, не могли бы нынѣче произвесть ни Богемія, ни Мурано. Золото и цвѣтные каменья въ этомъ, къ-несчастью, разбитомъ, блюдѣ, сплочены со стекломъ въ одну массу. Откуда явилась эта рѣдкость : съ египетскихъ заводовъ, изъ Индіи, или изъ Китая — археологія безмолвствуетъ.

Пластика и вообще скудельное ремесло были доведены въ Великой Греціи до высшей степени совершенства. Не говорю уже о вазахъ, извѣстныхъ красотою формъ и характеромъ сдѣланныхъ на нихъ рисунковъ, глиняные орнаменты фризовъ и капителей, глиняныя лампы и статуэтки—все это носитъ на себѣ печать классической граціи.

Цѣлыя залы музеума загромождены глиняною утварью древнихъ. Тутъ вы видите большія амфоры для крупы, мукѝ, оливокъ и прочаго; далѣе, вазы и кувшины, объ одной или о нѣсколькихъ ручкахъ, амфоры для вина, съ остроконечнымъ дномъ, такъ-что ихъ надо или прислонить къ стѣнѣ, или положить на̀земь.

Могильныя урны, въ которыхъ еще сохранился человѣческій пепелъ, стоятъ здѣсь подлѣ глиняныхъ ящиковъ, въ которыхъ классическіе га-

Digitized by Google

строномы откармливали себѣ на жаркое сонливыхъ бѣлокъ. Немало здѣсь также кружекъ, бокаловъ и чашъ, въ которыхъ въ-древности кипѣло фалернское. На одной изъ этихъ красивыхъ чашъ вы прочтете:

Bibe, amice, de meo.

Замѣчательны по разнообразію типовъ глиняныя маски, которыми украшались фризы и ключи арокъ. Чрезвычайно-разнообразны также формы глиняныхъ лампъ и ночниковъ, которыхъ собрано здѣсь болѣе четырехъ тысячъ. Самая обыкновенная форма античныхъ лампъ — это закрытая вазочка съ одной ручкой и съ отверстіемъ для свѣтильни и для вливанія масла; но форма эта измѣняется до безконечности — отъ звѣриной головы до слѣдка человѣческой ноги.

Но любопытнѣе всего въ этихъ залахъ барельефы, съ остатками красокъ, найденные въ Веллетри и относимые къ временамъ вольсковъ. Почти не вѣрится, чтобъ искусство въ Италіи достигло такой замѣчательной степени развитія въ эту почти-баснословную эпоху.

Неаполитанская коллекція вазъ, безспорно, единственная въ свѣтѣ Число ихъ простирается за три тысячи. Эти прекрасныя вазы добыты изъ древнихъ некрополей южной Италіи, преимущественно изъ гробницъ, найденныхъ около Корнето и Каппно въ римскихъ владѣніяхъ, въ окрестностяхъ Неаполя, именно въ городкѣ Нола, а также въ Сициліи.

Эти могильныя урны часто хранили въ себѣ пепелъ; можетъ-статься, назначались онѣ для религіозныхъ обрядовъ и принадлежатъ отдаленнымъ временамъ; стиль ихъ и отдѣлка обличаютъ разныя эпохи, и потому невѣрно всѣ эти вазы называются *этрускими*.

Этрускими собственно можно называть только вазы, найденныя на земляхъ, гдѣ жили этруряне, вольски, самнитяне; прочія вазы, принадлежащія почвѣ Великой Греціи, извѣстны подъ названіемъ: греко-италійскихъ.

Красота формъ, тонкость глиняной массы, блескъ глянца, сохранившагося десятки столѣтій, наконецъ, смѣлость или изящество рисунковъ — все въ этихъ вазахъ неподражаемо, и не надо быть большимъ знатокомъ, чтобъ распознать поддѣльныя вазы, какихъ въ Италіи, разумѣется, найдется не мало.

На нѣкоторыхъ античныхъ вазахъ вы видите черныя фигурки въ видѣ силуэтовъ, конечно, древнѣйшія попытки живописи; на другихъ рисунокъ достигаетъ извѣстной степени изящества. Многія изъ этихъ могильныхъ урнъ украшены историческими сюжетами или сценами мистерій, въ которыя, вѣроятно, были посвящены усопшіе; но чаще

Digitized by Google

всего встрѣчаются рисунки миѳологическаго содержанія, вовсе несогласующіеся съ печальнымъ назначеніемъ сосудовъ. Этрускія вазы, имѣющія обыкновенно фигуры красновато-оранжеваго цвѣта на черномъ грунтѣ, отличаются какою-то суровостью характера: это, очевидно, произведенія народа, у котораго и нравы отзывались какою-то суровостью; вазы италійской Греціи, напротивъ, цвѣтомъ своимъ напоминаютъ позолоченную солнцемъ грудь молодой гречанки; эти вазы, съ своимъ теплымъ колоритомъ и черными очертаніями фигурокъ, исполненныхъ особенной прелести, являются произведеніями иной цивилизаціи, обличаютъ вліяніе іонійской изнѣженности и улыбающихся миѳовъ, занесенныхъ на итальянскій берегъ изъ Эллады.

Глядя на эти изящныя вазы, невольно переноситесь въ міръ древней поэзіи и героической исторіи. Передъ вами оживаютъ всѣ миѳы Эллады. Геркулесъ поражаетъ центавра; Вакхъ сопровождаетъ Вулкана на небо; Тезей убиваетъ Минотавра; Геркулесъ вступаетъ въ сады гесперидскіе; Ѳетида подноситъ Ахиллу богами выкованное оружіе; Орфей даетъ лирный концертъ на Олимпѣ; Геба наполняетъ чашу Юпитера нектаромъ; вакханки пляшутъ вокругъ Вакха; дѣвушки приносятъ жертвы Венерѣ и Амуру; танцовщики и танцовщицы плѣняютъ васъ роскошными позами; музыкантъ играетъ на флейтѣ; а вотъ мчится цѣлая толпа восторженныхъ поклонниковъ бога гроздій, предводимая Силеномъ въ комической маскѣ... Подобныя сцены, какъ видите, нимало не намекаютъ о смерти, несмотря на то, что почти всѣ эти вазы составляли существенную принадлежность гробницъ.

Знатоки дѣла почитаютъ достойными особеннаго вниманія три вазы, на которыхъ изображены: послѣдняя ночь Трои, Кассандра и оргія вокругъ статуи Вакха.

Нѣкоторыя вазы сохранили намъ миѳы неизвѣстные, сцены таинственныя, о которыхъ не упоминаетъ ни одинъ писатель.

Между тысячами этихъ изображеній, нельзя не замѣтить нѣсколько патетическихъ, какъ, напримѣръ, эта женщина, преслѣдуемая воиномъ и обнявшая гробничный камень. Встрѣчаются странныя, даже загадочныя, напримѣръ, женщина, которая съ ужасомъ видитъ у себя крыло, выростающее на мѣстѣ руки; сатиръ въ костюмѣ, похожемъ на арлекинскій; далѣе, Силенъ, въ такой же одеждѣ и въ черной маскѣ; наконецъ вотъ и античный паяцъ, актёръ, и костюмомъ и комическою тучностью напоминающій современнаго пульчинелло.

Принимая въ соображеніе древность вазы, можно полагать, что это — лицо, являвшееся въ ателланахъ и доказывающее, что арлекины и пульчинелли и тогда уже разъигрывали свои роли.

Digitized by Google

Тутъ же можно видѣть античныя игрушки, изъ обожженой глины, найденныя въ дѣтскихъ могилахъ.

Кабинетъ, гдѣ хранятся драгоцѣнныя вещи, привлекаетъ на себя особенное вниманіе посѣтителей, хотя и самые тривіальные предметы, принадлежавшіе древнимъ, пріобрѣтаютъ въ глазахъ нашихъ значительную цѣну.

Здѣсь античныя золотыя вещи разложены передъ вами, какъ въ магазинѣ ювелира. Эти кольца, браслеты, серьги, медальйоны, цѣпочки и діадемы вы разглядываете съ жаднымъ любопытствомъ, почти съ трепетомъ сердца, какъ-будто всѣ они принадлежали вашимъ прелестнымъ знакомкамъ. Всѣ эти вещицы отличаются граціозностью формъ еще болѣе, чѣмъ отчетливостью отдѣлки; однѣ изъ нихъ, причудливо-сплетенныя изъ тончайшей золотой проволоки, легки, какъ кружево; другія, напротивъ, даже негоціантокъ ужасаютъ своею массивностью — могуча была рука, украшавшаяся браслетомъ, въ которомъ вѣсу болѣе фунта!

Отъ древней одежды уцѣлѣлъ только лоскутъ грубой ткани изъ асбеста; но вотъ всѣ принадлежности женскаго туалета: металлическое зеркальце, осколки гребней, костяныхъ и металлическихъ, иголки и наперстки; алебастровая ваза съ благовоніями, ящичекъ, гдѣ красавица находила все нужное, отъ зубочистки до косметическихъ средствъ, вотъ даже чашечка съ румянами — явное доказательство, что кокетство старо, какъ человѣческій родъ.

Головной уборъ послѣдней моды 79-го года нашей эры, сохраненъ въ томъ видѣ, какъ найденъ на женскомъ скелетѣ въ домѣ помпейскаго богача Діомеда.

А вотъ маленькая урна съ горстью бѣловатаго пепла — это все, чтò осталось отъ этой женщины, которой скелетъ, едва-вырытый изъ волканическаго наноса, разсыпался прахомъ; но драгоцѣнности, деньги и даже клочекъ кошелька, съ которымъ злополучная искала спасенія, уцѣлѣли и лежатъ передъ вами за стекломъ.

Между серебряными вещами многія принадлежатъ къ женскимъ нарядамъ, аграфы, пряжки, булавки для косы, кольца, остатки разныхъ вещицъ и зеркало, въ которомъ любовались собою древнія кокетки. Нѣкоторыя изъ этихъ вещицъ очень-похожи на нынѣшнія; далѣе видите серебряныя вазы, треножники, свѣтильники, тарелки, серебряныя ложки; ручка античной ложки оканчивается остріемъ и могла служить вилкой, *ligula*. Нѣкоторые кубки украшены превосходными барельефами: вы замѣтите на нихъ вакханалію, апоѳеозу Геркулеса, Діану съ Аполлономъ и смерть Клеопатры.

Digitized by Google

Русскихъ путешественницъ всего болѣе здѣсь интересуетъ маленькое ситочко, сплетенное изъ тончайшихъ металлическихъ нитей и до-крайности похожее на наши чайныя ситочки.

Камеи, рѣзные и поддѣльные камни представляютъ здѣсь также весьма-богатую коллекцію. На одномъ изъ этихъ камеевъ изображена извѣстная группа фарнезскаго «Вола», на другомъ, изображенъ античный пѣтушій бой; геній съ пальмовой вѣтвью стоитъ подлѣ пѣтуха-побѣдителя; другой, унылый — подлѣ побѣжденнаго.

Но едва ли не самою рѣдкою древностью здѣсь можетъ почесться tazza farnesiana, чаша изъ оникса, найденная въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ развалинахъ виллы Адріана. На внѣшней, выпуклой ея сторонѣ античный граверъ изобразилъ юпитеровъ щитъ съ головой Медузы, обвитой змѣями. Къ-несчастью, кому-то вздумалось сдѣлать изъ этого единственнаго въ мірѣ камея пиршественную чашу, и потому голова Горгоны просверлена, для подставки. Внутренняя сторона занята изображеніемъ апоѳеозы Птоломея I, какъ объясняютъ антикваріи. Тутъ нашли они и фигуру Нила, и нимфъ этой рѣки, и богиню Изиду съ своимъ сфинксомъ.

Нумизматикъ найдетъ здѣсь значительное собраніе медалей и монетъ едва-ли не всѣхъ народовъ древней Италіи и колоній Великой Греціи и Сициліи; кромѣ-того, монеты греческія, римскія временъ консуловъ и императоровъ, арабскія (куфическія) и наконецъ неаполитанскія.

Вмѣстѣ съ драгоцѣнностями хранятся здѣсь остатки яствъ, овощей и плодовъ, которые Везувій помѣшалъ помпейцамъ потребить въ свое время и сохранилъ въ прокъ на цѣлый рядъ столѣтій. Рожь, мансъ, каштаны, фиги, миндаль, виноградъ, рисъ, бобы, мясо и рыбій остовъ, яица, цѣльныя и разбитыя, и между ними одно страусово — все это сохранило свои натуральныя формы, хотя и утратило свой цвѣтъ, потому-что пепелъ придалъ всему свой колоритъ, а многое и совершенно обуглилось.

Вотъ полдюжины герметически закупоренныхъ трубокъ, гдѣ сохранились, въ маслѣ, оливки и рыбки, античныя сардинки; далѣе сосудъ съ медомъ, который принялъ видъ рыхлаго бѣловато-жолтаго камня, и въ стеклянныхъ амфорахъ засохшее вино и масло.

Вотъ мука, пожелтѣвшая въ стеклянномъ сосудѣ.

Вотъ кусокъ тѣста, сохранившій слѣды оттиснувшейся на немъ салфетки, и даже лоскутокъ ея; а вотъ и два античные круглые хлѣба, въ видѣ пироговъ, и на одномъ изъ нихъ выпечатана надпись: ERIS

Digitized by Google

Q. CRANI....... RI. SER. Вы видите, до чего достигло и гдѣ остановилось развитіе индустріи у древнихъ. Въ Геркуланѣ были найдены металлическія рельефныя литеры, которыми оттискивалось въ тѣстѣ имя хлѣбника; другими, накаленными литерами выжигались надписи на деревѣ. Еще одна попытка, и оттиски перешли бы на папирусъ.

Съ особеннымъ любопытствомъ разсматриваете вы здѣсь самыя обыкновенныя вещи, каковы: мотки нитокъ, бичевки пеньковыя и тростниковыя, остатки сѣти, лоскутья сукна и шерстяныхъ тканей, свѣтильни, пробки, губки, куски сѣры, смолы, краски, палитру съ слѣдами розовой краски, мраморные песты и иготи, сотни хозяйственныхъ мелочей, ящичекъ съ медикаментами... но всего не припомнить.

Показываютъ вамъ также немало обугленныхъ веществъ, которыя, при небольшомъ напряженіи воображенія, вы согласитесь называть медомъ, мыломъ и такъ далѣе. Но я не стану утомлять ваше терпѣніе.

Изъ богатой неаполитанской библіотеки повели меня въ хранилище папирусовъ, stanze de'papiri, гдѣ цѣлые шкапы наполнены античными манускриптами, найденными въ одномъ изъ домовъ Геркуланума.

Эти испепеленные сильнымъ жаромъ свитки, цвѣтомъ очень-похожи на свертки листоваго табака. Сплюснутые, угловатые, они чрезвычайно-хрупки и разсыпаются отъ малѣйшаго неловкаго прикосновенія. Почти ни одного манускрипта нѣтъ цѣлаго. Кромѣ-того, не знаю сколько папирусовъ истреблено господами химиками Деви и Сиклеромъ, которые подвергали ихъ безплоднымъ опытамъ.

Открытіе этихъ папирусовъ возбудило много надеждъ въ ученомъ мірѣ. Наконецъ-то, полагали, прочитаемъ мы книги Тацита или Тита-Ливія, истребленныя временемъ или варварами; наконецъ-то отыщутся комедіи Менандра, извѣстнаго намъ по однимъ отрывкамъ, или какое-нибудь произведеніе Софокла, котораго мы знаемъ только по семи уцѣлѣвшимъ трагедіямъ, между-тѣмъ какъ онъ написалъ ихъ сто-двадцать!

Но надежды ученаго міра до-сихъ-поръ не осуществляются. Терпѣливые кописты не развернули еще и полусотни свитковъ, и плодомъ вѣковаго труда явилось нѣсколько незначительныхъ трактатовъ о реторикѣ, морали и музыкѣ, написанныхъ бо̀льшею-частью погречески. Филодемъ, Полистратъ, Карнисій, Хрисиппъ — вотъ имена, вырытыя изъ геркуланской золы. Между этими писателями встрѣчаются чаще всего философы школы Эпикура.

Развернутые и уже скопированные папирусы развѣшаны по стѣнамъ въ рамкахъ. Очевидно, это не автографы. Красота и правильность этихъ

Digitized by Google

письменъ обличаетъ механическую, даже, можетъ-быть, не строго-точную работу копистовъ. Античные писаря были мастера каллиграфіи; но теперь черныя буквы весьма-неявственно обозначаются на темномъ грунтѣ. Исписанные съ одной только стороны, эти длинные листы, по мѣрѣ развертыванія, мало-по-малу наклеиваются на какую-нибудь тонкую ткань. Работа мѣшкотная, требующая необыкновеннаго терпѣнія и осторожности. Въ-продолженіе цѣлаго дня, прилежнѣйшій копистъ не разбираетъ болѣе нѣсколькихъ строкъ на испепеленномъ манускриптѣ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

Digitized by Google

ПОМПЕЯ.

ИЗЪ НЕАПОЛИТАНСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Статья вторая и послѣдняя.

III.

Опять въ Помпеѣ. Пишу это въ домѣ Мелеагра, на бѣло-мраморномъ столѣ, который поддерживаютъ два сфинкса, изваянные весьма-художественно. Подъ столомъ въ мозаичномъ полу два углубленія, прикрытыя мраморными досками: тутъ у чичероне хранится пара фольеттъ вина, по обычаю древнихъ, которые любили вино холодное. И я не прочь освѣжиться послѣ долгой прогулки по раскаленной солнцемъ мостовой античнаго города. Но мнѣ нравится блуждать по этимъ пустыннымъ улицамъ. На чисто-выметенной мостовой вы не видите ни травки, ни клочка мха; кирпичъ полуобрушенныхъ стѣнъ такъ розовъ, живопись въ домахъ такъ свѣжа, что вамъ по-неволѣ не вѣрится въ двадцативѣковую древность города. Кому прійдетъ на умъ, что граждане въ тюникахъ и тогахъ толпились на улицахъ, гдѣ изрѣдка встрѣчается теперь какой-нибудь художникъ, накинувшій на плечо легкій пиджакъ, или укрывшійся подъ зонтикомъ туристъ, котораго преслѣдуетъ неизбѣжный чичероне. И мы заходимъ въ каждую дверь, дѣлаемъ сотни визитовъ, какъ-будто общимъ знакомцамъ, и нигдѣ не находимъ хозяина. Повсюду колонны полуобрушенныя; рѣдко гдѣ уцѣлѣла капитель; ни

Digitized by Google

сводовъ, ни крышъ — все исчезло, такъ-что часто трудно отличить залу отъ двора, или перестиля, гдѣ нѣкогда былъ садъ. Мѣстами, въ обобранный домъ привлекала меня бѣлѣющаяся статуя; но это была гипсовая копія, поставленная на мѣсто подлиннаго мрамора, убраннаго въ музеумъ. У нѣкоторыхъ жилищъ нынче придѣланы деревянныя рѣшотки, или топорной работы двери. Проводникъ вашъ стучится въ нихъ, и когда дверь отворяется, отступаетъ въ сторону; принимаетъ васъ въ античныхъ покояхъ какой-нибудь сонный сторожъ, поселенный подъ покровительство помпейскихъ пенатовъ. Двое ребятишекъ бросаются усердно сметать съ мозаичнаго помоста щебень, которымъ эта мозаика потомъ снова засыпается, длятого, чтобъ ребятамъ была постоянная работа и новое вознагражденіе при приходѣ новаго посѣтителя. На мои замѣчанія, что мозаика неминуемо будетъ исцарапана, они отвѣчали, что, во всякомъ случаѣ, слой мусора защищаетъ ее отъ вліяній атмосферическихъ.

Съ ужасомъ услышалъ я отъ одного изъ этихъ *хранителей древностей* о томъ, какой способъ употребляютъ они для возобновленія колорита античной живописи.

Разсматривая въ одномъ домѣ расписанныя стѣны, я замѣтилъ хранителю ихъ, что живопись значительно поблекла и даже стюкъ подъ нею истрескался.

— Давно вырыта, синьйоръ, годовъ двадцать будетъ, а была гораздо поярче.

— Какъ жаль, что воздухъ такъ скоро портитъ то, что зола сохраняла впродолженіе столѣтій!

— Угодно синьйору видѣть колоритъ въ прежнемъ видѣ?

И онъ наклонился къ мѣдному ведру, до половины наполненному водою.

— Чтò ты хочешь дѣлать? спросилъ я въ недоумѣніи.

— А хочу обдать немножко стѣну водой: это сейчасъ оживляетъ живопись.

Я удержалъ бездѣльника за руку.

— Оживляетъ на минуту; но вѣдь это ускоряетъ ея разрушеніе. Такъ вотъ какъ вы охраняете древности!

— Э, синьйоре, вѣдь это удивительно какъ прочно, продолжалъ варваръ, потирая картину своимъ черствымъ пальцемъ. Тутъ наведенъ какой-то восковой лакъ; вода его не беретъ; вѣдь это не фрески: фресковая живопись, та смылась бы сразу.

Digitized by Google

— А синьйору Бонуччи извѣстенъ вашъ способъ обновленія колорита?

Едва было произнесено это имя, безпечность моего сметливаго хранителя исчезла мгновенно, лицо его видимо удлиннилось, онъ оторопѣлъ и забормоталъ что-то о дѣтяхъ, о кускѣ хлѣба и проч. Когда я уходилъ, бѣднякъ забылъ даже потребовать за труды свои вознагражденія, началъ величать меня *эччеленцой* и вызвался сопровождать меня далѣе, говоря, что мой чичероне ничего не смыслитъ въ древностяхъ.

На перекресткѣ мы встрѣтили какого-то любознательнаго художника, который сидѣлъ на троттуарѣ съ карандашомъ и своей памятной книжкой. Онъ срисовывалъ давно-упавшую, полуразбитую капитель, на которой еще сохранилось нѣсколько фантастическихъ листьевъ и маска вмѣсто розетки.

При видѣ этого мирнаго занятія, мой добровольный проводникъ нахмурилъ брови, выступилъ впередъ и сказалъ строгимъ тономъ:

— Синьйоре! срисовывать картины и памятники въ Помпеѣ воспрещается.

Рисовальщикъ приподнялъ голову и устремилъ взглядъ на говорившаго, какъ человѣкъ, желающій убѣдиться, не съ полоумнымъ ли онъ имѣетъ дѣло.

— Можетъ-быть, синьйоръ имѣетъ дозволеніе?

Художникъ улыбнулся презрительно и продолжалъ чертить. Тогда хранитель древностей съ грознымъ жестомъ всталъ между рисовальщикомъ и разбитой капителью.

— Гдѣ вашъ проводникъ? Какъ вы попали сюда? гремѣлъ онъ, какъ-будто уличилъ злоумышленника на мѣстѣ преступленія.

Но достаточно было одного моего взгляда для укрощенія строгаго custode; кстати, въ ту минуту прибѣжалъ отлучившійся проводникъ рисовальщика, и они были оставлены въ покоѣ.

Помпейскія развалины вообще небольшая находка для живописца. Волканическая зола слишкомъ-хорошо предохранила эти зданія отъ вліянія времени, которое разрушаетъ такъ поэтически. Заботливая рука человѣка слишкомъ тщательно очистила ихъ отъ упавшихъ фронтоновъ и колоннъ. Природа еще не овладѣла этими развалинами: ломаныя линіи полуобрушенныхъ стѣнъ еще не вездѣ прикрыты зеленью; кирпичъ еще не одѣлся мхомъ и плющомъ, вмѣсто стюка и мрамора; разбитые мозаичные полы не украсились пахучими цвѣтками; роскошные листья аканта и алоя не замѣнили собой исчезнувшихъ капителей.

Digitized by Google

Остатки храмовъ и другихъ общественныхъ зданій одни сколько-нибудь живописны.

Помпейскіе театры уцѣлѣли въ такой степени, что не похожи на развалины. Въ сосѣдствѣ съ ними я нашелъ капище Изиды, знакомое мнѣ по множеству рисунковъ. Это миньятюрное зданіе расположено посреди дворика, обнесеннаго портиками. У входа въ капище уцѣлѣлъ каменный жертвенникъ, на которомъ, подъ открытымъ небомъ, сожигались жертвы.

Въ глубинѣ святилища на алтарѣ стояла статуя египетской богини, найденная въ обломкахъ. Въ нишахъ были статуя Вакха и прелестная статуя Венеры, выходящей изъ волнъ. На всѣхъ этихъ мраморахъ сохранились остатки позолоты и красокъ. По множеству открытыхъ здѣсь художественныхъ украшеній и цѣнной храмовой утвари надо полагать, что капище Изиды было одно изъ богатѣйшихъ въ Помпеѣ.

Занесено ли было египетское идолопоклонство въ Помпею посредствомъ ея торговли съ Александріею, или оно утвердилось вслѣдствіе того, что древніе римляне боялись каждаго чужаго божества, которое гдѣ-нибудь пользовалось значительнымъ авторитетомъ, какъ бы то ни было, а Изида была у помпейцевъ въ большой модѣ и считалась покровительницей порта и морской торговли. Изъ надписи узнаёмъ, что изидинъ храмикъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ и перестроенъ иждивеніемъ Нумерія Попидія Цельсина.

При входѣ въ капище, найдены двѣ чаши для люстральной воды и кружка для приношеній, безъ-сомнѣнія, богинѣ, а не бѣднымъ, потому-что милосердіе въ ту пору еще не было извѣстно въ Помпеѣ. По-крайней-мѣрѣ здѣсь мы не находимъ и слѣдовъ какого-нибудь благотворительнаго заведенія. Таинственное служеніе Изидѣ остается весьма-неразъясненнымъ, хотя и сохранились инструменты для жертвоприношеній и бронзовая утварь, египетскіе амулеты, канделябры и лампы. На стѣнахъ капища были даже найдены живописныя изображенія, изъ египетскихъ мистерій, анубисъ съ собачьей головой, жрецы съ пальмовыми вѣтвями, ибисы, дельфины и разныя арабески.

Въ одной изъ подземныхъ камеръ, именно въ той, которая устроена подъ жертвенникомъ богини, пепломъ засыпанъ былъ жрецъ, вѣроятно, отправлявшій обязанности оракула. Въ другой камерѣ лежалъ скелетъ съ желѣзнымъ ломомъ въ рукахъ, и нѣсколько кирпичей, разбитыхъ въ стѣнѣ обличали попытку бѣдняка освободиться изъ нежданнаго плѣна. Въ жилищѣ жрецовъ, подлѣ храма, на порогѣ найденъ скелетъ, подлѣ котораго лежали девять золотыхъ монетъ, триста шестьдесятъ серебря-

Digitized by Google

ныхъ, различныя вазы и жертвенныя чаши изъ того же металла. Это безъ-сомнѣнія, жрецъ, застигнутый смертью, когда онъ убѣгалъ, захвативъ съ собою сокровища богини.

Въ сосѣдствѣ съ полуразрушеннымъ египетскимъ капищемъ мнѣ указали мастерскую ваятеля, гдѣ были найдены начатыя статуи, вокругъ нихъ инструменты ваятеля и наконецъ пила, оставленная въ полураспиленной глыбѣ мрамора.

«Здѣсь же, замѣтилъ мой чичероне, нашли бѣломраморное яйцо, какія подкладываются подъ дурныхъ насѣдокъ, что̀ дѣлается и понынѣ».

Художникамъ въ Помпеѣ было довольно работы. За шестнадцать лѣтъ до гибельнаго изверженія Везувія, городъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія, и не успѣлъ еще оправиться. Жители съ полною благонадежностью возобновляли свои храмы и свои эпикурейскіе пріюты; однако, надо признаться, что бо̀льшая часть этихъ реставрацій нелестно говорятъ о послѣднемъ вкусѣ помпейцевъ. Чистый греческій стиль они старались повсюду замѣнять искаженнымъ римскимъ. Изящная простота, строгій вкусъ въ архитектурѣ приносились въ жертву блеску, цвѣтистости декорацій.

Мрамора на свои жилища помпейцы не расточали. Колонны и пилястры, точно также, какъ и всѣ эти стѣны, сложены изъ кирпича и покрыты слоемъ твердой штукатурки и сверху слоемъ полированнаго стюка. При видѣ этихъ легкихъ построекъ, понятно, почему ни въ Римѣ, ни другихъ мѣстахъ не сохранилось ни одного частнаго дома древнихъ. Еслибъ волканическая зола не сберегла Помпеи, то объ античныхъ жилищахъ мы не имѣли бы никакого положительнаго понятія. Прочно и монументально строились у древнихъ однѣ общественныя зданія. Но замѣчательно въ Помпеѣ отсутствіе безобразныхъ притоновъ нищеты. Въ скромнѣйшемъ античномъ жилищѣ встрѣчаете украшенія, колонны, лѣпную работу, стѣнную живопись. Искусство, очевидно, было доступно не однимъ богачамъ.

Улица Меркурія — одна изъ просторнѣйшихъ улицъ Помпеи и также представляетъ непрерывную цѣпь лавокъ и магазиновъ; но, судя по чрезмѣрной тѣснотѣ помѣщеній, должно думать, что мелочная торговля здѣсь преобладала. Вообще Помпея является городомъ меркантильнымъ. Воинственные римляне, почитавшіе торговлю ремесломъ низкимъ, конечно, были соблазнены здѣсь коммерческими стяжаніями грековъ, которые искони славились этими способностями. Лавками унизаны въ Помпеѣ даже домы богачей; случается, лавки имѣютъ сообщеніе съ весьма изящными жилищами, изъ чего можно заключить, что древніе патриціи

Digitized by Google

открывали у себя торговлю виномъ, оливковымъ масломъ и другими продуктами своихъ земель, какъ это и до-сихъ-поръ дѣлается у итальянской аристократіи.

Въ улицѣ Меркурія прежде всего показываютъ вамъ сукновальню и красильню; но всѣ добытые здѣсь инструменты, и даже картины, изображающія античные способы производства тканей, перенесены въ музеумъ.

Въ одномъ изъ этихъ домовъ, между многими стѣнными картинами встрѣтилось изображеніе актеровъ, исполняющихъ сцену изъ комедіи Плавта. Эта картина лучше всякаго описанія даетъ понятіе о расположеніи и сценической декораціи римскаго театра. Въ нишѣ одной изъ стѣнъ сада сохранился маленькій водометъ, изукрашенный разноцвѣтной мозаикой, камешками и раковинами; все это такъ свѣжо, что вы ждете — вотъ сейчасъ заструится вода, упадая по тремъ уступамъ въ мраморный бассейнъ. Пара мраморныхъ масокъ готовы попрежнему скрыть за собою лампы и бросить изъ отверстій глазъ и рта эффектное освѣщеніе на статуи фонтана.

Въ сосѣднемъ домѣ нишь фонтана убрана мраморомъ, мозаикой и раковинами еще изысканнѣе. Вода струилась здѣсь изъ открытаго рта мраморной маски. Посреди бассейна стояла бронзовая статуйка крылатаго генія, а съ борта — бронзовый рыболовъ удилъ рыбу.

«Такихъ смѣшныхъ фонтановъ, замѣтилъ подошедшій къ намъ нѣмецкій путешественникъ: — не допустилъ бы въ своемъ саду никакой баронизированный банкиръ».

Въ-самомъ-дѣлѣ въ Помпеѣ существовали люди съ дурнымъ вкусомъ. Мелочность стиля въ украшеніи этихъ фонтановъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ той изящной простотою, съ той неизысканною прелестью, какими отличается не только бóльшая часть произведеній искусства; но и даже самой обыкновенной античной утвари. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь встрѣчается замѣтный переходъ къ вкусу нынѣшняго неаполитанца, пристрастнаго ко всему цвѣтистому, вычурному, преувеличенному. Вообще помпейцы, какъ мы видимъ ихъ во множествѣ древнихъ картинъ и барельефовъ, въ сценахъ матеріальной жизни, своими жестами, мимикой и позиціями, до такой степени похожи на нынѣшнихъ неаполитанцевъ, что, кажется, ихъ раздѣляютъ какіе-нибудь десятки лѣтъ.

Въ улицѣ Меркурія, на внѣшней сторонѣ одного дома изображено было жертвоприношеніе древнихъ. Въ этой картинѣ являются носилки съ кумирами, до-крайности сходныя съ тѣми, какія употребляются и нынѣ неаполитанцами.

Digitized by Google

Изъ улицы Меркурія я вышелъ въ улицу Фортуны. Эта длиннѣйшая изъ помпейскихъ улицъ пролегаетъ черезъ весь городъ отъ восточныхъ воротъ къ западу, гдѣ, вѣроятно, оканчивалась у самаго моря. Здѣсь вторично я посѣтилъ домъ Фавна, или Большаго Мозаика, потомъ постучался у деревянной рѣшотки одного изящнаго дома, куда я не могъ проникнуть въ прошлую поѣздку, по той причинѣ, что ключъ находился у директора въ Неаполѣ! На этотъ разъ я былъ счастливѣе. Это прелестное жилище названо «Домомъ Поэта», по картинѣ, изображающей человѣка, со свиткомъ въ рукѣ, декламирующаго какое-то трагическое произведеніе. «Домъ Поэта» вѣрнѣе слѣдовало бы называть «Домомъ Мецената». Съ порога бросается на посѣтителя мозаичный цѣпной песъ: *Cave canem*, «берегись собаки» говоритъ надпись. Не золотой ли былъ это вѣкъ, когда, для охраненія жилищъ достаточно было собакъ мозаичныхъ? Въ этомъ роскошномъ пріютѣ было отрыто множество драгоцѣнностей, женскихъ украшеній, медалей и порядочное количество костей. Множество замѣчательныхъ произведеній стѣнной живописи и мозаикъ, которыми я любовался въ музеумѣ, будутъ, безъ-сомнѣнія, возвращены этому дому, потому-что онъ реставрируется. Архитекторы, конечно, мечтаютъ возстановить все въ античномъ стилѣ; но найдутся ли между ними люди съ античнымъ инстинктомъ прекраснаго?

По-счастью, подлинныя украшенія стѣнъ сохранились: прощаніе Ахилла съ Бризендой, Венера въ позѣ Медицейской, амазонки на колесницахъ, сражающіяся съ пѣшими воинами; нагая Ифигенія, несомая на жертвенникъ двумя жрецами и умоляющая своего отца, какъ въ трагедіи Эврипида; поэтъ со свиткомъ въ рукѣ, декламирующій, вѣроятно, стихи.

Въ библіотекѣ, на стѣнахъ были изображены папирусы съ греческими письменами; въ триклиніумѣ стѣны расписаны были архитектурной декораціей, съ вазами цвѣтовъ и плодовъ, съ танцовщицами и нѣкоторыми сюжетами изъ миѳологіи. Мозаики этого дома едва-ли не замѣчательнѣе живописи. Особенно любопытенъ мозаикъ, изображающій пробу драматическаго представленія. Тутъ вы видите закулисный міръ древнихъ; глубина сцены украшена іоническими колоннами; капители связаны между собою лиственными гирляндами. Бородатый и лысый старикъ, директоръ труппы, choragus, декламируетъ передъ двумя актерами, у которыхъ весь костюмъ состоитъ изъ короткаго мѣховаго набедренника и маски; одинъ изъ нихъ приподнялъ свою маску на голову, чтобъ внимательнѣе вслушаться въ чтеніе старика. Позади его разложены маски и виденъ актеръ, одѣвающійся съ помощью прислужника.

Digitized by Google

Въ этомъ пріютѣ искусства и роскоши найдено, кромѣ-того, множество женскихъ украшеній, золотыхъ вещей, медалей, и также не мало скелетовъ.

Домъ эдила Пансы едва-ли не обширнѣйшее изъ частныхъ зданій Помпеи. Оно окружено четырьмя улицами. Кромѣ нѣсколькихъ лавокъ, въ немъ повидимому отдавались въ наемъ три особыя квартиры, не считая жилища самого хозяина, которое отдѣлано было съ отмѣнною роскошью. Подъ однимъ изъ его портиковъ и въ саду найдены прекрасный канделябръ и бронзовая група Вакха и Ампела, которая была прислонена къ стѣнѣ и обвернута какою-то тканью; вѣроятно, эту художественную драгоцѣнность намѣревались спасти, но забыли посреди общаго смятенія. И здѣсь я нашелъ открытый атріумъ и бассейнъ съ разрушеннымъ фонтаномъ, которымъ освѣжался садикъ, окруженный гостиными, столовою и спальнями. Кое-гдѣ уцѣлѣли мозаичные полы и стѣнная живопись. Расписана была даже кухня: тутъ изображены: вертелъ, ветчина, угорь; далѣе, жертвенникъ передъ печной богиней, Dea Fornax

Въ кухнѣ уцѣлѣлъ очагъ съ пепломъ и множество древней глиняной посуды, которая, замѣчу кстати, столько же превосходитъ нынѣшнюю красотою формъ, сколько и хрупкостью.

Въ Консульской Улицѣ показываютъ домъ, названный *таможней*, хотя это могли быть просто кладовыя для склада товаровъ. Тутъ найдены мраморныя и свинцовыя гири, вѣсы, безмѣны. На коромыслѣ одного изъ нихъ выгравирована надпись, удостовѣряющая въ томъ, что безмѣнъ вывѣренъ въ Капитоліѣ, въ царствованіе Веспасіана и Тита.

Зайдемте въ таверну Фортуната, посмотримъ, гдѣ древніе освѣжались своимъ виномъ, приправленнымъ ароматами, или снѣгомъ. Это — каморка пустая, непріютная; но заботливый проводникъ спряталъ здѣсь для васъ между, кирпичами, бутылку Lacryma. Освѣжитесь, поминая древнихъ.

Далѣе, подъ вывѣской змѣи, показываютъ домъ, гдѣ найдены разные медикаменты въ глиняныхъ сосудахъ и иготяхъ. Въ этой же улицѣ открыты солнечные часы, повидимому сдѣланные въ Египтѣ, для мемфисскаго меридіана.

Далѣе, на Консульской Улицѣ, васъ вводятъ въ античную пекарню. Печь и четыре мукомольныя мельницы устроены на дворѣ, подъ открытымъ небомъ. Печь древняго хлѣбника почти ничѣмъ не отличается отъ русской печи, развѣ только тѣмъ, что ея устье и подпечье выведены полуциркульнымъ сводомъ. Что касается до мельницъ, то онѣ

Digitized by Google

отшедь не такъ предусмотрительно устроены, какъ нынѣшнія. Вообразите каменный, утвержденный своимъ основаніемъ на пьедесталѣ конусъ; на него надѣта плотно-облегающая его, но вращающаяся коническая шапка, тоже выдолбленная изъ волканическаго камня; въ устье, устроенное сверху, насыпалось зерно, и треніемъ камня превращалось въ муку, очень-плохую. Рабы или ослы ворочали эту тяжесть — можно было пожалѣть тѣхъ и другихъ. Плавтъ и Теренцій знакомы были съ этой работой, когда были рабами.

И здѣсь Везувій прервалъ вседневную дѣятельность помпейскаго хлѣбника. Большія амфоры, наполненныя зерновымъ хлѣбомъ и мукою, готовые хлѣбы пролежали тутъ подъ волканической золой семнадцать столѣтій.

Миновавъ пекарню, вы увидите изящный атріумъ дома, на стѣнѣ котораго красными литерами начертано имя Саллюстія. При открытіи этого дома, въ немъ замѣтны были слѣды прежнихъ раскапываній. Остатки мозаичныхъ половъ и граціозныхъ архитектурныхъ орнаментовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что это жилище было устроено не безъ роскоши. Отсюда, между-прочимъ, унесено нѣсколько картинъ, составляющихъ украшеніе музеума: Діана, наказывающая Актеона, Марсъ и Венера, Эндиміонъ и проч. При домѣ были лавки, изъ которыхъ одну владѣлецъ отдавалъ въ наемъ мраморщику, другую—подъ пекарню. Тутъ еще разъ встрѣчаете русскую печь и еще три мельницы.

Термополіи, то-есть лавки, гдѣ продавались разные напитки, преимущественно подогрѣтые, встрѣчаются въ Помпеѣ едва не на каждомъ шагу. Эти каморки обыкновенно перегорожены кирпичной, часто покрытой мраморомъ стойкой, за которой помѣщался продавецъ. Многія такія стойки устроены въ видѣ маленькаго очага; въ нихъ вмазаны горшки, подъ которыми разводился огонь.

На углу Консульской Улицы и какого-то переулка мнѣ указали на остатки водомета, какіе здѣсь были на многихъ перекресткахъ.

Далѣе, вошелъ я въ сѣни дома, гдѣ опять встрѣтило меня привѣтствіе «salve».

— Это жилище Весталокъ, сказалъ проводникъ.

— Что же тутъ осталось отъ этихъ красавицъ?

— Здѣсь была картина, изображавшая жертвоприношеніе какихъ-то жрицъ; полагали, что это жрицы Весты.

Не приняли ли антикваріи эту изящную гостиную съ колоннами за храмикъ и не посвятили ли его богинѣ Вестѣ? Жилище полуразру-

Digitized by Google

шено и не столько временемъ, сколько руками энтузіастовъ искусства. Вы видите здѣсь блѣдные остатки стѣнной живописи и мозаикъ.

Но отсюда унесено много предметовъ роскоши. Эта божница, sacrarium, была изукрашена мозаикой и статуйками; въ столовой полъ былъ искусно вымощенъ небольшими стеклышками, что производило свой эффектъ при вечернемъ освѣщеніи; въ уборной разбросаны были разныя золотыя, женскія украшенія. Въ ванну струилась вода изъ груди мраморной наяды.

По лѣвой сторонѣ Консульской Улицы лежатъ развалины, очевидно, высокихъ зданій, которыя, конечно, украшали помпейскую набережную, когда море шумѣло подъ стѣнами Помпеи. Они найдены разрушенными, вѣроятно, землетрясеніемъ 63 года и потому снова завалены. Теперь море удалилось отсюда версты на двѣ.

Передъ выходомъ въ Геркуланскія Ворота, вы заглянете въ домикъ, который названъ гостинницей Альбина, по имени, написанному на стѣнѣ.

Напротивъ этого дома существуетъ трактиръ, на дворѣ котораго я нашелъ колодезь и на закраинѣ его проточину отъ опускавшейся въ него цѣпи.

Трактиръ, или гостинница Агата Вайя, даетъ невыгодное понятіе о помпейскихъ гостинницахъ. Впрочемъ, тутъ останавливались только плебеи, да погоньщики муловъ, просившіе, какъ видно изъ сохранившейся на стѣнѣ надписи, покровительства эдила Куспія Пансы. Порядочные люди обыкновенно пользовались правомъ гостепріимства, и всегда останавливались у своихъ родственниковъ или знакомыхъ. Эта черта древнихъ римлянъ до-сихъ-поръ свойственна нашимъ провинціальнымъ путешественникамъ.

Тѣсныя комнаты трактира отсутствіемъ всякихъ удобствъ напоминаютъ восточные караван-сераи: тутъ вы видите каминъ и висячій бронзовый котелъ. Къ трактиру принадлежали два термополія, то-есть двѣ лавки для продажи теплыхъ напитковъ и, конечно, закусокъ. На мраморной доскѣ прилавка до-сихъ-поръ видны пятна отъ пролитаго вина или какого-нибудь инаго напитка и кружки, оттиснутые стаканами.

На стѣнѣ одной изъ лавокъ нарисованъ Меркурій съ кошелькомъ въ рукѣ.

Наконецъ вотъ и разрушенная арка Геркуланскихъ Воротъ. Еще недавно на нихъ можно было читать эдикты помпейскаго магистрата и афиши о боѣ гладіаторовъ Здѣсь, по узкой лѣстницѣ вы можете подняться на городскую стѣну, которая отчасти уцѣлѣла съ своими четы-

Digitized by Google

реугольными башнями; мѣстами она такъ широка, что по ней могли бы прокатиться рядомъ три колесницы.

За Геркуланскими Воротами открывается перспектива великолѣпной «Улицы Гробницъ». Представьте себѣ улицу, обставленную двумя рядами древне-римскихъ памятниковъ и кенотафовъ, слегка оттѣненныхъ молодыми кипарисами, выросшими на сугробахъ волканическихъ наносовъ. На темномъ грунтѣ этой зелени такъ хорошо рисуются суровые, но изящные профили бѣломраморныхъ мавзолеевъ. Многіе изъ нихъ воздвигнуты, въ видѣ жертвенниковъ, на высокихъ пьедесталахъ, и украшены барельефами, медальйонами, волютами. Здѣсь слѣды разрушенія почти незамѣтны; архитектурныя линіи цѣлы, барельефы точно недавно вышли изъ-подъ рѣзца художника; мраморъ бѣлъ и только мѣстами время покрыло его своимъ теплымъ колоритомъ; на мостовой и на троттуарахъ ни одинъ камень не тронутъ съ своего мѣста. Съ трудомъ вѣрится, что эти гробницы не навѣщаются ближними или друзьями.

Когда я вошелъ въ «Улицу Гробницъ», всѣ эти бѣлые монументы, съ ихъ барельефами и бюстами, были оживлены розовымъ свѣтомъ вечера. Зрѣлище было поэтическое. Вотъ безподобное мѣсто для отдохновенія и думы. Древніе это понимали. Между гробницами тутъ устроены двѣ бѣломраморныя полуциркульныя скамьи, на которыхъ могутъ помѣститься по десятку собесѣдниковъ. Когда я отдыхалъ потомъ на этомъ тепломъ мраморѣ, мнѣ мечталось, будто я былъ жителемъ древней Греціи : ни одиночество посреди гробницъ, ни мертвая тишина не навѣяли мнѣ на душу ни одной грустной мысли. Правда, передъ глазами моими было и сапфирное море, по которому рѣяли паруса, точно бѣлыя птицы, и живописная улица мавзолеевъ съ Везувіемъ на заднемъ планѣ.

Между гробницами встрѣчаются здѣсь и жилища, убранныя со всею роскошью сибаритизма. По лѣвую сторону «Улицы Гробницъ» вамъ указываютъ на полузарытыя развалины, названныя цицероновой виллой, хотя по уцѣлѣвшей древней надписи, можно ихъ предоставить Крассу Фругію. Кромѣ обыкновеннаго жилища, тутъ былъ термополій — заведеніе въ родѣ нынѣшнихъ кофеенъ, гдѣ собирались досужіе люди побесѣдовать. Въ этихъ-то развалинахъ найдены знаменитыя изображенія восьми танцовщицъ, четыре группы центавровъ и изображенія античныхъ канатныхъ плясуновъ, которые, повидимому, были поискуснѣе нашихъ.

Близъ развалинъ этой богатой виллы отрыта передняя часть другаго зданія, которое названо остеріей или гостинницей, на томъ основаніи,

Digitized by Google

что иноземцы и вообще окрестные жители не имѣли права останавливаться въ городѣ. Здѣсь найденъ остовъ мула съ мѣдными удилами, и желѣзныя шины отъ двухъ колесъ, множество глиняной и стеклянной посуды, и наконецъ два очага, для приготовленія пищи.

Подъ портикомъ лежали пять скелетовъ и вокругъ нихъ серебряныя и золотыя монеты. Вообще въ этой Улицѣ Гробницъ найдено погибшихъ помпейцевъ болѣе чѣмъ въ какой-либо другой улицѣ. Бѣжавшіе изъ города съ своими сокровищами были здѣсь застигнуты неумолимою смертью. И какія группы скелетовъ отрыты здѣсь изъ-подъ пепла: три человѣка погибли, прижавшись къ колоннѣ; сѣдой старикъ съ мѣшкомъ въ рукахъ, въ которомъ было 410 монетъ; мать, прижимавшая къ груди младенца и двухъ дочерей. Кости несчастныхъ были соединены и перемѣшаны между собою; они умерли, обнявшись.

Но вотъ еще рядъ гробницъ, одна другой великолѣпнѣе. Надписи на этихъ камняхъ такъ свѣжи, что кажутся вырѣзанными весьма недавно.

Никогда съ такимъ любопытствомъ не читалъ я эпитафій. Одна изъ этихъ гробницъ осталась недостроенною. На мраморной доскѣ, лежавшей еще на мостовой, была трогательная надпись: «*Servilia amico animi*», Сервилія другу души. При нѣкоторыхъ памятникахъ существуютъ колумбаріумы, въ которыхъ хранился пепелъ кліентовъ и вольноотпущенниковъ.

Великолѣпенъ мраморный монументъ Неволейи, Тихэ и Каія Мунація. Изъ надписи, вполнѣ-уцѣлѣвшей подъ женскимъ бюстомъ, прохожій узнаетъ, что декуріоны, съ согласія народа, пожаловали ему, Мунацію, *bisellium* — почетное сѣдалище, которое и представлено съ другой стороны на памятникѣ. На другомъ барельефѣ изображенъ корабль, на которомъ маленькіе геніи убираютъ паруса въ виду тихой пристани. Войдемте въ тѣсную храмину внутри монумента. Любознательность археологовъ не щадитъ даже и таинства смерти. Не всѣ урны уцѣлѣли въ этихъ маленькихъ нишахъ. Въ одной урнѣ найдена была горсть пепла, въ другихъ лампа и нѣсколько оболовъ, назначенныхъ для платы за провозъ Харону, который повидимому возитъ безмездно.

Два сосуда, заключенные въ свинцовую оболочку, содержали въ себѣ еще смѣсь вина, воды и масла, для возліянія. На барельефахъ гробницы Скавра изображены бои гладіаторовъ и дикихъ звѣрей.

Вотъ гробница въ видѣ жертвенника. Воздвигла ее, какъ гласитъ надпись, Децимилла, жрица Цереры, отцу и сыну изъ фамиліи Либелла. Но едва-ли не великолѣпнѣе всѣхъ помпейскихъ монументовъ ке-

Digitized by Google

нотафъ Кальвенція, съ барельефами и разными архитектурными орнаментами, замѣчательными и рисункомъ и отдѣлкой.

Вообще, всѣ эти памятники отличаются изяществомъ и благородствомъ формъ; на немногихъ замѣтны своенравныя архитектурныя украшенія, недопускаемыя строгимъ вкусамъ. Язычники любили украшать свои саркофаги и урны сценами жизни и старались самую смерть лишить ея суроваго и мрачнаго характера.

Вотъ и гробница отрока Сальвія, жившаго на свѣтѣ всего пять лѣтъ:

Salvius puer. vix. ann. V.

Далѣе, подъ мраморнымъ фронтончикомъ, въ нишѣ, представленъ мальчикъ съ вѣнкомъ на головѣ, и подъ изображеніемъ надпись:

Velasio Grato
Vix. ann. XII.

На концѣ этой поэтической Улицѣ Гробницъ, за группой молодыхъ кипарисовъ, виднѣются развалины обширнѣйшаго и прекраснѣйшаго изъ помпейскихъ жилищъ. Этотъ загородный домъ названъ «Виллой Діомеда» единственно потому, что напротивъ него существуетъ гробница, съ этимъ именемъ.

Это зданіе даетъ полное понятіе объ античномъ комфортѣ и о роскоши помпейскаго богача. Посреди просторнаго атріума, обставленнаго четырегранными колоннами, вы видите бассейнъ, вокругъ котораго благоухалъ цвѣтникъ. Восемь небольшихъ покоевъ расположены вокругъ этого изящнаго дворика. На помостѣ вы видите обломки мозаикъ, на стѣнахъ и колоннахъ остатки блестящаго стюка, и все это было оживлено живописью.

По лѣвую сторону перистиля находилась баня. Ванна окружена осьмигранными колонками, которыми поддерживались занавѣсы; въ печи найденъ закоптѣлый бронзовый котелъ, сковорода съ двумя ручками, таганъ и глиняные горшки.

Потомъ слѣдуютъ уютныя спальни, расписанныя, по алому грунту, изображеніями разныхъ птицъ. Далѣе, зала, гостиная и полукруглая столовая съ тремя окнами. Вы видите мѣсто, гдѣ былъ столъ, тутъ же выкопано изъ-подъ мусора много стеклянныхъ и бронзовыхъ вазъ и кружекъ, бронзовые треножники для лампъ, канделябръ изъ того же металла, въ видѣ дерева съ висячими лампами на сучьяхъ. Вообще этотъ домъ доставилъ музеуму не только множество статуэтокъ и предметовъ роскоши, но также и всю утварь древняго хозяйства:

Digitized by Google

ножи съ костяными черенками, ложки, кастрюли, разные сосуды, глиняныя тарелки, миски и даже пирожную форму.

Со стороны моря показываются развалины террасы, съ которой открывается видъ, обольстительный даже и нынѣ.

Вотъ узкая лѣстница, ведущая во второй этажъ; но отъ нея остались только полуобрушенныя стѣны.

Комната, въ которой на стѣнахъ были изображенія Минервы, Мельпомены, Ураніи и геніевъ, вѣроятно, назначалась для библіотеки; здѣсь также написанъ былъ человѣкъ, сидящій передъ круглымъ ящикомъ, наполненнымъ свитками папируса. На мозаичномъ полу существовали лоскутья ковра, конечно, почти истлѣвшіе.

Изъ библіотеки я вышелъ подъ портики, которыми обставленъ садъ, снова разведенный черезъ тысячу семьсотъ лѣтъ; архитектурныхъ линій тутъ уцѣлѣло немного; но надъ колоннадой синѣетъ то же прозрачное небо, съ единственнымъ облачкомъ дыма надъ вершиной Везувія... Владѣльцы этихъ жилищъ давно исчезли, но поэзія древней жизни осталась.

Въ знойные часы отсюда можно спуститься въ прохладную подземную галерею, гдѣ вы найдете пріятный полусвѣтъ и освѣжающій, но совершенно-сухой воздухъ.

Вотъ и цѣлый рядъ амфоръ, прислоненныхъ къ стѣнѣ: онѣ наполнены сѣрымъ пепломъ, который превратился въ твердую массу; но въ нихъ было вино, кипучее вино этой волканической почвы: иначе зачѣмъ бы стѣнки сосудовъ были такъ толсты?

Здѣсь-то, подъ этими сводами, въ часы катастрофы, искали спасенія жители роскошной виллы Діомеда. Женщины, незабывшія своихъ золотыхъ украшеній, мужчины, захватившіе драгоцѣнныя свои вещи, столпились здѣсь, въ надеждѣ переждать невиданное и неожиданное неистовство Везувія... но пепелъ, смѣшанный съ водой, проникъ сюда и затопилъ все подземелье. Эта волканическая масса, или грязь, впослѣдствіи отвердѣла и сохранила на себѣ оттиски существъ, погибнувшихъ въ ней незавидною смертью. Я видѣлъ въ музеумѣ отколотые пласты этого почти-окаменѣлаго пепла; на одномъ изъ осколковъ сохранилась вѣрная форма молодой женской груди; на другомъ—очертаніе руки, украшенной браслетомъ; на третьемъ — часть плеча и стана. Въ этой пепельной массѣ, точно на воскѣ, отпечатались даже тончайшія складки одеждъ.

У дверей, ведущихъ въ садъ, найденъ скелетъ, повидимому, самого хозяина дома, съ ключомъ въ рукахъ, и подлѣ него множество сереб-

Digitized by Google

ряныхъ и нѣсколько золотыхъ и мѣдныхъ монетъ, съ изображеніемъ Гальбы и Веспасіана.

Тутъ же лежалъ скелетъ, вѣроятно, раба, несшаго разную серебряную и бронзовую утварь.

Всѣ эти скелеты, отрытые изъ пепла, разсыпаются прахомъ, отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Только черепы, да нѣкоторыя толстыя кости устояли противъ этого разрушительнаго вліянія.

Весьма-ограниченное количество остововъ, найденное въ погибшихъ городахъ, служитъ доказательствомъ, что Везувій далъ жителямъ ихъ время оставить свои жилища, и даже захватить съ собою многія драгоцѣнности; такъ, напримѣръ, золотой и серебряной монеты оставлено въ Помпеѣ весьма-немного. Погибли большею частью только тѣ, которые или не хотѣли разстаться съ временными благами, или надѣялись спастись гдѣ-нибудь подъ сводами подземелья. Археологи насчитали въ отрытой части Помпеи не болѣе двухъ сотенъ скелетовъ; кромѣ того нѣсколько остововъ животныхъ и, между-прочимъ, остовъ курицы, которая готова была снести яйцо. Археологія съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что яйцо, когда къ нему прикоснулись, разсыпалось прахомъ.

Большая часть Помпеи таится до-сихъ-поръ подъ холмами волканическаго пепла, который давно покрылся слоемъ безподобнѣйшаго чернозема, и на немъ разведены виноградники и цѣлыя рощицы масличныхъ деревьевъ. Сколько сокровищъ искусства и археологіи скрывается подъ этими плантаціями! Другой народъ не уснулъ бы покойно до той поры, покуда не выпыталъ бы у этой благодарной почвы всѣ ея сокровища и тайны.

Минуло ровно сто лѣтъ съ того времени, какъ найдена Помпея, и мы увидѣли не болѣе двадцати-пяти улицъ — менѣе чѣмъ пятую часть зарытаго города. Въ Геркуланумѣ, который былъ несравненно-обширнѣе и богаче Помпеи, открыто нѣсколько домовъ и часть великолѣпнаго театра, который остается, однако, понынѣ подъ сводомъ лавы. Но извѣстно, что Геркуланумъ отчасти залитъ лавой, какъ расплавленнымъ камнемъ, и на этой отвердѣвшей массѣ давно построены новые города, Портичи и Резина съ ихъ заманчивыми виллами. Очевидно, что отка-

Digitized by Google

пываніе Геркуланума сопряжено съ значительными пожертвованіями, на которыя еще никто не рѣшается, хотя они непремѣнно вознаградились бы вполнѣ. Ни одного изъ этихъ затрудненій не представляетъ Помпея. Засыпанная золою и волканическимъ гравіемъ и шлаками (lapilli), она отрывается безъ всякихъ усилій; масса волканической золы такъ рыхла и легка, что ее можно отгребать рукою.

Сначала работы въ Помпеѣ производились безъ правильнаго плана: одно зданіе откапывалось, и массы золы и щебня нагромождались на сосѣдніе домы и зарывали ихъ глубже. Потомъ стали удалять пепелъ за черту отъисканныхъ стѣнъ города. Эта работа была поручена женщинамъ и даже дѣтямъ, которыя уносили пепелъ въ корзинахъ. Древности откапывались весьма-медленно; зато все находимое оставалось въ цѣлости.

Французы, во время своего владычества въ Неаполѣ, отрядили-было въ Помпею батальйоны солдатъ. Работы пошли быстрѣе: сугробы пепла, подкапываемые снизу, рушились разомъ огромными массами, но нерѣдко увлекали за собою изящные фронтоны, стѣны покрытые живописью, и колоннады. Кромѣ-того, непривычные работники искажали многія непонятныя имъ произведенія античнаго искусства.

Надежнѣе было обратиться къ прежней методѣ. Въ послѣднее время стали вывозить массы пепла на волахъ; но тяжелыя телеги явственно потрясаютъ полуобрушенныя стѣны зданій, которыя простояли ужъ около двухъ тысячъ лѣтъ.

Впрочемъ, работы въ Помпеѣ нерѣдко прекращаются на цѣлые годы. Посѣтитъ развѣ классическую почву какой-нибудь почтенный путешественникъ; тогда только, въ честь посѣтителя, предпринимается откапываніе древностей, и все на этотъ разъ найденное приносится въ даръ именитому гостю.

«Не знаешь, право, говоритъ одинъ страстный археологъ, надо-ли желать, чтобъ Помпея была отрыта вся, въ настоящее время. Въ нѣсколько столѣтій, даже, можетъ-статься, и гораздо ранѣе, всѣ эти отрытые домики, построенные весьма-легко изъ кирпича, лишенные крышъ и сводовъ, будутъ непремѣнно разрушены дѣйствіемъ воздушныхъ перемѣнъ, особенно этими страшными ливнями, какіе свойственны югу. Между-тѣмъ, подъ волканической массой эти зданія сохранятся неопредѣленное число столѣтій. Итакъ, не слѣдуетъ ли оставить сколько-нибудь древнихъ жилищъ неприкосновенными для будущихъ поколѣній, въ назиданіе художниковъ, археологовъ? Въ неаполитанскомъ музеумѣ собраны тысячи античныхъ предметовъ; часто одна и та же

Digitized by Google

вещь является во множествѣ экземпляровъ. Чтò можно прибавить, напримѣръ, къ четыремъ тысячамъ глиняныхъ лампъ, нанизанныхъ длинными гирляндами по стѣнамъ; къ коллекціямъ древней домашней утвари, бронзовыхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ женскихъ украшеній; къ коллекціи всевозможныхъ инструментовъ, отъ различныхъ щипчиковъ для выдергиванія волосъ, до клещей акушерскихъ, отъ бубенчика, привязываемаго на шею овцѣ, до земледѣльческихъ орудій и остатковъ колесницъ?»

Основанная осками или финикіянами, Помпея впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ была во власти у этрусковъ и самнитянъ, пока не превратилась въ римскую колонію. При всемъ томъ, этотъ городъ не сохранилъ никакихъ слѣдовъ искусства своихъ первобытныхъ обитателей. Все, чтò до-сихъ-поръ здѣсь найдено, можно считать исключительно произведеніемъ цивилизаціи Рима и Великой Греціи; стало-быть, нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ, при дальнѣйшихъ разъисканіяхъ, возможно было найдти какіе-нибудь памятники древнѣйшихъ эпохъ.

По мнѣнію другихъ, конечно, не антикваріевъ, а людей, постигающихъ поэтическій элементъ и въ наукѣ, слѣдовало лучшія части Помпеи возстановлять по-возможности въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были до катастрофы, оставлять на своемъ мѣстѣ всѣ стѣнныя картины, статуи, всю домашнюю утварь, возобновлять плафоны, двери и окна, короче — превращать древній римскій городъ въ живой музеумъ. Безспорно, одинъ домъ, сохраненный въ такомъ видѣ, былъ бы несравненно-любопытнѣе для насъ, чѣмъ цѣлыя линіи опустошенныхъ домовъ Помпеи, или всѣ эти древности, отторгнутыя отъ мѣста своего назначенія, собранныя и классифированныя въ залахъ студій.

Англичане простирали свои виды далѣе: они предлагали накрыть Помпею стекляннымъ сводомъ... Но всѣ эти проекты остались безъ исполненія, отчасти за недостаткомъ средствъ, отчасти изъ опасеній, чтобъ новый волканическій кризисъ не уничтожилъ дорогихъ работъ и, вмѣстѣ съ ними, не похоронилъ вторично всѣхъ этихъ древностей, которыя такъ неожиданно явились на свѣтъ для пополненія нашихъ свѣдѣній о римской жизни.

Не далѣе, какъ въ первыхъ дняхъ 1839 года, тучи волканической золы, налетѣвшія на Помпею, покрывали ея улицы слоемъ фута въ два вышиною, такъ-что необходимо было приступить снова къ очисткѣ ихъ.

Мѣстные археологи не безъ основанія рѣшились перемѣщать помпейскія древности въ неаполитанскій музеумъ, который нѣсколько болѣе

Digitized by Google

удаленъ отъ волкана; по-крайней-мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть затопленъ лавой, хоть и ни чѣмъ не застрахованъ отъ землетрясеній.

Въ послѣднее время, неаполитанское правительство рѣшилось сохранить хоть одинъ античный домъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ первый годъ царствованія Тита; но мнѣ еще не удалось видѣть полнаго осуществленія этого прекраснаго предпріятія.

В. Яковлевъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ВЕСТ-ИНДІИ, КАЛИФОРНІИ И ОСТ-ИНДІИ [1].

I.

Легенды объ открытіи золота въ Мехикѣ и Перу. — Открытіе Тихаго Океана. — Панама. — [illegible]ницы въ Панамѣ. — Нигва. — Скорпіоны, тарантулы, комары и мошка. — [illegible] за обѣдъ и за бѣлье. — Женщины въ Панамѣ. — Калифорнскіе выходцы. — Разбои на Панамскомъ Перешейкѣ. — Кампо-Санто. — Табога. — Шпики въ Табогѣ. — Панамскіе пароходы; цѣны; пассажиры. — Отправленіе въ Коста-Рико.

Панама, январь 1852.

Когда Испанцы овладѣли Мехикою и свѣтъ христіанства сталъ разливаться по скромнымъ, тростниковымъ хижинамъ индійцевъ, жилъ близъ горъ Сьерра-Мадре, въ деревушкѣ Павидадъ, благочестивый католическій священникъ. Онъ дѣятельно занимался спасеніемъ душъ паствы

---

(1) Подъ этимъ заглавіемъ мы надѣемся помѣщать въ нашемъ журналѣ статьи А. Г. Ротчева, недавно-возвратившагося въ Россію изъ далекаго путешествія. Въ концѣ 1851 года А. Г. Ротчевъ изъ Англіи, черезъ Панамскій Перешеекъ, отправился въ Калифорнію и Орегонъ и, посѣтивъ Сандвичевы Острова, Батавію, Сингапуръ, Калькутту, Аллахабадъ и Дели, прибылъ черезъ Суэзскій Перешеекъ въ Каиръ и Александрію. Наглядность и тѣ практическія свѣдѣнія, которыя нашъ соотечественникъ пріобрѣлъ въ двукратныхъ, продолжительныхъ странствованіяхъ своихъ вокругъ свѣта, могутъ поручиться за интересъ статей его. *Ред.*

Digitized by Google

своей, много читалъ и жилъ скромными средствами, которыя ему давалъ приходъ. Былъ у него въ услуженіи молодой индіецъ, уроженецъ Потозы, который иногда ходилъ отъ Падре въ гости къ своимъ родственникамъ. Однажды Падре, послѣ обѣдни, увидѣлъ на скромномъ столикѣ своемъ блещущій песокъ въ небольшой, плетеной корзинкѣ; на это онъ не обратилъ особеннаго вниманія. Вскорѣ пришлось ему писать письмо къ одному изъ своихъ пріятелей въ Мехикѣ. Письмо свое онъ засыпалъ блещущимъ пескомъ, стоявшимъ на столѣ. Индійцы очень любили духовнаго отца своего и внимательно смотрѣли за его привычками, стараясь ему угодить во всемъ. Видя, что Падре нашелъ такое употребленіе свѣтлому песку, и что онъ сыплетъ его на таинственные знаки, стали являться къ нему чаще, и наконецъ почти всякій, приходившій бесѣдовать съ священникомъ, приносилъ ему и щепотку песку.

Пріятель, къ которому было написано письмо, видно, зналъ минералогію. Въ отвѣтѣ, присланномъ къ Падре, онъ говорилъ: «Вѣрно ты очень-богатъ, что посыпаешь письма свои золотымъ пескомъ». Вотъ тогда только Падре смекнулъ въ чемъ дѣло. Онъ сталъ разспрашивать откуда этотъ драгоцѣнный песокъ носятъ ему индійцы? Но узнать эту тайну было нелегко, а между-тѣмъ ему продолжали приносить любимый даръ. Падре былъ этимъ недоволенъ и непремѣнно требовалъ, чтобъ ему показали дорогу къ тому мѣсту, гдѣ они добывали пес[illegible]. Въ томъ убѣжденіи, что золото и серебро всегда открывались бѣл[illegible] на пагубу индійцевъ, долго они не хотѣли исполнить желанія Падре; наконецъ сказали ему: «Падресито! мы тебя такъ любимъ, что, пожалуй, отведемъ на то мѣсто, гдѣ добываемъ этотъ песокъ, но съ тѣмъ, чтобъ ты позволилъ завязать себѣ глаза». На это условіе Падре согласился. Индійцы на носилкахъ принесли его въ горы. Они пришли къ пещерѣ, изъ которой билъ ручей. Въ пещерѣ ему развязали глаза. Всѣ богатства Аравіи и Индіи не могли сравняться съ тѣмъ, что онъ увидѣлъ: передъ нимъ горѣли самородки и самъ онъ ходилъ по золотому песку. Пораженъ былъ Падре и предался золотымъ мечтамъ. Изъ этихъ обольстительныхъ мечтаній вывелъ его грубый голосъ одного изъ провожатыхъ: «По любви нашей къ тебѣ, мы сдѣлали то, чего тебѣ хотѣлось; бери же отсюда столько, сколько можешь забрать... хоть все! но ужь въ другой разъ мы тебя сюда не принесемъ!» Напрасно Падре просилъ и приказывалъ. Наконецъ, проводники его, забравъ столько зо[illegible]та, сколько могли унести изъ этой пещеры, завязали Падре г[illegible]за и при[illegible]ли съ нимъ обратно домой.

Падре догадался и уладилъ дѣло иначе. Въ то время, какъ индійцы несли его въ деревню, онъ сыпалъ по дорогѣ свои четк[illegible]. Впослѣдствіи

Digitized by Google

по этимъ зёрнамъ бѣлые добрались до сокровищныхъ залеганій *Потозы*.

Я передаю эту легенду такъ, какъ слышалъ ее здѣсь. А вотъ другое преданіе, въ которомъ одинъ изъ первыхъ открывателей Америки, Васко Балбоа, играетъ важную роль. Около 1512 года, онъ управлялъ провинціею Даріэнскою. Однажды солдаты его поссорились между собою, собирая отъ индійцевъ подать золотомъ. Молодой кацикъ, увидя это, ударомъ кулака опрокинулъ вѣсы, на которыхъ Балбоа вѣсилъ дорогой металлъ.

«Если вы затѣмъ пришли сюда, чтобъ ссориться и буйствовать на чужой сторонѣ, то ступайте за мной: я приведу васъ въ такую землю, гдѣ и пьютъ и ѣдятъ изъ золотыхъ сосудовъ; гдѣ золота больше нежели у васъ желѣза.»

Изумленный Балбоа и его товарищи узнали отъ кацика, что земля эта лежитъ на полдень, что до нея шесть солнцевъ, то-есть шесть дней ходу, и что, дойдя до нея, увидятъ они неизвѣстное имъ море.

Вотъ эти слова впервые навели европейцевъ на воды Тихаго Океана, и на золото Перу.

Балбоа немного думалъ, не терялъ времени; съ предпріимчивостью, обозначавшею ту эпоху, онъ отправился отъ береговъ Атлантическаго Моря, взявъ съ собою сто-восемьдесятъ испанцевъ и тысячу индійцевъ. Онъ преодолѣлъ всѣ трудности пути и невредимо прошелъ черезъ поколѣнія враждебныхъ туземцевъ. Видъ безбрежнаго моря, еще никогда не представлявшагося взору человѣка образованнаго, вполнѣ вознаградилъ его. Онъ въ умиленіи благодарилъ Всевышняго за такую благость. Какъ христіанинъ, онъ молился; какъ рыцарь, вошелъ до пояса въ волны моря, во всеоружіи, будто готовый на сраженіе, и громко объявилъ, «что онъ беретъ во владѣніе этотъ второй океанъ, со всѣмъ, что̀ въ немъ находится, во имя короля кастильскаго и арагонскаго; что это право владѣнія онъ готовъ защищать мечомъ и копьемъ противъ христіанъ и невѣрныхъ» (con su lanza y su espada). Въ заливѣ Сан-Мигуэлѣ впервые раздались слова эти.

Спустя четыре года послѣ открытія Новаго Океана, преемникъ и врагъ Балбоа ([1]) основалъ Панаму, въ семидесяти миляхъ отъ Сан-Мигуэля на NO.

([1]) Интересныя подробности о жизни Балбоа находятся въ сочиненіи Квинтона и Ирвинга Вашингтона.

Digitized by Google

Съ той поры Панама стала складочнымъ мѣстомъ для европейскихъ товаровъ и драгоцѣнныхъ металловъ Южной Америки; она стала рынкомъ для расторжки между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ; къ этимъ мѣстнымъ выгодамъ Панамы присовокуплялись жемчужныя ловли; и долгое время панамскій жемчугъ составлялъ весьма-важную вѣтвь промышлености, хоть и уступалъ ост-индскому.

Панама долгое время представляла великолѣпный входъ въ тѣ земли, куда корысть, жажда славы и золота привлекали толпы выходцевъ. Роскошь и неимовѣрное богатство жителей Панамы вошли въ пословицу и возбудили алчность дерзкихъ пиратовъ, которые въ XVII столѣтіи объявили непощадную войну испанско-американской монополіи — я говорю о буканьерахъ и флибустьерахъ.

Между-тѣмъ, благоденствіе Панамы исчезало вмѣстѣ съ громкимъ именемъ морскихъ разбойниковъ. Испанія вела свои сношенія съ Перу и Чили, огибая мысъ Горнъ, или посылая корабли свои въ проливъ Магеллана. Узенькая полоска земли разъединяющая два океана, утратила коммерческій вѣсъ. Вымощеная дорога, проложенная испанцами отъ Горгоны и Крузеса до Панамы, еще до нынѣ очень-замѣтная, исчезла подъ силою тропической растительности. Панама была совершенно забыта. Даже путешественники и самый Гумбольдтъ, неутомимо-искавшіе возможности соединить каналомъ два океана, не удостоили заброшеннаго города своимъ посѣщеніемъ, а между-тѣмъ, прежніе посѣтители Панамы говорятъ, что такихъ высокихъ зданій, церквей и монастырей не было во всей Вест-индіи.

Въ непробудномъ, мертвенномъ снѣ оставалась Панама до 1840 г., когда предпріимчивый Вильврейтъ учредилъ пароходное сообщеніе между Европою, Чилійскою Республикою, Боливіею и Эквадоромъ; но этотъ ежемѣсячный транзитъ, какъ гальваническій аппаратъ, какъ ударъ вольтова столба, приводилъ только въ содроганіе безжизненный трупъ Панамы: на новую жизнь, на блестящую будущность вызвала ее Калифорнія.

Панама теперь похожа на змѣю, обновившую свою кожу: это обновленіе замѣтно на каждомъ шагу. Домы старой испанской архитектуры, церкви въ стилѣ мавританскомъ, обширные монастыри, крѣпостныя стѣны съ огромными пушками — представляютъ развалины, изъ которыхъ иныя возвышаются еще, какъ привидѣнія, другія разбросаны, какъ бѣлеющія кости. Напрасно воображеніе силится создать изъ нихъ цѣлое: развалины эти, обломки, заросшіе, покрытые роскошною тропическою растительностью, вы непремѣнно отнесете къ первой эпохѣ христіанства,

Digitized by Google

если не вспомните исторіи и не пріймете въ разсчетъ климата. Но десять лѣтъ подъ небомъ тропиковъ дѣлаютъ такія превращенія, которыя едва-ли возможны вѣкамъ въ другихъ широтахъ, при дождяхъ менѣе-обильныхъ.

Не одни ползущія растенія, не одни кустарники прорѣзаютъ камни, пускаютъ корни въ плитахъ строеній: иногда изъ расщелинъ старой стѣны глазъ вашъ пораженъ стройною пальмой въ тридцать футовъ, которая балансируетъ въ воздухѣ словно ловкій акробатъ. Такъ природа набрасываетъ свой зеленѣющій покровъ, одѣваетъ въ молодое платье здѣшнюю старость, надъ которою, тѣмъ болѣе задумаешься, что она рановременна.

Въ Панамѣ возрожденіе вездѣ сталкивается съ разрушеніемъ: здѣсь истинный мертвый или умирающій городъ, тамъ городъ космополитъ, ужь сильный въ колыбели. Лавки, заваленныя товарами, безпрестанное движеніе, торговая дѣятельность, звуки разныхъ нарѣчій одновременно поражающіе слухъ, корабли, пароходы, приходящіе изъ дальнихъ земель, или идущіе изъ гавани — вотъ свидѣтели возрожденія. Изъ семи тысячъ жителей, прозябавшихъ въ Панамѣ, народонаселеніе быстро возрасло до тридцати тысячъ, и эта цифра не остановится долго.

Калифорнскіе выходцы то возвращаются въ Европу и въ Соединенные Штаты, то идутъ въ Калифорнію. Они идутъ партіями въ двѣ и три тысячи. Множество гостинницъ устроено въ Панамѣ для этого переходнаго народонаселенія; по-большой-части ихъ содержатъ сѣверо-американцы. Эти гостинницы почти всегда набиты путешественниками: въ каждой комнатѣ человѣкъ по 10 и по 12-ти. Мнѣ пришлось жить въ тѣсной комнатѣ, гдѣ было шесть кроватей.

Что̀ это была за комната! Боже милосердый! полъ прогнилъ; штукатурка по стѣнамъ буграми, почернѣлая отъ паутинъ и пыли; подъ тяжестью лѣтъ согбенный потолокъ; парусина, натянутая на деревянныхъ крестахъ, представляла кровать; столъ, шатающійся отъ слабости, и два стула обтянутые кожею, вѣроятно, позабытые флибустьерами въ XVII столѣтіи. Этотъ пріютъ пришлось мнѣ дѣлить впродолженіе двухъ недѣль съ крысами, мошками всѣхъ родовъ, пауками большаго и малаго размѣра, тараканами и разнородными ящерицами, несчитая скорпіоновъ, стоножекъ и глазу невидимыхъ *niguas*.

Послѣднее насѣкомое — сущій бичъ тропической Америки. *Нигва* впивается въ кожу, проникаетъ въ по̀ры, угнѣздивается подъ ногтемъ; только черезъ нѣсколько часовъ, она докладываетъ о своемъ присутствіи невыносимымъ зудомъ. Больное мѣсто пухнетъ, краснѣетъ и об-

Digitized by Google

ращается въ ядовитую рану. То же самое насѣкомое, подъ названіемъ *byscky*, я часто видалъ въ Бразиліи, въ Ріо-Жайнеро. Она — едва-ли не главная причина болѣзни, извѣстной подъ именемъ *elephantiasis*, такъ часто свирѣпствующій между неграми.

Я самъ испыталъ укушеніе нигвы со всѣми послѣдствіями: почувствовавъ сильный зудъ въ пальцѣ ноги моей, я полагалъ, что муха, или комаръ укусили меня. На другой день утромъ, я очень испугался, увидѣвъ на пальцѣ воспалившуюся рану и большое черное пятно. Я думалъ, что мнѣ прійдется разстаться съ пальцемъ; тутъ въ голову мнѣ пришла операція и даже смерть. Я пошелъ къ доктору. На дорогѣ, молодая, бойкая мулатка, стоявшая у дверей своей лавочки, въ которой она торговала разными напитками, усмѣхаясь, спросила меня, куда я такъ тороплюсь.

— Еслибъ ты была докторъ, я бы отвѣчалъ тебѣ, сказалъ я.

— Quien sabe? какъ знать? я, можетъ-быть, докторша (una doctora).

— Ну, коли ты докторша: посмотри мою ногу.

Снявъ башмакъ съ моей ноги, она громко закричала: «это нигва! Хотѣлось бы мнѣ имѣть столько унцій золотыхъ, сколько нигвъ я вынула на моемъ вѣку. Хотите, я вылечу и васъ.

Мнѣ всегда нравились женщины-лекарки и я тотчасъ же согласился. *Докторша* моя взяла иглу, проколола съ большою ловкостью черное пятно и вытащила изъ раны родъ пузырька.

Въ этомъ пузырькѣ было насѣкомое, съ многочисленнымъ своимъ родомъ и племенемъ, образовавшимся въ моемъ закожьѣ. Необыкновенную плодовитость чуть немикроскопическаго животнаго можно причислить къ одной изъ замѣчательнѣйшихъ странностей, которыми такъ богата природа.

Къ-чему это безчисленное размноженіе вреднаго насѣкомаго? Отчего этотъ инстинктъ, стремленіе расплoжаться подъ кожею человѣка? На эти вопросы наука не отвѣчаетъ, а между-тѣмъ нельзя же и не сдѣлать ихъ.

Осталось большое углубленіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ была нигва. Мулатка наполнила его золою отъ сигарки.

Смотрите, сеньйоръ, не мочите по-крайней-мѣрѣ три дня ноги вашей, нето сдѣлается (tetanos) воспаленіе — и вы умрете.

Только черезъ недѣлю ранка затянулась.

Nigua (pulex penetrans, по Линнею) есть родъ блохи; пофранцузски простонародно *chique*, поанглійски — *jiger;* въ-особенности она во-

Digitized by Google

дится во множествѣ на сахарныхъ плантаціяхъ. Отъ неимовѣрнаго размноженія яичекъ ея, можетъ произойдти антоновъ огонь, что и было съ однимъ туристомъ, который вздумалъ вывести любопытное насѣкомое въ ногѣ изъ Америки въ Европу: черезъ двѣ недѣли ногу надо было отнять. Это не выдумка.

Натираніе масломъ употребляется какъ предохранительное средство отъ этого вреднаго насѣкомаго.

На скорпіоновъ и стоножекъ я жаловаться не могу. Ложась въ постель необходимо вытряхать простыни; то же самое должно дѣлать, надѣвая сапоги. Въ Панамѣ я не слыхалъ, чтобъ укушеніе скорпіона было смертельно (Scorpio americanus, Lin). Отъ укушенія его есть успѣшное народное средство: рѣжутъ пополамъ луковицу; одну половинку прикладываютъ къ ранкѣ, другую съѣдаютъ. Между ужаленіемъ скорпіона и осы я разницы не вижу.

Укушеніе сколопендра (Scolopendra) производитъ бо̀льшее воспаленіе; даже бываетъ лихорадка; но отъ употребленія самыхъ простыхъ средствъ болѣзнь проходитъ. На уязвленномъ мѣстѣ сколопендра оставляетъ слѣды своихъ лапокъ. Этотъ черный слѣдъ остается и послѣ воспаленія; онъ происходитъ отъ изверженія насѣкомаго.

Я дѣлалъ опытъ надъ скорпіономъ, обкладывая его въ кружокъ горячими угольями, но никогда не видѣлъ, чтобъ онъ самъ умерщвлялъ себя. Этотъ опытъ, подтвержденный фактомъ, былъ бы до-чрезвычайности важенъ для науки. Онъ доказалъ бы, что въ твореніи не одному человѣку предоставлена воля.

Самоубійство скорпіона, какъ поэтическій вымыселъ, повторяемый въ народныхъ преданіяхъ, быть-можетъ, не басня. Способность змѣи привести птичку въ неподвижность, такъ-сказать, въ *обомлѣніе* отъ однихъ глазъ змѣи, долго считалась выдумкою; но теперь объ этомъ явленіи спора нѣтъ. Въ глазахъ змѣи есть сила магнитизма. Птичка не падаетъ ей прямо въ пасть, но, окованная взглядомъ, легко становится добычею змѣи. Напрасны крики и усилія улетѣть при приближеніи гибели. Скорпіонъ пожираетъ охотно своего товарища ([1]). Мнѣ случалось видѣть штукарей, которые, пустивъ скорпіона на ладонь, подставляли свой языкъ отвратительному насѣкомому. Вся штука со-

---

([1]) Извѣстный натуралистъ, Карлъ Дервенъ, въ путешествіи своемъ вокругъ свѣта, говоритъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ одинъ скорпіонъ ѣлъ другаго.

Digitized by Google

стояла въ томъ, что языкъ фокусника былъ въ это время въ безпрестанномъ движеніи.

Разные разряды мошекъ и комаровъ, mosquitos, sancudos, здѣсь не столько ядовиты и вредны, какъ въ сѣверныхъ климатахъ. Ихъ никакъ нельзя сравнивать ни въ количествѣ ни въ качествѣ съ нашей сибирской мошкой, отъ которой нѣтъ житья ни людямъ, ни животнымъ. Здѣсь нѣтъ никакой надобности ходить въ волосяныхъ сѣткахъ и вооружаться курящеюся головнею, безъ которыхъ трудно обойдтись въ сибирской тайгѣ. Укушеніе тарантула здѣшняго столько же не опасно, какъ укушеніе скорпіона.

Крыса южной Америки гораздо-больше европейской. Иногда крыса здѣсь величиною съ кошку, и мнѣ самому не разъ случалось видѣть кошекъ полурастерзанныхъ крысами.

Въ Панамѣ крысъ неимовѣрное множество. Мнѣ здѣсь приходила въ голову легенда о германскомъ епископѣ, съѣденномъ мышами. Панама не представляетъ такихъ примѣровъ; но одна хорошенькая панаменка, барышня, разсказывала мнѣ, что крыса ночью укусила ее за носъ и что долго язвинка не сходила. Она очень смѣялась, когда я завидовалъ этому ночному посѣтителю, и говорилъ, что, на его мѣстѣ, выбралъ бы не носъ, а хорошенькія губки.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на акуратность крысъ моей комнаты: постоянно въ $10^1/_4$ часовъ вечеромъ онѣ являлись изъ подполья, тихо проходили въ сосѣднюю комнату и черезъ десять минутъ снова возвращались ко мнѣ. Впродолженіе цѣлой недѣли, съ часами въ рукахъ, я съ любопытствомъ наблюдалъ эту необъяснимую точность: несмотря на то, что колокола башенныхъ часовъ панамскаго собора пребывали въ упорномъ молчаніи, мои посѣтительницы знали непогрѣшимо время.

Принимая въ соображеніе ту пользу, которую имѣлъ я отъ изученія естественной исторіи въ Панамѣ, я долженъ былъ согласиться, что плата за постель мою была невысока: я платилъ по два испанскихъ піастра въ сутки (около 3 р. сер.); обѣдъ во французскомъ шинкѣ стоилъ 4 піастра съ бутылкою вина, которое пьёте вы, или нѣтъ, все-таки ставится въ счетъ. Несмотря на раззолоченный билетикъ и пробку, вино это всегда просилось въ кандидаты на уксусъ. Но лишь бы пойлò было краснò, сѣверо-американецъ пьетъ его за *claret*, точно такъ, какъ всякую шипучку онъ пьетъ за шампанское. Отъ учащеннаго пріема *brandy* онъ становится невзыскателенъ и пьетъ за вино то, чтò и рядомъ съ виномъ не стояло.

Карта ресторана не отличалась ни обильностью, ни разнообразіемъ.

Digitized by Google

Часто за обѣдомъ не было рыбы, хотя заливъ очень-богатъ рыбою; самое слово Панама, на языкѣ даріанскихъ индійцевъ значитъ «много рыбы». Дюжина устрицъ, такихъ же маленькихъ, какъ ост-индекія, но далеко не такъ вкусныхъ, стоютъ піастръ. Перуанской картофель въ обиліи являлся на столѣ. Мясо, какъ вездѣ въ тропикахъ, нежирно и сухо; дичи въ поляхъ множество, но на столѣ она являлась рѣдко. Эти недостатки происходятъ оттого, что рынокъ панамскій еще не сталъ, такъ-сказать, въ уровень съ потребностью.

Прачкѣ моей я платилъ по шести испанскихъ піастровъ за дюжину штукъ бѣлья, то-есть около $8^1/_2$ р. сер. и, сверхъ-того, строго долженъ былъ смотрѣть, чтобъ, на мѣсто моихъ полотняныхъ рубашекъ, не являлись бумажныя.

Я боюсь наскучить этими мелочами, но говорю подробно затѣмъ, чтобъ дать понятіе, какъ трудна жизнь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ летаргическое усыпленіе такъ рѣзко смѣняется лихорадочною дѣятельностью.

Въ Панамѣ труппа актеровъ даетъ по нѣскольку разъ въ недѣлю представленія. Въ городѣ и въ окрестностяхъ по воскресеньямъ бываютъ балы. Женщины являются на этихъ балахъ въ роскошныхъ туалетахъ, и въ живописныхъ танцахъ проявляется вся прелесть, которыми природа такъ щедро надѣлила ихъ.

Въ женщинѣ панамской вы видите индійское, испанское и африканское начало. Черты ихъ классически правильны, цвѣтъ кожи — словно чищеная мѣдь. Въ глазахъ замѣтны порывы страсти, чувственности. Черные, по-бо́льшей-части короткіе, до плечъ, волосы такъ густы, что отъ нихъ значительно увеличивается объёмъ красивой головы; они вьются не въ локонахъ, но волосъ къ волосу. Здѣшнія женщины очень-рѣдко носятъ косы; почти всегда вы увидите ихъ въ этой натуральной прическѣ. Ихъ шеи, будто лебединыя, конечно, не по цвѣту, а по формамъ, сливаются съ роскошными плечами, отъ которыхъ спускаются стройныя тальи, ненуждающіяся въ стѣснительныхъ мѣрахъ корсета. Вообще панамскія красавицы отличаются маленькою ножкой.

Дамы почти всегда въ кисейныхъ цвѣтныхъ платьяхъ и въ креповыхъ шарфахъ — понятно, что этотъ костюмъ не скрываетъ ни формъ, ни красоты панамскихъ женщинъ. На балѣ, или въ театрѣ, онѣ, такъ-сказать, горятъ въ золотѣ: американскія монеты въ 5, 10 и 20 піастровъ надѣваются въ видѣ діадемъ, ожерелій и браслетъ. Нитки жемчуга и коралловъ чрезвычайно эффектны на смугломъ тѣлѣ; въ такомъ случаѣ всѣ пальцы унизаны перстнями и кольцами,

Digitized by Google

Золотыя издѣлія процвѣтають въ Панамѣ: всѣ произведенія Европы въ этомъ родѣ находятъ здѣсь выгодный сбытъ; кромѣ-того, множество золотыхъ вещей дѣлаются изъ золота, добываемаго въ провинціи Чоко, находящейся близь Даріэнскаго Перешейка. Въ-особенности хорошо здѣсь выдѣлываютъ цѣпочки. Жемчугъ ловится въ самомъ заливѣ Панамскомъ; иногда простыя крестьянки выносятъ его на рынокъ.

Часто можно встрѣтить женщину босикòмъ, въ рубашкѣ, а въ браслетахъ и золотыхъ серьгахъ. Подъ тропическимъ небомъ роскошь необходима какъ воздухъ; мнѣ кажется женщина здѣсь прежде всего кокетка.

Видъ панамской женщины часто рисовалъ въ моемъ воображеніи типъ Клеопатры. И что жь? На каждомъ шагу, вы видите здѣшнихъ красавицъ за лавкой, передъ которой онѣ торгуютъ водкой и разными напитками. Въ каждой улицѣ множество такихъ шинковъ, почти всегда набитыхъ выходцами со всѣхъ сторонъ земли.

Панамскіе шинки и въ глубокую ночь открыты; только ночники ихъ освѣщаютъ городскія улицы. Вечеромъ всѣ нечистоты выбрасываются передъ домами. Такое неряшество, естественно, способствуетъ къ развитію болѣзней. Одинъ разъ въ недѣлю, кажется, въ субботу, можно видѣть двухъ-трехъ скованныхъ преступниковъ подъ надзоромъ *Cabo*, лѣниво-убирающихъ все, чтò сваливается среди дороги. Лучше ихъ исполняетъ это дѣло тропическій ливмя-льющійся дождь. Отвратительная привычка выметать все на улицу, существуетъ во всѣхъ южно-американскихъ городахъ; исключенія весьма-рѣдки. Должно надѣяться, что англо-саксонское племя истребитъ этотъ обычай, затѣмъ, что племя это, гдѣ бы ни ступило, выпускаетъ застрѣльщиками цивилизаціи: *водопроводы* и журналы. Въ Сан-Франциско и другихъ золотопромышленныхъ городахъ Калифорніи, вездѣ на улицахъ валяются шляпы, сапоги, одѣяла (1) и прочее; но отвратительной панамской нечистоты вы нигдѣ не видите.

Очень-часто выходцы, идущіе въ Калифорнію и обратно, располагаются лагеремъ на прибрежьяхъ Панамы, потому-что гостинницы не

---

(1) Это странное явленіе я считаю необходимымъ объяснить. Сѣвероамериканецъ выходитъ въ дальній путь, такъ-сказать, въ чемъ онъ былъ. Лишняго платья, обуви, бѣлья онъ не беретъ; съ небольшою сумкою переходитъ онъ громадныя пространства. Обувь, платье его износились, истаскалась шляпа—онъ покупаетъ на первомъ рынкѣ новыя и, перемѣнивъ костюмъ, все старое выкидываетъ на улицу.

Digitized by Google

могутъ вмѣщать эти номадныя толпища. Непросыпные пьяницы, шулера и ловкіе воры — вотъ истинная язва Панамы. Часто ихъ присутствіе ознаменовывается буйствами, мошенничествами и кровавыми убійствами.

Я разскажу одно происшествіе, случившееся на прибрежьяхъ Чагреса. Поднимаясь по этой рѣкѣ, въ одномъ мѣстѣ, на берегу, я былъ пораженъ видомъ нѣсколькихъ череповъ и разбросанныхъ человѣческихъ костей. Вотъ какія подробности свидѣтельствуютъ эти печальные останки: въ одной лодкѣ шли по рѣкѣ девять нѣмецкихъ эмигрантовъ; одинъ между ними былъ слесарь. Его тяжелый ящикъ съ инструментами возбудилъ корысть гребцовъ, и въ то время, когда усталое семейство, состоявшее изъ четырехъ мужчинъ, двухъ женщинъ и трехъ дѣтей, неосторожно уснуло, всѣ до одного были злодѣйски умерщвлены и ихъ-то кости бѣлѣли на пескахъ Чагреса! Двое изъ убійцъ при мнѣ были пойманы и разстрѣляны, по настоянію консуловъ; остальные убѣжали.

Караваны съ калифорнскимъ золотомъ также неоднократно подвергались нападеніямъ, но всегда безуспѣшнымъ. Послѣдняя попытка этого рода была тоже въ то время, когда я жилъ въ Панамѣ. На переходѣ изъ Панамы въ Крусесъ, солдаты, провожавшіе караванъ, среди бѣлаго дня были атакованы; два погоньщика смертельно ранены и, въ суматохѣ, разбойники отрѣзали одного вьючнаго мула съ драгоцѣнною ношею. Въ это время подоспѣла партія путешественниковъ; разбойники разбѣжались; но высланнымъ отъ губернатора взводомъ солдатъ трое были пойманы. Они и товарищи ихъ всѣ были сѣверо-американцы. Одинъ изъ пойманныхъ оказался докторомъ медицины изъ Новаго Орлеана.

Любопытный фактъ, что туземцы никогда не принимаютъ участія въ важныхъ преступленіяхъ, совершающихся на перешейкѣ. Украсть, стащить — ихъ дѣло; но на преступленіе болѣе-значительное они не рѣшаются.

За готическими городскими воротами Панамы тотчасъ же является природа, затонувшая въ тропической растительности. Дороги въ темныхъ пальмовыхъ аллеяхъ извиваются въ различныхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ выводитъ въ американскую гостинницу *Coco-grove*. Я очень сожалѣю, что не въ ней провелъ мою двухнедѣльную жизнь въ Панамѣ. Другая тропинка ведетъ до Campo-Santo, кладбища городскаго — это обширное поле, обнесенное стѣною весьма-толстою; въ стѣну укладываются гробы зажиточныхъ людей; въ землю кладутъ остальной людъ. Каждые три года родственники должны вносить деньги за мѣста въ стѣнахъ кладбища, въ противномъ случаѣ, гробъ, безъ церемоніи, вынимаютъ

изъ склепа и сваливаютъ въ уголъ, въ кучу, которая предается самому небрежному сожженію!.. полуистлѣвшіе трупы, еще носящіе лохмотья одежды, въ раскрытыхъ гробахъ ждутъ долго этого сожженія.. меня испугало такое неуваженіе къ смертнымъ останкамъ! Между-тѣмъ, въ городѣ почти непрекращающаяся служба въ часовняхъ и церквахъ, непрерывный звонъ колоколовъ, дикіе напѣвы колѣнопреклоненныхъ мужчинъ и женщинъ на улицахъ предъ входами въ часовни, съ аккомпаниментомъ барабановъ, дудокъ, скрипокъ, контрабасовъ и пр. Представьте же себѣ, страшную картину въ этой обители смерти на фонѣ восхитительнѣйшей зелени! Кругомъ пальмы, манго, кокосы — вся тропическая природа со всѣми ея волшебствами. Въ городъ я возвращался послѣ заката солнца; куда ни кинь глаза — въ кустарникахъ и въ травѣ мелькаютъ и вьются огоньки — это міріады блещущихъ насѣкомыхъ. Замѣтивъ издали огонёкъ больше другихъ, я подошелъ къ нему: то былъ огромный жукъ; онъ горѣлъ огнемъ, о которомъ я говорю. Индійцы въ темныя ночи употребляютъ это насѣкомое вмѣсто фонаря.

Въ Панамскомъ Заливѣ группами раскиданы живописные острова. Между этими вѣчно-зеленѣющими изумрудами, самый большой Табога. Буканьеры звали этотъ островъ «очарованнымъ»; нынѣ это имя ему нейдетъ. Если хотите сохранить о немъ поэтическое воспоминаніе, посмотрите на него издали. Хорошая пристань и превосходная вода, которыхъ нѣтъ въ Панамѣ, совершили то превращеніе, о которомъ я говорю. Компаніи англійскихъ и сѣверо-американскихъ пароходовъ выстроили здѣсь магазины для угольевъ, а суда запасаются провизіей и водой. Толпа матросовъ, дребезжащая на языкахъ всѣхъ пяти частей свѣта, привилась къ туземному народонаселенію, и въ жилище покоя и невинности, какъ представляли Табогу прежніе путешественники, эта толпа принесла всѣ пороки и соръ такъ-называемыхъ образованныхъ обществъ.

Вмѣсто бамбуковыхъ хижинъ, покрытыхъ пальмовыми листьями, здѣсь выстроился городъ изъ парусины и досокъ, во вкусѣ сѣверо-американцевъ. Всѣ эти палатки и барабары растянулись полукругомъ по берегу живописной гавани. Между американскими лавками и шинками, здѣсь есть двѣ ресторація; одну содержитъ французъ, а другую — нѣмецъ.

Я отправился къ первому и договорился по піастру въ сутки за комнатку въ квадратную сажень. За три піастра въ день онъ взялся кормить меня, то-есть за ту же самую цѣну, что въ Панамѣ, я могъ жить и въ Табогѣ; но довольно было и одной ночи, проведенной въ этомъ притонѣ бродягъ и буяновъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно, ночь эта мнѣ очень-памятна. Съ вечера я долго не могъ уснуть; черезъ тонкую перегородку мнѣ слышенъ былъ и стукъ золота и серебра, которыя игроки съ разными возгласами бросали по столу, и крупный разговоръ, часто возвышавшійся до брани. Я ужь начиналъ привыкать къ этой оргіи; вдругъ раздалась адская музыка и какая-то дикая топотня. У нѣмца былъ балъ; скоро онъ превратился въ неистовую вакханалію; матросы подрались за черныхъ и желтыхъ дамъ своихъ; градъ камней посыпался со всѣхъ сторонъ; драка кипѣла въ разгарѣ на улицѣ. Я всталъ, зажегъ свѣчу и нетерпѣливо ждалъ утра.

На зарѣ, мой хозяинъ ужь открылъ свой буфетъ — «Bar-room».

— Вы не ложились спать? спросилъ я его.

— Нѣтъ; въ такія дьявольскія ночи надо смотрѣть востро̀, чтобъ домъ не зажгли.

— Ну, ужь и ночь!.. это ужасно!

— Ничего; вотъ завтра, въ воскресенье, ну, то другое дѣло; вотъ завтра я и не разстаюсь съ этими пріятелями. Безъ нихъ нельзя.

Хозяинъ показалъ мнѣ шестиствольный пистолетъ (revolver) и огромный ножъ bowie-knife, на которомъ была надпись *California protector*. И въ-самомъ-дѣлѣ, такой протекторъ необходимъ для жителя Табога, затѣмъ, что здѣсь гораздо-опаснѣе нежели на золотыхъ промыслахъ въ Калифорніи.

Не желая сравнивать субботы съ воскресеньемъ, я въ то же самое утро возвратился въ Панаму. Отсюда до нея три мили. Маленькій пароходъ черезъ часъ доставилъ меня обратно въ городъ. Прогулка эта восхитительна. На многихъ островкахъ замѣтны вспаханныя поля; другія въ первобытномъ состояніи; всѣ чрезвычайно-плодоносны.

Я не сожалѣлъ о томъ, что не успѣлъ изучить и изслѣдовать этого острова; здѣсь климатическія условія тѣ же, что̀ и въ Панамѣ: такъ же жарко, такъ же сыро, тѣ же болѣзни. Если бываютъ случаи, что панамскіе больные вылечиваются въ Табого, такъ то же самое бываетъ и наоборотъ; въ этомъ случаѣ есть какая-то взаимность, доказывающая что поправленіе здоровья происходитъ отъ перемѣны мѣста.

Наконецъ, на улицахъ Панамы стали показываться группы эмигрантовъ, пришедшихъ на пароходѣ изъ Нью-Йорка; этотъ пароходъ привезъ 700 человѣкъ. Странное зрѣлище представляютъ американскія леди въ бѣлыхъ, желтыхъ и черныхъ непромокаемыхъ плащахъ и въ длинныхъ коридорообразныхъ шляпкахъ, верхами на мулахъ, съ зонти-

ками въ рукахъ. Тропическій ливень не пощадилъ путешественницъ; при самомъ въѣздѣ въ Панаму, ловкая француженка предлагаетъ у дверей своего магазина новый костюмъ для путешественниковъ; дамская обувь, платья, дождемъ избитыя шляпки, вмѣстѣ съ мужскими нарядами всѣхъ видовъ и сортовъ, какъ я сказалъ, грудами выкидываются на середину улицы, или вывѣшиваются для просушки на верандахъ, окнахъ и дверяхъ панамскихъ гостиницъ. Два огромные парохода, въ 1000 силъ каждый, стоятъ ужь нѣсколько дней на рейдѣ, готовые принять эмигрантовъ. Цѣны за проѣздъ въ Сан-Франциско не постоянны; онѣ зависятъ отъ конкуренціи стоящихъ въ готовности пароходовъ и измѣняются по нѣскольку разъ въ день. Если поторопиться и взять билетъ за нѣсколько дней до снятія съ якора, вы рискуете передать 25 и 50 долларовъ. Такъ, напримѣръ, одинъ объявляетъ цѣну за проѣздъ 200 долларовъ, а другой 150 и наконецъ третій 125 и даже менѣе. Нужна особенная сноровка, чтобъ взять билетъ удачно: vive la concurence! Смѣшно смотрѣть на крикуновъ, высылаемыхъ отъ конторъ: дикими голосами, на разныхъ нарѣчіяхъ, стоя на бочкахъ, на подмосткахъ, они кричатъ цѣны своихъ пароходовъ, ихъ качества, даже качество капитана, и обѣщаютъ хорошо кормить и поить пассажировъ. Часто эти агенты подхватываютъ эмигрантовъ подъ плечи и, безъ церемоніи, вталкиваютъ въ конторы, гдѣ раздаются билеты. За второе мѣсто на великолѣпномъ пароходѣ *North-America* я заплатилъ 150 долларовъ (около 214 р. с.) съ провизіей, но безъ вина. Пароходъ Норд-Америка, только-что обогнулъ мысъ Горнъ и готовился въ первое плаваніе къ берегамъ Калифорніи. На пароходѣ пойдутъ 900 человѣкъ, изъ нихъ 350 въ первыхъ и вторыхъ мѣстахъ, остальные въ третьемъ (Stirage passengers). Мы должны зайдти въ San-Juan del Sur, чтобъ взять пассажировъ перешедшихъ изъ Никарагвы.

На здѣшніе пароходы нельзя переѣхать наканунѣ, нельзя и вещей своихъ отправить заранѣе: все должно успѣть въ самый день отправленія — можно же себѣ представить шумъ и гамъ пассажировъ собирающихся на пароходѣ. Какое-то странное передвиженіе народовъ передъ моими глазами! Словно огромная стая птицъ, поднимающихся съ ночлега; вездѣ видите общіе сборы, слышны клики, шумъ и гамъ.

Во время сборовъ нашихъ сталъ на якорь пароходъ съ пассажирами изъ Калифорніи; отъ возвращавшихся путешественниковъ я узналъ, что товары на калифорнскихъ рынкахъ значительно подешевѣли отъ чрезвычайнаго подвоза. Но наемъ людей все еще очень-дорогъ: опытный прикащикъ, бухгалтеръ, commis получаетъ 300 р. сер. въ мѣсяцъ. Это объя-

Digitized by Google

сняется тѣмъ, что всѣ руки заняты добычею золота. Считаютъ среднимъ числомъ ежедневную добычу, или выручку, калифорнскаго работника до 8 и 10 рублей сер. Хотя убѣжденія близки, но мнѣ все еще не вѣрится и я жадно желаю по[illegible]ить все, что слышу на самомъ опытѣ.

Я проклялъ панамскій рейдъ и переправу! Три часа выгребали мы [illegible]стеркѣ противъ безпрестанныхъ шкваловъ и волненія. Пароходъ [illegible]алеко въ морѣ, остерегаясь камней у панамскихъ береговъ; [illegible]ждомъ порывѣ *chuvasco* наша шестерка готова была пойдти [illegible]у; къ-тому же она была перегружена и наполнялась безпрестанно водою. Наконецъ я присталъ къ борту, пробитый насквозь дождемъ и волненіемъ.

Не всѣ отдѣлались такъ счастливо: иной уронилъ за бортъ дорожный мѣшокъ, другой — ящикъ съ сигарами, но никто не тужилъ о потеряхъ: у всѣхъ въ головѣ была одна мысль, одно стремленіе: добраться до Калифорніи. Лихорадочная торопливость сѣверо-американца достойна карандаша самаго бойкаго карикатуриста. Всякій старался какъ можно скорѣе уцѣпиться за пароходный трапъ, и по нѣскольку человѣкъ заразъ карабкались на него. Иной забавно барахтался длинными ногами въ воздухѣ, уцѣпясь руками за конецъ веревки, словно въ гимнастической залѣ. Шляпы прыгали со всѣхъ сторонъ, уносимыя вѣтромъ и моремъ. Безпрестанно выворачивающіеся зонтики дѣлались похожи на огромныя круглыя рюмки, и несмотря на то, хозяева ихъ все-таки продолжали держать ихъ надъ головами, затѣмъ, что въ этой давкѣ имъ нельзя было ихъ выправить, или они не замѣчали этихъ превращеній. Но мнѣ ли чертить картины, достойныя карандашей Щедровскаго, Тима, и Шама?

Пароходное наше общество представляло всѣ сословія: были и адвокаты, и доктора, и негоціанты, и военные, честные работники, и промышленики всякаго рода, и посреди этой тѣсной толпы полдюжины женщинъ — только не красавицъ, за-то молоденькихъ. Большая часть, бросивъ прежнее званіе, прежнія занятія, стремилась на промывку золотоносныхъ калифорнскихъ розсыпей; не многіе надѣялись приложить свои знанія, способности свои на иномъ поприщѣ, не исторгая золота изъ нѣдръ земли; ихъ успѣхъ былъ вѣроятнѣе. По-крайней-мѣрѣ двадцать нарѣчій раздавались на палубѣ парохода — какое поле для полигиота и этнографа!..

Digitized by Google

II.

Несчастный случай на пароходѣ. — Фультонъ. — Рѣшеніе Наполеона. — Компанія Эспенвиля и Вендербильта. — Пароходъ North-America. — Тѣснота; дурная пища и вино. — Привычки американцевъ. — Приходъ въ С.-Хуанъ дель Суръ. — Схватка на берегу. — Отъѣздъ въ Грейтоунъ. — Дорога. — Озеро Никарагуа. — Островъ Ометепекъ. — Сходство здѣшнихъ древностей съ египетс[illegible] Гранада. — Ривасъ. — Virgin Bay. — Туземцы. — Женщины. — Пе[illegible] барказѣ. — Разныя непріятности. — Кастильйо. — Нельсонъ. — Lync[illegible] Причины болѣзни. — Дѣйствіе луны въ большихъ широтахъ. — Озеро Б[illegible] Моли. — Отправленіе за бортъ. — С.-Хуанъ. — Москитосъ. — Прибы[illegible] Грейтонъ; его важность; взятіе англичанами въ 1848 году.

Коста-Рико. Изъ С. Хуанъ дель-Суръ въ С. Хуанъ дель-Норте. 1852 года.

Странное дѣло! я привыкъ пускаться въ путь во всѣ дни недѣли; да и чѣмъ же понедѣльникъ отмѣченъ противъ другихъ дней? Неудачи, непріятность точно такъ же случаются во вторникъ и въ среду, какъ въ понедѣльникъ; зачѣмъ же на немъ лежитъ печать отверженія? Въ понедѣльникъ я отправился на пароходѣ *North-America* изъ Панамы въ Никарагуа. Я разсказалъ ужь, какъ легко мнѣ было добраться до него при безпрерывныхъ шквалахъ и тропическомъ ливнѣ. Страшная суета продолжалась на палубѣ парохода и по бортамъ его. Пассажирскіе чемоданы, сумки, кипы съ товарами, бочки, снасти громоздились словно баррикады. Я засвѣтло спустился въ каютъ-компанію и молчаливо наблюдалъ, какъ прислуга всѣхъ цвѣтовъ и нюансовъ отъ курчаваго негра и бронзоваго мулата до бѣлолицаго янки улаживала чай и ужинъ для 300 пассажировъ. Въ ту самую минуту, какъ звонкій колокольчикъ возвѣстилъ этотъ давно-желанный часъ, одинъ изъ пассажировъ, красивый французъ, подойдя къ ахтер-люку и увидя въ палубѣ освѣщеніе, опустилъ смѣло ногу, въ томъ убѣжденіи, что по лѣстницѣ онъ спустится въ каютъ-компанію. Несчастный рухнулся съ семисаженной вышины прямо въ трюмъ. По осмотрѣ, оказался переломъ ноги въ двухъ мѣстахъ. Поднимать больнаго на палубу и отправлять ночью съ панамскаго рейда на берегъ, значило доканать его. Въ пространной каютѣ, на подвѣшенныхъ доскахъ уложили страдальца и, съ помощью докторовъ, открывшихся между пассажирами, и пароходнаго медика, была сдѣлана первая перевязка. Впослѣдствіи г. Дюпре, такъ неудачно оступившійся на нашемъ пароходѣ, по прибытіи въ Сан-Франциско, взыскалъ съ компаніи *Vanderbitt*, которой принадлежалъ *North-America*, двадцать тысячъ піастровъ за то, что не было фонаря у ахтер-люка. На-

Digitized by Google

шему пароходу не суждено было видѣть Калифорнію, но г. Д[illegible]пре, счастливо добравшійся до Сан-Франциско, наложилъ *embargo* на другой компанейскій пароходъ и чрезъ недѣлю процесъ конченъ былъ въ его пользу.

Печальное происшествіе съ пассажиромъ не мѣшало намъ сняться съ якоря. Пароходъ нашъ шелъ до 15 узловъ въ часъ — какъ не порадоваться этому сближенію пространствъ, этому чуду, произведенному парами! Въ уваженіи этого открытія, я радъ, что родился въ девятнадцатомъ столѣтіи. Невольно мысль моя останавливается на Фультонѣ, который въ то самое время, какъ неистовыя битвы волновали Европу, въ тиши кабинета проявлялся высокимъ изобрѣтеніемъ своимъ. Между-тѣмъ, какъ неукротимый завоеватель дѣлилъ царства и народы, истинно-геніальный человѣкъ нашелъ средство соединить твердыми узами разрозненные члены человѣчества. Кто не знаетъ, какъ разгаданъ былъ инженеръ Фультонъ великимъ Наполеономъ? Вотъ что отвѣчалъ Бонапарте на просьбу Фультона, хлопотавшаго о томъ, чтобъ Академія Наукъ разсмотрѣла его изобрѣтеніе. «Во всѣхъ европейскихъ столицахъ есть много авантюристовъ и прожектёровъ, предлагающихъ правительству вздорныя изобрѣтенія. Всѣ они обманщики и шарлатаны; цѣль ихъ — набить карманъ. И этотъ американецъ хочетъ того же. О немъ мнѣ больше не говорить». Такъ было! Еслибъ открытіе американца съ перваго раза было постигнуто первымъ консуломъ — кто знаетъ, было ли бы отъ этого лучше? Чѣмъ [illegible] сталъ паръ въ рукахъ утѣснителя? И не лучше ли, что эта мысль возросла и упрочилась въ лишеніяхъ, исподоволь? Не въ Америкѣ ли явится новый Фультонъ, который наконецъ покоритъ воздушное пространство?

Пароходы двухъ соперничествующихъ компаній, Гоуланда и Эспинвели и Вендербильта, содержатъ сообщеніе съ Калифорніею; сверхъ-того, есть нѣсколько отъ нихъ независящихъ пароходовъ. Первая компанія захватила путь отъ Панамы, другая — отъ Никарагуа. Вторая слабѣе первой: пароходы ея меньшихъ размѣровъ и отправленія не такъ акуратны. Пароходы идутъ изъ Сан-Франциско 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Я сказалъ уже, что пароходъ *North-America* долженъ былъ помѣстить 900 человѣкъ. Шестьсотъ человѣкъ вышли на немъ изъ Панамы, остальныхъ слѣдовало дождаться въ Никарагуа. Я не постигалъ, куда они размѣстятся, затѣмъ, что и при шестистахъ на палубѣ не было мѣста, не было возможности присѣсть на скамейку, подстеречь незанятаго стула. Больше ста человѣкъ страдали лихорадкою и поносомъ. Кромѣ одного, брошеннаго за бортъ, всѣ понемногу оправились безъ зна-

Digitized by Google

чительныхъ врачебныхъ пособій, единственно съ помощью матери-природы, чрезвычайно-благосклонной къ калифорнскимъ выходцамъ.

Многіе пассажиры были непросыпно пьяны и все-таки оставались совершенно-здоровыми: вѣрно имъ предстояло впослѣдствіи разсчитаться за нетрезвость.

Кормили насъ очень-дурно: соленая свинина, свинина и еще свинина составляла завтракъ, обѣдъ и ужинъ; изрѣдка попадалъ на вилку кусокъ говядины, словно подошва, твердый. Вмѣсто овощей являлись бѣлые бобы — достойный спутникъ свинины, и гнилой картофель. Нѣсколько гусей и утокъ изъ Нью-Йорка, обогнувшихъ Горнъ, являлись за столомъ въ первые дни; но эти гуси и утки были еще хуже вышесказанной говядины.

Во время стоянки нашей на якорѣ въ Никарагуа, мы запаслись цѣлымъ грузомъ яицъ: превращенныя въ яичницы, они громко докладывали о преклонныхъ дняхъ своихъ; но разборчивость мы отложили въ сторону и платились за-то желудками, сваливая всѣ бѣды на климатъ. Бѣдный климатъ!..

Вино было не болѣе-доброкачественно. Отвратительное бранди, съ примѣсью какихъ-то таинственныхъ специй, продавалось по два испанскихъ доллара за бутылку, подъ титлами мадеры, хереса, портвейна и проч.; шампанское также отзывалось латинскою кухнею. А изъ какихъ неразгаданныхъ совокупленій происходилъ кларетъ — я, право, и сказать не умѣю. Таковыя фабрикаціи тѣмъ-болѣе были непростительны, что рынокъ въ Сан-Франциско былъ рѣшительно запруженъ французскими винами и что вина эти продавались въ Калифорніи дешевле, нежели во Франціи. Кстати, изъ долговременнаго опыта я убѣдился, что легкія бѣлыя вина гораздо-здоровѣе красныхъ въ долгихъ морскихъ плаваніяхъ; послѣднія тяжелы для желудка, и безъ того страждущаго отъ морской болѣзни.

Дурная пища и общество, преобладающее непробудными пьяницами, не дѣлали для меня эдема изъ американскаго парохода. Къ-тому же, общее и безпрерывное харканье — слѣдствіе жеванья табаку, рѣшительно выводило меня изъ терпѣнья: я скажу только правду, увѣряя, что не встрѣчалъ еще ни одного янки, у котораго не было бы въ запасѣ табачной пластинки, омоченной въ патокѣ; по временамъ, каждый изъ нихъ преважно вынимаетъ запасъ свой изъ жилетки, рѣжетъ перочиннымъ ножомъ небольшой четвероугольникъ и кладетъ его за губу. Эти господа не женируются и даже общество дамъ отъ отвратительной привычки остановить ихъ не можетъ. Первое правило американца: «дѣлай самъ,

что̀ хочешь и не мѣшай точно такъ же поступать другому» иногда проявляется очень-забавно. Одинъ разъ пассажиры съ любопытствомъ толпились у борта, смотря на очень-близко отъ насъ игравшаго кита. Облокотясь на бортъ, и я наблюдалъ за его послѣдовательными фонтанами; вдругъ я почувствовалъ что-то тяжелое и мягкое на спинѣ моей: оглянувшись, я увидѣлъ кентуки чуть не въ косую сажень, преспокойно-расположившагося на моемъ хребтѣ. Не показывая ни малѣйшаго знака негодованія, я сталъ понемногу уползать отъ тяжести гиганта. Кончивъ этотъ процесъ самосохраненія и уступивъ ему мое мѣсто у борта, я безъ церемоніи точно такъ же на немъ растянулся во всю длину спины его. Кентуки взглянулъ на меня, не сказалъ ни слова и продолжалъ смотрѣть на игравшаго кита. Безъ особыхъ приключеній мы пришли въ Сан-Хуанъ дель-Суръ.

Здѣсь маленькая, незначительная гавань. Пуэбло состоитъ изъ низенькихъ, тростниковыхъ хижинъ, кой-гдѣ выглядывающихъ изъ-за восхитительной тропической растительности. Нашъ пароходъ долженъ былъ ждать, какъ я ужь сказалъ, пассажировъ изъ Сан-Хуанъ дель-Норте, отправившихся на нью-йоркскомъ пароходѣ. Я долго придумывалъ средство убить время ожиданія этихъ пассажировъ, не на тѣсной палубѣ парохода, а въ какой-нибудь любопытной экскурсіи. На мое счастье пришелъ въ тотъ же день пароходъ *Pacifique* изъ Сан-Франциско съ пассажирами. Я вознамѣрился ѣхать съ новыми спутниками нашимъ будущимъ товарищамъ на встрѣчу.

Запечатавъ письма, приготовленныя для отправленія въ Европу, я съѣхалъ съ капитаномъ на берегъ. Хлопоты мои я кончилъ очень-скоро; агентъ компаніи, Вендербильтъ, выдалъ мнѣ билетъ *(ticket)* на проѣздъ, а между-тѣмъ, въ-ожиданіи возвращенія капитанской шлюпки, я сталъ любоваться раемъ, который представляла здѣшняя природа. Вдругъ вдали замѣтилъ я толпу вооруженныхъ людей; я полагалъ, что это были солдаты, присланные для занятія новаго заселенія на берегахъ Никарагуа. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что солдаты стали окружать одинъ изъ американскихъ домовъ, стоявшихъ недалеко отъ берега моря, и что между ними и американцами завязалась схватка и жаркая перестрѣлка. Пули засвистѣли надъ моею головою и въ эту минуту я счелъ за лучшее положить животъ, но не за одну изъ враждующихъ партій, а просто на землю и припалъ къ ней плотно. Когда ружейный огонь нѣсколько затихъ, я кинулся къ капитанской шлюпкѣ, у которой суетились матросы и съѣхавшіе на берегъ пассажиры. Не добѣжавъ далеко до нея, я былъ остановленъ двумя солдатами, бросившимися на меня со штыками.

Digitized by Google

«Quien vive!» закричали солдаты. Отвѣтъ мой «Amigo!» не удовлетворилъ ихъ. Они потащили меня къ начальнику отряда.

Объяснивъ офицеру, сколько возможно проворнѣе по-испански, что я пассажиръ только-ставшаго на якорь американскаго парохода, я выслушалъ приказаніе начальника отряда быть при немъ, а иначе мнѣ будетъ худо.

Между-тѣмъ изъ оконъ осажденнаго дома продолжалась стрѣльба и со стономъ и крикомъ валились солдаты. Скверныя четверть часа въ жизни, какъ говорятъ французы, провелъ я! Вдругъ ворвавшіеся въ домъ солдаты вытащили изъ него человѣка большаго роста, окровавленнаго отъ ранъ. Этотъ господинъ былъ американецъ, полковникъ Mac-Lane, причина схватки, въ которую я нехотя былъ затертъ.

Costa-Rico, какъ почти всѣ земли Центральной Америки, находится въ безпрерывномъ броженіи. Mac-Lane, одинъ изъ предводителей партіи инсургентовъ, отъ преслѣдовавшихъ его солдатъ спрятался въ американскомъ домѣ, который и былъ окруженъ. За него вступились американцы. На требованіе офицера о выдачѣ ему Mac-Lan'а, отвѣтъ послѣдовалъ изъ винтовокъ и риводьверовъ — и пошла потѣха. Четверо американцевъ и нѣсколько солдатъ остались на мѣстѣ. Я ждалъ другой сцены, полагая, что Mac-Lan'а разстрѣляетъ начальникъ отряда; но офицеръ поступилъ очень-воздержно: отрядъ увелъ плѣнника въ другой домъ, гдѣ былъ поставленъ караулъ. Я былъ отпущенъ съ разными дружескими увѣреніями; добравшись до парохода, я нашелъ пассажировъ нашихъ въ страшномъ волненіи; у нихъ шелъ горячій *methink's*, совѣтъ, которымъ положено было всѣмъ ѣхать на берегъ съ винтовками, пистолетами и даже съ двумя пушками, уже спущенными въ барказъ. Дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ за оскорбленіе американскаго флага и за отмщеніе смерти соотечественниковъ. Къ-счастью, наступила ночь; ораторы, покричавъ до неистовства, наконецъ разошлись, положивъ на разсвѣтѣ отправленіе экспедиціи на берегъ.

На зарѣ офицеръ прислалъ на нашъ пароходъ объяснительную депешу. По пословицѣ «утро вечера мудренѣе» умы на разсвѣтѣ поуспокоились; но дѣло такъ не осталось: капитанъ съ толпою пассажировъ съѣхалъ на берегъ и отправился къ тому дому, гдѣ содержался Mac-Lane. Послѣ долгихъ переговоровъ, было положено выдать намъ на пароходъ полковника, съ тѣмъ, однакожь, что мы его возьмемъ съ собою, и что онъ, съ своей стороны, дастъ письменное обязательство никогда въ центръ Америки не возвращаться. Эта подписка была выдана офицеру, и Mac-Lane былъ привезенъ на пароходъ. Сдѣлка эта удовлетворила самолюбіе американцевъ — и все успокоилось. Чтобъ не возвращаться

Digitized by Google

къ этому происшествію, скажу, какъ выполнилъ свое обязательство Mac-Lane: прибывъ въ Акапулько, онъ зафрахтовалъ небольшую шкуну, купилъ пятьдесятъ винтовокъ, столько же ривольверовъ, подобралъ охотниковъ и снова отправился кутить въ Никарагуа!

Военный эпизодъ не отбилъ у меня охоты добраться до С.-Хуанъ дель-Норте. Я собрался въ путь съ пассажирами пришедшаго изъ С.-Франциско парохода. Нѣсколько сотъ муловъ, приготовленныхъ для нашего отправленія, картинно группировались на берегу. Посмотрѣвъ издали на отдѣльныя наши партіи, пускавшіяся въ дорогу, должно было согласиться, что мы были очень-похожи на толпы театральныхъ разбойниковъ. Красныя шерстяныя рубашки, войлочныя, или соломенныя широкополыя шляпы, за поясомъ ривольверы и длинные ножи — вотъ что составляло большинство нашего костюма. Подъ такимъ прикрытіемъ опасаться было нечего, и я не счелъ за нужное облекаться во всеоружіе, подобно моимъ спутникамъ; да къ-тому же въ Никарагуа это лишнее, потому-что здѣсь нѣтъ разбойниковъ, которымъ Мехика донынѣ платитъ дань исправно; но англо-американцу вездѣ чудятся разбойники, гдѣ только онъ слышитъ языкъ испанскій.

Наши *ladies*, одѣтыя въ мужскія платья, ѣхали верхомъ; ихъ было до полдюжины. Вырвавшись изъ тѣсныхъ каютъ парохода, онѣ смѣло и весело скакали на раздольѣ. Спутницы наши присмотрѣлись ко всему въ Калифорніи, и слово «страхъ» не существовало болѣе въ ихъ лексиконахъ. Подъ мужскою шляпою, подъ нарядомъ мужскимъ, въ нихъ проявлялась какая-то удаль, молодечество какое-то, а со всѣмъ тѣмъ сохранялась таинственная прелесть, влекущая къ женщинѣ.

Дорога наша вилась будто по живописному парку; аллеи смѣнялись аллеями, и вездѣ изумительная тропическая растительность. Спуски и подъемы довольно-часты; но если наканунѣ не бываетъ проливнаго дождя, опасности нѣтъ никакой: пространство отъ моря до озера такъ ровно, что не нужно мостить досками. Я бы готовъ былъ отдать преимущество дорогѣ, проложенной компаніей Вендербильтъ передъ путемъ черезъ Панамскій Перешеекъ, еслибъ она была вся такъ удобна, какъ эта прогулка отъ океана до озера; но за этимъ первымъ днемъ, оставившимъ въ памяти моей самыя пріятныя воспоминанія, я расплатился всѣми непріятными лишеніями. По совѣсти, я не могу отдать преимущества переходу черезъ Панамскій Перешеекъ противъ дороги, проложенной отъ С. Хуанъ-дель-Норте.

Свѣжій вѣтерокъ, повѣявшій на насъ, возвѣстилъ намъ о близости озера. Мулы и лошади наши, задыхавшіеся отъ зноя, вздохнули свободнѣе. Наши калифорнскіе выходцы, безпрерывно во всю дорогу при-

Digitized by Google

кладывавшіеся къ дорожнымъ фляжкамъ, привѣтствовали громкими криками этотъ первый растахъ. Восклицаніямъ и пистолетнымъ выстрѣламъ не было конца. Нѣсколько паденій, впрочемъ, неимѣвшихъ послѣдствій, удачно возбудили смѣхъ нашихъ милыхъ наѣздницъ.

Видъ озера Никарагуа очарователенъ. Представьте себѣ море въ Неаполѣ, но не съ однимъ, а съ двумя Везувіями; слейте этотъ образъ съ самой живописной картиной въ Швейцаріи, но замѣните сосны тропическими растеніями, пальмой, сикоморомъ, мангустаномъ и этой сущности дайте обаяніе сна — вы тогда получите только неясный очеркъ намъ представлявшагося зрѣлища. Словами нельзя описать такой картины. Видъ ея заставляетъ васъ восклицать «прекрасно!» воспоминаніе твердитъ то же. Когда природа въ своихъ чарующихъ очеркахъ достигаетъ совершенства, тогда, при видѣ этихъ очерковъ, высоко возносится душа человѣка; она тщетно ищетъ словами высказать впечатлѣнія свои. Чертить частности, мелочи, значитъ охлаждать, стирать краски, разрушать созданіе цѣлаго; воображеніе, соединивъ разбросанныя части, всегда ошибочно возсоздастъ ихъ. Писатель, усилія котораго вызваны на арену, на бой таковымъ совершенствомъ созданія, долженъ безмолвно сознать свое безсиліе. Да и къ-чему въ потѣ лица, расправляя на лбу морщины, создавать далего, несовершенный плодъ.

Два великолѣпные конуса, обратившіе вниманіе наше, словно обелиски поднимаются изъ водъ озера; они стоятъ на одномъ островѣ и совершенно отдѣльно одинъ отъ другаго. Имя этого острова Ометепекъ (¹), онъ имѣетъ 16 верстъ въ окружности. Высота одного пика 5100 футовъ, другаго по-крайней-мѣрѣ — 4000 футовъ. Безъ отроговъ они идутъ перпендикулярно вверхъ, и потому именно чрезвычайно-эффектны. Кордильеры Южной Америки едва-ли представляютъ зрѣлище болѣе-великолѣпное. Оптическій эффектъ горъ зависитъ не столько отъ числительнаго количества футовъ, сколько отъ рѣзкаго, прямаго устремленія ихъ въ высоту. Вотъ почему есть отроги въ Альпахъ, которые кажутся великолѣпнѣе маститаго Чимборазо.

Островъ Ометепекъ живописенъ и чрезвычайно-плодороденъ. На немъ много селеній, въ которыхъ видны еще слѣды образованности ацтековъ. Здѣсь найдены изваянія, вазы, надписи и обломки зданій, свидѣтельствующіе тождество Новаго Свѣта съ міромъ фараоновъ. Статуи, вытесанныя изъ камня, домашняя утварь доказываютъ, что и здѣсь было просвѣщеніе, образованность. Откуда проникнули они? долго ли пребывали

(¹) На языкѣ ацтековъ *оме* значитъ два, *тепекъ* — гора.

Digitized by Google

здѣсь? какимъ образомъ угаели? вотъ вопросы положительно-неразгаданные. Тождество изваяній, найденныхъ на берегахъ Нила и въ Центральной Америкѣ, не перестаютъ возбуждать предположенія, которыя не даютъ удовлетворительныхъ выводовъ. Спокойствіе положеній, странные символы, головныя украшенія — все представляетъ большое сходство. Здѣсь найдены идолы, которые напоминаютъ типъ египетскаго Мемнона со всею его неподвижностью.

Озеро Никарагуа имѣетъ 210 верстъ длины и до 100 верстъ ширины. На западной его сторонѣ есть два значительные по торговлѣ города: Гранада и Ривасъ. Въ первомъ 10,000 жителей, во второмъ 8,000. Недалеко отъ Гранады возвышается погасшій волканъ Момобахо; его отроги составляютъ безчисленное множество возвышенностей при входѣ въ живописный заливъ Гранады. На восточной сторонѣ городовъ нѣтъ; но по чрезвычайно-плодородной почвѣ пасутся стада. Множество рогатаго скота, лошадей и муловъ принадлежатъ здѣшнимъ жителямъ. По берегамъ народонаселеніе незначительно. Кофе, какао, индиго, табакъ могутъ быть здѣсь разводимы въ огромныхъ количествахъ и съ полнымъ успѣхомъ. На югъ идутъ дѣвственные лѣса; одни дикіе индійцы (bravos) изучили ихъ таинственные переходы.

По озеру ходятъ узкіе челноки (bongos) и легкія лодки. Глубина его отъ 8 до 40 саженъ. Волненіе, разводимое свѣжимъ NO, бьетъ въ берега съ такою же правильностью и силою, какъ бурунъ океана, съ которымъ озеро соединяется рѣкою Сан-Хуанъ.

Вода озера чиста, здорова и безвкусна; оно богато рыбою. Купаться въ немъ опасно, по множеству аллигаторовъ и акулъ. Послѣднихъ жители называютъ *tigrones*, по причинѣ прожорливости, неуступающей тигру.

Деревушка на озерѣ, отъ которой отправляются пароходы, называется Bahia de la Virgen (Virgin Bay). Шумъ буруна, съ пѣною раскатывающагося на отмели, напоминаетъ море. Пароходъ стоитъ въ милѣ отъ берега, за прикрытіемъ небольшаго островка.

Люди всѣхъ цвѣтовъ толпились вокругъ насъ: ихъ здоровый видъ доказывалъ, что здѣсь не свирѣпствуетъ лихорадка. Между туземными женщинами, предлагавшими намъ плоды и стаканы изъ кокоса и другихъ тропическихъ деревьевъ, я замѣтилъ нѣсколько чрезвычайно-красивыхъ. На многихъ были надѣты бронзовыя и золотыя ожерелья, браслеты и булавки; но лучшія ихъ украшенія составляютъ бѣлые, какъ жемчугъ, зубы, и глаза, исполненные огня. Вмѣсто затѣйливаго костюма, на закругленныхъ формахъ красавицъ драпировалась живописно одна рубашка.

Въ широкомъ желѣзномъ баркасѣ мы должны были перебираться на пароходъ; баркасъ былъ прикрѣпленъ къ нему надежнымъ кабельтовомъ,

Digitized by Google

по которому ходилъ взадъ и впередъ, будто паръмъ. Вѣтеръ дулъ такъ свѣжо на берегъ, что подъ веслами баркасу не было возможности выгребать къ пароходу. Прежде всего перевезли пассажирскую кладь; стемнѣло, когда пришла наша очередь. На баркасъ намъ пришлось проходить гуськомъ, словно къ театральной кассѣ, по узенькой пристани: одинъ за однимъ прыгали мы, какъ скоро волны поднимали его въ уровень пристани. На этотъ процесъ употребленъ былъ по-крайней-мѣрѣ часъ, да столько же нужно было, чтобъ попасть на пароходъ. Десятка три пассажировъ могли покойно помѣститься въ баркасѣ, а насъ набилось въ него до восьмидесяти человѣкъ! Кромѣ той непріятности, что мы, словно сельди, обрѣтались въ баркасѣ, было и то неудобство, что чуть не по колѣно принуждены были стоять въ водѣ, и что бурунъ ежеминутно обдавалъ насъ. Лопни кабельтовъ, прикрѣпленный къ пароходу — сколько труповъ досталось бы на жертву акуламъ и аллигаторамъ! Но такое событіе вѣрно не было вписано въ книгу судебъ...

Мы цѣлы и здоровы добрались до парохода, но измокли и устали неимовѣрно; съ меня катился градомъ потъ и въ то же время я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Вскорѣ палуба нашего парохода представила изъ тѣлъ пассажировъ вышитый коверъ; немногимъ досталось въ удѣлъ вытянуться во всю длину, большей части пришлось пребывать на корточкахъ. Громко и усердно проклинали мы пароходство Вендербильта и компаніи. Но страданія наши только-что начинались. Въ полночь пароходъ снялся съ якоря, при крѣпкомъ вѣтрѣ и большомъ волненіи. Двѣсти пятьдесятъ пассажировъ рѣшительно загрузили пароходъ: что же бываетъ, когда на немъ тискается до шестисотъ человѣкъ? а это случается, потому-что на озерѣ нѣтъ другихъ пароходовъ. Мученья пассажировъ должны быть невыносимы: наше положеніе было близко къ пыткѣ. Сонъ клонилъ меня; забившись въ уголъ, я надѣялся, при качкѣ, обыкновенно меня усыпляющей, хоть на нѣсколько минутъ исторгнуться изъ этой бѣдственной сущности и отдохнуть въ сновидѣніяхъ. Чрезъ нѣсколько часовъ пароходъ нашъ бросилъ якорь въ устьѣ рѣки С.-Хуанъ, передъ порогами Торо. Крѣпость С.-Карлосъ живописно возвышается на оконечности озера; въ ней есть небольшой гарнизонъ. Дюжины двѣ тростниковыхъ шалашей раскинуты неподалеку. Здѣсь, на небольшомъ пароходѣ, мы должны были перебраться черезъ пороги: цѣлыя сутки мы прождали его. Еслибъ агенты вендербильтовской компаніи хоть немного вошли въ положеніе пассажировъ, голодавшихъ на палубѣ, они свезли бы ихъ на берегъ въ крѣпость С.-Карлосъ. Но до того ли? Одинъ пассажиръ, честный нѣмецъ, портной, распоряди-

Digitized by Google

щійся лучше меня и многихъ, далъ мнѣ два яйца; добавивъ къ нимъ нѣсколько обломковъ сухаго хлѣба, добытаго въ буфетѣ (bar-room), я пообѣдалъ.

Вторая ночь прошла такъ же, какъ и первая: нетрезвые янки не давали спать; я печально просидѣлъ защищаясь, сколько могъ, отъ мошекъ и комаровъ, обильно-насыщавшихся нами.

Наконецъ мы пересѣли на другой пароходъ; пройдя семь миль и миновавъ пороги, онъ бросилъ якорь и мы трое сутки, на этотъ разъ, на берегу ждали прибытія двухъ еще меньшихъ пароходовъ.

Пороги кастильскіе чрезвычайно затрудняютъ плаваніе по С.-Хуану: противъ теченія пароходы едва могутъ подниматься даже безъ груза. Bongos (однодеревчатые челноки) должны выгружаться и перетаскивать кладь волокомъ на разстояніи трехъ четвертей версты, а сами подниматься бичевою. Странный, дикій видъ имѣютъ эти посудины съ наметами (chopa) изъ воловьихъ шкуръ, заражающихъ вонью, съ своими черными и бронзовыми обнаженными гребцами.

Крѣпость Кастильо, отъ которой и пороги зовутся тѣмъ же именемъ, стоитъ на пирамидальной горѣ; она построена во времена испанскихъ завоеваній, но возобновлена въ 1747 году, какъ свидѣтельствуетъ надпись на камнѣ. Крѣпость эта весьма-удачно прикрываетъ рѣку. Въ 1780 году, англичане взяли Кастильо, невзирая на долгое сопротивленіе гарнизона. Цѣль этого занятія состояла въ томъ, чтобъ отрѣзать сообщеніе между сѣверными и южными колоніями, принадлежавшими Испаніи. Планъ этотъ не удался; но экспедиція памятна по содѣйствію одного изъ величайшихъ геніевъ Англіи. Будущій герой трафалгарской битвы, въ качествѣ капитана, тогда командовавшій кораблемъ Hinchenbrook, отличался при осадѣ Кастильо. Экипажъ его корабля подкрѣплялъ отрядъ полковника Нельсона. Англичане потеряли здѣсь множество солдатъ отъ лихорадки и самъ Нельсонъ едва не сдѣлался жертвою климата.

Внѣшнія стѣны крѣпости уцѣлѣли; внутреннія строенія представляютъ развалины, изъ которыхъ тропическая растительность образовала садъ. Пальмы растутъ среди заброшенныхъ комнатъ; все покрыто ползущими растеніями. Полъ, во многихъ мѣстахъ взрытый, доказываетъ, что здѣсь происходили поиски сокровищъ.

Зданія и строенія древней Испаніи надолго сохранили бы печать силы и могущества, еслибъ подъ роскошною тропическою растительностью они не скрывались глубже, чѣмъ подъ лавою Везувія. Завоеватели Новаго Свѣта стремились увѣковѣчить зданія свои точно такъ, какъ и побѣдители древняго. Не сбылось это желаніе! Люди въ немногіе годы

Digitized by Google

разрушаютъ то, что пощадили вѣка, а не люди, такъ природа! Въ одномъ изъ отдѣленій крѣпости еще недавно стоялъ гарнизонъ, и ужь тропинка, къ нему ведущая, поросла кустарникомъ. Я оборвалъ до крови руки, пробираясь между густо-сплетенными вѣтвями. Тропинка эта крута и утомительна; но восхитительный видъ вознаградилъ меня за усилія. Тропическій лѣсъ раскинулся по возвышенности, а внизу С.-Хуанъ перегибался словно серебристая змѣя — вотъ и вся картина; но она мнѣ доказала, что чрезвычайный, поразительный эффектъ часто производится самыми простыми средствами. Сидя на стѣнѣ крѣпостной, я вполнѣ вкушалъ то удовольствіе, которое человѣкъ, горделивое животное, вкушаетъ смотря сверху внизъ. Тропическій ливень согналъ меня съ мѣста. Я сталъ разсматривать внутренность зданій: чувство гордаго самодовольства смѣнилось грустнымъ сознаніемъ ничтожества; въ этихъ развалинахъ мнѣ слышалось «memento mori» траписта. Печаль овладѣвала мною, но лучъ тропическаго солнца, ударившій въ рѣшетки оконъ моего убѣжища, словно пѣснь воскресенія, освѣжилъ духъ мой и развѣялъ думы. «Memento mori», помни минуту смерти, справедливо, но зачѣмъ? Чтобъ наслаждаться жизнью въ мѣрилѣ, уравновѣшенномъ твоими нравственными и разумными средствами, отвѣчаетъ разсудокъ. Но пусть мой читатель самъ разгадаетъ эту задачу и проститъ мнѣ мои отступленія, мои попытки отвлечь его отъ одной мысли къ другой. По-моему путешествовать значитъ мыслить, иначе я не могу смотрѣть на путешествія и не желаю, чтобъ и читатель иначе смотрѣлъ на мой путевой разсказъ.

На небольшой площадкѣ, между рѣкою и крѣпостью, стоятъ три или четыре деревянные дома и столько же палатокъ, принадлежащіе сѣверо-американцамъ: въ этихъ гостинницахъ останавливаются путешественники. Скамейки и столы составляютъ мёбель комнатъ. Кто не запасся своимъ тюфякомъ и койкою, тому приходится спать на голыхъ скамьяхъ.

Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и одного часа было достаточно для удовлетворенія моего любопытства, я долженъ былъ оставаться трои сутки.

Не проходило двухъ, трехъ часовъ безъ проливнаго дождя. Въ Никарагуа, какъ и вездѣ въ тропическихъ земляхъ, дожди идутъ періодически и за ними наступаетъ засуха; но на пространствахъ, прилегающихъ къ озеру, круглый годъ идутъ дожди, съ тою только разницею, что въ сухое время они льютъ не такъ, какъ изъ ведра. Солнце, то мелькающее, то прячущееся въ облакахъ, не можетъ просушить болотистую почву. Каково же должно быть въ дождливое время? Чтобъ перейдти изъ одного шинка къ другому, приходилось мѣсить грязь по

Digitized by Google

колѣна. Тѣсное затворничество съ толпою калифорнскихъ выходцевъ казалось мнѣ невыносимо: нетрезвость бо̀льшей части изъ нихъ представляла картины страннаго цинизма.

Одинъ американецъ, отъ частыхъ возліяній (drinks), утратившій разсудокъ, безъ всякой причины ударилъ одного товарища, а другому подбилъ глазъ; потомъ, выхвативъ изъ-за пояса ривольеръ, сказалъ: «а вамъ, друзья, у меня готовы пять пуль на закуску, только пошевелитесь!

Само-собою разумѣется, толпа отхлынула; но огромнаго роста иллиноэцъ бросился на него, повалилъ и веревкою связалъ руки. Опасный буянъ лежалъ неподвижно, и я полагалъ, что тѣмъ кончится вся исторія; не тутъ-то было: за исторіей послѣдовалъ весьма-любопытный эпизодъ.

Тотчасъ же человѣкъ сорокъ изъ нашихъ пассажировъ образовали судилище; эти трибуны требовали строгаго примѣра, и тутъ же былъ составленъ приговоръ: ни бо̀льше ни мѐньше — повѣсить преступника. Самоуправство, подъ извѣстною фирмою: *Lynch-Law* ужь готовилось совершить приговоръ. Товарищи, получившіе оскорбленіе, вышли, объявивъ, что намѣрены осмотрѣть мѣсто для исполненія приговора.

Изъ всѣхъ этихъ господъ оставался трезвымъ одинъ я, а потому я тотчасъ вознамѣрился дать другое направленіе этому гибельному дѣлу. «Господа! gentlemen! закричалъ я: нѣтъ сомнѣнія, этотъ буянъ нанесъ намъ глубокое оскорбленіе; смертный приговоръ ему произнесенъ подѣло̀мъ. Но не пристойнѣе ли, не важнѣе ли повѣсить его днемъ, при свѣтѣ солнца, а теперь, смотрите, ужь смеркается, такъ не лучше ли до завтра?..»

Въ обхожденіи съ сѣверо-американцемъ, устройте такъ, чтобъ не было замѣтно, что вы ему противорѣчите, и онъ непремѣнно на все согласится. Вслѣдъ за моимъ предложеніемъ раздались громкія рукоплесканія; храбрый и великодушный иллиноэцъ поддержалъ меня и всѣ единодушно согласились. Затѣмъ наступила ночь, и связанный американецъ распуталъ веревки и ушелъ. Всѣ полагали, что онъ спрятался въ лѣсу, и до-тѣхъ-поръ, пока мы не собрались на пароходѣ, о немъ и помина не было; а тутъ онъ извинился передъ товарищами — и дѣло кончилось новою попойкою.

На третій день въ импровизованныхъ нашихъ гостинницахъ провизія, состоявшая изъ ветчины, копченой колбасы и сухарей, истощилась. Намъ угрожала голодовка, еслибъ не подошли пароходы. Что касается до меня, я распоряжался иначе: отъ проходящихъ лодо̀чниковъ (*bongos*) я покупалъ яица и сахарную патоку (*chancaca*), до которой туземцы большіе охотники. Такимъ продовольствіемъ я былъ совершенно доволенъ; а на предстоящій переходъ купилъ двухъ куръ, которыхъ мнѣ

Digitized by Google

зажарилъ негръ съ нами бывшій. Французъ и негръ всегда отличные повара.

Два парохода, пришедшіе за нами, были немного больше тѣхъ, которые ходятъ у насъ по Невѣ отъ Лѣтняго Сада. Вмѣсто колесъ и кожуховъ съ боку, они были снабжены колесомъ огромнаго размѣра за кормою. На этихъ двухъ пароходахъ пришло слишкомъ двѣсти человѣкъ, и столько жь еще осталось въ Грей-Тоунѣ, куда мы отправлялись. Все это количество пассажировъ должно было отправиться изъ С.-Хуанъ дель-Суръ на нашемъ пароходѣ *North-America* въ С.-Франциско. Меня не оставляла мысль: какимъ же образомъ мы помѣстимся? Каково будетъ плаваніе наше въ океанѣ въ этой страшной тѣснотѣ? О разрѣшеніи такихъ вопросовъ американскія пароходныя компаніи не заботятся: онѣ и не думаютъ о комфортѣ, о здоровьѣ, даже о жизни своихъ пассажировъ; ихъ главная забота—деньги. Только строгія мѣры и учрежденія, заботливо-исполняемыя, могутъ положить конецъ неимовѣрнымъ злоупотребленіямъ, проистекающимъ отъ ненасытной корысти арматоровъ. Давно идутъ толки, что состоится законъ, на основаніи котораго, смотря по вмѣстимости корабля, или парохода, будетъ допускаемо только извѣстное число пассажировъ. Говорятъ, что даже есть что-то такое въ родѣ этого постановленія; но оно не исполняется, а все идетъ постарому. Плаваніе въ Калифорнію представляетъ огромныя выгоды, а потому, вѣроятно, чрезъ соперничество (*opposition lines*) истребятся эти злоупотребленія; но между-тѣмъ сколько жертвъ принесется корысти людей неблагонамѣренныхъ!

Говоря о выгодахъ, должно утвердительно сказать, что въ два или три плаванія изъ Нью-Йорка до С.-Франциско пароходы окупаются. Самое вѣрное средство искоренить злоупотребленія — значительныя денежныя взысканія съ непослушныхъ агентовъ компаніи и арестованіе пароходныхъ кассировъ, распоряжающихся выдачею билетовъ на проѣздъ.

Само-собою разумѣется, что главнѣйшая причина болѣзней, которыми страдаютъ пассажиры на переѣздѣ отъ Нью-Йорка до Калифорніи — чрезвычайно-тѣсное помѣщеніе. Климатъ дѣйствовалъ бы не столь губительно, еслибъ пассажиры были менѣе на палящемъ тропическомъ солнцѣ и не такъ часто подъ проливнымъ дождемъ. Между пассажирами перваго класса, помѣщающимися въ просторныхъ каютахъ, болѣзни бываютъ, сравнительно-рѣже, по той именно причинѣ, что они не подвержены двумъ разрушительнымъ началамъ въ тропикахъ — дождю и солнцу. Трудно повѣрить, не убѣдясь собственными глазами, что и луна дѣйствуетъ враждебно на организмъ человѣка въ этихъ широтахъ. Блѣд-

Digitized by Google

ные лучи таинственнаго свѣтила, упадая на лицо, производятъ опухоль и безобразятъ страшно; бывали примѣры, что они производили слѣпоту. Въ тропическихъ плаваніяхъ я замѣчалъ неоднократно слѣдующее явленіе: я вывѣшивалъ на снасти кусокъ свѣжаго мяса днемъ: онъ только подсыхалъ; напротивъ, мясо, вывѣшенное на ночь, при сіяніи мѣсяца, къ утру покрывалось множествомъ червей.

Имѣя въ виду, что съ остальною партіею пассажировъ возвращусь изъ Грейтоуна, я смѣло пустился въ путь. Калифорнскіе выходцы прокричали громкое ура пассажирамъ, прибывшимъ изъ Нью-Йорка, а тѣ, въ очередь, отвѣчали также единодушнымъ восклицаніемъ. Здѣсь обѣ партіи обоюдно помѣнялись современными политическими событіями и извѣстіями изъ Калифорніи, Америки и Европы. Здѣсь же узналъ я о вступленіи Наполеона III на престолъ Франціи.

Сѣверо-американцы, проникнутые *публичностью*, такъ-сказать, своего существованія, нигдѣ не оставляютъ своихъ привычекъ и обычаевъ. Если нѣтъ предметовъ важныхъ, они ораторствуютъ о пустякахъ: безъ митинговъ они не могутъ жить.

Раздался колокольчикъ, возвѣщавшій пассажирамъ объ отплытіи пароходовъ; въ эту минуту характеръ сѣверо-американцевъ рѣзко проявился въ другомъ направленіи: всякій изъ всѣхъ силъ карабкался на тотъ пароходъ, который шелъ первымъ. Я полагаю, что на второй осталось бы не болѣе двухъ десятковъ пассажировъ, еслибъ первый, принявъ слишкомъ сто человѣкъ, не поторопился отдать конецъ веревки, прикрѣплявшей его къ берегу и не отправился въ путь. На опытѣ изучивъ стремленіе, съ которымъ сѣверо-американцы напираютъ въ подобныхъ случаяхъ, я далъ схлынуть толпѣ — и что жь? на второмъ пароходѣ оказалось не болѣе шестидесяти человѣкъ.

Капитанъ сказалъ мнѣ, что отъ Кастильо до Грейтоуна девяносто миль; мы прошли ихъ въ сутки.

Въ одной мили отъ Кастильо островъ Бартоло; онъ въ настоящее время необитаемъ, но слѣды прежнихъ укрѣпленій замѣтны еще. Островъ этотъ замѣчателенъ въ исторіи англійской экспедиціи 1780 года: Нельсонъ выгналъ отсюда испанцевъ и впервые здѣсь проявилъ свое мужество. На этомъ островѣ множество англичанъ положили кости свои отъ болѣзней и ранъ во время короткой, но губительной войны, отъ которой Англія пріобрѣла ту выгоду, что на опытѣ извѣдала блистательный геній человѣка, долженствовавшаго покрыть славою свою родину.

Пройдя Бартоло, начинаются пороги Мачука; ихъ проходили мы очень осторожно. Здѣсь мы видѣли американскій пароходъ, застрявшій въ кам-

Digitized by Google

нихъ, годъ тому назадъ. Онъ такъ плотно сѣлъ на острыхъ утесахъ, что всѣ усилія снять его были напрасны. Мы и сами едва не подверглись подобной участи, но, къ-счастью, теченіемъ насъ стащило скоро съ помощью паровъ.

Кромѣ камней, въ С.-Хуанѣ много песчаныхъ отмелей, замедлявшихъ наше плаваніе. Очень-часто пароходъ, забившись на мель, держалъ такіе пары, что, того-и-гляди, все полетитъ на воздухъ.

Да и это средство не всегда вѣнчается успѣхомъ, и намъ не разъ приходилось прибѣгать къ другому благонадежнѣйшему способу.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ изгибовъ рѣки пароходъ нашъ приткнулся къ мели; послѣ тщетныхъ усилій сняться парами, оставалось одно: пассажирамъ отправиться въ рѣку, чтобъ облегчить пароходъ и стащить его съ банки. Капитанъ, безъ церемоніи, обратился къ публикѣ съ этимъ предложеніемъ: оно никого не удивило и только привело на память знакомыя работы на калифорнскихъ золотыхъ промыслахъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ приходится полоскаться по колѣно въ водѣ. Нѣкоторые остались въ рубашкахъ, большая же часть, въ полномъ одѣяніи, съ истинно-американскимъ проворствомъ кинулись въ рѣку, не помышляя о лихорадкѣ, которую могло имъ дать подобное купанье. О кайманахъ также никто не думалъ, къ-тому же надо сказать, что эти амфибіи большія флегмы, любятъ покоиться и не охотно появляются изъ тростниковъ. Они бѣгутъ отъ шума и крика, слѣдственно ноги нашихъ пассажировъ были почти обезпечены отъ американскихъ крокодиловъ. Ненасытныя акулы представляли больше опасности; но чувство самосохраненія превратилось бы въ трусость, еслибъ въ такихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать, всякій пускался въ разсужденія: разсуждать хорошо съ перомъ въ рукахъ.

Капитанъ прибавилъ къ рѣчи своей: «Джетельмены, здоровье которыхъ разстроено, могутъ остаться на пароходѣ». Упираясь на эти слова, я остался на палубѣ вмѣстѣ съ полдюжиною пассажировъ, въ томъ убѣжденіи, что, хотя у меня лихорадки еще не было, но могла быть послѣ такой ванны.

Цѣлый часъ лопатами работали около бортовъ парохода и наконецъ онъ двинулся. Къ-счастью, во второй разъ такой бѣды съ нами не послѣдовало: капитанъ самъ сталъ на руль, замѣнивъ матроса, который дрожалъ какъ осиновый листъ отъ лихорадки и по этой причинѣ пребывалъ всегда въ разсѣяніи. Два кочегара и этотъ рулевой составляли всю команду нашего парохода — ясно, что хозяева разсчитываютъ на дѣятельную помощь пассажировъ, въ случаѣ какого-нибудь происшествія, и мой разсказъ доказываетъ, что они не ошиблись въ разсчетѣ.

Digitized by Google

Спрашивается, однакожь: долженъ ли пароходъ разсчитывать на крѣпость мышцъ и членовъ перевозимыхъ имъ пассажировъ? На возвратный путь я бы непремѣнно взялъ *bongo,* еслибъ не заплатилъ за билетъ мой въ оба конца.

Пороги, отмели, камни встрѣчаются въ С.-Хуанѣ ежеминутно. Въ деялахъ, представляемыхъ островками, пароходъ едва можетъ пробираться. Какъ я ужь сказалъ, пароходъ, ставъ на мель, жарятъ до невмовѣрности, такъ-что ежеминутно можно ожидать полета на воздухъ. Напрасно такое соперничество надѣется повредить панамской желѣзной дорогѣ: проведи они здѣсь такую жь желѣзную дорогу — это другое дѣло! Отъ великолѣпныхъ объявленій, чуть не въ саженъ, С.-Хуанъ не будетъ пароходнѣе Чаграса. Да и какъ назвать пароходствомъ *(Steam-navigation)* здѣшній медленный способъ передвиженія посредствомъ микроскопическихъ паровиковъ въ то время, какъ *bongo* туземца представляетъ болѣе удобствъ для путешественника?

Такъ называемые топографы, или редакторы газетъ, сидя за письменнымъ столомъ, сильно ошибаются, разсчитывая за маленькіе расходы превратить С.-Хуанъ въ судоходную рѣку. Легче прорыть каналъ отъ Атлантическаго Океана до озера, нежели употребить съ пользою С.-Хуанъ; но объ этомъ любопытномъ предметѣ я буду говорить послѣ.

С.-Хуанъ переливается въ тысячи изгибахъ. Посреди загромождающей растительности, часто перебираешься по рѣкѣ, не видя исхода, словно изъ одного небольшаго пруда въ другой. По берегамъ изъ разнородныхъ деревьевъ составилась будто толстая стѣна, и нѣтъ никакой возможности ступить на болотистую почву, въ которой перевились безчисленные корни. Природа здѣсь восхитительна; но она точно такъ же дика, какъ въ то время, когда впервые предстала взорамъ новыхъ пришельцевъ въ XVI столѣтіи. Въ С.-Хуанъ впадаютъ Сан-Карлосъ и Сераппко. По обѣимъ поднимаются *бонги* на тринадцать или на сорокъ миль; онѣ вытекаютъ изъ подошвы волкана Картаго, въ области Коста-Рико. Всѣ эти мѣста столь же первобытны, какъ во время первыхъ открытій въ Америкѣ. Только дикія племена населяютъ ихъ; изрѣдка они для сношеній приходятъ къ бѣлымъ, но послѣдніе, кромѣ баснословныхъ сказаній, ничего не вѣдаютъ о бытѣ краснокожихъ; несмотря на то, Англія имѣетъ на нихъ хитросплетенное притязаніе, какъ на подданныхъ небывалаго королевства москитовъ. Извѣстно только, что эти непокоренные индійцы *(bravos)* раздѣляются на многія племена; что всѣ между собою говорятъ различными нарѣчіями; что нѣкоторыя изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, другія не имѣютъ осѣдлости. Ихъ не

Digitized by Google

воздѣланныя земли по праву принадлежать разнымъ республикамъ центра Америки, какъ перешедшія отъ испанскаго владычества.

Прошло три вѣка съ той поры, что̀ промышленость проложила путь по плёсамъ С.-Хуана, а, несмотря на то, до-сихъ-поръ неизвѣстно положительно, что̀ находится за толстыми стѣнами растительности, покрывающей берега рѣки. Странна кажется путешественнику, видѣвшему С.-Хуанъ, возможность въ настоящее время повсюду попирать почву, оставшуюся до сей поры дѣвственною, словно въ XVI столѣтіи. Нанявъ нѣсколько *bongos*, предпріимчивый изъискатель разоблачитъ таинства перешейка Никарагуа и вполнѣ будетъ вознагражденъ за таковой подвигъ.

Въ 1848 году, у впаденія водъ Серапики въ С.-Хуанъ, жители Никарагуа пытали состязаться противъ захватовъ Англіи во имя короля москитовъ. Отрядъ изъ 300 человѣкъ съ двухъ англійскихъ военныхъ кораблей *Alarm* и *Vixen* естественно разбилъ 120 плохо-вооруженныхъ гражданъ. Смерть англійскаго консула Валкера, а въ-сущности проконсула москитосскаго, отчасти вознаградила побѣжденныхъ за ихъ утраты. Это нападеніе устроено было Валкеромъ. Успѣхъ — слѣдствіе числительнаго превосходства и дисциплины, былъ названъ, въ великолѣпномъ донесеніи англійскаго Адмиралтейства, блистательнымъ дѣломъ подъ Серапикой. Въ этомъ донесеніи было сказано, что Валкеръ утонулъ, а въ-самомъ-дѣлѣ онъ убитъ въ схваткѣ.

Берега Сан-Хуана холмисты во всю длину этого живописнаго потока. Вдали видны гребни высокихъ горъ. Подходя къ устью, видъ этотъ совершенно измѣняется: дѣвственные лѣса исчезаютъ; передъ глазами тянется болотистая площадь, на которой, вмѣсто деревьевъ, растетъ сахарный тростникъ и *gamalote*, также порода тростника, только дикаго. Засимъ на низкой, песчаной почвѣ, которая издали кажется даже не въ-уровень съ водою, нѣсколько шалашей, покрытыхъ пальмовыми листьями — вотъ городъ и портъ Грейтоунъ, или Сан-Хуанъ дель-Норте.

Итакъ, на переходъ 215 миль отъ Тихаго до Атлантическаго Океана я употребилъ пятеро сутокъ. Въ это время я успѣлъ испытать всѣ удобства путешествій, испытываемыхъ неграми; я былъ такъ-сказать отпрессованъ послѣдовательно въ четырехъ душныхъ паровикахъ; я не спалъ и голодалъ; попеременно меня то жгло палящее солнце, то обливалъ тропическій ливень; благоразумное воздержаніе и крѣпкій организмъ спасли меня отъ болѣзней и страданій, которымъ подверглись, болѣе или менѣе, почти всѣ мои спутники. Какъ же не порицать той

Digitized by Google

корысти, которая не смотрит на страдания, а бьется только о томъ, какъ бы сколотить побольше денегъ?

Но я вышелъ здоровъ и невредимъ изъ когтей нечеловѣческой жадности, а засимъ благодарю судьбу за то, что она дала мнѣ возможность изучить два перехода, едва-ли не главнѣйшие въ настоящее время, отъ одного океана къ другому. Я съ восторгомъ переношусь на свѣтлыя воды озера, равнаго красотою всѣмъ озерамъ Швейцаріи и Шотландіи, но рѣку Сен-Хуанъ, хоть бы и не видать, такъ въ ту же пору. Это нумеръ второй Чагреса: та же растительность, то же естествознаніе. Говоря о Чагресѣ, если что-нибудь забылъ я, непремѣнно домолвилъ въ очеркахъ Сан-Хуана.

Грейтоунъ имѣетъ только нѣсколько сотенъ жителей, разсѣянныхъ по тростниковымъ шалашамъ. Въ области Никарагуа, съ Атлантическаго Океана, это единственный торговый пунктъ, а равно единственный пунктъ для начала желѣзной дороги, или канала, долженствующаго соединить два океана. Вотъ по этимъ причинамъ эта незначительныя деревушка имѣетъ важное значеніе. Гавань необширна; по низменности береговъ открывается трудно съ моря, но на всемъ восточномъ берегу Центральной Америки другой нѣтъ; а потому сюда ввозятся изъ Европы товары и отсюда вывозится серебро въ плиткахъ, индиго, кожи и дерево разныхъ сортовъ, высылаемые изъ Никарагуа и Коста-Рико.

Полагаютъ, что Христофоръ Колумбъ открылъ Сан-Хуанъ дель-Норте въ 1502 году, во время плаванія отъ мыса Хондурасъ до Номбри де-Діосъ, что нынѣ Чагресъ, когда великій человѣкъ питалъ еще надежду окрыть новый путь въ Ост-Индію. Спустя 27 лѣтъ, капитанъ Мачука отправился изъ Гранады по озеру Никарагуа; пройдя по теченію рѣки, вышелъ въ устье и отправился также въ Номбре де-Діосъ.

Время основанія порта неизвѣстно; но въ 1665 году, по случаю набѣга англичанъ, онъ былъ укрѣпленъ. Въ XVIII-мъ столѣтіи испанцы отъ этого пункта размѣстили гарнизонъ въ двѣнадцати мѣстахъ по рѣкѣ Сан-Хуанъ, отъ устья до озера. Эти мѣры держали въ бравдѣ постоянное усиліе англичанъ водвориться въ самомъ сердцѣ Центральной Америки.

Никарагуа, ставъ республикою, не въ силахъ употреблять подобныя мѣры. Въ январѣ 1848 года Британія взяла Сан-Хуанъ дель-Норте. Здѣсь англійскій агентъ правитъ во имя короля москитовъ. Неграмъ и мулатамъ Ямайки ввѣрены разныя должности. Два англійскіе парохода содержатъ здѣсь станцію. Общественное мнѣніе въ Соединенныхъ-Штатахъ горячо возстаетъ противъ стремленія англичанъ стать твердою ногою на материкѣ Америки. Корабль, входящій въ портъ Сан-Хуанъ,

Digitized by Google

названный нынѣ Грейтоунъ, платитъ таможенную пошлину въ пользу какого-то короля москитовъ. Еще недавно американскій пароходъ испыталъ огонь англійскихъ батарей за неисполненіе постановленій протекторства. Этому дѣлу не было дано хода.

Чрезъ два часа, по прибытіи въ Грейтоунъ, съ пассажирами прибывшими изъ Нью-Йорка, я ужь возвращался въ Сан-Хуанъ дель-Суръ. Въ моей номадной жизни я нахожу, что пароходы представляютъ самый удобный способъ передвиженія, въ ожиданіи новыхъ усовершенствованій въ изобрѣтеніи Монгольфьера. Изъ Европы въ Америку я перемѣщаюсь такъ же удобно, такъ же беззаботно, какъ вы по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву — да здравствуетъ геній Фультона! Плаваніе на парусныхъ судахъ часто представляетъ трудъ, а не наслажденіе. За-то первые, имѣя цѣлью быстроту переходовъ, разсчитываютъ время не по часамъ, а по минутамъ, и потому наблюдатель-путешественникъ часто не имѣетъ возможности удовлетворить любопытству, такъ сказать, остановиться надъ предметомъ, а это большое неудобство плаваній на пароходахъ.

А. Ротчевъ.

Digitized by Google

Н. М. КАРАМЗИНЪ

И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

«ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО».

Статья вторая (1).

(томъ первый.)

За Введеніемъ слѣдуетъ статья: «Объ источникахъ Россійской Исторіи до XVII вѣка». Эти источники перечисляются въ такомъ порядкѣ: лѣтописи, Степенная Книга, хронографы, житія святыхъ, особенныя дѣеписанія (сказанія), Разряды, Родословная Книга, письменные каталоги митрополитовъ и епископовъ, посланія святителей, древнія монеты, медали, надписи, сказки, пѣсни, пословицы, гранматы, статейные списки, иностранныя современныя лѣтописи, государственныя бумаги иностранныхъ архивовъ.

Татищевъ первый подробно перечислилъ источники древней русской исторіи до XVIII вѣка, внимательно разсмотрѣлъ начальную кіевскую лѣтопись, которую утвердилъ за Несторомъ, первый старался опредѣлить мѣсто, гдѣ остановился Несторъ, первый указалъ на его продолжателей. Трудъ Татищева легъ въ основаніе дальнѣйшихъ изслѣдованій Миллера и Шлёцера. Татищевъ разсмотрѣлъ преимущественно внѣшнюю сторону лѣтописи; Шлёцеръ обратилъ вниманіе на внутреннюю, поднялъ вопросы: какимъ образомъ приднѣпровскій житель XI вѣка могъ достичь извѣстной степени образованности? какъ пришелъ онъ къ мысли написать хронику родной страны, и написать на отечественномъ языкѣ? кто были его образцы? изъ какихъ источниковъ черпалъ онъ свои извѣстія,

---

(1) Первая статья напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года (№ 10, октябрь, томъ XC).

Digitized by Google

и каковъ вообще характеръ его повѣствованія? Карамзинъ воспользовался изслѣдованіями своихъ предшественниковъ и въ немногихъ, живо-набросанныхъ чертахъ, изобразилъ начальнаго лѣтописца съ его источниками: «Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный отцемъ Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ: одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники многихъ Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, записки церковныя, и сдѣлался *первымъ* Лѣтописцемъ нашего отечества». Такъ сухія изъисканія Татищева, Миллера и Шлёцера подъ перомъ Карамзина приняли живой, цѣлостный образъ, и сколько стараній было потомъ употреблено и употребляется для-того, чтобъ сохранить этотъ образъ неприкосновеннымъ! Живой образъ начальнаго лѣтописца, представленный Карамзинымъ, составляетъ, слѣдовательно, окончательный результатъ изслѣдованій XVIII вѣка, которые всѣ отправлялись отъ одного положенія, что начальная лѣтопись въ цѣлости принадлежитъ одному лицу, именно преподобному Нестору, кіевскому иноку XI вѣка ([1]).

Карамзинъ въ выраженіи: «сдѣлался *первымъ* лѣтописцемъ нашего отечества», слово «первымъ» напечаталъ курсивомъ, и въ примѣчаніи отвергнулъ древнѣйшаго Іоакима, какъ вымыселъ. И здѣсь Карамзинъ остался вѣренъ окончательному результату, добытому историческою критикою въ XVIII вѣкѣ. Татищевъ признавалъ важность такъ-называемой Іоакимовой Лѣтописи, но, руководствуясь необыкновенною добросовѣстностью, не рѣшился внести ея извѣстій въ сводъ лѣтописей, а помѣстилъ ихъ особо, на томъ основаніи, что ему нельзя было ссылаться ни на какую извѣстную рукопись. Болтинъ — безспорно, самый талантливый изъ всѣхъ занимавшихся русскою исторіею въ XVIII вѣкѣ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, Болтинъ защищалъ Іоакима противъ Щербатова; но Шлёцеръ, исполненный уваженія къ начальному кіевскому лѣтописцу за то, что не нашелъ въ немъ генеалогическихъ басенъ, не могъ не отвергнуть Іоакимовой Лѣтописи, имѣвшей несчастіе начинаться сказаніемъ о Славенѣ и Вандалѣ. Авторитетъ Шлёцера надолго рѣшилъ дѣло; вопросъ объ отдѣленіи позднѣйшаго составленія отъ древнѣйшихъ источниковъ не былъ поднятъ, и Лѣтопись Іоакимова отвергнута, какъ заключающая въ себѣ одни вымышленныя извѣстія; но Шлё-

---

([1]) Между явными намъ русскими историками есть древнѣйшій Несторъ, бывшій монахъ Печерскаго Монастыря (Татищ.). — Die erste und einzige Quelle der ältesten russischen Geschichte ist *Nestor* (Schlözer).

церъ, отзываясь рѣзко объ Іоакимовой Лѣтописи, не заподозрилъ, однако, въ подлогѣ самого Татищева, отдалъ справедливость его добросовѣстности ([2]). Карамзинъ пошелъ далѣе. По его мнѣнію, это *шутка*, затѣйливая, хотя и неудачная догадка Татищева, который сомнѣвался въ истинѣ несторова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую ошибку; но Карамзинъ не ограничилъ своего приговора однимъ Іоакимомъ: по его мнѣнію, Татищевъ, равно какъ составители позднихъ лѣтописныхъ сборниковъ, выдумали всѣ тѣ лишнія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей. Это мнѣніе, невысказанное опредѣленно и рѣзко въ разбираемой главѣ, но повторяемое безпрестанно въ примѣчаніяхъ, надолго установило господствующій взглядъ въ нашей исторической критикѣ. Высказывая это мнѣніе, Карамзинъ шелъ дальше Шлёцера, сомнѣнія котораго не касались тѣхъ извѣстій Татищева, которыхъ не было въ древнѣйшихъ спискахъ ([3]). Впрочемъ, должно замѣтить, что Шлёцеръ не сравнивалъ извѣстій XI и XII вѣковъ, и мнѣніе Карамзина было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ шлёцеровыхъ мнѣній о Несторѣ.

О продолжателяхъ несторовыхъ Карамзинъ разсуждаетъ иначе, чѣмъ предшествовавшіе ему изслѣдователи, то-есть собственно одинъ изслѣдователь — Татищевъ, потому-что Шлёцеръ здѣсь буквально копируетъ послѣдняго. Карамзинъ, вопервыхъ, не помѣщаетъ Сильвестра въ числѣ несторовыхъ подражателей, какъ тò сдѣлалъ Татищевъ; потомъ, мы ужь сказали, что Карамзинъ отвергнулъ всѣ тѣ лишнія извѣстія, которыя находились въ спискахъ, вошедшихъ въ составъ татищевскаго свода и не встрѣчались въ спискахъ, до насъ дошедшихъ: вотъ почему Карамзинъ не упоминаетъ о томъ изъ продолжателей Нестора, который такъ любилъ описывать наружность князей и котораго потому Татищевъ называетъ искуснымъ въ живописи; по мнѣнію же Карамзина, всѣ эти описанія наружностей выдуманы самимъ Татищевымъ. Карамзинъ, въ числѣ продолжателей Нестора, помѣщаетъ автора того отрывка, въ которомъ разсказывается объ ослѣпленіи Василька теребовльскаго; потомъ указываетъ безъименныхъ лѣтописцевъ: новгородскаго, суздальскаго, кіевскаго, волынскаго, псковскаго. Вся характеристика нашихъ лѣтописей заключается въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Къ сожалѣнію, они (лѣтописцы) не сказывали всего, чтò бываетъ любопытно для потомства; но,

---

([2]) Nach dem Jahre 1748 kam durch Tatisczew, auf die verdächtigste, von Tat. selbst ehrlich beschriebene Art, ein Stück von einer Chronik zum Vorschein. II, 13.

([3]) Несторъ, I, 17.

Digitized by Google

къ-счастію, не вымышляли, и достовѣрнѣйшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними». Этотъ отзывъ, несмотря на свою краткость, любопытенъ и важенъ: долговременное пользованіе лѣтописями, внимательный пересмотръ множества списковъ, съ цѣлью собственно-историческою, для представленія по нимъ судебъ государства, заставили Карамзина отказаться отъ того односторонне-преувеличеннаго мнѣнія, какое было высказано Шлёцеромъ о лѣтописяхъ. Карамзинъ избѣжалъ и другой ошибки Шлёцера, то-есть собственно Татищева, который говоритъ (4), что послѣ 1156 года «по разнымъ спискамъ видны разныя дополненія по 1203 годъ, гдѣ ужь во всѣхъ лѣтописяхъ разница находится; и хотя рѣдко гдѣ противорѣчатъ, но въ порядкѣ дѣлъ, одинъ то, а другой другое прежде положилъ, или пропустилъ, такожъ по пристрастіямъ или обстоятельствамъ одинъ сего, другой другаго оправдаетъ». Изъ этихъ словъ Татищева Шлёцеръ вывелъ, что до начала XIII вѣка для каждаго времени былъ *только одинъ* лѣтописецъ, который начиналъ тамъ, гдѣ предшественникъ его окончилъ; что различія въ сужденіяхъ лѣтописцевъ начинаются только послѣ этого времени. Карамзинъ не повторилъ этого ошибочнаго мнѣнія, но и не опровергнулъ его, вслѣдствіе чего оно осталось въ силѣ и воспрепятствовало нѣкоторымъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ замѣтить, что и до XIII-го вѣка для каждаго времени былъ *не* одинъ только лѣтописецъ, что и до XIII вѣка встрѣчаемъ различныя сужденія, различные взгляды на одно и то же явленіе.

Сказавъ о продолжателяхъ Нестора, Карамзинъ перечисляетъ лучшіе списки лѣтописей, причемъ говоритъ: «Въ каждомъ изъ нихъ есть нѣчто особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ». Эти слова недовольно-ясны и довели позднѣйшихъ изслѣдователей къ запутанностямъ. Начали разсуждать о запискахъ, противополагая ихъ лѣтописямъ, дѣлая ихъ источниками для лѣтописей; но надобно было показать прежде различіе между запискою и лѣтописью. Словомъ *записки* мы переводимъ — *мемуары*, и, въ смыслѣ историческихъ источниковъ, подъ этимъ словомъ не разумѣемъ ничего болѣе. Итакъ, въ XI, XII, XIII и слѣдующихъ вѣкахъ у насъ были мемуары? Конечно, не то хотѣлъ сказать Карамзинъ...

Подобно всѣмъ предшествовавшимъ русскимъ историкамъ, первую главу своей исторіи Карамзинъ посвятилъ разсказу о судьбѣ народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область до основанія Рус-

(4) I, 58.

Digitized by Google

скаго Государства. Эта глава превосходна, какъ искусный перечень преданій, живой разсказъ событій, хотя должно замѣтить, что эти событія взяты совершенно-отдѣльно, безъ указанія на связь ихъ съ событіями послѣдующими. Зная утомительныя изслѣдованія о томъ же предметѣ писателей предшествовавшихъ, Татищева, Щербатова, нельзя не удивляться искусству, съ какимъ Карамзинъ сдѣлалъ первую главу своей исторіи удобною для чтенія легкостью разсказа, выборомъ подробностей; нельзя не удивляться здравому смыслу, съ какимъ онъ обошелъ безрезультатные толки о происхожденіяхъ народовъ и народныхъ именъ. Для образца, мы должны указать на статью, въ которой Карамзинъ касается вопроса о происхожденіи славянъ и первомъ появленіи ихъ въ исторіи. Разсказавъ о готѳахъ, онъ прибавляетъ, что историкъ ихъ Іорнандъ, въ числѣ другихъ покоренныхъ Германарихомъ народовъ, упоминаетъ и о венедахъ: «Сіе извѣстіе (говоритъ Карамзинъ) для насъ любопытно и важно: ибо Венеды, по сказанію Іорнанда, были единоплеменники Славянъ, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Океанъ, и гдѣ живутъ Венеды... Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы и граничили къ югу съ Дакіею. Птоломей, Астрономъ и Географъ II-го столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось Венедскимъ. Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на Югъ отъ моря Бальтійскаго. Изъ Азіи ли они пришли туда, и въ какое время, не знаемъ... и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того, они самыми обыкновеніями и нравами отличались отъ Азіатскихъ народовъ».

Сказавъ о разселеніи славянъ по Европѣ, отъ Балтійскаго Моря до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, Карамзинъ переходитъ къ разселенію племенъ славянскихъ въ нынѣшней Россіи. Здѣсь исторіографъ ужь не могъ обойдти *вѣчно*-спорнаго вопроса о волохахъ, потѣснившихъ славянъ съ Дуная. Ближайшимъ, достойнымъ вниманія изслѣдователемъ, занимавшимся этимъ вопросомъ, былъ Тунманъ, съ которымъ Карамзинъ и долженъ былъ войдти въ полемику. Онъ приступаетъ къ вопросу такъ: «Несторъ пишетъ, что Славяне издревле обитали въ странахъ Дунайскихъ и, вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донынѣ живущими въ Венгріи), перешли въ Россію, въ Польшу и въ другія земли». Надобно сказать,

Digitized by Google

что вопросъ о волохахъ рѣшенъ Карамзинымъ проще и, такъ-сказать, основательнѣе, чѣмъ у позднѣйшихъ изслѣдователей, которые принимаютъ волоховъ то за кельтовъ, то за римлянъ; основательнѣйшимъ мнѣніе Карамзина мы назвали потому, что оно основывается на свидѣтельствахъ двухъ лѣтописцевъ, русскаго и венгерскаго. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что венгры, пришедши въ Дунайскую Область, прогнали оттуда волоховъ, которые прежде нихъ овладѣли здѣсь землею славянскою; венгерскій лѣтописецъ подтверждаетъ русскаго, говоря, что венгры именно нашли на Дунаѣ волоховъ. Но, справедливо возражая противъ тунманова смѣшенія волоховъ съ болгарами, Карамзинъ, какъ нерѣдко бываетъ, увлекся другою ошибкою Тунмана ([5]) и повторяетъ, что славяне были вытѣснены изъ Мизіи болгарами, а изъ Панноніи волохами, тогда-какъ лѣтописецъ ни полслова не говоритъ о томъ, чтобъ нашествіе болгаръ на Мизію на жившихъ тамъ славянъ подало поводъ къ изгнанію, переселенію послѣднихъ въ сѣверныя страны. Далѣе, признавая благоразумными замѣчанія митрополита Платона насчетъ сказанія о путешествіи апостола Андрея, Карамзинъ не только приводитъ это сказаніе въ подтвержденіе пребыванія славянъ на сѣверѣ въ I-мъ вѣкѣ, но даже опровергаетъ имъ Тунмана и Гаттерера. Потомъ Карамзинъ предлагаетъ нѣсколько гаданій о томъ, что, быть-можетъ, андрофаги, меланхлены, невры геродотовы, геты принадлежали къ племенамъ славянскимъ. Но, заплативъ невольно дань сфинксу, стрегущему обыкновенно входъ въ исторіи каждаго народа и предлагающему таинственныя загадки историку, Карамзинъ спѣшитъ оговориться: «Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней за долго до того времени, въ которое образовалось наше Государство». Относительно этой оговорки, впрочемъ, надобно замѣтить, что здѣсь смѣшаны догадки позднѣйшихъ изслѣдователей съ преданіями, записанными въ лѣтописяхъ; на вопросъ: откуда пришли славяне въ Россію? отвѣчаетъ преданіе, занесенное въ лѣтопись; на вопросъ: когда пришли они? отвѣчаетъ догадка позднѣйшихъ изслѣдо-

---

([5]) Или скорѣе Шлецера, который въ 1769 году въ своей Geschichte von Russland напечаталъ: «Diese Slaven, ein ursprünglich europäisches Volk, hatten von je her in Ungarn, an dem nördlichen Ufer der Donau, gewohnt. Im fünften Jahrhundert nach Christi Geburt zog sich ein Theil desselben, von den Wlachen und Bulgaren verdrungen, gegen den Dnepr hin, und baute Kiew.»

Digitized by Google

вателей. Конечно, нельзя поставить рядомъ преданіе о движеніи славянъ съ Дуная, вслѣдствіе натиска отъ волховъ съ мнѣніями позднѣйшихъ ученыхъ, что эти волхи были кельты или римляне траяновы, или что невры, меланхлены и андрофаги были славяне.

Карамзинъ приводитъ извѣстіе лѣтописи о разселеніи племенъ славянскихъ въ нынѣшней Россіи, вѣрно смотритъ на преданіе объ основаніи Кіева, хоть напрасно освобождаетъ отъ общаго приговора извѣстіе о Кіевцѣ Дунайскомъ. Нельзя не остановиться на слѣдующемъ мнѣніи о полянахъ: «Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской Губерніи и назвались *Полянами* отъ чистыхъ полей своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей Государства Польскаго». Если поляне назвались такъ отъ мѣстности, отъ чистыхъ полей нынѣшней Кіевской Губерніи, то едва-ли можно сближать ихъ съ ляхами, обитателями береговъ Вислы, которые назвались отъ своей мѣстности, или отъ чего-нибудь другаго. Если ужь сближать полянъ съ поляками по созвучію названій, то должно предположить, что это названіе произошло первоначально на берегахъ Вислы, и переселенцы перенесли его отсюда на берега Днѣпра. Правиленъ взглядъ на финскія племена; но мнѣніе о происхожденіи литовскаго племени отъ смѣшенія славянъ, финновъ и германцевъ — мнѣніе, казавшееся основательнымъ во времена Карамзина, теперь отвергнуто наукою, вслѣдствіе новыхъ изысканій.

Отрицая подчиненіе финскихъ и латышскихъ племенъ славянскимъ во времена дорюриковскія, Карамзинъ указываетъ причину, почему славяне въ эти времена не могли быть завоевателями: это потому, что они жили особенно, *по колѣнамъ;* но эта форма быта, это любопытное выраженіе: *по колѣнамъ*—не объясняются. *Поколѣнный* бытъ и междоусобіе не только препятствовали славянамъ россійскимъ быть завоевателями, но и предавали ихъ въ жертву врагамъ внѣшнимъ — аварамъ, казарамъ и, наконецъ, варягамъ. Здѣсь авторъ останавливается на вопросѣ: «Кого Несторъ именуетъ Варягами?» При рѣшеніи этого вопроса Карамзинъ долженъ былъ выбирать между разными мнѣніями, явившимися уже въ XVIII столѣтіи; онъ выбралъ мнѣніе о происхожденіи скандинавскомъ, въ пользу котораго говорили и ясныя свидѣтельства источниковъ и авторитеты писателей позднѣйшихъ; сбивчивое мнѣніе Татищева, натянутое Ломоносова, вынужденное ново-миллеровское и забытое Тредьяковскаго — всѣ эти мнѣнія не могли соперничать съ мнѣніемъ, которое мастерски изложилъ еще Байеръ и потомъ подтвердилъ первый авторитетъ времени, Шлёцеръ, мужъ ученый и славный,

Digitized by Google

по собственному выраженію Карамзина. — Глава оканчивается превосходнымъ разсужденіемъ о несторовой хронологіи.

Содержаніе третьей главы составляетъ физическій и нравственный характеръ славянъ древнихъ. Глава начинается опредѣленіемъ причинъ разности народовъ, и, согласно съ Болтинымъ, главная причина указывается въ разности климатовъ. Славяне были бодры, сильны, неутомимы, благодаря умѣренному и даже холодному климату обитаемыхъ ими странъ. Нравственныя качества славянскаго племени представлены преимущественно съ свѣтлой стороны; не умолчено и о порокахъ, но, вслѣдъ за тѣмъ приводятся и оправданія: напримѣръ, жестокость противъ грековъ объясняется местью, какую должны были питать славяне къ грекамъ за жестокости послѣднихъ. При описаніи обычаевъ, о славянахъ западныхъ говорится одинаково-подробно, какъ и о славянахъ восточныхъ; а такъ-какъ извѣстій объ обычаяхъ славянъ западныхъ сохранилось въ источникахъ гораздо-болѣе, то изложеніе обычаевъ, общественнаго быта, религіи славянъ западныхъ преобладаетъ надъ описаніемъ быта славянъ восточныхъ или русскихъ; поляне, древляне, радимичи съ своимъ бытомъ, какъ описываетъ его начальный руской лѣтописецъ, какъ-бы исчезаютъ, и вмѣсто ихъ въ памяти читателя необходимо остается Виннета, Аркона, картина избранія герцога въ славянской Каринтіи, тѣмъ болѣе, что описанія быта славянъ западныхъ и восточныхъ поставлены рядомъ, какъ дополняющія другъ друга.

Въ IV-й главѣ Карамзинъ приступаетъ къ разсказу о началѣ Государства Россійскаго. Не онъ первый долго задумывался надъ этимъ событіемъ, стараясь объяснить его: Миллеръ, Щербатовъ, Болтинъ, Шлёцеръ уже высказали свое мнѣніе относительно побужденій къ призванію князей и цѣли его; но удивительно здѣсь то, что всѣ эти писатели, позволяя себѣ разныя толкованія лѣтописнаго извѣстія, никакъ не хотѣли принимать этого извѣстія вполнѣ, никакъ не хотѣли признать тѣхъ побужденій и цѣлей, какія выставлены лѣтописцемъ, и придумывали свои, тогда-какъ нужно было сдѣлать что-нибудь одно: или отвергнуть вполнѣ извѣстіе лѣтописца, или, принявъ его, принять вполнѣ, со всѣми изложенными въ немъ побужденіями и цѣлями, и объяснять эти побужденія и цѣли, какъ они представлены у лѣтописца, по обстоятельствамъ времени, а не придумывать вмѣсто нихъ своихъ побужденій и цѣлей. Лѣтописецъ говоритъ: «Изгнали Варягѣвъ за море и начали сами собою владѣть; и не было въ нихъ правды, возсталъ родъ на-родъ, и начались усобицы. Тогда сказали: поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами, рядилъ и судилъ по правдѣ». Теперь у насъ, при чтеніи этихъ строкъ, невольно раждается мысль: какъ было бъ хо-

Digitized by Google

рою, какъ облегчилось бы пониманіе русской исторіи, еслибъ всѣ ея событія были разсказаны въ лѣтописяхъ съ такою полнотою, какъ это! Но, какъ нарочно, позднѣйшие писатели остались недовольны именно этимъ полнымъ изложеніемъ, начали придумывать своя объясненія. Миллеръ, не обращая никакого вниманія на слова лѣтописца, что князья были призваны для избѣжанія внутренняго безнарядья, вслѣдствіе отсутствія правды, призваны были судить и рядить, Миллеръ объявилъ, что князья были призваны преимущественно для защиты границъ. Щербатовъ пошелъ дальше: для него догадка Миллера является не какъ догадка только, но какъ истина неоспоримая, какъ-будто бы въ лѣтописи такъ именно и сказано, что князья были призваны для защиты границъ: «Достойно примѣчанія и то (говоритъ Щербатовъ), что Новгородцы, избравъ себѣ въ государи сихъ трехъ князей..., единственно токмо препоручили имъ, дабы они границы отъ вражескихъ нападеній защищали». Болтинъ былъ ближе къ истинѣ: онъ привелъ въ связь явленіе, которымъ начинается русская исторія съ послѣдующими явленіями новгородской исторіи, и объявилъ, что Рюрикъ съ братьями были призваны съ такимъ же значеніемъ, съ какимъ послѣ призывались князья въ Новгородъ, но, имѣя ложное понятіе о значеніи послѣдующихъ князей новгородскихъ, началъ, подобно Миллеру и Щербатову, говорить только о защитѣ границъ и о предводительствѣ войскомъ. Шлёцеръ принимаетъ мнѣніе предшественниковъ, толкуетъ, что племенамъ нужны были только защитники, пограничные стражники; но онъ дѣлаетъ уступку лѣтописи и прибавляетъ, что князья могли быть оберяупанами, оберстаршинами, даже судьями; а потомъ опять сбивается, приводитъ мнѣніе Миллера, какъ провидѣвшаго истину, и, чтобъ подтвердить миллеровскую истину, начинаетъ толковать о неопредѣленномъ значеніи слова: *князь*, какъ-будто это значеніе въ лѣтописи не опредѣлено словами: владѣть, судить, рядить по правдѣ! Карамзинъ также представилъ свое объясненіе: по его мнѣнію, варяги, будучи образованнѣе славянъ и финновъ, правили послѣдними безъ угнетенія и насилія; бояре славянскіе вооружили народъ противъ варяговъ, изгнали ихъ, но не умѣли возстановить древнихъ законовъ и ввергнули отечество въ бездну золъ междоусобія. Тогда вспомнили о выгодномъ и покойномъ правленіи норманскомъ, и призвали князей. Понятно, что это мнѣніе гораздо-ближе къ дѣлу, гораздо-удовлетворительнѣе, чѣмъ мнѣніе предшествовавшихъ писателей; по Карамзину, варяги владѣли, а не грабили только, какъ утверждалъ Шлёцеръ; и дѣйствительно, если лѣтописецъ говоритъ, что, по изгнаніи варяговъ, изгнавшіе стали сами владѣть, то ясно, что варяги владѣли; начавши владѣть сами, племена не могли установить наряда, и

Digitized by Google

призваны были князья. Конечно, предположеніе о высшей образованности варяговъ введено нѣсколько-произвольно; что жь касается бояръ, то у лѣтописца говорится, что всталъ родъ на родъ; но родъ предполагаетъ родоначальниковъ; у Карамзина же являются бояре, ибо мы видѣли, что въ предъидущихъ главахъ онъ не остановился надъ объясненіемъ быта, который онъ назвалъ поколѣннымъ. Но всего важнѣе для насъ во мнѣніи Карамзина то, что здѣсь остаются неприкосновенными извѣстія лѣтописи о цѣли призванія — важно то, что Карамзинъ не увлекся авторитетомъ Шлёцера и отринулъ господствующее мнѣніе о пограничныхъ стражникахъ. Но съ меньшею справедливостью онъ отступаетъ отъ Шлёцера въ томъ, что признаетъ одною догадкою и вымысломъ извѣстія о новгородскихъ событіяхъ, находящихся въ никоновскомъ спискѣ. Мы не думаемъ, чтобъ было справедливо объясненіе Шлёцера, почему эти извѣстія находятся только въ никоновскомъ спискѣ, потому-что самъ же онъ приводитъ свидѣтельство Степенной Книги; но, конечно, Карамзинъ не могъ представить никакого объясненія, зачѣмъ эти извѣстія были выдуманы и внесены въ никоновскій списокъ и Степенную Книгу...

Мысль Шлёцера, что, въ раздачѣ Рюрикомъ городовъ мужамъ своимъ, лежали начатки феодальной системы, повторена и у Карамзина съ оговоркою: *«кажется»*; но отвергнуто предположеніе Шлёцера, что руссы, нападавшіе на Константинополь въ 866 году, не были руссы Аскольда и Дира; принято мнѣніе большинства писателей съ любопытнымъ замѣчаніемъ, что Аскольдъ и Диръ могли и ранѣе 864 года овладѣть Кіевомъ. При извѣстіи о начаткахъ христіанства въ Кіевѣ, помѣщено слѣдующее объясненіе успѣховъ новой религіи: «Славяне исповѣдывали одну Вѣру, а Варяги другую; въ послѣдствіи увидимъ, что древніе Государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, которыхъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успѣхамъ новой Вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, Славянъ, и надежныхъ товарищей, Варяговъ, узами духовнаго братства». Мы не можемъ раздѣлять теперь мнѣнія Карамзина о значительной разницѣ между религіею славянъ и варяговъ; мы знаемъ изъ лѣтописи, что дружина княжеская, подъ которою Карамзинъ разумѣетъ варяговъ, смѣялась надъ христіанами, тогда-какъ не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отчужденія варяговъ отъ славянскаго язычества; несмотря на то, замѣчаніе Карамзина любопытно въ томъ отношеніи, что онъ обратилъ вниманіе на отношеніе религіи двухъ

Digitized by Google

народовъ, чего не дѣлали писатели предшествовавшие; правда, Татищевъ обратилъ на это вниманіе, но онъ кіевскихъ идоловъ владимірова времени сдѣлалъ варяжскими. Описаніе княженія рюрикова Карамзинъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Память Рюрика, какъ перваго Самодержца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Мурома, наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и Вѣру».

Пятая глава посвящена княженію Олега-правителя. Это княженіе, о которомъ въ лѣтопись внесено довольное количество преданій, даетъ Карамзину возможность впервые высказать свой взглядъ, свое мѣрило для оцѣнки лицъ и событій. Олегъ, пылая славолюбіемъ героевъ, идетъ на югъ съ цѣлью завоеваній; въ Кіевѣ онъ хитростью убиваетъ Аскольда и Дира, и Карамзинъ спѣшитъ произнести приговоръ надъ этимъ поступкомъ: «Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго». Вотъ изображеніе Олега послѣ похода на грековъ: «Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго, могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась потомству чудесною». Приведя преданіе о смерти олеговой, авторъ продолжаетъ: «Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стеналъ и проливалъ слезы*. Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ-похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными... Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы!»

Изъ предшествовавшихъ Карамзину русскихъ писателей, каждый предлагалъ свое объясненіе причинъ, почему Олегъ предпринялъ походъ на югъ, къ Кіеву. Такъ, напримѣръ, Татищевъ торжество Олега надъ Оскольдомъ и Диромъ приписывалъ тому, что послѣдніе приняли христіанство и тѣмъ вооружили противъ себя язычниковъ, призвавшихъ Олега; Щербатовъ, слѣдуя «Синопсису» и «Ядру Россійской Исторіи», думалъ, что Олегъ хотѣлъ воспользоваться слабостью кіевскихъ князей, потерпѣвшихъ пораженіе подъ Константинополемъ; Шлёцеръ объявилъ

Digitized by Google

всѣ эти *историзированія* и *политизированія* (6) чистыми вымыслами, объявилъ, что единственнымъ побужденіемъ къ походу для Олега былъ завоевательный духъ. Карамзинъ говоритъ, что Олегъ предпринялъ походъ, «пылая славолюбіемъ героевъ». Но Карамзинъ не послѣдовалъ шлёцерову мнѣнію о договорахъ съ греками, призналъ ихъ достовѣрность и, послѣдуя Болтину, вывелъ изъ этихъ договоровъ слѣдующее: «Сей договоръ представляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ торговлю внутреннюю и внѣшнюю».

Шестая глава — княженіе Игоря, не представляетъ замѣчательныхъ особенностей; между этою главою въ первомъ томѣ «Исторіи Государства Россійскаго» и между третьею главою перваго тома «Исторіи Россійской» князя Щербатова мало разницы (исключая, разумѣется, слога). Мы видѣли отзывъ Карамзина объ Олегѣ; слѣдовательно, имѣемъ право ожидать подобнаго же объ Игорѣ: «Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его: онъ сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ Имперіею, былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ», и проч.

Но большое различіе отъ Щербатова и другихъ предшествовавшихъ писателей находимъ въ началѣ седьмой главы, гдѣ говорится о дѣятельности княгини Ольги. Предшествовавшіе писатели передавали преданіе о мести ольгиной надъ древлянами, какъ фактъ несомнѣнный во всѣхъ подробностяхъ, позволяя себѣ только иногда наивныя восклицанія насчетъ наивности древлянъ (7). Но такое пониманіе Шлёцера объявилъ невѣроятно-жалкимъ и предложилъ свое образцовое объясненіе происхожденія преданій объ Ольгѣ и раздѣленіе ихъ. Карамзинъ воспользовался замѣчаніями Шлёцера, но ограничилъ ихъ и указалъ важное значеніе народныхъ преданій для историка: «Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія*

(6) Wir wollen abhören, wie unsere Historiker pragmatisch historisiren und politisiren.

(7) Какъ, напримѣръ, восклицаніе Ломоносова: «О, деревенская простота!»

Digitized by Google

подробности ([8]), отчасти несогласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностью Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но, какъ истинное происшествіе, должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени: то мы повторили Несторовы простыя сказки о мести и *хитростяхъ Ольгиныхъ.*»

Причиною, побудившею Ольгу къ принятію христіанства, Щербатовъ выставлялъ недостаточность славянскаго идолослуженія, которую Ольга, одаренная великимъ разумомъ, не могла не понять, особенно слыша о чистѣйшей вѣрѣ грековъ; по Карамзину, Ольга, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, могла убѣдиться въ святости христіанскаго ученія, съ которымъ могла познакомиться въ Кіевѣ, и пожелала креститься, тѣмъ болѣе, что достигла ужь тѣхъ лѣтъ, когда смертный чувствуетъ суетность земнаго величія. О причинахъ, заставившихъ ее отправиться въ Константинополь за крещеніемъ, ни тотъ ни другой не говорятъ. Изъ предшествовавшихъ писателей, одни отвергали лѣтописное преданіе о предложеніи греческаго императора Ольгѣ, другіе старались объяснять его; Карамзинъ послѣдовалъ первымъ.

Касательно войны Святослава съ греками, Щербатовъ, поставивъ рядомъ извѣстіе русскаго лѣтописца съ извѣстіями византійскими, склоняется въ пользу послѣднихъ. Шлёцеръ раздѣляетъ мнѣніе Щербатова, приходитъ въ отчаяніе отъ извѣстій лѣтописи о войнѣ Святослава съ греками, никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ эти извѣстія принадлежали Нестору, и единственное утѣшеніе находитъ въ надеждѣ, что современемъ отъищутся списки, въ которыхъ дѣло разсказывается иначе, чѣмъ въ спискахъ, до насъ дошедшихъ. Карамзинъ слѣдуетъ Щербатову и Шлёцеру, но не выражается рѣшительно, и тѣмъ приближается болѣе къ первому, чѣмъ ко второму.

Восьмая глава, содержащая въ себѣ разсказъ объ усобицахъ между сыновьями Святослава, не представляетъ замѣчательныхъ особенностей противъ шестой главы второй книги Щербатова, имѣющей то же содержаніе.

Въ девятой главѣ разсказываются событія княженія владимірова. Это княженіе, относительно обильнѣйшее разнородными событіями, чѣмъ всѣ предшествовавшія княженія, даетъ впервые видѣть порядокъ, которому Карамзинъ, подобно предшествовавшимъ писателямъ, будетъ слѣдовать при распредѣленіи событій. Это порядокъ лѣтописный, хронологическій; событія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ въ лѣтописи, по го-

---

([8]) Напечатанное курсивомъ напечатано такъ у самого Карамзина.

дамъ, а не совокупляются по однородности своей, по внутренней связи между ними. Но безсвязность лѣтописная должна была тяготить такого художника, каковъ былъ Карамзинъ: онъ старается сдѣлать ее незамѣтною въ своей исторіи, и для этого употребляетъ искусные *внѣшніе* переходы между событіями, слѣдующими въ лѣтописи другъ за другомъ только по порядку лѣтъ.

Главное событіе княженія владимірова — великая религіозная перемѣна: принятіе христіанства. Явленія, относящіяся къ религіозной дѣятельности Владиміра, сперва какъ язычника, потомъ какъ христіанина, какъ равноапостольнаго князя — эти явленія естественно выдѣляются изъ среды остальныхъ, заставляютъ историка соединять ихъ объясненіемъ причины перехода отъ однихъ къ другимъ, причемъ и открывается необходимо внутренняя связь между ними. Потомъ лѣтопись предлагаетъ извѣстія о другихъ, ужь второстепенныхъ по своему значенію, явленіяхъ: о покореніи племенъ славянскихъ, о наступательныхъ войнахъ на разныя страны и народы, о войнахъ оборонительныхъ противъ степныхъ варваровъ, о нѣкоторыхъ внутреннихъ распоряженіяхъ; всѣ эти явленія подраздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ групъ; но Карамзинъ располагаетъ событія въ порядкѣ лѣтописномъ, хронологическомъ. Сперва говорится о хитрости Владиміра относительно варяговъ, о ревности къ язычеству, потомъ о разнородныхъ войнахъ, и здѣсь является разсказъ о принятіи христіанства. Извѣстіе о убіеніи двухъ варяговъ-христіанъ вставлено между извѣстіями о войнѣ съ ятвягами и радимичами, причемъ сказано, что Владиміръ велѣлъ бросить жребій, тогда-какъ въ лѣтописи объ участіи князя не говорится. Вообще, разсказъ объ этомъ событіи любопытенъ, потому-что показываетъ взглядъ Карамзина на то, въ какомъ отношеніи долженъ быть разсказъ историка къ разсказу лѣтописца. Въ лѣтописи, напримѣръ, читаемъ: «Онъ (Варягъ) стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ... рече: аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой.» У Карамзина: «Отецъ, держа сына за руку, съ твердостію сказалъ: ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій».

Между историками XVIII вѣка былъ споръ о побужденіяхъ Владиміра къ походу на Корсунь. Щербатовъ думалъ, что походъ былъ предпринятъ съ цѣлію принятія крещенія; Болтинъ, на основаніи Татищева, утверждалъ, что походъ былъ предпринятъ для полученія руки царевны Анны. Карамзинъ принялъ мнѣніе Щербатова вмѣстѣ съ объясненіемъ, зачѣмъ Владиміръ, для принятія христіанства, хотѣлъ предварительно воевать съ греками. Касательно извѣстія о начаткахъ книжнаго ученія на

Digitized by Google

Руси при Владимірѣ, Щербатовъ разсуждаетъ такъ: «И тогда же разсуждая (Владиміръ), что всѣянное сѣмя святаго Евангелія не можетъ довольно вкорениться во вновь обращенныхъ изъ идолопоклоненія народахъ, есть ли прежняя суровость и невѣжество въ нихъ пребудутъ: чего ради онъ повелѣлъ учредить училищи». Карамзинъ говоритъ то же самое: «Владиміръ взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить Россіянъ. Чтобъ утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, Великій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи». Щербатовъ и Карамзинъ вполнѣ удовлетворительно объясняютъ причины этого поступка владимірова, и мы не можемъ принять односторонняго объясненія позднѣйшихъ изслѣдователей (9); но Щербатовъ и Карамзинъ не правы въ томъ, что говорятъ о заведеніи училищъ, тогда-такъ въ лѣтописи объ училищахъ нѣтъ ни слова.

Между извѣстіями о войнахъ печенѣжскихъ помѣщенъ разсказъ о пирахъ Владиміра и его благотворительности къ народу, послѣ чего слѣдуетъ извѣстіе о *вирахъ*. Это извѣстіе раздѣлено на двѣ части, причемъ слова, относящіяся ко второй части, приставлены къ первой. Касательно второй части: «Оже вира, то на оружьи и на конихъ буди», въ примѣчаніи высказано недоумѣніе, куда отнести *буди:* ко Владиміру, или къ вирѣ? но въ текстѣ это слово отнесено ко Владиміру. Вторая часть извѣстія представлена въ видѣ увѣщанія къ войнѣ, и авторъ воспользовался этимъ, чтобъ связать два извѣстія, неимѣющія отношенія другъ къ другу — извѣстіе о вирахъ съ извѣстіемъ о войнѣ печенѣжской. Въ этомъ послѣднемъ извѣстіи совершенно-правильно объяснено выраженіе: *верховные вои*, чѣмъ позабыли воспользоваться нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи.

Десятая и послѣдняя глава перваго тома содержитъ въ себѣ извѣстіе о состояніи древней Россіи, отъ Рюрика до смерти Владиміра-Святаго. Князь Щербатовъ ведетъ разсказъ о политическихъ событіяхъ отъ Рюрика до смерти Юрія Долгорукаго, и тутъ только останавливается, чтобъ взглянуть на внутреннее состояніе русскаго общества въ пройденный періодъ; Карамзинъ счелъ за нужное остановиться по смерти Владиміра-Святаго, обозрѣть состояніе новорожденнаго русскаго общества во время язычества и при первомъ князѣ христіанскомъ. Этотъ обзоръ очень-любопытенъ, потому-что въ немъ, хотя кратко, указано на всѣ важнѣйшія общественныя отношенія. Вначалѣ представлена огромность русской государственной области въ самый первый вѣкъ ея бытія, хотя не упомянуты

(9) См. подробнѣе объ этомъ въ моей «Исторіи Россіи», т. I, прим. 261.

Digitized by Google

причины столь быстраго распространенія государственной области и слѣдствія такой громадности ея для будущаго. Указано значеніе князя въ словахъ, призывавшихъ его племенъ: «хотимъ князя, да владѣетъ и правитъ нами по закону». Мы ужь говорили, какъ этимъ взглядомъ отличается Карамзинъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, которые представляли первыхъ князей въ видѣ пограничныхъ стражниковъ. Указаны отношенія дружины къ князьямъ... По нашему мнѣнію, во всей главѣ дано слишкомъ-много значенія норманскому элементу, который совершенно отдѣленъ отъ туземнаго. Относительно законодательства, Карамзинъ думаетъ, что варяги принесли въ Россію общіе гражданскіе законы, которые начали господствовать, вытѣснивъ прежніе славянскіе обычаи. «Варяги, законодатели нашихъ предковъ (говоритъ Карамзинъ) были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны; Славяне заимствовали отъ Варяговъ искусство мореплаванія». Такимъ-образомъ мы видимъ, что *варяжская система* образовалась впервые въ разбираемой главѣ; начальный періодъ русской исторіи является ужь здѣсь варяжскимъ, хотя еще и не названъ такъ.

Карамзинъ упоминаетъ и о вліяніи духовенства, не сомнѣвается, что оно въ первыя времена рѣшало не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла; но отвергаетъ уставъ владиміровъ на томъ основаніи, что въ немъ находится имя патріарха Фотія. Далѣе упомянуто кратко о древнемъ чиноначаліи, подробнѣе, удовлетворительнѣе о торговлѣ, деньгахъ, причемъ объясняется происхожденіе кожаныхъ денегъ и вмѣстѣ утверждается существованіе монетъ серебряныхъ. Въ статьѣ объ успѣхахъ разума говорится о переводѣ Св. Писанія, о происхожденіи языка книжнаго и народнаго; потомъ слѣдуетъ разсужденіе о ремеслахъ и искусствахъ. Заключается глава статьею о нравахъ, которые представляютъ, по словамъ Карамзина, смѣсь варварства съ добродушіемъ. Здѣсь повторена мысль Болтина, высказанная противъ Щербатова, что одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей. Вообще, мы должны замѣтить, что вся эта глава, какъ первый опытъ многосторонняго обзора новорожденнаго русскаго общества, имѣетъ важное значеніе въ нашей исторической литературѣ.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

III.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1853 ГОДУ.

Статья первая.

Исторія и теорія литературы.

Обозрѣвая дѣятельность по части исторіи русской литературы, мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе статей этого отдѣла, потому-что многія изъ нихъ явились въ нашемъ журналѣ, слѣдовательно уже извѣстны его постояннымъ читателямъ; многія изъ замѣчательнѣйшихъ въ другихъ изданіяхъ были разсмотрѣны у насъ же въ отдѣлѣ *Журналистики;* а нѣкоторыя явившіяся отдѣльно, разсмотрѣны въ отдѣлѣ *Библіографической Хроники*. И потому укажемъ только въ общихъ чертахъ на новыя пріобрѣтенія этого отдѣла, скажемъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ, которыя не были у насъ разсмотрѣны, и познакомимъ читателей съ новыми дѣятелями на этомъ поприщѣ.

Минувшій годъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ по своимъ пріобрѣтеніямъ для исторіи русской литературы: въ этомъ году было разрѣшено нѣсколько новыхъ вопросовъ, разработано нѣсколько нетронутыхъ личностей въ нашей литературѣ, наполнено нѣсколько пробѣловъ въ ея исторіи, и вступило на поприще историко-литературной критики нѣсколько новыхъ лицъ съ свѣжими силами и богатымъ

Digitized by Google

запасомъ свѣдѣній и матеріаловъ. Дѣятельность эта, не ограничиваясь однимъ какимъ-либо временемъ, обнимаетъ разные періоды литературы, и потому будемъ слѣдовать въ нашемъ обозрѣніи хронологическому порядку.

По части исторіи древней литературы находимъ нѣсколько добросовѣстныхъ изслѣдованій въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности» (Т. II). Редакторъ «Извѣстій» И. И. Срезневскій, напечаталъ въ нихъ свою записку о *Древнихъ жизнеописаніяхъ русскихъ князей X и XI вѣка* (листъ 8) и *Дополненія* къ этой запискѣ (листы 10 и 14). Жизнеописанія эти составляютъ любопытный памятникъ нашего языка и словесности, въ которомъ слово является самобытнымъ изображеніемъ мыслей и чувствъ народа. Ограничиваясь въ своей запискѣ замѣчаяніями о древнихъ жизнеописаніяхъ князя Владиміра и князей Бориса и Глѣба, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: имѣла ли древняя Русь въ своихъ первыхъ лѣтописцахъ и первыхъ жизнеописателей великихъ людей, или жизнеописанія были вносимы въ лѣтописи изъ другихъ источниковъ? Вопросъ этотъ не новый, но еще до-сихъ-поръ остававшійся нерѣшеннымъ, особенно въ отношеніи древнѣйшихъ годинъ нашей письменности. Г. Срезневскій рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, и, на основаніи разсмотрѣнныхъ имъ памятниковъ, полагаетъ, что у насъ издревле были жизнеописанія князей Владиміра, Бориса и Глѣба, написанныя безъ помощи и независимо отъ лѣтописей.

А. Ѳ. Тюринъ, напечатавшій уже нѣсколько разсужденій по предмету древней русской исторіи, представилъ въ «Извѣстія» записку: *Мнѣніе объ Іаковѣ Мнихѣ Академика П. Г. Буткова* (листъ 6). Повѣрка выводовъ П. Г. Буткова привела автора къ одному съ нимъ заключенію, именно, что Іаковъ мнихъ жилъ въ XII вѣкѣ, «написалъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Память и Похвалу в. к. Владиміру и, можетъ-быть, еще какое-нибудь сочиненіе, до насъ недошедшее или неоткрытое». (Стр. 95.)

Изслѣдованіе г. Тюрина, относящееся въ равной степени къ литературѣ и къ исторіи, и потому невыходящее изъ круга занятій автора, нашло весьма-основательное опроверженіе въ статьѣ преосвященнаго Макарія, епископа винницкаго *Еще объ Іаковѣ Мнихѣ* («Извѣстія», листъ 10). Ученый авторъ возраженія справедливо полагаетъ, «что вопросъ о мнихѣ Іаковѣ нельзя еще считать рѣшеннымъ, пока не сдѣлается извѣстнымъ наибольшее число списковъ приписываемыхъ ему сочиненій, и что, при настоящемъ положеніи дѣла, кажется, справедливѣе признавать Іакова писателемъ XI-го, нежели писателемъ второй половины XII вѣка». (Стр. 157.)

Записка профессора К. А. Неволина *О Митрополитѣ Іоаннѣ, какъ сочинителѣ посланія къ Архіепископу Римскому Клименту*

Digitized by Google

о опрѣснокахъ (листъ 6) имѣетъ цѣлью доказать, что изъ четырехъ митрополитовъ русскихъ, носившихъ по іерархическимъ каталогамъ имя Іоанна, и жившихъ въ XI и XII столѣтіяхъ, авторомъ посланія былъ Іоаннъ II, правившій русскою церковью съ 1080 по 1088 годъ, что посланіе писано къ антипапѣ, извѣстному подъ именемъ Климента III, и что Іаковъ мнихъ былъ современникъ Іоанну II, и находился съ нимъ въ перепискѣ.

Записка адъюнкта Санктпетербургскаго Университета по каѳедрѣ русской словесности М. И. Сухомлинова: *Вассіанъ, современникъ Іоанна III*, («Извѣстія», листъ 12) представляетъ необыкновенно-добросовѣстное изслѣдованіе о жизни и твореніяхъ этого писателя, одного изъ самыхъ образованныхъ людей въ Россіи въ XV-мъ вѣкѣ, имѣющаго неоспоримое право на вниманіе исторіи. Его энергическое посланіе къ Іоанну III, упрочившее за Вассіаномъ имя пламеннаго патріота и даровитаго писателя, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ своего вѣка, а тѣсная связь произведеній Вассіана съ современнымъ ему направленіемъ словесности дѣлаетъ изученіе его произведеній необходимымъ для познанія современной имъ внутренней жизни народа и для опредѣленія степени народной образованности.

Другая статья г. Сухомлинова: *Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ»* («Извѣстія», листъ 14) составляетъ эпизодъ изъ его изслѣдованія о Вассіанѣ. Въ этой запискѣ г. Сухомлиновъ задаетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ имя и мнѣнія древняго философа Димокрита могли сдѣлаться извѣстными русскому писателю XV вѣка?—и объясняетъ его тѣмъ, что имя и нѣкоторыя изрѣченія этого философа встрѣчаются въ древне-русскихъ антологическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ», и по этому поводу излагаетъ исторію, направленіе и содержаніе этихъ сборниковъ.

Имя г. Сухомлинова въ первый разъ встрѣчается въ печати, и, судя по названнымъ двумъ статьямъ, исторія нашей литературы пріобрѣтаетъ въ немъ новаго полезнаго дѣятеля. Нельзя не порадоваться такому пріобрѣтенію, тѣмъ болѣе, что вниманіе г. Сухомлинова обращено на нашу древнюю словесность, въ которой такъ много не только нерѣшенныхъ, но даже вовсе-нетронутыхъ вопросовъ. Мы такъ привыкли встрѣчать въ изслѣдованіяхъ о древней словесности только повторенія и варьяціи того, что̀ уже было извѣстно, что не можемъ не считать достойнымъ особеннаго вниманія появленія двухъ статей изъ исторіи литературы допетровскаго періода, совершенно самостоятельныхъ, хотя и доступныхъ, по своей спеціальности, только небольшому кружку читателей.

Взглядъ автора на предметъ его изслѣдованій вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли историко-литературныхъ изысканій и современнымъ понятіямъ объ

Digitized by Google

этомъ предметѣ. Взглядъ г. Сухомлинова и направленіе, въ духѣ котораго онъ намѣренъ дѣйствовать, высказаны въ предисловіи къ запискѣ о Вассіанѣ. Вникая въ причины частыхъ противорѣчій о значеніи нѣкоторыхъ явленій нашей древней словесности, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что причины эти состоятъ преимущественно въ отсутствіи спеціальной разработки многихъ памятниковъ, По мнѣнію г. Сухомлинова, «наука тогда только можетъ произнести приговоръ цѣлому, когда достигнетъ яснаго и полнаго сознанія составляющихъ его частей, когда всѣ памятники словесности будутъ изслѣдованы съ возможною тщательностью и безпристрастіемъ», а «пока не будетъ совершена эта трудная работа, до-тѣхъ-поръ всякая попытка въ общей характеристикѣ будетъ сопряжена съ опасностью — прибѣгать къ произвольнымъ предположеніямъ и тѣмъ уклоняться отъ искомаго свѣта истины» (стр. 117). Отъ такого здраваго, практическаго взгляда, устраняющаго все произвольное въ дѣлѣ исторической разработки, отъ такого успѣшнаго примѣненія его къ дѣлу, какъ въ двухъ названныхъ нами статьяхъ, нельзя не ожидать несомнѣнной пользы и важныхъ результатовъ для исторіи русской литературы.

По части исторіи нашей словесности позднѣйшихъ періодовъ явились слѣдующія статьи: *Списокъ печатныхъ извѣстій о библіотекахъ русскихъ городовъ и монастырей* Г. Н. Геннади («Москвитянинъ» № 11); *Собраніе первыхъ русскихъ вѣдомостей въ Императорской Публичной Библіотекѣ* («Сѣверная Пчела», № 103); *Къ Зоилу, образецъ старинныхъ критикъ* («Москвитянинъ», № 7). *Изъ дѣла о Тредьяковскомъ. Отъ Академіи Наукъ вѣдомость* («Москвитянинъ», № 15). Этотъ историческій матеріалъ былъ разсмотрѣнъ и примѣненъ къ дѣлу съ указаніемъ многихъ другихъ источниковъ А. Д. Галаховымъ («Отечественныя Записки», № 9). Другой отзывъ объ этой статьѣ напечатанъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 272, въ обозрѣніи *Русской Журналистики*). *О введеніи метрическаго стопосложенія и о началѣ нашего стихотворства* г. М. Дмитріева («Москвитянинъ», № 4); разборъ этой статьи («Отечественныя Записки», № 3). *Для біографіи Ломоносова,* г. Тихонравова («Москвитянинъ», № 1); разборъ этихъ матеріаловъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ (№ 3), и *Указъ Сената о дозволеніи Ломоносову завести фабрику разноцвѣтныхъ стеколъ,* и проч., сообщенный г. Негрескуломъ (тамъ-же, № 12). Матеріалъ этотъ былъ подробно разобранъ съ указаніемъ многихъ относящихся къ нему источниковъ А. Д. Галаховымъ («Отечественныя Записки», № 9). *О біографіяхъ Шувалова,* изъ біографическихъ замѣтокъ С. Д. Полторацкаго, Г. Н. Геннади («Сѣверная Пчела», № 112). *Владиміръ Лукинъ,* А. Н. Пыпина («Отечественныя Записки», №№ 8 и 9). *Автобіографія Бо-*

Digitized by Google

дановича Г. Н. Геннади («Отечественныя Записки», № 4). *Замѣтки о сочиненіяхъ Фонъ-Визина,* по поводу смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ г. Тихонравова («Московскія Вѣдомости», № 6). Отзывъ объ этой статьѣ («Отечественныя Записки», № 3) и *Державинъ* («Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», № 405 и 406).

Изъ названныхъ здѣсь статей читатели нашего журнала, безъ-сомнѣнія, обратили вниманіе на двѣ замѣчательныя статьи г. Пыпина о Лукинѣ, драматическомъ писателѣ второй половины прошлаго вѣка. Лукинъ былъ до-сихъ-поръ личностью весьма мало-извѣстною, а между-тѣмъ вполнѣ заслуживалъ извѣстности, какъ одинъ изъ первыхъ представителей защитниковъ народности въ нашей драматической литературѣ. Г Пыпинъ пополнилъ своимъ прекраснымъ трудомъ этотъ важный пробѣлъ въ исторіи нашего театра, подробно разсмотрѣлъ отношенія Лукина къ двумъ важнѣйшимъ въ то время, хотя и совершенно различнымъ по направленію и таланту драматическимъ писателямъ, Сумарокову и Фонвизину, и вообще изобразилъ Лукина въ надлежащемъ свѣтѣ, изложивъ его литературныя убѣжденія. Замѣтимъ только, что г. Пыпинъ недостаточно познакомилъ своихъ читателей съ драматическими произведеніями Лукина, ихъ содержаніемъ и относительными достоинствами, и, объяснивъ въ-подробности, на основаніи предисловій къ комедіямъ Лукина, его теорію и требованія отъ драматическихъ произведеній, не показалъ, въ какой степени эти теоріи примѣняются къ дѣлу, и какъ мало удовлетворяютъ комедіи Лукина его же собственнымъ требованіямъ. Вообще Лукинъ представляетъ собою человѣка умнаго, съ свѣтлымъ, прямымъ взглядомъ на вещи, съ замѣчательно-развитымъ чувствомъ изящнаго, но совершенно-лишеннаго драматическаго таланта. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность съ Аблесимовымъ, непускавшимся въ теоріи, но достигавшимъ той же цѣли безсознательно, силою, хотя небольшаго, но самостоятельнаго и несомнѣннаго таланта. Г. Пыпинъ еще въ первый разъ является на литературное поприще и начинаетъ его такъ успѣшно, какъ удавалось немногимъ: необыкновенная добросовѣстность, богатство библіографическихъ свѣдѣній и полное знакомство не только съ главною личностью монографіи, но съ цѣлымъ періодомъ литературы (потому-что г. Пыпинъ говоритъ также о Новиковѣ, Сумароковѣ и Фонвизинѣ) ставятъ г. Пыпина въ число полезныхъ писателей по этой части, и позволяютъ ожидать многаго отъ его трудолюбія. Вообще, исторія драматической литературы второй половины прошлаго вѣка пріобрѣла въ короткое время нѣсколькихъ новыхъ и дѣятельныхъ изслѣдователей: въ непродолжительномъ времени явятся статьи о Аблесимовѣ и Сумароковѣ, написанныя двумя авторами, также впервые вступающими на это поприще. Первая изъ этихъ статей будетъ напечатана въ нашемъ журналѣ; вторая, какъ мы слышали, явится отдѣльно.

Digitized by Google

Въ минувшемъ году появилось нѣсколько статей о Карамзинѣ, именно: *Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности Карамзина,* А. Д. Галахова («Современникъ» №№ I и XI). О первой статьѣ г. Галахова сказано въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 3). *Н. М. Карамзинъ и его литературная дѣятельность,* статья первая С. М. Соловьева («Отечественныя Записки» № 10). Отзывъ объ этой статьѣ («Санктпетербургскія Вѣдомости» № 249). Краткая біографія Карамзина и видъ памятника на его могилѣ («Русскій Художественный Листокъ» № 31). Кромѣ-того, въ явившемся отдѣльно сочиненіи г. Пассека, имѣющемъ цѣлью опровержепіе историческихъ изслѣдованій г. Соловьева, говорится о Карамзинѣ, какъ объ историкѣ. Подкрѣпленіе своимъ весьма-шаткимъ и несостоятельнымъ выводамъ г. Пассекъ нашелъ только въ мнѣніи г. Ѳ. Б. («Сѣверная Пчела», № 218). Прекрасныя статьи гг. Галахова и Соловьева составляютъ только начало обширнаго и въ высшей степени добросовѣстнаго труда. Въ сферу изслѣдованій г. Галахова не входитъ «Исторія Государства Россійскаго»; въ трудѣ же г. Соловьева историческая дѣятельность Карамзина занимаетъ первое мѣсто.

Но особенно-многочисленны были статьи изъ исторіи литературы нашего вѣка. Радуясь такой дѣятельной разработкѣ матеріаловъ для исторіи литературы новѣйшаго времени, нельзя не скорбѣть о преждевременныхъ поводахъ къ подобной дѣятельности, потому-что бо́льшая часть этихъ статей посвящена изслѣдованіямъ о жизни и сочиненіяхъ лучшихъ представителей нашей словесности: Жуковскаго, Загоскина и Гоголя, которыхъ мы лишились въ самое короткое время.

О Жуковскомъ явилось въ минувшемъ году нѣсколько подробныхъ и весьма-замѣчательныхъ статей, именно: *Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности Жуковкаго* А. Д. Галахова («Отечественныя Записки», №№ 6 и 12); *Біографія Жуковскаго* П. А. Плетнева («Живописный Сборникъ» г. Плюшара), о которой ужь сказано было въ нашемъ журналѣ (№ 2), и изъ которой бо́льшая часть писемъ была перепечатана въ «Современникѣ» (№ 2, «Замѣтки и размышленія новаго поэта по поводу русской журналистики») и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 23 и 24). *О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи* («Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, 12 января 1853 года», и «Москвитянинъ» № 2). Статья г. Шевырева была подробно разобрана въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 2). *В. А. Жуковскій со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности* А. В. Никитенко («Отечественныя Записки» № 1). Статья эта явилась потомъ отдѣльно въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Кромѣ этихъ четырехъ статей, обнимающихъ собою всю жизнь и дѣятельность Жуков-

Digitized by Google

скаго, явилось еще нѣсколько частныхъ, отрывочныхъ статей и матеріаловъ для его біографіи и оцѣнки литературной дѣятельности, именно: *Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ*, П. Б. («Московскія Вѣдомости», № 18), въ которыхъ высказано нѣсколько замѣчаній на первую статью г. Галахова о Жуковскомъ. *Отвѣтъ на статью П. Б.* г. Галахова («Московскія Вѣдомости», № 33); *Протоколъ засѣданія литературнаго общества, основаннаго В. А. Жуковскимъ* («Московскія Вѣдомости», № 44); *Воспоминанія покойнаго И. Ѳ. Калайдовича о Жуковскомъ* (тамъ же, № 46); *Письма В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова и И. И. Дмитріева къ Н. А. Маркевичу* («Москвитянинъ», № 12); *Письмо священника I. Базарова о В. А. Жуковскомъ* («Извѣстія Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», листъ 9). Отрывки изъ этого письма были перепечатаны въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (ч. LXXX, октябрь). *Памятникъ Жуковскому въ селѣ Порѣчьѣ* («Московскія Вѣдомости», № 106). Статья эта перепечатана въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 197) и въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 198); *Анекдотъ о Жуковскомъ* («Русскій Инвалидъ»); *Надгробія русскихъ писателей*—статья, въ которой находится описаніе могилы Жуковскаго и краткій очеркъ его жизни («Русскій Художественный Листокъ», № 31), и *Изъ Германіи*, письмо Д–ва о памятникѣ Жуковскому въ Стутгартѣ и о его методѣ изученія русской грамматики по таблицѣ («Санктпетербургскія Вѣдомости», № 276).

Лучшія изъ статей о Жуковскомъ принадлежатъ гг. Никитенко, Плетневу и Галахову. Статья г. Плетнева, въ которой приведено нѣсколько неизданныхъ и въ высшей степени любопытныхъ писемъ Жуковскаго къ А. П. Зонтагъ и самому г. Плетневу, близко-знавшему покойнаго поэта, особенно замѣчательна по обилію и новости біографическихъ фактовъ. Трудъ г. Галахова, начатый еще въ 1852 году («Отечественныя Записки», № 11), отличается необыкновеннымъ богатствомъ фактовъ библіографическихъ и самымъ добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ явленій умственной жизни поэта.

Въ третьей статьѣ г. Галахова о Жуковскомъ («Отечественныя Записки» № 12), имѣющей предметомъ дѣятельность поэта съ 1808 по 1812 годъ, приложенъ списокъ сочиненій и переводовъ Жуковскаго съ 1797 по 1812 годъ. Списокъ этотъ составленъ необыкновенно-добросовѣстно, и навсегда останется лучшимъ библіографическимъ указателемъ при изученіи произведеній поэта, не говоря ужь о томъ, что это кладъ для будущихъ издателей его сочиненій. Достоинство списка доказывается ужь тѣмъ, что въ немъ помѣщено 65 произведеній (напечатанныхъ до 1812 г.), которыя не вошли въ собраніе сочиненій и переводовъ Жуковскаго. Но еще болѣе выигрываетъ трудъ г. Галахова

Digitized by Google

отъ сравненія его съ спискомъ произведеній Жуковскаго, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, составленнымъ г. Тихонравовымъ и приложеннымъ къ статьѣ г. Шевырева о Жуковскомъ. Въ спискѣ г. Галахова помѣщено *136* произведеній Жуковскаго (въ томъ числѣ *134* напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ); въ спискѣ же г. Тихонравова (за тѣ же годы) *86*, слѣдовательно пропущено *48*. Къ 1808 году, по списку г. Тихонравова относится только 11 произведеній Жуковскаго, а по списку г. Галахова 25; къ 1809-му по списку г. Тихонравова 13, по списку г. Галахова 20; къ 1810-му по списку г. Тихонравова 10, а по списку г. Галахова 24, и т. д. Въ числѣ пропусковъ г. Тихонравова находится, между-прочимъ, и *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*, одно изъ тѣхъ произведеній, на которыхъ основывается слава поэта. Въ позднѣйшихъ годахъ въ спискѣ г. Тихонравова находятся не менѣе важные пропуски, въ томъ числѣ многіе переводы изъ Шиллера, нѣсколько прозаическихъ статей (*О мѣдныхъ дверяхъ Софійскаго Собора въ Новгородѣ*, *Очерки Швеціи*, и проч.), всѣ произведенія, напечатанныя послѣ 1849 года, и проч. Замѣчательно, что г. Шевыревъ, приложившій этотъ списокъ къ своей статьѣ, не замѣтилъ, что въ немъ не достаетъ почти половины произведеній Жуковскаго, и призналъ съ своей стороны списокъ «полезнымъ». Къ сожалѣнью, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. профессора, и полагаемъ, что, не имѣя подъ рукою всѣхъ (не только половины) произведеній какого бы то ни было писателя, невозможно оцѣнить съ точностью и надлежащею полнотою его литературную дѣятельность. «Полезнымъ» этотъ списокъ можно считать развѣ только потому, что онъ далъ поводъ другому составить новый списокъ всѣхъ произведеній Жуковскаго, и такимъ-образомъ поправить ошибку.

Въ *Дневникѣ Студента съ 1805 по 1807 годъ* («Москвитянинъ»), о которомъ ужь было сказано въ нашемъ журналѣ (№ 6), находится весьма много подробностей о современной литературѣ, объ Озеровѣ, Дмитріевѣ, графѣ Ростопчинѣ, и проч.

Сочиненія послѣдняго вновь изданы г. Смирдинымъ въ форматѣ изданія сочиненій русскихъ авторовъ. Въ свое время мы ужь дали о нихъ отчетъ («Отечественныя Записки», № 8).

О писателяхъ вообще современнаго намъ періода явились слѣдующія статьи:

Біографія М. Н. Загоскина С. Аксакова («Москвитянинъ», № 1). Эта любопытная и достовѣрно написанная статья явилась и отдѣльно. Отчетъ о ней напечатанъ въ нашемъ журналѣ (№ 5).

Родъ и дѣтство Пушкина, статья П. И. Бартенева («Отечественныя Записки», № XI) принадлежитъ, какъ по своему предмету, такъ и по

Digitized by Google

достоинству выполненія, къ числу замѣчательнѣйшихъ статей прошлаго года. Читатели нашего журнала, безъ-сомнѣнія, обратили на нее вниманіе, и потому не станемъ о ней много распространяться. Скажемъ только, что статья эта имѣетъ важное значеніе, какъ матеріалъ для біографіи Пушкина, матеріалъ богатый и критически-разработанный. Авторъ ея, изучившій свой предметъ съ рѣдкою добросовѣстностью, привелъ въ систематическій порядокъ тѣ немногія свѣдѣнія о родѣ Пушкиныхъ, которыя были до-сихъ-поръ напечатаны, и дополнилъ ихъ собственными, новыми изслѣдованіями. Такимъ-образомъ все извѣстное о родѣ Пушкиныхъ, начиная отъ родоначальника этой фамиліи Радши, выселившагося въ Россію въ княженіе св. Александра Невскаго, до послѣдняго представителя ея въ лицѣ великаго поэта, составляетъ теперь систематически-разработанное цѣлое. Полезнымъ дополненіемъ къ этой статьѣ могутъ быть нѣкоторыя подробности о ближайшихъ родственникахъ поэта, напримѣръ, о Васильѣ Львовичѣ Пушкинѣ, съ которымъ переписывался поэтъ и стихами, и прозою, и жизнь и произведенія котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Бартеневъ, «могутъ быть предметомъ особой любопытной статьи» (стр. 13); о переводчикѣ Мольера, Алексѣѣ Михайловичѣ Пушкинѣ, о которомъ, какъ мы слышали, приготовляется отдѣльная статья; о тёткахъ поэта: Аннѣ Львовнѣ и Лизаветѣ Львовнѣ, о которыхъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ шуточныхъ стихотвореній; о его братѣ Львѣ Сергѣевичѣ, съ которымъ онъ велъ постоянную переписку, остающуюся до-сихъ-поръ неизданною; о его двоюродныхъ сестрахъ и многихъ другихъ родственникахъ, съ которыми поэтъ находился въ непосредственныхъ личныхъ отношеніяхъ. Сочиненія поэта, кромѣ его автобіографическихъ замѣтокъ, которыми, по возможности, воспользовался авторъ, также представляютъ нѣсколько фактовъ для его родословной. Такимъ-образомъ стихотвореніе *Моя родословная*, отрывки изъ котораго ужь не разъ были напечатаны, представляетъ и авто-генеалогію поэта, и доказываетъ, какъ дорожилъ Пушкинъ своимъ происхожденіемъ и древностью своего рода. Дополненіемъ къ родственнымъ отношеніямъ поэта могли бы также служить его сочиненія, какъ, напримѣръ, нѣсколько посланій къ Василью Львовичу Пушкину, двѣ неизданныя элегіи: *На кончину тётушки Анны Львовны* и *На смерть двоюродныхъ сестрицъ*, нѣкоторыя мѣста изъ «Евгенія Онѣгина», и проч.

О дѣтствѣ Пушкина сохранилось довольно-мало фактовъ, хотя ужь нѣсколько разъ было писано объ этомъ предметѣ. Воспоминанія Макарова о дѣтствѣ Пушкина («Современникъ» 1843 г. № 3), статья Н. В. Берга о сельцѣ Захаровѣ, въ которомъ Пушкинъ провелъ первые годы своего дѣтства («Москвитянинъ» 1851 г., № 9 и 10) и вызванныя статьею г. Берга замѣтки А. Ю. Пушкина *Для біографіи*

Digitized by Google

Пушкина («Москвитянинъ» 1852 г. № 24), далеко не удовлетворяли любопытства читателей. Г. Бартеневъ дополнилъ существовавшія ужь извѣстія объ этомъ времени новыми фактами, основанными на воспоминаніяхъ сестры поэта, О. С. Павлищевой, и разсказахъ его современниковъ, и такимъ-образомъ представилъ, по возможности, вѣрный и послѣдовательный, хотя и довольно-краткій разсказъ о жизни поэта до 12-ти лѣтняго его возраста, то-есть до поступленія въ лицей, учрежденіе котораго измѣнило, какъ мы слышали, намѣреніе помѣстить Пушкина въ Іезуитскую Коллегію въ Петербургѣ.

Статья г. Бартенева, безъ-сомнѣнія, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ статей своего рода въ минувшемъ году, и тѣмъ утѣшительнѣе ея появленіе, что г. Бартеневъ, хотя ужь давно занимавшійся собираніемъ свѣдѣній о Жуковскомъ и Пушкинѣ, и печатавшій изрѣдка свои замѣтки въ «Москвитянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», является впервые на этомъ поприщѣ съ подписью имени и трудомъ, составляющимъ нѣчто цѣлое. Судя по этой статьѣ, свидѣтельствующей о добросовѣстности, съ которою авторъ изучилъ избранный имъ предметъ, судя по живости его разсказа, непострадавшей даже отъ обилія (но не излишества) генеалогическихъ фактовъ, можно ожидать самыхъ полезныхъ результатовъ для исторіи русской литературы отъ дѣятельности г. Бартенева. Желательно, чтобъ авторъ не ограничился этимъ удачнымъ началомъ и продолжалъ дѣлиться съ читателями своими богатыми свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ изучаемыхъ имъ поэтовъ.

Кромѣ статьи г. Бартенева, о Пушкинѣ были напечатаны: *Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ,* написанное братомъ его Л. С. Пушкинымъ («Москвитянинъ», № 10); замѣчанія на эту статью В. П. Гаевскаго («Отечественныя Записки», № 7); *Черта изъ жизни Пушкина* («Звѣздочка»); *Біографическія замѣтки о Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ* г. В. Негрескула («Московскія Вѣдомости», № 71), о которыхъ уже упомянуто въ нашемъ журналѣ (№ 7); *Надгробія русскихъ писателей,* статья, въ которой находится краткій очеркъ жизни Пушкина и описаніе его могилы («Русскій Художественный Листокъ» № 31), и *Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига* г. Гаевскаго («Отечественныя Записки», № 6), *разборъ* которыхъ написанъ г. Тихонравовымъ (тамъ же, № 7).

О другихъ писателяхъ пушкинскаго періода явились слѣдующія статьи: *Дельвигъ* В. П. Гаевскаго («Современникъ» №№ 2 и 5); *Замѣчанія* на первую изъ этихъ статей г. Тихонравова («Москвитянинъ», №6), опровергнутыя въ нашемъ журналѣ (№ 6); *Анекдотъ о Дельвигѣ* («Москвитянинъ», № 8); *Для біографіи Кольцова* (тамъ же № 3);

Digitized by Google

Замѣтка г. Сеславина о двухъ пѣсняхъ Кольцова, явившихся подъ чужимъ именемъ («Сѣверная Пчела», № 282); *Воспоминанія о П. А. Катенинѣ* («Сѣверная Пчела», № 192). *Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ* («Отечественныя Записки», № 2), *Списокъ сочиненій Гоголя* Г. Н. Геннади (тамъ же, № 9) (¹); *Библіографическія поправки и дополненія къ статьѣ:* «Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя» г. Тихонравова («Московскія Вѣдомости», № 51); нѣкоторыя біографическія извѣстія о *Лермонтовѣ* напечатаны въ отрывкѣ изъ частнаго письма въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» («Пантеонъ» № 9). *Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ* А. Галактіонова («Москвитянинъ», № 17); *Черты изъ жизни Ивана Тимоѳеевича Кокорева*, В. А. Дементьева («Москвитянинъ», № 14) и *Некрологъ барона Ѳ. Ѳ. Корфа*, Евгенія Лунскаго (псевдонимъ) («Санктпетербургскія Вѣдомости», № 214).

Изъ этого обзора легко вывести главнѣйшіе результаты годичной дѣятельности по части исторіи русской литературы. Результаты эти слѣдующіе: въ минувшемъ году обстоятельно разработаны личности и дѣятельности: Вассіана, Лукина, Загоскина, Карамзина, Жуковскаго и Дельвига; собрано много любопытныхъ матеріаловъ для біографій многихъ писателей, и въ-особенности Пушкина и Гоголя, и выступили на поприще три новые дѣятеля: гг. Сухомлиновъ, Пыпинъ и Бартеневъ, изъ которыхъ двое послѣдніе явились въ нашемъ журналѣ. Болѣе другихъ періодическихъ литературныхъ изданій представили статей по этому отдѣлу «Отечественныя Записки» и «Москвитянинъ»; менѣе всѣхъ (и даже ничего) «Библіотека для Чтенія».

Статьями по части *теоріи словесности* минувшій годъ весьма бѣденъ. Вообще въ ходѣ нашей литературы въ-теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, теорія словесности уступаетъ мѣсто ея исторіи, и съ каждымъ годомъ фактъ этотъ дѣлается очевиднѣе. Изъ сочиненій по

(¹) По типографской оплошности, въ этомъ спискѣ пропущены «Мертвыя Души».

Кромѣ-того, въ немъ пропущены четыре письма Гоголя, напечатанныя въ статейкѣ г. Данилевскаго, *Хуторокъ близъ Диканьки* («Московскія Вѣдомости» 1852 г.), перепечатанной въ «Звѣздочкѣ» (1853 г.), въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1853 г) и въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1853 г.) и отдѣльно въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. *Ред.*

Digitized by Google

этой части мы можемъ назвать только *Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи* М. Тулова, сочиненіе, далеко неудовлетворяющее требованіямъ современной науки, разсмотрѣнію котораго посвящена отдѣльная статья въ нашемъ журналѣ (№ 12), и *Русское стихосложеніе*, П. Перевлѣсскаго, являющееся уже третьимъ изданіемъ «дополненнымъ и поправленнымъ», въ которомъ, однакожь, остается поправить еще весьма-многое.

По части теоріи языка и его исторіи явилось нѣсколько полезныхъ статей въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности»; но объ этомъ изданіи сказано будетъ въ отдѣлѣ «Библіографической Хроники».

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1853 ГОДУ.

Статья вторая.

Русская Исторія. — Въ-отношеніи трудовъ по русской исторіи настоящее время принадлежитъ къ тѣмъ временамъ, когда наука, послѣ долгихъ споровъ по поводу новаго вопроса, ею же выработаннаго и поставленнаго на разрѣшеніе, наконецъ успокоивается, принимаетъ тихое, медленное и даже отчасти однообразное теченіе, какъ-бы собираясь съ силами, какъ-бы сосредоточиваясь въ самой себѣ, чтобы еще съ бо́льшею ясностью и опредѣленностью обслѣдовать и разрѣшить возникшій вопросъ. Однимъ словомъ: настоящее время — время спокойнаго, продолжительнаго труда, время соображеній и внимательнаго изученія источниковъ. Всѣ углубились въ свою работу, охладѣли къ спорамъ, потому, можетъ-быть, что хорошо почувствовали, что спорить можно цѣлый вѣкъ, не убѣдивъ ни въ чемъ противника и ни въ чемъ не убѣдившись въ свою очередь; что самое это разногласіе, самые эти споры указываютъ на шаткость оснований, на которыхъ утверждаются разрѣшающіе вопросъ. Поэтому всѣ обратились къ положительному труду, убѣдившись въ совершенной безполезности полемическаго ратоборства. Такое направленіе историческихъ трудовъ если и не представляетъ особенно-богатыхъ результатовъ въ данное время, за-то служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ за будущее. И дѣйствительно, въ послѣднее время не вышло ни одного историческаго труда, ни одного изслѣдованія, которое новымъ вопросомъ или новымъ разрѣшеніемъ вопроса могло бы придать годовому отчету особый характеристическій оттѣнокъ... Но если мало трудовъ появляется въ печати, за-то носится много слуховъ о предпринятыхъ трудахъ, которые ведутся къ окончанію неторопливо и, какъ замѣтно, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу, съ строгою критическою разработкою матеріаловъ

Digitized by Google

и трудовъ предшествовавшихъ. Это замѣтно по журнальнымъ статьямъ, изъ которыхъ самая большая часть все только начало, или отрывки изъ заготовляемыхъ сочиненій. Такимъ-образомъ будущее готовитъ намъ богатую жатву, а потому успокоимся за настоящее...

Главная задача, главное, преобладающее направленіе теперешнихъ историческихъ трудовъ, обозначенное нами въ предшествовавшихъ обзорахъ — собираніе, изданіе, разборъ матеріаловъ, которые, поэтому, вездѣ стоятъ на первомъ планѣ. Въ прошломъ году вышли новыя изданія Археографической Коммиссіи: *VI томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей,* въ которомъ заключается такъ-называемая Софійская Лѣтопись, начатая еще въ V томѣ этого изданія, и разныя прибавленія, или вставныя лѣтописныя статьи, вынесенныя редакціею изъ текста и помѣщенныя въ концѣ тома; *V томъ Дополненій къ актамъ историческимъ,* содержащій въ себѣ акты, относящіеся къ царствованію Алексѣя Михайловича и, наконецъ, *V томъ актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, 1633 — 1699.* Послѣ этихъ, богатыхъ содержаніемъ, изданій, первое мѣсто занимаютъ *книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ,* изданныя II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, томъ первый, заключающій въ себѣ разряды 1614 — 1627 годовъ. Этимъ томомъ начинается новый отдѣлъ разрядныхъ книгъ, который столько же важенъ и любопытенъ по содержанію, сколько и изданные три тома «Дворцовыхъ Разрядовъ».

Временникъ Московскаго Историческаго Общества (книги 16 и 17) также представилъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ особенно-замѣчательны новгородскія купчія и душевныя грамматы XIV и XV вѣка, напечатанныя въ 16 книгѣ. Укажемъ также на *Сказаніе о самозванцахъ* (кн. 16), *Новый Лѣтописецъ* (кн. 17), *Выписку изъ приходной книги Нижегородскаго уѣзду о сборѣ денегъ на ополченіе* въ 1612 году (кн. 16), *Книгу Сошнаго письма 7137 г.* (ibid.), *Козмографію,* сложенную отъ древнихъ философовъ и переведенную съ римскаго языка, безъ сомнѣнія, въ XVII ст. (кн. 16), *Перепись Книгъ 1690 года,* хранившихся въ Заиконоспасскомъ Монастырѣ въ Москвѣ (ibid.), и другія мелкія статьи.

Изъ числа матеріаловъ, издаваемыхъ частными лицами, болѣе другихъ замѣчательны *Старинные Акты, служащіе преимущественно дополненіемъ къ Описанію города Шуи,* собранные г. Борисовымъ и изданные г. Гарелинымъ. Наука всегда съ благодарностью заноситъ въ свою лѣтопись подобныя изданія, предпринимаемыя и исполняемыя съ такимъ усердіемъ, изданія, которыхъ издержки большею-частью не окупаются и, слѣдовательно, жертвуются безкорыстно на пользу науки. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобъ и другіе, болѣе или менѣе значительные, старинные города наши послѣдовали патріотическому примѣру гг. Борисова и Гарелина. Земля русская обильна древними на-

Digitized by Google

мятниками; а кому же лучше и ближе всего знакомить съ этими памятниками русскую читающую публику, обогащать русскую историческую науку, какъ не тѣмъ лицамъ, которыя живутъ подлѣ этихъ памятниковъ, нерѣдко имѣютъ ихъ подъ-руками и даже въ самыхъ рукахъ? Какъ не пожелать, чтобъ въ каждомъ городѣ были гг Борисовы и Гарелины! О! тогда бы мы въ одинъ годъ получили столько же томовъ любопытнѣйшихъ описаній и актовъ, сколько существуетъ у насъ старыхъ значительныхъ городовъ... Но этого времени мы не дождемся... Остановимся лучше на дѣйствительности, то-есть на матеріалахъ, которые не издаются такъ систематически, полными серіями, какъ мы сейчасъ говорили, но время отъ времени заносятся случаемъ въ разныя періодическія изданія, изъ которыхъ, въ этомъ отношеніи, почти всегда первенствуетъ «Москвитянинъ». Въ прошедшемъ году онъ представилъ, кромѣ разныхъ мелкихъ статей, 1) *Исторію о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ и стольничей дочери Нардина Нащокина, Аннушкѣ* (№ 1), 2) *О разбояхъ въ Смоленской Губерніи* (№ 21), 3) *Изъ дѣла о Третьяковскомъ* (№ 15), 4) *И П. Кулибинъ* (№ 14), 5) *Жизнь Шувалова* (№ 6) *и* 6) *Записки Современника* №№ 3, 5, 6, 7, 8; особенно любопытны эти записки современника, еще неконченныя: необыкновенно-живо рисуютъ онѣ московское общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Для историка такія изображенія важны и поучительны въ высшей степени: только при посредствѣ такихъ яркихъ и живыхъ картинъ и эскизовъ разгадываетъ онъ внутреннюю связь событій, характеръ времени, а слѣдственно и характеры дѣйствующихъ лицъ. И чѣмъ проще, чѣмъ наивнѣе, безъискуственнѣе будутъ писаны подобные мемуары, тѣмъ они драгоцѣннѣе для изслѣдователя.

Что̀, еслибъ въ этомъ же родѣ открыты были записки, относящіяся къ началу XVII-го столѣтія? Мы не говоримъ о томъ, что̀ едва-ли можетъ явиться изъ этого времени, то-есть о томъ взглядѣ автора настоящихъ записокъ, о его пониманіи всего окружающаго: все это условливается извѣстнымъ развитіемъ не только автора, но и самаго общества, гдѣ онъ является дѣятелемъ. Разстоянія между нами и нашими предками въ-отношеніи умственнаго образованія такъ велико, что мы не можемъ ожидать оттуда такой же сознательной картины современныхъ нравовъ, событій и разныхъ другихъ общественныхъ явленій. Нашъ вопросъ клонится только къ формѣ записокъ и къ простотѣ, безъискуственности изложенія... да притомъ безсознательный говоръ чувствъ и впечатлѣній былъ бы еще драгоцѣннѣе... По-крайней-мѣрѣ сильными намеками на возможность мемуаровъ XVII ст. служатъ отчасти письма, сколько ихъ извѣстно, а извѣстно ихъ—надо правду сказать — очень мало, особенно въ-отношеніи къ другимъ памятникамъ. Въ письмѣ, въ *грамоткѣ,* человѣкъ XVII ст. писалъ такъ, какъ ему приходилось чувствовать, или понимать описываемое, съ полною наивностью

Digitized by Google

и простотою сердца, нестѣсненнаго никакими литературно-пріобрѣтенными положеніями. Такъ нигдѣ не выступаетъ въ такомъ благодушіи добрый и милосердый, по признанію современникомъ, царь Алексѣй Михайловичъ, какъ въ своихъ письмахъ къ патріарху Никону къ Матюшину и другимъ лицамъ. Эти письма неоцѣнимы; ихъ ничто не можетъ замѣнить... Но не-уже-ли дѣйствительно не существуетъ въ томъ же характерѣ записокъ изъ эпохи Кошихина и Желябужскаго?.. Мы вообще мало обращаемъ вниманія на паматники литературные, на памятники, въ которыхъ съ большою ясностью и полнотою изображается нравственная, духовная сторона древняго общества, его эстетическій, литературный вкусъ (какая бы ни была степень его развитія) и потребности этого вкуса; наконецъ, на памятники, которые должны обозначить умственное богатство нашихъ предковъ, массу знаній и разныхъ свѣдѣній, бывшихъ въ ходу.

До-сихъ-поръ у насъ не издано ни одного хронографа, книги весьма-замѣчательной по многимъ отношеніямъ. До-сихъ-поръ мы не знаемъ, что̀ именно читали наши предки, кромѣ церковно-назидательныхъ сочиненій; а они читали много — этого оспоривать нельзя. По поводу исторіи о Фролѣ Скобеевѣ, мы имѣли уже случай сказать нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ предметѣ ([1]), то-есть о повѣстяхъ, исторіяхъ и прикладахъ, преимущественно переведенныхъ съ польскаго и латинскаго. Пожелаемъ, чтобъ кто-нибудь изъ теперешнихъ любителей старины занялся имъ исключительно и составилъ обозрѣніе по-крайней-мѣрѣ самаго любопытнаго въ этомъ отношеніи. Сборникъ такихъ повѣстей, изданныхъ если не вполнѣ, то въ сокращеніи, въ извлеченіяхъ, съ изложеніемъ содержанія и съ указаніемъ, если возможно, оригиналовъ, составилъ бы любопытнѣйшее пріобрѣтеніе нашей исторической науки. Но скажутъ, можетъ-быть, что памятники этого разряда большею-частью переводные, и потому не могутъ характеризовать нравственныхъ стремленій общества въ данное время. По нашему мнѣнію, напротивъ: когда народъ, выходя изъ условій непосредственнаго быта, заимствуетъ свою образованность изъ чуждаго источника, всякое переводное, пересажденное литературное произведеніе даетъ нѣкоторымъ образомъ направленіе понятіямъ и вкусамъ общества, слагаетъ извѣстный образъ убѣжденій эпохи и такимъ образомъ, въ обратномъ отношеніи, служитъ выраженіемъ характера времени, выраженіемъ этихъ самыхъ понятій, вкусовъ, убѣжденій.

Тамъ, гдѣ почти вся литература состоитъ изъ переводовъ, трудно отъискать и оригинальное произведеніе, которое не было бы подражаніемъ, а иногда даже и полнымъ извлеченіемъ изъ переводныхъ сочине-

---

([1]) Въ іюньской книжкѣ 1853 г., отд. V, стр. 105.

Digitized by Google

ній, какъ дѣлалось и у насъ встарину довольно-часто. Много можно было бы указать здѣсь разнаго рода памятниковъ, болѣе или менѣе важныхъ и любопытныхъ для науки, до которыхъ наши собиратели и издатели еще не касались. Памятники эти разсѣяны по лицу Россіи, сохраняются въ библіотекахъ, владѣльцы которыхъ и сами иной разъ не знаютъ, что̀ у нихъ подъ-руками.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что горизонтъ добыванія и открытія матеріаловъ съ каждымъ днемъ становится обширнѣе. Въ наукѣ возникаютъ новые вопросы; разрѣшеніе ихъ, не удовлетворяясь старою колеею, ищетъ новыхъ источниковъ, новыхъ данныхъ, и такимъ образомъ возникаютъ цѣлые разряды новыхъ матеріаловъ, или старые, давно-извѣстные матеріалы, принимая новое освѣщеніе, выдвигаются на первый планъ. Давно ли прошло время, когда, напримѣръ, бо̀льшая часть этнографическихъ матеріаловъ понималась только какъ совокупность странныхъ обрядовъ и т. п.? Теперь во всемъ этомъ открытъ смыслъ и значеніе; вслѣдствіе вопроса о языческихъ вѣрованіяхъ нашихъ предковъ, эти матеріалы получили надлежащее разъясненіе, а дѣятельностью Императорскаго Географическаго Общества выдвинуто на первый планъ и самое ихъ собираніе. По его вызову, со всѣхъ концовъ Россіи присылаются мѣстныя этнографическія описанія, количество которыхъ простирается ужь до двухъ тысячъ — цифра любопытная и въ высокой степени знаменательная! Въ прошломъ году общество приступило къ изданію этихъ матеріаловъ и выдало *первый выпускъ Этнографическаго Сборника*, подъ редакціею гг. Надеждина и Кавелина, опредѣливъ на будущее время печатать этнографическія статьи особымъ отдѣломъ въ своемъ «Вѣстникѣ». Такимъ-образомъ и въ вышедшихъ книжкахъ «Вѣстника» за прошлый годъ помѣщено также нѣсколько этнографическихъ описаній, которыя, по назначенію Общества должны составить впослѣдствіи второй выпускъ «Сборника». Вопросъ, предложенный Обществомъ, былъ принятъ такъ радушно, такъ скоро распространился по Россіи и возбудилъ такое живѣйшее сочувствіе къ предмету, что съ этого времени все чаще-и-чаще стали являться этнографическія описанія, собранія и замѣтки, какъ отдѣльными книжками, такъ особенно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Такъ въ *Извѣстіяхъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ* печатались пѣсни, побывальщины, сборники пословицъ и разные другіе важные и любопытные памятники языка и словесности. Изъ другихъ изданій укажемъ: *Народныя бѣлорусскія пѣсни, собранныя Е. П.* и статьи, появлявшіяся въ «Москвитянинѣ»: 1) *Сельскія свадьбы Архангельской Губерніи* г. Жарова, № 13 и 14, 2) *Свадебные обряды крестьянъ Тульской Губерніи*, № 14, и 3) *Изслѣдованіе о вовкалакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій* г. Шпилевскаго № 5. О другихъ, не столько значительныхъ описаніяхъ, каковъ, на-

Digitized by Google

примѣръ, *Очеркъ нравоописательной этнографіи города Онеги* г. Кораблева и т. п., мы не будемъ упоминать.

Отдѣлъ матеріаловъ, какъ можно было замѣтить, не былъ бѣденъ въ прошломъ году; притомъ онъ былъ гораздо-разнообразнѣе, такъ-что появились даже, между прочимъ, и переводы иностранцевъ, именно *Дневникъ Берхгольца 1721 г.*, начатый въ нашемъ журналѣ № 3 и 4 и *Дневникъ Патрика Гордона*, напечатанный въ извлеченіи въ «Москвитянинѣ» № 9. Къ отдѣлу матеріаловъ должно отнести и *Указатель боярскихъ книгъ* г. Иванова.

Перейдемъ теперь къ обработкѣ матеріаловъ, къ ихъ употребленію въ прагматической исторіи, въ критическихъ изслѣдованіяхъ и разъисканіяхъ.

Наиболѣе-замѣчательный историческій трудъ, изъ появившихся въ прошломъ году, это—*третій томъ* «Исторіи Россіи» г. Соловьева, законченный смертью в. к. Димитрія Іоанновича Донскаго. Первая глава этого тома посвящена обзору *внутренняго состоянія русскаго общества отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаго 1054 — 1228*. Здѣсь собраны всѣ лѣтописныя и другія данныя о частной и общественной жизни нашихъ предковъ въ первый періодъ гражданскаго ихъ быта. Авторъ вначалѣ опредѣляетъ общее, то-есть земское значеніе князя, потомъ значеніе князя, старшаго въ родѣ, его отношенія къ младшимъ, его обязанности земскія, права, доходы, частную собственность и хозяйство, наконецъ образъ жизни князя отъ дня рожденія до смерти. Изобразивъ князя древней Руси, авторъ переходитъ къ дружинѣ; за дружиною слѣдуетъ полкъ — земское войско, способы войны и проч. Затѣмъ авторъ обращается къ земству, то-есть къ народонаселенію городскому и сельскому, и разсматриваетъ сначала города, ихъ устройство, а потомъ вообще земское или волостное населеніе, его число, пособія и препятствія къ его умноженію. Отъ этого прямой переходъ къ обзору торговли съ монетною системою, и затѣмъ къ искусству. Отъ торговли зависѣло матеріальное благосостояніе, слѣдовательно и удобства частной, домашней жизни, которыя и служатъ предметомъ слѣдующаго обозрѣнія. Отъ матеріальнаго состоянія русскаго общества онъ обращается къ нравственному его состоянію, и прежде всего обозрѣваетъ состояніе религіи и церкви, то-есть излагаетъ исторію церкви съ подробностями ея управленія и матеріальнаго благосостоянія, описываетъ частную благочестивую жизнь князей и другихъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, объясняетъ значеніе и подвиги монашества... Изложивъ исторію вѣры, дававшей главное направленіе нравственности, авторъ переходитъ къ юридическимъ понятіямъ, господствовавшимъ въ тогдашнемъ обществѣ, къ понятіямъ о народномъ правѣ, къ борьбѣ лучшихъ христіанскихъ понятій и стремленій со страстями и, главное, съ

Digitized by Google

прежними языческими вѣрованіями, которыя были еще довольно-сильны въ то время. Сдѣлавъ такой подробный и прекрасный очеркъ нравственнаго состоянія русскаго общества въ разсматриваемый имъ періодъ, авторъ переходитъ къ исторіи грамотности и за нею къ памятникамъ языка и словесности, начиная съ посланій и оканчивая лѣтописями (стр. 90 — 149).

Изъ этого перечня можно ужь видѣть, сколько занимательнаго представляетъ эта превосходная глава исторіи г. Соловьева; и вообще нужно замѣтить, что въ русской исторіи въ первый разъ является такая полная и живая картина внутренняго состоянія русскаго общества въ древнѣйшій періодъ его исторической жизни, хотя въ то же время нельзя умолчать и о томъ, что впечатлѣніе читателя нарушается иногда эпизодическими отступленіями, которыя, въ строгомъ смыслѣ, не имѣли бы мѣста въ этомъ живомъ обзорѣ. Къ такимъ отступленіямъ, задерживающимъ ходъ повѣствованія, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, прекрасное изслѣдованіе о лѣтописяхъ... Оно могло бы занять болѣе-видное, болѣе-почетное мѣсто въ критическомъ обзорѣ источниковъ для избраннаго періода.

Мы упоминали здѣсь о періодахъ; но въ исторіи г. Соловьева нѣтъ періодовъ. Еще въ началѣ своего труда авторъ положилъ: «не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимнодѣйствіи» (Предисловіе въ 1 т.). Устраняя такимъ образомъ дѣленіе русской исторіи на періоды, авторъ доказываетъ, напримѣръ, что о норманскомъ періодѣ, о монгольскомъ періодѣ и пр. не должно быть и рѣчи, потому-что такими обозначеніями необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій. Все это такъ и до извѣстной степени можетъ быть справедливо: намъ нужны начала, непосредственное преемство формъ—хорошо. Но какъ же мы распорядимся съ матеріаломъ? какъ легче изучить, уразумѣть этотъ матеріалъ — въ цѣлой ли необозримой грудѣ, или по частямъ, которыя должны выяснить цѣлое, всю массу минувшихъ событій и фактовъ исторической жизни народа?

Обзоръ событій и вообще лѣтописныхъ фактовъ авторъ распредѣлилъ по главамъ, по извѣстнымъ отдѣламъ, или частямъ времени, которыя и служатъ, такъ-сказать, рамками для изложенія событій. Въ каждой такой главѣ событія и лѣтописные факты авторъ располагаетъ группами — по участкамъ или княжествамъ древней Россіи, существовавшимъ въ то время; онъ дѣлаетъ обзоръ событій на югѣ, сѣверѣ, западѣ; сначала обозрѣваетъ въ каждомъ отдѣльномъ участкѣ событія *внутреннія*, то-есть событія, совершавшіяся въ границахъ этого участка, потомъ событія *внѣшнія*, то-есть событія, происходившія за границами

Digitized by Google

участка, или отношенія участка къ сосѣдямъ, одноплеменнымъ и иноземцамъ. Въ концѣ главы авторъ сводитъ обыкновенно извѣстія о дружинѣ, или о боярахъ. Такимъ-образомъ каждая глава «Исторіи» г. Соловьева, по сущности изложенія, носитъ характеръ цѣлаго періода, и, слѣдовательно, вся исторія излагается синхронистически: въ данное время, опредѣленное главою, авторъ обозрѣваетъ всѣ событія, совершившіяся въ тогдашней русской области, слѣдитъ за всѣми явленіями, возникшими во всѣхъ ея концахъ.

Само-собою разумѣется, что выясненіе основнаго начàла много терпитъ отъ такого изложенія. Авторъ отвергнулъ дѣленіе на періоды, но за-то раздробилъ русскую исторію на главы, предложилъ такое дробное обозрѣніе главныхъ историческихъ начàлъ, непосредственнаго преемства формъ, что для читателя весьма-трудно вникнуть въ это непосредственное преемство формъ, весьма-трудно дать себѣ отчетъ въ ихъ ровномъ, послѣдовательномъ шествіи. Группы событій, долженствующія изобразить проявленіе, дѣятельность начàла, разорваны по главамъ, послѣдовательность ихъ переходитъ изъ одной главы въ другую, раздробляясь въ то же время другими группами, поставленными нерѣдко безъ связи съ главнымъ. Если всякое историческое начало въ своемъ развитіи представляетъ непосредственное преемство формъ, то смѣна одной формы другою понеобходимости должна дѣлать грань и въ самомъ изложеніи; слѣдовательно, изложеніе, то-есть распоряженіе матеріаломъ, должно сомкнуться въ періоды соотвѣтственно этому преемству формъ, и содержаніемъ каждаго періода будетъ исторія извѣстнаго начала. Всѣ побочныя явленія должны примыкать къ основной нити историческаго изложенія, какъ явленія или ослабляющія главное начало, или дающія ему новую силу, крѣпость. Масса же событій и фактовъ, которыми не выясняется главное, управляющее начало, только мѣшаетъ послѣдовательности, ослабляетъ живость повѣствованія и, къ-тому же, ничего не говоритъ уму читателя; умъ скучаетъ и теряется во множествѣ событій, значенія которыхъ не можетъ понять. Желаніе занести въ исторію всѣ событія, упоминаемыя лѣтописцами, можетъ повести къ тому, что изъ исторіи выйдетъ сводъ лѣтописей...

Руководство къ Познанію Русской Исторіи г. Медовикова — собственно компиляція, составленная преимущественно по извѣстнымъ трудамъ г. Соловьева, съ приспособленіемъ къ «Исторіи» г. Устрялова и къ нѣкоторымъ другимъ новѣйшимъ сочиненіямъ. Изданіе, впрочемъ, полезное, потому-что, заимствуя почти все изъ новыхъ изслѣдованій и разъисканій по русской исторіи, оно тѣмъ самымъ далеко превосходитъ прежнія попытки въ томъ же родѣ. *Отрывокъ изъ сочиненія: Россія въ отношеніи къ державамъ европейскимъ при кончинѣ царя Алексѣя Михайловича*, г. Попова («Москв.» № 10) заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія всего сочиненія, которое должно обо-

Digitized by Google

гатить нашу историческую литературу чрезвычайно-важными и совершенно-новыми данными. Сюда же можетъ относиться и записка г. Попова *О дипломатической тайнописи или закрытомъ письмѣ* временъ царей Михаила Өедоровича и Алексѣя Михайловича, напечатанная въ «Запискахъ Импер. Археологическаго Общества» (т. V, стр. 156 и приложеній стр. 124). Статья *Пелазгофракійскія племена, населявшія Италію* и пр. г. Черткова, служитъ окончаніемъ прежнихъ его статей, о которыхъ мнѣніе наше ужь извѣстно читателямъ.

Труды, посвященные военной исторіи, и въ прошломъ году продолжались съ равнымъ успѣхомъ; при тѣхъ же достоинствахъ добросовѣстнаго, отчетливаго и занимательнаго изложенія, окончена *Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I*, г. Милютина. Затѣмъ явились еще *Исторія Лейбъ-Гвардіи Павловскаго Полка*, г. Гоувальта; *Исторія Лейбъ-Гвардіи Сапернаго Батальона*, г. Волкенштейна; *Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса*, г. Веселаго.

Историческая критика представила двѣ замѣчательныя статьи: *Изслѣдованіе о Лѣтописяхъ Новгородскихъ* г. Срезневскаго (Извѣстія II Отд. И. Академіи Наукъ) и помѣщенное въ нашемъ журналѣ № 10 начало критическаго обзора «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, принадлежащее г. Соловьеву. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть изслѣдованіе о лѣтописи г. Соловьева, вошедшее въ 1-ю главу третьяго тома его «Исторіи». Имена авторовъ служатъ полнымъ ручательствомъ за интересъ и достоинство этихъ статей.

По исторія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ, явились слѣдующія статьи: *Русскій городъ въ XII вѣкѣ* («Соврем.» № 1), *Частная жизнь князей въ древней Руси до нашествія Татаръ*, г. Погодина («Москв.» № 11), *Домашній Бытъ Русскихъ Царей Прежняго Времени* г. Забѣлипа (статья IV, «От. Зап.» № 1). Сюда же отнесемъ нѣсколько статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ V томѣ «Записокъ Импер. Археологическаго Общества»: *Три неизвѣстныя гробницы въ московскомъ Архангельскомъ Соборѣ*, г. Забѣлина, *Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до временъ Петра Великаго*, г. Лакьера, *Били ли на Руси монету до XIV столѣтія*, г. Бѣляева, и н. др. Г. Забѣлинъ открываетъ имена лицъ, которымъ принадлежатъ неизвѣстныя надгробія Архангельскаго Собора. Результатъ исторіи поддѣлки монетъ г. Лакьера заключается въ томъ, что «произвола въ чеканкѣ монетъ въ древней Руси не было, и что стараніе о прочности и неприкосновенности штемпеля на деньгахъ и ихъ вѣса, если не всегда увѣнчавалось успѣхомъ, издавна, однакожь, существовало. Строгость древнихъ нашихъ законовъ противъ «денежныхъ воровъ» служитъ лучшимъ опроверженіемъ противнаго мнѣнія, основаннаго на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ и соображеніяхъ, невыдерживающихъ кри-

Digitized by Google

тики. Денежное дѣло было всегда подъ надзоромъ и въ вѣдѣніи правительства, и воображаемаго произвола здѣсь не было и быть не могло».

Разысканіе г Бѣляева: били ли монету до XIV вѣка — отвѣчаетъ положительно. Всѣ представленныя свидѣтельства о состояніи древняго русскаго общества, о его средствахъ, развитіи и устройствѣ, ясно говорятъ о возможности и даже необходомости существованія русскихъ *металлическихъ монетъ* въ-древности; извѣстія же лѣтописей и другихъ памятниковъ древности о литіи монетъ русскими князьями, а также шестіугольныя кіевскія гривны и такъ-называемыя новгородскіе рубли безъ штемпелей, находимые и въ нынѣшнее время, или хранящіеся въ разныхъ минцкабинетахъ, свидѣтельствуютъ, что дѣйствительно на Руси въ-древности была въ употребленіи и русская металлическая монета, кромѣ иностранной. Такимъ-образомъ вопросъ о томъ: били ли на Руси монету до XIV столѣтія? разрѣшается утвердительно. Вопросъ, безъ-сомнѣнія, для того и былъ заданъ, чтобъ разрѣшить его утвердительно; это по-крайней-мѣрѣ слишкомъ замѣтно изъ усилій и натяжекъ, съ которыми авторъ старается доказать, что древнія куны, ногаты — металлическія монеты, что кунолюбіе значитъ сребролюбіе и пр. Къ-сожалѣнію, при всемъ стараніи автора освѣтить съ этой точки зрѣнія извѣстныя уже лѣтописныя данныя, вопросъ по прежнему остается нерѣшеннымъ.

Шестой и седьмой выпуски «Древностей Россійскаго Государства» закончили это великолѣпное и замѣчательнѣйшее изданіе, и мы ожидаемъ только выхода послѣднихъ тетрадей текста, чтобъ представить окончательный обзоръ его. Въ-отношеніи рисунковъ, оно заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ не только для исторіи художествъ, но и для изслѣдованій объ общественномъ и домашнемъ бытѣ предковъ. Кромѣ того, это изданіе само-по-себѣ есть художественное произведеніе, превосходнѣйшій памятникъ искусства и трудолюбія г. академика Ѳ. Г. Солнцева и прекрасной, отчетливой хромолитографіи Дрегера. Поясненіемъ изображенныхъ здѣсь памятниковъ, кромѣ прилагаемаго текста, составленнаго гг. Вельтманомъ и Снегиревымъ, можетъ также отчасти служить и изслѣдованіе о *металлическомъ производствѣ* г. Забѣлина, напечатанное въ V т. «Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества».

По части описанія и изображенія памятниковъ зодчества, первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ превосходнѣйшему во всѣхъ отношеніяхъ изданію г. Рихтера *Памятники Древняго Русскаго Зодчества;* въ прошломъ году вышла третья тетрадь съ описаніемъ предметовъ, составленнымъ г. Забѣлинымъ. Въ этихъ чертежахъ, въ высшей степени отчетливыхъ, исполненныхъ съ необыкновенною добросовѣстностью до мелочей, готовится также богатѣйшій матеріалъ и для исторіи зодчества и для современнаго искусства, которое всегда будетъ пользо-

Digitized by Google

ваться «Памятниками» какъ образцами, заслуживающими вниманіе во многихъ отношеніяхъ. Подобно «Древностямъ Россійскаго Государства», «Памятники Древняго Зодчества» займутъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ученыхъ предпріятій, которыми такъ славится послѣднее время.

Мы должны припомнить здѣсь еще четырнадцатую тетрадь *Русской Старины* г. Мартынова и *Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями*, г. Доброхотова — изданія полезныя, хотя и не въ такой степени замѣчательныя, какъ изданіе г. Рихтера.

Изслѣдованій по другимъ отдѣламъ русскихъ древностей было немного. Разработка древней географіи Россіи представила весьма-замѣчательный трудъ *О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ* г. Неволина. Само-собою разумѣется, что трудъ этотъ предъуготовительный, первичная разработка матеріала, какъ свидѣтельствуетъ и самъ авторъ, и какъ вообще можно было ожидать, судя по трудностямъ задачи. Но въ этомъ-то, по нашему мнѣнію, и состоитъ важнѣйшая заслуга ученаго автора. Мы не одинъ разъ уже имѣли случай замѣтить, что открытіе, изданіе, затотовленіе, предварительный разборъ матеріаловъ составляютъ главнѣйшую задачу современныхъ историческихъ трудовъ, что даже и всѣ труды прагматическіе неизбѣжно подчиняются этому направленію, самому здравому, существенному и совершенно необходимому для настоящаго времени. Слѣдовательно, чѣмъ ближе трудъ къ этимъ современнымъ требованіямъ, чѣмъ вѣрнѣе, добросовѣстнѣе раскрываетъ онъ матеріалы, не искажая ихъ прежде-составленною теоріею, прежде-рѣшеннымъ вопросомъ, но, напротивъ, передавая ихъ во всей чистотѣ тѣмъ плодотворнѣе дѣйствіе такого труда на развитіе науки, на историческія изслѣдованія и разъисканія, которыя почерпаютъ въ немъ надлежащую твердость и крѣпость, точность и достовѣрность выводовъ. Весьма также важенъ и любопытенъ сводъ *Географическихъ извѣстій о древней Россіи* г. Соловьева, начатый въ нашемъ журналѣ извѣстіями, сохраненными у иностранцевъ (№№ 2 и 6).

По исторіи древней словесности явилось нѣсколько небольшихъ, но весьма-любопытныхъ записокъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ»; таковы, напримѣръ, *Мнѣнія о Іаковѣ Мнихѣ*, г. Буткова и епископа Макарія, *О митрополитѣ Іоаннѣ II*, г. Неволина; *Древнія жизнеописанія русскихъ князей X — XI вѣка*, г. Срезневскаго, *Вассіанъ современникъ Іоанна III*, г. Сухомлинова, и пр. Объ этихъ изслѣдованіяхъ мы подробно говорили въ первой статьѣ нашего обзора, въ прошломъ мѣсяцѣ.

По исторіи права явилась брошюра г. Турчиновича *О поземельной собственности и наслѣдствѣ въ древней Руси*, гдѣ авторъ заключаетъ, что въ древнѣйшей Руси владѣніе землею было не общее,

Digitized by Google

но семейное, и былъ извѣстенъ *раздѣлъ* отцовскаго имущества или *наслѣдства*.

Вотъ почти все, что мы можемъ припомнить по истеченіи года, чтобъ въ одинъ разъ обозрѣть годовыя пріобрѣтенія русской исторической науки. Нельзя не замѣтить, что важнѣйшія пріобрѣтенія заключались въ матеріалахъ; что даже нѣкоторыя изслѣдованія и прагматическіе труды представляли большею частью простой, предуготовительный сводъ матеріаловъ по извѣстнымъ отдѣламъ науки, и одни только заглавія придавали иногда этимъ сводамъ видъ критической разработки предмета. Само-собою разумѣется, что отъ собиранія чистыхъ матеріаловъ, матеріаловъ въ первоначальномъ ихъ видѣ — самый естественный переходъ къ сводамъ, къ разбору этихъ матеріаловъ въ извѣстныя группы, по извѣстнымъ отдѣламъ.

Физика и метеорологія. — Въ настоящее время, во всѣхъ образованныхъ странахъ свѣта, вниманіе физиковъ обращено преимущественно на электричество и на метеорологію, и только немногіе изъ нихъ занимаются предметами общей физики, какъ, напримѣръ, упругостью — явленіемъ, зависящимъ отъ сцѣпленія частицъ вещества, и изслѣдованія котораго обѣщаютъ доставить точнѣйшія познанія о внутреннемъ строеніи тѣлъ, и чрезъ то способствовать усовершенствованію теорій свѣта, тепла, электричества и главныхъ основаній химіи въ теоретическомъ отношеніи. Въ Россіи этимъ труднымъ предметомъ занимается г. академикъ Купферъ, директоръ Главной Физической Обсерваторіи, въ Санктпетербургѣ; его опыты, продолжающіеся ужь болѣе двухъ лѣтъ, еще не кончены; но и теперь ужь можно видѣть, что они приведутъ къ важнымъ заключеніямъ, и потому предлагаемъ здѣсь ихъ ходъ съ самаго начала до истекшаго года.

Мы не будемъ описывать здѣсь снарядовъ и предосторожностей, употребляемыхъ г. Купферомъ при его опытахъ; такое описаніе есть дѣло спеціальности; любопытные могутъ найдти его въ донесеніяхъ г. Купфера, которыхъ вѣрные переводы напечатаны въ «Ученыхъ запискахъ Императорской Академіи Наукъ»; но надобно замѣтить, что сцѣпленіе частицъ вещества, или, какъ обыкновенно говорятъ: *молекулярная сила* имѣетъ весьма малый кругъ дѣйствія, или взаимное притяженіе частицъ обнаруживается на чрезвычайно-малыхъ разстояніяхъ; когда силы, противодѣйствующія притяженію частицъ, или нарушающія ихъ равновѣсіе, не выводятъ ихъ изъ предѣловъ упомянутыхъ разстояній, тогда, по уничтоженіи противодѣйствующихъ силъ, частицы вещества возвращаются къ прежнему состоянію ихъ равновѣсія: это-то явленіе называется *упругостью* тѣлъ. Равновѣсіе ихъ частицъ можно нарушать посредствомъ крученія, растяженія и гнутія, и во всѣхъ трехъ случаяхъ должно опредѣлять опытами количество растяженія тѣла отъ *единицы*

Digitized by Google

силы, напримѣръ, отъ одного фунта. Если на это количество раздѣлимъ *единицу*, то получимъ число, называемое *коэффиціентомъ упругости*, потому-что упругость тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше сжимается или растягивается тѣло отъ опредѣленной силы. Величиною этого коэффиціента опредѣляется разстояніе растягиваемыхъ частицъ и перемѣны упругости; взаимное же отношеніе растяженія и перемѣнъ упругости, приводитъ къ заключенію о законѣ взаимнаго дѣйствія частицъ. Открытіе этого, до-сихъ-поръ неизвѣстнаго закона — главная цѣль изслѣдованій объ упругости. Первые опыты г. Купфера показали, что *притяженіе частицъ вещества, на весьма малыхъ взаимныхъ разстояніяхъ, обратно пропорціонально кубамъ этихъ разстояній.* Если новые, точнѣйшіе опыты подтвердятъ этотъ законъ, то г. Купферу будетъ принадлежать честь открытія, равнозначительнаго великому открытію Ньютона, касательно, всеобщаго тяготѣнія.

Въ опытахъ, производимыхъ въ теченіе 1852 г. и объявленныхъ въ прошедшемъ году, г. Купферъ занимался упругостью желтой мѣди кованой, литой и плющильной, и упругостью стали, платины, серебра и золота. Изъ этихъ опытовъ онъ вывелъ слѣдующія заключенія:

1) Различная обработка желтой мѣди сообщаетъ ей различную упругость: чѣмъ плотнѣе металлъ, тѣмъ болѣе его упругость. Литая мѣдь менѣе упруга, нежели кованая и плющильная, потому-что въ первой изъ нихъ даже для простыхъ глазъ примѣтны скважины.

2) Шведское кованое желѣзо имѣетъ самую большую упругость и самую большую плотность. Въ этомъ отношеніи, оно имѣетъ преимущество предъ кованымъ желѣзомъ англійскимъ, особенно же предъ желѣзомъ кровельнымъ, котораго упругость меньше по направленію плющенія, нежели по направленію перпендикулярному.

3) Упругость закаленной англійской стали измѣняется менѣе, нежели упругость желтой мѣди и желѣза.

Для измѣненій упругости платины, серебра и золота, потребны еще новые, точнѣйшіе опыты; такъ-что числа, выражающія эти измѣненія, г. Купферъ считаетъ только приблизительными и неспособными дать точныя и несомнѣнныя заключенія.

Предложенныя заключенія весьма-полезны для техниковъ, употребляющихъ желтую, мѣдь, желѣзо и сталь.

Производя опыты надъ упругостью металловъ посредствомъ крученія, г. Купферъ обратилъ вниманіе на сопротивленіе воздуха, встрѣчаемое качающимся тяжелымъ рычагомъ, повѣшеннымъ на закручиваемой проволокѣ. Хотя онъ не кончилъ еще всѣхъ наблюденій, потребныхъ для точнаго рѣшенія этого любопытнаго вопроса, однако и теперь ужь можно заключить:

1) Широты или амплитуды размаховъ уменьшаются и въ пустотѣ и въ воздухѣ. Хотя въ первомъ случаѣ это уменьшеніе происходитъ съ меньшею быстротою, нежели во второмъ, однако, нельзя его приписать только одному сопротивленію воздуха.

2) При качаніи рычага на закрученной проволокѣ, положенія равновѣсія, къ которому стремятся всѣ дѣйствующія здѣсь силы, безпрестанно перемѣняется и всегда по направленію качаній, такъ-что положеніе равновѣсія само качается около своего средняго мѣста; слѣдовательно формула равновѣсія упругихъ тѣлъ должна содержать членъ, зависящій отъ времени.

3) При медленныхъ качаніяхъ, рычагъ увлекаетъ за собой болѣе воздуха, нежели при качаніяхъ быстрѣйшихъ.

Всѣ эти замѣчанія весьма-важны для теоріи маятника.

Наконецъ, г. Купферъ не опустилъ въ своихъ опытахъ изслѣдывать дѣйствій тепла на упругость металловъ, и доказалъ, что она измѣняется съ перемѣнами температуры, и произведенныя въ ней перемѣны сохраняются даже по уничтоженіи ихъ причины. Эти изслѣдованія составляютъ первый шагъ къ измѣренію тепла, другою постороннею силою, а не самыми его дѣйствіями посредствомъ термометровъ. Упругость можно сравнить съ тяжестью, слѣдственно открывается надежда выражать ею и самое тепло.

Всѣмъ, занимающимся физикою, извѣстно, что г. академикъ Ленцъ трудится надъ рѣшеніемъ вопроса о способности жидкостей проводить гальваническіе токи, когда поперечный разрѣзъ проводящей жидкости бываетъ болѣе поверхности погруженныхъ въ нее *электродовъ*. Современное состояніе этого вопроса, во всей полнотѣ, объяснено въ замѣчательномъ сочиненіи г. профессора Казанскаго Университета, Савельева, изданномъ въ 1853 г., въ Казани, подъ заглавіемъ: «О гальванической проводимости жидкостей». Мы совершенно увѣрены, что любознательные читатели съ любопытствомъ взглянутъ на слѣдующее изъ него краткое извлеченіе, приступая къ которому, считаемъ необходимымъ замѣтить, что всякій гальваническій снарядъ, или батарея, состоитъ изъ нѣсколькихъ паръ разнородныхъ металловъ, платины и цинка, или мѣди и цинка, погруженныхъ въ слабые растворы или одной сѣрной кислоты, или сѣрной кислоты и мѣднаго купороса; эти пары — *элементы* батареи; къ каждому металлу прикрѣпляется металлическая проволока, платинная или мѣдная; прикрѣпленная къ платинѣ или мѣди, называются *анодомъ*, а прикрѣпленная къ цинку — *катодомъ*, въ томъ предположеніи, что возбуждаемый токъ начинается отъ платины или отъ мѣди и переходитъ въ цинкъ. Когда анодъ бываетъ соединенъ съ катодомъ, тогда говорятъ, что *гальваническая цѣпь замкнута*. Анодъ и катодъ имѣютъ еще общее названіе: *электроды*.

Для измѣренія электричества, возбуждаемаго треніемъ, обыкновенно треніемъ стекла о кожаныя подушки, покрытыя амальгамою или ртутью, смѣшанною со свинцомъ, употребляются электроскопы, а для большей точности — такъ-называемые кулоновы *вѣсы*, въ которыхъ дѣйствіе электричества сравнивается съ сопротивленіемъ закрученной проволоки; такъ и при опытахъ надъ гальваническими токами, первый вопросъ состоялъ въ опредѣленіи ихъ силы. Съ самаго открытія гальванизма, то-есть съ 1800 до 1827 г., всѣ физики измѣряли дѣйствіе тока химически, или количествомъ газовъ, освобождающихся при разложеніи различныхъ жидкостей; но этотъ способъ не могъ приводить къ точнымъ, числительнымъ выводамъ. Въ 1827 г., нюрнбергскій ученый, Омъ, первый доказалъ, что сила тока выражается *дробью, въ которой числитель есть электровозбудительность цѣпи, а знаменатель — ея сопротивленіе току*; притомъ онъ нашелъ, что если цѣпь бываетъ замкнута твердыми проводниками, то ихъ сопротивленіе увеличивается съ ихъ длиною, и уменьшается съ ихъ толщиною, или, говоря ученымъ языкомъ: *сопротивленіе твердыхъ проводниковъ пропорціонально ихъ длинѣ и, обратно, пропорціонально ихъ поперечникамъ*. Этотъ простой законъ, пролилъ ясный свѣтъ на всю теорію гальванизма. Несмотря на то, открытіе Ома десять лѣтъ не выходило изъ предѣловъ Германіи; французскіе и англійскіе физики не знали его до 1837 г., когда Пульè нашелъ омовъ законъ собственными опытами. Послѣ того надобно было обратиться къ изъисканіямъ о сопротивленіи проводниковъ жидкихъ. Опыты показывали, что ледъ, спиртъ, масло, эѳиръ вовсе не пропускаетъ тока; вода проводитъ его слабо; будучи же соединена съ кислотами сѣрною, азотною, соляною, она становится лучшимъ проводникомъ гальванизма; но эти опыты, какъ и при открытіи гальванизма, не представляли данныхъ для строгихъ вычисленій. Сверхъ-того, когда въ гальваническую цѣпь введется жидкій проводникъ, тогда онъ дѣйствіемъ тока разлагается, и оттого является новая электровозбудительная сила, противоположная силѣ батареи. Эта противоположность, названная *поляризаціею* тока, осложняла вопросъ, потому открылась необходимость раздѣлить его на слѣдующіе частные вопросы:

1) Опредѣлить связь сопротивленія жидкости съ силою тока?

2) Найдти зависимость этого сопротивленія отъ формы жидкости?

3) Какъ измѣняется оно съ измѣненіемъ разстоянія между электродами, съ измѣненіемъ ихъ поверхностей, ихъ длины и поперечнаго разрѣза?

4) Опредѣлить величину его въ различныхъ жидкостяхъ и при ихъ различныхъ плотностяхъ?

5) Въ какомъ отношеніи находится сопротивленіе къ химическому составу жидкости, и всегда ли проводимость сопровождается ихъ разложеніемъ? Наконецъ,

Digitized by Google

6) Зависитъ ли сопротивленіе жидкости отъ температуры и отъ внутренняго расположенія частицъ?

Выразивъ такимъ образомъ задачу, г. Савельевъ приступаетъ къ историческому изложенію изъисканій многихъ физиковъ французскихъ (де-Люссака и Тенара), нѣмецкихъ (Ферстемана, Валькера, Фаффа), англичанина Деви, женевца Деларива, итальянца Маріанини, и съ основательной критикой доказываетъ безуспѣшность ихъ попытокъ; такъ-что вопросъ не двигался впередъ до 1830 г. Въ это время Фехнеръ повѣрилъ формулу Ома и, воспользовавшись великимъ открытіемъ Эрштеда, то-есть открытіемъ дѣйствій гальваническаго тока на магнитную стрѣлку, положилъ вѣрное основаніе для точныхъ изслѣдованій о гальванизмѣ, особенно же о проводимости жидкостей, и доказалъ: *если поперечный разрѣзъ жидкости равняется поперечному разрѣзу электродовъ, то ея сопротивленіе прямо пропорціонально ея длинѣ и обратно, разрѣзу.* Годъ спустя послѣ изслѣдованій Фехнера, французъ Бижонъ (Bigeon), незнавшій формулы Ома, и употреблявшій для опытовъ кулоновы вѣсы, достигъ до того же заключенія. Но формула Ома позволила Фехнеру выразить сопротивленіе жидкостей числами. Для этого онъ наливалъ жидкость въ ящикъ и погружалъ въ нее двѣ пластинки разнородныхъ металловъ, изъ которыхъ каждая занимала всю ширину ящика; пластинки можно было передвигать и ставить въ различныхъ одной отъ другой разстояніяхъ, чрезъ что перемѣнялась длина жидкаго проводника. Соединивъ пластинки съ гальванометромъ, Фехнеръ замѣчалъ силу тока, которую изобразилъ чрезъ F; раздвинувъ пластинки на разстояніе, въ нѣсколько разъ бо̀льшее противъ перваго ихъ разстоянія, онъ снова наблюдалъ силу тока F′; послѣ того онъ ставилъ пластинки опять на первое разстояніе и, чтобъ довести силу тока до F′, вставлялъ между твердыми проводниками цѣпи металлическую проволоку опредѣленнаго поперечника и длины, потребной для тока съ силой F′. Тогда, по формулѣ Ома, ужь нетрудно было вычислить разстояніе пластинокъ, произведшихъ токъ съ силой F′. Мы описали этотъ способъ наблюденій потому, что въ немъ заключается начало изобрѣтенія снаряда, извѣстнаго подъ именемъ *агометра* или *реостата*, устроеннаго въ одно и то же время въ Англіи Уитстономъ, а въ Россіи академикомъ Якоби, и усовершенствованнаго г. академикомъ Ленцомъ, и посредствомъ котораго съ точностью измѣряется длина проволоки, вставляемой между твердыми проводниками цѣпи, для полученія тока съ желаемой силой.

До усовершенствованія Даніелемъ гальванической батареи, непостоянство дѣйствій гальваническихъ снарядовъ много препятствовало точности опытовъ, и потому г. академикъ Ленцъ воспользовался открытіемъ магнито-электрическихъ, или *индуктивныхъ токовъ*, и произвелъ (въ 1837—1838 г.) множество важныхъ изслѣдованій въ электродинамикѣ,

Digitized by Google

и между ними опыты надъ проводимостью жидкостей. Г. Савельевъ описываетъ ихъ подробно, съ ученой критикой, и сравниваетъ ихъ съ собственными изъисканіями. Это мѣсто книги г. Савельева весьма-поучительно и представляетъ много предметовъ для размышленія занимающихся спеціально гальванизмомъ.

Съ даніелевой постоянно-дѣйствующей батареей и съ реостатомъ, г. Ленцъ (въ 1843 г.) приступилъ къ новымъ опытамъ надъ гальванизмомъ, съ намѣреніемъ опредѣлить законы возбужденія теплоты посредствомъ токовъ; эти опыты важны сами-по-себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подтвердили Фехнеровъ законъ проводимости жидкостей, дополнивъ его не менѣе важнымъ правиломъ: *сопротивленіе жидкости не зависитъ отъ силы проходящаго чрезъ нея тока*. Г. Савельевъ также описываетъ ихъ подробно и вычисляетъ таблицу, показывающую отношенія сопротивленія различныхъ жидкостей къ сопротивленію мѣди.

Такимъ-образомъ, г. Савельевъ доводитъ свое историко-критическое изложеніе изслѣдованій о сопротивленіи жидкостей до окончательнаго рѣшенія этого вопроса при условіяхъ, принятыхъ Фехнеромъ; потомъ онъ начинаетъ разсматривать изъисканія физиковъ о томъ же вопросѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда жидкость не имѣетъ постояннаго поперечнаго разрѣза, и когда такіе же разрѣзы электродовъ не равняются разрѣзу жидкости. Здѣсь затрудненіе состоитъ въ томъ, что токъ движется ужь не прямолинейно, но по кривымъ линіямъ, которыхъ форма еще неопредѣлена, и потому вопросъ разрѣшенъ нынѣ только для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. Между этими рѣшеніями, безспорно, первое мѣсто занимаетъ рѣшеніе г. Ленца, который, въ 1852 г., вывелъ сопротивленіе жидкости для тока, распространяющагося горизонтально между двумя электродами, и для электродовъ круглой формы; причемъ открываются предѣлы, при которыхъ сопротивленіе жидкости становится независимымъ отъ разстоянія электродовъ. Этимъ открытіемъ объясняется явленіе, замѣченное въ телеграфическихъ проводникахъ, въ которыхъ, даже при значительныхъ разстояніяхъ между электродами, почва весьма-слабо сопротивляется движенію тока. Другой частный случай — когда жидкость имѣетъ форму усѣченной призмы и горизонтальное ея сѣченіе представляетъ трапецію, которой непараллельныя стороны составляютъ равные узлы съ меньшей изъ параллельныхъ сторонъ — разрѣшенъ самимъ г. Савельевымъ.

Пропустивъ подробности о трудахъ многихъ европейскихъ физиковъ, мы остановимся на изслѣдованіяхъ вопроса, о которомъ они имѣютъ различныя мнѣнія. При прохожденіи тока чрезъ жидкость, происходитъ химическое разложеніе, причемъ элементы жидкости отдѣляются на электродахъ; поэтому спрашивается: всегда ли токъ производитъ разложеніе, или для самой проводимости разложеніе жидкости — необходимое условіе? Одни физики разрѣшаютъ этотъ важный вопросъ утвер-

Digitized by Google

дительно; другіе же думаютъ, что слабые токи могутъ проходить чрезъ жидкости, не разлагая ихъ. Г. Савельевъ склоняется на сторону перваго мнѣнія и весьма подробно разбираетъ изъисканія Фараде, который хотя и доказалъ, что *всѣ обстоятельства, препятствующія разложенію, ослабляютъ проводимость*, и обратно: *условія, способствующія разложенію, увеличиваютъ проводимость*, однако, не принимаетъ этихъ выводовъ за рѣшительное опроверженіе противнаго мнѣнія. Г. Савельевъ не соглашается съ такой осторожностью Фараде; но, несмотря на приводимыя имъ причины, вопросъ требуетъ еще новыхъ опытовъ, въ чемъ, кажется, соглашается и самъ г. Савельевъ, потому-что въ его общихъ заключеніяхъ находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Сопротивленіе или проводимость жидкостей состоитъ въ неразрывной связи съ ихъ разложеніемъ. Но въ какой связи состоитъ сопротивленіе съ химическимъ составомъ жидкостей, съ силой химическаго сродства разнородныхъ атомовъ, и какъ измѣняется сопротивленіе при смѣшеніи и растворѣ тѣлъ — эти вопросы, столь важные въ химическомъ отношеніи, остаются безъ отвѣта и рѣшеніе ихъ будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ успѣховъ электрохиміи, науки, находящейся еще въ своемъ началѣ и доселѣ еще весьма-мало обработанной».

Изъ этого краткаго разбора сочиненія г. Савельева, читатели, кажется, могутъ усмотрѣть, что оно весьма-полезно, потому-что въ немъ важнѣйшіе вопросы о гальванизмѣ представлены ясно и совершенно современно, и всякаго начинающаго ставятъ на то мѣсто, съ котораго должно идти далѣе, не теряя времени на изученіе предшествовавшихъ изслѣдованій, разсѣянныхъ по множеству ученыхъ сборниковъ.

Открытель гальванопластики, г. академикъ Якоби, занимаясь гальванизмомъ, обращаетъ свое вниманіе преимущественно на его практическое приложеніе. Онъ сообщилъ Императорской Академіи Наукъ описаніе усовершенствованнаго имъ маятника, приводимаго въ движеніе дѣйствіемъ гальваническаго тока, и способнаго управлять ходомъ какого угодно числа часовъ и на какихъ угодно отъ него разстояніяхъ. Этотъ маятникъ, можетъ-быть, окажется лучшимъ всѣхъ астрономическихъ маятниковъ. Но теперь польза его очевидна для обширныхъ заведеній и обширныхъ домовъ, гдѣ часто и справедливо жалуются на разность хода часовъ, помѣщенныхъ въ различныхъ отдѣленіяхъ и компатахъ, и которые заводятся отдѣльно. Упомянутое описаніе вмѣстѣ съ подробнымъ рисункомъ будетъ скоро напечатано.

Къ замѣчательнымъ трудамъ, относящимся къ гальванизму, принадлежитъ записка г. Тыртова о сущности измѣненій въ даніелевой замкнутой батареѣ. Авторъ записки, посредствомъ точныхъ химическихъ анализовъ, доказываетъ вѣрность многихъ предположеній. Эта записка напечатана въ «Бюллетенѣ» Академіи, XI, № 4. Въ томъ же «Бюл-

Digitized by Google

летенѣ» помѣщено еще разсужденіе г. Петрушевскаго о свойствахъ гальваническаго элемента.

Изъ сочиненій, изданныхъ также Академіей Наукъ и относящихся къ другимъ частямъ физики, можемъ упомянуть о запискѣ мюнхенскаго профессора Куна объ извѣстныхъ фраунгоферовыхъ темныхъ линіяхъ въ солнечномъ призракѣ, то-есть въ цвѣтномъ его изображеніи по преломленіи лучей въ хрустальной призмѣ. Извѣстно, что Фраунгоферъ насчиталъ ихъ до 600, а Брюстеръ до 2000. Чтобъ объяснить эту разность, предполагали, что она происходитъ отъ разности высотъ надъ моремъ Мюнхена и Эдинбурга, то-есть отъ бо́льшей или ме́ньшей плотности слоевъ атмосферы, окружавшихъ обоихъ наблюдателей; но профессоръ Кунъ, живущій также въ Мюнхенѣ, насчиталъ упомянутыхъ линій до 3000; слѣдственно виновата не атмосфера, но, вѣроятно, зрительная труба, употребляемая Фраунгоферомъ — поучительный примѣръ для физиковъ, которые, не увѣрившись въ свойствахъ явленія, спѣшатъ объяснять его происхожденіе.

Вотъ всѣ болѣе или менѣе оригинальные физическіе труды, явившіеся въ прошедшемъ году въ Россіи. Если отъ того, что̀ мы привыкли называть *физикою*, не отдѣлимъ физическихъ явленій на жидкой и твердой поверхности земли, то должны будемъ упомянуть объ изслѣдованіяхъ г. Талызина о періодическихъ неправильностяхъ морскаго прилива и отлива въ Архангельскѣ, и г. Лапшина о порядкѣ вѣтровъ въ Харьковѣ. Впрочемъ, благодаря заботливости г. академика Купфера, русская метеорологія ежегодно обогащается множествомъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, и кажется, пора ужъ подумать о предварительномъ ихъ разборѣ.

Съ нѣкотораго времени русскія періодическія изданія начали сообщать извѣстія о движеніи естественныхъ наукъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ свѣта. Думаемъ, что никто не будетъ спорить, если скажемъ, что многіе изъ читателей этихъ изданій благодарятъ за то издателей. Въ прошедшемъ году «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Отечественныя Записки» и «Санктпетербургскія Вѣдомости» сильнѣе всѣхъ прочихъ русскихъ журналовъ дѣйствовали на этомъ обширномъ полѣ. Не обременяя нашего обозрѣнія перечисленіемъ всѣхъ ученыхъ извѣстій, помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ, можемъ сказать вообще, что въ нихъ не опущено ни одного замѣчательнаго явленія въ областо наукъ физическихъ, и потому желавшіе получить изъ нихъ понятіе и ходѣ этихъ наукъ, не обманывались въ своихъ надеждахъ. Въ 1852 г. не отставалъ отъ нихъ и «Современникъ», уклонившійся въ 1853 г. отъ принятаго имъ направленія.

Наконецъ, наше обозрѣніе было бы неполно, еслибъ мы не указали на прекрасную статью г. профессора Савича о распространеніи тепла по слоямъ атмосферы, напечатанную въ «Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества».

Digitized by Google

Астрономія и Геодезія. — Астрономія въ Россіи щедро снабжена пособіями, необходимыми для ея успѣховъ; поэтому неудивительно, что и въ прошедшемъ году находимъ много замѣчательныхъ сочиненій по астрономіи и геодезіи. Изъ нихъ первое мѣсто неоспоримо принадлежитъ запискѣ В. Я. Струве: «Положенія солнца, луны и планетъ, выведенныя изъ наблюденій отъ 1822 по 1838 г. (въ Дерптѣ)» и вычисленныхъ самимъ г. Струве и г. Ляпуновымъ, директоромъ Казанской Обсерваторіи. Кромѣ необыкновенной точности наблюденій и строгости вычисленій, въ этой запискѣ находимъ весьма-любопытный и новый выводъ о *сжатіи* солнца, которое, какъ давно ужъ извѣстно, обращается около своей оси и, по общему закону тяготѣнія, ось вращенія должна быть менѣе діаметра эккваторіальнаго; но ихъ разность, по малости своей, до-сихъ-поръ ускользала отъ астрономовъ, и только такой наблюдатель, какъ В. Я. Струве, могъ найдти, что сжатіе солнца немного болѣе $1/_{2080}$. Вмѣстѣ съ тѣмъ небезполезно упомянуть, что тѣ же наблюденія даютъ вѣроятнѣйшую величину видимаго діаметра солнца, на среднемъ его разстояніи отъ земли; именно 1921″,86 или 32′ 1″,86. По этому числу не трудно вычислить, что дѣйствительный полупоперечникъ солнца въ 112 разъ болѣе полупоперечника земли, и все солнце въ 1,407,168 разъ болѣе всей земли.

Подлѣ записки В. Я. Струве, требовавшей продолжительныхъ вычисленій и весьма тонкихъ соображеній, поставимъ записку его сына, О. В. Струве «О размѣрахъ сатурнова кольца.» Поводъ къ этой работѣ былъ слѣдующій. Въ 1851 году 14 августа, пріѣхалъ въ Пулковскую Обсерваторію сѣверо-американскій (изъ Кембрича) астрономъ Георгъ Бондъ, усмотрѣвшій въ чудной системѣ Сатурна третье кольцо, имѣющее весьма слабый свѣтъ и потому названное *темнымъ*. О. В. Струве немедленно пригласилъ американскаго астронома взглянуть на Сатурна въ огромный пулковскій рефракторъ. Бондъ, при первомъ взглядѣ удивился, что темное кольцо въ Пулковѣ представляется шире, нежели въ Кембричѣ, въ ноябрѣ 1850 года. Не могши объяснить такое странное явленіе, оба астронома на другой день увѣдомили о томъ В. Я. Струве, который, обративъ ихъ вниманіе на замѣчательныя разности въ изображеніяхъ Сатурна, составленныхъ Гевеліемъ, Гюгенсомъ и новыми астрономами, выразилъ свое мнѣніе, что кольцы этой необыкновенной планеты перемѣняются, и что для будущаго времени было бы весьма полезно произвести строгія микрометрическія измѣренія. О. В. Струве принялъ на себя эту работу, и благодаря яснымъ ночамъ въ концѣ сентября, кончилъ ее съ желаемымъ успѣхомъ. Строго-критическое сравненіе полученныхъ выводовъ съ измѣреніями Риччіоли и Гримальди (1650 г.), Гюйгенса (1657), Кассини (1691), Пунда и Брадля (1719), Рошона (1777), Цаха (1788), Кöлера (1790), В. Гершеля (1791), Бесселя (1806, 1811 и 1831), В. Я. Струве

(1826), Энке (1837) и Галля (1838), привели О. В. Струве къ несомнѣнному заключенію, что *издавна извѣстные два свѣтлыя кольца Сатурна дѣйствительно перемѣняются, расширяются и внутренній край втораго кольца сближается съ планетою*. Притомъ ширина перваго кольца увеличивается менѣе, нежели втораго, такъ-что въ 1657 году они казались равно-широкими, а нынѣ второе кольцо вдвое шире перваго. Удивителяное явленіе! Много пройдетъ лѣтъ до того времени, когда астрономы найдутъ для него удовлетворительное объясненіе.

Что жь касается до темнаго кольца, замѣченнаго Бондомъ совершенно-цѣльнымъ, нераздѣльнымъ, О. В. Струве нашелъ его ясно-раздѣленнымъ на двѣ части, изъ которыхъ одна прикасалась къ внутреннему краю втораго свѣтлаго кольца. И эта перемѣна произошла впродолженіе только одного года. Впрочемъ, такое быстрое измѣненіе въ темномъ кольцѣ и нынѣ ужь понятно. Въ одномъ изъ № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» прошлаго года было напечатано письмо Ласселя къ О. В. Струве изъ Валетты, на островѣ Мальтѣ. Англійскій астрономъ увѣдомляетъ, что въ ноябрѣ 1852 года онъ ясно видѣлъ темное кольцо сплошнымъ, но *прозрачнымъ*, подобнымъ черному крепу, сквозь которой просвѣчивалась планета. Итакъ, это кольцо составлено изъ вещества газообразнаго, какъ наша атмосфера, и потому возможность его раздѣленія и соединенія не столь удивительна, какъ перемѣна ширины свѣтлыхъ колецъ, сильно-отражающихъ солнечный свѣтъ, слѣдственно составленныхъ изъ вещества твердаго.

Третья академическая записка, заслуживающая полное вниманіе астрономовъ, принадлежитъ г. профессору Савичу, который предлагаетъ въ ней новый способъ для опредѣленія путей планетныхъ спутниковъ и прикладываетъ его къ вычисленію наблюденій О. В. Струве надъ спутникомъ Нептуна. Она состоитъ вся изъ формулъ и вычисленій, и потому мы не можемъ сдѣлать изъ нея извлеченія. Спеціалисты могутъ прочитать ее въ «Mélanges mathématiques et astronomiques,» Томъ I, 5-ая тетрадь, 1853 года.

Отъ Пулковской Обсерваторіи, при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ, астрономы скоро получатъ дорогой подарокъ. Извѣстно, что Лаландъ (Жеромъ) въ «Запискахъ» Парижской Академіи Наукъ (1789 и 1790) и во «Французской исторіи неба (1801)» собралъ наблюденія надъ *пятидесятью тысячами звѣздъ*, заключающихся между сѣвернымъ полюсомъ и тропикомъ Козерога. Эти собранія звѣздъ по поясамъ или по зонамъ неба, до 1823 года составляли единственное пособіе для наблюденій надъ новыми планетами и кометами; но ихъ употребленіе было затруднительно. Бессель, въ 1821 г., изъявилъ желаніе, чтобъ астрономы составили вспомогательныя таблицы, что и

исполнили Ганзенъ и Ниссенъ; трудъ ихъ въ 1825 году былъ изданъ покойнымъ Шумахеромъ. Но въ таблицы Ганзена и Ниссена не вошли околополярныя звѣзды, помѣщенныя Лаландомъ въ «Запискахъ». Притомъ, для полнаго удобства употребленія, открылась необходимость превратить собраніе Лаланда въ правильный каталогъ. По этимъ причинамъ Великобританское Общество для распространенія наукъ, въ 1837 году, препоручило коммиссіи изъ Эйри, Бэли и Робинсона, позаботиться о составленіи упомянутаго каталога; вмѣстѣ съ тѣмъ для издержекъ оно назначило 500 ф. стерлинговъ, къ которымъ прибавило послѣ еще болѣе 300 ф. стерлинговъ. Каталогъ былъ вычисленъ подъ управленіемъ Бэли и изданъ на счетъ англійскаго правительства; онъ содержитъ 1200 страницъ въ 8-ю долю листа; но опять въ него не вошли звѣзды «Записокъ». Года за три назадъ, для упражненій въ астрономической практикѣ, поступилъ въ Пулковскую Обсерваторію кандидатъ Харьковскаго Университета г. Федоренко, молодой человѣкъ съ отличными дарованіями и съ трудолюбіемъ необыкновеннымъ. В. Я. Струве предложилъ ему сдѣлать опытъ составленія вспомогательныхъ таблицъ для звѣздъ «Записокъ». Послѣ совершеннаго успѣха въ этомъ опытѣ, г. Федоренко продолжалъ свой трудъ и въ два съ половиной года кончилъ весьма-трудную работу, то-есть онъ одинъ привелъ въ правильный каталогъ звѣзды, содержащіяся въ двухъ томахъ «Записокъ», Эта-то работа поступила уже въ печать и будетъ содержать въ себѣ: 1) Введеніе съ объясненіемъ способовъ вычисленій, 2) Вспомогательныя таблицы, 3) Правильный каталогъ 4,673 звѣздъ и 4) Примѣчанія.

Труды пулковскихъ астрономовъ не остаются въ Россіи: они распространяются за ея предѣлами по всѣмъ странамъ просвѣщеннаго міра и становятся основаніями глубокихъ теорій. Французскій теорикъ-астрономъ Ивонъ Вилларсо, какъ бы въ благодарность за наблюденія двухъ Струве, чрезъ одного изъ нихъ, сына, представилъ въ Императорскую Академію Наукъ результаты своихъ многотрудныхъ вычисленій орбиты двойной звѣзды η сѣвернаго вѣнца. Записка его напечатана въ «Бюллетенѣ» Академіи и въ «Mélanges mathématiques et astronomiques», Т. 1. 6-я тетрадь, 1853 г. Упомянутая звѣзда принадлежитъ къ труднѣйшимъ для наблюденій, потому-что она сложена изъ двухъ звѣздъ пятой и шестой величины, столько между собою сближенныхъ, что меньшая, обращаясь около большой, описываетъ эллипсисъ, котораго большая полуось видима съ земли подъ угломъ, едва-ли равнымъ одной секундѣ градуса; слѣдственно, опредѣленіе этого эллипсиса требовало самыхъ точныхъ наблюденій, и Вилларсо достигъ своей цѣли только посредствомъ наблюденій двухъ Струве въ Дерптѣ и Пулковѣ; принявъ ихъ за основаніе, онъ нашелъ, что обращеніе упомянутой звѣзды оканчивается въ 67 лѣтъ.

Digitized by Google

Въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» любители наукъ и уважающіе ученую славу нашего отечества, читали донесеніе Императорской Академіи Наукъ В. Я. Струве, о счастливомъ окончаніи тридцатилѣтняго измѣренія меридіана, простирающагося отъ Ледовитаго Моря до Измаила. Теперь производятся вычисленія этой великой работы. Извѣстно, что подобные меридіаны, хотя не такъ обширные, измѣрены во Франціи и Индіи; кромѣ-того, въ Италіи и въ Германіи были вымѣрены небольшія дуги разныхъ меридіановъ. Всѣ такія измѣренія, произведенныя различными наблюдателями, различными снарядами и по различнымъ методамъ, соединялись вмѣстѣ и сравнивались съ дугами, давно-измѣренными въ Швеціи и подъ экваторомъ. Отсюда выводили общее сжатіе земнаго сфероида и его величины, предполагая, что онъ есть правильный эллипсоидъ вращенія, и что его различные меридіаны — совершенно-одинаковые эллипсисы. Но прежде всего надобно было увѣриться въ законности этого предположенія, и тѣмъ болѣе потому, что вычисленія французскаго меридіана показали противное: здѣсь поверхность земли оказалась столь неправильною, что однѣ ея части находятся на сфероидахъ, вытянутыхъ къ полюсамъ, а другія — на шарѣ. Увѣренный въ истинѣ такого заключенія, Біо думалъ, что вычисленіе сжатія земли и ея величины даже изъ многочисленныхъ наблюденій надъ длиною маятника, зависящею отъ дѣйствія земной тяжести, а слѣдственно и отъ фигуры земли, нельзя производить по способу наименьшихъ квадратовъ, требующему, чтобъ условныя уравненія не противорѣчили выражаемому ими закону естественнаго явленія. Г. Перевощиковъ, имѣя противное мнѣніе, вычислилъ сжатіе земнаго сфероида по французскимъ измѣреніямъ и сперва по формулѣ, показывающей отношенія разностей дугъ меридіана и соотвѣтствующихъ разностей географическихъ широтъ, а потомъ по формулѣ, опредѣляющей отношеніе между самыми дугами, меридіана, подъ данными широтами и подъ экваторомъ: то и другое вычисленіе дали почти одинаковыя числа ($^1/_{187}$ и $^1/_{188}$) для сжатія земли; но противорѣчащія теоріи, по которой сжатіе *разнороднаго* сфероида или составленнаго изъ частей различной плотности, должно быть менѣе сжанія ($^1/_{230}$) сфероида *однороднаго*, или одной плотности во всѣхъ своихъ частяхъ. Такой выводъ г. Перевощиковъ почелъ происходящимъ отъ погрѣшностей измѣреній, основываясь на вычисленіяхъ Пюиссона, въ которыхъ видно большое разногласіе между наблюденіями и геодезическими вычисленіями. Чтобъ убѣдиться въ такомъ предположеніи, г. Перевощиковъ вычислилъ сжатіе земли, по даннымъ изъ наблюденій надъ маятникомъ, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же наблюдателемъ — Біо. Изъ этого вычисленія получено сжатіе земли ($^1/_{277}$), согласное съ теоріею. Сверхъ-того, формула, выражающая длину маятника подъ разными широтами, для четырнадцати мѣстъ, находящихся на обоихъ полушаріяхъ земли, дала такіе выводы, которыхъ разности отъ наблюденій

заключаются въ предѣлахъ возможныхъ и неизбѣжныхъ погрѣшностей. Такимъ образомъ г. Перевощиковъ увѣрился, что упомянутое противорѣчіе дѣйствительно происходитъ отъ ошибокъ французскихъ астрономовъ, и, для бо́льшаго подтвержденія своего заключенія, онъ вычислилъ сжатіе земли по измѣреніямъ въ Индіи и получилъ для него число $^1/_{272}$, то-есть почти то же, что̀ изъ наблюденій надъ маятникомъ. Отсюда выходитъ еще то важное слѣдствіе, что землю дѣйствительно можно считать эллипсоидомъ вращенія, котораго меридіаны — одинаковые эллипсисы. Можно смѣло надѣяться, что измѣренія русскаго огромнаго меридіана, произведенныя подъ управленіемъ В. Я. Струве, приведутъ къ такому же результату, и тогда вопросъ о фигурѣ земли получитъ окончательное рѣшеніе, потому-что тогда русскій меридіанъ можно будетъ соединить въ вычисленіяхъ съ индійскимъ. Записка г. Перевощикова скоро выйдетъ въ свѣтъ въ «Ученыхъ Запискахъ» Академіи.

Въ «Mélanges mathématique et astronomiques» и въ «Бюллетенѣ» Академіи помѣщена также любопытная записка г. Паукера о фигурѣ земли и относящихся сюда формулахъ. Но г. Паукеръ, употребляя способъ наименьшихъ квадратовъ, не производилъ предварительныхъ вычисленій на каждомъ меридіанѣ отдѣльно, и изъ русскаго меридіана взялъ дугу только въ 8°, и потому онъ получилъ для сжатія земли число $^1/_{289,9}$, которое должно считать только близко-подходящимъ къ истинному, потому-что измѣренія на парижскомъ меридіанѣ, какъ весьма подозрительныя, надобно будетъ исключить изъ вычисленій.

Геодезическія работы въ Россіи производятся въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что ихъ обозрѣніе требуетъ отдѣльной и обширной статьи, которая составлена г. Перевощиковымъ и скоро будетъ издана въ прекрасномъ «Географическомъ Сборникѣ на 1854», г. Фролова; но здѣсь мы не можемъ не напомнить нашимъ читателямъ, что въ № 42 «Санктпетербургскимъ Вѣдомостей, прошедшаго года было напечатано извлеченіе изъ донесенія В. Я. Струве Императорской Академіи Наукъ, о соединеніи русскихъ геодезическихъ измѣреній съ австрійскими. Считаемъ небезполезнымъ извлечь изъ этого донесенія нѣсколько словъ знаменитаго астронома о цѣли и пользѣ такого соединенія.

«Соединеніе обширныхъ геодезическихъ работъ полезно, *вопервыхъ*, «потому, что, посредствомъ соединенныхъ треугольниковъ, опредѣляются «съ точностью границы государствъ на географическихъ картахъ, и *во-«вторыхъ*, потому, что измѣренія взаимно повѣряются. Но важнѣйшая «его польза состоитъ въ томъ, что оно увеличиваетъ точность опре-«дѣленія фигуры земли. Для достиженія этой цѣли, всѣ просвѣщенныя «государства покровительствовали и утверждали всѣ предположенія гео-«метровъ, желавшихъ геодезическихъ измѣреній не въ одномъ государ-«ствѣ. Французскій меридіанъ соединенъ съ измѣреніями пьемонтскими «и австрійскими; русскій протянутъ чрезъ Лапландію и Финмаркенъ;

Digitized by Google

«дуга между Мареннонъ и Фіуме, посредствомъ австрійскихъ измѣре-«ній, можетъ быть соединена съ русскими дугами и продолжена непре-«рывно до Екатеринослава, и оттуда генералъ Вронченко, управляющій «тригонометрическими измѣреніями въ Южной Россіи, доведетъ ихъ до «Новочеркаска. Этотъ городъ сѣвернѣе Маренна только на 1° 55′ и «восточнѣе на 41° 12′. Предположимъ еще, что чрезъ нѣсколько лѣтъ «русскіе треугольники достигнутъ Астрахани: тогда разность широтъ «уменьшится до 59′ и дуга Фіумской параллели утроится. Но этого «мало: небольшое число треугольниковъ можетъ довести до такой точки «на западномъ берегу Каспійскаго Моря, которая лежитъ совершенно «подъ одною широтою съ Маренномъ. Противъ удивительныхъ резуль-«татовъ этихъ великолѣпныхъ работъ нельзя даже возражать и труд-«ностью опредѣленія долготъ между отдаленными мѣстами на земной по-«верхности, потому-что хронометрическими экспедиціями, произведен-«ными астрономами Пулковской Обсерваторіей совокупно съ офицерами «Императорскаго Главнаго Штаба опредѣлена ужъ разность долготъ «между Гриничемъ и Новочеркаскомъ, и остается только соединить «хронометрически Гриничъ съ Маренномъ. Для окончанія этой обшир-«ной картины русско-европейскихъ работъ, покрывшихъ всю Европу «сѣтью треугольниковъ, надобно вспомнить, что Эйри, подъ широтою «51° 40′, вымѣрилъ дугу параллели въ 10° 40′ отъ Фич-Мена, въ «Ирландіи, до Гринича. Варшава находится подъ широтою 52° 13′, то-«есть сѣвернѣе Фич-Мена только 17′, и долгота того же города, от-«носительно Пулкова, строго опредѣлена экспедиціею 1845 г., такъ-«что труднѣйшая работа на параллели Фич-Мена и Варшавы кончена «совершенно».

Къ этому очерку надобно прибавить, что Кавказъ покрытъ ужъ геодезическими треугольниками, въ Персіи опредѣлены наблюденіями 120 мѣстъ и тоже сдѣлано для важнѣйшихѣ пунктовъ Сѣвернаго Урала экспедиціею, отправляемою Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Первый томъ описанія этой экспедиціи вышелъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году и разборъ его былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Геодезическія работы, по вычисленіи, должны быть представлены на картахъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся на поверхности земли. Для удовлетворенія этого требованія, были изобрѣтены различные способы; но лучшій изъ нихъ припадлежитъ первоклассному геометру Гаусу. Г. Дёлленъ, астрономъ въ Пулковѣ, сдѣлалъ прекрасное изложеніе этого способа, и желательно, чтобъ его разсужденіе, написанное на латинскомъ языкѣ, было переведено на русскій.

Другой русскій ученый, г. Перевощиковъ, также въ прошедшемъ году, въ «Ученыхъ Запискахъ» Академіи Наукъ напечаталъ свое разсужденіе о способѣ Гауса вычислять орбиты планетъ съ историко-критическими замѣчаніями о современномъ состояніи этого вопроса и съ

Digitized by Google

полнымъ примѣромъ употребленія гаусова способа. Кто читалъ и знаетъ трудности въ теоріи Гауса, тотъ, безъ-сомнѣнія, останется благодаренъ г. Перевощикову за трудъ, сдѣлавшій эту теорію совершенно-доступною.

Наконецъ намъ остается замѣтить, что «Санктпетербургскія Вѣдомости» и «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» постоянно и своевременно увѣдомляли своихъ читателей объ открытіи планетъ и кометъ.

Говорить ли о русскомъ переводѣ перваго отдѣленія третьей части «Космоса»? Переводъ вѣренъ, хотя несовсѣмъ-легокъ; но самая книга— компиляція изъ разныхъ астрономическихъ сочиненій, компиляція, безполезная для спеціалистовъ, и не вездѣ понятная для неспеціалистовъ. Впрочемъ, приложенныя къ ней замѣчанія, доказывающія обширную начитанность Гумбольдта, могутъ служить для справокъ. Между этими замѣчаніями находятся драгоцѣнныя замѣтки покойнаго Араго, особенно о сверканіи звѣздъ; но впослѣдствіи Араго издалъ новую теорію этого явленія, и переводъ превосходнаго его разсужденія былъ напечатанъ въ «Современникѣ» на 1852 г., такъ-что упомянутыя замѣтки потеряли ужь свою цѣну.

Digitized by Google

IV.

Путевыя Замѣтки. *Повѣсти* Т. Ч. *Выпускъ I. Изданіе 2-е. Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Э. Веймара. Въ 12-ю д. л. 272 стр.*

Одинъ молодой человѣкъ, котораго звали Березовымъ, страдалъ страннымъ недугомъ: послѣ-обѣденное пищевареніе его рѣдко совершалось безъ помѣхи, потому-что въ ту пору, когда, за чашкой кофе и съ дымящеюся во рту сигарой, охотно предаешься дремотному спокойствію, Березову становилось невыносимо «скучно и грустно»; имъ овладѣвало мучительное недовольство всѣмъ, хотя, повидимому, недовольство это вовсе не оправдывалось обстоятельствами: всѣ считали Березова человѣкомъ счастливымъ, «всѣ говорили, что онъ не имѣетъ права грус-«тить; и это еще ничего, еслибъ всѣ такъ говорили (мало ли чего всѣ не «говорятъ!); но онъ самъ чувствовалъ, что ему грустить смѣшно, быть «недовольнымъ жизнью нѣтъ причины; боялся, какъ заразы, этого чув-«ства, даже скучать не давалъ себѣ воли... а чуть шесть-семь часовъ «вечера — и на него опять налегаетъ это странное чувство». Отчего же это? Въ минуты такой скуки и грусти передъ Березовымъ всегда начинали возникать видѣнія изъ прожитой имъ жизни, *тѣни прошлаго;* но видѣнія эти не приносятъ ему отрады, напротивъ — удвояютъ непріятность печальнаго расположенія его духа. Взгляните на эти тѣни, такъ назойливо безпокоящія Березова: авось въ нихъ найдется разрѣшеніе, что́ именно причиною странной болѣзни молодаго человѣка.

Ему только девятнадцать лѣтъ; широко лежитъ передъ нимъ поле жизни, и онъ собирается вступить на него, покинувъ отцовскій домъ. Что́ за образъ смотритъ на Березова изъ туманной дали этой поры?

«Сумерки стелятся по красивой гостиной; карета стоитъ у крыльца; черноволосая женщина выходитъ на встрѣчу девятнадцатилѣтнему Сержу, съ театральной афишей и перчатками въ одной рукѣ и съ выдвижнымъ лорнетомъ въ другой.

— Я пришелъ проститься, сказалъ Сержъ.

— А!.. И лорнетъ вмѣстѣ съ афишей поспѣшно положенъ на столъ; перчатки упали. — Вы ѣдете?.. надолго?

Digitized by Google

— Служить ѣду.

— Значить, надолго? навсегда?.. Садитесь!

Они сѣли.

— Мнѣ лучше уйдти, говорилъ Сержъ: — вы ѣдете въ театръ; я вамъ помѣшалъ.

— Вы ѣдете навсегда — и такъ спѣшите меня оставить.

Замолчали.

— Прощайте! сказалъ онъ черезъ минуту, поднимаясь.

— Постойте!

Онъ опять сѣлъ.

— У васъ нѣтъ знакомыхъ въ Петербургѣ? спросилъ онъ съ замѣшательствомъ, не зная, что̀ говорить.

— Есть, да Богъ съ ними! отвѣчаетъ она съ досадой.

— Право, я вамъ помѣшалъ; вы сердитесь.

— Нисколько; я не поѣду въ театръ.

— Что же вы такъ?.. я лучше уйду.

Она слегка пожала плечами.

— Сергѣй Сергѣичъ, послушайте...

— Что̀ прикажете?

Онъ обернулся съ этимъ вопросомъ; она замолча̀ла. Оба были въ нерѣшимости.

— Прощайте, сказалъ онъ, вставая снова.

Онъ подошелъ поцаловать ея руку.

— Прощайте... Она удержала его за руку, заставила взглянуть себѣ прямо въ глаза. — Прощайте... Сержъ!.. прибавила она тихо, ласкающимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Онъ поцаловалъ у ней руку съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ne m'oubliez pas complètement, сказала она, очаровательно улыбаясь, поблѣднѣвшими губами.

Онъ былъ почти ужъ за дверью, но оглянулся, хотѣлъ что-то сказать, произнесъ только: *jamais*, и захлопнувъ дверь за собой очень сильно... отворилъ снова, извинился, что такъ стукнулъ. Она разсмѣялась.

— Останьтесь еще хоть на минуту, сказала она непринужденно.

— Нѣтъ, право, вамъ пора въ театръ...

Глаза ея увлажились, когда дверь затворилась вторично; что-то странное сжало ея сердце и вырвалось неестественнымъ смѣхомъ.

— Ребенокъ! проговорила она, укусивъ до крови свои полныя, свѣжія губы.

И, Боже мой! сколько было обманутаго чувства въ этомъ зломъ словѣ: «ребенокъ!»

Извѣстная исторія первой робкой любви. У кого изъ насъ нѣтъ подобнаго воспоминанія? Когда оно возникаетъ въ воображеніи, можно или пожалѣть объ утраченной свѣжести сердца, или слегка подосадовать; но, во всякомъ случаѣ, мучиться такимъ воспоминаніемъ нѣчего. И такъ, первое видѣніе Березова не объясняетъ еще его грусти. Посмотримъ дальше.

Digitized by Google

Вторая встрѣча Березова съ этой женщиной, которая такъ принужденно простилась съ нимъ, «принесла его душѣ странный холодъ». Это случилось черезъ три года послѣ отъѣзда юноши изъ роднаго города. «Она пронзительно взглянула на него, потомъ поклонилась равнодушно; «спросила съ насмѣшливымъ любопытствомъ о петербургской жизни (Березовъ пріѣхалъ домой въ отпускъ) и обратилась съ живой рѣчью къ «красивому и застѣнчивому молодому человѣку, тутъ сидѣвшему». Извѣстный конецъ извѣстной исторіи, въ которомъ пришлось, какъ водится, бросить «взглядъ негодованія и презрѣнія» предмету прежней боязливой страсти... И здѣсь нѣтъ повода къ тоскѣ. Воспоминанія эти чуть скользятъ по сердцу, не шевеля его.

Но, вотъ, Сергѣй Сергѣевичъ любитъ въ другой разъ; вотъ, склоняясь на плечо любимой дѣвушки, говоритъ онъ ей вкрадчивымъ голосомъ: «Не правда ли, ты полюбила меня, несчастнаго, грустнаго? ты «полюбила меня жаждой утѣшенія, мой кроткій, ясный ангелъ? Да, я «несчастливъ, я сирота въ безпріютномъ мірѣ — пожалѣй обо мнѣ, «Эмма!» Впрочемъ, любитъ ли Сергѣй Сергѣевичъ, и правду ли говоритъ онъ хорошенькой нѣмочкѣ, дочери доктора? Что-то плохо вѣрится и словамъ его, и *вкрадчивому* его голосу. Гдѣ же его несчастія, сиротство и проч.? «Березову *надо было* опоэтизировать себя въ соб-«ственныхъ глазахъ хотя бы чувствомъ несчастія — задача для него, «впрочемъ, очень трудная: жизнь ему покамѣстъ рѣшительно удавалась». Эмма не умѣла видѣть этой лжи; она горячо и безкорыстно предалась увлекавшему ее чувству—полюбила Березова. Березовъ, накидывая на себя романтическую мантію, продолжалъ развивать любовь къ нему дѣвушки, и наконецъ, когда весь городъ ужь считалъ Эмму его невѣстой, когда и отецъ Эммы только ждалъ, что молодой человѣкъ, такъ сблизившійся съ нею, попроситъ ея руки, Березовъ находитъ мысль о бракѣ съ докторской дочкой неисполнимою и уѣзжаетъ изъ города оставивъ Эмму съ растерзаннымъ сердцемъ.

Вотъ это воспоминаніе, пронесшееся передъ глазами Березова, точно могло потревожить его... За нимъ слѣдовало еще воспоминаніе, не менѣе тяжелое... Почти такъ же, какъ Эмму, обворожилъ онъ Ольгу, дочь управляющаго въ своемъ имѣніи, и кончилъ тѣмъ, что нашелъ несообразнымъ жениться на ней; а между-тѣмъ онъ готовъ былъ полюбить и Эмму и Ольгу; но онъ, видите ли, не давалъ большой воли своему сердцу. Вотъ, напримѣръ, какъ поступалъ онъ въ-отношеніи Ольги. Однажды, обидѣвъ ее неосторожно сказаннымъ свысока словомъ, «Березовъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ-далеко; ему стало досадно на «себя; онъ схватилъ ея руку, упиравшуюся въ край дивана... Она «быстро отдернула руку, сдѣлала шагъ назадъ, потомъ бросилась на «диванъ, только въ противоположный уголъ, и тамъ долго сидѣла молча». Затѣмъ послѣдовало слѣдующее объясненіе:

Digitized by Google

«Ольга Петровна, Ольга Петровна... недобрая, не отвѣчаетъ! Я думалъ, что вы, по обыкновенію, накажете меня мастерскими своими насмѣшками, а вы разсердились... Ну, да я виноватъ, очень виноватъ; простите меня...

Она молчала и была неподвижнѣе мрамора. Березовъ наклонился къ ней, успѣлъ заглянуть ей въ глаза: взглядъ ихъ былъ прозраченъ и неподвиженъ. *На днѣ души его зашевелилось въ эту минуту незнакомое, отвергнутое прежде своего рожденія, чувство.* Онъ тихо и трепетно взялъ ея холодную руку, близко, близко нагнулся къ ея печально-опущенной головкѣ и сталъ говорить чуть-слышно и прерывисто:

— Нѣтъ, это не капризъ, говорилъ онъ, *оглядываясь торопливо вокругъ, не подслушиваетъ ли кто:* — не упрямство; это грусть, горе, и я вамъ далъ его! Неужели натура моя такъ болѣзненна, такъ испорчена, что и любовь моя даетъ оскорбленія, вмѣсто словъ ласки?..

— Что̀ вы! что̀ вы? Оставьте! заговорила испуганная Ольга: — вамъ мало меня мучить, какъ прежде... изъ-за чего вы меня мучите? развѣ это особенно отрадно вамъ? Всѣ ваши слова, всѣ ваши встрѣчи...

— Вы помните ихъ?

— О, я бы хотѣла забыть... Но я уйду отъ васъ, и все помню этотъ насмѣшливый тонъ, обидныя рѣчи, изучающій, холодный взглядъ.

— И теперь онъ холоденъ? И онъ смотрѣлъ ей въ глаза, страстно сжимая въ рукахъ своихъ ея руки.

Ольга снова опустила голову, избѣгая его взгляда. Березовъ осторожно склонилъ эту смущенную головку на свое плечо.

— Вотъ гдѣ отдохнуть надо отъ тревогъ и сомнѣній, сказалъ онъ, коснувшись летучимъ поцалуемъ ея волосъ. — Мы *подружились* еще съ нашей встрѣчи въ лодкѣ... развѣ вы этого не помните? Я до-сихъ-поръ никогда не говорилъ объ этомъ именно потому, что это слишкомъ-хорошо помнилъ... и наконецъ вы воздвигали между нами преграду, вы выдумывали какое-то разстояніе, проводили черту...

— Она существуетъ, проговорила тихо Ольга.

— Неправда, своенравный ребенокъ. Проведи же эту черту между собой и мной теперь! И онъ взялъ ее за руку.

Ольга рванулась и встала противъ него съ пылавшимъ лицомъ.

— Какая хорошенькая! воскликнулъ онъ, страстно любуясь ею. — А тогда, ка̀къ красивы были большіе желтые цвѣты на этихъ мокрыхъ волосахъ! Кажется, я никогда не забуду васъ у пруда! И васъ теперь, а тоже... О, да вы всегда, всегда такая хорошенькая!

— Сергѣй Сергѣичъ, я безумная, я допустила себя полюбить васъ. Однако я противъ этого очень боролась...

— Жаль было любви для меня?

— Не жаль, а страшно. Послушайте, продолжала она задумчиво: — отчего въ эту минуту во мнѣ нѣтъ чувства счастія? У меня тяжело на душѣ; мнѣ все кажется, что вы меня не любите...

— Я не заслужилъ такого довѣрія, Ольга. *Время оправдаетъ меня.*

Она вздохнула и покачала головой.

— Мучительница!

Digitized by Google

— Сергѣй Сергѣичъ! сказала она, улыбаясь: — пора давать урокъ братьямъ.

— Ахъ, какъ вы холодны! вы вѣчно обо всемъ помните! Кажется, огонь сердца никогда не прорвется изъ-подъ этого ума. — Увидимся ли сегодня?

— Вѣдь мы прежде видѣлись всего разъ въ день.

— Опять новое!

— Приходите чай пить вечеромъ съ нами. Папà всегда доволенъ, когда вы у насъ: ваше вниманіе льститъ ему.

— Но что мнѣ дѣлать до вечера?

— Думайте обо мнѣ, если вамъ угодно.

— А чтò будетъ дѣлать эта капризная и недовѣрчивая Ольга?

— Она будетъ серьёзно и прилежно давать уроки двумъ братьямъ и надѣется ни мало не скучать.

— Злая!..

Ольга звонко засмѣялась, потому-что повѣрила счастью, и исчезла за дверью.

Глаза его *съ минуту* горѣли, глядя на дверь, дышали жизнью; по губамъ бродила улыбка; но скоро все это сбѣжало съ его лица: *испугъ выразился на немъ, испугъ и сомнѣніе.*»

Мало назвать такого джентльмена «мелкимъ» человѣкомъ: въ то время, какъ въ душѣ его заговариваетъ чувство, онъ оглядывается, не подслушалъ бы кто-нибудь его признаній; въ другомъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ на письмо бѣдной Эммы, соображая, что письмо тотъ же документъ. Чѣмъ же кончаетъ Березовъ? Не покорясь въ первые годы своей молодости прихотливому, но искреннему увлеченію свѣтской красавицы, охранивъ себя потомъ отъ чистой, тихой и преданной привязанности Эммы, отъ энергической, глубокой и страстной любви Ольги, Березовъ оказался побѣжденнымъ старою и нестòящею любви женщиной! Онъ женился на ней и утѣшалъ себя только слѣдующею фразой: «Ну, что жь, она графиня!»

Лицо, взятое г-жею Т. Ч. въ герои повѣсти ея: *Тѣни Прошлаго*, лицо чрезвычайно-интересное; но для полной обрисовки его авторъ какъ-будто пожалѣлъ красокъ, въ которыхъ у него нѣтъ недостатка. Эта мелочность, прикрывающаяся эгидой «разумности», заслуживаетъ ювеналовской сатиры. Самая форма, выбранная г-жею Т. Ч. для біографіи Березова, должна была нѣсколько стѣснить ее. Автору приходится рисовать происшествія жизни Березова такъ, какъ представлялись они ему самому въ его воспоминаніяхъ; отъ этого г-жа Т. Ч. часто должна была опускать многія подробности, которыя могли бы служить украшеніемъ разсказу, безъ нихъ довольно однообразному. Кромѣ того, намъ кажется, что форма повѣсти г-жи Т. Ч. совершенно произвольна; она не обусловливается содержаніемъ. Трудно предположить, чтобъ такого мелкаго и такъ погрязшаго въ мелочахъ человѣка, стали тревожить воспоминанія прошлаго. Къ чему были ему полезны эти тѣ-

Digitized by Google

ни, приходившія такъ часто усовѣщевать его? Вѣдь онъ остался такимъ же пустымъ, какимъ былъ! Еслибъ еще г–жа Т. Ч. объяснила намъ характеръ своего героя образомъ его воспитанія; но о дѣтствѣ Березова въ повѣсти ничего не говорится, также, какъ и о людяхъ, окружавшихъ его тогда и въ молодости, и имѣвшихъ на него вліяніе.

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что г–жа Т. Ч. слишкомъ–горячо взялась за представившійся ей сюжетъ и мало заботилась о томъ, *какъ* имъ воспользоваться; оттого, вмѣсто большаго романа (не по объему, разумѣется, а по развитію), вышла небольшая повѣсть. Достаточно прочесть выписанныя нами въ этой рецензіи двѣ сцены, чтобъ убѣдиться, что г–жа Т. Ч. могла какъ–нельзя–лучше выполнить такую задачу.

«Тѣни прошлаго» прибавлены въ новомъ изданіи «Путевыхъ Замѣтокъ» къ двумъ повѣстямъ, помѣщеннымъ въ первомъ *(Три варьяціи на одну тэму* и *Гувернантка).* Объ этихъ повѣстяхъ считаемъ излишнимъ распространяться: онѣ были въ свое время оцѣнены въ нашемъ журналѣ; публика, съ своей стороны, также ужь оцѣнила, ихъ потому–что перваго изданія «Путевыхъ Замѣтокъ» нѣтъ болѣе въ продажѣ.

Ученыя Записки *Императорской Академіи Наукъ по Первому и Третьему Отдѣленіямъ. Томъ I-й, выпускъ 3-й и 4-й, 211 — 640 стр.*

Въ третьемъ выпускѣ помѣщены слѣдующія статьи: «Отчетъ Главной Физической Обсерваторіи за 1851 годъ», составленный академикомъ Купферомъ; «О разведеніи устрицъ въ Финскомъ Заливѣ», академика Гамеля; «О подлогѣ именъ древнеклассическихъ художниковъ на рѣзныхъ камняхъ», академика Стефани; «Замѣчанія о малоизвѣстныхъ насѣкомоѣдныхъ русской фауны», академика Брандта; «О задачахъ иппологіи въ отношеніи къ потребностямъ кавалеріи», академика Миддендорфа; «Изложеніе элементарнаго способа для суммованія конечныхъ рядовъ», академика Буняковскаго. Въ четвертомъ выпускѣ находятся статьи: «О языкѣ Якутовъ, опытъ изслѣдованія отдѣльнаго языка въ связи съ современнымъ состояніемъ всеобщаго языкознанія», академика Бётлинга; «О предвареніи равноденствій и колебаніи земной оси», академика Перевощикова; «Свѣдѣніе о грузинской царицѣ Тамарѣ въ древней русской литературѣ», академика Броссе; «О значеніи словъ Юмала и Укко въ финской миѳологіи», профессора Кастрена.

Изъ *Отчета Главной Физической Обсерваторіи* видно, что, къ существовавшимъ ужь магнитнымъ обсерваторіямъ, прибавилась, въ 1851 году, Тифлисская, построенная подъ землею, по примѣру Мюнхенской; что въ Главной Обсерваторіи получены первые мѣсяцы магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, дѣлаемыхъ въ Пекинѣ г. Скачковымъ; что число мѣстъ, на которыхъ постоянно производятся метеорологическія

Digitized by Google

наблюденія, постоянно увеличивается, и, что всего утѣшительнѣе, находятся люди, которые *сами* вызываются на эту утомительную, но важную для науки работу; такъ, напримѣръ, священникъ въ селѣ Ишакахъ (Казанской Губерніи), г. Громовъ, «объявилъ желаніе производить метеорологическія наблюденія; Главная Обсерваторія доставила къ нему психрометръ, термометръ и дождемѣръ». Конечно, прекрасный примѣръ достопочтеннаго пастыря найдетъ подражателей. Главная Обсерваторія издала «Сводъ» всѣхъ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, сдѣланныхъ по всему пространству имперіи въ 1848 году. Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ этого свода:

Наибольшая изъ среднихъ мѣсячныхъ высотъ барометра въ Петербургѣ была январская $= 611,_{37}$ англ. полулиній; наименьшая — ноябрская $= 593,_{61}$ англ. полулиній; средняя годичная высота барометра въ Петербургѣ была $= 599,_{94}$ англ. полулиній.

Средняя температура воздуха въ Петербургѣ была (по термометру Реомюра):

Январь	— 10,39	Іюль	+ 12,40
Февраль	— 2,93	Августъ	+ 11,54
Мартъ	+ 0,29	Сентябрь	+ 8,39
Апрѣль	+ 4,69	Октябрь	+ 3,32
Май	+ 7,40	Ноябрь	— 0,48
Іюнь	+ 11,33	Декабрь	— 5,38

Средняя температура года + 3,35 (всѣ числа за 1848 годъ).

Вотъ выводъ изъ двадцатипятилѣтнихъ (1822 — 1846) наблюденій температуры въ Петербургѣ:

Январь	— 7,2416	Іюль	+ 13,6360
Февраль	— 6,4392	Августъ	+ 12,8248
Мартъ	+ 3,3964	Сентябрь	+ 8,4636
Апрѣль	+ 1,6088	Октябрь	+ 3,8172
Май	+ 6,9860	Ноябрь	— 1,1796
Іюнь	+ 11,6340	Декабрь	— 4,8144

Средняя температура года + 2,9916.

Изъ этихъ двадцатипятилѣтнихъ наблюденій видно, что самое холодное время въ Петербургѣ отъ 16 до 20 января, средняя температура котораго $—9,_{57}$; самое жаркое время отъ 11 до 15 іюня, средняя температура котораго $—14,_{19}$. Чрезвычайно-интересно также, что постепенный ходъ пониженія температуры отъ половины іюля до половины января и повышенія температуры отъ половины января до половины іюля нѣсколько разъ пріостанавливается, или даже немного подвигается назадъ; такъ 6—10 февраля холоднѣе первыхъ чиселъ того же мѣсяца; 1—10 марта холоднѣе послѣднихъ чиселъ февраля; 11—15 мая холоднѣе, нежели 6—10 мая, и наоборотъ, отъ 26 іюля до 5 августа гораздо-теплѣе, нежели 16—25 іюля.

Digitized by Google

Мы называемъ петербургскій климатъ дождливымъ; правда, дождь и снѣгъ идутъ въ Петербургѣ чрезвычайно-часто; но этотъ постоянный дождь и снѣгъ такъ рѣдокъ и мелокъ, что все количество выпадающей въ немъ воды незначительно: въ-теченіе 1848 года въ Петербургѣ всего выпало въ дождѣ и въ снѣгѣ воды $17,_{139}$ дюймовъ; въ большей части южныхъ городовъ нашихъ эта цифра гораздо-значительнѣе; а въ Ситхѣ выпало въ 1848 году $82,_{950}$ дюйма—*въ пять* разъ болѣе, нежели въ Петербургѣ!

О разведеніи устрицъ въ Финскомъ Заливѣ, академика Гамеля, статья, написанная по случаю составленнаго однимъ частнымъ лицомъ проекта о разведеніи въ Финскомъ Заливѣ устрицъ. Г. Гамель показываетъ безуспѣшность цѣлаго ряда подобныхъ попытокъ въ прошедшемъ столѣтіи и находитъ причину этой безуспѣшности въ томъ, что вода Финскаго Залива слишкомъ-мало содержитъ въ себѣ соляныхъ частицъ — всего только 6 на 1000 частей воды; устрицы не могутъ жить и тамъ, гдѣ на 1000 частей воды приходится 17 частей соли, какъ, напримѣръ, въ Маломъ Бельтѣ; у англійскихъ и французскихъ береговъ, гдѣ живутъ лучшія устрицы, на 1000 частей вода содержитъ 39 частей соли. Почему же такъ мало соляныхъ частей въ Ботническомъ и Финскомъ Заливахъ? Г. Гамель очень-остроумно отвѣчаетъ на это: скандинавскія горы покрыты вѣчнымъ льдомъ на пространствѣ восьмидесяти-четырехъ миль; эта огромнѣйшая въ Европѣ площадь вѣчнаго льда служитъ обширнымъ холодильникомъ, притягивающимъ и осаждающимъ испаренія сѣверо-восточной части Атлантическаго Океана; почти все количество осажденной воды стекаетъ по восточному склону этихъ горъ въ Ботническій Заливъ множествомъ рѣкъ и рѣчекъ.

Но самая капитальная и самая интересная статья въ разсматриваемыхъ нами выпускахъ «Ученыхъ Записокъ» — статья академика Бётлинга: *О языкѣ Якутовъ; опытъ изслѣдованія отдѣльнаго языка въ связи съ современнымъ состояніемъ всеобщаго языкопознанія*, въ нѣмецкомъ подлинникѣ составляющая введеніе къ его «Якутской Грамматикѣ».

Прежде всего г. Бётлингъ защищаетъ противъ нападеній Штейнталя дѣленіе языковъ на разряды по грамматическому ихъ устройству, предлагаемое Поттомъ (и заимствованное Поттомъ у В. Гумбольдта). Поттъ раздѣляетъ языки на 1) безсоставные, isolirende (наприм. китайскій), 2) приставочные, agglutinirende (татарскій, монгольскій и т. д.), 3) языки наращательные, или собственно флексивные (индоевропейскіе и семитическіе) и 4) языки полисинтетическіе (американскіе языки). Постараемся объяснить характеръ и существенное различіе этихъ классовъ.

1) Языки безсоставные, isolirende, напримѣръ, китайскій. Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно еще богаты и разнообразны окончанія склоненія и спряженія, потому невозможно составить ни одной русской фразы, которой грамматическое устройство имѣло бы сходство съ тѣмъ, что бы-

Digitized by Google

ваетъ въ безсоставныхъ языкахъ; но въ англійскомъ окончанія склоненія и спряженія сгладились до того, что съ нѣкоторою натяжкою можно составить фразу, въ которой *всѣ* слова будутъ стоять въ той самой формѣ, въ какой ставятся въ словаряхъ; напримѣръ:

J will give some account of Eatenswill and
Я хоч*у* да*ть* (я дамъ) нѣкотор*ое* поняті*е* объ Итенсуил*ь* и
of the election of a member to serve in
о — выбор*ѣ* — — член*а* для того, чтобъ служ*ить* въ
parliament for that ancient, loyal and patriotic
парламент*ѣ* отъ эт*ого* древн*яго*, вѣрн*аго* и патріотическ*аго*
borough.
мѣстечк*а*.

Мы отмѣтили въ русскомъ переводѣ курсивнымъ шрифтомъ окончанія, посредствомъ которыхъ обозначается связь между словами; въ англійской фразѣ (заимствованной изъ Диккенса) всѣ слова стоятъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ помѣщаются въ лексиконахъ; ни при одномъ изъ нихъ нѣтъ окончанія, которое служило бы обозначеніемъ ихъ связи другъ съ другомъ; связь эта означается особенными частицами (въ нашей фразѣ of, in, to, for), или должна подразумѣваться изъ того, что слова стоятъ въ извѣстномъ порядкѣ: J (я) стоитъ передъ will (хочу), слѣдовательно, эти слова связаны по смыслу, и will стоитъ въ 1 лицѣ единственнаго числа; послѣ will (хочу) стоитъ give (дать), слѣдовательно give служитъ дополненіемъ will, иначе сказать, стоитъ въ неопредѣленномъ наклоненіи; some account (нѣкоторое понятіе) стоитъ послѣ give (дать), слѣдовательно служитъ ему дополненіемъ, иначе сказать, стоитъ въ винительномъ падежѣ, и т. д. Въ англійскомъ языкѣ подобныя фразы безъ всякихъ грамматическихъ окончаній попадаются рѣдко; въ изолирующихъ языкахъ, напримѣръ, въ китайскомъ, фразы всегда такъ устроиваются. Для предупрежденія недоразумѣній скажемъ, что даже и въ приведенной нами фразѣ англійскій языкъ сохраняетъ свойства флексивнаго языка, потому-что въ немъ отличаются части рѣчи различными формами слова: give — глаголъ *дать;* существительное *даръ* или *подарокъ* и въ англійскомъ языкѣ, какъ въ русскомъ, отличается отъ глагола самыми звуками (gift); въ изолирующихъ языкахъ этого не бываетъ; тамъ существительное и глаголъ совершенно одно и то же слово, которое въ одномъ случаѣ исправляетъ должность глагола, въ другомъ — имени.

О приставочныхъ и флексивныхъ языкахъ скажемъ ниже; теперь перейдемъ прямо къ четвертому разряду — полисинтетическимъ языкамъ, характеристику которыхъ возьмемъ изъ Гумбольдта.

Во французскомъ языкѣ иногда личное мѣстоименіе *je* сливается въ одно слово съ глаголомъ; напримѣръ: j'ai, j'étais и т. п.; иногда сливается въ одно слово съ глаголомъ то мѣстоименіе, которое служитъ ему дополненіемъ, напримѣръ: donnez-moi, rendez-vous; есть языки, въ

Digitized by Google

которыхъ такимъ-образомъ *весьма* связываются въ одно слово подлежащее, глаголъ и дополнительное слово, сокращаясь при этомъ длятого, чтобъ это сложное слово могло получить дѣйствительно видъ одного слова; таковъ, напримѣръ, мехиканскій языкъ; такъ «я ѣмъ мясо» помехикански будетъ ninacaqua (я мясо ѣмъ); въ этомъ сложномъ словѣ *ni* будетъ соотвѣтствовать подлежащему (я), *naca* — дополненію (мясо), *qua* — глаголу (ѣмъ), и Гумбольдтъ говоритъ, что naca (мясо) здѣсь сократилось изъ полной формы этого слова nacatl.

Ясно, что безсоставные языки (напримѣръ, китайскій) и полисинтетическіе или всепоглощающіе (американскіе) рѣшительно отличаются отъ индоевропейскихъ языковъ (напримѣръ, русскаго, англійскаго, французскаго); чѣмъ же отличаются другъ отъ друга два другіе разряда языковъ, флексивные (индоевропейскіе) и приставочные (напримѣръ, татарскій)?

Они сходны между собою въ томъ, что одинаково измѣняютъ слова по склоненіямъ и по спряженіямъ, чего не бываетъ въ двухъ другихъ разрядахъ; изъ этого видно, что они ближе другъ къ другу, нежели къ остальнымъ двумъ разрядамъ. Но есть между ними и существенная разница; она состоитъ въ томъ, что флексивные языки очень-тѣсно соединяютъ окончаніе слова съ самымъ словомъ въ одно неразрывное цѣлое, а въ языкахъ приставочныхъ эта связь вовсе не такъ тѣсна.

Мы спрягаемъ: гляд*д*-ѣть, гля*ж*у; цвѣ*т*-етъ, цвѣсти; умер*тв*-ишь, умер*щ*вляю. Здѣсь между окончаніями спряженія и спрягаемымъ словомъ такая тѣсная связь, что само спрягаемое слово измѣняется отъ вліянія окончаній. Мы склоняемъ: *лев*-ъ, *льва*; зе*мл*-я, зем-*ель*, на-земь, и опять видъ самаго склоняющагося слова измѣняется отъ окончаній. Въ приставочныхъ языкахъ этого не бываетъ; примѣромъ ихъ можетъ служить для насъ татарскій или турецкій: въ этихъ языкахъ основныя буквы слова остаются совершенно-неизмѣнными во всѣхъ формахъ склоненія или спряженія. Еще большимъ видоизмѣненіямъ подвергается въ нашихъ языкахъ корень слова при производствѣ отъ него другихъ словъ: *мру*, умирать, смерть, моръ; *би*-ть, разбойникъ; х*од*ить, ух*аж*ивать и т. п.; и этого не бываетъ въ татарскомъ языкѣ: въ немъ корень сохраняетъ свой основный видъ безъ всякой перемѣны во всѣхъ производныхъ словахъ.

Потому въ татарскомъ языкѣ нѣтъ ничего похожаго на разнообразіе и неправильности нашихъ склоненій и спряженій. Возьмите какое угодно существительное, приставьте ning — будетъ родительный падежъ; приставьте ga или gha — получите дательный и т. д.; возьмите какой угодно глаголъ, приставляйте поочередно imin, isin, idir, imiz, isiz, ilar — получите спряженіе по лицамъ настоящаго перваго времени.

Въ тюркскихъ (турецкій, татарскій) языкахъ, главныхъ представителяхъ приставочныхъ языковъ, есть еще особенность, очень-интересная: въ нихъ очень-явственно самостоятельное значеніе многихъ приставокъ, служащихъ окончаніями склоненія и спряженія. Никто не можетъ съ перваго взгляда догадаться, что въ нашихъ личныхъ оконча-

Digitized by Google

ніяхъ глагола (напримѣръ, цвѣт-*у*, цвѣт-*ешь*, цвѣт-*еть*) скрываются личныя мѣстоименія *м*- (сравни меня), ты, тотъ; только глубокія изслѣдованія открыли эту связь; въ тюркскихъ языкахъ это бросается въ глаза всякому; глаголъ спрягается, напримѣръ, такъ: ед. ч. 1 л. kil-imin, 2 kil-isin, множ. 1 л. kil-imiz, 2 kil-isiz (отъ kil-mak дѣлать); а глаголъ *быть* въ настоящемъ первомъ спрягается такъ: ед. ч. 1 л. imin, 2 isin, множ. 1 imiz, 2 isiz: ясно, что глаголъ kil-mak спрягается по лицамъ черезъ прибавленіе къ корню kil- существительнаго глагола; какимъ же образомъ измѣняется по лицамъ самъ существительный глаголъ? именит. пад. личныхъ мѣстоименій въ татарскомъ языкѣ: 1 лицо: ед. ч. (я) min; множ. (мы) miz; 2 лицо ед. ч. (ты) sin; множ. ч. (вы) siz: ясно, что измѣняется по лицамъ существ. глаголъ посредствомъ прибавленія къ корню i—личныхъ мѣстоименій. И нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ раньше обращено было филологами вниманіе на тюркскіе языки, то наука раньше пришла бы къ тѣмъ результатамъ, которыхъ достигла она теперь; и нѣтъ сомнѣнія, что внимательное изученіе этихъ языковъ, въ которыхъ такъ ясно и просто почти все, что представляется запутаннымъ, неудоборазрѣшимымъ въ индоевропейскихъ языкахъ, будетъ важнымъ пособіемъ къ дальнѣйшему просвѣтлѣнію вопросовъ объ этимологіи индоевропейскихъ языковъ.

Но многіе филологи еще продолжаютъ сомнѣваться, дѣйствительно ли этимологія тюркскихъ языковъ подчинена тѣмъ же законамъ, которымъ подчинена она въ индоевропейскихъ языкахъ? Г. Бётлингъ доказываетъ это и высказываетъ очень-интересныя и совершенно-справедливыя убѣжденія о происхожденіи флексій въ индоевропейскихъ языкахъ. Онъ предполагаетъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, что этимологія тюркскихъ и индоевропейскихъ языковъ идетъ однимъ путемъ; различіе между ними только то, что индоевропейскіе языки гораздо-быстрѣе, нежели тюркскіе, идутъ по этому пути. Было время, когда окончанія въ индоевропейскихъ, также, какъ теперь въ тюркскихъ, присоединялись къ коренной формѣ слова, не сливаясь по звукамъ съ нею; когда падежи, напримѣръ, образовались черезъ присоединеніе частицъ, имѣвшихъ самостоятельное существованіе (въ томъ родѣ, какъ мы теперь говоримъ Бога-ради); что и глаголъ спрягался въ индоевропейскихъ языкахъ первоначально черезъ прибавленіе вспомогательныхъ глаголовъ и личныхъ мѣстоименій (какъ, напримѣръ, дѣлать—хотѣлъ—я); что на этой степени грамматическаго развитія стоятъ тюркскіе языки. Но индоевропейскіе языки начали мало-по-малу сливать въ выговорѣ эти вспомогательныя слова тѣснѣе и тѣснѣе съ главнымъ словомъ, такъ-что изъ вспомогательныхъ словъ образовались наконецъ простыя окончанія, неимѣющія ни самостоятельнаго существованія, ни самостоятельнаго смысла, и что въ тюркскихъ языкахъ ужь очень-сильно подобное же стремленіе все тѣснѣе и тѣснѣе сливать приставки съ кореннымъ словомъ. Короче сказать: и между грамматическимъ устройствомъ тюркскихъ и индоевропейскихъ на-

Digitized by Google

родовъ такое же отношеніе, какое между образомъ жизни тѣхъ и другихъ народовъ. Было время, когда первые изъ нихъ жили въ кибиткахъ, или палаткахъ, подобно тому, какъ теперь живутъ калмыки и прежде жили татары и турки; и у этихъ послѣднихъ народовъ мало-по-малу водворяется образъ жизни, подобный тому, какой издавна ужь водворился у насъ. Чтобъ ограничить вопросъ этими двумя племенами (индоевропейскимъ и тюркскимъ), мы должны признаться, что безпристрастная наука отвергаетъ мысль, будто-бы кочующіе, полудикіе народы Восточной Европы и Средней Азіи неспособны къ осѣдлой жизни и къ принятію цивилизаціи. Мѣстныя условія жизни ихъ были неблагопріятны успѣхамъ цивилизаціи и благопріятствовали кочевой жизни—это правда, но говорить, чтобъ умственныя и нравственныя способности у нихъ были ниже, нежели у европейскихъ народовъ, мы не имѣемъ права. Въ области филологіи большинство ученыхъ продолжаетъ еще считать индоевропейскіе языки во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми языками, и во всѣхъ качествахъ другихъ языковъ, непоходящихъ на наши, видѣть недостатки и уклоненія отъ нормальнаго устройства. Г. Бётлингъ возстаетъ противъ этого мнѣнія. Онъ говоритъ, что, въ-отношеніи правильности и простоты склоненія и спряженія, тюркскіе языки имѣютъ большое преимущество передъ нашими языками. Мы осмѣлимся сказать болѣе: есть въ ихъ спряженіи такія строгія и глубокомысленныя подраздѣленія, соотвѣтствіе которымъ трудно найдти въ индоевропейскихъ языкахъ. Вообще много хорошихъ сторонъ можно найдти въ тюркскомъ спряженіи. Система тюркскихъ предлоговъ или *послѣ-логовъ* (потому-что эти слова ставятся послѣ управляемаго слова, какъ у насъ ради: Бога-ради) чрезвычайно-логична и богата (всѣ существительныя и прилагательныя, означающія отношенія по пространству, могутъ дѣлаться предлогами), и конечно гораздо-проще, выше, опредѣленнѣе системы греческихъ или латинскихъ предлоговъ.

Для предупрежденія недоразумѣній, спѣшимъ сказать, что у индоевропейскихъ языковъ есть одно преимущество, ставящее ихъ въ настоящее время неизмѣримо-выше всѣхъ тюркскихъ языковъ; это преимущество — ихъ лексикографическое богатство. Но такое преимущество придано имъ нашею образованностью, и его пріобрѣтетъ мало-по-малу языкъ всякаго народа, когда самъ народъ сдѣлается образованнымъ: усвоивъ себѣ европейскія понятія, народъ найдетъ и слова для выраженія этихъ понятій. Но въ этимологическомъ отношеніи индоевропейскіе языки вовсе не могутъ назваться «единственными, вполнѣ-развитыми языками»: одни изъ нихъ (напримѣръ, греческій и латинскій), имѣя богатую этимологію, страдаютъ страшною запутанностью и неправильностью своихъ склоненій и спряженій; другіе (напримѣръ, французскій, нѣмецкій и англійскій) очень-бѣдны въ этимологическомъ отношеніи. Въ этимологическомъ отношеніи тюркскіе языки рѣшительно выше нашихъ языковъ.

Digitized by Google

Правда и то, что напрасно филологи придаютъ слишкомъ-много важности этимологическому богатству языка и провозглашаютъ латинскій и греческій превосходными языками за то, что у нихъ есть падежи, а французскій и англійскій — бѣдными за то, что у нихъ нѣтъ падежей. Въ нихъ предлоги совершенно замѣняютъ недостатокъ падежей, и языкъ нисколько не теряетъ отъ того, что вмѣсто одного средства для выраженія синтаксическихъ отношеній, сталъ употреблять другое средство. Напротивъ, надобно сказать, что, напримѣръ, англійскій языкъ выражаетъ своими предлогами синтаксическія отношенія гораздо-опредѣленнѣе, яснѣе, точнѣе (и, слѣдовательно, лучше), нежели они выражались въ греческомъ или въ латинскомъ языкѣ, несмотря на все богатство ихъ склоненія. Если странно кажется намъ чрезмѣрное уваженіе нашихъ старинныхъ модныхъ людей къ французскому языку, то еще страннѣе должно казаться безусловное восхищеніе филологовъ греческимъ языкомъ и сожалѣніе ихъ о томъ, что новые языки не имѣютъ ни двойнаго числа, ни самостоятельныхъ падежей, ни всѣхъ этимологическихъ богатствъ древнихъ языковъ. Гибкій, точный, богатый синтаксисъ замѣняетъ нынѣшнимъ русскимъ, французамъ, англичанамъ все, чтò потеряно ими въ этимологическомъ отношеніи; и странно утверждать, что j'ai aimé хуже, нежели amavi, j'aurai aimé хуже, нежели amavero; всѣ эти толки похожи на споръ о томъ, чтò лучше: два полтинника, или цѣлковый? Чтò за надобность, двумя коротенькими словами выражается мысль, или однимъ длиннымъ, лишь бы она хорошо и ясно выражалась?

Но возвратимся къ статьѣ г. Бётлинга. Имѣвъ случай познакомиться съ якутскимъ языкомъ, который былъ до настоящаго времени почти совершенно-неизвѣстенъ филологамъ, г. Бётлингъ, въ разсматриваемой нами статьѣ, показываетъ, что якутскій языкъ принадлежитъ къ семейству тюркскихъ языковъ и чрезвычайно-интересенъ въ томъ отношеніи, что далѣе всѣхъ остальныхъ членовъ этого семейства ушелъ на пути тѣснѣйшаго сліянія этимологическихъ приставокъ съ коренными звуками склоняемаго или спрягаемаго слова, и такимъ-образомъ служитъ указателемъ пути, по которому медленнѣе его идутъ монгольскій и турецко-татарскій языки.

Въ томъ и другомъ изъ разсматриваемыхъ нами выпусковъ за статьями гг. академиковъ слѣдуетъ, вопервыхъ, *Историко-литературная лѣтопись Академіи* (стр. 336—346 и 529—579), въ которой помѣщены статьи: 1) Первая ауденція академиковъ у императрицы Екатерины I; 2) О книгѣ Палаты Академіи; 3) О русскомъ изданіи рѣчи профессора Бильфингера при отъѣздѣ изъ Тюбингена въ Петербургъ; 4) Извѣстіе о первомъ изданіи книги: «Палаты Академіи»; 5) О портретахъ и изображеніяхъ правительницы Анны, опытъ критики портретовъ, въ смыслѣ источниковъ для русской исторіи. На страницахъ 539—553 помѣщены интересныя выписки изъ перваго изданія книги «Палаты Ака-

деміи»: 1) Личный составъ Академіи до царствованія Іоанна Антоновича и 2) Краткое изъясненіе о состояніи Академіи Наукъ, также Библіотеки и Кунсткамеры.

Въ *Современной исторіи Академіи* (стр. 347—376 и 580—620) помѣщены извлеченія изъ протоколовъ засѣданій I-го и отчасти III-го Отдѣленія Академіи. Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій I-го Отдѣленія (съ 16 января по 17 декабря 1852 года) находятся слѣдующія интересныя извѣстія о трудахъ гг. академиковъ и другихъ нашихъ ученыхъ:

Профессоръ Санктпетербургскаго Университета, *С. С. Куторга*, составилъ геогностическую карту Санктпетербургской Губерніи.

Академикъ *Бэръ* занимался чрезвычайно-важными въ практическомъ отношеніи опытами надъ пересадкою рыбъ и искусственнымъ разведеніемъ ихъ въ рѣкахъ, гдѣ прежде не водилось рыбы. Опыты его производились первоначально только въ рѣкахъ бассейна Балтійскаго Моря; Государь Императоръ соизволилъ повелѣть расширить кругъ этихъ опытовъ на бассейны Волги и Каспійскаго Моря, для чего и ассигнованы денежныя средства.

Академикъ *Струве* сообщилъ Академіи объ окончаніи измѣренія сѣверной части дуги меридіана, идущей отъ Сѣвернаго Океана до Измаила на Дунаѣ, и о томъ, что г. управляющій Военнымъ Министерствомъ утвердилъ проектъ дополнительныхъ работъ по этому измѣренію, и, соглашаясь на мысль г. Струве, обозначить южный предѣлъ измѣренной дуги прочнымъ памятникомъ, просилъ г-на Струве представить ему рисунокъ памятника и проектъ надписи, которая должна быть помѣщена на этомъ памятникѣ. Составленный вслѣдствіе этого г. Брюловымъ рисунокъ памятника, а также и проектъ надписи удостоился Высочайшаго утвержденія.

Академикъ *Рупрехтъ* окончилъ большое сочиненіе Flora ingrica (описаніе растеній Санктпетербургской Губерніи), которое, по распоряженію Академіи, печатается въ 600 экземплярахъ.

Академикъ *Буняковскій* собираетъ матеріалы для того, чтобъ дать математическое рѣшеніе вопроса относительно опредѣленія самымъ выгоднымъ для правительства образомъ пошлины, взимаемой съ даннаго товара, принимая въ соображеніе ввозъ товара контрбандою, расходы, необходимые для содержанія пограничной стражи, и проч. Г. Буняковскій думаетъ, что подобный вопросъ можетъ имѣть *нѣкоторый* интересъ; несвязанные авторскою скромностью, мы скажемъ, что рѣшеніе этого вопроса было бы огромнѣйшею услугою финансовой наукѣ и политической экономіи, потому-что математическій путь очень-важенъ для рѣшенія политико-экономическихъ вопросовъ, и неисчислимы благодѣтельныя слѣдствія, которыя проистекутъ для политической экономіи отъ введенія въ нее математическаго метода: онъ можетъ возвести ее на ту степень совершенства, на которой теперь стоитъ, напримѣръ, технологія; ма-

тематика можетъ избавить общественныя науки отъ шаткости и нескончаемыхъ споровъ. Но сколько славно, столько же и трудно подобное предпріятіе, и г. Буняковскій не скрываетъ отъ себя и отъ Академіи этихъ трудностей.

Санктпетербургская и Берлинская Академіи сооружаютъ памятникъ на могилѣ Палласа, которому такъ много обязана русская археологія, этнографія и фауна.

Вслѣдствіе записки академика *Брандта*, Первое и Третье Отдѣленія Академіи занимаются проектомъ ученой экспедиціи въ Даурію, для изслѣдованія этой богатой страны въ этнографическомъ и физическомъ отношеніяхъ.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ *по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности. Томъ II, листы 1—15 (или 27—41 листы общаго счета) и при нихъ XXII—XLVI листы* **Прибавленій.**

Въ «Извѣстіяхъ» помѣщены слѣдующія статьи : Записка г. *Предсѣдательствующаго* о кругѣ дѣятельности II Отдѣленія Академіи Наукъ; Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности за 1852 годъ, составленный *П. А. Плетневымъ*, и, какъ дополненіе къ нему, Записка *г. Предсѣдательствующаго* о литературныхъ трудахъ П. А. Плетнева; Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря (продолженіе); VI Записка *Я. К. Грота;* VII *Я. И. Бередникова;* VIII *И. И. Срезневскаго;* Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ, *И. И. Срезневскаго;* Мнѣніе объ Іаковѣ Мнихѣ, *П. Г. Буткова* (записка, составленная А. Ѳ. Тюринымъ); Еще объ Іаковѣ Мнихѣ, преосвященнаго *Макарія*, епископа винницкаго; О митрополитѣ Іоаннѣ II, *К. А. Неволина;* Древнія жизнеописанія русскихъ князей, съ двумя дополненіями, *И. И. Срезневскаго;* Вассіанъ, современникъ Іоанна III, *М. И. Сухомлинова;* Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ», *его же*. Сверхъ-того, въ «Извѣстіяхъ» постоянно печатаются «Библіографическія Записки» о русскихъ и иностранныхъ книгахъ по части словесности и филологіи и «Перечни засѣданій Отдѣленія».

Г. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, Н. И. Давыдовъ, исчисливъ главнѣйшія занятія Отдѣленія и важнѣйшіе труды его членовъ въ 1852 году, заключаетъ свою записку такъ :

«Съ чистыми желаніями общей пользы взглянемъ на труды наши въ предстоящемъ году.

«Занятія наши, какъ и въ истекающемъ году, будутъ I) совокупныя, II) особенныя. Предметъ совокупныхъ занятій *въ теоретическомъ* отношеніи составятъ чтенія матеріаловъ для новаго изданія нашего словаря; чтенія о современной русской словесности; *въ историческомъ* — изслѣдованія о старо-славянской литературѣ; историческія чтенія о языкѣ и сло-

Digitized by Google

весности; *въ критическомъ* — приготовленіе къ изданію памятниковъ древней славянорусской словесности. Труды особенные, предварительно прочитанные въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ, по симъ тремъ главнымъ отдѣламъ, будутъ печататься въ *Извѣстіяхъ* нашихъ, остающихся подъ прежнею редакціею (И. И. Срезневскаго), и въ *Ученыхъ Запискахъ*.

«Въ нынѣшнемъ году мы не успѣли заняться матеріалами для русскихъ синонимъ; достопочтенный сочленъ нашъ, Я. И. Бередниковъ, принявшій на себя этотъ трудъ, при бо́льшемъ досугѣ въ будущемъ году (г. Бередниковъ былъ занятъ въ 1852 году изданіемъ лѣтописей), безъ сомнѣнія, приведетъ въ исполненіе свое предпріятіе. По окончаніи 2-го изданія Общесравнительной Грамматики, я намѣренъ снова пересмотрѣть этотъ опытъ въ отношеніи къ изученію роднаго языка сравнительно съ прочими славянскими нарѣчіями, преимущественно съ церковнославянскимъ.

«Мы надѣемся напечатать нѣкоторые достопримѣчательные памятники древней славянорусской словесности, чего желаютъ и соплеменные намъ ученые.

Въ «Извѣстіяхъ» нынѣшняго года помѣщены были И. И. Срезневскимъ статьи, достойныя изученія всѣхъ Славянъ вообще, каковы: переводъ древней чешской пѣсни о судѣ Любуши на болгарское нарѣчіе и проч. При сношеніяхъ нашихъ съ учеными славянистами, мы надѣемся распространить кругъ подобныхъ образцовъ, да узнаютъ Славяне болѣе и болѣе забытое многими изъ нихъ племенное родство.

«Кромѣ литературной лѣтописи, веденіе которой возложено на академика Я. И. Бередникова, мы опредѣлили составить *Указатель* разсужденій по части теоріи, исторіи и критики языка и словесности, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Такой указатель послужитъ важнымъ пособіемъ для филолога при обработываніи какого-либо ученаго предмета.»

Постараемся теперь обозрѣть дѣятельность II Отдѣленія Академіи Наукъ въ 1852 году по отчету, составленному г-мъ Плетневымъ.

Изъ общихъ трудовъ членовъ Отдѣленія въ 1852 году первое мѣсто занимаетъ окончаніе «Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря». Самое заглавіе показываетъ, что Отдѣленіе не считаетъ этой работы своей достигшею окончательнаго развитія; но и въ настоящемъ видѣ своемъ «Областной Словарь» чрезвычайно-важенъ и для этнографа, и для археолога, и для филолога. Теперь Отдѣленіе занимается составленіемъ «Дополненія» къ нему.

Сверхъ-того, Отдѣленіе занималось въ 1852 году планомъ для новаго изданія «Словаря Русскаго Языка». Планъ этотъ былъ обсуждаемъ въ самомъ Отдѣленіи, и, по отзыву Отдѣленія, много записокъ было составлено, относительно его, членами Отдѣленія и посторонними учеными.

Въ 1852 году вышло первое и *вслѣдъ за нимъ* второе изданіе «Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго Языка». (Теперь приготовляется *третье* изданіе.)

Наконецъ Отдѣленіе съ 1852 года начало издавать свои превосходныя «Извѣстія» и рѣшилось приступить къ изданію «Ученыхъ Записокъ» своихъ членовъ.

Digitized by Google

Переходимъ къ обозрѣнію статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемыхъ нами листахъ «Извѣстій».

Изслѣдованія о Лѣтописяхъ Новгородскихъ, И. И. Срезневскаго. Какъ приготовленіемъ къ специальному изслѣдованію о новгородскихъ лѣтописяхъ, авторъ занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, были ли на Руси лѣтописи *прежде* несторовой, и *кромѣ* тѣхъ, которыя вошли въ составъ несторовой? Сравнивая во всѣхъ подробностяхъ несторову лѣтопись съ новгородскими и позднѣйшими лѣтописными сборниками, онъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ, отнынѣ неоспоримымъ:

«Очевидно вопервыхъ, что въ одно и то же время ведены были русскія лѣтописи въ разныхъ мѣстахъ различныя, и что Несторъ воспользовался многими изъ этихъ лѣтописей, но не всѣми; вовторыхъ, что въ послѣдствіи за лѣтописью Нестора осталось первенство, а другія были употребляемы только какъ пособія для пополненія сказаній Нестора; въ третьихъ, что лѣтописцы Новгородскіе, даже и поздніе, или не знали, или не хотѣли пользоваться Несторомъ, а держались только своихъ мѣстныхъ записокъ.... а такъ какъ изъ числа Новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ лѣтописяхъ, есть нѣсколько не только изъ X вѣка, но и до X, то нельзя не заключить, что лѣтописи новгородскія начались годами этого отдаленнаго времени, и заключали въ себѣ не только краткія указанія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кое-какія подробности... Событія записывались въ Новгородѣ вскорѣ послѣ того, какъ случились, не только въ XII вѣкѣ, но и въ XI и даже въ X; вотъ и доказательства... Событія X — XII вѣка обозначены въ лѣтописяхъ большею частію кратко, какъ будто для памяти того, кто ихъ зналъ подробно, безъ объясненій, кто именно были тѣ или другія изъ лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, съ обозначеніемъ только ихъ именъ, какъ общеизвѣстныхъ, и вмѣстѣ съ мелочными подробностями, которыя не могли не быть скоро забыты, еслибъ удерживались одною памятью; таковы подробности о цѣнахъ хлѣба, о смерти... игуменовъ и сотниковъ... о небесныхъ явленіяхъ... таковы же подробности о дняхъ и часахъ событій, наприм. (6553 — 1045 годъ): «*Сгорѣ святая Софья въ суботу по заутрьнiи въ часъ 3-iй мѣсяца марта въ 15.*» Не менѣе любопытны въ разсматриваемомъ отношеніи тѣ замѣчанія, въ которыхъ виднѣется личность лѣтописца, какъ современника описываемаго событія, наприм. 6646 — 1138 годъ: «*Мѣсяца марта въ 9-ый день на 40 святыхъ бысть громъ велiй, яко слышахомъ чисто въ истьбѣ сѣдяще*» (Новгор. I).

Есть одно мѣсто въ новгородскихъ лѣтописяхъ (подъ 6738 — 1230 годомъ), гдѣ означаетъ себя первое лицо и по имени: *мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю* (Новгор. I по Синод. списку), или *Іоанну попови* (по Акад. списку); но г. Срезневскій справедливо говоритъ, что невозможно рѣшить, кто изъ этихъ двухъ лицъ лѣтописецъ, и кто переписчикъ; что, можетъ-быть, и оба имени принадлежатъ переписчикамъ, и что, поэтому, нельзя ставить попа Іоанна, или пономаря Тимоѳея въ число несомнѣнныхъ нашихъ лѣтописцевъ. А до-сихъ-поръ многіе изъ нашихъ ученыхъ впадаютъ въ такую ошибку, обращая въ несомнѣн-

Digitized by Google

ныхъ лѣтописцевъ всѣхъ тѣхъ людей, которые поименовываютъ себя въ лѣтописяхъ въ первомъ лицѣ. Въ какомъ же видѣ записывались событія въ лѣтописяхъ нашихъ въ первый разъ? и въ такомъ ли первоначальномъ видѣ замѣтки о нихъ удержались и въ тѣхъ спискахъ лѣтописей, которые дошли до насъ? спрашиваетъ себя авторъ далѣе.

«Разбирая первую половину этого вопроса, прежде всего вспомнимъ, что русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей»... изобличаютъ свою первообразную форму... наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками, Annales, которые ведены издавна, съ VIII вѣка, въ монастыряхъ Романской и Германской Европы... Первоначальной основою этихъ анналовъ были пасхальныя таблицы... перечень лѣтъ изъ года въ годъ въ этихъ таблицахъ давалъ легкую возможность охотникамъ дѣлать замѣтки о событіяхъ на поляхъ ихъ. Въ послѣдствіи стали отдѣлять историческія замѣтки отъ замѣтокъ пасхальныхъ, но держась прежняго строгаго порядка лѣтъ изъ года въ годъ. Вотъ для образца начало Annales Sancti Amandi:

Anni Incarnationis Dominicae.

687. Bellum Pippino in Testritio, ubi superavit Francos...

688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700.

701. 702. Obitus Hildeberti regis.

703. 704. 705. 706. 707. 708. Quando Druco mortuus est in vernale tempore.

709. Quando Pippinus perrexit in Suavis contra Villario и т. д.

«Что подобному порядку въ формѣ работы... слѣдовали и наши лѣтописцы, въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто всмотрится въ наши лѣтописи... Эта форма соблюдена вполнѣ во всей лѣтописи Нестора: послѣдній годъ, занесенный въ нее одною цифрою безъ событія, есть 6595 (1087)... Она господствуетъ и въ I Новгородской, такъ что даже и годы начала XIV вѣка, 6814 и 6815, отмѣчены въ ней безъ всякихъ данныхъ.»

Далѣе г. Срезневскій разсмотрѣніемъ перечня, внесеннаго въ несторову лѣтопись подъ 6360 годомъ, неоспоримо доказываетъ, что такая лѣтописная сѣть годовъ была въ Руси сдѣлана еще до Нестора, и въ первый разъ была доведена только до смерти Святослава (6481 года). Наконецъ, изъ различія новгородскихъ лѣтописей между собою въ томъ отношеніи, что есть много событій, занесенныхъ въ одну и опущенныхъ въ другой, между-тѣмъ, какъ событія, внесенныя въ двѣ или три лѣтописи, повторяются во всѣхъ почти дословно, авторъ доказываетъ, что лѣтописи были передѣлываемы.

«Вообще можно считать несомнѣннымъ, что лѣтописцы, у которыхъ бывало подъ руками нѣсколько разныхъ лѣтописей, при составленіи своей собственной, брали въ нее все, что имъ нравилось, изъ другихъ, иногда слово въ слово, иногда измѣняя посредствомъ разныхъ дополненій и сокращеній... Лѣтописцы новгородскіе строже держались древняго состава лѣтописи, чѣмъ лѣтописцы южные... Въ ихъ лѣтописяхъ находимъ сухой оффиціальный разсказъ о событіяхъ; напротивъ того, въ лѣтописяхъ южныхъ встрѣчаемъ

Digitized by Google

многочисленныя выписки всякаго рода: изъ книгъ церковныхъ, изъ переводовъ Отцовъ Церкви и т. д... Очевидно, что лѣтописецъ, ненастроенный слогомъ книгъ, могъ легче соблюдать въ своемъ изложеніи простоту разсказа, не удаляясь отъ простаго разговорнаго языка общества.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, языкъ новгородскихъ лѣтописей ближе къ чистому народному языку, нежели языкъ лѣтописей южныхъ, на которомъ лежитъ печать сильнаго вліянія книжнаго слога и церковнославянскаго языка. Изслѣдованіе о новгородскихъ лѣтописяхъ весьма-важно и въ томъ отношеніи, что совершенно-свободно отъ всякихъ немогущихъ быть строго-доказанными предположеній, которыми обыкновенно такъ богаты бываютъ наши историческія изслѣдованія. Потому всѣ выставляемые авторомъ выводы несомнѣнно пріобрѣтены для науки.

Двѣ статьи о *Іаковѣ Мнихѣ* и статья о *митрополитѣ Іоаннѣ II* вызваны напечатанною въ I томѣ «Извѣстій» запискою академика Погодина о Іаковѣ Мнихѣ, котораго признаетъ онъ писателемъ XI вѣка и авторомъ всѣхъ трехъ сочиненій, напечатанныхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1849 годъ. Вотъ слова г. Погодина:

«Черноризецъ Іаковъ, современникъ св. Ѳеодосія, жилъ во время Ярослава и сына его (Димитрія) Изяслава; написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, житіе св. Владиміра и похвалу ему, и посланіе къ В. К. Изяславу (Димитрію). Онъ же предлагалъ митрополиту Іоанну вопросы, на кои тотъ и отвѣчалъ ему.»

Академ. Бутковъ признаетъ «Житіе св. Владиміра» сочиненіемъ не Іакова, а св. Ѳеодосія, потому-что въ одномъ спискѣ его стоитъ: «мнѣ грѣшному Ѳеодосію», что г. Бутковъ считаетъ именемъ составителя, а не переписчика. Мнѣніе о томъ, что авторъ «Похвалы» не авторъ «Житія» св. Владиміра, г. Бутковъ выводитъ изъ противорѣчій между этими двумя разсказами. За Іаковомъ онъ оставляетъ «Житіе» св. Бориса и Глѣба и «Похвалу» св. Владиміру; онъ полагаетъ, что онъ жилъ въ XII вѣкѣ; поэтому не къ нему писано «Посланіе» Іоанна (1080—1089). Становясь посредникомъ между этими двумя противорѣчащими мнѣніями, преосвященный Макарій приходитъ къ заключенію, что «вопросъ о Іаковѣ Мнихѣ нельзя еще считать рѣшеннымъ», пока не отъищется нѣсколько новыхъ списковъ спорныхъ сочиненій; но что, «при настоящемъ положеніи дѣла», болѣе основаній считать Іакова писателемъ XI, нежели XII вѣка. Намъ кажется, что преосвященный Макарій высказалъ истинный взглядъ на этотъ вопросъ. Почти всѣ наши мнѣнія о древнѣйшемъ періодѣ нашей письменности — предположенія, и предположенія очень-шаткія, потому-что основаны на массахъ матеріаловъ, составившихся случайно, и потому неполныхъ. Кромѣ Библіотеки Румянцовскаго Музея, ни одно еще собраніе нашихъ древнихъ рукописей не изслѣдовано *вполнѣ;* мы знаемъ *кое-что,* не зная очень-многаго и, можетъ-быть, самаго важнѣйшаго. Прежде всего намъ должно работать въ библіотекахъ; и только узнавъ, какъ должно, важнѣйшія библіотеки, мы въ-состояніи

Digitized by Google

будемъ сказать о нашей древней письменности что-нибудь болѣе-прочное, нежели настоящія наши ипотезы о ней. Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности своимъ предполагаемымъ изданіемъ памятниковъ нашей древней письменности и литературы избавитъ насъ отъ хаоса мнѣній, противорѣчащихъ одно другому. Эту мысль находимъ и въ статьѣ г. Срезневскаго: *Древнія жизнеописанія русскихъ князей*. Говоря о вопросѣ касательно отношенія жизнеописаній къ несторовой лѣтописи, онъ заключаетъ:

«Изслѣдованія приводили и приводятъ къ довольно различнымъ рѣшеніямъ. Сожалѣть ли объ этомъ? Едва ли! Сожалѣть можно скорѣе о томъ, что многіе древніе памятники нашей словесности до сихъ поръ еще не довольно извѣстны, не только не изданы... ихъ неизвѣстность не можетъ не мѣшать успѣшному ходу изслѣдованій.»

Самъ г. Срезневскій представляетъ новое изслѣдованіе о жизнеописаніи Владиміра и Бориса и Глѣба, сопровождаемое подробнымъ сличеніемъ списковъ и большими выписками изъ нихъ. Изслѣдованіе его открываетъ, что приписываемое Іакову «Житіе» св. Владиміра принадлежитъ XI вѣку и составлено независимо отъ несторовой лѣтописи; что сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, ему же приписываемое, составлено прежде несторовой лѣтописи и *внесено* въ лѣтопись, а не заимствовано изъ нея, но что есть списки этого сказанія, дополненные ужь въ XII вѣкѣ.

Библіографическія Записки, которыя ведетъ редакторъ «Извѣстій», представляютъ очень-полный списокъ новыхъ русскихъ книгъ и изданій по славянскимъ нарѣчіямъ, по русской филологіи, по изученію Россіи вообще, и иностранныхъ книгъ по славянству и по филологіи. Отзывы о нихъ кратки, но достаточны для оцѣнки достоинства книги. Эти замѣтки — самая полная изъ нашихъ спеціальныхъ библіографическихъ лѣтописей.

Изъ *Перечней* засѣданій Отдѣленія видно, что началось ужь чтеніе словъ изъ приготовляемаго вновь изданія «Русскаго Словаря», къ участію въ которомъ, кромѣ членовъ Отдѣленія, приглашены извѣстнѣйшіе изъ нашихъ ученыхъ (гг. Рулье, Перевощиковъ, Неволинъ, Даль и проч.). Мы въ-правѣ надѣяться, что это новое изданіе «Словаря» будетъ, по своему достоинству, явленіемъ еще небывалымъ въ русской словесности. При дѣятельности Отдѣленія можно ожидать его въ довольно-непродолжительномъ времени, несмотря на громадность работы.

Прибавленія къ «Извѣстіямъ» раздѣляются на два разряда: 1) *Памятники и образцы народнаго языка и словесности;* 2) *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій*.

Изъ памятниковъ языка и словесности, въ разсматриваемыхъ нами листахъ «Прибавленій», помѣщены: «былины, или побывальщины», собранныя г-мъ Гуляевымъ, и пословицы Малогонтскихъ Словаковъ.

Digitized by Google

Вотъ содержаніе первой и замѣчательнѣйшей изъ былинъ, «про Илью Муромца и Ермака Тимоѳеевича»:

Князь Володиміръ пируетъ со князьями, боярами и богатырями; но вдругъ получено извѣстіе, что идетъ на Кіевъ царь Мамай со всею невѣрною силою. Князья и бояре говорятъ, что, для защиты, надобно сдѣлать стѣну вокругъ Кіева; Илья Муромецъ говоритъ, что надобно просить у Мамая срока на три мѣсяца, чтобъ «могучимъ богатырямъ по«съѣхаться; есть у насъ на полѣ на Куликовѣ, есть у насъ тридевять «богатырей» Съ этими словами посылаетъ Володиміръ гонца къ Мамаю; «Царь Мамай разсмѣялся тутъ: хошь просили бы вы сроку на три года, «да и тутъ вамъ будетъ не исправиться! Однакъ даю вамъ сроку сколько «просите». Илья ѣдетъ за богатырями на Куликово Поле; они подносятъ ему чару зелена вина въ полтора ведра, потомъ другую; «Илью съ той чары хмѣль зашибъ», онъ засыпаетъ богатырскимъ сномъ «по двѣнадцать денъ». Князь Володиміръ Илью ждетъ-пождетъ, не дождется; «посылаетъ ко Ильѣ онъ племянника, молодаго Ермака Тимоѳеевича». И Ермаку богатыри подносятъ чару; но онъ отвѣчаетъ: «Если выпить, какъ мой дядюшка, что̀ старый казакъ Илья Муромецъ, то намъ не къ чему будетъ и пріѣхати», и ѣдетъ назадъ въ Кіевъ; но въ Кіевъ ужъ нельзя проѣхать: его окружили татары. Ермакъ бьется съ ними двѣнадцать дёнъ; «побилъ онъ силы безъ счету, а силы все, кажись, не «убыло, а Ермакъ изъ силы выбился. Выѣзжалъ онъ на круту гору, «раскидывалъ на горѣ бѣлъ шатеръ, ложился опочивъ держать». Но тутъ подъѣзжаетъ Илья съ тридевятью богатырями и побиваетъ всю силу невѣрную. Въ Кіевѣ Володиміръ принимаетъ ихъ съ честью-почестью, «и гуляли всѣ, веселилися, не много, не мало, ровно тридцать дней:

отправлялись тутъ могучіе богатыри
что на поле Куликово;
вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
разгуляются, распотѣшатся,
распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать.
А такія потѣхи богатырскія
народу было не вытерпѣть:
кого толкнутъ, тому смерть, да смерть.

«Стали они на Куликовомъ Полѣ гулять и тѣшиться, богатырской «удалью хвастались; прискакала къ нимъ вдругъ бабища:

головища у бабы съ дощанище (дщанъ, чанъ, ушатъ),
а глазища-то съ пивны корцы (ковши);
говорила баба таковы слова:
гой еси вы тридевять богатырей!
побили вы нашу всю силу,
всю силу Мамаеву.
А счастье ваше было великое,
что меня на бою не случилося.
выходите-ко теперь битися:

Digitized by Google

выходите поединщики по единому,
а всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно.»

На бой вызывается Ермакъ; бабища начала одолѣвать его. Илья Муромецъ говоритъ, подобно тому, какъ и въ другихъ былинахъ: «молодой ты Ермакъ Тимоѳеевичъ! видно, бабьей ухватки не знаешь ты! Ты бери-ко ее за бѣлы груди, развернись, да ударь о сыру землю!» Такъ и дѣлаетъ Ермакъ. Богатыри опять начинаютъ «пиръ вести, потѣшатися»,

Во второй и третьей тетрадяхъ «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря» (листы XIII — XXXVI), приложенныхъ къ разбираемымъ нами выпускамъ «Извѣстій», помѣщены слѣдующія статьи: «Областныя великорусскія слова, заимствованныя отъ Монголовъ и Калмыковъ», г. *Бобровникова;* «Сборникъ словъ изъ яренскихъ столбцовъ», *А. Протопопова;* «Сравненіе языка славянскаго съ санскритскимъ», *А. Ѳ. Гильфердинга;* «Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ Областномъ Великорусскомъ Словарѣ», *И. Н. Березина;* «Филологическія наблюденія», *С. П. Микуцкаго;* «Областныя слова бѣлорусскихъ старцевъ», *его же;* «Охотничьи слова, *его же;* «Глагольныя частицы», *И. И. Срезневскаго;* «Словарь Великорусскихъ былинъ», *Н. П. Амосова;* «Списокъ словъ великорусскихъ, заимствованныхъ изъ монгольскаго», *І. Н. Ковалевскаго;* «Слова изъ Областнаго Словаря, употребляемыя въ Москвѣ», *К. Ѳ. Рулье;* «Объясненіе русскихъ словъ, сходныхъ съ восточными», *А. К. Казембека;* «Замѣчанія о спряженіи русскаго глагола», *Я. К. Грота;* «Филологическія замѣчанія», *К. А. Коссовича;* «Опытъ Словаря къ ипатьевской лѣтописи», *Н. Г. Чернышевскаго.*

Слова, заимствованныя отъ калмыковъ, г. Бобровникова — прекрасный, чуждый всякихъ натянутыхъ соображеній списокъ словъ. Въ немъ помѣщено немного, около ста словъ; но зато относительно двухъ только изъ нихъ можно усомниться, дѣйствительно ли они заимствованы отъ монголовъ или калмыковъ: *карга* имѣетъ соотвѣтствующее слово въ нѣмецкомъ Krähe, и напоминаетъ о глаголѣ *каркать; курень* едва-ли не происходитъ отъ корня *кур*ить (сравн. старинное употребленіе *дымъ* вмѣсто *домъ,* и выраженіе изъ «Слова о Полку Игоревѣ»: «до куръ Тмуторокани»). Всѣ остальныя слова несомнѣнно происходятъ отъ тѣхъ монголо-калмыцкихъ словъ, отъ которыхъ ихъ производитъ г. Бобровниковъ.

Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбцовъ, г. Протопопова, составленъ также очень-акуратно; начало его помѣщено въ приложеніяхъ къ I тому «Извѣстій».

То же самое должно сказать о *Собраніи словъ изъ старинныхъ былинъ,* г. Амосова, объясненія котораго почти-всегда удачны.

Сравненіе Славянскаго языка съ Санскритскимъ, г. Гильфердинга, было ужь разсмотрѣно въ нашемъ журналѣ по случаю изданія его от-

Digitized by Google

дѣльною книгою. Въ нашемъ разборѣ было сказано, что мы ожидаемъ отъ самихъ «Извѣстій» критики подробностей книги г. Гильфердинга; и дѣйствительно, г. Коссовичъ даетъ намъ эту критику въ своихъ «Замѣчаніяхъ»; но самъ г. Коссовичъ увлекается въ слишкомъ-смѣлыя предположенія. Такъ онъ относитъ къ одному корню слова: губ-а, губить, лат. gibb—us (горбъ), cap—ut (голова), cum—ulus (холмъ), labi—um (губа), hum—us (земля), нѣмецкіе lipp—e (губа), польское шмать (куча), русскія комъ, холмъ, коп—на, дуп—до, вы—пук—лый, глуб—окій, глыб—а, зем-ля, наконецъ латинское cum (съ), русское *съ* и множество другихъ словъ. Подобныя сближенія едва—ли могутъ быть приняты наукою.

Опытъ словаря къ Ипатьевской Лѣтописи, г. Чернышевскаго, первый послѣ словаря къ «Остромірову Евангелію» трудъ этого рода въ русской литературѣ. Потому обратимъ вниманіе на планъ и исполненіе этого труда, предполагая, что авторъ не оскорбится нашими замѣчаніями.

Словарь этотъ расположенъ по этимологическому порядку. И дѣйствительно, объяснительнымъ словарямъ тѣхъ языковъ, въ которыхъ значеніе многихъ словъ еще не опредѣлено, приличенъ этимологическій порядокъ. Но къ этимологическому словарю долженъ быть приложенъ алфавитный списокъ словъ, вошедшихъ въ него, по—крайней—мѣрѣ тѣхъ словъ, производство которыхъ неясно съ перваго взгляда для всякаго. Г. Чернышевскій не сдѣлалъ этого, потому его словаремъ несовсѣмъ удобно пользоваться; и мы часто не знаемъ даже, подъ какимъ корнемъ надобно искать нужное намъ слово, потому—что словопроизводство — вещь довольно-загадочная во всѣхъ языкахъ, тѣмъ болѣе въ славянскомъ, менѣе другихъ обработанномъ. Приложить алфавитный списокъ словъ, въ которыхъ видъ корня измѣнился или затмился, было бы тѣмъ необходимѣе, что авторъ иногда отступаетъ отъ обыкновеннаго словопроизводства (иначе и не можетъ быть при нынѣшнемъ состояніи славянской филологіи); напримѣръ, слово *соулиця* относитъ онъ къ корню соу—ти, между—тѣмъ, какъ обыкновенно предполагается для этого слова корень *соул—, вълити,* подобно *възълити* относитъ онъ къ корню *пи—ти* (*=пл—ти*), а не къ корню *вълп—*, какъ обыкновенно. Намъ кажется, что онъ слишкомъ стѣснилъ кругъ своихъ объясненій, рѣшась объяснить Ипатьевскую Лѣтопись только одною Ипатьевскою Лѣтописью, и отказавшись преднамѣренно отъ всѣхъ постороннихъ пособій. Потому онъ принужденъ оставить безъ объясненія множество словъ, которыхъ значеніе можно опредѣлить, или уже давно извѣстно, напримѣръ, кация, скора, оловиръ, паволока, скорлатъ, и оставить ихъ безъ объясненія только потому, что они объясняются не Ипатьевскою Лѣтописью. Г. Чернышевскій ставитъ вопросительные знаки при словахъ, относительно которыхъ онъ нетвердо увѣренъ, правильно ли они объяснены у него; такая осторожность была бы неизлишнею, если бы онъ не былъ слишкомъ—мнителенъ: его сомнѣніе очень—часто скрываетъ подъ собою

Digitized by Google

рѣшительную достовѣрность. Мы совершенно согласны съ г. Чернышевскимъ въ необходимости отличать отъ народныхъ русскихъ словъ слова, заимствованныя въ наши лѣтописи изъ церковнославянскихъ книгъ, и слова, составленныя нашими книжниками въ подражаніе греческимъ, или просто для витіеватости (послѣднія слова называетъ онъ реторическими); но намъ кажется, что и здѣсь онъ слишкомъ-остороженъ; по нашему мнѣнію, изъ словъ на букву *с* къ церковнославянскимъ или реторическимъ словамъ, кромѣ отмѣченныхъ г. Чернышевскимъ, въ его словарѣ относятся еще: насаженıе, въселеная, свѣрьпыи, прѣсвятыи, священомоученикъ, осклабитися, свѣтоносьныи, оусвѣтити, свѣтьлость, скраніе, скръбь, неослабьно, прѣславьный, слышание, слоужитель, основа, неспѣшение, поспѣшьникъ, спѣшьникъ, срьдьчьныи, достоить, достоиныи, достояние, достохвальныи, наставьникъ, оставление, прѣставитися, прѣставление, стонание, остлънити, строение, оустроение, ноустроити, стоудьныи, осоудитися, осоужние, исоушити, въсѣяти, оусѣкноути, посягати.

Записки *Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка IX. Издана подъ редакціею* Д. А. Милютина, *дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 520 стр.*

Послѣдняя, только-что вышедшая книжка «Записокъ» Географическаго Общества заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Климатъ Вологодской Губерніи, Н. Я. Данилевскаго; 2) Метеорологическія наблюденія въ Севастополѣ съ 1840 по 1851 годъ, произведенныя контр-адмираломъ Аркасомъ (та и другая статья дополнены примѣчаніями К. С. Веселовскаго); 3) Сношенія Россіи съ Хивою и Бухаріею, А. Н. Попова; 4) Обозрѣніе геодезическихъ работъ въ Россіи со времени императора Петра-Великаго до сочиненія генеральной ландкарты Россійской Имперіи въ 1746 году, П. И. Иванова, и 5) Нѣсколько замѣчаній по поводу сочиненія Н. Я. Данилевскаго: «Климатъ Вологодской Губерніи» К. С. Веселовскаго, составляющихъ необходимое продолженіе первой статьи «Записокъ».

Сочиненіе Н. Я. Данилевскаго: *Климатъ Вологодской Губерніи*, представляетъ опытъ описанія климата отдѣльнаго края по мѣстнымъ наблюденіямъ. Нельзя не замѣтить, согласно съ г. Веселовскимъ, что эти данныя не были подвергнуты критической оцѣнкѣ, и потому самые выводы нельзя принять за математическія истины. Мы видали и такихъ наблюдателей надъ барометромъ, которые не знали надлежащаго употребленія ноніуса — понятно, какъ мало пользы приносятъ наукѣ такіе наблюдатели. Но и знаніе дѣла немного поможетъ, если нѣтъ хорошихъ инструментовъ. Относительно Вологодской Губерніи, какъ на наблюденія и изслѣдованія, заслуживающія во всѣхъ отношеніяхъ пол-

Digitized by Google

наго вѣроятія, можно указать на наблюденія А. Фортунатова, дѣланныя съ 1806 по 1812 годъ, и А. Иваницкаго, съ 1844 по 1847 годъ въ Вологдѣ; оба эти наблюдателя, съ любовью занимаясь своимъ дѣломъ, изложили выводы изъ своихъ наблюденій въ особенныхъ сочиненіяхъ, и эти сочиненія, вмѣстѣ съ метеорологическимъ журналомъ, служили главными источниками сочиненія г. Данилевскаго. Наблюденія, сдѣланныя въ другихъ городахъ губерніи, по большей части обнимаютъ ничтожный періодъ времени, и ужь по этому одному не могутъ дать точныхъ выводовъ. Съ другой стороны г. Данилевскій воспользовался не всѣми данными для климатологіи Вологодской Губерніи, именно онъ не имѣлъ въ виду наблюденій надъ термометромъ, дѣланныхъ въ Устьсысольскѣ непрерывно въ-теченіе 26 лѣтъ (1818—1843) и напечатанныхъ въ «Сводѣ Магнитныхъ и Метеорологическихъ Наблюденій» г. Купфера за 1846 годъ, и «Наблюденій на Сѣверной Учебной Фермѣ». Недостатокъ этотъ восполненъ замѣчаніями г. Веселовскаго, напечатанными въ концѣ «Записокъ».

При всемъ томъ статья г. Данилевскаго, по тщательности изслѣдованія и по подробностямъ, будетъ служить прекраснымъ образцомъ подобнаго рода монографій.

Метеорологическія наблюденія въ Севастополѣ съ 1840 по 1851 годъ, произведенныя контр-адмираломъ Аркасомъ и повѣренныя г. Веселовскимъ, вносятъ нѣсколько данныхъ для климатологіи южнаго края Россіи.

Статья А. Н. Попова *Сношенія Россіи съ Хивою и Бухаріею при Петрѣ-Великомъ*, несмотря на изложеніе нѣсколько-запутанное, будетъ съ удовольствіемъ прочтена всѣми любителями русской исторіи. Въ 1712 году Петръ-Великій получилъ извѣстія — одно оффиціальное, другое неоффиціальное, что въ рѣкѣ Сыр-Дарьѣ есть золотоносный песокъ, что будто-бы рѣка Аму-Дарья прежде впадала однимъ рукавомъ въ Каспійское Море, и что хивинскіе узбеки, боясь силы Россіи, засыпали это устье. Отъ проницательнаго взора государя не могла укрыться вся важность, заключавшаяся въ этихъ извѣстіяхъ, и въ слѣдующемъ же году приняты были первыя мѣры для изслѣдованія ихъ подлинности. Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ. Въ 1713 году отправлена была, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, экспедиція къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго Моря; расправы у туземцевъ и осмотры мѣстности привели Бековича къ заключенію, что рѣка Аму-Дарья дѣйствительно впадала однимъ рукавомъ въ Каспійское Море. Сообщивъ лично государю свои догадки о рѣкѣ Аму-Дарья и о положеніи кавказскихъ народовъ, князь Черкасскій еще болѣе возбудилъ вниманіе Петра къ этому дѣлу. Снаряжена была новая экспедиція въ Хиву; князю Черкасскому поручено было отправиться къ Краснымъ Водамъ, гдѣ будто-бы было прежнее устье Аму-Дарьи, построить тутъ крѣпость и, если возможно, возстановить прежнее русло рѣки; во всякомъ

случаѣ сблизиться съ хивинскимъ ханомъ и отправить отдѣльныя экспедиціи по Аму-Дарьѣ, для отысканія пути въ Индію, и по Сыр-Дарьѣ, для развѣдываній о золотоносномъ пескѣ, такъ-какъ первая экспедиція, отправленная съ этою послѣднею цѣлью изъ Сибири, подъ начальствомъ Бухгольца, кончилась весьма-неудачно. Поручено было, кромѣ-того, развѣдать и о Бухарѣ, посолъ которой около того же времени прибылъ въ Россію. Все это въ 1717 году начали приводить въ исполненіе: заложены были два укрѣпленія на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, отправлены послы въ Хиву и Бухару. Но, вслѣдствіе обстоятельствъ, посолъ въ Бухару не попалъ, а послы, отправленные въ Хиву, воротились съ очень-неутѣшительнымъ извѣстіемъ, что хивинцы собираются разрушить русскія укрѣпленія. Князь Черкасскій со всѣмъ своимъ отрядомъ вступилъ въ Хиву, встрѣтился съ войскомъ хана, сражался, велъ переговоры и былъ измѣннически убитъ. Отрядъ его погибъ; только немногіе спаслись и принесли въ Россію вѣсть о случившемся. Гарнизоны вновь-построенныхъ крѣпостей частію истреблены, частью принуждены оставить укрѣпленія и возвратиться въ Астрахань. Виною неудачи было, очевидно, неблагоразуміе князя Черкасскаго и его самонадѣянность; несмотря на то, что и нашъ посланецъ, прибывшій изъ Хивы, и бухарскій посолъ, ѣхавшій въ Россію, и лица, участвовавшія въ экспедиціи, предостерегали князя: онъ не послушался и погибъ. Неудача, происшедшая отъ причины случайной, не могла остановить намѣреній государя; воспользовавшись тѣмъ, что у насъ былъ посолъ изъ Бухары, Петръ-Великій отправилъ туда, въ 1718 году своего посла, итальянца Флоріо Беневени, секретаря Посольскаго Приказа, для развѣдыванія о торговомъ пути въ Индію и золотоносныхъ рѣкахъ Хивы и Бухаріи. Беневени вмѣстѣ съ посломъ бухарскимъ поѣхалъ чрезъ Персію. Чрезвычайно-интересны подробности посольства Беневени, его пребываніе въ Персіи, Бухаріи и Хивѣ. Пріемы, которые дѣлали ему тамошніе владѣтели, какъ нельзя болѣе характеризуютъ азіатскую государственную жизнь. Все это читатель найдетъ и въ самомъ сочиненіи А. Н. Попова и въ приложеніяхъ, гдѣ помѣщены подлинныя, доселѣ-ненапечатанныя донесенія Беневени и его дневникъ на итальянскомъ языкѣ. Вотъ извѣстія о долговременныхъ задержкахъ нашего посла въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему привелось быть. На персидскомъ берегу его продержали съ 4 іюля 1719 года 20 дней; въ Шемахѣ посолъ принужденъ былъ прожить слишкомъ годъ, подвергаясь всѣмъ непріятностямъ, и въ августѣ 1720 года почти насильно выѣхалъ изъ Шемахи въ Тегеранъ; здѣсь оставался до мая 1721 года; въ ноябрѣ прибылъ въ Бухарію и принужденъ былъ оставаться тамъ до апрѣля 1725 года. Это дало ему возможность разузнать многое, что желалъ знать государь; вслѣдствіе чего Бухарцы не хотѣли-было отпускать Беневени, и онъ тайно удалился изъ Бухары и черезъ Хиву 17 сентября прибылъ въ Астрахань. Отъ 10 марта 1722, извѣщая

Digitized by Google

государя о томъ, что, по его развѣдываніямъ, рѣка Аму-Дарья дѣйствительно впадала однимъ рукавомъ въ Каспійское Море и что въ Бухарѣ много металловъ, Беневени писалъ: «Со всякою покорностію вашему величеству послѣднее мое слово предлагаю, что ежели вы желаете себѣ авантажъ добрый и довольную карьеру прибрать, лучшаго способа я не сыскалъ, что къ описаннымъ мѣстамъ собираться (сила всѣ резоны уничтожитъ); постороннихъ велико опасеніе не будетъ, а наипаче при нынѣшнихъ случаяхъ; ибо всѣ дженерально между собою драки имѣютъ» (стр. 379). Но когда Беневени воротился въ Россію, Петра-Великаго ужь не было, и всѣ сношенія съ Хивою и Бухарою прекратились.

Статья П. И. Иванова: «*Обозрѣніе геодезическихъ работъ въ Россіи со времени императора Петра-Великаго до сочиненія Генеральной Ландкарты Россійской Имперіи въ 1746*» составлена по оффиціальнымъ источникамъ. Изъ этой статьи и изъ приложеніи къ ней видно, что мысль о составленіи генеральной ландкарты имперіи принадлежитъ послѣднимъ годамъ царствованія императора Петра. Вслѣдствіе указа 9 декабря 1720 года постоянно до 1733 посылались геодезисты въ разные края имперіи для составленія мѣстныхъ картъ; составленныя карты присылались въ Сенатъ, Сенатъ же препровождалъ ихъ въ Академію Наукъ для составленія общей карты. Въ Академіи особенно-дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ выписанный изъ-за границы въ 1725 году извѣстный астрономъ Делиль. Невѣрность составленныхъ геодезистами ландкартъ съ одной стороны и самолюбивыя притязанія Делиля съ другой, были причиною того, что Делиль былъ удаленъ отъ составленія генеральной карты и уволенъ отъ службы при Академіи. Карту составили безъ него, и въ 1746 году она была издана.

Описаніе примѣчательныхъ кораблекрушеній, *въ разныя времена случившихся. Сочиненіе господина* Дункена. *Съ англійскаго перевелъ и пополнилъ примѣчаніями и поясненіями, въ пользу россійскихъ мореплавателей, флота капитанъ-командоръ* Головнинъ. *Напечатано по повелѣнію Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента. Въ трехъ частяхъ. Изданіе второе, удостоено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. 1853. Въ 8-ю д. л. Въ I ч. XVI и 164, во II ч. — 160 и въ III ч. — 160 стр.*

Описаніе примѣчательныхъ кораблекрушеній, *въ разныя времена претерпѣнныхъ россійскими мореплавателями. Собраны, приведены въ порядокъ и пополнены примѣчаніями и поясненіями, флота капитанъ-командоромъ* Головнинымъ. *Часть четвертая, служащая продолженіемъ къ описанію примѣчатель-*

Digitized by Google

ныхъ кораблекрушеній, Г. Дункена. *Напечатано по повелѣнію Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента. Изданіе второе, удостоено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. 1853. Въ 8-ю д. л. 162 стр.*

Этотъ трудъ знаменитаго морехода нашего вышелъ первымъ изданіемъ въ 1822 году. Въ посвященіи своей книги тогдашнему морскому министру, адмиралу маркизу де-Траверсе, Головнинъ говоритъ, что, принимаясь за переводъ «Исторіи кораблекрушеній» Дункена, онъ «полагалъ, что сіе сочиненіе въ переводѣ на русскій языкъ можетъ доставить немалую пользу нашимъ мореплавателямъ, пользу несравненно большую, нежели всѣ тѣ изобрѣтенія для спасенія людей при кораблекрушеніяхъ, которыя, бывъ разсматриваемы въ Государственномъ Адмиралтейскомъ Департаментѣ, найдены несоотвѣтствующими своей цѣли.» Они-то и подали поводъ Головнину представить министру мнѣніе, въ которомъ онъ вызывался передать порусски сочиненіе Дункена. Копія съ этого мнѣнія была въ концѣ 1819 года препровождена министромъ на разсужденіе въ Адмиралтейскій Департаментъ, который (говоря его собственными словами) «не входя тогда въ подробное разсмотрѣніе сочиненія Англичанина Дункена, о которомъ говорено въ мнѣніи г. Головнина, не могъ сдѣлать рѣшительнаго заключенія о пользѣ, какой должно ожидать отъ изданія въ свѣтъ подобной книги на русскомъ языкѣ; но, будучи удостовѣренъ изъ многократныхъ случаевъ, какъ въ обширныхъ свѣдѣніяхъ по морской части почетнаго члена своего г. Головнина, такъ и въ опытности его, которая есть слѣдствіе его путешествій, знаменитыхъ въ исторіи нашего флота, ни мало не сомнѣвался, чтобъ и сей трудъ, предпринимаемый имъ для пользы мореплаванія, несовершенъ былъ съ желаемымъ успѣхомъ, и не соотвѣтствовалъ своей благотворительной цѣли; почему и поручилъ ему (согласно его предложенію) составить изъ сочиненія Дункена о кораблекрушеніяхъ подобную же книгу на русскомъ языкѣ, предоставивъ ему дополнить оное, по усмотрѣнію его, собственными его замѣчаніями». Книга, составленная Головнинымъ, была разсмотрѣна вице-адмираломъ Сарычевымъ, который нашелъ, что изданіе въ свѣтъ «Описанія примѣчательныхъ кораблекрушеній» принесетъ большую пользу не только флоту, но и торговому нашему мореплаванію. На основаніи этого мнѣнія, Адмиралтейскій Департаментъ положилъ напечатать трудъ Головнина на свой счетъ, предоставивъ половину экземпляровъ въ собственность трудившагося и, въ уваженіе пользы, какой должно ожидать отъ этой книги, включить ее въ число штатныхъ книгъ, отпускаемыхъ на военныя суда. Положеніе это было утверждено морскимъ министромъ, и «Описаніе кораблекрушеній» вышло въ свѣтъ, какъ мы ужь сказали, въ 1822 году.

Головнинъ, какъ опытный морякъ, не удовольствовался рабскимъ переводомъ англійскаго сочиненія; имѣя въ виду одну цѣль—пользу для

Digitized by Google

мореплавателей, переводчикъ опустилъ всѣ тѣ мѣста книги Дункена, гдѣ авторъ толкуетъ о постороннихъ морскому дѣлу предметахъ, или пускается въ многосложныя разсужденія, несообразныя съ цѣлью сочиненія; но за-то чуть не на каждой страницѣ находимъ мы необходимыя для моряка примѣчанія и поясненія самого Головнина. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ исправляетъ нѣкоторые промахи и недомолвки подлинника, предлагаетъ совѣты, извлеченные изъ собственныхъ опытовъ, приводитъ свои мнѣнія о причинахъ нѣкоторыхъ случаевъ, которые оставлены безъ разсмотрѣнія Дункеномъ, сравниваетъ морскіе обычаи и законы иностранные съ русскими, объясняетъ особенности и терминологію чужихъ флотовъ, и проч. и проч. Всѣхъ случаевъ морскихъ несчастій описано Дункеномъ шестьдесятъ-одинъ; и хотя авторъ назвалъ сочиненіе свое «Исторіею Кораблекрушеній», однакожь, оно расположено не хронологическимъ порядкомъ. Практическое назначеніе книги и не представляло необходимости въ такомъ расположеніи; но, сохранивъ порядокъ, въ какомъ разсказаны одно за другимъ событія въ произведеніи Дункена, русскій переводчикъ поступилъ очень-благоразумно, измѣнивъ заглавіе книги, которое налагало на нее отвѣтственность въ отсутствіи строгой научной системы.

Четвертая часть, прибавленная самимъ Головнинымъ къ переведенному имъ сочиненію, представляетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго мореплаванія. (Въ книгѣ Дункена находится описаніе только одного случая изъ русскаго мореходства: это — исторія бѣдствій четырехъ русскихъ матросовъ, оставленныхъ въ 1743 году на необитаемомъ островѣ къ востоку отъ Шпицбергена). Головнинъ собралъ описаніе тринадцати кораблекрушеній, изъ которыхъ, какъ особенно-любопытныя, назовемъ: 1) разсказъ о крушеніи Россійско-американской Компаніи судна Святаго Николая, подъ начальствомъ штурмана Булыгина, при сѣверо-западныхъ берегахъ Америки, въ широтѣ около $47^1/_2$ градусовъ, у острова, названнаго Ванкуверомъ Distruction-Island (Пагубный Островъ), 1 ноября 1808 года (разсказъ этотъ написанъ со словъ одного изъ прикащиковъ компаніи, Тимоѳея Тараканова, находившагося на погибшемъ суднѣ), и 2) статью адмирала Шишкова «Разбитіе русскаго военнаго корабля у береговъ Швеціи въ 1771 году», съ примѣчаніями Головнина.

«Смѣю думать (говоритъ Головнинъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своему переводу), что книга сія для молодыхъ морскихъ офицеровъ, «неимѣвшихъ еще случая пріобрѣсть собственную опытность, гораздо «нужнѣе и полезнѣе, нежели многіе томы такъ-называемой Морской «Практики, которая изъясняетъ только оснастку кораблей и обыкно-«венныя дѣйствія парусами, кои гардемаринъ или мичманъ можетъ вы-«учить съ прилежаніемъ въ пять или шесть мѣсяцевъ дѣйствительной «службы на морѣ». Авторитетъ знаменитаго моряка, одобреніе Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, издавшаго «Описаніе при-

Digitized by Google

мѣчательныхъ кораблекрушеній», и Морскаго Ученаго Комитета, нашедшаго полезнымъ издать его нынѣ снова, дѣлаютъ совершенно-излишними наши похвалы этой книгѣ.

О нѣкоторыхъ новыхъ случаяхъ химическаго сочетанія *и общія замѣчанія объ этихъ явленіяхъ*. Н. Бекетова. *Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Э. Веймара. Въ 8-ю д. л. 80 стр.*

Сочиненіе г. Бекетова состоитъ изъ двухъ частей: общей или теоретической, и опытной. Начинаемъ съ первой.

Исходнымъ пунктомъ г. Бекетову служитъ та идея, что въ сложныхъ тѣлахъ разные эквиваленты одного и того же простаго тѣла имѣютъ иногда различное химическое значеніе. Идея эта весьма ненова; она лежитъ въ основаніи теоріи радикаловъ Либиха и теоріи углеродистаго водорода Дюма; но эти ученые нѣсколько иначе понимали ее; они думали, что часто въ сложныхъ тѣлахъ разные эквиваленты одного и того же простаго тѣла *различно расположены;* такъ въ спиртѣ, по ихъ мнѣнію, часть водорода соединена съ кислородомъ, находится въ видѣ воды, другая же часть соединена съ углеродомъ. Самаго полнаго развитія достигла эта идея въ рукахъ Персо, который съ чрезвычайной логичностью провелъ ее чрезъ всю систему неорганическихъ соединеній.

Иначе выражали ее другіе ученые. Жераръ, обративъ вниманіе на то, что въ настоящемъ состояніи науки мы не въ-правѣ ничего заключить о частичномъ строеніи тѣлъ, и, замѣчая различныя свойства въ разныхъ эквивалентахъ одного и того же простаго тѣла, составляющихъ сложное тѣло, обозначалъ это, говоря, что они имѣютъ *различное химическое значеніе;* такъ онъ отличалъ водородъ металлическій, способный замѣщаться металлами, какъ, напримѣръ: въ кислотахъ, амміакѣ и проч., и водородъ неметаллическій, способный замѣщаться галоидами.

Въ такомъ видѣ беретъ эту идею и г. Бекетовъ и прилагаетъ ее весьма-остроумно и удачно къ изслѣдованію явленій сочетанія. Слово *сочетаніе* (copulation, substitution par résidus) въ первый разъ употребилъ Жераръ въ 1839 году, замѣтивъ первый особенность и общность этихъ явленій. Впослѣдствіи Берцеліусъ, Кольбе и другіе химики часто употребляли названіе сочетанныхъ тѣла (corps copulés, gepaarte Verbindungen) весьма произвольнымъ образомъ, обозначая имъ самыя разнообразныя и несходныя между собою тѣла, но г. Бекетовъ ничего не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ (что, можетъ-быть, было бы нелишне pour fixer les idées) и употребляетъ его исключительно въ смыслѣ Жерара. Жераръ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ явленія сочетанія (стр. 2): «два соединенія, дѣйствуя другъ на друга, «выдѣляютъ элементы воды (въ нѣкоторыхъ случаяхъ соляную кислоту «и др.), а остатки соединяются или сочетаются; если же, при другихъ «обстоятельствахъ, къ продукту сочетанія присоединятся выдѣлившіеся

Digitized by Google

«элементы, то возстановляются опять первоначальныя соединенія». Г. Бекетовъ находитъ, и весьма справедливо, это опредѣленіе слишкомъ общимъ; въ-самомъ-дѣлѣ, подъ него подходятъ и явленія двойнаго разложенія солей — явленія, существенно-отличныя отъ сочетаній. Явленія металепсіи также подходятъ подъ это опредѣленіе; впрочемъ Герaръ, основываясь на симетріи реакцій, дѣйствительно и не отличалъ явленій металепсіи отъ явленій сочетанія. Далѣе г. Бекетовъ замѣчаетъ, что законъ *основности* (basicité) сочетанныхъ тѣлъ Герара неточенъ. Какъ извѣстно, законъ этотъ выражается такъ: основность сочетаннаго тѣла (z) равна суммѣ основностей сочетающихся тѣлъ (a, b) безъ единицы ($z = a + b - 1$). Когда Герaръ выразилъ этотъ законъ, извѣстны были только сочетанія кислотъ съ тѣлами средними, къ которымъ онъ совершенно примѣнимъ; но съ-тѣхъ-поръ открыто множество новыхъ сочетанныхъ соединеній, которыхъ свойства ему противорѣчатъ. Г. Бекетовъ указываетъ особенно на слѣдующія: 1) открытый Гераромъ рядъ безводныхъ кислотъ (ангидридовъ), происходящихъ отъ сочетанія двухъ эквивалентовъ водной однословной кислоты съ выдѣленіемъ воды; по формулѣ основности Герара, онѣ бы должны быть однословными кислотами ($1 + 1 - 1 = 1$) — а онѣ совершенно нейтральны. 2) Для основности смѣшанныхъ эѳировъ (ethers mixtes) Вилльямсона и Шанселя формула Герара даетъ ничего невыражающую величину отрицательную ($0 + 0 - 1 = -1$) (¹). «Итакъ, заключаетъ г. Бекетовъ, вотъ три случая сочетанія равно общихъ: сочетаніе одноосновныхъ кислотъ со спиртами, «этихъ же кислотъ между собою и наконецъ сочетаніе двухъ спиртовъ; «и изо всѣхъ этихъ случаевъ, изъ которыхъ каждый можетъ произвести столько же сочетанныхъ соединеній, только къ первому, то-есть «къ сочетанію кислотъ со спиртами законы Жерара и Штреккера примѣнимы. Итакъ мы имѣли полное право сказать вначалѣ, что этотъ «законъ есть выраженіе только частнаго, и именно только этого случая «сочетанія» (стр. 11).

Очертивъ такимъ яснымъ и положительнымъ образомъ недостатки теперешняго ученія о явленіяхъ сочетанія, г. Бекетовъ обращается къ разсмотрѣнію самыхъ явленій. Для примѣра, онъ беретъ бензойный эѳиръ и разсматриваетъ разные способы его образованія. Этотъ обзоръ приводитъ его къ тому заключенію, что *сочетанія происходятъ исключительно на-счетъ водорода металлическаго* (то-есть способнаго быть замѣщеннымъ металлами), который при этомъ выдѣляется въ видѣ воды или соляной кислоты и т. п. Слѣдовательно, этотъ-то водородъ (го-

---

(¹) Къ этимъ двумъ случаямъ, въ которыхъ законъ основности Герара оказывается невѣрнымъ, надо прибавить еще третій: амиды, какъ ужь замѣтилъ Штреккеръ, по формулѣ Герара, должны бы быть одноосновными кислотами; но опыты Лорана и Герара надъ сукцинимидомъ доказываютъ, что это тѣло тоже совершенно нейтрально (Comp. Rend., 1849).

Digitized by Google

воритъ г. Бекетовъ) — химическую причину явленія — и надобно ввести въ формулу, изображающую его результатъ. Его по справедливости можно назвать *водородомъ сочетанія*. Такимъ образомъ формула, выражаюжая свойства сочетаннаго тѣла, относительно произведшихъ его тѣлъ, будетъ такая: $a + b - e = z$, гдѣ a и b выражаютъ число эквивалентовъ металлическаго водорода сочетающихся тѣлъ, e — число эквивалентовъ выдѣлившагося водорода, и z — металлическій водородъ сочетаннаго тѣла. Но такъ-какъ водородъ a и водородъ b хотя оба способны быть замѣщены металлами, но бываютъ иногда нѣсколько различнаго химическаго значенія (напр. водородъ амміака и водородъ щавелевой кислоты), то г. Бекетовъ, чтобъ ввести это обстоятельство въ свою формулу, измѣняетъ ее слѣдующимъ образомъ: $\bar{a} + b - \left(\frac{\bar{c} + e}{2}\right) = \bar{Z} + Z$, гдѣ $\bar{a}$, $\bar{c}$ и $\bar{z}$ означаютъ металлическій водородъ кислоты, b, c, z металлическій водородъ не кислаго тѣла (спирта, амміака и пр.) (¹). Въ этой формулѣ число z эквивалентовъ водорода прямо и выражаетъ *основность* сочетаннаго тѣла. Напримѣръ, при сочетаніи одного эквивалента щавелевой кислоты (двуосновной) и одного эквивалента амміака, основность продукта вычислится такъ: $\bar{2} + 3 - (1 + \bar{1}) = \bar{1} + 2$, то-есть продуктъ будетъ одноосновная кислота (оксаминовая). Такимъ точно образомъ г. Бекетовъ пересматриваетъ всѣ роды сочетаній: кислотъ одноосновныхъ и двуосновныхъ съ тѣлами средними и щелочными; сочетанія кислотъ между собою, среднихъ тѣлъ между собою, тѣла, соотвѣтствующія амидамъ, нитриламъ и т. д.; свойства всѣхъ этихъ тѣлъ совершенно подходятъ подъ результатъ его формулы, какъ того и слѣдовало ожидать, потому-что формула совершенно раціональна, основана на химической причинѣ явленія и не содержитъ членовъ произвольныхъ, какъ формула Герара. Г. Бекетовъ самъ указываетъ на сѣрно-бензойную и сѣрно-уксусную кислоты, какъ исключенія изъ его правила, и вмѣстѣ показываетъ, что кислоты эти, несмотря на происхожденіе ихъ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ сочетанія сѣрной кислоты съ бензойною и уксусною.

Установивъ такимъ-образомъ раціональную формулу основности сочетанныхъ тѣлъ, г. Бекетовъ идетъ далѣе и показываетъ, что формула его выражаетъ вмѣстѣ и свойство, гораздо-болѣе общее и важное, нежели основность, именно *степень сочетанія* тѣла, то-есть способность его вступать въ большее или меньшее число сочетаній. Чѣмъ больше содержитъ въ себѣ тѣло металлическаго водорода Z и Z, тѣмъ въ большее число сочетаній оно способно вступить. Изъ формулы г-на Бекетова прямо слѣдуетъ, что спирты, одноосновныя кислоты, имиды

(¹) Г. Бекетовъ доказываетъ, что водородъ, отдѣляющійся при сочетаніи въ видѣ воды, *берется поровну* изъ обоихъ сочетающихся тѣлъ. Это весьма-вѣроятно; мы думаемъ даже, что въ настоящее время можно прямо доказать это анализомъ разнообразныхъ фактовъ сочетанія.

Digitized by Google

(напримѣръ, Imidbasen Гофмана), способны только одинъ разъ сочетоваться, двуосновныя кислоты, среднiе амиды — два раза, амміакъ, трехосновныя кислоты — три ([1]) и т. д., чтò вполнѣ согласно съ опытомъ.

Наконецъ, чтобъ окончательно обрисовать явленiя сочетанiя, г. Бекетовъ разсматриваетъ сходныя съ ними явленiя металепсiи и двойносолянаго разложенiя. Явленiя металепсiи не измѣняютъ основности тѣлъ, ни ихъ степени сочетанiя, какъ то весьма-хорошо доказано въ настоящее время безчисленнымъ множествомъ фактовъ; посему г. Бекетовъ заключаетъ, что эти явленiя происходятъ *на счетъ элементовъ другаго химическаго значенiя, нежели тѣ, на счетъ которыхъ происходятъ сочетанiя.* На этомъ же основанiи и явленiя образованiя азотныхъ тѣлъ (corps nitrés) онъ причисляетъ къ явленiямъ металепсiи (положенiе IV).

«Отъ двойныхъ соляныхъ разложенiй (говоритъ г. Бекетовъ) явленiя сочетанiя отличаются именно тѣмъ, что въ нихъ не сохраняются *химическiя отправленiя* дѣйствующихъ соединенiй, тогда какъ въ тѣхъ они остаются безъ всякаго измѣненiя;... такъ напр. при сочетанiи двухъ одноосновныхъ тѣлъ получаются: съ одной стороны двуосновное тѣло (вода), а съ другой (неутральное) безосновное, а при соляномъ разложенiи такихъ тѣлъ получаются опять два одноосновныхъ соединенiя» (стр. 39).

Наконецъ г. Бекетовъ показываетъ еще, что его формула можетъ также служить для вычисленiя температуры кипѣнiя и эквивалентъ-объема (и слѣдовательно удѣльнаго вѣса) сочетанныхъ тѣлъ, и прилагаетъ таблицу, показывающую на многихъ примѣрахъ изъ ряда сложныхъ эѳировъ, какъ близко опытные результаты подходятъ къ вычисленнымъ по его формулѣ. Эта таблица въ то же время представляетъ взглядъ г. Бекетова на составъ органическихъ тѣлъ. Въ этомъ отношенiи г. Бекетовъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣнiе, недавно выраженное Гераромъ.

Этотъ короткiй обзоръ теоретической части труда г. Бекетова, достаточно показываетъ, въ какомъ видѣ беретъ онъ данныя науки и какъ обработываетъ ихъ. Въ этомъ отношенiи мы должны отдать справедливость его обширной эрудицiи и строгой логичности, съ которою онъ выводитъ свои заключенiя. Мы считаемъ дѣйствительнымъ шагомъ въ наукѣ то уясненiе и разграниченiе понятiй о сочетанiи, металепсiи и двойномъ разложенiи, до котораго дошелъ г. Бекетовъ. Вопросы объ этихъ понятiяхъ, въ настоящую минуту, самые живые и современные

([1]) Здѣсь (стр. 17), вѣроятно, по ошибкѣ, въ примѣръ *трех-основныхъ* кислотъ приведена *камфарная;* удѣльный вѣсъ паровъ ея эѳировъ, и свойства амидовъ не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что это кислота *двуосновная.*

Digitized by Google

въ химіи; но до-сихъ-поръ еще никто такъ ясно не очертилъ, какъ г. Бекетовъ, никто не приложилъ къ изслѣдованію ихъ принципа *различія химическаго значенія однихъ и тѣхъ же элементовъ и сходства химическаго значенія различныхъ элементовъ*. Поэтому мы считаемъ трудъ г. Бекетова совершенно-оригинальнымъ. Мы думаемъ, что вообще приложеніе этого принципа такъ, какъ высказываетъ его школа Лорана и Герара, и какъ беретъ его г. Бекетовъ, къ изслѣдованію химическихъ явленій должно принести замѣчательные результаты.

Вторая часть диссертаціи г. Бекетова гораздо менѣе замѣчательна и представляетъ только начала нѣсколькихъ работъ; изъ нихъ, слѣдовательно, нельзя еще сдѣлать никакихъ окончательныхъ выводовъ. Г. Бекетовъ могъ бы даже вовсе не печатать этой части: прекрасная первая, теоретическая половина его труда не нуждается въ такомъ прибавленіи.

Тезисы г. Бекетова относятся къ содержанію теоретической части его сочиненія и выбраны весьма-удачно, потому мы не будемъ о нихъ распространяться. Только послѣдній тезисъ показался намъ-нѣсколько смѣлымъ:

«Возможность сочетанія фосфористаго водорода, подобно амміаку, подтверждаетъ то мнѣніе, что фосфоръ находится въ бѣлковинныхъ веществахъ въ такомъ же видѣ (то-есть, имѣетъ то же химическое значеніе), какъ азотъ, неопредѣленную (хотя, разумѣется, экиваленти͏ую) часть котораго онъ замѣщаетъ въ нихъ, слѣдовательно, въ такомъ видѣ, какъ въ водородномъ соединеніи.»

Первая часть тезиса кажется намъ весьма вѣроятною; но предполагать, что азотъ въ бѣлковинныхъ веществахъ находится въ такомъ же видѣ, какъ въ водородныхъ соединеніяхъ, въ настоящую минуту мы не имѣемъ никакого права: нѣтъ ни одного факта, который указывалъ бы на это (1).

Книга г. Бекетова не можетъ похвалиться ясностью и систематичностью изложенія: видно, что авторъ долго обдумывалъ свои идеи и очень-мало обработывалъ свое сочиненіе; она читается довольно-трудно. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ трудъ г. Бекетова дѣйствительнымъ шагомъ въ наукѣ, и ставимъ его несравненно-выше такихъ экспериментальныхъ трудовъ, которые къ тысячѣ несомнѣнныхъ и совершенно-подобныхъ между собою фактовъ прибавляютъ еще десять такихъ же.

---

(1) Мы даже имѣемъ поводъ думать, что въ этихъ тѣлахъ азотъ *не* находится въ такомъ видѣ, какъ въ водородномъ соединеніи. Мы думаемъ, что бѣлковинныя вещества, по химической роли азота ихъ, всего скорѣе можно сближать съ *нитрилами*.

Digitized by Google

Очеркъ Древнѣйшаго Періода Греческой Философіи, *сочиненіе* М. Каткова, *Москва. Въ университетской типографіи. 1853. Въ 8-ю д. л. 156 стр.*

Кто внимательно взглянетъ на ходъ наукъ и особенно наукъ естественныхъ въ настоящее время, тотъ прійдетъ къ заключенію, что объемъ ихъ все болѣе и болѣе расширяется, и вслѣдствіе этого содержаніе становится возвышеннѣе и возвышеннѣе. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стòитъ сравнить прежнюю описательную ботанику, или зоологію, съ состояніемъ этихъ же наукъ въ наше время, когда не только объясняется процесъ жизненнаго развитія органической природы (физіологія), но указываются и различные преемственные фазы, которые принималъ этотъ процесъ въ историческомъ развитіи природы (палеонтологія). Чѣмъ отрѣшеннѣе становится наука отъ житейскихъ нуждъ и практическихъ цѣлей (но не отъ дѣйствительности), тѣмъ выше и выше восходитъ она. Такъ изученіе языковъ, служившее, по прежнимъ понятіямъ, только *средствомъ* къ уразумѣнію литературъ тѣхъ или другихъ народовъ, въ настоящее время само себѣ цѣль: филологія современная разсматриваетъ языкъ, какъ необходимый продуктъ мыслящаго человѣческаго духа, и старается опредѣлить виды, которые принималъ этотъ продуктъ въ историческомъ ходѣ человѣчества, чтобъ чрезъ то опредѣлить различныя измѣненія, совершившіяся въ ходѣ человѣческаго мышленія. Такую же задачу даетъ себѣ въ настоящее время исторія философіи, и сочиненіе г. Каткова, выражая именно этотъ взглядъ на исторію философіи, представляетъ прекрасный образецъ обработки предмета сообразно этому новому взгляду.

Постараемся ознакомить читателей со взглядомъ г. Каткова на исторію философіи и съ результатами его изслѣдованій объ архаистическомъ, досократовскомъ періодѣ греческой философіи. При этомъ нужнымъ считаемъ предупредить читателей, что здѣсь мы ограничиваемся однимъ общимъ изложеніемъ книги, не вдаваясь въ подробности, съ которыми приглашаемъ познакомиться въ самой книгѣ; а желающихъ прочесть книгу г. Каткова предупреждаемъ, что это не какой-нибудь легкій этюдъ, но строго-научное сочиненіе, написанное языкомъ той науки, которой оно касается, и потому вполнѣ можетъ быть понятно только тому, кто знакомъ съ этимъ языкомъ. Такія сочиненія не читаются, а изучаются.

Не результаты, добытые въ различныя эпохи человѣческимъ мышленіемъ относительно того или другаго рода предметовъ, но само мышленіе въ своемъ характерѣ и ходѣ составляетъ предметъ исторіи философіи. Вотъ основаніе взгляда г. Каткова (стр. 1—2). Вслѣдствіе этого онъ возстаетъ противъ тѣхъ историковъ, которые мѣряютъ добытое философскимъ мышленіемъ древнихъ мѣркою своего времени, и потому или самолюбиво глумятся надъ дѣтскими понятіями философовъ о вещахъ,

Digitized by Google

теперь понятныхъ всѣмъ и каждому, или заставляютъ этихъ философовъ думать то, чего они не думали и не могли думать (стр. 2 и 107). За это послѣднее въ-особенности порицается извѣстный Генрихъ Риттеръ, авторъ «Исторіи философіи древнихъ временъ» ([1]). Истинность такого взгляда не подвержена никакому сомнѣнію. Не смѣются же филологи надъ языками американскихъ народовъ за то, что они въ развитіи своемъ далеко отстали отъ языковъ новыхъ; напротивъ, существованіе такихъ языковъ чрезвычайно-важно для филолога: многое бы безъ нихъ въ развитіи языка осталось необъясненнымъ.

Сочиненіе г. Каткова раздѣляется на двѣ части: въ первой онъ знакомитъ насъ съ личностями, которыя служатъ представителями мышленія въ архаистическомъ періодѣ греческой философіи, дѣлитъ ихъ на групы и выводитъ общую характеристику періода; во второй разсматриваетъ ходъ философскаго мышленія. Множество указаній на непосредственные источники сопровождаетъ каждое положеніе автора въ той и другой части.

Главнымъ характеромъ формы архаистическаго мышленія г. Катковъ полагаетъ родовое проявленіе мысли, отсутствіе видовъ, обособленій, которыя въ настоящее время составляютъ отдѣльныя науки; этимъ отстраняется желаніе понимать термины древней философіи какъ термины наукъ новыхъ. Представивъ слѣды мышленія ѳеологическаго въ мистеріяхъ и въ такъ-называемой орфической мудрости, авторъ переходитъ къ мышленію автономическому. Воззрѣніе его на исторію этого мышленія имѣетъ ту особенность, что на всѣ школы досократовской философіи онъ смотритъ какъ на единую цѣлую систему, которой тѣ или другія части были развиваемы въ различныхъ школахъ. Въ жизни и ученіи Пиѳагора представляется стремленіе къ знанію и мудрости, соединенное съ религіознымъ духомъ, и потому мышленіе пиѳагорическое составляетъ, такъ-сказать, соединительное звѣно ѳеологическаго и автономическаго мышленія. Вполнѣ-автономическое мышленіе представляется у Ксенофана Колофонскаго; его не удовлетворяетъ ужь эпическое воззрѣніе грека; Ксенофанъ является порицателемъ Гомера, и у него впервые является сомнѣніе — этотъ внутренній разладъ, несуществовавшій въ эпическомъ воззрѣніи, и въ то же время является мысль о единствѣ всего сущаго. Послѣдняя идея была главною идеею школы элейской и развита особенно у Парменида и Зенона. Въ такъ-называемой іонійской школѣ авторъ отрицаетъ преемственность развитія, существовавшую въ пиѳагорейскомъ союзѣ и у элейцевъ, и принимаетъ ея названіе такъ-сказать за территоріальное: іонійская школа представляетъ рядъ отдѣльныхъ мыслителей. Сказавъ вкратцѣ о Ѳалесѣ, Анак-

---

([1]) Первая часть этой книги въ 1839 году была переведена на русскій языкъ.

Digitized by Google

симандрѣ и Анаксименѣ, авторъ подробно останавливается на Гераклитѣ, который первый высказалъ самоначальность процеса мышленія. «Много«ученіе (говорилъ онъ) уму не научитъ. Развѣ оно научило и Гезіода и Пиѳагора, и также Ксенофана и Гекатея. Мудрость въ одномъ: разумѣть мысль (гному), всѣмъ управляющую». Таже самая идея развивалась у Анаксагора и подвергла его гоненію согражданъ, видѣвшихъ въ ученіи этомъ оскорбленіе народныхъ вѣрованій. Въ Анаксагорѣ, а еще болѣе въ Демокритѣ, являются начала обособленія мышленія, раздѣленіе различныхъ областей познанія.

Вторая часть сочиненія г. Каткова, подъ заглавіемъ *содержаніе и ходъ мышленія* заключаетъ въ себѣ четыре главы. Въ первой главѣ, въ видѣ предварительнаго объясненія, авторъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи мыслимаго и сущаго, столь важный въ философіи, и въ архаистическомъ мышленіи онъ находитъ только первые слѣды сознанія различія логическаго космоса, существующаго, какъ законъ, въ космосѣ дѣйствительномъ отъ этого послѣдняго, и потому, разсматривая содержаніе и ходъ мышленія къ древнимъ системамъ, авторъ не обращаетъ вниманія, къ какому космосу относится это мышленіе, къ логическому или бытійному. Содержаніемъ архаистическаго мышленія служитъ физическій или физіологическій, а не космогоническій или ѳеогоническій процесъ, то-есть происхожденіе явленій въ природѣ, а не твореніе природы.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ читатель найдетъ подробное изложеніе этого процеса, какъ онъ представляется въ архаистическомъ мышленіи древнихъ грековъ, и основательное объясненіе всѣхъ философскихъ терминовъ, съ точки зрѣнія архаистической. Извѣстно, что языкъ развивается и значенія словъ перемѣняются такъ, что еслибъ, руководствуясь знаніемъ только лексикона языка современнаго, мы вздумали читать древніе памятники того или другаго языка, то впали бы въ бездну ошибокъ и недоумѣній. Только при тщательномъ анализѣ и обширномъ соображеніи, можемъ мы добыть изъ слова, употреблявшагося въ ту или другую эпоху, тогдашнее его значеніе. Но если гдѣ-либо это соображеніе всего труднѣе, если гдѣ-либо ученый долженъ быть въ высшей степени осмотрителенъ и остороженъ, то при изслѣдованіи языка философскихъ системъ. Языкъ этотъ не созидается живыми силами народа, какъ языкъ эпическій, гдѣ все точно и опредѣленно, потому-что все возникаетъ вслѣдствіе необходимости: философскій языкъ создается отдѣльными мыслителями и создается изъ того же эпическаго языка, часто произвольно, для выраженія понятій, несуществующихъ въ народномъ сознаніи, и потому нисколько не удивительно, что слово въ языкѣ философскомъ имѣетъ часто совершенно-другое значеніе. Значенія легко смѣшиваются, и въ этомъ состоитъ обыкновенная ошибка большей части историковъ философіи. Какъ на образецъ такого соображенія, указываемъ на 69—72 страницы сочиненія, гдѣ авторъ съ большимъ искусствомъ объясняетъ значеніе въ архаистической философіи

Digitized by Google

словъ «эѳиръ» и «огонь». Чтобъ еще яснѣе доказать необходимость такого точнаго опредѣленія философскихъ терминовъ, выписываемъ изъ книги г. Каткова заключеніе третьей главы:

«Этотъ процессъ состоитъ въ преодолѣніи того первичнаго бытія, которое характеризуется какъ «огонь», бытія противоположнаго и враждебнаго живой природѣ. Первая фаза есть раздвоеніе этого бытія: съ одной стороны, или, если такъ можно выразиться, въ одной части своей оно оказываетъ духовныя активныя свойства (эѳиръ), въ другой — готовность перейти въ бытіе страдательное (хаосъ). Различныя степени матеріализаціи, стихіи, являются различными степенями преодолѣнія первичнаго бытія. Огненное начало одѣвается «облакомъ», облекается «хитономъ» матеріи: но преодолѣваемое начало противится этой деградаціи. Возникаетъ борьба — и все происходящее среди этой борьбы носитъ на себѣ отпечатокъ вражды и безпорядка: эпоха хаотическаго броженія. Борьба въ своемъ продолженіи ознаменовывается противоположными торжествами. Въ этой борьбѣ начало, враждебное космосу, является, какъ гнѣвъ, вражда, споръ; начало, устрояющее космосъ — гармонія, любовь, дружба... Эта гармонія міра есть тотъ родъ бытія, въ которомъ противуположности совмѣщаются— разумъ, разрѣшающій хаотическое смѣшеніе и выводящій все на свѣтъ въ надлежащемъ благоустройствѣ» (стр. 103).

Вотъ содержаніе архаистическаго мышленія вообще. Въ четвертой главѣ «представлены философскія системы въ ихъ послѣдовательномъ «преемствѣ, какъ моменты одного общаго развитія, какъ степени одной «системы». Исключительнымъ предметомъ пиѳагорейской мудрости были непрерывныя и неизмѣнныя движенія небесныхъ сферъ, міръ австральный. У мыслителей іонійскихъ это созерцаніе смѣняется другимъ: въ ихъ мышленіи господствуетъ представленіе стихійныхъ переходовъ космической субстанціи и въ мышленіи Гераклита возникаетъ и господствуетъ понятіе процеса. Въ мышленіи элеатовъ господствующая мысль: отрицаніе движенія и множественности и утвержденіе одного сущаго — «сферы». У Эмпедокла это единое разрѣшается, и изъ него выдѣляется разнообразное бытіе природы: у него мы замѣчаемъ слѣды обширныхъ наблюденій надъ формами природы, что составляетъ начало перехода отъ архаистическаго мышленія къ позднѣйшему. Анаксагоръ идетъ далѣе: онъ обозначаетъ ужь причину разрѣшенія космическаго единства, высшее начало, его разрѣшающее и въ немъ овеществляющееся— *ὁ νοῦς*. — Слѣды анализа, стремящагося во многомъ и разнообразномъ найдти единство, у Діогена аполлонійскаго, и преобладаніе множественности надъ всеобщимъ, утвержденіе производящей причинности въ атомистической системѣ Демокрита, составляютъ ужь рѣшительный переходъ отъ мышленія, объемлющаго весь космосъ, къ мышленію, объясняющему отдѣльныя явленія, къ мышленію, породившему науки.

Приведемъ въ заключеніе слова г. Каткова, которыми онъ опредѣляетъ процесъ, совершавшійся въ самомъ человѣческомъ мышленіи:

Digitized by Google

«Мышленіе, созерцавшее космогоническій (¹) процессъ, переходя въ немъ отъ одного момента къ другому, само находилось въ процессѣ своего рода и подвергалось измѣненіямъ. Можно сказать, что все представлявшееся мышленію, какъ-бы происходило и съ нимъ самимъ. Сначала мы застигаемъ мысль въ состояніи близкомъ къ экстатическому; она является совершенно однородною и подобною тому единому бытію, которое видѣли мы какъ исходный пунктъ космогонической системы. Всѣ понятія являются какъ одно понятіе. Но вотъ однородность мышленія прерывается; въ немъ возникаютъ различныя опредѣленія и оказываются противоположныя тяготѣнія. Завязываются узлы понятій, образующихъ особенные роды познанія и разумѣнія. Мышленіе мало по малу отрывается отъ представленій всеобщаго, подавлявшихъ его, и во множествѣ разнородныхъ представленій, ограничивающихъ взаимно другъ друга, пріобрѣтаетъ самостоятельность, независимость, способность судить и составлять, путемъ частнаго наблюденія и наведенія, практическія понятія» (стр. 144).

Такого рода результаты даютъ книгѣ г. Каткова право на вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей, какого бы рода спеціально-учеными предметами они ни занимались.

De Q. Horatii Flacci Epistola ad Pisones *scripsit* Josephus Piechowski (**О Посланіи К. Горація Флакка къ Пизонамъ,** *соч.* I. Пѣховскаго). *Москва. Въ Университет. тип. 1853. Въ 8-ю д. л. 179 стр.*

Въ половинѣ прошлаго года вышло это сочиненіе г. Пѣховскаго и до-сихъ-поръ ни одинъ изъ нашихъ журналовъ не упомянулъ о немъ. Такое молчаніе ученой критики представляетъ фактъ неочень-утѣшительный. Мы ничего не стали бы говорить противъ него, еслибъ произведеніе г. Пѣховскаго было скороспѣлою компиляціею чужихъ трудовъ, которыми такъ богата германская наука по части классической древности и литературы. Напротивъ, разсужденіе нашего ученаго отличается рѣдкою самостоятельностью, живымъ пониманіемъ предмета. Кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ вопроса о знаменитомъ посланіи Горація къ Пизонамъ, тотъ, конечно, оцѣнитъ сочиненіе г. Пѣховскаго и поблагодаритъ автора не за одну свѣжую мысль, не за одно вѣрное объясненіе касательно связи отдѣльныхъ частей «Посланія». Эта сторона изслѣдованія представляла автору особенныя трудности; но онъ умѣлъ побѣдоносно преодолѣть ихъ. Одинъ упрекъ хотѣли бы мы сдѣ-

---

(¹) Не знаемъ, почему г. Катковъ употребляетъ здѣсь слово *космогоническій*, объяснивъ на 63 и 64 страницахъ различіе между процесомъ физіологическимъ, или физическимъ, и космогоническимъ. Правда, онъ говоритъ тамъ, что этотъ процесъ «мы можемъ назвать также космогоническимъ», но, сказавъ послѣ того, что «твореніе заслонялось для нихъ (для древнихъ) природою и космогонія была для нихъ физіологіей», едва-ли онъ имѣлъ право возвращаться къ этому, имъ же самимъ отвергнутому, термину.

Digitized by Google

лать автору: зачѣмъ книга его написана на языкѣ, не для многихъ доступномъ, но латинскій стиль г. Пѣховскаго поразительно-чистъ, живъ и правиленъ: такою образцовою латинью не часто писали и европейскіе ученые. Упрекъ нашъ обращается въ пользу автора. Предметъ диссертаціи г. Пѣховскаго такъ занимателенъ, результаты его изслѣдованія такъ новы, что мы постараемся впослѣдствіи ближе познакомить съ нею читателей.

Древніе грамоты и акты рязанскаго края, *собранные* А. Н. Пискаревымъ. *С. Петербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. VIII, 171 и VIII стр.*

Сборникъ этотъ представляетъ довольно-много интересныхъ по формѣ граммать и актовъ, и потому можетъ служить дополненіемъ къ «Актамъ Юридическимъ», издаваемымъ Археографическою Коммиссіею. Извлекаемъ интереснѣйшее.

Всѣ первыя девять граммать (данныя, № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8; купчая № 4; оброчная № 9), относящіяся къ 1402 — 1502 годамъ, интересны потому, что въ нихъ не упоминается о послухахъ (свидѣтеляхъ), которые или поименовываются или подписываютъ подобныя грамматы, помѣщенныя въ «Актахъ Юридическихъ». Начиная съ № 10 (1510 г.) и рязанскихъ грамматахъ постоянно являются послухи. Отчего эта разница? Не оттого ли, что въ «Актахъ Юридическихъ» помѣщены гражданскіе акты преимущественно новгородскіе и другихъ сѣверныхъ областей, которыя, состоя въ ближайшихъ связяхъ съ Новгородомъ, подобно ему, раньше другихъ областей развили юридическія формы и гарантіи?

Данныя разанскаго края замѣчательны еще по употребленію вмѣсто *далъ есми* (А. Ю.) — *придалъ есмь* (есми). Въ примѣръ всѣхъ этихъ разностей формы выписываемъ граммату № 1, замѣчательную и въ томъ отношеніи, что она древнѣе всѣхъ актовъ съ обозначеніемъ года, помѣщенныхъ въ «Актахъ Юридическихъ»:

«№ 1. *Жалованная (данная*, по терминологіи «Актовъ Юридич.»: зачѣмъ не держался ея почтенный издатель?) *грамота В. Князя Рязанскаго Өеодора Олеговича* (1402 — 1409) *Игумену Солотчинскаго монастыря Мартирію.*

«Язъ князь великій Өедоръ Олговичъ придалъ есмь Святѣй Богородици на Солодчину игумену Мартирію Холковскую Луку, Перекопь съ озеромъ Тишью, по отца своего грамотѣ Великаго Князя Олга Ивановича, какъ придалъ Святѣй Богородици Өедору игумену. А рыболове мои въ ту Перекопь и въ Тишь не въѣзжають.»

Граммата № 9 интересна потому, что представляетъ другую форму оброчныхъ граммать, писанную отъ лица берущаго. Въ «Актахъ Юридическихъ» помѣщены только оброчныя, писанныя отъ лица дающаго. Кромѣ того, оброчныя «Актовъ Юридическихъ», изъ которыхъ старшая

Digitized by Google

1547 года, начинаются словами «по Великаго Князя слову» и т. д., потому-что даны на оброчное содержаніе казенныхъ земель; одна только (А. Ю.) оброчная 1679 года, данная на частныя земли, не имѣетъ этого заголовка; не имѣетъ его по тому же самому и рязанская граммата, принадлежащая 1502, и потому болѣе древняя, нежели оброчныя «Юридическихъ Актовъ».

«Се язъ князь Ѳедоръ Васильевичь взялъ есми у Пречистой Монастыря Солодшинского деревню Сильчино въ Перевитску до своего живота у Архимандрита у Пахомья съ братьею; а давати мнѣ князю Ѳедору Васильевичу съ той деревни въ домъ Пречистой по полтинѣ на годъ; на Рожество жъ Пречистой повратити послѣ моего живота. И та деревня Сильчино Пречистой Монастыря Солодшинского и архимандрита съ братьею. А писалъ сію грамоту княжь Ѳедоровъ Дьякъ Семенъ Ивановъ сынъ Борановъ въ лѣто семь тысячь десятое.»

№ 17 (по ошибкѣ напечатанная на этомъ мѣстѣ и еще разъ напечатанная на своемъ мѣстѣ подъ № 45; то же самое случилось и съ грамматою подъ № 15 и подъ № 48) 1679 года. Доѣздная, соотвѣтствующей которой по предмету нѣтъ въ «Актахъ Юридическихъ»: «лѣта 7187 марта въ 15 день»... попъ Моисей и сынъ боярской Уразовъ были посланы къ Василью Михайлову сыну Калачову:

«А велѣно намъ у него Василья въ дому пересмотрѣть всякія его письма, и будетъ въ тѣхъ его Васильевыхъ письмахъ объявятся которыя письма непристойныя, и тѣ письма велѣно намъ взять въ Переславь Рязанской. И мы у него Василья Колачова въ дому всякія письма пересматривали»;

но ничего не нашли. «То намъ и доѣздъ. А въ понятыхъ были съ нами» — именуются два попа. У грамматы рукоприкладства попа Моисея и понятыхъ поповъ.

Изъ остальныхъ актовъ и граммать, находящихся въ небольшой книжкѣ, нами разбираемой, могутъ быть сочтены важными только выписки изъ писцовыхъ книгъ о владѣніяхъ Богословскаго Монастыря (№№ 18, 20 и 24), потому-что изъ этихъ выписей видимъ, какъ много страдалъ рязанскій край въ концѣ XVI вѣка отъ Татаръ. Вотъ мѣста, о которыхъ мы говоримъ:

«№ 19 (писцовыя книги 1573 года).... всего семьдесять восмь дворовъ крестьянскихъ живущихъ, да одинадцать дворовъ пусты, да шесть дворовъ сожгли Татарове.... И всего: сто три дворы крестьянскихъ живущихъ, да двадцать восмь дворовъ пусты, да восмнадцать дворовъ сожгли Татарове.... И всего девяноста шесть дворовъ крестьянскихъ живущихъ, да двадцать семь дворовъ пусты, да двадцать семь дворовъ сожгли Татарове...»

Итакъ на 275 жилыхъ дворовъ приходится 66 пустыхъ (вѣроятно, сожженныхъ татарами прежде тѣхъ дворовъ, о которыхъ именно говорится это) 66, и сожженныхъ татарами 51.

«№ 20. Пятьдесять девять дворовъ крестьянскихъ, да сто сорокъ восмь дворовъ пустыхъ. А дворы пожгли Татарове» (Писц. книги 1575 г.).

Digitized by Google

Сожженныхъ татарами дворовъ *втрое* болѣе, нежели жилыхъ! Изданіе «Грамотъ и актовъ Рязанскаго Края» недурно, несмотря на замѣченное нами помѣщеніе двухъ актовъ вдвойнѣ.

Руководство къ картофельно-паточному производству, *составленное* М. Скобликовымъ (**Хозяйственныя и технологическія руководства,** *издаваемыя отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества). С. Петербургъ. 1853. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. 80 стр., 19 рисун. и 2 чертежа.*

Авторъ ужь извѣстенъ публикѣ двумя подобными руководствами, явившимися въ прошломъ году (къ дубленію и картофельному производству).

Въ началѣ книги, какъ введеніе къ изложенію собственно паточнаго производства, помѣщена статья о составѣ и сбереженіи картофеля и добываніе изъ него крахмала, на томъ основаніи, что по-большей-части оба эти производства (какъ это слѣдовало бы и всегда дѣлать, по мнѣнію г. Скобликова) бываютъ соединены. Здѣсь авторъ преимущественно и очень-кстати распространяется о способѣ Госсенштейна добывать крахмалъ посредствомъ слабой сѣрной кислоты, особенно-удобномъ въ этомъ случаѣ, гдѣ и для дальнѣйшей обработки крахмала служитъ то же средство.

Далѣе посвящены двѣ главы собственно-паточному производству по двумъ главнымъ способамъ: посредствомъ солода и сѣрной кислоты; они разобраны практически съ указаніемъ, въ какихъ именно случаяхъ выгоднѣе тотъ или другой; вообще онъ отдаетъ преимущество, вмѣстѣ съ иностранными техниками и фабрикантами, паровому производству съ помощью сѣрной кислоты. Этимъ двумъ статьямъ предшествуетъ краткій, но довольно-полный историческій обзоръ изслѣдованій объ образованіи паточнаго сахара; въ ней только встрѣчается маленькая погрѣшность, а именно: авторъ говоритъ (стр. 4), что Кирхгофъ въ Германіи открылъ, что крахмалъ превращается въ сахаръ отъ кипяченія съ слабой сѣрной кислотой, тогда-какъ извѣстно, что онъ это открытіе сдѣлалъ у насъ, въ Петербургѣ.

За производствомъ слѣдуетъ описаніе свойствъ жидкаго и твердаго паточнаго сахара. Къ этой послѣдней статьѣ, въ концѣ книги помѣщено прибавленіе о новѣйшемъ способѣ добыванія твердаго сахара, изобрѣтеннаго Фушаромъ. Цѣлая глава посвящена описанію снарядовъ съ рисунками въ текстѣ, изъ которыхъ большая часть заимствована изъ химическихъ технологій Отто и Кнаппа. Жаль, что при этомъ не показана цѣнность приборовъ, которые, какъ, напримѣръ, снарядъ Жене для выпариванія, описанъ весьма-сбивчиво.

Въ заключеніе авторъ помѣстилъ повидимому статистическую статью: о картофельно-паточномъ производствѣ въ Россіи; но она, впрочемъ, не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Статистическихъ свѣдѣній въ

Digitized by Google

ней никаких нѣтъ, и авторъ въ ней совсѣмъ не касается состоянія этого производства ни съ технической, ни съ промышленной точки зрѣнія, не упоминая ни о томъ, сколько приблизительно въ Россіи заводовъ, сколько на нихъ вообще получается патоки, ни о томъ, куда ее сбываютъ и на что преимущественно она употребляется. Въ ней помѣщено только описаніе трехъ заводовъ: двухъ въ Пензенской Губерніи и одного въ Лифляндской. Замѣтимъ, въ заключеніе, что г. Скобликовъ мало обратилъ вниманія на раціональное объясненіе паточнаго производства и какъ-бы вскользь, и только ужь въ 3-ей главѣ (стр. 38), упоминаетъ объ отношеніи состава крахмала и паточнаго сахара, тогда-какъ, кажется, ему бы слѣдовало съ самаго начала обратить на это вниманіе читателя, который такимъ-образомъ тотчасъ же получилъ бы болѣе-ясное понятіе о процесѣ превращенія крахмала въ сахаръ: тогда бы была понятнѣе и историческая статья.

Вѣрнѣйшія средства *получать огромный доходъ съ населеныхъ имѣній, равно удобныя и при большихъ и маленькихъ имѣніяхъ* Ив. Кс. Зеленецкаго. *Москва. Въ тип. Т. Т. Волкова и комп. 1853. Въ 12-ю д. л. 106 стр.*

Послѣдняя страница этой книги выводитъ слѣдующій разсчетъ:

«Такимъ образомъ мы продаемъ изъ нашего имѣнья, въ 25 душъ, всего, за исключеніемъ остатка на наше продовольствіе, на 4,101 руб.

«Со 100 душъ, значитъ можно получить 16,404 руб.

«1000 душъ дадутъ 164,040 руб. сер.»

Разсчетъ автора, пожалуй, очень-вѣренъ; но отчего же, скажите, при такихъ большихъ доходахъ люди не богатѣютъ? Отъ моды и роскоши? Очень-хорошо! Такъ вы дайте средства уничтожить моду и роскошь, а потомъ ужь предлагайте способы богатѣть. Въ противномъ случаѣ, легко выучившись получать огромный доходъ, мы легко будемъ и проживать его.

Полная Русская Хрестоматія. *Составилъ* А. Галаховъ. *Изданіе шестое, съ перемѣнами. Въ трехъ частяхъ. Москва. Въ Университеской тип. 1853. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части (краснорѣчіе) — 516, во 2-й (поэзія) — 420, въ 3-ей (примѣчанія) — 252 стр.*

Говорить о достоинствѣ этой книги и пользѣ ея для учащихся, считаемъ совершенно-излишнимъ: она говоритъ сама за себя, появляясь ужь въ 6-ой разъ въ-теченіе десяти лѣтъ. Публика и преподаватели русской словесности отдали ей должную справедливость. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что г. Галаховъ, при каждомъ изданіи, заботился объ улучшеніи труда своего. Такъ и теперь, въ шестомъ изданіи онъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны къ лучшему. Въ примѣчаніяхъ, напримѣръ,

Digitized by Google

представлена болѣе подробная біографія Жуковскаго и помѣщены также біографическія извѣстія о Гоголѣ (*).

Народный Русскій Пѣсенникъ. *Двѣ части. Изданіе второе (съ изданія 1840 безъ перемѣнъ). Москва. Въ тип. Волкова и комп. 1853. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части—72, во 2-й—84 стр.*

Пѣсенникъ, какъ и всѣ пѣсенники-компиляціи: безъ выбора, безъ толку, собранный на авось. Чтò попало подъ руку, то и наше, а чтò не попало, того и не надо.

Разсказъ сбитенщика про желѣзную дорогу. *Въ тип. А. Евреинова. 1853. Въ 18-ю д. л. 11 стр.*

Разсказъ этотъ—безсвязный сборъ прибаутокъ, набранныхъ со всѣхъ четырехъ странъ свѣта. Зачѣмъ они сошлись на желѣзной дорогѣ — одному автору извѣстно, и почему ихъ говоритъ сбитенщикъ, а не какой-нибудь блинникъ — тоже вѣдаетъ одинъ авторъ.

Новая коммерческая игра Китай, *составленная* И. Буттеромъ. *Москва Въ тип. Вѣд. Москов. Город. Полиціи. 1853. Въ 18-ю д. л. 31 стр.*

По правиламъ, здѣсь изложеннымъ, можно не только выучиться играть, но, пожалуй, повторить географію Китая и пріучиться къ выговору китайскихъ именъ, которыхъ иногда и не выговоришь. «Пекинъ — 5 взятокъ, Нанкинъ — 6 взятокъ, Ганъ-чу-фу — 7 взятокъ, Кантонъ — 8 взятокъ, Китай — 9 взятокъ»: вотъ ужь вамъ четыре города и цѣлое государство! Правила игры легки и объяснены чрезвычайно-отчетливо. Иногда отчетливость переходитъ ужь границы, напр. «За неимѣніемъ четвертаго, можно играть въ оную и тремъ (играть втроемъ)». Конечно такъ: тремъ или втроемъ — не одно ли и тоже? Вотъ «дама самъ-другъ» и «дама сама-другая», какъ выражается авторъ, двѣ вещи разныя: какое между ними различіе — неизвѣстно.

Народныя Стихотворенія В. С. Красноходискаго. *Москва. Въ Университетской тип. 1854. Въ 8-ю д. л. 30 стр.*

Любовь стихотворцевъ къ своимъ стихотвореніямъ удивительна. Они вполнѣ чадолюбивые родители, которые, какъ замѣчено, питаютъ ино-

(1) Цѣна экземпляру *два руб. пятьдесятъ коп. сер.*; вѣсовыхъ на пересылку *за пять фунт.* съ каждаго экз. Особы, покупающія не менѣе *ста экз.*, платятъ *сто семьдесятъ-пять руб. сер.* (кромѣ пересылки). Учебнымъ заведеніямъ дѣлается значительная уступка. Книга продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Съ требованіями можно адресоваться къ самому автору, Алексѣю Дмитріевичу Галахову *(въ Москвѣ, у Спаса на Пескахъ, въ Каретномъ Ряду, въ домѣ Иванова).*

Digitized by Google

гда особенную нѣжность къ слабымъ или уродливымъ дѣтямъ. Къ числу такихъ родителей принадлежитъ г. Краснохолмскій: онъ позаботился даже (конечно, для потомства) означить время рожденія каждаго стихотворнаго своего дѣтища. Изъ этой метрики видимъ, что старшія чада явились на свѣтъ въ 1851 г., а самыя младшія въ 1853. Чего требовать отъ такихъ малютокъ?.. Но вотъ что̀ насъ конфузитъ: плодовитость г. Краснохолмскаго идетъ crescendo: въ 1851 году написалъ онъ три пьесы, въ 1852 — семь, въ 1853 — десять. Сколько же будетъ ихъ черезъ пятнадцать лѣтъ?

Награда за откровенность. *Сочиненіе* Андрея Авчинникова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Якова Трея. 1853. Въ 8-ю д. л. 308 стр.*

Не знаемъ, одно ли и то же лицо — г. Авчинниковъ, авторъ «Награды за откровенность», и г. Овчинниковъ, переводчикъ «Фауста»... Если «Награда за откровенность» написана тѣмъ же перомъ, которое начертало «Фауста», то новое произведеніе г. Овчинникова, или Авчинникова, свидѣтельствуетъ о твердомъ намѣреніи автора неуклонно шествовать къ литературному безсмертію единожды-избраннымъ путемъ. Если же г-нъ Авчинниковъ не переводилъ «Фауста», переведеннаго г-мъ Овчинниковымъ, то мы не можемъ скрыть отъ г-на Овчинникова нашего опасенія за прочность его славы: въ авторѣ «Награды за откровенность» является соперникъ ему — и соперникъ равносильный.

Правда, г. Овчинниковъ писалъ такіе, напримѣръ, стихи:

«Взадъ бѣжитъ волна напѣнясь,
Быстрь молчитъ — и ни шага!
Дно дрожитъ, вода кобенясь
Тормошитъ и рветъ брега...»

но и у г. Авчинникова найдутся странички такой, напримѣръ, прозы.

«Вотъ, я вамъ скажу, воркнулъ себѣ голубкомъ-воркункомъ и сталъ себѣ поджидать краснаго времечка. А тамъ какъ Шишка пошелъ въ салотонню, а нашъ штукарь къ Митровнѣ въ гости завернулъ, и ну подпускать турусы, да бубенчики.

«Вотъ, я вамъ скажу, балясы за балясами, колесы за колесами, смѣшки да посмѣшочки, фигчики да орѣшки, а тамъ цокъ, цокъ, и запѣлъ соловьемъ...»

и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Хороша, напримѣръ, слѣдующая пѣсня г. Овчинникова.

«Вы ребятишечки,
Вы жь тѣ-и-сѣ,
Такія пышечки,
Въ такой красѣ!
Кто бы, жизнёночки,

Digitized by Google

Мнѣ говорнулъ —
Кто васъ на ноженьки
Такихъ создалъ?
Вы столь пригоженьки,
Я бъ васъ обнялъ,
Да взялъ въ губеночки
И целовнулъ!»

но, право, не хуже этой пѣсни и слѣдующая тирада г. Авчинникова:

«Вотъ, я вамъ скажу, какъ покончили мировое дѣльцо, вотъ тутъ бы вы поглядѣли, какое чудо закипѣло! Просто поднялся пиръ горою, что твоя свадьба Бувы Королевича! просто, пошли званые и непрошаные... Откуль ни взялась, прилетѣла Шишчиха, откуль не ждали, прискакала Фирсиха, а тамъ откуль не просили, пришла и наша милость, самъ-другъ со Степашею; а тамъ пошли, а тамъ поѣхали, просто, какъ на даровую комедію: — глядишь напередъ, выступаетъ Ванюхъ, глядишь назадъ, скачетъ Курсикъ; глядишь справа, катитъ Юркина управитель, глядишь слѣву, жалуетъ Сазончикъ... А тамъ пошли сбираться купцы, пошли сходиться мѣщане, а тамъ прибѣжали бургомистры и повытки... Вотъ тутъ и на себѣ потѣшаться, и ну себѣ колесить; просто, дымъ столбомъ пошелъ, просто, донское полилось ручейкомъ... Шишка цалуетъ Фирсиху, Фирсикъ пожимаетъ ручки Шишчихи; глядишь, Степириха обнимается съ зваными и незваными бабочками. А тамъ чики, чики, и пошли небылицу въ лицахъ городить; а тамъ бухъ, трахъ, и музыка закипѣла, и пошли кузнечики прыгать и пошли бабочки летать.»

Превосходно! Что̀ ни говорите, а эти «чики, чики», «бухъ, трахъ». «цокъ, цокъ» и проч. г. Авчинникова совершенно равносильны хорамъ бабьихъ-звяковъ, перекриковъ, дроворубовъ, блюдолизовъ и прочихъ оригинальныхъ лицъ, созданныхъ г. Овчинниковымъ, которыя выражаются въ такомъ родѣ:

«Что могутъ намъ... турусы тамъ...
Все то — взмазня... одна звѣздня...» и проч.

Когда читаешь книгу г. Авчинникова, то «дѣлается (употребимъ его выраженіе) чрезвычайно-легко на душѣ и невольно чувствуешь отраду до ощущенія въ груди». Хотѣлось бы и еще похвалить «Награду за откровенность», но (говоря словами г. Овчинникова):

«На этотъ разъ не соберусь съ словами!
Сей видъ чудесный мнѣ языкъ подсѣкъ
И вырвалъ рѣчь какъ жгучими клещами.»

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Магазинъ Землевѣдѣнія и Путешествій. *Географическій Сборникъ, издаваемый* Николаемъ Фроловымъ. *Томъ II. Съ семнадцатью рисунками. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1853. Въ 4-ю д. л. VIII и 606 стр.*

Говоря о первой части «Магазина» («От. Зап.» 1852 года, т. LXXXIV, отд, VI, стр. 57), мы многое въ ней похвалили, многаго же не одобрили. Вторую часть «Магазина» намъ приходится хвалить почти безусловно во всѣхъ отношеніяхъ. Достоинствами своими вышедшая нынѣ часть сборника обязана преимущественно прекрасному составу. Содержаніе ея — переводы «Ansichten der Natur.» Ал. Гумбольдта и «Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde» К. Риттера. Большинству русской публики оба эти сочиненія доселѣ были извѣстны только отчасти, такъ-сказать, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а именно: или по извлеченіямъ изъ этихъ сочиненій, или по переводамъ, далеко-неполнымъ. Такъ статьи: «Пустыни и Степи», «Водопады Ореноко», «Ночная жизнь животныхъ» и др. (изъ «Ansichten der Natur» Ал. Гумбольдта) хотя и были переводимы на русскій языкъ неоднократно, но всякій разъ съ пропускомъ «поясненій и прибавленій» автора; а эти поясненія и прибавленія, по обширности своей, *втрое* превосходятъ самыя статьи, къ которымъ они относятся. Съ сочиненіемъ Ал. Гумбольдта многіе могли ознакомиться по нѣмецкому оригиналу, имѣвшему три изданія: первое изданіе этой книги вышло въ свѣтъ въ 1808 году. Сорокъ лѣтъ спустя, въ 1849 году, когда Ал. Гумбольдту минуло восемьдесятъ лѣтъ, въ самый день его рожденія, 14 сентября н. ст., появилось третье изданіе съ многими и важными прибавленіями противъ первыхъ двухъ изданій). Но нельзя того же сказать о статьяхъ К. Риттера. Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ числа семи статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Фролова, двѣ («Введеніе ко всеобщему сравнительному землевѣдѣнію» и «Общія замѣчанія о твердыхъ формахъ земной коры») были напечатаны въ первомъ томѣ извѣстнаго «Erdkunde etc» К. Риттера, сочиненіи, по дороговизнѣ, довольно-рѣдкомъ, а остальныя пять «О географическомъ положеніи и горизонталь-

Digitized by Google

номъ протяженіи частей свѣта», «Замѣчанія о географическихъ способахъ изображать пространственныя отношенія фигурами и числами», «Объ историческомъ элементѣ въ наукѣ землевѣдѣнія», «Теллурійская (теллурическая?) связь между природою и исторіею въ произведеніи трехъ царствъ природы, или о географическомъ естествовѣдѣніи» и «О пространственныхъ отношеніяхъ на поверхности земнаго шара и ихъ вліяніи на ходъ историческаго развитія человѣчества», написанныя К. Риттеромъ между 1826 и 1851 годами, напечатаны порознь въ разныхъ томахъ «Записокъ Берлинской Академіи» и потому были еще болѣе недоступны. Отдѣльные же оттиски этихъ статей хотя и поступали въ продажу, но, какъ помнится, въ небольшомъ числѣ. Только въ 1852 году К. Риттеръ, удовлетворяя желанію публики, рѣшился всѣ эти статьи, какъ имѣющія много общаго по цѣли, собрать вмѣстѣ и издать отдѣльною книгою. Намъ кажется, что г. Фроловъ въ нижеслѣдующихъ словахъ въ высшей степени справедливыхъ и какъ-бы невольно-вылившихся изъ-подъ его пера, довольно-вѣрно и мѣтко выставляетъ на видъ русской публикѣ заслугу и свою, какъ издателя, и своихъ сотрудниковъ по переводу:

«Вносить въ отечественную словесность произведенія чуждыхъ литературъ — значитъ дѣлать ее соучастницей въ движеніи всемірной литературы. Черезъ это созданія человѣческой мысли расширяютъ свой кругъ дѣйствія, пріобрѣтаютъ, внѣ своей тѣсной родины, новое отечество и, подъ другимъ небомъ, воздѣлываемыя другой народною рѣчью, приносятъ новые плоды. Отечественная литература, съ другой стороны, значительно богатѣетъ, пріобщая къ произведеніямъ народной умственной дѣятельности произведенія чуждаго творчества. Чужеземныя творенія только переложеніемъ на народный языкъ дѣлаются истиннымъ достояніемъ нашей отечественной почвы и могутъ на ней плодотворно переработываться; испытуемыя, повѣряемыя нашимъ роднымъ говоромъ (языкомъ?), только помощью изящнаго переводнаго языка эти творенія соглашаются съ нашимъ народнымъ духомъ, приспособляются къ потребностямъ народной образованности, входятъ въ умственное обращеніе страны, а вмѣстѣ съ этимъ приносятъ и всемірно-историческое мѣрило для нашихъ туземныхъ литературныхъ произведеній.»

Впрочемъ, во второй части «Магазина» заслуживаетъ похвалы не только хорошій выборъ сочиненій для перевода, но и самый переводъ. Недостаткомъ хорошаго перевода, какъ, быть-можетъ, помнятъ читатели, страдали нѣкоторыя изъ статей первой части «Географическаго Сборника». Г. Кетчеръ перевелъ сочиненіе Ал. Гумбольдта довольно-отчеливо и даже умѣлъ сохранить, до нѣкоторой степени, изящество языка подлинника (Гумбольдтъ самъ называетъ свои «Воззрѣнія на природу» попыткою эстетической и вмѣстѣ ученой обработки предмета изъ естественной исторіи). Статьи К. Риттера переведены гг. Барыковымъ, М—номъ и, преимущественно, г. Кояндеромъ. Достаточно пробѣжать двѣ-три страницы нѣмецкаго подлинника, чтобъ составить себѣ достаточ-

Digitized by Google

ное понятіе о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми надлежало бороться переводчикамъ, рѣшившимся неуклонно держаться какъ можно ближе оригинала, сохранить въ переводѣ не только мысль, но и самый способъ ея выраженія. Языкъ К. Риттера — языкъ книжный, учено-нѣмецкій, мѣстами тяжелый до крайности, искусственный до-нельзя; полный новосоставленныхъ словъ и фразъ, конечно, не можетъ быть очень-податливъ къ переводу. Что касается способа изложенія, то въ этомъ отношеніи нѣкоторыя, если не всѣ, статьи К. Риттера можно справедливо уподобить плотной органической ткани, мускулу или нерву, котораго фибры, то длинныя, то короткія, то крѣпкія, то мягкія, мѣстами такъ перепутаны, переплетены въ узлы, что преслѣдовать раздѣленіе нитей, ихъ взаимное отношеніе и связь становится дѣломъ труднымъ и даже невозможнымъ безъ помощи микроскопа. Усиленное вниманіе — этотъ, такъ-сказать, умственный микроскопъ, должно постоянно не оставлять читателя «Идей» К. Риттера. Только при помощи этого микроскопа и послѣ многихъ трудовъ наконецъ раскроется передъ глазами читателя вся чудная, глубоко-ученая и высоко-эстетическая сторона воззрѣній великаго германскаго мыслителя-географа, пояснится непонятное, озарится свѣтомъ темное и привлечетъ къ себѣ то, что̀ прежде казалось уродливымъ. Выписки, которыя будутъ приведены въ концѣ нашей статьи, могутъ служить, до нѣкоторой степени, подтвержденіемъ нашего мнѣнія о языкѣ К. Риттера. Понятно, что русскіе переводчики, держась близко подлинника, не могли думать объ изяществѣ языка своего перевода; имъ оставалось только хлопотать о соблюденіи грамматической правильности. Вообще, переводъ вполнѣ-удовлетворителенъ и, конечно, ни одна европейская литература не имѣетъ лучшаго; по-крайней-мѣрѣ французскій переводъ, который мы имѣли подъ-руками, полный ошибокъ и произвольныхъ прибавленій, далеко уступаетъ русскому.

Дѣятельность издателя не ограничивалась только заботами о хорошемъ выборѣ оригинала и добросовѣстномъ исполненіи перевода. Г. Фроловъ, имѣя въ виду большинство читателей, пошелъ далѣе. Такъ-какъ распредѣленіе организмовъ по лицу земли составляетъ немаловажный отдѣлъ въ «Воззрѣніяхъ на природу», то, чтобъ нагляднѣе и ближе представить эти географическія изученія естественно-историческихъ предметовъ, г. Фроловъ считалъ весьма-умѣстнымъ присоединить къ этимъ «Воззрѣніямъ» рисунки, изображающіе нѣкоторыя изъ типическихъ формъ растительнаго царства, преимущественно изъ числа упоминаемыхъ Ал. Гумбольдтомъ. Рисунки эти выбраны, соединены (къ-сожалѣнію, безъ сохраненія относительной величины изображаемыхъ растеній) и налитографированы очень-удовлетворительно. Далѣе, чтобъ дать читателю путеводную нить при чтеніи статей К. Риттера и облегчить пониманіе связи цѣлаго, издатель приложилъ къ этимъ статьямъ краткій, но связный обзоръ содержанія ихъ. Что эти приложенія — дѣло не только не лишнее, но весьма-полезное, въ этомъ будутъ имѣть случай убѣдиться всѣ вни-

Digitized by Google

мательные читатели «Магазина». Въ заключеніе прибавимъ, что книга издана вполнѣ-опрятно, а цѣна ей назначена крайне-умѣренная: въ-самомъ-дѣлѣ вторая часть сборника, заключающая въ себѣ слишкомъ сорокъ-одинъ печатный листъ съ семнадцатью таблицами рисунковъ, стоитъ всего 3 руб. сер. Дешевизна — важное достоинство въ изданіяхъ, назначаемыхъ служить «книгою для чтенія» большинству публики.

Намъ еще остается сказать о самыхъ произведеніяхъ Ал. Гумбольдта и К. Риттера, поступающихъ нынѣ въ сокровищницу русской литературы, въ пользованіе русской публики. Говорить въ отдѣлѣ «Библіографической Хроники» о подобнаго рода сочиненіяхъ, капитальныхъ по достоинству, по вліянію своему на ходъ наукъ и ужь извѣстныхъ, хотя отчасти, публикѣ — довольно-затруднительно, потому-что, для разумной оцѣнки ихъ необходимо предпослать всякому выводу о достоинствѣ или недостаткѣ ихъ обзоръ исторіи естествовѣдѣнія вообще и землевѣдѣнія въ-частности, чтобъ такимъ образомъ опредѣлить истинное мѣсто, занимаемое этими произведеніями во всемірной литературѣ, и то вліяніе, какое они имѣли, или могутъ имѣть на направленіе ученыхъ воззрѣній. Сочиненія въ родѣ «Ansichten der Natur» Ал. Гумбольдта и «Einleitung etc.» К. Риттера, появленіемъ своимъ составляющія эпоху въ исторіи науки, дающія новое направленіе научнымъ воззрѣніямъ, а не примыкающія, какъ частное проявленіе, простое продолженіе или дальнѣйшее развитіе, къ издавна ужь опредѣлившимся, издавна установившимся направленіямъ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ виды извѣстнаго рода, а, слѣдственно, и опредѣленіе ихъ оченьнелегко. Но если въ этомъ отношеніи рецензентъ не можетъ сдѣлать многаго, то все-таки онъ можетъ и долженъ сдѣлать кое-что. Руководимые этою мыслью и отлагая до другаго случая и до другаго времени высказать свои мнѣнія о произведеніи Ал. Гумбольдта, обращаемся прямо къ статьямъ К. Риттера и, не вдаваясь въ подробный обзоръ ихъ, поищемъ въ нихъ отвѣта на слѣдующій весьма-важный и, конечно, для всѣхъ интересный вопросъ: какія задачи, по мнѣнію К. Риттера, рѣшаетъ или должна рѣшать наука землевѣдѣнія?

Обыкновенно К. Риттера называютъ творцомъ современной географической науки, а потому воззрѣнія его на предметъ, цѣль, идею землевѣдѣнія должны имѣть весьма-важное, хотя бы и историческое, значеніе для каждаго образованнаго человѣка. Къ-сожалѣнію, полное или достаточно-связное уясненіе этихъ воззрѣній для каждаго *читателя* несовсѣмъ-легко. Выше ужь мы замѣтили, что бѣглое чтеніе статей К. Риттера не въ-состояніи довести читателя до искомаго уясненія, потому-что только послѣ внимательнаго и неоднократнаго чтенія начинаютъ наконецъ слагаться въ головѣ читателя идеи К. Риттера въ нѣчто цѣлое, гармонически-стройное, величественно-громадное. Постараемся же, по мѣрѣ силъ, облегчить трудъ читателю. Но прежде всего считаемъ долгомъ оговорить, что въ выпискахъ изъ статей К. Рит-

Digitized by Google

тера и нашихъ къ нимъ замѣчаніяхъ мы не имѣемъ притязанія довести читателя до полнаго уясненія задачи географіи (какъ понимаетъ ее великій германскій ученый), ни избавить отъ труда познакомиться съ подлинникомъ въ переводѣ, изданномъ г. Фроловымъ; но мы думаемъ, что эти выписки и примѣчанія могутъ быть полезны въ томъ отношеніи для нашего читателя, что онѣ помогутъ ему при чтеніи «Магазина» скорѣе и легче понять и усвоить себѣ основныя идеи К. Риттера.

По опредѣленію К. Риттера, географія есть наука «о наполненныхъ земнымъ веществомъ пространствахъ и ихъ отношеніихъ». («Магазинъ Землевѣдѣнія», стр. 481 и 482). Опредѣленіе, сформулированное столь сжато, если даже допустимъ, что оно вѣрно, все-таки неудобопонятно, потому-что каждое слово его требуетъ длиннаго объясненія того значенія, въ которомъ оно употреблено. Какъ поясненіе или нѣсколько-болѣе подробное развитіе предъидущаго опредѣленія, приводимъ слѣдующія мѣста:

«Какую же другую задачу предстоитъ рѣшить наукѣ относительно пространствъ, исполненныхъ земнаго вещества, если не изслѣдовать всѣ ихъ отношенія, именно отношенія самыхъ пространствъ, отношенія исполняющаго ихъ вещества и взаимныя отношенія того и другаго. Слѣдственно: во-первыхъ, ариѳметическія отношенія, или обозначеніе ихъ количества, разстояній и величины. Во-вторыхъ геометрическія отношенія пространствъ, или ихъ видъ, формы и положенія. Но и вещество, исполняющее пространство, разсматриваетъ она не по его составу, не по формамъ и свойственнымъ ему силамъ, не по его естественнымъ законамъ. Это дѣло наукъ естественныхъ, химіи и физики. Она изслѣдуетъ его собственно по свойствамъ, сферамъ и законамъ его распространенія на землѣ, — о чемъ тѣ науки развѣ случайно упоминаютъ, — по явленіямъ, проистекающимъ изъ его взаимныхъ сочетаній, и въ связи съ его положеніемъ, видомъ, формами, съ числомъ, величиною и разстояніями. Пространства земныя, во-первыхъ, наполнены естественными силами и тѣлами трехъ царствъ природы, геогностическими породами въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ, растительнымъ покровомъ разнообразной ткани и многоразлично раскинутымъ, міромъ животныхъ по мѣстнымъ жизненнымъ поясамъ и сферамъ для разныхъ ихъ породъ. За-тѣмъ къ этому слѣдуетъ еще присовокупить міръ человѣка съ его народностями и разумно-одушевленными личностями. Эти послѣднія хотя и несвязаны съ земною корою такъ, какъ бо́льшая часть животныхъ, однакожь все-таки въ естественномъ и духовномъ своемъ развитіи многоразлично ею условливаются. А потому мѣра вліянія этихъ пространствъ, каковы бы они ни были, на міръ неорганическій, на живые организмы вообще и на духовное развитіе и преспѣяніе человѣческихъ личностей и народовъ, наконецъ всего рода человѣческаго, необходимо есть важный отдѣлъ этой науки землевѣдѣнія» (стр. 485).

«Земля, составляющая только одинъ членъ солнечной системы, сама-по-себѣ опять оказывается особою системою явленій; и именно многоразличное распредѣленіе ея наружной оболочки и видимая разсѣянность или

Digitized by Google

совокупленіе разнообразныхъ ея частей на тѣснѣйшихъ или обширнѣйшихъ пространствахъ весьма различно опредѣлили свойство ея поверхности. Ни одна изъ отдѣльныхъ ея частей не лежитъ случайно, или безъ вліянія, вблизи или вдалекѣ отъ другой, напротивъ каждая связана съ цѣлымъ, каждая, какъ дѣятельный членъ, участвуетъ въ жизни замкнутаго кольца всей земной системы, и система эта именно поэтому и сдѣлалась особою планетою съ самостоятельнымъ устройствомъ и своеобразною дѣятельностію во всѣхъ своихъ частяхъ и отношеніяхъ. Въ этомъ устройствѣ, оказывающемъ вліяніе и на безжизненныя, и на принадлежащія къ нимъ живыя части этой земной системы, есть одинъ особенный теллурійскій элементъ, элементъ совершенно другой, чѣмъ въ устройствѣ отдѣльныхъ, отрѣшенныхъ отъ ней неорганическихъ и органическихъ земныхъ естественныхъ тѣлъ. Въ цѣломъ нашей планеты замѣтенъ особенный планетный организмъ, и онъ не ограничивается вліяніемъ на простое наполненіе пространства и на тѣла неорганизованныя, а проникаетъ и въ область растительнаго царства, и живыхъ организмовъ, а также оказываетъ образующее и условливающее вліяніе и на духовную дѣятельность послѣднихъ. Въ общихъ явленіяхъ природы и исторіи вездѣ проявляется вліяніе этого теллурійскаго устройства планеты и его отношеній, потому-что планета наша съ самаго начала устроена для того, чтобы служить скиніею дѣятельности природы и ея силъ, а также и жизни народовъ, чтобы служить отчизною, жилищемъ и учрежденіемъ для временнаго развитія человѣческаго рода... Разрѣшеніе этого общаго отношенія на его частности есть задача науки; отъ-этого каждое частное отношеніе пріобрѣтаетъ значеніе для мысли и дѣятельности относительно общаго и особеннаго—отъ-этого самыя простыя, самыя по-видимому незначительныя отношенія проявляются въ обширнѣйшемъ своемъ вліяніи» (стр. 443).

Намъ кажется, что сущность воззрѣній К. Риттера на предметъ географіи вкратцѣ можно изложить такъ: К. Риттеръ видитъ въ нашей землѣ не простой аггрегатъ, не случайное скопленіе разнородныхъ матерій, не хаотическое поприще для враждебнаго дѣйствія разнообразныхъ силъ, а гармоническое цѣлое, *организмъ особаго рода*, одинъ изъ безчисленно-разнообразныхъ организмовъ, цѣлесообразно созданныхъ Творцомъ міра. *Земля есть организмъ особаго рода* — это любимая идея К. Риттера. Въ статьяхъ своихъ онъ не разъ возвращается къ ней, развиваетъ ее съ рѣдкимъ искусствомъ и съ горячею, восторженною любовью. Мы увѣрены, что читатели съ удовольствіемъ прочтутъ слѣдующее мѣсто изъ статьи «о пространственныхъ отношеніяхъ на поверхности земнаго шара и ихъ вліяніи на ходъ историческаго развитія человѣчества» (стр. 525—527):

«Созданія природы характеристически отличаются отъ дѣлъ человѣческаго искусства. Въ этихъ послѣднихъ, даже когда они носятъ на себѣ, по-видимому, печать высшей степени совершенства, когда они кажутся вполнѣ симметрическими, красивыми, составленными изъ частей, вполнѣ соотвѣтствующихъ одна другой, и до мелочей правильными, все-таки, при тщательномъ изслѣдованіи, оказывается, что въ нихъ недостаетъ органической

Digitized by Google

связи. А при микроскопическомъ осмотрѣ очевидно обнаруживается величайшая грубость ихъ состава. Это равно замѣтно и въ тончайшей ткани, и въ самомъ изящномъ часовомъ приборѣ, и въ картинѣ, впрочемъ, проявляющей полную гармонію цвѣтовъ, и въ мраморной, либо металлической поверхности, полированной сколько-возможно гладко. Напротивъ, въ произведеніяхъ природы ихъ поверхность, по-видимому лишенная симметріи, неправильная, безобразная, чѣмъ пристальнѣе мы ее разсматриваемъ, изслѣдуемъ, даже до микроскопическихъ подробностей, тѣмъ болѣе безпрерывно разверзается на мельчайшіе элементы и организаціи. Такъ устроена и тончайшая нить паутины, и дивная ткань растительной клѣтчатки, и развѣтвляющіяся жилы животныхъ организмовъ, и даже кристаллическія формы и листоватое наслоеніе неорганическихъ веществъ и частицъ, даже такихъ, которыхъ, по малости, невооруженный глазъ почти не можетъ и видѣть. Сверхъ-того, эта противоположность замѣтна не только въ одномъ вещественномъ устройствѣ, но еще болѣе въ духовномъ величіи цѣли и ведущихъ къ ней отправленій. Это показало физіологическое изученіе природы, которое вездѣ открыло дружное взаимное содѣйствіе въ естественныхъ силахъ, и тѣмъ повело къ системамъ и ихъ естественнымъ законамъ, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ науки: химія, физика и т. д. Можетъ-ли эта противоположность не существовать въ величайшемъ изъ извѣстныхъ намъ естественныхъ тѣлъ, въ нашей планетѣ, хотя мы знаемъ только самую внѣшнюю ея оболочку, да и ту пока еще очень поверхностно? и неужели эта внѣшняя оболочка, по-видимому истерзанная слѣпою естественною силою, только вслѣдствіе случайнаго, безпорядочнаго и безцѣльнаго, хаотическаго господства нептуническаго и плутоническаго элементовъ и ихъ взаимнаго противоборства приняла свой настоящій, крайне неправильный видъ, приводящій въ смущеніе при первомъ ея обзорѣ? Какъ согласить это съ судьбами живыхъ существъ, ее населяющихъ, съ судьбами человѣческаго рода, съ его исторіей и развитіемъ, если мы остановимся хоть на одной мысли, что наша планета, есть домъ воспитанія и всѣ ея устройства суть принадлежности великаго воспитательнаго заведенія для человѣчества въ земномъ его странствованіи. Всякому растенію нужна способная для сѣянія его почва, чтобы изъ корня развиться въ стволъ, цвѣсти и принести плодъ; всякое твореніе должно двигаться и жить въ той стихіи, для которой оно создано; въ противномъ случаѣ, оно гибнетъ. Неужели же жизнь человѣка, развитіе человѣчества, въ-теченіе столькихъ тысячелѣтій, въ столькихъ милліонахъ отдѣльныхъ существъ, связаны съ жилищемъ, образовавшимся только вслѣдствіе непріязненной борьбы естественныхъ силъ, были-ли то нептунъ и вулканъ въ сушѣ и моряхъ, или тепло и холодъ въ воздушныхъ пространствахъ, съ жилищемъ, возникшимъ вслѣдствіе слѣпаго, неразумнаго произвола? — съ жилищемъ, не состоящимъ ни въ какой гармоніи съ потребностями постепенно возрастающаго развитія рода человѣческаго? Въ-самомъ-дѣлѣ, въ немъ, въ этомъ жилищѣ, несмотря на все неисчерпаемое богатство и разнообразіе его произведеній на земной поверхности, мы все еще мнимъ видѣть только скомленную толщу неправильнаго, осажденнаго атомами, отвердѣвшаго, такъ-называемаго неорганическаго тѣла! Неужели одному этому тѣлу отказано въ той образовательной силѣ внутренней орга-

Digitized by Google

низація, которая есть отличительное свойство всѣхъ живущихъ на немъ твореній?» и т. д. (стр. 525—527).

Принявъ же, что земля есть организмъ особаго рода, необходимо допустить, что каждая часть ея не можетъ оставаться безъ вліянія на цѣлое, и обратно; что ни одна часть не можетъ быть выкинута изъ цѣлаго безъ того, чтобъ отсутствіе ея не обозначилось болѣзненно на цѣломъ организмѣ; короче: всѣ части земнаго цѣлаго находятся во взаимномъ соотношеніи. Цѣль же землевѣдѣнія — изучить эти общія (пространственныя) отношенія (стр. 485). Такъ-какъ эти проявленія тѣснаго соотношенія, постояннаго взаимнодѣйствія между цѣлымъ и частями можно назвать *жизненными проявленіями* земли (подобно тому, какъ говорятъ: жизнь животная, жизнь растительная), то нѣкоторые ученые называютъ географію наукою о жизни земли, біологіей или *физіологіей земнаго организма*. Отъ этого названія не прочь и самъ К. Риттеръ. (Стр. 377, 551 и н. др.)

Подобно тому, какъ раціональная діэтетика должна основывать свои правила на истинахъ физіологіи, высшая политическая мудрость должна руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ выводами землевѣдѣнія:

«Если идея всего человѣческаго рода не мыслима безъ земнаго шара: то и отдѣльный человѣкъ, и цѣлый, еще менѣе независимый отъ земли народъ, и связанное природой страны государство, безъ сознанія настоящаго своего положенія относительно земли, не могутъ достигнуть полной гармоніи съ самими собою. Или, другими словами, только эта-то гармонія между народомъ и его родиной, между положеніемъ государства относительно природы и человѣческой жизни, или относительно физики и политики, — именно и обусловливала съ одной стороны процвѣтаніе народовъ и государствъ во всемірной исторіи. И тамъ, гдѣ эта гармонія уже болѣе не вытекаетъ безсознательно *вмѣстѣ* съ самымъ органическимъ развитіемъ народовъ, какъ это, можетъ-быть, было въ болѣе юный періодъ древности: тамъ, а слѣдовательно и въ наше время, этотъ законъ, вѣчную тетрактію, какъ безсмертный источникъ всякой гармоніи, должна отыскать и сознать наука.» (Стр. 365.)

Какъ жизнь всякаго отдѣльнаго организма не остается неизмѣнно-одною и тою же, а *развивается*, такъ и жизнь планетнаго организма не остается вѣчно-неизмѣнною, постоянно-равною самой себѣ, но также развивается. Въ изученіи этого развитія земнаго организма и заключается историческій элементъ землевѣдѣнія, который доселѣ несправедливо смѣшивали съ историческимъ элементомъ собственно (стр. 481 и 504).

Отношеніе между геологіей и географіей то же, какое и между эмбріологіей и физіологіей (стр. 412).

Читатель согласится, что главная, путеводная идея географическихъ воззрѣній К. Риттера недовольно-ясна, неосязательно-опредѣлительна. Въ этомъ сознается самъ К. Риттеръ; но это сознаніе нисколько не мѣшаетъ ему крѣпко *вѣрить* въ ея справедливость.

Digitized by Google

«Построеніе (говоритъ К. Риттеръ) всѣхъ собранныхъ въ этомъ трудѣ (то-есть «Erdkunde etc.») фактовъ, чтобы назваться методическимъ и привести къ естественной системѣ, должно имѣть извѣстную точку опоры, извѣстную идейную основу. Только она можетъ эмпирическое привести въ связное цѣлое, разнообразіе въ единство, котораго нѣтъ даже въ мертвой природѣ. Безъ этой идейной основы, гипотезы, теоріи, назовите ее какъ хотите, доведенà ли она до сознанія или нѣтъ, человѣку никогда не удастся создать цѣлаго. Ибо даже самое твердое намѣреніе не прибѣгать въ изслѣдованіи ни къ какой теоріи, само–по–себѣ, какъ прекрасно выразился Плейферъ (Playfair), есть уже первая теорія. Недостатокъ высказанной теоріи, поэтому, не приведетъ насъ скорѣе къ истинѣ и столь же мало предохранитъ отъ пристрастія. Только знакомство съ исторіей философіи и наукъ, осторожность въ примѣненіи представляющихся нашему мышленію гипотезъ и искреннее стремленіе къ истинѣ могутъ помочь здѣсь слабости человѣческой, чтобы оправдать по–крайней–мѣрѣ столь дорогой для каждаго добросовѣстнаго изслѣдователя девизъ : «безпристрастный взглядъ на факты». — Идейная основа, которая въ этомъ сочиненіи дала автору «безпристрастный взглядъ на факты», лежитъ для него не въ истинѣ одного какого–либо понятія, но въ общемъ содержаніи всего, чтò для него есть истина, слѣд. въ области *вѣры*. Оно покоится на извѣстномъ внутреннемъ созерцаніи, образовавшемся изъ его жизни въ природѣ и въ человѣческомъ мірѣ. Бесѣдами съ однимъ великимъ человѣкомъ нашего вѣка оно было доведено до сознанія, и съ другой стороны дотого было выставлено какъ основная идея въ этой наукѣ, что, при надлежащемъ выполненіи, должно бы было отразиться во всѣхъ ея частяхъ и пробудиться въ другихъ сродныхъ натурахъ. Поэтому оно не можетъ быть опредѣлено, или очерчено въ своей сущности напередъ, а вполнѣ можетъ сложиться только въ заключеніи, проведенномъ черезъ все цѣлое.» (Стр. 378.)

Таковъ, или, говоря осторожнѣе, такимъ намъ кажется взглядъ К. Риттера на задачу землевѣдѣнія. Излагая все предъидущее, мы старались быть только комментаторами мысли великаго ученаго, не отваживаясь ни хвалить эту мысль, ни указывать на ея недостатки. Вѣрно ли мы поняли и передали мысль К. Риттера— только въ этомъ мы подлежимъ отвѣтственности передъ читателемъ. Подробное же разсмотрѣніе ея, какъ и всего сочиненія, отлагаемъ, какъ сказали, до удобнѣйшаго времени.

Святки. Михаила Михайлова. *Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Королева и К°. Въ 12-ю д. л. 144 стр.*

Вотъ повѣсть, которую и дѣти и взрослые прочтутъ съ равнымъ удовольствіемъ—такъ проста и такъ поэтична она! Сколько свѣжести и поэзіи въ этихъ прекрасныхъ воспоминаніяхъ дѣтства, надъ которыми недаромъ авторъ выставилъ эпиграфъ изъ Гоголя : «О моя юность! о моя свѣжесть!» Всѣ талантливые наши авторы понимали, что главное и первое условіе дѣтскихъ книгъ — поэзія; только одни бездарные переводчики угощаютъ дѣтей наскоро-передѣланными съ французска-

Digitized by Google

го разсужденіями и разсказами, отъ которыхъ сами же переводчики потомъ и *плачутъ* — но не дѣти. Нѣтъ, дѣти не любятъ сухихъ разсужденій, точно также, какъ равнодушно слушаютъ разсказы изъ будничной жизни. Дѣтямъ нужно такъ-называемое «чудесное», непремѣнно фантастическое, и только подъ покровомъ фантазіи они готовы понять и полюбить истину. Лучшая же сторона дѣтскихъ книгъ должна заключаться въ томъ, чтобъ питать воображеніе дѣтей, которое такъ сильно и прежде всѣхъ другихъ способностей, даже прежде памяти, развивается у нихъ. Оно-то требуетъ пищи; и лишь бы сказка не была уродлива, она даетъ направленіе играющей фантазіи ребенка. Поэтическая сказка — лучшая умственная пища дѣтей въ наше время, какъ она была единственною пищей цѣлыхъ народовъ во времена ихъ младенчества. Вотъ почему мы такъ уважаемъ «Святки» г. Михайлова. Книга эта, не заключая въ себѣ никакихъ разсужденій, какъ живописный разсказъ, содержитъ въ себѣ чистѣйшую мораль, которую дитя пойметъ, хоть она нигдѣ не высказана. Въ этой книгѣ заключена вся поэзія нашихъ деревенскихъ «Святокъ», которую мы и въ старости живо помнимъ.

Три клада, *русская народная сказка, въ стихахъ. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Якова Трея. Въ 8-ю д. л. 108 стр.*

Прежде нежели скажемъ что-нибудь объ этомъ произведеніи г. Маслоковеца, припомнимъ, что̀ въ послѣдніе дни своей жизни думалъ о сказкахъ Жуковскій, самъ подарившій намъ нѣсколько сказокъ. «Мнѣ хочется (писалъ Жуковскій изъ-за границы) собрать нѣсколько «сказокъ, большихъ и малыхъ, народныхъ, но не однѣхъ русскихъ, «чтобъ послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ дѣтямъ. Я полагаю, «что сказка для дѣтей должна быть чисто-сказкою, безъ всякой дру«гой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи. Надобно, «чтобъ въ дѣтской сказкѣ (не для перваго, а для втораго возраста) «все было нравственно-чисто, чтобъ она своими сценами представляла «воображенію одни свѣтлые о̀бразы, чтобъ эти о̀бразы никакого дурнаго, «нравственнаго впечатлѣнія послѣ себя не оставляли — этого до«вольно. Сказка должна быть такъ же жива и возбудительна для души, «*какъ дѣтскія игры* возбудительны для силъ тѣлесныхъ. При вос«питаніи, сказка будетъ *занятіемъ* чисто-пріятнымъ и образователь«нымъ, и ея польза будетъ въ ея привлекательности, а не въ тѣхъ «*нравственныхъ правилахъ*, которыя только остаются въ памяти, «*рѣдко доходятъ до сердца* и *могутъ сравниться съ фальши*«*выми цвѣтами*, которые (если ихъ дать преждевременно въ руки) «своею мертвою красотою дѣлаютъ насъ не столь чувствительными къ «живой, благовонной свѣжести цвѣтовъ естественныхъ. Не знаю, впро«чемъ, отвѣчаютъ ли тѣ сказки, которыя мною составлены, тому идеа«лу дѣтскихъ сказокъ, которыя я имѣю въ мысли. Если не отвѣча-

Digitized by Google

«ютъ, то онѣ все будутъ привлекательнымъ чтеніемъ для дѣтей взрос-«лыхъ, то-есть, для народа.»

Нельзя, кажется, вѣрнѣе высказать всю пользу сказокъ для молодости, и должно полагать, что мысль эта высказана со всею искренностью нѣжнаго родительскаго сердца, потому-что Жуковскій самъ хотѣлъ приготовить сказки для чтенія своимъ дѣтямъ. Не должно опускать изъ вида и того, что Жуковскій, какъ поэтъ, лучше могъ понимать художественное воспитаніе дѣтей, нежели кто-либо другой. Отъ этого-то онъ такъ и торопился дать пищу развивающемуся воображенію дѣтей, на чтò не обращаютъ вниманія гувернёры, оставляющіе своихъ питомцевъ на совершенный произволъ фантазіи нянюшекъ, которыя передаютъ имъ народныя сказки съ своими собственными варьяціями, часто вовсе-непоэтическими. Кто припомнитъ первую силу впечатлѣній отъ слышанныхъ въ дѣтствѣ разсказовъ, часто-страшныхъ, а часто и просто-безтолковыхъ, тотъ вполнѣ оцѣнитъ мысль Жуковскаго о пользѣ сказокъ, переданныхъ дѣтямъ въ разсказахъ людей талантливыхъ. Игра воображенія — вотъ вся жизнь дѣтей, какъ-только они наѣлись и выспались. За недостаткомъ сказокъ и исторій, воображеніе ихъ создаетъ свои собственныя сказки, разговаривая съ куклами и строя палаты, домики, мельницы... Въ это-то время нянюшки берутъ въ полную свою власть дѣтей, власть, которая не забывается и до старости.

Но, признавая важность сказокъ для дѣтскаго возраста, мы не можемъ, или, по-крайней-мѣрѣ, не находимъ никакихъ причинъ согласиться со второю половиною мнѣнія Жуковскаго, именно, что нравственныя правила, мысль — излишнее для сказки. Мысль, правила могутъ быть утомительны и непонятны, если будутъ высказаны сухо и непривлекательно; но чтò мѣшаетъ мысли проникать сказку? Неуже-ли сказка Пушкина о «Пѣтушкѣ, золотомъ гребешкѣ» труднѣе для ребенка другой сказки того же поэта «О царѣ Салтанѣ», хотя первая заключаетъ въ себѣ мысль несравненно-серьёзнѣе, нежели вторая? Ребенокъ не понялъ мысли, и не для чего ему толковать ее; для него останется прекрасная сказка, столько же фантастическая, сколько и другія; прійдетъ время, и онъ пойметъ мысль — тѣмъ лучше: мысль для него не останется отвлеченною и будетъ жить въ прекрасномъ народномъ разсказѣ. Дѣло въ томъ, что область сказки—область совершенно-фантастическая, неподходящая ни подъ какія правила, принятыя для другихъ родовъ поэзіи. Сказка беретъ отовсюду свои сказочныя причуды; дѣйствіе ея большею-частью въ тридевятомъ царствѣ; лица, дѣйствующія въ ней, совершаютъ подвиги, какіе только можетъ допустить фантазія: отчего же сказкѣ, какъ и баснѣ, родной ея сестрѣ, не сказать и умнаго слова? Оно вѣдь не повредитъ разсказу, какъ не вредятъ баснямъ Крылова смышлёныя рѣчи волковъ, медвѣдей,

Digitized by Google

лисицъ. Отчего же какому-нибудь богатырю не обмолвиться правдой? Въ сказкѣ вѣдь все возможно!

Сказки, какъ и басни, составляютъ любимѣйшее чтеніе дѣтей и простаго народа, котораго фантазія неслишкомъ-требовательна и готова съ удовольствіемъ слушать о полетѣ Иванушки-Дурачка на Сивкѣ-буркѣ, или о томъ, какъ лисица хвалитъ ворону за ея прекрасный голосъ. Съ развитіемъ образованія, эта первая степень поэзіи, ея младенческое состояніе, теряетъ свою прелесть для воображенія болѣе-развитаго. Фантазія начинаетъ требовать формъ поэзіи болѣе-утонченныхъ; но дѣти и простолюдины всегда съ охотою слушаютъ и сказки и басни. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ взялись за чтеніе «Трехъ кладовъ» извѣстной русской народной сказки *о Иванушкѣ Дурачкѣ*, переданной г. Маслоковецомъ въ стихотворномъ размѣрѣ. Г. Маслоковецъ выбралъ трехстопный хорей, которымъ Пушкинъ разсказалъ намъ сказку о «Царѣ Салтанѣ». Прелесть русской народной сказки должна быть заключена въ чисто-народномъ языкѣ, и въ этомъ-то вся трудность. Неумѣстное слово, вычурное выраженіе разрушаютъ прелесть сказки для взрослаго; но дѣти вѣдь не такъ взыскательны!.. Мы сказку г. Маслоковеца прочли съ удовольствіемъ, несмотря на то, что строгіе судьи могутъ быть недовольны этимъ переложеніемъ по многимъ причинамъ. Вопервыхъ... но слишкомъ-много распространяться не станемъ, а приведемъ лучше одинъ отрывокъ изъ сказки, обозначимъ курсивомъ мѣста, неудавшіяся автору, и потомъ ужь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Жили-были три брата, разумѣется, двое умныхъ, третій — дуракъ. Отецъ ихъ назывался Ерёмой.

«Разскажу того окромѣ
Объ отцѣ ихъ, объ Ерёмѣ.
Говорили, *не въ осудъ*,
Что большой руки онъ плутъ;
А другіе, *даже* громко,
Что колдунъ былъ кумъ Ерёмка;
Да — послушай ты людей:
Кто у нихъ не лиходѣй!
И, конечно попустому,
Нападали на Ерёму;
А все горе было въ томъ,
Что старикъ былъ скопидомъ;
Что на всякую копѣйку
Онъ былъ крѣпокъ, какъ кремень,
И *кладушку-чудодѣйку*
Сберегалъ на черный день.
Такъ-то наши поживали:
Хлѣбъ по зернушку клевали;
Были сыты *иногда*,

Digitized by Google

А хмѣльны — почти всегда.
Разъ, въ большой какой-то праздникъ,
(Хоть кого погубитъ хмѣль!)
Подкутилъ старикъ-*проказникъ*
Да и слегъ больной въ постель.
На зарѣ, опомнясь еле,
Созываетъ сыновей,
И, метаясь на постелѣ,
Такъ вѣщаетъ Еремѣй:
«Ну, любезнѣйшія дѣти,
«Скоро будетъ вашъ отецъ
«Не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ,
«*Да проститъ меня Творецъ!*
«И хоть больно мнѣ, конечно,
«Васъ оставить сиротѣть,
«Да не жить же съ вами вѣчно,
«И пора мнѣ умереть!»
Старшій сынъ, *на все готовый,*
Чтобы тронуться до слёзъ,
Ущипнувъ свой носъ багровый,
Распыхтѣлся, какъ насосъ.
Средній, *жалкій сиротинка,*
Чтобы выразить тоску,
Замурлыкалъ, какъ волынка,
Подбиваясь къ старику.
Дурачёкъ лишь мой Ванюха,
Безъ притворства на лицѣ,
Взявшись жалостно за ухо,
Взвылъ прегорько по отцѣ.

Вотъ разсказъ г. Маслаковеца, съ достоинствами и недостатками, вынуждаемыми стихомъ и рифмой. Вообще разсказъ очень-недуренъ, но за-то, кто дастъ отчетъ, почему старикъ-скопидомъ названъ *проказникомъ,* кладушка (кадушка или кладъ) — *чудодѣйкой,* когда о ней никто не зналъ, почему старшій сынъ называется *на все готовымъ,* а средній — *жалкой сиротинкой;* что̀ такое:

Старшій сынъ, на все готовый,
Ущипнувъ свой носъ багровый,
Распыхтѣлся, какъ насосъ?

И на каждой страницѣ мы дѣлали бы столько же вопросовъ, для которыхъ отвѣтъ будетъ одинъ: того требовала рифма. На турнирѣ (?)

Заморскіе князья
Смотрятъ злобно на Ивана
И толкуютъ басурманы
Дескать: «лѣшій Васисдасъ!
«Загоняетъ всѣхъ онъ насъ.»

Digitized by Google

Однакожь, несмотря на все это, мы повторяемъ: разсказъ очень-хорошъ, а есть мѣста, какъ, напримѣръ, сраженіе Иванушки-Дурачка съ Старикомъ-Океяномъ, или Морозомъ — во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныя. Иванушка-Дурачокъ вызвался поймать оленя съ золотыми рогами и привести его къ царю Дадону. Онъ сѣлъ на свою вѣщую каурку и помчался за оленемъ. Мчался онъ дни и ночи, и заѣхалъ наконецъ къ сѣверному морю, гдѣ царствуетъ Старикъ Ледовитый Океянъ. Этотъ-то Старикъ-Океянъ, или Морозъ, взялъ подъ свое покровительство золоторогаго оленя и говоритъ Иванушкѣ-Дурачку:

«Знай, никто еще донынѣ
«Къ намъ ногой не смѣлъ ступить;
«Видно, въ снѣжной ты пустынѣ
«Вздумалъ голову сложить!»
— «Ишь, зловѣщая ворона!»
Возопилъ Гроза-Иванъ,
Осердясь на Океянъ.
«Я посолъ царя Дадона!
«Твой олень намъ смялъ луга;
«За безчестье за такое
«Ты мнѣ дерзкаго врага
«Долженъ выдать головою;
«А не то сейчасъ съ тобой
«Я вступаю въ смертный бой!»
Расходился Ледовитый,
Вызовъ выслушавъ сердитый;
Дескать: «Ладно, если такъ,
Погибай же, дерзкій врагъ!»
И, дохнувъ могильнымъ хладомъ,
Двинулъ всю льдяную рать,
Чтобъ врага за-разъ попрать,
И осаду началъ градомъ,
Взвился вихрями потомъ,
Палъ мятелицей кругомъ,
И затѣмъ, въ безумствѣ рьяномъ,
Разразился ураганомъ,
Горы снѣгу наметалъ,
И морозомъ все сковалъ.
Но посолъ и въ усъ не дуетъ;
Преспокойно онъ гарцуетъ
На волшебномъ на конѣ,
И съ Морозомъ на войнѣ
Ужъ нисколько не робѣетъ
И лишь носъ да руки грѣетъ.
Какъ ни бился Океянъ,
Духъ морозныхъ, зимнихъ странъ,
Кончилъ тѣмъ, чего не чаялъ,
Что смягчился и растаялъ.

Digitized by Google

Послѣ такихъ прекрасныхъ картинъ намъ непріятно было встрѣчать въ сказкѣ г. Маслаковеца черты, которыя можно назвать грубыми, тѣмъ больше, что ихъ не вызывала никакая необходимость. Забавы, въ-родѣ слѣдующей:

А супруги воеводъ,
Безъ стыда, на весь народъ,
Такъ мужей разодолжили,
Что порядкомъ ихъ побили.

Мы понимаемъ, что въ сказкахъ, которыя складываетъ народъ, могутъ быть и такія черты; но вѣдь вы разсказываете сказку отъ себя, слѣдовательно отвѣчаете за все, чтò не представляетъ «свѣтлыхъ òбразовъ», какъ выразился Жуковскій. Посмотрите, кàкъ Пушкинъ умѣлъ обѣгать все грубоватое въ народной фантазіи, и въ то же время сохранять колоритъ народности.

Пояснительныя картинки, литографированныя, въ самомъ текстѣ, очень-недурны.

Слобожане. *Малороссійскіе разсказы* Григорія Данилевскаго. *Спб. Въ тип. И. Фишона. 1854. Въ 8-ю д. л. XXIV и 340 стр.*

Книга г. Данилевскаго имѣетъ характеръ этнографическій: авторъ взялся, посредствомъ небольшихъ повѣстей и очерковъ, изобразить нравы и бытъ жителей Слободской Украйны. Глядя на «Слобожанъ», какъ на сочиненіе нравоописательное, мы находимъ въ немъ очень-немного новаго послѣ малороссійскихъ разсказовъ Гоголя, Основьяненка и Гребенки. Какъ произведеніе, написанное съ художественною цѣлью, оно еще меньше можетъ удовлетворить читателя. Нѣкоторыя страницы читаются съ удовольствіемъ, потому-что въ нихъ замѣтна и наблюдательность, и смѣлость рисовки, и наконецъ чувство; но, къ-сожалѣнію, страницы эти то-и-дѣло чередуются съ другими, написанными безъ такта и знанія мѣры. Послѣдній недостатокъ особенно замѣтенъ въ первой повѣсти: *Степной Городокъ*. Вѣроятно, никто изъ прочитавшихъ ее не съумѣлъ бы пересказать ея содержанія: все тутъ сбито и перепутано ненужными отступленіями, вставками, и, какъ нарочно, нѣтъ именно того, чтò нужно. Не было, по нашему мнѣнію, ничего легче, какъ сдѣлать изъ статейки, подъ заглавіемъ: *Слободка*, изящную картинку; но авторъ не сдѣлалъ этого. Содержаніе ея очень-просто: каменная баба стоитъ въ степи и смотритъ неподвижными глазами, кàкъ все движется и живетъ вокругъ нея. Передъ нею проходятъ весна, лѣто, осень и зима. Еслибъ г. Данилевскій сократилъ наполовину каждую изъ четырехъ картинъ временъ года, то-есть выкинулъ всѣ лишнія въ этихъ картинахъ черты, статейка, повторяемъ, могла бъ назваться прекрасною. Къ-чему, напримѣръ, эти безпрестанныя исчисленія разныхъ растеній: чеканчиковъ, свинокъ, вдовьихъ-лозъ, гори-цвѣтовъ, скраглей, хрещиковъ и ребцовъ? Неужели картина весны будетъ рельефнѣе,

Digitized by Google

если вы извлечете изъ какого-нибудь курса ботаники номенклатуру всѣхъ весеннихъ травъ?... Въ картинахъ нравовъ авторъ еще несостоятельнѣе. Характеровъ искать нечего: это блѣдныя лица, отличающіяся другъ отъ друга цвѣтомъ сюртука или панталонъ, или тѣмъ, что у одного фамилія Мàкортыть, а у другаго Обапалка. Безпрестанныя притязанія на комизмъ, который не пріобрѣтается никакими притязаніями, производятъ на читателя непріятное впечатлѣніе. И какой это дешевый комизмъ? Борисы Борисычи, которыхъ зовутъ Барбартами Барбатычами, Пуды Пудычи и Киры Кирычи, Панкутьевы и Панмутьевы, Андреи Андреичи Крути-Верти, господа Заткни-Перцу, и тому подобные стараются смѣшить своими именами; неслыханныя иперболы предназначаются для той же цѣли: франты въ розовыхъ накидкахъ, бритье бороды передъ миской съ водой, храпъ, который можно принять за игру трубачей, и проч. Какъ въ этихъ натянутыхъ иперболахъ, такъ и въ слогѣ г. Данилевскаго замѣтно желаніе подражать Гоголю, и Гоголю въ самыхъ слабыхъ сторонахъ его произведеній. Вообще, нельзя не замѣтить послѣ чтенія книги г. Данилевскаго, что все ложное въ его недостижимомъ прототипѣ становится какъ-то яснѣе: такъ усвоилъ себѣ авторъ «Слобожанъ» всѣ недостатки автора «Хуторовъ», не усвоивъ ни одного изъ его достоинствъ! Можно ли подражать чужому слогу—вопросъ, который разрѣшается г. Данилевскимъ отрицательно. Желая придать своей рѣчи ту безъискусственность, которая отличаетъ Гоголя, авторъ «Слобожанъ» обременилъ свою книгу множествомъ повтореній, которыя съ каждою страницею дѣлаются все несносѣе и несноснѣе. «Никто такъ не гордится своимъ положеніемъ, какъ житель тихаго, «степнаго *городка, городка и съ* улицами, *и съ* домами, *и съ* аптекою, *городка* настоящаго, среди пустыни *полей* да *полей, полей* безъ «конца и оглядки. Это правда, мѣстоположеніе *городка* незавидно; но «смотрите на него: онъ непремѣнно надъ *рѣкою*, широкою, но мелко«водною степною *рѣкою*, и потому у него, справа *песокъ*, слѣва *песокъ*, спереди *песокъ*, вездѣ *песокъ*»! и т. д.

Изданы «Слобожане» очень-красиво.

Южный Полюсъ. *Изъ записокъ бывшаго морскаго офицера. Съ картою и двумя портретами. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Веймара. 1853. Въ 8-ю д. л. 94 стр.*

Шестой Континентъ, *или краткое обозрѣніе плаваній къ югу, отъ Кука до Росса. Съ картою. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Веймара. 1853 г. Въ 8-ю д. л. 18 стр.*

Обѣ брошюры составляютъ одно сочиненіе, или вторая изъ нихъ есть необходимое дополненіе первой. Можно пожалѣть, что авторъ не помѣстилъ во второй болѣе подробностей изъ путешествій Дюмон-Дюрвиля и Росса, не для всѣхъ доступныхъ по своей цѣнѣ.

Digitized by Google

Первая брошюра начинается краткимъ предисловіемъ, въ концѣ котораго выставленъ эпиграфъ: «Les marins écrivent mal, mais avec assez de candeur». Этотъ эпиграфъ показываетъ скромность автора, но совершенно-неприличенъ русскимъ мореходцамъ, которые вообще пишутъ правильно, ясно, точно, просто, скромно, слѣдовательно пишутъ хорошо, какъ должно. Точно такимъ же образомъ написаны и обѣ брошюры. Смѣло рекомендуемъ ихъ русскимъ читателямъ, любящимъ полезное, наставительное и дѣйствительно-пріятное чтеніе. Желательно, чтобъ первая изъ нихъ была переведена на какой-нибудь иностранный языкъ.

Вотъ обстоятельства, при которыхъ началось путешествіе къ южному полюсу шлюповъ «Востока» и «Мирнаго», подъ командою капитана Беллинсгаузена и лейтенанта Лазарева.

1819 г. іюня 23-го дня посѣтилъ шлюпы морской министръ; на другой день благоволилъ осмотрѣть ихъ государь императоръ. Іюня 25-го начальники шлюповъ имѣли счастіе представляться его величеству, въ Петергофѣ, и выслушать изустное изъявленіе его воли: «Во время пре-«быванія у просвѣщенныхъ, равно и у дикихъ народовъ, снискивать лю-«бовь и уваженіе; сколь можно дружелюбнѣе обходиться съ дикими «народами, и безъ самой крайности не употреблять огнестрѣльнаго ору-«жія». Въ тотъ же день начальники шлюповъ приглашены были къ императорскому столу. Капитанъ Беллинсгаузенъ осмѣлился замѣтить, «что въ настоящее время всѣ моря изслѣдованы и невозможно ужь сдѣ-«лать особенно-важныхъ открытій». На это скромное замѣчаніе государь императоръ изволилъ сказать: «Посмотримъ!»

Беллинсгаузенъ и Лазаревъ вполнѣ оправдали довѣріе государя. Стòитъ только взглянуть на небольшую карту, приложенную къ брошюрѣ, чтобъ увѣриться въ опасностяхъ плаванія между водами Южнаго Океана и въ искусствѣ русскихъ мореходцевъ, сохранившихъ почти невредимо ввѣренныя имъ суда, безпрестанно засыпаемыя снѣгомъ и покрываемыя туманами. Они исполнили надежду и предсказанія императора Александра I-го:

«1821 г. ночью января 10 (пишетъ авторъ) южная часть неба блистала на подобіе свѣтлой арки, а сѣверная покрыта была густыми темными облаками. Мороза было 3°. Въ 6 часовъ утра мы достигли наибольшей южной широты 69° 53′, при 92° 19′ запад. долготы (отъ Гринича). Въ это время мы находились въ ледяномъ заливѣ, которымъ могли бы пройти еще мили двѣ до ледянаго берега, но СВ. вѣтръ дулъ прямо въ заливъ, и мы принуждены были заблаговременно изъ него выбраться. Между тѣмъ киты пускали фонтаны, надъ нами летали ласточки и двѣ эгмондскія курицы; въ водѣ, близъ шлюпа (Мирный) показался однажды какой-то черный звѣрь, — что же это значитъ? Мы смотрѣли съ недоумѣніемъ другъ на друга и ожидали чего-то необыкновеннаго. Цвѣтъ воды нѣсколько измѣнился; вѣтеръ какъ бы нашептывалъ намъ: берегъ! берегъ! Недолго продолжалось недоумѣніе. Въ исходѣ четвертаго часа по полудни явилось на льдахъ черное пятно; въ тоже время шлюпъ «Востокъ» дѣлалъ сигналъ, что видитъ землю. Нельзя выразить общаго восторга. Въ это время изъ

Digitized by Google

облаковъ блеснуло солнце и лучи его освѣтили черныя скалы высокаго занесеннаго снѣгомъ острова. Вскорѣ опять наступила мрачность; вѣтеръ засвѣжѣлъ и явившійся намъ, въ разстояніи 34 миль, островъ, скрылся, какъ призракъ.

«11 января утромъ, когда пасмурность прочистилась, мы ясно увидѣли высокій островъ, покрытый снѣгомъ, выключая чернѣющихъ высотъ и скалъ, на которыхъ онъ не могъ держаться.

«Открытый островъ, высунувшійся изъ моря на 4,000 футовъ, названъ именемъ создателя русскаго флота, драгоцѣннѣйшимъ для каждаго Русскаго, именемъ императора Петра I, положившаго прочное основаніе могуществу и славѣ Россіи. Островъ Петра I, простирающійся на сѣверъ и югъ, имѣетъ въ окружности 25 миль; широта его 68° 57′, западная долгота 90° 46′.»

Открытія не ограничились однимъ островомъ: 17-го января, въ 11 часовъ утра, мореходцы были обрадованы появленіемъ новаго берега, сѣверный мысъ котораго оканчивался высокою горою, подъ широтою 68° 43′ и зап. долготою 73° 10′. Этотъ берегъ капитанъ Беллинсгаузенъ назвалъ именемъ императора Александра I. Земля простиралась во льдахъ къ югу.

Въ слѣдующіе дни русскіе мореходцы плыли прямо къ южной сторонѣ Новой-Шотландіи, открытой въ 1819 г. капитаномъ одного англійскаго купеческаго корабля, Смитомъ. Около этой страны они описали, то-есть почти вновь открыли десять острововъ и дали имъ слѣдующія имена: *Бородино* (широта 62° 58′, зап. дол. 62° 49′), *Малоярославецъ*, отдѣленный отъ Бородино проливомъ миль въ 20; *Тейль, Смоленскъ, Березино, Полоцкъ, Лейпцигъ, Ватерлоо, Три брата, Рожновъ*. Послѣдніе восемь острововъ составляютъ гряду простирающихся отъ ЮЗ. къ СВ. на 160 миль.

Сверхъ-того, 29-го января русскіе мореходцы видѣли и описали три острова, названные именами *Мордвинова, Михайлова* и *Шишкова*. Средній изъ нихъ, Мордвинова, лежитъ въ широтѣ 61°, 8′ и западной дол. 55° 21′.

Въ южно-тропическихъ широтахъ открытъ цѣлый архипелагъ коралловыхъ острововъ. Авторъ по справедливости называетъ его *русскимъ*. Капитанъ Беллинсгаузенъ далъ имъ имена: *гр. Аракчеева, к. Волконскаго, к. Барклая-де-Толли, Ермолова, к. Кутузова-Смоленскаго, Раевскаго, гр. Остенъ-Сакена, Чичагова, гр. Милорадовича, гр. Витгенштейна* и *Грейга*.

Въ брошюрахъ содержатся не одни географическія открытія, сопровождавшіяся великими опасностями, но и весьма-любопытныя этнографическія описанія Новой Голландіи, Новой Зеландіи и острова Отаити. Мы не выписываемъ изъ нихъ ни одного слова, потому-что не считаемъ себя въ-правѣ пользоваться собственностью автора, но повторяемъ, что они вполнѣ достойны вниманія самыхъ взыскательныхъ читателей.

Digitized by Google

Къ первой брошюрѣ приложены портреты Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. Хотя портреты посредственной работы, однако и за то надобно благодарить автора: кому изъ русскихъ не пріятно взглянуть на изображенія двухъ знаменитыхъ соотечественниковъ?

При второй брошюрѣ есть карта, на которой представлены всѣ открытія у южнаго полюса, сдѣланныя чрезъ двадцать лѣтъ послѣ русскихъ мореходцевъ Дюмон-Дюрвилемъ и Россомъ, и заставляющіе подозрѣвать, что всѣ найденныя здѣсь куски земли составляютъ одинъ континентъ. Въ этой-то брошюрѣ авторъ старается доказать такое мнѣніе, и доказательства его не могутъ встрѣтить возраженій.

Жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. *Сочиненіе* Н. Елагина. *Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса. Въ 8-ю д. л. 152 стр.*

Графиня Анна Алексѣевна была дочь и прямая наслѣдница знаменитаго героя Чесменскаго, про котораго современники говорили, что онъ былъ «надеждою несчастнаго, кошелькомъ бѣднаго, посохомъ хромаго, «глазомъ ослѣпшаго, покоищемъ израненнаго воина и врачомъ больнаго». Она родилась въ Москвѣ, 2 мая 1785 года, и на слѣдующій же годъ лишилась матери, графини Авдотьи Николаевны, урожденной Лопухиной. По смерти супруги, графъ Алексѣй Григорьевичъ сосредоточилъ все свое вниманіе на воспитаніе дочери и съ строгою разборчивостью выбиралъ ей наставниковъ. Семи лѣтъ отъ-роду графиня была пожалована въ фрейлины къ Высочайшему Двору. Двадцати-трехъ лѣтъ потеряла она отца (графъ Алексѣй Григорьевичъ скончался 24-го декабря 1808 года, на семьдесятъ-второмъ году жизни), и мѣсто его заступилъ ей родной дядя ея, Владиміръ Григорьевичъ Орловъ. Графиня сильно горевала и, ища утѣшенія, отправилась на поклоненіе въ Кіевъ и Ростовъ.

«При гробѣ св. Димитрія (говоритъ ея біографъ), въ Ростовскомъ Монастырѣ, встрѣтился ей старецъ іеромонахъ Амфилохій, извѣстный благочестіемъ и подвижническою жизнію. Сей благочестивый старецъ, назидательными совѣтами и поученіемъ, имѣлъ рѣшительное вліяніе на графиню» (стр. 21). «Изъ кельи Амфилохія (говорится нѣсколько далѣе) графиня вынесла твердое убѣжденіе, что здѣшняя жизнь есть только пріуготовленіе къ будущей, что блага жизни здѣшней должны быть для насъ не инымъ чѣмъ, какъ средствомъ къ пріобрѣтенію благъ вѣчныхъ, что ни богатство, ни знатность, ни блескъ не могутъ дать истиннаго покоя духу человѣческому, и только одна дѣятельная вѣра и любовь къ Богу могутъ доставить миръ душѣ здѣсь, и жизнь блаженную въ вѣчности. Полюбивъ Ростовскую святыню, уважая душею Амфилохія, графиня до 1820 года, если не дальше, каждогодно, на время Великаго поста, ѣздила въ Ростовъ, тамъ говѣла и проводила свѣтлые дни праздника Пасхи» (стр. 23—24).

По смерти Амфилохія преосвященный Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій, во время краткаго пребыванія своего въ Москвѣ,

Digitized by Google

указалъ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ другаго руководителя по пути христіанскаго совершенствованія, именно: соборнаго іеромонаха Александро-Невской Лавры, Фотія.

«Переселясь въ Петербургъ (разсказываетъ г. Елагинъ), графиня искала случая сблизиться съ іеромонахомъ Фотіемъ; но онъ долго чуждался ея, какъ бы опасаясь вліянія ея знатности и богатства на свое убожество. Не прежде, какъ черезъ два года, достигла графиня желанной цѣли быть его духовной дочерью» (стр. 28—29).

Избравъ его духовникомъ своимъ, она предоставила ему обильныя средства къ христіанскимъ благотвореніямъ. Когда Фотій былъ опредѣленъ игуменомъ новгородскаго третьеклассного Деревяницкаго Монастыря, графиня Анна Алексѣевна дала ему возможность привесть въ лучшее положеніе эту бѣдную, малоизвѣстную и полуразрушенную обитель; ту же помощь оказала она и другому новгородскому монастырю — Сковородскому третьеклассному, столь же разстроенному, куда Фотій былъ переведенъ настоятелемъ съ саномъ архимандрита. Но болѣе всего способствовала она украшенію и процвѣтанію новгородской же Юрьевской Обители, которою управлялъ впослѣдствіи Фотій. Получая отъ графини непрерывныя приношенія, онъ обновилъ церковь Женъ-Мироносицъ, на подворьѣ монастырскомъ въ Новгородѣ; построилъ церковь Всемилостиваго Спаса, съ двумя придѣлами, и церковь Воздвиженія Креста Господня; украсилъ соборную церковь во имя Спаса; обновилъ совершенно, съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, соборный храмъ св. Георгія, пристроивъ къ нему придѣлъ, паперть и ризницу; выстроилъ орловскій братскій корпусъ и каменную ограду съ кладовыми на монастырскомъ подворьѣ, въ Новгородѣ; совершенно обновилъ принадлежащій Юрьеву Монастырю скитъ; построилъ церковь во имя Божіей Матери Неопалимыя Купины, съ лѣтними настоятельскими кельями, съ больничнымъ корпусомъ, башнею и церковью во имя Архистратига Михаила, и пристроилъ паперть къ церкви Нерукотвореннаго Образа Спаса. Кромѣ того, по смерти Фотія, графиня пожертвовала Юрьевскому Монастырю 112,020 рублей серебромъ. Говоря о пожертвованіяхъ ея, авторъ біографіи приводитъ слѣдующія слова извѣстнаго духовнаго писателя А. Н. Муравьева:

«Кто не подивится благолѣпію обители Юрьевской, къ коей особенно лежало ея сердце, и которая дѣйствительно заслуживала вниманіе, какъ древнѣйшая послѣ Печерской, основанная Ярославомъ Великимъ. Не ей ли обязаны своимъ благосостояніемъ и всѣ прочія обители Новгородскія? И соборъ Софійскій испыталъ ея щедрую руку — подъ его древнею сѣнію святители Никита и Іоаннъ почиваютъ въ серебряныхъ ракахъ, отъ нея пожертвованныхъ: все это памятники историческіе. Ею украшенъ, или, лучше сказать, созданъ новый великолѣпный храмъ Ростова въ обители святителя Димитрія, гдѣ украсила она и раку св. Іакова. Еще не довершенъ храмъ обители Задонской, но кто положилъ ему основаніе? Лавра Печерская исполнена ея щедрыхъ даяній: такъ — въ Успенскомъ соборѣ,

Digitized by Google

по ея усердію, бронзовый иконостасъ, цѣною въ милліонъ, долженъ былъ замѣнить деревянный. Великолѣпная рака великомученицы Варвары въ златоверхой обители Михайловской, вылитая вся изъ серебра, останется всегда народнымъ памятникомъ усопшей; и въ Почаевской лаврѣ, недавно возвращенной къ православію, уже есть залогъ ея пламенной ревности: серебряная гробница первоначальника Іова и богатыя украшенія горняго мѣста вокругъ чудотворной иконы... Если кто выступитъ за предѣлы нашего отечества, то и тамъ встрѣтится съ сею щедрою раздаятельницею милостыни, въ ея неистощимыхъ даяніяхъ. Церковь патріаршая Живоначальнаго Источника въ Царьградѣ, при немалыхъ ея пособіяхъ, возстановлена въ благолѣпіи. Въ Александріи и Дамаскѣ двѣ патріаршія церкви украшены драгоцѣнными иконостасами, отъ нея присланными; и Св. Граду и Св. Горѣ извѣстна благотворительница, которая осыпала Востокъ нескудною милостынею.»

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская скончалась въ самой облагодѣтельствованной ею Юрьевской Обители, 5 октября 1848 года.

«Доставшееся графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ послѣ родителей имѣніе (говоритъ г. Елагинъ) приносило ежегодно до милліона рублей ассигнаціями дохода, и стоило, по отзывамъ извѣстныхъ лицъ, до сорока милліоновъ рублей ассигнаціями. Если присоединить къ стоимости доходы съ имѣнія, которые получала графиня до продажи его, то въ результатѣ окажется, что графиня Анна Алексѣевна имѣла въ своемъ распоряженіи до 65-ти милліоновъ рублей ассигнаціями. Въ этотъ расчетъ не включены ея брилліянты, серебро и золото, и драгоцѣнные камни, на весьма значительную сумму. Извѣстныя пожертвованія графини для разныхъ монастырей и церквей, восходятъ до 25 мил. руб., слѣдовательно, остальной капиталъ, при весьма скромной жизни своей, она посѣяла на дѣла благотворенія. Не довольствуясь такимъ употребленіемъ имущества при жизни, графиня, предсмертнымъ распоряженіемъ, послѣднее имѣніе свое, за исключеніемъ степныхъ земель въ Воронежской Губерніи, предоставленныхъ роднымъ, принесла на дѣла благоугодныя и завѣщала:

Въ Новгородскій Юрьевскій монастырь..........	300,000	руб.	сер.
Въ Почаевскую Лавру..........................	30,000	»	»
Въ Соловецкій монастырь......................	10,000	»	»
На 340 монастырей, по 5,000 въ каждый.....	1,700,000	»	»
На 48 каѳедральныхъ соборовъ, по 3,000 въ каждый....................................	144,000	»	»
	2,184,000	руб.	сер. ([1]).
Сверхъ того, завѣщано ею въ непосредственное распоряженіе попечительствъ епархіальныхъ вѣдомствъ, на вспомоществованіе вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ Православнаго исповѣданія, въ каждую епархію по 6,000 руб. сер....................................	294,000	»	»
Всего...	2,478,000	руб.	сер.

([1]) Съ тѣмъ, чтобы весь капиталъ этотъ оставался на вѣчныя времена

Digitized by Google

«Занимаемый графинею на мызѣ близъ Юрьева монастыря каменный домъ, со всѣми при немъ службами, пристройками, оранжереею и садомъ, какъ-то: святыми иконами, картинами, серебромъ и прочими вещами, за исключеніемъ бриллiянтовъ, принесенныхъ также на дѣла благотворенія, поступилъ, согласно ея желанію, въ полное владѣніе Юрьевской обители.»

Книга г. Елагина, какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи, обязана происхожденіемъ своимъ просьбамъ настоятеля и иноковъ Новгородскаго Юрьева Монастыря, которые желали имѣть жизнеописаніе своей благотворительницы.

Указатель Порѣцкаго Музеума. *Для посѣтителей. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1853. Въ 4-ю д. л. 25 стр.*

Цѣль «Указателя» состоитъ въ томъ, чтобъ, съ помощью его, любознательный посѣтитель могъ обозрѣть замѣчательные предметы, помѣщенные въ нижнемъ и въ верхнемъ этажахъ Порѣцкаго Музеума, который находится въ помѣстьѣ графа Уварова, селѣ Порѣчьѣ. Соотвѣтственно этой цѣли, въ «Указателѣ» не исчисляются «всѣ» предметы, а поименовываются только «важнѣйшіе».

Сначала «Указатель» кратко говоритъ о порѣцкомъ домѣ, выстроенномъ по плану архитектора Джелярди; потомъ слѣдуетъ исчисленіе предметовъ, находящихся въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь, въ столовой комнатѣ, замѣчательны : портретъ нынѣ-царствующаго Государя Императора, писанный Кригеромъ; портретъ императора Петра I, составляющій драгоцѣнное воспоминаніе о драгоцѣнномъ подлинникѣ. Изъ надписи на бронзовой доскѣ, подъ портретомъ, видно, что подлинникъ написанъ былъ въ пребываніе Петра I въ Парижѣ; по случаю внезапнаго отъѣзда императора, онъ собственною рукою вырѣзалъ голову, которая болѣе была кончена, и подарилъ ее супругѣ своей, Екатеринѣ I; по кончинѣ ея, портретъ перешелъ, по завѣщанію, къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ею былъ пожалованъ графу А. Г. Разумовскому; по кончинѣ же послѣдняго изъ Разумовскихъ, поступилъ во владѣніе графа Уварова и 9-го февраля 1851 года былъ поднесенъ имъ Государю Императору Николаю Павловичу. Рядомъ съ портретомъ Петра I портретъ императрицы Елисаветы, отъ щедротъ которой родоначальникъ фамиліи Разумовскихъ получилъ въ даръ село Порѣчье. Здѣсь же другая картина, изображающая Елисавету въ мужскомъ парадномъ воинскомъ нарядѣ на конѣ; впереди, обращенный лицомъ къ императрицѣ, предшествуетъ арабъ-скороходъ, съ булавою въ рукѣ. На другой сторонѣ стѣны находятся портреты Гёте, Германа, Жуковскаго, писанные съ натуры извѣстными художниками. Въ большой гостиной достойны замѣчанія : отличный видъ Венеціи Каналетти, нѣсколько копій съ кар-

---

неприкосновеннымъ въ кредитныхъ установленіяхъ, и чтобы монастыри и соборы пользовались съ него одними лишь процентами.

Digitized by Google

тинъ Анжелики Кауфманъ и другихъ художниковъ; четыре превосходные вида Аөинъ, Рима, Іерусалима и Константинополя; кромѣ того, комната украшается тремя мраморными фигурами: группою Вакха и Аріадны и двумя танцующими нимфами, произведеніями изъ школы Кановы. Въ предкабинетной комнатѣ, или малой гостиной, должно замѣтить: портретъ, во весь ростъ, императрицы Елисаветы Алексѣевны, писанный англійскимъ художникомъ Дау, два пейзажа Локателли, четыре вида Дерпта, двѣ картины академика Якоби, исполненныя посредствомъ гальванопластики, деревянную раму, привезенную изъ Венеціи и составляющую превосходнѣйшій образецъ рѣзнаго искусства.

Въ верхнемъ этажѣ первая комната на правой сторонѣ лѣстницы, и другая, съ ней граничащая, отданы библіотекѣ. Въ главной залѣ, раздѣленной, посредствомъ арокъ, на двѣ части, первая посвящена библіотекѣ и заключаетъ въ своихъ огромныхъ шкафахъ богатое собраніе произведеній типографскаго искусства. Другая часть залы — музей мраморовъ. Здѣсь прежде всего представляется взорамъ превосходный памятникъ древняго искусства, названный Винкельманомъ «Urna ovale d'Altemps», ибо онъ украшалъ въ его время палаццо Альтемпсъ въ Римѣ; потомъ посѣтитель видитъ колоссальную фигуру Цереры, держащую на рукѣ молодаго Язона; Минерву, одушевляющую созданіе Прометея; двѣ группы нимфъ: всѣ эти произведенія извѣстнаго художника Финелли. Тутъ же находятся двѣ превосходныя копіи Аполлона и Венеры, бюсты Антиноя, Ахилла, Аріадны, Аякса, Гомера и Вакханки, и еще шесть огромныхъ бюстовъ работы скульптора Сантарелли: Макіавеля, Данта, Рафаэля Санціо, Микель-Анджелю, Аріосто и Тассо. Комната, по выходѣ изъ музея, посвящена собранію бронзовыхъ фигуръ разныхъ школъ и времени. Здѣсь находятся превосходнѣйшія произведенія славнаго Іоанна до-Болонья, оригинальная голова Сатира работы Микель-Анджело, древняя лампа мистическаго смысла, подаренная извѣстнымъ министромъ принцемъ Кауницъ извѣстному итальянскому антикварію Занетти; небольшая античная мраморная фигура Юноны и двѣ большія вазы восточнаго порфира. Кабинетъ украшенъ собраніемъ эстамповъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ гравюрамъ Вольпато и Моргена съ ватиканскихъ картинъ Рафаэля: это оттиски avant la lettre. Къ нимъ присоединяется нѣсколько отборныхъ отличныхъ произведеній лучшихъ граверовъ, въ главѣ которыхъ оттискъ avant la lettre извѣстнаго эстампа Рафаэля Моргена «Тайная Вечеря». Посреди нихъ гравюра нашего художника Іордана «Преображеніе». Сверхъ того, въ отборнѣйшихъ экземплярахъ первѣйшія произведенія типографій, начиная съ перваго изданія «Иліады» и «Одиссеи», напечатаннаго во Флоренціи въ 1488 году. Это драгоцѣнное собраніе едва-ли не всѣхъ классическихъ авторовъ, и притомъ въ первыхъ ихъ изданіяхъ, превышающихъ своею правильностью, точностью и даже качествомъ бумаги новѣйшія произведенія типографіи; потомъ въ кабинетѣ заслуживаютъ вниманія: двѣ

Digitized by Google

огромныя фарфоровыя вазы, пожалованныя владѣтелю Порѣчья Государемъ Императоромъ въ 1843 году; мозаическое изображеніе Спасителя, работы художниковъ, которымъ поручено было украсить церковь Св. Петра въ Римѣ и которое долго хранилось въ палаццо Боргезе; шесть бронзовыхъ фигуръ великихъ мужей Италіи, вылитыхъ въ Мюнхенѣ скульпторомъ Шванталеромъ; древняя бронзовая голова Юпитера и мраморный бюстъ гр. Кирилла Григорьевича Разумовскаго, произведенный, въ половинѣ XVIII-го столѣтія, французскимъ художникомъ Пигаль. Большая пятіоконная зала наполнена портретами фамиліи Разумовскихъ и фамиліи Уваровыхъ. Здѣсь заслуживаютъ вниманіе: портретъ во весь ростъ боярина Льва Кирилловича Нарышкина, внука котораго вступила въ бракъ съ гр. Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; портретъ сего послѣдняго, писанный французскимъ живописцемъ Токке, и портретъ гр. Алексѣя Григорьевича родоначальника фамиліи.

Новороссійскій Календарь *на 1854 годъ, издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса. Въ городской тип. 1853. Въ 8-ю д. л. 411 стр. текста, 35 стр. алфавитнаго указателя и V — оглавленія.*

Это изданіе, необходимое для Новороссійскаго Края, продолжается съ прежнею опрятностью и попрежнему состоитъ изъ четырехъ отдѣленій, въ которыхъ многія статьи имѣютъ одно содержаніе съ санктпетербургскимъ «Мѣсяцословомъ», а другія списываются изъ него слово-въ-слово, и потому отстаютъ цѣлымъ годомъ. Такова, напримѣръ, картина «солнечной системы», взятая буквально изъ «Мѣсяцослова» на 1853 годъ, отчего и вышло, что въ ней показано только 19, а не 27 астероидовъ или маленькихъ планетъ, обращающихся около солнца между Марсомъ и Юпитеромъ. Мы не можемъ объяснить себѣ причины, по которой издатели «Календаря» не пользуются извѣстіями о вновь-открытыхъ планетахъ, помѣщаемыми въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ». Тѣ и другія извѣстія не подлежатъ сомнѣнію. Что жь касается до затмѣній солнца и луны, то они вычислены нѣсколько-подробнѣе, нежели въ «Мѣсяцословѣ»; но эти подробности мы считаемъ лишними, когда затмѣніе бываетъ невидимо во всей Европѣ.

Во второмъ отдѣленіи «Календаря», читатели, непринадлежащіе Новороссійскому Краю, просмотрятъ съ любопытствомъ слѣдующія статьи: 1) Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій Новороссійскаго Края и Бессарабіи, доведенное до 1853 года; 2) Статистическія таблицы Новороссійскаго Края и Бессарабіи, въ которыхъ показаны отношенія числа учащихся къ числу жителей; именно: въ Дирекціи Одесской 1 къ 26, Херсонской — 1 къ 79, Екатеринославской — 1 къ 224, Таврической — 1 къ 287, Таганрогской — 1 къ 60 и въ Бессарабской — 1 къ 179; 3) Указатель досто-

Digitized by Google

примѣчательнѣйшихъ предметовъ въ городахъ и мѣстечкахъ Новороссійскаго Края и Бессарабіи, наконецъ 4) Таблица географическихъ положеній нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ Новороссійскаго Края и Бессарабіи.

Третье отдѣленіе «Календаря» содержитъ въ себѣ новороссійскій адрес-календарь. Въ немъ замѣчательны «одесскіе адресы», изъ которыхъ видно, что въ Одессѣ 5 частныхъ пансіоновъ для мальчиковъ, и 11 для дѣвицъ; 30 врачей служащихъ и 30 вольнопрактикующихъ, зубныхъ 4, повивальныхъ бабокъ 11, аптекъ 10, книжныхъ лавокъ 6, типографій 3, литографій 4, коммерческихъ домовъ 53, гостинницъ 8, ресторацій 10, кондитерскихъ 6, модистокъ 11, переплетчиковъ 9, каменьщиковъ 4 (всѣ русскіе), каретниковъ 7 (всѣ нѣмцы), колбасниковъ 4 (тоже), кровельщиковъ 2 (русскіе), печниковъ 4 (русскіе), парикмахеровъ 4 (французы), мужскихъ портныхъ 17 (4 русскихъ), женскихъ портныхъ 5 (нѣмцы), сапожниковъ 10 (нѣмцы), хлѣбниковъ 5 (нѣмцы), штукатуровъ 4 (русскіе).

Въ четвертомъ отдѣленіи «Календаря» помѣщены четыре статьи, всѣ любопытныя, особенно для занимающихся спеціально статистикою («О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго Края и Бессарабіи за 1851 годъ») и археологіею («Островъ Св. Еѳерія»); но статистическія таблицы Одессы любопытны для каждаго и составляютъ необходимое дополненіе къ «адресамъ». Изъ нихъ видно, что въ 1852 г. жителей въ Одессѣ было 97,124 мужчинъ и женщинъ, послѣднихъ 8,410 менѣе противъ первыхъ; число умирающихъ, какъ во всѣхъ большихъ городахъ, болѣе числа рождающихся, особенно женщинъ; браковъ заключено 1,114; незаконнорожденныхъ 276; проживншихъ отъ 90 до 95 лѣтъ — 9, отъ 95 до 100 — 9, отъ 101 до 110 — 1; лавокъ 1631; православныхъ церквей 19; монастырей 2, мужской и женскій; казенныхъ городскихъ доходовъ 2,790,652 р. 72 к., между которыми таможенныхъ пошлинъ 1,764,111 р. 50 к., за гербовую бумагу 97,670 р. 73 к. и за свидѣтельство на табакъ и сигары 73,410 р. 15 к.

Четвертую статью «Одесская лечебница для приходящихъ», можно считать воззваніемъ къ благотворительности жителей Одессы, потому-что «капиталъ лечебницы въ настоящее время заключается въ 2800 «рубляхъ; первоначально же (въ 1831 г.) онъ состоялъ изъ 4286 «рублей.»

Къ концу книги приложена *третья часть* карты Новороссійскаго Края, содержащая въ себѣ Таврическую Губернію и южную часть Херсонской. Эта карта подробна, выгравирована хорошо, но не даетъ точнаго понятія о характерѣ мѣстности: трудно понять, что шоссе, протянутое отъ Севастополя до Алушты, опоясываетъ хребетъ Яйлу и во многихъ мѣстахъ виситъ подобно балкону; невидно, что Балаклава лежитъ на берегу бухты, такъ замкнутой горами, что входъ въ нее съ

Digitized by Google

моря едва-замѣтенъ и что сама она походитъ на озеро; Чатырдагъ означенъ отдѣльною и какъ-бы единственною горою въ Крыму, и пр.

Кавказскій Календарь *на 1854-й годъ, изданный отъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 776 и IV стран., съ картою Ставрополя и пятью гравюрами.*

Каждый годъ издается этотъ превосходный календарь, который справедливо можно назвать полнымъ сборникомъ всѣхъ свѣдѣній, какихъ только можетъ требовать отъ календаря житель Закавказскаго Края; кромѣ того, книга эта постоянно обогащается нѣсколькими статьями историческаго и статистическаго содержанія. Предполагаемъ, что читатели изъ прежнихъ годовъ нашего журнала уже знакомы съ обыкновеннымъ составомъ «Кавказскаго Календаря», и потому, сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о его составѣ въ нынѣшнемъ году, перейдемъ прямо къ извлеченію изъ него свѣдѣній, имѣющихъ болѣе – общую занимательность, жалѣя только о томъ, что предѣлы краткой журнальной статьи заставляютъ насъ ограничиваться очень-немногимъ.

«Кавказскій Канендарь на 1854 годъ» состоитъ изъ пяти отдѣленій. Въ первомъ помѣщены мѣсяцословы Православный, Армяно-Грегоріанскій, Армяно-Католическій и Римско-Католическій, и Мухаммеданскій Календарь; таблицы небесныхъ явленій на 1854 годъ, исчисленныя для Кавказвкаго Края, перечни метеорологическихъ наблюденій за 1852 годъ въ Закавказскомъ Краѣ и извѣстія о томъ, когда прекращалось и вновь открывалось сообщеніе по кавказской военной дорогѣ. Во второмъ отдѣленіи находится роспись городамъ и т. д. Кавказскаго Края, кавказскій дорожникъ и различныя свѣдѣнія о почтовыхъ сообщеніяхъ, ярмаркахъ, страховыхъ и другихъ обществахъ Закавказья. Въ третьемъ помѣщены различныя статистическія статьи и таблицы, между-прочимъ хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій въ Кавказскомъ Краѣ, статистическое описаніе Тифлисской Губерніи съ показаніемъ числа и раздѣленія по классамъ и по вѣроисповѣданію жителей въ городахъ и уѣздахъ и со списками деревень и другихъ поселеній; причемъ указывается вѣроисповѣданіе и языкъ жителей каждой деревни; большая статья «Елисаветполь» (стр. 322-367); замѣтки объ Осетіи; перечень статистическихъ свѣдѣній о монастыряхъ и церквахъ на Кавказѣ и за Кавказомъ. Въ четвертомъ отдѣленіи находимъ статьи «Кабенскій Монастырь; «Очерки изъ жизни митрополита Давида»; «О пароходствѣ по р. Курѣ»; «Таблицу высотъ надъ поверхностью моря 892 пунктовъ Кавказскаго и Закавказскаго Края и Персіи» и «Таблицу высотъ надъ уровнемъ моря 61 мѣста на урочищѣ Коджоры и въ окрестностяхъ». Пятое отдѣленіе составляетъ кавказскій адрес-календарь.

Въ «Перечнѣ метеорологическихъ наблюденій за 1852 годъ въ Тифлисѣ, Дербентѣ, Баку, Редут-Кале, Кутаисѣ, Ленкоранѣ, Александ-

Digitized by Google

нолѣ и Аралыхѣ» показано слѣдующее количество воды, выпавшей въ этихъ мѣстахъ въ видѣ дождя и снѣга въ-теченіе года:

Тифлисъ..... $18,^{375}$	русскихъ дюймовъ		Редут-Кале	$60,^{504}$
Дербентъ.... $12,^{170}$	—	—	Кутаисъ.........	$65,^{341}$
Баку......... $16,^{726}$	—	—	Александраполь	$17,^{834}$
Ленкорань... $36,^{673}$	—	—	Аралыхъ........	$6,^{094}$

Редут-Кале и Кутаисъ замѣчательны по большому, а Аралыхъ еще замѣчательнѣе по чрезвычайно-малому количеству выпавшей въ-теченіе года воды.

Среднія годовыя температуры Тифлиса, Редут-Кале, Ленкорани, Кутаиса и Баку, опредѣленныя по наблюденіямъ 1848 и 1849 годовъ, помѣщены въ академическомъ календарѣ, потому и не выписываемъ ихъ за 1852 годъ, считая, однако, нужнымъ замѣтить, что онъ былъ на Кавказѣ нѣсколько-холоднѣе 1848 и 1849 годовъ; среднія годичныя температуры трехъ другихъ мѣстъ за 1852 годъ:

Дербентъ + ... $10,^{42}$ по Реомюру;
Александраполь $4,^{88}$,
Аралыхъ........ $9,^{36}$

Низкая температура Александраполя, конечно, зависитъ отъ чрезвычайно-возвышеннаго положенія его надъ моремъ (4818 футовъ).

«Хронологическое показаніе событій въ Кавказскомъ и Закавказскомъ Краѣ» доведено до конца ноября 1853 года. Особенно-подробнымъ и интереснымъ становится оно съ 1845 года.

Въ статьѣ «Елисаветполь», кромѣ историческихъ и статистическихъ подробностей объ этомъ городѣ (прежде называвшемся Ганжа), находимъ много интересныхъ подробностей о нравахъ Армянъ, составляющихъ почти половину его населенія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Армяне чрезвычайно-ревнивы, и ревность ихъ придумала для женъ такой нарядъ: на голову наматывается цѣлый платокъ двух-аршинной величины (всегда красный), такъ-что только на вискахъ нѣсколько виднѣются изъ него волосы; одинъ конецъ его виситъ сзади ниже пояса; сверхъ платка надѣвается уборъ, состоящій изъ множества подвѣсокъ, которыя почти совершенно закрываютъ лобъ и виски тремя фестонами; на шею надѣвается золотое руло въ родѣ широкаго ошейника, набитое солёною и расположенное такъ, что закрываетъ шею до самыхъ ушей; руло это подвязывается шелковымъ платкомъ, идущимъ поперегъ лица и закрывающимъ ротъ. «Въ такомъ нарядѣ (говоритъ авторъ статьи) видны «только глаза женщины и половина носа. Остальное все закутано зи«мою и лѣтомъ. Уборъ этотъ не снимается во весь день. Чтобы про«пустить въ ротъ пищу, эта ширма придерживается рукою. Надобно «имѣть большую сноровку, чтобы слышать рѣчь женщины, похожей «въ этомъ нарядѣ на египетскую мумію». Бѣдняжка не можетъ не только говорить и ѣсть, но даже пошевелить голову: она должна поворачиваться всѣмъ корпусомъ. При 40 градусахъ жару такой нарядъ

Digitized by Google

долженъ быть невыносимъ. Но мало этого наряда для успокоенія ревности: молодая женщина, переселившись въ домъ мужа, не имѣетъ права говорить громко; она должна говорить шопотомъ, и притомъ не со всѣми еще лицами въ семействѣ. Не для чего и упоминать, что посторонним она не можетъ показываться.

«Географическія и статистическія замѣтки объ Осетіи» А. Головина представляютъ необыкновенный фактъ: во всѣхъ почти оссетинскихъ аулахъ число женщинъ (православнаго населенія) несравненно-менѣе числа мужчинъ. Вотъ примѣры:

Аулы:	Ганиси . . . душъ муж. пола	47, женскаго	33
	Цинсопели	21	10
	Капкай.	537	477
	Габисова.	170	112
	Даргавсъ.	602	492 и т. д.

Такой почти-безпримѣрный въ статистикѣ фактъ чрезвычайно интересенъ и нуждается въ объясненіи. Точно таково же отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ въ мухаммеданской части осетинцевъ, какъ видно изъ приложенной въ концѣ «замѣтокъ» таблицы.

«Очерки изъ жизни митрополита Давида» представляютъ довольно-много интересныхъ подробностей о присоединеніи Имеретіи къ Россіи, а статья «Пароходство по р. Курѣ» любопытна потому, что въ ней живо и ясно изображены трудности, съ которыми должно было бороться длятого, чтобы сдѣлать Куру удобною для судоходства.

Гравюры, приложенныя къ календарю, хорошо вырѣзаны на стали; онѣ представляютъ: 1) Группу Горцевъ, стрѣляющихъ съ утеса въ непріятелей, идущихъ внизу; 2) Видъ Ахалцыха, 3) Видъ Кабенскаго Монастыря, 4) Видъ Этручскаго Монастыря и 5) Видъ бассейна, устроеннаго въ память митрополита Давида.

Памятная Книжка Виленской Губерніи на 1854 годъ. *Составлена, съ разрѣшенія начальства, Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Вильна. Въ тип. Осипа Завадскаго. 1854. Въ 12-ю д. л. 130 стр.*

Книжка эта содержитъ въ себѣ:

Вопервыхъ, расписаніе чиновъ Виленской Губерніи. Въ этомъ расписаніи, интересномъ только для самихъ обитателей, Виленской Губерніи, найдутся интересныя вещи и для другихъ читателей; напримѣръ, вы узнаете изъ нея, что въ городѣ Вильно, средоточіи Виленскаго Учебнаго Округа, существуетъ Императорское Виленское Медицинское Общество и Астрономическая Обсерваторія; есть Дворянскій Институтъ, Казенный Образцовый Пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ и семь частныхъ женскихъ пансіоновъ; кромѣ-того, частный же пансіонъ для еврейскихъ дѣтей; есть губернская гимназія съ четырехклассным при ней отдѣленіемъ, и съ губернскою коммиссіею еврейскихъ училищъ;

Digitized by Google

есть раввинское училище, казенное еврейское училище перваго разряда, реальное казенное еврейское училище съ торгово-промышленнымъ направленіемъ; есть еще другое Дворянское Училище; кромѣ-того, въ Вильнѣ находятся три приходскія училища. И все это только въ одной Вильнѣ; о другихъ городахъ не выписываемъ.

Вовторыхъ, виленскіе адресы. Изъ этого отдѣла, вы узнаете, что въ городѣ Вильнѣ считается врачей служащихъ 26, вольнопрактикующихъ 12, 3 ветеринара, 3 дантиста, 12 повивальныхъ бабокъ, 8 аптекъ, 8 книжныхъ лавокъ, 6 типографій, 3 литографіи, 1 банкирская контора, 5 гостинницъ, 4 кофейные дома, 3 трактира, 10 ренсковыхъ погребовъ, 8 водочныхъ магазиновъ, 8 модныхъ магазиновъ, 8 магазиновъ и лавокъ съ колоніальными товарами и столько же съ галантерейными, шелковыми и другими мануфактурными товарами; 6 рынковъ и базаровъ, 4 мѣста для дровяныхъ складовъ, желѣзные ряды, 5 бань и пр. Въ Вильнѣ 5 булочниковъ, 3 хлѣбника, 3 калбасника, 5 мужскихъ портныхъ и 3 дамскихъ, 5 бѣлошвей, 4 сапожника, 2 мѣдника и 2 мѣховые мастера, 5 каретниковъ и проч., одинъ словолитчикъ по имени Хацкель, по фамиліи Типографъ, 6 переплетчиковъ, 1 оптикъ, 4 часовыхъ дѣлъ мастера, 2 мастера надгробныхъ монументовъ и проч.

Очень-интересна статья: «Виленскія Воспоминанія». Изъ нихъ узнаемъ, что въ Вильнѣ жилъ и скончался Юліанъ Мокрацкій. «Гальванопластика и механика понесли въ немъ большую потерю. Всю жизнь «боролся онъ съ препятствіями и надеждою и палъ жертвою своей не«утомимой дѣятельности. Его изобрѣтенія въ области механики и преи«мущественно въ химіи не принесли существенной пользы потому толь«ко, что недостатокъ средствъ не дозволилъ ему развить ихъ и сдѣ«лать практическими». Нѣтъ и другаго адепта науки: то былъ старецъ, убѣленный сѣдинами, г. Карчевскій; онъ пріобрѣлъ извѣстность назидательными сочиненіями и въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ (Brukowe Wiadomosci) помѣщалъ много остроумныхъ статей. Вотъ и еще не стало члена очень многихъ иностранныхъ обществъ, графа Тызенгауза, снискавшаго «громкую извѣстность, какъ глубокій ученый». Покойный написалъ двадцать разныхъ сочиненій по части разныхъ отраслей знанія: почти всѣ эти сочиненія переведены *на многіе иностранные языки*. Біографъ прибавляетъ, что покойный нерѣдко самъ лечилъ своихъ крестьянъ, былъ отличнымъ каррикатуристомъ, собственноручно сдѣлалъ болѣе 100 изображеній птицъ, и пріобрѣлъ изъ Крыма 500 чучелъ тамошнихъ птицъ, и, кромѣ-того, у него въ музеѣ собрано болѣе *3000* чучелъ и *множество* экземпляровъ звѣрей, насѣкомыхъ и проч.

Книжка оканчивается статьей, принадлежащей доктору медицины, К. И. Геллингу и носящей названіе «Наставленіе простому народу, какъ «предохранять себя отъ болѣзней, и какъ лечить ихъ простыми сред«ствами въ отсутствіе врача».

Digitized by Google

Временникъ *Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга 17.*

Содержаніе 17-й книги «Временника» составляетъ слѣдующія статьи: 1) Замѣчаніе на слово о Полку Игоревѣ, статья вторая, князя П. П. Вяземскаго; 2) Новый лѣтописецъ съ дополненіями, князя М. А. Оболенскаго; 3) Выписки изъ приходной книги Нижегородскаго Уѣзда о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, отправлявшимся съ княземъ Пожарскимъ для освобожденія Москвы въ 1612 году; 4) Грамота царя Бориса въ Шую; 5) Росписка дьяческая Шуянамъ въ полученіи отъ нихъ кабацкихъ пошлинъ; 6) Письмо атамана Просовѣцкаго въ Шую; 7) Наказъ воеводѣ Нарымскаго Острога Янову; 8) Письмо къ Андрею Ильичу Безобразову отъ его прикащика и старостъ; 9) Свиданіе Петра-Великаго съ Августомъ II въ Биржахъ 1701 года; 10) Инструкція ученикамъ Словено-Греко-грамматическихъ школъ 1738 года; 11) Книга сошнаго письма 7137 года; 12) Роспись полевой мѣрѣ 1709 года.

Вторая статья князя Вяземскаго начинается объясненіемъ словъ: «Тогда Игорь възри на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся «своя воя прикрыты». Это явленіе до-сихъ-поръ принимаютъ обыкновенно за солнечное затмѣніе, потому-что въ лѣтописномъ разсказѣ Игорь видитъ солнце, стоящее какъ мѣсяцъ, и въ томъ же году, именно перваго мая, показано солнечное затмѣніе. Князь Вяземскій не хочетъ согласиться съ этимъ обычнымъ объясненіемъ, на томъ основаніи, вопервыхъ, что нигдѣ не говорится, чтобъ Игорь вступилъ въ походъ 1-го мая. Но это обстоятельство тогда только можно было бы приводить въ опроверженіе общаго мнѣнія, еслибъ въ лѣтописи было показано, въ какое именно число какого мѣсяца Игорь выступилъ въ походъ и видѣлъ знаменіе; молчаніе же лѣтописей объ этомъ можетъ только вести изслѣдователя къ тому заключенію, что выступленіе въ походъ было 1-го мая, на основаніи извѣстія о затмѣніи. Далѣе авторъ говоритъ, что и въ лѣтописи рѣчь идетъ не о затмѣніи солнца, что и по смыслу лѣтописи Игорь видѣлъ только солнце, заходящее безъ лучей, въ туманѣ. Но, вопервыхъ, авторъ не можетъ отвергать, чтобъ «солнце стоящее какъ мѣсяцъ» не было однимъ изъ видовъ солнечнаго затмѣнія; вовторыхъ, еслибъ это было только солнце въ туманѣ, то подобное явленіе не могло бы произвести такого страшнаго впечатлѣнія на Игоря и дружину его; и теперь простой человѣкъ со страхомъ смотритъ на солнечное затмѣніе, а солнце, заходящее въ туманѣ, предсказываетъ ему развѣ только ненастье на другой день. Наконецъ князь Вяземскій говоритъ, что знаменіе, описываемое въ пѣснѣ, и знаменіе, описываемое въ лѣтописи — различны. Но это различіе означаетъ только, что или авторъ лѣтописнаго разсказа, или авторъ «Слова о Полку» не соблюлъ надлежащей точности относительно времени, само же явленіе каждый изъ нихъ описывалъ по-своему.

Digitized by Google

«Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго.» Этому мѣсту представлено новое объясненіе: Но чтобъ это объясненіе было удовлетворительнѣе, или хотя столько же удовлетворительно, какъ и прежнія, нужно представить примѣры подобнаго же употребленія предлога *по*.

Гораздо-замѣчательнѣе объясненіе слѣдующаго мѣста: «О бояне, «соловію стараго времени! абы ты сія плъкы ущекоталъ скача славію «по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы «сего времени, рища въ тропу трояню чресъ поля на горы. Пѣти было «пѣсь Игореви, того внуку.» Авторъ здѣсь подъ троянцемъ разумѣетъ Энея, котораго Игорь называется внукомъ, по господствовавшему въ то время у новыхъ европейскихъ народовъ желанію вести происхожденіе своихъ князей отъ Троянъ, предковъ римскаго народа, родоначальниковъ фамиліи цезарей. Это очень-правдоподобно. Но слѣдующее объясненіе кажется намъ натянутымъ: «Тропа (путь) выражаетъ «правильно мысль пѣвца, ибо, вызывая *Гомера* (см. первую статью «князя Вяземскаго и разборъ ея въ «Отечественныхъ Запискахъ») «воспѣвать троянскихъ внуковъ и славить современную славу потом«ковъ съ славою предковъ, поэтъ имѣетъ въ виду событія, ознамено«вавшія переходъ троянскихъ племенъ на берега Адріатическаго Мо«ря, Дуная и Чернаго Моря». По нашему мнѣнію, если ужь троянъ есть троянецъ Эней, то тропа трояня будетъ знаменитое плаваніе Энея отъ береговъ троянскихъ къ берегамъ Лаціума, увѣковѣченное Виргиліемъ и, слѣдовательно Боянъ, къ которому авторъ «Слова» обращается въ разбираемомъ мѣстѣ, будетъ Виргилій, а не Гомеръ.

«Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣ«жатъ къ Дону великому.» Объясненіе этого мѣста также натянуто: «не бурныя страсти увлекли русскихъ на границу половецкой земли, «а напоръ къ Дону безчисленныхъ враговъ», тогда-какъ все мѣсто относится къ половцамъ и представляетъ обычный русскій пѣсенный пріемъ: «не то-то, а то-то», съ ироніею относительно половцевъ: «не соколы, а галки».

«Уже бо бѣды его пасетъ птиць». Авторъ думаетъ, что здѣсь или *птиць* именительный падежъ собирательнаго, вмѣсто: *птичь родъ*, или *пасетъ* поставлено ошибочно вмѣсто *пасутъ*. Но зачѣмъ предполагать новыя слова и описки, когда мѣсто объясняется легко принятіемъ *бѣды* за именительный вмѣсто *бѣда*, какъ *свекры* (вмѣсто свекровь), мати, дочи, хати, пустыни, княгини.

«Стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ «всѣхъ странъ.» Никакъ нельзя согласиться съ объясненіемъ автора, будто это значитъ: «Знаменоносцы, стоящіе на возвышенныхъ мѣстахъ, увѣдомляютъ о большомъ скопленіи враговъ со всѣхъ сторонъ». Стязи глаголютъ — знамена, качаемыя отъ вѣтра и отъ движенія несущихъ,

Digitized by Google

издаютъ звуки; увѣдомлять о приближеніи непріятеля было обязанностью сторожей, а не знаменоносцевъ.

«Кая раны дорога». Здѣсь опять *раны* именительный вмѣсто *рана*, незамѣченный авторомъ.

«Тоже звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ: а «Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ». Авторъ объясняетъ: «Олегъ поднималъ тревогу при Всеволодѣ Ярославичѣ и сынѣ «его Владимірѣ, но Владиміръ не поддавался на его происки». Объясненіе, почему-то не находящее себѣ ни малѣйшаго основанія въ исторіи; для простѣйшаго объясненія мѣста стоитъ только припомнить простонародное выраженіе: «задать звонъ».

«Въстала обида въ силахъ Даждь-Божа внука. Вступила дѣвою на «землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы». Мнѣніе автора о связи этого мѣста съ преданіями о Еленѣ-дѣвѣ-обидѣ очень-вѣроятно.

Вообще статья князя Вяземскаго представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ: авторъ ея впервые взглянулъ на знаменитое «Слово о Полку» со стороны вліянія на него литературныхъ преданій, господствовавшихъ у другихъ современныхъ народовъ. Но, отдавая полную справедливость почтенному труду князя Вяземскаго, мы не можемъ не сѣтовать на ту небрежность, которую находимъ въ этомъ трудѣ. Для примѣра, приводимъ слѣдующее мѣсто на страницѣ 15: «Но распространеніе по всей Европѣ мнѣнія о происхожденіи нѣсколь«кихъ племенъ отъ Троянъ и сосредоточеніе сихъ мнѣній преиму«щественно у Франковъ, обитавшихъ на Дунаѣ, находится въ боль«шемъ согласіи съ показаніями древнихъ о поселеніи разныхъ Ѳракій«скихъ племенъ послѣ раззоренія Трои, между Адріатическимъ и Чер«нымъ морями, пространство издревле заселенное Словенами. Притязанія «Іоанна Васильевича на латинское происхожденіе. Это замѣчаніе ка«сается лишь вопроса о происхожденіи князей Русскихъ отъ Дардани«довъ чрезъ Юлія Кесаря.»

Значеніе *Новаго Лѣтописца* такъ опредѣляется издателемъ: «Хотя «всѣ эти лѣтописи (Новый Лѣтописецъ, о которомъ идетъ рѣчь, Новый Лѣтописецъ, помѣщенный въ 8-й части Никонова Сборника и Лѣтопись о многихъ мятежахъ) одинаковы, но отличаются другъ отъ «друга редакціей, и именно такъ, что списокъ, мнѣ принадлежащій, «составляетъ первоначальную редакцію, которая была ужь впослѣдствіи «переиначена, и въ такомъ видѣ напечатана въ 8-й части Никоновской «Лѣтописи, по списку, однако, несовсѣмъ-полному въ началѣ и въ «концѣ; третью же редакцію составляетъ лѣтопись о мятежахъ, до«полненная противъ обѣихъ первыхъ въ концѣ.»

Изъ «Приходной Книги Нижегородскаго Уѣзда» оказывается, что ратнымъ людямъ, пошедшимъ съ княземъ Пожарскимъ и Мининымъ на очищеніе московскаго государства, дано было въ Нижнемъ 5206 рублей, и въ этой суммѣ болѣе $^4/_5$ строгановскихъ денегъ.

Digitized by Google

Относительно старыхъ воеводскихъ обычаевъ очень-любопытно письмо къ Безобразову отъ его прикащика; въ концѣ письма находимъ замѣчательное выраженіе: «Пожалуй, государь, вели меня холопа своего «*осемьенить* на Юрьевой падчерицѣ Степанова, а у меня съ нимъ «сосватано».

Еще любопытны слѣдующіе акты: «Свиданіе Петра-Великаго съ Августомъ II», «Инструкція о школахъ», «Книга сошнаго письма» и «Роспись полевой мѣрѣ». Въ инструкціи о школахъ 1738 года читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Какъ по нижеозначенному реестру «къ Словено-и-Греко-грамматической наукѣ назначенныхъ, такъ и «впредь опредѣленныхъ въ тое школу священно-и-церковно-служитель-«скихъ дѣтей свидѣтельствовать какъ учителямъ всѣмъ обще, каковъ «кто искусенъ чтенію и памяти; и которые изъ нихъ явятся искусны «и острой памяти, а лѣтами отъ рожденія ниже 12, тѣхъ опредѣлять «въ наученія Еллиногреческой, а кои во чтеніи тупы и легкопамятны «и кои выше 12 лѣтъ, тѣхъ Славенороссійской грамматикѣ, коижъ «изъ нихъ Россійской грамотѣ словесному еще явятся недоучены, тѣхъ «вамъ доучивать и доуча опредѣлять къ вышепомяненнымъ грамматиче-«скимъ наукамъ, по остротѣ жъ смотря; и раздѣля ихъ постанично и «для всегдашняго надъ ними страха и воспящения отъ самовольныхъ «худыхъ поступковъ выбрать изъ нихъ десятниковъ и пятидесятниковъ, «и сотниковъ, и старосту, людей добросовѣстныхъ, кои изъ нихъ по-«старше... И ежели жъ кто въ прихожденіи въ школу явится лѣно-«стенъ или въ ученіи нерадѣтеленъ, или же самовольно куды отъ шко-«лы безъ отпуску вашего отлучится, или поступать станетъ неблаго-«чинно и небратолюбно — вамъ, призвавъ таковаго виновнаго, изслѣдя «достовѣрно, за легкія вины, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, «наказать; въ первый и другой разъ словесно, а за третію вину, при «собраніи прочихъ учениковъ, смирить шелепами.» Предметы преподаванія въ школахъ были: 1) грамматическія науки, то-есть чтеніе книжное, пѣніе, писаніе уставное и скорописное; 2) цифирь; 3) духовная и гражданская политика. На содержаніе школъ и учениковъ бралось ежегодно отъ монастырскихъ земель по умолоту приплоднаго хлѣба двадцатая, да отъ церковныхъ тридцатая доля.

Ручная книжка для грамотнаго поселянина. *Санктпетербургъ. Въ тип. Эд. Веймара. 1853. Въ 12-ю д. л. 272 стр.*

Посмотрите, какъ хорошо этотъ старикъ разсказываетъ! Возлѣ старичка на скамейкѣ сидитъ парень, подстриженный въ-скобку; противъ него дородная молодица; въ заплетенной косѣ ея виднѣется лента, должно-быть, алая; грудной ребенокъ съ удивленіемъ смотритъ на указательный перстъ старика и думаетъ: когда-то и у меня выростутъ такіе большіе пальцы? за старикомъ сидитъ или ста-

Digitized by Google

руха, или молодая баба, и тоже смотритъ поверхъ пальцевъ старика, и тоже слушаетъ. Чтò жъ они слушаютъ? о чемъ разсказываетъ старикъ? Слушаютъ они, должно-быть, то, чтò напечатано въ «Ручной книжкѣ для грамотнаго поселянина»; а старикъ, который разводитъ пальцами, должно-быть, объясняетъ то, чтò написано въ «Ручной Книжкѣ». Разсказываетъ онъ и о томъ, «чтò надобно всегда помнить и соблюдать всякому человѣку», и о томъ, «чтò значитъ вскормить дитя» и о томъ, кàкъ сѣять рожь и пшеницу, и о томъ, для чего надобно удобрять землю, кàкъ сажать капусту, лукъ и петрушку, кàкъ поступать съ овцами во время ихъ ягненія, и кàкъ надо жить людямъ, и чего беречься, чтобъ быть здоровыми; говоритъ онъ и о хозяйскомъ обиходѣ, о свиньяхъ, козахъ и лошадяхъ; говоритъ о соленіи и копченіи мяса; говоритъ также и о томъ, отъ чего можетъ приключиться смерть человѣку, говоритъ объ утопшихъ, замерзшихъ, угорѣвшихъ, подавившихся, проглотившихъ живую пьявицу, и о вывихнувшихъ себѣ руки и ноги. Обо всемъ этомъ говоритъ старикъ и говоритъ такъ интересно, что молодая крестьянка слушаетъ его, сложа руки подъ сердцемъ, молодой парень слушаетъ сложа руки подъ сердцемъ, маленькое дитя слушаетъ, глядя на пальцы старика. Всѣ слушаютъ, и мы готовы съ удовольствіемъ слушать такіе полезные разсказы. Не разъ мы имѣли случай хвалить подобныя книги, по поводу *Сельскаго Чтенія*, изданнаго г. А. Заблоцкимъ, издателемъ и этой «Ручной Книжки», и всегда ставили на видъ ту пользу, которую должны приносить онѣ крестьянскому быту. Не станемъ и на этотъ разъ повторять всегдашнихъ нашихъ похвалъ, потому-что публика напередъ можетъ быть увѣрена, что «Ручная Книжка» — дѣйствительно полезная и прекрасная книжка.

Г. А. Заблоцкій, въ «Предисловіи» говоритъ слѣдующее:

«Настоящая книжка начата еще въ 1848 году, по порученію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ слѣдствіе приказанія Его Сіятельства Г. Министра. Цѣль ея — доставить грамотному поселянину средство имѣть подручную справочную книжку, по изложенію доступную его понятіямъ, а по содержанію — соотвѣтствующую существеннымъ потребностямъ обыкновеннаго его домашняго быта. Медленность исполненія такого порученія объясняется сущностію дѣла: люди свѣдущіе понимаютъ всю трудность писать такъ называемыя народныя наставленія, въ которыхъ не только каждая мысль, но каждое слово должно быть взвѣшено. При нѣкоторой уже опытности въ подобныхъ работахъ, я не рѣшился бы на настоящую, еслибъ не былъ увѣренъ въ содѣйствіи, совѣтами и указаніями, такихъ просвѣщенныхъ на поприщѣ отечественнаго хозяйства дѣятелей, каковы Е. С. Карновичъ, Н. П. Шишковъ, Ф. Х. Майеръ, З. З. Маклотлинъ, Э. И. Магзигъ: имъ, а равно Кн. В. Ѳ. Одоевскому, Е. А. Петерсону и П. Я. Сердюкову считаю обязанностію принести здѣсь искреннѣйшую признательность.

«Но и при такой благопріятной обстановкѣ, не ослѣпляясь самолюбіемъ,

Digitized by Google

я далекъ отъ мысли о совершенствѣ моего труда, и приму, съ особенною благодарностью, всякое благонамѣренное замѣчаніе опытныхъ и безпристрастныхъ знатоковъ и любителей сельскаго дѣла.»

Предоставляя любителямъ сельскаго дѣла писать замѣчанія на сельско-хозяйственную часть книги, мы скажемъ одно, что просмотрѣли книжку съ любопытствомъ, и если подъ-часъ встрѣчались намъ въ ней фразы больше книжныя, нежели разговорныя, мы утѣшались тѣмъ, что все-таки крестьянинъ пойметъ эти фразы и прочтетъ книжку съ большою для себя пользою.

Таблицы, формы и численныя данныя, *для сокращенія вычисленій и руководства при соображеніяхъ, относящихся до строительнаго искусства. Составлены корпуса инженеровъ Путей Сообщенія подполковникомъ* Н. И. Липинымъ. *Томъ I. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 350 и 312 стр.*

Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ этого необходимаго для строителей сборника заключаются формы и таблицы математическія, физическія и геодезическія. Вполнѣ понять важность собранныхъ составителемъ данныхъ можно только послѣ выхода втораго тома, въ которомъ представятся данныя чисто-строительныя. Теперь же должно замѣтить, что отчетливое и полное изложеніе статей, вошедшихъ въ изданный нынѣ томъ, ставятъ этотъ первый на русскомъ языкѣ сборникъ почти выше всѣхъ подобныхъ иностранныхъ памятныхъ книжекъ.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества, *составленное* Эд. Рего, *адъюнктъ-профессоромъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института* (**Хозяйственныя и Техническія Руководства,** *издаваемыя отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества). Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. Въ 8-ю д. л. Три части. Въ 1-й 150 стр. и 3 листа черт., во 2-й — 189 стр. и 1 л. черт., въ 3-й — 227 стр. и 1 л. черт.*

Считаемъ необходимымъ благодарить г. Рего за полезный трудъ его — за книгу, въ которой сильно нуждаются и которая должна будетъ служить первымъ руководствомъ для всѣхъ русскихъ, приступающихъ къ изученію предмета, столь важнаго въ нашемъ отечествѣ. Сочиненіе г. Рего отличается вообще ясностью изложенія и краткостью. Начинающій изучать огородничество въ короткое время знакомится съ сущностью предмета и можетъ потомъ уже самъ приступить къ дѣлу. Однакожь, несмотря на то, что это сочиненіе имѣетъ много достоинствъ, нельзя не сознаться, что оно имѣетъ и свои недостатки. Вопервыхъ, замѣтимъ, что книга повидимому написана для всей Россіи, между-тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ она преимущественно

Digitized by Google

(относительно огородничества по-крайней-мѣрѣ) назначена для средней полосы Россіи; такъ, напримѣръ, о дыняхъ и арбузахъ говорится только какъ о парниковыхъ растеніяхъ (стр. 108 и 111 2-й ч.). Жаль, что авторъ не обозначилъ точнѣе, при частномъ описаніи ухода, гдѣ что̀ лучше всего разводится (какъ это сдѣлано имъ, напримѣръ, въ статьѣ объ абрикосахъ, персикахъ и миндалѣ).

Вовторыхъ, авторъ слишкомъ-мало обратилъ вниманія на физіологію и анатомію растеній. Хотя въ началѣ книги онъ самъ говоритъ, что органографія и физіологія крайне-важны для (ученаго, конечно) садовода и огородника, изъ самого же сочиненія анатомическія и физіологическія свѣдѣнія по возможности исключены, такъ-что читатель скорѣе убѣдится въ безполезности ихъ. Еслибъ авторъ основывался вездѣ, гдѣ необходимо, на фактахъ, или законахъ, означенныхъ въ физіологіяхъ и анатоміяхъ растеній, и указывалъ на нихъ тамъ, гдѣ безъ нихъ нельзя понять различныхъ пріемовъ при уходѣ за работами, тогда только читатель убѣдился бы въ истинѣ того, что̀ сказано на 10-й страницѣ 1-й части.

Намъ кажется еще, что авторъ не соблюдалъ вездѣ надлежащей соразмѣрности. Такъ, напримѣръ, статья о *яблони*, о разныхъ видахъ и разностяхъ ея чрезвычайно-подробна, между-тѣмъ, какъ *о винноградѣ*, въ этомъ отношеніи, почти ничего не сказано; *о свеклѣ* (1) же, которая распространена по всей Россіи, вовсе ничего не говорится. Точно также между масличными растеніями слѣдовало бы непремѣнно упомянуть, напримѣръ, о рапсѣ, кунжутѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Сверхъ-того, есть разныя частныя погрѣшности и неточности. Для примѣра, приведемъ слѣдующее: на стран. 11 — 16-й въ 1-й части говорится о почкахъ и о развѣтвленіяхъ: «Лиственная почка цилиндрическая, кверху загнутая»... Развѣ это всегда такъ? Сколько извѣстно — нѣтъ. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что вѣтвь, на которой изъ почекъ развились молодыя вѣтви, далѣе не развѣтвляется (стр. 16).

На стр. 70-й *черенкомъ называется отрѣзанная часть стебля, вѣтви или побѣга*. Такое опредѣленіе неточно, потому-что далѣе черенки раздѣляются на черенки 1) *отъ стебля*, 2) *отъ листьевъ* и 3) *отъ корня*. Статья о черенкѣ очень-подробна; въ ней, однакожь, ничего не говорится объ употребленіи угля при дѣланіи черенковъ, что̀ во многихъ случаяхъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ способовъ. Также подробна статья о прививкѣ; однакожь, авторъ забылъ объ обстоятельствѣ, очень-важномъ, именно о томъ, что во всѣхъ

---

(1) Вѣроятно, по ошибкѣ говорится въ статьѣ *о корнеплодныхъ* двулѣтнихъ растеніяхъ, о свеклѣ, или мангольдѣ, которая разводится не для корней, а для листьевъ. Кромѣ-того, сказано *корешковъ*, вмѣсто *черешковъ* (ч. II, стр. 64) и проч.

случаяхъ прививки, какой, или живая, производительная клѣтчатка прививаемаго черенка должна прикасаться съ тою же частью дичка.

На стр. 77-й внизу сказано: *Размножать растенія хорошихъ качествъ можно только съ помощью искусственныхъ способовъ, посредствомъ черенка, отводковъ и прививокъ.* Что же значатъ растенія хорошихъ качествъ? Развѣ, напримѣръ, цвѣтная капуста не есть растеніе хорошихъ качествъ? Развѣ, по способу Монса, нельзя получить плодовыхъ деревъ хорошихъ? Выгоденъ ли этотъ способъ или нѣтъ — это вопросъ совершенно-другой. Причина, почему хорошіе сорты яблони разводятся прививкою — не объяснена.

На 123-й страницѣ говорится: «Главный корень всасываетъ сокъ «только своимъ концемъ; если же конецъ оборванъ, то выростаютъ «побочные корни; поэтому, для понужденія къ скорѣйшему образованію «побочныхъ корней, должно *всегда при пересадкѣ обрѣзывать главный корень, побочныхъ же не должно трогать*»; почему не должно трогать побочные корни, которые растутъ такъ же, какъ главные — этого авторъ не объяснилъ.

На стр. 135-й сказано: «Окучиваніе увеличиваетъ массу питатель-«ныхъ веществъ свѣжею землею; отъ этого растенія образуютъ больше «корней и тѣмъ *лучше* развиваются». Это неточно: при окучиваніи обыкновенно часть стебля покрывается влажною землею, *вслѣдствіе этого* образуются новые прибавочные корни и *увеличивается масса питательныхъ веществъ*, принимаемыхъ растеніемъ.

На стр. 136-й сказано: *Вода изъ закрытыхъ колодцевъ, по содержанію въ растворѣ землистыхъ веществъ, безполезна* для поливки. Почему же? Самъ авторъ на 17-й стр. говоритъ о влажности землистыхъ веществъ для питанія растеній.

Мы ограничились указаніемъ неточностей, допущенныхъ, къ-сожалѣнію, авторомъ въ первой части, общей и потому болѣе доступной для критики и вмѣстѣ интересной для всякой мѣстности, тогда-какъ частныя правила садоводства и огородничества должны измѣняться сообразно съ мѣстными обстоятельствами.

Подарокъ кстати. *Дѣтскія повѣсти каноника* Шмидта, *съ шестью литографированными и раскрашенными рисунками. Изданіе второе. С. Петербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 214 стран.*

«Дѣтскія повѣсти» каноника Шмидта пользуются большою извѣстностью въ Германіи: когда время подходитъ къ Рождеству и газеты наполняются объявленіями о дѣтскихъ книжкахъ, приготовленныхъ для подарка на ёлку, на самомъ видномъ мѣстѣ страницы, самымъ заманчивымъ шрифтомъ красуется: «Дѣтскія повѣсти каноника Шмидта, съ прекрасными гравюрами и политипажами и т. д., во французской великолѣпной папкѣ и т. д.» Вотъ какой-то любитель подарковъ на ёлку перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ и на русскій, чтобы осчастливить и себя

Digitized by Google

и дѣтей; вѣроятно, посчастливилось канонику Шмидту и въ Россіи, потому-что его повѣсти выходятъ, какъ видите, уже вторымъ изданіемъ, и изданіемъ довольно-опрятнымъ — не во французской великолѣпной папкѣ, но все-таки порядочно переплетенныя въ зеленую бумажку, тиснёную муаре, не съ великолѣпными гравюрами, не съ превосходными хромолитографіями, но все-таки съ шестью порядочно-раскрашенными литографіями; однимъ словомъ, выходятъ если не въ блестящемъ, то и не въ грязномъ костюмѣ. Но чѣмъ же онѣ заслужили такое завидное счастье? Вѣроятно, въ-самомъ-дѣлѣ каноникъ Шмидтъ мастеръ разсказывать дѣтямъ мило и интересно? А вотъ послушайте начало самой большой изъ четырехъ, помѣщенныхъ въ нашей зеленой книжкѣ повѣстей «Корзина цвѣтовъ». У садовника Якова, который, бывши прежде въ числѣ «спутниковъ» графа, «пріобрѣлъ благородство въ разговорахъ «и манерахъ; но, лучше всего, сохранилъ благородное и чувствительное «сердце отъ прикосновенія общества и свѣта», есть очень-миленькая дочь, Марія, которую, нѣтъ сомнѣнія, вы полюбите, короче познакомившись съ этимъ милымъ и наивнымъ ребенкомъ:

«Марія возрастала посреди растеній и цвѣтовъ...... Молодыя, нѣжныя растенія были предметомъ ея заботъ.... Но благодаря мудрости стараго Якова, страсть Маріи къ цвѣтамъ имѣла цѣль возвышенную.... въ любимыхъ ею цвѣтахъ онъ выказывалъ ей хорошія качества молодой дѣвушки.... Въ одно утро морозомъ захватило всѣ цвѣты: они приняли желтый и темный оттѣнокъ. Видя такое печальное зрѣлище, Марія горько заплакала. Отецъ подошелъ къ ней: «Такъ точно преступныя удовольствія губятъ молодость. О! дочь моя! остерегайся соблазна!» Марія возрасла такимъ образомъ въ глазахъ умнаго и честнаго отца.... богатая надеждами, какъ деревцо, покрытое душистыми цвѣтами.»

Послѣ этого вы, конечно, удивитись, узнавъ, что Марія обвинена въ кражѣ, а не въ чемъ-нибудь другомъ, попала въ тюрьму, гдѣ она говорила слѣдующимъ образомъ съ солнцемъ:

«Прелестное свѣтило! ты вѣрно пришло навѣстить свою подругу? О, помню, что когда твои лучи упадали въ мою комнату: они блистали гораздо радостнѣе! Принимаешь ли ты участіе въ этомъ горѣ? Думала ли я когда нибудь, что встрѣчусь съ тобою въ подобномъ мѣстѣ? Зачѣмъ, счастливое свѣтило, ты не можешь говорить?» и т. д.

Но и въ тюрьмѣ Марія не забыла наставленій отца о «преступныхъ удовольствіяхъ»; она продолжаетъ: «Невинность *можетъ быть прикрыта* на минуту» и пр. Марію осуждаютъ на смертную казнь, но графъ смягчаетъ наказаніе и просто прогоняетъ ее вмѣстѣ съ отцомъ со своихъ земель. Они находятъ пріютъ у какого-то добраго мызника. Мудрый Яковъ мало-по-малу умираетъ на десяти страницахъ, хозяйка Урзула (а не Урсула) начинаетъ преслѣдовать Марію, а хозяинъ «сожалѣетъ о Маріи» и заступается за нее.

Digitized by Google

Невинность Маріи въ покражѣ открывается: пропавшее у графа кольцо найдено въ гнѣздѣ сороки. Марія вознаграждена за всѣ страданія, принята, какъ родная, въ семейство графа и наконецъ выходитъ замужъ за сына стряпчаго.

Можно ли было до такой степени опошлить скучнымъ и безсвязнымъ разсказомъ трогательный, милый, простой анекдотъ о сорокѣ-воровкѣ!

Нестерпимая растянутость этого разсказа отобьетъ у ребенка, какъ бы ни любилъ онъ чтеніе, охоту прочитать болѣе двухъ страницъ этой скучной и приторной болтовни.

Неужели у нѣмцевъ есть «дѣтскія повѣсти» еще хуже повѣстей каноника Шмидта?

Языкъ русскаго перевода неграмотенъ и велерѣчивъ, что можно видѣть и изъ нашихъ выписокъ, хотя мы выписали далеко-нехудшія мѣста.

Мечта и дѣйствительность, *фантастическая драма въ пяти дѣйствіяхъ, основанная на германскомъ повѣріи. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1854. Въ 12-ю д. л. 88 стр.*

Съ этой драмой случились происшествія истинно-фантастическія. Авторъ задумалъ основать ее на такомъ нѣмецкомъ повѣрьи, котораго и сами нѣмцы не знаютъ, именно на повѣрьи о воскресныхъ дѣтяхъ (Sontags-Kind).

Что за фантазія: воскресныя дѣти? спрашиваемъ мы. «Сами Нѣм-«цы не всѣ могутъ опредѣлительно отдать отчетъ въ этомъ порожде-«ніи фантастическаго ихъ воображенія», отвѣчаетъ авторъ. Какъ же узнали вы объ этомъ порожденіи фантастическаго воображенія? снова спрашиваемъ мы. — «Чрезъ книгопродавцевъ и одного путешественника», говоритъ авторъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пріискавъ сюжетъ для фантастической драмы, авторъ, чрезъ книгопродавцевъ и одного путешественника, относился *въ самую Германію* (собственное его выраженіе); но ему указали только на одну старинную комическую оперу, существующую въ нѣмецкихъ земляхъ, оперу, въ которой воскресное дитя взято со стороны смѣшной. «Трудолюбивые и многосторонніе нѣмцы» — увѣряетъ авторъ — не сдѣлали ни легенды, ни баллады, ни пѣсни, ни романса изъ повѣрья, котораго они не понимали, тогда-какъ авторъ рѣшился сдѣлать изъ этого повѣрья фантастическую драму. «Даже ни въ Conversations-Lexi-«con и ни въ одномъ изъ другихъ, *видѣнныхъ* авторомъ Нѣмецкихъ «словарей, нѣтъ ни слова объ Sontags-Kind».

Тогда авторъ, продолжая свои разспросы, обратился къ одной лифляндкѣ, и она сказала, что, по лифляндскому суевѣрію, всѣ дѣти, родившіяся въ воскресенье, получаютъ свойство видѣнія духовъ. Авторъ не удовольствовался этимъ и обратился къ одной бернской уроженкѣ.

Digitized by Google

Отъ нея-то узналъ онъ очень-интересную исторію, которую мы когда-нибудь, надосугѣ, разскажемъ читателямъ.

Послѣдствія разговора автора съ однимъ книгопродавцемъ, съ одною лифляндкою и съ одною бернскою уроженкою неисчислимы. Въ фантастической драмѣ дѣйствуютъ семь *тѣней*, не наводя ни малѣйшаго страха на зрителей, потому-что всѣ эти тѣни одѣты очень-хорошо; именно :

«Родители Каролины, почтенной наружности старцы, въ *старинномъ* костюмѣ. Германъ въ *солидномъ* Нѣмецкомъ кафтанѣ. Эдуардъ, во *франтовскомъ* нарядѣ *молодаго человѣка лѣтъ за 40 назадъ*. Одинъ изъ *Неизвѣстныхъ*, старикъ, *болѣзненнаго* вида, въ утреннемъ *тулупѣ*, съ *палкою* (это все тѣни!). Другой изъ *Неизвѣстныхъ*, хорошенькой мальчикъ, одѣтый *по-дѣтски*. Неизвѣстная молодая женщина, въ *старинномъ щеголеватомъ* костюмѣ.»

Какъ ни удивительно одно изъ дѣйствующихъ лицъ — тѣнь въ тулупѣ, съ палкою, но *Альвина*, по нашему мнѣнію, еще интереснѣй должна быть на сценѣ. Вотъ что должно соблюдать при постановкѣ пьесы, или Альвины, на сцену :

«Надобно наблюдать, чтобы Альвина не была ни секунды на сценѣ въ отсутствіи Карла (онъ влюбленъ въ Альвину, хотя никогда ея не видѣлъ) и находилась бы всегда *передъ нимъ*, потому что *зритель видитъ ее глазами Карла, какъ и слышитъ колоколъ его ушами*. Такъ въ концѣ 4-го явленія 2-го дѣйствія она скрывается за бесѣдкою въ самую минуту его ухода. Но всѣ ея *исчезанія* (?), какъ и появленія, должны быть естественны, и зритель ничѣмъ не долженъ быть *до времени наводимъ на мысль, что она тѣнь*.»

Не знаемъ, что могутъ видѣть глазами Карла одинъ книгопродавецъ, одна лифляндка и одна бернская уроженка; но намъ кажется, что на сценѣ мы будетъ непремѣнно смотрѣть глазами Карла, а не своими собственными, и на этотъ счетъ авторъ можетъ быть покоенъ. Но когда Альвина начнетъ танцовать, не ручаемся, что мы станемъ смотрѣть собственными глазами. Авторъ такъ снисходителенъ, что приложилъ къ драмѣ и программу танцевъ и даже планъ ихъ. Плана мы не перепечатываемъ, но программу танцевъ выпишемъ. Дѣло въ томъ, что Альвина безпрестанно дѣлаетъ прыжки во время разговора другихъ. Авторъ старался опредѣлить величину этихъ прыжковъ—въ два съ половиною аршина, потому-что на такомъ разстояніи разбросаны цвѣты, по которымъ порхаетъ Альвина.

«Танцы Альвины.

Вильгельмъ произноситъ : «*Которая?*» Альвина показывается изъ-за бесѣдки и становится въ первую позу надъ цвѣткомъ a. Музыка дѣлаетъ аккордъ. Карлъ : «*Тсъ! Она здѣсь*». Вторая поза Альвины : она, увидѣвъ бабочку на цвѣткѣ b, оборачивается къ ней. Вильгельмъ : «*Гдѣ?*» Альвина дѣлаетъ прыжокъ къ бабочкѣ и становится въ третью позу надъ

Digitized by Google

цвѣткомъ b. Второй аккордъ. Карлъ : *«Я не могу оставаться. Прощайте».* Бабочка перелетаетъ, въ виду зрителей, на цвѣтокъ c. Музыка изображаетъ ея полетъ. Альвина слѣдуетъ за нею съ дѣтскою радостью и становится надъ цвѣткомъ c въ четвертую позу. Третій аккордъ, послѣ котораго начинается послѣдовательная музыка до самаго окончанія танцевъ. Альвина бѣжитъ за взлетѣвшею бабочкою, стараясь поймать ее : отъ c до d на воздухѣ, перепрыгивая черезъ цвѣты, а отъ d до e на цвѣтахъ. На цвѣткѣ e она поймала ее и, держа на ладони, выбѣгаетъ съ нею на авансцену до f, откуда, прикрывъ ее другою рукою, несетъ осторожно до g. Здѣсь она сдуваетъ ее съ ладони. Бабочка летаетъ надъ нею. Она, танцуя, ловитъ ее, продолжая эту забаву до ухода Карла, съ отсутствіемъ котораго скрывается за бесѣдкою.»

И авторъ требуетъ, чтобъ все это мы видѣли глазами Карла! Помилуйте!

ЖУРНАЛИСТИКА.

Лѣшій, *разсказъ* г. Писемскаго *и четыре стихотворенія,* г. Фета. («Современникъ», № XI. 1853 и № I. 1854.). — **Документы изъ портфелей Миллера,** *касающіеся Ломоносова, Лефорта, Шувалова и Богдановича* («Москвитянинъ», №№ 1 и 2. 1854.).

Послѣдніе нумера журналовъ истекающаго года и первые нумера начинающагося всегда богаты содержаніемъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы находимся даже въ затрудненіи : съ чего начать. Притомъ же мы еще въ долгу передъ публикой : мы ничего не говорили, напримѣръ, о *Лѣшемъ*, разсказѣ г. Писемскаго, о *Крестьянкѣ*, романѣ г. Потѣхина, и о стихотвореніи г. Майкова : *Алкивіадъ*.... Обо всемъ объ этомъ мы хотѣли сказать въ «Обозрѣніи литературы» въ прошломъ мѣсяцѣ ; но такъ-какъ въ этомъ обозрѣніи приходилось говорить еще разъ о тѣхъ же повѣстяхъ, комедіяхъ и драмахъ, о которыхъ было говорено однажды нами въ-теченіе года, то, чтобъ не повторять сказаннаго, мы принуждены были отложить «обозрѣніе» и, слѣдовательно, промолчать о томъ, о чемъ сейчасъ намѣрены говорить.

Хотя мы только-что получили первую книжку «Москвитянина» на 1854 годъ (книжку, на которой выставлены №№ 1 и 2) и не успѣли еще всю просмотрѣть ее; хотя не видали перваго нумера «Пантеона», потому-что онъ не выходилъ еще — и, несмотря на то, скажемъ, что нынѣшній годъ начался для нашей литературы, какъ слѣдуетъ начинаться доброму урожайному году. Впрочемъ, мы были довольны и прошлымъ годомъ, какъ могли видѣть наши читатели. Зачѣмъ же требовать

чего-нибудь особеннаго? Зачѣмъ съ желчью и ѣдкостью говорить о какомъ-нибудь романѣ, въ которомъ недостаетъ порядочной развязки? Зачѣмъ подсмѣиваться надъ повѣстью, въ которой нѣтъ никакой развязки? Будемъ лучше довольны другими и самими собою. Это лучшее средство уважать нашу литературу. Да и какъ не уважать прошедшій годъ, еслибъ въ немъ даже не было ничего, кромѣ комедіи г. Островскаго, *Не въ свои сани не садись,* романа г. Григоровича *Рыбаки,* романа г. Крестовскаго: *Кто жь остался доволенъ?*, повѣсти г. Авдѣева *Огненный Змій,* разсказа г. Писемскаго *Лѣшій,* повѣсти г. Потѣхина *Титъ Сафроновъ Казанокъ?* еслибъ даже ничего больше не появилось. А между-тѣмъ, въ прошломъ году г. Михайловъ напечаталъ романъ *Марью Ивановну* и увлекательный разсказъ *Святки;* въ прошломъ году явилась новая писательница г-жа *Ольга Н****, съ двумя очень-милыми разсказами; г-жа Хвощинская напечатала свою повѣсть въ стихахъ: *Деревенскій Случай;* г-жа Т. Ч. написала романъ *Дину* и повѣсть *Умная Женщина.* Въ прошломъ году г. Ордынскій представилъ образецъ новаго перевода *Иліады,* а г. Минъ перевелъ поэму Данта *Адъ.* Въ прошломъ году литературная критика была кротка и учтива, не обнаруживала особеннаго задора... Чего жь вы хотите еще?

Сверхъ литературы были литературныя увеселенія: г. Булгаринъ написалъ стихи «Къ картофелю»; нѣкто г. К...ъ К...ъ — «Къ горчицѣ». Были серьёзные стихи «Къ Рашели» и къ «Каратыгину». Г. Покровскій съ января по декабрь безъ-устали толковалъ о существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ, и, собравшись съ новыми силами, на будущій годъ обѣщаетъ разнообразить свои лекціи чтеніями о нарѣчіяхъ, предлогахъ, союзахъ и междометіяхъ. Въ прошедшемъ году г. Погодинъ ѣздилъ за границу для обогащенія себя и своего книгохранилища новыми литературными матеріалами; въ прошедшемъ году г. Данилевскій писалъ мало... Одного недоставало: «Сѣверная Пчела» никакъ не могла привести въ ясность свои правила о чистотѣ и правильности русскаго языка: но этого ей никто не мѣшаетъ сдѣлать въ наступившемъ году...

И все-таки объ этихъ литературныхъ увеселеніяхъ мы говорить не намѣрены.

Мы остановились на разсказѣ г. Писемскаго *Лѣшій,* и потому предадимся размышленіямъ по поводу этого прекраснаго произведенія.

Немногіе сюжеты, и развѣ одинъ «Питерщикъ» такъ удался г-ну Писемскому, какъ «Лѣшій». Мы не знаемъ съ чего начать наши похвалы... и потому лучше всего начнемъ съ сюжета.

Вы знаете кого называетъ «Лѣшимъ» простой народъ? Общепринятое мнѣніе, а съ нимъ и «Справочный Энциклопедическій Словарь» говоритъ: «Лѣшими назывались у славянъ лѣсныя божества, то же, что у грековъ сатиры. Они и теперь еще существуютъ во мнѣніи простолю-

Digitized by Google

диновъ и бываютъ мужескаго и женскаго пола, огромной величины, и имѣютъ человѣческій видъ и козлиныя ноги, уши и рога».

Не-уже-ли такого Лѣшаго, думаете вы, г. Писемскій взялъ сюжетомъ своей повѣсти?

«Когда они ходятъ въ лѣсу, то ростомъ своимъ достаютъ вершины деревьевъ, когда же ходятъ по травѣ, то становятся равными ей, словомъ, какъ говорятъ простолюдины: «они, то выше лѣсу стоячаго, то ниже травы лежачей».

Такой сюжетъ, мы увѣрены, можетъ заинтересовать какую-нибудь даму, до обморока начитавшуюся «Монте-Кристо».

«Ходя по лѣсу, лѣшіе ужасно кричатъ, хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши, зовутъ людей знакомыми имъ голосами и, обманывая такимъ-образомъ, заставляютъ блуждать до поздней ночи, и наконецъ проводятъ ихъ въ свои пещеры и тамъ щекочутъ до смерти.»

Страхъ и интересъ поименованной дамы долженъ возрастать, и повѣсть, въ которой все это будетъ описано, должна имѣть успѣхъ несомнѣнный.

«Иногда лѣшіе просятъ у работающихъ въ лѣсу пирога, и получивъ его, отходятъ и кричатъ: *шелъ, да нашелъ*». Они также уносятъ въ свои жилища дѣтей и тамъ ихъ содержатъ; оттуда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, они иногда освобождаются, если только дѣти, будучи у лѣшихъ, ничего не ѣли. Если лѣшій обойдетъ въ лѣсу человѣка, то, дабы попасть на настоящую дорогу, нужно надѣть все платье *навыворотъ*.

Какъ бы надъ этимъ сюжетомъ разъигралось воображеніе Александра Дюма! Мы какъ-будто предчувствуемъ ужь романъ въ 24 томахъ, съ прологомъ въ четырехъ частяхъ и съ эпилогомъ въ шести! Прологъ — Пещера. Лѣшій унесъ маленькое дитя въ пещеру. Кругомъ дремучій лѣсъ, въ которомъ раздаются страшные голоса — это лѣшіе радуются, что другу ихъ удалась покража маленькаго человѣка. Дитя, безъ помощи, лежитъ въ пещерѣ, на сухихъ листьяхъ и со страхомъ смотритъ на ужасную косматую фигуру, которая кажется ему то великою, какъ каланча, то маленькою, какъ кузнечикъ. Когда ребенокъ съ умиленіемъ протягиваетъ ручонки къ кузнечику, эта негодная стрекоза вдругъ становится выше старосты Онуфрія, куда старосты — выше сельской мельницы, которую бѣдный мальчикъ нѣкогда хотѣлъ поймать за крыло. И ребенокъ начинаетъ плакать, вспомнивъ тятю и маму (читатель начинаетъ чувствовать слезы на глазахъ). Въ это время другіе лѣшіе, такіе же громадные, увидѣвъ другъ друга поверхъ верхушекъ деревьевъ, кланяются одинъ другому, переговариваются между собою, кричатъ, хохочутъ, и верхушки липъ, березъ и столѣтнихъ дубовъ гнутся отъ порывистаго и сильнаго дыханія, вылетающаго, какъ изъ рупора, изъ ихъ могучей груди. Отъ козлиныхъ ногъ ихъ висятъ космы большія, какъ вѣтви плакучихъ березъ; уши ихъ широкія, какъ листья

Digitized by Google

банана, похожи на слуховыя окна надъ деревянными крышами. Все приводитъ въ испугъ, даже васъ, заинтересованный читатель. Ребенокъ, который, все это видитъ, почти мертвъ; раздался послѣдній его крикъ (читатель въ ужасѣ)... и въ это же мгновеніе всѣ лѣшіе садятся на корточки. Нашъ знакомый лѣшій-похититель, превратившись, въ мальчика въ мизинецъ, начинаетъ заигрывать съ ребенкомъ, щекотать его, и дитя приходитъ въ чувство (читатель улыбается). Маленькое дитя начинаетъ просить ѣсть у маленькаго лѣшаго... и т. д. Это только прологъ.

Собственно романъ долженъ бы начаться такъ: Село... положимъ Покровское. Мы проѣзжали нѣкогда по этому селу и любовались его стройнымъ порядкомъ, зажиточностью мужиковъ, яркими сарафанами бабъ и туго-набитыми животами мальчишекъ. Теперь мы въѣзжаемъ снова въ Покровское. Но какой странный видъ приняло оно! У околицы стоитъ мужикъ въ вывороченномъ тулупѣ и съ испуганнымъ видомъ отворяетъ намъ околицу. Смотримъ пристальнѣе: шапка на немъ тоже выворочена. Въѣзжаемъ въ село и видимъ бабу, которая надѣла сарафанъ тоже навыворотъ, пропустивъ ноги въ отверстія, назначенныя для рукъ, причемъ помочи сарафана оказываются подъ ногами въ видѣ штрипокъ, а подолъ собранъ на груди какъ античная туника. Мальчишки, которыхъ костюмъ всегда состоитъ изъ двухъ принадлежностей: очень-короткихъ панталонъ и очень-короткой рубашки, ухитрились надѣть панталоны вмѣсто сорочки, а сорочкѣ дали назначеніе панталонъ. Староста надѣлъ сапоги на руки, а руковицы на ноги. Конторщикъ пробѣжалъ изъ конторы въ жилетѣ, застегнутомъ на спинѣ, въ фуражкѣ, козырекъ которой смотритъ на слѣды бѣгущаго конторщика. Вы изумлены, протираете глаза и не вѣрите, что это то самое Покровское, которымъ вы приготовились восхищаться. Однако, въ-самомъ-дѣлѣ, сколько вы ни трете себѣ глаза, а все-таки у старосты на рукахъ остаются сапоги, а у Аксиньи сарафанъ надѣтъ какъ панталоны. Вы спрашиваете, что̀ значитъ все это? И староста почтительно докладываетъ, что когда, утромъ, мужички шли на работу, ихъ обошелъ лѣшій; что въ деревнѣ и то была ужь бѣда отъ лѣшаго: укралъ намедни у Прокофья мальчишку; а далеко ли до бѣды, того и гляди, еще кого-нибудь стащитъ. Такъ вотъ, молъ, отъ этакого-те несчастья, чтобъ борониться, все и надѣто у насъ не по-людски: бабамъ сказано ходить какъ мужикамъ, а мужикамъ какъ бабамъ. Все это васъ поражаетъ и интересуетъ, какъ человѣка, вполнѣ-образованнаго. Вы останавливаетесь въ Покровскомъ, знакомитесь съ управляющимъ, очень-добрымъ и смирнымъ человѣкомъ, можно даже сказать поборникомъ просвѣщенія, хотя онъ едва умѣетъ читать по складамъ. Однакожь это не мѣшаетъ ему заботиться о своей единственной и чрезвычайно-интересной дѣвочкѣ — дочери. Ея голубые глаза, ея мечтательность, ея свѣтлорусыя кудри вамъ очень нравятся. Вы находите въ ней

что-то поэтическое, романтическое и сочувствующее вполнѣ кроткому и нѣжному сердцу управляющаго, который, безъ ума любитъ свою единственную дочь. Но не безъ улыбки слушаете вы разсказъ суевѣрнаго управляющаго, что за его малюткою также начинаетъ приволакиваться лѣшій, что одинъ разъ онъ (лѣшій) заставилъ ее ужъ много блуждать по лѣсу, и что отецъ боится для нея той же участи, которая постигла прокофьина мальчика, ея друга по дѣтскимъ играмъ.

Вы понимаете, что въ нашемъ романѣ, лѣшій непремѣнно украдетъ и эту дѣвочку, уведетъ ее въ лѣсъ, гдѣ она встрѣтитъ своего маленькаго пріятеля... Тамъ они выростутъ... и т. д. Добрый управляющій убивается отъ горя... Любовь дѣвочки и мальчика, съ лѣтами, превращается въ любовь молодаго человѣка и молодой красавицы; лѣшіе начинаютъ чувствовать къ нимъ нѣкоторое состраданіе, кричатъ не такъ громко, хохотутъ рѣже, хлопаютъ громадными ушами меньше, и даже иногда, превратившись въ крошечныхъ лѣшихъ, съ булавку, позволяютъ себѣ засѣсть въ траву и любоваться нѣжными разговорами и сладкими поцѣлуями молодой четы. Даже одинъ лѣшій, несовсѣмъ еще старый, ростомъ не больше средняго тополя, осмѣлился почувствовать нѣкоторое расположеніе къ другому молодому лѣшему, женскаго пола, съ волосами кудрявыми, какъ подстриженная липа....

И такъ далѣе. Вы понимаете, что въ эпилогѣ будутъ разомъ двѣ свадьбы: людская и лѣшинская—зрѣлище невиданное и неслыханное до настоящаго времени. На свадьбѣ будутъ танцовать всѣ лѣшіе, сойдутся и помирятся съ крестьянами и заживутъ отнынѣ въ ладу...

Все это помѣстится въ 24 томахъ, въ прологѣ въ четырехъ частяхъ и въ эпилогѣ, въ шести. И сколько занимательнаго будетъ! Увѣряемъ васъ, вы не оторветесь отъ нашего романа, вы испытаете чувства страха, удовольствій, горя, вражды, ненависти, испуга; вы будете жить въ таинственной и прекрасной странѣ лѣсовъ; вы будете прислушиваться къ невѣдомымъ тайнамъ природы — вы будете трепетать и задыхаться отъ удовольствія. Этого довольно для всѣхъ читателей, преклоняющихся передъ французскими романами и мемуарами въ двадцати-пяти, пятидесяти и семидесяти-пяти частяхъ.

Какъ послѣ этого бѣдна изобрѣтательностью повѣсть г. Писемскаго! Гдѣ волшебное, гдѣ все страшное, гдѣ все необычайное, что̀ мы такъ любимъ? Увы! увы! Г. Писемскій стоитъ ниже сюжета имъ избраннаго; г. Писемскій уничтожилъ все, на чемъ были основаны наши фантастическіе планы. Управляющій — нисколько не добрый человѣкъ; Лѣшій... да онъ же (управляющій) и Лѣшій. Прекрасная крестьянка-малютка, воспитанная въ дремучемъ лѣсу, завистливыми лѣшими обратилась въ Мареушу... Да нѣтъ, мы и разсказывать не хотимъ.

Однакожъ обязанность велитъ намъ разсказать то, что̀ передалъ г. Писемскому исправникъ Кокинскаго Уѣзда.

Digitized by Google

На самой границѣ этого уѣзда существуетъ волость, подъ названіемъ Погорѣлки — дичь страшная, лѣсовикъ раменной (это говоритъ исправникъ): на верхушку дерева посмотришь, такъ шапка съ головы валится. На всемъ этомъ протяженіи и стоятъ только три деревушки, да небольшой приходецъ. И, въ Марковѣ, народъ небойкій, а тамъ еще проще: смиренница такая, что не только дѣлъ какихъ-нибудь, а разсыпь, кажется, въ любой деревушкѣ кучу золота на улицѣ, поставь палочку, да скажи, чтобъ не трогали, такъ версты за двѣ обходить станутъ. Село Марково и Погорѣлки принадлежали одному барину, и баринъ этотъ прислалъ новаго управляющаго въ свои имѣнія, въ-замѣнъ бывшаго старосты. Новый управляющій, какъ выразился исправникъ, былъ персона важная — «бывшій каммердинеръ господина и вступившій «въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшей нѣкоторое время при «баринѣ должность мадамы, а потомъ прибылъ сюда отращивать себѣ «брюхо и набивать карманъ»! Его-то продѣлки и старается узнать исправникъ, чтобы увѣдомить барина.

«Какъ прежде я вамъ докладывалъ объ этой Погорѣловской волости... вдругъ доходятъ до меня слухи, что Егоръ Парменовъ начинаетъ туда ѣздить каждую недѣлю, и что-де тамъ барскую запашку завелъ, флигель выстроилъ и назвалъ Новоселкомъ. Что такое, думаю, это значитъ? Если ради выгодъ барскихъ, такъ тамъ выгодъ большихъ не у чего соблюсти, и первое, что, признаться, пришло мнѣ въ голову, мужиковъ, думаю, хочетъ стѣснить. По Маркову и по другимъ селеніямъ, я часто наѣзжаю и воли ему не даю, а тамъ, въ захолустьѣ, дѣлаетъ, что хочетъ. Началъ и я ѣздить въ Погорѣлки... Урывками, ущипками разспрашиваю мужиковъ: что-де и какъ и нѣтъ ли какихъ отъ управителя притѣсненій? Нѣтутка, любезненькій, грѣха на душу не возьмемъ, никакихъ намъ отъ Егора Парменыча притѣсненій нѣту-ти, а еще противъ прежняго лучше стало. Задалъ онъ мнѣ, милостивый государь, этимъ задачу... Заѣзжаю я разъ въ этотъ флигель ночевать; дѣло было въ субботу, а на другой день, по воскресному дню, поѣхалъ къ приходу помолиться. Егоръ Парменовъ тутъ же и не отстаетъ отъ меня; я въ своемъ тарантасѣ, а онъ верхомъ. Пріѣзжаемъ-съ; ну я, по званію, знаете, всталъ впереди, Егоръ Парменовъ немного съ боку, или такъ, что почти рядомъ со мною. Въ половинѣ обѣдни, только что запѣли херувимскую, вдругъ около меня что-то стукнуло, застонало, потомъ зарыдало. Я обернулся, смотрю, народъ столпился: спрашиваю, что такое?

— Кликуша, говорятъ, батюшка, кликуша!

— Откудова?

— Изъ Дмитрева, говорятъ, изъ самой этой, знаете, дальней деревни по волости.

— Ну такъ что жь, говорю я, помочь надобно?

— Ничего, родименькій: прикрыли ужь: только не измѣшать. Повѣрье у нихъ, знаете, этакое, коли ужь случился съ кѣмъ припадокъ, такъ не надо трогать, а только прикрыть... Надо вамъ сказать, что это просто истерика, какъ и съ нашими барынями бываетъ: душа вѣдь тоже и у

Digitized by Google

нихъ есть!.. Другая, которая понѣжнѣе, иочувствительнѣе, житьишко, можетъ быть, плохое, то свекоръ въ дугу гнетъ, то свекровь поѣдомъ ѣстъ, а можетъ, и мужъ поколачиваетъ: вотъ она недѣлю-то недѣльски тоскуетъ, тоскуетъ, придетъ въ церковь, начнетъ молиться, расчувствуется, да и шлепнется...

«Выхожу я изъ церкви... подали мой тарантасъ. Я сажусь; Егоръ Парменовъ тоже усаживается на своего коня. Дай, думаю, по горячимъ слѣдамъ поразспрошу его: не проболтаетъ ли чего нибудь.

— Эй! кричу, Эгоръ Парменычъ! полно тебѣ трястись на сѣдлѣ: садись со мною въ тарантасъ.

«Онъ принимаетъ это съ большимъ удовольствіемъ. Поѣхали мы съ нимъ. Народу идетъ уйма и въ селѣ и по дорогѣ, кланяются намъ, другой еще гоны за три шапку ломитъ; я тоже кланяюсь, а Егоръ Парменычъ мой какъ мышь на крупу надулся и только слегка шапочкою поводитъ. И досадно-то и смѣшно было мнѣ смотрѣть на него, каналью.

— А что̀ это, говорю, Егоръ Парменычъ, какъ объѣхали мы весь народъ, что это такое за кликуша? И отчего это съ ними бываетъ?

— Это-съ, говоритъ, бываетъ не спроста: это по колдовству.

— Да какъ же, говорю, братецъ, какъ оно и въ чемъ состоитъ?

— А такъ-съ, говоритъ, здѣсь этой мерзости очень-много, здѣсь народъ прехитрый: даромъ что онъ свиньей смотритъ, а такой документщикъ, и то выдумаетъ, чего намъ и во снѣ не снилось.

— Да кто же это именно колдуетъ, на кого поклепъ-то идетъ? спрашиваю я.

— Клеплютъ больше старыхъ бобылокъ; и точно-съ: превредныя! иную и не узнаешь, а она дѣлаетъ, что хочешь: и тоску на человѣка наведетъ, или такъ, примѣрно, чтобы мужчина къ женщинѣ, или же́нщина къ мужчинѣ пристрастіе имѣли — все въ ея власти; и не то, чтобы въ пищѣ или въ питьѣ что нибудь давала, а только по вѣтру пуститъ — на пять тысячъ верстъ можетъ дѣйствовать.

«Выслушалъ я всю эту его болтовню, и еще меня больше сомнѣніе взяло. Знаю, что этакой плутъ и не въ колдуніи, а во что-нибудь и поважнѣе не сразу повѣритъ, а тутъ такъ настоятельно утверждаетъ. Началъ я ему пристально въ рожу смотрѣть и потомъ вдругъ спрашиваю:

— А что̀, говорю я, эта сегодняшняя дѣвушка: отчего она выкликала?

Вижу, его немного подернуло: но плутъ, будто бы не нарочно, сейчасъ вынулъ платокъ, обтеръ лицо и отвѣчаетъ:

— Признаться, говоритъ, я и не знаю хорошенько; своихъ много хлопотъ, такъ и не разспрашивалъ, — а думаю, тоже съ порчи; домъ у нихъ получше другихъ, она изъ себя этакая красивая, такъ, можетъ быть, кто-нибудь отъ зависти взялъ да и сдѣлалъ съ нею это.

— Да какже, возразилъ я: — ты что-то мнѣ неладно говоришь, съ дѣвкою этою приключилось не оттого. Я знаю, что ее лѣшій воровалъ, она, слышно, пропадала долгое время. Зачѣмъ же ты меня обманываешь? а самъ все ему въ рожу гляжу, и вижу, что онъ отъ послѣднихъ моихъ словъ позеленѣлъ даже и въ языкѣ позамялся.

Digitized by Google

— Какъ, говоритъ, пропадала?

— Да такъ же и пропадала, какъ пропадаютъ.

— Ничего, сударь, говоритъ, я не знаю, а у самого голосъ такъ и дрожитъ. Отъ васъ только въ первый разъ, говоритъ, и слышу, и очень вамъ благодаренъ, что вы мнѣ сказали.

— Не стоитъ, говорю, благодарности. Только зачѣмъ же ты меня-то морочишь? кто тебѣ повѣритъ, чтобы ты, такой печный управитель, и будто бы не зналъ, что дѣвка изъ ближайшей вотчины сбѣгала? клеплешь, братъ, на себя.

Закрестился, забожился.

— Провалиться, говоритъ, мнѣ на этомъ мѣстѣ, если мнѣ кто-нибудь объ этомъ доводилъ. Сами изволите видѣть, говоритъ, какой народецъ здѣсь: того и жду, что, пожалуй, что-нибудь хуже того сдѣлаютъ и отъ меня скроютъ...» (Соврем. № XI, стр. 18, 19, 21 и 22.)

Увлеченные прелестью разсказа, мы и не видали какъ переписали нѣсколько страницъ. О языкѣ разсказовъ г. Писемскаго мы столько разъ говорили, что повторять наши похвалы находимъ совершенно-излишними: читатель видитъ какъ написанъ «Лѣшій», такой же прекрасный филологическій очеркъ г. Писемскаго, какъ и «Питерщикъ». — Однако жь мы еще при самомъ началѣ страннаго превращенія управляющаго имѣніемъ въ лѣшаго, и лѣшаго въ управляющаго. Изъ разсказа старушки-Аксиньи читатель узнаетъ, ка́къ Лѣшій укралъ ея дочь, ка́къ Егоръ Парменовъ завелъ барскую запашку въ Погорѣлкахъ, ка́къ онъ требовалъ на барщину Мароушку:

— «Кормилецъ, говорю (мать говоритъ), — Егоръ Парменычъ, какъ мнѣ прикажешь, не оставишь ли ты меня въ оброкѣ? Мужичка у меня въ домѣ нѣтъ: кѣмъ мнѣ тебѣ задѣлье править?

— Ничего, говоритъ, старуха, я тебя не обижу; мужика мнѣ съ тебя не надо, а пусть задѣлье правитъ дочка.

— Кормилецъ, говорю я — гдѣ дѣвчонкѣ это справить! дѣло ея непривычное, молодое; ты станешь спрашивать многаго; ну, какъ она тебѣ не угодитъ, для меня будетъ нехорошо; а если ты ужь такъ порѣшился, такъ лучше я тебѣ работника выставлю.

— Дура ты, говоритъ, баба: работникъ будетъ тебѣ отяготителенъ, да и мнѣ не къ рукамъ; запашку, говоритъ, я здѣсь дѣлаю больше ленную, а со льномъ, сама ты знаешь, мужику не возиться: съ дочки твоей я лишняго не спрошу; что́ поработаетъ, то и ладно.»

Черезъ нѣсколько времени Мароуша пропала, и когда воротилась назадъ въ домъ матери, съ нею начали дѣлаться тѣ припадки, за которые она была прозвана кликушею. Когда пріѣхалъ исправникъ, какъ мы видѣли выше, чтобы разузнать да разспросить, Лѣшій опять укралъ Мароушу. Черезъ недѣлю сама мать пришла къ исправнику и разсказала ему слѣдующее (разговоръ исправника и старухи):

Digitized by Google

— Что, говорю, старуха, не знаешь ли, что̀ у нихъ было? (спрашиваетъ исправникъ.)

— Выпытывала я, кормилецъ, изъ нея: баяла она мнѣ много: не знаю, все ли правда!

— Какъ и когда и какимъ это манеромъ, говорю, онъ ее соблазнилъ?

— Вотъ видишь, говоритъ, онъ и напредъ того, на праздникахъ тамъ али-бо што, часто ко мнѣ наѣзжалъ, я, вотъ, хоть убей на мѣстѣ, ничего въ замѣтку не брала, а онъ, слышь, по ея рѣчамъ, и въ тѣ поры еще большія ласки ей дѣлалъ.

— А тутъ, говорю, на барщину потребовали.

— Ну, да, родимый, тутъ барщина эта подошла: свиданія у нихъ стали частыя. Онъ ее, слышь, кормилецъ, все въ одиночку на работу посылалъ, то въ саду заставитъ полоть, либо пшеницу тамъ обшастать, баню истопить, бѣлье вымыть, а самъ все къ ней заходитъ, будто надематривать; хозяйка его тѣмъ лѣтомъ прытко хворала, и онъ, будто, такое имѣлъ намѣреніе: «какъ, говоритъ, супружница моя жизнь покончитъ, такъ говоритъ, Мареушка, я на тебѣ женюсь: баринъ мнѣ невѣстою не постоитъ: кого хочу, того и беру». Самъ знаешь, хитрый человѣкъ: хоть кого на словахъ уговоритъ да умаслитъ; а она что̀ еще? теперь-то разума немного, а въ тѣ поры и подавно... Не была бы она у меня, кормилецъ, такая, кабы не этотъ человѣкъ! Не въ кого быть такой, — хоть бы про себя самую мнѣ сказать: съ молода была сердцемъ любчива, а чтобы насчетъ худаго, нѣтъ у насъ такихъ въ роду.

— Это такъ, говорю, старуха, про это и толковать нечего, только мнѣ хочется знать, зачѣмъ онъ ее увозилъ и какъ онъ это сдѣлалъ.

— Увезъ онъ ее, кормилецъ, одно дѣло то, что я отъ задѣлья ее отвела, пошугала тоже маленько: видитъ, на моихъ глазахъ ему дѣлать нечего больше было; а другое: не знаю, можо ея слова справедливы, а можо и нѣтъ, она мнѣ баяла, что до самаго сбѣга ея промежь ихъ была одна сухая любовь... Пучиглазый его Николашка кучеръ, съ самой весны живмя-жилъ въ нашей деревнѣ: все, знаешь, за охотой ходилъ; мѣста̀, вишь, у насъ, больно хороши для охоты. Черезъ него онъ ей вѣсточку и далъ, чтобы вечеромъ къ нимъ на ободворки вышла. Съ посѣдокъ-то она, кормилецъ, къ нимъ и прибѣжала, а они, сударикъ, ее, будто отъ холода, и уговорили выпить цѣлый стаканъ винища... крѣпкаго винища... Дѣвкѣ непривычной много ли надо: съ разу обезпамятѣла! Что̀ у нихъ тутъ было, не знаю: волей, али неволей, только усадили они ее въ сани, да въ усадьбу и увезли, и сначала онъ ее, кормилецъ, поселилъ въ барскомъ кабинетѣ, а тутъ, со страху что̀ ли какого, али такъ, перевелъ ее на чердакъ, и стала она словно арестантка какая... Съ первыхъ дней она въ тоску впала и все ему говорила: «Отпусти ты меня къ мамонькѣ; не май ты ни ее, ни меня». Онъ обѣщалъ ей кажиной разъ и все обманывалъ; напослѣдокъ она ему говоритъ, если ты меня изъ моей заперти не выпустишь, такъ я, говоритъ, либо въ окошко прыгну, либо что надъ собой сдѣлаю. Этихъ словъ онъ, кормилецъ, поопасался: «Хорошо, говоритъ, Мареушка, я тебя къ матери привезу; только ты ничего не разсказывай, а притворись лучше нѣмой, а если, паче чаянія,

Digitized by Google

какова пора не мѣра, станутъ къ тебѣ шибко приступать, или сама собой проговоришь какъ нибудь, такъ скажи, говоритъ, что тебя лѣшій воровалъ, вихремъ унесъ, а что̀ тамъ было, ты ничего не помнишь. Кто бы тебя, говоритъ, не сталъ спрашивать, хоша я самъ, али какой чиновникъ, не сговаривай: стой въ одномъ, а не то будетъ хуже: сама пропадешь, да и мнѣ не уйдти». Дальше, кормилецъ, что было, самъ знаешь. Послушаться его, она точно послушалась, только сердцемъ начала больно тосковать, а съ тоски этой, вѣстимо, и припадки стали приключаться; въ церковь Божію сходить хочется, а выстоять не можетъ» (стр. 40—41).

Разсказъ кончается тѣмъ, что исправникъ обо всемъ этомъ увѣдомляетъ помѣщика. Егора Парменыча, при всемъ селѣ, смѣняютъ, а на мѣсто его назначаютъ прежняго старосту.

Разсказъ этотъ такъ хорошъ, что можно подвергнуться опасности переписать его съ начала до конца. Разсказъ даже не великъ: въ немъ какихъ-нибудь 40 страницъ, но, прочитавъ его, вы чувствуете, что побывали въ деревнѣ, говорили съ мужиками и очень-хорошо съ ними познакомились. Управляющій, старуха-Аксинья и дочь ея Мароуша, нарисовались въ вашемъ воображеніи такъ же рѣзко, какъ и «Питерщикъ». Послѣ этихъ двухъ разсказовъ мы привѣтствуемъ въ г. Писемскомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ нашего простонароднаго быта. Какъ ни мало является дѣйствующимъ лицомъ Мароуша (о ней говорятъ большею-частью въ третьемъ лицѣ), но она очень нравится читателю, интересуетъ своею любовью; а какъ всѣмъ извѣстно—это заслуга важная для того отдѣла нашей литературы, сюжеты котораго берутся изъ простаго быта.

Кстати здѣсь скажемъ, что мысль, высказанная нами въ то время, когда еще г. Писемскій печаталъ свои длинные романы въ «Москвитянинѣ» — сбывается. Мы тогда еще замѣтили, по мастерству, съ которымъ г. Писемскій умѣетъ быстро очертить лицо, и по слабости завязки его романовъ, а также и потому, что одинъ разъ вѣрно-очеркнутые характеры, съ ходомъ романа, начинаютъ колебаться, темнѣть и часто совсѣмъ стушевываются въ воображеніи читателя; мы тогда говорили, что талантъ г. Писемскаго долженъ быть особенно-ярокъ въ небольшихъ физіологическихъ очеркахъ, гдѣ все достоинство состоитъ не въ занимательности развивающагося дѣйствія, а въ умѣньи вѣрно, смѣло и характеристически передать, такъ-сказать, біографію дѣйствующаго лица. Появившіеся послѣ нашихъ словъ: «Питерщикъ» и «Лѣшій», доказали на дѣлѣ наше предположеніе, и мы очень-рады, что тѣ, которые нѣкогда очень-строго судили наши отзывы о г. Писемскомъ, убѣдятся теперь хотя въ нѣкоторой справедливости сказаннаго нами давно.

«Питерщикъ» и «Лѣшій», два послѣдніе разсказа г. Писемскаго, перенесли насъ изъ города въ деревню, и въ этомъ отношеніи, г. Писемскій вступилъ на новое для него поприще. Есть разрядъ городскихъ

Digitized by Google

лицъ, описаніе которыхъ очень удалось г. Писемскому; но мы, кажется, не скажемъ никакого парадокса, если прибавимъ, что деревенскій бытъ онъ описываетъ едва-ли не лучше городскаго. Есть что-то въ самомъ разсказѣ, построеніи рѣчи г. Писемскаго, что говоритъ намъ многое въ пользу новаго круга лицъ, избранныхъ авторомъ. Чувствуешь крестьянина, когда его описываетъ г. Писемскій. Не навязываетъ онъ мужику мыслей, которыя не могли ему прійдти въ голову; не говоритъ у него Мароуша сантиментально, не плачется безпрестанно Аксинья — а всѣ они трогаютъ васъ, какъ-будто-бы они высказали гораздо-больше. Ваше воображеніе дорисовываетъ все остальное; вы знаете, что простому человѣку трудно высказаться, когда разговоръ зайдетъ о предметахъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ — и ваша фантазія подсказываетъ то, чего не высказалъ крестьянинъ. Умѣйте только поставить читателя на эту точку и не сбейте его съ пути какою-нибудь неестественною чертою характера.

Но довольно о прозѣ; перейдемъ къ стихамъ. Прошедшій, именно, мѣсяцъ доставилъ намъ это пріятное разнообразіе: мы можемъ перейдти отъ прозы къ стихамъ, и отъ стиховъ съ удовольствіемъ возвратиться опять къ прозѣ... Намъ предстоитъ говорить о стихахъ гг. Фета, Майкова, Некрасова, о повѣсти г. Тургенева; потомъ мы намѣрены передать содержаніе повѣсти «Благодарность», печатаемой въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»...

«Современникъ» написалъ очень забавный и милый плачъ о нашихъ исчезнувшихъ поэтахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Плачъ «Современника» не относится къ скоротечности жизни исчезнувшихъ поэтовъ (нѣкоторые изъ нихъ здравствуютъ до-сихъ-поръ), и къ-тому, зачѣмъ наше время не порождаетъ подобныхъ имъ поэтовъ? А такъ-какъ въ «Современникѣ» Новый Поэтъ только и занимался тѣмъ, что писалъ пародіи на этихъ поэтовъ, то стихи носятъ слегка юмористическій тонъ:

Мнѣ жаль, что нѣтъ теперь поэтовъ,
Какіе были въ оны дни —
Нѣтъ Тимофеевыхъ, Бернетовъ.
(Ахъ, отчего молчатъ они?)
Съ семьей забвенныхъ старожиловъ
Скорблю на склонѣ дней моихъ,
Что лирой пренебрегъ Строминовъ,
Что Печенѣговъ пріутихъ,
Что умеръ бѣдный Якубовичъ,
Что дремлетъ Константинъ Петровичъ,
Что о другихъ пропалъ и слѣдъ,
Что нѣту госпожи Падерной,
У коей былъ талантъ примѣрной (1)

(1) Два превосходные стиха.

И Розена барона нѣтъ;
Что нѣтъ Туманскихъ и Трилунныхъ,
Не пишетъ больше Бороздна,
И намъ отъ лиръ ихъ сладострунныхъ
Осталась память лишь одна.

Не правда ли, очень-милые, очень-забавные стихи? И вотъ, по поводу этихъ стиховъ и приложеннаго къ нимъ письма, «Современникъ» старается оправдаться, или, лучше, извиняется передъ «второстепенными» и «третьестепенными» поэтами въ тѣхъ пародіяхъ Новаго Поэта, которыя печаталъ онъ, «Современникъ», чуть-ли не въ-теченіе всѣхъ семи лѣтъ своего изданія! Лучше поздно, чѣмъ никогда! «Отечественныя Записки» иногда довольно-рѣзко отзывались о многихъ изъ этихъ пародій, направленныхъ не только на гг. Трилуннаго, Тимоѳеева и Бенедиктова, но подъ-часъ и на Лермонтова, на г. Майкова, на г. Щербину, на г. Фета и вообще на всѣхъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ. Теперь «Современникъ» говоритъ другое, и мы, радуясь всей душой этому превращенію, повторяемъ: лучше поздно, чѣмъ никогда! Мы всегда были такого мнѣнія, что «поэзія (какъ сказано въ объясненіи, приложенномъ къ означеннымъ стихамъ), лучшее украшеніе всякой литературы, поэзія — «вѣнецъ возможнаго человѣку творчества, поэзія — источникъ самыхъ высокихъ и чистыхъ наслажденій, какія когда-либо испытывалъ и будетъ испытывать человѣкъ». Какъ это ни сильно сказано, но съ этимъ мнѣніемъ мы соглашаемся подъ однимъ условіемъ, *чтобъ въ стихахъ была поэзія.*

Если бы мы слѣдовали примѣру «Современника», который самъ хвалитъ печатаемые въ немъ стихи, мы бы должны были начать похвалы наши разнымъ стихамъ, напечатаннымъ въ январскихъ книжкахъ журналовъ, съ *Дурочки,* идилліи г. А. Майкова, безспорно лучшемъ произведеніи изъ всего, что до-сихъ-поръ написалъ г. Майковъ. Въ «Дурочкѣ» талантъ Майкова неузнаваемъ; въ этой идилліи г. Майковъ сталъ чисто-русскимъ поэтомъ, избавившись отъ нѣкоторыхъ холодныхъ классическихъ пріемовъ прежнихъ стихотвореній... Эту мысль нужно развивать и доказывать долго, а мы не намѣрены сами хвалить печатаемыя въ нашемъ журналѣ стихи. Итакъ, перейдемъ къ стихамъ, напечатаннымъ въ другихъ журналахъ...

Въ «Современникѣ» въ январской книжкѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній гг. Фета, Майкова, Некрасова, Жемчужникова и даже неизданные до-сихъ-поръ отрывки стихотвореній Лермонтова... По этому-то поводу, вѣроятно, было написано и письмо въ редакцію «Современника» *(какимъ-то неизвѣстнымъ)*... Но, не въ этомъ дѣло: мы говорили о стихотвореніяхъ гг. Фета, Майкова, Некрасова, Жемчужникова. Между всѣми ими первенство, безспорно, принадлежитъ (по нашему мнѣнію, потому-что въ дѣлѣ вкуса мнѣній можетъ быть очень-

много) принадлежитъ двумъ стихотвореніямъ г. Фета: «На Днѣпрѣ въ половодьѣ» и «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни». Конечно, оба эти стихотворенія изъ лучшихъ, какія удавалось написать до-сихъ-поръ г. Фету. Почему «изъ лучшихъ» спросятъ насъ, можетъ-быть, кто-нибудь? Потому-что, отвѣчаемъ мы... Но, опредѣляя сущность чьей-нибудь поэзіи, нужно говорить или очень-много, или ничего: иначе впадешь въ тѣ избитыя выраженія общихъ мѣстъ, гдѣ слова: «граціозность», «красота», «художественность», «тонкость штриховъ», «обоятельность образовъ» займутъ всю рецензію и не дадутъ читателю никакого понятія о той поэзіи, о которой рецензентъ хотѣлъ говорить. Всѣ эти слова, безспорно, необходимыя: безъ нихъ (сколько ни смѣйтесь надъ ними) никогда не обойдетесь, какъ нельзя обойдтись, перечисляя (извините за грубое сравненіе) блюда обѣда безъ словъ: супъ, соусъ, жаркое; но безъ подробнаго разбора, какая именно это красота, какая это художественность, какія это красоты — приведенныя нами слова ничего не значатъ. И потому мы, на этотъ разъ, постараемся быть краткими.

Вотъ, напримѣръ, четыре стиха:

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
    Въ одну сливаясь тѣнь.
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
    Перебѣжавшій день.

Что̀ можетъ быть поэтичнѣе этихъ стиховъ? говоримъ мы сами себѣ; а между-тѣмъ намъ могутъ сказать, что это самые неопредѣленные стихи, и скажутъ непремѣнно критика-грамматики. Какія это *послѣднія* ступени позлатилъ день? Гдѣ и что̀ *перебѣжавшій* день? День ли, *перебѣжавшій послѣднія ступени*, или просто, *что-то неизвѣстное* перебѣжавшій день *позлатилъ послѣднія ступени*?.. Пусть надъ этимъ ломаетъ голову кто хочетъ, а мы скажемъ, что какой смыслъ ни давайте этимъ очаровательнымъ стихамъ, они всегда будутъ заключать въ себѣ что-то необыкновенно-ласкающее слухъ.

Затѣмъ слѣдуютъ два стиха, которые мы съ удовольствіемъ вычеркиваемъ изъ стихотворенія, какъ заключающія въ себѣ что-то общее и совершенно-неопредѣленное; въ нихъ солнце названо, тѣнь, «что звало жить, что̀ силы горячило».

Потомъ:

Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей...

два прекрасные стиха, и за ними слѣдуютъ два совершенно-безцвѣтные: въ нихъ луна названа «воспоминаньемъ, на которое поэтъ обращаетъ свой взоръ». Чего воспоминанье, и какое нужно воспоминанье, для слѣдующей превосходной картины ночи:

Digitized by Google

Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной...
Недвижно все окрестъ...
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ міріады звѣздъ.

По нашему мнѣнію, если выбросить четыре неопредѣленные стиха, стихотвореніе еще больше выиграетъ, несмотря на то, что въ немъ останется всего двѣнадцать стиховъ.

Еще полнѣе прекрасными картинами второе стихотвореніе «На Днѣпрѣ въ половодье». Не желая только подвергаться упрекамъ въ перепечаткѣ, мы не приводимъ этого превосходнаго стихотворенія на страницахъ нашего журнала; но, воздавая ему всевозможныя похвалы, скажемъ, что въ этомъ стихотвореніи удивительнымъ образомъ авторъ умѣлъ соединить наблюдательность и поэзію. Во всей картинѣ Днѣпра чувствуешь что-то величественное; въ каждой мелкой чертѣ, въ каждомъ стихѣ — самую тонкую наблюдательность. И въ прозѣ мы рѣдко встрѣчаемъ такъ вѣрно помѣченныя черты, какъ, напримѣръ, слѣдующія:

...Вѣтеръ *гнулъ упругое* стекло
Днѣпра, *въ проснувшемся не пробуждая звуки.*

Или:

Отъ вёселъ къ берегу *кудрявый* слѣдъ бѣжалъ...

Еще:

Нанъ парусъ, *медленно* надувшись, *задрожалъ*...,

Какъ часто утромъ вы видите слѣдующую картину передъ тѣмъ, когда солнце готово показаться изъ-за горизонта:

И яркимъ *золотомъ* и чистымъ *серебромъ*
Змѣились облаковъ *прозрачныхъ* очертанья...

Впрочемъ, въ этомъ стихотвореніи, каждый стихъ — картина. Какъ часто, напримѣръ, когда вѣтеръ зарябитъ и взволнуетъ все пространство воды, которая не защищена горой или лѣсомъ, вы вдругъ видите, совершенно-спокойные заводи... Вотъ они въ картинѣ г. Фета:

А тамъ *затопленный* на встрѣчу лѣсъ летѣлъ...
Въ него *зеркальные* врывалися заливы...

Но верхъ и смѣха и прелести, и какой-то наивности, заключается въ томъ, что вся эта картина затопленнаго Днѣпра, такая величественная, оглашалась пѣніемъ соловьевъ, которыхъ, нужно замѣтить, никто не слушалъ, но для которыхъ это обстоятельство было совершенно ничтожно. Вотъ ужь, истинно-безкорыстные пѣвцы, которые сами приходятъ въ азартъ отъ своего пѣнія и не требуютъ слушателей.

Digitized by Google

Пѣвцы, которымъ лѣсъ да волны лишь внимали,
Съ какой-то *нѣгою задорной* соловьи
Пустынный *воздухъ раздражали*...

Мы не знаемъ: смѣемся или восторгаемся мы больше, читая эти неподражаемые стихи...

Третье стихотвореніе г. Фета: «Люди спятъ: мой другъ *пойдемъ въ тѣнистый садъ*», намъ не такъ нравится, какъ два предъидущія... «Люди спятъ»—это кажется скорѣе помалороссійски, нежели порусски; по-крайней-мѣрѣ, намъ кажется, Пушкинъ ни за что не употребилъ бы такого выраженія. И потомъ это приглашеніе идти въ садъ и разсужденіе о томъ, что увидятъ или не увидятъ ихъ звѣзды, услышитъ или не услышитъ соловей, напрасно, потому-что они ужь въ саду, потому-что, ужь

....Рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо.

Четыре прекрасные и картинные стиха, тогда-какъ начало стихотворенія заключаетъ въ себѣ, что-то неполнѣ-отдѣланное, болѣе-неопредѣленное.

Г. Фетъ помѣстилъ еще въ «Современникѣ» одну изъ переведенныхъ имъ одъ Горація, и мы жалѣемъ, что онъ помѣстилъ именно эту, а не какую-нибудь другую. Въ ней, конечно, соблюдена вся возможная вѣрность подлиннику, но нѣтъ въ ней той поэзіи въ стихѣ, которую мы находили въ другихъ, переведенныхъ г. Фетомъ, одахъ Горація. Должно здѣсь сказать кстати, что г. Фетъ перевелъ *всѣ* оды Горація, и это, конечно, будетъ прекрасный подарокъ любителямъ поэзіи. Мы читали въ рукописи переводы г. Фета и ничего, кромѣ похвалъ, не можемъ сказать ему. Есть оды переведенныя слабѣе, другія переведены лучше, но вообще мы очень-рады, что именно г. Фетъ взялся за этотъ переводъ. Его текучій и прекрасный стихъ придастъ много поэзіи переведенному на русскій языкъ Горацію. Нельзя при этомъ не сказать также, что мы очень-благодарны многимъ нашимъ литераторамъ и поэтамъ за ихъ похвальное стараніе (въ послѣднее время) познакомить русскую публику съ классическими произведеніями древности и новѣйшихъ временъ. Въ это очень-недавнее время она могла читать переводы «Одиссеи», «Илліады», «Энеиды», «Ада»; теперь будемъ читать *оды* Горація. Нѣкогда г. Шевыревъ писалъ:

Что въ морѣ купаться,
То Данта читать.

Теперь онъ можетъ продолжить свое стихотвореніе и включить въ него Гомера, Виргилія и Горація, прибравъ, разумѣется, необходимыя къ нимъ рифмы...

Digitized by Google

Но не довольно ли на этотъ разъ о бельлетристикѣ? Мнѣніе наше о другихъ повѣстяхъ, стихахъ и пр., появившихся въ первый мѣсяцъ нынѣшняго года отлагаемъ до слѣдующей книжки и переходимъ къ новостямъ болѣе-серьёзнымъ.

Въ просмотрѣнныхъ нами 1 и 2-мъ №№ «Москвитянина», особенно заняли насъ, въ отдѣлѣ «историческихъ матеріаловъ», любопытные документы изъ портфелей Миллера, доставленные редакціи г. Шевыревымъ. Этихъ документовъ пять: *Четыре эпиграмматическія стихотворенія Ломоносова, Извѣстіе о мѣстѣ погребенія Франца Лефорта и о надгробномъ ему памятникѣ, Письмо И. И. Шувалова къ академику Миллеру, по случаю Вольтеровой исторіи Петра Великаго; Два французскія письма И. Ѳ. Богдановича къ академику Миллеру* и *Письмо Прокофія Акинѳіевича Демидова къ Миллеру*. Скажемъ прежде о четырехъ послѣднихъ.

Миллеръ просилъ Роста и Рейхеля, профессоровъ Московскаго Университета, отъискать надгробный памятникъ Лефорта. Ростъ, въ письмѣ отъ 5-го ноября 1761 года увѣдомляетъ, что памятникъ былъ въ старой евангелической церкви и вмѣстѣ съ другими снятъ, по повеленію Двора, а въ письмѣ отъ 12 ноября прилагаетъ списанную имъ съ памятника надпись. Рейхель, въ письмѣ отъ 24 ноября, того же 1761 г., говоритъ, что онъ въ католическомъ монастырѣ у капуциновъ (въ какомъ именно, не упоминается) справлялся о надгробномъ памятникѣ жены Лефорта, но капуцины ничего о томъ не знали.

«Письмо И. И. Шувалова къ Миллеру» написано по случаю тѣхъ замѣчаній, которые академикъ сдѣлалъ на первый томъ вольтеровой «Исторіи Петра Великаго». Эти замѣчанія отправлялъ Миллеръ къ своимъ знакомымъ для прочтенія. Кураторъ Московскаго Университета Ѳ. П. Веселовскій, читая ихъ, примѣнялъ къ сочиненію Вольтера гораціево: Parturiunt montes. Замѣчанія печатались и въ лейпцигскомъ журналѣ. Шувалову были непріятны такія дѣйствія академика: онъ желалъ, чтобъ Миллеръ открыто и въ Россіи сообщилъ свои замѣчанія на второй томъ: это желаніе выражено имъ въ письмѣ.

Два французскія письма Богдановича написаны къ Миллеру — первое, при посылкѣ первой части сочиненія: «Историческое изображеніе Россіи» (1777 г.); второе, по полученіи отъ Миллера замѣчаній. Есть преданіе, что Богдановичъ, мало дорожа «Душенькой», цѣнилъ высоко свое историческое сочиненіе—«трудъ легкій и несовершенный», какъ отозвался о немъ Карамзинъ. Авторское заблужденіе, примѣры котораго видимъ даже въ первоклассныхъ писателяхъ. Прося у Миллера замѣчаній, онъ прибавляетъ: Vous m'obligerez sensiblement en me les communiquant. En même temps vous obligerez «la Nation qui m'a invité à lui donner cet ouvrage».

Digitized by Google

Письмо Демидова къ Миллеру написано по поводу просьбы последняго: узнать объ устномъ преданіи народа, что село Преображенское слыло прежде Романовскимъ. При письмѣ отправлена въ рукописи та самая пѣсня, которая напечатана въ сборникѣ: «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ», подъ заглавіемъ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.»

Обращаемся къ эпиграмматическимъ стихотвореніямъ Ломоносова. Дѣятельность геніальнаго ученаго нашего, котораго по справедливости называютъ отцомъ русской словесности, была такъ многообъемлюща, что до-сихъ-поръ еще она не изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ. Въ началѣ критика смотрѣла на него какъ на поэта преимущественно, и въ стихотвореніяхъ его обращала особенное вниманіе на оды; потомъ, при болѣе-тщательномъ съ нимъ знакомствѣ, пришли къ тому заключенію, что Ломоносовъ-ученый гораздо-выше Ломоносова-стихотворца, и что упорно величать его поэтомъ, значитъ скорѣе унижать его, нежели возвышать. Въ перемѣнѣ взгляда на дѣятельность Ломоносова много участвовалъ авторитетъ двухъ голосовъ — Пушкина и Гоголя. Оба они отрицаютъ въ немъ поэта, и мнѣніе ихъ тѣмъ болѣе важно, что они сами были первоклассные поэты: слѣдовательно вдвойнѣ-призванные судьи по сужденію о поэзіи.

Но и стихотворный талантъ Ломоносова далеко еще не разсмотрѣнъ въ надлежащей полнотѣ и разносторонности. Предметомъ критической оцѣнки, въ этомъ отношеніи, было преимущественное направленіе его таланта — лирическое; однакожь извѣстно, что онъ писалъ въ разныхъ родахъ. Изъ этихъ родовъ обнаруживается теперь сатира, о которой могли мы имѣть понятіе по нѣкоторымъ небольшимъ отдѣльнымъ сочиненіямъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ въ другихъ сочиненіяхъ. Сюда, напримѣръ, относятся стихи «Къ Пахомію» (1), доказывающіе пользу риторики для ораторовъ; «Къ И. И. Шувалову» (2), выражающіе благодарность за угощеніе; «Экспромтъ Жукову» (3), «Отвѣтъ Сумарокову» (4), «Эпиграммы на противниковъ (Сумарокова и Тредьяковскаго)» (5), «Судъ Россійскихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ» (6), «Письмо, содержащее въ себѣ мнѣніе о похвалахъ Елагина Сумарокову» (7), многія мѣста въ

(1) «Сочин. Ломон.», изд. Смирд., 1847, т. I, стр. 279.
(2) Тамъ же, 282.
(3) Тамъ же, 291.
(4) Тамъ же, 292.
(5) «Москов. Телеграфъ» 1827, № 20.
(6) «Лекарство отъ скуки и заботъ», Ѳ. Туманскаго, № 46. Перепечатано въ «Москвитянинѣ» 1852 года.
(7) «Сочин. Ломон.», I, 708.

Digitized by Google

письмахъ къ Шувалову, въ Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа, въ письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства, даже въ словахъ и разсужденіяхъ о предметахъ естествознанія. Пушкинъ указываетъ еще на «Гимнъ бородѣ» слѣдующими словами: «Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его (Ломоносова) съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю «Гимна бородѣ», непапечатаннаго ни «въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта» ([8]). Четыре эпиграмматическія стихотворенія Ломоносова, помѣщенныя въ «Москвитянинѣ», замѣчательны какъ указаніе отношеній его къ Тредьяковскому и Сумарокову, и какъ новое свидѣтельство его сатиры, которая имѣетъ свои особенности: она рѣзка и груба; авторъ открыто, безъ малѣйшей уклончивости, обличаетъ смѣшныя стороны своихъ противниковъ.

Первая эпиграмма — «Злобное Примиреніе». «Она (говоритъ Москвитянинъ) относится, вѣроятно, къ тому времени, когда Сумароковъ «вступилъ въ союзъ съ Тредьяковскимъ противъ Ломоносова, и сталъ «въ «Трудолюбивой Пчелѣ» нападать на его оды. Подъ именемъ Сотина разумѣется сокращенный Триссотинъ ([9]), Тредьяковскій; подъ «именемъ Аколаста — Сумароковъ, описанный по внѣшнимъ своимъ признакамъ въ стихѣ:

«Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ;

«подъ именемъ Пробина — самъ Ломоносовъ».

Вотъ послѣдніе четыре стиха этой эпиграммы:

Кто быть желаетъ нѣмъ, и слышать наглыхъ вракъ,
Межъ самохвалами съ умомъ прослыть дуракъ,
Сдружись съ сей парочкой. Кто хочетъ съ ними знаться,
Тотъ думай, каково въ крапиву ([10])...

Вторая эпиграмма — «Зубницкому». «Эти стихи (говоритъ «Москвитянинъ») имѣютъ отношеніе къ извѣстному спору и о бородѣ между «Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ. Подъ именемъ Христофора Зубницкаго, Тредьяковскій написалъ письмо изъ Холмогоръ 1757 г. іюля 15, «въ которомъ осуждаетъ Ломоносова за его гимнъ бородѣ, обвиняетъ «въ безбожіи и находитъ его достойнымъ публичнаго наказанія».

([8]) «Сочин. А. Пушкина», XI, 33.

([9]) Извѣстно, что въ комедіи: «Трессотиніусъ», Сумароковъ метилъ на Тредьяковскаго.

([10]) Сличи съ послѣдними двумя стихами слѣдующее мѣсто изъ знаменитаго письма Ломоносова къ Шувалову отъ 19 января 1764 года: «Дружиться и обходиться съ нимъ *(Сумароковымъ)* никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву...» («Соч. Ломонос.», I, 686.)

Digitized by Google

Ломоносовъ, въ отвѣтѣ называя Тредьяковскаго «безбожникомъ и ханжей, врал͏емъ подметныхъ писемъ», говоритъ, что ученью его не могутъ повредить ни онъ, ни борода:

Хоть ложной святостью ты Бородой скрывался,
Пробинъ на злость твою взирая улыбался.
Ученія его и чести и труда
Не можетъ повредить ни ты, ни Борода.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что у Ломоносова вообще нерѣдки нападки на современныхъ ему ханжей, прикрывавшихъ себя ложною святостью. Выказывая практическую пользу естествознанія, выраженную имъ словами: «Испытаніе натуры полезно (11), онъ вооружается противъ тѣхъ людей, которые въ первой сатирѣ Кантемира представлены подъ именемъ Сильвана; обнаруживая согласіе знаній съ религіею, выраженное словами: «испытаніе натуры свято» (12), онъ противодѣйствуетъ тѣмъ, которые въ той же сатирѣ выведены подъ именемъ Критона. Эти люди, по словамъ Ломоносова, невѣждъ свирѣпыхъ полкъ, желающіе и ученымъ приготовить казнь Прометея (13); это — лицемѣры и спорщики, ведущіе всегдашнюю брань съ наукой (14). Мнѣніе ихъ, запрещавшее испытывать природу, есть прекословіе неосновательнаго предувѣренія, вредное приращенію наукъ (15). Отдаленная причина нападокъ на естествознаніе лежала еще въ схоластическомъ, средневѣковомъ взглядѣ на изученіе природы, въ которомъ видѣли чернокнижіе, колдовство, сношеніе съ бѣсомъ. Ломоносовъ, отвергавшій подобное суемудріе, имѣлъ передъ собою примѣры многихъ ученыхъ и, между ними, безъ-сомнѣнія, примѣръ Вольфа, у котораго учился въ Марбургѣ. Извѣстно, что Вольфъ, по навѣтамъ людей, зараженныхъ схоластическими понятіями, принужденъ былъ переѣхать въ этотъ городъ изъ Галле, гдѣ оставался до 1740 года. Сверхъ-того, Ломоносовъ легко могъ найдти и около себя враговъ науки, ханжей - Критоновъ, смотрѣвшихъ косо на просвѣщеніе, водворенное Петромъ и укрѣпляемое его августѣйшею дочерью.

Третья эпиграмма — «На сочетаніе стиховъ россійскихъ». «Она (выписываемъ объясненіе «Москвитянина») имѣетъ отношеніе къ тому, «что Тредьяковскій, непонимавшій красоты въ сочетаніи мужеской «риѳмы съ женскою, сказалъ въ своемъ Способѣ къ сложенію Россій-«скихъ стиховъ: таковое сочетаніе стиховъ такъ бы у насъ мерзкое «и гнусное было, какъ бы оное, когда бы кто наипоклоняемую, наи-«нѣжную и самымъ цвѣтомъ младости своея сіяющую европскую кра-

(11) «Сочин. Ломон.», II, 100.
(12) Тамъ же.
(13) Письмо о пользѣ стекла (тамъ же, I, 515 — 516).
(14) Прибавленіе 2-е къ металлургіи (тамъ же, II, 571).
(15) Тамъ же, II, 79—80.

Digitized by Google

«савицу выдалъ за дряхлаго, чернаго и девяносто лѣтъ имѣющаго «Арапа». Штивелій въ эпиграммѣ есть Тредьяковскій. Противъ этого мнѣнія Ломоносовъ выразился такъ въ своемъ письмѣ о Правилахъ Россійскаго Стихотворства: «Подлинно, что всякому, кто однѣ женскія «риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣжка стиховъ странны кажутся; «однако, еслибъ онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, «что оное толь же пріятно и красно, коль въ другихъ европейскихъ «языкахъ. Никогда бы мужеская риѳма передъ женскою не показалася, «какъ дряхлый, черный и девяноста лѣтъ старый Арапъ передъ наи«покланяемою, наинѣжною и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею евро«пейскою красавицею». Въ эпиграммѣ сатирически выражено тоже:

Я мужа бодраго изъ давныхъ лѣтъ имѣла,
Однакоже вдовой безъ онаго сидѣла:
Штивелій увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ,
Безсиленъ, подлъ, и старъ, и дряхлый былъ Арапъ;
Сказалъ, что у меня, кривясь, трясутся ноги,
И нѣтъ мнѣ никакой къ супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова,
Негодна никуда, увѣчная вдова.
Однако нынѣ вся увѣрена Россія,
Что я красавица Россійска поэзія;
Что мой законный мужъ завистный молодецъ,
Кто сдѣлалъ моему несчастію конецъ.

Если Третьяковскій представлялъ себѣ мужскую риѳму въ видѣ дряхлаго, чернаго, девяностолѣтняго арапа, то Ломоносовъ, по другому случаю, нашелъ другой символъ французской поэзіи вообще. Упоминаемъ объ этомъ потому, чтобъ указать также сатирическую вставку въ ученое разсужденіе, именно въ письмо О Правилахъ Россійскаго Стихотворства. Называя польскіе и французскіе стихи — строчками, кончающимися на риѳмы, онъ замѣчаетъ: «Французы, которые во всемъ хотятъ на«турательно поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію «чинятъ, намъ въ томъ, что до стопъ надлежитъ, примѣромъ быть не «могутъ: понеже, надѣясь на свою фантазію, а не на правила, толь «криво и косо въ стихахъ своихъ слова склеиваютъ, что ни прозой, ни «стихами назвать нельзя. И хотя они также, какъ и Нѣмцы, могли бы «стопы употреблять, что сама природа иногда имъ въ ротъ кладетъ; «однако нѣжные тѣ господа на то не смотря, почти однѣми риѳмами «себя довольствуютъ. Пристойнымъ весьма символомъ французскую «поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подъ видомъ «нѣкоторыя женщины, что сугорбившись при музыкѣ играющаго на «скрыпицѣ сатира танцуетъ» (16). Отчужденіе отъ французской поэ-

(16) Тамъ же, I, 541—542.

Digitized by Google

зіи видно также изъ одного мѣста въ реторикѣ, въ главѣ о вымыслахъ: «Французскихъ сказокъ, которыя у нихъ романами называются, «въ числѣ сихъ вымысловъ (*чистыхъ*) положить не должно; ибо они «никакого нравоученія въ себѣ не заключаютъ, и отъ россійскихъ «сказокъ, какова о Бовѣ составлена, иногда только украшеніемъ штиля «разнятся, а въ самой вещи такая же пустошь, вымышленная отъ «людей, время свое тщетно препровождающихъ, и служатъ только къ «развращенію нравовъ человѣческихъ и къ вящшему закоснѣнію въ рос«коши и плотскихъ страстяхъ» (17). Ломоносову, который, по своему происхожденію и характеру предпочиталъ грубую простоту аффектированной нѣжности, а по наклонности ума стремился въ знаніи къ основательному изслѣдованію предметовъ, не могли привиться ни блестящая внѣшняя отдѣлка при пустотѣ содержанія, ни легкомысленное пренебреженіе постановленными правилами. Тредьяковскій, напротивъ, любилъ французовъ. Онъ щедрою рукою черпаетъ матеріалы изъ французскихъ книгъ въ свои разсужденія о поэзіи, героической поэмѣ, одѣ, комедіи; переводитъ французскихъ стихотворцевъ и самъ пишетъ французскіе стихи; цитуетъ французскихъ ученыхъ и поэтовъ; возвратясь въ отечество, началъ «производить, по молодости и по французскому духу, «въ обществѣ нѣкоторыми стишками, сочиненными по составу средняго «(силлабическаго) стихосложенія» (18); говоря о Піеридѣ, изобрѣтателѣ поэзіи, представляетъ сходство его стиховъ съ «французскими водевилями» (19). Во многихъ мѣстахъ сочиненій Тредьяковскаго, жившаго значительное время въ Парижѣ, видны наклонность, пристрастіе къ французскому. Сочувствіе къ столицѣ модъ и роскоши выражено Тредьяковскимъ въ извѣстныхъ похвальныхъ стихахъ:

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Тебя не лучше поля Елисейски.

«Въ Парижѣ не смѣетъ явиться деревенскій манеръ: ибо все держитъ себя благородно; этотъ городъ есть жилище, свойственное богамъ и богинямъ».

Кто тя не любитъ? развѣ бъ былъ духъ звѣрски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имѣю здѣсь на землѣ быти (20).

Четвертая эпиграмма «О сомнительномъ произношеніи буквы *г* въ россійскомъ языкѣ» относится къ двоякому звуку, слышимому при про-

(17) Тамъ же, III, 582—583.
(18) «Сочин. Тредьяк.», изд. Смирдина, I, 783.
(19) Тамъ же, 185.
(20) Тамъ же, III, 754—755.

Digitized by Google

изношеніи этой буквы, въ разныхъ словахъ. Это стихотвореніе, справедливо замѣчаетъ «Москвитянинъ» «есть одно изъ свидѣтельствъ то«го, какъ Ломоносовъ зналъ языкъ русскій, какъ владѣлъ имъ, какъ «вникалъ во всѣ подробности его изученія, даже и въ самомъ произношеніи». Перепечатываемъ сполна это стихотвореніе, въ которомъ особенно замѣчателенъ наборъ словъ съ буквою *г*.

Бугристы берега, благопріятны влаги,
О горы съ гроздами, гдѣ грѣетъ югъ ягнятъ,
О грады, гдѣ торги, гдѣ мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы ихъ губятъ,
Драгіе ангелы, пригожія богини,
Бѣгущія всегда отъ гадкія гордыни,
Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
Недуги наглые, и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени, нѣги, смуглы
Багровые глаза продолговаты, круглы,
И кто гораздъ гадать и лгать да не мигать,
Играть, гулять, рыгать, и ногти огрызать;
Нагаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны,
Тугія головы, о иготи чугунны,
Гнѣвливые враги и гладкословный другъ,
Толпыги, щеголи, когда вамъ есть досугъ,
Отъ васъ совѣта жду; я вамъ даю на волю:
Скажите, гдѣ быть *Га* и гдѣ стоять глаголю?

Мы сказали, что даже въ ученыхъ разсужденіяхъ по естественнымъ предметамъ есть у Ломоносова сатирическія выходки. Изъ числа ихъ укажемъ, для примѣра, на двѣ. Одна, написанная стихами, составляетъ выноску въ «Прибавленіи къ явленію Венеры на солнцѣ» и кромѣ того, помѣщена въ отдѣлѣ разныхъ стихотвореній, подъ названіемъ: «О движеніи земли» (21). Сказавъ, что древніе астрономы «принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и геометріею прекословящіе пути планетамъ», Ломоносовъ, въ выноскѣ, замѣчаетъ: «Жаль, что тогда не было такихъ остроумныхъ поваровъ какъ слѣдующій:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру, и пр. (22).

Другая выходка находится въ заключеніи «Слова о происхожденіи свѣта». Объявляя слушателямъ о системѣ физической химіи, какъ предметѣ особенныхъ своихъ занятій, Ломоносовъ прибавляетъ: «Особен-

(21) «Сочин. Ломон.», I, 291.
(22) Тамъ же, II, 268.

Digitized by Google

ню жъ тѣмъ представляю *(обождать изданія всей системы)*, которые, обращаясь съ похвалою въ одной химической практикѣ, выше *углей и пеплу* головы своей поднять не смѣютъ, дабы они изъисканія причинъ и натуры первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, не почитали тщетнымъ и суемудреннымъ. Для чего толь многіе ученые опыты въ физикѣ и химіи? Для чего толь великихъ мужей были труды и жизни опасныя испытанія? для того ли только, чтобы, собравъ великое множество разныхъ вещей и матерій въ безпорядочную кучу, глядѣть и удивляться ихъ множеству, не размышляя о ихъ расположеніи и приведеніи въ порядокъ ([23]). Эта выходка, направленная противъ такихъ ученыхъ, которые заботятся только о собраніи частностей, весьма-замѣчательна, какъ указаніе цѣли, которую Ломоносовъ поставилъ ученымъ изслѣдованіемъ. Въ изложеніи знаній, онъ, по врожденной наклонности геніальныхъ умовъ, стремился къ системѣ, къ стройной и полной организаціи. Понимая всю важность наблюденій и опытовъ, онъ чуждался того эмпиризма, который ограничивается однѣми частностями, не даетъ никакихъ заключительныхъ выводовъ, не заботится о теоріи. У Ломоносова, напротивъ, практика раждала мысль о правилахъ для ея успѣховъ, или правила давали средства для практической части. Онъ сочиняетъ оду на взятіе Хотина и пишетъ письмо о правилахъ россійскаго стихотворства, отдѣляетъ въ своихъ сочиненіяхъ языкъ русскій отъ церковно-славянскаго и въ «Грамматикѣ» совершаетъ это отдѣленіе теоретически; излагаетъ устройство періодической рѣчи въ «Реторикѣ» и произноситъ похвальныя слова, какъ-бы въ подкрѣпленіе теоріи образцами; вноситъ славянскія слова въ сочиненія для образованія высокаго слога и выражаетъ объ этомъ мысль въ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ. «Ораторія» и «Поэзія», которыхъ мы не имѣемъ, хотя Ломоносовъ и готовилъ ихъ къ печати, безъ-сомнѣнія, относились бы подобнымъ же образомъ къ ораторскимъ рѣчамъ и къ поэтическимъ произведеніямъ. Дѣйствительно, наука составляла главное призваніе Ломоносова не только въ томъ смыслѣ, что онъ преимущественно стремился къ ученымъ изслѣдованіямъ, но и въ томъ, что эти ученыя изслѣдованія старался онъ излагать въ системѣ, наукообразной формѣ. Такое стремленіе къ организаціи, къ подведенію частностей подъ общіе законы, подчиненію практики теоріи, наукѣ, безъ-сомнѣнія, во многомъ обязано вліянію Вольфа, котораго главнѣйшая заслуга, какъ извѣстно, заключалась въ систематическомъ изложеніи лейбницевыхъ идей. Самъ Ломоносовъ указываетъ на эту заслугу въ посвященіи графу Воронцову перевода вольфіянской «физики»: «Славный авторъ сего и другихъ многихъ сочиненій всегда пребудетъ достоинъ чтенія, *а особливо ради внятнаго и порядочнаго расположенія мыслей*».

([23]) Тамъ же, II, 145 — 146.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Заимствуемъ изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» (№ 21, 27 января 1854) слѣдующую интересную новость:

«Вчера мы имѣли случай видѣть въ Императорской Публичной Библіотекѣ каталогъ готовящейся тамъ новой аукціонной продажи сочиненій *о Россіи и древней Польшѣ*. Этотъ каталогъ, уже совсѣмъ отпечатанный, но еще невыпущенный въ публику, невольно заставилъ насъ радостно вздрогнуть при воспоминаніи о томъ библіографическомъ праздникѣ, которымъ такъ роскошно угостила насъ Библіотека въ прошедшемъ году.

«Итакъ опять начнется для насъ рядъ тревожныхъ ожиданій, то исполненныхъ, то несбывшихся надеждъ—словомъ всѣхъ ощущеній, наполняющихъ этотъ благородный бой, изъ котораго каждый выноситъ или пріобрѣтенное сокровище, или по-крайней-мѣрѣ близкое знакомство съ какою-либо завѣтною рѣдкостью, до того извѣстною лишь по слуху. Библіотека опять открываетъ намъ свои великолѣпно-освѣщенныя и убранныя залы, на сей разъ не для кабинетнаго труда, для котораго онѣ гостепріимно отперты цѣлый годъ, но для того, чтобъ каждый изъ насъ могъ усвоить самому себѣ новыя средства для труда. И нынѣ, какъ прежде, заботливое начальство Библіотеки избрало для аукціона наиболѣе-удобные дни, когда въ городѣ прекращаются всѣ свѣтскія удовольствія и развлеченія, именно начиная съ среды первой недѣли великаго поста (24 февраля), а равно — такое время, когда всякій болѣе или менѣе свободенъ, то-есть отъ семи часовъ послѣ обѣда. Но что̀ же предложится при этой продажѣ? спросятъ читатели. Скажу однимъ словомъ, которое будемъ имъ вполнѣ понятно: новый аукціонъ *еще выше* прежняго. Мы нашли въ каталогѣ такія драгоцѣнности, что нельзя не изумляться богатству книгохранилища, гдѣ эти сокровища встрѣчаются въ двухъ и болѣе *излишнихъ* экземплярахъ. Замѣчательно притомъ, что каталогъ обиленъ не только книгами въ высшей степени рѣдкими, можно сказать почти единственными, которыхъ одного заглавія истинный библіофилъ не можетъ видѣть безъ внутренняго волненія, но и такими, которыя возбуждаютъ интересъ

Digitized by Google

общій во всѣхъ читающихъ людяхъ. Пробѣгая эти страницы, истинно не знаешь, съ чего начать и на чемъ остановиться. Достаточно сказать, что въ-отношеніи собственно къ *древней Россіи*, съ входящими нынѣ въ составъ ея странами, и къ *древней Польшѣ*, все, вѣками исчезнувшее изъ книжной торговли, все давно-забытое, не потому, что его слѣдовало подвергнуть забвенію, а потому лишь, что нигдѣ нельзя уже было найдти, все, писанное о нашихъ предкахъ, о древней Московіи, во всѣхъ отношеніяхъ религіознаго, политическаго и гражданскаго ея быта, отъ огромнѣйшихъ фоліантовъ до самой мелкой брошюры и до отдѣльныхъ летучихъ листковъ—все это является здѣсь снова воскресшимъ, въ блистательной и самой разнообразной послѣдовательности, и все это въ такомъ выборѣ и въ такой многочисленности, которыхъ не представлялъ еще никогда никакой аукціонъ и какихъ, конечно, невозможно даже и найдти ни въ какой другой библіотекѣ въ мірѣ. Соединеніе подобныхъ условій возможно лишь такому учрежденію, которое къ способамъ, недоступнымъ для частнаго человѣка, прилагаетъ и знаніе дѣла и прозорливую заботливость. Намъ извѣстно, что впродолженіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ, Библіотека, пользуясь отличными спеціальными свѣдѣніями своихъ членовъ, постоянно слѣдила за всѣми тѣми случаями, гдѣ представлялось ей удобство обогатить свои коллекціи новыми пріобрѣтеніями. Часто величайшія рѣдкости, считавшіяся погибшими, были отысканы въ хламѣ печатной бумаги, хранившейся на чердакахъ и въ подвалахъ безъ употребленія, а иногда и покупаемой на пуды, даже въ переплетахъ старыхъ книгъ; съ неутомимымъ терпѣніемъ были разрыты всѣ эти рудники, и опытная наблюдательность положительной науки указала на сокровища, дотолѣ скрытыя отъ глазъ библіофиловъ. Лишь такого рода небывалыми трудами можно объяснить *богатство рѣдкостей*, встрѣчающееся въ нашемъ знаменитомъ книгохранилищѣ и открытую имъ возможность дѣлиться своимъ богатствомъ съ частными пріобрѣтателями. Скажемъ окончательно: еслибъ кому-нибудь посчастливилось удержать за собою при аукціонѣ *всѣ эти книги въ совокупности*, тотъ, хотя бы онъ прежде не имѣлъ ничего по этой части, безъ-сомнѣнія, могъ бы похвалиться, что у него первое въ мірѣ, послѣ Императорской Публичной Библіотеки, *Собраніе книгъ о древней Россіи*. Но аукціонъ составится не изъ однихъ сочиненій о нашемъ отечествѣ и о древней Польшѣ, которыя будутъ только главнѣйшею его частью. Къ нему приготовлены еще разныя другія книги, преимущественно же творенія древнихъ классиковъ, въ подлинникахъ и въ переводахъ, и притомъ въ извѣстнѣйшихъ, особенно драгоцѣнныхъ каждому любителю изданіяхъ. Превосходное расположеніе каталога, составленнаго нынѣшній разъ не по алфавиту, а въ систематическомъ порядкѣ, чрезвычайно облегчаетъ пріискиваніе и выборъ всего, чтó каждому нужно, а прибавленныя къ заглавіямъ книгъ примѣчанія библіографическія, историческія и пр., служа напоминаніемъ для знатоковъ,

Digitized by Google

будутъ вмѣстѣ полезнымъ руководствомъ для менѣе-свѣдущихъ по этой части. Самое чтеніе этого каталога не только въ высокой степени любопытно, но и поучительно. Остается вопросъ о цѣнахъ: при аукціонѣ онѣ, какъ извѣстно, установляются соперничествомъ и соревнованіемъ, и слѣдственно предвидѣть впередъ до чего онѣ дойдутъ, невозможно; но тѣ цѣны, которыя назначены въ каталогѣ, и по которымъ, если не предложится высшихъ, книги, какъ въ томъ же каталогѣ сказано, будутъ оставляемы за желающими, нельзя не признать крайне-умѣренными, часто даже чрезвычайно-низкими, такъ-что успѣвшаго купить что-нибудь по этой оцѣнкѣ должно будетъ поздравить почти какъ съ даровою находкою. Многое могли бы мы еще сказать объ этомъ предметѣ, но желая *первые* поздравить книголюбивую нашу публику съ готовящимся для нея праздникомъ, ограничиваемся, покамѣстъ, передачею ей первыхъ нашихъ впечатлѣній и повтореніемъ сказаннаго выше: что нигдѣ еще *такого* аукціона не бывало и впредь быть не можетъ.»

— Ужь давно были слухи, и даже печатные, о томъ, что Императорское Московское Общество Испытателей Природы намѣрено издавать журналъ на русскомъ языкѣ для распространенія естественно-историческихъ свѣдѣній между читателями-неспеціалистами. Вполнѣ сочувствуя прекрасной цѣли, сознавая, какъ важно можетъ быть значеніе такого изданія, поддержаннаго авторитетомъ ученаго общества, и наконецъ, понимая, какъ своевременно и умѣстно появленіе его у насъ, въ Россія, гдѣ вообще свѣдѣнія естественно-историческія распространены еще мало, мы съ нетерпѣніемъ ожидали формальнаго объявленія. Оно, наконецъ, дошло до насъ, а вскорѣ затѣмъ присланы въ Петербургъ и три первые нумера *Вѣстника Естественныхъ Наукъ* — такъ называется новое изданіе. Теперь мы намѣрены сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя, конечно, должны воздержаться отъ всякаго приговора, отложивъ его до того времени, когда накопится достаточный для него матеріалъ.

Вотъ какъ опредѣляетъ редакція назначеніе «Вѣстника»:

«Онъ будетъ стараться передавать большинству свѣтскихъ читателей, любящихъ серьёзное чтеніе, свѣдѣнія, выработанныя частными изслѣдованіями воздѣлывателей науки. Желая удовлетворить обширному кругу читателей, въ частности неприготовленныхъ въ естественныхъ наукахъ, «Вѣстникъ» будетъ сообщать имъ общедоступныя свѣдѣнія изъ всѣхъ отраслей естествознанія. Въ составъ его войдутъ какъ свѣдѣнія изъ чистой науки, такъ и многочисленныя приложенія къ различнымъ вопросамъ общественной жизни.»

Читатели видятъ, какъ разнообразно будетъ содержаніе новаго журнала.

«Вѣстникъ» предположено издавать еженедѣльными выпусками (по субботамъ) въ одинъ или полтора листа, въ 4-ю долю листа, сопро-

Digitized by Google

вождая текстъ пояснительными политипажами и однимъ большимъ пояснительнымъ рисункомъ (при каждыхъ двухъ нумерахъ) въ большую четвертку. Цѣна за годовое изданіе, при прекрасной внѣшности (о которой свидѣтельствуютъ политипажи въ объявленіи и три первые нумера) весьма-умѣренная: *шесть рублей* (въ Петербургѣ и Москвѣ, 8 р. с. съ пересылкой въ другіе города).

Въ вышедшихъ нынѣ трехъ нумерахъ помѣщены слѣдующія статьи: *Гусиное Озеро* (не конч.), *Аистъ* и *Ловля Тунцевъ* (не конч.) — всѣ съ политипажами, и въ отдѣлѣ *Смѣси*, некрологъ основателя Общества — г. *Фишера фон-Вальдгейма* (не конч.), съ литографированнымъ портретомъ.

Мы ужь сказали, что не можемъ произнести сужденія объ изданіи только-что начавшемся; къ-тому же кончена только статья объ аистѣ; статья эта написана очень-живописнымъ слогомъ, читается чрезвычайно легко и не требуетъ никакихъ приготовительныхъ свѣдѣній. Въ какой степени эта статья зоологическая — другой вопросъ и вопросъ, разрѣшаемый въ настоящемъ случаѣ, несовершенно-удовлетворительно, покрайней-мѣрѣ для насъ: отъ зоологической статьи мы требуемъ не только описанія нравовъ животнаго, но и описанія его организаціи. Вообще, при чтеніи первыхъ трехъ выпусковъ «Вѣстника» въ насъ невольно родился вопросъ о томъ, съ чѣмъ будетъ онъ знакомить читателей: съ естественными *науками*, или съ естественными *предметами?* Намъ, кажется, что между тѣмъ и другимъ есть разница. Но, какъ бы то ни было, надѣемся, что наша публика оцѣнитъ благородныя усилія Общества и искренно желаемъ успѣха новому изданію.

— Вышелъ второй выпускъ *Полнаго Атласа Анатоміи Человѣческаго Тѣла,* составленнаго докторомъ Массомъ, переводимаго на русскій языкъ лекаремъ П. Матвѣевымъ и издаваемаго г. Наливкинымъ. Этотъ выпускъ состоитъ изъ 70 рисунковъ и такого же числа таблицъ, объясняющихъ рисунки на русскомъ и французскомъ языкахъ.

— Читателямъ, можетъ-быть, памятна статья г. Савинова, напечатанная въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, подъ названіемъ: *Русскій Солдатъ.* Теперь это сочиненіе издано на трехъ большихъ листахъ съ превосходными политипажами, которые рисовалъ классный художникъ г. Васильевъ, а на деревѣ рѣзалъ г. Бобеттъ. Всего пять большихъ политипажей, заключающихъ въ себѣ цѣлыя прекрасныя картины изъ крестьянскаго и солдатскаго быта, и шесть малыхъ. Все изданіе необыкновенно-красиво и достойно обратить на себя вниманіе публики въ поощреніе весьма-замѣчательному таланту г. Васильева. Разсказъ состоитъ изъ пяти частей: 1) Отдача рекрута, 2) Въ партіи, 3) На ученьи и въ казармѣ, 4) Въ лазаретѣ и 5) На постоѣ изъ похода.

Digitized by Google

— Мы получили изъ Москвы пріятную новость: на-дняхъ выйдетъ изъ печати новый романъ г-жи Евгеніи Туръ: *Три поры жизни*. Талантъ г-жи Евгеніи Туръ уже извѣстенъ читателямъ, и потому мы можемъ заранѣе поздравить ихъ съ этою новинкою.

— Предпринятый г. Гербелемъ переводъ «Слово о Полку Игоревѣ» уже вышелъ въ свѣтъ въ великолѣпномъ изданіи, подъ названіемъ: *Игорь князь Сѣверскій*. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мы намѣрены поговорить объ этомъ переводѣ.

Digitized by Google

V.

КАТАРИНА Д'АТАИДЕ.

Возлюбленныя великихъ поэтовъ. — Цвѣтущій вѣкъ португальской литературы. — Камоэнсъ въ Лиссабонѣ. — Хуанъ де-Кастро. — Портретъ Катарины д'Атаиде въ стихахъ Камоэнса. — Изгнаніе его. — Смерть Антоніо де-Норонга. — Камоэнсъ лишается глаза. — Смерть отца Камоэнса. — Возвращеніе поэта изъ Африки въ Лиссабонъ и отправленіе въ Индію. — Буря у Мыса Доброй Надежды. — Экспедиція на малабарскомъ берегу. — Луизіада. — Педро Барета и сатира Камоэнса. — Изгнаніе поэта на Молуккскіе Острова. — Камоэнсъ въ Тернато. — Смерть Катарины д'Атаиде. — Могила Камоэнса.

Исторія часто входитъ въ малѣйшія подробности жизни людей, малоизвѣстныхъ и даже незначительныхъ, но умалчиваетъ о знаменитостяхъ, имена которыхъ знаетъ цѣлый свѣтъ. Многія великія личности живутъ въ памяти потомства и уважаются всѣми, хотя жизнь ихъ мало извѣстна. Такова была судьба многихъ знаменитыхъ поэтовъ, которые сами описали свои подвиги, но не открыли исторіи своего сердца, своей любви, своей внутренней жизни.

Мы можемъ представить себѣ Гомера въ зрѣломъ возрастѣ, опирающагося на весло и въ задумчивости смотрящаго на волны, омывающія отечество Улисса; можемъ позже представить его слѣпымъ старцемъ, увѣнчаннымъ славою и поющимъ подвиги Ахилла и Гектора подъ жаркимъ солнцемъ Іоніи. Но возлѣ величественнаго пѣвца воображеніе наше никакъ не можетъ начертать никакой женской фигуры. Не-уже-ли можно подумать, чтобъ пѣвецъ Андромахи, Елены и Пенелопы не испыталъ всей сладости возвышеннаго чувства любви? Съ какого образца списывалъ другъ Октавія безсмертныя страданія Финикіянки? Что знаемъ мы вѣрнаго объ Лаурѣ, Беатриче? Сколько тайнъ скрываетъ до-сихъ-поръ жизнь Елеоноры д'Эсте! Кто была молодая шотландка, разбудившая геній Борнса и заставившая его написать свои меланхолическіе стансы?

Возлѣ этихъ безсмертныхъ именъ Гомера, Виргилія, Данта, Петрарки и Торквато, Португалія можетъ поставить имя Камоэнса, ко-

Digitized by Google

тораго Лудвигъ Тикъ называетъ первымъ поэтомъ всѣхъ націй. Разумѣется, не всѣ согласятся съ этимъ приговоромъ и не захотятъ обидѣть авторовъ *Потеряннаго рая*, *Освобожденнаго Іерусалима*, *Германа и Доротеи*, но всѣ мыслящіе люди признаютъ пѣвца *Лузіады* превосходнымъ писателемъ, который умѣетъ возбудить восторгъ, и сожалѣніе, и жизнь котораго представляетъ продолжительную борьбу, цѣпь страданій, надеждъ и усилій, награжденныхъ только въ потомствѣ.

Цвѣтущій вѣкъ португальской литературы открывается съ царствованіемъ Іоанна III, въ 1521 году и оканчивается съ жизнью короля-кардинала дон-Генрикеса, въ 1580.

Камоэнсъ наполняетъ собою весь второй періодъ. Онъ родился въ Лиссабонѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ 1525 году, и принадлежалъ, по отцу и матери, къ военному дворянству, отличавшемуся геройствомъ и предпріимчивостью. Отецъ его, бѣдный, но гордый воинъ, умершій впослѣдствіи во время кораблекрушенія, собралъ всѣ остатки своего состоянія, чтобъ дать сыну превосходное академическое образованіе. На всемъ испанскомъ полуостровѣ Коимбра славилась своею ученостью, и молодой Людовикъ Камоэнсъ изучилъ тамъ богатый языкъ, на которомъ писали многіе извѣстные поэты, но который еще ожидалъ великаго таланта. Въ дѣтствѣ Камоэнсъ слышалъ разсказы, которые можно было почесть баснословными, но которые были справедливы, потому-что это были морскіе подвиги *сыновъ Лузуса*, составлявшихъ малочисленную націю, но, несмотря на это почитавшихъ своею обязанностью распространять христіанство въ новооткрываемыхъ ими земляхъ и подчинять ихъ владычеству Португаліи. Героизмъ возникъ въ душѣ новаго поэта, но другая страсть, сильнѣе и возвышеннѣе должна была внушить ему вдохновеніе. Когда Камоэнсъ вернулся въ Лиссабонъ, его многочисленныя познанія, первые лирическіе опыты, благородная, пріятная наружность и рыцарская гордость открыли ему первые домы. Донъ Теодозъ браганскій, донъ Манозль португальскій, герцогъ д'Авейро и другіе вельможи предлагали ему свое покровительство, но скромный поэтъ отказался отъ этой чести и отправился, черезъ моря, къ знаменитому дон-Хуану де-Кастро, владѣвшему сначала несметными богатствами, но потомъ отдававшему на одежду своихъ солдатъ обои и занавѣси изъ своихъ комнатъ и продавшему свою шпагу, чтобъ доставить средство возвратиться въ Европу своему единственному сыну, пощаженному Мусульманами. Въ это самое время, вѣроятно, произошла встрѣча, рѣшившая участь Камоэнса и возвысившая его геній до высоты, какой не достигалъ ни до него, ни послѣ него ни одинъ португальскій писатель.

Въ поэзіи Данта, Петрарки, Тасса три знаменитыя итальянки окружены робкою, нѣжною, таинственною страстью; такая же таинственность скрываетъ и ту, которую любилъ Камоэнсъ. Даже имя ея долго оставалось тайною для тѣхъ, кто не былъ близко знакомъ съ поэтомъ.

Хуанъ Пинто Рибейра, одинъ изъ старинныхъ біографовъ Камо-

Digitized by Google

энса, полагаетъ, что поэтъ любилъ свою дальнюю родственницу донну Катарину Альмада. Другіе послѣдующіе писатели говорили, что женщина, которую Камоэнсъ воспѣвалъ въ своихъ элегіяхъ и одахъ, была, вѣроятно, придворная дама Катерины австрійской (супруги Іоанна III) и которая умерла въ молодыхъ лѣтахъ. Наконецъ, Маноэль де Фаріа Суза, ученый коментаторъ Луизіады, разбирая одну неизданную эклогу Камоэнса, открылъ, что она посвящена *доннѣ Катаринѣ д'Атаидѣ.* Это любимое имя было скрыто поэтомъ впродолженіе всей его жизни; онъ написалъ его только надъ стихами, которые должно было прочесть потомство. Онъ отдалъ свою тайну на сохраненіе двухъ могилъ. Теперь критики съ достовѣрностью рѣшили, что донна Катарина была дочь перваго графа Кастанейра, дона Антоніо Атаиде, одного изъ любимцевъ Іоанна III. Эта Катарина умерла въ первой молодости. Вотъ все, что мы знаемъ о ней.

Къ-счастью еще, что эту рѣдкую красоту, эту жизнь короткую, чистую и грустную описалъ неподражаемый поэтъ. Любовь и горе водили его кистью; онъ оставилъ чудные эскизы въ собраніи своихъ лирическихъ произведеній, гдѣ эти эскизы помѣщены въ безпорядкѣ и безъ послѣдовательности; въ нихъ, однакожь, много граціи и гармоніи.

Одинъ взглядъ красавицы рѣшилъ судьбу Камоэнса и онъ на всю жизнь сохранилъ это чувство. Вотъ что говоритъ поэтъ о первой встрѣчѣ своей съ Катариною д'Атаиде: «Любовь была мнѣ едва извѣстна по имени; я не испыталъ ни ея страданій, ни радостей, ни надеждъ, когда бѣлокурые волосы, заплетенные въ косы, блестящіе глаза и ясная физіономія возбудили въ сердцѣ моемъ страхъ и надежду. Я почувствовалъ, что она одарена таинственною силою, заставляющею ей повиноваться. Я понялъ, что она измѣнитъ мою жизнь и дастъ ей новое направленіе. Вотъ какую власть взяла надо мною любовь...

«Я почувствовалъ внезапную слабость; разсудокъ оставлялъ меня, но какая-то новая способность возродилась въ моемъ сердцѣ и запечатлѣла въ памяти вѣчными чертами всѣ подробности этого свиданія и ангельское лицо, бывшее причиною подобной перемѣны. Если я могу описать все это ясно, то не хвалите поэта: онъ описалъ только состояніе своего сердца».

Отвѣчали ли на любовь Камоэнса? Этого вопроса не могли рѣшить его современники; но изъ многочисленныхъ сочиненій поэта, посвященныхъ памяти донны Катарины, видно, что и она полюбила мечтателя. Онъ говоритъ о ней почтительно, но въ то же время страстно. Онъ мало надѣется на счастье, потому-что даже въ мечтахъ молодости не смѣлъ думать о возможности соединиться съ дочерью одного изъ первыхъ вельможъ двора. Донна Катарина тоже знала, какія непреодолимыя препятствія раздѣляютъ ее съ поэтомъ, и потому прекрасное ея лицо приняло грустное, но покорное выраженіе, никогда неизмѣнявшееся.

Камоэнсъ два раза принимался изображать портретъ донны Катарины: видно, что сердце водило его рукою.

Digitized by Google

«Взгляды ея нѣжны и сострадательны, но не открываютъ, однако, какая мысль ими управляетъ. Улыбка невинная и почти принужденная, выраженіе скромное и покорное показываютъ *вѣчное сомнѣніе въ счастіи*.

«Походка тихая и покойная, нѣсколько важная; доброта, наивность, грація и чистота души видны во всѣхъ ея движеніяхъ.

«Она тверда и смѣла, потому-что робость раждается только послѣ ошибки; *она привыкла къ долгому страданію*.

«Вотъ красота, поразившая меня; вотъ волшебство, которое совершенно измѣнило меня».

Камоэнсъ не смѣлъ назвать предмета своей страсти и скрывалъ Катарину подъ именами Віоланты, Динамены, а позже принялъ въ стихахъ анаграму *Natercia*, сдѣлавшуюся знаменитою по многочисленнымъ и превосходнымъ стихамъ. Любовь поэта не могла, однакожъ, долго оставаться тайною, и родные донны Катарины рѣшились совершенно уничтожить ее, а главное, прекратить переписку между молодыми людьми. Камоэнса сослали въ Рибатехо. Это имя даютъ португальцы долинѣ, по которой протекаетъ рѣка Дуро близъ Сантарема.

Мѣсто изгнанія человѣка, бывшаго первымъ поэтомъ своего времени, описано со всѣми подробностями въ превосходной канцонѣ. Тамъ Камоэнсъ говоритъ о сліяніи Таго и Зезеро, «посреди лѣсистыхъ холмовъ, гдѣ тѣнь и тишина благопріятствуютъ размышленіямъ». Въ этомъ уединеніи бѣдный изгнанникъ былъ ласково принятъ однимъ великодушнымъ другомъ, который старался утѣшать и развлекать его, и тутъ онъ написалъ весь первый отдѣлъ своихъ лирическихъ стихотвореній. Въ нихъ ясно видны всѣ чувства пламенной и грустной души Камоэнса: желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, чтобъ прославить свое отечество, благородство и всегдашняя грусть, неожидающая никакихъ радостей и встрѣчающаяся во многихъ его сочиненіяхъ. Счастіе было для него невозможно, надежды несбыточны; но эта мечта одна занимаетъ его воображеніе · «Я вижу передъ собою (говоритъ онъ) вѣчно одно видѣніе: я умираю вдали отъ сокровища, которымъ владѣлъ нѣсколько часовъ; я изгнанъ за простительную неосторожность. Теперь все мнѣ кажется въ черномъ видѣ; цвѣты, животныя и окрестности потеряли для меня всю прелесть...»

«Сначала я смѣлъ надѣяться и пѣлъ; потомъ я долженъ былъ выкупить мои пѣсни слезами, и теперь плачу о моихъ первыхъ слезахъ».

«Когда, послѣ долгихъ страданій, воображеніе закрываетъ мнѣ глаза, я вижу въ моихъ мечтахъ ту душу, которую не могу забыть».

«И мнѣ кажется, что я нахожусь съ ней въ безпредѣльной пустынѣ и хочу броситься къ ней, но она грустно отъ меня удаляется».

«И посмотрѣвъ на меня съ трогательнымъ сожалѣніемъ, она говоритъ: мы разлучены навсегда. И я остаюсь опять одинъ».

Несмотря на всѣ развлеченія и занятія, Камоэнсъ скучалъ въ изгнаніи; извѣстія о подвигахъ соотечественниковъ въ южныхъ моряхъ доходили до него какъ упреки и вмѣстѣ съ тѣмъ наводили его на во-

Digitized by Google

вую мысль. Онъ рѣшился добиться извѣстности и славы во что бы то ни стало, и собрался ѣхать въ Индію со «шпагою въ одной рукѣ и съ перомъ въ другой». Огромный корабль приготовлялся въ Лиссабонѣ перевезти въ Гоа новаго вице-короля дона Альфонсо Норонга, съ многочисленною свитою молодыхъ дворянъ, которые должны были пополнить ряды «живой стѣны» разрушаемой поминутно непріятелями. Камоэнсъ вписался въ экипажъ этого корабля какъ простой солдатъ, но отецъ занялъ его мѣсто и поэтъ долженъ былъ искать себѣ другаго назначенія. Донъ Педро де-Менезесъ, губернаторъ Сейты, просилъ подкрѣпленія противъ шерифовъ, власть которыхъ въ то время распространялась надъ всею африканскою *Альгарвою* (Фецъ, Марокко и Сеу). Донъ Антоніо де-Норонга, лучшій другъ Камоэнса, собрался на битву съ невѣрными, и поэтъ не хотѣлъ разстаться съ этимъ молодымъ человѣкомъ, къ которому былъ искренно привязанъ можетъ-быть по грустному предчувствію, что донъ Антоніо умретъ въ молодыхъ лѣтахъ. Камоэнсъ описалъ эту преждевременную смерть друга превосходными стихами. Въ трехъ кампаніяхъ противъ Мавровъ, поэтъ участвовалъ самъ и отличился въ глазахъ предводителей. Въ одномъ морскомъ сраженіи, въ виду гибралтарской скалы, стрѣла африканца лишила его праваго глаза.

Въ свободное время отъ военныхъ занятій, поэтъ продолжалъ писать лирическія произведенія, доказывающія уже всю зрѣлость его генія. Во второй элегіи, посвященной дону Антонію де-Норонга, Камоэнсъ даетъ знать, что вѣсти изъ Португаліи усилили еще его страданія и что «новыя слезы лились надъ новыми несчастіями. «Боже! (прибавляетъ онъ) Ты знаешь все, а я молчу и страдаю, потому-что не смѣю говорить». Вѣроятно, въ это время донну Катарину хотѣли выдать замужъ, и бѣдный поэтъ, несмотря на свою возрастающую извѣстность, не смѣлъ явиться въ Лиссабонъ помѣшать этому браку. Напрасно донъ Антоніо старался доказать, что одна слава должна занимать поэта, который не долженъ предаваться отчаянію и убивать себя. Камоэнсъ отвѣчалъ ему:

«Вы говорите, что я долженъ быть доволенъ славою; но душа моя покидаетъ свою слабую оболочку и улетаетъ такъ высоко, что слава не можетъ за ней слѣдовать и остается на землѣ.

«Судьба и любовь составили заговоръ, чтобъ погубить меня, и я страдаю вдвойнѣ. Я дошелъ до такого отчаянія, что смерть кажется мнѣ избавленіемъ. Скоро ли я перестану страдать? *Боюсь одного, что проживу еще долго!*»

Скоро Камоэнсъ убѣдился, что въ Африкѣ онъ немного выиграетъ, и потому обратился къ прежней своей мысли: ѣхать въ Индію и тамъ составить себѣ состояніе. Отецъ его ужъ отправился по этой дорогѣ; но вскорѣ пришло извѣстіе, что корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, разбился близъ Гоа и тѣло стараго солдата выброшено было на дальній берегъ, служившій могилою многимъ храбрымъ воинамъ. Послѣ этихъ двухъ тяжелыхъ потерь (потому-что и донъ Антоніо умеръ) поэтъ явился въ Лиссабонѣ, но положеніе его сдѣлалось невыносимымъ посреди завистниковъ, преслѣдовавшихъ его. Это положеніе описано са-

Digitized by Google

нимъ поэтомъ, въ 1554 году, въ письмѣ къ одному другу, имя котораго не дошло до насъ. «Вы знаете, какая ненависть преслѣдуетъ меня, съ какимъ ожесточенiемъ терзаютъ меня—и за что? Всѣмъ завидно, что извѣстность окружаетъ мое имя, какъ плющъ, который бросилъ старую поддержку и обвился вокругъ новой». Онъ намекаетъ тоже на вниманiе, оказываемое ему донною Катариною и на послѣднее ихъ прощанiе. Неизвѣстно, вышла ли она замужъ, но извѣстно, что Камоэнсъ, оставляя отечество, принялъ всѣ мѣры, чтобъ узнавать все, что случится съ любимою имъ особою. Впрочемъ, надѣяться было безумно, и Камоэнсъ, покидая Лиссабонъ говоритъ: «Я прогналъ далеко всѣ надежды, утѣшавшiя меня; я самъ уничтожилъ всѣ мечты, украшавшiя мою жизнь; я разрушилъ даже тѣнь счастiя». Въ реестрахъ Индiйскаго Правленiя находится слѣдующее объявленiе въ 1553 году. «Вотупилъ въ военную службу Лудовикъ Камоэнсъ и получилъ 2400 рейсовъ, какъ всѣ солдаты». Поэтъ былъ на кораблѣ *Сао-Бенто*, вмѣстѣ съ тремя другими отправившимися подъ начальствомъ Фернандо Альвареса Кабраля. Камоэнсъ простился съ берегами Таго на шестнадцать лѣтъ, и увидѣлъ ихъ опять, удрученный горемъ и страданiями, но принеся имъ единственное свое сокровище — португальскую илiаду, и прославивъ свою нацiю. Предчувствiя этой высокой, но горькой участи не волновали поэта, когда передъ нимъ исчезалъ берегъ Европы со всѣмъ, что онъ любилъ. Мысли, выраженныя въ стихахъ, написанныхъ тотчасъ послѣ его отъѣзда, описываютъ только его отчаянiе и совершенную безнадежность.

«Никогда не забуду я этого прекраснаго, весенняго утра, полнаго слезъ и прощанiй. Оно началось ясное и тихое, какъ всегда, но потомъ, когда услышало столько вздоховъ и рыданiй, кажется, само приняло въ нихъ участiе».

«Тутъ было столько недоконченныхъ словъ и мученiй, что самые безчувственные, привыкшiе хладнокровно смотрѣть на людскiя страданiя, сжалились бы надъ нами и раздѣлили бы наше горе».

Вскорѣ воинскiя заботы и слава разбудили генiй Камоэнса и снова придали ему энергiю, почти угасшую отъ страданiй. «Я часто вспоминаю (говоритъ онъ) окрестности Лиссабона, встрѣчи, условные знаки и потомъ чудную красоту со всѣми душевными качествами, нашу чистую дружбу, недопускавшую ни одной порочной мысли. Но къ чему разстраивать себя: лучше пойду въ битву и храбростью добуду счастiе, которое будетъ моею собственностью».

На высотѣ Мыса Доброй Надежды буря застигла корабль, на которомъ плылъ Камоэнсъ, и описанiе ея составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ Луизiады. Послѣ большихъ потерь, Сао-Бенто присталъ осенью къ гавани Гоа. Поэтъ тотчасъ же отправился въ экспедицiю къ Малабарскому Берегу, и нѣсколько лѣтъ сряду участвовалъ безпрерывно въ сраженiяхъ и плаванiяхъ. При этомъ онъ почти всякiй день повѣрялъ свои мысли — «единственной подпорѣ его поэзiи, его возлюбленной», образъ которой хранился въ его сердцѣ. Его не трогала ни красота новыхъ странъ, ни величественныя картины природы; въ Тернато и Макао онъ продолжаетъ описывать долины Таго

Digitized by Google

и Мондехо. Общество, въ которомъ онъ принужденъ былъ жить, было развращенное и грубое, и потому поэтъ избѣгалъ его съ отвращеніемъ. Онъ понималъ, что его талантъ, честность и благородство ничего здѣсь не выиграютъ и что онъ не пріобрѣтетъ ни почестей, ни богатства. Онъ посвятилъ Индіи свой мечъ и свое перо, но никакъ не могъ выйдти изъ бѣдности. Его ждала странная судьба, на которую былъ осужденъ великій поэтъ завистниками и невѣждами. Только одна твердость духа спасла Камоэнса отъ униженія. «Не бойтесь (писалъ онъ одному изъ своихъ друзей въ Португалію), что мои чувства измѣнились. Разлука не произвела надо мною никакого дѣйствія, и я увѣренъ, что мои земныя чувства послѣдуютъ за мною на небо. Я ужь привыкъ грустить, но скрываю мое горе въ душѣ и оно принесетъ свои плоды... подождите только!»

И это были рѣдкіе, драгоцѣнные плоды. Камоэнсъ ужь началъ свою великую эпопею и продолжалъ писать лирическія стихотворенія, выражавшія его пламенную, чистую любовь. Камоэнсъ оплакивалъ также преждевременную смерть своего единственнаго друга, дона Антоніо и завидовалъ его славной участи. «Великодушный другъ (писалъ онъ), твоя храбрость увлекла тебя въ вѣчное жилище покоя. О, еслибъ я могъ сдѣлать имя твое безсмертнымъ! Тысячи людей завидуютъ твоей судьбѣ, а я больше всѣхъ. Мои испытанія еще не кончились. Въ этомъ ужасномъ изгнаніи я терплю тысячи смертей и не могу умереть одинъ разъ, какъ ты!»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что донъ Антоніо былъ единственный повѣренный любви Камоэнса и донны Катарины, и послѣ его смерти, таинственная цѣпь между двумя сердцами должна была разорваться.

Вице-король Индіи донъ Педро Маскаренгасъ послалъ въ это время эскадру препятствовать высадкамъ Турковъ, которые поминутно приходили на помощь къ своимъ соотечественникамъ. Камоэнсъ пошелъ волонтеромъ въ экспедицію, претерпѣвшую много бурь и опасностей. Во время отдыха у мыса Гвардафуи, въ 1555 году, поэтъ написалъ десятую канцону своей поэмы, лучшую изъ всѣхъ. Вотъ какія мысли поддерживали его вдохновеніе во время лишеній и скуки плаванія, которое не было ознаменовано ни однимъ сраженіемъ:

«Передъ нашими глазами пустой, безплодный берегъ. На немъ не видно ни одной птицы, ни одного звѣря; нѣтъ ни ручья, ни каскада, ни зеленой вѣтки, которою бы игралъ вѣтеръ. Близь насъ, подъ жгучимъ солнцемъ, лежитъ на берегу Абиссиніи трупъ древней Береники. Одинъ морской рукавъ отдѣляетъ насъ отъ Аравіи; волны шумятъ и бьются въ узкомъ проливѣ.

«Вотъ куда занесла меня жестокая судьба! Я живу, какъ плѣнникъ въ этой дальней, дикой странѣ. Въ скольких пустынныхъ мѣстахъ я ужь влачилъ несчастное мое существованіе!

«Я всегда одинъ съ моими страданіями, недающими мнѣ ни минуты покоя. У меня нѣтъ даже надежды отдохнуть. Ужели еще не конецъ испытаніямъ? Ужели смерть не близка?

«Еслибъ я еще могъ надѣяться, что, за всѣ мои несчастія, мой образъ представляется воображенію той, которой я теперь не вижу,

Digitized by Google

еслибъ мой голосъ могъ дойдти до слуха ангела, которымъ я жилъ; еслибъ душа ея вспомнила прошедшее и пожалѣла обо мнѣ въ настоящемъ, тогда я утѣшился бы и твердо перенесъ всѣ страданія.

«О, какъ сильна ея власть, когда одно воспоминаніе о ней прогоняетъ мою печаль и заставляетъ безъ ужаса ожидать смерти! Что жъ было бы, еслибъ я могъ еще надѣяться? Тогда я забылъ бы о всѣхъ моихъ несчастіяхъ, и мои страданія превратились бы въ тихую, сладкую задумчивость.»

Эскадра зимовала въ Ормусѣ, при входѣ въ Персидскій Заливъ, потомъ вернулась въ Гоа, гдѣ Педро Барето принялъ главное начальство. Поэтъ написалъ сатиру, въ которой изобразилъ злоупотребленія Португальской Индіи. Тѣ, которые поняли намеки, обратились съ жалобами къ Барето, и онъ заключилъ Камоэнса въ тюрьму. Его вскорѣ выпустили только длятого, чтобъ сослать на Молуккскіе Острова, куда и отправили въ концѣ 1556 года.

И въ новомъ изгнаніи бѣдность и горе преслѣдовали Камоэнса; но онъ переносилъ все съ обыкновенною твердостью и находилъ утѣшеніе въ своемъ вдохновеніи. По приказанію своихъ начальниковъ, осматривалъ онъ всѣ мѣста, гдѣ соотечественники его держались цѣною непрерывныхъ битвъ и пожертвованій, и описаніе ихъ содержится въ Луизіадѣ. Когда пришло извѣстіе о смерти Іоанна III, поэтъ посвятилъ ему превосходные стихи. Въ Тернатѣ написалъ онъ также оду, которая сдѣлалась знаменитою. Онъ изображаетъ этотъ волканъ, вершина котораго кипитъ огненнымъ потокомъ. «Здѣсь нѣтъ зимы (говоритъ онъ), этого скучнаго времени года; поля наши окружены глубокимъ каналомъ. Все вокругъ тихо; но это спокойствіе куплено сынами Лузуса цѣною крови. Въ этой плодородной долинѣ, вѣроятно, протечетъ остатокъ моей жизни. О! съ какою радостью отдалъ бы я этотъ остатокъ, чтобъ только завѣщать послѣ себя какое-нибудь воспоминаніе, исторію моей грустной жизни, которая вызвала бы слезы на прекрасные глаза... Но я не смѣю надѣяться на это счастье. Можетъ-быть, другой несчастный будетъ пѣть подъ этими же тѣнистыми пальмами, и его пѣсни забудутся такъ же, какъ и мои.»

Камоэнсъ встрѣтился съ донною Катариною въ первый разъ въ 1547 году, и эта встрѣча описана у него не разъ, одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1558 году. Вообще задумчивость и печаль составляютъ главный характеръ поэта. Онъ самъ говоритъ, что ребенкомъ ужь страдалъ и не былъ привязанъ къ жизни. Какимъ же тяжелымъ бременемъ должна была она показаться ему, когда, послѣ всѣхъ несчастій и огорченій, пришло извѣстіе, что донна Катарина умерла! Ни одного друга не было близь поэта, чтобъ утѣшить его въ эту горькую минуту. Остались, однако, стихи, въ которыхъ онъ говоритъ:

«Жестокій другъ! Зачѣмъ ты покинула наше общее отечество?

«Твои блестящіе глаза, прекрасное лицо, золотистые волосы, бѣлая ручка, стройная талія — все это исчезло, все это прахъ, все — добыча могилы.

«Твоя красота и молодость завяли, какъ цвѣтокъ, сорванный смертью! Зачѣмъ ты улетѣла въ небесную обитель и оставила меня въ—

Digitized by Google

отчаяніи? Земля недостойна была владѣть такимъ сокровищемъ. Блаженствуй же въ райской обители, чистая душа, пока я оканчиваю здѣсь мой тяжелый путь.

«Если же и тамъ позволено вспоминать о земной жизни, то не забывай того, въ чьихъ глазахъ ты умѣла читать самую пламенную, самую покорную любовь. Проси также Всевышняго, чтобъ Онъ сжалился надъ моими страданіями и призвалъ меня отъ этого міра, который потерялъ тебя.»

Камоэнсъ жилъ послѣ доны Катарины еще двадцать-два года. Измученный своимъ горемъ, бѣдностью и преждевременною старостью, онъ оплакивалъ еще несчастія своего отечества и писалъ до конца жизни; только имя Катарины д'Атаиде никогда не срывалось ни съ его губъ, ни съ его пера; онъ страдалъ молча, какъ всѣ твердые характеры.

Камоэнсъ умеръ въ Лиссабонѣ въ 1579 году и былъ погребенъ въ церкви Св. Анны, близь входа. Черезъ нѣсколько лѣтъ Филиппъ II, овладѣвъ португальской короной, сожалѣлъ, что великій поэтъ уже умеръ и что онъ не можетъ наградить его. Онъ приказалъ отъискать могилу творца Луизіады; ее нашли съ трудомъ, потому-что на камнѣ не было даже надписи.

Теперь на немъ изсѣчена слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится Лудовикъ Камоэнсъ, первый поэтъ своего времени. Онъ жилъ въ бѣдности и несчастіи и умеръ въ MDLXXIX году. Донъ Гонсало Кутинго назначилъ ему эту могилу, въ которой, кромѣ его, никто не будетъ похороненъ».

Это было послѣднее желаніе Камоэнса. Шекспиръ, умирая, просилъ о томъ же. *(Bibliothèque de Génève).*

ФРЕНСИСЪ ДЖЕФФРИ

И ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛІЯНІЕ ЖУРНАЛА «ЭДИМБУРГСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» (Edimburg-Review).

Рожденіе Джеффри. — Семейство его. — Воспитаніе. — Литературное состояніе Шотландіи въ началѣ XIX столѣтія. — Молодость Джеффри. — Бракъ его. — Эдимбургское общество и нравы. — Основаніе журнала. — Европейскія событія той эпохи. — Процвѣтаніе журнала. — Ссора Джеффри съ Байрономъ. — Дуэль съ Томасомъ Муромъ. — Враги Джеффри: Вордсвортъ, Кольриджъ, Сутей. — Основаніе *Quarterly Review* для ослабленія вліянія *Эдимбургскаго Обозрѣнія*. — Смерть жены Джеффри и второй бракъ его. — Поѣздка въ Америку и посланіе къ морю. — Вступленіе въ Парламентъ и оставленіе редакціи. — Послѣдніе дни Джеффри.

Френсисъ Джеффри первый основатель журнала *Edimburg-Review* и первый истинный критикъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, родился

Digitized by Google

въ Эдимбургѣ 23 октября 1773 года. Литература каждой націи можетъ упасть отъ пустой полемики, литературныхъ сплетень и безусловныхъ похвалъ; только съ истинною критикою оживетъ она. Джеффри былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія первымъ критикомъ, соединившимъ строгость съ благонамѣренностью, безпристрастіе съ любовью къ искусству, уваженіе къ самому себѣ, съ снисхожденіемъ къ другимъ.

Когда литературная слава и дарованіе доставили ему званіе члена англійскаго Парламента, онъ принялъ дѣятельное участіе въ современныхъ событіяхъ, но почиталъ, однакожь, свое политическое поприще кратковременнымъ эпизодомъ своей жизни. Онъ умеръ, пользуясь точно такимъ же уваженіемъ, какъ лордъ Голландъ, Каннингъ и Вильберфорсъ.

Отецъ Джеффри служилъ при Верховномъ Судилищѣ. Мать его была Генріетта Лоуденъ, родня Непира и Вилькса. При самомъ посредственномъ состояніи, отецъ Джеффри далъ сыну своему лучшее, по возможности, воспитаніе. Тогда въ Эдимбургѣ любили поэзію, науки и дарованіе.

Однажды ребенокъ, проходя по главной эдимбургской улицѣ, зимою 1787 года, остановился, увидя человѣка чрезвычайно-странной наружности. «Эй! laddie (мальчикъ), сказалъ одинъ лавочникъ, маленькому Френсису, ударивъ его по плечу: хорошенько посмотри на этого человѣка — это Робертъ Борнсъ.»

На другой день мальчику случилось поднять и поставить на ноги знаменитаго оратора Босвеля, слишкомъ-плотно пообѣдавшаго и растянувшагося на улицѣ. Даже Самуилъ Джонсонъ удостоилъ разговаривать съ Джеффри и сказалъ, что изъ него что-нибудь будетъ.

Пансіонъ, гдѣ ребенокъ учился читать и писать, находился въ самомъ романтическомъ мѣстоположеніи, какое только можетъ быть въ Эдимбургѣ, и впечатлѣніе это было всегда живо въ памяти Джеффри. Учитель его, нѣкто Фразеръ, преподавалъ первые уроки Вальтеру Скотту, Френсису Джеффри и Генриху Бруму. Извѣстно, какіе живописные ландшафты представляются съ высотъ, окружающихъ Эдимбургъ; и когда Джеффри сдѣлался членомъ Парламента, значительнымъ политическимъ лицомъ и однимъ изъ главныхъ судей Шотландіи, для него не было ничего пріятнѣе прогулки по этимъ скаламъ.

«Есть атмосферы, придающія силу и бодрость человѣку; есть другія, обезсиливающія его. Шотландія — страна семейныхъ добродѣтелей», это говоритъ самъ Джеффри. Макинтошъ, Вальтеръ Скоттъ, Томасъ Кемпбель, Гарнеръ оставили намъ вѣрныя картины тогдашняго шотландскаго общества. Просвѣщеніе было развито во всѣхъ сословіяхъ. Вотъ что̀, напримѣръ, біографы говорятъ объ Адамѣ Диксонѣ: «общество фермеровъ, столь ученое и свѣдущее, вполнѣ могло образовать его способности.» — Даже женщины занимались въ Шотландіи науками, и въ 1812 году, одинъ Англичанинъ жалуется на то, что онѣ говорятъ только о химіи и геометріи.

Отъ десятаго до двадцать-пятаго года Джеффри самъ еще не зналъ

Digitized by Google

будущаго своего литературнаго назначенія. Онъ воображалъ себя поэтомъ и сочинялъ самые плохіе стихи. Впрочемъ, онъ самъ это чувствовалъ. «Я пишу очень-дурные стихи, говоритъ онъ въ письмѣ къ своей сестрѣ, и это меня чрезвычайно огорчаетъ. Поэзія моя день-ото-дня слабѣетъ. Еслибъ во мнѣ достало твердости, я навсегда перессталъ бы писать.»

Онъ написалъ также трагедію, и говоритъ о ней слѣдующее: «пьеса чрезвычайно слаба; дѣйствіе идетъ очень-медленно; интереса вовсе нѣтъ. Я хотѣлъ избѣжать великолѣпной пустоты и высокопарной галиматьи нашихъ новѣйшихъ трагедій, и конечно успѣлъ въ этомъ, но впалъ въ противоположныя ошибки. Сюжетъ мой вялъ, надутъ и полонъ педантизма: характеры мои безхарактерны, это почти рядъ разговоровъ безъ дѣйствія. Я хотѣлъ быть простъ и достигъ до этого; слѣдственно пьеса не нелѣпа, но снотворна.»

Въ Джеффри были всѣ элементы поэзіи: изящный вкусъ, знаніе формы, жаръ нравственныхъ чувствъ, гармонія и размѣръ; не было только вдохновенія. Онъ былъ дѣятеленъ безъ самолюбія, оптимистъ въ практической жизни, пессимистъ въ теоріи. У него было множество проектовъ, но онъ зналъ, что не приведетъ ихъ никогда въ исполненіе. «Я провожу свое время (пишетъ онъ) въ томъ, что тружусь во всемъ и ни въ чемъ не успѣваю; но я веселъ и доволенъ, хотя вовсе не надѣюсь на будущее».

И этотъ человѣкъ, ни на что ненадѣявшійся, работалъ съ такимъ постоянствомъ и дѣятельностью, что долженъ былъ достигнуть до успѣха. Надѣяться и не дѣйствовать, значитъ только мечтать и все терять; дѣйствовать и не надѣяться, значитъ идти вѣрнымъ путемъ къ успѣху. У Джеффри, у Лессинга, у Аристотеля, мыслить, значитъ дѣйствовать.

Отъ двѣнадцатаго до двадцатаго года Джеффри написалъ больше десяти томовъ одъ, поэмъ, эпопей, трагедій, аналитическихъ опытовъ на всевозможные сюжеты. Еще задолго до основанія своего журнала, онъ ужъ былъ энциклопедическимъ журналистомъ. Пятнадцати лѣтъ, онъ ужъ утомлялъ своихъ учителей разспросами и разсужденіями. Первый его критическій опытъ написанъ на тринадцатомъ году.

Однакожь Джеффри продолжалъ дѣятельно работать, окончилъ курсъ классическихъ наукъ и изъ Гласгоу перешелъ въ Оксфордъ, изъ котораго ужъ вышелъ адвокатомъ. Въ Шотландіи это ровно ничего не значитъ. Адвокатъ можетъ только надѣть торжественный парикъ, но кліентовъ у него все-таки не будетъ, и всѣ сословія пренебрегаютъ званіемъ адвоката. Джеффри не потерялъ бодрости, но видѣлъ, что перспектива его незавидная — умереть съ голода. Безъ состоянія и безъ покровителей; небольшаго роста, кроткой наружности, съ продолговатымъ лицомъ и легкою улыбкою: ничто не привлекало сочувствія къ Джеффри. Онъ казался легкомысленъ, насмѣшливъ и самолюбивъ.

Послѣ тысячи плановъ, онъ обратился къ семейной жизни и женился на бѣдной дѣвушкѣ, миссъ Вильсонъ, дочери одного профес-

Digitized by Google

сора. За недѣлю передъ свадьбою писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей: «На дняхъ голодъ женится на жаждѣ.»

Счеты расходовъ семейнаго его обзаведенія показываютъ, что оно ему стоило до одиннадцати фунтовъ стерлинговъ и что онъ упрекалъ себя въ этой роскоши.

Въ началѣ XIX вѣка шотландскимъ лордомъ-намѣстникомъ былъ виконтъ Мельвиль. Онъ былъ превосходный администраторъ, свѣтскій человѣкъ, хладнокровный, съ глубокимъ познаніемъ общественныхъ дѣлъ и самаго ласковаго обхожденія. Враги могли упрекать его только въ одномъ: что онъ не одинаковаго съ ними мнѣнія.

Въ его–то управленіе основанъ былъ журналъ: «Эдимбургское Обозрѣніе» *(Edimburg Review)*. — Странное дѣло! Пять человѣкъ умныхъ, честныхъ, благонамѣренныхъ и простодушныхъ; Джеффри, Горнетъ, Сидней Смитъ, Вальтеръ Скоттъ и лордъ Кокборнъ — всѣ разсказываютъ иначе объ основаніи этого журнала. Какъ бы то ни было, но Джеффри можетъ почитаться настоящимъ его основателемъ.

Сидней Смитъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что мысль объ основаніи этого журнала, пришла ему первому въ голову. Почему же и не повѣрить ему? Только онъ вскорѣ бросилъ эту мысль; лордъ Брумъ присоединился ужь гораздо позже къ журналу. Разсказъ Сиднея Смита довольно–занимателенъ.

«Я началъ службу на духовномъ поприщѣ (говоритъ онъ); меня назначили пасторомъ въ маленькую деревню близь Салисбюри. Я понравился помѣщику, который просилъ меня ѣхать въ Германію съ его сыномъ для окончанія наукъ. Планъ этотъ не сбылся, потому-что въ Германіи свирѣпствовала война. Мы должны были вскорѣ же уѣхать оттуда въ Эдимбургъ, гдѣ я и провелъ пять лѣтъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ: Я познакомился тутъ со многими молодыми людьми: Брумомъ, лордомъ Морреемъ и Джеффри. Однажды мы собрались у Джеффри, который жилъ гдѣ–то въ восьмомъ или девятомъ этажѣ (Кокборнъ говоритъ, что въ третьемъ). Я предложилъ основать журналъ; всѣ согласились и назначили меня редакторомъ. Я пробылъ въ Эдимбургѣ до выхода въ свѣтъ перваго нумера. Эпиграфъ, мною выбранный, соотвѣтствовалъ личной нашей скромности:

Tenui musam meditamur avena

(мы занимаемся музами за овсяный хлѣбъ); но прочіе не согласились, и мы выбрали изрѣченіе Публія Сируса: *Judex damnatur cum nocens absolvitur* (безнаказанность виновнаго служитъ осужденіемъ судьи). Вскорѣ я оставилъ Эдимбургъ, и редакція перешла въ гораздо–опытнѣйшія руки. Брумъ и Джеффри довели журналъ до высшей степени популярности и успѣха.

Такимъ–образомъ общество молодыхъ шотландцевъ основало журналъ, имѣвшій, посредствомъ превосходной критики, большое вліяніе на англійскую литературу.

Первый нумеръ явился 10-го октября 1802 года и произвелъ сильное впечатлѣніе. Это была первая попытка умной, безпристрастной критики. Успѣхъ былъ быстрый и огромный.. Въ первые же мѣ-

Digitized by Google

сяцы стало расходиться 2,500 экземпляровъ журнала; за листъ писателямъ назначена была плата по десяти гиней (60 руб. сер.), а редакторъ получалъ 200 ф. стер. въ годъ; но вскорѣ первая цѣна возвысилась до 15, 20, 25 и 35-ти гиней за листъ (210 руб. сер.) въ 16 страницъ.

Книгопродавецъ Констабль принялъ на себя изданіе журнала. Такъ-какъ онъ издавалъ и другія книги, то просилъ редакцію быть къ нему снисходительнѣе. Джеффри отказался отъ этой сдѣлки. Онъ никогда не хотѣлъ хвалить безусловно сочиненія своихъ друзей. Искренность и безпристрастіе къ другу и врагу были всегдашнимъ его правиломъ. Сперва всѣ сердились на него, но потомъ оцѣнили эти рѣдкія и высокія качества журналиста, и всѣ умные, дѣльные и вліятельные люди захотѣли участвовать въ его журналѣ. Къ именамъ Джеффри, Сидней-Смита, Гарнера и Брума, присоединились вскорѣ: Томасъ Броунъ, Вальтеръ Скоттъ, Джонъ Плейфейръ, Галламъ, Малькольмъ-Лайнгъ, Джорджъ Эллисъ, Вильберфорсъ, лордъ Мельбурнъ, Джонъ Олленъ, Кольриджъ, Мальтусъ, Пейнъ, Лесли, Мекинтошъ, Даніилъ Эллисъ, Томасъ Муръ, Джонъ Гордонъ, Пальсгрю, Лейг-Гонтъ, Ромильи, Фосколо, Чальмерсъ, Вильсонъ, Маккюлохъ, Элисонъ, Арнольдъ, сэръ В. Гамильтонъ, Газлитъ, Томасъ Кемпбель, Эльмсли, Филлиморъ, Джемсъ Милль, Макрью, Ченевиксъ, Блумфильдъ, сэръ Генрихъ Парнель, В. Непиръ.

Завѣдывая главною редакціею и исправляя всѣ рукописи, Джеффри впродолженіе шести лѣтъ самъ написалъ въ журналѣ семьдесятъ-девять статей; лордъ Брумъ, лордъ Эльдонъ, Джеффри и Эрскейнъ написали во время журнальной своей дѣятельности изумительное множество сочиненій.

Джеффри отличался въ своихъ статьяхъ серьёзною ироніею, которая во всемъ тотчасъ же находила истинную и ложную стороны. Театръ, литература, поэзія, науки — все подвергалось строгой и вѣрной рецензіи.

Теперь, можетъ-быть, страннымъ покажется, что Джеффри нападалъ на поэтическіе опыты Томаса Мура, Байрона, на эпопеи Сутея, на мистическія оды Кольриджа, на легкія стихотворенія Вордсворта, но въ то время въ Англіи многіе негодовали на это. Дѣло дошло даже до дуэли между Муромъ и Джеффри и до площадной ссоры съ Байрономъ. Но безпристрастные люди понимали и теперь поймутъ, что Джеффри былъ правъ въ своихъ нападкахъ. Онъ нападалъ не на высокій талантъ всѣхъ этихъ великихъ писателей, а на злоупотребленіе его, на ложное направленіе. Онъ правъ былъ, упрекая Байрона въ этой похоронной печали, которая ведетъ къ ничтожеству и разслабляетъ душу. Онъ правъ былъ, обвиняя сочинителя *Little's Poëms* — Мура въ излишне-чувственной сантиментальности, Сутея—въ бездоказанныхъ ученыхъ ипотезахъ, Вордсворта—въ метафизическихъ преувеличеніяхъ. Нападки эти строги, но они послужили къ тому, что Вордсвортъ написалъ свои превосходные сонеты, Сутей—прекрасныя прозаическія сочиненія; они принудили Байрона отказаться отъ ничтожныхъ попытокъ создать изъ себя литературнаго Чайльд-Гарольда,

Digitized by Google

а Томаса Мура отучили отъ легкомыслія, заставя воспѣвать славу своего отечества.

Въ этомъ-то и состояла главная польза Эдимбургскаго Обозрѣнія и заслуга Джеффри. Слѣдуя во всемъ изящному вкусу, даже, можетъ-быть, съ излишнею строгостью, но всегда съ искреннею любовью къ истинѣ, оно развивало правила эстетическаго вкуса, никогда не прибѣгая ко лжи, къ измѣненію фактовъ, къ софизмамъ, часто превращающей достоинства въ пороки; однимъ словомъ: журналъ его былъ всегда основанъ на истинѣ и убѣжденіи, а не на разсчетѣ, не на пустыхъ теоріяхъ.

Прежде всего Джеффри долженъ былъ отвѣчать за нападки свои на лорда Байрона и Томаса Мура. Байронъ издалъ тогда свои: *Hours of idleness* (часы досуга) — слабое произведеніе юноши, выступающаго впервые на литературное поприще. Байронъ ничего еще не написалъ тогда достойнаго будущей своей славы, и Джеффри въ № 22 журнала своего справедливо указалъ на недостатки сочиненія. Гордый поэтъ оскорбился и написалъ сатиру: *Англійскіе Поэты и Шотландскіе Критики*, гдѣ досталось всѣмъ, и даже самой Англіи. Но зато Байронъ съ-тѣхъ-поръ писалъ только образцовыя произведенія, которымъ Джеффри первый отдавалъ справедливость.

Томасъ Муръ началъ еще хуже. Искаженный переводъ Анакреона и собраніе стихотвореній легкомысленныхъ, эротическихъ и дурнаго тона были первымъ его вступленіемъ на литературное поприще. Въ литературномъ и нравственномъ отношеніи Джеффри былъ правъ противъ Мура, но онъ не долженъ былъ смѣшивать сочиненія съ авторомъ. Муръ требовалъ личнаго удовлетворенія. Джеффри получилъ самый оскорбительный вызовъ и явился въ Лондонъ къ Томасу Муру.

Дуэль ихъ вездѣ описана. Еще недавно въ запискахъ лорда Джона Росселя и въ статьѣ лорда Кокброна о Джеффри, сообщены были всѣ подробности этого поединка. Оба противника оказали храбрость и благородство. Лордъ Байронъ (теперь это ужъ извѣстно) исказилъ происшествіе, разсказавъ, что у обоихъ пистолеты не были заряжены. Когда полиція остановила поединокъ, у Джеффри пистолетъ былъ ужъ заряженъ пулею.

Этотъ поединокъ не только примирилъ враговъ, но и подружилъ ихъ. Хотя характеры ихъ и не имѣли никакого сходства, но оба писателя были люди добрые и благородные. Послѣ примиренія за завтракомъ, Муръ объявилъ, что раскаявается въ своихъ дурныхъ стихахъ и обѣщалъ посвятить свой талантъ на другіе предметы; а Джеффри сказалъ, что очень-радъ будетъ случаю хвалить его за что-нибудь другое.

Когда, потомъ, коммерческія несчастія обрушились наМура, Джеффри спѣшилъ предложить ему свои услуги. Вотъ его письмо, самое деликатное и дружеское; оно писано къ другу Мура.

«Эдимбургъ, 30 іюля 1819 года. Я изъ газетъ узналъ извѣстіе, которое меня чрезвычайно огорчило, а именно: о несчастіи, случившемся съ нашимъ другомъ Муромъ. Не зная еще до какой степени простираются его потери, я почелъ за лучшее обратиться къ вамъ,

и прошу васъ сообщить мнѣ эти свѣдѣнія. Какія мѣры приняты пособить несчастью? Мнѣ бы хотѣлось знать, могу ли я быть чѣмъ-нибудь ему полезенъ? У меня, конечно, не много денегъ; но еслибъ можно было помочь ему 300—500 фунт. стер., я былъ бы счастливъ; даже я могъ бы достать сумму вдвое больше при малѣйшемъ обезпеченіи въ платежѣ, какъ бы онъ ни былъ отдаленъ. Но объ этихъ вещахъ нельзя говорить съ Муромъ по деликатному и благородному его характеру. Только чрезъ ваше посредничество можно его уговорить принять помощь. Удастся это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ желаю, чтобъ мое участіе было ему неизвѣстно. Скажите ему только, что я душевно соболѣзную о его несчастіи и былъ бы счастливъ, еслибъ могъ оказать ему какую-нибудь услугу. Я не имѣю права предлагать ему денегъ. Если мое содѣйствіе нужно, вы одни будете знать объ этомъ».

Какой прекрасный урокъ для тѣхъ журналистовъ, которыхъ все желаніе стремится къ тому, чтобъ разорить другихъ писателей!

Джеффри встрѣчался часто въ обществахъ съ тѣми лицами, которыхъ поражала его критика. Вордсвортъ, какъ настоящій *джентльменъ* понялъ, что въ общественной жизни ненадобно помнить литературныхъ ссоръ и всегда разговаривалъ съ Джеффри ласково и добродушно. Съ Кольриджемъ не могли они никогда сойдтись. Джеффри питалъ антипатію къ человѣку, преданному частому употребленію опіума. Сутей, съ своей стороны, увидѣвъ, что грозный критикъ не болѣе пяти футовъ ростомъ, безпрестанно смѣющійся и вертлявый, расхохотался и не понималъ, какъ можно уважать подобнаго человѣка.

Дѣйствительно, видъ и разговоръ Джеффри производилъ странное дѣйствіе. Низкій ростъ, быстродвижущіяся черты, насмѣшливый разговоръ, перемѣшанный съ учеными выходками и поэзіею—все это дѣлало его болѣе похожимъ на актера въ обществѣ, нежели на замѣчательнаго члена этого общества. Кто его лично зналъ, тотъ напрасно искалъ въ немъ строгаго критика и ученаго литератора, какимъ онъ былъ въ своемъ журналѣ.

Въ 1808 году слава журнала Джеффри была утверждена на самомъ прочномъ основаніи. Тогдашняя борьба Англіи противъ Наполеона усиливала вліяніе журнала виговъ. Чтобъ уравновѣсить вліяніе партій, Вальтеръ Скоттъ, Каннингъ и Джорджъ Эллисъ основали *Quarterly Review*.

Но вмѣсто того, чтобъ повредить журналу Джеффри, это изданіе еще болѣе подняло его, потому-что, видя это соперничество и цѣль его, Джеффри еще улучшилъ свой журналъ и сдѣлался осторожнѣе въ выборѣ статей и сотрудниковъ.

Послѣ 1805 года виги, основавшіе *Edimburg-Review*, вступили въ Англійское Министерство. Всѣ ожидали, что Джеффри воспользуется этимъ и послѣдуетъ за ихъ политикою. Всѣ ошиблись. Джеффри сохранилъ свою независимость и продолжалъ дѣйствовать съ такою же простотою и жаромъ, какъ прежде, не требуя ничего ни себѣ, ни друзьямъ своимъ. Видя это, политическіе люди обѣихъ партій забыли его, а общественное мнѣніе сохранило къ нему уваженіе. Онъ имѣлъ

Digitized by Google

ужъ достаточное состояніе и пользовался величайшимъ благомъ на землѣ — домашнимъ счастьемъ.

Вдругъ въ августѣ 1805 года умерла жена его. Всѣ его письма свидѣтельствуютъ, что онъ былъ въ отчаяніи отъ этой потери.

Но время и трудъ притупляютъ всѣ горести. Онъ съ жаромъ соперничалъ тогда съ *Quarterly Review*, превосходный составъ и редакція котораго заставляли его употреблять всѣ усилія, чтобъ безпрестанно улучшать свой журналъ.

Въ 1812 году пріѣхалъ въ Шотландію нью-йоркскій банкиръ Чарльсъ Вилькса съ дочерью, и Джеффри, влюбившись въ нее, сталъ свататься. Но какъ отецъ и дочь должны были внезапно возвратиться въ Америку, то Джеффри рѣшился поѣхать туда, чтобъ окончить сватовство. Это была большая жертва съ его стороны, потому-что онъ ненавидѣлъ море.

Эта поѣздка описана имъ самымъ трогательнымъ и комическимъ образомъ:

«Увы, увы! я въ морѣ (пишетъ онъ въ своемъ журналѣ) и до самой Америки не увижу клочка земли. Какъ тѣсенъ и жалокъ океанъ, когда на него смотришь не съ берега. Глазъ нашъ видитъ не далѣе семи миль вокругъ: къ-чему жь служитъ океану неизмѣримость его? Море теперь не шире испанскаго доллара и того же почти цвѣта. На всемъ океанѣ нѣтъ человѣческаго слѣда. Человѣкъ здѣсь безсиленъ; онъ умѣетъ только спасаться отъ воды и въ этомъ состоитъ его величайшее торжество. Земля принадлежитъ ему вся. Онъ срубилъ ея лѣса, покрылъ пажитями и городами, измѣнилъ самую атмосферу, произведенія земли; но, владычествуя на землѣ, онъ не могъ покорить моря; оно осталось въ томъ же видѣ, какъ въ первый день творенія; на немъ не осталось и слѣда мильйоновъ путешественниковъ, объѣздившихъ его. Никакая власть не измѣняетъ его движеній и вѣтровъ. Эта однообразная и движущаяся пустыня такова же и теперь, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, и на поверхности и на днѣ. Материки измѣняются безпрестанно, но обширность водъ—это неизмѣнная пустота...

«Мы выдержали шквалъ, который насъ, кажется, въ часъ перенесъ сто-тридцать миль. Они восхищаются этимъ, но мнѣ это вовсе не нравится. Нѣсколько часовъ стоялъ я на палубѣ, обливаемый пѣною волнъ. Ну, что тутъ хорошаго?»

Тихая погода также мало ему нравится, какъ и буря. «Кто меня спасетъ отъ этой тюрьмы, въ которой мы страдаемъ столько времени?.. Съ семи часовъ утра нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра. Тихо, безмолвно — томительно! Еслибъ я былъ на сухомъ пути, какъ бы хорошо я насладился этою прекрасною погодою, этимъ тихимъ, кроткимъ, прелестнымъ днемъ! Какъ бы я восхищался этими облаками! Теперь у вѣтра нѣтъ столько силы, чтобъ пошевелить досками, на которыхъ мы плывемъ; а тамъ его достаточно было бы, чтобъ освѣжить лицо гуляющаго и шевелить листочками деревьевъ. Здѣсь же лѣниво приподнимаются наши саваны, называемые парусами, и вѣтеръ приноситъ только отвратительный запахъ свинины, которую

Digitized by Google

жарятъ на корабельной кухнѣ. Исчислять ли всѣ удовольствія морской ѣзды? 1–е, холодно, голова кружится, аппетитъ пропадаетъ, безпрестанно тошнитъ; 2–е, всякій боится утонуть и раскаявается, что добровольно подвергся такому роду смерти; 3–е, невозможно ходить даже отъ кровати къ столу, не опасаясь сломить себѣ шею; 4–е, безпрестанный страшный шумъ: доски трещатъ, мачты скрипятъ, веревки свищутъ, паруса хлопаютъ, вѣтеръ воетъ, волны ревутъ и осыпаютъ пѣною; 5–е, всегдашнее столкновеніе съ непріятными людьми, которыхъ вы должны видѣть и обонять, не имѣя возможности избавиться отъ нихъ. Тамъ плачущія дѣти, тутъ болтливыя старухи, тамъ безмолвные сосѣди, тутъ прыгающій французъ, тамъ ругающійся матросъ, тутъ вѣчнокурящіе испанцы, и все это надъ вашею спиною, у вашихъ ногъ; 6–е, раздражительная неизвѣстность о своей участи, потому–что никогда не знаешь, что̀ случится, и сдѣлавъ сегодня полтораста миль, неизвѣстно не отброситъ ли тебя завтра на столько же назадъ; будешь плыть три мѣсяца, или три недѣли? 7–е, ужасная корабельная кухня и аппетитъ тѣхъ людей, которые ѣдятъ эту стряпню. 8–е, однообразіе и скука пейзажа: темный горизонтъ, черновеленая вода, грязная пѣна, мутныя волны. Водяныя горы, о которыхъ говорятъ поэты—пустая выдумка: это бѣдные холмы въ двадцать футовъ вышины и до шестидесяти ширины; изрѣдка черныя птицы разсѣкаютъ темноту. На маленькомъ суднышкѣ я бы, конечно, очень трусилъ, а теперь, все это было жалко, смѣшно, мелочно, скучно — и только. Никакой растительности, никакого чувства жизни, никакого воспоминанія, ни разнообразія. Закатъ солнца болѣе ужасенъ, нежели великолѣпенъ. Море остается во мракѣ, на произволъ бури и грозы и наводитъ какой–то страхъ.»

Возвратясь въ Англію съ своею невѣстою, Джеффри принялъ опять редакцію своего журнала. Война ужь была кончена; состояніе его было достаточное. Адвокаты избрали его президентомъ своего сословія, а въ 1830 году, когда виги снова одержали побѣду, онъ сдѣланъ былъ лордомъ–адвокатомъ. Наконецъ, вступилъ онъ въ члены Нижняго Парламента. Съ этой минуты передалъ онъ свой журналъ въ другія руки, посвятивъ себя политическому поприщу.

Джеффри было ужь шестьдесятъ лѣтъ. Отъ работъ въ тиши кабинета до ораторства далеко. Несмотря на все свое дарованіе, онъ чувствовалъ, что былъ не на своемъ мѣстѣ.

По новому своему званію, долженъ онъ былъ знакомиться со многими политическими знаменитостями. Любопытенъ его разсказъ о Талейранѣ.

«Я былъ удивленъ (говоритъ онъ), найдя, что князь такъ простъ, нецеремоненъ и уменъ въ самыхъ мелочахъ. Спокойный тонъ лучшаго общества, совершенно–противоположный обыкновеннымъ острякамъ; благородное, снисходительное, ласковое обхожденіе со всѣми; бездна милыхъ разсказовъ и воспоминаній о дворѣ Людовика XVI, о Мальзербѣ, Тюрго, пропасть дипломатическихъ анекдотовъ, и все это разсказанное самымъ наивнымъ и любезнымъ видомъ — вотъ Талейранъ. За обѣдомъ пилъ онъ только воду со льдомъ, очень–мало ѣлъ,

Digitized by Google

но занимался гастрономіею и разспрашивалъ насъ о составленіи шотландскаго супа *cocky-leekie*; а какъ супъ этотъ приготовляется съ грушами, то главный вопросъ его состоялъ въ томъ: варятся ли груши вмѣстѣ съ супомъ?

Бѣдный Джеффри! онъ вѣрилъ наивности Талейрана.

Парламентское поприще Джеффри было непродолжительно. Онъ вскорѣ же съ удовольствіемъ возвратился въ свои родныя горы и наслаждался прогулкою по нимъ во всякую погоду.

Въ 1834 году открылась вакансія лорда-судьи. Ему предложили ее, и онъ принялъ; даже враги отдавали ему потомъ справедливость въ прямодушіи, твердости и безпристрастіи.

Шестнадцать лѣтъ провелъ онъ въ этомъ званіи и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Жилище его Крегкрукъ, лежащее на склонѣ романтическаго холма Карстерфейна, было перестроено, распространено, украшено. Съ этой высоты видъ былъ великолѣпный: Фрейтфортъ, Пертекія и Стирлингскія Горы представляли обворожительный ландшафтъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свой образъ жизни:

«Мнѣ шестьдесятъ-пять лѣтъ. Я совершенно счастливъ и спокоенъ въ моемъ уединеніи. Я завтракаю въ кабинетѣ, освѣщенномъ тремя большими окнами; въ одно вижу я отдаленное море сквозь сводъ дубовъ; потомъ читаю газеты съ удовольствіемъ жителя необитаемаго острова; послѣ этого иду гулять въ лѣсъ, гдѣ читаю Шекспира, Флетчера, Китса, или Шеллея. Сажусь противъ моря и смотрю на проходящіе пароходы, яхты, любуясь то на облака, то на волны — все это такъ пріятно! Вы помните, что Сципіонъ и Лелій философствовали, собирая камешки и раковины на берегу моря? Все съ тѣхъ поръ перемѣнилось на свѣтѣ, но раковины и камешки остались тѣ же. А впрочемъ, честный человѣкъ, который на старости покоится отъ трудовъ, можетъ думать то же, что думали древніе Римляне.»

Джеффри умеръ 26 января 1850 года на 77 году, сохранивъ свѣжесть ума до послѣдней минуты. Вся Шотландія отдала дань уваженія его памяти и воздвигла ему монументъ.

(Revue Contemporaine).

МЕХИКА.

(Статья Амнера.)

Переѣздъ изъ Гаваны въ Вера-Крусъ. — Вера-Крусъ. — Отъѣздъ въ Мехику. — Разбойники. — Праздникъ въ ранчо. — Пріѣздъ въ Мехику. — Древній и современный городъ. — Климатъ и народонаселеніе. — Индійцы. — Отсутствіе безопасности. — Аламеда. — Сцены древней жизни Ацтековъ. — Соборъ. — Мехиканскій календарь. — Мехиканская архитектура. — Концерты. — Образованіе женщинъ. — Училище Сан-Хуана де-Латрана. —

Digitized by Google

Школа рисованія. — Состояніе республики. — Музей мехиканскихъ древностей. — Мехиканскіе іероглифы и діалекты. — Сходство послѣднихъ съ языкомъ китайскимъ. — Происхожденіе Ацтековъ. — Варварство въ просвѣщеніи. — Мехика во время Кортеса. — Окрестности Мехики. — Чапультепекъ. — Гваделупская церковь. Рудокопни въ Реаль дель-Монте. — Англійская Компанія. — Мехиканская литература. — Междоусобія. — Прорытіе Панамскаго Перешейка. — Разбойники. — Пуэбла. — Анекдоты о послѣдней войнѣ. — Пирамиды Чолулы и пирамиды египетскія. — Гередія. — Оризаба. — Жаркая земля. — Балъ въ ранчо. — Отправленіе въ Европу. — Жизнь на кораблѣ. — Положеніе Мехики.

17-е января 1852 года, въ морѣ.

До-сихъ-поръ я всегда ѣздилъ на пароходахъ и почти забылъ, что существуетъ другой способъ переѣзжать моря. Мореплаваніе на парусныхъ судахъ, кажется, въ настоящее время чѣмъ-то необыкновеннымъ, несовершеннымъ, и къ нему прибѣгаютъ только въ случаѣ крайней необходимости. Увѣренность въ томъ, что можно пріѣхать въ заранѣе-опредѣленный день, составляетъ большое удобство, и, напротивъ, такъ неудобно не знать, сколько времени прійдется пробыть въ морѣ. Однако парусъ имѣетъ свои достоинства: онъ живописнѣе, и я радъ случаю познакомиться съ нимъ. Въ немъ есть своего рода прелесть, которую не знаютъ на пароходѣ. Парусное судно не производитъ такого шума, какъ машина и колеса. Паръ имѣетъ необыкновенную силу: онъ преодолѣваетъ всѣ препятствія, стремясь прямо къ цѣли, какъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, побѣждающимъ все, что ему сопротивляется. Парусъ старается избѣгнуть препятствій или уступаетъ имъ нѣсколько, чтобъ скорѣе побѣдить ихъ, и опираясь даже на противный вѣтеръ, подвигается впередъ маневрами искусно-направленными.

Въ полудремотѣ, съ книгою въ рукахъ, я вижу какъ удаляются горныя вершины Кубы. Главное событіе дня на морѣ — закатъ солнца; сегодня онъ былъ великолѣпенъ; опускаясь и поднимаясь, парусъ то скрывалъ, то открывалъ чудное зрѣлище. Когда наступила ночь, улегшись внизу у большой мачты, я долго разсматривалъ звѣзды, которыя, казалось, качались вокругъ мачты; воздухъ былъ тихъ, небо и море неподвижны.

20-е января.

Тихо и неподвижно. Я понимаю теперь всю силу этого выраженія. Море походитъ на расплавленный свинецъ; оно имѣетъ его цвѣтъ и, кажется, такую же плотность. Корабль не плыветъ, но и не стоитъ на мѣстѣ; онъ качается по произволу, наклоняется то въ одну сторону, то въ другую, и тяжело опирается на воздухъ своими распущенными парусами; онъ походитъ на раненую птицу, шевелящую полуразбитыми крыльями. Скучно качаться и шевелиться не чувствуя, что подвигаешься впередъ. Ничто не можетъ разсердить такъ, какъ эта тишь и томительная неподвижность.

Digitized by Google

22-е января.

Наконецъ, мы въ пятнадцати миляхъ отъ Вера-Круса. Мы будемъ тамъ завтра, если подуетъ сѣверный вѣтеръ и, можемъ-быть, также черезъ три недѣли, потому-что когда поднимается сильный вѣтеръ, часто свирѣпствующій въ это время года, невозможно пристать къ Вера-Крусу, рейдъ котораго самый опасный въ цѣломъ мірѣ, если только можно назвать рейдомъ мѣсто, расположенное такимъ образомъ, что при сѣверномъ вѣтрѣ надо удаляться отъ него, не теряя ни одной минуты, потому-что одной минуты промедленія достаточно, чтобъ ударить корабль о подводные камни. Путешественникамъ наказываютъ, чтобъ они торопились переносить свои вещи, иначе можетъ случиться, что, не успѣвъ захватить ихъ съ собой и едва только сойдя на землю, они увидятъ, что корабль удаляется съ ихъ имуществомъ и будетъ лавировать въ виду города покамѣстъ не утихнетъ сѣверный вѣтеръ. На этотъ разъ, однакожь, мы были избавлены отъ сѣвернаго вѣтра и подъѣхали къ зàмку Сан-Хуан-д'Уллоа, напоминающему Францію. Онъ былъ недавно взятъ нашими солдатами и построенъ однимъ французомъ, по имени Граньеррь. Этотъ укрѣпленный зàмокъ не защитилъ Вера-Круса ни отъ французовъ, ни отъ американцевъ Соединенныхъ Штатовъ. Я рѣшительно не знаю, къ чему онъ служитъ и соглашаюсь съ мнѣніемъ нашего капитана, говорившаго, что сдѣлали бы хорошо, еслибъ сбросили это укрѣпленіе на землю, или, еще лучше, въ воду, чтобъ образовался каменный валъ, который укрѣпилъ бы рейдъ Вера-Круса. Въ настоящую минуту передъ нами разстилаются остовы по-крайней-мѣрѣ двадцати кораблей, выброшенныхъ на берегъ въ одинъ день сильнымъ, порывистымъ вѣтромъ. Гумбольдтъ говоритъ: чтобъ пріѣхать въ Вера-Крусъ, надо выбирать между временемъ бурь и временемъ желтой лихорадки. Если выбирать изъ двухъ золъ—все же лучше бури.

Вера-Крусъ, 24-го января.

Наконецъ мы въ Мехикѣ. Извѣстно, что Вера-Крусъ классическая страна желтой лихорадки, какъ Нижній Египетъ страна чумы. Къ нашему счастью, въ это время года этотъ бичъ менѣе всего свирѣпствуетъ; но все-таки будетъ благоразумнѣе оставаться тутъ какъ можно менѣе. На двѣ мили отъ города опасность ужь гораздо менѣе; въ самомъ же городѣ, гдѣ эта болѣзнь общая, какъ и въ Гаванѣ, названіе черной рвоты (vomito negro) преслѣдуетъ чаще всего иностранцевъ. Иногда она поражаетъ ихъ во время быстраго переѣзда черезъ этотъ городъ, какъ невидимая пуля. Случалось, что путешественники, пріѣхавшіе изъ внутреннихъ странъ, переносимые чрезъ Вера-Крусъ въ носилкахъ и отправлявшіеся на кораблѣ въ тотъ же часъ, умирали на морѣ отъ желтой лихорадки. Поэтому мы и взяли мѣста на завтрашній день въ дилижансѣ, отправлявшемся въ Мехику.

Что касается до разбойниковъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ они появляются рѣже въ Италіи и Испаніи, туристы должны искать ихъ здѣсь. Говорятъ, что дилижансъ останавливаютъ всегда между Вера-Крусомъ и Мехикой; это только часто случается. Путешествующіе по Мехикѣ,

Digitized by Google

какъ говоритъ одно мехиканское стихотворенiе, должны начинать съ — духовной. Впрочемъ, рѣдко случается, чтобъ разбойники убивали путешественниковъ, которые не защищаются: они ограничиваются обыкновенно тѣмъ, что обираютъ ихъ, и потому всѣ обыкновенно заботятся о томъ, чтобъ взять въ дорогу только необходимое и не брать много денегъ; надобно имѣть при себѣ франковъ пятьдесятъ, чтобъ не быть схваченнымъ съ пустыми карманами, что очень можетъ разсердить воровъ и навлечь путешественникамъ непрiятности. Тѣ, которые не приняли этой предосторожности, дорого поплатились за это. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ мехиканскихъ улицахъ были прибиты слѣдующiя объявленiя: «Атаманъ разбойниковъ, узнавъ, что путешественники остерегаются брать съ собою значительныя суммы, предупреждаетъ ихъ, что тѣ, у которыхъ онъ не найдетъ двѣнадцати пiастровъ, будутъ сильно биты». Иногда разбойники привязываютъ путешественниковъ къ дереву и прибѣгаютъ къ разнымъ истязанiямъ; и потому благоразумно приготовиться заранѣе къ подобной встрѣчѣ и не заботиться объ этомъ тогда только, когда нѣсколько путешественниковъ, знакомыхъ между собою, уговорятся вооружиться хорошими карабинами; въ такомъ случаѣ рѣдко нападаютъ мошенники; но когда вооружены одинъ или два путешественника, они не внушаютъ страха этимъ шайкамъ, обыкновенно довольно-многочисленнымъ, и ставятъ въ большую опасность своихъ невооруженныхъ спутниковъ. Надо, чтобъ всѣ были вооружены, или никто. Конвой ѣдетъ верхомъ, впереди или позади дилижанса, на такомъ разстоянiи, чтобъ не мѣшать разбойникамъ, и является въ ту минуту, когда они ужъ убѣжали, ограбивъ путешественниковъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо брать конвой, потому-что лица, составляющiя его, часто уговариваютъ разбойниковъ и доказываютъ имъ, что не всегда надо останавливать путешественниковъ, которыхъ они охраняютъ, иначе не станутъ никогда брать конвоя. Когда же дѣйствительно не берутъ его, то конвоирующiе увѣдомляютъ разбойниковъ о томъ, что на этотъ разъ незачѣмъ щадить скупыхъ путешественниковъ.

Вера-Крусъ построенъ правильно. Улицы довольно-широки, чистота здѣсь поддерживается маленькими черными коршунами, которыхъ встрѣчаютъ на каждомъ шагу и которые оказываютъ здѣсь тѣ же услуги, какъ и въ Египтѣ, съѣдая всѣ нечистоты. Ихъ лапки покрыты перьями и они бѣгаютъ по улицамъ, какъ человѣкъ, у котораго надѣты на ногахъ манжеты. Они поселяются на крышахъ домовъ, живя мирно со всѣми птицами. Я видѣлъ, какъ ласточки безъ боязни летали вокругъ нихъ.

Здѣсь Кортесъ въ первый разъ вступилъ на мехиканскую землю. На нѣсколько миль отъ мѣста, гдѣ нынѣ находится Вера-Крусъ, онъ положилъ основанiе городу, который назвалъ *Богатымъ Городомъ Креста*, подразумѣвая въ этомъ выразительномъ названiи два чувства, побуждавшiя его спутниковъ къ завоеванiямъ: жажду золота и религiозный энтузiазмъ. Измѣнивъ нѣсколько названiе, городъ сохранилъ только благородную часть своего прежняго имени.

Digitized by Google

При выѣздѣ изъ Вера-Круса, вы встрѣчаете пески и болота, видъ которыхъ скученъ и утомителенъ. Чтобъ переправиться чрезъ эти пески, карета ставится на желѣзныя рельсы, потомъ снова вы ѣдете по дорогѣ, и восемь муловъ галопомъ уносятъ васъ чрезъ огромныя нивы, заставляя вспомнить окрестности Рима и саванны Соединенныхъ Штатовъ. Ночь удушлива и сыра; вдругъ, посреди уединенія, вы слышите звуки гитары. Мы остановились передъ *ранчо* — такъ называютъ жилища индійцевъ. Эти *ранчо* построены изъ камыша, что̀ дѣлаетъ ихъ похожими на курятники. Передъ *ранчо* происходили танцы по случаю карнавала.

26-го января.

Ночью мы начали подниматься въ гору. Воздухъ сдѣлался легче. Вдали подымалась вершина Оризаба при блескѣ восходящаго солнца. Ея волканическая форма и снѣжная вершина напоминаетъ нѣсколько Этну; но она почти вдвое выше послѣдней горы. Это Везувій зимою, поставленный на Монбланъ.

Дорога развивается между тысячами растеній совершенно-новыхъ для меня. Я замѣчаю деревья, покрытыя красивыми цвѣтами, которыя въ нашемъ климатѣ обыкновенно растутъ въ теплицахъ, а здѣсь красуются на открытомъ воздухѣ. По-временамъ встрѣчается бѣдная индіанка, несущая за спиной, кромѣ ноши, привязанной къ ремню, сжимающему ея лобъ, своего ребенка, обернутаго въ грязную тряпку. Я еще въ первый разъ вижу въ Америкѣ народонаселеніе совершенно-отличающееся по наружности отъ европейскихъ народовъ. Сколько костюмовъ и жилищъ, непохожихъ на наши! Надо идти очень-далеко, даже въ Америкѣ, чтобъ встрѣтить что-нибудь новое.

Мы достигли Ялапы, окрестности которой восхитительны, и которая есть отечество ялапнаго корня, извѣстнаго всему страждущему міру. Это аптекарское названіе нѣсколько портитъ въ моемъ воображеніи прелесть долинъ, наполненныхъ апельсинными деревьями и веселаго пейзажа, посрединѣ котораго помѣщенъ городъ. За Ялапою природа является въ гигантскихъ размѣрахъ и принимаетъ болѣе-грозный видъ. Горы походятъ на Андалузскія, только плодороднѣе.

Зелень деревьевъ кажется не такой темной; однакожь, приближаясь къ Перротѣ, температура воздуха напоминаетъ Сѣверъ. Странная противоположность, свойственная возвышенностямъ тропическихъ странъ! Вчера мы задыхались отъ болотистыхъ испареній, окружающихъ Вера-Крусъ, сегодня дрожимъ отъ холода, какъ на возвышенностяхъ Альповъ.

Дорога безпрестанно мѣняетъ картины, кромѣ вѣчныхъ волканическихъ вершинъ, возвышающихся величественно на подвижномъ горизонтѣ; потомъ снова обдаетъ васъ жгучій жаръ.

То дорога, едва-протоптанная, идетъ между камнями и скалами, то встрѣчаются остатки древней дороги, проложенной испанцами, и тогда ѣдешь немного покойнѣе. Такимъ образомъ достигаютъ до втораго города Мехики, *Puebla de los Angelos.*

Индійцы, которыхъ я встрѣчаю на дорогѣ, довольно-некрасивы;

Digitized by Google

они толеты и приземисты. Краснокожіе лучше сложены; въ чертахъ ихъ болѣе гордости и мужественности. Кожа мехиканскихъ индійцевъ отливаетъ желтозеленымъ цвѣтомъ, довольно-непріятнымъ. Этотъ цвѣтъ подгорѣвшаго пряника показался мнѣ общимъ, исключая нѣкоторой разницы въ оттѣнкахъ, болѣе или менѣе-темныхъ.

Приближаясь къ столицѣ Мехики, дорога идетъ между двумя озерами, Чалео и Тезкуко. Они имѣютъ видъ лагунъ. На берегу стадо бѣлыхъ лебедей тѣснится какъ овцы. Равнина, окружающая Мехику, нѣкогда была дномъ большаго озера. Два существующія нынѣ озера составляютъ остатки огромной массы водъ, омывавшей подошвы этихъ высокихъ горъ.

Наконецъ мы въѣзжаемъ въ Мехику. Странныя чувства овладѣваютъ сердцемъ при видѣ города, находящагося за двѣ тысячи миль отъ Европы, на семь тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, имѣющаго полтораста тысячъ жителей и напоминающаго европейскіе города; на краю свѣта можно найдти историческія воспоминанія и еще какія воспоминанія!

Видъ Мехики не поражаетъ вдругъ, какъ можно было ожидать. На городѣ нѣтъ такого испанскаго типа, какъ на Пуэбло; но, пройдя по длиннымъ и широкимъ улицамъ, пересѣкающимъ Мехику на всемъ ея протяженіи, встрѣчая разноцвѣтные куполы монастырей и церквей, начинаешь чувствовать прелесть этого отдаленнаго, удивительнаго города, лежащаго на высотѣ монастыря горы Сен-Бернара. Сегодня чудная ночь; обширныя улицы Мехики освѣщены луной; большая площадь кажется еще огромнѣе. Съ обѣихъ сторонъ она окружена зданіями; напротивъ меня возвышается соборъ за рядомъ деревьевъ, на мѣстѣ древняго мехиканскаго храма; дворецъ президента и палаты тянутся направо отъ меня длинной бѣлой полосой. Къ-несчастью, всѣ эти зданія, недовольно-высоки для площади, одной изъ самыхъ пространныхъ и правильныхъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Почти всѣ улицы идутъ подъ прямымъ угломъ, какъ улицы Нью-Йорка и Филадельфіи. Эта симетрія наслѣдуетъ здѣсь древней цивилизаціи ацтековъ.

Кортесъ, уничтоживъ городъ Монтезумы, построилъ свой по тому же плану. Части нынѣшняго города соотвѣтствуютъ четыремъ частямъ древней столицы. Этотъ городъ былъ построенъ съ самой точной симетріей и раздѣленъ на четыреугольники и параллелограмы.

Первоначальная Мехика была пересѣчена каналами, какъ Венеція, или, лучше сказать, какъ города Голландіи, потому-что между каналомъ и домами существовали все-таки дороги для прохожихъ. Нынѣ каналы видны только въ одной части города, въ другихъ же мѣстахъ они совсѣмъ исчезли, но еще существуютъ подъ мостовою на улицахъ, замѣнившихъ ихъ и обозначающихъ направленіе каналовъ. Повсюду необыкновенное и странное клонится къ-тому, чтобъ совсѣмъ исчезнуть. Въ предмѣстьяхъ города кучи грязи и застоявшаяся, гніющая вода: это лучше всего доказываетъ, какъ здоровъ воздухъ Мехики. Вездѣ, въ другомъ мѣстѣ эти лужи стоячей воды развили бы тысячу болѣзней; но на восьми тысячахъ футовъ надъ поверхностью

Digitized by Google

моря, на высотѣ, составляющей среднюю высоту Альповъ, атмосфера такъ чиста, что болѣзни, часто появляющіяся въ низменныхъ частяхъ страны, вовсе незнакомы здѣсь. Только воздухъ Мехики вреденъ для слабой груди, которая не можетъ свободно дышать въ такой рѣдкой атмосферѣ. Лѣтомъ атмосфера эта еще болѣе очищается грозами, случающимися почти ежедневно. Впрочемъ, климатъ Мехики очень здоровъ; онъ также пріятенъ тѣмъ, что не доходитъ до крайности ни жара, ни холода, и составляетъ въ этомъ отношеніи совершенный контрастъ съ рѣзкими перемѣнами климата въ Соединенныхъ Штатахъ. Его главное неудобство состоитъ въ томъ, что впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вмѣсто постоянныхъ дождей, какъ это обыкновенно бываетъ въ тропическихъ странахъ, здѣсь идетъ каждый день сильный дождь около полудня.

Здѣсь, какъ въ Египтѣ, воздухъ чистъ, но чрезвычайно-сухъ. Сигары ломаются такъ, какъ наши соломенныя шляпы ломаются на берегахъ Нила. Здѣсь не знаютъ, что̀ такое сырость; эта чрезвычайная сухость и лѣтнія ежедневныя бури утомляютъ нѣжные организмы, особенно людей слабонервныхъ, которые вообще не могутъ жить въ Мехикѣ. Здѣсь есть особенность, которой не найдете нигдѣ въ Соединенныхъ Штатахъ: въ концѣ каждой изъ здѣшнихъ улицъ, широкихъ и прямыхъ, видишь гору, какъ въ городкахъ альпійскихъ или пиренейскихъ; но здѣсь зрѣлище поразительнѣе, потому-что находишься въ городѣ, гдѣ полтораста тысячъ жителей.

Предмѣстья пустынны и имѣютъ довольно-жалкій видъ. Пускаться въ нихъ вечеромъ надобно не иначе, какъ съ предосторожностями. Случается иногда, что у городской заставы въ двадцати шагахъ отъ васъ проѣзжаетъ человѣкъ верхомъ и вдругъ набрасываетъ на васъ lazo—родъ аркана; имъ онъ ловитъ васъ, какъ быка, или дикую лошадь, тащитъ и убиваетъ васъ нѣсколько дальше, на свободѣ. Одинъ англійскій путешественникъ разсказываетъ, что онъ съ большимъ трудомъ избѣгнулъ этой опасности. Lazo въ искусныхъ рукахъ можетъ быть смертельнымъ оружіемъ, поэтому длятого, чтобъ имѣть право носить его при себѣ, надо имѣть позволеніе.

Мехика больше похожа на столицу, нежели какой-нибудь городъ Испаніи, не исключая и Мадрида. Украшенная многочисленными колокольнями, окруженная обширной равниной, оканчивающейся горами, Мехика напоминаетъ нѣсколько Римъ и еще нѣкоторые города Европы, но отличается отъ каждаго изъ этихъ городовъ. Французовъ довольно-много въ Мехикѣ. Они занимаются мастерствомъ золотыхъ дѣлъ и модами, дѣлаются сапожниками, поварами, парикмахерами, достаютъ много денегъ въ короткое время и, по обыкновенію, составивъ себѣ состояніе, оставляютъ эту страну и возвращаются на родину. Также живетъ здѣсь значительное число англійскихъ купцовъ; вообще они располагаются тамъ очень-удобно. Я также встрѣчалъ нѣмецкихъ купцовъ, въ-особенности изъ Гамбурга.

Индійцы составляютъ главное народонаселеніе внутренности страны и подъ именемъ нанятыхъ служителей, дѣлаютъ то же, что прежде дѣлали негры. Индійцы отъ природы кротки и тихи, но, при случаѣ,

Digitized by Google

способны на отважность, даже на жестокость. Тѣ, которые живутъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, сохранили много суевѣрныхъ обрядовъ, остатковъ древней религіи ихъ отцовъ.

Вечеромъ на улицахъ Мехики встрѣчается много дамъ, прогуливающихся въ каретахъ, и кавалеровъ верхомъ; клубящаяся пыль дѣлаетъ положеніе пѣшехода не очень-пріятнымъ. Кареты показались мнѣ тяжелыми; онѣ почти всегда закрыты и далеко не такъ оригинально-щеголеваты, какъ кареты въ Гаванѣ. Между гуляющими, нѣкоторые носятъ механскій костюмъ: шляпу съ широкими полями, широкіе панталоны съ металлическими пуговицами, разрѣзаные на бокахъ внизу и большія шпоры. Этотъ костюмъ очень-живописенъ, но похожъ на разбойничій, и въ этомъ случаѣ наружность не всегда бываетъ обманчива. Одинъ французъ прогуливался здѣсь передъ наступленіемъ ночи; какой-то всадникъ, увѣрившись, что вокругъ никого не было, бросился на него и приставилъ конецъ шпаги къ его груди. У француза были, по-счастью, пистолеты (прогуливаться безъ оружія опасно); онъ направилъ пистолетъ на разбойника, который легъ на свою лошадь и ускакалъ. Французъ пожаловался, описывая примѣты разбойника. «Это сдѣлалъ такой-то человѣкъ (отвѣчалъ судья); онъ одинъ способенъ на подобную наглость». — «Такъ пусть его возьмутъ и судятъ».—«О, нѣтъ; его нельзя взять: это опасный человѣкъ. Зачѣмъ вы, просто, не убили его?»

Въ-самомъ-дѣлѣ, это одно средство правосудія въ этой странѣ; всякій защищаетъ самъ себя: только надобно стараться убить своего противника: если вы раните его, онъ, рано или поздно, отмститъ вамъ и, сверхъ-того, если вы иностранецъ, то полвергаетесь наказанію за оскорбленіе мехиканскаго гражданина. Меня увѣряли, что одинъ французъ просидѣлъ въ тюрьмѣ три мѣсяца за то, что ударилъ палкой индійца, бросившагося на него съ ножомъ въ рукахъ. Вотъ каково правосудіе въ Мехикѣ! Одинъ извѣстный воръ говорилъ: «никогда не приговорятъ васъ къ наказанію, если вы можете дать двадцать-пять піастровъ. Немудрено, что воровства и убійства случаются очень-часто въ Мехикѣ. Не такъ давно одинъ частный человѣкъ былъ убитъ среди бѣлаго дня, у себя въ домѣ, разбойниками, въ двухъ шагахъ отъ дворца, гдѣ живетъ президентъ и гдѣ сбираются палаты. Вчера, одинъ отличный докторъ, любимый въ этой странѣ, поѣхалъ верхомъ къ больному, живущему у городскихъ воротъ и предложилъ женѣ своей ѣхать съ нимъ для прогулки. Онъ былъ убитъ въ присутствіи жены и дѣтей. Воры были схвачены. Эта смерть привела въ волненіе весь городъ и, къ удивленію всѣхъ, увѣряли, что убійцы приговорены будутъ къ смерти. Но это была напрасная надежда. Вернувшись въ Европу, я узналъ чрезъ журналы, что убійцъ освободили. Вотъ въ какомъ состояніи народная безопасность Мехики! Солдаты верхомъ, стоящіе на часахъ посреди площадей, поставлены скорѣе длятого, чтобъ стѣснять прогуливающихся, нежели для соблюденія порядка между экипажами.

Въ Мехикѣ есть много мѣстъ для прогулки, называемыхъ *аламедой*. Каждый городъ въ Испаніи имѣетъ также свою *аламеду*. Это гра-

Digitized by Google

ціозное названіе можно было бы принять за арабское; оно имѣетъ, однакожь, латинское происхожденіе и означаетъ мѣсто, гдѣ насажены вязы.

Въ тѣхъ частяхъ Мехики, гдѣ существуютъ старые каналы, являются на нихъ, въ извѣстные дни, лодки съ цвѣтами и фруктами, которые везутъ продавать на рынкѣ; ихъ привозятъ рано утромъ индійцы или индіанки. Это переноситъ васъ къ ежедневнымъ занятіямъ ацтековъ. Все это происходило точно такъ же и до завоеванія Мехики: передъ вами часть картины, которая поразила Кортеса и его спутниковъ. Рынокъ съ фруктами представляетъ зрѣлище въ такомъ же родѣ. Это первый рынокъ въ цѣломъ мірѣ, потому-что нигдѣ, кромѣ Мехики, вы не найдете такого собранія плодовъ различныхъ климатовъ. Здѣсь вы видите, напримѣръ, вишни возлѣ ананасовъ и индійскихъ смоквъ.

Единственные памятники, достойные этого имени, украшающіе большую площадь въ Мехикѣ — соборъ и *Sagrario*, мѣсто, гдѣ крестятъ и вѣнчаютъ. Внутренность собора незамѣчательна. Снаружи вы узнаете испанскую архитектуру двухъ послѣднихъ вѣковъ; украшенія фасада *Sagrario* въ-особенности сложны и изъисканны. Мехиканская архитектура — это испанскій вкусъ, утрированный дикою фантазіей.

На мѣстѣ, гдѣ возвышается соборъ, находился большой *teocalli*, или мехиканскій храмъ. Вокругъ пирамиды, надъ которой устроена часовня, расположены семьдесятъ зданій, гдѣ живутъ священники и церковная прислуга. Въ стѣну собора вдѣланъ знаменитый мехиканскій календарь, найденный, недалеко отсюда, съ статуею богини смерти, и камнемъ, служившимъ для жертвоприношеній. Первый изъ этихъ памятниковъ, кажется, составляетъ только часть куска, болѣе-значительнаго и, содержитъ въ себѣ только половину года. Вѣсомъ онъ около пятидесяти тысячъ фунтовъ. Посрединѣ изображено солнце, главное божество мехиканцевъ, въ видѣ головы, въ прямомъ положеніи. Кругомъ изображены двадцать солнечныхъ мѣсяцевъ, по восьмнадцати дней въ каждомъ. Мехиканскій годъ состоялъ изъ трехсотъ шестидесяти-пяти дней, считая въ этомъ числѣ и пять дополнительныхъ дней: это былъ годъ египтянъ; а такъ-какъ настоящій годъ длиннѣе шестью часами, то этотъ календарь, такъ-какъ и всѣ другіе, требовалъ поправки. Извѣстно, какъ составленъ былъ нашъ календарь съ високосными годами, прибавляющими черезъ четыре года по одному дню послѣ двадцать-восьмаго февраля, и отнимающими этотъ дополнительный день у послѣдняго года черезъ три вѣка на четвертый. Египтяне замѣняли разницу года въ триста шестьдесятъ-пять дней и настоящаго года ихъ — періодомъ въ тысячу четыреста шестьдесятъ лѣтъ, въ концѣ котораго оба года уравнивались. Мехиканцы, въ концѣ пятидесяти-двухъ лѣтъ прибавляли поочередно двѣнадцать и тринадцать дней, что̀ и составляло двадцать-пять дней по прошествіи ста-четырехъ лѣтъ, послѣ чего, годъ въ триста-шестьдесятъ-пять дней приводился къ настоящему. Эти четыреста лѣтъ составляли большой мехиканскій періодъ лѣтосчисленія.

Digitized by Google

Тогда міръ ихъ какъ-будто начиналъ новую жизнь; они возобновляли всѣ предметы ихъ богослуженія, даже мёбель и домашнюю утварь, и зажигали вновь священный огонь въ своихъ храмахъ. Такова была система мехиканскаго календаря.

Возвращаюсь къ описанію астрономическаго камня Мехики. Вокругъ солнца означены символами четыре другія солнца, которыя, по мнѣнію мехиканцевъ, предшествовали нашему солнцу и исчезли прежде него; за уничтоженіемъ каждаго изъ этихъ солнцевъ слѣдовало истребленіе рода человѣческаго. Въ первый разъ люди были съѣдены тиграми, вслѣдствіе неурожаевъ; во второй разъ сильный вѣтеръ опрокинулъ ихъ домы и люди, превращенные въ обезьянъ, разнесены въ разныя стороны этимъ вѣтромъ; въ третій разъ ихъ охватилъ огонь и они сдѣлались птицами; наконецъ, въ четвертый разъ они превратились въ рыбъ. Настоящее солнце должно было также уничтожиться, а съ нимъ и родъ человѣческій исчезнуть въ пожарѣ, и потому, въ концѣ каждаго періода четырехсотъ лѣтъ, боялись, чтобъ не произошло уничтоженіе вселенной, и начинали слѣдующій періодъ съ сильнымъ выраженіемъ радости; каждый мехиканецъ долженъ былъ пролить нѣсколько своей крови въ честь боговъ и, сверхъ-того, приносили въ жертву людей Странно, что у древнихъ Скандинавовъ мы находимъ почти тѣ же баснословныя преданія, но не надобно изъ этого заключать объ историческомъ сродствѣ между этими языческими народами и видѣть, въ знаменитомъ лицѣ мехиканскихъ преданій, называемомъ Вотанъ, скандинавскаго Одина.

Я былъ въ концертѣ, въ залѣ театра. Онъ не такъ хорошъ, какъ въ Гаванѣ. Зала была далеко-неполна. Въ партерѣ курятъ. Повременамъ слышится небольшой трескъ — это зажиганіе фосфорныхъ спичекъ длятого, чтобъ закурить сигару. Въ Голландіи курятъ въ коридорахъ театра; въ Мехикѣ я видѣлъ, какъ курили въ партерѣ. Насъ извѣщаютъ о пѣвицѣ, пріѣхавшей изъ Калифорніи. Концертъ будетъ данъ тогда, какъ привезутъ платья этой пѣвицы; они находятся теперь между Вера-Крусомъ и Мехикой и должны скоро быть, потому-что ужь объявлены на афишѣ. Изъисканный туалетъ пѣвицы играетъ въ ея репертуарѣ такую же роль, какъ и аріи, которыя она должна пѣть.

Другія удовольствія Мехики состоятъ въ игрѣ и боѣ пѣтуховъ. Что касается до картежной игры, меня увѣряли, что нѣкоторые молодые люди въ Мехикѣ, проигравъ все, выходили изъ залы и грабили перваго попавшагося прохожаго на улицѣ, потомъ возвращались и продолжали свою партію съ деньгами, пріобрѣтенными такимъ образомъ.

Здѣсь, какъ и въ Испаніи, происходитъ бой быковъ, въ которомъ Мехиканцы доказываютъ свою неустрашимость, которой, однакожь, въ нихъ вовсе незамѣтно на войнѣ. Въ настоящее время не было другихъ зрѣлищъ, кромѣ боя медвѣдя съ быкомъ. Нужна вся праздность путешественника, чтобъ идти любоваться подобнымъ спектаклемъ. Однакожь, я долженъ признаться, что бой былъ довольно-любопытенъ по своей неожиданной развязкѣ. Такъ-какъ медвѣдь убилъ,

Digitized by Google

нѣсколько дней тому назадъ, двухъ или трехъ отчаянныхъ смѣльчаковъ, слишкомъ-близко подошедшихъ къ деревянному столбу, гдѣ онъ былъ прикованъ, то его заперли на этотъ разъ въ ограду, сдѣланную изъ большихъ бревенъ, врытыхъ вертикально въ землю, сквозь которыя едва видно было, что происходило внутри. Не менѣе того зрители видѣли довольно, чтобъ прійдти въ негодованіе отъ трусости медвѣдя, который обходилъ кругомъ огороженнаго пространства, задѣвая за бревна. Толчки, которые ему посылали черезъ эту сквозную стѣну, не могли заставить его рѣшиться на бой. Быкъ, повременамъ, хотѣлъ, наклонивъ голову, броситься на своего трусливаго противника, но потомъ, видя, что медвѣдь такъ кротокъ, съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, медвѣдь потерялъ терпѣніе, схватился толстыми лапами за шею быка, который съ этой минуты сдѣлался неподвиженъ, высунулъ языкъ и совершенно обезпамятѣлъ отъ этого неожиданнаго объятія. Наступила ночь, а взаимное положеніе двухъ бойцовъ не измѣнялось; но всѣ знатоки увѣряли, уходя, что медвѣдь, вѣроятно, задушитъ быка.

Другое любопытное зрѣлище привлекло вскорѣ толпу къ той же оградѣ. Это было поднятіе на воздухъ не газоваго аэростата, а монгольфьера, поддерживаемаго разогрѣтымъ воздухомъ. Это опытъ младенческаго состоянія аэронавтики, и надо ѣхать въ Мехику, чтобъ найдти въ половинѣ девятнадцатаго вѣка образчикъ допотопнаго воздушнаго путешествія.

Мехиканцы не очень-общежительны; они мало входятъ въ сношеніе съ иностранцами, хотя европейскіе купцы часто вступаютъ въ бракъ съ мехиканками; они, однакожь, съ готовностью принимаютъ приглашенія отъ иностранцевъ, не заботясь приглашать ихъ къ себѣ.

Женщины ведутъ образъ жизни совершенно-восточный: прогулка, ванна, отдыхъ во время дневнаго жара, любовь — занимаютъ все ихъ время. Роскошь нарядовъ доведена до высшей степени; фасонъ платья стоитъ отъ двухсотъ до двухсотъ-пятидесяти франковъ. Надо и то сказать, что въ Мехикѣ все очень-дорого. Мехиканки мало развиты въ умственномъ отношеніи; я этому не удивляюсь, судя по учебному заведенію, которое называется училищемъ Св. Игнатія. Я осматривалъ его съ однимъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ странно видѣть въ землѣ, такъ дурно управляемой. Въ заведеніи находится сто-пятьдесятъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ всякаго возраста; поступаютъ туда девяти лѣтъ и могутъ оставаться до смерти. Обитательницы этого заведенія раздѣлены на групы, по восьми въ каждой; онѣ имѣютъ свое особое хозяйство и общую спальню. Постели показались мнѣ довольно-роскошными. Каждая група состоитъ подъ управленіемъ особой надзирательницы.

Мнѣ показали портреты трехъ основателей заведенія и разсказали ихъ исторію. Услышавъ однажды, какъ маленькая дѣвочка произносила бранныя слова, они составили проектъ для учрежденія заведенія, и съ помощью подписокъ основали его. Я спросилъ, чѣмъ занимаются они и что читаютъ, когда входятъ въ зрѣлый возрастъ; мнѣ отвѣчали, что онѣ ничего не читаютъ и ничѣмъ не занимаются.

Digitized by Google

Въ школѣ Санъ-Хуанъ де-Латранъ находится классъ дѣтей, между которыми я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ видѣлъ смѣшанныя цвѣта, даже черный цвѣтъ. Въ этой школѣ необходимые предметы изученія: латинскій языкъ и философія. Второстепенные предметы составляютъ: французскій языкъ, английскій, фехтованье, гимнастика, рисованіе и искусство плотника (carpinteria). Въ училищѣ находятся двѣ библіотеки; я видѣлъ въ нихъ романы Пиго-Лебрёна и другія подобныя книги.

Потомъ я осматривалъ школу рисованія, которая, кажется, устроена на большую ногу, но неслишкомъ-полна. Тутъ учатъ живописи, гравированью, скульптурѣ. Начальство посылаетъ молодыхъ артистовъ въ Римъ. Не достаетъ здѣсь также, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ — моделей. Я не видалъ ни одной картины знаменитаго мастера, кромѣ одной подозрительной картины Мурильйо.

Зала, гдѣ сбираются сенаторы, походитъ на бонбоньерку, которая почти всегда пуста. Въ залѣ представителей о чемъ-то разговаривали; въ публичной галереѣ было нѣсколько человѣкъ зрителей. Двѣ каѳедры, одна съ лѣвой стороны, другая съ правой, служатъ для того, чтобъ ораторамъ было ближе всходить на каѳедру съ обоихъ концовъ палаты.

Ничто не можетъ сравниться съ безпорядочностью мехиканскаго общества. У правительства нѣтъ почти никакой власти. Два мехиканца пріѣхали при мнѣ объявить по своей волѣ порто-франко двухъ гаваней, находящихся въ провинціи, гдѣ они управляли. Журналъ, разсказывающій объ этомъ, прибавляетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Ничто не находится у насъ на своемъ мѣстѣ, все разстроено (desquisiado), и наше политическое существованіе составляетъ любопытный феноменъ». Тамъ, гдѣ никто не повинуется, подати платятся худо. Можно сказать утвердительно, что финансы Мехики въ самомъ страшномъ положеніи. Президентъ Ариста въ своей послѣдней рѣчи, сказанной въ палатѣ, произнесъ слѣдующія слова: *Состояніе финансовъ дѣйствительно въ бѣдственномъ положеніи*. Это справедливо, и президентъ подтвердилъ истину своихъ словъ, приведя цифру дефицита, равную пятой части прихода, и объявивъ, что жалованье чиновниковъ не можетъ быть уплачено. Мехиканское правленіе существовало до-сихъ-поръ пятнадцатью мильйонами долларовъ, которые Соединенные Штаты платили Мехикѣ въ замѣнъ провинцій, у нея отнятыхъ.

Мартъ 1852.

При видѣ разрушающагося общества, невольно чувствуешь необходимость забыть такое печальное зрѣлище. Лучше посмотрѣть на древности этой страны, на іероглифическіе рисунки ацтековъ, на древній діалектъ Мехики, на племена, которыя постепенно селились въ этой странѣ, на образованность, существовавшую здѣсь въ минуту завоеванія, наконецъ на самое это завоеваніе, исполненное съ такимъ мужествомъ и жестокостью.

Музей мехиканскихъ древностей, по несчастью, не такъ полонъ, какъ бы долженъ быть. Множество памятниковъ истреблено; притомъ

Digitized by Google

же самый музей въ такомъ безпорядкѣ, что его нельзя изучать съ успѣхомъ. Хотя въ немъ много любопытныхъ вещей, но онѣ перемѣшаны съ совершенно-незначущими; между ними много такихъ, которыя явно принадлежатъ къ разнымъ племенамъ и эпохамъ. Это обстоятельство соотвѣтствуетъ разнообразію діалектовъ, которыми говорятъ въ Мехикѣ, и племенъ, которыхъ много даже въ настоящее время. Оно доказываетъ, что страна эта имѣла свою древнюю исторію съ разными эпохами и нѣсколькими центрами просвѣщенія. Напримѣръ, все происходящее изъ южной провинціи Оахака представляетъ особенный характеръ и стиль. Подлѣ безобразныхъ фигуръ видны статуи съ правильными чертами, доказывающими ужъ развитіе искусства.

Я замѣтилъ въ музеѣ нѣсколько масокъ, которыя, по странному обычаю, надѣвались на лицо идоловъ, когда кацикъ былъ боленъ. Онѣ выражаютъ спокойную красоту. Иныя статуи полны жизни; одна рѣдкой красоты. Эти фигуры представляютъ разительную противоположность съ безобразными и смѣшными изображеніями бо̀льшей части мехиканскихъ памятниковъ. Могу сказать, что мехиканскій музей измѣнилъ мои мысли о характерѣ искусства въ этой странѣ, по-крайней-мѣрѣ въ извѣстную эпоху ея исторіи.

Значительнѣйшія статуи поставлены въ сараѣ, на дворѣ музея; тамъ же стоитъ и *жертвенный камень*, на которомъ закалывали людей. Теперь оспориваютъ ужасное назначеніе этого памятника. Гумбольдтъ думаетъ, что камень этотъ служилъ мѣстомъ смертнаго поединка, который иногда дозволялся осужденному на казнь. Если онъ успѣвалъ побѣдить шестерыхъ мехиканскихъ воиновъ, то получалъ помилованіе. Дѣйствительно, на окраинѣ камня изображены два сражающіеся воина.

Странный видъ представляютъ всѣ эти остатки древняго мехиканскаго искусства. Подлѣ женской головы, напоминающей головнымъ уборомъ египетскую скульптуру, видишь обломки статуи, которой лицо выражаетъ болѣзненный ужасъ, и другую статую человѣка, сидящаго на корточкахъ съ высунутымъ языкомъ и глупымъ, ужасающимъ смѣхомъ, потому-что между ея руками изсѣчено мѣсто, куда жрецъ клалъ сердце жертвы, еще дымящееся кровью.

Еще болѣе поражаетъ ужасомъ колоссальная статуя, случайно-вырытая 23 августа 1790 года, спустя ровно сто-шестьдесятъ-девять лѣтъ по покореніи Мехики. Это не человѣческая фигура, а какъ-бы окаменѣлая чудовищная фантазія. Это безобразная масса, на которой начертаны странные рисунки, представляющіе руки, зубы, ногти, переплетенныя змѣи и посреди всего этого мертвая голова, изображенная ниже груди. Разсматривая внимательнѣе эти чудовищные арабески, наконецъ открываешь, что художникъ намѣренъ былъ изобразить человѣческую фигуру, съ головою каймана, съ огромными зубами и четырьмя распростертыми руками, какъ-бы готовыми принять жертву. По сосцамъ надъ мертвою головою видно, что это должна быть женщина. Другой, такой же идолъ, мужескаго пола, поставленъ подлѣ, съ зубами, когтями и змѣями. Женская фигура называется

Digitized by Google

Теойаомики — богиня смерти, покровительница воиновъ, падшихъ въ битвѣ. Мужской кумиръ назывался Теойкотлатогуа и былъ божествомъ насильственной смерти. Онъ принималъ души умершихъ военноплѣнныхъ, приносимыхъ въ жертву.

Мехиканскіе іероглифы не такъ занимательны, какъ египетскіе. Египетскіе составляютъ полныя письмена, состоящія большею-частью изъ *фонетическихъ* знаковъ, то-есть изображающихъ звуки, довольно-сходные съ буквами; въ мехиканскихъ же, начертанныхъ на камнѣ, на алоевой бумагѣ, на выдѣланной оленьей кожѣ, на холстѣ, изображены болѣе предметы, а не звуки. Мехиканскія письмена изображаютъ рисунки предметовъ, а не разсказъ. Это видимо-низшая степень искусства. Въ книгѣ о воспитаніи, въ главѣ о наказаніяхъ, видны мальчики, которыхъ бьютъ по лицу колючими листьями алоя. Когда Фернандъ Кортесъ прибылъ въ Мехику, съ посланниками отъ Монтезумы пріѣхали и живописцы, срисовывавшіе людей, лошадей, корабли: это было средство къ составленію донесенія. Неизвѣстно, какъ понялъ его Монтезума безъ объясненія. А что объясненіе это было нужно, доказывается тѣмъ, что Кортесъ, получивъ отъ одного союзнаго предводителя іероглифическое описаніе страны, чрезъ которую надобно было идти, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и посольство *изъ десяти благородныхъ и ученыхъ людей*, которымъ поручено было объяснить іероглифы.

Только двухъ вещей не могли выразить эти рисунки, а именно: чиселъ мѣсяца и названія мѣста. Для перваго, ацтеки прибѣгаютъ къ своему циклу, который, посредствомъ четырехъ знаковъ: *домъ, камень, кроликъ и тросmь* (которымъ поочередно начинается серія тринадцати), раздѣляетъ на четыре тринадцатыхъ всѣ пятьдесятъ-два года ихъ цикла; прибавляя къ одному изъ четырехъ означенныхъ знаковъ нѣсколько точекъ отъ одной до тринадцати, можно легко обозначить, къ которому изъ пятидесяти двухъ годовъ принадлежитъ упоминаемое событіе. Что же касается до названія мѣстъ, такъ-какъ всѣ они носятъ имена, которыя можно передать рисункомъ, то для этого и ненужно буквъ. Такъ, напримѣръ, Теночитланъ значитъ *камень близъ алоэ*, и для обозначенія его рисовали камень подлѣ алоя. Теперь это древнее названіе Мехики служитъ гербомъ столицы. Чапультепекъ значилъ *гора стрекозы*. Ставили стрекозу на гору и всякій понималъ, что это Чапультепекъ.

Въ картинѣ, гдѣ Альварадо умерщвляетъ благородныхъ мехиканцевъ въ главномъ храмѣ, обѣ арміи, испанская и мехиканская, изображены каждая однимъ человѣкомъ. Видны индійцы, терзаемые собаками въ присутствіи Кортеса. Самъ Альварадо изображенъ по имени, которые ему дали мехиканцы — *Тонантіу* (солнце), слѣдственно, древніе мехиканцы только дошли до первой степени фонетизма и письменъ, тогда-какъ египтяне писали такимъ образомъ только въ древнѣйшія времена.

Я охотно вѣрю, что настоящіе іероглифическіе знаки, подобные египетскимъ, изображены на юкатанскомъ памятникѣ, гдѣ видны

Digitized by Google

значительнѣйшіе слѣды болѣе-развитаго просвѣщенія. Тамъ есть даже слѣды настоящихъ буквъ.

Языкъ ацтековъ легче понять, нежели ихъ іероглифы. До насъ дошли лексиконы и грамматики этого діалекта. Къ-сожалѣнію, послѣднія слишкомъ примѣнены къ латинской. Языкомъ ацтековъ и теперь говорятъ на улицахъ Мехики, гдѣ есть *гимназія для индійцевъ* и професср Чималпопокапъ (курящійся щитъ). Такъ назывался нѣкогда одинъ мехиканскій кацикъ, и профессоръ имѣетъ претензію быть его потомкомъ. Онъ даже увѣренъ, что во время войны Соединенныхъ Штатовъ съ Мехикою, дѣлали ему изъ-подъ руки нѣкоторыя предложенія, но онъ не принялъ ихъ.

Я бралъ уроки у г. Чималпопокапа въ произношеніи ацтекскаго языка. Оно нетрудно. Въ языкѣ этомъ есть французскія буквы *u* (ю) и *ch* (ш). Буква *x*, изобилующая въ немъ и придающая ему такой варварскій выговоръ, произносится у нихъ какъ *ch*, слѣдственно, Мексика выговаривается Мешика, а по испанскому произношенію *Мехика*.

У этого профессора я нашелъ грамматики четырехъ мехиканскихъ языковъ, которые разнятся съ ацтекскимъ. Самый лучшій діалектъ *Отоми*, которымъ говорятъ горцы, почитавшіеся всегда менѣе образованными. Вѣроятно, имъ говорили древніе жители этой страны, и онъ во многомъ имѣетъ поразительное сходство съ языкомъ, непохожимъ ни на какой другой языкъ, а именно: съ *китайскимъ*. Онъ также односложный. Слова не склоняются грамматически; удареніе совершенно измѣняетъ смыслъ словъ, какъ и у китайцевъ. Выговоръ одного и того же слова скоро, или медленно, верхними или низкими нотами, означаетъ совершенно-различные предметы. Въ языкѣ Отоми, какъ и въ китайскомъ, тѣ же слова могутъ служить существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ; наконецъ, есть множество одинакихъ, или похожихъ словъ, имѣющихъ различное значеніе. Я знаю, конечно, что нельзя придавать слишкомъ большой важности случайному сходству словъ. Такъ, напримѣръ, *Тео* значитъ поацтекски то же, что̀ на греческомъ *теосъ*—божество, *май* на языкѣ Отоми, какъ на египетскомъ, значитъ *любить*, а *ерга* на этомъ языкѣ значитъ то же, что̀ на греческомъ *еранъ* (любитъ): это случайныя сходства, которыя ничего не доказываютъ. Но множествомъ одинаковыхъ словъ нельзя пренебрегать. Совершенное несходство китайскаго языка со всѣми прочими придаетъ болѣе вѣса сходству его съ *Отоми*.

Вотъ нѣсколько примѣровъ тождества и сходства обоихъ языковъ:

	покитайски:	*на языкѣ Отоми:*
Перестать . .	па	па.
Я	нго	нга, нуга.
Ты	ни	нюи.
Онъ	на	на.
Врачъ	и	и (лекарство).
Счастіе	ки	ги.
Женщина . . .	ніу	низу.

Digitized by Google

Старъ	ку	ко.
Большой . . .	та	да.
Братъ	па	па.
Малый	ciao	теи.
Мало	cie	тси.
Сынъ	тсеу	тси.
Дѣлать	тео	тса.
Злой духъ . .	куей	куа.
Полонъ . . .	манъ	ма.
Купить . . .	маи	ма.

Кромѣ сходства словъ, общій характеръ языка имѣетъ много похожаго, даже въ грамматическихъ отношеніяхъ.

Эта любопытная аналогія языка отоми съ китайскимъ и діалектовъ нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ съ татарскимъ благопріятствуетъ мнѣнію Гумбольдта и другихъ ученыхъ, по которому Мехика первоначально заселена была выходцами изъ Сѣверной Азіи. Переѣздъ этотъ такъ удобенъ, что Чукчи ежегодно переплываютъ въ Америку за пушными звѣрями, которыхъ потомъ продаютъ въ Сибири. Оставалось бы объяснить причину переселенія Татаръ такъ далеко на сѣверъ; но въ передвиженіяхъ древнихъ народовъ часто видимъ мы, что многочисленныя племена переселялись съ юга на сѣверъ. Скандинавы, конечно, пришли въ свою суровую страну съ юга, о которомъ и сохранили преданіе въ Асгардѣ, гдѣ у нихъ были золотыя руды и виноградники.

Отъ оконечности Сѣверной Америки до Мехики тоже еще очень далеко; но по этому пространству найдены ужь слѣды постепеннаго передвиженія ацтековъ къ югу. Въ 1540 году донъ Васкесъ де-Коронадо нашелъ въ Сѣверной Калифорніи развалины каменнаго зданія. Недавно на берегахъ Жиллы нашли тоже подобное строеніе. Эти памятники могутъ служить доказательствомъ перехода Ацтековъ, слѣдственно нѣтъ ничего невѣроятнаго въ эмиграціи народа съ Сѣверной Азіи по западному берегу американскаго материка.

Каково бы ни было происхожденіе мехиканцевъ, народъ этотъ представлялъ странное зрѣлище во время прибытія испанцевъ. Города, огромныя арміи, большая роскошь, страсть къ праздникамъ, къ великолѣпію, и посреди признаковъ утонченной образованности, самые варварскіе обычаи, религіозные обряды, при которыхъ сердца жертвъ вырѣзывались изъ груди жрецами, которые изъ кожи умерщвленныхъ женщинъ дѣлали себѣ платья, и наконецъ людоѣдство — все это было смѣшано въ Мехикѣ.

Послѣднее теперь тоже доказано, несмотря на упорство многихъ антикваріевъ. Геррера описываетъ эти ужасныя жертвоприношенія, слѣдующимъ образомъ: «Жрецы взводили съ собою на верхнія ступени лѣстницы обреченную жертву. Тутъ, положивъ ее на камень, надѣвали они ей на шею каменное ожерелье въ видѣ змѣи. Четыре жреца держали ее за руки и за ноги, а верховный жрецъ, разрѣзавъ ей грудь, вынималъ оттуда трепещущее еще сердце и поднималъ его къ солнцу, которому приносили эту жертву; потомъ, обратясь къ

Digitized by Google

кумиру, бросалъ ему въ лицо это сердце, а трупъ сталкивалъ ногою съ лѣстницы.

О людоѣдствѣ же Геррера говоритъ, что оно происходило только въ важныхъ случаяхъ и съ набожною цѣлью. Монтезума рѣдко ѣлъ человѣческое мясо, *и только если оно было хорошо приготовлено.*

Какъ согласить эти кровожадные обычаи съ кротостью нравовъ древнихъ ацтековъ? Но и вся исторія первобытныхъ языческихъ народовъ не наполнена ли подобными странными несообразностями? Героическая Греція приноситъ въ жертву Ифигенію въ Авлидѣ. Гомеръ показалъ Ахилла въ свиданіи съ Пріамомъ самымъ человѣколюбивымъ и чувствительнымъ героемъ, и однакожъ, онъ на гробѣ Патрокла приноситъ въ жертву двѣнадцать плѣнныхъ. Римляне плакали при представленіи Дидоны и шли потомъ аплодировать ужасамъ въ амфитеатрѣ.

У ацтековъ была литература и даже академія. Ихъ рисованныя книги заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о распредѣленіи собственности, о кадастрѣ, взиманіи налоговъ, объ уголовныхъ законахъ и счисленіи времени; но у нихъ были и лѣтописи въ картинахъ, историческія пѣсни. Есть переводы религіозныхъ гимновъ, сочиненныхъ въ XV вѣкѣ кацикомъ Тескуко—Незагуальколотломъ, который пытался-было уничтожить принесеніе людей на жертву въ Тескуко. Эти поэмы замѣчательны своею меланхоліею.

Напримѣръ, Незагуалькъ говоритъ, какъ Гамлетъ въ одномъ своемъ философическомъ стихотвореніи :

«Прахъ, оставшійся въ нашихъ склепахъ, былъ прежде костями «и трупомъ. Эти трупы были прежде одушевленными тѣлами, кото«рыя обладали сокровищами. Если я у васъ спрошу теперь: гдѣ кости «могущественнаго Ачалчискатлансхезина, перваго предводителя древ«нихъ Тольтековъ? Гдѣ останки Некаксекмитла, обожателя боговъ? «Еслибъ я у вас спросилъ : гдѣ несравненная красота королевы Киух«цаль? Все это, подобно букетамъ цвѣтовъ, которые переходятъ изъ «рукъ въ руки, потомъ вянутъ и исчезаютъ».

Ацтеки знали многія растенія, которыя теперь употребляются въ Европѣ. У нихъ не было пшеницы, которую ввезъ одинъ невольникъ Кортеса, но они обработывали индиго, кошениль, хлопчатую бумагу (извѣстную въ Старомъ Свѣтѣ со временъ Геродота), сахаръ, выдѣлываемый изъ алоэ и тростника. Мы имъ обязаны шоколатомъ, который помехикански называется *калагуатлъ* и въ который они прибавляли пряности и ароматы; изъ муки съ перцомъ дѣлали они родъ похлебки.

Картофель тоже здѣсь родится въ дикомъ состояніи. Когда Ралейгъ привезъ его изъ Виргиніи въ Англію, можетъ-быть, онъ ужъ былъ прежде привезенъ въ Европу, а изъ Европы опять попалъ въ Америку, иначе какъ объяснить переселеніе картофеля изъ Мехики въ Виргинію? Оттого-то въ Америкѣ и называютъ его *ирландскимъ* картофелемъ, чтобъ отличить отъ патата, или *сладкаго картофеля.*

Древніе мехиканцы знали употребленіе табаку. Они его нюхали и

Digitized by Google

курили въ видѣ сигаръ, помѣщавшихся въ раковинныя, *или* серебряныя трубки. Куренье было въ модѣ при дворѣ Монтезумы.

Какъ и нынѣ, употребленіе *пулко*, крѣпкаго напитка, извлекаемаго изъ алоэ, было сильно распространено у ацтековъ. Вина они, кажется, не знали. Богъ вина въ ихъ миѳологіи былъ богъ пулки. Они приготовляли также крѣпкій напитокъ изъ маиса. Бахусу своему приносили тоже человѣческія жертвы, выбирая ихъ изъ самыхъ извѣстныхъ пьяницъ. Мехиканцы остались и теперь вѣрны этому древнему поклоненію. Ихъ *пулкеріасы*, или таверны, чрезвычайно-многочисленны.

Когда испанцы прибыли въ Мехику, ацтеки не болѣе трехъ–сотъ лѣтъ владѣли этою страною. Передъ ними владычествовали тамъ разныя племена, изъ которыхъ *толтеки* болѣе другихъ оставили по себѣ памятниковъ. Полагаютъ, что они основались на мехиканской плоской возвышенности въ VII вѣкѣ по Р. Х., чичимеки въ XII, а ацтеки въ VIII. Основаніе Мехики приписываютъ чичимекамъ въ 1328 году. Одинъ феодальный владѣтель Акамапицинъ принялъ въ 1352 году титулъ кацика и былъ основателемъ Ацтекскаго Государства.

Толтеки были мехиканскими Пеласгами. Имъ приписываютъ сооруженіе здѣшнихъ пирамидъ, и именно, большой Чолульской Пирамиды. Толтековъ почитаютъ изобрѣтателями воздѣлыванія маиса, хлопчатой бумаги и искусства хлѣбопеченія. Вѣроятно, Толтеки, выселясь отсюда, пошли въ Юкатанъ, гдѣ и воздвигли древнѣйшія развалины, какія находятъ теперь въ этой странѣ.

Ацтеки, владѣя частью Мехики, во время прибытія Кортеса, пользовались, однако, необширною властью. Въ пятнадцати миляхъ отъ столицы, была независимая республика Тласкала. Далѣе была ѳеократическая область Чолула. Съ помощью этихъ непріятелей Ацтековъ, Кортесъ побѣдилъ Монтезуму. Кромѣ своихъ шести–сотъ Испанцевъ, было у него 150,000 союзниковъ; а мехиканскіе историки говорятъ даже, что до 300,000. И однакожь, надобно удивляться мужеству Кортеса, бросившагося съ горстью своихъ воиновъ на завоеваніе обширнаго государства.

Въ легендахъ описываютъ, что съ высотъ Теокали плакалъ онъ, глядя на Мехику, сожалѣя о томъ, что долженъ разрушить ее. Это совсѣмъ непохоже на Кортеса.

Приписываютъ ему также преданіе, что онъ, какъ Агаѳоклъ и Юліанъ, сжегъ свои корабли. Онъ дѣйствительно *истребилъ* ихъ, но вовсе не героическимъ образомъ. Онъ былъ помощникомъ губернатора Кубы и, ослушавшись своего начальника, ушелъ искать новыхъ завоеваній. Прибывъ къ мехиканскому берегу, онъ нарочно посадилъ свои корабли на мель, чтобъ никто изъ отряда его не могъ дать вѣсти губернатору о его мѣстопребываніи. Потомъ разобралъ корабли по частямъ, спрятавъ желѣзо, веревки и все, что могло служить впослѣдствіи. Потомъ, пользуясь всеобщимъ ужасомъ, вошелъ онъ въ Мехику и изъ дворца туземнаго кацика распоряжался его именемъ. Узнавъ же, что на берегу явились другіе отряды Испанцевъ, посланные губернаторомъ лишить его начальства, онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, убѣдилъ ихъ присоединиться къ нему и возвра-

Digitized by Google

тился съ ними, попрежнему, во дворецъ Мехики. Когда же начались неудачи Кортеса, онъ въ нихъ обнаружилъ твердость и постоянство. Принужденный оставить Мехику, онъ возвратился съ новыми силами и послѣ шестидесяти–пятидневной осады взялъ городъ.

Впрочемъ, жестокость Кортеса равнялась его мужеству. Не дорожа собственною своею жизнью, такіе люди и чужую жизнь считаютъ ни во что. Кто не знаетъ словъ Гуатимозина, котораго положили на горящіе уголья, чтобъ вывѣдать, гдѣ лежатъ его сокровища. Наперстникъ его испускалъ крики отъ боли: «а я развѣ на розахъ лежу?» сказалъ онъ ему.

Чтобъ дополнить мои свѣдѣнія объ ацтекахъ, я отправился въ Чапультепекъ. Это было родъ Версали древнихъ мехиканскихъ касиковъ, гдѣ, въ саду, были собраны всѣ растенія и всѣ звѣри этого обширнаго государства. Тогдашніе мехиканцы были въ этомъ отношеніи просвѣщеннѣе нынѣшнихъ, потому–что теперь этотъ садъ ужъ не существуетъ; касики Мехики не изъ одного любопытства собирали у себя всѣ растенія: врачи, приставленные къ нимъ, раздавали травы и корни больнымъ и обязаны были доносить касику о дѣйствіи медикаментовъ, а потомъ записывали эти донесенія, какъ нѣкогда въ Греціи, гдѣ изъ этого составилась гиппократическая медицина.

Чапультепекъ прелестное мѣсто. Нигдѣ я не видалъ такихъ огромныхъ *кипарисовъ;* ихъ огромные пни, ихъ вѣтви, съ которыхъ виситъ длинный сѣрый мохъ (spanish moos) представляетъ странное и фантастическое зрѣлище. По изслѣдованіямъ Кандоля (сына), этимъ деревьямъ болѣе 5000 лѣтъ, то–есть почти столько, какъ и египетскимъ пирамидамъ.

На вершинѣ холма, поросшаго этими вѣковыми деревьями, выстроено военное училище. Въ войнѣ съ Соединенными Штатами питомцы этой школы дрались лучше регулярныхъ войскъ. Побѣдивъ непріятелей при Молино дель-Реи, они ночью отступили, къ величайшему удивленію американцевъ, которыхъ могли истребить своею кавалеріею. Правда, что у нихъ была странная кавалерія: одинъ изъ начальниковъ получилъ приказаніе атаковать, но отвѣчалъ, что къ этому есть *препятствіе*. Оно состояло въ небольшомъ рвѣ, черезъ который всякій могъ перескочить. Его прозвали генералъ-препятствіе. Другой офицеръ, взятый въ плѣнъ, подалъ генералу Скотту свою шпагу и вмѣстѣ съ тѣмъ, вынувъ сигару, предложилъ ему и ее.

Впрочемъ, послѣднее не должно удивлять: всеобщій обычай куренья доводитъ иногда до странной фамильярности. Я видѣлъ, какъ галерный невольникъ, работавшій на площади, подошелъ къ часовому, который курилъ, и спокойно зажегъ у него сигару.

Забавно, что въ послѣдней войнѣ отличился одинъ портной Бандерасъ, командовавшій національною гвардіею. Онъ былъ раненъ и сынъ не хотѣлъ пускать его въ сраженіе. «Дѣло не въ ранѣ, сказалъ онъ, а въ томъ, чтобъ спасти отечество, или умереть».

Онъ умеръ. По–несчастью, другіе офицеры не такъ хорошо выполняли свой долгъ. Американцы съ своей стороны были тоже пло-

Digitized by Google

хіе солдаты, но, за неимѣніемъ тактики и опытности, они неустрашимо шли впередъ и достигли Мехики.

Церковь Гваделупской Божіей Матери одна изъ бѣднѣйшихъ въ городѣ. Въ ней осталась только балюстрада изъ чистаго серебра, но и ее хотятъ снять. Все здѣсь помаленьку исчезаетъ. Вся нація умираетъ и чувствуетъ свою смерть. Часовня, построенная надъ источникомъ близь этой церкви, самой прекрасной архитектуры—это смѣсь арабскаго и мехиканскаго стиля. Надъ окнами, устроенными въ видѣ звѣзды, идутъ бѣлые и черные зигзаки, у оконъ стоятъ фигуры ангеловъ со свитками, на которыхъ начертаны древнія легенды. Колонны полугреческія; дверь мавританская. Все это странно, но очень-красиво.

Въ Мехикѣ всего занимательнѣе серебрянные рудники, изъ которыхъ ужь триста лѣтъ Европа получаетъ столько серебра. Золота было въ нихъ немного. Извѣстно, однакожь, что обширныя золотыя розсыпи существуютъ въ Сонорѣ. По-несчастію, ихъ охраняетъ шестьдесятъ тысячъ апачосовъ—дикое и воинственное племя, которое до-сихъ-поръ всегда отражало всѣ нападенія Европейцевъ. Всеобщее вниманіе обращено теперь на Сонору, которая могла быть для Мехики то же, что Австралія для Англіи.

Въ дилижансѣ, въ которомъ мы поѣхали на рудники въ Реаль дель-Монте, всѣ почти говорили пофранцузски. Въ небольшомъ городкѣ Пачека, у подошвы горъ, мы вышли изъ дилижанса и верхомъ отправились въ рудники. Съ вида горы кажутся бѣдными, но внутри сокровища неисчислимыя. Температура здѣсь измѣняется. Нѣтъ и слѣда тропической растительности.

Реаль дель-Монте.

Рано поутру отправились мы къ первому руднику. Англійская компанія ввела въ немъ много улучшеній. Подъ надзоромъ компаніи работаютъ отъ шести до восьми тысячъ человѣкъ, а правительство даетъ двадцать солдатъ для охраненія порядка. Прежде всего компанія устроила дороги и великолѣпные мосты. До-сихъ-поръ, весь доходъ употребляется на расходы, но послѣ этого начнутъ получать большіе барыши, то-есть не менѣе 200,000 піастровъ въ годъ.

Посреди такой разоренной страны, какъ Мехика, пріятно посмотрѣть на благоустроенное заведеніе. Здѣсь это одно только мѣсто, гдѣ не слышно о ворахъ. Правительство даетъ компаніи сто-пятьдесятъ рабочихъ, которыхъ здѣсь хорошо кормятъ.

Осмотръ рудниковъ составляетъ для путешественника самую трудную и неблагодарную поѣздку. Спустясь по лѣстницамъ въ темный колодецъ, идешь по безконечнымъ галереямъ и видишь, какъ молотками отбиваютъ куски руды, или какъ ее выносятъ — вотъ и все. Надобно быть металлургомъ, чтобъ восхищаться всѣмъ этимъ.

Въ деревнѣ Реаль дель-Монте почти ходятъ по серебру. Въ булыжникѣ на дорогѣ, въ камняхъ зданій—вездѣ частицы серебра, но они слишкомъ-незначительны, чтобъ разработывать его.

Несмотря на здѣшнія богатства, у жителей очень-мало денегъ и

Digitized by Google

торговля здѣсь мѣновая, какъ у первобытныхъ народовъ, тогда-какъ у древнихъ мехиканцевъ была монета. Кортесъ въ письмѣ своемъ къ Карлу V говоритъ объ оловянной монетѣ, а Торквемада — о мѣдной, похожей на букву Т. Впрочемъ, и тогда употребляли болѣе всего зерна какао въ видѣ размѣнной монеты. Они и теперь ходятъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Мехики. Краснокожіе Сѣверной Америки употребляли вмѣсто денегъ раковины, какъ древніе египтяне.

На другое утро воротились мы въ Мехику, гдѣ посѣтили горное училище (*mineria*). Оно хорошо содержится. Это, можетъ-быть, единственное заведеніе, которое не упало послѣ испанцевъ.

Исчислимъ теперь труды мехиканцевъ по части литературы. Подъ названіемъ *Bibliotheca Mexicana*, публикованъ въ двухъ томахъ каталогъ книгъ, написанныхъ въ Мехикѣ. Между множествомъ теологическихъ книгъ, есть нѣсколько примѣчательныхъ сочиненій о древнихъ языкахъ, народахъ и исторіи Мехики. Сагагунъ, Торквемада, Баттурини, въ послѣднее время Бустаменте, Гама и Аламинъ много трудились по этой части. Одна мехиканка, Инеса де-ля-Крусъ издала томъ стихотвореній подъ названіемъ: *Десятая муза*. Пуэбльскій епископъ Палафоксъ написалъ хорошую исторію о завоеваніи Китая татарами; іезуитъ Сигенз-и-Гонгара издалъ на латинскомъ языкѣ описаніе тропическихъ растеній и трактатъ противъ суевѣрной боязни отъ кометъ.

Поэма *Мехика*, сочиненіе Карпіо, написана прекрасными стихами. Бальбуэна писалъ на тотъ же сюжетъ, но его поэма слабѣе. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Фернандъ де-Лизарди написалъ сатирическую поэму о нравахъ мехиканцевъ подъ названіемъ: *El periquillo Sarniento*. Это слабое подражаніе Жилблазу, безъ жизни, безъ комизма, безъ изобрѣтеній. Когда авторъ хочетъ забавлять, онъ холоденъ; когда хочетъ нравиться, онъ прибѣгаетъ къ плоскостямъ. Впрочемъ, у него много и вѣрнаго. Вотъ, напримѣръ, черта мехиканскихъ нравовъ.

«Не смѣшно ли блистать роскошью для того, чтобъ показать свою бѣдность; имѣть карету, чтобъ запрягать въ нее тощихъ муловъ, у которыхъ можно счесть ребра; имѣть большой домъ, чтобъ жить въ немъ на чердакѣ; ѣздить по баламъ и гуляньямъ, чтобъ дома встрѣчать однихъ заимодавцевъ?»

Пиѳагорейскій пѣтухъ—весьма-забавное, умное и веселое сочиненіе. Это подражаніе *пѣтуху* Лукіана. Картины немного преувеличены, но вѣрны. Осмѣивая своихъ соотечественниковъ, авторъ задѣваетъ американцевъ и французовъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ о мехиканцахъ и о ихъ *pronunciamentos*: «одинъ подаетъ голосъ о томъ, какъ бы обобрать казну, другой— какъ бы увлечь кого въ свою партію; третій— какъ бы пожить на чужой счетъ, четвертый— какъ бы пріобрѣсть *хорошее мѣстечко* (adquirir rango en la sociedad), чтобъ важничать, а всѣ хлопочутъ о томъ, чтобъ улучшить свое состояніе».

И это мнѣніе справедливо, потому-что всѣ бѣды Мехики происходятъ отъ этихъ республиканскихъ собраній. Личное честолюбіе ведетъ къ междоусобіямъ, отъ которыхъ гибнутъ націи.

Что̀ ждетъ Мехику въ будущемъ? Она дала Соединеннымъ Шта-

Digitized by Google

тамъ дозволеніе провести каналъ, или желѣзную дорогу чрезъ Тегуантепекъ для соединенія Атлантическаго Океана съ Тихимъ. Теперь, кажется, мехиканское правительство перемѣнило мнѣніе, но едва-ли Соединенные Штаты согласятся на эту перемѣну. Составлено пять или шесть плановъ. Еслибъ Мехика была въ лучшемъ положеніи, то она сама могла бы произвести эти работы, но теперь нѣтъ на это и надежды, а между-тѣмъ, черезъ Панамскій Перешеекъ проѣзжаютъ по пяти тысячъ человѣкъ въ мѣсяцъ, то-есть столько же, сколько изъ Дувра въ Кале.

Соединенные Штаты въ нынѣшнихъ своихъ границахъ не составляютъ средоточія между двумя океанами, но они стремятся къ этой цѣли. Недавно еще всѣ ихъ гавани обращены были къ Атлантическому Океану; теперь Калифорнія открыла имъ Тихій Океанъ. Огромное переселеніе, начатое мормонами, направляется къ западу Сѣверной Америки. Предпринимаемая теперь желѣзная дорога соединитъ оба океана, и тогда Англо-Американцы пріимутъ совершенно центральное положеніе между этими морями; но прочность этого положенія не иначе утвердится, когда только они будутъ владѣть Мехикою и Панамою. Это будетъ истиннымъ средоточіемъ торговаго міра между Европою, Китаемъ и Остиндіею. На этомъ пунктѣ воздвигнется, можетъ-быть, будущая Александрія—складочное мѣсто между Европою и Азіею, между Востокомъ и Западомъ; но эта Александрія будетъ гораздо-обширнѣе древней по размѣрамъ нынѣшней торговли. Панамскій Перешеекъ будетъ то же, что̀ тогда былъ Суэзскій, но первый будетъ уже прорѣзанъ. Можно вообразить себѣ будущность этой торговли, когда китайскія гавани будутъ открыты, а Южная Америка превращена въ благоустроенныя общества; когда по обѣимъ сторонамъ экватора отъ Мехиканскаго Залива до Ріо-Жанейро будутъ поселенія образованнаго и трудолюбиваго народа, въ самомъ благорастворенномъ въ свѣтѣ климатѣ и со всѣми богатствами Калифорніи, Мехики и Бразиліи.

27-го марта 1852.

Мы рѣшились возвратиться изъ Мехики въ Вера-Крусъ другою дорогою, а не тою, какою ѣхали отъ Вера-Круса въ Мехику, именно: по оризабской долинѣ, которая чрезвычайно-живописна. Едва сѣли мы въ дилижансъ, какъ начались разсказы о разбойникахъ. Нѣкоторыя исторіи довольно-забавны. На дняхъ были эти разбойники не только чрезвычайно-вѣжливы, но даже низкопоклонны. Они всячески извинялись, что приняли смѣлость остановить путешественниковъ, увѣряя, что къ этому понуждаетъ ихъ крайняя нужда. Имъ дали 50 піастровъ, и они удалились съ низкими поклонами, очень-довольные. Разсказывали также, что Американцы убили нѣсколькихъ разбойниковъ и обобрали ихъ, то-есть взяли прежде награбленное мошенниками.

Когда мы доѣхали до самаго опаснаго мѣста на дорогѣ, всеобщая веселость замолкла. Это была открытая и гладкая равнина. Въ Италіи самыя опасныя мѣста горныя тѣснины, потому-что тамъ разбойники пѣшіе; здѣсь же они конные и имъ нужно открытое мѣсто, чтобъ произвесть нападеніе и послѣ ускакать.

Digitized by Google

Мы прiѣхали, однакожъ, въ Пуэбло безъ малѣйшей непрiятной встрѣчи и тотчасъ же всѣ бросились въ контору электрическаго телеграфа, чтобъ увѣдомить друзей и родныхъ о благополучномъ прибытiи. Разбойники на большой дорогѣ и электрическiй телеграфъ—вотъ странное противорѣчiе, которое можно назвать *прогресомъ варварства* мехиканскаго общества.

Пуэбло де-лосъ-Ангелосъ.

Обѣдъ былъ очень-веселъ. Все разсказывали о подвигахъ мехиканской армiи во время войны. Увѣряютъ, что древнiй богъ войны *Мехситли* далъ свое имя городу Мексика и всему народу. Судя по потомкамъ ихъ, трудно этому повѣрить. Вотъ одинъ очень-забавный анекдотъ.

Генералъ Санта-Анна, явясь съ отрядомъ къ одному американскому укрѣпленiю, потребовалъ сдачи его. Американецъ, командовавшiй этимъ постомъ, отвѣчалъ, что онъ съ большимъ удовольствiемъ исполнилъ бы желанiе генерала, но что ему поручено защищать это укрѣпленiе, а не сдавать его. Санта-Анна удовольствовался этимъ отвѣтомъ и написалъ въ донесенiи: «я потребовалъ, чтобъ непрiя«скiй генералъ сдался (intimado reditto); онъ отказался и потому я «отступилъ».

Разсказываютъ также, что одинъ американскiй парламентёръ, сопровождаемый небольшимъ конвоемъ, встрѣтилъ отрядъ мехиканцевъ, который обратился въ бѣгство. Вдругъ одинъ изъ бѣжавшихъ упалъ, и парламентеръ, поднявъ его, сказалъ: «снеси пожалуйста это письмо твоему начальнику, а то я его никогда не догоню».

Передъ тѣмъ разсказывали также объ удивительномъ хладнокровiи одного англичанина во время пожара парохода Амазонка. «Я былъ на палубѣ (говоритъ онъ самъ) и видѣлъ, какъ спускаютъ шлюбку для спасенiя погибающихъ. Я посмотрѣлъ на нее и сказалъ самъ себѣ: «Нѣтъ! эта шлюбка мнѣ не нравится: она опрокинется. Дѣйствительно, она опрокинулась. Спустили другую, и та мнѣ не понравилась; мое предчувствiе сбылось: и она перевернулась. Третья шлюбка внушила мнѣ больше довѣренности; я спустился въ нее, но и та опрокинулась. Всѣ потонули кромѣ меня. Я ухатился за бортъ, лодка повернулась и я влѣзъ на нее; ко мнѣ присоединилось потомъ еще двадцать человѣкъ, которые одни и спаслись». Надобно вспомнить, что въ это время пароходъ горѣлъ, а вокругъ свирѣпствовала буря.

Пуэбло, единственный городъ, непостроенный на развалинахъ прежняго мехиканскаго города. Онъ основанъ намѣстникомъ Мехики дономъ Антонiо де-Мендоза въ 1830 году. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ городъ этотъ былъ самый негостепрiимный. Иностранцевъ здѣсь всегда встрѣчали каменьями; теперь обычай этотъ прекратился.

30-го марта.

Рано поутру отправились мы верхомъ въ Чолулу посмотрѣть на пирамиды. Ихъ здѣсь три. Только одна изъ нихъ значительной вышины, но и та ниже хеопсовой пирамиды въ Египтѣ. Основанiе ея

Digitized by Google

шире, но высота только 170 футовъ, тогда-какъ пирамида Джизеха въ 450 футовъ вышины.

Памятники, которыхъ исторія неизвѣстна, всегда сопровождаются баснословными преданіями. Арабы увѣряютъ, напримѣръ, что египетскія пирамиды современны всемірному потопу. Въ Мехикѣ разсказываютъ почти то же.

Видъ чолульской пирамиды вовсе не напоминаетъ египетскихъ. Послѣднія составляютъ массы камней, на которыя взбираются посредствомъ обваловъ. Чолульская пирамида, просто гора, на вершину которой можно въѣхать въ каретѣ, или верхомъ. На этой вершинѣ былъ прежде храмъ древнихъ идоловъ; теперь тамъ церковь. Никакъ не вѣрится съ перваго взгляда, что это искусственная гора; только раскапывая ее, можно убѣдиться, что она большею-частью изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ, какой и теперь еще здѣсь выдѣлываютъ. Нельзя только узнать: вся ли она изъ кирпича, или насыпь одѣта камнемъ?

Въ Мехикѣ нашли множество другихъ не столь значительныхъ пирамидъ, построенныхъ уступами. Замѣчательнѣйшія двѣ находятся въ Теотлхуаканѣ, одна изъ нихъ точно такъ же одѣта камнемъ, какъ вторая египетская пирамида въ Джизехѣ. Мехиканскія пирамиды вообще обращены фасами къ четыремъ странамъ свѣта, какъ большая египетская пирамида. Это вовсе не доказываетъ, чтобъ тѣ и другія были построены съ астрономическою цѣлью. Религіозные и похоронные обряды почти вездѣ требовали въ древности одинаковыхъ обрядовъ.

Чолульская вершина замѣчательна тѣмъ, что служила обсерваторіею Гумбольдту.

Впрочемъ, кромѣ формы, нѣтъ никакого сходства между египетскими и мехиканскими пирамидами. Первыя явно служили гробницами; вторыя устроивались съ религіозною цѣлью; въ первыхъ нашли саркофаги, и джизехскій стоитъ еще на мѣстѣ; въ третьей найдена гробовая доска отъ саркофага царя Мицерина. Геродотъ ужъ объявилъ объ этомъ и теперь слова его подтвердились. Духъ египетской націи требовалъ сооруженія въ честь умершихъ великолѣпныхъ памятниковъ. Гробницы ѳивскихъ царей, изсѣченныя въ горахъ въ нѣсколько этажей и съ множествомъ комнатъ, такіе же удивительные памятники, какъ и пирамиды.

Въ-древности вездѣ строили мертвымъ памятники изъ камня, кирпича и земли, смотря по степени образованности націй, искусственные холмы въ Троадѣ, Скандинавіи и въ долинѣ Миссиссипи, насыпаны въ видѣ гробницъ. Карійская царица первая вздумала построить мавзолей, чему стали подражать и римляне. И теперь еще есть въ Римѣ два мавзолея: арена Августа и крѣпость Адріана: Наконецъ одинъ неизвѣстный житель Рима Цестіусъ воздвигъ себѣ надгробную пирамиду въ сто футовъ вышины.

Мехиканскія пирамиды не имѣютъ, слѣдственно, никакого сходства съ египетскими надгробными памятниками; на вершинѣ первыхъ всегда находится храмъ, въ который входили по ступенямъ. Это были

Digitized by Google

просто мѣста жертвоприношеній, которыя оттуда были видны для всего народа.

Съ высотъ этихъ механскихъ пирамидъ открывается самый величественный и живописный видъ. Поэтъ Гередіа описываетъ его въ прекрасныхъ стихахъ слѣдующимъ образомъ:

«Былъ вечеръ. Тихій вѣтеръ подбиралъ свои крылья въ тишинѣ. Я мечталъ, лежа на травѣ, подъ сводомъ деревьевъ, а солнце погружало свой дискъ за Оризабу. Вѣчный снѣгъ, какъ-бы растопленный въ золотое море, составлялъ вокругъ него огромную дугу, простиравшуюся до зенита. Казалось, что это блистательный портикъ неба. Потомъ остатокъ блеска погасъ. Бѣлая луна и уединенная звѣзда Венеры показались на небѣ. Счастливый часъ сумерекъ! Ты прелестнѣе скромной ночи, или блестящаго дня. Какъ тишина твоя пріятна душѣ моей... Наконецъ спустилась ночь, легкая лазурь небесъ болѣе и болѣе темнѣла. Подвижныя тѣни легкихъ облаковъ летали по пространству, на крыльяхъ тихаго вѣтра надъ неизмѣримою равниною. Свѣтлый снѣгъ Оризабы отражалъ спокойный блескъ луны, а на востокѣ, какъ свѣтящіяся точки, ярко заблистали тысячи звѣздъ! Привѣтствую васъ фонтаны свѣта, осыпающіе брызгами покровъ ночи. Въ васъ истинная поэзія небесъ.

«По мѣрѣ того, какъ луна ярко спускалась къ западу, Попокатепетлъ медленно расширялся, какъ-бы огромный исполинъ. Мрачная дуга дошла до меня и покрыла меня, а потомъ и всю землю своимъ мракомъ. Я обратилъ взоры на великолѣпный волканъ, обвитый покровомъ прозрачныхъ паровъ; онъ рисовался въ огромныхъ размѣрахъ на западѣ. Грозный исполинъ! ты видѣлъ какъ у подошвы твоей кипѣли безчисленныя племена и сражались между собою. Они называли свои города *вѣчными* и увѣрены были, что слава ихъ переживетъ вѣка. Гдѣ они? Не осталось даже и воспоминанія. Будешь ли и ты вѣченъ, горный великанъ! Прійдетъ день, и ты, вырванный изъ основанія, упадешь... Явятся новыя поколѣнія и скажутъ, что тебя не было!»

Гередіа перевелъ Оссіана, Байрона и Беранже испанскими стихами.

31 марта.

Мы выѣхали изъ Пуэбло въ четыре часа утра. У насъ было письмо отъ военнаго министра къ коменданту, чтобъ дать намъ конвой, который и былъ намъ обѣщанъ съ величайшею учтивостью. Но какъ онъ не явился въ назначенное время, то мы отправились и безъ него. Во всемъ здѣсь одинаковая дисциплина и точность.

Въ Мехикѣ очень-мало воды—вотъ главное неудобство здѣшней жизни. Впрочемъ, эта волканическая земля такъ плодородна, что мѣстами даетъ хорошіе урожаи безъ удобренія и распашки.

Въ трактирѣ, въ который мы пріѣхали, ожидала насъ торжественная и трогательная церемонія. Къ одному умирающему были принесены святые Дары; процесія сопровождалась медленнымъ боемъ барабановъ. Все семейство больнаго и сосѣди ожидали у воротъ, стоя

на колѣняхъ. Мы тоже послѣдовали ихъ примѣру. Недавно въ Мехикѣ убиты два англичанина, которые отказались отъ исполненія этого обряда.

Пасо дель-Манча.

Въ три часа пополудни прибыли мы сюда въ самый ужасный жаръ. Ни малѣйшаго вѣтерка, ни тѣни; все равнина, а вдали Оризаба. Близь *ранчо* есть, правда, лѣсокъ, но онъ наполненъ *гарапатами*, маленькими насѣкомыми, которыя, укусивъ, оставляютъ въ ранкѣ свою голову, отчего послѣ рана сильно разбаливается.

Приближеніе вечера обозначается шумящимъ полетомъ попугаевъ, возвращающихся въ лѣсъ. Настала ночь, и мы расположились-было спать въ сѣняхъ *ранчо*, которыхъ тростниковыя стѣны пропускаютъ воздухъ, но намъ сказали, что въ *ранчо* назначенъ балъ, и мы, посмотрѣвъ нѣсколько времени на танцы индійцевъ, улеглись въ комнатѣ.

Пляска эта однообразна; подъ звуки арфы (арфа въ Мехикѣ играетъ ту же роль, какъ гитара въ Испаніи) толкутся индійцы, пристукивая ногами, и это удовольствіе продолжалось цѣлую ночь. Около шести часовъ утра видѣли мы удаляющихся танцовщицъ. Всѣ онѣ въ цвѣтахъ; у одной въ головѣ воткнутъ позолоченный гребень, между зубцами котораго вставлены сигары, которыя ей, вѣроятно, подарены ея танцоромъ.

8 апрѣля.

Подъѣзжая къ Вера-Крусу, опять увидѣли мы зелень. Послѣ огромныхъ равнинъ въѣхали мы въ густые лѣса, наполненные цвѣтами и птицами. Но въ Мехикѣ на каждомъ шагу перемѣна; подъѣзжая къ морю попали мы въ песчаныя степи, похожія на нубійскія. Достигнувъ съ трудомъ высоты этихъ песчаныхъ холмовъ, увидѣли мы городъ, осыпаемый пескомъ отъ поднявшагося береговаго вѣтра. По-счастью, этотъ сѣверный вѣтеръ (*norte*), котораго мы такъ боялись, когда ѣхали изъ гавани, служитъ здѣсь вѣрною оградою отъ желтой лихорадки. Дѣйствіе этого вѣтра такъ чувствительно, что къ вечеру ужь было холодно.

Эта температура продолжалась во всѣ три дня нашего здѣсь пребыванія. Однако въ день, назначенный для нашего отъѣзда въ Европу, *norte* упалъ, и мы сѣли на англійскій пароходъ, который отвезетъ насъ въ Соутгемптонъ.

Изъ Вера-Круса въ Ямайку.

Мы ѣдемъ очень-тихо, не болѣе трехъ льё (12 верстъ) въ часъ. Когда вѣтеръ попутный, мы поднимаемъ паруса и сберегаемъ уголь. Еслибъ мы шли съ такою же скоростью, какъ американскій пароходъ, который насъ везъ изъ Европы, мы бы выиграли треть времени. Но компанія нашего парохода потеряла въ восемь лѣтъ шесть пароходовъ. Два изъ нихъ разбились на тѣхъ же самыхъ подводныхъ камняхъ. Впрочемъ, если это причина, что мы идемъ осторожнѣе, то не знаю, почему на этомъ пароходѣ такъ худо кормятъ.

Digitized by Google

Со мною ѣдетъ множество пассажировъ, возвращающихся тоже изъ Мехики. Разговаривая съ ними, я какъ бы продолжаю свое путешествіе. Бездна анекдотовъ доказываетъ мнѣ, совершенное разстройство Мехики во всѣхъ отношеніяхъ. Напримѣръ, Яньесъ былъ въ одно время адъютантомъ президента и агентомъ шайки разбойниковъ, сообщая послѣднимъ, когда правительство отправляло транспорты съ деньгами; дѣло это открылось, и Яньесъ отравился, чтобъ избѣжать наказанія. Одинъ почтенный вера-крусскій негоціантъ увѣрялъ меня, что гарнизонъ ужь мѣсяцъ не получаетъ жалованья, и цѣлую недѣлю пищи. Онъ слышалъ, что таможни хотятъ отдать на откупъ. Этимъ средствомъ казна стала бы получать тридцать процентовъ больше, нежели теперь; но тѣ, которые пользуются получаемыми нынѣ выгодами, не допускаютъ до передачи таможеннаго сбора.

Индійцы въ Мехикѣ удручены налогами.

Въ Мехикѣ у морскихъ береговъ есть раковины, дающія краску, похожую на пурпуръ. Любопытно, что ими красятъ нитки ткани, или самую ткань въ кускѣ, въ минуту самаго лова раковинъ. Входятъ въ море съ вещами, которыя хотятъ окрасить, и какъ-скоро отрываютъ раковины отъ скалъ, тотчасъ же и красятъ ими. Сперва цвѣтъ получается зеленый, но на солнцѣ дѣлается фіолетовымъ. Это настоящій пурпуръ древнихъ, который былъ не алаго цвѣта, а темнофіолетоваго, какъ видно у древнихъ писателей. Напримѣръ, Пиндаръ говоритъ о пурпуровыхъ крыльяхъ ночи, Гомеръ часто называетъ море пурпуровымъ, а Байронъ *dark blue sea*.

Остальное путешествіе наше не представляло ничего любопытнаго. Одинъ эпизодъ сильно тронулъ меня. Одинъ старый агентъ пароходной компаніи заболѣлъ и умеръ въ своей каютѣ. Тотчасъ прочли нѣсколько молитвъ надъ его тѣломъ, и въ отверстіе, въ которое съ корабля выливается вода, бросили покойника въ море. Правда, что его обернули флагомъ, но флагъ на веревкахъ вытащили опять назадъ, а тѣло осталось въ морѣ. Не желалъ бы я умереть подобнымъ образомъ.

(Revue des Deux Mondes).

JACQUES COEUR ET CHARLES VII *ou la France au XVe siècle, par* P. Clement. *1853* (**Жакъ Кёръ и Карлъ VII,** *или Францiя въ XV столѣтiи, соч.* П. Клемана).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, авторъ разбираемой нами теперь книги, издалъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ занимался изслѣдованіемъ финансоваго положенія Французскаго Королевства въ царствованіе Людовика XIV. Великая личность Кольбера служила ему центромъ, около котораго онъ умѣлъ сгрупировать множество самыхъ-занимательныхъ и ускользавшихъ отъ вниманія подробностей. Въ упомянутомъ нами сочинении весьма-ясно выразилась степень таланта г. Клемана: не принадлежа къ числу историковъ первой руки, онъ, съ помощью самой глубокой добросовѣстности внимательнаго труда, всегда умѣетъ въ изслѣдованіяхъ своихъ о разныхъ эпохахъ исторіи указать на многіе важные пункты, необращавшіе на себя прежде должнаго вниманія. Разбираемое нами теперь новое произведеніе г. Клемана отличается тѣми же самыми качествами. Общій характеръ исторіи первой половины XV вѣка, ознаменованной продолжительными войнами Франціи съ англичанами, важные результаты, которые имѣли эти войны для Французскаго Королевства, великая роль Жанны д'Аркъ въ дѣлѣ всеобщаго народнаго движенія противъ чужеземныхъ притѣснителей — всѣ эти событія ужь достаточно для насъ теперь объяснены и понятны. Но если ясенъ смыслъ главныхъ происшествій, ознаменовавшихъ эту эпоху, то оцѣнены ли надлежащимъ образомъ многіе дѣятели, принимавшіе въ этихъ происшествіяхъ болѣе или менѣе-важное участіе? Съ мыслью о замѣчательномъ царствованіи Карла VII предъ нами возстаютъ прекрасные образы Жанны д'Аркъ и Агнесы Сорѐль; но пользуется ли тою же извѣстностью Жакъ Кёръ, имѣющій полное право на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историческихъ дѣятелей того времени? Несмотря на то, что онъ достигъ самыхъ высокихъ почестей и занималъ въ свое время одну изъ самыхъ важныхъ должностей въ государствѣ, Жакъ Кёръ все-таки остался загадкою для бо́льшей части своихъ современниковъ, потому-что идеи, вносимыя имъ въ свою дѣятельность, стояли несравненно выше ихъ пониманія, неосвободившагося еще отъ закоснѣлыхъ предразсудковъ

Digitized by Google

и предубѣжденій. Неутомимая и обширная его дѣятельность, огромное вліяніе, которое онъ имѣлъ на судьбы своего отечества, наконецъ горькая несправедливость приговора, лишившаго его состоянія, положенія, и осудившаго его умереть на чужбинѣ — все это придаютъ жизни этого замѣчательнаго историческаго лица великій и драматическій интересъ. Къ-сожалѣнію, до послѣдняго времени писатели, занимавшіеся изслѣдованіями о XV вѣкѣ, обращали весьма-мало вниманія на дѣятельность Жака Кёра и останавливались по-большей-части только на послѣднихъ годахъ жизни, когда знаменитый его процесъ отозвался не только во Франціи, но и во многихъ другихъ странахъ тогдашней Европы. Правда, баронъ Труве издалъ еще въ 1840 году особенное сочиненіе о Жакѣ Кёрѣ, но весьма-мало удовлетворяющее даже самымъ невзыскательнымъ требованіямъ читателя. Самымъ лучшимъ изъ всего, что было сказано до-сихъ-поръ о Жакѣ Кёрѣ, можно считать нѣсколько страницъ, посвященныхъ ему Генрихомъ Мартеномъ въ его «Исторіи», хотя самый объемъ этого сочиненія не дозволялъ автору вдаться въ подробности. Только теперь, послѣ появленія сочиненія г. Клемана, упомянутый недостатокъ восполняется какъ слѣдуетъ, и образъ Жака Кёра возстановленъ, наконецъ, въ его истинномъ свѣтѣ.

Конецъ XIV и начало XV вѣка ознаменованы въ исторіи Франціи упорными и кровопролитными войнами, въ которыхъ она должна была отстаивать свою независимость отъ англичанъ. Войны эти, несмотря на печальное состояніе, въ которое онѣ повергнули Францію и отъ котораго она долго не могла оправиться, принесли однако важные для нея результаты.

Съ появленіемъ Жанны д'Аркъ, окончились, какъ извѣстно, успѣхи англичанъ. Мы не остановимся на этомъ блистательномъ періодѣ исторіи Франціи, потому-что о немъ надо сказать или слишкомъ-много, или ничего; предѣлы же журнальной статьи принуждаютъ насъ избрать послѣднее. Скажемъ только, что главное дѣло, благодаря усиліямъ Жанны д'Аркъ, было сдѣлано: скоро былъ взятъ Парижъ и съ этого времени начинается для англичанъ оборонительная война, долженствовавшая кончиться рѣшительнымъ изгнаніемъ ихъ изъ всѣхъ французскихъ областей. Наступило наконецъ время, когда можно было залечить раны, которыми страдала Франція впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Общее желаніе мира высказывалось сильнѣе, нежели когда-нибудь. Даже бургундцы начинали роптать на своего герцога и становились во враждебное положеніе къ англичанамъ. Заключено было арасское перемиріе, давшее государству возможность вздохнуть свободно. Общая радость была неизъяснима; многіе въ первый разъ въ жизни могли наконецъ выйдти за стѣны своего укрѣпленнаго города, или крѣпости; были такіе, которые никогда не видывали ни селъ, ни лѣсовъ. Все требовало отдохновенія; для королевской власти предстояла въ эти минуты великая, но трудная дѣятельность. Государство было такъ потрясено продолжительною войною, что, для возстановленія въ немъ общественнаго порядка, требовались необыкновенныя усилія.

Digitized by Google

Нетрудно замѣтить, что съ этого времени начинается рѣзкій и благодѣтельный переворотъ въ общественной дѣятельности Карла VII. Кому приписатъ этотъ переворотъ: самому ли королю, или окружавшимъ его новымъ лицамъ? До-сихъ-поръ общее мнѣніе было въ пользу послѣдняго предположенія. Авторъ разбираемой нами книги, г. Клеманъ, не согласенъ съ нимъ, и нарисовалъ портретъ Карла VII, какъ историческаго дѣятеля, весьма-лестными для него красками. По его мнѣнію, опытъ жизни и лѣта произвели благодѣтельное вліяніе на Карла VII. По природѣ своей, это былъ человѣкъ слабый, безхарактерный, безъ всякой энергіи; но, впослѣдствіи, Карлъ VII показалъ себя достойнымъ исполнителемъ предназначенной ему великой роли и былъ главнымъ виновникомъ возстановленія порядка въ глубоко-потрясенномъ государствѣ. Можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ только отчасти. Хотя переворотъ въ характерѣ Карла VII весьма-замѣтенъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, но названіе *le bien servi*, данное Карлу VII современниками и удержанное за нимъ потомствомъ, показываетъ, что, съ окончаніемъ англійскихъ войнъ, необходимость и требованія времени побудили Карла окружить себя людьми, обладающими неутомимою дѣятельностью и свѣдѣніями, наиболѣе полезными въ то время. Около короля являются благоразумные совѣтники, и на всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Карломъ VII, видна рука или Кёра, или братьевъ Бюро и ихъ товарищей. Они много содѣйствовали къ заживленію тѣхъ ранъ, которыя нанесла Франціи война съ Англіею.

Преданіе поставило рядомъ съ Жанною д'Аркъ другую женщину и приписало ей почти одинаковое участіе съ первою въ судьбахъ Франціи — мы говоримъ объ Агнесѣ Сорель. Извѣстно знаменитое четверостишіе Франциска I-го и разсказъ Брантома о ея благодѣтельномъ вліяніи на Карла VII-го. Брантомъ говоритъ, что однажды Агнеса объявила королю, совершенно-упавшему духомъ, что астрологъ предсказалъ ей, будто бы она будетъ любима однимъ изъ знаменитѣйшихъ королей міра, что, поэтому, она должна отправиться къ англійскому королю, ибо, по всему вѣроятію, его, а не Карла VII-го имѣлъ въ виду предсказатель. Слова эти такъ поразили короля, что онъ заплакалъ и, распростившись со всѣми удовольствіями и наслажденіями своего двора, бросился въ войну и воевалъ до-тѣхъ-поръ, пока совершенно не изгналъ англичанъ изъ Франціи. Понятно, какъ должно было нравиться воображенію столь простой и трогательный разсказъ; образъ Агнесы Сорель выступаетъ въ немъ въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, что потомство не сочло за нужное допытываться строжайшей истины и приняло на вѣру разсказъ Брантома и стихи Франциска I-го. Къ-несчастью, однако, для Агнесы Сорель, послѣ болѣе-тщательнаго изъисканія во всѣхъ современныхъ лѣтописяхъ, не находится ни одного указанія на приписываемое ей Брантомомъ благодѣтельное вліяніе на Карла VII-го. Г. Клеманъ занялся съ особенною тщательностью разъисканіемъ этого пункта, и доводы, представляемые имъ, кажутся намъ такъ убѣдительными, что мы не можемъ не согласиться съ ними. Изъ свѣдѣній, собранныхъ имъ у всѣхъ современныхъ лѣтописцевъ, можно заключить, что если, съ

Digitized by Google

одной стороны, Агнеса Сорель имѣла безспорно сильное вліяніе на Карла VII, то едва-ли много заботилась о томъ, чтобъ вліяніе это подчинить какимъ-нибудь высшимъ и благимъ цѣлямъ. Это была женщина, преимущественно-занятая своею красотою, съ весьма-добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ, но тщеславная и надменная; гордая тою привязанностью, которую питалъ къ ней Карлъ VII, она весьма-неосторожно вела себя съ окружающими его, особенно съ королевою. Нигдѣ не видно также, чтобъ народъ выказывалъ большое сочувствіе къ Агнесѣ Сорель; въ Парижѣ, между-прочимъ, она была принята такъ дурно, что должна была оставить городъ, почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ туда, и поклялась никогда не бывать въ немъ. Если сообразить все это, становится непонятнымъ, откуда почерпаетъ свои свѣдѣнія Брантомъ, писатель XVI столѣтія, и какія причины заставили его не обратить вниманія на сужденія современниковъ. Какъ бы то ни было, имя Агнесы Сорель до этой минуты стоитъ на ряду съ именемъ Жанны д'Аркъ, и народное воображеніе скорѣе готово вѣрить поэтическимъ словамъ о ней Брантома и Франциска I-го, нежели искать разочарованія въ сухой и непривлекательной истинѣ.

Въ то время, какъ имя Агнесы Сорель, оказавшей весьма-сомнительныя услуги государству, возвеличивается такимъ образомъ другое имя, болѣе достойное памяти, далеко не пользуется тою же популярностью. Мы говоримъ о Жакѣ Кёрѣ. Если кто-нибудь въ эту эпоху имѣетъ право занять мѣсто около Жанны д'Аркъ, то, безъ-сомнѣнія, это мѣсто должно остаться за нимъ. Въ ихъ судьбѣ много общаго: оба оказали великія заслуги отечеству — одна своею военною, другой мирною дѣятельностью; оба потерпѣли самую горькую неблагодарность отъ современниковъ и умерли — одна на кострѣ, другой вдали отъ родины, одолженной ему своимъ спасеніемъ. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ такой проницательный историкъ, какъ Мишле́, выразился собственно о характерѣ Жака Кёра съ весьма-неблагопріятной стороны. Онъ приложилъ къ нему названіе «торговца людьми», и вообще считаетъ всю его дѣятельность, въ-особенности способы его обогащенія, весьма-сомнительными. Конечно, сравнительно, мы находимъ въ современныхъ хроникахъ весьма-мало свѣдѣній, которыя объяснили бы намъ въ той степени, какой мы этого желаемъ, весь путь, который долженъ былъ пройдти Жакъ Кёръ для того, чтобъ нажить свое колоссальное состояніе въ то время, когда внѣшняя торговля Франціи была въ совершенномъ упадкѣ. Но по этому молчанію современниковъ должно ли заключать, что Жакъ Кёръ въ своей первоначальной дѣятельности употреблялъ двусмысленные и темные пути и что совѣсть его не была слишкомъ разборчива на средства, которыя вели его къ обогащенію? Не надо ли скорѣе искать причины этого молчанія и неизвѣстости въ общемъ направленіи вѣка, въ которомъ развитіе промышлености возбуждало мало интереса, и когда лѣтописецъ считалъ незанимательнымъ для своихъ читателей подробный разсказъ о томъ, сколько усилій долженъ былъ расточить частный человѣкъ для того, чтобъ единственно собственными своими силами создать въ королевствѣ обширную торговлю? Вся послѣдую-

Digitized by Google

щая дѣятельность Жака Кёрэ доказываетъ, что онъ не былъ причастенъ той эгоистической, корыстной, безпокойной страсти къ обогащенію, которой были заражены многіе въ его вѣкъ, и что, въ случаѣ нужды, онъ умѣлъ благородно распорядиться своимъ богатствомъ, не задумавшись пожертвовать значительною частью достоянія на пользу отечества.

Мы ужь упомянули, что имѣемъ весьма-малое количество свѣдѣній о молодости Жака Кёра. Можно сказать почти утвердительно, что онъ родился въ Буржѣ; но намъ неизвѣстно ничего ни о времени его рожденія, ни о первыхъ годахъ его молодости. Родители его принадлежали къ весьма-зажиточному среднему сословію, и самъ Жакъ Кёръ около 1418 года женился на дочери одного изъ значительныхъ лицъ города. Въ первый разъ упоминается въ современныхъ актахъ имя Жака Кёра, по весьма-неблагопріятному для него дѣлу. Въ началѣ XV вѣка Франція сильнѣе, нежели когда-либо страдала отъ зла, поселившагося въ ней еще во времена Филиппа-Красиваго: цѣнность звонкой монеты была подвергнута безпрестаннымъ измѣненіямъ. Это считалось до-того обыкновеннымъ, что дѣлатели монетъ иногда прибѣгали къ этому средству, безъ-сомнѣнія, имѣя въ виду только собственное обогащеніе. Жакъ Кёръ соединился въ это время съ какимъ-то Раво, датчаниномъ, который занимался дѣланіемъ монеты въ Буржѣ и вскорѣ послѣ этого оба они были обвинены въ значительномъ уменьшеніи вѣса изготовляемой ими монеты. Дѣло, однако, не пошло далеко: оно кончилось тѣмъ, что Раво и Кёръ должны были заплатить значительную пеню и получили полное прощеніе своей вины.

Для человѣка такой неутомимой дѣятельности и такихъ геніальныхъ способностей, какъ Жакъ Кёръ, не было болѣе-удобнаго поприща для развитія этихъ способностей, какъ торговля съ Востокомъ. Въ XV вѣкѣ, когда всѣ прочія страны по эту сторону Альповъ были погружены въ мрачное невѣжество; когда еще въ самыхъ богатыхъ сословіяхъ не родилось ни малѣйшаго понятія не только объ изящной роскоши, но даже о самыхъ обыкновенныхъ удобствахъ жизни: совсѣмъ противоположное явленіе представляется намъ въ главныхъ городахъ Италіи, Венеціи, Флоренціи, Генуѣ и Пизѣ. Обширная внѣшняя торговля, учредившая свои факторіи не только по берегамъ Средиземнаго, но и Чернаго Моря, превосходныя мануфактуры, всякаго рода мелочная промышленость обогатили эти города до такой степени, что блестящее ихъ положеніе составляетъ совершенный контрастъ съ невѣжествомъ, въ которое была погружена остальная Европа. Эта высокая степень просвѣщенія и благосостоянія итальянскихъ городовъ въ началѣ XV столѣтія была подготовлена цѣлою ихъ исторіею. Въ печальныя и сумрачныя времена, послѣдовавшія за паденіемъ Римской Имперіи, Италія сохранила въ себѣ болѣе, нежели какое-либо другое государство Запада, остатки древняго образованія. Въ то время, какъ, напримѣръ, Галлія представляла картину совершеннаго варварства, въ Римѣ, защищаемомъ характеромъ его первосвященника, въ городахъ нынѣшнихъ Тосканы и Ломбардіи сохрани-

лись еще въ достаточной степени общественный порядокъ и матеріальное благосостояніе

Вообще, въ Италіи въ короткое время сдѣлались доступными всѣ плоды цивилизаціи. Крестовые походы поставили ея города на высокую степень могущества и богатства и дали полное развитіе ихъ торговли. Надо замѣтить, что, въ торговомъ отношеніи, итальянскіе города занимали самое выгодное географическое положеніе: расположенные по берегамъ Адріатическаго Моря, они составляли перепутье между варварствомъ Запада и цивилизаціей Востока. Многіе города Востока достигли, съ своей стороны, въ это время невѣроятнаго благосостоянія, и блескомъ своимъ совершенно затмѣвали самые значительные города Европы. Одинъ флорентинскій пилигримъ, посѣтившій Египетъ въ 1384 году, оставилъ намъ весьма-любопытное описаніе этой страны въ ту эпоху: въ одной Александріи считалось тогда семьдесятъ тысячъ жителей, въ Каирѣ было ихъ несравненно-болѣе. Обширное народонаселеніе этого города не находило себѣ достаточнаго помѣщенія въ домахъ, такъ-что около ста тысячъ человѣкъ принуждены были проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Главная торговля производилась сахаромъ и пряностями, отправляемыми оттуда въ Европу. Повсюду европейскій путешественникъ былъ пораженъ непривычною для него роскошью: обувь тамошнихъ женщинъ была вышита золотомъ, серебромъ и жемчугомъ; для одѣянія ихъ употреблялось тончайшее сукно и самое лучшее александрійское полотно; лавки, расположенныя по главнымъ улицамъ города, поражали роскошью выставленныхъ въ нихъ товаровъ. Самый путь по Нилу, между Каиромъ и Александріею, отличался обыкновенною жизнью и движеніемъ: по берегамъ рѣки были расположены великолѣпныя загородныя жилища, окруженныя садами и померанцовыми рощами; дельта была покрыта сахарными плантаціями; по рѣкѣ безпрестанно двигались лодки, нагруженныя товарами и управляемыя женщинами. Оруженосецъ герцога бургундскаго, посѣтившій въ 1432 году Дамаскъ, разсказываетъ, что въ городѣ считалось въ его время болѣе ста тысячъ жителей; но, безспорно, самымъ богатымъ, многолюднымъ городомъ Востока въ XIV столѣтіи была Фамагуста, столица Кипра. Родольфъ саксонскій говоритъ, что человѣкъ, имѣвшій три тысячи флориновъ годоваго дохода, считался въ этомъ городѣ почти бѣднякомъ. Тамошніе вельможи окружали себя неимовѣрною роскошью: одинъ изъ нихъ держалъ болѣе пятисотъ собакъ для охоты, другой частный человѣкъ, выдавая дочь свою замужъ, подарилъ ей головной уборъ, усыпанный такимъ количествомъ брильянтовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, какого нельзя было найдти у самой французской королевы. Городъ былъ складочнымъ мѣстомъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ, привозимыхъ въ него изъ всѣхъ странъ свѣта. Съ XV вѣка Фамагуста затмѣваетъ своею торговлею Александрію, которая съ этого времени начинаетъ замѣтно клониться къ упадку.

Была, впрочемъ, одна страна, которая могла бы вступить въ состязаніе съ Италіею, еслибъ посѣянныя въ ней сѣмена благосостоянія и образованности не были заглушены въ то самое время, какъ

Digitized by Google

она начинала ужь давать пышный цвѣтъ. Въ XII-мъ столѣтіи Южная Галлія была самою-цвѣтущею и образованною страною Западной Европы. Рѣзкія отличія характера, обычаевъ, языка, отдѣляли ее отъ остальной Галліи и дѣлали изъ нея совершенно-особенное государство. Посреди роскошной природы этой страны, рыцарство облеклось въ самыя-изящныя формы, создало свою великолѣпную литературу, создало гармоническій языкъ, одинаково-удобный для баллады, сатиры и любовныхъ пѣсенъ. Трубадуры переходили изъ замка въ замокъ и вездѣ имъ былъ готовъ радушный пріемъ и покровительство хозяина; странствующіе рыцари отправлялись на неслыханные подвиги въ честь своей дамы. Какой-то дивный, волшебный міръ царилъ въ этой странѣ, отчизнѣ той «gaie science», которая учила только любви и страсти къ чудесному. Къ-несчастью, поселившаяся здѣсь албигойская секта подала поводъ къ ожесточенной войнѣ, уничтожившей въ этой странѣ всѣ добытые ею плоды цивилизаціи и повергнувшей ее въ одинаковое съ остальной Галліей варварство. Мракъ невѣжества застилаетъ на долгое время эту страну. Сохранились только слабые остатки прежняго благосостоянія, только указанія на то, чѣмъ могла бы быть эта страна, еслибъ ничто не мѣшало ея свободному развитію; такъ, напримѣръ, въ XV-мъ столѣтіи въ то время, какъ во всей остальной Франціи занятіе торговлею считалось презрительнымъ, въ южной ея части люди, принадлежавшіе къ самымъ-аристократическимъ фамиліямъ, графы прованскіе, не стыдились заниматься ею. Представители многихъ изъ этихъ фамилій смѣло приняли титулъ: nobilis et mercator. Въ этомъ явленіи видно все еще сильное и неизглаженное временемъ различіе между характерами сѣвернаго и южнаго народонаселенія. Марсель, Монпелье и другіе города занимались торговлею въ широкихъ размѣрахъ, и число жителей, помѣщавшееся въ ихъ стѣнахъ, достигало иногда до огромной цифры. Есть важныя причины думать, что Жакъ Кёръ посѣтилъ многіе изъ этихъ городовъ въ своей молодости; особенно часто бывалъ онъ въ Монпелье, такъ-что нѣкорые считаютъ даже этотъ городъ мѣстомъ его рожденія; но какія средства онъ имѣлъ для того, чтобъ начать торговлю, и какъ онъ велъ ее въ первое время — мы не находимъ указанія ни въ одной современной хроникѣ. Упомянутый выше оруженосецъ герцога бургундскаго говоритъ, что, во время своего путешествія къ Святымъ Мѣстамъ въ 1432 году, онъ видѣлъ Жака Кёра, въ числѣ многихъ другихъ французскихъ купцовъ, въ Дамаскѣ — вотъ единственное извѣстіе, которое мы имѣемъ о немъ въ первыя времена его торговой дѣятельности. На возвратномъ пути во Францію, Жакъ Кёръ, безъ-сомнѣнія, посѣтилъ нѣкоторые изъ итальянскихъ городовъ. Это посѣщеніе не могло остаться для него безъ значительныхъ результатовъ: въ-первый разъ онъ встрѣтился здѣсь лицомъ-къ-лицу съ истинною цивилизаціею. Въ то время, какъ собственное его отечество могло ему представить только повсюду картину поразительной нищеты, безпорядка, грабежей и совершеннаго невѣжества, онъ вдругъ очутился среди страны, исполненной неслыханной для него роскоши и благосостоянія. Рѣдкая

Digitized by Google

страна Европы въ настоящее время стоитъ на такой высокой степени матеріальнаго благосостоянія и неразлучной съ нимъ цивилизаціи, какъ нѣкоторые города Италіи, четыреста лѣтъ тому назадъ. Виллани сообщаетъ намъ, напримѣръ, что годовой доходъ Флоренціи достигалъ еще въ началѣ XIV-го столѣтія трехъ-сотъ тысячъ флориновъ, въ государствѣ находилось восемьдесятъ банковъ, занимавшихся дѣлами не одной Флоренціи, но всей Европы; въ городѣ и его окрестностяхъ считалось сто-семьдесятъ тысячъ жителей, и число это безпрестанно возрастало — знаменательный фактъ, если мы вспомнимъ, что французское народонаселеніе въ XV вѣкѣ уменьшается съ поразительною быстротою. Въ государственныхъ школахъ обучалось въ это время до десяти тысячъ дѣтей чтенію, болѣе тысячи занимались математикою и, наконецъ, шестьсотъ получали высшее образованіе. Литература и искусство развивались въ параллель съ общественнымъ благосостояніемъ. Итальянскій языкъ въ устахъ этого народа дошелъ до изящной простоты, пріятности и энергіи. Въ началѣ XIV-го вѣка явилась «Божественная Комедія» — безъ всякаго сомнѣнія, величайшее поэтическое произведеніе, которое видѣла Европа со времени Гомера. Послѣдующія поколѣнія не произвели, конечно, другаго поэта, подобнаго Данту, но все-таки это было время неутомимой умственной дѣятельности. Въ XIV вѣкѣ ужъ Петрарка знакомилъ своихъ современниковъ съ сокровищами древней римской литературы; Боккачіо передавалъ имъ величайшіе образцы греческой поэзіи, а теперь близко было время, когда византійскіе выходцы, гонимые изъ Константинополя турками, разовьютъ въ Италіи страсть къ классической древности, доходившую иногда до безумія. Занятіе литературою и наукою связываетъ неразрывными узами всѣ общественныя положенія; званіе художника и литератора становится дипломомъ на почести. Вліяніе этой чудной артистической жизни не могло не подѣйствовать на Жака Кёра. Хотя онъ не получилъ почти никакого образованія въ молодости, но свѣтлый, глубокій умъ его не могъ противиться обаятельной атмосферѣ цивилизаціи, и мы увидимъ, какъ это впослѣдствіи отразилось въ его жизни.

Прибывъ во Францію, Ж. Кёръ устанавливаетъ центръ своихъ торговыхъ операцій въ Монпелье. Въ современныхъ источникахъ не находится, какъ ужъ мы замѣтили выше, ни одного указанія на то, какими средствами обладалъ онъ въ это первоначальное время своей дѣятельности; но все показываетъ, что средства эти были весьма-обширны. Торговля его постоянно возрастала, и вѣроятно, обратила на себя вниманіе правительства, которое назначило его начальникомъ монетнаго двора въ городѣ Буржѣ. Годъ спустя послѣ этого, онъ ужъ занялъ ту же самую должность въ Парижѣ. Мы не остановимся на исчисленіи огромныхъ заслугъ, которыя оказалъ государству Жакъ Кёръ, находясь въ отправленіи этой должности. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, постоянно выходитъ рядъ мѣръ, имѣющій въ виду установить на незыблемомъ основаніи цѣнность звонкой монеты и правильность ея обращенія въ народѣ. Вообще, всѣ эти мѣры принадлежатъ къ эпохѣ усиленной и неутомимой дѣятельности тѣхъ но-

Digitized by Google

выхъ совѣтниковъ короля, которыхъ собрали около него потребность времени и нужды народонаселенія. Пришло время, когда надо было употребить всѣ усилія, чтобъ заставить народъ забыть претерпѣнныя имъ бѣдствія и доставить ему давножелаемый міръ и покой. Съ этою цѣлью прежде всего надо было избавить націю отъ шаекъ тѣхъ грабителей, которые такъ долго опустошали страну, подъ предлогомъ защиты ея отъ англичанъ. Мѣра эта принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ, принятыхъ правительствомъ Карла VII, и нельзя не согласиться, что исполненіе ея въ то время было сопровождаемо не малыми затрудненіями, даже опасностью для королевской власти со стороны феодализма. Дѣйствительно началась борьба; но она кончилась почти тотчасъ же, какъ началась, совершенно въ пользу королевской власти, и феодализмъ въ первый разъ почувствовалъ въ этомъ случаѣ свое безсиліе. Мѣра, принятая еще въ 1445 году, о учрежденіи правильнаго войска, подъ названіемъ *Compagnies d'ordonnance*, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовавшее учрежденіе милиціи, приведены были наконецъ въ исполненіе и разомъ положили предѣлъ безпорядку и насиліямъ, происходившимъ въ государствѣ. Дѣйствіе этихъ учрежденій было самое благотворное. Одинъ современный лѣтописецъ говоритъ, что, со времени ихъ, порядокъ водворился наконецъ въ государствѣ, такъ-что можно было безъ боязни ѣздить съ огромными суммами денегъ изъ одного конца страны въ другой, земледѣлецъ на свободѣ воздѣлывалъ землю, странствующій купецъ пересталъ опасаться за цѣлость своихъ товаровъ..; Франція наконецъ вздохнула свободно.

Было бы весьма-трудно исчислить всѣ превосходныя мѣры и учрежденія, которыми Франція была обязана администраціи Ж. Кёра въ это лучшее время царствованія Карла VII. Конечно, мѣры эти не имѣли такого важнаго и долговременнаго значенія, какъ, напримѣръ, учрежденіе регулярнаго войска, но по-крайней-мѣрѣ, благодаря Ж. Кёру, устанавливается наконецъ настоящій порядокъ во взысканіи податей и налоговъ, опредѣляются и разграничиваются различныя должности по финансовому управленію — а это ужь было огромнымъ шагомъ впередъ для того времени. Въ 1445 году учреждаются разныя инстанціи, которымъ были подвѣдомственны всякія дѣла, относившіяся ко взысканію налоговъ и податей. Духовная власть до того времени безпрестанно вмѣшивалась въ эту отрасль управленія и часто полагала даже отлученіе отъ церкви на сборщиковъ податей, когда они обращались къ лицамъ этого званія. Упомянутымъ учрежденіемъ было устранено это злоупотребленіе, и налоги съ этого времени распредѣлились съ бо̀льшею правильностью. Можетъ-быть, впослѣдствіи многія изъ принятыхъ тогда мѣръ начали приносить болѣе вреда, нежели пользы для государства, но въ то время невозможно было предпринять ничего лучшаго. Полезная дѣятельность Кёра все болѣе-и-болѣе обращала на себя вниманіе Карла VII, и онъ вскорѣ получаетъ мѣсто *argentier*, которой было подчинено управленіе всѣми суммами королевскаго двора, но не управленіе государственными финансами, какъ предполагалось до позднѣйшаго времени. Государственная дѣятельность Ж. Кёра шла, однако, рука-объ-руку съ его дѣятельностью торговою, и никогда эта по-

слѣдняя не находилась въ столь-блестящемъ положеніи, какъ во время его неусыпныхъ трудовъ для общественной пользы. Благодаря единственно своему свѣтлому, практическому уму, твердости характера и неутомимой дѣятельности, Ж. Кёръ довелъ свою торговлю до того совершенства, что она могла не только не опасаться сильныхъ итальянскихъ городовъ, но даже вступать съ ними въ соперничество. Въ обладаніи его было нѣсколько кораблей; число однихъ его повѣренныхъ простиралось, по словамъ современника, до трехъ-сотъ человѣкъ; во всѣхъ почти приморскихъ городахъ Средиземнаго Моря учреждены были имъ факторіи, пользовавшіяся такимъ авторитетомъ у восточныхъ правителей, что сами венеціанцы принуждены были иногда искать у нихъ покровительства, потому-что въ это время торговля съ Востокомъ была подвержена многочисленнымъ и тяжкимъ для европейцевъ затрудненіямъ. Важное мѣсто, занимаемое въ государствѣ Ж. Кёромъ, доставляло ему много средствъ для устраненія этихъ затрудненій, и онъ поспѣшилъ ими воспользоваться. Племянникъ Кёра, Жакъ Виллажъ, получилъ, отъ имени короля, порученіе отправиться въ Египетъ и условиться съ тамошнимъ правительствомъ о мѣрахъ, которыя могли бы облегчить положеніе французскихъ купцовъ въ этой странѣ. Порученіе Виллажа увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Пользуясь такимъ образомъ своимъ виднымъ положеніемъ при дворѣ для своихъ частныхъ видовъ, Ж. Кёръ не заслуживаетъ, однако, за это упрека, потому-что между нимъ и государствомъ происходилъ обмѣнъ взаимныхъ услугъ, и выгода въ этомъ отношеніи оставалось далеко не на сторонѣ Кёра. Государственная казна, несмотря на всѣ отличныя мѣры, принятыя по управленію финансами, все еще не могла выйдти изъ своего прежняго бѣдственнаго состоянія, и Ж. Кёръ въ этомъ случаѣ выказалъ въ лучшемъ свѣтѣ свой благородный характеръ. Онъ дѣлился своимъ имуществомъ съ государствомъ и не одинъ разъ выводилъ его своими собственными средствами изъ затруднительныхъ въ финансовомъ отношеніи обстоятельствъ. Въ современныхъ актахъ часто встрѣчаются прямыя и ясныя указанія на то, что Ж. Кёръ, вмѣсто того, чтобъ обогащаться на-счетъ государства, представлялъ въ его распоряженіе огромныя выгоды, получаемыя имъ въ торговлѣ съ Востокомъ. Не одною торговою дѣятельностью занятъ былъ Ж. Кёръ; онъ нѣсколько времени былъ коммиссаромъ короля, при открытіи Парламента въ Лангедокѣ и при созваніи тамошнихъ генеральныхъ штатовъ. Въ 1448 году онъ былъ членомъ посольства, отправленнаго Карломъ VII въ Римъ, для прекращенія раскола, происшедшаго въ римской церкви. Современники единогласно говорятъ, что посольство это затмило пышностью своею всѣ, бывшія до сего времени, и привело въ восторгъ итальянцевъ.

Изъ предъидущаго видно, какими замѣчательными способностями надѣлила природа Ж. Кёра. Въ торговлѣ, въ администраціи, въ дипломаціи—во всемъ, за что онъ ни брался, вездѣ его дѣйствія сопровождались самымъ полнымъ и блестящимъ успѣхомъ. Когда вспомнишь при этомъ, что Ж. Кёръ получилъ въ молодости весьма-недостаточное

Digitized by Google

образованіе, то еще удивительнѣе покажется, что въ странѣ, неосвободившейся отъ невѣжества, онъ былъ ревностнымъ покровителемъ и любителемъ искусства. Послѣдняя черта ставитъ его на ряду съ Козимо Медичи, собиравшаго тогда вокругъ себя все, что было блестящаго и славнаго въ Италіи. Ж. Кёръ былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени: въ немногихъ, но пышныхъ и великолѣпныхъ памятникахъ искусства, съ которыми связано его имя и въ созданіи которыхъ можно предполагать большую долю его собственнаго вліянія, рѣзко выразились понятія, взгляды и требованія его эпохи. XV вѣкъ принадлежалъ къ тѣмъ эпохамъ, которыя мы привыкли называть переходными. Съ XII вѣка, напримѣръ, литература жила преимущественно въ заколдованномъ кругѣ рыцарства: отсюда она черпала свои идеалы, свои условныя понятія, свое условное воззрѣніе на жизнь—и не удивительно, что вымыслы ея были прекрасны, ибо самая жизнь, которую она изображала, была исполнена изящной поэзіи. Какое глубокое уваженіе къ женщинѣ! Сколько истинной и нѣжной поэзіи, вносимой въ самыя ежедневныя отношенія! Сколько храбрости, предпріимчивости! какое множество самыхъ чудесныхъ подвиговъ! И цѣлая литература — литература странствующихъ трубадуровъ и менестрелей создается подъ очаровательнымъ вліяніемъ этой жизни. Впослѣдствіи эта картина мѣняется. Можно сказать, что въ занимающее насъ теперь время рыцарство отжило свой вѣкъ. Упадокъ этого общества сопровождался тѣми же явленіями, которыми сопровождается упадокъ всякаго учрежденія, всякой жизни. Грубость нравовъ, матеріальный эгоизмъ заступаютъ мѣсто прежней цивилизаціи, и войны XV вѣка значительно содѣйствуютъ этому печальному перевороту. Если еще мы видимъ въ это время герцога орлеанскаго, или короля Рене—этихъ прекрасныхъ, изящныхъ представителей умиравшей эпохи, то они являются намъ только какъ исключеніе, и даже весьма-рѣдкое, изъ общей картины своего времени. Въ-дѣйствительности все ужь измѣнилось въ дурную сторону. Правда, внѣшнія формы сохранились, даже развились болѣе прежняго: дворъ, напримѣръ, герцога бургундскаго поражаетъ еще своимъ великолѣпнымъ блескомъ; даются безпрестанно турниры; тысячи рыцарей, въ пышныхъ костюмахъ, ломаютъ копья подъ ободрительнымъ взоромъ своихъ дамъ; но нѣтъ ужь во всемъ этомъ дѣйствительной жизни; все это ужь не столько потребность, сколько прихоть могущественнаго властелина; и то, что прежде было кодексомъ правилъ, почерпнутыхъ изъ самой жизни, становится кодексомъ обычаевъ, потерявшихъ свое значеніе и сохраняющихся какъ преданіе о нѣкогда-славномъ времени. Литература занимается только переложеніемъ въ прозу наиболѣе прославившихся въ прежнее время стихотворныхъ романовъ; и если сочиняются новые, то отличаются поразительною скудностью воображенія, которое замѣняетъ высокопарная и скудная реторика. И это неудивительно: самая жизнь представляла мало пищи для поэтическаго воображенія.

Рыцарская литература мало-по-малу начала уступать мѣсто народной музѣ. Муза Виллона освободилась ужь совершенно отъ прежней манерности, изысканности и страсти къ аллегоріи: она чужда всякой рито-

Digitized by Google

рики, напротивъ, поражаетъ даже своею оригинальною искренностью и простотою. Виллонъ ужь человѣкъ новаго времени и не даромъ его любилъ Лудовикъ XI. Въ его простомъ, свѣтломъ взглядѣ на жизнь ужь предчувствуется Раблѐ—этотъ страшный противникъ средневѣковой жизни. Должно замѣтить, однако, что новая литература представляетъ въ XV вѣкѣ только болѣе или менѣе—богатыя обѣщанія; она не выработываетъ еще вполнѣ ни своего содержанія и не достигаетъ внѣшней изящности формы; рѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ предоставлялось будущимъ временамъ, когда ей суждено было принять въ себя новый и богатый элементъ, данный ей классическою древностью.

Искусство слѣдуетъ однимъ путемъ съ литературою. Живопись ужь начинаетъ освобождаться отъ вліянія византійской школы, и Ванъ—Дикъ первый постигаетъ тайны колорита. Готическая архитектура, достигшая полнаго своего развитія въ концѣ XIII столѣтія, начинаетъ ужь съ конца XIV замѣтно клониться къ упадку. Вмѣстѣ съ отжившимъ средневѣковымъ обществомъ слабѣетъ и вдохновеніе, выражавшее нѣкогда его идеалы: въ блестящія времена готической архитектуры главное имѣетъ въ ней преимущество надъ второстепеннымъ; украшеній почти никакихъ нѣтъ, и это придаетъ готическимъ зданіямъ прежняго времени характеръ какой—то величественной важности и меланхоліи. Въ XV вѣкѣ этого ужь нѣтъ: богатство и пышность самыхъ причудливыхъ украшеній, поразительная обработка частностей какъ-нельзя-лучше отвѣчаютъ господствующему настроенію духа, старавшагося развитіемъ частностей и подробностей замѣнить недостатокъ идеала въ искусствѣ. Этимъ характеромъ отличается знаменитый домъ, построенный Ж. Кёромъ въ его родномъ городѣ Буржѣ и сохранившемся для насъ, какъ самый лучшій памятникъ искусства въ XV вѣкѣ. Внѣшній видъ дома весьма-страненъ и неправиленъ, точно такъ же, какъ внутреннее расположеніе различныхъ его принадлежностей: на всемъ зданіи нельзя не замѣтить двоякаго характера или, точнѣе, перехода отъ средневѣковой, готической архитектуры къ огромному и пышному дворцу въ новѣйшемъ вкусѣ. Для историка это зданіе имѣетъ огромную важность по многимъ причинамъ: кромѣ—того значенія, которое находится въ немъ, какъ въ одномъ изъ лучшихъ памятниковъ искусства, оно важно еще потому, что въ немъ рѣзко выразился характеръ и понятія замѣчательнаго человѣка, которымъ мы занимаемся въ этой статьѣ. Многія стѣны зданія покрыты фресками, очевидно—принадлежавшими итальянскимъ художникамъ, которыхъ, безъ—сомнѣнія, Ж. Кёръ выписывалъ для этого нарочно изъ ихъ отечества.

Ж. Кёръ стоялъ наверху своей славы и могущества. Родственники его занимали высшія должности въ государствѣ; братъ его былъ епископомъ люсонскимъ, а сынъ — архіепископомъ буржскимъ, несмотря на то, что ему минуло только двадцать—пять лѣтъ. Въ народѣ ходили самые преувеличенные толки о его несметномъ богатствѣ, такъ—что даже составилась пословица: «богатъ, какъ Ж. Кёръ». Думали, что, по примѣру Фламеля, онъ открылъ секретъ дѣлать золото; другіе полагали, что богатство свое онъ получалъ главнымъ

Digitized by Google

образомъ изъ серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ; послѣднее мнѣніе и въ позднѣйшее время поддерживалось многими писателями; но теперь ложность его доказана очевидно. Какъ бы ни были, однако, предосудительны слухи, распускаемые на-счетъ обогащенія Жака Кёра, онъ легко опровергалъ ихъ благороднымъ употребленіемъ, которое онъ дѣлалъ изъ своего богатства. Въ 1449 году, когда еще оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія аррасскаго перемирія, англичане первые начали воинственныя дѣйствія въ Нормандіи и Бретани. Нужно было принять наконецъ послѣднія и рѣшительныя мѣры, чтобъ навсегда выслать изъ предѣловъ своего отечества этого ненавистнаго врага; но средства къ тому были весьма-неудовлетворительны: казна была истощена совершенно. Жакъ Кёръ, можно сказать, спасъ государство въ этомъ затруднительномъ положеніи. Извѣстенъ благородный отвѣтъ его Карлу VII, когда тотъ обратился къ нему съ просьбою о помощи: «Государь, все мое принадлежитъ вамъ», и онъ предложилъ королю двѣсти тысячъ экю. Компанія открылась въ 1449 году и тутъ въ первый разъ обнаружилась огромная польза, которую принесло Франціи устройство правильнаго войска. Благодаря денежнымъ средствамъ, доставленнымъ для этой войны Ж. Кёромъ, жалованье выдавалось войскамъ ежемѣсячно безъ малѣйшей задержки и во все продолженіе войны жители не могли ужъ опасаться никакого притѣсненія. Теперь положеніе воюющихъ партій измѣнилось поразительно: англичане терпѣли пораженіе за пораженіемъ, особенно въ Нормандіи, гдѣ войскомъ предводительствовалъ Дюнуа. Скоро сдался одинъ изъ сильнѣйшихъ и укрѣпленныхъ городовъ этой страны—Руанъ, обладаніе которымъ доставляло нѣкогда огромное преимущество англичанамъ. Въ ноябрѣ, 1449 года Карлъ VII имѣлъ торжественный въѣздъ въ этотъ городъ въ-сопровожденіи всѣхъ приближенныхъ къ нему лицъ, и народъ, по словамъ лѣтописца, съ особеннымъ уваженіемъ смотрѣлъ на Ж. Кёра, «деньгами котораго, король завоевалъ Нормандію» (I. Duclercg). Вслѣдъ за Руаномъ, почти тотчасъ же, сдались Гарфлёръ и Гонфлёръ; но, посреди всѣхъ этихъ торжествъ побѣды, неожиданное горе поражаетъ Карла VII: Агнеса Сорель умерла, почти внезапно, въ жюмьежскомъ аббатствѣ, гдѣ она ожидала прибытія короля. Смерть этой знаменитой женщины получаетъ для насъ особенную важность по тому вліянію, которое она имѣла на судьбу Ж. Кёра, послуживши предлогомъ для многочисленныхъ его враговъ напасть на него общими силами.

Посреди всеобщаго уваженія, которымъ былъ окруженъ Ж. Кёръ со всѣхъ сторонъ, онъ былъ твердо увѣренъ въ прочности своего положенія какъ потому, что совѣсть не могла его упрекнуть ни въ одномъ постыдномъ дѣйствіи, такъ и потому, что всѣ лица, которыя бы могли быть его соперниками, были, напротивъ, его должниками. Но въ этомъ-то и заключалась одна изъ главныхъ причинъ его паденія. Кромѣ того, многочисленный классъ мелкихъ купцовъ не могъ простить Ж. Кёру, этому *petit jacquet*, какъ они его называли, его огромнаго богатства, поглощавшаго почти всю ихъ торгов

лю; итальянцы, съ своей стороны, не жалѣли ни золота, ни интригъ для того, чтобъ погубить своего страшнаго соперника по торговлѣ съ Востокомъ. Наконецъ нашлись, какъ и всегда, люди, хотя нечувствовавшіе никакой особенной ненависти къ Ж. Кёру, но не безъ зависти взиравшіе на его состояніе. Образовалась цѣлая лига съ цѣлью уничтожить ненавистнаго имъ противника. Не доставало только предлога для начатія ихъ дѣйствій, но вскорѣ и онъ представился въ смерти Агнесы Сорель. Распущенъ былъ темный слухъ, что она была отравлена Ж. Кёромъ и нашлась даже женщина, рѣшившаяся представить королю прямое обвиненіе на его любимца въ этомъ страшномъ преступленіи. Ж. Кёръ былъ арестованъ 31-го іюля 1451 года и вскорѣ назначена была коммиссія, долженствовавшая его судить. Въ коммиссіи этой засѣдали люди, находившіеся въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ Ж. Кёру. Коммиссія тотчасъ же приступила къ своему дѣлу; но сначала дѣйствія ея были затрудняемы важнымъ обстоятельствомъ : обвиненіе въ отравленіи Агнесы Сорель, наканунѣ своей смерти, назначившей Ж. Кёра своимъ душеприкащикомъ, было такъ нелѣпо, что, несмотря на все желаніе прицѣпиться къ этому пункту, слѣдователи должны были отказаться отъ него. Съ другой стороны, съ самаго начала слѣдствія король сдѣлалъ также распоряженіе, что если Ж. Кёръ оправдается въ главномъ взводимомъ на него обвиненіи — въ отравленіи Агнесы, то онъ освобождается отъ всѣхъ прочихъ обвиненій, которыя могли бы представиться впродолженіе процеса. Ясно, что добыча ускользала изъ рукъ ея преслѣдователей ; но ужь разъ зайдя такъ далеко, возвращаться было поздно : большая часть имѣнія Ж. Кёра была конфискована и ужь прежде окончанія процеса раздѣлена между членами коммиссіи. Открылись вдругъ преступленія столь важныя, что, по мнѣнію слѣдователей, невозможно было оставить ихъ безъ вниманія, не нарушивъ самыхъ основныхъ законовъ правосудія. Вообще, положеніе Ж. Кёра предъ этимъ страннымъ судилищемъ имѣетъ замѣчательно-драматическій характеръ : человѣкъ, почти лишенный всякихъ средствъ, основалъ не только цѣлую торговлю, но самые пути, которыми она должна была слѣдовать, и онъ находился теперь предъ людьми, неимѣющими ни малѣйшаго понятія въ этомъ дѣлѣ и съ злобною радостью придирающимися ко всякому поступку человѣка, несогласному съ закоснѣлымъ и невѣжественнымъ кодексомъ ихъ правилъ и понятій. Такъ, напримѣръ, обвиняли Ж. Кёра въ томъ, что онъ велѣлъ выдать египетскому правительству невольника, бѣжавшаго изъ этой страны на одинъ изъ французскихъ кораблей. Ж. Кёръ тщетно возражаетъ на это, что льготы, которыми пользовалась его торговля въ Египтѣ, была ему дарована именно съ условіемъ, не переманивать къ себѣ невольниковъ, принадлежащихъ странамъ, въ которыхъ онъ велъ торговлю. Съ такою же основательностью обвиняли Ж. Кёра въ томъ, что онъ ослабилъ государство вывозкою серебра и мѣди къ невѣрнымъ. Другія обвиненія состояли въ томъ, что онъ перечеканивалъ монету съ значительнымъ измѣненіемъ ея вѣса, и что онъ дѣлалъ притѣсненія жителямъ Лангедока, при взиманіи съ нихъ по-

Digitized by Google

дітей; но на всѣ эти пункты достаточно отвѣчали всѣ дѣйствія Ж. Кёра, благодаря которымъ, возстановился наконецъ надлежащій порядокъ въ управленіи государственными финансами и въ обращеніи звонкой монеты. Несмотря, однако, на множество самыхъ ясныхъ и положительныхъ доказательствъ, представленныхъ Ж. Кёромъ въ свою пользу, онъ ясно видѣлъ, что судьи его ужъ заранѣе положили обвинить его, во что бы то ни стало. Все, очевидно, клонилось къ этому результату: ему отказано было въ адвокатахъ, не было дано достаточнаго времени для собранія необходимыхъ ему свидѣтелей и, наконецъ, безпрестанно мѣнялись не только мѣсто судилища, но и самые судьи. Видя, что дѣло принимаетъ весьма-дурной оборотъ, Ж. Кёръ рѣшился потребовать для себя привилегію духовнаго судилища, потому-что, еще за нѣсколько лѣтъ до своего обвиненія, онъ принялъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній, низшія степени духовнаго званія; но и въ этомъ ему было отказано, несмотря на сильное ходатайство епископа города Пуатье и архіепископа буржскаго, сына обвиненнаго. Между-прочимъ, умерла жена Кёра, удрученная горемъ, такъ неожиданно и жестоко его постигшемъ. Несмотря на требованія и протестъ епископа Пуатье, который вообще во всемъ этомъ дѣлѣ велъ себя весьма-энергично, составился приговоръ, осуждавшій человѣка, которому Франція была такъ много обязана, на самое унизительное наказаніе — съ факеломъ въ рукахъ и на колѣняхъ, онъ долженъ былъ, при стеченіи многочисленнаго народа, просить прощеніе и каяться въ своихъ преступленіяхъ предъ генерал-прокуроромъ. Кромѣ этого, онъ обязывался заплатить четыреста тысячъ экю различнаго рода пени и находиться, до окончанія этого платежа, въ темницѣ.

Предѣлы нашей статьи позволяли намъ только вкратцѣ изложить процесъ Жака Кёра. Въ самой книгѣ г. Клемана, весь ходъ этого дѣла изложенъ весьма-тщательно и подробно. Мы не остановимся также на разсказѣ о дальнѣйшей судьбѣ Ж. Кёра и его семейства; ему также посвящено довольно значительное мѣсто въ разбираемой нами книгѣ. Ж. Кёръ, послѣ объявленія ему состоявшагося надъ нимъ приговора, находился нѣкоторое время въ тюрьмѣ, откуда однако ему удалось скоро бѣжать и скрыться въ одномъ изъ монастырей города Бокера. Отсюда онъ нашелъ средство переслать письмо къ одному изъ самыхъ приближенныхъ къ нему людей, Жаку Виллажу, о которомъ мы имѣли уже случай упоминать въ этой статьѣ, и просилъ у него помощи для освобожденія изъ упомянутаго монастыря. Предпріятіе было довольно-опасное, но Виллажъ не остановился предъ этою мыслью и очень-счастливо освободилъ своего бывшаго патрона. По освобожденіи своемъ, Ж. Кёръ тотчасъ же отправился въ Римъ, гдѣ папа Николай V принялъ его съ большимъ уваженіемъ. Здѣсь прожилъ онъ нѣсколько времени; но мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, на что была обращена въ этотъ періодъ его дѣятельность. Папа Николай V, такъ много-покровительствовавшій Ж. Кёру, и въ счастьи его и въ несчастьи, вскорѣ умеръ, но преемникъ его, Калликстъ III, заимствовалъ у своего предшественника

Digitized by Google

уваженіе къ знаменитому человѣку, скрывавшемуся въ его владѣніяхъ. Въ то время христіанская Европа поражена была страшнымъ событіемъ, обрушившимся надъ Византіею въ 1453 году: повсюду готовились къ ополченію противъ турковъ, занявшихъ такой важный постъ въ Европѣ, на мѣстѣ разрушеннаго государства. Приготовленія эти, хотя далеко не принесли желаемаго результата, но все-таки папѣ Калликсту III удалось вооружить значительный флотъ, который назначался для вспоможенія островамъ Архипелага въ ихъ борьбѣ въ вновь возникшимъ владычествомъ. Нуженъ былъ энергическій и смѣлый вождь для предполагаемой экспедиціи, и взоры римскаго первосвященника обратились на Ж. Кёра. Онъ отвѣчалъ согласіемъ на сдѣланное ему предложеніе, и принялъ начальство надъ флотомъ, но не успѣлъ уже сдѣлать ничего замѣчательнаго. Въ ноябрѣ 1456 года онъ умеръ на островѣ Хіо, вѣроятно, въ-слѣдствіе ранъ, полученныхъ имъ въ какой-нибудь стычкѣ съ невѣрными. Современный историкъ разсказываетъ, что, передъ смертью, онъ громко подтвердилъ всѣ прежнія свои увѣренія въ своей невинности и въ предсмертномъ письмѣ къ Карлу VII просилъ его возвратить сыновьямъ хотя нѣкоторую часть нѣкогда конфискованнаго его имѣнія.

Сообразивъ все сказанное нами, читатель не можетъ не согласиться, что Ж. Кёръ принадлежалъ не только къ самымъ замѣчательнымъ лицамъ своей эпохи, но былъ въ ней какимъ-то необыкновеннымъ и непривычнымъ явленіемъ. Почти безъ всякихъ средствъ онъ открываетъ въ государствѣ новый путь для торговли, въ короткое время пріобрѣтаетъ огромное состояніе и занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ государствѣ, щедрою рукою дѣлится съ нимъ своимъ богатствомъ, покровительствуетъ искусствамъ, строитъ учебныя заведенія и не задумывается пожертвовать значительною частью своего имущества, когда дѣло идетъ объ изгнаніи старинныхъ враговъ изъ нѣдръ его отечества. Масса людей, любящая въ своей несправедливости приписывать всѣ великія дѣянія не столько способностямъ и неутомимой дѣятельности человѣка, сколько слѣпому счастью, или какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствамъ, утверждала, что Ж. Кёръ нашелъ философскій камень — этотъ предметъ всеобщаго исканія въ смутную и эгоистическую эпоху. Не столько суевѣрный нашъ вѣкъ, подъ этою легендою о философскомъ камнѣ, нашелъ другія причины неимовѣрныхъ успѣховъ Ж. Кёра: они заключаются въ неутомимой дѣятельности, поддерживаемой самыми нравственными и благотворными убѣжденіями.

Ѳ. ѲЕОКТИСТОВЪ.

12 ноября 1853 года.

Digitized by Google

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА НОЯБРЬ 1853 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Въ видахъ возможнаго сокращенія штатныхъ должностей, Высочайше повелѣно: 1) Третіе Отдѣленіе Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ упразднить съ 1-го января 1854 года; 2) изъ существующихъ въ Департаментѣ Полиціи Исполнительной двухъ Временныхъ Отдѣленій образовать, съ того же 1 января, одно Отдѣленіе, съ отнесеніемъ содержанія его на счетъ состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства штрафныхъ суммъ, взъискиваемыхъ на основаніи Улож. о наказ. уголов. и исправ. за разные проступки и преступленія; и 3) чиновниковъ, которые вслѣдствіе таковыхъ сокращеній останутся за штатомъ, распредѣлить на имѣющія открываться по разнымъ частямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ ваканціи; тѣмъ же, которые къ 1 января 1854 года не получатъ назначенія, производить, до опредѣленія къ мѣстамъ, въ-теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ получаемое ими содержаніе изъ тѣхъ же источниковъ. Причемъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія штатъ Временнаго Отдѣленія Департамента Полиціи Исполнительной.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: 1) Во Второмъ Отдѣленіи Уральскаго Горнаго Правленія учредить особый столъ, для производства дѣлъ, относящихся собственно до частной золотопромышлености; 2) въ столъ этотъ назначить столоначальника, помощника его и трехъ писцовъ (урядниковъ, по одному 1, 2 и 3 статьи), съ предоставленіемъ имъ

Digitized by Google

тѣхъ же служебныхъ правъ и содержанія, которыми пользуются, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 мая 1847 года штата Главнаго Управленія Уральскихъ Горныхъ Заводовъ, прочіе, состоящіе въ соотвѣтствующихъ должностяхъ, чины, и 3) содержаніе этого стола, составляющее 863 р. 55 к. сер. въ годъ, отнести, на основаніи 2331 и 2338 статей Устава Горнаго (Св. Зак., т. VII), насчетъ четырехрублевой золотомъ подати, взимаемой съ золотопромышлениковъ Оренбургской и Березовскаго Округа Тобольской Губерніи.

III. Законы относительно казеннаго управленія.

— По случаю прекращенія покупки въ казну пермской владѣльческой соли, послѣдовало Высочайшее повелѣніе учинить слѣдующія распоряженія: 1) Владѣльцамъ пермскихъ (усольскихъ и ленгенскихъ) соляныхъ промысловъ предоставить съ 1854 года право обращать вывариваемую на ихъ заводахъ соль въ продажу, съ платежемъ въ казну акциза, который имѣетъ быть назначаемъ по ежегоднымъ расписаніямъ. 2) Промыслы эти подчинить тѣмъ же правиламъ, которыя въ статьяхъ 384—408 т. VII Св. Зак. Уст. о соли (изд. 1842 года) постановлены для прочихъ частныхъ солеваренныхъ заводовъ, пользующихся правомъ вольной продажи соли. 3) Для надзора за означенными промыслами учредить немедленно въ Дедюхинѣ, впредь до усмотрѣнія, особую временную коммиссію изъ четырехъ чиновниковъ, по назначенію министра финансовъ, съ присвоеніемъ одному изъ нихъ званія предсѣдательствующаго, а для письмоводства и счетоводства командировать въ эту коммиссію одного чиновника и трехъ писцовъ отъ Дедюхинскаго Солянаго Правленія. Для мѣстнаго же надзора, въ самыхъ промыслахъ опредѣлить потребное число приставовъ, вахтеровъ и другихъ нижнихъ чиновъ. 4) Временной коммиссіи присвоить по завѣдыванію пермскими владѣльческими промыслами тѣ же права, какими пользуются вообще Казенныя Палаты въ-отношеніи частныхъ солеваренныхъ заводовъ. Сверхъ-того, возложить на обязанность ея: а) собраніе статистическихъ свѣдѣній о владѣльческихъ промыслахъ, въ размѣрѣ, требуемомъ 384 ст. Уст. о соли; б) веденіе учета вывариваемой и обращаемой въ продажу соли, в) взиманіе слѣдующихъ съ соли акцизныхъ денегъ, а также храненіе и отсылку ихъ въ казну, и г) предупрежденіе и преслѣдованіе корчемства съ промысловъ соли, и 5) допускаемую 403 ст. Уст. о соли отсрочку отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ для платежа въ казну акциза съ соли, отправляемой съ промысловъ для продажи въ другія мѣста, дозволить дѣлать временной коммиссіи не иначе, какъ съ разрѣшенія министра финансовъ.

IV. Законы о правахъ состояній.

— По всеподданѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ Высочайше повелѣно: распространить на отставныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ предоставленное закономъ, вольноотпущеннымъ

Digitized by Google

и отсужденнымъ изъ помѣщичьяго владѣнія крестьянамъ, право поступать въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

V. Законы гражданскіе.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ Высочайше разрѣшено дозволить пріемъ въ залогъ частныхъ каменныхъ зданій въ г. Умани по всѣмъ вообще откупамъ и подрядамъ съ казною, на томъ самомъ основаніи, на какомъ таковое право по Высочайше утвержденному 1 ноября 1848 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта (ст. 1346 Св. Зак. Гражд. т. X. по Продолженію XII) даровано жителямъ города Елизаветграда.

VI. Законы государственнаго благоустройства.

— На основаніи ст. 238 и 275 Св. Зак. Т. XI Уст. Кредит. Уст. ввѣренные Кредитнымъ Установленіямъ капиталы, по смерти вкладчиковъ, безъ распоряженія ихъ оставшіеся, могутъ быть изъ нихъ выданы только наслѣдникамъ вкладчиковъ, по предъявленіи узаконеннаго ст. 1069 Т. X. (по 1 Продол.) свидѣтельства; падающія же на таковые капиталы взысканія тогда только могутъ быть удовлетворены, когда, согласно 1092 ст. Т. XI Св. Уст. Кредит. Установ., наслѣдники вкладчиковъ, бывъ утверждены въ правахъ наслѣдства, изъявятъ на то свое согласіе, или когда, по ст. 240 того же тома, капиталъ будетъ потребованъ присутственнымъ мѣстомъ, на основаніи вошедшаго въ законную силу судебнаго приговора. По случаю поступившаго отъ г. военнаго министра требованія о выдачѣ капитала и процентовъ по билету Заемнаго Банка безъ бланковой надписи вкладчика, для пополненія казеннаго взысканія, на вкладчикѣ оставшагося, г. министръ финансовъ, имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Государю Императору, что хотя, по точному смыслу вышеупомянутыхъ узаконеній, деньги по банковому билету слѣдовало бы выдать на пополненіе оказавшагося начета не иначе, какъ съ согласія законныхъ наслѣдниковъ, или по приговору судебнаго мѣста, но какъ, по удостовѣренію военнаго министра, начетъ этотъ сдѣланъ особо назначенными посредниками, опредѣленіе которыхъ, утвержденное командиромъ корпуса равняется приговору судебнаго мѣста, то полагалъ бы возможнымъ причитающіяся по тому билету деньги выслать согласно требованію г. военнаго министра. На всеподданнѣйшей докладной запискѣ г. министра финансовъ по этому предмету Его Императорское Величество собственноручно написать изволилъ: «исполнить, принявъ сіе за правило и впредь».

— Высочайше повелѣно: въ измѣненіе ст. 1327 Уст. Торг. (Св. Зак. Т. XI) постановить, что въ Донскомъ Коммерческомъ Судѣ предсѣдатель и товарищъ его избираются на четыре года; по прошествіи этого срока, Донскому Торговому Обществу предоставляется право ходатайствовать или объ оставленіи тѣхъ же самыхъ лицъ при запи-

Digitized by Google

маемыхъ ими должностяхъ на новое четырехлѣтіе, или о возобновленіи выборовъ.

— По положенію Комитета гг. Министровъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: какъ особый вспомогательный капиталъ, предназначенный городскимъ жителямъ, въ случаѣ разоренія ихъ отъ разныхъ бѣдствій, находится въ непосредственномъ завѣдываніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и какъ по точному содержанію ст. 93 Уст. Пожар. Т. XII (изд. 1842) мѣры пособія пострадавшимъ отъ пожаровъ, не могутъ быть приняты безъ Высочайшаго разрѣшенія въ томъ только случаѣ, когда цѣлые города и селенія подвергнутся этому несчастію, то на будущее время въ частныхъ пожарныхъ случаяхъ, когда нужныя для погорѣвшихъ пособія не будутъ превышать для каждаго изъ нихъ пятидесяти руб. сер., назначеніе такихъ пособій изъ вспомогательнаго капитала предоставить собственному усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, не испрашивая на сіе каждый разъ особаго разрѣшенія.

— Высочайше повелѣно: 1) предоставить Приказамъ Общественнаго Призрѣнія, независимо отъ помѣщенія сиротъ (826 ст. XIII Т. Учреж. и Устав. Обществ. Призр.) пансіонерами Гимназій, для дальнѣйшаго ихъ образованія, содержать въ этихъ Гимназіяхъ, съ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на-счетъ остатковъ отъ текущихъ доходовъ, дѣтей такихъ дворянъ и чиновниковъ, которые изъявятъ желаніе, по окончаніи дѣтьми ихъ гимназическаго курса, на отправленіе ихъ въ Университеты или Академію, для слушанія медицинскихъ лекцій, съ тѣмъ, чтобъ, по полученіи медицинской степени, они прослужили десять лѣтъ, по назначенію начальства, въ званіяхъ городовыхъ и уѣздныхъ врачей; и 2) опредѣленіе числа сихъ пансіонеровъ возложить на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, сообразно съ способами каждаго Приказа и съ дѣйствительною въ томъ потребностью, для приведенія въ исполненіе послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія, о содержаніи до 140 молодыхъ людей стипендіатами въ медицинскихъ факультетахъ и въ Медико-Хирургической Академіи.

Digitized by Google

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1853 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: 1) Канцелярію по своду морскихъ постановленій упразднить и 2) чиновникамъ оной, которые останутся за штатомъ и не могутъ поступить въ составъ Морскаго Министерства, выдать полугодовые оклады жалованья.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Относительно сокращенія штатовъ и расходовъ по вѣдомству Министерства Финансовъ Высочайшее повелѣно: 1) Какъ въ настоящее время признается возможнымъ сократить штаты губернскихъ мѣстъ вѣдомства Министерства Финансовъ на 24,951 р. 97½ к. въ годъ, то сумму эту исключить изъ государственной росписи 1854 года. 2) Лежащія нынѣ обязанности на чиновникахъ и писцахъ, мѣста которыхъ предназначены къ упраздненію, поручить мѣстнымъ начальствамъ распредѣлить, по ближайшему ихъ соображенію, между другими чиновниками, менѣе обремененными занятіями, подъ непосредственною сихъ начальствъ отвѣтственностью, и 3) Поставить также мѣстнымъ начальствамъ въ непремѣнную обязанность: оставшихся за штатомъ чиновниковъ и писцовъ немедленно распредѣлить, по способностямъ, къ другимъ соотвѣтствующимъ должностямъ; на тѣхъ же, которые за симъ останутся безъ мѣста, распространить правила, постановленныя для лицъ, оставшихся въ 1851 и 1852 годахъ за реформою, при сокращеніи штатовъ по министерствамъ и главнымъ управленіямъ.

— Высочайше повелѣно: при каждомъ уѣздномъ училищѣ въ С.-Петербургѣ имѣть особаго почетнаго смотрителя, на общемъ основаніи, съ правами и преимуществами, званію сему присвоенными.

Digitized by Google

— Последовало Высочайшее соизволеніе: 1) на время существованія учрежденнаго въ 1845 году по Высочайшему повелѣнію Губернскаго Комитета для обсужденія предметовъ, касающихся образцоваго устройства С.-Петербургскаго и Царскосельскаго Уѣздовъ, назначить въ оный, въ помощь къ штабъ-офицеру корпуса Путей Сообщенія, для исполненія, подъ его руководствомъ и надзоромъ, разныхъ топографическихъ и другихъ техническихъ работъ, землемѣра, съ отнесеніемъ должности этой къ VIII классу, по мундиру къ VIII, а по пенсіи къ V разрядамъ. 2) Должности этой присвоить жалованья по четыреста двадцати восьми руб. восьмидесяти восьми коп. и столовыхъ по сту сорокъ два руб. девяносто пяти коп. въ годъ, съ отнесеніемъ этой издержки на счетъ суммы, отпускаемой на осушеніе болотъ въ С.-Петербургскомъ и Царскосельскомъ Уѣздахъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Высочайше повелѣно: въ дополненіе существующихъ правилъ о преимуществѣ службы въ отдаленныхъ краяхъ Имперіи, куда опредѣляются чиновники съ денежными отъ казны пособіями, постановить: 1) съ чиновниковъ, получившихъ пособіе при опредѣленіи въ отдаленныя и малонаселенныя губерніи и уволенныхъ отъ службы съ объясненіемъ предосудительныхъ ихъ поступковъ, взыскивать обратно ту часть изъ получаемаго ими пособія, которая причитаться будетъ за недослуженное до обязательнаго срока время. Взысканіе сіе производить на общемъ основаніи и, сверхъ того, о количествѣ онаго помѣщать въ аттестатахъ, выдаваемыхъ чиновникамъ, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ поступленія ихъ вновь на службу, пополненіе того взысканія производилось по распоряженію тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, куда эти чиновники поступятъ. 2) Въ случаѣ увольненія чиновниковъ отъ должности въ отдаленномъ краѣ прежде обязательнаго срока, по непосредственному распоряженію начальства, на основаніи 3-го пункта Высочайше утвержденнаго 7 Ноября 1850 года положенія Комитета Министровъ, то-есть безъ объясненія причинъ увольненія, возвратъ въ казну, за недослуженное ими время, пособія, долженъ быть производимъ изъ собственныхъ суммъ того начальства. 3) Выданное пособіе не требуется обратно: а) съ чиновниковъ, увольняемыхъ отъ должности за штатомъ, и б) съ наслѣдниковъ чиновника, умершаго прежде выслуги въ отдаленномъ краѣ обязательнаго срока службы.

— Высочайше повелѣно, въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: лица податнаго состоянія, хотя и могутъ поступать по найму въ должности сторожей, вахтеровъ, курьеровъ и прочихъ нижнихъ служителей, безъ согласія на то своихъ обществъ, но освобождаются отъ податей и повинностей, на основаніи ст. 449 450 и 451 Уст. о Служ. по опред. Правит. (Св. Зак. т. III) прилож. къ 26 пунк. прилож. къ 13 уст. рекрут. (Св. Зак. т. IV) 309 уст. о подат. Св. Зак. т. V) въ томъ только случаѣ, когда представятъ свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществомъ. Мѣсто, принявшее такихъ уволенныхъ лицъ въ служительскую должность, обязано из-

мѣщать Казенную Палату той губерніи, до которой они приписаны въ окладѣ, какъ объ опредѣленіи тѣхъ лицъ на службу, такъ и объ увольненіи отъ оной, въ первомъ случаѣ, для сдѣланія распоряженій объ освобожденіи ихъ отъ податей и повинностей, по точной силѣ вышеозначенныхъ статей, до тѣхъ поръ, пока они будутъ находиться въ служительской должности, а во второмъ, для внесенія ихъ вновь въ подушный окладъ по тому сословію, къ которому они до поступленія на службу принадлежали.

IV. Законы казеннаго управленія.

— Высочайше повелѣно: 1) Всѣ вновь постановленныя правила о рекрутскомъ жеребьевомъ порядкѣ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ ввести немедленно въ дѣйство въ обѣихъ столицахъ и въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ изъ одиночекъ и двойниковъ составлены уже отдѣльные, для отправленія рекрутской повинности, участки, или которые ходатайствовали ужъ о такомъ отдѣленіи одиночекъ и двойниковъ. Затѣмъ въ прочихъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ вводить жеребьевый рекрутскій порядокъ и составленіе отдѣльныхъ участковъ изъ одиночекъ и двойниковъ постепенно, по ближайшему усмотрѣнію министра Внутреннихъ Дѣлъ. 2) Не распространять дѣйствія новыхъ правилъ на жителей Остзейскихъ Губерній и на мѣщанъ евреевъ, для которыхъ имѣютъ быть изданы особыя по сему предмету положенія, а равно на область Бессарабскую и на Закавказскій Край. 3) Однодворцамъ и гражданамъ западныхъ губерній произвести новую перепись, которую начать съ 1-го января 1854 года и окончить и повѣрить въ теченіе трехъ слѣдующихъ за тѣмъ мѣсяцевъ, руководствуясь присемъ правилами Устава о 9-й народной переписи; а затѣмъ въ участкахъ гражданъ и однодворцевъ, поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ, ввести въ дѣйство установляемый нынѣ для рекрутства жеребьевый порядокъ. 4) Долговыя рекрутскія части, числящіяся въ недоимкѣ на такихъ малолюдныхъ обществахъ сихъ гражданъ (отъ 1-й до 20-ти душъ), которые, за убылью въ нихъ лицъ, будутъ подлежать соединенію въ одни участки съ мѣщанами, со счетовъ сложить. 5) Гражданамъ и однодворцамъ западныхъ губерній, имѣющимъ поступить въ военную службу по правиламъ вводимаго вновь порядка, вслѣдствіе уравненія ихъ по оному съ прочими податными сословіями относительно сроковъ, поставки рекрутъ и количества оныхъ, давать отставку, также на общемъ основаніи, по выслугѣ 22 лѣтъ въ гвардіи или 25 лѣтъ въ арміи. 6) Надзоръ за правильностью введенія въ дѣйство жеребьеваго рекрутскаго порядка возложить въ каждой губерніи и области на мѣстные рекрутскіе комитеты, а въ Сибири — на общія губернскія и областныя управленія, предоставивъ симъ Комитетамъ и Управленіямъ давать мѣстнымъ начальствамъ сообразныя съ существомъ утвержденныхъ Высочайше правилъ наставленія и разрѣшать превышающія власть Казенныхъ Палатъ вопросы, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые должны подлежать разрѣшенію не иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ, и о которыхъ сіи Комите-

Digitized by Google

ты и Общія Управленія должны представлять министру Внутреннихъ Дѣлъ, для испрошенія, въ установленномъ порядкѣ, Высочайшаго утвержденія. Председательствующимъ въ Рекрутскихъ Комитетахъ и Общихъ Управленіяхъ начальникамъ губерній предоставляется по симъ дѣламъ та же власть, которую они по закону имѣютъ въ дѣлахъ Губернскаго Правленія. 7) Для установленія единства въ разрѣшеніяхъ по вопросамъ, могущимъ возникнуть при введеніи въ дѣйство и самомъ дѣйствіи жеребьеваго рекрутскаго порядка, наблюденіе за общимъ ходомъ сего дѣла предоставляется министру Внутреннихъ Дѣлъ и для того начальники губерній обязываются доносить ему по окончаніи каждаго набора о всѣхъ разрѣшеніяхъ, какія, на основаніи предшедшаго пункта, даны будутъ Рекрутскими Комитетами и общими губернскими и областными управленіями по всѣмъ, относительно новаго порядка, вопросамъ и недоразумѣніямъ.

V. Законы о состояніяхъ.

— Высочайше повелѣно: въ дополненіе подлежащихъ статей Св. Зак. постановить, что пріобрѣтаемымъ въ казну однодворческимъ крестьянамъ, при нежеланіи ихъ переселиться въ многоземельныя губерніи, дозволяется, вмѣсто сего, просить Палаты Государственныхъ Имуществъ о причисленіи, на основаніи 495 и 496 ст. Зак. о Сост. (Св. Зак. т. IX), къ городскимъ обществамъ по всѣмъ городамъ, за исключеніемъ лишь столицъ и городовъ, пользующихся особыми правами и привилегіями.

VI. Законы гражданскіе.

— Вслѣдствіе представленій мѣстнаго главнаго горнаго начальства Восточной Сибири, о затрудненіяхъ, встрѣчающихся при засвидѣтельствованіи золотопромышленниками довѣренностей, съ соблюденіемъ существующихъ нынѣ для того правилъ, Высочайше повелѣно: частнымъ золопромышленникамъ и ихъ управляющимъ дозволяется, во время нахожденія на пріискахъ, предъявлять вѣрющія письма къ засвидѣтельствованію надлежащаго присутственнаго мѣста и чрезъ другое лицо; но въ семъ случаѣ подпись руки вѣрителя должна быть удостовѣрена мѣстнымъ Горнымъ Исправникомъ.

— Относительно обращенія переторжки въ торгъ при публичной продажѣ недвижимыхъ имѣній по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, Высочайше повелѣно, въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) Когда при публичной продажѣ недвижимыхъ имѣній по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, никого изъ желающихъ не явится къ назначенному для продажи имѣнія торгу, или явится только одинъ, но будутъ таковые на переторжкѣ, то эту послѣднюю обращать въ торгъ, назначая затѣмъ переторжку чрезъ три дни и 2) продажу считать несостоявшеюся, когда ни къ торгу, ни къ переторжкѣ никто не явится, или явится только одинъ желающій торговаться.

Digitized by Google

VII. Законы государственнаго благоустройства.

— Относительно составленія для Закавказскаго Края особаго устава о земскихъ повинностяхъ, въ примѣненіи къ общему Уставу о сихъ повинностяхъ 13-го іюля 1851 года, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно представленію намѣстника кавказскаго, Высочайше повелѣно: впредь, до изданія означеннаго устава, допустить, въ видѣ временной мѣры, слѣдующее:

1) Вмѣсто учрежденія, по общему Уставу, въ каждой губерніи особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, учредить это присутствіе при Главномъ Управленіи Закавказскаго Края, подъ предсѣдательствомъ начальника Гражданскаго Управленія Края, изъ управляющаго почтовою частью на Кавказѣ и за Кавказомъ, управляющаго Экспедиціею Государственныхъ Имуществъ при Главномъ Управленіи, предсѣдателя Закавказской Казенной Палаты и вице-директора Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго, предоставивъ намѣстнику поручить одному изъ сихъ членовъ, по его усмотрѣнію, завѣдываніе дѣлами особаго присутствія; сверхъ того, опредѣлить въ это присутствіе: а) секретаря, съ производствомъ жалованья 750 р. и квартирныхъ 225 р. и б) писцовъ: 2-хъ старшихъ, съ жалованьемъ по 200 р. и 2-хъ младшихъ, съ жалованьемъ по 150 р. каждому въ годъ, отнеся расходъ этотъ въ количествѣ 1,675 р. на общій земскій сборъ Закавказскаго Края. Секретарю присвоить всѣ права дѣйствительной службы и считать по должности въ VIII классѣ, по шитью на мундирѣ въ VIII и по пенсіи въ V разрядахъ. 2) Утвердить распоряженіе намѣстника кавказскаго объ установленіи за Кавказомъ, въ пособіе земскимъ сборамъ съ сельскихъ обывателей и въ примѣненіи правиламъ, изложеннымъ въ ст. 54, и пунк. 1 ст. 74 Устава 13 іюля 1851 года, дополнительнаго сбора въ 25 процентовъ съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ тамъ на право открытія и содержанія питейныхъ заведеній въ городахъ и казенныхъ селеніяхъ, и 3) ввести за Кавказомъ въ дѣйствіе изложенныя въ 4-й главѣ втораго раздѣла Устава 13-го іюля 1851 года общія правила объ учетѣ денежныхъ земскихъ сборовъ. усиливъ, по этому случаю, составъ Закавказской Казенной Палаты и Уѣздныхъ Казначействъ, временнымъ дополнительнымъ штатомъ, въ 3 день ноября 1853 года удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія, съ тѣмъ, чтобъ исчисленная по оному сумма, восемь тысячъ двѣсти двадцать пять рублей серебромъ въ годъ была отнесена на общій земскій сборъ Закавказскаго Края, и чтобъ означенный штатъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, въ видѣ временной мѣры, впредь до составленія правилъ хозяйственнаго учета денежныхъ земскихъ сборовъ и изданія частнаго устава о земскихъ повинностяхъ Закавказскаго Края, и притомъ постепенно, на сколько предполагаемое усиліе средствъ Палаты и Казначействъ окажется съ самаго начала совершенно-необходимымъ.

Digitized by Google

VIII. Законы уголовные.

— Въ пояснение 1 пункта 4-го примѣчанія къ ст. 1607 (Зак. Угол.) Св. Зак. т. XV по прод. VI постановлено: что къ числу лицъ, подлежащихъ военному суду, причисляются поселяне, виновные въ допущеніи побѣга содержавшихся подъ ихъ присмотромъ арестантовъ при сельскихъ управленіяхъ и становыхъ квартирахъ.

— Относительно ссылки, по волѣ помѣщиковъ, въ Сибирь женщинъ беременныхъ или съ грудными младенцами, въ поясненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: 1) Воспрещается отправленіе, по просьбѣ помѣщиковъ, въ Сибирь крѣпостныхъ женщинъ беременныхъ, или имѣющихъ грудныхъ младенцевъ; если же помѣщикъ пожелаетъ немедленно удалить отъ себя сихъ женщинъ, по дурному ихъ поведенію, равнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ по закону должны слѣдовать въ Сибирь за сосланными туда, по просьбѣ помѣщика, мужьями, а помѣщикъ не согласится оставить тѣхъ женщинъ у себя впредь до истеченія установленныхъ, въ ст. 1,396 Зак. Угол. (Св. Зак. т. XV) сроковъ для отправленія въ Сибирь беременныхъ, или имѣющихъ грудныхъ младенцовъ женщинъ, если же сами жены сосланныхъ не захотятъ оставаться до того времени у помѣщика, то содержать ихъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія на счетъ самого владѣльца, впредь до истеченія вышеупомянутыхъ сроковъ и потомъ уже отправлять въ Сибирь для соединенія съ мужьями, если они туда отосланы. Въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ статейными списками означенныхъ женщинъ, сообщать Тобольскому Приказу о ссыльныхъ и свѣдѣніе о времени отсылки мужей ихъ. 2) Если при означенныхъ женщинахъ будутъ другія малолѣтныя дѣти тѣхъ возрастовъ, въ которыхъ они по закону (ст. 348 Уст. о Пред. и Пресѣч. Прест. и ст. 1744 Уст. о Ссыл. Св. Зак., т. XIV) должны быть отправляемы для переселенія вмѣстѣ съ родителями, то эти дѣти отъ матерей не отлучаются и, до истеченія упоминаемыхъ въ 1 пунктѣ настоящаго постановленія сроковъ, или остаются вмѣстѣ съ матерями у помѣщика, если онъ этихъ женщинъ согласится у себя оставить, или содержатся вмѣстѣ съ матерями же въ богоугодныхъ заведеніяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія насчетъ владѣльца. Затѣмъ такія малолѣтныя дѣти отправляются для переселенія не иначе, какъ вмѣстѣ съ ихъ матерями. 3) Какъ по ст. 348 Уст. о Пред. и Пресѣч. Прест. (Св. Зак., т. XIV) означенныя женщины вмѣстѣ съ дѣтьми должны быть отправляемы въ Сибирь на счетъ владѣльца, то при самомъ принятіи ихъ требовать, чтобъ помѣщикъ, кромѣ снабженія ихъ одеждою, внесъ впередъ причитающіяся на препровожденіе этихъ лицъ въ Сибирь кормовыя деньги, а равнымъ образомъ чтобъ, во время нахожденія ихъ въ заведеніяхъ Приказа, онъ вносилъ за мѣсяцъ впередъ слѣдующую на содержаніе ихъ тамъ плату.

———

Digitized by Google

СОБЫТIЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Пароходное Общество въ Астрахани. — Для содержанiя правильныхъ рейсовъ между каспiйскими пристанями, образовалось въ Астрахани частное пароходное общество, имѣющее фирму «Рѣпина Никольскаго и Комп.». Прежде, до 1852 года, на Каспiйскомъ Морѣ ходили только казенные пароходы; появленiе же частныхъ пароходовъ имѣетъ для коммерцiи ту выгодную сторону, что они могутъ, не уходя на зимовку въ Астрахань, а оставаясь, примѣрно, въ бакинскомъ портѣ, дѣлать свои рейсы круглый годъ и содержать торговое сообщенiе не только между персидскими и туркменскими берегами, закавказскими гаванями, но и между одними приморскими пунктами Персiи, и такимъ образомъ облегчать обоюдныя сообщенiя туземнаго населенiя, неимѣющаго для плаванiя другихъ судовъ, кромѣ неуклюжихъ киржимовъ и заботящагося только о дешевизнѣ фрахтовъ. Азiятскiе народы вообще, а бѣдные персiяне въ-особенности, до такой степени падки на дешевое, что они скорѣе и охотнѣе купятъ самую непрочную вещь, лишь бы обошлась она имъ дешево, чѣмъ постараются прiобрѣсти нужные для себя предметы цѣнные, но за-то прочные и отчетливо-исполненные. Дешевизна привозной цѣны на нашихъ пароходахъ и быстрота доставки товаровъ должны прiобрѣсти новой компанiи общее сочувствiе персидскихъ торговцовъ, а увеличенiе и расширенiе круга операцiй еще болѣе оживитъ наше судоплаванiе по Каспiю и, должно ожидать, принесетъ огромныя пользы нашему торговому мореплаванiю по этому, все-таки невполнѣ еще намъ знакомому, морю. Изъ Астрахани моремъ отправляютъ въ Гурьевъ-Городокъ и на лѣвый флангъ Кавказской Линiи хлѣбъ; съ Мангышлака производится перевозка хивинскихъ и бухарскихъ караванныхъ товаровъ; съ туркменскихъ береговъ везутъ рыбу, икру, клей, нефть; въ Астрабадѣ и въ Энзили производится нагрузка товаровъ, назначаемыхъ на Нижегородскую Ярмарку, какъ, напримѣръ, шелкъ, шелковые и бумажные товары, получаемые отъ рыболовства, производимаго по мазандеранскому, или, какъ наши торговцы говорятъ, мазандронскому берегу; изъ Баку везутъ сальянскiй рыбный товаръ, произведенiя Шемахинской Губернiи и чисто-персидскiй товаръ, доставляемый изъ Персiи до Баку сухопутно и на мелкихъ судахъ. (Ком. Газ.)

Замѣчательное метеорологическое явленiе. — 14 сентября, въ сѣверной части Устьсысольскаго Уѣзда (Волог. Губ.), юго-западный вѣтеръ, при переходѣ къ сѣверо-западному направленiю, обратился въ бурю, которою по берегамъ рѣки Печоры поломало много деревъ. Въ это же время появившаяся съ сѣверо-запада туча разразилась молнiею и громомъ, удары котораго были такъ сильны, что подобной грозы въ сѣверной части вологодскаго края не запомнятъ не только осенью, но даже и лѣтомъ. Черезъ четверть часа вдругъ

Digitized by Google

подулъ холодный сѣверный вѣтеръ, и на небѣ, съ сѣвера и запада, появились два столба, одинъ радужнаго, другой свѣтлосиняго цвѣта. Столбы эти сначала приближались другъ къ другу, а потомъ, пробывъ около трехъ минутъ неподвижно рядомъ, перешли одинъ на мѣсто другаго и стали подниматься къ зениту, но на половинѣ пути, мало-по-малу уничтожаясь, исчезли совершенно, сперва свѣтлосиній, а потомъ и радужный. Все это явленіе продолжалось около $7^1/_2$ минутъ. (Ж. М. В. Д.)

Буря въ Воронежской Губерніи. — 15 августа прошлаго года была необыкновенно-сильная буря въ Новохоперскомъ Уѣздѣ Воронежской Губерніи, значительно-повредившая теллермановскую корабельную рощу, считающуюся въ числѣ лучшихъ дубовыхъ лѣсовъ въ Россіи. Роща эта находится по нагорной сторонѣ рѣкъ Вороны и Хопра; сѣверовосточною частью прилегаетъ къ Борисоглѣбскому Уѣзду Тамбовской Губерніи, заключаетъ въ себѣ болѣе 138 квадр. верстъ сплошнаго пространства, покрытаго преимущественно дубовымъ, въ смѣшеніи съ другими лиственничными породами, лѣсомъ. О происшедшей бурѣ, лѣсничій Теллермановскаго Лѣсничества сообщаетъ слѣдующее: «Наканунѣ бури, 14 августа, съ утра, горизонтъ вокругъ рощи обложенъ былъ облаками, которыя при солнечномъ свѣтѣ едва были замѣтны и постоянно оставались въ одномъ положеніи; вѣтеръ дулъ умѣренно, термометръ Реом. показывалъ 19° въ тѣни; но въ воздухѣ чувствовалось удушье. Около 4 часовъ вечера, чрезъ южную часть рощи, отъ югозапада къ сѣверовостоку, пронеслась градовая туча съ молніею, при довольно-сильномъ вѣтрѣ; въ рощѣ градъ упалъ нѣсколько крупнѣе обыкновеннаго орѣха; далѣе, за чертою ея, по тому же направленію, онъ падалъ на протяженіи 10-ти верстъ, постепенно увеличиваясь до голубинаго яйца; послѣ градовой тучи затихло. Вечеромъ, когда ужъ солнце закатилось, тучи на горизонтѣ начали обрисовываться яснѣе и кое-гдѣ между ними мелькала молнія; скоро вѣтеръ сталъ постепенно усиливаться, молнія начала сверкать чаще-и-чаще, и въ половинѣ перваго часа ночи услышали страшный гулъ отъ падающихъ старыхъ дубовыхъ и другихъ породъ деревьевъ; гулъ этотъ навелъ страхъ на всѣхъ окружныхъ жителей. По подробномъ исчисленіи оказалось: поломало въ рощѣ до 6,700 старыхъ дубовыхъ и до 7,000 разнородныхъ деревъ, и кромѣ-того, обломало огромное количество вѣтвей и сучьевъ, составляющихъ массу болѣе 10 тысячъ кубическихъ саженей.

(Морск. Сборн.)

VII.

НОВОСТИ

НАУКЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Составлено по журналамъ : Institut, Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Bibliothèque de Génève, Illustration, Independance Belge, Revue Britannique, Athenaeum, Erheiterungen, Novellen-Zeitung, Edinburgh Review, Das Ausland, Journal des Débats.

Современная германская литература : День рожденія Шиллера. — Сочиненіе объ Италіи живописца Пехта. — Фрауенштедтъ и отзывъ кёльнской газеты о его сочиненіи. — Театральныя вѣсти изъ Германіи. — Сборникъ нѣмецкихъ легендъ Гингари. — Стихотворенія графа Страхвица. — Біографія кардинала Меццофанти. — Библіографическія замѣтки о новыхъ книгахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по разнымъ отраслямъ наукъ и литературы. — Театръ въ Парижѣ : *Діана де-Ли*, Итальянская Опера, *Графъ Ори*, Левассоръ, драма Занда, Les trois gamins, и Дежазе, Французскій Театръ. — Общественная жизнь въ Парижѣ. — Музыка. — Фонтенбло. — Постройки въ Луврѣ. — Газета Александра Дюма (отца). — Лунная атмосфера. — Земныя сутки. — Остатки древняго астрономическаго календаря по новымъ изслѣдованіямъ. — Изслѣдованія Бабине о кометахъ. — Мнѣніе Араго о молніи и громѣ. — Горящій источникъ въ Берлинѣ. — Новая планета. — Наблюденія надъ пищевареніемъ. — Питательность отрубей. — Наблюденія сѣверо-американцевъ надъ Атлантическимъ Океаномъ. — Сѣверный путь изъ Европы въ Америку. — Новый корабль. — Фотографическіе рисунки на ситцѣ и другихъ тканяхъ. — Освѣщеніе электричествомъ. — Успѣхи фотографіи. — Фото-литографія. — Вліяніе свѣта на сѣрнокислую хинину. — Окрашиваніе поверхности безцвѣтной жидкости. — Улучшенія въ бунзеновомъ гальваническомъ столбѣ. — Палеонтологическіе остатки въ ископаемыхъ деревьяхъ. — Употребленіе электромагнитной силы при выдѣлкѣ шелковыхъ тканей. — Золотой шелкъ. — Новые тигли для плавленія желѣза. — Бриллиантовый порошокъ, полученный посредствомъ вольтова столба. — Осадокъ, образуемый водою Рейна. — Новая пирамида въ Сѣверной Америкѣ. — Публичныя библіотеки въ Бельгіи. — Стремя-фонарь. — Составъ озона. — Метеорологическія наблюденія во время воздушныхъ путешествій. — Температура морей. — Огненные метеоры. — Ураганъ во Франціи и Бельгіи.

Въ названныхъ нами журналахъ, мы находимъ всегда множество мелкихъ, разнообразныхъ новостей, изъ которыхъ главнѣйшія передавали постоянно нашимъ читателямъ подъ вышеприведенною рубрикою. Не измѣняя и теперь этой рубрики, мы, однакожъ, намѣрены, съ настоящаго времени, придать этимъ летучимъ извѣстіямъ болѣе полноты и порядка, представлять ихъ въ болѣе-строгой системѣ,

Digitized by Google

сливъ въ одну статью, которая заключала бы въ себѣ, по возможности, полный отчетъ по всѣмъ новымъ открытіямъ и произведеніямъ въ области наукъ, литературы, искусствъ и промышленности за каждый мѣсяцъ. Этихъ явленій такъ много, что намъ остается только трудъ выбирать изъ нихъ болѣе-важныя и сортировать ихъ, приводя въ одну систематическую форму.

Начинаемъ статью обзоромъ нѣкоторыхъ болѣе-замѣчательныхъ произведеній нѣмецкой литературы.

Въ концѣ прошлаго года день рожденія Шиллера отпразднованъ былъ торжественнѣе обыкновеннаго. На всѣхъ значительныхъ театрахъ Германіи даны были въ честь покойнаго поэта представленія его пьесъ, а именно: въ Вѣнѣ представлена была «Турандотъ», въ Берлинѣ «Орлеанская Дѣва», въ Дрезденѣ «Мессинская Невѣста», въ Ганноверѣ «Марія Стюартъ», въ Лейпцигѣ «Смерть Валленштейна», въ Карлсруэ и Франкфуртѣ «Донъ Карлосъ», и пр., и пр.

— Фридрихъ Боденштедтъ, котораго русскіе читатели знаютъ по его прекрасному переводу на нѣмецкій языкъ стихотвореній Лермонтова, переѣзжаетъ, по приглашенію герцога саксен-кобургскаго, въ Готу изъ Тюрингена, гдѣ онъ жилъ съ того времени, какъ оставилъ редакцію бременской газеты. Предполагали, что онъ займетъ каѳедру восточныхъ языковъ въ Геттингенѣ, но предположеніе это не оправдалось.

— Нѣмецкая литература чрезвычайно-богата путешествіями по Италіи. Описывали эту страну и поэты, и туристы, и ученые любители искусствъ; но едва ли есть хоть одно замѣчательное сочиненіе объ Италіи, авторъ котораго былъ бы живописецъ. Въ последнее время обратила на себя вниманіе книга подъ заглавіемъ: «Южные плоды, альбомъ живописца, сочиненіе Фридриха Пехта» (Südfrüchte, Skizzenbuch eines Malers. Von Friedrich Pecht) въ двухъ томахъ. Первый томъ знакомитъ читателя съ Венеціей и Римомъ, второй — съ Неаполемъ и Флоренціей. Каждая страница этой книги обличаетъ въ авторѣ художника и колориста. Вы не найдете въ ней сухихъ разсужденій, или незанимательныхъ подробностей. Читая ее, вы какъ-будто переправляетесь сами черезъ тирольскія горы, увѣнчанныя снѣгами, черезъ угрюмый Бреннеръ, и вотъ, мало-по-малу, передъ вами открываются все болѣе-и-болѣе улыбающіяся долины. Ароматный воздухъ, всюду виноградники, ясное небо — все заставляетъ васъ предчувствовать тотъ чудный край, гдѣ шумятъ миртовыя рощи, играютъ на солнцѣ волшебныя озера и поднимаются къ небу великолѣпныя зданія. Наконецъ мы въ Италіи и предчувствіе переходитъ въ дѣйствительность. Наблюдательный и живой взглядъ составляетъ необходимое качество талантливаго живописца; но умѣнье передать ясно и поэтично все видѣнное — ужъ свойство писателя съ замѣчательнымъ дарованіемъ, и этимъ-то свойствомъ Пехтъ обладаетъ вполнѣ. Особенно рельефны его объясненія произведеній живописи и вообще пластическихъ искусствъ: онъ смотритъ на нихъ безъ заранѣе-принятыхъ эстетическихъ теорій, или по преданію усвоенныхъ понятій; онъ обращается къ предметамъ искусства съ непосредственнымъ воззрѣніемъ,

Digitized by Google

потому-что, впродолженіе путешествія, постепенно образовалось его художественное сужденіе.

— О вышедшей въ Дессау у Катца книгѣ: Aesthetische Fragen von I. Frauenstädt (Эстетическіе Вопросы Фрауэнштедта) въ кёльнской газетѣ говорится слѣдующее: «Рекомендуемъ эти «Вопросы» преимущественно тѣмъ недоучкамъ, которые такъ часто приводятъ въ отчаяніе своихъ друзей и сосѣдей, всюду, въ обществѣ и за трактирнымъ столомъ, своими непереваренными воззрѣніями на «комическое» и «трагическое», своими разглагольствіями о «контрастахъ», о «поэзіи», «философіи», о «трагическомъ состраданіи», о «геніи» и т. д., короче сказать: о предметахъ, которые плохо-понятые, невыносимо-скучны и могутъ интересовать, развѣ, какого-нибудь полуобразованнаго новичка. Всѣмъ этимъ «образованнымъ» господамъ рекомендуемъ отъ души «Эстетическіе Вопросы» Фрауэнштедта: читайте ихъ, и поучайтесь ими послѣ обѣда за кофеемъ, или вечеромъ за чаемъ; объ одномъ только молимъ мы судьбу: да хранитъ она насъ отъ той эстетической лихорадки, которая въ двадцатыхъ годахъ вскружила въ сѣверной Германіи столько головъ и изсушила столько сердецъ. Лихорадка эта была такъ прилипчива, что нужно было имѣть необычайно-крѣпкую голову, чтобъ остаться незараженнымъ, сберечь въ себѣ способность наслаждаться прекраснымъ безъ заднихъ, бо̀льшею-частью дикихъ мыслей, и сохранить ту вѣчную молодость души, безъ которой искусство становится не больше какъ предметомъ роскоши, а не потребностью сердца и усладою жизни».

— Изъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ драматическихъ писателей, къ числу самыхъ плодовитыхъ и любимыхъ публикой принадлежитъ Робертъ Бенедиксъ. Послѣдняя пьеса его носитъ названіе: Ein Lustspiel (комедія). Карлъ Гуцковъ, который, годъ тому назадъ, началъ, въ подражаніе Диккенсу, издавать журналъ «Unterhaltungen am häuslichen Herd» (Бесѣды у домашняго очага), теперь одинъ изъ наибольше читаемыхъ журналовъ въ Германіи, недавно поставилъ на сцену историческую трагедію «Филиппъ и Перезъ», сюжетъ которой взятъ изъ испанской исторіи. Къ лучшимъ произведеніямъ нѣмецкой драматической литературы вообще принадлежатъ двѣ драмы современнаго писателя Отто Людвига: «der Erbforster» (Потомственный Лѣсничій) и «die Makkabäer» (Маккавеи). Большой успѣхъ имѣла комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ «Die Journalisten» (Журналисты) Густава Фрейтага. Любителямъ исторіи театра интересна будетъ книга фон-Кюстнера, бывшаго въ послѣднее время интендантомъ берлинскихъ королевскихъ театровъ: Vier und dreissig Jahre meiner Theaterleitung in Leipzig, Darmstadt, München und Berlin. Zur Geschichte und Statistik des Theaters (Тридцать-четыре года управленіе театромъ въ Лейпцигѣ, Дармштадтѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ. Матеріалы для исторіи и статистики театра). Она издана въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ и посвящена герцогу Эрнсту саксенкобургскому. На гамбургскомъ театрѣ ставятъ вторую часть гётева «Фауста», передѣланную Вальгеймомъ (Wallheim), котораго хвалятъ въ «Гамбургскомъ Безпристрастномъ Корреспондентѣ» (Hamburger unpartheischer Correspondent) не только за сдѣ-

Digitized by Google

ланныя имъ для сцены необходимыя сокращенія, но и за то, «что̀ онъ приложилъ своего къ творенію Гёте, для бо̀льшей связи и точности». Профессоръ Пирсонъ (Pirson) сочинилъ для этой передѣлки музыку. Каковъ-то будетъ успѣхъ?

— Изъ-подъ франкфуртскихъ типографскихъ станковъ недавно вышла книга: Legendenflur aus dem deutschen Dichtergarten. Eine Festgabe, dargeboten von A. Hungari (Цвѣтникъ Легендъ въ саду нѣмецкой поэзіи; праздничный подарокъ, изд. Гунгари). Извѣстно, что германскіе издатели любятъ давать своимъ книгамъ цвѣтистыя названія, и, надо признаться, будь праздничный подарокъ г. Гунгари его собственное сочиненіе, такое заглавіе, пожалуй, заставило бы насъ отложить въ сторону эту книгу, тѣмъ-болѣе, что въ ней 620 страницъ. Къ-счастью, книга г. Гунгари не что̀ иное, какъ собраніе лучшихъ нѣмецкихъ стихотвореній, написанныхъ въ одинаковомъ родѣ. Мы, между прочимъ, встрѣчаемся тутъ съ именами: Арндта, Дрекслера-Манфреда, Владислава Пиркера, Камилла Брентано, Дюнцера, Эгона Эберта, Эйхендорфа, Ламота Фуке, Франкля, Гауди, Гёрреса, графини Ган-Ганъ, Гейне, Иммермана, Юстина Кёрнера, Кинкеля, Копишъ, Круга фон-Нидды, Мальтица, Вольфганга Менцеля, Неймана, графа Платена, Пиркера, Рюккерта, Зейдля, Шлегеля, Густава Шваба, Симрока, Уланда, Фогля, и др. По этимъ ужь именамъ можно судить о богатомъ содержаніи сборника; кромѣ-того, въ немъ находимъ пьесы многихъ, менѣе-извѣстныхъ поэтовъ, которыя съ честью могутъ стоять въ ряду лучшихъ произведеній нѣмецкой легендной литературы: г. Гунгари обратилъ вниманіе на всѣ замѣчательныя легенды, разбросанныя по разнымъ журналамъ и отчасти давно забытыя, и собралъ ихъ въ одну книгу.

— Въ Бреслау явилось второе изданіе стихотвореній графа Морица Страхвица (Gedichte von Moritz Graf Strachwitz. Gesammtausgabe. Zweite Auflage). Графъ Страхвицъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ то время, какъ отъ него многаго еще надѣялась нѣмецкая литература; онъ можетъ быть въ лучшемъ значеніи этого слова названъ германскимъ трубадуромъ: это пѣвецъ и рыцарь, воспѣвавшій задушевными пѣснями нѣжную любовь и женскую красоту, и поднявшій мечъ за родину. Между новѣйшими нѣмецкими поэтами едва-ли есть другой, въ которомъ соединялись бы въ такой степени: нѣжность чувствъ, сила и богатство мыслей и изящество формы. Для характеристики его, какъ пѣвца любви, приводимъ небольшое стихотвореніе:

Wie gerne dir zu Füssen
Sing' ich mein tiefstes Lied,
Indess das heil'ge Abendgold
Durch's Bogenfenster sieht.
Im Takte wogt dein schönes Haupt,
Dein Herz hört stille zu,
Ich aber falte die Hände
Und singe: wie schön bist du!

Wie gerne dir zu Füssen
Schau ich in dein Gesicht,
Wie Mitleid bebt es drüber hin;
Dein Mitleid will ich nicht!
Ich weiss es wohl, du spielst mit mir,
Und dennoch sonder Ruh
Lieg ich vor dir und singe,
Singe: wie schön bist du!

Вотъ русскій переводъ этого стихотворенія:

Ка̀къ люблю я пѣть у ногъ твоихъ самую завѣтную мою пѣсню,

Digitized by Google

когда золотой багрянецъ вечера смотритъ сквозь готическія окна. Прекрасная головка твоя колеблется въ тактъ, тихо прислушивается сердце твое, а я пою: какъ ты прекрасна!

Какъ люблю я смотрѣть у ногъ твоихъ на твое лицо; какъ-будто состраданіе скользитъ по чертамъ его; но я не хочу твоего состраданія. Я хорошо знаю, что ты играешь мною, и все-таки, не зная покоя, пою — пою: какъ ты прекрасна!

— Изъ французскихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время, обратимъ прежде всего вниманіе на весьма-любопытную біографію извѣстнаго кардинала Мецофанти (Le cardinal Mezzofanti, esquise historique par M. A. Manavit, 1 vol. Paris). Извлекаемъ главные факты изъ жизни этого знаменитаго лингвиста.

Въ 1849 году скончался въ Римѣ одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ людей Италіи — кардиналъ Мецофанти. Это имя напоминаетъ удивительнѣйшаго лингвиста, когда-либо существовавшаго и знавшаго не только всѣ главнѣйшіе въ мірѣ языки, но и нарѣчія ихъ. Исторія говоритъ, что понтійскій царь, Митридатъ, зналъ двадцать-два языка. Мецофанти изучилъ семьдесятъ-восемь и говорилъ на нихъ съ легкостью и чистотою, изумлявшею каждаго. Байронъ пишетъ, что онъ никогда не встрѣчалъ такого удивительнаго лингвиста. «Я бесѣдовалъ съ нимъ (говоритъ онъ) на всѣхъ языкахъ, которые самъ зналъ; говорилъ съ нимъ нарѣчіями лодочниковъ, погонщиковъ муловъ, моряковъ, почтальйоновъ — онъ на все отвѣчалъ и изумлялъ меня.».

Ужь пять лѣтъ, какъ знаменитый кардиналъ покоится въ могилѣ и никто еще не составилъ его біографіи, никто не писалъ о физіологической тайнѣ непостижимой его памяти. Наконецъ г. Манави, которому Италія обязана многими религіозными сочиненіями, исполнилъ этотъ важный трудъ, стоившій ему большихъ изъисканій. Кардиналъ, по удивительной скромности, не писалъ ничего ни о своемъ семействѣ, ни о подробностяхъ своей частной жизни, ни о политическомъ своемъ поприщѣ, ни даже о своихъ ученыхъ занятіяхъ, которыя до конца жизни были главнымъ предметомъ вседневныхъ его работъ. Въ римскихъ газетахъ мало свѣдѣній о Мецофанти, но Манави лично зналъ кардинала, имѣлъ обширныя знакомства въ Италіи, друженъ былъ съ нѣкоторыми изъ учениковъ Мецофанти и успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы.

Мецофанти, прозванный нѣмцами *der Sprachenbündiger* (покоритель языковъ), родился въ Болоньи, въ отечествѣ художества и литературы, на родинѣ Бенедикта XIV, Гвидо, Альбано, трехъ Каррачей и многихъ другихъ замѣчательныхъ лицъ. Отецъ его былъ Франческо Мецофанти, мать Гуэзуальда, дочь Оламо. Онъ родился 17 сентября 1771 года, и получилъ при св. крещеніи имена Гаспара и Іосифа. Домъ, гдѣ онъ родился, существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Семейство его было бѣдно, но пользовалось всеобщимъ уваженіемъ; оно вело жизнь простую и благочестивую. Въ концѣ XVIII вѣка въ Италіи еще сохранялись патріархальные нравы.

Въ одной изъ болоньскихъ общинъ жилъ нѣкто патеръ Джіовани

Digitized by Google

Respиги. Онъ былъ друженъ съ семействомъ Мецофанти, часто носилъ ребенка на рукахъ, и потомъ былъ покровителемъ его и другомъ. Онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на жизнь Мецофанти и, умирая въ преклонныхъ лѣтахъ, видѣлъ своего воспитанника кардиналомъ.

Мецофанти началъ учиться у болонскаго патера Дона Филиппа Чекоти, и успѣхи его были такъ быстры, что отецъ его, вовсе не желая видѣть въ немъ ученаго, или писателя, хотѣлъ прекратить ученье. Только по усильнымъ просьбамъ рѣшился онъ оставить сына въ коллегіумѣ. Безъ убѣдительнаго посредничества Чекоти, вѣроятно, Мецофанти оставался бы всю свою жизнь болонскимъ ремесленникомъ.

Съ жаромъ принялся онъ за ученье; пятнадцати лѣтъ кончилъ курсъ риторики и философіи, и въ слѣдующіе два года предался изученію языковъ съ такою неутомимою ревностью, что здоровье его разстроилось и доктора̀ запретили ему на-время всякія занятія.

Патеръ Респиги помѣстилъ его на семнадцатомъ году въ Болонскую Епископскую Семинарію. Предшествуемый извѣстностью, встрѣтилъ онъ тамъ новые успѣхи. Здѣсь онъ занялся изученіемъ греческаго языка со всѣми его нарѣчіями.

Доминиканецъ Оливьери былъ его преподавателемъ въ еврейскомъ языкѣ, и въ то же время Мецофанти учился арабскому и всѣмъ европейскимъ діалектамъ.

23 сентября 1797 года рукоположенъ онъ былъ священникомъ, и 5 декабря того же года началъ преподавать въ Болонскомъ Университетѣ арабскій языкъ. Ему было тогда двадцать-четыре года.

Въ это время начались войны въ Италіи. Болонья нѣсколько разъ была занимаема французами и австрійцами. Городъ наполнился походными лазаретами, и Мецофанти посвятилъ себя на служеніе страждущему человѣчеству, какъ переводчикъ, врачъ и духовникъ. Съ душевною грустью разсказываетъ онъ, что безпрестанно встрѣчалъ французовъ, которыхъ тѣлесныя болѣзни ничего не значили въ сравненіи съ язвами души, пораженной безвѣріемъ.

Въ 1804 году назначенъ онъ былъ профессоромъ греческаго и всѣхъ восточныхъ языковъ въ Болонскомъ Университетѣ.

Когда же Пій VII возвратился изъ заключенія своего въ Фонтенбло на папскій престолъ, то потребовалъ, при переѣздѣ, чтобъ ему представили Мецофанти. Принявъ его самымъ ласковымъ образомъ, онъ предложилъ ему мѣсто секретаря въ Коллегіи Религіозной Пропаганды; но скромный профессоръ умолилъ папу оставить его на родинѣ.

Между-тѣмъ слава знаменитаго лингвиста ужь распространилась по Европѣ, и отличія посыпались на него: Мюратъ предложилъ ему неаполитанскій орденъ. Въ 1819 году, австрійскій императоръ, во время пребыванія своего въ Болоньи, принялъ его, будучи окруженъ свитою изъ всѣхъ націй, входящихъ въ составъ Австрійской Имперіи, и всѣ они разговаривали съ Мецофанти на своихъ діалектахъ, получая самые ясные и удовлетворительные отвѣты. Желая выразить особое вниманіе, императоръ предложилъ ему блистательное мѣсто въ Вѣнѣ; но Мецофанти отказался отъ него. Великій герцогъ тосканскій лично убѣждалъ его поселиться въ его владѣніяхъ; но Мецофанти принялъ

Digitized by Google

только пожалованный ему орденъ св. Іосифа. Ничто не могло оторвать его отъ любимыхъ имъ занятій. .

Въ 1818 году, одинъ знаменитый армянинъ прибылъ въ Болонью, и Мецофанти воспользовался этимъ, чтобъ изучить у него армянскій языкъ.

Еще до того времени изучилъ онъ коптскій языкъ съ тремя нарѣчіями его, и потомъ въ ватиканскихъ манускриптахъ нашелъ много драгоцѣнныхъ документовъ на этихъ діалектахъ.

У грековъ, прибывшихъ въ Италію во время волненій, бывшихъ въ ихъ отечествѣ, Мецофанти выучился новогреческому языку; но объявилъ при этомъ, что этотъ языкъ никогда не будетъ классическимъ, потому-что столь же ниже древне-эллинскаго, какъ латинскій языкъ среднихъ вѣковъ ниже языка Цицерона и Виргилія.

Бискайскіе патеры выучили его баскскому языку, извѣстному своею трудностью.

У профессора Розаріо, прозваннаго *il chirurgo mauro*, изучилъ онъ бирманскій языкъ. Одна грузинская фамилія, поселившаяся въ Болоньи, сообщила ему много свѣдѣній о діалектахъ Кавказскаго Края.

Такимъ-образомъ, при публичномъ преподаваніи въ Болонскомъ Университетѣ, обнаруживалъ Мецофанти всѣ сокровища своей учености. Всѣ товарищи его склонялись предъ нимъ. Въ Болоньи было тогда много знаменитыхъ ученыхъ: Валеріани, Томассини, Оріоли и Скіасси, достойные преемники Гальвани, Монти, Занотти и знаменитая Клотильда Тамброни.

О послѣдней скажемъ, мимоходомъ, нѣсколько словъ. Она тоже родилась въ Болоньи, въ 1758 году. Въ молодости она была золотошвейною и всегда сидѣла въ той залѣ, гдѣ братъ ея бралъ уроки въ греческомъ языкѣ. Повидимому, она вовсе не участвовала въ этихъ занятіяхъ; но, однажды, когда брату ея сдѣлали вопросъ, на который онъ не могъ отвѣчать, она, вмѣсто его, отвѣчала и изумила профессора. Тогда родители поручили двумъ іезуитамъ, Коломесу и Да-Понте, усовершенствовать ея познанія, и вскорѣ она публично прочла въ Академіи *Дельи Инестрикати*, греческіе стихи своего сочиненія. Вскорѣ потомъ сдѣлалась она членомъ многихъ академій, а въ 1794 году Болонскій Сенатъ назначилъ ее профессоромъ греческаго языка; это мѣсто она сохранила до 1798 года, когда уволена была за отказъ въ присягѣ революціонному правительству.

Клотильда читала лекціи всегда подъ вуалемъ. Впослѣдствіи Наполеонъ возвратилъ ей званіе профессора, но она ужь не читала лекцій, а вела только переписку со всѣми учеными современниками. Анс-Виллуазонъ, одинъ изъ ученѣйшихъ эллинистовъ, говоритъ, что только три человѣка могутъ такъ писать, какъ Клотильда, и только пятнадцать поймутъ ее. Она умерла въ 1817 году, оставя всѣ свои рукописи брату своему, который тоже скончался, не успѣвъ напечатать ихъ.

Политическія волненія 1830 года во Франціи распространились и на Италію. Когда же спокойствіе возстановилось, городъ Болонья отправилъ къ папѣ депутацію изъ значительнѣйшихъ своихъ сограж

данъ, чтобъ изъявить ему выраженіе своей преданности. Въ числѣ депутатовъ былъ и Мецофанти. Григорій XVI возвелъ его въ санъ епископа, съ титломъ протонотарія, и требовалъ, чтобъ онъ непремѣнно поселился въ Римѣ.

Въ засѣданіи Консисторіи, 12 февраля 1839 года, Мецофанти былъ пожалованъ кардиналомъ. Изъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на него, самою пріятною былъ надзоръ за ученіемъ питомцевъ въ Пропагандѣ. Лучшимъ же его праздникомъ было такъ-называемое въ Римѣ *празднество языковъ*. Всѣ воспитанники этой академіи читаютъ свои сочиненія на пятидесяти діалектахъ. До публичнаго ихъ чтенія, Мецофанти просматривалъ ихъ сочиненія и поправлялъ.

Однажды Григорій XVI захотѣлъ видѣть импровизированную сцену многоязычія. Въ аллеяхъ ватиканскаго сада велѣлъ онъ спрятаться множеству учениковъ Пропаганды. При обыкновенной своей прогулкѣ, велѣлъ онъ сопутствовать себѣ кардиналу Мецофанти, и когда они проходили по аллеѣ, по данному сигналу всѣ питомцы вышли изъ-за деревьевъ и, преклонивъ колѣно передъ папою, тотчасъ же обратились къ кардиналу на всевозможныхъ діалектахъ съ такою скоростью и многословіемъ, что не всякій бы успѣлъ отвѣчать и на собственномъ своемъ языкѣ; но Мецофанти вовсе не смутился. Онъ съ такою же быстротою и живостью отвѣчалъ каждому изъ нихъ, ясно и удовлетворительно. Папа съ изумленіемъ присутствовалъ при этомъ явленіи, пораженный способностями кардинала.

Мецофанти зналъ многія простонародныя нарѣчія Франціи, какъ, напримѣръ, нижне-бретонское, и съ большою тонкостью различалъ уроженцевъ даже различныхъ племенъ. Однажды одинъ французскій священникъ заговорилъ съ нимъ на романскомъ языкѣ. — «Напрасно употребляете вы этотъ діалектъ, сказалъ ему Мецофанти: вы не изъ Тулузы, вы не провансалъ, и однакожь, вы родились недалеко отъ этого города.» Дѣйствительно, собесѣдникъ его былъ изъ Монтабана.

Въ концѣ 1848 года силы Мецофанти стали видимо упадать. Во время печальнаго 1849 года онъ ужь вовсе не выходилъ изъ дома. Въ февралѣ обнаружилось воспаленіе въ лёгкихъ; скорыя пособія и дѣтская нѣжность племянницы его, Минарелли, прекратили болѣзнь и опасность; но силы ужь были истощены; болѣзнь скоро возобновилась, и 11 марта его не стало.

Несчастное положеніе Рима не дозволило тогда сдѣлать ему приличныхъ похоронъ. Тѣло его не было выставлено въ Залѣ Кардиналовъ. На другой же день, послѣ кончины, его похоронили, какъ частнаго человѣка, въ церкви св. Онуфрія. За гробомъ шли только слуги съ факелами и ѣхали три кареты. Онъ былъ погребенъ подлѣ Тасса. Въ 1598 году знаменитый поэтъ Италіи изъ феррарской тюрьмы искалъ убѣжища въ этомъ монастырѣ. Знаменитый лингвистъ погребенъ теперь подлѣ великаго поэта.

Весь просвѣщенный міръ долженъ сожалѣть, что Мецофанти не оставилъ никакихъ записокъ о изученіи языковъ и методѣ его для усвоенія себѣ столькихъ діалектовъ. Какимъ образомъ онъ такъ быстро проникалъ въ грамматическій составъ и литературу каждаго языка?

Digitized by Google

Какъ могъ вмѣстить въ своей памяти такое огромное число словъ и звуковъ? Тайна эта легла съ нимъ въ гробъ.

Одинъ итальянскій писатель сообщаетъ, что Мецофанти не только хорошо говорилъ на всѣхъ семидесяти-восьми языкахъ, но и сочинялъ на нихъ стихи. А извѣстно, что это самое трудное литературное занятіе на всѣхъ діалектахъ. Этотъ же писатель говоритъ, что Мецофанти составилъ: *Сравнительный очеркъ знаковъ языковъ Сима, Хама и Іафета,* въ которомъ обозначалъ общій источникъ ихъ и взаимныя отношенія по словамъ и звукамъ. Мецофанти говорилъ тоже, что приготовилъ простую методу легко изучать множество діалектовъ. Куда дѣвались эти рукописи?

Одинъ изъ учениковъ пишетъ, что Мецофанти при немъ читалъ въ Болоньи на лекціяхъ записку о діалектахъ горскихъ поколѣній *Sette communi* (около Виченцы). По его мнѣнію, языкъ этотъ остался отъ первыхъ кимвровъ и тевтоновъ, пришедшихъ въ Европу. И этой записки не найдено по смерти кардинала, хотя въ протоколѣ и записано это чтеніе. Тотъ же писатель, Каведани, говоритъ, что Мецофанти сочинилъ философскій обзоръ языковъ и всеобщую грамматику, но потомъ, по чрезвычайной скромности (soverchia delicatezza), бросилъ ихъ въ огонь. Единственное, оставшееся отъ Мецофанти сочиненіе — *Похвальная рѣчь,* говоренная въ 1819 году, въ честь его греческаго учителя Да-Понте.

— Г. Скловеръ издалъ книгу *Entrevue de Napoleon et de Göethe* (Свиданіе Наполеона съ Гёте) и объявилъ, что она напечатана только въ числѣ *десяти экземпляровъ* (tiré à dix exemplaires). Это все та же исторія о извѣстномъ свиданіи, разсказанная самимъ поэтомъ въ его сочиненіяхъ. Главное обстоятельство свиданія и разговора состоитъ въ томъ, что Наполеонъ указалъ Гёте на одно мѣсто въ Вертерѣ, которое ему показалось неестественнымъ; съ чѣмъ и Гёте принужденъ былъ согласиться. Но, какъ въ сочиненіяхъ Гёте не указано это мѣсто, то до-сихъ-поръ было множество толковъ и споровъ о немъ. Дюнцеръ въ своей книгѣ: *Studien zu Göthes Werken* объявилъ, что, основываясь на воинственномъ характерѣ критики Наполеона, надобно принять, что онъ хотѣлъ сказать о томъ мѣстѣ, гдѣ Вертеръ въ письмѣ своемъ говоритъ, что, видя невозможность обладать Шарлотою, онъ *пойдетъ въ солдаты.* Вертеръ, съ ружьемъ на плечахъ, долженъ былъ казаться Наполеону страннымъ солдатомъ. Эта ипотеза была бы хороша, еслибъ не была опровергнута въ Запискахъ канцлера Мюллера. Тотъ объявляетъ, что самъ Гёте разсказывалъ ему о свиданіи съ Наполеономъ и о томъ, что императоръ указалъ поэту на то мѣсто, гдѣ Вертеръ говоритъ, что онъ рѣшился бы умереть не изъ одной страсти, а даже изъ оскорбленнаго самолюбія. Замѣчаніе Наполеона было справедливо, и Гёте сознался въ этомъ тѣмъ охотнѣе, что давно ужь до свиданія съ Наполеономъ самъ исправилъ это мѣсто въ слѣдующихъ изданіяхъ Вертера, а Наполеонъ читалъ его въ первомъ изданіи. Вотъ главное содержаніе брошюры Скловера.

Перечислимъ теперь еще нѣсколько замѣчательнѣйшихъ сочиненій,

Digitized by Google

изданныхъ въ послѣднее время по разнымъ отраслямъ наукъ и литературы, соблюдая въ нашихъ библіографическихъ замѣткахъ одинъ хронологическій порядокъ.

— Memoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. *(Записки и корреспонденція политическая и военная короля Іосифа).* Книга эта составлена г. Дюкассомъ, адъютантомъ принца Іеронима, и будетъ состоять изъ восьми томовъ; теперь вышли только первые. Въ полномъ сочиненіи будетъ заключаться: жизнь Іосифа Бонапарте, историческіе отрывки, написанные имъ самимъ, корреспонденція его съ Наполеономъ, исторія неаполитанской войны и царствованія Іосифа, исторія испанской войны и второе царствованіе Іосифа, отъѣздъ Іосифа въ Америку, жизнь его тамъ до 1830 года и корреспонденція его съ разными лицами до смерти въ 1844 году.

Записки эти, составленныя по офиціальнымъ документамъ и вѣрнымъ свѣдѣніямъ, чрезвычайно-любопытны и объясняютъ нѣкоторыя темныя мѣста въ исторіи имперіи. Разумѣется, что самое занимательное мѣсто въ этихъ запискахъ—корреспонденція двухъ знаменитыхъ братьевъ, и особенно письма Наполеона, въ которыхъ онъ, въ минуты несчастія называетъ брата — *лучшимъ и единственнымъ другомъ*. Кромѣ этихъ историческихъ писемъ, есть еще въ книгѣ много занимательныхъ анекдотовъ и писемъ знаменитыхъ людей того времени.

— Роже де-Бовуаръ издалъ прекрасный томъ стихотвореній подъ названіемъ Colombes et Couleuvres *(Горлицы и Змѣи)*. Любители поэзіи въ восторгѣ отъ новаго произведенія одного изъ замѣчательныхъ современныхъ поэтовъ.

— Poèsies complètes de J. P. Hebel *(Полныя стихотворенія Гебеля)*, переведенныя Максомъ Бюшономъ. Сами германцы считаютъ этого поэта не столько оригинальнымъ, сколько страннымъ, и главное достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ умѣлъ приспособить къ поэзіи жесткое нарѣчіе жителей Шварцвальда. Гебель поэтъ простонародный и невозможно переложить его стихи ни на какой языкъ, не лишивъ ихъ главной прелести — національности. Стало-быть, г. Максъ Бюшонъ предпринялъ самый неблагодарный трудъ и притомъ самый безполезный, потому-что поэзія Гебеля не стòитъ того, чтобъ знакомить съ нею Францію. Переводчикъ, стараясь вѣрно поддѣлаться къ оригиналу, употребляетъ простыя, грубыя выраженія, которыя иногда наивны, но чаще смѣшны. Гебель входитъ въ подробности до-того мелочныя и тривіальныя, что никто не можетъ интересоваться ими, кромѣ, развѣ, крестьянъ, для которыхъ онъ писалъ свои стихи. Притомъ же у германскаго поэта всѣ эти несовершенства выкупаются талантомъ и иногда сильными стихами; но у переводчика этого не можетъ быть, потому-что съ геніальностью онъ бы не осудилъ себя на переводы. Въ стихахъ, гдѣ менѣе эксцентричности, но болѣе простоты и чувства, г. Бюшонъ нисколько не ниже оригинала. Приведемъ, въ доказательство, отрывокъ изъ стихотворенія подъ названіемъ: *Agathe au cercueil de son parrain*.

Digitized by Google

Agathe, viens, ma fille et sois sans nulle crainte;
Regarde ton parrain, sans te mettre en émoi:
Vois, la vie en lui s'est si doucement éteinte!
Il est si bien là, va ne pleure pas, crois-moi.

Il est la si tranquille et calme dans sa bière!
On dirait qu'il entend tout ce que nous disons;
On dirait qu'il sourit, et qu'il va, pauvre chère,
Nous adresser encor quelques douces leçons.
. . . .

Il dort et ne peut plus te voir, pauvre petite,
Car il te souriait à ce moment d'adieu
Comme il te souriait en disant: — je vous quitte,
Mais nous nous reverrons bientôt près du bon Dieu!

Agathe, allons-nous-en, va, sur ce doux présage,
Ton parrain était digne, oui, de tout notre amour;
Allons-nous en, ma chère enfant, et soit bien sage,
Jusqu'à ce que la mort nous prenne à notre tour.

— Der verlorne Sohn *(Потерянный Сынъ)*, соч. Мейера-Меріана.

Христіанъ, сынъ доброй вдовы честнаго ремесленника, живетъ въ маленькомъ германскомъ городкѣ. Онъ вышелъ изъ школы и приступаетъ къ выбору карьеры. Крестный отецъ и опекунъ Христіана столярный мастеръ—типъ честнаго и строгаго ремесленника, требуетъ, чтобъ молодой человѣкъ повиновался волѣ родныхъ и заставляетъ его приняться за столярное искусство, которое молодой человѣкъ ненавидитъ, но соглашается на все потому, что видитъ слезы матери; онъ терпѣливо переноситъ упреки стараго мастера и шутки товарищей. Тщеславныя мысли наполняютъ голову молодаго человѣка, и онъ давно бъ бросилъ свои инструменты, еслибъ Марія, внучка старика, не удерживала его въ скучной мастерской.

Проходятъ годы, ученикъ дѣлается работникомъ и отправляется въ путь вокругъ Германіи, поцаловавъ нѣжно мать и Марію и выслушавъ наставленіе опекуна. Христіанъ только этого и ждалъ. Онъ думаетъ, что въ большихъ городахъ найдетъ счастіе и находитъ тамъ испорченность нравовъ. Несмотря на многія неудачи, молодой человѣкъ думаетъ, что онъ рожденъ для высокой цѣли и будетъ играть важную роль въ свѣтѣ. Крестный отецъ его, умирая, оставляетъ ему двѣсти талеровъ, и съ этою суммою Христіанъ надѣется найдти счастіе. Онъ скрываетъ свое происхожденіе и попадаетъ въ одно семейство зажиточнаго бюргера, который берется ему покровительствовать. Дочь покровителя, дѣвица Аврора, берется перевоспитать молодаго человѣка и учитъ его всѣмъ пріемамъ средняго общества. Къ-несчастію, отецъ, узнавъ, что простой ремесленникъ смѣлъ втереться въ его домъ и надѣяться на любовь Авроры, прогоняетъ влюбленнаго.

Digitized by Google

Это происшествіе производитъ спасительное дѣйствіе на Христіана. Онъ вездѣ встрѣчалъ одно презрѣніе, непріятности и неудачи и поневолѣ вспомнилъ о мѣстѣ рожденія, о счастіи первыхъ лѣтъ молодости. Мечты его о славѣ исчезли и онъ хочетъ вернуться къ прежней трудолюбивой жизни. Но силы измѣняютъ ему, средства всѣ истощились и онъ доходитъ до своего роднаго городка, больной, почти умирающій. Къ-счастью, его мать и Марія возвращаютъ его къ жизни своими заботами, и женихъ гордой Авроры совершенно счастливъ, когда скромная Марія отдаетъ ему свою руку и вмѣстѣ съ нею заведеніе стараго мастера.

Вотъ все сочиненіе г. Мейера-Меріана. Въ немъ мало эффектныхъ сценъ, поразительныхъ картинъ; но изображеніе простой жизни, съ ея обыкновенными перемѣнами, имѣетъ много привлекательности.

— Geistesworte aus Goethes Briefen und Gesprechen *(Остроумныя выраженія и слова, выбранныя изъ писемъ Гёте)* Лудвигомъ Ланцизолемъ. Насъ интересуютъ всѣ подробности жизни великихъ людей; въ писателяхъ намъ любопытны не столько ихъ поступки, сколько образъ мыслей, мелкія замѣчанія, острыя слова, которыя находятся не въ большихъ и знаменитыхъ сочиненіяхъ, а въ дружескихъ письмахъ или отрывочныхъ замѣткахъ. Германцы по справедливости гордятся своими великими поэтами Шиллеромъ и Гёте и потому собрали о нихъ всевозможныя свѣдѣнія, всѣ малѣйшія подробности. Компиляція Ланцизоля показываетъ, какъ понималъ Гёте всѣ искусства, какъ онъ выражался о нихъ, въ какой степени уважалъ ихъ. Тутъ собраны также мысли германскаго поэта о природѣ, человѣчествѣ, наукѣ и поэзіи.

— Gymnastique populaire *(Популярная Гимнастика)*. Книга эта составлена Кліасомъ, который ужъ тридцать лѣтъ хлопочетъ о томъ, чтобъ распространить свою науку для пользы и красоты людей. Множество молодыхъ людей неспособны ни къ какой службѣ и занятію по случаю разныхъ тѣлесныхъ недостатковъ и слабости здоровья. Въ воспитаніе дѣтей должна непремѣнно входить гимнастика, потому-что это единственное средство сохранить здоровье и красоту тѣла. Польза гимнастики давно ужъ доказана всѣми докторами, и пора бы ввести ее во всѣ учебныя заведенія. Въ Швейцаріи, Австріи, Англіи, Сардиніи и въ Нормальной Версальской Школѣ гимнастика ужъ введена, и желательно, чтобъ Парижъ скорѣе принялъ ее для улучшенія здоровья своихъ учениковъ. Въ нѣсколько лѣтъ гимнастическихъ упражненій самыхъ легкихъ и естественныхъ, человѣкъ хилый и жалкій дѣлается здоровымъ, бодрымъ, сильнымъ и способнымъ защищаться отъ всѣхъ нападеній. Разумѣется, что въ дѣтскихъ лѣтахъ гимнастика еще дѣйствительнѣе и, развивая силы ребенка, способствуетъ правильному росту, ловкимъ движеніямъ, красотѣ походки. Не однимъ мальчикамъ необходимы гимнастическія игры, бѣганье, скаканье, качанье и пр.; дѣвочки тоже много выиграютъ въ граціи и ловкости, если будутъ посѣщать гимнастическій классъ. Во многихъ курсахъ воспитанія приняты для дѣвочекъ только танцы, а для мальчиковъ фехтованье. Этого недостаточно; и Кліасъ доказываетъ, въ своей книгѣ,

Digitized by Google

какъ необходима гимнастика для обоихъ половъ и во всѣхъ возрастахъ. Опытность профессора и многіе примѣры говорятъ въ пользу искусства Кліаса; а такъ-какъ здоровье и крѣпкое сложеніе составляютъ первое желаніе родителей, то можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени болѣзни и безсиліе уменьшатся.

— Le Museum d'histoire naturelle *(Музей Естественной Исторіи)*, соч. Капа. Подъ этимъ названіемъ вышла полезная книга, заключающая въ себѣ исторію основанія и постепенное развитіе парижскаго ботаническаго сада, біографіи ученыхъ людей, профессоровъ и путешественниковъ, которые трудились надъ распространеніемъ естественныхъ наукъ.

Въ 1577 году житель Парижа Николай Гуэль, наживъ порядочное состояніе содержаніемъ аптеки, вздумалъ основать заведеніе, въ которомъ сироты получали бы даромъ воспитаніе и, главное, изучали бы искусство аптекаря. Съ этой цѣлью устроена была аптека, гдѣ бѣдные получали даромъ всѣ лекарства, и разведенъ садъ съ рѣдкими растеніями и лекарственными травами. Тутъ былъ и небольшой госпиталь, тоже для бѣдныхъ. Этотъ уголокъ съ нѣсколькими деревьями и кустами былъ первый ботаническій садъ во Франціи, и теперь еще принадлежитъ къ аптекарской школѣ.

Въ это же время у Жака Гогори былъ въ сен-марсельскомъ предмѣстьи большой садъ, въ которомъ собирались всѣ ученые того времени, Амбруазъ Паре, Жанъ Фернель, Жанъ Шапельё и другіе. Извѣстный садовникъ Жанъ Робенъ составилъ у себя рѣдкое собраніе цвѣтовъ, которымъ любовался весь Парижъ; и такъ-какъ страсть къ цвѣтамъ и растеніямъ распространялась все болѣе, то Генрихъ IV и основалъ, въ 1596 году, ботаническій садъ.

Въ 1626 году, Ришельё, отъ имени короля, купилъ въ предмѣстьи Сен-Викторъ большой домъ съ садомъ и приказалъ устроить ботаническій садъ, гдѣ бы могли учиться студенты медицины. Разумѣется, это стоило большихъ трудовъ и большихъ денегъ, но начало было ужь положено и съ-тѣхъ-поръ ботаническій садъ началъ процвѣтать, увеличиваться, обогащаться разными иностранными рѣдкими растеніями. Книга г. Капа, разсказывающая исторію этого сада, наполнена прекрасными рисунками, изображающими цвѣты, травы, корни, полезные для науки и даже сцены, напоминающія самопожертвованія и терпѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, переносившихъ, для пользы науки, всевозможныя лишенія и опасности. Всѣ знаютъ, что Деклiё, везшій на кораблѣ первые отростки кофейнаго дерева, мучился жаждою, но воду, раздаваемую порціями, употреблялъ на то, чтобъ поливать растеніе. А сколько заботъ стоило Бернару де-Жюссьё привести въ своей шляпѣ два отростка ливанскихъ кедровъ, которые служатъ украшеніемъ нынѣшняго ботаническаго сада въ Парижѣ! Подобныхъ анекдотовъ множество въ этой занимательной и полезной книгѣ.

— L'Abbé Suger *(Аббатъ Сугерій)*, соч. Комба. Сугерій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, управлявшихъ Франціею во время капетинговъ. Комбъ разсказываетъ просто и изъ достовѣрныхъ источниковъ эту жизнь, посвященную на благо и пользу отечества.

Digitized by Google

Сугерій заслужилъ не только славу, но и любовь своихъ согражданъ. Трудъ Комба, имѣетъ похвальную цѣль и можетъ почесться одною изъ примѣчательныхъ страницъ исторіи Франціи. Для насъ онъ интересенъ, какъ подтвержденіе замѣчательнаго сочиненія о томъ же предметѣ нашего русскаго ученаго.

— Le foyer du Presbytère *(Бесѣды въ Пресвитеріи)*, соч. Эрнеста де-Лиманя. Подъ этимъ названіемъ выходятъ нравоучительные разсказы для юношества. Въ каждой повѣсти заключается урокъ, который можетъ принести большую пользу, тѣмъ болѣе, что онъ облеченъ въ увлекательный разсказъ, который можетъ доставить удовольствіе и не однимъ дѣтямъ. Лимань ужь извѣстенъ произведеніями подобнаго рода и быстрая распродажа его книгъ свидѣтельствуетъ, что цѣль его достигнута, потому-что его читаютъ. Чего же больше?

— Dictionaire de l'économie politique *(Словарь политической экономіи)*. Этой полезной книги недоставало для экономическихъ наукъ, и потому ученые очень-благодарны составителямъ этого изданія. Книга эта необходима не только во всѣхъ библіотекахъ, но даже во всѣхъ кабинетахъ. Кромѣ правилъ науки и постепеннаго ея развитія въ словарѣ, находятся также краткія біографіи всѣхъ извѣстныхъ экономистовъ.

— Agathe et Cécile *(Агата и Цецилія)*, романъ Альфонса Карра, простая и трогательная исторія, въ которой представленъ контрастъ жизни деревенской и городской. Разумѣется, что мысль эта не новая; но Карръ умѣетъ придать такую прелесть подробностямъ и оригинальность описаніямъ, что читатель и не требуетъ запутаннаго содержанія. Вообще, романъ этотъ напоминаетъ лучшія произведенія автора *Самой близкой дороги*. Особенно характеры двухъ женщинъ превосходны. Вмѣстѣ съ этимъ занимательнымъ разсказомъ, Альфонсъ Карръ помѣстилъ нѣсколько отдѣльныхъ статей и сценъ; и хотя одна изъ нихъ, подъ названіемъ: *Нормандская духовная*, очень оригинальна, но, послѣ трогательныхъ страницъ Агаты и Цециліи кажется, сухою и незанимательною. Вся вина автора въ томъ, что онъ позволилъ издателю соединить въ одной книгѣ разнохарактерныя произведенія, которыя вредятъ одно другому.

— L'art italien *(Итальянское искусство)*, соч. Альфреда Дюмениля. Книга эта не исторія, но только введеніе къ изученію искусства въ Италіи. Авторъ разсказываетъ развитіе искусствъ въ Италіи, причины процвѣтанія и послѣдующаго упадка. Надобно ли вѣрить Дюменилю, что возрожденіе искусствъ, остановившееся въ Италіи, въ XVI вѣкѣ, перешло черезъ Альпы и продолжаетъ существовать въ Европѣ до XIX столѣтія? Современное искусство, кажется, находится въ томъ же періодѣ, какъ въ періодѣ Джіоты и Корреджіо. Впрочемъ, эти вопросы разрѣшитъ время, и напрасно авторъ даетъ имъ столько мѣста въ своей книгѣ, которая должна была хладнокровно и вѣрно разсказать успѣхи искусства, а не увлекаться поэтическимъ вдохновеніемъ. Несмотря на эти небольшіе недостатки, книга объ искусствѣ въ Италіи составлена добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла, если не со всею строгостью историка.

Digitized by Google

— Corrections faites par Bossuet à un livre de M-me de la Vallière. *(Поправки, сдѣланныя Боссюэтомъ въ книгѣ г-жи Лавальеръ).* Между рѣдкостями луврской библіотеки есть книга, которая можетъ почесться большою драгоцѣнностью для Франціи. Это— маленькій томъ in-18, названный: *Размышленія о милосердіи Бога,* сочиненіе кающейся женщины. (Reflexions sur la miséricorde de Dieu, par une dame pénitente), 5-е изданіе, 1688 года. Парижъ. На всѣхъ страницахъ этого тома сбоку, сверху, снизу и въ пробѣлахъ сдѣланы замѣтки твердою, скорою, энергическою рукою. Авторъ этой книги — герцогиня Лавальеръ, а поправки дѣлалъ Боссюэтъ.

Эта книга, часто-перепечатываемая, вышла нынче новымъ изданіемъ. Нашлись люди, которые сомнѣвались, что размышленія эти написаны г-жею Лавальеръ, и приписывали сочиненіе многимъ историческимъ дамамъ и, между-прочимъ, герцогинѣ Лонгвиль. Несправедливость этого мнѣнія можно доказать первой страницей книги, гдѣ соединены имена герцогини Лавальеръ и Луизы, сестры милосердія. Не стòитъ и опровергать неосновательныхъ мнѣній, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно расположеніе знаменитаго епископа къ страдалицѣ. Онъ былъ повѣреннымъ ея чувствъ и духовникомъ ея съ той минуты, какъ продолжительная болѣзнь обратила всѣ ея мысли къ Богу; и когда раскаяніе и религіозныя чувства замѣнили всѣ житейскія помышленія. Боссюэтъ самъ прочиталъ рѣчь въ день постриженія г-жи Лавальеръ съ такимъ же чувствомъ и талантомъ, какъ въ день погребенія герцогини орлеанской и на могилѣ Конде.

Сомнѣвались также въ томъ, самъ ли Боссюэтъ дѣлалъ поправки въ книгѣ и его ли рукою исписаны всѣ пробѣлы? На это еще легче отвѣчать. Знаменитый проповѣдникъ оставилъ много рукописей и стòитъ только сличить почеркъ, чтобъ увидѣть, что замѣтки писаны одной рукой. Притомъ же, на самомъ экземплярѣ, въ луврской библіотекѣ, написано неизвѣстно кѣмъ на оберткѣ: *Это превосходное сочиненіе г-жи Лавальеръ исправлено г-мъ Боссюэтомъ, почему книга эта еще драгоцѣннѣе.* Замѣчаніе это подписано двумя начальными буквами; почеркъ и ороографія свидѣтельствуютъ, что эта надпись сдѣлана вскорѣ послѣ смерти Боссюэта.

Послѣ всѣхъ неоспоримыхъ доказательствъ, нашлись еще критики, которые утверждаютъ, что поправки въ книгѣ г-жи Лавальеръ не могли быть сдѣланы Боссюэтомъ, потому-что онѣ противорѣчатъ его характеру, его слогу и даже привычкамъ. Все это можно объяснить тѣмъ, что Боссюэтъ писалъ здѣсь не проповѣдь, не надгробную рѣчь, не нравоученіе, а только поправлялъ религіозныя размышленія, смягчалъ въ нихъ слишкомъ-сильные порывы, воспоминанія, сожалѣнія. Притомъ онъ, можетъ-быть, и не воображалъ, что замѣтки его сдѣлаются извѣстными, перейдутъ, какъ драгоцѣнность, въ потомство и произведутъ столько споровъ и толковъ. Онъ взялся, по расположенію къ г-жѣ Лавальеръ, исправить ея неопытное сочиненіе, и забывъ свой собственный характеръ и слогъ, могъ стараться поддѣлаться подъ слогъ сочинительницы, чтобъ не сдѣлать большаго контраста. Религіозныя же чувства всегда одинаковы у епископа и у се-

Digitized by Google

стры Милосердія. Вотъ одинъ отрывокъ, показывающій, въ какомъ родѣ были поправки Боссюэта въ книгѣ г–жи Лавальеръ.

Текстъ г-жи Лавальеръ. Que vous rendrai–je, mon Dieu, pour m'avoir rendu la santé et la vie, pour *m'avoir retirée* des portes de l'enfer, pour avoir conservé mon âme, enfin pour tant *de graces* et de misericordes dont vous avez usé envers votre *pauvre* servante.

Поправка Боссюэта. Que vous rendrai-je, mon Dieu, pour m'avoir rendu la santé et la vie, *pour la grâce que vous m'avez faite de me retirer* des portes de l'enfer, pour avoir conservé mon âme, enfin pour tant de *misericordes*, dont vous avez usé envers votre *indigne* servante.

Послѣ жестокой болѣзни, г–жа Лавальеръ окончательно рѣшилась удалиться отъ свѣта и окончила свое сочиненіе въ тихомъ убѣжищѣ кармелитокъ.

Вотъ еще другой отрывокъ, напоминающій искреннее раскаяніе *скромной фіалки*, какъ ее называетъ г–жа Севинье.

Текстъ. Rendez moi, o mon Dieu, la santé de *mon âme, et faites que je vous demande* par dessus toutes choses cette joie sainte, que la vicissitude de tout ce qui se passe ici-bas ne saurait ébranler; *je veux dire* la joie de me voir delivrée de l'esclavage du péché *et* de me voir dans l'ordre de votre divine providence et dans le chemin de mon salut.

Поправлено. Rendez moi, o mon Dieu, la santé *de l'âme et donnez moi* par dessus toutes choses cette joie sainte, que la vicissitude de tout ce qui se passe ici–bas ne saurait ébranler; *la joie de me voir* delivrée de l'esclavage du peché, de me voir dans l'ordre de votre divine providence et dans le chemin de mon salut.

Всѣ прочія поправки сдѣланы въ томъ же родѣ, такъ–что мысль писательницы сохранена неприкосновенною и только исправленъ слогъ и смягчены нѣкоторыя выраженія. Эта работа показываетъ въ совершенно–новомъ видѣ талантъ Боссюэта.

— Посмотримъ теперь, что̀ дѣлается на парижскихъ театрахъ.

Самою замѣчательною театральною новостью въ послѣднее время была драма *Діана де-Ли*, соч. г. Александра Дюма̀ (сына). Она произвела большое впечатлѣніе и имѣла огромный успѣхъ, потому–что дѣйствующія лица взяты изъ современнаго общества. Театръ Гимназіи оказывается тѣснымъ для посѣтителей. Авторъ *Дамы съ Камеліями*, вѣроятно, не разсчитывалъ на такой колоссальный успѣхъ. Вторая его пьеса, несмотря на нѣкоторыя подробности, все–таки нравственная и нравоучительная, но *Діана де–Ли* ниже *Маргариты Готье*. Графиня Діана, свѣтская молодая женщина, легкомысленна и вѣтрена до-того, что соглашается видѣться съ Максимиліаномъ, молодымъ дипломатомъ, который влюбленъ въ нее ужь давно. Свиданіе назначено въ мастерской живописца Поля Обри, и Діана, вмѣсто того, чтобъ выслушивать признанія своего кузена, смѣется надъ нимъ и начинаетъ безъ церемоніи хозяйничать въ мастерской, выдвигая всѣ ящики и разсматривая всѣ бездѣлки. Въ одномъ ящикѣ она находитъ женскія

Digitized by Google

перчатки и начинаетъ примѣрять ихъ, снявъ прежде свое кольцо, которое она забываетъ у Поля. На другой день, вечеромъ, дипломатъ представляетъ своего друга–живописца графинѣ и молодой человѣкъ влюбляется въ нее. Вдругъ мужъ Діаны объявляетъ, что онъ ѣдетъ изъ Парижа и беретъ ее съ собою. Та умоляетъ его остаться; но графъ говоритъ, что если онъ когда-нибудь застанетъ у нея въ гостяхъ Поля Обри, то убьетъ его... Діана уѣзжаетъ съ мужемъ, но вскорѣ возвращается и видится съ Полемъ, который въ ея отсутствіе чуть–было не женился. Послѣ сцены свиданія, приходитъ графъ и, застрѣливъ Обри, уводитъ графиню. Вотъ и весь сюжетъ новой пьесы, надѣлавшей столько шума. Молодой писатель имѣетъ несомнѣнный талантъ. Подробности его пьесы и второстепенныя лица хороши. Пьеса была къ–тому же обставлена и разыграна превосходно. Г–жа Роза Шери была самая прелестная, увлекательная графиня; Брессанъ превосходно сыгралъ роль Поля Обри, а Лафонтенъ былъ настоящимъ строгимъ мужемъ. Второстепенныя роли были тоже исполнены отличными артистами, стало–быть, нѣтъ ничего мудренаго, если *Діана де–Ли* проживетъ еще долго на сценѣ Театра Гимназіи.

Итальянская опера послѣ Ченерентолы, дала *Лукрецію Борджіа;* въ ней явился въ первый разъ (по возобновленіи) г. Маріо и новая пѣвица г–жа Пароди. Парижская публика приняла прежняго своего любимца съ громкими рукоплесканіями, и хотя нашла, что пять лѣтъ отсутствія нѣсколько измѣнили его нѣжный, симпатическій голосъ, но все–таки благодарна ему за то, что онъ остался въ Парижѣ, гдѣ совершенный неурожай итальянскихъ теноровъ. Дебютантка г–жа Пароди, говорятъ, ученица Пасты и хотя голосъ ея необширенъ, но метода превосходная; притомъ же она удивительная драматическая актриса, чего достаточно, чтобъ увлечь публику. Жаль, что нельзя сказать того же самаго про г–жу Альбони (графиню Пеполи): она такъ хладнокровно и покойно пропѣла чуднымъ своимъ голосомъ извѣстное *Brindisi*, что публика заставила ее повторить арію, чтобъ она хоть не даромъ взяла двѣ тысячи франковъ за вечеръ. Наша прежняя любимица, прелестная Фрецолини вышла въ *Пуританахъ* и имѣла большой успѣхъ, несмотря на то, что роль Эльвиры очень-трудна и была всегда исполняема первоклассными пѣвицами.

Большая Опера не ставитъ еще ничего новаго, хотя и ангажировала Крувелли. Возобновленъ *графъ Ори*, въ которомъ дебютировалъ новый теноръ Було, подающій блистательныя надежды въ будущемъ. Впрочемъ, это говорятъ про всѣхъ дебютантовъ, только не всѣ надежды сбываются: г–жа Дюсси была превосходнымъ изольеромъ и г–жа Но (Nau) играетъ роль графини превосходно, занимая ее ужь пятнадцать лѣтъ. На этомъ же театрѣ данъ былъ великолѣпный спектакль, въ пользу отличнаго заслуженнаго артиста г. Левасcёра, который оставляетъ сцену послѣ долговременной и трудолюбивой службы. Онъ сынъ простаго крестьянина изъ Пикардіи, попалъ какъ–то въ консерваторію и дебютировалъ въ 1813 году, въ оперѣ Гретри *Караванъ*, съ большимъ успѣхомъ. Прекрасный его голосъ, красивая наружность и хорошая метода обратили на него всеобщее

Digitized by Google

вниманіе и онъ перешелъ въ Итальянскую Оперу. Потомъ Мейерберъ поручилъ ему роль *Бертрама* и артистъ опять перешелъ на французскую сцену. Онъ же создалъ и роль Марселя въ «Гугенотахъ». Левассёръ вмѣстѣ съ г-жею Даморо, Адольфомъ Нурри, Поншаромъ, Мартеномъ и Дюпре можетъ почесться однимъ изъ лучшихъ драматическихъ пѣвцовъ новой французской школы.

На театрѣ Одеонъ дѣлаетъ много шума драма Жоржа Занда, взятая изъ романа *Мопра*. Въ ней много занимательныхъ сценъ, много характеровъ, но пьеса слаба и не можетъ долго оставаться на сценѣ. Въ романѣ многое проходитъ незамѣтно и живой разсказъ выкупаетъ недостатки, но на сценѣ дѣло другое. Разумѣется, что роль Эдмеи, самая лучшая, высокая въ драмѣ и уничтожаетъ всѣ мужскіе характеры. Но это бываетъ обыкновенно у знаменитой писательницы, которая старается только о томъ, чтобъ возвысить какъ можно болѣе свой полъ.

Театръ Разнообразія поставилъ новую пьесу *Les trois gamins*, въ которой вѣчно-юная артистка Дежазè играетъ роль уличнаго мальчишки. Это старая исторія о шалунахъ, которые шутя дѣлаютъ много добра. Но каковъ бы ни былъ сюжетъ, имъ никто не занимается, а ждутъ только любимой артистки-волшебницы, которая, несмотря на свои лѣта, сохранила весь талантъ живости, грацію, симпатическій голосъ и умѣетъ расшевелить публику то острымъ словомъ, то игривымъ куплетомъ.

Французскій театръ что-то совсѣмъ замолкъ съ пьесами г. Дюмà. Извѣстно, что Дюма написалъ свою комедію *Молодость Лудовика XV* въ три дня, отдалъ ее дирекціи и та приняла ее и тотчасъ же начала разучивать. Однако, несмотря на это, пьеса не является на афишѣ. Можетъ-быть, и эта пьеса не пойдетъ, а можетъ-быть и авторъ ея, издавая теперь собственный журналъ, такъ занятъ, что ему некогда заняться репетиціями, а онъ не хочетъ поручить ихъ никому. Куда жъ дѣвалась прославленная дѣятельность Дюмà? Чтò за рѣдкость для него поспѣть въ два города разомъ : онъ дѣлалъ и не такіе фокусы. Между-тѣмъ, публика ждетъ и идетъ въ другіе театры, тогда-какъ Французскій Театръ возобновляетъ старину для пустаго партера.

— Другихъ зрѣлищъ и удовольствій въ Парижѣ пока немного. Зима ужь наступила съ обыкновенною свитою морозовъ и снѣговъ. но зимній сезонъ еще не начинался. Зато приготовленій и надеждъ множество ; и не только женщины думаютъ о будущихъ нарядахъ, но и мужчины задумываются надъ своими костюмами, потому-что теперь черный фракъ и желтыя перчатки недостаточны, чтобъ казаться порядочнымъ человѣкомъ. Въ прошломъ году ужь въ высшихъ обществахъ являлись въ бархатныхъ и свѣтлыхъ фракахъ, а теперь, кажется, черное сукно будетъ совершенно изгнано со всѣхъ баловъ.

Музыканты между-тѣмъ настроиваютъ свои инструменты и сбираются потопить Парижъ въ волнахъ гармоніи, а главное, оглушить его новыми трескучими сочиненіями. Нѣсколько музыкальныхъ знаменитостей ужь съѣхались въ Парижъ, и въ главѣ фаланги стоитъ Листъ,

Digitized by Google

сбирающійся превратить свой неблагодарный инструментъ въ волшебный оркестръ. Другіе артисты надѣются тоже привлечь многочисленную публику, кто талантомъ своимъ, кто оригинальностью, кто паганиніевскою наружностью, кто длинными волосами. Въ ожиданіи же этихъ высокихъ наслажденій, каждое воскресенье бываютъ въ зимнемъ саду музыкальныя утра, которыя привлекаютъ многочисленную публику, хотя въ нихъ и не участвуютъ знаменитости.

Между-тѣмъ иностранцы, прибывшіе въ Парижъ и провинціалы начинаютъ скучать и, осмотрѣвъ достопримѣчательности города, а особенно постройки Лувра, пользуются послѣдними хорошими днями чтобъ съѣздить въ Фонтенбло и полюбоваться этимъ *собраніемъ дворцовъ*, какъ его назвалъ Вальтеръ Скоттъ, при своемъ проѣздѣ черезъ Францію. Знаменитый писатель намѣревался даже написать исторію (то-есть романъ), чтобъ увеличить славу Фонтенбло и его воспоминанія; но, къ-несчастью, другія занятія помѣшали ему исполнить это намѣреніе. Очень жаль, хотя и безъ того Фонтенбло такъ извѣстенъ и связанъ съ главнѣйшими происшествіями французской исторіи, что имя его никогда не забудется. Въ десяти миляхъ въ окружности нѣтъ ни одного камня, ни одного дерева, которые бы не имѣли своей исторіи. Въ обширномъ лѣсу, гдѣ теперь дворъ охотится за оленями и зайцами, друиды совершали свои таинства, потомъ король Робертъ построилъ тамъ голубятню, а Лудовикъ-Святой воздвигнулъ зàмокъ, въ которомъ умеръ Филиппъ-Красивый и родились послѣдніе Валуа. Здѣсь Карлъ V учредилъ первую библіотеку, переведенную потомъ въ Парижъ. Францискъ I украсилъ Фонтенбло и Лудовикъ XIV любилъ проводить здѣсь время. Даже Лудовикъ XV пріѣзжалъ охотиться въ лѣсу Фонтенбло, хотя не умѣлъ стрѣлять. Наполеонъ тоже много сдѣлалъ для исторіи Фонтенбло и Лудовикъ Филиппъ посвятилъ почти всю свою жизнь, чтобъ сдѣлать его однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ загородныхъ дворцовъ.

Исторія Лувра, теперь передѣлывающагося, также любопытна, потому-что съ нею связана исторія трехъ вѣковъ и что въ это время всѣ правительства Франціи заботились только объ окончаніи, этого огромнаго дворца. Разумѣется, что эти различныя эпохи положили свои оттѣнки на стѣны этого зданія, архитектура котораго очень-разнообразна, потому-что ни одинъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Скульптурныя работы и внутреннія украшенія даютъ знать, кому Лувръ обязанъ своимъ существованіемъ. Эмблемы и вензели напоминаютъ Франциска I, Діану Пуатье, Катерину Медичи, Генриха II, Лудовиковъ и наконецъ Наполеона.

— Александръ Дюма и его журналъ *Мушкетеръ* обращаютъ наконецъ на себя всеобщее вниманіе, потому-что издатель этого журнала, не на шутку поссорился со всѣми своими друзьями и особенно съ журналистами, за то, что они не восхищаются изданіемъ знаменитаго потомка Атоса, Портоса и такъ далѣе, то-есть четырехъ непобѣдимыхъ друзей, которыхъ почему-то знаменитый романистъ считалъ только *тремя*. Пришло время, что авторъ *Антони* не находилъ куда сбыть полсотни накопившихся томовъ своей фабрикаціи, и

Digitized by Google

потому вздумалъ завести свой собственный журналъ. Но первые нумера его вышли и не произвели не только переворота въ журналистикѣ, но даже очень-дурно продавались. Нѣкоторые фёльетонисты разобрали *Мушкетера* довольно-строго, и Дюма до-того разсердился, что объявилъ печатно, будто во Франціи не умѣютъ его цѣнить, потому-что всѣ ниже его талантомъ, а главное, нѣтъ ни одного порядочнаго критика. Жюль Жаненъ, Теофиль Готье, Сен-Бёвъ, Лимейракъ и другіе очень ошибаются, если воображаютъ, что могутъ написать порядочную критику на романъ или драму такого писателя, какъ Александръ Дюма. Словомъ: родитель *Мушкетеровъ* отдѣлалъ всѣхъ литераторовъ и вооружилъ ихъ противъ себя.

— Учеными новостями мы очень-богаты и сообщимъ ихъ, начиная съ самой высокой науки — астрономіи.

Въ одномъ изъ тысячи иностранныхъ альманаховъ, изданныхъ къ новому 1854 году, прочли мы весьма любопытную астрономическую новость, которою, какъ рѣдкостью, спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями.

«Основываясь на многочисленныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, ученые утверждаютъ, что около луны нѣтъ атмосферы, которою бы живыя существа могли дышать, и потому единогласно полагаютъ, что луна не можетъ быть обитаема и что процесъ развитія жизни не можетъ происходить тамъ за неимѣніемъ необходимаго элемента для дыханія.

По мнѣнію ихъ, небесное тѣло въ 3200 верстъ діаметра и 10,800 въ окружности и отстоящее отъ земли на 360,000 верстъ, гдѣ 15-тидневные дни и такія же ночи слѣдуютъ одни за другими, погружено въ вѣчное молчаніе, вѣчную безжизненность и не имѣетъ другаго назначенія, какъ только слабо освѣщать наши ночи.

Мнѣніе, что луна необитаема, основано на слѣдующемъ наблюденіи.

Луна проходитъ передъ неподвижною звѣздою и закрываетъ ее отъ нашихъ взоровъ. Если у ней есть атмосфера, то лучи, проходя черезъ нее, уклонятся отъ прямой линіи и послѣдуетъ преломленіе лучей. Если же у спутника нашего нѣтъ атмосферы, то лучъ звѣзды будетъ продолжать свой путь по прямой линіи и не послѣдуетъ преломленія.

Всѣ наблюденія доказали, что этого преломленія нѣтъ. Слѣдственно тамъ нѣтъ атмосферы, нѣтъ воды, нѣтъ растительной почвы, нѣтъ растеній и животныхъ.

Но одинъ итальянскій астрономъ, Помпоніо де-Купписъ, не удовлетворился этимъ всеобщимъ рѣшеніемъ. Онъ продолжалъ съ неутомимостью свои наблюденія надъ луною въ превосходный телескопъ, и сообщаетъ директору Римской Обсерваторіи Секки, что онъ открылъ существованіе атмосферы на лунѣ и видѣлъ преломленіе лучей, когда они скользили по поверхности спутника.

Извѣстно, что мы лучше знаемъ лунную поверхность, нежели многія мѣста на землѣ. У насъ съ величайшею точностью описаны рав-

Digitized by Google

нины луны, долины, горы; всѣмъ даны названія; высота горъ измѣрена съ величайшею вѣрностью.

Пиѳагорейцы увѣряли въ-древности, что животныя на лунѣ въ пятьдесятъ разъ больше земныхъ. Если они говорили это по сравнительной высотѣ горъ, то надобно удивляться ихъ выводамъ.

Дѣйствительно, на лунѣ, которой діаметръ вчетверо меньше земнаго, высота горъ чрезвычайная. Напримѣръ:

Гора Дарфель имѣетъ..........7603 метра (около 3500 саж. или 7 верстъ).
— Ньютонъ — ....7264 —
— Казатъ — ....6956 —
— Курцій — ....6769 —

то-есть, сравнительно съ земными горами по размѣру планеты, лунныя горы вчетверо выше.

Помпоніо де-Купписъ открылъ теперь, что атмосфера существуетъ на лунѣ, но что высота ея отъ поверхности спутника очень-мала и не достигаетъ до высоты горъ его. Этотъ низкій слой атмосферы и вовлекъ всѣхъ наблюдателей въ ошибочное заключеніе.

Тогда-какъ высота земной атмосферы простирается, по нѣкоторымъ наблюденіямъ, до 70 верстъ, лунная всего имѣетъ не болѣе полуторы версты. Когда земная атмосфера далеко выше нашихъ высочайшихъ горъ, лунная не доходитъ до четвертой части своихъ горъ, высоко поднимающихъ вершины изъ этого атмосферическаго океана

Съ перваго взгляда это покажется странно, но телескопическая планета Паллада, которой поперечникъ всего въ 128 верстъ, имѣетъ атмосферу въ 800 верстъ.

Ужь Араго, въ 1842 году, наблюдая луну и подтверждая выводъ, что у ней нѣтъ атмосферы, говоритъ однако, что *если лунная атмосфера простирается не выше горъ спутника, то всѣ мои наблюденія невѣрны.*

Теперь можно понять какимъ-образомъ лучъ звѣзды, скользящій по лунѣ, можетъ являться то переломленнымъ, то въ прямомъ направленіи.

Если лучъ проходитъ на высотѣ лунныхъ горъ, то онъ не преломляется; если же, напротивъ того, проходитъ у поверхности луны не выше полуторы версты, то уклоняется отъ прямой линіи.

Но первый случай долженъ встрѣчаться гораздо-чаще. Луна чрезвычайно гориста. Если ее раздѣлить, какъ обыкновенно, на 360°, то изъ нихъ 251° будетъ занятъ горами, а прочіе 109° долинами и равнинами. Поэтому лучъ звѣзды, скользящій по лунѣ, долженъ чаще встрѣчать на пути своемъ горы и быть внѣ лунной атмосферы.

Притомъ же самое преломленіе свѣта должно быть чрезвычайно-слабо, потому-что оно всегда пропорціально съ густотою воздуха; плотность же атмосферы всегда пропорціальна тяжести тѣлъ на поверхности планеты. Слѣдственно, на лунѣ, гдѣ тяжесть въ тридцать разъ меньше, нежели на землѣ, плотность атмосферы должна быть во столько же разъ легче земной».

Digitized by Google

Вотъ любопытная астрономическая новость. Подтвердится ли она новыми наблюденіями — увидимъ. Между-тѣмъ въ этомъ же альманахѣ есть и другая, относящаяся къ *земнымъ суткамъ*. Нѣкто Шарль Эмманюаль утверждаетъ, что земля и другія планеты обращаются вокругъ солнца не съ запада на востокъ, а *съ востока на западъ;* что движеніе планетъ въ пространствѣ происходитъ оттого, что солнце, обращаясь на своей оси, заставляетъ и всѣ планеты обращаться около него, то-есть, что солнце служитъ въ одно время и физическимъ двигателемъ и центромъ притяженія, и наконецъ, что земля обращается на своей оси не въ 23 часа 56 минутъ, а въ 24 часа.

Вотъ доказательства Эмманюаля по послѣднему пункту.

Годъ имѣетъ 365 дней и 6 часовъ. Прибавка 6-ти часовъ составляетъ лишній день въ четыре года, называемый високоснымъ и имѣющій 366 дней.

Но еслибъ было въ суткахъ дѣйствительно 23 часа 56 минутъ, то изъ недостающихъ четырехъ минутъ составился бы въ годъ еще день, и каждый годъ былъ бы ужь въ 366 дней, а високосный въ 367 дней. Это было бы несообразно со вседневными наблюденіями.

Эмманюаль вызываетъ Академію отвѣчать ему на этотъ выводъ.

— Если современные наши астрономы выдаютъ иногда довольно-странныя иппотезы, мы должны сознаться, что древнимъ, напротивъ, были очень-хорошо извѣстны многіе факты этой науки. Такъ г. Бю читалъ въ Парижской Академіи Наукъ вторую записку о календарѣ, найденномъ въ Ѳивахъ, въ гробницахъ Рамзеса VI и Рамзеса IX. Въ ней онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Полгода тому назадъ, представлялъ я Академіи записку объ этомъ предметѣ. Въ ней вывелъ я числа египетскаго года, въ которыя приходились два восхожденія Сиріуса: одно на разсвѣтѣ, другое при наступленіи ночи. Я доказалъ по этимъ числамъ, что этотъ календарь составленъ на 1246 годъ до Р. Х., и что къ этому же времени принадлежитъ и царствованіе фараона, въ гробу котораго найденъ этотъ календарь.

Подобныя же указанія сдѣланы и для другихъ созвѣздій, которыя чрезъ каждыя двѣ недѣли предшествуютъ Сиріусу, или слѣдуютъ за нимъ во все теченіе года.

Какія именно эти были созвѣздія и какъ ихъ теперь узнать на небѣ — это былъ весьма любопытный предметъ для изслѣдованія. Но въ первой запискѣ моей удалился я отъ этого предмета, обратясь единственно къ общему разсмотрѣнію календаря.

Подробный переводъ г-мъ Руже надписей, сдѣланныхъ около фигуръ изображенныхъ созвѣздій, содѣйствовалъ мнѣ въ этихъ изъисканіяхъ; безъ этого нельзя было составить понятія о созвѣздіяхъ, означенныхъ въ линіяхъ египетскихъ таблицъ, о свойствѣ, отношеніяхъ ихъ и о томъ, въ какой части неба они находятся. Буквально же переведенный текстъ обнаруживаетъ, въ какомъ положеніи было на восточномъ горизонтѣ данное созвѣздіе въ извѣстное время и въ какомъ отношеніи къ другимъ. Несмотря на разрушеніе многихъ частей египетскихъ

Digitized by Google

таблицъ, можно, благодаря этому переводу, съ математическою точностью узнать бо̀льшую часть созвѣздій.

Сначала надежды мои ограничивались тѣмъ, чтобъ указать только на тождество тогдашнихъ созвѣздій съ нынѣшними; но, по мѣрѣ разсмотрѣнія египетскаго текста, увидѣлъ я гораздо-любопытнѣйшіе предметы для изслѣдованія. Автоликосъ [1] бездоказательно написалъ, девятьсотъ лѣтъ спустя, что «восхожденіе созвѣздій видимо бываетъ въ-теченіе ста-пятидесяти дней, а въ-продолженіе двухъ-сотъ-десяти невидимо. Дѣйствительно, крайнія восхожденія Сиріуса поутру и ввечеру сходствуютъ съ этою теоремою; но это сходство только случайное, зависящее отъ положенія Сиріуса къ равноденственной и солнцестоятельной точкамъ. Исключая той эпохи, которая обозначена въ столбцѣ VI египетскаго календаря, видимость и невидимость совершенно измѣняются, потому-что наклонность эклиптики къ площади экватора и склоненіе экватора къ восточному горизонту составляютъ условія этихъ измѣненій.

Согласно этимъ условіямъ, измѣненія, по которымъ, смотря по мѣсту и времени наблюденія, дуга невидимости звѣздъ различной величины простирается отъ 202 до 227 дней, составитель египетскаго календаря изобразилъ восхожденіе звѣздъ съ такою вѣрностью и практическимъ искусствомъ, что я, по провѣркѣ съ нашими солнечными таблицами, не нашелъ нигдѣ даже суточной разности.

Во времена Птоломея, состояніе астрономіи было ужъ на гораздо-высшей точкѣ, и можно было восхожденіе звѣздъ опредѣлить теоретически, но за тринадцать столѣтій раньше — другое дѣло: явленія эти надобно было ежедневно указывать и записывать.

Въ то время астрономія содержалась втайнѣ жрецами, которые, при ежедневныхъ наблюденіяхъ, не могли ошибиться. Изъ этихъ постоянныхъ наблюденій и составлены подобныя таблицы, гдѣ нарочно отмѣчали изображенія звѣздъ въ тѣ дни, когда приходилось ихъ восхожденіе; ужъ это одно придаетъ важное значеніе таблицамъ; но, разсматривая ихъ ближе, невольно удивляешься искусству, съ какимъ онѣ сдѣланы. Какъ можно ожидать въ такой отдаленной древности такихъ богатыхъ астрономическихъ матеріаловъ? Удивляешься не одному исполненію, но и идеѣ предпріятія, вспомнивъ особенно, что оно произведено въ неопредѣленный египетскій годъ, который только при Рамзесѣ VI переложенъ былъ на солнечный годъ. Нѣсколько столѣтій раньше, или позже, невозможно было бы составить подобныхъ таблицъ.

При Рамзесѣ VI равноденствіе приходилось въ седьмой день девятаго мѣсяца, такъ-что видимыя дуги созвѣздій достаточны были обнять пять или шесть полумѣсяцевъ, оканчивающихъ годъ. Слѣдственно, надобно было заранѣе разсчесть это удобство, чтобъ рѣшиться на составленіе таблицъ. Потомъ надобно было выбрать созвѣздія, которыхъ восхожденіе приходилось въ-теченіе той же ночи. Еслибъ измѣ-

---

(1) Греческій математикъ изъ Өлиды, писавшій въ 341 году до Р. Х. о восхожденіи и захожденіи звѣздъ.

ненія не были предусмотрѣны, то всѣ таблицы были бы фальшивы, потому-что десять часовъ, составляющихъ крайнія точки ночныхъ восхожденій, равняются на экваторѣ дугѣ въ 129° 30′ 44″ во время лѣтняго солнцестоянія и 176° 29′ 12″ — во время зимняго.

Такимъ-образомъ, если изъ этихъ таблицъ не видно систематической науки, то видны точныя наблюденія и практическое познаніе неба.

Къ-сожалѣнію, Птоломей не упоминалъ о источникахъ, изъ которыхъ почерпалъ свои свѣдѣнія, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя подтверждали его теорію: прочія проходилъ онъ молчаніемъ. Впрочемъ, древнія таблицы жрецовъ и не послужили бы ему ни къ чему, потому-что онъ не умѣлъ бы ихъ сообразить съ своимъ вѣкомъ. Только однажды упоминаетъ онъ, что древніе египтяне наблюдали восхожденіе пяти планетъ. Календарь же, нынѣ найденный, вѣроятно, вовсе былъ ему неизвѣстенъ.

Когда Шампольйонъ открылъ этотъ замѣчательный документъ въ гробницахъ ѳивскихъ фараоновъ, то тотчасъ же угадалъ, что это таблицы восхожденія звѣздъ на цѣлый годъ. Ученые подтвердили эту догадку. Но въ какую минуту ночи взяты эти восхожденія? Въ какомъ порядкѣ они распредѣлены? Къ какому столѣтію принадлежатъ эти таблицы? Какія созвѣздія въ нихъ обозначены? Этого никто не могъ рѣшить прежде, нежели таблицы не были подвергнуты математическому анализу, покуда не отъискали законовъ построенія этихъ таблицъ и не провѣрили ихъ съ нынѣшними.

Цѣль моей записки состояла въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Открытіе Шампольйона тѣмъ важнѣе, что объясняетъ намъ древность наблюденій, произведенныхъ простыми глазами. Это заставляетъ думать, что, согласно свидѣтельству Аристотеля и Сенеки, найдены будутъ новые свитки, или таблицы, которые откроютъ намъ еще больше фактовъ о тогдашнихъ астрономическихъ свѣдѣніяхъ. Вѣрная хронологія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній послужила бы къ самому вѣрному опредѣленію древности Египта, о которой мы теперь имѣемъ сбивчивыя понятія. Существованіе же таблицъ затмѣній необходимо. Записывая восхожденіе звѣздъ, не могли жрецы упустить столь важныя явленія, какъ затмѣнія. Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать дальнѣйшихъ открытій».

— Парижскій астрономъ Бабине издалъ любопытныя изслѣдованія о кометахъ. Вотъ что онъ говоритъ о нихъ:

Со временъ глубочайшей древности до Ньютона, кометы почитались предвѣстницами несчастій. Одинъ Сенека утверждалъ, что кометы слѣдуютъ по пути, предназначенному имъ природою и, говорилъ, что потомство будетъ нѣкогда удивляться, что современники его не постигли столь видимой истины. И, однакожь, его не слушались. Всѣ боялись этихъ странныхъ свѣтилъ; даже самъ Кеплеръ, угадавшій законы движенія небесныхъ тѣлъ, думалъ, что кометы имѣютъ вліяніе на судьбу людей и предвѣщаютъ печальныя событія.

Наконецъ, Ньютонъ вмѣстѣ съ Галлемъ, занимались математическимъ исчисленіемъ орбиты знаменитой кометы 1682 года и открыли,

Digitized by Google

что это та же самая, которая являлась въ 1607 и 1531 годахъ, слѣдственно она должна была возвратиться въ 1750 году. Узнавъ однажды періодическое ея возвращеніе, можно было слѣдить за нею и въ отдаленныхъ временахъ. Исторія этой кометы очень-любопытна. Г-нъ Ложье слѣдилъ за нею по всѣмъ хронологіямъ до 12-го года до Р. Х. Съ-тѣхъ-поръ и до 1835 года, когда мы ее видѣли, являлась она жителямъ земли *семьдесятъ-семь* разъ. И вотъ историческія событія, которыхъ она была свидѣтелемъ на землѣ.

Въ 1456 году Мухаммедъ II осаждалъ Бѣлградъ, защищаемый Гуніадомъ, котораго прозвали Истребителемъ турокъ. Вдругъ явилась комета Галлея, и обѣ арміи равно были поражены ужасомъ. Папа Каликстъ III предписалъ во всей Европѣ совершать молитвы, прозванныя *полуденными часами (Angelus die midi)*, которая и теперь читается въ католическихъ церквахъ. Папа обнародовалъ воззваніе противъ турокъ. Францисканскіе монахи привели сорокъ тысячъ защитниковъ къ Бѣлграду, и сраженіе продолжалось двои сутки безпрерывно. Францисканцы безъ оружія, съ крестами въ рукахъ, шли въ первыхъ рядахъ и громко повторяли заклинаніе папы противъ турокъ и кометы. Наконецъ, раненный Мухаммедъ II отступилъ съ огромною потерею, бросивъ у стѣнъ Бѣлграда всѣ осадныя орудія. Побѣдитель его, Гуніадъ, скончался не отъ ранъ, а отъ усталости двудневной битвы.

Восходя далѣе, видимъ мы эту комету въ апрѣлѣ 1066 года. Норманны съ герцогомъ своимъ Вильгельмомъ, прозваннымъ потомъ Завоевателемъ, готовятся вторгнуться въ Англію, гдѣ царствуетъ Гарольдъ. Всѣ увѣрены, что комета предвѣщаетъ завоеваніе. Норманны переправились въ Англію. Королева Матильда, супруга Завоевателя, вышила на извѣстномъ, историческомъ коврѣ главныя сцены завоеванія, съ легендами на довольно-сносномъ латинскомъ языкѣ. Изображенъ сперва Гарольдъ, сидящій на тронѣ: народъ, дворянство и духовенство покланяются ему. Часть зрителей съ изумленіемъ смотритъ на небо, гдѣ явилась комета. Въ другомъ отдѣленіи печальный Гарольдъ сидитъ на тронѣ и ему доносятъ о появленіи новой звѣзды, угрожающей ему бѣдою.

Еще ранѣе, въ 837 году, Лудовикъ-Простой, сынъ и преемникъ Карла Великаго, былъ самъ астрономомъ. Онъ увидѣлъ новую комету и вообразилъ себѣ, будто-бы она ему предсказываетъ новыя несчастія. Эта мысль повергла его въ болѣзнь, окончившуюся смертью.

Мы сказали, что Галлей, исчисливъ орбиту этой кометы, предсказалъ возвращеніе ея въ 1758, или въ началѣ 1759 года. Алгебраическія формулы этого исчисленія составлены были астрономомъ Лаландомъ и г-жею Гортензіею Лепотъ (эта же дама дала свое имя извѣстному цвѣтку гортензіи), и дѣйствительно, комета явилась. Наконецъ мы ее видѣли въ 1835 году.

Вообще въ нынѣшнемъ столѣтіи замѣчено было *восемьдесятъ* кометъ. Со времени же нашего лѣтосчисленія, вписано въ каталоги *шестьсотъ*.

Digitized by Google

Но, кромѣ Галлеевой кометы, имѣвшей столь важное вліяніе на астрономію, есть еще другая, явившаяся въ 1556 году.

Объ этой-то кометѣ астрономы, восходя къ предъидущимъ вѣкамъ, стали догадываться, что она совершаетъ свою орбиту около солнца въ *триста* лѣтъ. Нѣкоторые даже вычисляли, что она явится въ 1848 году. Но они забыли о вліяніи Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, которое замедляетъ ходъ кометы. Для этого надобно было сдѣлать подобное же исчисленіе, какое Лаландъ и г-жа Лепотъ сдѣлали для кометы Галлея. Этотъ исполинскій трудъ теперь исполненъ мидцельбургскимъ астрономомъ Бомме, который объявилъ, что комета должна явиться въ 1858 (съ ошибкою двухъ лѣтъ), то-есть между 1858 и 1860, потому-что показанія 1556 года, могли быть невѣрны въ указаніи мѣста и движенія этой кометы. Вскорѣ мы будемъ имѣть случай удостовѣриться въ вѣрности этихъ вычисленій.

Каждый разъ, заговоривъ объ астрономіи, невольно вспоминаешь о смерти знаменитаго Араго. Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ своихъ записокъ, онъ говорилъ много любопытнаго о предметѣ, еще невполнѣ-изслѣдованномъ, именно о громѣ и молніи. По его мнѣнію, молніи бываютъ трехъ родовъ:

1) Извивающіяся острыми углами (зигзагомъ) бѣлаго, синеватаго, краснаго, или фіолетоваго цвѣта, иногда раздѣляющіяся на двѣ вѣтви, или нѣсколько вѣтвей.

2) Молніи, вдругъ освѣщающія почти весь горизонтъ, но слабѣйшаго свѣта, нежели извивающіяся. Онѣ синеватаго, или фіолетоваго цвѣта.

3) Молніи, вылетающія изъ облаковъ, въ видѣ огненныхъ шаровъ и оставляющія по себѣ видимый слѣдъ, происходящій, впрочемъ, отъ оптическаго обмана (какъ, напримѣръ, мы видимъ при быстро-обращающейся тлѣющей лучинкѣ).

Молніи первыхъ двухъ родовъ, едва продолжаются $^1/_{1000}$ часть секунды; молнія же третьяго разряда часто продолжается отъ двухъ до десяти секундъ.

Молніи перваго разряда большею частью ударяютъ въ землю; послѣднія же — *всегда*. Молніи втораго разряда перелетаютъ только изъ одного облака въ другое, иногда по нѣскольку часовъ сряду, почти безпрерывно воспламеняясь.

При встрѣчѣ съ предметами на пути отъ облака до земли, молнія дѣйствуетъ на всѣ предметы, какъ электрическая искра, то-есть, хорошіе проводники, какъ напримѣръ металлы — сильно разогрѣваются ею, растопляются, а иногда и улетучиваются; дурные проводники пробиваются, раздробляются и разбрасываются. Сгараемыя тѣла обугливаются, или воспламеняются.

Достигнувъ до земли, молнія распространяется по поверхности ея, или проникаетъ въ глубину къ хорошему проводнику, растопляя тѣла, сквозь которыя проходитъ. По этому въ пескѣ образуется отъ этого расплавленія родъ трубочки, которую простолюдины называютъ *громовою стрѣлою*.

Громъ происходитъ въ одно время съ молніею. Но какъ свѣтъ

Digitized by Google

пробѣгаетъ въ секунду 40,000 миль, а звукъ только 1,050 футовъ, то ясно, что мы должны прежде видѣть молнію, нежели слышать громъ. Умноживъ число секундъ между молніею и громомъ на 1050 — всякой можетъ узнать, какъ далеко отъ него грозовое облако.

Громъ не что иное, какъ звукъ разряжающагося электричества. Этотъ звукъ бываетъ различенъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ молнія ударяетъ, слышенъ только сильный, короткій трескъ, тотчасъ же послѣ блеска молніи. Нѣсколько дальше трескъ этотъ сопровождается отголоскомъ; еще же дальше, а особливо, если разряженіе послѣдуетъ между облаками, происходитъ раскатъ грома, продолжающійся иногда нѣсколько секундъ. Этотъ раскатъ не что иное, какъ отголоски перваго треска въ облакахъ или на выдавшихся земныхъ предметахъ. Это всего яснѣе въ горахъ, гдѣ и пушечный выстрѣлъ производитъ такой же раскатъ.

Молніи безъ грома извѣстны подъ именемъ *зарницы*. Она обыкновенно происходитъ: 1–е отъ разряженія электричества въ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ рѣдкость воздуха не производитъ треска, или котораго по отдаленію мы не слышимъ. 2-е отъ отраженія при вечерней темнотѣ грозы, происходящей далеко подъ видимымъ горизонтомъ.

Громъ безъ молніи случается только, когда разряженіе электричества происходитъ въ верхнихъ облакахъ, а нижній слой облаковъ слишкомъ–густъ, чтобъ сквозь него проникъ блескъ молній.

— Къ явленіямъ, происходящимъ, вѣроятно, отъ электрическаго свѣта, мы должны также причислить открытіе горящаго колодца въ Берлинѣ.

Тамъ нѣсколько времени ужъ наблюдаютъ удивительное явленіе природы. Въ домѣ жестянника Шульца, въ Карльштрасѣ № 30, полоскала недавно дѣвушка бѣлье у колодца; это было ввечеру, и она поднесла свѣчу близко къ водѣ. Вдругъ вода вспыхнула и огненная струя поднялась на нѣсколько футовъ. Произвели изслѣдованія и нашли, что вода эта дѣйствительно загарается въ ту минуту, когда вытекаетъ при выкачиваніи; надо только выпускать неслишкомъ–сильную струю воды; какъ скоро перестаютъ качать, пламя погасаетъ. Если налить этой горящей воды въ горшокъ, она продолжаетъ и тамъ горѣть синеватымъ огнемъ.

Разумѣется, стали ежедневно собираться въ этотъ домъ множество людей, въ числѣ которыхъ были и извѣстные ученые. Сперва думали, что лопнула газовая труба близь колодца и сообщила водѣ свой газъ; но, вопервыхъ, въ ней нѣтъ никакого газоваго запаха; притомъ же надобно слишкомъ–огромное количество газа, чтобъ зажечь большую струю воды. Въ самой водѣ нѣтъ никакого особеннаго вкуса, да и пламя горѣнія синеватѣе и блѣднѣе, нежели газовое. Дальнѣйшія изъисканія откроютъ причину этого страннаго явленія.

— Открытіе новыхъ планетъ въ наше время сдѣлалось до–того обыкновеннымъ, что мы только для полноты счета упомянемъ о такомъ открытіи. 8-го ноября 1853 года, г. Хейндъ, въ Лондонѣ, открылъ въ 7 часовъ 56 минутъ вечера *двадцать-седьмую* телескопическую

Digitized by Google

планету, обращающуюся между Марсомъ и Юпитеромъ. Блескъ ея равенъ звѣздѣ 9-й величины.

По сдѣланнымъ имъ тремъ наблюденіямъ оказалось, что суточное движеніе планеты въ прямомъ восхожденіи 1 м. 2′, а склоненіе 2′,5.

— Сообщимъ теперь нѣсколько фактовъ изъ области физіологіи: Блондело издалъ, нѣсколько времени тому назадъ, *Аналитическій трактатъ о пищевареніи*. Нынче, продолжая свои опыты, дошелъ онъ до новыхъ результатовъ, подтверждающихъ прежнія его предположенія:

«1) Изъ всѣхъ жидкостей, развивающихся въ желудкѣ, только одинъ гастрическій сокъ заслуживаетъ названіе *пищеварительной жидкости*, потому-что одинъ производитъ настоящее химическое дѣйствіе на пищу, тогда-какъ другія жидкости, какъ-то: слюна, желчь, сокъ селезенки, словомъ: всѣ слизистыя жидкости не что иное, какъ экскрементальныя произведенія, которыя, прежде своего изверженія изъ тѣла, оказываютъ ему послѣднюю услугу, облегчая скользящее движеніе пищи, или покрывая поверхность ихъ своею слизью, или раздѣляя жирныя частицы, чтобъ размельчить ихъ. Слѣдовательно, роль этихъ послѣднихъ жидкостей чисто-механическая и до-того второстепенная, что пищевареніе можетъ нѣсколько лѣтъ безъ нихъ обойдтись.»

Это предположеніе сдѣлалось ужь несомнѣннымъ фактомъ насчетъ желчи, которой воображеніе физіологовъ придавало прежде такую важность. Изъисканія Блондело содѣйствуютъ къ подтвержденію мнѣнія, что слюна и сокъ селезенки столь же безполезны при пищевареніи крахмалообразныхъ веществъ, какъ и всѣхъ прочихъ.

«2) Второе и основное правило, проистекающее изъ изслѣдованій Блондело, состоитъ въ томъ, что желудочный сокъ не оказываетъ никакого дѣйствія на *неазотистыя* вещества, производя надъ ними то же дѣйствіе, какъ простая, или слегка-окисленная вода, тогда-какъ обнаруживаетъ сильное вліяніе на нѣкоторыя вещества, какъ-то: бѣлковину, фибрину и проч., которыя, по элементамъ своимъ, принадлежатъ, какъ кажется, къ одному семейству.» Изъ этого слѣдуетъ, что желудочный сокъ дѣйствуетъ на составленіе пищеварительной массы (chimus) двоякимъ образомъ, а именно: непосредственно, разрушая вещества, которыхъ частицы должны составить эту массу, напримѣръ, въ животной пищѣ, или непосредственно, въ растительныхъ веществахъ, которыхъ органическіе элементы совершенно лишены азота и, слѣдовательно, не подвержены дѣйствію желудочнаго сока. Это второе предположеніе тоже подтверждается послѣдними изслѣдованіями, потому-что мучнистыя частицы не прежде превращаются въ осадокъ, какъ по истребленіи азотной оболочки, соединяющей всю ихъ массу.

«3) Третье основное правило касается до способа дѣйствія желудочнаго сока. Это дѣйствіе состоитъ не въ химическомъ превращеніи, надъ которымъ воображеніе прежнихъ физіологовъ такъ сильно работало, ни въ простомъ раствореніи пищи, какъ думали нѣкоторые новѣйшіе ученые. Настоящая истина находится между двумя крайностями этихъ мнѣній. Дѣйствіе, производимое жидкостью химуса, вовсе не такъ сильно, какъ думали первые, и не такъ просто, какъ вооб-

Digitized by Google

ражали вторые. Это особенное дѣйствіе, въ которомъ нѣкоторыя вещества, сохраняя въ точности химическій свой составъ, теряютъ часть своего свойства сцѣпленія, такъ-что, подъ вліяніемъ довольно-слабыхъ механическихъ агентовъ, могутъ раздѣляться на самыя мелкія частицы. Это служитъ доказательствомъ предположенія, что крахмалообразныя вещества не растворяются во время пищеваренія.

«4) Послѣднее и важнѣйшее основное правило состоитъ въ томъ, что самый желудочный сокъ помогаетъ даже механически составленію пищеварительной массы. Какова бы ни была степень размягченія пищи этимъ агентомъ, надобно, однакожь, и механическую силу, чтобъ окончить работу, доведя ее до-того, чтобъ она могла быть поглощена сосудами организма, и древнія системы механическаго дѣйствія ближе были къ истинѣ, потому-что пища входитъ въ составъ организма, не подвергаясь измѣненіямъ пищеварительнаго процеса.

— Г. Шеврёль представилъ Парижской Академіи Наукъ записку о изъисканіяхъ дѣйствія отрубей при хлѣбопеченіи и въ-отношеніи къ питательности. Извѣстно, что отруби состоятъ изъ крахмала, азотистаго вещества и оболочки, въ которой, какъ полагаютъ, есть и древесина. Извѣстно также, что хлѣбъ, выпеченный изъ простой муки, изъ которой не отдѣлены отруби, имѣетъ особенныя свойства и предписывается къ употребленію отъ заваловъ. Наконецъ опыты Мажанди удостовѣрили, что собаки, питавшіяся однимъ бѣлымъ хлѣбомъ, околѣли, а питаясь хлѣбомъ съ отрубями, остались живы. Какимъ образомъ дѣйствуютъ отруби? Конечно, не посредствомъ азотныхъ частей, которыхъ въ нихъ меньше, нежели въ мукѣ; но Мурьесъ замѣтилъ, что на внутренней поверхности отрубей есть особенное азотистое начало, которое въ теплой водѣ распускается и, какъ діастазъ, имѣетъ свойство растворять крахмалъ, превращая его въ декстринъ и сахаръ. Въ этомъ-то видѣ, дѣйствуя, какъ дрожжи *(ферментъ)* при печеніи хлѣба, отруби обнаруживаютъ то же дѣйствіе и въ пищевареніи. Слѣдовательно, различное дѣйствіе между ситнымъ хлѣбомъ и бѣлымъ состоитъ въ отрубяхъ: въ первомъ они есть, во второмъ ихъ нѣтъ. Коммиссія производила неоднократные опыты и удостовѣрилась въ показаніяхъ Мурьеса.

— Въ-отношеніи къ наукѣ мореплаванія, отмѣтимъ любопытныя наблюденія сѣверо-американцевъ надъ Атлантическимъ Океаномъ. Въ послѣднее время Соединенные Штаты обнародовали важныя изслѣдованія въ топографическомъ, геологическомъ, астрономическомъ отношеніи и для мореплаванія вообще; но важнѣе всего было гидрографическое описаніе береговъ Америки для безопасности торговли. Изслѣдованія были произведены на нѣсколько сотъ миль отъ берега; однакожь, выгоды торговаго міра требовали, чтобъ какъ средина Атлантическаго Океана, такъ и пространство, ближайшее къ Европѣ, были точно такъ же осмотрѣны и промѣрены. Составился для этого смѣлый и огромный планъ изслѣдовать весь бассейнъ океана между Европою и Америкою отъ Нью-Йорка до Англіи. Конгрессъ назначилъ для этого потребныя суммы, и шкуна *Тоней* отправилась съ инструкціею «систематически изслѣдовать и обозначить направленіе

Digitized by Google

и силу вѣтра, состояніе погоды и принадлежащія къ тому метеорологическія явленія (каждый часъ безпрерывно), силу, направленіе и широту морскихъ теченій (иногда въ видѣ отдѣльныхъ рѣкъ), глубину и температуру ихъ; ежечасную температуру воды на поверхности, а часто и на разной глубинѣ; изслѣдованіе и описаніе отмелей и подводныхъ скалъ; прозрачность и соленость воды съ удѣльнымъ ея вѣсомъ въ разныхъ частяхъ».

Обширность и свойство теченій изслѣдованы были съ помощью компаса на отдѣльныхъ доскахъ и съ опусканіемъ лота. Подводныя теченія открываемы были лотомъ и стосаженнымъ канатомъ, спускаемымъ каждыя тридцать англійскихъ миль. Ширину и силу этихъ подводныхъ теченій всего труднѣе было узнать.

Въ полосѣ штилей, извѣстной подъ названіемъ: *лошадиныхъ широтъ (horses latitudes)*, производились барометрическія наблюденія съ величайшею точностью съ составленіемъ таблицъ, для изслѣдованія ипотезы, что попутные вѣтры придаютъ этой полосѣ сильнѣйшее воздушное давленіе.

Осмотръ всѣхъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ отмелей принадлежалъ къ главнымъ обязанностямъ экспедиціи; изслѣдованы были восемь подобныхъ мѣстъ и, между-прочимъ, *Ложные Бермудскіе Острова*, которыхъ, послѣ тщательныхъ розъисковъ, нигдѣ не нашли.

Ежедневно записывали также количество облаковъ, высоту ихъ, свойство и направленіе.

Мѣры, принятыя къ измѣренію глубины, были самыя точныя и подробныя. Вмѣсто пеньковой веревки, употреблена была желѣзная проволока въ 14,300 саженъ длины, вѣсомъ въ 3025 фунтовъ, навитая на цилиндрѣ, вертѣвшемся посредствомъ колеса. Этимъ аппаратомъ измѣрена была подъ 31 град. 59 мин. сѣверной широты и 58 град. 34 мин. западной долготы глубина моря и получено 34,200 футовъ или шесть англійскихъ миль (9 верстъ). Лотъ, при всей скорости, употребилъ полтора часа для достиженія этой глубины. Обстоятельства весьма благопріятствовали этому опыту: море было совершенно спокойно; но какъ проволока порвалась, то до дна и не дошла. Тяжесть лота на этой глубинѣ имѣла силу настоящаго якоря.

Это величайшая глубина, до которой до-сихъ-поръ достигали. Капитанъ Россъ нашелъ, въ 1843 году, между Ріо-Жанейро и Островомъ Вознесенія глубину въ 27,600 футовъ. Только капитанъ Денгамъ превзошелъ обоихъ, достигнувъ глубины, въ 1852 году, между Мысомъ Доброй Надежды и Ріо-Жанейро въ восемь англійскихъ миль (12 верстъ).

Изслѣдованія о подводныхъ теченіяхъ убѣдили, что они сильнѣе и быстрѣе, нежели на поверхности. Только два случая нашли, въ которыхъ отношеніе было обратное и противоположно направленію. Для испытанія этихъ теченій употребляли кусокъ дерева, обитаго съ одной стороны свинцомъ, такъ-что онъ плавалъ въ перпендикулярномъ положеніи; погружали его на веревкѣ, прикрѣпленной къ плавающему боченку, на 126 саженъ, такъ-что, по движенію боченка, можно было судить о направленіи куска дерева надъ водою и о скорости теченія.

Digitized by Google

Любопытно было видѣть, какъ эти боченки плыли на поверхности противъ вѣтра и волнъ съ обыкновенною скоростью по одному узлу въ часъ, а иногда и по два. Дальнѣйшія изслѣдованія подводныхъ теченій во многомъ объясняютъ океаническія явленія; они, кажется, простираются на глубинѣ отъ 50 до 100 саженъ и составляютъ какъ-бы артеріи морей. Кто знаетъ, не воспользуются ли современемъ этою силою теченія вмѣсто паровъ и вѣтровъ?

Тоней нѣсколько разъ проходилъ по такъ-называемому *Mar de sargasse*, извѣстному своими плавающими растеніями, и находилъ, что полосы растеній расположены были по направленію вѣтровъ. По изслѣдованіямъ этихъ растеній оказывается, что они вырастаютъ на водѣ и ею питаются.

Удѣльный вѣсъ воды и прозрачность ея также были постоянно наблюдаемы. Лотъ, окрашенный бѣлою краской, видѣнъ былъ часто на глубинѣ до 70 саженъ.

Ожидали любопытныхъ изслѣдованій вулканической почвы морскаго дна отъ Мыса Сен-Рока, до устья Амазонской Рѣки; но Тоней возвратился, послѣ девятимѣсячнаго путешествія, въ іюнѣ 1846 года, въ Нью-Йоркъ и передалъ свои инструкціи *Дельфину*, который будетъ продолжать дальнѣйшие розъиски. Сверхъ-того, всѣ купеческія суда обязаны производить, при всякомъ возможномъ случаѣ, промѣрку глубины моря и прочія наблюденія: вѣтровъ, дождей, бурь, штилей, тумановъ, облаковъ, температуры и всѣхъ метеорологическихъ явленій, доставляя потомъ всѣ эти свѣдѣнія въ Вашингтонскую Обсерваторію, гдѣ будутъ составляться карты и таблицы.

Эти карты доставили ужъ мореплаванію важную пользу, сокративъ время поѣздокъ на одну треть противъ прежняго. Кромѣ практическихъ выгодъ, предстоятъ важныя открытія въ космическомъ отношеніи, о подводномъ устройствѣ бассейна Атлантическаго Океана.

— Сѣверный путь изъ Европы въ Америку, котораго существованіе долгое время было загадочнымъ, наконецъ открытъ, благодаря усиліямъ англичанъ, и теперь въ Лондонѣ есть уже офицеры, которые изъ Тихаго Океана пріѣхали въ Антлантическій, обогнувъ сѣверную оконечность Америки. Въ гидрографическомъ отдѣленіи Англійскаго Адмиралтейства обнародована ужъ карта, составленная капитаномъ Инглефильдомъ.

При первомъ взглядѣ на эту карту зритель пораженъ тѣмъ, что Баффиновъ Заливъ, почитавшійся послѣднимъ предѣломъ Атлантическаго Океана, сообщается, посредствомъ пролива, попеременно называемаго Ланкастерскимъ и Барро, съ внутреннимъ моремъ, ошибочно названнымъ Мельвилевымъ Проливомъ, а изъ него, посредствомъ Банкскаго Пролива, съ тою частью Ледовитаго Океана, который отдѣляетъ Азію отъ Америки. Слѣдственно Америка не такъ далеко углубляется къ сѣверу, какъ сперва думали, и дальше ея къ полюсу существуютъ уже другія земли, которыхъ очертаніе и обширность составляютъ еще тайну. До-сихъ-поръ, знаемъ мы только, что онѣ очень-мелки и многочисленны.

Путь, по которому слѣдовали англійскіе мореходцы, находится

Digitized by Google

между 74 и 75° сѣв. шир., впрочемъ, ближе къ послѣднему. Извѣстию, что отысканіе проѣзда происходило съ востока и съ запада, то-есть изъ Баффинова Залива и Берингова Пролива. Въ 1852 году два корабля, *Resolute* и *Intrepid*, зимовали на островѣ Мельвилѣ, въ 75° сѣв. шир. 109° зап. долг. отъ Гринича. Ихъ затерло тамъ льдами, и лѣто 1853 года не могло освободить ихъ. Капитанъ Мак-Клюзъ на Инвестигаторѣ, пройдя Беринговъ Проливъ, вышелъ 31 іюля 1850 года отъ сѣвернаго мыса залива Коцебу и плылъ къ востоку около береговъ, нѣсколько разъ пересѣкаемыхъ паралелью до 70°. Направясь къ сѣверу, открылъ онъ, 7 сентября, землю, названную имъ Островомъ Беринга и, оставивъ его на западѣ, углубился въ Каналъ Принца Валлійскаго. Достигнувъ въ оконечности этого узкаго пролива, близъ пролива Мельвиля, Инвестигаторъ затертъ былъ льдомъ, и не прежде освободился отъ нихъ, какъ 15 августа 1851 года.

По-несчастью, онъ не могъ продолжать своего пути къ сѣверу: море было преграждено. Надобно было спуститься опять по Проливу Принца Валлійскаго. Объѣхавъ островъ Беринга, нашелъ онъ прекрасную якорную стоянку, близъ густаго лѣса, гдѣ много было дичи. Только 21 сентября пошелъ онъ къ Мерсійской Губѣ въ сѣверной части этого острова.

Тутъ корабль снова затертъ былъ льдомъ. Можетъ-быть, онъ и теперь тамъ. Но 16 апрѣля 1853 года капитанъ Мак-Клюзъ отправился въ саняхъ, переѣхалъ по льду черезъ проливъ Банкса, и 1 мая прибылъ на зимовку судовъ *Resolute* и *Intrepid*.

Какъ выразить чувства радости моряковъ на Инвестигаторѣ при видѣ двухъ кораблей ихъ соотечественниковъ! Другая радость послѣдовала за этою встрѣчею: часть экипажа *Феникса*, посланнаго изъ Англіи для отвоза припасовъ на *Resolute* и *Intrepid*, пріѣхала туда, тоже на саняхъ, съ Мыса Бичи, въ ста миляхъ оттуда къ востоку, гдѣ льды также затерли корабль.

Вскорѣ потомъ капитанъ Мак-Клюзъ возвратился въ Мерійскую Губу, чтобъ взять тамъ больныхъ съ Инвестигатора и перевесть ихъ на Фениксъ, который 2 іюня и прибылъ благополучно въ Англію.

Открытіе это приноситъ величайшую честь англійскимъ морякамъ. Не должно спѣшить приговоромъ, что открытіе это полезно только для науки: мы видимъ, что электричество сдѣлалось общеполезнымъ, хотя и почиталось прежде одною игрушкою. Почему знать: не найдется ли и тутъ какихъ-нибудь выгодъ для человѣчества? Образцы минераловъ, отбитые англійскими офицерами отъ скалъ тамошнихъ островов, возбудили уже спекулативный духъ англичанъ.

Притомъ же, можетъ-быть, есть и другіе пути, напримѣръ, отъ Сѣвернаго Мыса (Норд-Капа); но какъ онъ легче и проще, то его еще и не открыли.

— Еще интересное открытіе для мореплаванія: корабль Броуна. Едва только калорическій корабль Эриксона вышелъ изъ моды, какъ нѣкто Броунъ, англичанинъ, предложилъ построить корабль, на которомъ можно будетъ ѣздить изъ Европы въ Америку въ двои сутки. Предположеніе его состоитъ въ слѣдующемъ: «для полученія быстрѣй-

Digitized by Google

шей, противъ нынѣшняго мореплаванія, скорости, надобно устроить корабль, который двигался бы не погружаясь въ воду, а возникая изъ нея, то-есть: чтобъ онъ былъ плоскодонный съ нѣкоторымъ возвышеніемъ въ передней части. Если подобное судно пойдетъ скоро, то оно все выступитъ на поверхность воды, по тому же закону, какъ плоскій камень, брошенный подъ острымъ угломъ по водѣ, дѣлаетъ рикошеты. Конечно, и въ этомъ движеніи будетъ сопротивленіе въ задней части корабля; но можно избѣжать усиленія сопротивленія при ускоренномъ движеніи, дѣлая острѣе уголъ наклоненія корабельнаго трюма. Положимъ, что теперь корабль во сто тоннъ по часовой скорости 30 миль въ часъ и при наклоненіи трюма на 1% встрѣчаетъ сопротивленіе на одинъ тоннъ; тогда, при скорости въ *60* миль, сопротивленіе будетъ то же самое, а наклонность трюма будетъ какъ 1 : 400. Обыкновенный пароходъ претерпѣваетъ, при двойной скорости, сопротивленіе вчетверо; чтобъ избѣжать этого неудобства, нѣтъ другаго средства, какъ увеличить силу машинъ и расходъ на уголья. Плоскій же корабль, чѣмъ выше будетъ подниматься изъ воды, тѣмъ быстрѣе будетъ двигаться, слѣдственно, усиленіе машинъ не составляетъ при этомъ препятствія: корабль, устроенный такимъ образомъ, будетъ тогда летать по водѣ, какъ птица. Остается теперь узнать: оправдаетъ ли практика эти теоретическія предположенія?

— Нѣкто Вульфъ нашелъ средство производить фотографическіе оттиски на ситцѣ, клеенкѣ и пр. Пробы, представленныя имъ въ Академію Наукъ, оказались весьма-удовлетворительными. Эти рисунки, прямо-передаваемые на ткани, отличаются отъ дагерротипныхъ и фотографическихъ на бумагѣ тѣмъ, что не блестятъ, не портятся отъ прикосновенія и безвредно могутъ быть обмываемы. Ихъ тоже можно производить въ нѣсколько секундъ; сверхъ-того, можно ихъ разцвѣчивать красками въ порошкѣ. Впрочемъ, самый процесъ еще содержится изобрѣтателемъ въ тайнѣ.

— Извѣстно, что обѣщана была во Франціи, два года тому назадъ, премія въ 50,000 франк., за открытіе примѣненія электрическаго свѣта къ искусствамъ и промышлености. Полагаютъ, что одинъ парижскій физикъ получитъ ее теперь: онъ устроилъ огромную батарею изъ горшковъ, сдѣланныхъ изъ песчаника; она даетъ очень-сильный свѣтъ, который, будучи усиленъ рефлекторомъ, дозволяетъ нѣсколькимъ сотнямъ работниковъ производить ночью строительныя работы въ Парижѣ, какъ при дневномъ свѣтѣ. Говорятъ, что улица Риволи, набережныя и бульвары вскорѣ будутъ освѣщены электрическимъ свѣтомъ.

— Свѣтопись (фотографія) была въ послѣднее время въ нѣкоторомъ пренебреженіи, но теперь опять входитъ въ моду. Несмотря на точность во всѣхъ подробностяхъ фотографическихъ изображеній, въ нихъ есть одинъ важный недостатокъ, а именно: нѣтъ постепенности въ оттѣнкахъ, или, какъ живописцы говорятъ: *у нихъ жесткій тонъ.* Пока не найденъ будетъ составъ, болѣе одинаковымъ образомъ распредѣляющій свѣтъ, фотографія не достигнетъ совершенства.

Digitized by Google

Сэръ Джонъ Гершель съ самаго начала открытія рекомендовалъ бромистое серебро, преимущественно предъ всѣми прочими серебряными составами. Дѣйствіе призматическихъ лучей солнца должно служить главнымъ руководителемъ при химическихъ составахъ для фотографіи. Солнечный спектръ производитъ, напримѣръ, дѣйствіе быстрѣе на бумагѣ съ іодистымъ серебромъ, нежели на бумагѣ съ бромистымъ. Въ первомъ случаѣ зеленые лучи почти совсѣмъ не имѣютъ дѣйствія; во второмъ, они сильно дѣйствуютъ.

Новѣйшее открытіе профессора Стокса указало на цѣлый родъ лучей, которые до-сихъ-поръ были неизвѣстны и которые имѣютъ болѣе отражательной силы нежели семь ньютоновыхъ лучей. Сила свѣта вовсе не служитъ доказательствомъ химической силы лучей. Желтый лучъ спектра самый сильный по свѣту, самый слабый по химическому дѣйствію. Все пространство мірозданія наполнено свѣтилами, но химическіе лучи темны и невидимы.

Это открытіе Стокса, вѣроятно, будетъ имѣть важное вліяніе на фотографію.

Фото-литографія, тоже новое усовершенствованіе этой отрасли химіи. Смолой, распущенною въ лавандовомъ маслѣ, покрываютъ литографической камень; на эту поверхность наводятъ желаемое изображеніе камер-обскуры и покрываютъ потомъ стекломъ, выставляя камень на солнце. Солнечные лучи, падая на свѣтлыя части оттиска, сильно дѣйствуютъ на слой смолы. Камень оставляется часъ на солнцѣ, а потомъ обмываютъ его какимъ-нибудь спиртомъ, растворяющимъ мягкія части смолы, наконецъ обмываютъ водою. Тогда ужъ съ литографическаго камня берутъ оттиски, какъ обыкновенно.

Впрочемъ, это искусство еще слишкомъ-ново, чтобъ быть совершеннымъ. Впослѣдствіи многое улучшится.

Теперь доходятъ наконецъ и до гравировки на стали, посредствомъ фотографіи. Вотъ способъ Мунго Питона, описанный въ *Edinburgh Philosophical Journal*.

На стальную доску наводятъ слой желатиннаго раствора, въ которомъ распущено нѣсколько двухлористаго потассія; на этотъ слой кладутъ листы, цвѣты, кружева, которые хотятъ выгравировать, и, покрывъ ихъ стеклами, выставляютъ на солнце: двухлористый потассій разлагается и хромовая кислота проѣдаетъ органическую матерію. Когда обмоютъ доску водою, вытравленныя части остаются обнаженными, а остальное все еще покрыто желатиною. Тогда на доску наливаютъ растворъ двухлористой платины, которая быстро гравируетъ рисунокъ на стали. Послѣ этого обмываютъ еще разъ доску, чтобъ очистить отъ желатины, и дѣлаютъ оттиски.

— Новыя изысканія профессора Стокса происходятъ подъ необъясненнымъ явленіемъ, открытымъ сэромъ Джономъ Гершелемъ и сообщеннымъ имъ Королевскому Обществу въ 1845 году. Если на растворъ сѣрнокислой хинины смотрѣть на свѣтъ, держа растворъ между глазомъ и свѣтомъ, или между глазомъ и бѣлымъ предметомъ, то этотъ растворъ кажется такъ прозраченъ и безцвѣтенъ, какъ

Digitized by Google

вода; но если смотрѣть подъ разнымъ уклоненіемъ свѣта, то онъ обнаруживаетъ прекрасный голубой цвѣтъ.

Сэръ Джонъ Гершель объясняетъ, что этотъ цвѣтъ происходитъ отъ дѣйствія слоя, который первый подвергается лучамъ свѣта при входѣ ихъ въ жидкость, и назвалъ это разсѣяніе свѣта *эпиполическимъ*, потому-что оно происходитъ близь поверхности, въ которую проникаетъ свѣтъ. Лучъ свѣта, прошедшій сквозь растворъ, кажется точно такимъ же, какъ и прежде, и однакожь онъ подвергся таинственному измѣненію, потому-что эпиполизированный лучъ, то-есть прошедшій однажды сквозь растворъ хинины и подвергшійся ужь дѣйствію разсѣянія, не въ-состояніи вторично испытать эпиполическое разсѣяніе.

Профессоръ Стоксъ, разсматривая эпиполизированный свѣтъ, заключилъ, что это свѣтъ, лишившійся нѣсколькихъ невидимыхъ лучей, которые, измѣнясь отъ дѣйствія разсѣянія, сдѣлались видимыми. Это предположеніе, столь повидимому новое, подтверждено было множествомъ простыхъ и ясныхъ опытовъ, доказывающихъ, что дѣйствительно это химическіе лучи солнечнаго спектра, которые сами-по-себѣ невидимы, но имѣютъ способность быть отражаемы лучше, нежели фіолетовые лучи и производятъ голубой цвѣтъ на поверхности раствора хинины.

Профессоръ Стоксъ слѣдилъ за своею идеею въ нѣсколькихъ подобныхъ явленіяхъ и, между-прочимъ, въ замѣченныхъ сэромъ Давидомъ Брюстеромъ въ описаніи его: *о внутреннемъ разсѣяніи свѣта*, и нашелъ различіе между *ложнымъ* внутреннимъ разсѣяніемъ, гдѣ свѣтовые лучи просто отражаются тонкими частицами, механически-плавающими въ растворѣ, и *истиннымъ* разсѣяніемъ. Посредствомъ особаго рода наблюденій открылъ онъ, что измѣненіе въ отраженіи не только производится прозрачными жидкостями, но и непрозрачными веществами, большею-частью органическими съ рѣдкою примѣсью минеральныхъ.

Прямое примѣненіе этого факта, какъ мы его теперь понимаемъ, можетъ имѣть весьма-важныя и любопытныя примѣненія. Изученіе отражательныхъ лучей солнечнаго спектра представляетъ теперь много удобства, потому-что лучи его изъ невидимыхъ сдѣлались видимыми, посредствомъ раствора хинины, и доставляютъ новую возможность анализировать органическія тѣла, и тѣмъ объяснить многіе вопросы органической химіи.

Къ этимъ же явленіямъ относится любопытный фактъ окрашиванія, замѣчаемый, при извѣстныхъ условіяхъ, на поверхности безцвѣтной жидкости. Чтобъ видѣть это, надо распустить одну часть сѣрнокислой хинины и одну часть виннокаменной кислоты въ 200 частяхъ дистиллированной воды; процѣдивъ эту жидкость, вливаютъ ее въ длинную, узкую трубку, вертикально поставленную на черномъ фонѣ передъ сильно-освѣщеннымъ окномъ (избѣгая всякаго боковаго свѣта). Если смотрѣть сверху внизъ въ трубку, то поверхность, въ которую проникаетъ свѣтъ, отражаетъ яркій голубой цвѣтъ. Этотъ цвѣтъ вовсе не зависитъ отъ соприкосновенія жидкости и стекла, потому-что если

Digitized by Google

опрокинуть трубку и вылить жидкость, послѣдняя сохранитъ тотъ же цвѣтъ. Разливъ тонкій слой жидкости на стекло, оказывается то же явленіе поверхностой колораціи, такъ-что съ перваго взгляда почти убѣждаешься, что самая жидкость имѣетъ этотъ цвѣтъ.

Этотъ голубой цвѣтъ, разсмотрѣнный въ призму, кажется, совершенно-лишнымъ красныхъ лучей и не имѣетъ слѣдовъ поляризаціи.

Виннокаменная кислота можетъ въ этихъ опытахъ быть замѣнена другою кислотою, какъ, напримѣръ, сѣрною и уксусною.

— Употребленіе бунзенова столба день-отъ-дня распространяется не только въ наукѣ, но и въ промышлености. Замѣненіе углемъ платины ужь значительно уменьшило расходы, но осталось употребленіе азотной кислоты, которая очень-дорога, и теперь стараются замѣнить ее другимъ веществомъ, которое дешевле. Ужь найдено, что, вмѣсто цѣльной азотной кислоты, можно употреблять смѣсь изъ половины азотной кислоты и половины сѣрной.

Теперь Гинде предлагаетъ замѣнить азотную кислоту смѣсью сѣрной кислоты и перекисью марганца, и при этомъ не нужно, чтобъ сѣрная кислота была концентрирована, а перекись марганца можетъ быть въ крупномъ порошкѣ. Гинде нашелъ, что, уравнивая два бунзенова столба, совершенно-одинаковые: одинъ съ азотною кислотою, а другой съ смѣсью сѣрной и перекисью марганца, электрическій токъ обоихъ столбовъ былъ одинаковой силы, а расходы рознились 50%, кромѣ-того, что испаренія азотной кислоты очень-вредны для производящихъ опыты.

Польза употребленія перекиси марганца объясняется тѣмъ, что она развиваетъ довольно кислорода, чтобъ поглотить водородъ, приносимый токомъ къ углю. Впрочемъ, мудрено допустить, чтобъ холодная сѣрная кислота могла дѣйствовать на перекись марганца и произвести развитіе кислорода. Леру сообщилъ объ этомъ особую записку академіи и изложилъ весьма-любопытныя замѣчанія, по которымъ оказывается, что нужна температура въ 70—80° для упомянутой смѣси сѣрной кислоты и перекиси марганца для замѣненія азотной кислоты въ бунзеновомъ столбѣ, и что опыты должны производиться въ большомъ размѣрѣ.

— По части палеонтологіи, внесемъ въ наши замѣтки одно открытіе. Въ концѣ 1852 года сэръ Катейелъ и Доуговъ разсматривали слои угольныхъ копій *South Joggins* въ Новой Шотландіи, чтобъ открыть, какія обстоятельства благопріятствовали сохраненію такого множества ископаемыхъ деревьевъ, которыя тамъ находятъ на различной глубинѣ и въ вертикальномъ положеніи (а это большая рѣдкость въ угольныхъ копяхъ Сѣверной Америки). Разсматривая окаменѣлую внутренность этихъ ископаемыхъ деревъ, нашли въ нихъ остатки разныхъ растеній, какъ-то: папоротники, *Flabellarias, Sigillaris,* каламиты и стигилларіи.

Въ одномъ изъ этихъ деревъ найдены въ самой нижней части пня нѣсколько небольшихъ костей, перемѣшанныхъ съ кусочками обуглившагося дерева. Вокругъ всего этого была каменистая масса темнаго цвѣта. Разбивъ ее, нашли не только кости, но и небольшую земную

Digitized by Google

раковинку изъ породы *clausilia* и *pupa*. Кости же составляютъ части головы и оконечностей, челюсти, зубы, спинная кость и проч. нѣсколькихъ небольшихъ пресмыкающихся животныхъ.

Профессоръ Гарвардскаго Университета Винемъ и профессоръ Овенъ, признали эти кости лягушкообразной породы, схожей съ *Menobranchus* и *Menopames*, и обитающей теперь въ рѣкахъ и озерахъ Сѣверной Америки.

— Вотъ нѣсколько изобрѣтеній, имѣющихъ практическое примѣненіе:

Въ *Gazette de Savoie* сообщаютъ, что Бонелли устроилъ машину, которая, силою электромагнитнаго аппарата заставляетъ дѣйствовать станки, на которыхъ ткутъ шелковыя матеріи. Во многихъ мѣстахъ были до-сихъ-поръ машины, дѣйствовавшія парами, или водою. Теперь то же движеніе будетъ совершать электро-магнитная сила. У Бонелли не объясненъ только способъ воспроизведенія рисунка. Вѣроятно, это пропускъ въ газетѣ, а не въ изобрѣтеніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Когда генералъ Бонапарте возвратился изъ Египта, то, между-прочимъ, привезъ съ собою два женскія платья, тканыя пополамъ изъ хлопчатой бумаги и шелка, окрашеннаго золотомъ. Послѣднее обстоятельство поразило французскихъ мануфактуристовъ. Они обратились къ химикамъ, чтобъ получить отъ нихъ золотую тинктуру для окрашиванія шелка, но тѣ не могли составить ее. Послѣ полувѣковаго забвенія, тинктура эта наконецъ открыта въ Парижѣ. Изобрѣтатель не обнародовалъ еще своего секрета.

— Изобрѣтены также новые тигли для плавленія желѣза. Главное затрудненіе при обработкѣ желѣза то, что металлъ, изъ котораго дѣлаются тигли для плавленія желѣза, не выдерживаетъ силы огня и дѣйствія кислотъ. Карпантье составилъ теперь новый металлъ для этихъ тиглей и нашелъ новый способъ топки при плавленіи желѣза.

— Но вотъ еще одно открытіе, чрезвычайно-важное: это брильянтовый порошокъ, полученный посредствомъ вольтова столба. Извѣстно, что алмазъ не что̀ иное, какъ чистѣйшій кристаллизированный углеродъ. Многіе химики пытались ужь доводить уголь до кристаллизаціи, то-есть, превращать его въ алмазъ. Многіе увѣряютъ, что успѣли въ этомъ, но что процесъ этотъ разорителенъ. Слѣдственно, остается химіи открыть средство дѣлать брильянты не разоряясь.

Г. Депре ужь нѣсколько лѣтъ занимается тѣмъ, что заставляетъ самыя огнеупорныя тѣла расплавляться и испаряться. Онъ дѣлалъ опыты и съ углемъ. Онъ полагаетъ, что ни расплавленіемъ, ни быстрымъ испареніемъ угля не дойдутъ до составленія алмаза. Посредствомъ электрическаго огня вольтова столба, получена ужь кристаллизація многихъ тѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и уголь можно бы довести до этого, еслибъ у насъ были еще болѣе огнеупорные тигли, нежели самъ уголь; а потому Депре прибѣгнулъ къ процесу медленнаго улетучиванія угля (волатилизаціи) посредствомъ безпрерывнаго электрическаго тока. Онъ взялъ шарообразный тигель съ двумя отверстіями; къ нижней части прикрѣпленъ былъ цилиндръ изъ чис-

Digitized by Google

таго угля, толщиною съ мизинецъ. Къ верхней части прикрѣплено нѣсколько тонкихъ платиновыхъ проволокъ такъ, чтобъ между ними и углемъ было разстояніе на 5 — 6 сантиметровъ. Тогда, вытянувъ воздухъ, впускаютъ электрическій токъ аппаратомъ Румкорфа. Свѣтящаяся дуга, производимая этимъ токомъ, красновата. Она исходитъ изъ оконечности угля и останавливается близь платины. Тутъ дуга принимаетъ цвѣтъ синефіолетовый. Въ этомъ опытѣ, продолжавшемся болѣе мѣсяца, вольтовъ столбъ былъ составленъ изъ четырехъ элементовъ даньэлевской батареи по два вмѣстѣ. По-временамъ возобновляли ихъ. Въ концѣ мѣсяца оказалось, что на проволокахъ произошелъ осадокъ чернаго угля. Но если разсматривать его въ микроскопъ, увеличивающій въ 30 разъ, то этотъ осадокъ представляетъ на оконечностяхъ проволокъ маленькіе черные октаэдры, увеличенные сверху, и другіе, свѣтлые октаэдры. Этотъ осадокъ, смоченный масломъ, употребленъ былъ на ограненіе нѣсколькихъ яхонтовъ, и это употребленіе служитъ лучшимъ доказательствомъ, что порошокъ былъ алмазный.

Такимъ-образомъ мысль о воспроизведеніи алмаза изъ угля осуществлена; остается заставить полученный порошокъ образоваться въ бо́льшіе кристаллы и камни. Дойдутъ ли до этого?

— Въ геологіи обратимъ вниманіе читателей на изслѣдованіе осадка, образуемаго водою Рейна.

При большомъ разливѣ этой рѣки въ прошломъ году Бишофъ налилъ рейнской мутной воды 24 марта и хранилъ ее въ сосудахъ. Она не прежде отстоялась совершенно, какъ 11-го августа. 100 частей воды дали осадокъ, который, при анализѣ, далъ слѣдующій результатъ: 57 частей кремнезема, 11 глинозема, 14 желѣзной окиси, 3 извести, нѣсколько магнезіи, поташа и соды; 9 частей потеряно отъ дѣйствія огня и 3 части дали слѣды органической матеріи. Но замѣчательно, что весь кремнеземъ, равно какъ и весь осадокъ, растворенъ былъ хлористоводородною кислотою. Глинистый сланецъ содержащій въ себѣ не болѣе 24—29% растворимыхъ элементовъ болѣе всего способствуетъ образованію этого осадка. Этотъ фактъ можно объяснить чрезвычайнымъ треніемъ частицъ, плавающихъ въ Рейнѣ, и химическимъ разложеніемъ, которому онѣ подвергаются. Это треніе таково, что въ-теченіе четырехъ мѣсяцевъ вода не отстоялась и плавающія частицы все еще проходили сквозь пропускную бумагу. Что же касается до химическаго разложенія, извѣстно, что оно происходитъ въ большей или меньшей степени, прежде нежели воды увлекутъ каменистыя частицы; это разложеніе продолжается и въ водѣ безъ дѣйствія угольной кислоты, и такимъ-образомъ кремнеземъ растворяется.

Означенный составъ осадка обнаруживаетъ сходство его съ глинистымъ сланцомъ, изобилующимъ кремнеземомъ. Понятно, какимъ-образомъ онъ можетъ составить твердую скалу въ морѣ, особливо при вліяніи нѣкоторыхъ цементовъ. Желѣзная окись превращается въ окисленное желѣзо посредствомъ органическихъ матерій, которыхъ множество въ рѣчной водѣ. Зеленый оттѣнокъ глинистаго сланца

Digitized by Google

тѣмъ болѣе будетъ видимъ, чѣмъ болѣе будетъ закиси. Этотъ осадокъ будетъ далеко простираться въ море и распустится совершенно только тамъ, гдѣ воды совершенно спокойны.

Углекислыя вещества, которыхъ нѣтъ и слѣда въ анализѣ осадка, всѣ распущены. Углекислая известь, приносимая Рейну притоками его, растворена. Это любопытное явленіе, но его легко объяснить Известковыя части притоковъ тѣмъ легче растворяются въ Рейнѣ, что самъ онъ не насыщенъ углекислою известью. Онъ могъ бы въ восемь разъ больше получить известковыхъ элементовъ, и все бы растворилъ ихъ. Разложеніе водъ этой рѣки Пагенштехеромъ доказываетъ, что въ нихъ въ четыре раза больше угольной кислоты, когда онѣ чисты, нежели во время разливовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что Рейнъ никогда не приноситъ въ море цѣлыхъ известковыхъ частицъ; то же должно быть и съ другими рѣками, кромѣ тѣхъ, которыя у самаго устья проходятъ близь известковыхъ горъ. Всѣ известковые осадки въ морѣ, какъ-то: раковины, кораллы и пр., обязаны своимъ происхожденіемъ углекислой извести, растворенной въ этихъ водахъ.

Желѣзо доставляется Рейну во время разлива цементомъ красноватыхъ горъ изъ пестраго песчаника.

Въ 1833 году, Гарнеръ, при разложеніи рейнской воды въ Боннѣ нашелъ во 100 частяхъ 31,62 части по вѣсу землистаго вещества: это довольно сходно съ анализомъ Бишофа. Въ ноябрѣ, послѣ большихъ дождей, Гарнеръ произвелъ новый опытъ, давшій 51, 45 землянистыхъ частей; поэтому онъ исчисляетъ, что Рейнъ въ 24 часа уноситъ собою 145,981 англійскихъ кубическихъ футовъ твердаго вещества. Вычтя изъ этого растворяемые элементы, остается еще 94,332 куб. футовъ, образующихъ въ годъ слой въ 58 футовъ длины и ширины и въ одинъ толщины. Но пропорція землянистыхъ веществъ измѣняется, потому-что Штейфензандъ, опредѣляя вѣсъ ихъ въ 1824 году, нашелъ 78 частей на сто, то-есть вчетверо больше, нежели Бишофъ.

Слѣдственно рѣки уносятъ съ собою въ море огромное количество твердыхъ веществъ; а если прибавить къ этому отрываемыя волнами отъ береговъ, то не удивительно, что впродолженіе длиннаго геологическаго періода составятся въ моряхъ огромные наплывы.

— Если мы обратимся къ археологіи, то должны будемъ упомянуть объ открытіи новой пирамиды въ Сѣверной Америкѣ. Всеобщее любопытство обращено теперь на это открытіе, сдѣланное въ большой пустынѣ Колорадо. Пирамида эта доказываетъ, что здѣсь нѣкогда жилъ народъ, котораго существованіе не сохранилось въ исторіи.

Общество изъ пяти человѣкъ поднялось по рѣкѣ Колорадо на 200 миль вверхъ, выше впаденія въ эту рѣку Гилы, чтобъ, посредствомъ предполагаемаго западнаго рукава, найдти новую и ближайшую дорогу въ Калифорнію. Вся эта страна оказалась совершенно безплодною пустынею. Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, замѣтили вдали очерки какого-то высокаго зданія и спѣшили туда. Не прежде, какъ пройдя пять миль, дошли до него. Къ крайнему удивленію пу-

Digitized by Google

тешественниковъ, это была огромная пирамида изъ каменныхъ слоевъ отъ 18 дюймовъ до 3-хъ футовъ толщины и отъ 5-ти до 7-ми футовъ длины. Верхняя часть пирамиды едва составляла площадь въ 50 квадратныхъ футовъ. Въ прежнее время пирамида была островенчана: это обнаруживается обломками камней, выдающихся изъ весу. Но, вѣроятно, землетрясеніемъ она была повреждена.

Устройство пирамиды отличается отъ египетскихъ тѣмъ, что она уже и острѣе. Высота ея и теперь составляетъ *сто-четыре* фута, а вѣроятно, была еще 20-ю футами болѣе. На сколько футовъ основаніе ея теперь завалено пескомъ — нельзя изслѣдовать. Бурями и непогодами, въ-теченіе столѣтій, а можетъ-быть и тысячелѣтій, камни такъ вывѣтрились, что по нимъ легко взобраться на вершину, тѣмъ болѣе, что склонъ пирамиды имѣетъ 10°.

Удостовѣрясь, что тутъ нѣтъ дороги въ Калифорнію, и что эта ужасная пустыня составляла нѣкогда плодороднѣйшую страну, путешественники возвратились для объявленія о своей находкѣ.

— Статистическія данныя о распространеніи просвѣщенія, доставили намъ вовсе неожиданныя свѣдѣнія о томъ, что болѣе всего публичныхъ библіотекъ въ Бельгіи. Теперь тамъ двадцать-одна публичная библіотека. Главная изъ нихъ — Королевская Библіотека въ Брюсселѣ, въ которой 180,000 томовъ (включая въ этомъ числѣ и дублеты), 16,668 манускриптовъ, 30,000 гравюръ, 14,000 медалей и монетъ. Эта библіотека ежегодно приращается 3000 томами.

Прочія библіотеки: въ Лёвенскомъ Университетѣ 60,000 книгъ, въ Гентскомъ 59,650. Въ городахъ: Турнеѣ 26,230, въ Антверпенѣ 19,148, въ Намюрѣ 17,000, въ Монсѣ 15,000, въ Брюгге 10,500, въ Иперпѣ 9,300, въ Уденардѣ 4,229, въ Атѣ 3,200, въ Арлонѣ 3,000, въ Мехельнѣ 2,800, въ Шимеѣ 820; а такъ же въ городахъ Вервье, Гассельтѣ, Куртре, Фюрнесѣ, Тирлемонѣ и Дендермондѣ.

Сверхъ-того, есть въ Брюсселѣ нѣсколько отдѣльныхъ публичныхъ библіотекъ, а именно: Библіотека обѣихъ Палатъ, библіотеки разныхъ министерствъ, Центральной Статистической Коммиссіи, обѣихъ академій, обсерваторіи и др.

Въ Государственномъ Архивѣ въ Брюсселѣ 39,742 документа на пергаменѣ, 52,572 реестра, 38,280 картоновъ и тетрадей. Подобные же архивы есть въ Гентѣ, Литтихѣ, Монсѣ, Турне, Намюрѣ и Арлонѣ.

Древнія общины имѣютъ также свои архивы, которые очень-важны для исторіи Бельгіи. Въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе всѣхъ архивъ въ Брюгге.

— Вотъ, наконецъ, полезное открытіе, имѣющее свою практическую пользу. Путешествовать ночью, зимою и въ морозъ, по дурной дорогѣ и верхомъ можетъ быть удовольствіемъ для молодаго романическаго человѣка, но для положительнаго — это бываетъ только тяжелою и непріятною необходимостью. Ноги озябнутъ въ короткое время до-того, что какъ бы вы ни спѣшили, а принуждены будете сойдти съ лошади и идти пѣшкомъ, чтобъ хоть немного согрѣть охолодѣвшіе члены.

Одинъ житель Парижа, вѣроятно, иностраннаго происхожденія, Шви-

Digitized by Google

карди, которому часто приходилось дѣлать непріятныя путешествія въ зимнія ночи, изобрѣлъ стремя-фонарь и взялъ на него привилегію. Многіе подумаютъ, что изобрѣтеніе это слишкомъ ужъ просто, и что каждый можетъ, безъ особеннаго усилія воображенія, привѣсить по фонарю подъ каждое стремя; но если посмотрѣть ближе на изобрѣтеніе, оно покажется совсѣмъ не такъ просто и легко. Прежде всего надобно было добиться, чтобъ масло лампы не разливалось отъ движеній и скачковъ лошади и чтобъ свѣтильня не нагорала и не заставляла всадника сходить каждую минуту и поправлять свои фонари. Для этого придуманъ удобный аппаратъ, который сохраняетъ масло въ особенномъ отдѣленіи, сообщающемся только съ свѣтильнею въ такомъ количествѣ, какое необходимо для горѣнія. Сама же свѣтильня навернута на маленькое колесо съ зубцами, которое постепенно развертываетъ ее, какъ это устроено въ лампахъ Ламбертена и Дезе.

Весь аппаратъ, названный изобрѣтателемъ *пирофоръ*, походитъ формою на маленькое ведро съ жестяною крышею. Масло для лампы заключается въ двойномъ днѣ, крыша же плотно прикрѣпляется подъ стремя. Всадникъ можетъ употреблять *пирофоръ* и днемъ, чтобъ согрѣвать себѣ ноги, и тогда стекло фонаря закрывается и остаются только отверстія для воздуха и для дыма отъ лампы. Ночью же путешественникъ только откроетъ въ стѣнкѣ фонаря небольшое окошечко, и изъ него будетъ выходить достаточный свѣтъ, который освѣтитъ дорогу на нѣсколько шаговъ со всѣхъ сторонъ. Итакъ путешественникъ, плотно закутанный въ теплый плащъ, и ноги котораго согрѣваются двумя фонарями, будетъ видѣть дорогу, по которой ѣдетъ и не долженъ бояться ни непогодъ, ни дурныхъ встрѣчъ. Странно, что, несмотря на весь комфортъ и пользу этого изобрѣтенія, пирофоры Швикарди не вошли еще во всеобщее употребленіе. Кажется, что они были бы необходимы для деревенскихъ докторовъ, которые бываютъ принуждены ѣхать верхомъ во всякое время, несмотря ни на какую погоду, и еще по самымъ опаснымъ и часто непроходимымъ дорогамъ. Теперь привилегія Швикарди окончилась и стремя-фонарь сдѣлался всеобщею собственностью. Неудивительно будетъ, если, послѣ долгаго періода ожиданія, онъ войдетъ въ употребленіе и будетъ однимъ изъ полезныхъ изобрѣтеній.

— Намъ осталось теперь только привести нѣсколько фактовъ и изслѣдованій, относящихся въ наукѣ, богатой покамѣстъ одними фактами, именно, къ метеорологіи. Обратимъ прежде всего вниманіе на новыя изслѣдованія о составѣ озона. Шёнбейнъ открылъ, что, при разложеніи воды электрическимъ токомъ, отдѣляемый кислородъ имѣетъ особенный сѣрный, или фосфорный запахъ и такія же свойства, которыхъ кислородъ въ обыкновенномъ видѣ не имѣетъ. То же самое происходитъ при пропусканіи электрическихъ искръ чрезъ кислородъ. Странное это явленіе вызвало въ свое время нѣсколько разныхъ толковъ, но достаточно объяснено не было. Самъ Шёнбейнъ полагалъ, что запахъ и пр. происходятъ отъ кислорода, принимающаго при дѣйствіи электричества особенный видъ (аллотропическій кислородъ) и названнаго имъ *озономъ*. Г. Баумертъ («Poggendorff's Annalen der

Physik и Chemie», 1853, № 5) приводитъ рядъ опытовъ, произведенныхъ имъ въ лабораторіи Бунзена и весьма-удовлетворительно объясняющихъ темную сторону вопроса о составѣ озона.

Извѣстно, что фосфорная кислота, образующаяся при горѣніи фосфора въ воздухѣ или кислородѣ въ видѣ бѣлоснѣжныхъ хлопьевъ, весьма-сильно притягиваетъ влажность и расплывается тоже въ непрозрачную жидкость. Если, поэтому, покроемъ стѣнки стеклянной трубки внутри налетомъ безводной фосфорной кислоты и станемъ по трубкѣ пропускать струю газа съ парами воды, то фосфорная кислота потеряетъ видъ бѣлыхъ хлопьевъ, и стѣнки трубки сдѣлаются прозрачными. Реакція эта такъ чувствительна, что показываетъ даже примѣсь одной десятитысячной доли миллиграмма паровъ воды; ею и воспользовался Баумертъ длятого, чтобъ увѣриться: дѣйствительно ли озонъ, какъ ужь прежде полагали, представляетъ новое соединеніе водорода съ кислородомъ. Съ этою цѣлью онъ пропускалъ струю совершенно-высушеннаго кислорода, добытаго разложеніемъ воды и имѣвшаго свойство озона, черезъ трубку, которой стѣнки покрыты были налетомъ фосфорной кислоты. Послѣдняя сохраняла свою непрозрачность, и кислородъ проходилъ чрезъ трубку безъ всякаго измѣненія. Но когда трубка была въ одномъ мѣстѣ нагрѣваема лампою, то вся фосфорная кислота, находившаяся за нею по направленію пропускаемаго газа, скоро превращалась въ прозрачныя капельки; другими словами: *озонъ дѣйствительно содержитъ водородъ и отъ нагрѣванія отдѣляетъ воду.* Оставалось затѣмъ найдти: въ какой пропорціи водородъ соединенъ съ кислородомъ въ озонѣ.

Ужь прежде знали, что озонъ владѣетъ въ высшей степени окисляющею способностью; такъ, напримѣръ, онъ разлагаетъ даже хлористый калій, выдѣляя хлоръ и превращая металлъ въ окись (кали). Это показываетъ, что онъ содержитъ болѣе кислорода, чѣмъ вода, или что озонъ представляетъ соединеніе воды съ кислородомъ. Чтобъ опредѣлить количество этого излишняго кислорода, Баумертъ воспользовался окисляющимъ свойствомъ озона; отъ дѣйствія его іодъ (подобно хлору) выдѣляется изъ соединенія съ каліемъ; количество выдѣленнаго іода весьма-легко опредѣлить, основываясь на свойствѣ іода превращать сѣрнистую кислоту, въ присутствіи воды, въ сѣрную. Этимъ способомъ опредѣлено было количество кислорода, выдѣляющагося изъ озона. Остающаяся вода поглощалась крѣпкой сѣрной кислотой, а увеличеніе въ вѣсѣ всего аппарата показывало все количество озона. Такимъ-образомъ найдено, что озонъ есть третья степень окисленія воды, изъ которыхъ первая — вода, вторая — перекись водорода; на одинъ пай водорода приходится въ водѣ одинъ пай кислорода, въ перекиси — два пая, въ озонѣ — три пая.

Все предъидущее относится къ тому случаю, когда кислородъ выдѣляется изъ воды подъ вліяніемъ электричества и когда возможно присутствіе въ немъ воды. Но мы ужь сказали выше, что озонъ образуется и тогда, когда пропускаютъ электрическій токъ чрезъ кислородъ. Тщательный опытъ убѣдилъ г. Баумерта, что это дѣйстви-

Digitized by Google

тельно справедливо и что происхожденіе въ этомъ случаѣ озона нельзя приписать присутствію паровъ воды.

Итакъ должно принять, что, при чрезвычайно-сильномъ, но мгновенномъ возвышеніи температуры (какъ при электрическихъ искрахъ), кислородъ измѣняетъ свой видъ и пріобрѣтаетъ чрезвычайно-сильную способность соединяться съ тѣлами. За этимъ аллотропическимъ видомъ кислорода и слѣдуетъ удержать названіе *озона;* происходящее при разложеніи воды электричествомъ новое соединеніе кислорода съ водородомъ представляетъ результатъ указаннаго выше свойства измѣненнаго кислорода (усиленной способности соединяться). Соединеніе водорода съ тремя паями кислорода въ свою очередь имѣетъ сильную способность окислять тѣла, и этимъ объясняется обстоятельство, что если въ водѣ, при дѣйствіи тока, есть тѣла, которыя могутъ окисляться, то озонъ не происходитъ: при этомъ кислородъ, превращенный электричествомъ въ озонъ, соединяется не съ водою (какъ обыкновенно), а съ этими окисляющимися тѣлами.

Обстоятельства, при которыхъ происходитъ аллотропія кислорода (говоритъ г. Баумертъ), очень-замѣчательны. Почти во всѣхъ другихъ тѣлахъ аллотропія, происходящая отъ возвышенія температуры, характеризуется ослабленіемъ ихъ сродства. Здѣсь, напротивъ, возвышеніе температуры, чрезвычайно-сильное и мгновенное, производитъ состояніе, которое увеличиваетъ сродство. Не менѣе-замѣчательно что это состояніе, происходящее только при высшихъ температурахъ, снова исчезаетъ при нагрѣваніи даже менѣе, чѣмъ въ 200°. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что, при быстромъ пониженіи температуры, часть кислорода не успѣваетъ принять прежняго своего состоянія; что такое возвращеніе къ обыкновенному виду дѣйствительно происходитъ, весьма-вѣроятно: получаемый озонъ всегда составляетъ весьма-малую часть употребленнаго кислорода. При нагрѣваніи, частицы озона снова приходятъ въ движеніе и принимаютъ положеніе, свойственное обыкновенному виду кислорода.

— Разскажемъ теперь о метеорологическихъ наблюденіяхъ во время четырехъ воздушныхъ путешествій, подъ управленіемъ астрономовъ въ Кью (Kew). Цѣль коммиссіи въ Кью состояла въ опредѣленіи перемѣнъ температуры и влажности атмосферы на разныхъ ея высотахъ. Употребляемые снаряды при воздушныхъ путешествіяхъ состояли въ барометрахъ, термометрахъ съ сухими и влажными резервуарами и въ гигрометрахъ Реньо. Барометры были устроены по способу Ге-Люссака; наблюденія производились только на верхнихъ ихъ вѣтвяхъ, потому-что ихъ калибры повѣряли предварительно при разныхъ высотахъ ртути. Два термометра съ сухими резервуарами отъ лучеобразнаго тепла защищались коническими экранами съ посеребряными поверхностями. На два термометра съ влажными резервуарами пускалась быстрая струя воздуха, длятого, чтобъ они скорѣе принимали окружающую ихъ температуру и чтобъ уменьшить дѣйствіе лучеобразности, когда восходящій аэростатъ или останавливался, или поднимался медленно. Тѣ и другіе термометры были очень-чувствительны, состоя изъ трубокъ въ полдюйма длиною и въ

Digitized by Google

$^1/_{12}$ дюйма въ діаметрѣ. Опыты показали, что когда ихъ резервуары нагрѣвались до 20° выше комнатной температуры, тогда они простывали въ 40 или 45 секундъ отъ движенія со скоростью пяти или шести футовъ въ секунду.

Наблюденія во время поднятія аэростата производились чрезъ краткіе промежутки времени : но при его опусканіи нельзя было соблюдать равномѣрности этихъ промежутковъ, которые иногда равнялись одной минутѣ, иногда же 30 секундамъ, такъ-что наблюденія записывались чрезъ 200 или 300 футовъ, проходимыхъ аэростатомъ.

Такіе опыты были сдѣланы 17 и 26 августа, 21 октября и 10 ноября прошедшаго года въ Воксаль-Гарденѣ (Vauxhall-Gardens) на большомъ шарѣ Грина. Вотъ главные выводы изъ опытовъ.

Всѣ четыре ряда наблюденій показываютъ, что температура перемѣняется неправильно; въ разные дни на нѣкоторыхъ высотахъ правильное ея уменьшеніе прекращается и на пространствѣ 2000 футовъ остается неподвижною, даже иногда нѣсколько увеличивается. Октября 21 на пути аэростата встрѣтилось густое облако на высотѣ 3000 футовъ; температура понижалась правильно до нижней его поверхности; тутъ она начала увеличиваться и возрастала до-тѣхъ-поръ, пока аэростатъ не поднялся надъ облакомъ до 600 футовъ. Въ прочія три путешествія подобное явленіе явно происходило отъ влажности, существовавшей въ атмосферѣ въ видѣ пузырьковъ: пары, превращаясь въ такое состояніе, отдѣляютъ тепло и тѣмъ нарушаютъ порядокъ правильнаго пониженія температуры.

Чтобъ исключить такое случайное явленіе изъ наблюденій, астрономы раздѣлили ихъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой содержалось пространство ниже предѣла нарушенія правильнаго пониженія температуры, во второй же, выше того предѣла, надъ которымъ это пониженіе опять возстановлялось. Въ обѣихъ частяхъ пониженіе температуры оказалось почти одинаковымъ; однакожь, въ нижней части немного-болѣе, нежели въ верхней. Средніе выводы слѣдующіе:

17 августа	.	292,0 фута на 1 гр. Фаренгейтова термометра.
26 —	.	290,7
21 октября	.	291,4
10 ноября	.	312,0

— Скорезби, авторъ записки, поданной въ Англійское Общество для Успѣховъ Наукъ, собиравшееся прошедшаго года въ Гуллѣ, сперва упоминаетъ о важномъ дѣйствіи теченій на распредѣленіе температуры по земной поверхности: приходя отъ сѣвера, онѣ умѣряютъ жаръ странъ тропическихъ, а возвращаясь отъ экватора, нагрѣваютъ страны полярныя, безъ чего онѣ оставались бы совершенно-необитаемыми ; потомъ онъ предлагаетъ результаты наблюденій надъ температурами моря Гренландскаго, Сѣвернаго Океана и большой полосы въ сѣверной части Океана Атлантическаго. Эти результаты выведены имъ изъ 1400 наблюденій, которыхъ бо́льшая часть принадлежитъ американскому капитану Делано, производившему ихъ по шести разъ въ сутки, то-есть чрезъ каждые четыре часа во всѣ времена года,

Digitized by Google

впродолженіе своихъ шести путешествій. Изъ разсмотрѣнія такого множества наблюденій выходитъ :

1) Самая высокая температура на Сѣверѣ, подъ широтой 40°, есть 71° Ф. (21°,67 Ц.); самая же меньшая 32° по тому же термометру (0°. Ц.).

2) Между меридіанами 62° и 64° западной долготы разности температуръ на поверхности водъ въ различныхъ мѣстахъ простираются до 8°,5 Фар. (13° Ц.).

3) До широты 40°, температура на поверхности воды никогда не упадала ниже 50° Ф. (10° Ц); средняя на шестнадцати станіяхъ простирается до 51°,88 Фар. (11° Ц).

Сѣверныя холодныя теченія часто продолжаются подъ теплыми экваторіальными; иногда же они раздѣляются, и холодное идетъ вдоль береговъ Америки; въ другихъ мѣстахъ оба теченія встрѣчаются, смѣшиваются и образуютъ полосы различныхъ температуръ.

Первое дѣйствіе теченій состоитъ въ уравновѣшиваніи температуръ различныхъ странъ. Климатъ Англіи считается весьма-непостояннымъ; но въ ней температура подлежитъ несравненно-меньшимъ перемѣнамъ, нежели въ другихъ странахъ, лежащихъ подъ тою же широтою. Это происходитъ отъ дѣйствія сѣверной вѣтви Гольф-Стрима, проходящей выше Британскихъ Острововъ.

Второе дѣйствіе теченій состоитъ въ томъ, что воды низшихъ широтъ смѣшиваются съ водами высшихъ, или болѣе-сѣверныхъ широтъ, и тѣмъ поддерживается постоянство солености воды, которая близь экватора увеличивалась бы отъ обильныхъ испареній; а постоянство солености морскихъ водъ необходимо для существованія морскихъ животныхъ: устрицы не могутъ жить въ Балтійскомъ Морѣ, потому-что оно недостаточно-солоно.

Морскія теченія полезны еще и тѣмъ, что образуютъ песчаныя отмели (банки)—пристанища многихъ морскихъ рыбъ; такова, напримѣръ, отмель Террановы. Причемъ теченія время отъ времени перемѣняютъ и, такъ сказать, освѣжаютъ почву отмелей, что̀, подобно удобренію пахатныхъ полей, необходимо для размноженія рыбъ.

Сѣверныя теченія, увлекая съ собою огромныя массы льда, достигающія иногда до тропиковъ, умѣряютъ жаръ лежащихъ подъ ними странъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ количество льдяныхъ запасовъ около полюсовъ. Безъ этой предусмотрительности природы, полярные воды распространились бы до среднихъ широтъ и умѣренныя страны сдѣлались бы необитаемыми.

Наконецъ, отъ теченій много зависитъ образованіе тумановъ, вѣтровъ и другихъ метеорологическихъ явленій.

— Въ одномъ изъ засѣданій того же Англійскаго Общества, Повель (Powell) объявилъ, что онъ собралъ множество матеріаловъ, посредствомъ которыхъ надѣется объяснить причины и свойства огненныхъ метеоровъ, каковы: аэролиты, летающія звѣзды, болиды и пр. При этомъ случаѣ многіе изъ членовъ сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія о происхожденіи загадочныхъ явленій.

Digitized by Google

Грове напомнилъ три мнѣнія: прежде думали, что аэролиты падаютъ на землю съ луны; потомъ предполагали, что они химически образуются въ нашей атмосферѣ, и наконецъ начали считать ихъ тѣлами, подобными планетамъ, обращающимися по орбитамъ, пересѣкающимъ орбиту земли, и когда земля бываетъ близь точекъ пересѣченія, или близь узловъ, тогда они попадаютъ въ ея атмосферу, разгорячаются въ ней и являются летающими звѣздами. Нынѣ первое мнѣніе оставлено всѣми, какъ противное обстоятельствамъ явленія; втораго предположенія еще придерживаются нѣкоторые физики, но оно также едва–ли вѣроятно; наконецъ третье объясненіе, которое предположилъ Араго, до–сихъ–поръ принято почти всѣми астрономами.

Варлей возразилъ, что онъ съ дѣтства занимался огненными метеорами, и убѣжденъ, что они химически образуются въ атмосферѣ, потому-что движеніе ихъ не походитъ на обращеніе планетъ. Въ молодости своей онъ видѣлъ большой огненный шаръ, спускавшійся на землю почти перпендикулярно предъ его глазами. Когда шаръ лопнулъ, тогда его части также спускались перпендикулярно, и Варлей, въ простотѣ своей, протягивалъ руки, чтобъ схватить ихъ. Если вспомнимъ, продолжалъ Варлей, «о сильномъ запахѣ водороднаго газа, получаемаго изъ желѣза, или цинка, и примемъ во вниманіе, что нѣтъ болота, изъ котораго бы не освобождался такой газъ, объугленный или смѣшанный съ сѣрой; то можемъ допустить, что онъ уноситъ съ собою тончайшія металлическія частицы, которыя скопляются въ высшихъ странахъ атмосферы и дѣйствіемъ ея электричества образуются въ падающіе аэролиты». Для примѣра, Варлей упомянулъ о сильномъ ударѣ молніи, разразившемся въ лондонскомъ паркѣ, причемъ онъ видѣлъ огонь, выходившій изъ земли. Посѣтивъ это мѣсто на другой день, Варлей нашелъ землю покрытую порошкомъ, похожимъ на песокъ и лежащимъ однообразнымъ слоемъ.

Соллитъ (Sollitt) сказалъ, что нѣкоторые изъ аэролитовъ — тѣла планетныя, другіе же образуются въ атмосферѣ химическими процесами, но не тѣми, отъ которыхъ землистыя вещества превращаются въ стекло дѣйствіемъ электричества.

Другіе члены Общества также поддерживали химическое образованіе аэролитовъ, напоминая о способности металловъ и металлоидовъ возгараться отъ соприкосновенія воздуха.

— Прошедшаго іюня въ 28 день ураганъ прошелъ черезъ сѣверную часть Франціи и черезъ южную Бельгіи. Вотъ подробное его описаніе, составленное Кетле и сообщенное имъ Брюссельской Академіи Наукъ.

28 іюня былъ прекрасный и жаркій день; въ полдень, стоградусный термометръ показывалъ 23°,3 и возвышался постепенно до шести часовъ вечера. Тогда показались грозовыя облака на ЮВ.; въ 8 часовъ начали падать крупныя дождевыя капли; въ 9 часовъ въ томъ же мѣстѣ горизонта собралась сѣро–свинцовая туча съ безпрерывнымъ блескомъ молніи, такъ–что вся соотвѣтствующая часть неба казалась занятою обширнымъ пожаромъ, закрываемымъ тучею, разсѣкаемою

Digitized by Google

длинными и извивистыми огненными струями. Все предвѣщало приближенie страшной бури. Въ 9 ч. 30 м. раздались первые раскаты отдаленнаго грома, и почти въ то же время гальванометръ показалъ существованie нисходящаго электрическаго тока. Когда первыя грозовыя облака достигли зенита, тогда начался дождь, и гальванометръ пришелъ въ сильное колебательное движенie. Въ 10 ч. 9 м. подулъ сильный вѣтеръ, дождь увеличился и гальванометръ показалъ перемѣну въ направленiи тока. Въ слѣдующую минуту ударилъ громъ безъ раскатовъ, и стрѣлка гальванометра быстро поворотилась въ противную сторону относительно своего направленiя. За дождемъ послѣдовалъ густой градъ; отъ вѣтра деревья нагибались до земли и тряслись двери и окна. Въ это время ураганъ достигъ наибольшей своей силы. Въ 10 ч. 20 м. дождь начался снова, но гроза прошла чрезъ зенитъ и удалялась съ глухими раскатами грома; стрѣлка гальванометра не перемѣняла своего положенiя до 11 часовъ, и когда дождь пересталъ, а удары грома возобновились, тогда она показала восходящiй токъ. Электрическiе токи и на другой день уклоняли ее на 10°.

Въ саду брюссельской обсерваторiи повалено ураганомъ множество деревьевъ; въ самой обсерваторiи разбито множество стеколъ. Но наибольшимъ опустошенiямъ подвергся бульваръ, паркъ, «Зеленая Аллея», и особенно проспектъ, ведущiй къ Лаекту: здѣсь вырваны съ корнемъ двадцать-три большiя дерева и пятнадцать сломанныхъ загородили дорогу. Всѣ эти деревья упали по направленiю вѣтра отъ OSO къ ENE.

Въ 10 ч. 15 м. замѣтили, что стволы деревьевъ въ «Дворцовой Улицѣ» свѣтились, какъ-бы покрытые фосфоромъ. Молнiя нѣсколько разъ упадала во многихъ мѣстахъ Брюсселя и въ его окрестностяхъ, но безъ поврежденiй.

Замѣчательно, что термометръ, показывавшiй въ 9 ч. 22°,8 вдругъ поднялся во время урагана, и потомъ вдругъ опустился. Барометръ въ полдень показывалъ 753 миллиметра, опускался постепенно до 10 часовъ, и тогда остановился на 749 миллиметрахъ; въ 11 часовъ началъ опять возвышаться, но съ колебанiями.

Въ 10 ч. 10 м. нѣкоторыя градины попали въ домы; всѣ онѣ имѣли форму чечевицы, нѣсколько сжаты и вогнуты посрединѣ на обѣихъ сторонахъ, гладкихъ и какъ-бы выполированныхъ, съ шероховатыми закраинами; наибольшiя изъ нихъ имѣли отъ 12 до 14 миллиметровъ въ длинѣ, и отъ 5 до 6 въ толщинѣ.

По снаряду Ослера, сила урагана соотвѣтствовала давленiю 10,65 килограммовъ на квадратный англiйскiй футъ. На террасѣ обсерваторiи, впродолженie урагана, собрано воды до 9,8 миллиметра.

По собраннымъ свѣдѣнiямъ, ураганъ 28 iюня начался въ Валансьенѣ, гдѣ градъ, шедшiй отъ запада, разбилъ всѣ стекла въ окнахъ, находившихся на его направленiи, и въ фонаряхъ, такъ-что городъ потерпѣлъ опустошенie, какъ-бы послѣ осады. Почти въ то же время ураганъ прошелъ чрезъ Бельгiю, около Ганзiеса и Кивреня, и достигъ Монса и Турнея. Въ Антоингѣ, Калоннѣ, Сент-Морѣ, Генгiесѣ нивы выбиты градомъ Ураганъ шелъ быстро отъ OSO къ ENE чрезъ Атъ,

Digitized by Google

Энгьень, Галь, Сентесъ, Ленникъ, Моленбекъ, Брюссель, Ласкенъ, Гаеттъ и проч.

Въ Валансьенѣ самая большая сила урагана соотвѣтствовала 9 часамъ 45 минутамъ, въ Брюсселѣ же — 10 часамъ 11 минутамъ; слѣдственно менѣе, нежели въ 26 минутъ онъ прошелъ 80 километровъ, то-есть около 200 километровъ въ часъ — это обыкновенная скорость ураган овъ.

Дорога опустошеній урагана съуживалась по мѣрѣ пройденнаго имъ пути. Въ Брюсселѣ она была ужъ неширока: отъ трехъ до четырехъ льё, по направленію къ Малину, такъ-что полоса града и вѣтра ограничивалась двумя прямыми линіями, изъ которыхъ одна проходила чрезъ Турней и Малинъ, другая же чрезъ Монсъ и Воловъ Сент-Этьень, въ сосѣдствѣ Брюсселя. Эти линіи сходятся около Герентеля, гдѣ и слѣдовало уничтожиться урагану.

— Въ дополненіе къ сообщеннымъ нами новостямъ, помѣщаемъ еще нѣсколько извѣстій изъ Парижа, сообщенныхъ намъ парижскимъ нашимъ корреспондентомъ. Вотъ письмо его.

«Такъ-какъ въ этомъ письмѣ намъ прійдется говорить о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и новостяхъ Парижа, то мы начнемъ съ самыхъ серьёзныхъ, то-есть съ ученыхъ извѣстій.

Французская Академія открыла свои засѣданія 25-го ноября, конкурсомъ сочиненій въ отвѣтъ на предложенный ею, слѣдующій вопросъ:

Какъ и кѣмъ произведены во Франціи во время феодальной системы, отъ начала царствованія третьей династіи, до смерти Карла V, большія работы, какъ-то: дороги, мосты, каналы, укрѣпленія и огромныя зданія?

Пять сочиненій присланы, и изъ нихъ сочиненіе Лежана получило за свое награду.

Г. Рингъ заслужилъ также награду за свое сочиненіе: «Записки о римскихъ поселеніяхъ на Рейнѣ и на Дунаѣ и въ-особенности, на юговостокѣ Германіи.»

Всего въ это засѣданіе раздали шестнадцать наградъ и г. Вадингтонъ получилъ нумизматическую награду за сочиненіе: «Путешествіе въ Среднюю Азію, въ нумизматическомъ отношеніи».

Академія предложила награду въ 2,000 фр. за слѣдующее сочиненіе:

«Изучить политическое состояніе, религію, искусства и всѣ постановленія въ сатрапіяхъ Малой Азіи при Персахъ и въ наслѣдственныхъ сатрапіяхъ, или которыя сдѣлались наслѣдственными послѣ Александра, то-есть въ Понтѣ, Каппадокіи, Ликіи и Каріи.»

Сочиненія должны быть представлены прежде апрѣля 1854 года. Обыкновенная же годовая премія будетъ выдана за лучшее сочиненіе о «латинскихъ надписяхъ до конца V вѣка нашей эры, съ разъисканіями правилъ и законовъ тоническаго ударенія въ языкѣ римлянъ.»

На 1855 годъ Академія предложила вопросъ: написать исторію общинныхъ владѣній во Франціи, отъ основанія ихъ до конца XIII вѣка.

Награды всѣ состоятъ изъ 2,000 фр. и, кромѣ-того, выдаются три медали, цѣною въ пять-сотъ фр. за лучшія сочиненія «о древностяхъ

Digitized by Google

Франціи» — сочиненія, которыя будутъ представлены прежде 1-го апрѣля 1854 года.

Еще назначена одна дополнительная медаль за сочиненіе о древностяхъ Африки. Подобную медаль получилъ въ 1851 году генералъ Карбуччіа.

Вотъ условія для конкурса годовыхъ наградъ: сочиненія, писанныя на французскомъ или латинскомъ языкахъ, должны быть присланы въ канцелярію Института прежде 1-го апрѣля. На сочиненіи долженъ быть эпиграфъ, или девизъ, повторенный въ запечатанномъ пакетѣ, заключающемъ имя автора. Сочинители, желающіе участвовать въ конкурсѣ, не должны объявлять своихъ именъ. Академія не возвращаетъ присланныхъ рукописей, но авторы имѣютъ право переписывать ихъ въ канцеляріи Института.

Имена учениковъ Шартрской Школы, назначаемыхъ въ архивисты-палеографы, были объявлены въ нынѣшнемъ году въ публичномъ засѣданіи.

Г. Гиньо, отъ имени коммиссіи, разсматривающей труды французской школы въ Аѳинахъ, прочиталъ очень-любопытное донесеніе, въ которомъ отозвался съ большою похвалою о гг. Абу и Геренѣ.

Аѳинская школа основана только семь лѣтъ тому назадъ, но произвела полезное вліяніе. Г. Абу сдѣлалъ подробное описаніе острова Эгина, этой соперницы Аѳинъ. Онъ изучилъ подробно топографію его, исторію и монументы, пользуясь для этого труда не только всѣми извѣстными сочиненіями, но также надписями и всѣми возможными остатками древностей. Абу съ честью окончилъ предпринятый имъ трудъ и исполнилъ его съ большимъ искусствомъ, точностью и занимательностью. Помощниками его были г. Миллеръ и особенно ученый Базъ, который изложилъ исторію Эгины въ-теченіе 600 лѣтъ отъ Сизандра въ 367 году до Септима Севéра и Каракаллы.

Г. Абу продолжалъ исторію Эгины во время византійскаго періода, до крестовыхъ походовъ, когда венеціане основали на островѣ свою колонію и сдѣлали его своей провинціей. Онъ превосходно изображаетъ пирата Барбаруссу, разорившаго Эгину и подарившаго ее туркамъ. Потомъ она снова перешла къ венеціанцамъ и оставалась подъ властью ихъ, полвѣка. Позже наступила война за независимость и Эгина на короткое время сдѣлалась столицею Греціи.

«Я долго жилъ на этомъ островѣ (говоритъ г. Абу). Жители его кротки, умны и гостепріимны. Не владѣя богатствами, они не знаютъ недостатка въ хлѣбѣ, и на всемъ островѣ вы не встрѣтите ни одного нищаго. Гавань довольно оживлена и за городомъ поминутно возвышаются бѣлые домики съ террасами на крышѣ. Всѣ жители острова моряки или земледѣльцы.»

Не любопытно ли, что народъ, который прожилъ цѣлые вѣка борьбы и несчастій, еще процвѣтаетъ, когда можно было подумать, что онъ давно ужъ исчезъ съ лица земли.

Невозможно выписать всей диссертаціи, всего прекраснаго сочиненія г. Абу; но оно ясно доказываетъ усилія и успѣхи аѳинской школы для пользы наукъ.

Digitized by Google

Замѣчательнѣе всего эгинскій храмъ, посвященный богинѣ Аѳинѣ, по увѣренію одного изъ ученѣйшихъ археологовъ, г. Штакельберга. Это долженъ быть тотъ же самый храмъ, о которомъ говоритъ Геродотъ, храмъ, въ которомъ, въ 519 году нашей эры, жители Эгины помѣстили кормы кораблей, взятыхъ у непріятелей. Статуи, бывшія на фронтонѣ этого храма, находятся теперь въ Мюнхенѣ. Г. Абу кончаетъ свою записку размышленіями о многочисленныхъ могилахъ, покрывающихъ все пространство острова и доказывающихъ населенность этой страны. Надгробные памятники напоминаютъ поразительнымъ образомъ этрурскія гробницы и заставляютъ думать о родствѣ этрусковъ съ пеласгами.

Геренъ, товарищъ Абу, взялся описать островъ Патмосъ — безплодный утесъ, находящійся близъ Самоса. Сюда удалился св. Іоаннъ и здѣсь написалъ онъ Апокалипсисъ. Вдревности Патмосъ ничѣмъ не извѣстенъ; въ средніе вѣка онъ пріобрѣлъ значеніе своимъ замѣчательнымъ монастыремъ, построеннымъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ аббатомъ Латроса. Для историческихъ изъисканій Геренъ обращался къ превосходному сочиненію Іосифа, епископа самосскаго, напечатанному въ Лондонѣ въ 1678 году.

Во времена Римлянъ, Патмосъ былъ мѣстомъ ссылки. Монахи Патмоса основали близъ своего монастыря школу, сдѣлавшуюся впослѣдствіи знаменитою, но которая теперь находится въ жалкомъ положеніи. За-то на островѣ есть библютека св. Іоанна, заключающая въ себѣ драгоцѣнныя рѣдкости, которыя исчисляетъ Геренъ. Тутъ хранятся золотыя буллы, изъ которыхъ первая дана императоромъ Алексѣемъ Комненомъ на сооруженіе монастыря.

Послѣ Патмоса, Геренъ взялся изучить Самосъ, который, послѣ путешествія Турнфора, въ 1702 году, не былъ посѣщаемъ ни однимъ ученымъ. Молодой путешественникъ превосходно описалъ этотъ островъ, находящійся во власти турокъ. Кромѣ-того, онъ нашелъ слѣды знаменитыхъ водопроводовъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ и которые переносили чистую воду черезъ высокую гору и снабжали ею весь городъ. Геренъ отъискалъ у подошвы горы Кастро, близъ капеллы св. Іоанна и недалеко отъ источника, нѣсколько обломковъ, и разрывъ землю, скоро нашелъ трубы самого водопровода. Открытіе это очень-важно для науки, и Аѳинская Школа, хотя немногочисленная, принесла ужъ своею дѣятельностью и трудами много пользы наукѣ.

Послѣ отчета Гиньо, Клеръ прочиталъ диссертацію о стихотвореніяхъ странствующихъ поэтовъ или труверовъ.

Въ засѣданіи 25-го числа, академія выслушала также отчетъ Берже де-Ксеври отъ имени коммиссіи древностей, по случаю раздачи наградъ.

Надобно признаться, что засѣданіе это было довольно-холодно и что собралось очень-мало публики, и въ-особенности дамъ, потому-что толковали больше о наукахъ, чѣмъ о литературѣ. Притомъ же и погода была ненастная, такъ-что очень-трудно было разставаться съ теплымъ халатомъ и туфлями.

Digitized by Google

Нѣсколько дней тому назадъ, дѣлали замѣчательный опытъ, на который стòитъ обратить вниманіе. Пробовали добывать газъ изъ воды и употреблять его на освѣщеніе. Это любопытное и полезное открытіе не новость для науки, но оно, послѣ нѣкоторыхъ усовершенствованій и основательнаго изученія, можетъ привести къ важнымъ результатамъ. Нѣкоторые ученые ужъ давно занимаются разложеніемъ газовъ и примѣненіемъ ихъ къ полезной цѣли, и отдѣленіе газа отъ воды было занятіемъ многихъ химиковъ.

Тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ, одинъ химикъ дѣлалъ опыты добыванія изъ воды освѣтительнаго газа, и каждый вечеръ освѣщалъ имъ весь свой домъ. Газъ этотъ давалъ синеватый огонь; сосѣди ученаго и прохожіе, видя это странное освѣщеніе, толковали, что тутъ живетъ колдунъ и занимается страшными дѣлами. Старухи обходили домъ этотъ и трепетали, завидя синее пламя, но ученый скоро умеръ, не успѣвъ объяснить своихъ опытовъ—и газъ спокойно отдыхалъ въ водѣ еще нѣсколько лѣтъ. Нынѣ Шаппердъ изобрѣлъ электрическую машину, посредствомъ которой добываетъ изъ воды этотъ газъ самымъ легкимъ и дешевымъ способомъ. Газъ этотъ чрезвычайно-чистъ, горитъ ярко и составитъ огромную экономію. Кромѣ освѣщенія, его можно будетъ употреблять, какъ двигательную силу, для пароходовъ и паровозовъ. Изобрѣтатель или усовершенствователь этого способа продаетъ свое открытіе одной компаніи, которая приведетъ его въ дѣйствіе во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта.

Другой изобрѣтатель, Дюпюи, хочетъ измѣнить законы гидростатики, заставляя воду подыматься въ трубы безъ пособія насоса и другихъ старыхъ и обыкновенныхъ средствъ. Желаю успѣха Дюпюи, хотя слышалъ, что другой ученый, Луи де-Турель, занимался тѣмъ же предметомъ, но бросилъ его, вѣроятно, не добившись удачныхъ опытовъ.

Ученый химикъ, Буссенго, посвятилъ ужъ много времени и трудовъ на отъисканіе количества аммоніака, содержащагося въ водѣ и теперь публикуетъ результаты своего открытія. Аммоніакъ заключается не только въ рѣкахъ, но также въ туманахъ, въ росѣ и даже въ дождевой водѣ. Аммоніакъ находится въ воздухѣ, въ видѣ паровъ, и примѣшивается къ облакамъ точно такъ же, какъ селитрокислый аммоніакъ, отчего происходитъ сырость въ воздухѣ и электрическая искра.

Леверрье производитъ большое волненіе въ умахъ своимъ мнѣніемъ о происхожденіи и числѣ маленькихъ планетъ. Онъ утверждаетъ, что ихъ безчисленное множество; но какія причины произвели ихъ? Ученый астрономъ, разумѣется, отвергаетъ мнѣніе Ольберса о томъ, что это осколки одной большой планеты, и установляетъ свою собственную систему. Вообще въ послѣднее время, астрономія быстро подвигается впередъ и хочетъ опередить всѣ остальныя науки.

Сколько сказокъ было въ-древности и даже неочень-давно о кометахъ! сколько предразсудковъ и опасеній произвели онѣ! То служили они предсказаніемъ несчастій, то давали знать о явленіи великихъ людей или неожиданныхъ событій. Теперь даже тѣ, которые

Digitized by Google

не понимаютъ явленія кометы, смотрятъ на нее съ однимъ любопытствомъ, какъ на рѣдкое явленіе.

Впрочемъ, пора остановиться, чтобъ науками не наскучить читателямъ. Перейдемъ къ другому предмету тоже несовсѣмъ-занимательному, но полезному — къ промышлености.

Одна изъ вѣтвей французской промышлености, находящаяся на высокой степени совершенства и почти неимѣющая соперниковъ по этой части — фабрикація шелковыхъ издѣлій. Четверть вѣка тому назадъ, только одни французскія матеріи употреблялись вездѣ, но другія націи рѣшились тоже серьёзно заняться этою выгодною отраслью промышлености. Франція при этомъ почти ничего не потеряла, и мы еще радуемся этому соревнованію, потому-что, при распространеніи цивилизаціи, увеличивается роскошь и вообще движеніе фабрикъ. Франція еще выиграла отъ этой конкуренціи, и доказательствомъ этому можетъ служить то, что, двадцать лѣтъ тому назадъ, она производила шелковыхъ матерій на сто мильйоновъ, а теперь на сто-шестьдесятъ.

Это распространеніе фабрикаціи шелка происходитъ отъ увеличенія потребностей и оттого, что французскія издѣлія считаются лучшими на всѣхъ европейскихъ рынкахъ. Ліонскія матеріи фасоне, дошли до такого совершенства, что, кажется, искусство не можетъ ужь идти дальше, и мы поставимъ въ примѣръ только платья, поднесенныя промышленною коммиссіею императрицѣ Евгеніи; онѣ могутъ почесться настоящими рѣдкостями. Жакаръ обезсмертилъ свое имя и прославилъ свой родной городъ изобрѣтеніемъ станка, который носитъ его имя. Другіе воспользовались проложенною имъ дорогою и еще болѣе развили и усовершенствовали его открытіе, такъ-что теперь узоры на матеріяхъ могутъ соперничать съ лучшими рисунками, не уступая имъ даже въ вѣрности колорита.

Я видѣлъ мёбельныя матеріи съ портретами, до-того вѣрными и похожими, что былъ пораженъ ими. Не удивительно ли, что станокъ или машина, такъ же геніальны, какъ артисты?

Мы обязаны Жакару великолѣпными парчами, штофами и всѣми успѣхами, какіе сдѣлали его послѣдователи. Теперь ткутъ шерстяныя матеріи, наподобіе гобеленовъ, такъ-что легко можно обмануться, если не посмотришь на изнанку.

Странно, что, при такомъ богатствѣ шелковой промышлености, только десять или двѣнадцать департаментовъ Франціи занимаются ею. Пробовали разводить плантаціи тутовыхъ деревьевъ въ окрестностяхъ Парижа и въ другихъ мѣстахъ, но эти опыты на небольшомъ пространствѣ стоили дорого и не произвели никакого замѣчательнаго результата.

Правда, что Парижъ и безъ того довольно занятъ своей промышленостью изящныхъ бездѣлокъ, сдѣлавшею его въ этомъ отношеніи знаменитымъ и, что̀ еще лучше, обогатившею его. Новости, моды, мелочи, искусство брильянтщика и мастерство выдѣлывать золотыя и серябряныя вещи, оправдываютъ вполнѣ репутацію, заслуженную Парижемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ ли что̀ сравниться съ легкостью, вкусомъ и изяществомъ парижской бездѣлки? Вчера я посѣтилъ ма-

Digitized by Google

газины Тагана и нашелъ тамъ удивительную мёбель, на которую надобно смотрѣть, какъ на драгоцѣнную рѣдкость. Вездѣ инкрустаціи, рѣзьба, позолота — просто даже жаль употреблять въ дѣло эти игрушки.

Приближеніе новаго года волнуетъ все торговое сословіе и всѣ стараются блеснуть чѣмъ-нибудь новымъ, поразить какою-нибудь необыкновенною выдумкою. Между этими изобрѣтателями капризовъ моды въ первомъ ряду находятся Сюсъ, Таганъ и Жиру; публика толпится у нихъ, раскупая рѣдкости и только затрудняясь въ выборѣ, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ трудно выбирать изъ такого множества изящныхъ вещей. Но если любопытно осматривать парижскіе магазины, то осмотръ фабрикъ еще занимательнѣе. Въ этомъ году произведенія наши не могутъ имѣть такого большаго сбыта, какъ прежде, потому-что восточныя дѣла немного умѣряютъ роскошь и война не соблюдаетъ моды. Однако движеніе промышлености все увеличивается и число продавцовъ прибавляется, тогда-какъ число покупщиковъ уменьшается. Я видѣлъ фабрику картонажей, гдѣ *двѣнадцать дюжинъ* картонныхъ штучекъ прекрасной формы, сдѣланныхъ со вкусомъ, продавались отъ 28 до 33 фр. Это значитъ, что каждая игрушка обойдется въ двадцать сантимовъ. Ими можно убрать самую большую рожественскую ёлку, что̀ будетъ и дешево и красиво.

Фабрикація картонажей дѣлается въ Парижѣ отраслью искусства, и нѣкоторыя произведенія ея, продающіяся у Буасье, у Жиру и у Массона, привлекаютъ вниманіе любителей и артистовъ. Если вы хотите имѣть хорошенькую вещь въ этомъ родѣ и не такъ дорогую, то выпишите ее отъ *Пальяра, улица Дюбракъ № 5*. Вы не будете жалѣть денегъ ни за провозъ, ни за коммиссію и вѣроятно найдете, что это еще чрезвычайно-дешево.

Часовое мастерство сдѣлало тоже большіе успѣхи. Теперь дѣлаютъ часы величиною въ монету въ двадцать су, и имѣющіе самый вѣрный ходъ. Городъ Безансонъ считается первымъ по этому мастерству, но все-таки уступаетъ преимущество Швейцаріи, производящей ежегодно двѣнадцать мильйоновъ часовъ. Что жь касается до нашего вывоза часовъ, то онъ такъ незначителенъ, что о немъ не сто̀итъ и говорить. Швейцарія высылаетъ свои произведенія на сѣверъ Европы; Англія снабжаетъ Турцію и Испанскую Америку, стало-быть, Франціи остается очень-мало мѣстъ для сбыта. Однако извѣстные изобрѣтатели Брегетъ, Леруа, Лепотъ и др., были французы и этого никто не можетъ оспоривать. Что̀ можетъ быть удивительнѣе часовъ Брегета, которые показываютъ часы, минуты, секунды, означаютъ движеніе звѣздъ; а часы — браслеты, занимающіе на рукѣ мѣсто не больше медальйона! это въ своемъ родѣ удивительная и полезная бездѣлка.

Отъ золота перейдемъ къ желѣзу, и опять будемъ удивляться и восхищаться. Посредствомъ плавки и особаго приготовленія, дѣлаютъ этотъ металлъ до-того гибкимъ и мягкимъ, что онъ позволяетъ выдѣлывать изъ себя что̀ угодно, такъ-что въ новомъ составѣ нельзя узнать первоначальнаго металла. Изъ него дѣлаютъ канделабры, вазы, рѣшетки къ камину, щипцы и лопаточки для угольевъ, и все это са-

Digitized by Google

мой изящной формы и превосходной отдѣлки. Вы можете выбрать весь приборъ къ камину, соотвѣтствующій цвѣту и вкусу меблировки вашей комнаты, и все это будетъ не только красиво и дешево, но даже прочно.

Вообще фабрикація желѣза въ Европѣ дошла до большаго развитія, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ всѣ государства покрылись желѣзными дорогами. Во Франціи добываніе и употребленіе желѣза увеличилось въ огромныхъ размѣрахъ. Въ 1819 году добывали на нашихъ заводахъ 112,500 бочекъ чугуна, вѣсомъ каждая въ 1000 килограммъ и 74,200 кованаго желѣза, стало-быть, всего 186,700 бочекъ. Теперь же заводы наши производятъ 400,000 чугуна и 300,000 желѣза — всего 700,000. Работы добыванія и кованія занимаютъ 32,600 работниковъ; но англичане и германцы все-таки лучше насъ умѣютъ выдѣлывать сталь и жесть. Наши обыкновенные инструменты далеки еще до совершенства, и даже ножевенное искусство можетъ быть гораздо-лучше. Одни наши замки́, извѣстные вездѣ, доказываю́тъ, что слесарное мастерство сдѣлало большіе успѣхи, и искусство вытягивать проволоку тоже достаточно усовершенствовалось, потому-что тонкія металлическія нити можно употребить на всевозможныя издѣлія.

Во Франціи и вообще во всѣхъ странахъ недостатокъ или дороговизна одного продукта всегда заставляетъ придумать средства для замѣны его чѣмъ-нибудь другимъ. Дороговизна сахарнаго песку произвела открытіе свекловичнаго сахара; дороговизна шампанскаго привела къ изобрѣтенію шампанскаго изъ ревеня. Это совсѣмъ не шутка, и вино изъ ревеня чрезвычайно-вкусно и сто́итъ только шесть су за бутылку, тогда-какъ настоящее шампанское сто́итъ шесть франковъ на мѣстѣ. Фабрикація новыхъ винъ основала свое мѣстопребываніе открыто подъ небомъ Шампани въ Эпернѐ, и настоящее шампанское можетъ сердиться и пѣниться отъ такого сосѣдства. Вѣроятно, ревенное вино будетъ имѣть много успѣха и обманетъ не одного хвастливаго знатока. Содержатели гостинницъ и трактировъ, вѣроятно, не разъ подадутъ меньшаго брата вмѣсто старшаго, и потребители, наслаждаясь пріятнымъ вкусомъ вина, даже и не замѣтятъ обмана.

Въ нынѣшнемъ году сборъ винограда былъ незначителенъ и выдѣлка винъ тоже самая слабая. Нѣкоторые сорты винъ сдѣлались отчего-то чрезвычайно-горьки, или кислы, такъ-что ихъ нельзя сохранить долго, безъ прибавки въ нихъ достаточнаго количества сахару, что̀ и дѣлается почти всѣми виноторговцами. Говоря о винахъ, никакъ нельзя забыть о другомъ драгоцѣнномъ растеніи, изъ котораго дѣлаютъ водку — о картофелѣ. Вотъ ужь нѣсколько лѣтъ, какъ картофель и виноградъ страдаютъ жестокою болѣзнью, и наши земледѣльцы хлопочатъ о возвращеніи здоровья своимъ любимцамъ и кормильцамъ; только кажется, что всѣ труды ихъ напрасны. Придумывали много лекарствъ для интересныхъ больныхъ, но всѣ или не удались, или такъ до̀роги, что не могутъ быть употреблены поселянами.

Въ нынѣшнее время надобно однакожь еще больше заботиться о здоровьи картофеля, потому-что, при дороговизнѣ хлѣба, онъ можетъ сдѣлаться единственнымъ пропитаніемъ бѣдныхъ людей. Вообще фор-

Digitized by Google

туна не очень благопріятствуетъ Франціи въ наступающую зиму. Произведенія нашихъ мануфактуръ дурно раскупаются; произведенія земли вздорожали. Чѣмъ тутъ помочь? Правительство дѣлаетъ все возможное, чтобъ предупредить несчастіе, но печальные слухи со всѣхъ сторонъ заставляютъ всѣхъ опасатвся. Дѣла останавливаются и откладываются. Если вы должны кому-нибудь, вашъ кредиторъ, прежде добрый и сговорчивый, преслѣдуетъ васъ безжалостно и требуетъ уплаты долга, ссылаясь на трудное время. Надѣялись ли вы предпринять выгодное дѣло, никто не хочетъ содѣйствовать вамъ, потому-что всѣ боятся неудачи. Если вамъ должны, не разсчитывайте, что вамъ скоро заплатятъ, потому-что у вашего должника есть прекрасная отговорка: «теперь никто не платитъ долговъ». Хлѣба мало, рынки пусты—все это слѣдствія печальныхъ слуховъ, и трусы торопятся продавать лошадей и отпускаютъ людей, предсказывая страшныя воображаемыя несчастія. Между-тѣмъ, первыми жертвами страха будутъ дѣти, которыхъ, изъ экономіи, лишатъ ёлки и подарковъ къ новому году.

Однако, несмотря на атмосферу, полную опасностей, домъ Военнаго Министерства превратился въ выставку алжирскихъ произведеній. Одно это должно бы успокоить трусовъ; но давно извѣстно, что трусы не понимаютъ логики. Выставка богата самыми разнообразными произведеніями земли и промышлености французской Африки. Кажется, чего еще можетъ недоставать Франціи? У ней довольно всѣхъ возможныхъ произведеній. Науки и искусства подвигаются въ ней впередъ; и если у ней нѣтъ калифорнскихъ розсыпей, то ученые ея обѣщаютъ дѣлать искусственное золото и даже алмазы. Отчего же и нѣтъ? Вѣдь устрицы научились же дѣлать жемчугъ. Что же касается до алхиміи, то ее ужь давно бросили, хотя, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, одна только эта наука и могла привести къ открытію дѣлать золото. Вѣдь говорятъ же, что Николай Фламель построилъ башню св. Іакова на деньги своего собственнаго произведенія. Раймондъ Люлль тоже увѣрялъ, что знаетъ секретъ добывать золото, но съ-тѣхъ-поръ драгоцѣнный рецептъ, вѣроятно, потерянъ, если существовалъ. Остается еще третье мнѣніе, что господа алхимики дѣлали фальшивую монету; но эта обидная мысль тоже ничѣмъ не доказывается, и потому таинственное искусство останется, безъ-сомнѣнія, навсегда загадкою, никѣмъ неразгаданною.

Фабрикація шерстяныхъ матерій приняла чрезвычайное развитіе, хотя шерстяная промышленость начала совершенствоваться у насъ только двадцать лѣтъ тому назадъ. До-тѣхъ-поръ, на шерстяныя издѣлія обращали мало вниманія. Огромная фабрика, основанная въ Рубе дала сильный толчокъ шерстяной промышлености, и Амьенъ, Реймсѣ и Сен-Кентенъ поспѣшили приняться за работу, чтобъ доказать свое искусство въ приготовленіи этихъ тканей.

Мериносы одни давали прежде хорошую шерсть, но теперь дошли до-того, что шерсть самыхъ простыхъ породъ умѣютъ сдѣлать превосходною для тканья. Теперь матеріи, названныя мериносами, такъ дешевы, что доступны самымъ бѣднымъ людямъ; и даже поселянки

Digitized by Google

шьютъ себѣ юпки изъ шерстяныхъ матерій. Бумажныхъ матерій носятъ очень-мало; но бѣлый каленкоръ будетъ всегда имѣть огромный сбытъ, потому-что, вмѣсто одной тонкой полотняной рубашки, можно сдѣлать полдюжины прекрасныхъ бумажныхъ, а это большой разсчетъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ Реймсѣ изготовлялось шерстяныхъ матерій только на десять мильйоновъ; теперь онъ сбываетъ ихъ на 70. Тогда какъ другіе города:

Амьенъ на . . .	35 мил.
Рубе	60 —
Сен-Кентенъ. . .	20 —
Камбре	20 —
Парижъ	5 —
Итого .	210 мильйоновъ.

Цифры эти, вѣроятно, еще возвысятся, потому-что хозяева стадъ увеличиваютъ число барановъ и улучшаютъ ихъ такъ, что ожидаютъ получить съ нихъ шерсть нисколько не хуже мериносовой. Бо́льшая часть фермеровъ средней Франціи содержитъ стада только для шерсти, которую снимаютъ два раза въ годъ, а совсѣмъ не для продажи скота.

На-дняхъ я бродилъ по улицамъ Парижа, какъ настоящій фёльетонистъ, отъискивающій предметъ для фёльетона, и машинально повернулъ къ Елисейскимъ Полямъ. Тамъ я увидѣлъ толпу народа, стоявшую противъ Инвалиднаго Моста, у одной кареты. Что́ бъ это значило, подумалъ я: ужь не наѣхала ли эта карета на какого-нибудь разиню? Я подошелъ ближе къ экипажу. Это былъ омнибусъ, запряженный красивою лошадью и поставленный на желѣзные рельсы. Объ этомъ нововведеніи ужь много говорили въ журналахъ, и теперь прекрасный экипажъ, съ помѣщеніемъ внутри и наружною галереею, похожій немного на швейцарскій шале, стоялъ готовый и полный путешественниками. Рельсы не выдаются наружу, но, напротивъ, углубляются въ землю по размѣру колесъ, передъ которыми устроены машинки для счищенія сора и камешковъ съ рельсовъ. Лошадь запряжена въ укрѣпленныя оглобли, такъ-что не можетъ ужь повернуться ни въ какую сторону. Этотъ омнибусъ будетъ ѣздить отъ площади Согласія до Пасси; въ этотъ же день, для пробы, онъ возилъ пассажировъ даромъ. Мнѣ тоже предложили проѣхаться за ту же цѣну.

Разумѣется, этотъ способъ ѣзды превосходный, потому-что нѣтъ ни пыли, ни толчковъ; но, несмотря на всѣ преимущества его, я готовъ держать пари, что новая компанія не скоро обогатится. Было бы выгодно и превосходно, еслибъ желѣзные рельсы окружали весь Парижъ, идя по бульварамъ и набережнымъ. Но до-тѣхъ-поръ, пока старыя линіи дилижансовъ будутъ ходить по всѣмъ направленіямъ, обычные пассажиры не оставятъ ихъ, и притомъ до новыхъ экипажей въ Елисейскихъ Поляхъ очень-далеко идти изъ дальнихъ кварталовъ, а избалованный парижанинъ хочетъ, чтобъ его везли отъ самаго дома до мѣста назначенія; его не прельститъ никакая комфортэбльная ѣзда, если до нея надобно пройдти пѣшкомъ нѣсколько улицъ.

Digitized by Google

Механикъ Лоранъ представилъ Обществу Поощренія нѣсколько своихъ изобрѣтеній, на которыя стòитъ обратить вниманіе, потому-что польза ихъ несомнѣнна; это — переносныя ясли, очень-удобныя для извощиковъ, и другія вещи, нужныя для кучеровъ.

Я видѣлъ еще превосходную вещь, которую прилично подарить въ новый годъ хорошенькой женщинѣ. Вѣеръ дѣлается теперь необходимостью вечерняго наряда, и я видѣлъ въ магазинѣ Шевро, въ улицѣ Шапонъ, № 22, самый изящный вѣеръ съ прелестнымъ рисункомъ, изображающимъ молодую крестьянку съ козою. Съ одной стороны вѣера придѣланъ серебряный термометръ, съ другой — флаконъ, а ручка сдѣлана маленькою чашею, окруженною голубыми бусами и золотыми листиками—просто прелесть! Эта изящная вещица будетъ привлекать вниманіе и въ маленькой ручкѣ и на богатой этажеркѣ. Шевро изобрѣлъ также новую форму чернильницъ, какихъ нигдѣ еще нѣтъ.

Однако, кажется, довольно толковать о промышлености; пора обойдти театры, хотя надобно признаться, что въ послѣднее время они не произвели ничего замѣчательнаго и даже очень-мало новаго. Французскій Театръ что-то очень-долго печалится объ отъѣздѣ г-жи Рашель, такъ-что публика начинаетъ ужъ сердиться на этотъ продолжительный трауръ и громко требуетъ новыхъ пьесъ. Чтò ей за дѣло, что въ Петербургѣ Рашель пріобрѣтаетъ новую славу и богатства, что на нее сыплются цвѣты и брильянты и что портреты и бюсты очаровательницы наводнили всѣ магазины Невскаго Проспекта? Парижане даже не вспоминаютъ о своей любимицѣ, хотя, по возвращеніи, встрѣтятъ неистовыми рукоплесканіями; но теперь они хотятъ не древности, не классицизма, а новыхъ, самыхъ новыхъ новостей, тогда-какъ Французская Комедія даетъ пословицы Мюссе...

Дежазе вышла на сцену Разнообразія въ роли уличнаго мальчишки, и несмотря на блистательный успѣхъ, несмотря на крики и вызовы, я бы посовѣтовалъ остроумной артисткѣ бросить роли *гаменовъ* и рѣшительно перейдти на роли маркизъ Претантайль и другихъ кокетокъ прошедшихъ вѣковъ, на роли, въ которыхъ у ней нѣтъ и еще долго не будетъ соперницъ, тогда-какъ каждая молоденькая актриса, даже безъ всякаго таланта, будетъ всегда очень-мила въ мужскомъ костюмѣ.

Въ Палероялѣ каждый вечеръ даютъ пародію на *Даму съ Камеліями*, подъ названіемъ *Дама съ бѣлою гвоздикой*. Разумѣется, что это пòшло, но смѣшно до чрезвычайности, а смѣхъ заставляетъ все прощать и не въ одномъ Парижѣ.

На сценѣ Комической Оперы явился дебютантъ г. Жеваръ, начавшій свою музыкальную карьеру, точно такъ же, какъ Джіотто—живопись. Онъ пришелъ изъ Бельгіи съ однимъ талантомъ. Густавъ Ваэсъ написалъ ему маленькое либретто, на которое онъ сочинилъ самую свѣжую, самую пріятную музыку. *Жоржета* — молодая мельничиха, около которой увивается молодой человѣкъ и три старика. Разумѣется, что она предпочитаетъ перваго, но старики стараются всѣми средствами покорить хорошенькую мельничиху. Жоржета не такъ проста и, одурачивъ стариковъ, выходитъ за молодаго Вообще, вся музыка

Digitized by Google

этого небольшаго акта свѣжа, какъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ, и показываетъ въ авторѣ прекрасный талантъ, способный и на другую, болѣе-серьёзную работу, которая сдѣлаетъ имя его извѣстнымъ. Увертюра чрезвычайно понравилась по своей оригинальности, и романсъ, спѣтый г-жею Жераръ (Жоржетою), вѣроятно, перейдетъ во всѣ гостиныя. Вообще, всѣ нумера оперетки очень-милы и публика чуть-было не заставила ихъ всѣ повторить.

Говоря о спектакляхъ, никакъ нельзя забыть о Кафрахъ *Зулу́*, которые даютъ представленія въ залѣ *Bonne Nouvelle* и для которыхъ написана пьеса подъ названіемъ: «Пьерро у Кафровъ». Эти артисты, съ черною, блестящею кожею и курчавыми волосами, ужь являлись на аренѣ цирка, но теперь ихъ можно разсмотрѣть поближе. Въ-самомъ-дѣлѣ, любопытные люди эти гг. Кафры. Между ними бѣлый Пьерро очень-жалокъ, потому-что все боится попасть на жаркое къ дикарямъ. Но на Пьерро никто и не смотритъ. Чудаковъ, подобныхъ ему, много въ Парижѣ, а Кафры привлекаютъ всеобщее вниманіе. Ихъ двѣнадцать человѣкъ и они представляютъ свою воинскую жизнь, игры, битвы, празднества. Они даже поютъ какія-то дикія пѣсни — но все-таки, надобно признаться, что зрѣлище это производитъ непріятное впечатлѣніе. Люди эти, сильные и крѣпкіе и едва прикрытые клочкомъ звѣриной шкуры или щитомъ, могутъ быть красивы и страшны подъ открытымъ небомъ, подъ жаркимъ солнцемъ, но въ декабрскіе морозы и на небольшой сценѣ, освѣщенной газомъ, эта дикая толпа просто жалка, потому-что служитъ игрушкою, забавою и сама не понимаетъ, что̀ она дѣлаетъ. Эта черная труппа привезена изъ Африки въ Лондонъ, гдѣ тоже забавляла Джонъ Буля. Между ними есть женщина съ ребенкомъ, и материнская любовь развита въ ней въ высшей степени, потому-что если она услышитъ пискъ маленькаго дикаря, то бѣжитъ къ нему со всѣхъ ногъ, не заботясь, что она нужна на сценѣ, гдѣ представляетъ невѣсту при свадебномъ торжествѣ.

Парижъ теряетъ еще двѣ хореграфическія знаменитости. Г-жа Іелла оставила Лирическій Театръ и отправляется за границу. Она однакожь хуже Флери и Гиро, что̀, конечно, немного говоритъ въ ея пользу. Г-жа Розита покидаетъ тоже оперную сцену и ѣдетъ въ Туринъ, гдѣ, вѣроятно, съумѣютъ оцѣнить прекрасный талантъ молодой артистки, которая не только превосходная танцовщица, но и рѣдкая драматическая актриса, потому-что выражаетъ своею пантомимой всѣ чувства, всѣ желанія съ малѣйшими оттѣнками, такъ-что даръ слова для нея совершенно-лишній. Всякій пойметъ ее, если она будетъ молчать.

Въ тотъ же вечеръ, когда прекрасная Розита прощалась съ парижскою публикою, играли *Маршъ съ факелами*, сочиненный Мейерберомъ для дня обрученія принца гессен-кассельскаго съ принцессою Анною прусскою. Церемонія марша съ факелами вошла въ обыкновеніе въ средніе вѣки, и теперь еще бываетъ при сѣверныхъ дворахъ; но во Франціи обычай этотъ давно забытъ. Мы очень-благодарны дирекціи Оперы, что она доставила намъ случай слышать новое прекрасное произведеніе композитора, оперу котораго ждутъ всѣ съ

Digitized by Google

нетерпѣніемъ. Весь Парижъ будетъ сбѣгаться слушать маршъ съ факелами, въ ожиданіи чего-нибудь другаго, что ужь давно обѣщаютъ всѣ дирекціи оперъ въ Парижѣ.

Вотъ и всѣ театральныя новости въ Парижѣ. Говорятъ все еще о Александрѣ Дюма̀, которому Арсенъ Гуссе написалъ, что и вторая комедія его не можетъ быть представлена, точно также, какъ и первая. На это авторъ «Мушкетеровъ» отвѣчалъ: «Я напишу вамъ третью и на будущей недѣлѣ прочту. Она тоже будетъ въ пяти актахъ».

Вотъ что̀ называется машинная работа, потому-что никто даже не сомнѣвается, чтобъ Дюма не сдержалъ своего обѣщанія.

Всѣ эти слухи и толки, должно-быть, очень радуютъ этого неутомимаго писателя, потому-что обращаютъ на него вниманіе публики; и какъ бы ни была дурна его пьеса, вторая, третья или, пожалуй, четвертая, но всѣ побѣгутъ смотрѣть ее, изъ любопытства, и она будетъ имѣть успѣхъ, котораго, можетъ-быть, не стоитъ. Не въ первый разъ остановки и журнальные толки придадутъ такія достоинства пьесѣ, о которыхъ не думалъ и самъ авторъ.

Въ первыхъ числахъ декабря тонкій ледъ покрылъ поверхность прудовъ и тотчасъ же явилась молодая безумная толпа, которая смѣло начала скользить по хрупкому льду, выказывая свою ловкость. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что, отъ сильнаго напора, ледъ хруснулъ и одинъ изъ повѣсъ выкупался въ холодной водѣ. Хорошо еще, что успѣли его во̀-время вытащить, а то бы шутка могла быть плохая. Впрочемъ, врядъ-ли подобное несчастіе могло бы удержать беззаботную молодость.

Любопытно видѣть вообще страсть Парижанъ ко льду и снѣгу. Только-что легкій морозъ покроетъ тонкимъ слоемъ бассейны, пруды, лужи, кадки съ водою, какъ тотчасъ же явятся люди, принадлежащіе къ компаніи, снабжающей Парижъ льдомъ и собираютъ всѣ крупинки льда и снѣга.

Притомъ же теперь необходимы большіе запасы льда, потому-что приближается сезонъ баловъ; а танцующіе истребляютъ порядочное количество мороженаго... Покуда, однако, еще нигдѣ не танцуютъ, хотя вездѣ дѣлаются приготовленія. За-то концерты въ полномъ блескѣ и музыкальныя обявленія принимаютъ колоссальные размѣры. Всѣ музыкальныя общества настроиваютъ свои инструменты, и артисты всѣхъ возможныхъ школъ толпятся въ Парижѣ. Надобно только приготовить уши и глаза.

Кстати о глазахъ; ихъ ничто не можетъ замѣнить. Вотъ отчего я такъ сожалѣю о прекрасной артисткѣ Огюстинѣ Броганъ, которая, къ-несчастью, совсѣмъ ослѣпла. Какъ можно было довести болѣзнь до такого страшнаго результата! Это дѣло докторовъ; но остроумная артистка, кажется, съ твердостью переноситъ свое несчастіе или, можетъ быть, еще не-совсѣмъ потеряла надежду на излеченіе. Она сохранила свой веселый характеръ, свою любезность, и недавно еще къ ней собрались всѣ друзья ея и знакомые, нѣсколько знаменитостей во всѣхъ родахъ: Жюль-Жаненъ и Жирарденъ, Кабарюсъ и Вьене, Самари и

Digitized by Google

Амедэ Ашаръ. Вечеръ провели весело, пріятно, какъ-будто бы хозяйка не была слѣпа.

Въ день Св. Цециліи были исполнены двѣ музыкальныя мессы: одна въ церкви Св. Роха, другая въ церкви Св. Евстафія. Толпа богомольцевъ наполнила обѣ церкви.

Нѣсколько залъ въ Шоссе д'Антенъ откроются, говорятъ, нынѣшнюю зиму для баловъ, и первыми изъ нихъ, конечно, будутъ домы Ротшильда, Фульда, Вальтера, Малле и друг. Говорятъ тоже о многихъ свадьбахъ въ томъ же кругу, но это будутъ свадьбы золота съ золотомъ — и больше ничего.

Я забылъ сказать, описывая представленія Кафровъ, что со всѣхъ двѣнадцати дикихъ головъ сдѣлаютъ слѣпки и помѣстятъ ихъ въ ботаническомъ саду, въ коллекціи человѣческихъ породъ г. Серра. Говорятъ, что дикарямъ очень понравилась жизнь въ Парижѣ и что они неохотно сбираются на родину. Не-уже-ли и они успѣли цивилизоваться! Пожалуй, они еще захотятъ послушать оперу или посмотрѣть Діану де-Ли. Вотъ настоящія дикія идеи!

Къ новому году вышло нѣсколько новыхъ великолѣпныхъ изданій: *Исторія двухъ реставрацій — Ашила Волабеля. Исторія изящныхъ искусствъ отъ начала ихъ до нашихъ временъ — Полена Нибойе*, и проч. Я не нахожу нужнымъ разбирать эти произведенія, потому-что имена авторовъ доказываютъ достоинства сочиненій и не нуждаются ни въ критикѣ, ни въ похвалахъ.

Явилось также множество альбомовъ съ нотами, рисунками, со всѣми приманками, которыя всегда находятъ покупателей къ новому году.

Въ одной маленькой залѣ Пале-Рояля профессоръ Гамильтонъ показываетъ каждый вечеръ удивительные фокусы, и недавно взялъ себѣ въ помощницы дѣвицу Вандермерсъ, которая кажется настоящею волшебницею. Она разговариваетъ со множествомъ маленькихъ птичекъ и тѣ понимаютъ ее, слушаются, исполняютъ всѣ ея приказанія... Сколько трудовъ, сколько терпѣнія истрачено на это воспитаніе птицъ, и стоитъ только подумать, что голодъ заставляетъ ихъ дѣлать разные фокусы — такъ и хочется выпустить ихъ всѣхъ на волю. Пожалуй, еще найдутъ средство вывести этихъ пернатыхъ артистовъ въ какой-нибудь пьесѣ. Вѣдь писали же драмы для собакъ, кошекъ, обезьянъ. Чѣмъ же птицы хуже? И теперь въ пьесѣ Жоржа Занда собака *Блеро* имѣетъ огромный успѣхъ и, можетъ-быть, безъ нея пьеса не такъ понравилась бы публикѣ.

Моды, особенно женскія, принимаютъ самыя-обширные и разорительные размѣры. Ширина и длина юбокъ чрезвычайная, напоминающая фижмы и шлейфы старины, матеріи самыя-яркія, самыя-тяжелыя въ большой модѣ; впрочемъ, бальные костюмы еще неизвѣстны и надобно ожидать первыхъ баловъ. Покуда золотошвейки Парижа работаютъ прилежно надъ вышиваньемъ придворныхъ дамскихъ мантій — еще случай къ роскоши, но случай, дающій работу и хлѣбъ бѣднымъ работницамъ. Не будемъ же роптать на роскошь!

Парижъ тоже приготовляетъ свои ёлки не только въ русскихъ

Digitized by Google

семействахъ, но и у французовъ, которые поспѣшили перенять этотъ прекрасный обычай. Приготовляютъ сюрпризы, подарки, мистификаціи... Сколько смѣха, радости, удивленія! Скоро ли настанетъ этотъ счастливый день!

Кончаю мое письмо желаніями читателямъ на новый годъ и надѣюсь, что они сбудутся, потому-что сдѣланы отъ чистаго сердца. Желаю журналистамъ побольше подписчиковъ, мужьямъ неожиданные доходы, женамъ побольше брильянтовъ, дѣвицамъ — жениховъ-мильйонеровъ, холостымъ — богатыхъ невѣстъ; желаю купцамъ продавать выгодно, а покупщикамъ покупать дешево; желаю, чтобъ всѣ были довольны, а главное — здоровы; и чтобъ солнце почаще навѣщало и васъ, въ Россіи, и насъ, во Франціи.

Прощай же тысяча восемьсотъ пятьдесятъ-третій годъ! Привѣтъ тебѣ любезный тысяча восемьсотъ пятьдесятъ-четвертый, будь къ намъ милостивъ и не обижай насъ!

«Маркизъ де-Ру д'Арбель.»

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Новый годъ, новое счастье — эти двѣ пары словъ такъ тѣсно связаны между собою, что, произнося одну, какъ-то невольно прибавляешь и другую. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ слышится со всѣхъ сторонъ перваго января каждаго года, и никто не отказывается отъ желаемаго новаго счастья, хотя бы у него было довольно стараго, потому-что старое счастье не считается даже вовсе счастьемъ.

Древніе и новые мудрецы много трудились надъ разрѣшеніемъ вопроса: въ чемъ заключается счастье? Но еслибъ нужно было сказать, въ чемъ сами люди полагаютъ свое счастье, то отвѣчать на это нетрудно: въ томъ, чего у нихъ еще нѣтъ.

. . . . Le bonheur, c'est la boule,
Que cet enfant poursuit tout le temps qu'elle roule,
Et que, dès quelle arrête, il repousse du pied.

Юноши и старики, взрослые и дѣти — всѣ, какъ дѣти, бѣгутъ за этимъ шаромъ, который катится передъ ними, и подталкиваютъ его при каждой остановкѣ... Еслибъ желанія съ новымъ годомъ новаго счастья имѣли магическую силу превратить всѣ эти шары въ самые предметы счастья каждаго, то какое странное, какое забавное зрѣлище представилось бы нашимъ глазамъ!

Старики, молодые, мужчины и женщины бѣжали бы по бѣгущей вокругъ солнца землѣ, а передъ ними неслись бы хорошенькія женщины, золотые ключи, пятиэтажные домы, орловскіе рысаки, модныя шляпки, серебряные сервизы и даже бочки съ кофеемъ и сахаромъ,

Digitized by Google

которыя можно выиграть въ хозяйственной лотереѣ. Но такая картина была бы картиною одной минуты: едва то, что̀ неслось передъ бѣгущими, останавливалось бы; едва они достигали бы того, за чѣмъ гнались, какъ оно ужь теряло бы свою цѣну и переставало казаться счастьемъ. Въ то же мгновеніе старое счастье замѣнялось бы новымъ, и человѣкъ снова бѣжалъ бы и бѣжалъ впередъ и впередъ. Голодный, видѣвшій свое счастье въ кускѣ насущнаго хлѣба, не считаетъ себя счастливымъ, когда обезпечивается даже вполнѣ его существованіе. Пить, ѣсть — будто въ этомъ все счастье человѣка? говоритъ онъ: — нѣтъ. Пріятно жить своимъ домкомъ, съ семьей, съ независимымъ состояніемъ — вотъ счастье, такъ счастье! Но дайте ему въ ту же минуту и свой домикъ, и семью, и состояніе — и вы увидите, что черезъ годъ, а можетъ-быть, и меньше, свое счастье онъ будетъ видѣть въ жизни роскошной и изобильной... Таковы мы всѣ, бѣгущіе за шаромъ счастья, и опредѣлить предѣлы этихъ бѣговъ возможно только въ философіи, а не въ дѣйствительной жизни. Полное счастье недостижимо для человѣка, потому-что оно проявляется въ видахъ безконечно-разнообразныхъ. Къ-тому же человѣкъ безпрестанно самъ себя обманываетъ.

Вотъ, напримѣръ, человѣкъ, котораго случай сдѣлалъ почти богатымъ, то-есть доставилъ ему такое состояніе, что онъ могъ бы безъ заботъ и трудовъ удовлетворять всѣмъ своимъ дѣйствительнымъ потребностямъ и доставлять себѣ всѣ истинныя удовольствія. А между-тѣмъ, что же? Этотъ человѣкъ хочетъ лучше быть бѣднымъ, осудить себя на всевозможныя лишенія, безпокойства, труды и нищету. Для чего? Для того, чтобъ казаться богаче, нежели онъ есть на самомъ-дѣлѣ, хотя такая страсть разоряетъ его постепенно. И кого же онъ обманываетъ этимъ притворствомъ? Только одного себя!

Еслибъ всѣ желали только того, что̀ имъ дѣйствительно нужно, съ прибавкою того, что̀ имъ дѣйствительно пріятно, то какъ бы ограниченны были человѣческія желанія! Чтобъ еще лучше видѣть, ка̀къ человѣкъ преслѣдуетъ самого-себя, посмотрите ка̀къ онъ пользуется различными удовольствіями, хоть, напримѣръ, спектаклемъ. Въ чемъ находятъ удовольствіе тѣ, для которыхъ спектакль составляетъ удовольствіе? Наслажденіе, доставляемое спектаклемъ, похоже на наслажденіе, доставляемое чтеніемъ: здѣсь слушаютъ и смотрятъ, вмѣсто того, чтобъ то же самое читать. Спокойно и удобно сидѣть при чтеніи — значитъ много. Кто не проводилъ пріятныхъ вечеровъ съ любимою книгою передъ пылающимъ каминомъ, въ туфляхъ, въ халатѣ, усѣвшись такъ спокойно въ мягкія кресла, что умъ, казалось, позабывалъ о тѣлѣ, а тѣло не напоминало о себѣ уму? Кто не согласится, что чтеніе было бы не такъ пріятно и потеряло бы многое, еслибъ на шеѣ былъ въ то время галстухъ, на ногахъ сапоги? Но вотъ взгляните на эту супружескую пару, отправляющуюся въ театръ.

Жена стягивается корсетомъ до послѣдней крайности; она сжимаетъ башмаками свои ноги гораздо-болѣе, нежели это дѣлали во времена пытокъ; цѣлый часъ провела она подъ руками парикмахера,

Digitized by Google

два часа прождала новаго головнаго убора: наконецъ, этотъ уборъ принесенъ, а между-тѣмъ первый актъ ужъ конченъ.

Я не говорю о туалетѣ мужа, предполагая, что мужъ занимается только нарядомъ своей жены. Но вотъ, наконецъ, они въ театрѣ. Что̀ же, вы думаете, почтенные супруги наслаждаются самымъ представленіемъ, музыкою? Нисколько: жена думаетъ только объ эффектѣ, какой производитъ ея головной уборъ, и о той досадѣ, которую возбуждаетъ онъ въ сердцахъ другихъ женщинъ. Что же касается до мужа, то, привезя въ публику свою разодѣтую супругу, онъ хочетъ только, чтобъ всѣ ему завидовали. И мужъ и жена пріѣхали вовсе не длятого, чтобъ смотрѣть представленіе, а чтобъ самимъ быть зрѣлищемъ, считая при этомъ за блаженство: мужъ огорчить другихъ мужей, жена—привести въ отчаяніе другихъ женъ. Наслажденіе, которое обыкновенно ищутъ въ театрѣ, они съ восторгомъ приносятъ въ жертву гораздо для нихъ существеннѣйшему — возбуждать досаду въ другихъ. Мужъ выставилъ на-показъ одѣтую сколь возможно-мило свою супругу, чтобъ только возбудить зависть. Супруги, совершенно-довольные и счастливые, уѣзжаютъ изъ театра. Высказываемыя на сценѣ скорби Андромахи или Федры интересовали ихъ гораздо-менѣе, нежели тѣ нѣмыя скорби, которыя, по ихъ мнѣнію, они причинили нѣкоторой части зрителей.

Вотъ они дома. И жена и мужъ совершенно забыли о спектаклѣ: жена критикуетъ туалетъ и наружность своихъ знакомыхъ дамъ, мужъ—наружность своихъ знакомыхъ мужчинъ. Въ то же время, въ другихъ домахъ, точно такъ же занимаются ими, въ-особенности, если они успѣли произвесть какой-нибудь эффектъ. Послушайте, что̀ говорятъ въ другой семьѣ.

Жена. — Вы видѣли въ театрѣ m-me ***.

Мужъ. — Да̀, видѣлъ.

Жена. — У ней было ужъ слишкомъ-открытое платье... не правда ли?.. И какой уборъ на головѣ! Это удивительно, что̀ у нея за страсть всегда чѣмъ-нибудь отличаться отъ другихъ! Всѣ убираютъ голову цвѣтами—такъ нѣтъ, она убираетъ фруктами. Очень-вѣроятно, завтра въ оперѣ вся куафюра ея будетъ сдѣлана ужъ изъ редисокъ и петрушки...

Мужъ. — А не правда ли: у мужа ея ужасно надутый видъ? Да онъ вѣдь и человѣкъ-то недалекій. А какія лошади! Долго ли такъ будетъ — посмотримъ; а въ концѣ прошлаго мѣсяца его дѣла на Биржѣ были неслишкомъ-блестящи, и т. д. и т. д.

Объ Ифигеніи, Андромахѣ въ этой семьѣ нѣтъ помину, какъ и въ первой. Между-тѣмъ мужъ хочетъ сдѣлать дружескій визитъ человѣку, о которомъ отзывался съ такимъ презрѣніемъ; жена долго раздумываетъ въ какомъ бы магазинѣ лучше заказать ей завтра головной уборъ, подобный тому, который вызвалъ у ней столько насмѣшекъ.

Все это еще ничего, когда дѣло касается до людей дѣйствительно-богатыхъ; но у многихъ роскошь — слѣдствіе лишенія, ихъ ложный блескъ — слѣдствіе добровольной нищеты. Только съ ея помощью они имѣютъ возможность носить личину богатства. При небольшомъ

Digitized by Google

достаткѣ, они бы могли быть вполнѣ-счастливы счастьемъ незатѣйливымъ, простымъ; но они не хотятъ такого счастья, потому-что оно не возбуждаетъ зависти. Пусть они будутъ несчастливы, но только чтобъ другіе вѣрили и завидовали ихъ счастью — вотъ что имъ нравится! вотъ чему они героически готовы принести всевозможныя жертвы!... Они продадутъ свои любимыя книги, чтобъ составить себѣ роскошную библіотеку; они отдадутъ весь свой обѣдъ за перья фазана, которыя разсыпятъ у своихъ дверей. Они не будутъ обѣдать только длятого, чтобъ сосѣдки сказали: «каковы! они ѣли фазана!» Перья фазана придадутъ немножко горечи каждому блюду сосѣдей, а это-то и пріятно! Желанье блеснуть передъ другими, играетъ немаловажную роль въ жизни общественной; и эти два чувства собираютъ немалое число посѣтителей въ наши театры, о которыхъ для новаго года говорить не станемъ, предоставляя себѣ въ будущемъ мѣсяцѣ распространиться о нихъ побольше, такъ-какъ съ января готовится много сценическихъ новинокъ, да и дивная Рашель окончитъ свои представленія передъ отъѣздомъ въ Москву.

Обращаемся пока къ другимъ удовольствіямъ Петербурга. Общественная жизнь столицы теперь въ полномъ разгарѣ, и наслажденія ея идутъ crescendo и crescendo: на ряду съ театральными зрѣлищами начались балы, концерты, музыкальныя утра и 6-го декабря въ оперной залѣ былъ первый маскарадъ, собравшій значительную публику. О театрахъ мы теперь не говоримъ; балы описываютъ романисты; маскарады—повѣствователи и намъ не остается ничего болѣе, какъ сказать что-нибудь о концертахъ. Историческія музыкальныя утра г. Мортье де-Фонтена, о которыхъ говорили мы въ прошломъ мѣсяцѣ какъ о будущемъ, теперь стали ужь прошедшимъ. Они были, особенно три первыя, очень-интересны, хотя, къ-сожалѣнію, не собирали много слушателей. Что касается до прочихъ концертовъ, то первое мѣсто между ними должно предоставить концерту Филармоническаго Общества въ пользу покровительствуемыхъ имъ вдовъ и сиротъ.

Въ этомъ концертѣ, привлекшемъ многочисленную публику, кромѣ артистовъ итальянской оперы участвовала и г-жа Рашель. Знаменитая трагическая артистка читала сцены изъ «Эсѳири» и «Цинны». То и другое было ею исполнено превосходно и возбудило громкія рукоплесканія (хотя и меньшія, впрочемъ, нежели пѣніе несравненной г-жи де-Лагранжъ). Представленія г-жи Рашель, какъ я сказалъ ужь, у насъ въ модѣ, они производятъ фуроръ, и лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что на бенефисъ ея, съ удвоенными противъ обыкновенныхъ представленій цѣнами (а цѣны обыкновенныхъ представленій на нѣкоторыя мѣста доходятъ до четверныхъ цѣнъ при представленіяхъ императорскою французскою труппою), были разобраны чрезвычайно-быстро.

Цѣны мѣстъ въ бенефисъ г-жи Рашель, цѣны, передъ которыми призадумался бы, можетъ-быть, Джонъ Буль, составляютъ одну изъ новостей прошлаго мѣсяца. Новостей бездна, говорятъ одни; въ Петербургѣ что ни шагъ, то новость, говорятъ другіе, но едва-ли это только не кажется такъ. Человѣкъ, наслаждающійся различными удо-

вольствіями общественой жизни, часто обманываетъ себя на-счетъ ихъ новости; но тотъ, который ужь не впервые описываетъ эти удовольствія, видитъ, что между ними больше возобновленныхъ, нежели совершенно новыхъ. Извѣстное время въ одномъ году, тѣми же самыми удовольствіями проявляется и въ другомъ: за гуляньемъ въ Лѣтнемъ Саду слѣдуетъ дачная жизнь, за дачною жизнью — опера, за оперой — маскарады, тамъ концерты и т. д. и т. д. Каждое время года имѣетъ свои характеристическія принадлежности въ общественной жизни; и еслибъ какой-нибудь фёльетонистъ, проспавъ три года, проснулся, увидѣвъ на столѣ своемъ кучу объявленій всевозможныхъ цвѣтовъ, видовъ и формъ, онъ тотчасъ бы сказалъ: а! скоро новый годъ!

Да, наступленіе новаго года ознаменовывается именно такимъ-образомъ, и каждый новый день декабря приближающій насъ къ этому времени, ознаменовывается бо́льшимъ и бо́льшимъ числомъ объявленій.

Не знаю, занимаетесь ли вы когда-нибудь, читатель, просмотромъ этихъ объявленій; если же нѣтъ, то позвольте вамъ предложить это... это удовольствіе. Возьмите послѣдній отдѣлъ какой-нибудь газеты и начинайте читать сряду всѣ помѣщенныя въ немъ извѣстія. Какъ забавенъ этотъ простой перечень разнообразныхъ предметовъ, слѣдующихъ одинъ вслѣдъ за другимъ, предметовъ, въ которыхъ нуждаются или не нуждаются, тѣ или другіе люди! Выѣзженная во всякую упряжь шведка, корова, собака, рояль, тысяча десятинъ земли, огурцы, француженка, резиновыя калоши, каменный домъ, гувернантка, поваръ, попугай... читаете вы и эти разнообразныя названія, и ихъ сочетаніе подъ-часъ заставятъ васъ улыбнуться, подъ-часъ наведутъ на мысль, воспоминаніе и проч. Читая романы, вы всегда подчиняетесь воли автора, который васъ ведетъ туда, куда вздумается его воображенію; но если вы сами не прочь пуститься иногда въ фантазіи, то сколько различныхъ романовъ создается въ головѣ вашей при чтеніи различныхъ объявленій. «Молодая дѣвушка ищетъ мѣсто гувернантки; тутъ же продается трипповая мёбель и попугай съ клѣткою», читаете вы и воображеніе ваше рисуетъ вамъ жизнь семьи, въ довольствѣ и счастіи. Заботясь о настоящемъ, глава ея не думалъ о будущемъ, не приберегалъ денежки про черный день. Но глава семейства умеръ, семья осталась безъ всякаго средства къ существованію, и молоденькая дочь его рѣшается идти жить въ чужіе люди... А можетъ-быть, и другое думаете вы: можетъ-быть какой-нибудь отецъ семейства пустился въ какую-нибудь спекуляцію, потерялъ въ ней все, и ему приходится теперь перемѣнить образъ жизни, а его женѣ отпустить даже гувернантку и самой учить, чему умѣетъ, своихъ дѣтей. А можетъ-быть дѣло гораздо-проще, кто-нибудь, на зло своимъ добрымъ знакомымъ, каждый годъ жертвуя по тысячѣ, чтобъ мѣнять мёбель, не доволенъ, что гувернантка его дѣтей, получающая въ годъ двѣсти рублей, и занимающаяся съ ними усердно, каждую недѣлю ѣздитъ навѣщать свою старушку-мать. И вотъ разсчетливый отецъ объявилъ, что отдаетъ дѣтей своихъ въ пансіонъ, великодушно предложивъ мо-

Digitized by Google

лоденькой менторшѣ напечатать о ней въ вѣдомостяхъ... Куда дѣнется бѣдная дѣвушка, думаете вы...

Ваше воображенiе готово развивать эту исторiю далѣе и далѣе, но вы останавливаете его и читаете другiя объявленiя.

«Потерянъ бумажникъ, въ которомъ было кредитныхъ билетовъ на 1000 рублей серебромъ и различныя частныя записки. Нашедшаго просятъ и прoч. и проч.» Кто потерялъ эти деньги, кто нашелъ ихъ? Вы теряетесь въ предположенiяхъ и сочиняете цѣлый романъ.....

А кто этотъ человѣкъ, называющiй себя «пьянистомъ для танцевъ, котораго нужно спросить у Марьи Ивановны»? Вѣроятно, скромный нѣмецъ, владѣющiй смиренною физiономiею, чернымъ фракомъ и умѣньемъ разъигрывать кадрили и польки, человѣкъ, перешедшiй въ званiе пьяниста изъ какой-нибудь мастерской, и довольный этимъ званiемъ позволяющимъ ему пользоваться уголкомъ и двумя блюдами у Марьи Ивановны.

Какъ знать? быть-можетъ, «квартиры для холостыхъ» отдаются для того, чтобъ жильцовъ сдѣлать хозяйскими зятьями, а извѣстiе «о вѣрномъ средствѣ для ращенiя волосъ» возбудитъ не одну сладкую, хотя и непродолжительную надежду подъ многими черепами, лишенными растительности. Какъ знать? быть-можетъ, все это и не такъ, но ничто однако не мѣшаетъ фантазiи плести и плести нескончаемую цѣпь предположенiй на мотивы частныхъ извѣстiй.

Но если вы неохотникъ фантазировать, читатель, то объявленiя могутъ вамъ представить много интереснаго и забавнаго просто для наблюденiй. «Quelque bien qu'on dise de nous, on ne nous apprend rien de nouveau», сказалъ Ла-Рошфуко, и эти слова какъ-нельзя-лучше подтверждаются объявленiями, въ которыхъ каждый хвалитъ или самого-себя, или вещи, ему принадлежащiя. Тоже въ объявленiяхъ: квартиры иначе не называются какъ сухими, агрономы, управляющiе и т. п. — опытными, вина — иностранными, лампы — новоизобрѣтенными. Это только краткiй перечень наиболѣе-общихъ эпитетовъ, относимыхъ къ тѣмъ или другимъ лицамъ, потому-что похвалы самимъ-себѣ и своимъ принадлежностямъ безконечно-разнообразны. Онѣ различаются по направленiю, слогу и времени. Объявленiя бываютъ постоянныя, какъ, напримѣръ, о черномъ зеркалѣ (т. е.ваксѣ), резиновыхъ калошахъ и т. п.; единовременныя, какъ, напримѣръ, о ёлкахъ къ Рождеству, куличахъ къ Святой недѣлѣ, дѣтскихъ книгахъ передъ обоими этими праздниками, дамскихъ зонтикахъ передъ наступленiемъ весны и проч. и, наконецъ, случайныя, которыя являются въ разное время вслѣдствiе случайныхъ надобностей тѣхъ или другихъ лицъ. Объявленiя эти пишутся иногда какъ простое повѣствованiе, съ перечнемъ достоинствъ описываемаго лица или предмета, иногда какъ повѣствованiе, соединенное съ критикою лицъ и предметовъ, могущихъ вредить хвалимому. Слогъ объявленiй бываетъ, то цвѣтистый, какъ языкъ какой-нибудь восточной поэмы; то возвышенный, звучащiй какимъ-то особеннымъ почтенiемъ къ описываемымъ предметамъ; то простой, доходящiй иногда до простоты классической. Кто не знаетъ цвѣтистыхъ описанiй праздниковъ Минеральныхъ Водъ и

Digitized by Google

Павловска? Кто не читалъ возвышенныхъ объявленій о несгораемыхъ сундукахъ, черномъ зеркалѣ и порошкѣ отъ насѣкомыхъ? Эти роды наиболѣе употребительны въ объявленіяхъ. Но вотъ образчики объявленій, написанныхъ съ классическою простотою и другихъ, имѣющихъ критическое направленіе. Прошлымъ лѣтомъ обитателямъ одной изъ окрестностей Петербурга разосланы афиши, въ которыхъ было сказано, что нѣкто Григорій Ивановъ будетъ представлять нижеслѣдующія увеселительныя и забавныя штуки:

«Надѣнетъ шляпу съ ноги на голову, изъ зубовъ шляпу вверхъ броситъ и на голову надѣнетъ, съ палки шляпу вверхъ броситъ и на голову надѣнетъ, съ рукъ шляпу вверхъ броситъ и на голову надѣнетъ, ртомъ соловьемъ свищетъ, въ дудку кричитъ уткой, въ туже дудку, какъ на музыкѣ играетъ, палкой будетъ дѣлать какъ мажоръ, палка на иголкѣ вертѣться будетъ, палку на ладони перевертываетъ, другимъ концомъ становитъ и оная будетъ на ладони танцовать, палка на палкѣ концомъ держитъ; ртомъ играетъ, какъ на шарманкѣ, бубнѣ и свирелѣ, ртомъ же перепеломъ свищетъ, кричитъ бекасомъ, иволгой, травникомъ и ворономъ; кошкой мяучитъ, собакой лаетъ, кричитъ египетскимъ голубемъ и кукуетъ кукушкой, двѣ дудки въ ротъ кладетъ и на нихъ играетъ, какъ на музыкѣ, ртомъ, какъ на музыкѣ играетъ, въ дудку жаворонкомъ поетъ, въ басокъ, какъ на гармоніи играетъ, ртомъ теленкомъ мычитъ, три дудки въ ротъ кладетъ и вдругъ на нихъ играетъ, въ пищикъ: кричитъ гусемъ, дроздомъ, играетъ, какъ на музыкѣ, и бьетъ, какъ на барабанѣ, поетъ пѣтухомъ, кричитъ курицей, ребенкомъ плачетъ, кричитъ павлиномъ и журавлемъ, и играетъ, какъ на жилинку и въ пищикъ же кукольной комедіей говоритъ; во двойчатки заграничныя играетъ; волынку заграничную надуваетъ и въ нее играетъ и проч. Будетъ разсказывать сказки изъ разныхъ сочиненій.» Просто и ясно.

А вотъ и другаго рода объявленія: «Имѣю честь покорнѣйше просить высокопочтеннѣйшую публику (пишетъ одинъ табачный фабрикантъ) не смѣшивать произведеній моей фабрики, отличающіяся добротою употребляемыхъ на нихъ матеріаловъ и изяществомъ отдѣлки, съ произведеніями какихъ-либо другихъ фабрикъ. Заботясь не столько о быстрыхъ барышахъ, сколько о доброкачественности моихъ издѣлій, я употребляю для нихъ матеріалы исключительно высокихъ сортовъ и *никогда не позволю себѣ, подобно другимъ, примѣшивать къ чистому американскому табаку, табаки подмоченные или низшихъ качествъ*. Постоянно-увеличивающееся число покупателей явно свидѣтельствуетъ о томъ лестномъ вниманіи, которымъ она удостоила мою добросовѣстность, и я льщу себя надеждою и т. д. Подобное критическое направленіе объявленій встрѣчалось до-сихъ-поръ только въ объявленіяхъ о новыхъ лампахъ и косметическихъ товарахъ; но недавно я нашелъ его и въ объявленіи объ изданіи одного журнала: «Пересмотрѣвъ семилѣтнее изданіе на-«шего журнала (гласитъ то объявленіе) ужь можно видѣть, что *всѣ «беллетрическія произведенія послѣднихъ семи лѣтъ, обратившія «на себя общее вниманіе при своемъ появленіи и признанныя лучи-*

Digitized by Google

«*шихъ за этотъ періодъ времени, были первоначально напечатаны* «*въ нашемъ журналѣ* (курсивъ въ подлинникѣ). Таковъ въ эти семь «лѣтъ очевидный для всякаго результатъ, тѣхъ побужденій, которыми «руководствуется редакція при изданіи журнала, результатъ между-«прочимъ, свидѣтельствующій, что лучшіе русскіе писатели предпочи-«*таютъ* помѣщенія трудовъ своихъ въ нашемъ изданіи» и далѣе «*Ру-«тинный* способъ, обязывающій главнымъ образомъ заботиться о внѣш-«ней полнотѣ журнала, не былъ и никогда не будетъ употребленъ «въ дѣло при нашемъ изданіи. Попрежнему мы будемъ придержи-«ваться сотрудниковъ не только трудолюбивыхъ но и даровитыхъ; по «прежнему, избирая матеріалы для нашего журнала, мы будемъ имѣть «въ виду исключительно ихъ достоинство, не стѣсняясь никакими «нелитературными соображеніями, такъ-какъ постоянно возрастающія «средства редакціи дѣлаютъ подобныя соображенія вовсе не нуж-«ными». Слѣдовательно только въ этомъ журналѣ сосредоточивается все хорошее; въ другихъ же, въ-теченіе семи лѣтъ, не появилось ничего замѣчательнаго; при изданіи ихъ употреблялся рутинный способъ, у нихъ сотрудники если и трудолюбивые, то бесталантливые; редакціи не думаютъ о достоинствѣ печатаемыхъ въ нихъ статей, стѣсняясь нелитературными соображеніями, и наконецъ извѣстные литераторы избѣгаютъ помѣщенія своихъ трудовъ въ ихъ изданіяхъ. Какъ это тонко и умно! И послѣ этого какой-то критикъ-фёльетонистъ восклицалъ, что у насъ нѣтъ критики! Нѣтъ, она есть съ тою разницею только, что въ однихъ журналахъ помѣщается ежемѣсячно въ отдѣлѣ «критики», а въ другихъ одинъ разъ въ годъ, въ «объявленіяхъ».

Пусть нѣкоторые оригинальные люди находятъ немножко-страннымъ встрѣтить въ литературѣ похвалы себѣ и своему журналу рядомъ съ униженіемъ другихъ періодическихъ изданій; пусть они находятъ забавнымъ, что похвалы въ объявленіяхъ петербургскихъ превращаются въ диѳирамбы въ объявленіяхъ московскихъ; но мнѣ, признаюсь, это очень нравится, и я полагаю вовсе излишнимъ стѣсняться какими-нибудь литературными соображеніями, когда дѣло идетъ о подпискѣ. Если я когда-нибудь буду издателемъ журнала, то непремѣнно ежегодно предъ подпискою буду писать объявленія-критики и еще какія критики! «Обладая большимъ талантомъ, доставившимъ мнѣ извѣстность славнаго литератора (напишу *я*, напримѣръ), при изданіи моего журнала буду руководствоваться началами однажды мною принятыми и обусловленными не только обязательствомъ моимъ передъ публикою, но и отношеніемъ къ самой литературѣ. Какъ извѣстный литераторъ и издатель превосходнѣйшаго русскаго журнала, въ которомъ, такъ сказать, сосредоточивается все, что появляется лучшаго на нашемъ языкѣ по части бельлетристики и наукъ, я употреблю всѣ усилія, чтобъ поддержать лестное, мнѣ оказанное вниманіе публики. Заботясь одинаково о всѣхъ отдѣлахъ моего изданія, я не буду, подобно многимъ другимъ редакторамъ, пренебрегать дѣльною критикою, безъ которой не можетъ идти впередъ литература, не позволю себѣ въ статьяхъ о русской журналистикѣ говорить о своихъ дачахъ, рысакахъ, портныхъ, Дюссо и тому подобномъ, нѣ-

Digitized by Google

роятно, вовсе-неинтереснымъ для читателя, ищущаго въ этомъ отдѣлѣ указанія на лучшія статьи другихъ журналовъ. Я не буду помѣщать въ изданіи моемъ статей, которыя доставлены мнѣ невполнѣ-оконченными, и которыя, какъ иногда случается, остаются и вовсе неконченными, что не можетъ быть пріятно читателю. Не употребляя рутиннаго способа изданія журнала, заставляющаго заботиться о полнотѣ его рубрикъ, я въ то же время не позволю себѣ пропускать цѣлые отдѣлы, назначенные въ программѣ моего изданія и буду непремѣнно исполнять всѣ, однажды данныя мною публикѣ обѣщанія, хотя бы они относились къ библіографическимъ прибавленіямъ о вновь вышедшихъ книгахъ, разсказамъ дурнаго тона, житейскимъ глупостямъ или чему-нибудь подобному. Но одною изъ главнѣйшихъ заботъ моихъ на будущее время будетъ то, чтобъ журналъ мой наполнялся статьями, по-преимуществу оригинальными, а не переводными, какъ это случается съ нѣкоторыми другими періодическими изданіями, которыя иногда, на двѣ трети, наполнены произведеніями французскихъ и англійскихъ писателей. Моя репутація извѣстнаго русскаго литератора и постоянное желаніе всѣхъ лучшихъ нашихъ писателей исключительно участвовать въ моемъ журналѣ, могутъ служить ручательствомъ для публики въ превосходствѣ принятаго мною на себя періодическаго изданія передъ всѣми другими, ему подобными. Я надѣюсь, что и проч.» Затѣмъ слѣдуютъ условія подписки. Объявленіе, которое отправлю я въ московскіе города, будетъ написано еще сильнѣе; тамъ я назову себя даже первымъ изъ современныхъ русскихъ литераторовъ. Послѣ такихъ объявленій, вся публика, конечно, цѣня мою откровенность, а главное, понявъ мои намеки на недостатокъ другихъ журналовъ, подписалась бы на мой собственный. Журналъ мой расходился бы въ семнадцати тысячахъ экземпляровъ, если не болѣе, и черезъ годъ у меня явилась бы превосходная вилла на берегу моря, въ нижній этажъ которой я перевелъ бы заведеніе Дюссо; у меня явились бы орловскіе рысаки, роскошные экипажи, грумы, жокеи — все, на зависть моимъ юнымъ пріятелямъ. О! когда же наступитъ то блаженное время, что и я буду писать объявленія-критики объ изданіи журнала, объявленія, которыя острымъ жаломъ должны колоть другихъ журналистовъ и одна мысль о которыхъ увлекла меня и теперь далеко, далеко...

Но довольно о всяческихъ объявленіяхъ; перейдемъ лучше къ новостямъ, на которыя указали намъ нѣкоторыя изъ нихъ передъ прошлыми праздниками. Елки, которыми ознаменовывается для дѣтей Рождественскій праздникъ, входятъ съ каждымъ годомъ въ бо̀льшее и бо̀льшее употребленіе. Увеличеніе числа потребителей увеличило и самое производство этого рода удовольствій, и передъ наступленіемъ прошедшихъ праздниковъ, ёлки, продававшіяся прежде только въ кондитерскихъ, совершенно-убранныя и украшенныя, возились по петербургскимъ улицамъ. Для подарковъ на ёлки магазины припасаютъ каждый годъ что-нибудь новое.

Дѣти, играющія въ игрушки, иногда счастливѣе дѣтей, читающихъ книги: для первыхъ, въ магазинахъ появляются новыя куклы, тан-

Digitized by Google

цующія, играющія на разныхъ инструментахъ и т. п.; вторые же часто должны довольствоваться книгами старыми, въ родѣ: «Бѣлки Бобо» и различныхъ «Занимательныхъ Повѣстей и Разсказовъ». Но какъ незанимательны бываютъ эти занимательныя исторіи! Если одинъ почтенный фёльетонистъ плакалъ надъ нѣкоторыми повѣстями и разсказами, то можно вообразить, какими бы горькими слезами залился онъ, читая Исторію Яши, неѣвшаго супу, или Пети, клавшаго пальцы въ ротъ! Что жь касается до меня, то эти повѣсти и разсказы не возбудили моего участія, несмотря даже на картинки, которыми они украшены. Исторія Яши, изображенная на лубочныхъ картинкахъ, представляетъ постепенный переходъ Яши, неѣвшаго супу, изъ здороваго мальчика въ какую-то спичку съ головою, а наконецъ могильный холмъ, подъ которымъ покоится этотъ Яша. Исторія же Пети, клавшаго пальцы въ ротъ, разсказана слѣдующимъ образомъ:

Петя! мама говорила:
Я иду въ Гостиный Дворъ.
Помни, какъ тебя учила:
Будь разуменъ и нескоръ.
Не мигай все правымъ глазомъ,
Не клади все пальцевъ въ ротъ,
А не то, портной вѣдь разомъ
Ихъ отрѣжетъ и уйдетъ.
Мама съ лѣстницы идетъ,
Петя палецъ сунулъ въ ротъ.
Только онъ распорядился,
Сдѣлался какъ самъ не свой:
У дверей вдругъ появился
Неотвязчивый портной.
Ножницы онъ вынимаетъ,
Петю за руки беретъ,
Пальцы рѣзать начинаетъ;
Петѣ больно, кровь течетъ.
«Милый мой сынокъ, здорово!»
Мама Петѣ говоритъ.
А работа ужь готова:
Петя еле-живъ стоитъ.

Какую пользу, какое удовольствіе могутъ принести дѣтямъ подобныя исторіи? А вѣдь многіе изъ дѣтскихъ разсказовъ, право, похожи на только-что приведенныя нами!

Отъ подарковъ дѣтскихъ я могъ бы перейдти къ праздничнымъ подаркамъ для взрослыхъ — къ превосходнымъ кипсекамъ, альманахамъ, альбомамъ, вещамъ и вещицамъ изъ хрусталя, золота и фарфора; но для этого мнѣ пришлось бы перепечатывать каталоги книгопродавцовъ Дюфура и Исаковыхъ и реестръ лучшихъ петербургскихъ магазиновъ, которые обыкновенно запасаются многимъ-множествомъ новостей для подарковъ къ празднику.

Digitized by Google

Дѣлать подарки взрослымъ гораздо-легче, нежели дѣтямъ: торговцы, вѣроятно, имѣя въ виду, что не дѣти, а взрослые распоряжаются деньгами, большую часть своихъ привлекательныхъ новостей припасаютъ для послѣднихъ... Впрочемъ, то же, что говорится о подаркихъ, можетъ быть отнесено и къ удовольствіямъ вообще. Такъ, въ Петербургѣ, напримѣръ, кромѣ кукольнаго театра въ Пассажѣ, нѣтъ никакихъ другихъ подобныхъ удовольствій для дѣтей, тогда-какъ для взрослыхъ, одно слѣдуетъ за другимъ, и все, что возможно, обращается въ удовольствіе. Такъ на-дняхъ откроется Зимній Садъ, устроиваемый при одномъ изъ лучшихъ ресторановъ; такъ, едва рѣки покрылись льдомъ, какъ ледъ ужь употребленъ въ дѣло и въ разныхъ окрестностяхъ Петербурга устроены горы, и едва послѣ снѣга установилась хорошая санная дорога, какъ — чу! раздается звонъ колокольчиковъ и по улицѣ, освѣщенной блѣдною луною, мчатся нѣсколько троекъ... Это какой-нибудь пикникъ!...

МОДЫ.

Что можетъ быть роскошнѣе нынѣшнихъ дамскихъ нарядовъ! Матеріи затканы золотомъ и серебромъ, ленты тоже; словомъ, дамы на балахъ блестятъ какъ звѣзды.

На одномъ изъ нынѣшнихъ баловъ мы замѣтили превосходное платье, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое простое. Оно было сдѣлано изъ бѣлой кисеи vapeur въ три юбки, чехолъ изъ бѣлаго пу-де-суа. Каждая юбка была обшита газовой бѣлой лентой, вытканной золотомъ. На кисеѣ газъ былъ незамѣтенъ, а потому золото имѣло видъ вышивки. Эффектъ этого платья былъ необыкновенный. Прибавьте къ этому превосходные букеты изъ живыхъ цвѣтовъ, съ длинной зеленью, приколотые съ боковъ верхней юбки, на груди и на плечахъ. Волосы съ золотымъ обручемъ, который видѣнъ только на темени, какъ діадема; коса раздѣлена на двѣ части и положена съ боковъ въ видѣ бантовъ; гребенка посерединѣ, покрытая бантомъ изъ такихъ же лентъ, какія на платьѣ; съ боковъ этихъ лентъ цвѣты; висячая зелень и концы лентъ низко спускаются на плечи.

Digitized by Google

Платье изъ розоваго моаре antique. Юбка покрыта тремя воланами, изъ черныхъ гипюръ; лифъ съ черной гипюровой бертой. Это платье очень-красиво и очень-дорого, но оно не производитъ большаго эффекта, потому-что розовая матерія вмѣстѣ съ черными кружевами такъ часто употребляется, что многимъ ужь надоѣла.

Но вотъ еще платье, которое показалось намъ очень-оригинальнымъ. Оно сдѣлано изъ газа пепельнаго цвѣта, съ семью воланами. Каждый воланъ обшитъ въ три ряда узенькой пунцовой бархатной лентой. На головѣ банты изъ широкихъ пунцовыхъ бархатныхъ лентъ.

Платья для обѣдовъ и визитовъ почти всегда дѣлаются съ глухимъ воротомъ и съ большимъ воротникомъ (объ этихъ воротникахъ мы ужь упоминали нѣсколько разъ), или съ открытымъ воротомъ на переди и съ роскошнымъ нагрудникомъ; лифы въ большой модѣ съ разрѣзными басками, которые обшиваются или бархатомъ или кружевами, смотря по уборкѣ платья.

Рукава сборчатые на обшивкѣ начинаютъ понемногу вытѣснять рукава-пагодъ; но осталось много еще защитницъ такихъ рукавовъ, которыя не рѣшаются перемѣнять эти граціозные рукава на не совсѣмъ-пріятную форму сборчатыхъ. Лифы открытые вырѣзываются очень-низко и дѣлаются или сборчатые или съ бертой. Модести изъ валансьеновъ необходимы къ такимъ лифамъ.

Уборка для платья употребляется изъ атласа, бархата, кружевъ и плюша; черныя и пунцовыя бархатныя ленты для уборки платья въ большой модѣ.

Ленты вообще нынче въ большомъ употребленіи: нѣтъ платья, или мантильи, которыя не были бы убраны лентами. Бѣлые и черные кружевные рукава также убираются лентами; даже на рукавахъ изъ англійскаго шитья, предназначенныхъ для утренняго неглиже, вы увидите черный бархатный бантъ съ длинными концами; но на эти рукава только и допускается черный цвѣтъ.

Кстати объ утреннемъ неглиже. Вотъ превосходный утренній пеньюаръ, сдѣланный изъ клѣтчатаго попелина и обшитый пунцовымъ плюшемъ. Фасонъ этого пеньюара очень милъ. Онъ имѣетъ видъ блузы на кокеткѣ, сверхъ кокетки наложенъ довольно-большой воротникъ изъ плюша, который выкроенъ такъ, что онъ спереди составляетъ отвороты и доходитъ до таліи. Отъ таліи начинаются другіе отвороты, которые къ-низу юбки увеличиваются. Пунцовый снурокъ вмѣсто кушака завязывается на-переди и спускается до колѣнъ. Такъ-какъ пеньюаръ дѣлается распашной спереди, то подъ низъ надѣвается бѣлая юбка, покрытая вышитыми воланами или кружевами.

Матерій для платьевъ столько привезено, что имъ можно потерять счетъ. Болѣе всего теперь въ модѣ моаре antique. Кромѣ-того, есть превосходные попелины, пудесуа съ большими клѣтками и съ узенькими бархатными полосками, большею-частью черными. Пудесуа съ затканными бархатомъ воланами. Газовыя матеріи, затканныя золо-

Digitized by Google

томъ и серебромъ, барежъ съ превосходными гирляндами на воланахъ. Наконецъ, бездна свѣтлыхъ матерій двуличневыхъ, напримѣръ, голубыхъ и розовыхъ съ бѣлымъ. Но всѣ нарядныя платья должны быть или съ воланами или съ затканнымъ бортомъ. Гладкія матеріи допускаются только для утренняго неглиже; но для вечера платье изъ гладкой матеріи должно быть убрано или лентами, или кружевами, или аграмантомъ.

Мантильи обшиваются самыми широкими кружевами. Мы видѣли одну мантилью изъ бѣлаго тюля, на которомъ были нашиты узенькія голубыя бархатныя ленты въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Эта мантилья была такъ мала, что не доходила до тальи; однимъ словомъ, она имѣла видъ борты; концы ея сходились на переди и завязывались большимъ бантомъ изъ широкихъ голубыхъ бархатныхъ лентъ. Кружева, шириною въ поларшина, были пришиты кругомъ мантильи. Очень-просты и красивы мантильи изъ гладкаго тюля съ капюшономъ; вокругъ всей мантильи и капюшона сдѣланъ широкій рубецъ, въ которой вдернута цвѣтная лента, розовая или желтая, или пунцовая — чаще всего пунцовая, потому-что этотъ цвѣтъ теперь въ модѣ. Сзади на капюшонѣ бантъ, а спереди длинныя завязки изъ такихъ же лентъ. Гипюровыя мантильи тоже въ большой модѣ: онѣ бываютъ и большія и маленькія, кому какія нравятся. Для молоденькихъ дѣвицъ очень-красивы пелеринки изъ бѣлаго пудесуа, обшитыя бѣлой или цвѣтной бархатной лентой. Эти пелеринки дѣлаются такъ малы, что едва доходятъ до тальи; къ нимъ ужь не идетъ капюшонъ, но пришивается воротничокъ; нѣкоторыя бываютъ и безъ воротниковъ. Но если пелеринка длинная, то капюшонъ необходимъ; впрочемъ теперь не дѣлаются длинныя пелеринки: все такъ-называемые sorties du bal; если ихъ нужно длинныя, то онѣ шьются прямыя на кокеткѣ и со сборчатымъ капюшономъ, или безъ капюшона, а съ кружевнымъ воротникомъ, точно такъ какъ видно на картинкѣ дамскихъ модъ, приложенной къ нынѣшнему нумеру «Отеч. Записокъ». Вмѣсто бархата, эти sorties du bal или, какъ онѣ еще называются, pelisse, можно обшить плюшемъ, но всего лучше, если его обшить московскимъ мѣхомъ. Эта матерія только-что появилась и теперь въ большой модѣ. Она дѣлается изъ шелка разныхъ цвѣтовъ, и эффектъ ея удивительный.

Тюлевые черные лифы снова входятъ въ моду; о нихъ мы поговоримъ въ другой разъ, равно какъ и о кружевныхъ маленькихъ кацавейкахъ, надѣваемыхъ сверхъ открытыхъ лифовъ.

Верхнихъ костюмовъ для гулянья нынче нѣтъ. Дамамъ некогда гулять: онѣ заняты визитами и разными покупками для своего туалета; но если онѣ и выѣзжаютъ кататься въ саняхъ, то закутанныя въ бархатную шубу и покрытыя густымъ вуалемъ. Въ такіе морозы, какъ теперь въ Петербургѣ, поневолѣ забудешь о существованіи и пальто, и тальмы, и всѣхъ возможныхъ выдумокъ.

Что сказать о мужскихъ модахъ? Если разбирать ихъ подробно, то въ нихъ столько же перемѣнъ, какъ и въ дамскихъ нарядахъ. Да-

но ли, кажется, носили пальто безъ швовъ на спинѣ? теперь ужъ не иначе дѣлается пальто, какъ со швами. Пальто было такъ коротко, что не болѣе полуаршина спускалось отъ тальи—теперь же оно доходитъ до колѣнъ, а нѣкоторые дѣлаются даже и до икоръ. Панталоны должны быть очень-узки внизу, но для вечеровъ ихъ дѣлаютъ ужъ совершенно въ-обтяжку. Рубашки съ манжетами. Впрочемъ, образчики нынѣшнихъ модъ можно видѣть на картинкѣ, приложенной къ нынѣшней книжкѣ нашего журнала и только-что полученной изъ Парижа.

Чтобъ познакомиться съ модами, не угодно ли взглянуть на рисунки экипажей петербургскаго мастера Неллиса, входящаго теперь въ славу, которую онъ умѣетъ упрочивать за собою красотою, прочностью и недороговизною своихъ экипажей.

Digitized by Google

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ (1).

Современная литература въ Англіи, Франціи, Германіи и Испаніи: Квакеръ Топперъ. — Докторъ Эбернети. — Отчетъ манчестерской библіотеки. — Новый томъ исторіи Элисона. — Путешествія. — Библіографическія замѣтки о новыхъ книгахъ по разнымъ отраслямъ наукъ и литературы: полинезійскіе діалекты. — Лекціи Тэккерея объ англійскихъ юмористахъ. — Марокскія вечерни. — Переводъ стихотвореній Мюссе на латинскій языкъ. — Сочиненія маркиза Сантильяны. — Переводъ Иліады и Одиссеи французскими стихами. — Когда окончится исторія французской литературы, издаваемая Парижскою Академіею Надписей. — Амадисъ Гальскій. — Переводъ Пуранъ. — Записки Бильбоке. — Посмертное изданіе сочиненій Стендаля. — Исторія Рима. — Археологическія сочиненія Лаборда. — Письма Наполеона. — Лекціи Сен-Марка-Жирардена и Низара. — Воспоминанія Леона Гозлана о Бальзакѣ. — Сочиненіе сэра Чарльза Непира объ англійской Индіи. — Исторія Англіи отъ утрехтскаго мира, соч. лорда Мэгона. — Тайны цвѣтовъ и красокъ. — Новости парижскихъ театровъ: бенефисъ г-жи Жоржъ. — Новая комедія Эмиля Ожье и Жюля Сандо. — Пьесы и журналъ Александра Дюма. — Репертуаръ Итальянской Оперы. — Процессъ о Фрейшюцѣ. — Водевили и пьесы обозрѣнія. — Оперы Доницетти. — *Папильйотки г-на Бенуа.* — *Порошокъ Перлепенпена.* — Дѣятельность парижскихъ театровъ въ 1853 году. — Театры въ Лондонѣ: Брукъ. — Шериданъ Ноульсъ. — Новая комедія Тайлора. — Общественная жизнь въ Австраліи. — Театры въ Германіи: *Зенобія,* трагедія Майя. — Новости мелкихъ нѣмецкихъ театровъ. — Балы и общественныя удовольствія въ Парижѣ. — Приготовленія къ выставкѣ 1855 года. — Маскарады. — Общественная жизнь въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. — Кафрскій предводитель. — Митингъ валлійскихъ бардовъ. — Муравьеѣдъ въ зоологическомъ лондонскомъ саду. — Контрафакція въ Англіи и Америкѣ. — Желѣзная дорога вокругъ Парижа. — Тканыя сѣти для рыбной ловли. — Новые станки для тканья шелковыхъ матерій. — Паровые тормоза. — Разложеніе торфа. — Машина для очищенія хлопчатой бумаги. — Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ Парижѣ. — Вино изъ свеклы. — Оливковое масло. — Изслѣдованіе нервныхъ органовъ въ растеніяхъ. — Новыя изслѣдованія дѣйствія хлороформа. — Народная перепись въ Соединенныхъ Штатахъ. — Посмертныя сочиненія Араго. — Опыты надъ расширеніемъ газовъ и надъ проводимостью тепла въ металлахъ. — Икра рыбъ. — Астрономическія новости. — Новый спасительный снарядъ.

По принятому нами порядку, сообщаемъ прежде всего о литературной дѣятельности въ Западной Европѣ и представляемъ обзоръ

(1) Составлено по журналамъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue Britannique, Revue Contemporaine, Edinburgh Review, Bibliothèque de Génève, Illustration, Illustrated London News, Illustrirte Zeitung, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Das Ausland, Erheiterungen, Athenaeum, Novellen-Zeitung, Institut, Indépendance Belge, Journal des Débats.

Digitized by Google

замѣчательнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ въ послѣднее время на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и испанскомъ языкахъ. Начнемъ прежде всего съ англійской литературы, напомнивъ, что, при оцѣнкѣ книгъ, мы понеобходимости должны слѣдовать не систематическому раздѣленію ихъ по предметамъ и различнымъ отраслямъ наукъ и литературы, а хронологическому порядку появленія въ свѣтъ этихъ произведеній.

Вышла въ свѣтъ любопытная американская біографія квакера *Гоппера*, труды котораго имѣли цѣлью уничтоженіе торга неграми. Гопперъ пользовался въ Америкѣ большимъ вліяніемъ, и по наружности имѣлъ поразительное сходство съ Наполеономъ I, которое удивляло всѣхъ бывшихъ его служителей, удалившихся въ Америку. На ньюіоркскомъ театрѣ играли пьесу, въ которой роль Наполеона исполнялъ актеръ Пласидъ. Послѣ представленія, директоръ театра встрѣтился съ Гопперомъ и, пораженный его историческою наружностью, предложилъ ему сто долларовъ за вечеръ, если онъ согласится молча выйдти на сцену, въ костюмѣ Наполеона. Добрый квакеръ, разумѣется, отказался отъ такого предложенія.

Къ біографіи Исаака Гоппера приложенъ портретъ его, дѣйствительно доказывающій необыкновенное сходство между мирнымъ миссіонеромъ и великимъ полководцемъ. Любопытно было бы, еслибъ какой-нибудь опытный послѣдователь Галля сличилъ всѣ возвышенности на черепахъ американскаго квакера и французскаго Цезаря: можетъ-быть, Гопперъ могъ бы отвѣчать какъ Сократъ физіономисту, обвинявшему его въ наклонностяхъ, вовсе нефилантропическихъ: «Ты не ошибаешься: природныя мои наклонности совсѣмъ не добродѣтельны, но я силою воли побѣдилъ ихъ и сдѣлался философомъ».

— Біографія доктора Эбернети, изданная однимъ изъ его учениковъ, тоже очень-замѣчательна. Извѣстно, что докторъ этотъ, пользовавшійся огромною репутаціею, имѣлъ дурную привычку обходиться грубо съ своими больными, чтобъ не походить на докторовъ-любезниковъ. Несмотря на его нецеремонное обращеніе, всѣ женщины высшаго круга хотѣли у него лечиться и часто посѣщали Гиппократа-невѣжу. Однажды одна *больная* заѣхала къ нему посовѣтоваться о своей болѣзни; Эбернети молча написалъ рецептъ и подалъ его посѣтительницѣ. «Что жь мнѣ дѣлать съ этой бумажкой?» спросила она? «Что хотите», отвѣчалъ докторъ: «пожалуй, бросьте ее въ каминъ». Дама хладнокровно бросила рецептъ въ огонь и съ аристократическимъ пренебреженіемъ положила на столъ гинею. Докторъ хотѣлъ возвратить паціенткѣ незаслуженныя имъ деньги, но та уѣхала и никогда его не принимала. Подобныхъ анекдотовъ очень-много въ біографіи доктора, и это дѣлаетъ ее еще болѣе-занимательною.

— Замѣчателенъ небольшой отчетъ, напечатанный даровою манчестерскою библіотекою, въ которомъ исчислено, какія книги больше всего читались въ 1853 году: *Шекспира*, по требованію читателей, выдавали 352 раза, *Тысяча и Одну Ночь*—294, *Айвенго*—241, *Робинзона Крузо* — 239, *Гулливера* — 123, *Родерика Рандома Смоллета* — 82. Ни одинъ изъ романовъ не достигъ цифры Шекспира,

Digitized by Google

остающагося самымъ народнымъ писателемъ. Путешествія, приключенія, морскія и охотничьи сцены имѣли тоже много читателей. Коммингъ, африканскій охотникъ, имѣлъ почти столько же читателей, какъ и Робинзонъ Крузо; американецъ Дана, написавшій морскія сцены подъ названіемъ: *Два года у мачты*, былъ требуемъ изъ библіотеки 74 раза — столько же, сколько и Лейяръ, описавшій Ниневію. Послѣ путешествій, первое мѣсто занимаетъ исторія, и Маколей имѣлъ 124 читателя, живописная исторія Англіи—40; исторія Юма—31. Это число неочень-лестно для остроумнаго писателя, котораго такъ строго разбираютъ современные критики, хотя имъ самимъ можно бы поучиться писать такимъ слогомъ, какъ Юмъ. Статистика манчестерской библіотеки прибавляетъ еще, что изъ 31 читателя Юма только *два* могли окончить все его сочиненіе.

— Вышелъ въ свѣтъ второй томъ сэра Арчибальда Элисона: *Исторія Европы, со времени паденія Наполеона I и до восшествія Наполеона III*. Разумѣется, что эту исторію и, главное, реставрацію во Франціи надобно читать съ большою недовѣрчивостью, потому-что она писана англичаниномъ. Впрочемъ, о книгѣ этой можно судить вполнѣ, когда выйдетъ послѣдній ея томъ, а сэръ Элисонъ не уступаетъ въ плодовитости Ламартину и объявляетъ, что напишетъ еще три тома своей исторіи.

— Нельзя тоже произнести окончательнаго сужденія объ исторіи *Шотландскихъ Королевъ*, сочиненія миссъ Агнесы Стрикlendъ, и которая доведена только до смерти Давида Рицціо.

— Изъ путешествій любопытно *Новое описаніе Австраліи*, написанное дѣвицею. Англичанка, и еще незамужняя, смѣло отправилась съ своимъ молодымъ братомъ, захворавшимъ золотою лихорадкою, въ Австралію. Вышедъ на берегъ послѣ благополучнаго плаванія, новая Діана Вернонъ, съ братомъ вступаетъ въ общество золотопромышлениковъ и отправляется на пріиски, не страшась ни мошенниковъ, ни бѣглыхъ преступниковъ, не жалѣя своихъ бѣленькихъ ручекъ на разныя работы. Однако англійская Минерва недолго оставалась въ странѣ богатствъ: чрезъ годъ она вернулась въ Англію съ томомъ впечатлѣній, съ порядочнымъ слиткомъ золота и... съ мужемъ. Поэтому и подъ сочиненіемъ ея подписано имя *мистриссъ Чарльзъ Класи*, за которымъ она ѣздила такъ далеко.

— Исчислимъ теперь замѣчательныя сочиненія, вышедшія въ послѣднее время на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и испанскомъ языкахъ. — *Du dialecte de Tahiti et en general de la langue polynesienne* (О таитскомъ нарѣчіи и о полинезійскомъ языкѣ вообще). Подъ этимъ названіемъ вышла полная грамматика языковъ, которыми говорятъ на Таити и Маркизскихъ Островахъ. Это трудъ извѣстнаго лингвиста Госсена. Жаль только, что къ филологической части своей книги онъ не прибавилъ этнографической и литературной: тогда бы трудъ его былъ еще полнѣе. Пѣсни и народныя преданія занимаютъ также мало мѣста. Не мѣшало бы распространить и этотъ отдѣлъ. Однако, несмотря на это, трудъ Госсена доказываетъ основательное познаніе всѣхъ вопросовъ, касающихся до полинезійскихъ языковъ и

Digitized by Google

можетъ служить не только любопытнымъ документомъ для филологовъ, но и драгоцѣнностью для мореплавателей, имѣющихъ сообщеніе съ этими островами.

Deutscher Dichterwald von Opitz bis Lenau (Германскій поэтическій лѣсъ отъ Опица до Ленау. 1) Подъ этимъ, немного-страннымъ названіемъ выходитъ въ свѣтъ любопытный сборникъ, необходимый для изученія исторіи германской литературы. Изъ него можно познакомиться со всѣми лучшими поэтами, потому-что въ этомъ *Лѣсу* собраны всѣ лучшіе открывки изъ сочиненій германскихъ знаменитостей. Издатели говорятъ о поэтахъ по алфавитному порядку и первые два тома кончаются только буквою А. Судя по этому, коллекція будетъ довольно-обширная, но форматъ изданія весьма-удобный. Можно пожелать полнаго успѣха издателямъ этого полезнаго предпріятія.

Вышли также лекціи Тэккерея (объ англійскихъ юмористахъ XVIII вѣка). Часто встрѣчаются лица, неперестающія увѣрять, что источники геніальности и таланта давно истощились, что все ужъ было сказано и сдѣлано прежде насъ, и нельзя ничего придумать новаго ни въ какомъ родѣ, словомъ: что человѣкъ, одаренный рѣдкими способностями, можетъ только сложить руки и скучать въ покойномъ бездѣйствіи. Къ-счастью, мнѣніе это опровергается каждый день. Послѣ Фильдинга и Фоэ, послѣ Лесажа и Ричардсона, явились Больверъ и Вальтеръ Скоттъ, Бальзакъ и Диккенсъ. Теперь достойнымъ соперникомъ всѣхъ этихъ писателей можетъ почесться Тэккерей, имѣющій большой успѣхъ не только какъ романистъ, но и какъ критикъ. Его сочиненіе объ англійскихъ юмористахъ XVIII вѣка наполнено любопытными подробностями, тонкими замѣчаніями о нравахъ и анекдотическими воспоминаніями смѣшанными съ философіею и литературою. Книга эта, какъ и бо́льшая часть англійскихъ изданій, не отличается правильностью и порядкомъ. Это не только простительно, но даже придаетъ ей новую прелесть. Развѣ хорошія произведенія обязаны подчиняться дидактическимъ правиламъ? Аристотелевская строгость прилична не всѣмъ родамъ произведеній и не всякій сюжетъ можно вмѣстить въ рамки риторическихъ правилъ. Важность и польза сочиненія зависятъ не отъ формы, а отъ содержанія. Монтань и Паскаль гораздо-выше класика Делиля, несмотря на поэтическій безпорядокъ ихъ сочиненій. Тэккерей тоже имѣетъ талантъ научать многому шутя, и «Юмористы» его останутся однимъ изъ лучшихъ произведеній англійской литературы.

— *Scènes villageoises de la forêt Noire.* (Сельскія сцены въ Черномъ Лѣсу). Это стихи извѣстныхъ германскихъ поэтовъ Ауэрбаха и Гебеля, переведенные на французскій языкъ Бюшономъ. Оба германскіе писателя пользуются заслуженною славою, и потому довольно-опасно было ихъ переводить; но Бюшонъ употребилъ все свое стараніе — и стихи его довольно-близко подходятъ къ нѣмецкому подлиннику. Проза, которою переведены *Сцены въ Черномъ Лѣсу* Ауэрбаха еще лучше, и нѣкоторые разсказы могутъ почесться образцовыми произведеніями. Въ нихъ столько наивности, простоты и натуры, что

Digitized by Google

— Въ Мадритѣ вышло новое изданіе сочиненій маркиза Сантильяна съ біографіею этого поэта, написанною дон-Хозе-Амадоръ де-Лосъ-Ріосъ. Это одно изъ самыхъ любопытныхъ изданій нашего вѣка. Тутъ приведены всѣ подробности не только о жизни этого замѣчательнаго поэта XV-го вѣка, но также о состояніи наукъ и искусствъ въ то время, о книгахъ, извѣстныхъ въ ту эпоху, даже о выраженіяхъ, употребляемыхъ имъ и его современниками, и которыя теперь совершенно-непонятны. Любопытно теперь видѣть поэтическія правила поэтовъ XV-го вѣка, изъ которыхъ знаменитѣйшими были: Хуанъ де-Мена и маркизъ Сантильяна. Замѣтно, что они заняли свои поэтическія правила у трубадуровъ Прованса и поэтовъ Италіи. Еще любопытнѣе читать мнѣніе испанскаго поэта о тогдашней литературѣ, наукахъ и искусствахъ. Маркизъ Сантильяна отдаетъ итальянцамъ предпочтеніе въ искусствахъ; французы же, по его мнѣнію, искуснѣе въ риѳмической поэзіи. Амадоръ де-Лосъ-Ріосъ сдѣлалъ настоящій подарокъ ученому міру, познакомивъ его съ древней испанской литературой и однимъ изъ лучшихъ ея поэтовъ.

— Вышло въ свѣтъ новое изданіе *Иліады* и *Одиссеи*, переведенной Биньяномъ французскими стихами. Биньянъ объявляетъ прежде всего въ предисловіи, что онъ переводитъ стихами прямо съ текста, а не съ изданнаго ужь прежде перевода. Это очень-вѣроятно; но странно только, что, понимая всѣ красоты гомерической поэзіи, переводчикъ могъ рѣшиться испортить ихъ и передать бѣдными французскими стихами, недостаточными для изображенія всѣхъ оттѣнковъ и отвлеченностей греческихъ поэмъ. Чтобъ не подумали, что сужденіе наше очень-строго и пристрастно, мы приведемъ въ примѣръ начало восьмнадцатой пѣсни Иліады, гдѣ Антилохъ четырьмя стихами объявляетъ Ахиллу о смерти Патрокла. Вотъ подстрочный переводъ стиховъ этихъ по-французски:

«O malheur à moi! fils du belliqueux Pelée, apprends une bien triste nouvelle qui ne devrait pas être. Patrocle ne vit plus. On combat autour de son cadavre nu, car c'est Hector au casque étincelant qui maintenant possede ses armes.»

Вотъ переводъ Биньяна:

«Fils du vaillant Pelée, ô ciel, malheur à moi,
Je t'apporte un message et *de deuil et d'effroi*.
Les dieux ne devaient pas t'accabler de leur haine,
Patrocle reste hélas! étendu sur l'arène;
Du sang des deux partis son cadavre est souillé,
Et de sa belle armure Hector l'a depouillé.»

Читатель видитъ, что если смыслъ сохраненъ, то простота и прелесть Гомера совершенно потеряны. Французскій языкъ совершенно неспособенъ къ передачѣ греческихъ поэмъ. Великіе французскіе писатели искали вдохновенія въ Гомерѣ, но не переводили его. Расинъ занималъ у него многое, Андре Шенье подражалъ ему въ своихъ *идилліяхъ*, даже Фенелонъ и Шатобріанъ изучали его, чтобъ

Digitized by Google

придать больше прелести и живости своей прозѣ, которая немного напоминаетъ іонійскіе стихи.

Переводъ Биньяна, впрочемъ, не совершенно лишенъ достоинствъ, какъ трудъ, начатый съ твердостью и оконченный добросовѣстно, съ терпѣніемъ. Немногіе способны къ такой утомительной и неблагодарной работѣ, и Биньянъ заслужилъ полную благодарность той части публики, которая не можетъ пользоваться красотами оригинала, и которая по переводу его будетъ имѣть хоть какое-нибудь понятіе о древнихъ поэмахъ, служащихъ до-сихъ-поръ недосягаемыми образцами для эпическихъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ.

— Histoire littéraire de la France, *redigée par une commission de l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres. (Литературная Исторія Франціи, составленная Коммиссіею Академіи Надписей и Словесности).* О важности этого изданія нечего распространяться: оно извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ. Его начали сто-двадцать лѣтъ тому назадъ бенедиктинцы, Сен-Мора, и въ 1763 году, послѣ двѣнадцатаго тома, изданіе прекратилось на нѣсколько лѣтъ. Тринадцатый томъ его вышелъ только въ 1814 году, и редакція изданія поручена была членамъ Академіи Надписей. Позже работали надъ этой же исторіею Пасторе, Эмерикъ Давидъ, Женгене, Пети-Радель и другіе извѣстные ученые; за этимъ поколѣніемъ академиковъ послѣдовали Леклеръ, Поленъ, Пари и Литре. Многіе упрекаютъ это изданіе въ чрезвычайной обширности; но надобно вспомнить, что отъ первоначальнаго плана нельзя было отступить, а въ немъ положено не пропускать ни одного изъ французскихъ писателей, даже самыхъ незначительныхъ—вотъ для чего собраны многочисленныя библіографическія подробности; и хотя онѣ кажутся лишними и незанимательными, но все-таки должны имѣть мѣсто въ обширномъ, серіёзномъ изданіи, поддерживаемомъ правительствомъ. Теперь вышелъ XXII томъ этой замѣчательной исторіи, и въ немъ очень-много любопытнаго и увлекательнаго для всѣхъ читателей, потому-что, вмѣсто неизвѣстныхъ трудовъ теологовъ и схоластиковъ, въ немъ разсматриваютъ рыцарскія поэмы, которыя позже были переложены въ прозу и составляли бо̀льшую часть литературы среднихъ вѣковъ. Тутъ находятся *романъ Лисицы*, *Гильомъ Палермскій*, *Лансело Дюлакъ*, *Можи д'Эгремонъ* и другія сочиненія въ этомъ же родѣ, взятыя изъ оригинальныхъ и неизданныхъ текстовъ. Сдѣланы также выписки изъ эпопей, которыя очень-длинны и не могутъ быть вполнѣ представлены современнымъ читателямъ. Веклеръ, ученый издатель Цицерона, занялся отысканіемъ разныхъ латинскихъ стихотвореній, грамматическихъ сочиненій и трудовъ лексикографовъ, о которыхъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія и въ которыхъ, однакожь, много поучительнаго и занимательнаго. Между-прочимъ, онъ открылъ любопытное драматическое произведеніе среднихъ вѣковъ: комедію Витоля де-Блуа, подъ названіемъ *Гета* (Geta). Это довольно-странное произведеніе взято изъ *Амфитріона* Плавта. Вообще, весь этотъ томъ составленъ старательно и доходитъ почти до тринадцатаго столѣтія. Если изданіе это будетъ продолжаться такъ же медленно (а надобно

Digitized by Google

признаться, что почти невозможно, чтобъ оно шло скорѣе), то XXXII-й томъ явится не прежде, какъ въ 1893 году. Потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ число писателей будетъ прибавляться, и цѣлыя поколѣнія академиковъ и читателей сойдутъ въ могилу, прежде чѣмъ литературная исторія Франціи дойдетъ до восьмнадцатаго вѣка, который уже будетъ почитаться почти древностью.

— De l'Amadis de Gaule *et de son influence sur les moeurs et la litterature au seizième et au dixseptième siècle (Амадисъ Гальскій и вліяніе его на нравы и литературу въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи)*, соч. Е. Баре. Всѣмъ извѣстно вліяніе рыцарства на литературу въ пятнадцатомъ, шестнадцатомъ и даже въ семнадцатомъ вѣкахъ, но, къ-несчастію, вліяніе это на нравы и обычаи того времени было довольно-слабо. Въ самомъ дѣлѣ, строгія и утонченныя правила рыцарства находятся только въ романахъ, а не въ частной жизни. Трубадуры и труверы начали воспѣвать ихъ, и по ихъ слѣдамъ явилось множество произведеній, описывающихъ въ ложномъ видѣ героическія времена Франціи. Романы Круглаго Стола сдѣлались популярными и долго служили неисчерпаемымъ источникомъ которымъ, пользовались всѣ европейскія литературы. Самый замѣчательный рыцарскій романъ *Амадисъ Гальскій*, вѣроятно, тоже взятъ оттуда. Испанскій писатель, который первый составилъ его, безъ-сомнѣнія, взялъ его изъ старыхъ бретонскихъ легендъ, что доказывается не только нѣкоторыми мѣстами, но и цѣлыми частями романа. Португальцы старались оспорить національность этого произведенія и говорили, что *Амадисъ* принадлежитъ имъ; но ученыя разъисканія давно уже опровергли это, и Баре еще разъ подтверждаетъ, что Испанцы первые описали подвиги гальскаго героя. Нѣкоторые писатели, несмотря на ясность доказательствъ, продолжаютъ приписывать этотъ романъ Франціи, потому-что событія взяты изъ бретонскихъ преданій; но съ народнымъ самолюбіемъ нечего спорить. Баре разбираетъ весь составъ романа и показываетъ, какія части взяты изъ легендъ и какія созданы испанскимъ писателемъ. Потомъ онъ превосходно описываетъ, какое вліяніе имѣлъ Амадисъ Гальскій на французскую литературу и какъ это вліяніе распространилось до временъ Людовика XIV, въ царствованіе котораго все еще сохранились рыцарскія правила, въ романахъ, стихахъ, на театрѣ и даже въ обществахъ. Трудъ Баре очень-важенъ потому, что ему надобно было справляться съ множествомъ документовъ, но онъ побѣдилъ всѣ трудности терпѣливо и заслужилъ полную благодарность читателей.

— Purana Sangraha. *(Собраніе Пуранъ, текстъ санскритскій, переводъ англійскій)*. Пуранами называются санскритскія стихотворенія, въ которыхъ заключаются историческіе и миѳологическіе разсказы, взятые изъ старинныхъ произведеній, уже давно-забытыхъ. Они очень важны для изученія Индіи, и ученые, занимающіяся санскритской литературой, болѣе всего обращаютъ вниманіе на Пураны. Стихотвореній этихъ собрано восьмнадцать, содержащихъ въ себѣ 88,000 строкъ, или двустишій. Сочиненіе ихъ приписываютъ поэту Віаза, жившему за шест-

Digitized by Google

надцать вѣковъ до нашей эры. Нѣкоторые Пураны были изданы въ 1840 году въ Лондонѣ, Гейманъ Вильсономъ, и главная изъ нихъ, подъ названіемъ *Вишну*, была издана съ замѣчаніями и предисловіемъ, свидѣтельствующимъ тщательномъ изученіи автора, и познаніяхъ переводчика. Въ Парижѣ Бюрнуфъ издалъ также великолѣпную книгу: *Восточная Коллекція*, въ которой заключается *поэтическая исторія Кришны*. Пураны же, о которыхъ мы говоримъ, явились въ свѣтъ очень скромно. Не было ни объявленій, ни коментаріевъ, и само изданіе не отличается типографическою роскошью. Тутъ приведенъ только вѣрный оригинальный текстъ съ переводомъ, который будетъ выходить небольними тетрадями. Цѣна за тетради назначена самая незначительная и доступная для всѣхъ. Азіатское общество покровительствуетъ этому изданію, потому-что оно распространитъ изученіе санскритскаго языка. Въ первомъ выпускѣ находится *Markandeya Purana*. Сюжетъ этой поэмы заключается въ томъ, что ученики спрашиваютъ одного мудреца о нѣкоторыхъ тайнахъ индійской религіи и просятъ его изъяснить одну изъ браминскихъ легендъ. Мудрецъ отвѣчаетъ, чтобъ они спросили объ этомъ у птицъ, которыя парятъ въ небѣ и должны лучше насъ знать небесныя тайны. Птицы разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы и въ длинномъ разсказѣ описываютъ адъ Брамы и первыхъ людей. Между-прочимъ, тутъ приведенъ эпизодъ о богинѣ Дургѣ, которой и теперь покланяются въ Бенгаліи и которая замѣчательна своими побѣдами надъ злыми духами. Въ наше время празднуются въ честь ея торжества, во время которыхъ представляютъ всѣ подвиги богини. Эти легенды покажутся чрезвычайно-странными европейскому читателю, но онѣ способны увлечь всякое, даже холодное воображеніе. Онѣ переносятъ читателя въ какой-то фантастическій міръ, въ которомъ все сверхъестественно, и въ то же время знакомятъ съ исторіею и религіею, имѣющею сильную власть въ странахъ отъ Цейлона до Ганга и Инда.

— Лордъ Эллесмеръ сдѣлалъ открытіе, которое произвело большое волненіе между библіофилами. Онъ нашелъ и пріобрѣлъ книгу, которая считается рѣдкостью, библіографическимъ алмазомъ. Это экземпляръ сочиненія, напечатаннаго въ 1582 году, подъ названіемъ *Divers voyages touching the discovery of America*. Лордъ Эллесмеръ привезъ его съ выставки изъ Нью-Йорка, куда онъ былъ посланъ какъ англійскій коммиссаръ. Сочиненіе это начато знаменитымъ Гаклюитомъ, издано Девсономъ и посвящено Филиппу Сиднею, этому англійскому баярду. Только одинъ Британскій Музей владѣлъ такимъ сокровищемъ, и то въ экземплярѣ музея недостаетъ нѣсколькихъ картъ, тогда-какъ привезенная книга совершенно-полная.

— *Mémoires de Bilboquet, reccueillis par un Bourgeois de Paris.* (Записки Бильбоке, собранныя парижскимъ мѣщаниномъ). Бильбоке ужъ удостоился чести быть представленнымъ на сценѣ и въ карикатурѣ; ему недоставало только явиться въ мемуарахъ. Теперь онъ можетъ смѣло стать на ряду съ знаменитыми людьми, потому-что явился первый томъ его записокъ. Современная личность преобладаетъ въ литераурѣ и скоро читатель не будетъ знать, куда ему дѣваться

Digitized by Google

отъ жизнеописаній, приключеній и впечатлѣній авторовъ, дѣлающихъ читателей повѣренными своей частной жизни и своихъ чувствъ. Шатобріанъ оставилъ свои записки; отчего же и Верону не сдѣлать того же? Бильбоке тоже представляетъ на судъ потомства свою разнообразную жизнь; впрочемъ, кто бы ни былъ парижскій мѣщанинъ, издающій эти мемуары и скрывающій свое имя, можно смѣло сказать, что онъ человѣкъ съ талантомъ и съ такимъ блистательнымъ, безжалостнымъ остроуміемъ, что становится страшно за современниковъ бѣднаго Бильбоке. Подъ легкою сатирическою формою, онъ написалъ серьёзную, даже грустную книгу, живо и вѣрно представилъ цѣлую эпоху, со всѣми ея пороками, мистификаціями, цинизмомъ, страстью къ объявленіямъ. Слогъ мемуаровъ не ровенъ, но полонъ энергіи и часто возлѣ насмѣшки встрѣчается глубокое слово. Въ самыхъ разсказахъ о похожденіяхъ Бильбоке проглядываетъ чувство чести, словомъ: видно, что авторъ рѣшился не пропускать ничего, но даетъ знать, что самъ не только не раздѣляетъ мнѣній своего героя, но еще присвоиваетъ себѣ право судить его и осуждать.

Вообще разсказъ занимателенъ до-того, что читатель невольно увлекается и вмѣстѣ съ авторомъ презрительно смѣется надъ всѣми акробатами промышлености и журналистики. И это еще только первый томъ. Втораго ждутъ съ нетерпѣніемъ. Книга эта, вмѣстѣ съ записками Верона, имѣетъ огромный успѣхъ; однако ненадобно думать, что между этими двумя сочиненіями есть какое-нибудь сходство. Веронъ тратитъ все свое остроуміе на оглавленіе, такъ-что его мало остается для разсказа; Бильбоке же всегда одинаковъ, и его веселость и остроуміе неисчерпаемы. Первый томъ превосходенъ, въ будущемъ онъ обѣщаетъ еще больше и, нѣтъ сомнѣнія, что, можетъ-быть, въ первый разъ афиша Бильбоке не обманетъ публику. Можетъ ли сказать то же самое Веронъ?

— *Armance* (Арманса), соч. Стендаля. Извѣстность достается иногда самымъ страннымъ, неожиданнымъ образомъ. Она, волшебница, заставляетъ хрусталь блестѣть какъ брильянтъ. Когда Стендаль былъ живъ, его знали и любили только его друзья, а литературная его слава была больше чѣмъ сомнительна; но послѣ смерти онъ сдѣлался настоящею знаменитостью. Его не перестаютъ печатать и издавать. Мериме взялся восхвалять этотъ посмертный геній, всѣ газеты и журналы торопятся помѣстить на своихъ страницахъ если не одно изъ сочиненій Стендаля, то отрывокъ изъ его біографіи, черту жизни, анекдотъ... словомъ: реакція была самая полная, такъ-что даже переступила за границы благоразумія. Несмотря, однако, на всѣ преувеличенія, Стендаль только талантливый подражатель Бальзака. Онъ тоже наблюдалъ и изучалъ общество и потомъ набрасывалъ свои замѣчанія безъ слога, безъ порядка, какъ-бы боясь, чтобъ его не причислили къ литераторамъ. Онъ самъ писалъ очень-дѣльныя критики на современныхъ писателей; но лучше бы сдѣлалъ, еслибъ обработывалъ старательнѣе свои собственныя произведенія, чтобъ неслишкомъ подвергать ихъ критикѣ. Несмотря, однако, на недостатокъ слога, разсказъ Стендаля занимателенъ, положенія всегда

Digitized by Google

драматическія и эффектныя; но все-таки, читая его, невольно утомляешься, какъ при чтеніи судебнаго процеса. Ни одно утѣшительное чувство, ни одна свѣтлая мысль не радуютъ читателя. Онъ видитъ передъ собою общество, со всѣми его пороками и низостями, и напрасно ищетъ утѣшительнаго горизонта. Бальзакъ совсѣмъ иначе понялъ назначеніе анализирующаго писателя. Онъ анатомируетъ общество, но золотымъ инструментомъ, который блеститъ лучомъ надежды. Стендаль не только описываетъ и наблюдаетъ, онъ клевещетъ, а этого мало, чтобъ назваться великимъ писателемъ. Безъ идеала, безъ слога и теплоты можно быть любопытнымъ и страннымъ явленіемъ въ литературѣ, можно увлечь публику новизною и заставить себя читать, но подобный писатель можетъ быть увѣренъ, что никто его не перечитаетъ, а главное, не полюбитъ.

Арманса принадлежитъ къ первымъ романическимъ произведеніямъ Стендаля и была напечатана въ 1827 году. Тогда ее никто не замѣтилъ, теперь же всѣ превозносятъ. Сюжетъ романа самый избитый. Герои романа несчастливы, потому-что не хотятъ объясниться между собою. Разумѣется, еслибъ они объяснились на первой страницѣ, то и романа бы не было; но къ этому водевильному сюжету можно было бы придѣлать новые характеры; а то герой Стендаля *Октавій Маливеръ* — тотъ же Рене, Вертеръ, Адольфъ, Оберманъ, то-есть непонятое совершенство, уничтожающее себя самоубійствомъ. Есть нѣсколько удачныхъ сценъ, нѣсколько вѣрныхъ описаній общества во время реставраціи, но главное достоинство романа состоитъ въ томъ, что онъ написанъ въ саркастическомъ тонѣ и выдержанъ до конца.

— *Miettes littéraires, biographiques et morales* (литературныя, біографическія и моральныя крошки). Подъ этимъ названіемъ Гриль издалъ собраніе замѣчаній о современникахъ, въ родѣ записокъ Тальмана де-Рео и перемѣшалъ ихъ со стихами, письмами и остроумными анекдотами. Эти три тома читаются съ большимъ удовольствіемъ и производятъ пріятное впечатлѣніе, какъ блестящая, умная болтовня безъ натяжекъ и злословія. Гриль знаетъ коротко, почти всѣхъ извѣстныхъ или знаменитыхъ людей и отзывается обо всѣхъ осторожно и съ уваженіемъ. У него много любопытныхъ писемъ, документовъ; онъ собралъ всѣ *крошки* и подѣлился ими съ публикою. Желаемъ теперь только одного, чтобъ Гриль собралъ еще запасъ подобныхъ драгоцѣнныхъ *крошекъ* и надѣлилъ ими голодныхъ читателей.

— *Rome* (Римъ), соч. Мари-Лафона. Кажется, до-сихъ-поръ не было еще написано о Римѣ ни одного такого полнаго сочиненія, какъ эти два тома. Тутъ превосходно представленъ Римъ древній и современный.

Исторія Мари Лафона доведена до нашихъ временъ, то-есть до взятія Рима французами. Самое любопытное мѣсто въ сочиненіи, все-таки *современный Римъ*. Въ первый разъ еще собраны въ одномъ сочиненіи и представлены съ необыкновенною ясностью всѣ происшествія, слѣдующія за установленіемъ христіанства въ Римѣ. Эта исторія находилась до-сихъ-поръ въ отдѣльныхъ отрывкахъ. Одинъ писа-

Digitized by Google

тель представилъ папъ, другой занялся первыми вѣками христіанства; но полной исторіи Рима еще не было.

Первая часть недовольно развита, но это не вина писателя, вторая же до того занимательна, что читатель почти видитъ передъ собою происшествія и невольно увлекается.

— *Notice des émaux, bijoux et objets divers, exposés dans les galeries du musée de Louvre. 1-re partie: Histoire et description. 2-e partie: Documents et glossaire* (Замѣчанія о драгоцѣнныхъ вещахъ, эмаляхъ и другихъ предметахъ, находящихся въ галереяхъ Луврскаго Музея. 1-я часть: исторія и описаніе; 2-я часть: документы и истолкованіе) соч. де-Лаборда. Прежде чѣмъ говорить о новой книгѣ Лаборда, надобно сказать, что онъ авторъ многихъ полезныхъ и ученыхъ книгъ, которыя высоко цѣнятся въ литературѣ. Его «Путешествія» въ Каменистую Аравію, въ Малую Азію, въ Сирію и разныя коментаріи доказали высокія способности и обширныя познанія ученаго академика. *Письма его о библіотекахъ* и *исторія книгопечатанія* требовали самыхъ мелочныхъ изысканій и долгихъ трудовъ, и авторъ съ честью исполнилъ утомительную работу, точно такъ же, какъ написалъ теперешнее изданіе объ эмаляхъ и живописи на финифти.

Сочиненіе это не похоже на обыкновенный каталогъ вещей, находящихся въ галереяхъ рѣдкостей, написанный холодно, безъ всякой занимательности. Лабордъ умѣлъ придать необыкновенный интересъ этимъ, кажется, сухимъ описаніямъ камней, болѣе или менѣе драгоцѣнныхъ, такъ-что не одни ученые съ удовольствіемъ прочтутъ его книгу. Желательно, чтобъ и другія части Луврскаго Музея нашли подобныхъ же коментаторовъ.

Замѣчательна прежде всего этимологія слова эмаль (émail). Его производятъ отъ еврейскаго: (гахмаль). Настоящее значеніе этого слова неизвѣстно и ученый Гезеніусъ переводитъ его словами: полированная бронза. Греки перевели его словомъ ἤλεκτρον, а Іеронимъ словомъ *electrum*, значеніе котораго измѣнялось нѣсколько разъ. Современная филологическая наука нашла этимологію этого слова въ языкахъ индо-германскихъ. Слова: *schmelzen* германское, *smaltan* англо-саксонское послужили источниками для греческаго и римскаго. Дальше этихъ двухъ народовъ нельзя идти, потому-что римляне переняли это искусство у галловъ, и могли составить новое слово для опредѣленія искусства. У Плинія встрѣчается слово *maltha*, изъ котораго сдѣлали *malthum*, *ex malthum*, *smalthum* и наконецъ *smalto*, которымъ въ IX-мъ вѣкѣ называли эмальированное искусство. Изъ него даже образовались французскія слова *esmail*, *esmaillerie*, *esmailleur*.

Потомъ описаны подробно всѣ камни, драгоцѣнности, съ исторіею ихъ и всѣми учеными изслѣдованіями. Вообще, книга Лаборда очень полезное и рѣдкое изданіе.

— *Napoléon, recueil par chrordre onologique de ses lettres, proclamations, bulletins, discours sur les matières civiles et politiques*. (Наполеонъ, собраніе въ хронологическомъ порядкѣ его писемъ, прокламацій, бюллетеней, рѣчей о политическихъ и гражданскихъ предме-

Digitized by Google

тахъ), изд. Кермуазана. Авторъ этой книги является полезнымъ компилаторомъ. Онъ заставляетъ самого Наполеона писать свою исторію и собралъ все, что̀ великій полководецъ написалъ о войнѣ, правленіи, политикѣ и проч., начиная съ первой своей итальянской кампаніи (въ 1796 году) до минуты паденія. Бо̀льшая часть этихъ документовъ, разумѣется, извѣстны и давно напечатаны и перепечатаны, но Кермуазанъ собралъ ихъ вмѣстѣ въ хронологическомъ порядкѣ, и только прибавилъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній, для объясненія послѣдовательности событій.

Съ самаго начала первыхъ кампаній, итальянской и египетской, молодой герой принялъ странный тонъ противъ членовъ Директоріи. Вовсе незамѣтно, что генералъ Бонапарте зависитъ отъ нихъ и говоритъ съ своими начальниками; напротивъ, кажется, что они его подчиненные, потому-что Лудовикъ XIV и Карлъ-Великій не обращались иначе съ своими подданными. Не-уже-ли съ этой эпохи молодой генералъ предвидѣлъ свою участь? не-уже-ли онъ увидѣлъ на главѣ своей императорскій вѣнецъ?

Самая замѣчательная черта характера Наполеона, неизмѣнявшаяся ни на минуту посреди всѣхъ превратностей его жизни — его національность и любовь къ Франціи, народу и войску. Хотя самъ онъ не занимался науками и искусствами, но любилъ окружать себя артистами, писателями и еще болѣе учеными, къ которымъ чувствовалъ особенное расположеніе.

Одного онъ никогда не прощалъ — низостей и плутовства въ денежныхъ дѣлахъ, и терпѣть не могъ поставщиковъ и провіантмейстеровъ. Письма его въ эту эпоху изображаютъ жалкое положеніе Франціи и республиканской арміи. Съ начала итальянской кампаніи онъ писалъ въ Парижъ:

«Въ Миланѣ, граждане-директоры, я веду войну съ плутами. Я ужь осудилъ и наказалъ нѣкоторыхъ, а другихъ рекомендую вамъ...

«Вся компанія Ф... просто собраніе мошенниковъ безъ кредита, безъ денегъ и безъ нравственности. И я воображалъ, что они люди дѣятельные и честные — какъ я ошибся!

«Они получили четырнадцать мильйоновъ, а заплатили только шесть. Теперь они объявляютъ, что у нихъ нѣтъ капиталовъ, а сами отдаютъ деньги въ ростъ по пятнадцати и двадцати процентовъ. Подобныя сдѣлки производятся публично въ Генуѣ, и барыши отъ нихъ довольно-значительны.

«Они поставляютъ на армію самые дурные припасы. Жалобы приходятъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; подозрѣваютъ даже, что они не доставили 80,000 центнеровъ хлѣба, заплативъ только смотрителямъ магазиновъ, чтобъ тѣ объявили о полученіи этого запаса.

«Военные коммиссары, кромѣ Денье, Буано и Мазада, всѣ отъявленные плуты. Трое изъ нихъ подъ судомъ. Они должны смотрѣть за порядкомъ, а сами помогаютъ воровать, потому-что подписываютъ все, что имъ подадутъ. Надобно выгнать ихъ всѣхъ и прислать намъ честныхъ людей... если еще они есть.

Digitized by Google

«Должно судить военнымъ судомъ гражданъ Бокти, Шевильи и Делевера, которые обокрали армію и были причиною неудачи важныхъ военныхъ операцій. Мошенничества ихъ помѣшали исполненію моего плана и они виноваты въ погибели многихъ людей. Необходимы строгіе примѣры, чтобъ прекратить воровство и чтобъ войско, находящееся въ Италіи, то-есть въ самой плодородной странѣ Европы, не нуждалось въ необходимомъ, какъ это ужь случалось нѣсколько разъ.»

Эти чувства молодаго генерала заслуживаютъ вниманія.

Вообще, несмотря на то, что въ книгѣ Кермуазана нѣтъ почти ничего новаго, она очень-полезна и любопытна. Многочисленныя замѣчанія автора доказываютъ, что онъ смѣло можетъ приняться за сочиненіе болѣе-оригинальное, потому-что у него замѣчательный слогъ и талантъ.

— Сен-Маркъ-Жирарденъ открылъ недавно въ Сорбоннѣ свои лекціи также, какъ и Низаръ. Главное достоинство лекцій Сен-Марка-Жирардена состоитъ въ томъ, что онъ употребляетъ на нихъ весь свой талантъ и всѣ познанія. Предметомъ первыхъ лекцій было положеніе литературы во время развитія политическихъ обществъ. Лекціи Сен-Марка-Жирардена привлекаютъ многочисленныхъ слушателей.

Низаръ началъ читать лекціи послѣ Вильмена, и потому ему было очень-трудно заставить забыть своего предшественника. Ему оставалось только читать свой курсъ совершенно въ другомъ родѣ; ему было это очень-легко, потому-что талантъ его совершенно-противоположенъ Вильмену. Низаръ всегда серьёзенъ и выражается возвышеннымъ слогомъ. Всѣ знаютъ, что идеалъ его—это XVII вѣкъ. Низаръ изучилъ литературу того времени и составилъ себѣ слѣдующее правило, которому твердо вѣритъ: кромѣ литературы XVII вѣка не можетъ быть ничего хорошаго. Онъ говоритъ какъ Ройе Колларъ: «теперь я уже не читаю, а только перечитываю». Эта система несовсѣмъ-справедлива, тѣмъ болѣе, что, по словамъ одного великаго писателя: «литература есть выраженіе общества». Если даже и предположить, что XVII вѣкъ превосходитъ послѣдующіе вѣка числомъ и геніальностью писателей, то почему не слѣдовать за общимъ движеніемъ другихъ столѣтій, въ которыхъ, вѣроятно, есть свои замѣчательныя стороны. Лекціи Вильмена обозрѣвали всеобщую исторію литературы, а не отдѣльную часть ея, и онъ умѣлъ угождать требованіямъ всѣхъ слушателей.

Въ то время, какъ каѳедра его занята Низаромъ и пылкое краснорѣчіе замѣнилось холодною систематическою рѣчью, Вильменъ продолжаетъ писать свои *Современныя воспоминанія объ исторіи и литературѣ*. Въ этомъ сочиненіи находимъ очеркъ жизни и трудовъ Фелеца, описанія нѣкоторыхъ гостиныхъ во время реставраціи, посѣщеніе Сорбонны генераломъ Фуа въ 1825 году, и воспоминаніе о Нарбонѣ, лучшемъ другѣ автора. О достоинствахъ этой книги нечего распространяться, потому-что въ ней виденъ весь талантъ краснорѣчія и увлекательность заслуженнаго писателя.

Digitized by Google

Вышла еще одна очень-замѣчательная книга: Moeurs et Coutumes de l'Algérie (Нравы и обычаи Алжиріи). Никто лучше генерала Дома не могъ исполнить этого труда, потому-что онъ описываетъ то, что самъ видѣлъ и слышалъ. Слогъ его чрезвычайно-живъ. Авторъ знакомитъ насъ со всѣми тайнами африканской жизни, описываетъ всѣ племена, всѣ народы, населяющіе Сахару, Тель, Кабилію. Разсказы его полезны и въ то же время занимательны, какъ романъ. Генералъ Дома прямо объявляетъ, что тайна сопротивленія кабиловъ успѣхамъ цивилизаціи заключается въ религіи и нравахъ этихъ народовъ. Поэтому надобно побѣдителямъ обращаться какъ можно осторожнѣе съ побѣжденными, чтобъ не задѣвать эти двѣ нѣжныя струны. Надобно много времени и терпѣнія, чтобъ достигнуть цѣли, предполагаемой французами; но это, однакожь, не невозможно, какъ думаютъ нѣкоторые, и генералъ Дома подтверждаетъ это многими примѣрами. Вообще, книга эта, кромѣ политической важности, имѣетъ много литературнаго достоинства и читается съ большимъ удовольствіемъ.

— Le Désert et le Soudan *(Степь и Суданъ)*. Графъ д'Эскейракъ много путешествовалъ по Африкѣ, по всѣмъ направленіямъ, и описываетъ все, что встрѣчаетъ достойнаго замѣчанія. Подобно другимъ путешественникамъ, авторъ не распространяется о самомъ себѣ, но посвящаетъ всю книгу описаніямъ природы и жителей малоизвѣстныхъ странъ, говоря о ихъ нравахъ, обычаяхъ и образѣ жизни. Разсказы эти доказываютъ наблюдательный умъ автора и страсть къ дальнимъ путешествіямъ. Вообще, кажется, это первое полное описаніе внутренней Африки, о которой до-сихъ-поръ было очень мало подробностей.

— Drei Märchen *(Три Сказки)*. Подъ этимъ названіемъ вышло собраніе разсказовъ, полныхъ германскаго юмора. Подобные разсказы не подлежатъ критикѣ и назначаются для чтенія въ рожественскій вечеръ или майское утро, послѣ чего забываются, принеся читателю минутное удовольствіе. Занимательны сказки: *Дочь Короля Луны* и *Записки Воробья*. Онѣ должны очень нравиться любителямъ древнихъ германскихъ преданій.

— Les Contemporains, hommes de lettres, Mery *(Современные писатели, Мери)*. Авторъ этой книги, Миркуръ, обѣщаетъ публикѣ рядъ современныхъ портретовъ знаменитостей и начинаетъ галерею очеркомъ Мери, который уже слишкомъ расхваленъ, такъ-что этотъ писатель, вѣроятно, самъ не узнаетъ себя и откажется отъ незаслуженныхъ похвалъ черезчуръ-услужливаго пріятеля.

— Въ «Revue Contemporaine» напечатана любопытная статья о незабвенномъ Бальзакѣ, принадлежащая перу одного изъ лучшихъ французскихъ писателей, Леона Гозлана. Въ ней много интересныхъ подробностей о частной жизни романиста, котораго современники почитали необыкновеннымъ человѣкомъ, *львомъ*, и толковали въ обществахъ и журналахъ то о палкѣ Бальзака, то о его перстнѣ, то о волосахъ. Самъ онъ зналъ очень-хорошо, что присутствіе его производитъ сильное впечатлѣніе, и такъ-какъ это было ему тяжело, не-

Digitized by Google

смотря на удовлетворенное самолюбіе, та онъ старался какъ можно рѣже являться въ обществахъ, и особенно въ театрахъ, гдѣ его видѣли очень-рѣдко и гдѣ онъ просто скучалъ. Однажды какъ-то лучшій другъ его, Леонъ Гозланъ, привелъ его во французскій театръ, въ первое представленіе *Бургграфовъ*, трагедіи Гюго. Бѣдный Бальзакъ не могъ спокойно просидѣть ни одного акта и поминутно спрашивалъ Гозлана: «Скоро ли конецъ? Когда же эти Бургграфы кончатся»? Не смотря на это, романистъ очень уважалъ талантъ Виктора Гюго. Только въ характерѣ его было столько живости и подвижности, что онъ не могъ со вниманіемъ досмотрѣть ни одной пьесы.

Всего больше имѣлъ онъ успѣха у женщинъ. Онѣ любили въ немъ геніальнаго человѣка, умѣвшаго продолжить для нихъ лѣта молодости и жизнь сердца. Эта любезность въ сорока или пятидесяти томахъ, приводила ихъ въ такой восторгъ, что онѣ считали Бальзака первымъ писателемъ въ свѣтѣ и слѣпо вѣрили въ его ученье, названное ими наукою любви. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ настоящій пѣвецъ женщинъ: защищаетъ ихъ, оправдываетъ во всѣхъ проступкахъ, представляетъ ихъ вѣчно-невинными и прекрасными жертвами, а главное, отодвигаетъ для нихъ до-нѣльзя роковую минуту, въ которую женщина должна отказаться отъ любви. Какъ же послѣ этого женщинамъ не превозносить Бальзака, хоть изъ благодарности!

Однако же были журналы и люди, объявившіе Бальзаку открытую войну; но онъ мало занимался какъ восторгами, такъ и бранью, и послѣ самыхъ дерзкихъ нападокъ возвращался домой такой же безпечный и веселый, какъ послѣ напыщенныхъ похвалъ, и обѣдалъ съ такимъ же аппетитомъ съ друзьями своими Гозланомъ и Лоран-Жаномъ, разсыпая остроты и парадоксы, за которыми даже было трудно слѣдить. Послѣ обѣда, наслаждаясь ароматическимъ мокка съ восточною лѣнью, онъ обыкновенно начиналъ строить воздушные замки начинавшіеся словами: «Когда я буду богатъ»... и надобно признаться, что фантазія его до-того разыгрывалась, воображеніе уносило его такъ далеко, что на осуществленіе десятой доли его мечтаній мало было сокровищъ Соломона и богатствъ «Тысячи и Одной Ночи.

Въ-самомъ же дѣлѣ Бальзакъ былъ владѣтелемъ небольшаго домика въ Пасси и маленькой земли, названной имъ *Жарди*, находящейся въ Виль-д'Оврe. Это Жарди принесло ему столько непріятностей, процесовъ, стоило ему столько денегъ и хлопотъ, что другому бы давно опротивѣло, но Бальзакъ любилъ это несносное жилище и работалъ въ немъ много. Имѣніе это не отличалось ни живописнымъ видомъ, ни удобностью помѣщенія; въ немъ не было даже порядочнаго сада, потому-что оно расположено на какой-то отлогости, по которой тяжело ходить и на которой даже неловко расти деревьямъ. Друзья его называли Жарди Тенерифскимъ Пикомъ и ворчали на привязанность хозяина къ этому печальному мѣсту; но онъ хладнокровно называлъ свой единственный орѣшникъ садами Семирамиды и продолжалъ жить въ Жарди.

Про строенія въ Жарди ходили самые нелѣпые слухи, и вся парижская публика потѣшалась надъ страстью великаго романиста къ

архитектурѣ и постройкамъ. Говорили даже, что онъ построилъ свой домъ безъ лѣстницы, потому-что хотѣлъ, чтобъ все было сдѣлано по его собственнымъ планамъ. И это почти справедливо, потому-что лѣстница портила внутреннее расположеніе комнатъ, и онъ приказалъ пристроить ее послѣ всего. Внутренность дома была тоже непривлекательна и некомфортэбльна; и хотя Бальзакъ написалъ на голыхъ стѣнахъ огромными буквами: «здѣсь будетъ живопись Делакруа, здѣсь обюссонскіе ковры, здѣсь мозаика, здѣсь скульптурная работа, здѣсь мраморный каминъ», но все это были только воздушные замки и самъ Бальзакъ смѣялся надъ своею фантазіею, потому-что однажды написалъ на стѣнѣ своей спальни: *здѣсь будетъ картина Рафаэля неслыханной цѣны!*

Несмотря на всѣ неудобства, Жарди привлекалъ ежедневно друзей романиста и они оставались въ немъ долго, потому-что ласковый пріемъ хозяина, его остроуміе, лучшія вина и превосходный столъ были всегда къ услугамъ всѣхъ посѣтителей. Самъ онъ пилъ одну воду, ѣлъ мало и любилъ только фрукты, кофе и чай, и то самаго высокаго сорта. Послѣ обѣда онъ обыкновенно оставлялъ гостей и ложился спать. Въ полночь онъ вставалъ и работалъ до слѣдующаго дня, не поднимая головы. Такъ проводилъ онъ всю жизнь, питаясь почти одними фруктами, портящими желудокъ, спалъ не вовремя, работалъ какъ каторжникъ. Удивительно еще, что онъ умеръ не десятью годами раньше. Но эта ненатуральная жизнь, эта ночная работа были необходимы для созданія превосходныхъ произведеній, которыя никогда бы не пришли въ голову писателя при солнечномъ свѣтѣ. Онъ такъ привыкъ считать ночь днемъ, что иногда дѣлалъ визиты своимъ друзьямъ въ третьемъ и четвертомъ часу ночи. Однажды Лоранъ Жанъ крѣпко спалъ въ своей квартирѣ Наваринской Улицы, когда Бальзакъ вошелъ въ его спальню, разбудивши весь домъ своимъ звонкомъ.

— Вставай, Лоранъ, у меня есть до тебя важное дѣло, сказалъ Бальзакъ, будя своего друга.

— Это ты Проспeръ? чтò тебѣ надобно? спрашиваетъ, зѣвая, Лоранъ.

— Вставай поскорѣе, мы ѣдемъ.

— Куда?

— Мы будемъ наконецъ богаты, мильйонеры; мы ѣдемъ въ Монголію.

— Куда? Въ своемъ ли ты умѣ, Проспeръ, чтò намъ дѣлать въ Монголіи.

— Да торопись же, лѣнивецъ, мильйоны не будутъ насъ ждать, мы еще зайдемъ за Гозланомъ.

— Чтò? и Гозланъ ѣдетъ въ Монголію?

— Дà, я хочу и съ нимъ подѣлиться богатствомъ.

— Скажи же наконецъ, чтò мы будемъ тамъ дѣлать?

Бальзакъ придвинулъ лампу и съ таинственностью показалъ другу перстень.

— Видишь этотъ перстень? спросилъ онъ тихо.

Digitized by Google

— Вижу; онъ стòитъ не больше четырехъ су.

— Разсмотри его хорошенько.

— Ну, положимъ, онъ стòитъ дороже, да мнѣ чтò за дѣло?

— Слушай. Этотъ перстень подарилъ мнѣ въ Вѣнѣ историкъ Гаммеръ, сказавъ, что этотъ зеленый камень большая рѣдкость, потомучто на немъ вырѣзаны какіе-то знаки. Вчера, на вечерѣ, я встрѣтилъ турецкаго посланника и показавъ ему перстень, просилъ растолковать, чтò на немъ вырѣзано. Мусульманинъ, взглянувъ на перстень, вскрикнулъ отъ удивленія и сказалъ съ волненіемъ: это перстень нашего пророка Мухаммеда. Англичане украли его у Великаго Могола и продали въ Германіи. Если вы возвратите этотъ перстень правителю Монголіи, онъ наградитъ васъ бочками золота и брильянтовъ. При этихъ словахъ я отскочилъ отъ посланника и побѣжалъ прямо къ тебѣ, чтобъ взять тебя и Гозлана и ѣхать къ Великому Моголу промѣнять этотъ перстень на бочки...

— И ты для этихъ глупостей разбудилъ меня? прервалъ Жанъ.

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что намъ нѐ куда будетъ дѣвать богатствъ, которыя мы получимъ? Успокойся, за перстень своего пророка мусульмане готовы отдать свою жизнь.

— А я даю тебѣ за него четыре су. Убирайся куда хочешь и оставь меня спать.

Невозможно описать гнѣва Бальзака. Онъ кричалъ, бѣсился, проклиналъ друга и цѣлый свѣтъ и наконецъ, уставши, легъ на коверъ и уснулъ до утра, видя, безъ-сомнѣнія, сны, полные золота и алмазовъ. На другой день онъ занялся новою мыслью и забылъ о перстнѣ. Этотъ анекдотъ обрисовываетъ превосходно характеръ Бальзака. Если его занимала какая-нибудь мысль, то ее надобно было тотчасъ же привести въ исполненіе, а то она теряла для него всю цѣну. Только одно его несчастное помѣстье Жарди имѣло способность до-того привязать къ себѣ великаго романиста, что онъ безпрестанно имъ занимался и переносилъ всѣ многочисленныя непріятности и потери, чтобъ только сохранить его. Сколько исторій было съ заборомъ, отдѣляющимъ его землю отъ сосѣдней! Такъ-какъ земля Бальзака находилась на отлогости, то заборъ поминутно падалъ въ огородъ сосѣда и побивалъ у него капусту, рѣпу, огурцы; тотъ, не имѣя никакого уваженія къ знаменитости, подавалъ жалобу и требовалъ вознагражденія за убытки. Наконецъ, Бальзакъ построилъ каменную стѣну, стоившую ему очень-дорого и успокоился насчетъ претензій сосѣда. Но на другой же день пришли сказать, что каменная стѣна лежитъ цѣликомъ, на рѣпахъ и арбузахъ сосѣда, и Бальзакъ, съ отчаянія, купилъ огородъ, чтобъ стѣна его могла падать, сколько ей угодно. И всѣ эти хлопоты и расходы нисколько не уменьшали привязанности романиста къ его имѣнію. Онъ позже построилъ на немъ террасу, поддерживаемую тою же фантастическою стѣною, и на этой знаменитой террасѣ, происходилъ любопытный разговоръ между Гозланомъ и Бальзакомъ, послѣ перваго, единственнаго и послѣдняго представленія *Вотрена* и о которомъ Гозланъ обѣщаетъ впослѣдствіи сообщить читателямъ.

Digitized by Google

— *Les mélodies poétiques* (поэтическія мелодіи), соч. Мери. Мелодіи Мери были самымъ пріятнымъ сюрпризомъ для публики. Она считаетъ своего любимаго поэта почти великимъ писателемъ и съ восторгомъ апплодируетъ даже всѣмъ капризамъ его южнаго воображенія. Въ-самомъ-дѣлѣ Мери близко подходитъ къ Виргилію, когда описываетъ римскія окрестности, которыя *дрожатъ подъ жаркими лучами*.

«Et qu'on entend de loin, en notes inégales,
Sur l'écorce des pins retentir des cigales.
. . . .
Sole sub ardenti resonant arbustae cicadis.»

Кажется, видишь передъ собою весь утомленный пейзажъ. Поэма *Геркуланъ, или римская оргія*, написана превосходно и вообще всѣ *мелодіи* такъ увлекательны, что, дочитавъ ихъ до конца, читатель не только не утомляется, но еще находитъ, что книга очень-мала и что Мери поскупился, выбравъ такъ мало мелодій изъ своего портфеля.

— *Defects, civil and military of the Indian Governements*. (Недостатки гражданскаго и военнаго управленія въ Остиндіи), генераллейтенанта сэра Чарльза Непира. Вотъ одно изъ самыхъ любопытныхъ сочиненій послѣдняго времени. Голосъ автора этой книги долженъ былъ бы пугать своею истиною многихъ директоровъ Остиндской Компаніи въ Леденгаль-стритѣ, многихъ сановниковъ въ Бенгалѣ, еслибъ звонъ золота не заглушалъ всѣ подобные укоры. Всѣ они съ улыбкою повторяютъ стихи извѣстнаго римскаго поэта:

Populus me sibilat; at mihi plaudo
Ipse domi simulac nummas contemplor in arco.

(Пусть народъ смѣется надо мною, я одобрительно киваю головою,
Когда вижу въ своемъ сундукѣ блестящія монеты.)

И однакожъ, какая безпощадная картина положенія англійской Индіи представлена остиндскому генерал-губернатору, лорду Дальгузи! И кто жъ все это говоритъ? кто представляетъ эту картину?— Англичанинъ, его соотечественникъ, извѣстный заслуженный генералъ.

Въ преклонныхъ ужь лѣтахъ, утомленный прежними походами, Чарльзъ Непиръ вдругъ былъ вызванъ изъ своего уединенія, и герцогъ Веллингтонъ ввѣрилъ ему командованіе въ Остъиндіи, говоря: «если вы откажетесь, то я самъ долженъ ѣхать туда».

Въ сорокъ-три дня доѣхалъ Непиръ до Симлы, но рѣшительное сраженіе при Гудж ератѣ было ужъ выиграно до пріѣзда его, лордомъ Гоугомъ. Однакожъ осталось еще много дѣла и генералу Непиру. Прежде всего усмирилъ онъ опасное возмущеніе собственныхъ своихъ войскъ, и лучше предмѣстниковъ своихъ зная національный характеръ англичанъ, ввелъ лучшую систему военнаго управленія. Вотъ слова самого Непира о состояніи Индіи.

«Все теперь въ Остиндіи приносится на жертву золоту; но и въ этомъ отношеніи директоры вредятъ сами себѣ; какъ въ каждомъ

Digitized by Google

олигархическомъ правленіи, каждый ищетъ въ Индіи личной своей выгоды по годовому, торговому балансу. Каждый охотнѣе прячетъ въ свой карманъ сотни гиней, которыя удастся ему пріобрѣсти какими бы то ни было средствами, нежели умною разработкою богатыхъ источниковъ Индіи превратить эти сотни въ мильйоны. Подобно мелкимъ еврейскимъ торгашамъ, ищутъ лучше небольшаго барыша, но частаго оборота капитала; личныя выгоды тутъ, конечно, соблюдены, но о величіи Индіи, о благосостояніи двухъ-сотъ мильйоновъ народа вовсе не думаютъ. Кто хоть разъ посѣщалъ эту страну и видѣлъ запустѣніе ея большихъ дорогъ, развалины городовъ, дворцовъ, мечетей, тотъ ясно убѣдится въ этомъ. Кто все это строилъ? Владѣтели Индіи. Гдѣ же зданія и памятники управленія компаніи? *Ужь сто лѣтъ, какъ они доятъ корову, но не кормятъ ее.*

«Боясь общественнаго мнѣнія, при истеченіи срока своей привилегіи, компанія выставила на-показъ начатые каналы, которые никогда не будутъ кончены. Она объявила также, что будутъ построены желѣзныя дороги; но за послѣднее благодарность слѣдуетъ не ей, а духу времени. Желѣзныя дороги составляютъ потребность вѣка; никакая сила не остановитъ ихъ, покуда желѣзныя ея ребра не обхватятъ весь земной шаръ. Если эти желѣзныя дороги пойдутъ хорошо въ Индіи, то этимъ обязаны будутъ Джону Кеннеди, который указалъ на линіи, нужныя для этой страны.

«*Компанія директоровъ никогда хорошо не управляла Индіею и никогда не будетъ хорошо управлять ею.*

«Для этого довольно одного примѣра. Сырая хлопчатая бумага для Англіи то же самое, что для Самсона были волосы: это ея сила, ея корень могущества. Америка можетъ, когда захочетъ съиграть противъ Англіи роль Далилы. И однакожь, директоры компаніи никогда серьёзно не думали о предохраненіи Англіи отъ ножницъ Америки. Сахаръ, хлопчатая бумага, индиго могутъ быть обрабатываемы въ Синдѣ, въ большомъ количествѣ и лучшаго качества, а объ этомъ никто никогда и не думалъ. Странное дѣло! Судьба Англіи въ рукахъ горсти купцовъ; капиталисты ея всѣ въ зависимости отъ торговли неграми, а богатѣйшія владѣнія Англіи бѣднѣютъ, не имѣя сбыта для своихъ произведеній.»

Все это генералъ Непиръ писалъ до рѣшенія Парламента о возобновленіи привилегіи Остиндской Компаніи. Теперь это ужь давно-рѣшенное дѣло, и Индія останется въ прежнемъ положеніи, какъ описалъ ее этотъ правдивый воинъ.

Далѣе генералъ Непиръ говоритъ о внутреннемъ управленіи:

«Налоги и подати не иначе могутъ быть собираемы, какъ *силою закона* въ просвѣщенныхъ странахъ и *силою оружія* — въ варварскихъ. Необразованный народъ всегда ненавидитъ тѣхъ, которые собираютъ съ него подати. Для того-то и не надобно дѣлать солдатъ сборщиками податей въ Индіи: ихъ должны бояться и уважать; а ежедневное столкновеніе арміи съ чиновниками въ денежныхъ дѣлахъ вредитъ дисциплинѣ и уваженію. Будучи губернаторомъ Синда, я сформировалъ отдѣльные отряды сборщиковъ податей, отдѣ-

Digitized by Google

лилъ ихъ отъ военнаго управленія, заставилъ ихъ быть жандармами для истребленія разбойниковъ и поимки бѣглыхъ: солдатамъ сдѣлалось легче, а дисциплина больше утвердилась. Но, чтобъ эти отряды сборщиковъ не угнетали народъ, я отдѣлилъ ихъ и отъ гражданскаго управленія, а поручилъ начальству лицъ, выбираемыхъ самимъ народомъ для этой цѣли.

«Примѣръ Бомбэя и Бенгала доказалъ мнѣ, что наемные солдаты, находящіеся подъ гражданскимъ управленіемъ, вскорѣ теряютъ всю дисциплину. Для сохраненія общественнаго порядка и спокойствія нужна всегда хорошая и твердая полиція. При малѣйшемъ злоупотребленіи со стороны солдатъ, я получалъ отъ народа жалобу, и передавалъ дѣло на рѣшеніе собственнаго его суда. Всѣ должностныя лица знали, что ихъ поступки не скроются и не останутся безнаказанными. Здѣсь судопроизводство должно быть быстро. Въ Европѣ оно продолжительно по привычкѣ, или по надобности. Въ варварскихъ земляхъ нужна быстрота, сила и правосудіе. Тамъ скорѣе простятъ несправедливость, нежели медленность и нерѣшимость.

«Я всегда былъ доволенъ своими солдатами и требовалъ для нихъ важныхъ перемѣнъ въ формѣ. Англичанинъ въ узкой одеждѣ можетъ быть очень-красивъ на берегахъ Темзы, но на берегахъ Инда онъ долженъ быть одѣтъ сообразно климату. Я далъ здѣшней кавалеріи легкую и широкую одежду здѣшнихъ всадниковъ.

Пора бы исправить и зло управленія Остиндіею, передавъ его государственнымъ силамъ и законамъ, а не купцамъ Остиндской Компаніи. Директоры думаютъ только о своихъ дивидендахъ; они даже нисколько не заботятся о гигіенѣ солдатъ. Пусть мрутъ солдаты, думаютъ они — Англія пришлетъ другихъ. Казармы устроены такъ, что въ нихъ больше погибаетъ народа, нежели во всѣхъ сраженіяхъ. Дождь льется въ комнаты; всѣ спятъ въ сырости.

«Въ Аденѣ, которымъ Англія владѣетъ ужь 50 лѣтъ, казармы досихъ-поръ построены изъ рогожъ. Въ Синдѣ добился я до-того, что мнѣ лордъ Элленборо позволилъ построить новыя казармы; одна ужь была готова, другую строили, вдругъ новый губернаторъ лордъ Дальгузи остановилъ постройку. «Директорамъ тяжелы расходы». — «Да! легче морить англійскихъ солдатъ», отвѣчалъ я.

Въ такомъ духѣ и съ такою же благородною откровенностью написана вся книга заслуженнаго генерала.

— *Hystory of England frome the peace of Utrecht*. (Исторія Англіи отъ утрехтскаго мира, сочиненіе лорда Мэгона). Исторія XVIII вѣка еще нехорошо извѣстна; и хотя мы знали многія историческія лица этой эпохи, но о многихъ событіяхъ не имѣемъ еще вѣрныхъ свѣдѣній. Франція лучше знаетъ вѣкъ Лудовика XIV, нежели Лудовика XV.

У англичанъ гораздо-болѣе документовъ объ XVIII вѣкѣ, и однакожь, въ первыя семьдесятъ лѣтъ этого столѣтія не ведено было парламентской лѣтописи; оффиціально сообщалось очень-мало. Всѣ матеріалы для исторіи этого времени въ запискахъ современниковъ. Аддисонъ, Стиль, Дефоэ, Свифтъ, Аттербюри, Болингброкъ, Джон-

Digitized by Google

сонъ, Юніусъ, Боркъ оставили самые драгоцѣнные матеріалы. Бумаги всякаго второстепеннаго лица собраны, класифированы и напечатаны, открыты многія тайны. Всѣ эти частныя письма иногда очень-скучны, но за-то другія, какъ, напримѣръ, Ораса Вальполя, проливаютъ свѣтъ на происшествія Англіи въ-теченіе шестидесяти лѣтъ. Недоставало однакожь еще полной исторіи этого столѣтія; она теперь явилась и написана лордомъ Мэгономъ.

Онъ былъ замѣчательнымъ политическимъ лицомъ и другомъ сэра Роберта Пиля. Онъ принадлежитъ къ фамиліи лорда Стенгопа, взявшаго островъ Минорку и бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Георга I. Въ 1836 году лордъ Мэгонъ напечаталъ первые томы своей *Исторіи Англіи* со времени утрехтскаго мира. Успѣхъ книги равнялся ея достоинству. Потомъ вышли еще два тома, содержащіе въ себѣ исторію первыхъ лѣтъ царствованія Георга III до 1780 года. Кажется, что выйдетъ еще послѣдній, седьмой томъ.

Авторъ полагаетъ, что новѣйшая исторія начинается съ французской революціи и не хочетъ касаться до нея. Царствованіе Георга III раздѣлено у него на два періода. Первый простирается до той минуты, когда окончательно обнаружилась несчастная его болѣзнь; второй періодъ обнимаетъ все время этой болѣзни. Лордъ Мэгонъ—старинный тори и совершенно преданъ королямъ. Первая половина его исторіи, то-есть семнадцатилѣтній періодъ, описана имъ съ весьма-невыгодной стороны для Англіи; но за-то вторая выставлена во всемъ блескѣ событій.

— *Abrégé de Géologie* (Сокращеніе Геологіи), сочиненіе Галлуа. Книга Галлуа чисто-элементарная, но вполнѣ содержитъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, собранныя фактами новѣйшей науки. Сочиненіе раздѣлено на пять отдѣловъ: 1) физическая и топографическая географія; 2) минералогія и минеральная химія; 3) геогнозія; 4) геогенія и 5) частная геологія Бельгіи. Авторъ, какъ бельгіецъ, избралъ предметомъ особыхъ изслѣдованій свое отечество; къ-сожалѣнію, кругъ наблюденій не могъ быть обширенъ.

— *Ein Früling* (Весна), стихотвореніе Мольтке. Весьма-замѣчательный букетъ можно сдѣлать изъ всѣхъ мелкихъ стихотвореній мечтательной Германіи. Вотъ еще новое произведеніе нѣмецкаго поэта; оно замѣчательно болѣе всего новою ороографіею. Мы не скажемъ, чтобъ она была вѣрна и раціональна, но все-таки нова. Вмѣсто *Seele*, *sie*, *die*, авторъ пишетъ *Sele*, *si*, *di*, вмѣсто *s* пишетъ вездѣ *ſ*, а букву *h* выбрасываетъ вездѣ гдѣ можетъ. Едва-ли Германія приметъ это нововведеніе: нѣмцы очень-аккуратны въ своихъ грамматическихъ правилахъ.

— *Costumes du moyen age Chrétien, d'après des documens contemporains* (Костюмы среднихъ вѣковъ христіанства). Изданіе это началось въ 1842 году ливрезонами. Ихъ вышло до ста, каждый съ 6-ю картинами и листомъ текста. Оно раздѣлено на три періода: 1) отъ первыхъ временъ христіанства до XIII вѣка; 2) XIV и XV столѣтія; 3) XVI вѣкъ. До-сихъ-поръ издатели вѣрно и исправно сдержали свое обѣщаніе. Рисунки взяты съ памятниковъ Германіи, Швейцаріи,

Digitized by Google

Франціи, Италіи и Англіи. Изданіе положительно заслуживаетъ полнаго вниманія.

— *History of Alabama* (Исторія штата Алабамы). Всѣ частныя исторіи многочисленныхъ колоній Сѣверной Америки представляютъ настоящіе романы. Въ этой книгѣ описано послѣдовательное открытіе Алабамы испанцами, французами, англичанами, исчислены войны между вновь–поселившимися народами, и наконецъ окончательная побѣда образованности надъ варварствомъ. Извѣстно, что Алабамская Долина находится между Флоридою и Луизіаною въ прекраснѣйшемъ климатѣ. Она была открыта испанцами и населена французами. Теперь она принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ.

— *Traité des synonymes de le langue latine* (Трактатъ латинскихъ синонимовъ) — добросовѣстный трудъ на 800 страницахъ, во многомъ объясняющій латинскій языкъ во время его процвѣтанія. Авторъ его Барро (Barroult) извѣстенъ своими предшествовавшими филологическими изысканіями.

— *Das Geheimniss der Farben* (Тайны красокъ). Авторъ этого любопытнаго сочиненія думаетъ, что дѣйствіе свѣта на атмосферу составляетъ причину быстраго движенія его, и что разность цвѣтовъ происходитъ отъ различія дрожаній, происходящихъ въ воздухѣ. Прежде развитія этой тэзы, онъ разсматриваетъ систему, принятую со временъ Ньютона, и заключаетъ изъ этого анализа, что основанія, на которыхъ была утверждена теорія свѣта въ XVIII вѣкѣ, не такъ раціональны, какъ тѣ, которыми физики до–тѣхъ–поръ довольствовались. «Нельзя допустить (говоритъ онъ), чтобъ частицы свѣта перебѣгали пространство со скоростью 950,000,000 футовъ въ секунду, какъ утверждаетъ Ньютонъ. Какъ онѣ ни малы, имъ нельзя пролетать съ подобною быстротою, не ударяясь о встрѣчающіяся тѣла». А потому авторъ, вмѣстѣ съ Декартомъ, Гюйгеноомъ и нѣкоторыми другими, полагаетъ, что существуетъ эѳирная жидкость, которой солнце передаетъ свои вибраціи, достигающія до планетъ.

Изложивъ нѣсколько новыхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, авторъ приступаетъ къ главному предмету своего сочиненія. «Понятно (говоритъ онъ), если тѣло не можетъ ни увеличить, ни уменьшить атмосферическаго давленія, то мы не можемъ знать о существованіи этого тѣла. Самый воздухъ остается безцвѣтенъ и невидимъ. Но когда тѣло, поглощающее теплоту, уменьшаетъ атмосферическое давленіе, а распространяя эту теплоту, увеличиваетъ давленіе, то ясно, что явленія эти должны быть ощутительны. Въ первомъ случаѣ, дѣйствіе тѣла обнаруживаетъ бѣлый цвѣтъ; во второмъ — голубой. Если давленіе въ одно время усиливается увеличеніемъ теплоты и уменьшается поглощеніемъ воздуха, то двойное это дѣйствіе даетъ желтый цвѣтъ, составляющій цвѣтъ быстраго горѣнія. Красный цвѣтъ представляетъ медленное горѣніе; черный цвѣтъ угля означаетъ ужь окончившееся дѣйствіе горѣнія. Никакого цвѣта не замѣчаемъ мы тогда, какъ дѣйствіе тѣла такъ ничтожно, что ничѣмъ не выражается.

Изъ среднихъ цвѣтовъ — зеленый, господствующій во всѣхъ растеніяхъ и составленный изъ желтаго и голубаго (или синяго) обозначаетъ, что усиленіе давленія больше расширенія. Если двойное это дѣйствіе слабо, то происходитъ красный отливъ. Оттѣнокъ между чернымъ и краснымъ, то-есть фіолетовый, или коричневый, означаетъ еще болѣе усилившееся давленіе. Темно-синій цвѣтъ составляетъ оттѣнокъ между синимъ и чернымъ; а если дѣйствіе совершенно ничтожно, то тѣло дѣлается безцвѣтнымъ или чернымъ. Слѣдственно красный цвѣтъ составляетъ переходъ отъ желтаго къ черному, а черный собственно не цвѣтъ, а отсутствіе всякаго окрашивающаго дѣйствія».

Такимъ-образомъ, по мнѣнію автора, разные цвѣта происходятъ отъ постоянной температуры тѣлъ и отъ дѣйствія ихъ на воздухъ. Глазъ въ этомъ случаѣ настоящій барометръ: онъ опредѣляетъ и давленіе и цвѣтъ. Извѣстно, дѣйствительно, что, во время сильной грозы, люди слабаго зрѣнія чувствуютъ вліяніе давленія на глаза и даже предчувствуютъ мгновеніе появленія молніи и грома.

Далѣе авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ явленія радуги и солнечнаго *спектра:*

Извѣстно, что лучи свѣта кажутся тамъ красными, гдѣ земная атмосфера разогрѣта, желтыми — если падаютъ съ высоты, и синеватыми — въ холодныхъ мѣстахъ; потому-то отдаленныя небесныя тѣла, или спутники, наиболѣе удаленные отъ главной планеты, кажутся синими. Тамъ, гдѣ призма съуживается, раждается красный цвѣтъ; но чрезъ всю толщину призмы получается синій, потому-что самая толщина эта ослабляетъ свѣтъ. По этой же причинѣ въ двойной радугѣ красный цвѣтъ внизу къ горизонту, а голубой сверху. Въ призмѣ, если острую полосу обратить книзу, красный цвѣтъ будетъ тоже внизу; если же опрокинуть — то наверху. Солнечный спектръ ни что иное, какъ постепенное ослабленіе бѣлаго свѣта: первая степень выражается желтымъ цвѣтомъ, потомъ слѣдуетъ оранжевый, красный и т. д.

Вообще, каковы бы ни были идеи автора, онъ ихъ поддерживаетъ съ большимъ дарованіемъ.

— Переходя къ описанію удовольствій общественной жизни, поговоримъ прежде всего о парижскихъ театрахъ.

Самымъ любопытнымъ спектаклемъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ была старая пьеса, игранная — увы! не молодою актрисою въ бенефисъ, данный г-жѣ Жоржъ дирекціею Французскаго Театра. Эти театральныя торжества придаютъ Парижу больше жизни и движенія. Въ парижскіе бенефисы всѣ торопятся занять самыя видныя мѣста и обновляютъ лучшіе наряды, какъ въ настоящій праздникъ. *Родогуна* была выслушана съ большимъ вниманіемъ и великую заслуженную артистку принимали съ восторгомъ не за имя ея и прежнюю славу, а за чудный талантъ, который все еще молодъ и увлекателенъ. Какъ жаль, что у этой артистки нѣтъ будущности!

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, дебютировала г-жа Жоржъ и учительница ея Рокуръ передала ей всѣ свои роли. Однако, черезъ нѣ-

Digitized by Google

сколько лѣтъ молодая актриса оставила сцену Французскаго Театра навсегда и вступила на нее опять для того только, чтобъ, послѣ долгой карьеры, проститься навсегда съ публикою. Въ послѣдней сценѣ *Мнимаго больнаго* артисты всѣхъ театровъ сопровождали г-жу Жоржъ, какъ *старѣйшину* искусства, и публика еще разъ наградила ее громкими единодушными рукоплесканіями.

На этой же сценѣ поставили новую пятиактную комедію въ прозѣ, Эмиля Ожье и Жюля Сандо, подъ названіемъ *la Pierre de touche* (Оселокъ). Это довольно-неправдоподобная исторія двухъ бѣдныхъ артистовъ-друзей, Франца и Шпигеля. Францъ музыкантъ и чрезвычайно-честолюбивъ; Шпигель живописецъ и философъ. Первый мечтаетъ только о богатствѣ; второй не жалуется на свою бѣдность; оба они влюблены въ бѣдную сиротку Фредерику. Вдругъ нечаянно является меценатъ, какой-то графъ Сигизмундъ, замѣтившій необыкновенные таланты въ молодыхъ людяхъ; и такъ-какъ графъ чувствуетъ приближеніе смерти, то дѣлаетъ духовную въ пользу двухъ друзей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Францъ получаетъ огромное наслѣдство съ доходомъ въ четыреста тысячъ флориновъ, Шпигель—сумму въ восемьдесятъ тысячъ флориновъ, Фредерика — перстень, и всѣ они чрезвычайно-довольны этимъ неровнымъ раздѣломъ. И что жь? богатство совершенно перемѣнило Франца. Онъ бросилъ музыку, отказался отъ искусства, чтобъ только попасть въ знать и жениться на баронессѣ, которая приноситъ ему въ приданое титулъ барона Берггаузена. Шпигель, между-тѣмъ, остался прежнимъ беззаботнымъ артистомъ-философомъ; онъ смѣется надъ чванствомъ своего прежняго товарища и женится на Фредерикѣ. Вотъ весь сюжетъ новой комедіи; и несмотря на извѣстныя имена авторовъ Филиберты и дѣвицы де-Ласегльеръ, пьеса не имѣла большаго успѣха, хоть написана превосходно. Причиною этому была, конечно, серьёзность публики Французскаго Театра, которая не любитъ, чтобъ ее забавляли, какъ на театрахъ Водевиля и Разнообразія; она хочетъ умныхъ, глубокомысленныхъ пьесъ, заключающихъ въ себѣ какую-нибудь высокую, моральную мысль, а въ новой комедіи нѣтъ даже ничего занимательнаго. Лицо Шпигеля неново и несообразно съ германскими нравами, а Францъ просто глупъ и не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія. Въ пьесѣ нѣтъ никакой цѣли, никакой мысли. Это просто картины изъ жизни артистовъ; и то артисты эти ошибаются, приписывая себѣ талантъ, потому-что истинный талантъ не отказался бы отъ искусства, отъ имени для одного титла. Впрочемъ, можетъ-быть, на другомъ театрѣ пьеса эта имѣла бы огромный успѣхъ, потому-что публика была бы иначе расположена. Здѣсь холодность зрителей имѣла печальное дѣйствіе и на артистовъ, которые могли бы съиграть пьесу гораздо-лучше.

Кромѣ того, разучиваютъ на этой сценѣ драму *Ансее*, которой предсказываютъ блистательный успѣхъ. О пьесахъ Дюма ничего не слыхать. Послѣ «Молодости Лудовика XIV и XV» онъ написалъ третью комедію «Молодость Лозена». Неизвѣстно только, будетъ ли она счастливѣе своихъ предшественницъ, или заставитъ неутомимаго автора

Digitized by Google

написать четвертую со скоростью электрическаго телеграфа. Эти неудачи нисколько не огорчают̆ъ Дюма, напротивъ, онѣ ему очень пріятны, потому-что заставляютъ публику заниматься имъ, а больше ему ничего и не надо. Для чего же онъ основалъ и журналъ свой «Мушкетеръ», какъ не для того, чтобъ имѣть удовольствіе безпрестанно говорить о себѣ, печатать и читать свои собственныя произведенія, хвастать своими успѣхами, своимъ талантомъ. Не говоритъ ли онъ на каждой страницѣ: «Я чувствую необходимость сообщать публикѣ всѣ подробности моей жизни. Я долженъ разсказать ей, какъ я фабрикую мои драмы, романы, повѣсти, записки. У меня домъ въ Брюсселѣ и квартира въ Парижѣ. Я не бонапартистъ; я создалъ 800 томовъ, 50 драмъ, 60 мелодраммъ, десять комедій, и послѣ этихъ восьмисотъ сочиненій, напишу еще восемьсотъ — мнѣ это ничего не стóитъ. Я пишу правой рукой и лѣвой, правой ногой и лѣвой. Никто не догонитъ меня на рельсахъ извѣстности. Я Алкидъ въ драматической фабрикаціи, Бріарей въ литературной композиціи, Атласъ журналистики. Зачѣмъ публикѣ заниматься политикою, биржей, Востокомъ, погодою? занимайтесь мною — я великій Александръ Дюма!»

И ко всѣмъ этимъ возгласамъ публика такъ привыкла, что, кажется, принимаетъ ихъ за наличныя деньги. Пускай бы попробовали Гюго, Мюссе, де-Виньи, Готье кричать о своихъ талантахъ… публика, пожалуй, обидѣлась бы; но Дюма все простительно; и если онъ сравниваетъ себя съ Наполеономъ, Цезаремъ или Карломъ-Великимъ, то публика готова переварить и эти выходки точно такъ же, какъ она переварила первый медвѣжій бифстекъ, поднесенный ей Александромъ Дюма. Однако есть и невѣрующіе, которые говорятъ, что изъ трехъ объявленныхъ комедій, будто бы принятыхъ Французскимъ Театромъ, но неигранныхъ, написана только одна первая, то-есть «Молодость Людовика XIV», а остальныхъ двухъ написаны только заглавія, и то не въ три дня, а въ три недѣли. Эти же профаны смѣютъ увѣрять, что «Мушкетеръ» только морочитъ публику, и маленькое число подписчиковъ, читая всякій день одно и то же, начинаетъ зѣвать, приговаривая: «все куропатки, да куропатки!»

Итальянская Опера продолжаетъ съ успѣхомъ свои представленія; и если не возвратилась мода слушать музыку, то не пропала по-крайней мѣрѣ привычка принимать залу за выставку новыхъ модъ, великолѣпныхъ нарядовъ, роскошныхъ брильянтовъ. Наивные провинціалы думаютъ, что всѣ эти разодѣтыя дамы собрались слушать Россини, или Беллини — нисколько! онѣ только показываютъ свои платья, плечи, цвѣты. Въ-самомъ-дѣлѣ, сколько лѣтъ сряду заставляютъ слушать одно и то же и почти однихъ и тѣхъ же. Есть ли возможность разсчитывать не только на какую-нибудь прибыль, но даже не на банкротство. Впрочемъ, начало сезона можно назвать блистательнымъ, и обнародованный репертуаръ обѣщаетъ много въ будущемъ. Вотъ списокъ оперъ, которыя будетъ пѣть итальянская труппа: *Cosi fan Tutte* и *Don Giovanni* Моцарта; *Cenerentola, Turco in Italia, Ingano Felice, Barbiere di Seviglia, Ricciardo e Zoraide, Italiana in Algieri, Gazza Ladra Semiramide, Otello* — Россини; *Elisa e Claudio* — Мер-

Digitized by Google

жадантé; *Aja nel imbarazzo, Convenienze Teatrali, Lucia di Lammermoor, Parisina, Lucrezia Borgia, Figlia del Regimento* — Доницетти; *Arabi nelle Gallie* — Пачини; *Norma, Puritani, Pirata, Beatrice di Tenda, Sonnambula* — Беллини; *Il Templario* — Николаи; *Rigoletto, Ernani* — Верди; *Nina Pazza*, Коппола; *Tre Nozze* — Алари. Репертуаръ, кажется, богатъ и разнообразенъ. Каковъ-то будетъ успѣхъ его и выгода директора Ратаии?

Французская Опера обратила на себя въ послѣднее время вниманіе не только парижской публики, но и почти всей Европы. Однако это не новой оперой Мейербера, не превосходнымъ талантомъ, или небывалымъ тенором, а просто процесомъ директора Рокеплана съ иностранцемъ графомъ Тышкевичемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ путешественникъ наивно повѣрилъ афишѣ, на которой было сказано, что дадутъ оперу Фрейшюцъ, исполненную лучшими артистами, и потомъ разсердился, когда образцовое произведеніе Вебера представили въ самомъ жалкомъ видѣ. Парижская публика ужь привыкла къ такимъ *подставнымъ* спектаклямъ, а иностранецъ, вѣроятно, привыкъ видѣть, что артисты съ большимъ уваженіемъ обращаются съ великими композиторами, и потому началъ процесъ съ Рокепланомъ, требуя, чтобъ тотъ или представилъ настоящаго Фрейшюца, или не обманывалъ публики. Судъ рѣшилъ въ пользу директора Оперы, но все-таки не онъ остался побѣдителемъ въ этой артистической войнѣ.

Театръ Всякой Всячины (Variétés) поставилъ премиленькій водевиль подъ названіемъ: *Le Mari par régime*. Дѣло въ томъ, что докторъ влюбился въ жену своего паціента и прописываетъ ему уединеніе и тишину, а самъ вызывается быть кавалеромъ жены, которая любитъ балы и гулянья. Но жена догадывается о хитрости Эскулапа и сама берется вылечить мужа, который отказываетъ доктору отъ дома. Эта пьеса, прекрасно разъигранная, очень понравилась и, вѣроятно, перейдетъ скоро и на нашу сцену.

На театрѣ Палерояля давали 16 декабря пьесу «revue», какія всегда бываютъ въ концѣ года. Она названа *L'Esprit Frappeur* и похожа на всѣ подобныя пьесы, даже успѣхомъ, который имѣла. Тутъ выведены всѣ предметы которымъ занимался 1853 годъ: ломка зданій въ Парижѣ, эксцентричности Дюма, болѣзнь винограда, статуи іенскаго моста и главныя пьесы театровъ.

Одеонъ поставилъ небольшую комедію Апара: *Souvent femme varie*, чрезвычайно-понравившуюся публикѣ. Заглавіе само объясняетъ сюжетъ. Это капризы и непостоянство молодой вдовы, не неутѣшной, и которая не можетъ рѣшиться кого выбрать изъ своихъ обожателей; но подруга ея, видя это, прибираетъ одного изъ жениховъ себѣ, и тогда вдовушка поневолѣ беретъ остальнаго. Пьеса написана умно, занимательно, и, вѣроятно, долго остается на сценѣ.

На театрѣ Delassements-Comiques играли уморительный фарсъ *L'île de Calipso*, и еще въ стихахъ. Сюжета нечего разсказывать, потому-что, кто не знаетъ исторіи Телемака, Калипсы, Ментора? Подобныя пьесы имѣютъ одну цѣль — смѣшить публику до-нельзя, и эта достигла вполнѣ своей цѣли, потому-что впродолженіе трехъ актовъ

Digitized by Google

публика нахохоталась до-сыта. Къ этому надобно прибавить, что стихи очень-недурны, и не мѣшало бы писать такими стихами и серьёзныя пьесы, а не фарсы.

— Парижскій корреспондентъ нашъ сообщаетъ еще нѣсколько новостей о театрахъ. Французскій Театръ, кажется, начинаетъ догадываться, что Рашель не вернется къ нему ни въ эту зиму, ни въ будущую, но что она надолго распрощалась съ Парижемъ. Что жь дѣлать? Знаменитая артистка имѣетъ полное право располагать собою; но если на трагедію нечего разсчитывать, то дирекція перваго парижскаго театра возлагаетъ всю надежду на комедіи. Хотя новая пьеса гг. Ожье и Сандо не имѣла блистательнаго успѣха, но она заставила публику наполнять театръ въ-теченіе нѣсколькихъ представленій, а этого ужъ много. Трудно только начать, но намъ кажется, что можно дѣлать сборы и безъ трагедій.

Театръ Всякой Всячины тоже поставилъ неудачную пьесу подъ названіемъ: *Les oiseaux de la Rue*. Про нихъ можно сказать только то, что эти птицы лучше бы оставались на улицѣ и не влетали на сцену. Въ-самомъ-дѣлѣ, цыганская жизнь гулякъ начинаетъ ужъ надоѣдать, и пора бы авторамъ перестать подчивать публику картинами, которыя стыдно представить на иностранныхъ театрахъ.

Лирическій Театръ поставилъ оперу Доницетти «Елисавета». Она была приготовлена еще въ 1841 году, но потомъ почему-то оставлена, и друзья композитора насилу отыскали ее въ 1853 году. Въ партитурѣ есть превосходные мотивы и трогательныя мѣста. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи. Сюжетъ взятъ изъ Параши Сибирячки. Молитва для четырехъ голосовъ произвела большой эффектъ, арія и куплеты тоже очень понравились. Оркестровка превосходная, но все-таки поминутно встрѣчаются знакомые мотивы, какъ и во всѣхъ операхъ покойнаго маэстро. Вѣрно, это была его особенная слабость, или память его была до-того хороша, что онъ невольно нападалъ на извѣстный мотивъ и вставлялъ его въ свою оперу, не заботясь, кому онъ принадлежитъ. Чаще всего онъ встрѣчался съ собственными своими мелодіями и приводилъ ихъ только въ другомъ тонѣ и съ другой обстановкой. Опера имѣла успѣхъ.

Большая Опера тоже почтила память Доницетти, поставивъ оперу его «Бетли» въ бенефисъ Лепентра. Спектакль былъ великолѣпный. Всѣ артисты играли въ пользу своего товарища и театръ былъ полонъ.

Опера «Бетли» не то, что «Кетли», или «Швейцарская Хижина», то-есть музыка въ ней не та, но сюжетъ скроенъ по одной мѣркѣ: та же сельская кокетка, любовникъ немного глуповатый, сержантъ Францъ; только дѣйствіе и интрига такъ вялы и пошлы, что выводятъ просто изъ терпѣнія. Музыка еще, пожалуй, могла бы понравиться, но либретто портитъ и ее, такъ-что зритель выходитъ изъ театра недовольный тѣмъ, что для такой чепухи Доницетти трудился писать музыку. Только въ началѣ оперы г-жа Бозіо поетъ прекрасную каватину; арія Було, и два хора тоже заставляютъ на минуту забыть о либретто и помнить только о даровитомъ маэстро. Съ другимъ сю-

Digitized by Google

жетомъ, можетъ-быть, опера имѣла бы успѣхъ, но тутъ невозможно было и требовать ничего, кромѣ краснорѣчиваго молчанія.

Если вы хотите посмѣяться отъ-души и провести пріятно часъ или два, то подите въ Комическую Оперу послушать и посмотрѣть «Папильйотки г. Бенуа», слова Барбье и Карре, музыка Ребера. Этотъ г. Бенуа доброе и наивное существо, живущее совершенно-покойно и счастливо. У него нѣтъ ни враговъ, ни завистниковъ; онъ здоровъ и сытъ. Чего бы, кажется, ему недоставало? Но г. Бенуа страдаетъ, потому-что у него есть сердце; онъ хочетъ любить и быть любимымъ. Наконецъ, судьба его рѣшается: онъ видитъ красавицу и влюбляется. Пока этого для него довольно. Онъ вздыхаетъ издали, потомъ рѣшается написать письмо стихами и посылаетъ его къ предмету своей страсти. Всю ночь прождалъ онъ отвѣта подъ окномъ своей возлюбленной и поутру, когда онъ не переставалъ смотрѣть на одну и ту же раму, вдругъ окно отворилось и на носъ его упала смятая бумажка. Онъ, въ восторгѣ, схватилъ ее на-лету — и что же увидѣлъ? папильйотку, сдѣланную изъ его письма. Эта комическая сцена превосходна и вообще вся пьеса ведена прекрасно. Она не заставляетъ хохотать, какъ пересоленые фарсы, но доставитъ удовольствіе зрителю и принудитъ его посмотрѣть еще разъ «Папильйотки».

Музыка тоже очень понравилась. Куплеты г. Бенуа и арія его ужь поются во всѣхъ музыкальныхъ семействахъ. Это еще дебютъ г. Ребера, стало-быть, въ будущемъ надобно ожидать отъ него многаго, если онъ не остановится на половинѣ дороги, подобно многимъ дебютантамъ, подававшимъ блистательныя надежды, но оставшимся при однѣхъ надеждахъ.

Превосходный теноръ итальянской труппы Маріо просилъ отпуска на мѣсяцъ, потому-что смерть его любимой дочери разстроила его совершенно; но дирекція никакъ не могла согласиться на это, и бѣдный отецъ долженъ являться на сценѣ и забавлять публику, которая не хочетъ знать, что онъ страдаетъ. Тяжело быть артистомъ и еще великимъ!

Луиза де-Нантёль, пьеса Гозлана, должна была идти на-дняхъ на Театрѣ Водевиля, но внезапная болѣзнь г-жи Дошъ заставила отложить эту пьесу. Авторъ требовалъ, чтобъ пьесу играли, и увѣрялъ, что г-жа Дошъ здорова и только капризничаетъ. Наконецъ полиція вмѣшалась въ это дѣло и театральный докторъ далъ свидѣтельство, что г-жа Дошъ дѣйствительно больна и не можетъ выходить изъ дома. Если она здорова, то Гозланъ добился только того, что актриса эта не смѣетъ показаться нигдѣ, подъ опасеніемъ строгаго штрафа. Что за время! хорошенькимъ актрисамъ не дадутъ и покапризничать.

Театръ-Циркъ поставилъ блистательную пьесу, которая дѣлаетъ огромные сборы и долго будетъ привлекать публику. Она называется *Порошокъ Перлентенпена*, волшебство въ трехъ актахъ и *двадцатипяти* картинахъ, сочиненія братьевъ Коньяръ.

Циркъ — настоящее мѣсто всѣхъ волшебныхъ, сказочныхъ, фантастическихъ пьесъ; и хотя отъ нихъ не требуютъ ничего, кромѣ богатой обстановки и машинъ, но *Порошокъ* братьевъ Коньяръ къ

тому же занимательная пьеса, которую съ удовольствіемъ посмотрятъ не одни любители перемѣнъ декорацій и небывальщины.

Впрочемъ, оба автора обогащали всѣ театры, которые приняли ихъ *Заколдованныя пилюли*, *Бѣлую Кошку*, *Спящую Красавицу*, *Тысячу и Одна Ночь* и проч. Эти пьесы давали всегда полные сборы. Вотъ сюжетъ пьесы:

У короля Куртботъ рождается дочь Зибелина и волшебница снѣговъ и морозовъ похищаетъ у нея сердце и прячетъ его на сѣверномъ полюсѣ за то, что ее не позвали на крестины. Куртботъ въ отчаяніи; но его утѣшаютъ тѣмъ, что дочь его будетъ красавица и найдетъ жениха и безъ сердца.

Во второй картинѣ старый мудрецъ Перленпенпенъ составляетъ живительный порошокъ; но врагъ его, колдунъ Фардакинбрасъ, бросаетъ мудреца въ пропасть, изъ которой его спасаетъ менестрель Вифаржанъ. Алхимикъ даритъ молодому человѣку свой новоизобрѣтенный порошокъ, и тотъ отправляется съ нимъ въ столицу. Тутъ онъ видитъ княжну Зибелину и влюбляется въ нее. У ней ужь много жениховъ, но король объявляетъ, что отдастъ ее за того, кто возвратитъ ей сердце.

Вифаржанъ, надѣясь на волшебный порошокъ, отправляется въ далекое путешествіе, и Куртботъ такъ полюбилъ его, что хочетъ ему сопутствовать. Колдунъ Фардакинбрасъ преслѣдуетъ ихъ изъ ненависти къ Перленпенпену, но порошокъ спасаетъ путешественниковъ отъ всѣхъ несчастій: стоитъ только бросить щепотку его на воздухъ— и невидимые духи предохранятъ ихъ отъ всѣхъ опасностей.

Все путешествіе менестреля и короля представлено превосходно. Они ночуютъ во дворцѣ Сна, встрѣчаются съ Нимфами, медвѣдями и, наконецъ, достигаютъ до царства снѣга, гдѣ, въ ледяной урнѣ, хранится сердце Зибелины.

На возвратномъ пути колдунъ не перестаетъ мучить путешественниковъ и заводитъ ихъ въ царство насѣкомыхъ; но бабочки спасаютъ ихъ. Наконецъ, когда Вифаржанъ возвращаетъ сердце принцессы и та готова выйдти за него замужъ, злой колдунъ находитъ средство похитить сердце жениха и уноситъ его въ бутылкѣ въ свою лабораторію. Зибелина, въ свою очередь, отправляется за сердцемъ Вифаржана и до-того кокетничаетъ съ старикомъ, что похищаетъ у него драгоцѣнную бутылку и возвращается къ счастливому жениху. Пьеса имѣла огромный успѣхъ. Декораціи, костюмы, машины превосходны и роли всѣ исполнены превосходно.

Театръ Гимназіи теряетъ превосходнаго актера Брессана, который съ 1-го февраля переходитъ во Французскій Театръ. Въ Петербургѣ его мѣсто занялъ Бертонъ, и теперь тотъ же Бертонъ опредѣляется на мѣсто Брессана на Театръ Гимназіи. Можетъ-быть, Брессанъ готовитъ ему также мѣстечко во Французскомъ Театрѣ.

Впродолженіе 1853 года съиграли на парижскихъ театрахъ 237 новыхъ пьесъ, а именно: 27 оперъ, 150 водевилей, 13 комедій, 47 драмъ.

Digitized by Google

Кажется, нечего жаловаться на французскихъ авторовъ: они не лѣнивы. Много ли хорошаго въ этихъ двухстахъ пьесахъ?—это другой вопросъ, и мы не беремся отвѣчать на него. Довольно и того, что авторы стараются забавлять и привлекать публику; а откуда взять все новое да новое? Было бы только занимательно, а до остальнаго Парижу нѣтъ дѣла.

— Парижскіе театры дѣлали въ послѣднее время большіе сборы, и лондонскіе, по какому-то странному случаю, тоже остались довольны своимъ сезономъ; особенно Дрюриленъ, который, кажется, имѣетъ привилегію разорять своихъ директоровъ, вдругъ разбогатѣлъ, благодаря присутствію американскаго трагика Брука. Артистъ этотъ до того понравился публикѣ, что, по окончаніи сезона, она требовала еще нѣсколько представленій; но, ко всеобщему неудовольствію, Брукъ объявилъ, что онъ не можетъ располагать собою, *потому*-что уже запродалъ себя, то-есть подписалъ контрактъ съ однимъ изъ соперниковъ Барнума, соперникомъ, который, впродолженіе четырехъ лѣтъ можетъ имъ распоряжаться какъ ему угодно... за 16,000 фунт. стерл. (100,000 руб. сер.) Этотъ американскій антрепренёръ будетъ возить *своего* артиста, какъ рѣдкаго звѣря, по всѣмъ городамъ Европы, Америки и даже Австраліи, потому-что въ Мельборнѣ въ газетахъ уже извѣщаютъ о представленіяхъ великаго актера. Американецъ разсчиталъ самымъ вѣрнымъ образомъ всѣ доходы и всѣ расходы. Любопытно только, исполнятся ли его надежды; и если талантъ Брука будетъ имѣть вездѣ огромный успѣхъ, то не мѣшало бы также застраховать артиста отъ болѣзней, простудъ, приключеній на желѣзныхъ дорогахъ, бурь на морѣ и даже отъ самыхъ обыкновенныхъ театральныхъ болѣзней: насморка и хрипоты.

Недавно на театрѣ Садлерсъ-Уэль играли съ большимъ успѣхомъ превосходную комедію Шеридана Ноульса «Охота за любовью» *(Love chase)*. Извѣстно, что нѣкогда самъ авторъ игралъ въ этой пьесѣ и многіе изъ зрителей, вѣроятно, еще не забыли его въ одной изъ лучшихъ ролей комедіи. Шериданъ Ноульсъ оставилъ не только театръ и литературу, но почти свѣтъ, и сдѣлался проповѣдникомъ. Прежде его, Гриффинъ, пріятный и патетическій авторъ романа Collegians (Школьные друзья) и многихъ драмъ, тоже отказался отъ свѣтской жизни и славы и вступилъ въ Орденъ Капуциновъ.

Другой актеръ, имѣвшій въ Англіи большой успѣхъ, особенно въ послѣдній сезонъ — это Робсонъ, превосходно съигравшій пародію Шейлока. Теперь онъ создалъ еще роль въ новой драмѣ, которую сбѣгается смотрѣть весь Лондонъ въ маленькую олимпическую залу. Сюжетъ пьесы французскій, но это не переводъ, а оригинальное произведеніе, хотя нѣтъ ничего мудренаго, что одна изъ бульварныхъ мелодрамъ послужила моделью для *Интриги и страсти* — такъ называется пьеса Таилора. Вѣрнѣе бы надобно назвать пьесу *Паденіе Фуше*. Дѣйствіе происходитъ въ 1810 году, когда герцогъ отрантскій находился наверху могущества и управлялъ Парижемъ, точно такъ же, какъ Сеянъ Римомъ. Фуше составилъ маленькую интригу, чтобъ помѣшать браку Маріи-Луизы; и если замыселъ его

откроется, министру будетъ неочень-пріятно; но кто же осмѣлится донести, или обвинить своего начальника? Притомъ же агенты Фуше поневолѣ должны быть ему преданы, потому-что они выбраны изъ людей, имѣвшихъ кое-какія непріятности съ правосудіемъ. Не беремся рѣшить, похожъ ли въ-самомъ-дѣлѣ Фуше на изображаемаго Тайлоромъ и былъ ли у него секретарь такой хитрый и злой, который казался бы отвратительнымъ, если бы общая людская слабость — любовь, не сдѣлала его занимательнымъ. Любовь побѣждаетъ львовъ и тигровъ не въ однѣхъ басняхъ Лафонтена; она ловитъ иногда и секретарей, которые вдругъ изъ умнѣйшихъ людей дѣлаются пошлыми дураками. Фуше хочетъ заставить пріѣхать въ Парижъ одного креола, который находится въ Прагѣ, и посылаетъ туда свѣтскую даму, чтобъ увлечь молодаго человѣка. Креолъ влюбляется въ нее, но и она невольно отвѣчаетъ его любви и возвращается въ Парижъ, объявляя министру, что посольство ея не удалось. Но молодой человѣкъ послѣдовалъ за ней и самъ является къ Фуше. Тутъ происходитъ ужасная, патетическая сцена. Креолъ убѣждается въ любви молодой женщины; онъ счастливъ: но соперникъ его, секретарь, разрушаетъ это счастіе однимъ словомъ: онъ объявляетъ молодому человѣку, что за лицо предметъ его страсти. Оба они въ рукахъ злодѣя и могутъ погибнуть; но молодая женщина вспоминаетъ тайну, которая можетъ погубить Фуше и тотъ даетъ ей *чистую отставку*. Пьеса составлена довольно-искусно, но все-таки не удержалась бы на сценѣ, если бы Робсонъ не создалъ превосходно роль секретаря. Г-жа Стерлингъ играла роль дамы; талантъ этой превосходной артистки развивается все болѣе съ каждою новою ролью, хотя надобно признаться, что ей пора уже перестать играть нѣкоторыя очень-молодыя роли. Впрочемъ, со сцены и со всѣми извѣстными косметическими средствами, она кажется еще довольно-молода и хороша.

Пьесы *à propos* тоже въ большой модѣ въ Лондонѣ; и такъ-какъ недавняя ссора путешественниковъ съ содержателями гостинницъ надѣлала много шуму, то театръ воспользовался этимъ сюжетомъ и на сченѣ Адельфи вывелъ капитана-забіяку, который выдаетъ себя за главнаго корреспондента «Times» и до-того пугаетъ хозяина и прислугу одного трактира журнальными статьями, что тѣ даютъ ему лучшую комнату, угощаютъ великолѣпнымъ обѣдомъ, позволяютъ волочиться за хорошенькими служанками, словомъ: капитанъ радъ надолго остаться въ гостинницѣ Бриджтона, но обманъ его открывается и онъ принужденъ заплатить по самому *экономическому* счету.

Жаль, что Брукъ уѣзжаетъ изъ Англіи, а то бы артистъ этотъ вмѣстѣ съ Робсономъ возбудилъ въ англичанахъ страсть къ театру, и обогатилъ дирекцію, которая ангажировала бы ихъ обоихъ. Можетъ-быть, это было бы выгоднѣе и самому Бруку, вмѣсто того, чтобъ ему ѣхать въ Мельборнъ. Шутка ли это! Правда, что Австралія теперь не такъ далека и не такъ страшна, потому-что въ Мельборнѣ есть не только театръ, но клубы, рестораны, концертныя залы — все, чѣмъ пользуются богачи во всѣхъ частяхъ свѣта. Увѣряютъ даже, что въ Сиднеѣ есть университетъ! Журналы Океаніи не пе-

рестаютъ приглашать къ себѣ изъ Европы артистовъ и профессоровъ во всѣхъ родахъ, чтобъ *окончить* воспитаніе жителей. Больше всего требуютъ профессоровъ *польки*, которая входитъ въ большую моду въ Австраліи. Что же касается до музыки, она процвѣтаетъ давно въ пятой части свѣта, вѣроятно, потому, что музыканты давно догадались переѣхать черезъ океанъ. Тамъ очень-много музыкальныхъ талантовъ, и за уроки платятъ не болѣе пятнадцати франковъ за полчаса, тогда-какъ за урокъ словесности платятъ по одному франку 25 сантимовъ. Вотъ каково преимущество изящныхъ искусствъ, несмотря на основаніе университета! Нѣтъ ничего мудренаго, что и Брукъ будетъ доволенъ своимъ путешествіемъ въ Австралію. Если онъ не найдетъ тамъ знатоковъ и любителей, то найдетъ публику, составленную изъ золотопромышлениковъ (если не изъ ссыльныхъ), что̀ очень-рѣдко случается въ Европѣ.

— Сообщимъ теперь свѣдѣнія о дѣятельности театровъ въ Германіи. Самымъ любопытнымъ явленіемъ въ началѣ нынѣшняго года была новая трагедія *Зенобія*, въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Майя.

Пьеса эта играна въ первый разъ на Королевско-мюнхенскомъ Театрѣ. Авторъ ужь извѣстенъ прежними своими сочиненіями. Вотъ историческое содержаніе новой драмы. Отъ Константина-Великаго остался племянникъ Юліанъ, котораго Констанцій II назначилъ цесаремъ на Западѣ. Но согласіе между дядею и племянникомъ было непродолжительно. Юліанъ былъ провозглашенъ *августомъ* (императоромъ), и началась междоусобная война. Констанцій II умеръ, а Юліанъ взошелъ на престолъ. Хотя онъ и былъ воспитанъ въ правилахъ христіанской вѣры, но вдругъ вздумалъ возстановить древнее идолопоклонство. Исторія назвала его за это *Отступникомъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ по внутреннему государственному управленію возстановилъ онъ прежнюю форму, учредилъ Сенатъ со всѣми прежними правами. На третьемъ году своего царствованія началъ онъ персидскую войну и, увѣренный въ побѣдѣ, сжегъ свой флотъ на Тигрѣ; но послѣ многихъ побѣдоносныхъ сраженій былъ онъ въ одномъ изъ нихъ убитъ 26 іюня 363 года.

Вотъ историческій ходъ событій, изъ которыхъ взята драма. Въ ней главное дѣйствующее лицо дочь жреца, *Зенобія*, представительница греческой образованности, жертвою которой она и погибаетъ. Дѣйствіе происходитъ въ Дафнеѣ, близь Антіохіи (въ Сиріи), гдѣ находился знаменитый храмъ Аполлона, который Юліанъ отдалъ жрецамъ идолопоклонства. Это событіе составляетъ начало дѣйствія пьесы. Верховный жрецъ Аполлона, Лизистратъ, живетъ въ уединеніи съ своею дочерью, Зенобіею, и оплакиваетъ уничтоженіе прежнихъ своихъ боговъ. За сценою слышно погребальное шествіе; является незнакомецъ, это — Юліанъ. Онъ разспрашиваетъ Лизистрата о прежнемъ богослуженіи, и жрецъ увѣряетъ его, что паденіе Рима произошло отъ оставленія прежнихъ боговъ. Лизистратъ оплакиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ потерю сына своего. Едва кончился этотъ разговоръ, какъ приходитъ молодой пустынникъ, это — сынъ Лизистрата; отецъ и сестра простираютъ къ нему объятія, но онъ требуетъ, чтобъ они

сдѣлались христіанами; когда же тѣ отказываются, то онъ бросается, чтобъ сокрушить домашнихъ идоловъ. Является стража Юліана и беретъ юношу. Юліанъ повелѣваетъ возвратить жрецамъ и кумирамъ бывшій храмъ Аполлона. Зенобія приходитъ при этомъ въ пиѳійскій восторгъ и оканчиваетъ первое дѣйствіе слѣдующими стихами:

Hinauf, hinauf! Der Gott, der Zukunft weissagt,
Bedarf des Mundes einer Priesterin...
O! flecht mir den Lorbeer in das Haar,
Lasst mich die Pythia eurer Siege werden!..
Ha! schon durchglüht es mich; das Aug' wird klar,
Schon seh' ich alle Völker am Altare
Und eine neue Götterzeit auf Erden.

Во второмъ актѣ, въ храмѣ Аполлона, Юліанъ является въ качествѣ первосвященника, а Зенобія — какъ увѣнчанная жрица-предсказательница. Парменіонъ, полководецъ Юліана, намѣренъ обратиться къ идолопоклонству, несмотря на усильныя убѣжденія своей матери, Елены. Но онъ страстно влюбленъ въ Зенобію. Юліанъ требуетъ, чтобъ Зенобія выбрала себѣ супругомъ одного изъ полководцевъ его. Та подаетъ жертвенную чашу гордому германцу Хлодомару; но тотъ отвергаетъ ее, говоря, что онъ христіанинъ. Юліанъ пораженъ; онъ надѣялся соединить силу германцевъ съ духомъ римской образованности, но Хлодомаръ говоритъ, что міръ возобновится христіанствомъ. Послѣ этого Юліанъ приноситъ жертвы въ предхраміи, а Василій (сынъ Лизистрата) вновь старается убѣдить свою сестру къ принятію христіанской вѣры. Видя, что старанія его безуспѣшны, онъ предсказываетъ ей, что Юліанъ погибнетъ въ персидской войнѣ. Когда же сама Зенобія должна произносить предсказаніе предъ жертвенникомъ, то и она, въ пиѳійскомъ изступленіи, предсказываетъ, къ всеобщему ужасу, всеобщую побѣду христіанства, несчастія начинающейся войны и смерть Юліана. Несмотря на это, Юліанъ выступаетъ въ походъ, оставя Парменіона своимъ намѣстникомъ въ Дафнеѣ, а Хлодомара передаетъ Зенобіи для обращенія его въ идолопоклонство.

Въ третьемъ актѣ Парменіонъ проситъ руки Зенобіи и, получивъ отказъ, замышляетъ отмстить Хлодомару, потому-что Зенобія любитъ его. Та дѣйствительно пригласила его къ себѣ, чтобъ испытать надъ нимъ силу своихъ убѣжденій; но тотъ непоколебимъ и она невольно чувствуетъ любовь и уваженіе къ германцу. Во время ихъ разговора храмъ Аполлона подожженъ и горитъ. Хлодомара обвиняютъ въ этомъ преступленіи, и Парменіонъ беретъ его подъ стражу, спасая вмѣстѣ съ тѣмъ изъ пламени Зенобію. За это требуетъ онъ опять руки ея, но опять получаетъ отказъ. Жрица старается объ освобожденіи Хлодомара, признается въ любви своей къ нему, но тотъ отвергаетъ ее. Тогда она отдаетъ свою руку Парменіону съ тѣмъ, чтобъ тотъ спасъ Хлодомара; но тотъ собираетъ судъ жрецовъ, и германца осуждаютъ на казнь. Въ это же время народъ умерщвляетъ Василія. Тогда, видя всѣ свои усилія безполезными, Зенобія обращается къ Богу христіанъ, моля Его о спасеніи Хлодомара. Она говоритъ:

Digitized by Google

Hier, hier gelob' ich Dir: wenn Du dich jetzt
Vom Himmel rettend zu uns wendest,
Anbeten will ich Dich und vor Dir knien;
Zerschlagen will ich meine Götzenbilder, und
Ausrotten, schwör' ich, will ich ihren Dienst
Auch dass nicht eine Zunge mehr auf Erden
Sie ihre Herrn und ihre Götter nennt.

До начала пятаго акта, Парменіонъ долженъ былъ жениться на Зенобіи, но отравился у брачнаго алтаря, видя, что она его не любитъ. Его, умирающаго, приносятъ на сцену и онъ приказываетъ воинамъ своимъ возвратить свободу Хлодомару; но жрецы не отпускаютъ его и между ними начинается бой... вдругъ входитъ гонецъ отъ императора, который повелѣваетъ вновь ввести христіанство. Только этотъ императоръ ужь не Юліанъ, а преемникъ его, Іовіанъ. Юліанъ убитъ въ бою. Хлодомаръ требуетъ, чтобъ Зенобія слѣдовала за нимъ, но отецъ ея, Лизистратъ, поразилъ себя кинжаломъ на развалинахъ храма и завѣщалъ дочери послѣдовать его примѣру. Та повинуется и послѣдніе идолопоклонники исчезаютъ съ лица земли.

— Вотъ еще нѣсколько театральныхъ новостей въ Германіи:

Новѣйшая драма Бенедикса *Паула* дана была въ Гамбургѣ съ успѣхомъ. Сюжетъ состоитъ въ мести (vendetta) корсиканца. Драма Юлія Мозена *Герцогъ Бернгардъ*, совершенно-передѣланная авторомъ, также играна съ успѣхомъ. Г. Фельдманъ послѣ долгаго молчанія опять написалъ трехактную комедію: *Слишкомъ скоро!* Новая комедія Прехтля: *Онъ ищетъ свою невѣсту*, имѣла при первомъ представленіи успѣхъ въ Дрезденѣ. Новая драма его *Коломбо* принята на вѣнскій театръ. Драма Мозенталя: Sonnewendhof принята на вѣнскій театръ. На придворномъ британскомъ театрѣ ставятъ драму Гримма *Дмитрій*. Драма Шарлотты Бирхпфейферъ: *Ловудская Сирота* съ огромнымъ успѣхомъ дается во Франкфуртѣ; продаются даже мѣста въ оркестрѣ. Оберъ пишетъ новую оперу на текстъ Скриба. Говорятъ, что это будетъ любимая пьеса его. Новая опера Мейербера представляетъ удивительный эффектъ. Нѣсколько разъ играютъ по три оркестра вдругъ съ тремя хорами; одинъ оркестръ состоитъ изъ флейтъ и дудочекъ для подражанія птицамъ.

— Обратимся теперь къ другимъ удовольствіямъ общественной жизни, и прежде всего къ Парижу.

Парижъ въ необыкновенномъ движеніи, и всѣ магазины выставляютъ самые-лучшіе, самые-новые предметы, чтобъ только заставить публику купить, какъ можно больше подарковъ во время карнавала. По обыкновенію, кондитерскія и шоколадныя фабрики имѣли больше всего покупщиковъ, потому-что конфектами дарить гораздо-выгоднѣе, чѣмъ брильянтовой вещицей, или моднымъ нарядомъ. Къ-несчастью, въ первые дни праздниковъ погода въ Парижѣ была самая-непраздничная и неудобная для визитовъ: дождь лилъ съ самаго утра и многіе подарки, вѣроятно, растаяли въ легкихъ бумажныхъ коробочкахъ. Самые услужливые кавалеры и нѣжные мужья дарили мѣста и купоны

Digitized by Google

на первое представленіе *Сѣверной Звѣзды*, оперы Мейербера, которая уже ставится на сценѣ Комической Оперы. Подобный подарокъ принимался съ бо̀льшею радостью, чѣмъ кашемиры и брильянты, потому-что уже теперь разобраны всѣ мѣста на нѣсколько представленій *Звѣзды*, и достать какой-нибудь купонъ на первое — просто геройскій подвигъ, для котораго требуется не только много хлопотъ и денегъ, но покровительство или знакомство самого маэстро. Новаго года ждали въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ, потому-что онъ открылъ рядъ праздниковъ и баловъ, которые будутъ слѣдовать безостановочно.

У одной дамы высшаго круга открытъ базаръ въ пользу бѣдныхъ, и публика спѣшитъ раскупать красивыя бездѣлки за цѣну недороже магазинной, утѣшаясь мыслью, что на новый годъ дастъ хоть кусокъ хлѣба бѣдняку, который не въ-состояніи работать. Впрочемъ, благотворительные балы, концерты, лотереи будутъ продолжаться всю зиму; и если хлѣбъ сталъ дороже, то число благотворителей умножилось. Маскарады также начались подъ шумный оркестръ Мюзара.

Въ серьёзныхъ обществахъ много говорятъ о выставкѣ 1855 года, и о приготовленіяхъ къ ней. Назначена уже коммиссія подъ предсѣдательствомъ принца Іеронима Наполеона Бонапарте, и коммиссія эта раздѣлена на два отдѣленія, изъ которыхъ одно займется изящными искусствами, а другое — промышленостью и земледѣліемъ.

Членами первой коммиссіи назначены: Барошъ, Эженъ Делакруа, Ганрикель Дюпонъ, Энгръ, Мериме, графъ Морни, герцогъ де-Муши, маркизъ де-Пасторе, де-Соси, Симаръ и Висконти. Второе отдѣленіе составлено изъ слѣдующихъ лицъ: Эли де-Бомонъ, Бильо, Мишель Шевалье, Жанъ Дольфусъ, Арлесъ Дюфуръ, Дюма, баронъ Шарль Дюпенъ, графъ Гаспаренъ, Эмиль Перейръ, Тролонъ, маршалъ графъ Вальянъ и нѣкоторыя другія.

Лордъ Коулей, англійскій посланникъ сдѣланъ тоже членомъ коммиссіи выставки, точно также, какъ Друэну де-Люи, французскому посланнику въ Лондонѣ предложено было это званіе во время всемірной лондонской выставки.

Выборъ членовъ доказываетъ, что правительство принимаетъ большое участіе въ этомъ предпріятіи и что выставка будетъ въ-самомъ-дѣлѣ великолѣпная. Вся Европа посѣтитъ ее; и чтобъ принять гостей, Поленъ и Горо строятъ въ Парижѣ огромную гостинницу, по образцу американскихъ, въ которой помѣстится нѣсколько тысячъ путешественниковъ и гдѣ будетъ самое удобное и роскошное помѣщеніе, за самую умѣренную плату. Къ этому же времени будетъ оконченъ Лувръ, сломанные домы исчезнутъ, новые отстроятся, улицы очистятся и весь городъ приметъ новый, праздничный видъ, чтобъ достойно принять своихъ гостей и показать имъ всѣ свои рѣдкости. Разумѣется, за это гостепріимство *гости* оставятъ порядочный капиталъ, а нѣкоторые надолго останутся въ этомъ городѣ, изъ котораго, говорятъ, трудно выбраться, когда попадешь туда, и сто̀итъ только разъ отложить отъѣздъ, чтобъ остаться въ немъ гораздо-долѣе, чѣмъ предполагалось.

Digitized by Google

После смерти Араго открылась ваканція на мѣсто секретаря въ отдѣленіи физики и математики въ Академіи Наукъ. Выбранъ Эли де-Бомонъ изъ Отдѣленія Естественныхъ Наукъ.

— Парижскій корреспондентъ нашъ, маркизъ де-Ру д'Арбейль, прибавляетъ къ этимъ извѣстіямъ еще слѣдующія и называетъ свой парижскій обзоръ *галопомъ по всему городу*. Вотъ его письмо:

«Съ чего начать мой галопъ? Разумѣется, съ оперы. Теперь скоро полночь. Старый годъ кончается и Мюзаръ начинаетъ новый упоительными звуками оркестра. Войдемте же въ залу.

Какая толпа, тѣснота, пестрота костюмовъ! какой жаръ, блескъ! На улицѣ холодно, темно, грязно; дождь льетъ съ утра — но кому какое дѣло до погоды? всѣ спѣшатъ встрѣтить новый годъ безумнымъ галопомъ. Не галопъ ли и вся наша жизнь?

Въ послѣднее время вздумали-было *передѣлать* оперные маскарады, сдѣлать ихъ доступнѣе для женщинъ высшаго общества, хотѣли изгнать изъ нихъ веселые танцы, нецеремонные костюмы и, главное, открытыя лица, основываясь на томъ, что слово «маскарадъ» заставляетъ всѣхъ закрывать лицо... Но попытки эти не удались, потому-что это значило бы изгнать жизнь, веселье и сдѣлать оперные балы какими-то печальными процесіями съ веселой музыкой, которая будетъ заглушать остроумныя *интриги* и зѣвоту подъ масками. Нѣтъ, маскарадъ не долженъ мѣнять своихъ постановленій, если не хочетъ умереть отъ скуки. И какое кому дѣло что *Пьеро* и *Пьереты* танцуютъ и *интригуютъ* съ открытыми лицами? Вѣдь женщины высшаго круга не явятся безъ масокъ въ публикѣ.

Въ высшемъ обществѣ много толкуютъ о придворныхъ плащахъ и вообще о церемоніальныхъ костюмахъ. Вѣрно, великой націи нечѣмъ больше заняться, что она употребляетъ все свое остроуміе только на то, чтобъ придумать какое-нибудь новое украшеніе въ костюмѣ. Что жь, пускай забавляется хоть этимъ; только врядъ ли ко всѣмъ пристанутъ плащи и великолѣпные наряды! Впрочемъ, роскошь развиваетъ народную промышленость, и потому очень-благоразумно, что ее поддерживаютъ. Жаль только, что скоро простота будетъ совершенно изгнана.

Елки наканунѣ Рождества были въ большой модѣ, и почти во всѣхъ богатыхъ домахъ были дѣтскіе праздники. Какъ пріятно смотрѣть на радость малютокъ, слышать ихъ громкій говоръ и смѣхъ! Дѣтство пройдетъ незамѣтно.

Послѣ дѣтскихъ праздниковъ, начались удовольствія взрослыхъ, и въ тотъ же вечеръ было нѣсколько баловъ, такъ-что одни и тѣ же танцоры являлись въ двухъ или даже трехъ домахъ. Впрочемъ, теперь танцы неутомительны и, скажу откровенно, даже некрасивы. Изъ кадриля сдѣлали какое-то шаганье подъ музыку: танцующіе едва переставляютъ ноги. Въ полькахъ же и разныхъ мазуркахъ только подпрыгиваютъ. Чтобъ отдохнуть отъ этихъ трудовъ, между кадрилями занимались музыкою. Я слышалъ прекрасный романсъ сочиненія принца Густава шведскаго и двѣ русскія пѣсни, превосходно-спѣтыя молодою русскою путешественницею, которая пріѣхала изъ Италіи, гдѣ ле-

Digitized by Google

чилась все лѣто. Потомъ Клеманъ пропѣлъ нѣсколько куплетовъ изъ альбома Левассёра, иллюстрированнаго Хамомъ, и грустное выраженіе, навѣянное сѣверными мелодіями, въ минуту исчезло: всѣ улыбнулись невольно, потомъ кричали bis. Только объявленіе объ ужинѣ усмирило немного восторгъ.

Въ Парижѣ умеръ бывшій консулъ Шлеттеръ и завѣщалъ городу Лейпцигу превосходную картинную галерею, въ которой находится знаменитая картина Поля Делароша *Прощаніе съ Фонтенбло*.

— Какъ жаль, что такое образцовое произведеніе, вывезено будетъ изъ Франціи! сказалъ я.

— Да̀, жаль, что иностранцы богаче насъ и покупаютъ наши рѣдкости, отвѣчалъ мнѣ живописецъ Лефебюръ. — А все деньги, деньги! Желалъ бы я ѣхать въ Лейпцигъ посмотрѣть еще эту картину.

— Что̀ же васъ удерживаетъ?

— Все-таки эти проклятыя деньги.

«Однако деньги совсѣмъ не необходимы», говорятъ негоціанты, ведущіе мѣновую торговлю, и недавно еще одинъ послѣдователь Роберъ Макера доказалъ, что иногда можно обойдтись и безъ денегъ. Онъ вошелъ въ одну изъ лучшихъ кандитерскихъ и, называя себя управляющимъ какого-то герцога, сказалъ хозяину заведенія:

— Сдѣлайте мнѣ къ завтрашнему дню четыреста пирожковъ и пришлите ихъ къ восьми часамъ въ такой-то домъ. Вотъ вамъ задатку двадцать франковъ.

Кандитеръ, изъ деликатности, не хотѣлъ принять задатка, потому-что зналъ герцога, и мнимый управляющій вышелъ, сопровождаемый низкими поклонами всѣхъ мальчиковъ. Онъ пошелъ прямо къ часовыхъ дѣлъ мастеру, жившему въ той же улицѣ, и сторговалъ у него часы за двѣсти франковъ. Но когда пришлось платить, мошенникъ извинился, что у него нѣтъ денегъ и прибавилъ:

— Впрочемъ, у меня есть должникъ въ этой же улицѣ: пойдемте къ нему и онъ завтра же заплатитъ двѣсти франковъ, если вы оставите мнѣ часы.

Часовщикъ послѣдовалъ за своимъ покупателемъ къ кандитеру и мнимый управляющій сказалъ хозяину:

— Вы мнѣ должны принести завтра четыреста. Я передумалъ. Мнѣ вы принесите двѣсти, а двѣсти отдадите этому господину—согласны вы?

— Очень-хорошо, отвѣчалъ кандитеръ и Роберъ Макеръ ушелъ съ часами, а оба одураченные объяснились между собою только уже немного-поздно. Часы пропали, а пирожки напрасно искали герцога.»

— Въ Лондонѣ холера почти совсѣмъ прекратилась; впрочемъ, она не была такъ сильна, чтобъ на нее обращали много вниманія, или чтобъ она повредила дѣламъ. Лондонское Сити чрезвычайно довольно тѣмъ, что французское правительство установило тарифъ на желѣзо и каменный уголь: оно видитъ въ этомъ одобреніе системы свободной торговли. Однако, новый тарифъ нисколько не убавилъ цѣны, напротивъ, полоса желѣза, которая въ ноябрѣ 1852 года стоила 180 фр., теперь продается за 240 фр. Причина этому та, что требованіе на желѣзо возвышается все болѣе-и-болѣе, и компаніи желѣзныхъ дорогъ поми-

Digitized by Google

нутно требуютъ новыхъ матеріаловъ. Даже Австралія и Индія заказываютъ рельсы въ Англіи. Правда, что въ Австраліи нѣтъ еще покуда никакихъ дорогъ, но она, не хочетъ, подобно Европѣ, начинать съ мостовыхъ, шоссе и Мак-Адама, а имѣетъ намѣреніе прямо прокатиться по желѣзной дорогѣ.

Въ Канадѣ не знаютъ, какъ выразить благодарность инженеру Стефенсону за то, что онъ нашелъ возможность перебросить черезъ рѣку Св. Лаврентія *желѣзный* мостъ, который устоитъ отъ напора льда, обыкновенно уносящаго всѣ мосты. Къ Монреалю подведена тоже желѣзная дорога въ 250 миль длины, которая соединитъ этотъ городъ съ штатомъ Менъ. Въ Квебекѣ устроиваютъ висячій мостъ въ 3,400 футовъ длины, прикрѣпленный къ башнямъ, вышиною въ 330 футовъ, поддерживающимъ эту легкую желѣзную гирлянду въ 160 футахъ надъ водою. Словомъ: Американцы объявляютъ, что имъ впродолженіе десяти лѣтъ надобно будетъ два мильйона тоннъ рельсовъ на дороги, въ четыре тысячи миль длины!

Почтовые доходы Англіи за 1853 годъ превзошли всѣ прежніе годы. Почта лондонская раздаетъ ежедневно 156,000 писемъ (и 40,000 журналовъ), 7,700,000 въ недѣлю, или 400,000,000 въ годъ. Какое-то число будетъ въ 1854 году?

Впрочемъ, кто желаетъ узнать будущее, тотъ можетъ справиться съ вышедшими на новый годъ альманахами Задкиля и Рафаэля. Въ нихъ исчислены помѣсячно всѣ будущія происшествія, предсказано все, что̀ случится, стало-быть нечего и задумываться о томъ, что̀ будетъ.

Извѣстія изъ Лондона могутъ прерваться телеграфическою фразою: *за туманомъ ничего не видно*. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Лондонѣ цѣлые *два дня* была *ночь*. Густой туманъ наполнялъ улицы сплошною массою, врывался въ дома и гасилъ свѣчи. Безъ факеловъ нельзя было найдти ни одной дороги; и то, если ими не махали, чтобъ усилить огонь, то туманъ окружалъ ихъ тройнымъ слоемъ, какъ гасильникомъ— и свѣтъ исчезалъ. Омнибусы, фіакры, кареты поминутно сталкивались, останавливались, наѣзжали на домы, на Темзѣ пароходы не ходили, боясь несчастій. Не справедливо ли назвалъ одинъ писатель лондонскій туманъ *египетскою язвою?* Можно также назвать его хаосомъ, которому стòитъ только продолжиться нѣсколько дней, чтобъ выгнать изъ Лондона всѣхъ жителей, если они, съ отчаянья, не застрѣлятся или не повѣсятся.

Въ Лондонѣ надѣлало много шума открытіе древняго парламентскаго *билля*, временъ Карла II, которымъ утверждается судебная власть лорда-мера и альдерменовъ на Темзѣ, только на томъ условіи, что рѣка эта будетъ обнесена набережною отъ лондонскаго моста и до Темпль-Бара. И чтожъ? мѣсто, назначенное для набережной, застроено домами, приносящими корпораціи большой доходъ и альдермены пользуются незаконно своею властью впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ, потому-что не исполнили условія *билля*. Если бы еще въ Лондонѣ были такія же прекрасныя набережныя, какъ въ Парижѣ, это было бы простительно; но въ столицѣ Англіи нѣтъ ни одной порядочной

Digitized by Google

набережной и всѣ обвиняютъ теперь въ этомъ альдерменовъ, которые не исполнили биля Карла II и настроили домовъ по берегу Темзы, потому-что это прибыльно.

Въ Парижѣ и во всей Европѣ, много и долго разсуждали о подвигахъ знаменитаго завоевателя Соноры, Payссе Бульбона; но теперь явился другой *левъ*, который обратитъ на себя всеобщее вниманіе, когда исторія его будетъ извѣстна. Это французъ, имени котораго мы не можемъ сообщить читателямъ, но смѣло увѣряемъ, что онъ можетъ занять важное мѣсто въ Пантеонѣ знаменитыхъ искателей приключеній.

М. еще въ первой молодости имѣлъ страсть къ путешествіямъ и большимъ охотамъ. Онъ родился настоящимъ Немвродомъ; но европейская дичь скоро ему надоѣла и онъ мечталъ объ охотѣ за львами, слонами, тиграми и носорогами. Въ Пиренеяхъ онъ дрался съ медвѣдями, но этого было ему мало, и онъ смѣло рѣшился отправиться въ неизвѣстныя страны. Въ Сент-Этьеннѣ онъ купилъ грузъ ружьевъ большаго калибра, пороху, пуль и, уговоривъ одного друга, предпринять съ нимъ опасное путешествіе, сѣлъ на корабль въ какой-то гавани и отправился съ Мысу Доброй Надежды. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ вышелъ на берегъ съ своимъ другомъ въ пустынѣ кафрской земли.

Первые дни прошли очень-весело. М. завербовалъ больше полсотни кафровъ и съ ними объявилъ жестокую войну слонамъ, львамъ и носорогамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, это была ужь не охота, а кровопролитная борьба, и французскій Немвродъ былъ въ такомъ восторгѣ, побѣждая колоссальную дичь, что не успѣвалъ даже поговорить съ своимъ другомъ и посмѣяться надъ парижскими охотниками, которые цѣлый день бродятъ вокругъ города за чахоточнымъ зайцемъ, или домашнимъ кроликомъ.

Къ-несчастью, это положеніе было непродолжительно. Два кафрскія племени начали отчаянную войну. Черный король народа Амазулу, по имени Панда, о которомъ упоминалъ въ своемъ путешествіи капитанъ Левальянъ, слышалъ о подвигахъ и храбрости М. и послалъ просить знаменитаго охотника, чтобъ онъ помогъ ему побѣдить враждебное племя Дингалуну. Французъ, выслушавъ чернаго посланника, такъ же великодушно, какъ и неблагоразумно, отправился съ другомъ своимъ къ кафрскому предводителю.

Впродолженіе трехъ мѣсяцевъ М. преподавалъ черному войску правила стратегіи; и когда увидѣлъ, что армія его дѣйствуетъ порядочно оружіемъ, онъ, какъ военачальникъ, повелъ ее на непріятеля, сказавъ имъ передъ битвой: «не забывайте, что вы принадлежите къ храброму племени Амазулу». Полководецъ враговъ, вѣроятно, то же сказалъ своимъ солдатамъ: «помните, что вы Дингалуну!

Битва была жестокая, но непріятель, конечно, забылъ, что его зовутъ Дингалуну и потому позволилъ себя разбить и разсѣять. М. вернулся въ Омфилосъ, столицу владѣній Панды, съ безчисленными волосами непріятелей и богатою добычею.

Digitized by Google

Чрезъ нѣсколько дней послѣ побѣды, онъ вздумалъ вернуться опять на охоту и пришелъ проститься съ Пандою; но тотъ объявилъ ему прямо, что не можетъ съ нимъ разстаться.

— Еслибъ насъ побѣдили, прибавилъ Панда: — я бы посадилъ тебя на колъ; но такъ-какъ ты истребилъ враговъ, я награжу тебя, какъ ты не ожидаешь. У меня только одна дочь: а отдаю ее тебѣ.

— Возможно ли! воскликнулъ французъ, скорѣе съ ужасомъ, чѣмъ съ радостью.

— Да̀, продолжалъ Панда: — это моя воля; и хотя носъ твой не приплюснутъ и губы не черны, но дочь моя согласна быть твоею женою, несмотря на твое безобразіе и бѣлизну. Будьте счастливы.

М. попробовалъ-было отговориться отъ подобнаго счастья, но увидѣлъ, что, за неповиновеніе, тесть тотчасъ же прикажетъ посадить его на колъ, и потому поневолѣ согласился жениться на дѣвушкѣ, съ проткнутымъ носомъ.

Чрезъ нѣсколько времени Панда умеръ и М. сдѣлался кафрскимъ предводителемъ подъ именемъ Каткобана 1. Новый правитель думалъ только о томъ, какъ бы ему избавиться отъ жены и подданныхъ и уйдти въ степь; но это было невозможно, потому-что стража окружала день и ночь своего властителя и не выпускала его изъ виду.

Разумѣется, что, получивъ власть, М. сдѣлалъ своего друга первымъ министромъ и тотъ, чрезвычайно-довольный своимъ положеніемъ, даже и не сбирался возвратиться къ образованнымъ людямъ.

Тогда новый властитель, Каткобана, рѣшился тайно бѣжать отъ кафровъ. Прибывъ въ Капштатдъ, написалъ онъ другу своему слѣдующее письмо:

«Любезный другъ.

Будь счастливъ, если можешь. Я поручаю тебѣ мою вдову и ѣду во Францію, гдѣ ужъ, конечно, меня не сдѣлаютъ кафрскимъ предводителемъ».

Теперь М. живетъ въ Парижѣ и гуляетъ по бульвару, куря сигары, какъ обыкновенный смертный. Никто и не подозрѣваетъ, что это бывшій правитель могущественнаго кафрскаго племени Амазулу.

— Въ Бангорѣ былъ недавно замѣчательный митингъ, если только можно назвать этимъ именемъ собраніе валлійскихъ бардовъ. Много было толковъ и насмѣшекъ по поводу этихъ поэтовъ, которые рѣшительно не хотятъ бросить изученія своего древняго языка. Безъ-сомнѣнія, барды и старинное ихъ нарѣчіе составляютъ теперь анахронизмъ въ-сравнении съ *трубнымъ мостомъ*, желѣзною дорогою, проходящею между Бангоромъ и Энглези и пароходами, плавающими надъ туннелемъ. Впрочемъ, зачѣмъ же отнимать у людей пріятное занятіе? Пусть барды вѣрятъ въ красоты языка Таліессина и Мерлина, пусть они воспѣваютъ на этомъ нарѣчіи чудеса современной промышлености. Врядъ ли только современники Артура имѣли слова для выраженія новѣйшихъ открытій. Впрочемъ, такъ-какъ валлійскій языкъ имѣетъ большое сходство съ бретонскимъ, то если англійскіе журналы съ пренебреженіемъ говорятъ о трудахъ бардовъ, Французская Академія обращаетъ на нихъ большое вниманіе и можетъ назначить имъ кон-

тіонову награду, какую недавно прислали трубадуру–куафёру Жасмену.

Понятно, что награждаютъ извѣстныхъ поэтовъ и писателей, но въ Англіи предлагаютъ воздвигнуть статую человѣку, который унесъ въ могилу свою тайну и свое имя. Это писатель–псевдонимъ Юніусъ, надѣлавшій въ свое время много шума. Недавно еще умные люди и извѣстные историки Маколей и лордъ Мэгонъ писали цѣлыя книги, стараясь разгадать тайну публициста. Неизвѣстное всегда больше привлекаетъ и дольше остается въ памяти. Многія знаменитости согласились бы помѣняться судьбою съ Юніусомъ. Самъ Вальтеръ Скоттъ, несчитавшій соперниками своими ни Байрона, ни Вордсворта, ни Сутея, завидовалъ славѣ таинственнаго Юніуса.

Другой митингъ былъ составленъ въ честь французскаго лейтенанта Белло, погибшаго во время экспедиціи въ Ледовитомъ Океанѣ. Предлагали воздвигнуть этому неустрашимому моряку памятникъ, напоминающій о его заслугахъ и геройской смерти. Англичане отдаютъ полную справедливость французскому лейтенанту, пренебрегавшему всѣми возможными опасностями только для пользы науки и изъ желанія привести какія–нибудь извѣстія объ англійскомъ Лаперузѣ, давно ужь оплакиваемомъ семьею и согражданами. Это рыцарское самоотверженіе награждено послѣ смерти, и французскій флотъ вмѣстѣ съ англійскимъ будутъ оплакивать преждевременную кончину храбраго Белло, который могъ бы принести еще много пользы и чести своей націи. Кажется, англичане рѣшились собрать по подпискѣ сумму для памятника французскому моряку и отослать ее во Францію, гдѣ ужь приводятъ въ исполненіе эту мысль. Первоначально хотѣли поставить памятникъ Белло въ церкви св. Павла, или въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, но отказались почему–то отъ этой идеи.

Въ Манчестерѣ, по случаю открытія статуи сэра Роберта Пиля, Гладстонъ, канцлеръ Казначейства и достойный ученикъ покойнаго министра, прочелъ рѣчь, заслужившую громкія похвалы.

Въ Зоологическомъ Саду толпятся англичане цѣлый день и съ любопытствомъ смотрятъ на соперника гиппопотама, принадлежащаго къ рѣдкой породѣ, названной Кювье и Овеномъ *Беззубою* (Edentates).

Это четвероногое извѣстно было до–сихъ–поръ въ Европѣ только по чучеламъ и привезено изъ дѣвственныхъ лѣсовъ Бразиліи, которые считаются ровесниками земли. Это *муравьеѣдъ (ant–eater)*. Онъ похожъ на небольшаго медвѣдя, только носъ его необыкновенно–длиненъ и хвостъ тоже длиненъ и до–того пушистъ, что онъ можетъ покрыть имъ все тѣло, что̀ дѣлаетъ муравьеѣда похожимъ на огромную вѣкшу. Длинный носъ его прикрываетъ предлинный языкъ, который животное это запускаетъ въ муравьиныя гнѣзда и ловитъ имъ муравьевъ, до которыхъ чрезвычайно–лакомо; кромѣ–того, оно питается другими насѣкомыми. Привезенный изъ Бразиліи муравьеѣдъ очень–молодъ, и потому его кормятъ яицами, разведенными въ молокѣ, и даютъ печонку отъ голубей и кроликовъ. Однако любопытные требовали, чтобъ ему дали покушать животныхъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое названіе, и хотя очень–трудно достать муравьевъ въ

Digitized by Google

теперешніе морозы, но Букландъ принесъ откуда-то цѣлый муравейникъ и предложилъ его на завтракъ животному. Всѣ ожидали, что муравьеѣдъ бросится съ жадностью на любимое кушанье, но каково было удивленіе любопытныхъ и ученыхъ, когда животное отворотило свой длинный носъ отъ муравьевъ и принялось сосать печонку кролика! Что жъ это такое? мистификація натуралистовъ или испорченность инстинкта? Во всякомъ случаѣ, не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что муравьеѣдъ показалъ отвращеніе къ муравьямъ и съ большимъ аппетитомъ кушалъ яица и печонку. Это напоминаетъ анекдотъ, случившійся съ однимъ англичаниномъ, который, слыша о страсти лацарони къ макаронамъ, нарочно поѣхалъ въ Неаполь и, разбудивъ одного изъ нихъ, далъ ему золотую монету на *макароны*. Неаполитанецъ положилъ деньги въ карманъ и сказалъ путешественнику: *Grazie milordo!* теперь-то я наѣмся до-сыта ростбифу!

Кромѣ муравьеѣда въ лондонскомъ Зоологическомъ Саду есть много другихъ рѣдкостей, привлекающихъ публику. *Aquavivarium* (или такъ-называемое море въ стаканѣ) всегда бываетъ окружено любопытными, которые сквозь стекло могутъ изучать нравы рыбъ, зоофитовъ, флору Амфитриды и всѣ чудеса океана. Между новыми пріобрѣтеніями замѣчательна орнитологическая коллекція, семейство фламинговъ (огненная цапля) съ ярко-розовыми крыльями. Гиппопотамъ растетъ и дѣлается тучнѣе и смѣшнѣе. Словомъ: мода и любопытство привлекли въ Зоологическій Садъ 240,738 посѣтителей въ прошедшемъ году, и надобно замѣтить, что въ Лондонѣ платятъ за входъ въ садъ. Любопытно знать, многіе ли посѣщали бы ботаническій садъ въ Парижѣ, еслибъ правительство назначило за входъ хоть самую ничтожную плату? Еслибъ даже ежедневно былъ въ немъ концертъ полковой музыки, какъ въ лондонскомъ саду, и тогда бы наврядъ составилось такое же число посѣтителей, какъ въ Зоологическомъ Лондонскомъ Саду.

На-дняхъ умеръ человѣкъ, много-сдѣлавшій для англійской книжной торговли и способствовавшій распространенію многихъ сочиненій, которыя оставались бы неизданными безъ покровительства Ашера. Онъ еврейскаго происхожденія и сдѣлался библіофиломъ, несмотря на всѣ препятствія. Онъ служилъ въ конторѣ Ротшильда, былъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, и наконецъ началъ торговать книгами въ Берлинѣ. Онъ имѣлъ сношенія со всѣми городами Европы и доставалъ всѣ библіографическія рѣдкости, какихъ отъ него требовали, разумѣется, за хорошую плату. Британскій музей обязанъ ему нѣкоторыми изъ своихъ драгоцѣнностей. Онъ умеръ въ Италіи, отъискивая какую-то древнюю рукопись и оставилъ послѣ себя, кромѣ значительнаго состоянія, прекрасную библіотеку, которая смѣло можетъ равняться съ извѣстными библіотеками Ренуара и Делюра.

Съ нѣкотораго времени американцы жалуются на англійское книгопечатаніе, увѣряя, что большая часть книгъ, продающихся по шиллингу, перепечатаны съ американскихъ изданій. Это, конечно, правда и никто не споритъ объ этомъ; но если половина англійскихъ книгъ перепечатана съ американскихъ, за-то, навѣрное, всѣ англійскія книги

Digitized by Google

давно перепечатаны въ Америкѣ съ лондонскихъ изданій. Латинское нарѣченіе *Fabricando fit faber* исполнилось на дѣлѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время книгопечатаніе у американцевъ до-того усилилось, что литература ихъ скоро превзойдетъ количествомъ, если не качествомъ, произведенія собственно-англійскія. Дѣятельность американцевъ, успѣхи ихъ въ литературѣ, торговлѣ, промышлености до-того быстры, что становится даже страшно за старую Англію.

Нѣкто Гофманъ началъ издавать *Хронику Картафила*. Извѣстно, что это одно изъ именъ *Вѣчнаго Жида*. Авторъ, кажется, чрезвычайно разсерженъ на выдумки гг. Сю и Дюма, и взялся представить въ настоящемъ видѣ вѣчнаго туриста. Не беремся рѣшить, который изъ двухъ французскихъ романистовъ представилъ Картафила вѣрнѣе и удачнѣе; но если судить по первымъ выпускамъ хроники Гофмана, называющаго себя полу-англичаниномъ, полу-германцемъ, то *его* жидъ нисколько не занимателенъ, и читатель съ первыхъ страницъ теряетъ охоту слѣдовать за неутомимымъ путешественникомъ въ его различныхъ странствованіяхъ.

— Перейдемъ теперь къ новостямъ промышлености и наукъ.

Предположено устроить желѣзную дорогу, которая опоясывала бы весь Парижъ. Работы начались съ большою дѣятельностью. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, открыли ужъ часть этого пути; теперь окончили Бельвильскій Тоннель и пространство между Вильетомъ и Шомонъ. Улица по дорогѣ въ Пантеонъ перерѣзана немного наискось прекраснымъ віадукомъ, составленнымъ изъ двадцати-трехъ аркъ съ широкимъ промежуткомъ, на которомъ сдѣланъ чугунный мостъ, занимающій всю ширину дороги. Оставлено тоже мѣсто для пѣшеходовъ и по обѣимъ сторонамъ дороги посажены молодыя деревья, украшающія общій видъ.

Рельсы идутъ далѣе на нѣсколько сотъ метровъ по шоссе, потомъ пересѣкаютъ другую дорогу, тоже посредствомъ чугуннаго моста, и входятъ въ довольно-узкую траншею, въ которой находится входъ въ тоннель. Онъ начинается въ глубокой рытвинѣ направо отъ Бельвиля. Отдѣльные домики живописно разбросаны на возвышенности Шомонъ, прорытой и прорѣзанной по всѣмъ направленіямъ дорогами, мостами, рудокопнями, печами для извести, и которая съ своими группами деревьевъ похожа на пейзажъ въ Альпахъ, или Севеннахъ, хотя находится въ нѣсколькихъ минутахъ пути отъ Парижа.

Тоннель проходитъ сквозь всю бельвильскую гору и оканчивается близь Шаронны; потомъ рельсы положены черезъ венсенскую дорогу между Тронной Заставой и Турель, и соединяются съ ліонской желѣзной дорогой; далѣе они направлены къ Сенѣ, черезъ которую переходятъ въ Берси по превосходному мосту, соединяющемуся съ великолѣпнымъ віадукомъ, доходятъ до орлеанской желѣзной дороги и кончаются у дебаркадера иврійской дороги.

Этотъ поясъ желѣзныхъ дорогъ будетъ оконченъ въ непродолжительномъ времени и соединитъ между собою всѣ рельсы, примыкающіе къ столицѣ Франціи. Благодаря ему, товары не будутъ долго лежать на мѣстѣ, ожидая удобнаго случая для перевозки ихъ на дру-

Digitized by Google

гую желѣзную дорогу; но, не перемѣняя даже вагона, могутъ безъ всякой задержки достигнуть до мѣста назначенія. Тутъ будетъ явная экономія какъ въ деньгахъ, такъ и во времени.

— Идея фабрикаціи сѣтей, машинами или на станкахъ, ужь три четверти вѣка занимаетъ многихъ механиковъ и все еще не могла быть приведена въ исполненіе. Вокансонъ занимался этою идеею, но самъ сознается, что ужь до него пробовали примѣнить ткацкіе станки къ этой фабрикаціи, но неуспѣшно. Между-тѣмъ сѣти продолжали приготовляться руками и цѣлыя семейства рыбаковъ занимались этою работою въ ненастную погоду, когда море не позволяло лодкамъ отваживаться на ловлю. Инструментами для этой промышлености были: гвоздь, придерживающій веревку, проходящую въ первый рядъ петель, пробойникъ, тоньше или толще, смотря по величинѣ петель, и челнокъ изъ мягкаго дерева — вотъ и все. И этими простыми инструментами съ незапамятныхъ временъ приготовляли и чинили сѣти, которыми ловили всѣ породы рыбъ.

Случалось, что во Франціи чувствовали недостатокъ въ сѣтяхъ, и тогда ихъ привозили изъ Сардиніи, Испаніи, Англіи и Сициліи. Въ послѣдніе годы реставраціи начали приготовлять сѣти въ тюрьмахъ, потомъ скоро учредились большія мастерскія въ главныхъ городахъ Франціи и торговля сѣтями сдѣлалась довольно-важною отраслью промышлености.

Однако Вокансонъ понялъ, что машина, приготовляющая сѣти для рыбной ловли, принесетъ большую пользу и выгоду и составилъ станокъ, который выставленъ былъ въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ, въ улицѣ Сен-Мартенъ, гдѣ, вѣроятно, и теперь находится. Неизвѣстно, почему изобрѣтеніе это не было принято и не вошло во всеобщее употребленіе. По всей вѣроятности, это должно приписать упрямству рыбаковъ, которые привыкли къ сѣтямъ собственнаго издѣлія и не хотѣли употреблять новыхъ. Жакаръ тоже занялся этою мыслью и сдѣлалъ машину по другой системѣ. Но когда онъ представилъ ее на разсмотрѣніе коммиссіи, одинъ изъ членовъ рѣшилъ, что *невозможно сдѣлать узла на натянутой веревкѣ* и что идея эта можетъ прійдти въ голову только сумасшедшему. Жакаръ не былъ, однакожь, съумасшедшимъ, что доказалъ своимъ станкомъ для фабрикаціи шелковыхъ матерій. Но, занявшись исключительно матеріями, онъ принужденъ былъ оставить машину для сѣтей, хотя и доказалъ возможность дѣлать узлы на натянутой веревкѣ.

Мысль эта, занимавшая двухъ механиковъ, но неимѣвшая успѣха, была ужь почти забыта, когда за нее принялась женщина, имѣющая право занять мѣсто въ лѣтописяхъ науки — это г-жа Фредерикъ, жительница Люна, родины знаменитаго Жакара. Она надѣлена необыкновенными способностями по части механическихъ искусствъ и была лучшею работницею на шелковой фабрикѣ, гдѣ, впослѣдствіи, составляла узоры и приготовляла станки. Эта женщина, изъ простаго сословія, изобрѣла довольно-сложную желѣзную машину двухъ метровъ ширины, на которой дѣлала рыбачьи сѣти и продавала ихъ въ 1827 году въ Марсели, Бордо и Нантѣ, гдѣ ихъ очень-хвалили.

Digitized by Google

Но изобрѣтатели рѣдко пользуются плодами своихъ открытій: машина г-жи Фредерикъ скоро перешла въ другія руки, и хотя продолжала готовить сѣти, но все-таки не сдѣлала переворота въ этой промышлености. Изобрѣтательница находилась между-тѣмъ въ бѣдственномъ положеніи и все-таки продолжала заниматься механикою. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовъ и лишенія, она изобрѣла машину, для очищенія каналовъ, простаго и удобнаго устройства, и по-крайней-мѣрѣ на-старости будетъ пользоваться довольствомъ и извѣстностью.

Прошло двадцать лѣтъ и о механическихъ сѣтяхъ опять забыли, когда явился четвертый изобрѣтатель, нашедшій еще новый способъ дѣлать механическія сѣти — это Венсанъ, простой работникъ, также изъ Ліона, гдѣ, кажется, поселился механическій геній. Этотъ работникъ уже изобрѣлъ новые челноки для тканья, регуляторы и другія машины. На выставкахъ 1844 и 1849 годовъ были его станки для тканья, передѣланные изъ жакаровыхъ. Несмотря на этотъ необыкновенный талантъ, Венсанъ былъ въ постоянной борьбѣ съ бѣдностью. Наконецъ онъ изобрѣлъ машину для сѣтей, и общество капиталистовъ купило у него это изобрѣтеніе съ тѣмъ, чтобъ основать во Франціи новую отрасль торговли, которая впослѣдствіи разовьется и принесетъ большую пользу.

— Заговоривъ о ткацкихъ станкахъ, мы должны упомянуть объ усовершенствованіи ихъ для тканья шелковыхъ матерій. Фабрикація этихъ матерій находится не въ блистательномъ положеніи, потому-что понесла большія потери въ нынѣшнемъ году отъ бѣднаго сбора шелка, который по этому случаю вздорожалъ и остановилъ работы на многихъ фабрикахъ. Дешевыя издѣлія всегда страдаютъ въ этихъ случаяхъ; дорогія же матеріи продолжаютъ продаваться успѣшно, несмотря на возвышеніе цѣнъ. Притомъ же, въ приготовленіи этихъ матерій не можетъ быть задержки, потому-что съ той минуты, какъ предвидится плохой сборъ шелка, фабрики всегда успѣютъ запастись заграничнымъ шелкомъ въ такомъ количествѣ, какое будетъ достаточнымъ. Но шелку низкаго сорта не выписываютъ изъ другихъ странъ, потому-что это невыгодно, и въ минуты кризиса множество работниковъ находятся безъ дѣла. Къ-счастію еще, что въ этомъ году есть перевѣсъ, уравнивающій нѣсколько положеніе ткачей. Если нѣтъ большихъ заказовъ легкихъ матерій, то требованія дорогихъ издѣлій, и особенно бархату, увеличились до такой степени, что необходимо увеличить число работниковъ.

Механика тоже воспользовалась этимъ увеличеніемъ работъ и съ своей стороны употребила всѣ усилія, чтобъ сдѣлать трудъ легче, а главное, какъ можно быстрѣе. Гг. Боннели и Ватель, сдѣлали нѣсколько удачныхъ усовершенствованій въ жакаровыхъ станкахъ, которые дѣлаютъ почти все, что̀ прежде дѣлали работники, такъ-что работа людей будетъ теперь чрезвычайно-проста и легка, а въ это время машина будетъ производить гораздо-больше чѣмъ съ прежними средствами. Это будетъ выгодно для фабрикантовъ и благодѣтельно для рабочихъ, которые, при меньшемъ трудѣ, будутъ получать боль-

Digitized by Google

шую плату. Всѣ усовершенствованія на шелковыхъ фабрикахъ чрезвычайно-важны, потому-что это одна изъ первыхъ отраслей французской промышлености, которая кормитъ десятки тысячъ людей и доставляетъ мильйоны дохода; стало-быть, механики и фабриканты должны стараться всѣми силами поддерживать и распространять этотъ источникъ народнаго богатства.

— Недавно сдѣлано новое открытіе, которое принесетъ огромную пользу и обратитъ на себя всеобщее вниманіе. Изобрѣтеніе это принадлежитъ Франціи — это новая система тормозить вагоны на желѣзныхъ дорогахъ и въ нѣсколько секундъ останавливать весь поѣздъ, всѣ вагоны и машину.

Несчастія на желѣзныхъ дорогахъ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ случались такъ часто, что общественное мнѣніе долго колебалось между новымъ способомъ путешествія и старымъ. Вотъ отчего инженеры и правительственные люди употребили все свое стараніе и познаніе, чтобъ найдти наконецъ средство отвратить опасность отъ желѣзныхъ дорогъ, не лишая ихъ скорости и удобства сообщенія. Долго трудились надъ этимъ и ввели ужь нѣкоторыя усовершенствованія, но все-таки нельзя было совершенно предохранить поѣздъ отъ непредвидѣннаго несчастія, потому-что не было никакой возможности остановить его въ одну минуту, во время самаго скораго хода. Почти всѣ несчастія произошли отъ этой причины. Надобно было найдти силу, которая могла бы, по данному знаку, въ минуту остановить всѣ колеса поѣзда. Эту задачу разрѣшилъ Александръ Ро, механикъ на сѣверной желѣзной дорогѣ во Франціи, изобрѣтеніемъ и примѣненіемъ пароваго торможенья.

До-сихъ-поръ употребляли ужь нѣсколько системъ торможенья, но всѣ онѣ до-того недостаточны и неудобны, что ихъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, совершенно бросили, и при несчастныхъ случаяхъ не успѣвали употреблять, потому-что дѣйствіе ихъ, чрезвычайно сложное и медленное, требовало много времени и рукъ, тогда-какъ тутъ дорога каждая минута. Если же при встрѣчахъ двухъ поѣздовъ, или другомъ препятствіи на рельсахъ успѣвали сдѣлать знаки и приготовить торможенье, то все-таки это не могло произойдти такъ скоро, даже съ уменьшеніемъ паровъ, и поѣздъ сталкивался непремѣнно съ препятствіемъ, прежде чѣмъ останавливался совершенно.

Поэтому, отбросивъ прежнія системы, механики и ученые начали придумывать новыя средства къ удержанію поѣзда на всемъ ходу, и Ро былъ такъ счастливъ, что разрѣшилъ эту трудную задачу. Онъ сказалъ себѣ, что если паръ имѣетъ силу сдвинуть цѣлый поѣздъ, то можетъ также и остановить его. Эту мысль онъ развилъ и примѣнилъ къ дѣйствію, назвавъ свое изобрѣтеніе *паровымъ торможеньемъ*.

Не будемъ входить во всѣ механическія подробности этой системы, но скажемъ только изъ чего состоитъ аппаратъ.

Предположимъ, что подъ каждымъ вагономъ устроенъ насосъ между осями. Въ немъ должны двигаться два поршня, прижимающіе тормаза къ колесамъ. Подъ всѣмъ поѣздомъ идетъ труба; она сзади задѣлана, а выходитъ спереди въ верхнюю часть машины, откуда

Digitized by Google

паръ проходитъ по трубѣ въ каждый насосъ. Паръ, дѣйствуя на поршни, заставляетъ раздвигать тормаза, подъ давленіемъ которыхъ колеса тотчасъ же останавливаются; поѣздъ тогда скользитъ только по рельсамъ.

Это новое средство къ остановкѣ дѣйствуетъ съ удивительной быстротой, потому-что стòитъ только открыть одинъ кранъ, чтобъ остановить поѣздъ. На это нужно только нѣсколько секундъ (не болѣе патнадцати секундъ, по разсчету изобрѣтателя), чтобъ остановить въ двухъ стахъ метрахъ отъ цѣли поѣздъ, идущій по шестидесяти верстъ въ часъ.

Употребленіе аппарата Ро, столь же просто, какъ и дешево. Онъ можетъ быть примѣненъ не только къ тендерамъ и вагонамъ, но и къ локомотивамъ. Машины, по системѣ Кремпшона, удобны болѣе всего для этого примѣненія.

— Торфъ не принадлежитъ ни къ минераламъ, ни къ растеніямъ, а составляетъ середину между этими двумя царствами природы.

Вòды отъ дождей, снѣговъ, потоковъ останавливаются на горахъ въ ращелинахъ и ямахъ, составляющихъ природные бассейны, и въ резервуарахъ бывшихъ рѣкъ и ручьевъ, ужь высохшихъ, но наполняющихся водою въ извѣстное время года. Эти воды образуютъ сначала лужи, потомъ пруды разной глубины, въ которыхъ развиваются водяныя растенія. Эти растенія не принадлежатъ къ обыкновенной породѣ, корни которыхъ скрыты подъ водою, но листья распускаются на воздухѣ и на солнцѣ; они никогда не выходятъ изъ своей родной стихіи, но тѣснятся, сплетаются на днѣ и составляютъ сплошной слой. На немъ выростаютъ новыя растенія, тогда-какъ первыя разлагаются и обращаются въ твердую массу, и это продолжается до самой поверхности воды, надъ которой застываетъ послѣдній слой.

Это вещество называется торфомъ и можетъ служить для топленія, потому-что его вездѣ большое количество, и добывается оно очень-удобно.

Неизвѣстно, во сколько времени торфъ образуется и доходитъ до того, что можетъ быть употребленъ вмѣсто топлива. Природа не вдругъ открываетъ свои тайны. Качество торфа бываетъ тоже различно, смотря по тому, въ какомъ мѣстѣ онъ собранъ, изъ какихъ растеній составился и наконецъ, смотря по времени образованія слоевъ.

Когда вода неглубока и не можетъ покрыть верхняго слоя, на немъ выростаютъ другія породы растеній, имѣющія корни подъ водою, но вершины которыхъ, подчиняясь вліянію солнца и воздуха, цвѣтутъ и растутъ не составляя торфа. Эти растенія можно тоже употребить для топки, но они не имѣютъ ужь качествъ торфа. Собиратели торфа очень-недовольны, когда встрѣтятъ пространства, покрытыя этими растеніями.

Во Франціи много торфяныхъ мѣстъ въ Пикардіи, Бретани, Нормандіи. Долго думали, что только на Сѣверѣ торфъ составляется въ большомъ количествѣ; но это была ошибка, потому-что и на Югѣ открыли большія пространства, покрытыя этимъ веществомъ. Вездѣ, гдѣ

Digitized by Google

есть болота и высохшія русла рѣкъ и каналовъ, торфъ образуется въ большомъ количествѣ, и недавно еще при устьѣ Роны и въ болотѣ Форса, близь Арля, открыли самое большое торфяное мѣсто во Франціи. Оно занимаетъ пространство въ тысячи гектаровъ и глубину слоевъ въ два метра, стало-быть, изъ него можно добыть двадцать мильйоновъ кубическихъ метровъ торфа.

Торфъ можно употреблять для домашняго топлива и для фабрикъ. Его приготовляютъ какъ кирпичи: очищаютъ массу отъ кореней и земли, кладутъ подъ прессъ и рѣжутъ ровными плитками. Въ этомъ видѣ торфъ горитъ прекрасно и не оставляетъ болѣе одиннадцати процентовъ золы.

Пробовали въ Парижѣ топить и невысушенымъ торфомъ, но результаты не оправдали ожиданій и опытъ оказался шарлатанствомъ, потому-что мокрый торфъ сначала все-таки высушивался въ тѣхъ же самыхъ печахъ, гдѣ потомъ служилъ топливомъ.

Однако прогрессъ не остановился на этомъ. По дешевизнѣ своей, торфъ сдѣлался лучшимъ топливомъ, потому-что камменный уголь вздорожалъ по всей Франціи; теперь же вздумали разложить торфъ точно такъ же, какъ каменный уголь, извлечь изъ него газъ и употребить его на освѣщеніе. До-сихъ-поръ опыты не имѣли полезныхъ результатовъ, можетъ-быть потому, что добытый газъ не былъ достаточно очищенъ, но покуда Моро Лавглуа разлагаетъ торфъ и примѣняетъ къ топленію извлеченный изъ него газъ, давно ужъ въ Англіи газъ каменнаго угля употребляется для топленія на кухнѣ. Если газъ торфа можетъ выполнить то же назначеніе, то открытіе это будетъ очень-важно, потому-что до-сихъ-поръ только одна дороговизна газа препятствовала общему его употребленію.

— Парижское Общество Поощренія Изобрѣтеній одобрило новое изобрѣтеніе Ризлера, представленное въ послѣднее засѣданіе Общества. Это — машина для приготовленія хлопчатой бумаги, посредствомъ которой Ризлеръ сохраняетъ много времени и расходовъ. Въ двѣнадцать часовъ она производитъ до ста килограммовъ хлопчатой бумаги самаго высокаго сорта, тогда-какъ прежнимъ способомъ не очищалось и семидесяти, и много пропадало. Здѣсь же не пропадетъ ничего и, какъ обыкновенно, послѣ чистыхъ и тонкихъ слоевъ ваты, идутъ хуже и до послѣдняго сорта. Вѣрнѣе всего въ этомъ открытіи то, что сохранено будетъ много времени и трудовъ на бумажныхъ фабрикахъ, гдѣ, для очищенія ваты, требовалось много труда и гдѣ прежде чѣмъ можно было ее ткать, надобно было нѣсколько разъ проводить черезъ чесательныя и очистительныя машины. Теперь же Ризлеръ оказалъ большую услугу бумажной промышлености и, благодаря его машинѣ, не только вата, но и бумажныя матеріи будутъ дешевле, потому-что работа будетъ проще и легче.

— О промышлености въ Парижѣ корреспондентъ нашъ пишетъ слѣдующее, въ дополненіе къ нашимъ извѣстіямъ:

«Промышленость, и особенно мелкая, была въ это время въ большомъ движеніи, по случаю праздниковъ. Несмотря на грязь, дождь, снѣгъ, она наполнила всѣ улицы, торговала подъ открытымъ небомъ

Digitized by Google

и на морозѣ, предлагая дешевыя бездѣлки для подарковъ. Это развитіе мелочной торговли наноситъ большой вредъ богатымъ магазинамъ, потому-что дешевизна привлекаетъ всѣхъ, а отъ подарковъ не требуется ни прочности, ни даже изящества. Въ-самомъ-дѣлѣ, Парижъ, кажется, принимается за экономію, и обѣгая дорогія вещи, покупаетъ все нужное въ уличныхъ базарахъ, которые, должно-быть, обогатились въ эти дни, если продавцы получили даже насморкъ и кашель. Но въ какомъ же предпріятіи не бываетъ маленькихъ неудовольствій?

«Прошедшій годъ окончился очень-грустно и, кажется, грусть эта перешла на начало нынѣшняго. Хлѣба собрано мало во всей Франціи; виноградъ тоже пострадалъ; и сколько несчастій произошло отъ этого! сколько горя, нищеты, голода! Правительство старается, сколько можетъ, облегчить участь бѣдныхъ, и благому примѣру его слѣдуютъ всѣ, кто въ-состояніи дѣлиться съ неимущими. Всѣ лавочники, булочники, мясники имѣли обыкновеніе дѣлать подарки на новый годъ своимъ постояннымъ покупщикамъ. Теперь же они, съ общаго согласія, собрали сумму, назначенную для этихъ подарковъ, и пожертвовали ее въ пользу бѣдныхъ. Это очень-похвально, хоть, должно быть, неочень-пріятно для кухарокъ и поваровъ, привыкшихъ сбирать ежегодную подать со всѣхъ лавочниковъ.

«Если въ нынѣшнемъ году и будетъ небольшой застой въ торговлѣ и промышлености, то торговцы не унываютъ, надѣясь на весну 1855 года. Она приведетъ въ храмъ промышлености народы всего міра, которые щедро вознаградятъ Парижъ за гостепріимство. Сколько приготовленій, сколько трудовъ къ этому турниру, на которомъ состязаются науки, искусства, земледѣліе! Кто-то будетъ побѣдителемъ въ этой мирной битвѣ? кто ближе всѣхъ подвинется къ совершенству?

«Дворецъ промышлености занимаетъ все пространство, называемое *Площадью Мариньи* и находящееся въ самомъ центрѣ Елисейскихъ Полей. Это будетъ не временной карточный домикъ, построенный на нѣсколько мѣсяцевъ, а вѣковое зданіе, соперничествующее великолѣпіемъ со всѣми знаменитыми памятниками нашего вѣка.

«Сколько объявленій, сколько описаній явится въ то время, сколько чернилъ и бумаги изведутъ на эти описанія! Въ обыкновенный годъ выходитъ во Франціи восемь мильйоновъ литровъ чернилъ (литръ = 0,6 кружки), то-есть по сту тысячъ литровъ на каждый департаментъ. Въ 1855 году, вѣроятно, потребность писанія увеличится и число литровъ удвоится—такъ французы любятъ писать обо всемъ.

«Исполнитъ ли только 1855 годъ все, чего отъ него ожидаютъ? Это другой вопросъ. Пока довольно и того, что онъ заставляетъ надѣяться и терпѣливо переносить несчастія. Теперь считаютъ въ Парижѣ болѣе 20,000 работниковъ, ненаходящихъ ни работы, ни хлѣба. Фабриканты обуви, лентъ, аграмантовъ и другихъ мелкихъ предметовъ промышлености, распустили часть рабочихъ, потому-что товары ихъ не находятъ выгоднаго сбыта. Это странно и почти невѣроятно, потому-что одной обуви выработано въ Парижѣ въ 1853 г. на сорокъ-девять мильйоновъ. Не-уже-ли бѣдность такъ велика, что цѣлые классы народа должны отказывать себѣ въ обуви и ходить бо-

Digitized by Google

сиротъ по морозу? Хорошо еще, что открыто новое убѣжище для бѣдныхъ на восемьсотъ кроватей, гдѣ они найдутъ пищу и тепло. Эта богадѣльня будетъ нынѣшнею зимою убѣжищемъ для многихъ несчастныхъ, которые погибли бы навѣрное отъ холода и голода.

«Если простому народу холодно и не чѣмъ прикрыться, онъ бѣжитъ погрѣться въ кабакъ и тамъ оставляетъ всѣ человѣческія чувства. Въ нынѣшнее же время вина очень-мало, по случаю болѣзни винограда, и содержатели кабаковъ принуждены были или надбавить цѣны на вино, или составлять вина своего издѣлія, примѣшивая къ нимъ кирпичъ, дерево, травы и другія снадобья. За эту фабрикацію пятеро ужъ попали въ исправительную полицію; булочники, спекулирующіе на дороговизну хлѣба, тоже были осуждены.

«Такъ-какъ виноградваго вина мало, то придумываютъ новые напитки, чтобъ замѣнить его. Недавно придумали выдѣлывать вино изъ свеклы и многіе хвалятъ его. Свекловичное вино, какъ говорятъ, почти такъ же пріятно, какъ виноградное. Оно можетъ даже замѣнить шампанское у людей, неслишкомъ-разборчивыхъ. Сколько услугъ человѣчеству оказала свекла? Сначала она питала домашній скотъ, потомъ начали выдѣлывать изъ нея сахаръ, алькоголь, а теперь вино Не благодѣтельное ли это растеніе, и къ-тому же оно растетъ на Сѣверѣ, на Югѣ, гдѣ угодно, и не проситъ ухаживать за нимъ, какъ нѣкоторыя другія произведенія.

«Винодѣлы въ Жирондѣ и Бордо принимаютъ всѣ мѣры, чтобъ предохранить виноградъ отъ болѣзни на будущій годъ. Это совсѣмъ-нелишнее, потому-что лучше предупредить зло, чѣмъ отчаяваться тогда, когда ужъ нельзя ничѣмъ пособить.

«Если вина были рѣдки въ нынѣшнемъ году, то масла, и особенно оливковаго, большой урожай. Теперь всѣ агрономы разводятъ оливковыя деревья, потому-что они растутъ во всѣхъ климатахъ, если только корни ихъ защищены отъ холода. Давно ли въ Парижѣ оливковое масло было такъ рѣдко, что одинъ житель Марсели, пріѣхавшій затѣмъ, чтобъ нарисовать свой портретъ, привезъ живописцу бутылку оливковаго масла длятого, чтобъ онъ не разводилъ свои краски на коровьемъ маслѣ. Правда и то, что Парижане и сѣверные жители не очень любятъ оливковое масло и предпочитаютъ ему коровье, которымъ гордятся точно такъ же, какъ южные жители своими оливками.

«Отчего на югѣ, гдѣ такія превосходныя стада барановъ, не разводятъ стадъ коровъ и быковъ? Не-уже-ли трудно заняться этимъ? Этотъ скотъ щедро платитъ за всѣ заботы и обогащаетъ своего хозяина; притомъ же, на югѣ кормъ гораздо-дешевле, и потому содержать и разводить этихъ животныхъ, должно-быть, очень-прибыльно. Не можетъ быть, чтобъ быки, какъ нѣкоторыя другія животныя, были привязаны къ одному мѣсту и нехорошо плодились и откармливались на другомъ. Я самъ видѣлъ, что каплунъ, перенесенный изъ Манса за пять миль, и при такомъ же кормѣ, какъ прежде, началъ чахнуть и хворать, но только-что его отвезли на прежнее мѣсто, онъ въ короткое время растолстѣлъ, такъ-что его нельзя было узнать. Вотъ отчего манскіе каплуны и бросскія пулярдки прославились въ

Digitized by Google

гастрономическомъ мірѣ и почему нигдѣ нельзя найдти имъ подобныхъ.

«Наука все идетъ впередъ и постепенно открываетъ тайны природы, чтобъ принести пользу человѣчеству. Со всѣхъ сторонъ сыплются проекты, вездѣ дѣлаются опыты, требуются привилегіи. Напримѣръ, гг. Тюлье и Напіасъ составили общество, съ капиталомъ въ пять мильйоновъ и берутся топить домы *торфенымъ углемъ*, который вдвое-дешевле всякаго извѣстнаго топлива и горитъ вдвое-дольше. Акціи сдѣланы по сту франковъ; и если разсчеты изобрѣтателей вѣрны, то онѣ принесутъ семдесятъ-пять процентовъ, что почти неслыхано. Торфеный уголь приготовляется паровой машиной и выдѣлывается небольшими плиточками. Его можно получать на фабрикѣ Напіаса и Тюлье въ Сен-Жюстѣ, въ Марнскомъ Департаментѣ и въ Парижѣ, въ улицѣ Ланкри № 49.

«Говорятъ, что ужь разобрано акцій на 300,000 франковъ и остальныя разойдутся еще скорѣе.

«Напіасъ извѣстенъ еще тѣмъ, что онъ изобрѣлъ средство останавливать въ одну минуту весь поѣздъ желѣзной дороги на всемъ ходу. Изобрѣтеніе его не имѣетъ ничего общаго съ аппаратомъ Ро, о которомъ мы говорили. Только-что дадутъ знать объ опасности, аппаратъ Напіаса снимаетъ весь поѣздъ съ рельсовъ. Сила этого аппарата чрезвычайная, хотя онъ очень-простъ. Подождемъ только удачныхъ опытовъ. Теперь такая дѣятельность на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и еще столько строятъ ихъ, что всѣ предупрежденія несчастій нисколько нелишнія. Компанія страсбургской желѣзной дороги рѣшительно купила линію отъ Базеля до Страсбурга и Вейсенбурга. Акціи превращены въ облигаціи въ 500 франковъ.

«Въ то время, какъ вездѣ проводятъ новыя дороги, не забываютъ и старыхъ, и составилось тоже общество для разрытія древней аппіевой дороги. Работаютъ много, но, кажется, польза отъ всѣхъ этихъ разъисканій будетъ только та, что наука найдетъ нѣсколько воспоминаній, исторія нѣсколько вѣрнѣйшихъ чиселъ и именъ.

«Банкиры братья Перейръ сдѣлались извѣстными въ 1830 году и теперь дѣла ихъ находятся въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что они пожертвовали въ пользу бѣдныхъ 50,000 фр. Это значитъ благородно проживать богатство. Не худо бы и другимъ богачамъ послѣдовать этому примѣру. Бѣдныхъ теперь много въ Парижѣ, потому-что работы прекратились съ наступленіемъ морозовъ.

«Менерати продаетъ рѣдкую этнографическую коллекцію, представляющую *фигуры, костюмы, оружіе* сорока-двухъ племенъ Южной Америки. Она стоила болѣе ста тысячъ франковъ и частному человѣку ненужна, тогда-какъ составила бы рѣдкое отдѣленіе въ музеѣ какого-нибудь государства. Если Франція не воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ пріобрѣсть коллекцію, значитъ, постройки обходятся ей дорого и она не можетъ позволить себѣ другихъ расходовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, постройки овладѣли всѣмъ Парижемъ и вытѣснили всѣ другія занятія».

Digitized by Google

— Перейдемъ теперь къ чисто-ученымъ новостямъ и сообщимъ прежде всего новыя изслѣдованія о нервныхъ органахъ растеній. Извѣстно, что растенія родятся, живутъ, воспроизводятся и умираютъ, какъ прочія органическія существа. Они имѣютъ свое дыханіе, и химія открыла, какія явленія сопровождаютъ эти дыханія. Органы растеній отъ корня до оконечности листьевъ наполнены особою жидкостью, совершающею свое кругообращеніе, какъ кровь. Жизнь растеній болѣе или менѣе подвергается иногда вреднымъ вліяніямъ атмосферы. Растенія страдаютъ отъ излишней влажности, или сухости, холода или жара, излишняго свѣта или тѣни. Каждое растеніе имѣетъ свои склонности. Въ одинакомъ состояніи даютъ они мало плодовъ дурнаго качества; когда же ходятъ за ними, цвѣты и плоды дѣлаются лучше и пріятнѣе. При нанесенной имъ ранѣ и они проливаютъ кровь. Если рана неглубока, природа залечиваетъ ее; если же велика, растеніе погибаетъ. Есть растенія, чувствительныя даже къ прикосновенію.

Леклеркъ въ изданной имъ недавно книгѣ: *Recherches physiologiques et anatomiques sur l'appareil nerveux des végétaux* описываетъ свои опыты надъ разными растеніями, которыя онъ подвергалъ дѣйствію эѳира и хлороформа.

Горшокъ съ *Недотрогою (Sensitive)* былъ поставленъ подъ стеклянный колпакъ вмѣстѣ съ разными сосудами, въ которыхъ былъ эѳиръ. Колпакъ обсыпанъ снаружи пескомъ, чтобъ воздухъ не проходилъ внутрь; опытъ производился на солнцѣ. Чрезъ десять—пятнадцать минутъ сняли колпакъ: всѣ листики растенія широко растянулись и оно не обнаруживало ни малѣйшаго чувства; ни удары, ни кислоты ни обрыванье листьевъ не производили на него никакого дѣйствія. Одинъ листокъ взятъ былъ въ теплую руку и только черезъ пять минутъ началъ сжиматься. Черезъ нѣсколько времени потомъ закрылись и всѣ листики. Теплота руки ускоряла возвращеніе чувствительности. Дѣйствіе вольтова тока еще лучше возвращало ихъ къ жизни.

Другой опытъ сдѣланъ былъ въ пасмурную погоду и обмираніе растенія происходило медленно. При третьемъ опытѣ Леклеркъ подвергъ недотрогу дѣйствію эѳира на четыре часа: растеніе навсегда умерло.

Въ сонномъ состояніи растенія эѳиръ дѣйствуетъ на него точно такъ же. Оно умираетъ отъ продолжительнаго вліянія на него эѳира, и въ томъ видѣ, какъ оно его застало, то-есть со свернутыми листочками; растеніе представляетъ потомъ неподвижность трупа.

Самый эѳиръ оказывается частью въ поглотившей его землѣ, а частью въ оконечностяхъ листьевъ; значитъ эѳиръ прошелъ чрезъ все обращеніе жизненной жидкости.

Леклеркъ производилъ опыты и съ другими растеніями, а именно: съ *polypodium vulgare*. Послѣ дѣйствія эѳира, оно подверглось тоже безчувственности, отъ которой опять поправлялось, если дѣйствіе эѳира было непродолжительно, или совсѣмъ погибало, въ противномъ случаѣ.

Опыты надъ *chara vulgaris* подтвердили существованіе нервныхъ

Digitized by Google

органовъ растеній. Обнаживъ кожицу растенія, можно было видѣть въ немъ обращеніе жизненной жидкости. Какъ скоро же вѣтвь погружали въ эѳиръ, всякое обращеніе прекращалось.

Это открытіе поручено разсмотрѣть особой коммиссіи Парижской Академіи Наукъ.

— Французскія газеты сообщаютъ новыя, любопытныя изслѣдованія надъ дѣйствіемъ хлороформа. Извѣстно, что когда открыли дѣйствіе сѣрнаго эѳира, всѣ восхищались изобрѣтеніемъ, дозволяющимъ производить мучительныя хирургическія операціи безъ страданій для больнаго. Наконецъ въ 1847 году эдинбургскій врачъ Симпсонъ, нашелъ другое, болѣе-дѣйствительное средство — хлороформъ, и всѣ спѣшили воспользоваться этимъ открытіемъ.

По первымъ опытамъ всѣ надѣялись, что новый агентъ принесетъ еще больше пользы человѣчеству, нежели эѳиръ, быстрѣйшимъ и сильнѣйшимъ дѣйствіемъ. Вскорѣ оказалось, однакожъ, что въ неосторожныхъ и неискусныхъ рукахъ хлороформъ подвергаетъ больныхъ большимъ опасностямъ и даже мгновенной смерти.

Въ 1848 году, дѣвица Стокъ, въ Булонѣ, пала первою жертвою подобнаго случая, и Парижская Медицинская Академія тотчасъ же занялась изслѣдованіемъ этого случая.

Докладчикъ Академіи былъ Мальгень. Онъ успѣлъ къ тому времени собрать еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ описанные имъ случаи:

У Анны Гринеръ, дѣвушки пятнадцати лѣтъ, нужно было вырѣзать вросшій въ тѣло ноготь, и для операціи употребили хлороформъ. Не прошло минуты послѣ первыхъ вдыханій, какъ она вдругъ опрокинулась безъ чувствъ. Вспрыснули ее водою, дали ей проглотить водки, пустили кровь: — все было безполезно, она умерла.

Артуръ Валькеръ, подмастерье въ аптекѣ, самъ пріучилъ себя къ вдыханію хлороформа, и однажды, подышавъ имъ, скоропостижно скончался.

Марта Симонсъ, тридцати-пяти лѣтъ, здоровая женщина, страдала отъ гнилыхъ зубовъ и хотѣла ихъ выдернуть. Она сама пошла къ дантисту. Тамъ дали ей подышать хлороформомъ. Начали производить выдергиваніе зубовъ. При четвертомъ зубѣ, она покатилась со стула и умерла.

Вальтеръ Баджеръ, двадцати-трехъ лѣтъ, тоже выдергивалъ себѣ зубы, подышавъ хлороформомъ, и черезъ минуту его не стало.

Наконецъ дѣвица Стокъ занозила себѣ ногу осколкомъ дерева, выходя изъ кареты; образовался нарывъ. Надобно было вынуть занозу и она сама пожелала употребить хлороформъ. На платокъ налито было 15—20 капель. Она начала имъ дышать и менѣе нежели въ минуту упала безъ чувствъ. Не подозрѣвая ея состоянія, докторъ спѣшилъ вынуть занозу, перевязать рану, и тогда замѣтилъ, что она ужь умерла. Тотчасъ же употреблено было всевозможное для возбужденія въ ней искры жизни; ничто не помогло.

Всѣ эти примѣры не убѣдили однакожъ Академію объявить хлороформъ опаснымъ и вреднымъ. Она объяснила многіе изъ несчастныхъ

Digitized by Google

случаевъ или асфиксію, которую бы можно было предупредить, или поврежденіемъ органовъ, въ которыхъ скрывались болѣзни. Общее же ея рѣшеніе состояло въ томъ:

1) что хлороформъ одинъ изъ самыхъ-сильныхъ агентовъ, и можетъ считаться въ числѣ ядовъ, а потому долженъ быть употребляемъ только самыми опытными людьми;

2) что хлороформъ раздражаетъ запахомъ и прикосновеніемъ дыхательные органы, а потому должно быть осторожнымъ при употребленіи его для людей, у которыхъ страдаютъ лёгкія, или сердце.

3) Хлороформъ дѣйствуетъ раздражительно, но медицина останавливаетъ это дѣйствіе на періодѣ безчувственности. Если дѣйствіе продолжится, то происходитъ смерть.

4) Вдыханіе хлороформа дѣлается опаснымъ отъ неумѣнья употреблять его, а именно: если дыханіе при этомъ несвободно, или мало вдыхается атмосферическаго воздуха.

5) Для предотвращенія всякой опасности надобно наблюдать слѣдующія правила: 1) освидѣтельствовать сперва дыхательные органы и, при слабости ихъ, не употреблять хлороформа; 2) тщательно наблюдать, чтобъ, во время вдыханія его, онъ смѣшивался достаточно съ атмосфернымъ воздухомъ, и чтобъ вообще дыханіе не было ничѣмъ стѣснено; 3) прекращать тотчасъ же вдыханіе хлороформа, какъ-скоро получена степень безчувственности. Еслибъ больной сталъ возвращаться къ чувствамъ прежде, нежели кончена операція, можно возобновить вдыханіе хлороформа.»

Это рѣшеніе Академіи было обнародовано въ 1848 году. Съ-тѣхъ-поръ списокъ несчастныхъ случаевъ увеличился.

Одинъ молодой каменщикъ, въ Ліонѣ, которому надобно было отрѣзать раздавленный палецъ, употребилъ хлороформъ, и умеръ послѣ нѣсколькихъ вдыханій.

Г-жа Лабрюнь, подвергавшаяся ужь прежде дѣйствію эѳира для вырыванія зуба, употребила хлороформъ при той же операціи, и послѣ нѣсколькихъ вдыханій умерла.

Наконецъ, молодой солдатъ въ орлеанскомъ госпиталѣ, которому нужно было вырѣзать изъ щеки небольшой наростъ, умеръ при четырехъ врачахъ отъ нѣсколькихъ вдыханій хлороформа.

По послѣднему случаю была составлена коммиссія медиковъ, и главный врачъ, Роберъ, представилъ новую записку о дѣйствіяхъ хлороформа. Онъ привелъ еще нѣсколько несчастныхъ случаевъ; съ однимъ мулатомъ, съ г-жею Симонъ и г-жею В., которые всѣ погибли отъ вдыханія хлороформа, и заключилъ въ донесеніи своемъ слѣдующее:

1) Хлороформъ можетъ произвесть внезапную смерть, похожую на дѣйствіе самыхъ сильныхъ ядовъ.

2) Общая причина смерти происходитъ, какъ кажется, отъ внезапнаго прерванія біенія сердца.

3) Въ бо́льшей части несчастныхъ случаевъ смерть произошла не отъ излишества хлороформа, а отъ неизвѣстнаго предрасположенія организма. Это предрасположеніе можетъ развиться и внезапно; такъ

Digitized by Google

были примѣры, что люди, подвергавшіеся ужь безвредно дѣйствію хлороформа, вдругъ умирали.

4) Медицина не имѣетъ еще средствъ распознавать примѣты этого предрасположенія. Извѣстно только, что недолжно употреблять хлороформъ *для* людей, у которыхъ больны органы дыханія, или кругообращенія крови, которые подвержены обморокамъ, которые ослабли отъ кровотеченій, или страдаютъ отъ тяжкихъ ранъ.

5) Медицина не имѣетъ еще средствъ остановить дѣйствія, произведеннаго вдыханіемъ хлороформа и предупредить печальныя послѣдствія.

Такимъ образомъ, между первымъ рѣшеніемъ Медицинской Академіи и донесеніемъ Робера ужь оказывается различіе. Но и онъ не отвергъ рѣшительно употребленіе хлороформа.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ обнародована недавно седьмая народная перепись (цензъ). Потребность новѣйшихъ временъ имѣть оффиціально статистическія свѣдѣнія о всѣхъ вѣтвяхъ общественной жизни, произвела недавно въ Соединенныхъ Штатахъ, при *седьмой народной переписи*, превосходное статистическое сочиненіе, изданное подъ надзоромъ Кеннеди. Работа эта составлена въ самомъ обширномъ размѣрѣ; но она еще невполнѣ обнародована: Кеннеди представилъ вашингтонскому конгресу только отчетъ о ней *(Abstract of the Seventh Concus)*, приложивъ при немъ рядъ таблицъ и, для образца, статистику Мерилендскаго Штата.

Народная перепись производится въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1790 года чрезъ каждыя десять лѣтъ. Послѣдній періодъ обнимаетъ пространство времени съ 1840 по 1850 годъ. Въ запискѣ триста столбцевъ съ цифрами народонаселенія, сельскаго хозяйства, промышлености, свѣдѣнія о происхожденіи и развитіи штатовъ, о медицинскомъ и нравственномъ положеніи, о географіи, внутреннемъ управленіи, финансахъ, просвѣщеніи, о богатствѣ земли и жителей. Вообще эти статистическія таблицы могутъ служить не однимъ государственнымъ людямъ, но и всей націи.

Конгресъ назначилъ на составленіе этой работы 1,267,000 долларовъ. Она произведена была сорока-пятью начальниками округовъ и 3,231 помощникомъ. Послѣдніе получали за каждыхъ пятьдесятъ-три записанныхъ жителей, по доллару и столько же за каждые десять миль описаннаго пространства.

Результатъ этой народной переписи, далъ 23.257,723 жителей во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ; въ этомъ числѣ не включены индійцы, неплатящіе податей.

Со времени послѣдней переписи (1840) число жителей увеличилось 6,188,270, то-есть на $36^1/_2\%$. Самые штаты пріобрѣтеніемъ Орегона и мехиканскихъ областей увеличились на 55,000 квадратныхъ миль.

Вообще ежегодное приращеніе народонаселенія составляетъ 2,8%.

Число темноцвѣтныхъ людей было въ 1790 году 757,363, теперь оно простирается до 3,626,000. Въ 1790 году число невольниковъ составляло 17% всего народонаселенія; теперь оно еще доходитъ до 13%.

Digitized by Google

— Ученые иностранные журналы за истекшій январь немного принесли намъ новостей въ физическихъ наукахъ; ихъ не трудно собрать въ весьма необширное обозрѣніе.

Прежде всего порадуемъ любознательныхъ читателей извѣстіемъ о скоромъ выходѣ посмертныхъ сочиненій незабвеннаго Араго, оставившаго послѣ себя весьма-много трудовъ, которые онъ не спѣшилъ издавать въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, по уважительнымъ причинамъ. Кто коротко знакомъ съ тѣмъ, что̀ вышло изъ рукъ Араго при его жизни, тотъ можетъ припомнить, что скрываемыя имъ многочисленныя изслѣдованія считалъ онъ неконченными, то-есть недоведенными до того совершенства, которымъ отличаются всѣ его опыты и наблюденія, всегда рѣшавшіе окончательно самые трудные вопросы въ наукѣ, и часто измѣнявшіе ея основанія, признаваемыя несомнѣнными. Полное собраніе сочиненій Араго пріобрѣлъ за 120 тысячъ франковъ у наслѣдниковъ покойнаго г. Жидъ (Gide), издатель «Путешествій» и «Космоса» Гумбольдта; они выйдутъ въ *двѣнадцати* томахъ, раздѣленныхъ слѣдующимъ образомъ: *три* первые тома будутъ содержать въ себѣ историческія похвальныя слова, біографическія замѣтки и собственныя записки автора о его молодости; *два* тома ученыхъ записокъ, числомъ девятнадцать, изъ которыхъ издано только шесть или семь; *два* тома физической астрономіи, надъ которой Араго трудился три года; *три* тома ученыхъ статей, помѣщаемыхъ въ «Annuaire». Между ними будетъ напечатана и обширнѣйшая — *о громѣ* (¹), которую авторъ предъ своею смертью исправилъ и дополнилъ; *одинъ* томъ донесеній, читанныхъ въ Академіи Наукъ, и еще *одинъ* томъ донесеній. Форматъ — большое октаво. Профессоръ химіи Бораль, другъ покойнаго, читалъ корректуру, и дѣло идетъ весьма-быстро. Первый томъ долженъ ужъ выйдти, потому-что его обѣщали издать въ декабрѣ прошлаго года; слѣдующіе будутъ помѣсячно.

— Коэффиціентъ расширенія газовъ опредѣленъ съ точностью, въ первый разъ Ге-Люссакомъ, который нашелъ, что газы на каждый градусъ стоградуснаго термометра расширяются на 0,00375 долей своего объема; потомъ Реньо уменьшилъ это число до 0,00366. Нынѣ шотландецъ Макуорнъ Ранкейнъ (Macquorn Rankine) сообщилъ Королевскому Эдинбургскому Обществу Наукъ свои новые опыты, относящіеся къ тому же предмету, и которые привели его еще къ меньшему числу: 0,00364. Притомъ надобно замѣтить, что физики сомнѣваются въ постоянномъ расширеніи газовъ для всѣхъ температуръ; поэтому огненная машина Эриксона не имѣетъ еще твердыхъ основаній для строгаго вычисленія ея дѣйствій.

— Много опытовъ сдѣлано надъ проводимостью тепла различными металлами, но никто изъ физиковъ до-сихъ-поръ не наблюдалъ сравнительно движенія тепла между металлами, разнородными и по своей натурѣ и по своимъ размѣрамъ. Горъ (Gore) нынѣ дошелъ до слѣдующихъ заключеній. Извѣстно, что металлы, относительно своей спо-

(¹) Эта статья была вполнѣ переведена и напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года (томы II и IV).

Digitized by Google

собности проводить теплю, располагаются въ такомъ порядкѣ: мѣдь, латунь, желѣзо, цинкъ, свинецъ и серебристый никель. Приводя ихъ въ соприкосновеніе и сплавляя, Горъ увѣрился, что *тепло быстрѣе проходитъ изъ лучшаго проводника въ худшій, нежели обратно.* Тѣ же металлы, относительно проводимости электричества, располагаются уже въ другомъ порядкѣ: мѣдь, цинкъ, латунь, желѣзо, свинецъ и серебристый никель, и опыты Гора доказали, что *тепло также быстрѣе переходитъ изъ лучшаго проводника электричества въ худшій, нежели обратно.* Наконецъ третій результатъ опытовъ Горе состоитъ въ томъ, что *тепло быстрѣе переходитъ изъ толстыхъ проволокъ въ тонкія, нежели по обратному направленію.* Физики, занимающіеся проводимостью гальваническихъ токовъ, раскаляющихъ проволоки, безъ-сомнѣнія, обратятъ на эти выводы должное вниманіе. Да и техникамъ не безполезно принять ихъ къ свѣдѣнію.

— Извѣстно, что когда наступаетъ время бросанія икры, тогда рыбы изъ морскихъ соленыхъ водъ переселяются въ прѣсную воду рѣкъ. Желая открыть причину этого переселенія, Милье (Millet) нѣсколько лѣтъ изучалъ дѣйствіе соленой воды на икру, и нашелъ, что самое малое количество распущенной въ водѣ соли останавливаетъ вылупливаніе зародышей. Такое вредное дѣйствіе соли можно замѣчать простыми глазами на икрѣ сёмги и форели: каждое зерно ея теряетъ свою форму, желтѣетъ и начинаетъ просвѣчивать, какъ опалъ; даже въ зернахъ оплодотворенныхъ уничтожается начало организаціи. Потомъ Милье увѣрился, что оплодотворенная икра должна оставаться неподвижною. Сёмга и форель кладутъ свою икру между кремнями или въ песокъ и закрываютъ ее; другія прилѣпляютъ ее къ камнямъ и къ травѣ. Такимъ образомъ икра предохраняется отъ всякаго движенія и отъ колебанія воды. Въ нормальномъ состояніи на каждомъ зернѣ икры находится бѣлое пятнышко: оно должно оставаться въ неизмѣнномъ положеніи. Произведенное въ немъ движеніе водою или въ искусственныхъ сажалкахъ — костью и перомъ уничтожаетъ зерно, особенно при началѣ его созрѣнія, когда пятнышко болѣе удлиняется и превращается въ вилочку, съ двумя загнутыми концами. Въ это время погибаетъ наибольшое количество икры отъ постороннихъ причинъ, возмущающихъ ея спокойное положеніе. Въ началѣ оплодотворенія икры, еще можно переносить ее изъ одного мѣста на другое; но какъ скоро начинаетъ образовываться зародышъ, то неподвижность дѣлается необходимымъ условіемъ для его сохраненія: образованіе же зародыша ясно обозначается однимъ или двумя черными пятнышками; эти пятнышки — будущіе глаза.

— Астрономія также не богата новостями. Эльтценъ (Oeltzen), наблюдатель въ вѣнской обсерваторіи, замѣтилъ новую двойную звѣзду, непомѣщенную въ обширной росписи такихъ звѣздъ В. Я. Струве. Она состоитъ изъ двухъ звѣздъ, изъ которыхъ бо́льшая седьмой или осьмой величины, а мѐньшая — девятой. По случаю этого наблюденія, не безполезно, кажется, вспомнить о трудахъ астрономовъ, занимающихся двойными звѣздами. Достопамятное открытіе В. Гершеля, сдѣланное въ началѣ текущаго XIX-го столѣтія, и доказавшее, что

существованіе солнечныхъ системъ, обращающихся около общаго ихъ центра тяжести, возбудило дѣятельность многихъ астрономовъ, которые съ необыкновеннымъ соревнованіемъ начали опредѣлять, какъ мѣста звѣздныхъ группъ двойныхъ и сложныхъ, такъ и относительныя положенія звѣздъ въ каждой группѣ, необходимыя для вычисленія орбитъ обращающихся или подчиненныхъ звѣздъ. В. Гершель, начиная съ 1779 г., опредѣлилъ положенія 500 двойныхъ и сложныхъ группъ, въ которыхъ разстоянія между звѣздами были менѣе 32″. В. Я. Струве, начавшій свои наблюденія съ 1813 г., распространилъ ихъ съ конца 1824 г., когда Дерптская Обсерваторія первая получила фраунгоферовъ рефракторъ. Послѣ 1827 г. онъ издалъ роспись 3112 двойныхъ звѣздъ, которыхъ взаимное разстояніе менѣе 32″. Спустя десять лѣтъ, онъ издалъ новую большую роспись, содержащую 2641 звѣзду. По открытіи Пулковской Обсерваторіи, В. Я. Струве и сынъ его, вновь пересмотрѣли небо и прибавили еще 200 звѣздъ О. В. Струве трудился надъ ихъ микрометрическими измѣреніями. Съ другой стороны, Джонъ Гершель продолжалъ труды своего отца съ 1821 г., и сперва вмѣстѣ съ Джемсомъ Саутомъ. Впродолженіе 1821—1823 г., они измѣрили микрометрически 300 звѣздъ. Въ 1823 г. Джонъ Гершель, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и на свой счетъ, отправился на Мысъ Доброй Надежды, гдѣ пробылъ четыре года, въ сельскомъ домѣ, при подошвѣ Столовой Горы. Чрезъ десять лѣтъ послѣ своего возвращенія въ Англію, онъ издалъ (1847 г.) свои наблюденія на счетъ герцога нортомберлендскаго. Въ этомъ изданіи содержится роспись 2196 звѣздъ съ микрометрическими измѣреніями нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тѣмъ же предметомъ занимались Бессель, Девисъ (Dawes) и Гиндъ, Энке и Галле, Кейзеръ, Мичель въ Цинцинати, Дюнлопъ и Якобъ въ южномъ полушаріи, и Мёдлеръ въ Дерптѣ.

Савари, французскій астрономъ, первый издалъ (1827 г.) формулы для вычисленія наблюденій элементовъ видимыхъ орбитъ двойныхъ звѣздъ съ ихъ приложеніемъ къ ξ Большой Медвѣдицы, состоящей изъ двухъ почти равныхъ звѣздъ, раздѣленныхъ между собою 2″,4. Онъ нашелъ, что одна изъ нихъ обращается около другой въ 58 лѣтъ. Послѣдующія наблюденія и вычисленія увеличили этотъ періодъ до $61^{1}/_{2}$ годовъ. Послѣ Савари, Энке издалъ новыя формулы съ приложеніемъ къ ρ Офіуха, и опредѣлилъ, что въ ней подчиненная звѣзда оканчиваетъ свое обращеніе въ 74 года; но періодъ обращенія той же звѣзды Мёдлеръ нашелъ (1842 г.) въ 94 года. Нынѣ, надъ этимъ труднымъ вопросомъ съ успѣхомъ работаетъ Ивонъ Вилларсо. Наконецъ Мёдлеръ много занимался двойными звѣздами, имѣющими чрезвычайно-медленное движеніе, и нашелъ, что періоды обращеній

34	звѣздъ	простираются	отъ	100	до	500	лѣтъ,
91	—	—	—	500	до	1000	—
182	—	—	—	1000	до	2000	—
60	—	—	—	2000	до	3000	—
51	—	—	—	3000	до	4000	—
22	—	—	—	4000	до	5000	—

и болѣе 34 звѣздъ обращаются долѣе, нежели въ 5000 лѣтъ.

Digitized by Google

— Наконецъ упомянемъ, что Трамблей изобрѣлъ новый спасительный снарядъ при кораблекрушеніяхъ. Описаніе его, помѣщенное въ 1046 № «L'institut» неполно; изъ него можно понять только то, что, посредствомъ этого снаряда, удобно дѣлается сообщеніе между берегомъ и погибающимъ кораблемъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Общественная жизнь въ Петербургѣ теперь въ полномъ разгарѣ. Балы, маскарады, спектакли быстро слѣдуютъ одни за другими, привлекая болѣе или менѣе-значительную публику; но главный интересъ въ настоящее время возбуждаютъ новости не литературныя, не музыкальныя и не художественныя, а новости военныя. Славные подвиги нашихъ войскъ на турецкихъ границахъ интересуютъ всѣхъ и каждаго и возбуждаютъ всеобщее, живое участіе.

Русскія газеты, сообщающія о ходѣ военныхъ событій, читаются теперь всѣми. О военныхъ дѣлахъ говорятъ на балахъ, въ театрахъ, въ маскарадахъ, и часто во время какой-нибудь эффектной трагической тирады, во время безконечныхъ трелей оперной аріи, вы слышите возлѣ васъ легкій шопотъ вашихъ сосѣдей, сообщающихъ другъ другу какія-нибудь подробности послѣдняго военнаго дѣла. Полъ прекрасный интересуется всѣмъ этимъ неменѣе пола непрекраснаго, и этого мало: многія дамы высшаго общества занимаются приготовленіемъ корпіи, для отсылки на мѣсто военныхъ дѣйствій... Вѣсти о побѣдахъ русскаго оружія распространяются съ быстротою электричества, и въ дни полученія этихъ вѣстей, какъ, напримѣръ, 28, 29 ноября, когда въ Петербургѣ узнали о подвигѣ князя Андронникова и о синопскомъ сраженіи, встрѣчавшіеся другъ съ другомъ знакомые не говорили другъ другу обычныхъ «здравствуйте, какъ ваше здоровье», а «каково наши-то отличаются!» или «слышали, какъ турецкія дѣла-то идутъ?» Каждый спѣшитъ передать радостныя извѣстія всѣмъ, кому только можетъ, и мы слышали, что нѣкоторые ветераны-воины являлись ночью къ своимъ старымъ товарищамъ, чтобъ поздравить ихъ съ синопскою побѣдою, о которой узнали ужь поздно вечеромъ. Эти извѣстія передаются не только знакомыми, но даже и незнакомыми. Такъ, напримѣръ, о подвигѣ князя Андронникова мы узнали во время спектакля въ Михайловскомъ Театрѣ отъ сидѣвшаго возлѣ насъ совершенно-незнакомаго намъ господина. Получивъ это извѣстіе отъ кого-то въ антрактѣ, онъ передалъ его сосѣдямъ своимъ по обѣ стороны... Подобныя новости живо интересуютъ лица всѣхъ классовъ общества и званій, потому-что онѣ затрогиваютъ то чувство, которое живетъ въ сердцѣ каждаго — чувство любви къ отечеству и народной гордости. Мы любимъ говорить о подвигахъ нашихъ войскъ, потому-что ими услаждается это чувство,

Digitized by Google

и вотъ причина, почему драматическое представленіе г. Кукольника *Морской праздникъ въ Севастополѣ*, представленіе, доставившее намъ случай еще разъ вспомнить славное синопское дѣло, имѣло такой колоссальный успѣхъ. Пьеса эта, игранная въ первый разъ 6-го января, послѣ того повторялась до сего дня (26 января) шестьнадцать разъ сряду, и, каждое представленіе, театръ былъ полонъ до-нельзя. Вотъ содержаніе этой пьесы:

У Михаила Петровича, заслуженаго, раненнаго генерала, есть двѣ дочери, Ольга и Елена Михайловны. Ольгу Михайловну любитъ молодой морской офицеръ, Ипполитъ Александровичъ, а она, въ свою очередь, любитъ его; но старикъ-отецъ, боясь разстаться съ своею дочерью, не торопится ихъ свадьбою; между-тѣмъ влюбленнымъ грозитъ разлука, потому-что Ипполитъ Александровичъ, принадлежа къ эскадрѣ вице-адмирала Нахимова, долженъ идти въ походъ. Онъ уѣзжаетъ; однако разлука длится недолго: храбрая эскадра, подъ начальствомъ храбраго начальника, уничтоживъ при Синопѣ лучшую часть турецкаго флота, скоро возвращается въ Севастополь. Вѣсти о славной побѣдѣ приводятъ въ восторгъ воина-ветерана Михаила Петровича и, на радостяхъ, онъ соглашается разстаться съ своею дочерью и отдать ея руку молодому офицеру. Вотъ содержаніе «Морскаго праздника въ Севастополѣ»; оно служитъ связью тѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ которыхъ, въ различныхъ видахъ, у разныхъ людей проявляется любовь къ родинѣ и ея славѣ. Здѣсь есть и мичманъ, съ юношескимъ жаромъ говорящій о славѣ и подвигахъ, и изувѣченный воинъ, приходящій въ отчаяніе отъ невозможности принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и старый солдатъ, съ обычнымъ простому русскому человѣку юморомъ, разсказывающій о подвигахъ моряковъ, и дама, съ восторгомъ передающая интересные военные эпизоды, и проч., и проч. Всѣ эти лица говорятъ просто и естественно, но ихъ простыя рѣчи, въ родѣ хоть словъ капитана, что, въ-случаѣ невозможности продолжать битву, русскій морякъ долженъ поднять себя на воздухъ, а не спустить флагъ, или замѣчаніе стараго солдата, что на войнѣ три турка на одного русскаго — слѣдуетъ по положенію и т. п.; все это производитъ сильное впечатлѣніе, потому-что зала и сцена сливаются какъ-бы въ одно цѣлое во время представленія, актеры говорятъ то, что думаютъ зрители. Весь цвѣтъ петербургской публики собрался въ Александринскій Театръ 6 января, когда въ первый разъ давали эту пьесу, и театральная зала, освѣщенная a giorno, наполненная блестящими мундирами и разряженными дамами, представляла собою что-то особенно-торжественное. Громкіе аплодисменты и крики «ура» — вмѣсто bravo — повторялись при каждомъ словѣ, при каждомъ намекѣ на нынѣшнія военныя событія; а когда, въ послѣдней картинѣ на сценѣ, представляющей берегъ Севастополя, собравшійся народъ запѣлъ гимнъ въ честь русскому флагу, всѣ зрители приподнялись съ своихъ мѣстъ и «ура» въ залѣ вторило «ура», раздавшемуся въ концѣ пѣсни на сценѣ. Занавѣсъ опустился, но публика требовала народнаго гимна и оркестръ заигралъ «Боже царя храни!» Г. Кукольникъ былъ вызванъ нѣсколько

Digitized by Google

разъ и въ срединѣ и въ концѣ пьесы. Говоря о «Морскомъ Праздникѣ», нельзя не упомянуть о написанныхъ для него новыхъ декораціяхъ, изъ которыхъ особенно-хороши двѣ въ третьей и пятой картинѣ, сдѣланныя гг. Шастовымъ и Вагнеромъ. Первая представляетъ видъ Синопскаго Рейда, съ горящими на немъ турецкими кораблями, а вторая — берегъ Севастополя, за которымъ на морѣ виднѣется возвратившаяся изъ Синопа русская эскадра, съ иллюминованными въ честь побѣды судами. Послѣдняя декорація производитъ эффектъ поразительный. Что касается до исполненія пьесы, въ ней были хороши гг. Самойловъ (старый адмиралъ), Мартыновъ (его слуга) и Григорьевъ 1-й (храбрый морякъ).

Вотъ единственная новость, которая появилась на русской сценѣ въ первой половинѣ января. Но такъ-какъ мы не говорили о театрѣ ничего въ прошломъ мѣсяцѣ, то позволяемъ себѣ теперь сказать что-нибудь о бенефисныхъ новостяхъ декабря прошлаго года.

Въ концѣ прошлаго года на Александринскомъ Театрѣ былъ бенефисъ извѣстнаго артиста г. Григорьева 1-го. Мы думали, что г. Григорьевъ, снабдившій русскую сцену множествомъ комедій и водевилей, приготовитъ что-нибудь новое и интересное къ своему бенефису, но очень ошиблись въ разсчетѣ. Вѣроятно, во избѣжаніе излишнихъ трудовъ, г. Григорьевъ составилъ свой бенефисъ изъ сокращенной драмы-фантазіи г. Кукольника *Іоганъ Антонъ Лейзевицъ*, напечатанной когда-то въ Литературномъ Сборникѣ «Сто Литераторовъ», изъ возобновленнаго фарса своего сочиненія *Salon pour la coupe des cheveux* и изъ одного новаго водевиля своего сочиненія *Зачѣмъ иные люди женятся*. Если въ фантазіи г. Кукольника и можно обрѣсти при чтеніи нѣкоторыя достоинства, то смотрѣть ее на театрѣ очень-скучно. Представляя личности, чуждые большинству зрителей, интересы часто непонятные современному обществу, драма эта не возбудила ни малѣйшаго участія въ публикѣ. Мы разсчитывали, что водевиль — единственная новость бенефиса, вознаградитъ насъ за скуку, понесенную во время представленія драмы, но водевиль оказался еще скучнѣе драмы. Въ послѣдней, иногда хоть пробивается нѣкоторый жаръ автора, въ ней замѣтно хотя нѣкоторое артистическое усердіе отдѣлать свои произведенія; въ первомъ нѣтъ ни того ни другаго. Хотя г. Григорьевъ обладаетъ талантомъ драматическимъ, но большая часть произведеній его, не исключая и «Житейской Школы», страдаютъ недостаткомъ и общаго колорита и отдѣлки частной... Дѣйствіе его пьесъ какъ-будто происходитъ внѣ всякаго времени и мѣста; дѣйствующія лица кажутся непринадлежащими ни къ какому обществу.

Новая комедія г. Григорьева выказываетъ всѣ эти недостатки болѣе многихъ другихъ его произведеній. Г. и г-жа Душляковы, то-есть супруги, находятся между собою далеко не въ миролюбивыхъ сношеніяхъ. Г-жа Душлякова вертитъ всѣмъ въ домѣ посвоему, а супругъ ея прозябаетъ, какъ говорятъ, у ней подъ башмакомъ. Г-жа Душлякова ненавидитъ Петербургъ, гдѣ она не обращаетъ на себя вниманія. Г. Душляковъ владѣетъ въ Петербургѣ домомъ и не мо-

Digitized by Google

жетъ покинуть столицу, несмотря на желаніе супруги. Споры и ссоры супруговъ продолжаются и имъ не было бы конца, еслибъ Бурсаковъ, старый пріятель Душлякова, не присовѣтовалъ несчастному мужу ни въ чемъ не уступать своей женѣ; а для пріобрѣтенія необходимой на то храбрости, напиваться различныхъ крѣпкихъ напитковъ. Эта мѣра оказывается вполнѣ-полезною: неладившіе супруги окончательно примиряются. Лекарства, подобныя крѣпкимъ напиткамъ, которыя должны принимать мужья, для укрощенія сварливыхъ женъ, ужъ не разъ прописывались различными водевилистами, и древность этого совѣта должна была бы, при настоящемъ возобновленіи, заставить автора сообщить ему хоть болѣе-изящную форму. Но, начиная почти съ первой сцены, гдѣ кухарка Душляковыхъ поетъ куплетъ о кофеишкѣ, напоминающій куплетъ дворничихи въ «Домѣ на Петербургской Сторонѣ», продолжая появленіемъ нѣкотораго г. Пушинскаго (прежняго обожателя г-жи Душляковой), пришедшаго нанимать квартиру и цѣлую четверть часа разспрашивающаго хозяина о его семейныхъ дѣлахъ — этого сколка съ Дядюшки-болтушки, и оканчивая старымъ пріятелемъ Душлякова, который даетъ ему средства для противодѣйствія женѣ, и подобныхъ которому мы видали и въ русскихъ и французскихъ водевиляхъ — вся пьеса, продолжающаяся болѣе часа, есть не болѣе, какъ попури на давно-извѣстные мотивы. Одна, двѣ смѣшныя сцены, какъ, напримѣръ, мимическій споръ мужа и жены, не выкупаютъ блѣдности и длинноты всей пьесы, поддержанной г. Мартыновымъ (Душляковъ) и г-жею Линскою (Душлякова). О «Salon pour la coupe des cheveux» говорить нечего: это старый фарсъ, имѣвшій успѣхъ когда-то отъ соединенія въ немъ гг. Мартынова, Верне и Мора; но какъ фарсъ, неимѣвшій никакого права на возобновленіе.

Г. Самойловъ, недавно-возвратившійся изъ поѣздки за границу, гдѣ онъ пробылъ около полугода, для поправленія здоровья—составилъ свой бенефисъ изъ старой драмы г. Григорьева 2-го: *Лучшая школа—царская служба* и новаго водевиля, написаннаго покойнымъ Вонлярлярскимъ *Двѣ кибитки, или любовь на проѣзжей дорогѣ*. Пьеса г. Григорьева 2-го, нѣсколько растянута; въ ней нѣтъ большой художественной отдѣлки, но есть много вѣрно-схваченныхъ и задушевно-переданныхъ сценъ изъ простаго народнаго быта; есть двѣ-три типическія личности, которыя возбуждаютъ къ себѣ живое сочувствіе. Пьеса была разъиграна прекрасно г-жею Самойловою, и гг. Сосницкимъ, Григорьевыми 1-мъ и 2-мъ. Въ-особенности хорошъ былъ г. Самойловъ, превосходно-передавшій личность Ивана Козырня, до-того спившагося парня, что ему приходится принимать даже милостыню отъ дѣвушки, которую онъ любилъ и которая любила его... Пьеса эта множество разъ была играна въ прошлый сезонъ, въ театрѣ-циркѣ.

«Двѣ кибитки» водевиль, которому бы, вѣрно, не явиться никогда на сцену при жизни автора, уѣхалъ недалеко и пропалъ съ афиши послѣ двухъ представленій.

Г-жа Сосницкая, артистка, любимая публикою, въ бенефисъ свой возобновила драму—*Лекарь* г. Вонлярлярскаго, присоединивъ къ ней

Digitized by Google

передѣланное изъ извѣстной повѣсти Гоголя драматическое представленіе *Сонъ въ Лѣтнюю ночь*, водевиль, *Бабушкинъ праздникъ* и народное представленіе *Откликнулось сердце Царю и Отчизнѣ*. О «Лекарѣ» было ужь говорено нами; о «Снѣ въ Майскую ночь» говорить нѣчего, потому-что эта пьеса не имѣла никакого успѣха. Что же касается до «Бабушкина праздника», то это довольно-миленькій водевиль, въ которомъ бабушка, сопротивлявшаяся желаніямъ своего внучка вступить въ военную службу, и внучки—выйдти замужъ за одного молодаго человѣка, выпивъ въ день своей золотой свадьбы вина, сохраненнаго еще отъ перваго дня ея свадьбы, соглашается на исполненіе желаній того и другаго. «Откликнулось сердце Царю и Отчизнѣ», интермедія, въ которой поютъ гг. Петровъ, Булаховъ и г-жа Леонова, и танцуютъ порусски г-жа Дюръ и г. Михайловъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что еслибъ русской сценѣ суждено было въ декабрѣ довольствоваться только бенефисами артистовъ извѣстныхъ, то онъ прошелъ бы рѣшительно ничѣмъ неотмѣченными въ хроникѣ драматической литературы. Но въ то время, какъ наши старые любимцы представили намъ новое-неинтересное, а интересное — не новое, молодой артистъ г. Бурдинъ далъ въ свой бенефисъ пьесу и новую и интересную, именно комедію покойнаго Красовскаго *Женихъ изъ Ножовой линіи*.

Въ Москвѣ проживаетъ, нѣкогда балабаевскій, а теперь мѣстный третьей гильдіи купецъ—Иванъ Дороѳеевичъ Мордоплюевъ. Послѣ покойнаго «тятеньки» ему достались въ наслѣдство двѣ лавки: одна въ Ножовой Линіи, другая на Ильинкѣ, въ которыхъ онъ и продолжаетъ торговлю. Иванъ Дороѳеевичъ еще молодъ, но торговыя дѣла его идутъ хорошо, благодаря въ-особенности старому опытному прикащику Евсею Прохоровичу, служившему еще у его отца. Евсей Прохоровичъ знаетъ, кàкъ чтò продать, кому показать какой товаръ, умѣетъ съ покупателями и поговорить, и на вопросъ какой-нибудь рыжей дамы съ рулеобразнымъ носомъ, какой цвѣтъ ей больше къ лицу, незадумавшись отвѣчаетъ: розовый-съ, потому-де-что нѣжное такъ къ нѣжному и идетъ-съ. Такой ловкій прикащикъ — кладъ для хозяина; но, для полнаго счастья Мордоплюева, недостаетъ одного только — молодой хозяйки. Невѣсты, предлагаемыя свахами, все ему какъ-то не нравятся; дѣвушка же, которая ему нравится и которой онъ дѣлаетъ «всякія уваженьица», когда она приходитъ къ нему въ лавку за покупками—не невѣста, потому-что она изъ благородныхъ. Иванъ Дороѳеевичъ, малый смирный, и думать не смѣетъ о партіи съ Юліей Евграфовной Сандараковой (имя и фамилія дѣвушки), какъ къ нему является старый его знакомый Перетычкинъ, франтъ дурнаго тона съ усами, эспаньйолкой, въ яркомъ жилетѣ и пестромъ галстухѣ. Нѣкогда богатый, но теперь совершенно-промотавшійся купеческій сынокъ, Перетычкинъ обѣщаетъ Мордоплюеву познакомить его съ Сандараковыми, съ которыми самъ знакомъ ужь давно, и женить его на Юліи Евграфовнѣ. Занявъ при этомъ случаѣ у своего пріятеля пятьдесятъ цѣлковыхъ, Перетычкинъ безъ труда знакомится съ Сандараковыми (съ которыми у него знакомства прежде никакого

Digitized by Google

не было), дѣлаетъ множество комплиментовъ маменькѣ невѣсты, которые ей повидимому очень-нравятся, а затѣмъ объясняетъ причину своего посѣщенія и предлагаетъ дочкѣ жениха — богатаго купца. Слово «купецъ» неслишкомъ-пріятно для ушей г-жи Сандараковой, которой папенька владѣлъ двадцатью душами; но домашнія обстоятельства Сандараковыхъ разстроены, поправленія этихъ обстоятельствъ не предвидится, потому-что супругъ ея въ отставкѣ и занимается только дѣланіемъ фейерверковъ, и она рѣшается не упускать такой выгодной партіи дочери. Перетычкинъ заранѣе торжествуетъ побѣду. Онъ принуждаетъ своего пріятеля одѣться въ нѣмецкое платье, подстричь бороду, завить волосы, учитъ его ходить и говорить, и при этомъ удобномъ случаѣ занимаетъ у него опять денегъ. Напрасно старый прикащикъ отговариваетъ отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ своего молодаго хозяина, напрасно онъ старается показать, что̀ за человѣкъ этотъ Перетычкинъ: влюбленный не слушаетъ совѣтовъ Евсея Прохоровича и, отдавшись въ распоряженіе пріятеля, ѣдетъ къ невѣстѣ. Неуклюжій, застѣнчивый женихъ дѣлаетъ у Сандараковыхъ множество забавныхъ неловкостей, говоритъ множество смѣшныхъ вещей и возбуждаетъ въ Юлинькѣ рѣшительное къ себѣ отвращеніе. Но что̀ значитъ отвращеніе семнадцати-восьмнадцатилѣтней дѣвочки! Маменька такъ много говоритъ о богатомъ женихѣ, женихъ этотъ дѣлаетъ такіе прекрасные подарки и... Юлинька соглашается быть его женою. Мордоплюевъ не подозрѣваетъ истины. Увѣренный пріятелемъ въ привязанности къ нему Юлиньки, онъ блаженствуетъ отъ своего счастья; но судьба, наконецъ, раскрываетъ ему глаза. На пышномъ сговорѣ, устроенномъ въ домѣ Сандараковыхъ, женихъ случайно слышитъ разговоръ дочери и матери, изъ котораго узнаетъ всю истину: никакой любви къ нему ни съ чьей стороны и не бывало, а предметомъ привязанности и Сандараковыхъ и его пріятеля были только деньги. Огорченный Мордоплюевъ напивается пьянъ и, послѣ упрековъ всѣмъ, которые его обманывали, отказывается и отъ невѣсты и отъ пріятеля. Вотъ содержаніе комедіи «Женихъ изъ Ножовой Линіи». По мысли, а отчасти и по самому содержанію она имѣетъ сходство съ комедіею «Не въ свои сани не садись»: въ обѣихъ пьесахъ любовь сажаетъ молодыхъ людей не въ свои сани, за что̀ въ одной — героиня чуть не поплатилась позоромъ цѣлой жизни; въ другой — герой поплатился нѣсколькими тысячами. Хоть Дуняша г. Островскаго, купеческая дочка, увлекаемая бариномъ, возбуждаетъ къ себѣ гораздо-больше участія, нежели купецъ Мордоплюевъ, который, со словъ пріятеля самъ вообразилъ любовь къ себѣ барышни, тѣмъ не менѣе, однако, «Женихъ изъ Ножовой Линіи» нравится и зрителю, и читателю, благодаря типичности дѣйствующихъ лицъ и характеристическому ихъ языку. Молодой купчикъ, влюбленный въ барышню и нежалѣющій ничего для пріобрѣтенія ея расположенія; промотавшійся купеческій сынокъ, выдающій себя иногда за отставнаго гусара; старый прикащикъ, знающій такъ хорошо слабости покупателей; мелкопомѣстная барыня, любящая задавать тонъ; безхарактерная, какъ и большая часть дѣвушекъ ея возраста, Юлинька; торговка, занимающаяся

разносомъ товаровъ и новостей и готовая претерпѣть всякое оскорбленіе, только бы получить за это деньги— однимъ словомъ : всѣ лица, кромѣ самого Сандаракова, все это типы, которые нерѣдко встрѣчаются въ ежедневной жизни. Посмотрите на нихъ, послушайте, что̀ и ка̀къ говорятъ они; а каждый изъ нихъ говоритъ своимъ языкомъ, и вамъ покажется, что вы были не въ театрѣ, а въ обществѣ всѣхъ этихъ людей.

Пьеса разъигривается на нашей сценѣ превосходно, съ ансамблемъ, несмотря на то, что главныя роли занимаютъ артисты, непользующіеся большою извѣстностью. Г. Бурдинъ чрезвычайно-удачно передалъ лицо Мордоплюева и былъ бы безукоризненно-хорошъ, еслибъ не переутрировалъ нѣсколько неловкости и безвкусія въ нарядахъ молодаго купца. Г. Григорьевъ 2-й просто и съ большою теплотою съигралъ роль стараго прикащика ; г-жа Линская была удивительна въ ролѣ торговки, прибавляющей, какъ-бы въ подтвержденіе каждой своей сплетни, слова «вотъ разрази меня!»; г-жа Орлова — прекрасна въ мелкопомѣстной барынѣ; г-жа Шубертъ — въ безхарактерной дѣвушкѣ. Г. Марковецкій несмотря на неестественность нѣкоторыхъ положеній своей роли, очень-вѣрно съигралъ Перетычкина, франта дурнаго тона...

Послѣ «Морскаго Праздника въ Севастополѣ», г. Кукольника, наибо̀льшій интересъ, наибо̀льшее вниманіе петербургской публики въ мірѣ театральномъ, сосредоточивались въ послѣднее время на представленіяхъ г-жи Рашель. Представленія г-жи Рашель въ модѣ, а мода — деспотъ, которому всѣ и каждый, волею или неволею, подчиняютъ свои чувства и мысли.

Въ послѣдніе два мѣсяца г-жа Рашель играла роли : *Адріенны Лекуврёръ* (въ драмѣ-комедіи того же названія, Скриба и Легуве); *Гооолія* и *Роксаны* (въ трагедіяхъ Расина); *Тизбе* (въ драмѣ Гюго «Венеціанская Актриса»); *Полины* и *Камилы* (въ «Поліевктѣ» и «Гораціѣ» трагедіяхъ Корнеля); *Лидіи* и *Лезбіи* (въ одноактныхъ комедіяхъ Понсара и Барте («Горацій и Лидія» и «Воробей Лезбіи») и *Жанны д'Аркъ* (въ трагедіи Сумѐ).

Въ декабрѣ прошлаго года мы говорили въ первый разъ о г-жѣ Рашель, и тогда высказали свое мнѣніе насчетъ таланта артистки и игры ея въ классической трагедіи.

Многіе, слышали мы, находя отзывъ нашъ слишкомъ-холоднымъ, обвиняли насъ въ недостаткѣ симпатіи къ великому таланту ; но такіе упреки, смѣемъ сказать, совершенно-несправедливы. Мы съ глубокимъ уваженіемъ говорили о великомъ талантѣ великой артистки и намъ очень жаль, если это уваженіе показалось кому-нибудь холодностью. Въ нашемъ короткомъ отзывѣ не было безпрерывныхъ восторженныхъ похвалъ ; мы не становились, говоря метафорически, на колѣни передъ каждою тирадою знаменитой артистки и не восклицали безотчетно «чудесно! превосходно! неподражаемо!» потому, что находимъ подобныя восклицанія совершенно-безполезными, напоминающими только оцѣнку древнихъ классиковъ, дѣлаемую какимъ-то греческимъ учителемъ, который, по прочтеніи страницы изъ Эсхила или

Софокла, чмокалъ концы своихъ пальцевъ и говорилъ: «цюдесно!» и продолжалъ чтеніе. Кто не знаетъ и безъ такого рода критики, что Эсхилъ, Софоклъ и прочіе — великіе писатели, и что г-жа Рашель, за которою стоитъ европейская слава—великая артистка? Вмѣсто восторженныхъ похвалъ, мы старались, сколько могли и сколько позволялъ намъ родъ и предѣлы «Замѣтокъ», опредѣлить свойство таланта, характеръ и особенности игры г-жи Рашель. Быть-можетъ, мы и не успѣли въ этомъ, быть-можетъ, наши мысли и заключенія невѣрны, но ужъ самое то, что мы желали прежде обсудить игру и талантъ Рашели, а не прямо восклицать: «прекрасно, превосходно», должно показать все наше уваженіе къ этой артисткѣ.

Въ первый разъ, говоря о г-жѣ Рашель, мы сказали, что она, ожививъ бездушныя произведенія псевдоклассицизма, создала особый, несуществовавшій до нея родъ игры, въ которой музыка декламаціи соединена съ пластикою движенія. Мы сказали, что эта игра въ высшей степени художественная, составляетъ идеальное воспроизведеніе жизни дѣйствительной, или, вѣрнѣе, идеальное воплощеніе различныхъ чувствъ сердца, и для оцѣнки своей требуетъ отъ зрителя и привычки къ подобнаго рода зрѣлищамъ и эстетическаго вкуса. Наконецъ, отдавая должную дань великому таланту великой артистки, мы замѣтили при этомъ, что въ игрѣ ея ощутителенъ одинъ важный недостатокъ — недостатокъ чувства нѣжнаго, женственнаго. Девять новыхъ ролей, въ которыхъ мы видѣли г-жу Рашель въ послѣднее время, еще болѣе утвердили насъ въ высказанномъ нами мнѣніи. Лучшія роли ея тѣ, въ которыхъ чувства сильныя господствуютъ исключительно, или по-крайней-мѣрѣ преобладаютъ надъ чувствами нѣжными. Къ такимъ ролямъ относятся: Гоѳолія, Камилла и Полина.

Изъ «Гоѳоліи» у насъ было представлено лишь нѣсколько сценъ втораго акта; но какое сильное впечатлѣніе произвела на зрителя г-жа Рашель этими сценами! Какъ страшна и величественна была эта сѣдая старуха въ своей багряной мантіи! Сколько ужаса слышалось въ каждомъ словѣ Гоѳоліи, когда она разсказываетъ видѣнный ею сонъ! сколько сдержанной злобы! сколько тайнаго страха выражалось въ ея вопросахъ, дѣлаемыхъ юному Іоасу! Зритель чувствовалъ при этомъ какъ сжималось его сердце, какъ невольный холодъ пробѣгалъ по его жиламъ, и вздыхалъ свободно только тогда, когда страшная царица, сказавъ:

> . . . . . . Adieu. Je sors contente.
> J'ai voulu voir; j'ai vu...

уходила со сцены. Кто хотѣлъ видѣть высокохудожественное олицетвореніе злобы и ужаса, тому стоило для этого только посмотрѣть г-жу Рашель въ роли Гоѳоліи; а если ваятель затруднялся въ олицетвореніи высокой скорби, страшнаго отчаянія, или гнѣва, то за вдохновеніемъ ему нужно было бы идти на представленіе «Горація». Третій и въ-особенности четвертый актъ этой трагедіи Корнеля — торжество г-жи Рашель. Сколько скорби выражается въ лицѣ и во всей позѣ Камиллы, когда она слышитъ о кончинѣ двухъ своихъ братьевъ!

Digitized by Google

и какимъ отчаяніемъ проникается все ея существо, когда узнаетъ она, что одинъ оставшійся въ живыхъ, Горацій, умертвилъ всѣхъ Куріацієвъ и, въ томъ числѣ, ея жениха! Но когда Камилла слышитъ, что отецъ ея, счастливый славою Рима, не понимаетъ отчаянія своей дочери, отчаяніе ея переходитъ въ гнѣвъ. Камилла проклятіями встрѣчаетъ брата, прославившаго отчизну и убившаго ея жениха; она проклинаетъ Римъ и призываетъ на него всѣ возможныя бѣдствія и кары.

Rome l'unique objet de mon ressentiment... начинаетъ Камилла глухимъ голосомъ; потомъ голосъ ея возвышается болѣе и болѣе и наконецъ, когда она доходитъ до стиховъ:

Puissé-je de mes yeux y voir tomber la foudre,
Voir ses maisons en cendres, et tes lauriers en poudre,
Voir le dernier Romain à son dernier soupir,
Moi seule en être cause et mourir de plaisir,

онъ гремитъ какъ громъ.

Въ этой сценѣ г-жа Рашель выше всякихъ похвалъ: она представляется здѣсь самимъ гнѣвомъ, олицетвореннымъ въ образѣ женщины. Проклятія Камиллы приводятъ въ негодованіе молодаго Горація; онъ умерщвляетъ свою сестру и этимъ трагедія у насъ оканчивается. Занавѣсъ падаетъ, но въ ушахъ зрителя долго раздаются еще слова:

Moi seule en être cause et mourir de plaisir.

Третьею, лучшею изъ игранныхъ г-жею Рашель ролей, была роль Полины въ «Поліевктѣ». Въ первыхъ трехъ актахъ, требующихъ отъ Полины часто выраженія чувствъ нѣжныхъ, г-жа Рашель не производитъ впечатлѣнія на зрителя, но за-то она прекрасна въ двухъ послѣднихъ. Кàкъ восхитительно передаетъ она рѣшимость вѣрной жены Поліевкта слѣдовать всюду, даже на смерть, за своимъ супругомъ! кàкъ поразительно-прекрасна она въ ту минуту, когда, послѣ мученической смерти Поліевкта, сдѣлавшись христіанкою, Полина приходитъ къ своему отцу! Новыя убѣжденія, кажется, пересоздали эту женщину, Полина-христіанка и лицомъ какъ-будто непохожа на Полину-язычницу, а эта исповѣдь въ новой вѣрѣ, эти слова:

Je vois, je sais, je crois, je suis désabusée:
De ce bienhereux sang tu me vois baptiseé;
Je suis chrétienne enfin, n'est ce point assez dit?

поражаютъ своею силою одинаково, какъ признающихъ, такъ и непризнающихъ талантъ великой артистки. Классическая трагедія составляетъ сферу таланта г-жи Рашель: по этой трагедіи она училась, на этой трагедіи выросла и ею пріобрѣла себѣ славу. Но, къ-сожалѣнію, сфера эта слишкомъ-тѣсна, и какія-нибудь пятнадцать, двадцать ролей стараго репертуара не могутъ вполнѣ удовлетворить публику. Г-жа Рашель понимала это, и вотъ причина, почему она съ высотъ классической трагедіи сошла къ современной комедіи и даже драмѣ. Шагъ этотъ былъ нелегокъ для артистки, потому-что всякій рѣзкій переходъ, будь онъ сдѣланъ снизу вверхъ или сверху внизъ, все-таки труденъ; однакожъ онъ былъ необходимъ.

Digitized by Google

Изъ пьесъ новаго репертуара мы видѣли г–жу Рашель въ роляхъ Адріэнны Лекуврёръ, Тизбе, г–жи де–Блоссакъ, Лезбіи и Лидіи.

«Адріэнна Лекуврёръ» для насъ новость, потому–что мы впервые познакомились съ нею на представленіяхъ г–жи Рашель. Вотъ содержаніе драмы.

Однажды, по окончаніи спектакля, когда Адріэнна Лекуврёръ садилась въ карету, четыре офицера преградили ей дорогу. Артистка была въ положеніи затруднительномъ, она не знала, что̀ дѣлать, на что̀ рѣшиться; вдругъ явился какой–то молодой поручикъ и освободилъ ее отъ преслѣдованій. Храбрый защитникъ готовъ былъ одинъ драться съ четырьмя противниками, но дѣло обошлось безъ крови, потому–что въ это время явился патруль. Этотъ случай былъ поводомъ знакомства актрисы съ ея рыцаремъ–поручикомъ; за знакомствомъ слѣдовала любовь; любовь, продолжавшаяся даже во время ихъ разлуки, когда поручикъ, по службѣ, долженъ былъ на нѣкоторое время оставить Францію; но въ привязанности къ молодому офицеру (въ которомъ Адріэнна сначала и не подозрѣвала знаменитаго Морица Саксонскаго), у славной актрисы есть соперница — знатная дама, блестящая при дворѣ, герцогиня де–Бульйонъ. Морицъ, нѣкогда любившій герцогиню, теперь готовъ забыть ее для прекрасной Адріэнны; но герцогиня — женщина въ тѣхъ лѣтахъ, когда не прощаютъ подобнаго рода забвеній — догадываясь о тайной страсти Морица, во что̀ бы ни стало, хочетъ узнать, кто составляетъ предметъ этой страсти. Послѣ многихъ напрасныхъ стараній и хлопотъ самой герцогини и преданнаго ей аббата де–Шазеля, судьба, наконецъ, сводитъ двухъ соперницъ въ загородномъ домикѣ актрисы Дюкло. Герцогиня пригласила сюда Морица, чтобъ сообщить ему о послѣдствіяхъ своего ходатайства за него у кардинала–министра; а Адріэнна приглашена сюда на ужинъ, вмѣстѣ съ другими артистками Французскаго Театра, герцогомъ де–Бульйономъ. Герцогиня и актриса встрѣчаются въ потьмахъ; Адріэнна, не желая компрометировать женщину, отъ свиданія съ которою, по словамъ Морица, зависитъ его будущность, гаситъ свѣчу и выпускаетъ герцогиню черезъ потаенную дверь; но ревнивая женщина, перебросившись въ потьмахъ нѣсколькими словами съ Адріэнною, угадываетъ въ ней свою соперницу и обѣщаетъ погубить ту, которая такъ великодушно спасаетъ ее отъ позора. Въ припадкѣ ревности герцогіня не щадитъ никого. По ея интригамъ, графъ Калькрейцъ, которому Морицъ былъ долженъ семьдесятъ–тысячъ ливровъ, сажаетъ въ тюрьму своего должника, и юный герой лишился бы возможности ѣхать въ Германію, куда призывали его обязанности, если бы любящая Адріэнна, узнавъ объ этомъ, не продала всѣхъ своихъ брильянтовъ и не заплатила по его векселю. Между–тѣмъ герцогиня не перестаетъ отъискивать свою соперницу; въ каждой женщинѣ видитъ она предметъ страсти Морица Саксонскаго, и больше всего подозрѣнія ея падаютъ на прекрасную герцогиню д'Омонъ. Скоро, однако, совершенно–случайно передъ ней открывается истина. Однажды у герцогини собирается небольшое общество послушать чтеніе Адріэнны Лекуврёръ. Артистка является, и едва она произноситъ нѣ-

Digitized by Google

сколько словъ, какъ хозяйка узнаетъ голосъ, слышанный ею въ домикѣ Дюкло. Обморокъ Адріэнны при разсказѣ о полученной Морицомъ ранѣ на дуэли, восторгъ ея при появленіи Морица, подтверждаютъ предположенія герцогини. Обѣ соперницы почти молча узнаютъ другъ друга и посреди веселыхъ гостей, передъ радушнымъ хозяиномъ, начинаютъ свою борьбу. Герцогиня съ пренебреженіемъ и ироніею разсказываетъ присутствующимъ о страсти Морица Саксонскаго къ какой-то актрисѣ, Адріэнна говоритъ о слухахъ про страсть къ нему какой-то знатной дамы; герцогиня показываетъ букетъ, оставленный театральною героинею въ рукахъ своего возлюбленнаго, артистка показываетъ браслетъ, оброненный знатною дамою во время бѣгства съ ночнаго свиданія. Этотъ браслетъ, узнанный герцогомъ, склоняетъ побѣду на сторону Адріэнны; но артистка, недовольная еще этимъ, продолжаетъ свою месть, выбравъ для декламаціи сцену изъ «Федры». Она, при словахъ:

Il se tairait en vain... je sais ses perfidies
Oenone! et ne suis point de ces femmes hardies
Qui, goûtant dans le crime une honteuse paix,
Ont sû se faire un front qui ne rougit jamais...

указываетъ рукою на герцогиню. Но эта месть не проходитъ даромъ оскорбленной артисткѣ: сильная въ бою открытомъ, она погибаетъ жертвою тайнаго коварства герцогини. Въ раззолоченномъ ящичкѣ приносятъ Адріэннѣ отъ Морица подаренный ею когда-то ему букетъ. Принимая эту посылку за знакъ разрыва, бѣдная женщина съ грустью смотритъ на засохшіе цвѣты и осыпаетъ ихъ поцалуями... но букетъ былъ присланъ не Морицомъ, а герцогиней; цвѣты были напитаны смертельнымъ ядомъ, прикосновеніе къ которому приноситъ смерть, и поцалуи, которыми осыпала цвѣты Адріэнна, были предсмертными ея поцалуями. Ядъ дѣйствуетъ сильно; и когда Морицъ является къ любимой попрежнему имъ женщинѣ и узнаетъ о случившемся, всякая помощь оказывается позднею: Адріэнна умираетъ. Эта пьеса, сочиненная академикомъ Скрибомъ нарочно для г-жи Рашель и представленная въ первый разъ въ Парижѣ въ 1849 году, заключаетъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки умнаго и плодовитаго французскаго писателя. Необыкновенное умѣнье запутывать и распутывать интригу, удивительное знаніе сцены, большой драматическій талантъ и еще бо́льшій умъ автора дѣлаютъ пьесы его интересными; но впечатлѣнію ихъ постоянно вредитъ какая-то искусственность созданія, рѣзко-характеризующая каждое произведеніе французскаго академика. Новое (для насъ) произведеніе г. Скриба имѣло успѣхъ огромный: вопервыхъ, благодаря своей новости, вовторыхъ, ансамбля, съ которымъ шла она, въ-сравненіи съ другими пьесами, игранными труппою г-жи Рашель; въ-третьихъ — и это главное — прекрасной игрѣ великой артистки, которая здѣсь впервые явилась передъ нашею публикою въ драматической роли новаго репертуара.

Хотя оцѣнить игру г-жи Рашель въ драмѣ ужь гораздо-легче, не

Digitized by Google

жели въ трагедіи, но и тутъ между зрителями произошло нѣкоторое разногласіе.

Одни находили игру ея въ этой пьесѣ безусловно-прекрасною, другіе, напротивъ, говорили, что роли Адріэнны г–жа Рашель придаетъ ненужное величіе; что игра ея кажется нѣсколькими тонами выше игры прочихъ артистовъ, какъ сказалъ одинъ острякъ: «вся пьеса производитъ такое же впечатлѣніе, какъ-будто бы г-жа Рашель играла въ верхнемъ, а всѣ прочіе въ нижнемъ этажѣ». Что касается до насъ, намъ кажется, что роль эта нѣчто въ родѣ драматическаго буримѐ, написаннаго на лучшія стороны таланта г-жи Рашель, была исполнена ею прекрасно. Нѣкоторое величіе, которое дѣйствительно придавала г-жа Рашель роли Адріэнны, не лишивъ игру ея простоты и естественности, чрезвычайно шло къ представляемой личности Адріэнны Лекуврёръ. Только при этомъ величіи и могли, кажется, выразиться во всей рельефности лучшія сцены пьесы: встрѣчи двухъ соперницъ, мщенія на балу у герцогини и другія.

Если въ игрѣ г-жи Рашели въ этой пьесѣ и замѣтны недостатки, то развѣ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ ей приходится быть нѣжною, какъ напримѣръ, въ сценѣ съ Морицомъ, когда она, желая намекнуть на грусть разлуки съ любимымъ человѣкомъ, читаетъ ему басню «Два Голубя», или при прощаньи съ подареннымъ ею Морицу букетомъ.

Недостатокъ въ выраженіи чувствъ нѣжныхъ, замѣтный ужь и въ классическихъ роляхъ Рашели, дѣлается еще замѣтнѣе въ роляхъ новаго репертуара. Мы, конечно, говоримъ объ этомъ недостаткѣ не для того, чтобъ упрекать въ немъ артистку, такъ неподражаемую въ выраженіи чувствъ сильныхъ, но единственно для того, чтобъ представить яснѣе характеръ ея таланта. Адріенна Лекуврёръ лучшая драматическая роль Рашели изъ всѣхъ тѣхъ, по–крайней–мѣрѣ, въ которыхъ явилась она передъ нашею публикою. Что касается до другихъ, каковы: Леди Тартюфъ, Тизбе, Лидія и Лезбія, то въ этихъ роляхъ знаменитая артистка не имѣла большаго успѣха. Сцена, въ которой Тизбе прокрадывается въ спальню своей соперницы и, въ припадкѣ ревности, нападаетъ на лицемѣріе, въ «Венеціанской Актрисѣ» и другая—когда г-жа де-Блюссакъ высказываетъ свою бурную страсть къ Гектору де–Ранвилю въ «Леди Тартюфъ» были почти единственными, въ двухъ названныхъ пьесахъ, сценами, которыя производили впечатлѣніе на зрителя.

Новыя драмы и комедіи какъ–то нейдутъ къ таланту г–жи Рашель. Она, олицетворяющая въ художественныхъ образахъ чувства сильныя, она, представляющая личности съ характерами могучими, несродна къ воспроизведенію лицъ обыкновенныхъ, съ ихъ мелкими страстями и нѣжными чувствами. Широкій костюмъ классической древности лучше идетъ къ ней, нежели современные наряды свѣтской дамы; а эта удивительная пластичность каждаго жеста, каждой позы, такъ много содѣйствующая впечатлѣнію при представленіяхъ классическихъ трагедій, должна скрываться въ современныхъ драматическихъ произведеніяхъ. Французскіе писатели сознаютъ всѣ преимущества Рашели въ трагедіяхъ классическихъ и, создавая для нея

Digitized by Google

свои драмы и комедіи, стараются непремѣнно ввести въ нихъ тѣ или другія принадлежности этихъ трагедій. Такъ въ драмѣ «Адріенна Лекуврёръ» изъ четырехъ дѣйствій, въ которыхъ является Рашель, въ одномъ Скрибъ заставляетъ ее быть въ костюмѣ Роксаны, въ другомъ — продекламировать монологъ изъ Федры; такъ гг. Понсаръ и Барте, сочиняя свои маленькія комедіи, невыходящія изъ ряда обыкновенныхъ, такъ-называемыхъ пословицъ, содержаніе для нихъ берутъ изъ жизни древняго Рима. Разсчетъ авторовъ въ этихъ случаяхъ очень вѣренъ. Смотря на Лидію и Лезбію, напримѣръ, мы думаемъ, что эти роли можно было бы исполнить съ бо́льшею нѣжностью; но забывая, что передъ нами историческія любимицы Горація и Катулла, мы начинаемъ любоваться величавою граціею, которою сопровождается каждый шагъ этихъ прекрасныхъ римлянокъ.

24-го января г-жа Рашель окончила свои представленія въ Петербургѣ.

Во время своего пребыванія у насъ, артистка участвовала въ 48 представленіяхъ четырехъ абониментовъ, трехъ бенефисахъ, одно́мъ своемъ и двухъ — членовъ своей труппы; въ четырехъ бенефисахъ артистовъ императорской французской труппы; въ бенефисѣ нашего превосходнаго комика г. Мартынова 1-го и, наконецъ, въ трехъ благотворительныхъ концертахъ. Всего же въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ она явилась передъ публикою 59 разъ, оставивъ много воспоминаній о себѣ и о своемъ высокомъ талантѣ. Г-жа Рашель отъ насъ отправилась въ Москву, гдѣ съ 27-го января назначены ея представленія въ Маломъ Театрѣ, каждый день отъ часу до четырехъ, за исключеніемъ субботъ, когда они будутъ по вечерамъ.

Впечатлѣніе, произведенное г-жею Рашель въ Петербургѣ такъ сильно, что, вѣрно, немногіе посѣтуютъ на «директора ея отпусковъ», г. Рафаэля Феликса, который, вмѣсто обѣщанныхъ *шестнадцати* пятиактныхъ пьесъ, далъ ихъ только *десять*.

Высокохудожественныя представленія г-жи Рашель, требуя отъ зрителя усиленнаго вниманія, ставятъ его въ положеніе человѣка, находящагося въ обществѣ такихъ собесѣдниковъ, съ которыми ежеминутно долженъ быть на сторожѣ, чтобъ не проронить ни одного ихъ слова, чтобъ не сказать самому ни одного слова лишняго. Какъ ни пріятно быть въ подобныхъ обществахъ, какъ ни полезны могутъ быть подобныя бесѣды, но кому же непріятно иногда поболтать съ людьми близкими о томъ, что̀ прійдетъ въ голову, о пустякахъ даже, не взвѣшивая каждаго своего слова, не заботясь о формѣ выраженія своихъ мыслей?

Такъ на ряду съ зрѣлищемъ Поліэвкта, Баязета и т. п., мы признаемся откровенно, съ удовольствіемъ смотрѣли на различныя болѣе или менѣе забавныя исторіи, которыя разъигрывали наши прекрасные французскіе артисты. Мы очень были рады, когда наша постоянная труппа, пріостановившая въ началѣ представленій г-жи Рашель, разучиваніе новыхъ пьесъ, снова возобновили свою дѣятельность и вмѣстѣ съ двумя драмами: *Don Cezar de Bazan* и *L'honneur de la maison*, осыпала насъ множествомъ миленькихъ и остроумныхъ комедій,

Digitized by Google

водевилей и фарсовъ. И чего, чего не пересмотрѣли мы въ это время: *Le bourreau des crânes*, *La partie de dames*, *L'été de la Saint Martin*, *Les diamants de Madame*, *Une bonne qu'on renvoie*, *Les folies dramatiques* и пр. и пр.!

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ пьесъ, начиная съ драмы гг. Боттю и Девиля «L'honneur de la maison».

Нѣкто г. де-Шеневьеръ женился когда-то на дѣвицѣ, и черезъ пять лѣтъ послѣ брака открываетъ ужасную тайну. Тайна эта состоитъ въ томъ, что сынъ, рожденный отъ этого супружества, не имѣетъ права носить имени де-Шенневьера, потому-что отецъ его — г. де-Монбрель, когда-то коротко-знакомый съ г-жею де-Шенневьеръ, но невидавшій, впрочемъ, ея послѣ замужества. Открывъ эту тайну, старый Шенневьеръ хранитъ ее въ своемъ сердцѣ точно также, какъ это дѣлаетъ и его почтенная супруга. Между-тѣмъ, изъ Алжира возвращается сынъ, составляющій предметъ родительской тайны. Услышавъ на одномъ балу, какъ нѣкто г. Боссанъ, указывая на его мать и де-Монбреля, разсказываетъ ихъ старинное знакомство, онъ приходитъ въ негодованіе и вызываетъ на дуэль заступившагося за Боссана—де-Монбреля. Тайна, спокойно-лежавшая въ сердцѣ г-жи де-Шенневьеръ, начинаетъ шевелиться по этому случаю, и мать рѣшается помѣшать дуэли сына съ отцомъ. Она умоляетъ Поля (имя сына) отказаться отъ этого вызова, и хотя онъ обѣщаетъ, но мать видитъ, что это обѣщаніе имъ не исполнится. Она хочетъ слѣдовать за сыномъ на мѣсто дуэли, но ее удерживаетъ отъ этого супругъ. Послѣ объясненія съ де-Шенневьеромъ, несчастная мать наконецъ успѣваетъ въ своемъ намѣреніи. Мужъ ея отправляется къ де-Монбрелю, открываетъ ему тайну и, принудивъ его просить извиненія у Поля, самъ выходитъ съ нимъ на дуэль. Вызовъ оканчивается счастливо для г. де-Шенневьера: де-Монбрель убитъ и спокойствіе (почему-то) снова водворяется въ семействѣ его противника. Эта пьеса, слабая по мысли и характерамъ, очень странная по содержанію, состоящему почти исключительно изъ очереднаго мученія всѣхъ дѣйствующихъ лицъ одною тайною, тѣмъ не менѣе, благодаря прекрасной игрѣ г-жи Вольнисъ въ роли матери, гг. Демона — сына и Верне — сплетника де-Боссана (лица очень-характеристичнаго) смотрится безъ скуки, что̀ ужь составляетъ важную заслугу со стороны артистовъ.

«Don Cesar de Bazan», комедія-драма въ пяти дѣйствіяхъ гг. Дюмануара и Деннера, представляетъ исторію одного промотавшагося испанскаго гранда. Нарушивъ въ Неаполѣ мѣстныя узаконенія о дуэляхъ, донъ Сезаръ де-Базанъ графъ Караффа приговоренъ къ висѣлицѣ. Но, ненавидя этотъ родъ казни, онъ находитъ средство замѣнить его другимъ, болѣе-эффектнымъ, именно разстрѣляніемъ; для чего долженъ, по предложенію любимца вице-короля, жениться на неизвѣстной ему женщинѣ. Свадьба совершается, дама съ закутаннымъ лицомъ дѣлается графинею Каррафа, а самъ графъ Караффа, попировавъ съ солдатами, которые имѣютъ приказаніе выстрѣлить въ него послѣ обѣда изъ двадцати ружей, отправляется на тюремный дворъ, для содѣйствія пировавшимъ въ исполненіи ихъ обя-

Digitized by Google

занности. Раздаются выстрѣлы. Но такъ-какъ это происходитъ еще только во второмъ актѣ, а драма въ пяти, то вы догадываетесь, что де-Базанъ остается живъ. Дѣйствительно, ни одна пуля не попала въ Базана, потому-что одинъ мальчикъ, которому онъ оказалъ какъ-то услугу во время предсмертнаго пира, вынулъ пули изъ всѣхъ ружей. По представленному вице-королю праву, онъ даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ на казнь черезъ часъ послѣ казни, и потому де-Базанъ дѣлается свободнымъ. Не довольствуясь, однако, жизнью и свободою, графъ Караффа хочетъ непремѣнно отъискать свою жену. Послѣ многихъ поисковъ, въ уединенномъ домикѣ въ какомъ-то лѣсу, онъ находитъ наконецъ свою супругу, прекрасную Маританну; но тамъ же онъ встрѣчаетъ молодаго человѣка, выдающаго себя за ея мужа и, что̀ главное, за Сезара де-Базана. Этотъ молодой человѣкъ — самъ вице-король. Донъ Жозе де-Сантаремъ, любимецъ вице-короля, замѣтивъ нѣкоторое вниманіе послѣдняго къ танцовщицѣ Маританнѣ и надѣясь, для своихъ цѣлей вовлечь его въ интригу, выдалъ Маританну за̀-мужъ за дона Базана. Устроенная придворная интрига еще только готова начаться, какъ является настоящій донъ Базанъ. Онъ открываетъ причины, руководствовавшія хитрымъ де-Сентаремомъ въ-отношеніи къ женѣ вице-короля. Донъ Базанъ, случайно услышавъ, какъ этотъ человѣкъ, стараясь увлечь вѣрную жену, выставлялъ передъ нею всѣ невѣрности ея мужа, не выдержалъ и, какъ благородный испанецъ, положилъ на мѣстѣ оскорбителя правителя Неаполя. Истина открывается передъ вице-королемъ, онъ награждаетъ поступокъ дона Базана назначеніемъ его губернаторомъ Гренады, куда тотъ отправится, конечно, съ своею прекрасною молодою супругою, графинею де-Караффа. Эта пьеса ведена съ обычнымъ искусствомъ французскихъ драматическихъ писателей. Она смотрится отъ начала до конца съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ читаются романы гг. Дюма, Сулье, Феваля и т. п., хотя по окончаніи ея, въ вашей памяти не останется почти ничего, кромѣ развѣ довольно-удачно очерченнаго образа промотавшагося испанскаго гранда, беззаботнаго кутилы, который, несмотря на свой истертый колетъ, на изломанное перо своей шляпы, все-таки думаетъ объ эффектѣ, съ какимъ ему приличнѣе умереть. Прекрасная игра г. Мондидье въ роли удалаго гидальго, г-жи Майеръ, въ роли Маританны и наконецъ ансамбль, съ которымъ исполнялась эта пьеса, содѣйствовали ея успѣху.

Смотря на драмы французскихъ писателей, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣждаешься, что французы гораздо способнѣе возбуждать смѣхъ, нежели заставлять кого-нибудь плакать. Для того, чтобъ трогать зрителя, они въ своихъ мелодрамахъ соединяютъ такую бездну всякихъ драматическихъ пряностей, что для человѣка другой націи эти угощенія, нашпигованныя тайнами, преступленіями, ядами и т п., не имѣютъ рѣшительно никакаго вкуса; но за-то какъ милы, какъ остроумны и изящны тѣ маленькія комедіи, водевили и фарсы, которые выходятъ изъ рукъ, а иногда и изъ сердца французскихъ драматическихъ писателей! Почти во всѣхъ этихъ пьесахъ есть хотя маленькая, но все-таки мысль. Пусть мысль эта не новая —

Digitized by Google

много новаго подъ луною! — но за-то она всегда является въ изящной формѣ, такъ-что забываешь о ея давнемъ существованіи. Вотъ, для примѣра, хоть маленькая комедія гг. Фурнье и Альфонса. Les diamants de Madame, такъ понравившаяся публикѣ въ бенефисѣ г. Дешана...

Мужья! — серьёзные мужья, занимающіеся такъ много своими дѣлами, не забывайте заниматься и своими женами! Вы ихъ любите, но недурно будетъ, если станете побольше заботиться о нихъ-самихъ и ихъ маленькихъ желаніяхъ; иначе то, о чемъ не думаете вы, сдѣлается предметомъ самыхъ ревностныхъ заботъ какого-нибудь юнаго кузена, или, что должно быть для васъ еще обиднѣе, какого-нибудь вѣчно молодаго Ловеласа, проживающаго свою нескончаемую молодость въ угожденіе дамамъ, то-есть, чужимъ желаніямъ. Вы, господа, думаете, быть-можетъ, что эти вѣчные молодые люди, которыхъ такъ же много встрѣчается въ Булонскомъ Лѣсу, какъ и на Невскомъ Проспектѣ, въ залѣ Парижской Оперы, какъ и на петербургскихъ представленіяхъ г-жи Рашель, вы думаете, что эти вѣчно-молодые люди, о которыхъ мы когда-нибудь поговоримъ подробнѣе, не опасны? О, вы очень ошибаетесь! Правда, лица ихъ потеряли юношескую свѣжесть; правда, они иногда осторожно ступаютъ на ноги, чтобъ не разбередить своей подагры, но вѣдь у всѣхъ этихъ вѣчно-молодыхъ людей, есть помѣстья и деньги, всѣ они любятъ дѣлать подарки и ищутъ удобныхъ къ тому случаевъ. Les petits cadeaux entretiennent l'amitié, говоритъ одна пословица, а дружба — дружба между мужчиной и женщиной, какъ угодно, вещь довольно-опасная... Не знаю, вполнѣ ли согласны вы съ этимъ, но г. Дюмениль, великій ученый, славный химикъ и обладатель хорошенькой жены, совершенно нашего мнѣнія... Но и ему такое мнѣніе пришло въ голову не вдругъ, а по одному случаю, который мы сейчасъ разскажемъ. Г. Дюмениль собирается ѣхать на балъ; но такъ-какъ хорошенькой женщинѣ простительно желаніе казаться еще лучше, то можно ли поставить въ вину супругѣ любителя химіи, если ей хочется новыхъ брильянтовъ? Конечно, съ ея стороны такое желаніе было бы непростительно, если бъ оно хоть сколько-нибудь затрудняло ея мужа; но г. Дюмениль тратитъ огромныя суммы на разные припасы для своихъ опытовъ, и такая издержка не составитъ для него слишкомъ-многаго. Напрасно, однако, хорошенькая жена сперва намекаетъ, а послѣ уже просто умоляетъ его о покупкѣ брильянтовъ; напрасно она представляетъ совершенно-основательные доводы для пріобрѣтенія этихъ драгоцѣнныхъ бездѣлокъ: г. Дюмениль стоитъ на своемъ, что у нея есть брильянты, что ихъ слишкомъ-достаточно для всевозможныхъ баловъ и, однимъ словомъ, ставитъ свою супругу въ такомъ положеніи, что ей хоть не ѣхать на балъ. Но едва она принимаетъ эту рѣшимость, какъ является нѣкто г-жа Фредерикъ, торговка, или, какъ она называетъ себя, негоціантка, продающая кружева, блонды, газы, брильянты, словомъ: вещи первой необходимости для женщины, выѣзжающей въ свѣтъ. Г-жа Фредерикъ безсовѣстно мечетъ передъ хорошенькою женщиною все богатство своихъ кар-

Digitized by Google

тоновъ и коробокъ и, какъ демонъ (впрочемъ, въ шляпкѣ, съ огромнымъ зеленымъ перомъ) соблазняетъ ее всѣми этими чудными вещами. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти блонды какъ нельзя болѣе бы шли къ бальному платью, эти брильянты, брильянты — о! они такъ прекрасны, что ихъ сейчасъ купила бы г-жа Дюмениль еслибъ... еслибъ у ней были деньги... Деньги! но ихъ вовсе не нужно неумолкающей негоціанткѣ: она повѣритъ все въ долгъ... потому-что получила на это приказаніе отъ хозяина дома, въ которомъ живетъ хорошенькая покупательница. До-сихъ-поръ во всѣхъ водевиляхъ, домохозяева назывались хозяевами-домовыми; но вотъ новый случай, гдѣ этимъ сценическимъ злодѣямъ суждено играть роль добрыхъ геніевъ. Впрочемъ, хозяинъ г-на и г-жа Дюмениль, не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ злодѣемъ: на устахъ его сіяетъ такая любезная улыбка, на шеѣ у него такой пестрый галстучекъ, онъ говоритъ, по-крайней-мѣрѣ съ г-жей Дюмениль такъ пріятно и нѣжно, что, кажется, самой природою назначенъ въ добрые геніи, хоть бы хорошенькихъ женъ.

Не имѣя силъ удержаться отъ искушенія, г-жа Дюмениль беретъ предлагаемые брильянты и собирается ѣхать на балъ. Мужъ, занимающійся какимъ-то новымъ открытіемъ, совершенно вѣритъ, что брильянты, которые онъ видитъ у жены, даны ей на вечеръ сестрою г. Шассенеля (хозяина дома) и остается доволенъ такимъ любезнымъ одолженіемъ. Для своихъ занятій онъ отказывается даже отъ бала, предоставляя г-жѣ Дюмениль ѣхать туда въ сопровожденіи хозяина. Все идетъ прекрасно (не для всѣхъ, конечно), какъ неожиданно дѣло принимаетъ другой оборотъ. Негоціантка, незнающая лично хозяина дома, принимая его за мужа своей прекрасной покупательницы, а ея мужа за обожателя-домохозяина, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, вручаетъ г. Дюменилю счетъ купленнымъ вещамъ. Сначала знаменитый ученый, думающій только о своихъ опытахъ, полагаетъ, что счетъ этотъ отъ москотильщика и дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно доброты газовъ, упоминаемыхъ въ немъ и т. п. Но, когда дѣло доходитъ до цвѣтовъ, лентъ и прочаго, онъ догадывается для какихъ опытовъ нужны были всѣ эти матеріалы, и отъ этого открытія переходитъ къ другому, откуда явились у жены его брильянты. Къ-счастью, это открытіе оканчивается благополучнѣе того, надъ которыми онъ столько трудился въ своей лабараторіи. Въ то время, какъ въ химическомъ открытіи его предупредилъ уже какой-то другой ученый, Дюмениль видитъ, что въ сердцѣ своей жены онъ занималъ попрежнему первое мѣсто; хорошенькая Эмма, не зная ничего о случившемся, однако не рѣшается надѣть непринадлежащихъ ей брильянтовъ и хочетъ возвратить ихъ назадъ... Тогда ученый мужъ, понявъ наконецъ истину, что, думая о далекомъ и часто невѣрномъ (какъ, напримѣръ, его химическія открытія) будущемъ, недолжно забывать и близкаго настоящаго, смѣется надъ своимъ обязательнымъ и услужливымъ домохозяиномъ, и подаривъ женѣ такъ нравящіеся ей брильянты, самъ ѣдетъ съ ней на балъ.

Эта маленькая комедія была превосходно разъиграна гг. Мондидье, Варле (Дюмениль и Шассенель), а въ-особенности г-жею Плесси,

Digitized by Google

которая, благодаря своей обычной нѣжности и граціи, была восхитительна въ роли хорошенькой и любящей жены Дюмениля.

Затѣмъ мы бы могли разсказать вамъ исторію ссорющихся и потомъ мирящихся, старичка и старушку, вмѣщенную въ рамки маленькой комедіи: *La partie de dames*, г. Октава Фёлье; исторію одной пощечины, данной маркизою Помпадуръ какому-то молодому человѣку, котораго она за то впослѣдствіи женитъ на богатой невѣстѣ; исторію, изъ которой г. Баяръ сдѣлалъ водевиль, подъ названіемъ *Un soufflet n'est jamais perdu*, и много другихъ, болѣе или менѣе забавныхъ случаевъ, представленныхъ на михайловской сценѣ; но мы выбираемъ изъ нихъ самые забавные, именно: «Le bourreau des crânes» комедія-водевиль въ трехъ актахъ гг. Лафарга и Сиродена и «Les folies dramatiques», водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ гг. Клервиля и Дюмануара.

Г. Лонжюмо, великій трусъ отъ природы, любитъ, однако, казаться великимъ храбрецомъ Онъ никому не позволяетъ толкнуть себя, или наступить себѣ на ногу, и чуть случится съ нимъ что-нибудь подобное, Лонжюмо, не думая, размахивается и даетъ пощечину виновному. За пощечиной слѣдуетъ, конечно, вызовъ; г. Лонжюмо не отказывается и отъ вызова: онъ преспокойно опускаетъ руку въ карманъ, въ которомъ хранятся визитныя карточки его добрыхъ знакомыхъ, и первую, попавшуюся изъ нихъ, вручаетъ своему сопернику. Добрые знакомые вѣдаются съ оскорбленными персонажами, а Лонжюмо, оставаясь внѣ всякой опасности... продолжаетъ пользоваться удовольствіемъ, давать пощечины всѣмъ, кому ему вздумается. Но такое остроумное изобрѣтеніе, которое должно было бы храниться въ глубокой тайнѣ, вдругъ дѣлается извѣстнымъ одному молодому человѣку, по фамиліи Фланшару. Г. Лонжюмо, давъ ему пощечину, вслѣдъ затѣмъ вручилъ и визитную карточку, на которой оказалось имя г. Кокле, человѣка весьма-воинственнаго. Послѣ безконечныхъ qui-pro-quo, которые слѣдуютъ за этимъ вызовомъ, qui-pro-quo очень забавныхъ, Фланшаръ отъискиваетъ своего оскорбителя. Лонжюмо угрожаетъ теперь рѣшительная опасность; но, къ-счастью, у него есть хорошенькая дочь — молодая вдова, въ которую, не зная отца, влюбленъ оскорбленный молодой человѣкъ. Для избѣжанія всякихъ непріятностей, которыя были бы неминуемы, въ случаѣ открытія секрета давать пощечины, трусливый храбрецъ изъявляетъ свое согласіе на бракъ молодыхъ людей. Правда, вся эта исторія, называемая «Le bourreau des crânes» несовсѣмъ-естественна, за-то при игрѣ г. Лемениля (Лонжюмо) она смѣшна необыкновенно. Передать всего смѣшнаго этой пьесы въ разсказѣ невозможно, какъ невозможно передать того же въ другой пьесѣ, отъ которой впродолженіе двухъ часовъ зала Михайловскаго Театра оглашалась непрерывнымъ хохотомъ публики. Этотъ хохотъ былъ вызванъ пьесой гг. Дюмануара и Клервиля «Les folies dramatiques», разъигрываемой не только на сценѣ, но и въ самой залѣ.

Г. Громеню, нѣкогда трактирщикъ, нажившій себѣ достаточное состояніе, рѣшается записаться въ штатъ Таліи, Мельпомены и Терп-

Digitized by Google

сихоры и дѣлается театральнымъ антрепренёромъ. Онъ ангажируетъ актёровъ, большая часть которыхъ погибаетъ на желѣзной дорогѣ, но за-то оставшіеся въ живыхъ берутся отвѣчать за всѣхъ умершихъ и представлять трагедіи, драмы, оперы и балеты... Представленія труппы начинаются, и хозяинъ театра (г. Лемениль), сидящій въ одной изъ крайнихъ ложъ перваго яруса, позволяетъ себѣ дѣлать иногда разные вопросы актёрамъ, играющимъ на сценѣ, или разговаривать по поводу представленія, съ однимъ изъ зрителей (г. Дюссеръ), сидящимъ тоже въ первомъ ярусѣ съ противоположнаго края. Пересказывать то, что̀ играютъ актёры-энциклопедисты на сценѣ, что̀ говорятъ содержатель театра и зритель въ залѣ, было бы чрезвычайно-долго и не принесло бы читателю того удовольствія, какое приноситъ оно, во время представленія въ театрѣ. Въ этой пьесѣ осмѣивается множество странностей сценическихъ представленій различнаго рода, и осмѣивается чрезвычайно-умно. Она смѣется и надъ торжественною декламаціею и общею смертью героевъ трагедіи, и надъ длинными ритурнелями оперъ, и надъ наивностью содержанія балетовъ, съ ихъ волшебными дудочками и наконецъ, надъ современными мелодрамами, въ которыхъ, для окончанія, всѣ дѣйствующія лица оказываются ближайшими родственниками, въ родѣ отцовъ, ихъ сыновей и т. д. Объ этой особенности мелодрамъ содержатель театра и зритель ведутъ нѣкоторый разговоръ, и сначала находятъ ее нѣсколько-странною, но, послѣ немногихъ словъ, они принуждены согласиться, что такое узнаваніе родственниковъ очень-естественно, потому-что между ними открывается самое близкое родство, а г. Громеню находитъ даже дочь въ лицѣ госпожи, сидящей гдѣ-то во второмъ ярусѣ. Дѣйствіе въ пьесѣ кипитъ; веселыя выходки слѣдуютъ одна за другою; зритель ни на минуту не можетъ опомниться отъ смѣха. Всему этому, конечно, много содѣйствовала прекрасная игра гг. Лемениля, Дешана; г-жи Лемениль, а въ-особенности г-жи Милла, которая, между-прочимъ, выказала здѣсь бездну таланта къ подражанію. Ея подражанія декламаціи г-жи Рашель и итальянскимъ пѣвицамъ превосходны.

Къ рою сильфидъ, нимфъ, хитанъ и проч. и проч., которыя носятся подъ вѣчно-голубымъ небомъ нашего опернаго театра, присоединилась еще одна сильфида, нимфа, хитана, присоединилась одна новая танцовщица, г-жа *Іелла*, вѣнская уроженка, принадлежащая къ почтенному семейству. Г-жа Іелла (которая внѣ сцены носитъ другую фамилію) танцовала въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, и вездѣ имѣла значительный успѣхъ. Участіе ея въ послѣднее время въ представленіяхъ Лирическаго Парижскаго Театра возбудило нѣкоторую зависть въ Большой Оперѣ, славящейся танцовщицами. Но въ то время, какъ Опера только думала пригласить г-жу Іелла, артистка эта получила ангажементъ изъ Петербурга и 31 декабря явилась на сценѣ нашего Большаго Театра. Вотъ немногія біографическія свѣдѣнія, которыя мы могли собрать о г-жѣ Іеллѣ, хотя, впрочемъ, и полная ея біографія не можетъ быть слишкомъ-длинна, потому-что артистка эта еще очень-молода и карьера ея почти только-что начинается. Г-жа Іелла дебютировала у насъ въ роли Газельды въ извѣстномъ балетѣ того

же имени, сочиненія Перро и Пуни. Хотя по первому дебюту трудно судить объ артисткѣ, тѣмъ неменѣе, однако, едва-ли мы ошибемся если скажемъ, что г-жа Іелла обладаетъ большимъ природнымъ талантомъ, сулящимъ сдѣлать изъ нея современемъ артистку первоклассную. Въ танцахъ ея нѣтъ еще той оконченности, той самоувѣренности, какую мы видимъ у танцовщицъ знаменитыхъ; но эти недостатки, которые легко могутъ исправить время и хорошій вкусъ зрителей, забываются при томъ одушевленіи и смыслѣ, съ которыми танцуетъ артистка. Такое свойство танцевъ, по нашему мнѣнію, сулитъ артисткѣ много въ будущемъ. Успѣхъ г-жи Іеллы при первомъ дебютѣ на нашей сценѣ былъ довольно-значителенъ; ей аплодировали, ее вызывали, а нѣкоторыя па заставили повторить даже два раза. Особенно понравился публикѣ «la cosmopolitana» въ которомъ соединены танцы четырехъ націй: мавританской, тирольской, испанской и англійской. Въ заключеніе балета г-жа Іелла танцовала «па la Taureaumachie», испанскій танецъ, передающій на хореографическомъ языкѣ всѣ позы и движенія тореадоровъ во время боя быковъ. Но «Taureaumachie» которымъ, какъ слышно, артистка производила фуроръ въ Парижѣ, у насъ не имѣлъ почти никакого успѣха Причина этому заключается сколько въ отсутствіи въ нашей публикѣ той испаноманіи, которая обладаетъ съ нѣкотораго времени парижанами, столько же и въ томъ, что смыслъ его у насъ былъ не для всѣхъ понятенъ. Въ Парижѣ «la Taureaumachie исполняется въ балетѣ того же названія, причемъ сцена представляетъ арену цирка, наполненнаго народомъ, между-тѣмъ, какъ у насъ этотъ танецъ, введенный въ другой балетъ, танцуется въ иллюминованномъ саду, и только кусокъ краснаго сукна намекаетъ на значеніе всѣхъ этихъ граціозныхъ позъ, которыя принимаетъ танцовщица.

При первомъ дебютѣ г-жи Іеллы, Большой Театръ былъ полонъ съ верху до низу, и въ числѣ зрителей въ одной изъ ложъ перваго яруса находилось нѣсколько египтянъ, взятыхъ въ плѣнъ въ синопскомъ сраженіи. Хотя очень-вѣроятно, что они не меньше насъ любовались танцами г-жи Іеллы, Ришардъ, Прихуновой, Снѣтковой и другихъ, но, судя по выраженію ихъ физіономій, ни одна изъ этихъ порхающихъ гурій, подобныхъ которымъ Мухаммедъ посулилъ имъ въ будущемъ, не произвела на нихъ такого впечатлѣнія, какъ г. Іогансонъ. При каждомъ прыжкѣ и пируэтѣ этого танцовщика, египтяне переглядывались между собою и лица ихъ озарялись неподдѣльнымъ восторгомъ.

Принимаясь говорить о новостяхъ нашей итальянской сцены, мы остановимся нѣсколько на «Линдѣ» и «Любовномъ Напиткѣ», старыхъ операхъ, которыя при обстановкѣ новыми сюжетами шли прекрасно, съ рѣдкимъ ансамблемъ, и потомъ ужь займемся, другими, которыя болѣе имѣютъ права на названіе «новостей». «Линда», въ нынѣшній сезонъ, кажется, впервые имѣла успѣхъ на петербургской сценѣ, несмотря на то, что эта опера ужь давно гоститъ у насъ. Партію Линды исполняла г-жа де-Лагранжъ и была превосходна. И въ музыкальномъ и въ драматическомъ отношеніи нѣжная роль Линды пе-

Digitized by Google

редана была ею съ необыкновенною оконченностью. Пѣніемъ и игрой она не только восхищала, но и трогала слушателей. Въ исполненіи ея было истинное чувство, была задушевность, а при тѣхъ техническихъ совершенствахъ, которыми отличается пѣніе г–жи де-Лагранжъ, эффектъ исполненія—говоримъ безъ преувеличенія—отличался безукоризненною полнотою. Услыхавъ г–жу де–Лагранжъ въ «Линдѣ» и самый пристрастный критикъ не нашелъ бы ничего сказать противъ этой пѣвицы. Прекрасно, оконченно, совершенно — вотъ все, что̀, полагаемъ, можно сказать, въ подобномъ случаѣ. Г. Ноденъ, исполнявшій въ оперѣ партію тенора, попалъ на свою настоящую дорожку. Эта пріятная партія дала ему полную возможность выказать главныя качества своего пѣнія: пріятность, мягкость, изящество. Здѣсь ему ненужно было форсировать голоса и требовать отъ него бо̀льшаго, нежели сколько могутъ позволить его средства, и оттого г. Ноденъ былъ весьма–хорошъ. Наша публика, которая, со времени знакомства своего съ Маріо, сдѣлалась слишкомъ–холодна ко всѣмъ тенорамъ, тѣмъ не менѣе наградила пѣвца громкими аплодисментами и вызывала его нѣсколько разъ: впродолженіе и по окончаніи оперы. Словомъ г. Ноденъ имѣлъ успѣхъ, на который въ этой области пѣнія онъ всегда можетъ разсчитывать. Г. Ноденъ — пріятный пѣвецъ и едва-ли кто-нибудь изъ понимающихъ искусство пѣнія и умѣющихъ цѣнить по заслугамъ его представителей, станетъ отрицать права г. Нодена на этотъ титулъ. Напротивъ, тѣмъ скорѣе можно признать эти права за г. Ноденомъ, что, кромѣ природнаго таланта, вы замѣчаете въ немъ основательное изученіе искусства. Что же дѣлать, если не всѣмъ тенорамъ судьба дала потрясающую силу голоса г. Тамберлика или неподражаемую бархатность голоса Маріо! Зачѣмъ искать крайностей? Можно довольствоваться и срединой. Но мы начинаемъ опять старую пѣсню о малочисленности замѣчательныхъ теноровъ, а потому упомянемъ лучше о баритонѣ г. Ронкони, которымъ восхищались мы въ «Линдѣ». Конечно, большая часть нашего восторга пришлась не на долю голоса, а на долю игры этого пѣвца. Тѣмъ не менѣе восторгъ нашъ былъ полный. Г. Ронкони исполнилъ партію отца поразительно–хорошо. Не знаемъ, какой и придумать эпитетъ для такого исполненія, чтобъ передать эффектъ, произведенный этою игрою на слушателей, которые въ патетическихъ сценахъ дѣйствительно были поражены. Этотъ артистъ — олицетворенная талантливость. Въ немъ кроется высокое художественное творчество. Что сдѣлалъ, напримѣръ, г. Ронкони изъ сцены прощанія въ первомъ актѣ, которая до-сихъ-поръ казалась столь обыкновенною, что почти вовсе исчезала въ ряду другихъ сценъ! Новостью для насъ въ «Линдѣ», между-прочимъ, было блестящее рондо изъ «L'esule di Roma», оперы Доницетти, которое отлично спѣла г–жа де–Лагранжъ въ–заключеніе спектакля.

Въ «Любовномъ Напиткѣ» новые исполнители, раздѣлившіе между собою партіи этой оперы (г–жа де–Лагранжъ — Адина, г. Кальцолари — Неморино, г. Лаблашъ — Дулькамара и г. Ронкони — Белькоре), рѣшительно соревновали другъ другу въ игрѣ и пѣніи, и опера шла прекрасно. Да и какая опера не пойдетъ хорошо при такихъ

Digitized by Google

исполнителяхъ! Эта опера до-сихъ-поръ не прискучила нашей публикѣ, но, при такомъ отличномъ составѣ труппы, «Любовному Напитку» можно предсказывать еще продолжительный и большой успѣхъ. Г-жа де-Лагранжъ и здѣсь прибавила одинъ нумеръ пѣнія — свой собственный вальсъ. Мотивъ вальса очень-хорошъ и разработанъ съ большимъ вкусомъ; сверхъ-того, блеска и трудностей здѣсь столько, что не знаешь, какъ и изумляться. Г-жа де-Лагранжъ сама писала для себя пьесу и, слѣдовательно, знала, что̀ ей по средствамъ. Мы полагаемъ, что всякій другой композиторъ не рѣшился бы написать что-нибудь подобное, боясь за исполнительницу, или, пожалуй, не надѣясь найдти исполнительницы для такой пьесы.

Оперу *Зора̀* не принимайте за какое-нибудь новое произведеніе Россини; не думайте, что композиторъ, который ужъ такъ давно ничего не пишетъ, несмотря на то, что ему друзья и недруги кричатъ со всѣхъ сторонъ «пишите», дѣйствительно нарушилъ свое бездѣйствіе и снова принялся за перо — нѣтъ; Россини совсѣмъ инымъ образомъ отвѣчаетъ на дѣлаемыя ему предложенія писать. Недавно какой-то туристъ навѣстилъ Россини и, коснувшись въ разговорѣ, съ приличною ловкостью, бездѣйствія композитора, спросилъ его: остается ли для искусства надежда получить отъ него какую-нибудь новую оперу и намѣренъ ли онъ написать что-нибудь новое. «Я не могу вамъ дать на это рѣшительнаго отвѣта», сказалъ Россини, «все зависитъ отъ моего друга», и онъ назвалъ этого друга по имени. Туристъ крайне удивился такой зависимости Россини отъ друга и, при удобномъ случаѣ, обратился къ этому другу за разъясненіемъ этой загадки. «Я докторъ», отвѣчалъ названный другъ, «и Россини обѣщался мнѣ написать новую оперу, какъ-скоро я съ своей стороны помогу ему своимъ искусствомъ. Онъ даетъ слово приняться снова за композиціи, если я только возвращу ему молодость и способность влюбляться, а безъ того, какъ онъ утверждаетъ, сочинять онъ не можетъ. Такимъ-образомъ дѣло теперь стало за мною». По этому анекдоту, въ достовѣрности котораго ручаются многіе изъ музыкальныхъ журналовъ, вы можете опредѣлить положительно, скоро ли дождетесь новой оперы отъ Россини. А теперь, пока, мы будемъ слушать его старыя оперы; и между ними найдутся такія, которыя могутъ удовлетворить современнаго слушателя. Россини хотя ужъ и старъ и, кажется, съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобъ публика забыла его, однакожь до-сихъ-поръ онъ не забытъ ею нисколько. Сойдти съ композиторскаго поприща въ апогею славы, изъ дѣйствующаго лица обратиться въ обыкновеннаго зрителя, жить долго и все-таки не пережить своей славы: такой судьбѣ, право, можно позавидовать. Говорятъ, Россини хотя и одаренъ въ высочайшей степени талантливою натурою, но никогда не любилъ искусство, иначе онъ не отказался бы отъ него такъ рано; изъ-за искусства онъ всегда видѣлъ другую цѣль. Положимъ что такъ; но развѣ лучше дѣлаютъ тѣ композиторы, которые все пишутъ и пишутъ, несмотря на то, что вдохновеніе ужъ оставило ихъ съ годами и что каждое ихъ новое произведеніе встрѣчаетъ только равнодушіе со стороны публики? Примѣръ на глазахъ: зна-

Digitized by Google

менитый Оберъ, успѣхъ котораго падаетъ съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, несмотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ журналовъ подогрѣть охладѣвающее сочувствіе публики къ композитору, нѣкогда столь любимому «L'enfant prodigue», «Марно Спада» и другія новыя произведенія Обера только увеличиваютъ число пятенъ на славѣ композитора.

Опера «Зора» написана Россини около 1820 года, и потомъ чрезъ десять лѣтъ передѣлана имъ для парижской сцены. Въ Петербургѣ ее тоже давали во времена прежней итальянской оперы, но потомъ позабыли, и Петербургъ не слыхалъ ея слишкомъ двадцать лѣтъ. Не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобъ утвердительно сказать, каковъ былъ успѣхъ ея у насъ въ то время, но что касается до современнаго успѣха, теперь данныя налицо: всякій разъ, когда даютъ «Зора», театръ полонъ или почти полонъ; публика слушаетъ оперу съ живѣйшимъ интересомъ и аплодируетъ каждому нумеру. Кто отправляется слушать «Зора» и зная, что это опера написана Россини, будетъ ожидать того же цвѣтистаго, пышнаго стиля, которымъ отличаются произведенія Россини, тотъ ошибется въ разсчетѣ: здѣсь музыка широкая, плавная, спокойная. Почти вся опера составлена изъ хоровъ и morceaux d'ensemble, и надо сказать, что и то и другое превосходно. Россини былъ неистощимъ на пріятныя слитія, оригинальныя мелодіи, а такихъ мелодій здѣсь бездна. Можно сказать, что эту оперу, да еще «Карла Смѣлаго» Россини писалъ, не расчитывая исключительно на одни внезапные эффекты, но имѣя въ виду прежде всего мысль пьесы. Въ «Зора», напримѣръ, мысль такъ заняла его, что онъ, быть-можетъ, самъ того не желая, невольно пожертвовалъ общими отдѣльными партіями, въ которыхъ могла бы выказаться виртуозность пѣвцовъ и внѣшняя прелесть композиціи. Это замѣтно здѣсь до такой степени, что, слушая оперу, забываешь про исполнителей, и потомъ только, когда нѣсколько успокоишься послѣ перваго впечатлѣнія, произведеннаго пьесой, можешь себѣ задать вопросъ: да кто же изъ исполнителей былъ лучше другихъ? Такъ случилось по-крайней-мѣрѣ съ нами. Въ оперѣ участвовали г-жи де-Лагранжъ и Марай, гг. Тамберликъ, Ронкони и Дидо. Каждый изъ нихъ пѣлъ такъ, какъ поетъ всегда, но, по правдѣ говоря, никто изъ нихъ не имѣлъ возможности отличиться. Повторяемъ, мы наслаждались общимъ, а не частностями. Конечно гг. Тамберликъ и Ронкони превосходно исполняли дуэтъ во второмъ актѣ, а г-жа де-Лагранжъ съ полнымъ совершенствомъ спѣла арію въ четвертомъ актѣ; этимъ нумерамъ публика аплодировала восторженно: однакожь эти двѣ частности только и выдались изъ общаго; остальныя частности были незамѣчены и слиты въ одно грандіозное созданіе. Откуда же вдругъ явилось это новое направленіе въ музыкѣ Россини и явилось какимъ-то страннымъ образомъ, посреди его композиторской карьеры, только въ одномъ произведеніи, только временно, для того, чтобъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ снова уступить мѣсто прежнему направленію? Оно пришло само собою, или, если угодно, его привело содержаніе, сюжетъ оперы. Россини попалъ на сюжетъ, который скорѣе годился

Digitized by Google

бы для ораторіи, или для симфоніи, нежели для оперы. Главное въ этомъ сюжетѣ лиризмъ, и лиризмъ спокойный, торжественный. Пожалуй, композиторъ, у котораго менѣе было бы вкуса и смысла, нежели у Россини, и для такого сюжета не отказался бы отъ направленія, господствовавшаго въ то время въ музыкѣ, не рѣшился бы идти противъ моды, обдѣлалъ бы сюжетъ по модной мѣркѣ; но Россини поступилъ иначе. Правда, «Зора» не оцѣнили тогда достойнымъ образомъ, но за-то цѣнятъ теперь. Сюжета «Зора» мы разсказывать не будемъ. Опера эта написана такъ умно, такъ много путешествовала по Европѣ и столько возбуждала толковъ, что сюжетъ ея знаетъ всякій, кто только интересуется драматическою музыкою.

По той же причинѣ мы не будемъ останавливаться на сюжетѣ *Анны Болена*; притомъ же, эту оперу ужь неоднократно и еще недавно давали на нашей сценѣ. «Анна Болена» написана была въ 1831 году, въ Миланѣ, для Пасты, Рубини и баса Галли, и считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Донизетти; по-крайней-мѣрѣ въ числѣ оперъ этого композитора, пользуется бо́льшею извѣстностью, нежели многія другія. Не думаемъ оспоривать достоинствъ, признанныхъ и критиками и большинствомъ слушателей за оперою, но въ то же время предполагаемъ, что первымъ успѣхомъ своимъ, а затѣмъ и извѣстностью, она болѣе всего обязана исполнителямъ. Такіе исполнители, какъ тѣ, которыхъ мы назвали, вынесутъ на своихъ плечахъ какую угодно оперу, если она только не ниже посредственности. Безспорно, въ этой оперѣ есть прекрасныя мѣста, каковы, напримѣръ, квинтетъ и финалъ перваго акта, или арія тенора во второмъ актѣ, которою Рубини приводилъ въ восторгъ всю Европу; но общій характеръ музыки слишкомъ-монотоненъ. Въ сюжетѣ оперы отъ начала до конца — все страданіе и страданіе. Желая сколько можно болѣе выразить это страданіе, Донизетти розлилъ столько плача и нѣжности въ своей музыкѣ, что такого запаса достало бы на три оперы. Въ то время талантъ его еще не возмужалъ до такой степени, какъ во время сочиненія «Лучіи», оперы тоже плачевной по содержанію; композиторъ еще не сознавалъ своихъ средствъ, а можетъ-быть, и сознавалъ, но не умѣлъ владѣть ими и впалъ въ однообразіе. Беллини тоже однообразенъ; музыка его тоже почти вездѣ элегія, но въ этой элегіи болѣе содержанія, а пожалуй и толку, нежели въ «Аннѣ Болена.» На основаніи всего этого, мы полагаемъ, что опера эта можетъ имѣть только тогда большой успѣхъ, когда исполнители ея въ-состояніи представить что-нибудь чрезвычайное, выходящее изъ общаго уровня прекраснаго. Въ такомъ случаѣ и одна арія въ-состояніи дать успѣхъ оперѣ, и между итальянскими операми весьма многія изъ произведеній, бывшихъ въ модѣ и славѣ, обязаны своимъ успѣхомъ именно такимъ причинамъ. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что въ Миланѣ весьма-многіе изъ посѣтителей являлись въ театръ во время представленія «Анны Болена» только для того, чтобъ слушать, ка̀къ Рубини поетъ арію втораго акта. «Vivi tu, te ne scongiuro». Впрочемъ, въ Италіи и не такія аріи производятъ тотъ же эффектъ.

Digitized by Google

На нынѣшній разъ въ исполненіи оперъ на нашей сценѣ участвовали г–жи Медори, Марай и де-Мерикъ и гг. Кальцолари и Лаблашъ. Послѣдній былъ прекрасенъ. Опера вообще прошла ровно.

Если вы не слыхали еще въ нынѣшнемъ году *Сонамбулы*, отправляйтесь слушать ее, и мы заранѣе предсказываемъ вамъ, что вы будете восхищаться. Г–жа де–Лагранжъ прекрасна безсравнительно; она поетъ эту партію иначе, нежели пѣли ее другія примадонны, украшаетъ ее иными цвѣтами. Напримѣръ, въ послѣднюю арію она вставила такіе удивительные пассажи, что слушатели и по окончаніи оперы еще не могли прійти въ себя отъ изумленія. Г. Кальцолари тоже хорошъ, и особенно–хорошъ не тамъ, гдѣ отличался Маріо, именно, не въ финалѣ втораго акта, но въ своей послѣдней аріи третьяго акта.

Вмѣстѣ съ «Сонамбулой» давали въ первый разъ на нашей сценѣ *Il campanello* (Звонокъ), драматическій фарсъ, слова и музыка къ которому, какъ сказано въ афишѣ, сочинены Донизетти. Музыки во всей пьесѣ около полдюжины нумеровъ, остальное же обыкновенный разговоръ и даже разговоръ не речитативный. Что музыка принадлежитъ Донизетти, мы въ этомъ нисколько не сомнѣваемся. Мотивы пріятны, граціозны; въ–особенности хорошъ дуэтъ баритона и сопрано: но права Донизетти на сюжетъ пьесы мы готовы оспоривать. Этотъ музыкальный фарсъ старый–престарый французскій водевиль, переведенный на итальянскій языкъ. Старикъ–аптекарь собирается идти спать и ему мѣшаютъ. Какъ только онъ подходитъ къ дверямъ спальни, у дверей аптеки дергаютъ за звонокъ и несчастный долженъ идти встрѣчать незванаго гостя, который не кто иной, какъ его племянникъ, страшный повѣса, являющійся, посредствомъ различныхъ переодѣваній, тревожить дядю. Не понимаемъ, что вздумалось Донизетти, вмѣсто того, чтобъ обработать этотъ сюжетъ какъ слѣдуетъ, музыкальнымъ образомъ, только перевести его на итальянскій языкъ? Музыки въ этомъ фарсѣ черезчуръ мало и выходитъ, что публика слушаетъ не оперу, а французскій водевиль на итальянскомъ языкѣ; а такъ–какъ водевиль этотъ очень–знакомъ всѣмъ, а въ добавокъ, и страшно–длиненъ, то ни комическія положенія дѣйствующихъ лицъ, ни превосходная игра гг. Ронкони и Лаблаша не въ–состояніи оживить интереса пьесы. Болѣе половины слушателей оставили театръ, не дождавшись окончанія водевиля. Впрочемъ, ужь была и пора: спектакль начался въ семь часовъ, а кончился около трехъ четвертей двѣнадцатаго. Въ Итальянской Оперѣ такіе спектакли рѣдкость.

Мы такъ заговорились о театрахъ, которые теперь, впрочемъ, играютъ первую роль между всѣми другими удовольствіями, что лишь нѣсколько словъ можемъ посвятить остальнымъ новостямъ общественной жизни. Упомянемъ сначала о загородныхъ поѣздкахъ на Среднюю Рогатку, въ колоніи, въ Рыбацкое... на окрестныя горы и даже въ Екатерингофъ, гдѣ бываютъ извѣстное число разъ въ недѣлю музыкальные вечера, и въ Любекъ, въ Дарданъ, гдѣ также устроены различныя увеселенія и, въ томъ числѣ, катанья по

Digitized by Google

груду въ креслахъ. О Дарданъ! кто не узнаетъ тебя по этимъ катаньямъ въ креслахъ!.. А что же Искусственныя Минеральныя Воды? подумаетъ, быть-можетъ, мой иногородный читатель, вспомнивъ, что прошлую зиму я говорилъ объ удовольствіяхъ и въ этомъ пріятномъ учрежденіи. Воды стали тише воды... если только это возможно. На нихъ все пусто и безмолвно, и гдѣ повелитель Искусственныхъ Водъ? гдѣ этотъ искусственный Нептунъ? мы ничего не знаемъ. Да и гдѣ Петербургу думать зимою о тѣхъ, кто забавляетъ его лѣтомъ, думать въ то время, когда одна новость за другою, одно лицо передъ другими силятся привлечь къ себѣ его вниманіе?

3-го января былъ большой концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія въ пользу призрѣваемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ. Въ немъ участвовали всѣ итальянскіе пѣвцы и пѣвицы, а г-жа Рашель прочла знаменитую сцену изъ третьяго дѣйствія «Маріи Стюартъ». Главная особенность этого концерта заключалась въ нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ залѣ, которыя содѣйствовали акустическому ея улучшенію, въ чемъ постоянно чувствовалась необходимость. 17-го января было добавочное музыкальное утро въ залѣ Университета, въ которомъ, кромѣ любителей, участвовали нѣкоторые извѣстные петербургскіе артисты, какъ, напримѣръ, гг. Рубинштейнъ, Шубертъ, и др. 19-го г-жа Рашель дала драматическое утро въ пользу частныхъ школъ Патріотическаго Общества, на которомъ, между прочимъ, превосходно прочла нѣсколько сценъ изъ «Мизантропа» Мольера. 24-го въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ концертъ перваго флейтиста двора герцога тосканскаго, Чіарди, при участіи опять всѣхъ итальянскихъ артистовъ.

Г. Чіарди — новое лицо въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ, точно также, какъ и г. Кавалини, который въ первый разъ появился передъ публикою въ бенефисѣ г. Ронкони. Этимъ двумъ новымъ именамъ, то-есть Чіарди и Кавалини, суждено, по всей вѣроятности, начать тотъ длинный списокъ другихъ артистовъ, которые, судя по примѣру прошлаго года, явятся къ намъ на концертную пору. Однако, сколько бы ни было этихъ артистовъ, какая бы слава имъ ни предшествовала, ни одному изъ нихъ, ни даже всѣмъ вмѣстѣ, не удастся, конечно, произвести такого сильнаго впечатлѣнія, быть въ такой степени въ модѣ, какъ знаменитая Рашель. Всѣ ли одинаково восхищаются ея талантомъ, всѣ ли одинаково понимаютъ ея игру, всѣмъ ли одинаково нравится родъ ея искусства, родъ совершенно-особенный — это вопросъ другой, вопросъ, къ которому я не совѣтую прикасаться фёльетонистамъ. Но какъ бы ни было, всѣ считаютъ обязанностью сказать слово, два о знаменитой артисткѣ, не исключая и того, далеко-непростаго старичка, который пресерьёзно увѣрялъ, что онъ видѣлъ г-жу Рашель въ «дон-Педро» (вмѣсто «Федра»).

Быть въ модѣ! быть предметомъ всеобщаго вниманія—какъ это заманчиво! какъ это пріятно! Сколько людей добивается этого, но многимъ ли удается достигнуть? А между-тѣмъ, г-жа Рашель не искала, не добивалась этого, а она въ модѣ. О ней разсказываютъ множество

Digitized by Google

разныхъ случаевъ и анекдотовъ изъ ея петербургской жизни, хотя, между нами будь сказано, большинство этихъ маленькихъ исторій, кажется, какъ-будто знакомыми. Разсказываютъ, напримѣръ, объ одномъ страстномъ поклонникѣ таланта Рашели, который забрался въ ея карету, стоявшую у подъѣзда отеля, гдѣ жила артистка. Экипажъ поданъ, Рашель вступила на подножку... но вдругъ остановилась удивленная неожиданнымъ зрѣлищемъ.

— Monsieur, сказала она, que faites vous ici?

— Madame, отвѣчалъ господинъ, не выходя изъ кареты: — я хочу еще разъ слышать изъ вашихъ устъ знаменитое: sortez! которое вы такъ чудно говорите въ «Баязетѣ».

— Restez, улыбаясь, отвѣчала артистка... и доѣхала съ почитателемъ своего таланта до театра.

Разсказываютъ еще, будто бы нѣсколько молодыхъ людей, представленныхъ Рашели, уходя, просили у нея букета. Артистка извинялась, что не можетъ исполнить ихъ желанія, потому-что у нея нѣтъ дома букетовъ, кромѣ одного, совершенно-завялаго. Молодые люди выразили, что они съ восторгомъ возьмутъ и завялый и настаивали въ своихъ просьбахъ. «Если вы этого хотите — извольте, сказала артистка, вынося изъ другой комнаты полузасохшіе цвѣты. — Но на что же они вамъ?» — «Мы ихъ съѣдимъ!..» въ одинъ голосъ отвѣчали поклонники искусства. Артистка посмотрѣла на нихъ съ изумленіемъ. «Да, мы съѣдимъ эти цвѣты, чтобъ выразить все уваженіе къ вашему таланту», повторили они. Рашель старалась отговорить ихъ отъ этого подвига, но напрасно: они схватили букетъ, отправились къ Донону, велѣли къ цвѣтамъ сдѣлать соусъ — и съѣли съ нимъ увядшее выраженіе чьего-то восторга... Разсказываютъ еще... но будетъ, иначе мы не кончимъ этихъ анекдотовъ никогда, потому-что ихъ цѣлая бездна... Многіе считаютъ анекдоты синонимомъ небылицы, выдумки и т. п., но это несправедливо. Анекдотъ — исторія минуты, минуты, характеризующей иногда цѣлую эпоху. Анекдоты бываютъ также истинны и лживы, какъ и всякія другія исторіи, но въ томъ и другомъ случаѣ, болѣе или менѣе, они всегда намекаютъ на характеръ времени или лицъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство изъ разсказываемыхъ анекдотовъ о Рашели — выдумка, передѣлка старыхъ и т. п., но всѣ они клонятся къ одному — показать энтузіазмъ, произведенный ею въ Петербургѣ.

Если энтузіазмъ, возбуждаемый Рашелью, у насъ доходитъ ужь до такихъ размѣровъ, то трудно себѣ представить, въ какихъ формахъ выкажется онъ въ Москвѣ... Если москвичи приходили въ такой восторгъ отъ Фанни Эльслеръ, и прославляли ее стихами и прозою — если они подносили калачи изъ чистаго золота знаменитой пѣвицѣ, то чѣмъ же выразится ихъ восторгъ и удивленіе къ великой трагической актрисѣ? Подождемъ немного — узнаемъ.

Перехожу къ будущему... но прежде, нежели начну о немъ, скажу нѣсколько словъ о прошедшемъ, прошедшемъ, неотносящемся, впрочемъ, къ общественной жизни.

Digitized by Google

Въ «Замѣткахъ» прошлаго мѣсяца передъ тѣмъ, гдѣ у меня начинается рѣчь о ненависти людей другъ къ другу, пропущена по ошибкѣ одна строка:

«Вотъ что говоритъ объ этомъ остроумный А. Карръ.» Все сказанное вслѣдъ затѣмъ о людской ненависти, не передѣлано, какъ увѣряетъ фёльетонистъ «Сѣверной Пчелы» г. Ѳ. Б. на русскіе нравы, а просто переведено изъ статьи Альфонса Карра «De la haine de l'homme pour l'homme», съ нѣкоторыми пропусками въ оригиналѣ. Я счелъ обязанностью оговорить пропускъ указанія «Петербургскихъ Замѣтокъ» на А. Карра, хотя вполнѣ увѣренъ, что никто не обвинитъ меня, въ желаніи присвоить себѣ даже немного строкъ остроумнаго французскаго фёльетониста. Кромѣ-того, что это было бы несовсѣмъ-деликатно, это было бы даже невозможно, особенно у насъ, гдѣ французскихъ фёльетонистовъ читаютъ столько же, сколько и русскихъ, и гдѣ есть цѣлыя, можно сказать, переводныя газеты, которыя большею частью своихъ матеріаловъ обязаны иностраннымъ періодическимъ изданіямъ.

Теперь о будущемъ. Въ Петербургѣ была бы только охота наслаждаться, а наслаждаться есть чѣмъ. Въ будущемъ насъ ожидаютъ новости; въ будущемъ насъ ожидаетъ еще много удовольствій. Кромѣ новой драмы г. Кукольника, заимствованной изъ временъ Петра Великаго «Маркитантка», которая въ концѣ января была дана въ бенефисъ г. Максимова, для русской сцены приготовлены еще двѣ новыя пьесы: г. Островскимъ (авторомъ «Не въ свои сани не садись»), комедія «Бѣдность не порокъ», взятая имъ, какъ и всѣ лучшія его пьесы, изъ купеческаго быта, и г. Потѣхинымъ драма «Людской судъ — не Божій», взятая изъ простонароднаго быта.

Для дальнѣйшихъ дебютовъ г-жи Іелла гоставленъ новый балетъ «Фаустъ», главная роль котораго укажетъ на степень мимическаго таланта молодой танцовщицы.

Профессоръ С. С. Куторга, будетъ читать въ залѣ Университета публичныя лекціи, предметъ которыхъ составляетъ естественная исторія человѣка. Лекціи эти будутъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и четверткамъ вечеромъ. Наконецъ, лицъ, привыкшихъ содѣйствовать дѣламъ благотворительности, ожидаютъ розъигрыши двухъ благотворительныхъ лотерей — хозяйственной въ пользу Дѣтскаго Пріюта, состоящимъ подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, и другая — въ пользу призрѣваемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ. Въ первой изъ нихъ выигрыши составляютъ: буфетъ съ серебромъ, карета, сани, бочки кофе и сахару, чай, десятки мѣшковъ муки и другіе хозяйственные предметы, вмѣсто которыхъ, выигрывшіе могутъ брать, если захотятъ, деньги. Во второй — разъигрываются исключительно серебряныя вещи: несессеры, чайные сервизы, кубки — словомъ: всѣ тѣ изящныя вещи, которыя, во время выставки ихъ для публики, занимали отъ потолка до полу цѣлыя двѣ комнаты.

Digitized by Google

На Невѣ снова открылись рысистые бѣги, въ которыхъ любители надѣются увидѣть, кромѣ знаменитыхъ Молодца, Лебедя, Туманной и Пригожей и еще нѣсколько новыхъ бѣгуновъ.

Между-тѣмъ балы слѣдуютъ за балами...

Впрочемъ, кто же не знаетъ, что время «отъ Рождества и до Поста» самое обильное подобнаго рода удовольствіями. Проѣзжая вечеромъ по петербургскимъ улицамъ, вы безпрестанно видите ярко-освѣщенныя окна, на опущенныхъ сторахъ которыхъ мелькаютъ и движутся различныя тѣни; въ клубахъ, гдѣ бываютъ балы, постоянно множество посѣтителей. Два бала Коммерческаго Общества, попрежнему отличались изящными нарядами дамъ; на пятничныхъ танцовальныхъ вечерахъ Благороднаго Собранія, попрежнему составляются супружескія партіи; на вечерахъ Нѣмецкаго Клуба, попрежнему танцуютъ и веселятся петербургскіе иностранцы. А маскарады? Маскарады идутъ своею чередою. Ихъ уже нѣсколько было и въ Дворянскомъ Собраніи и въ Большомъ Театрѣ. Въ маскарадахъ не появлялось ничего новаго, ни особенно-замѣчательныхъ домино, ни особенно-большаго оживленія. Тѣ же таинственныя пары, воркующія что-то въ гостиныхъ Собранія, въ корридорахъ театра, тѣ же «je te connais, beau masque», тѣ же разговоры о Рашели, оперѣ, любви; однимъ словомъ: все то же и то же... Признаюсь, путешествуя по маскараднымъ заламъ, прислушиваясь къ говору масокъ, я иногда сомнѣвался, чтобъ въ маскарадахъ возможны были интересные, забавные и странные случаи, и подозрѣвалъ, что всѣ эти маскарадныя событія, такъ часто разсказываемыя въ повѣстяхъ и романахъ, принадлежатъ исключительно фантазіи бельлетристовъ. Но недавно я слышалъ одну исторію (истина которой не подлежитъ сомнѣнію) исторію, начавшуюся прошлымъ лѣтомъ въ Павловскѣ и кончившуюся 27 декабря въ первомъ маскарадѣ Дворянскаго Собранія; эта исторія уничтожила мои сомнѣнія... Я вамъ разскажу ее, читатель, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Digitized by Google

МОДЫ.

Для платьевъ съ открытыми лифами нынче дѣлаются превосходныя казавейки и кружевные лифы. На цвѣтныхъ матеріяхъ эти лифы очень эффектны. Мы видѣли на розовомъ платьѣ черный тюлевый лифъ съ высокимъ воротомъ. Сверхъ тюля была нашита вдоль черная бархатная лента въ нѣсколько рядовъ; съ боковъ ея пришиты узенькія черныя кружева. Рукава и баски обшиты также. Казавейка, или, лучше сказать, карако должна быть въ обтяжку какъ лифъ, спереди открытая и застегнутая въ трехъ мѣстахъ лентой одинаковаго цвѣта съ платьемъ. Уборка ея обыкновенно состоитъ изъ лентъ и кружевъ. Бархатныя карако тоже въ большой модѣ; они иначе не надѣваются, какъ съ открытымъ лифомъ. Вообще всѣ лифы, какъ на шелковыхъ, такъ и на суконныхъ платьяхъ, дѣлаются съ басками, даже съ двойными басками. Вотъ платье изъ коричневаго сукна, убранное аграмантомъ, на которомъ придѣланы продолговатыя пуговицы въ видѣ желудей. Лифъ высокій съ двойными басками, которые, также какъ и платье, обшиты аграмантомъ. Очень-мило также домашнее платье изъ сѣраго мериноса, убранное моарѐ лентой подъ цвѣтъ платья.

Но вотъ модное платье изъ клѣтчатаго попелина съ отворотами на юбкѣ и лифѣ изъ плюша, который имѣетъ названіе «московскаго мѣха». Вообще плюшъ въ большой модѣ; ворсъ его нынче дѣлается чрезвычайно-длинный, наподобіе соболя, бѣлки и другихъ мѣховъ. Настоящій мѣхъ также въ большой модѣ, особенно соболь: нѣтъ салопа, или ватной мантильи, которая не была бы обшита мѣхомъ. Мѣховыя пелеринки для молодыхъ дѣвицъ дѣлаются чрезвычайно-маленькія: онѣ едва доходятъ до половины таліи и съ маленькими спереди концами. Палантины и боа тоже въ большомъ употребленіи.

Бальныя платья чрезвычайно-красивы съ кружевными туниками, которыя доходятъ только до колѣнъ, потому-что тутъ начинается уборка платья, и уборка, надо прибавить, необыкновенно-пышная. Мы видѣли одно платье съ туникой изъ голубаго моарѐ antique. Внизу юбки до самыхъ колѣнъ нашиты пуфы изъ голубаго тюля, между которымъ мелькаютъ банты изъ голубыхъ атласныхъ лентъ. Бѣлая кружевная туника, съ большими зубцами внизу, спускается до уборки платья. Лифъ открытый со шнипомъ; кругомъ лифа нашиты въ два ряда бѣлыя кружева. Рукава короткіе и сверхъ ихъ спускаются очень-широкіе бѣлые рукава, доходящіе до локтя. Четыре банта изъ атласныхъ лентъ украшаютъ передъ лифа. Прическа съ сбитыми бандо и съ двумя длинными локонами, спускающимися до плечъ. Коса положена очень-низко, и сверхъ нея бантъ изъ кружевъ съ длинными концами.

Digitized by Google

Широкіе греческіе рукава въ большой модѣ. Фасонъ ихъ очень-красивъ. Рукава эти кроятся очень-длинные и широкіе: у проймы они сбираются, шовъ ихъ доходитъ только до сгиба локтя, даже короче; на этомъ мѣстѣ пришивается бантъ; остальная часть рукавовъ спускается на юбку.

Но не успѣли еще кончиться балы, какъ начались концерты, для которыхъ нуженъ утренній туалетъ.

Вотъ очень-миленькая шляпка для концерта: она прозрачна и легка, а это очень-важное достоинство, потому-что въ такой шляпѣ лучше слышно и нежарко сидѣть въ залѣ. Она сдѣлана изъ розоваго крѣпа съ біэ изъ неразрѣзаннаго бархата; поля кругомъ обшиты бѣлой блондой, густо-собранной; подъ полями перья и блонды. Еще шляпа изъ бѣлаго атласа съ блондовыми прошивками и съ большимъ бантомъ на кофточкѣ. Голубая бархатная шляпа, убранная атласомъ и съ маленькой вуалеткой.

Фасонъ всѣхъ этихъ шляпъ все тотъ же, то-есть шляпа въ объемѣ своемъ не болѣе чепчика. Впрочемъ, чепчики дѣлаются очень-большіе; шелковыя донышки или сѣтки изъ лентъ въ большой модѣ на чепчикахъ.

Куафюра самая модная теперь называется cache-peigne; названіе это она получила оттого, что покрываетъ зубцы гребенки, поддерживающей косу; но ободокъ гребенки долженъ быть выше этой куафюры. Вотъ очень-миленькая cache-peigne: два ряда кружевъ собраны на узенькую бархатную ленту; сверхъ ихъ бантъ съ длинными концами. Иногда, вмѣсто кружевъ, пришивается серебряная или золотая сѣтка съ бахрамой. Куафюры изъ цвѣтовъ также въ большой модѣ: всѣ онѣ дѣлаются съ длинной висячей зеленью.

Вѣеръ — необходимая принадлежность бальнаго туалета; даже въ оперу очень-многія берутъ съ собой вѣеръ.

Жемчугъ надѣвается въ нѣсколько рядовъ на шею и спускается на грудь въ видѣ маленькаго шарфа съ кисточками; у горла этотъ жемчугъ перехватывается брошью изъ драгоцѣнныхъ камней.

Браслеты и драгоцѣнные камни, кажется, еще никогда не были въ такой модѣ, какъ теперь.

Digitized by Google

ПОПРАВКА.

Въ повѣсти «Заколдованный Кругъ», напечатанной въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», вкрались слѣдующія опечатки, которыя просимъ поправить:

На переносѣ съ 217 на 218 страницу напечатано: размяться; слѣдуетъ читать: *разсъяться;* на 6-ой строкѣ снизу 218 страницы, вмѣсто *многолюдной*, напечатано: многомодной.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,

ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

Любимые танцы для фортепьяно:

	Сер. Р.	К.
Alexandroff. — Dernier éspoir. Polka-Mazurka	—	40
L'Auréole. Valse	—	75
L'Enfant chéri. Polka	—	40
Delagrange. — Valse brillante	—	85
Ducomun. — Café. Polka-Mazurka	—	40
Gung'l. — Elisentänze. Valse	—	85
Minuit-passé. Quadrille	—	60
Catarinen-Polka	—	50
Henselt. — Sophie-Polka	—	60
Laade. — Rigoletto-Quadrille	—	60
Liadoff. — Zénéide. Polka-Mazurka	—	50
Camilla-Quadrille	—	60
Strauss. — La Violette. Polka-favorite	—	30
Nocturne-Quadrille	—	60
Salon-Sprüche. Valse	—	85

Пьесы для семиструнной гитары:

Марковъ. — Торжественный маршъ изъ оперы: Осада Гента Мейербера	—	50
Каватина изъ оперы: Ломбардцы	—	50
Фантазія на мотивы изъ оперы: Лучія соч. Доницетти	1	50
Петровъ. — Арія знаменитаго пѣвца Страделла	—	75
Саренко. — Пѣсня изъ оперы: Риголетто, пѣтая съ большимъ успѣхомъ г-мъ Маріо	—	40
Каватина (Son legiero) изъ оперы: Maria di Rohan, пѣтая съ большимъ успѣхомъ г-жею Демерикъ	—	40
Циммерманъ. — Этюдъ и два вальса	—	60

Пьесы для фортепьяно въ двѣ руки:

Henselt, A. Nocturne. Nouveau. op. 32	—	75
Ballade. op. 31	2	—
Exercices préparatoires. Nouvelle édition, corrigée et revus par l'Auteur	1	50
Petite-Valse favorite. (3-e Edition)	—	50
Kalkbrenner. — La femme du Marin. Pensée fugitive	—	40
Kullak. — Grace, grace de l'opera: Robert le Diable	—	75
La Coquette. Piéce caractéristique	—	75
Elegie d'Ernst (Nouvelle édition)	—	60

Digitized by Google

	Сер. Р.	К.
Lecarpentier. — Fantaisie sur l'opéra: Ernani	—	75
Mayer. Ch. — Rondo brillant H-dur	1	50
Rosellen. — Le Rêve de Marie. Fantaisie brillante (Nouvelle édition)	—	85
Schulhoff. — Impromptu-Polka (nouvelle édition)	—	85
Thalberg, — Fantaisie sur les motifs de l'opéra: Zora de Rossini.	1	72
La Prière de l'opera: Zora de Rossini	—	60
Weber. C. M. — Grande Sonate op. 24 C. dur (nouvelle édition)	2	—
Invitation à la danse. (Nouvelle édition)	—	75

Школа для скрипки:

Теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ. Сочиненіе *Д. Алара.* Принятое для руководства въ Парижской Музыкальной Консерваторіи, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. *Ecole du Violon.* Méthode complète et progréssive à l'usage du Conservatoire de Paris, composée par *D. Alard.* (*Violin-Schule*) цѣна . . . . . . 6 —

Пьесы для віолончеля съ фортепьяно:

	Р.	К.
Kummer. — Deux amusemens sur des opéras: Guillaume Tell de Rossini et La Fiancée d'Auber	2	—
Piatti. — Bergamasca. op. 14	1	30
Schuberth. — Andante et rondo élégant. op. 28	1	15
Servais. — Les Regrets. Pensée musicale	—	75

Въ этомъ же магазинѣ поступили для продажи разные Альбомы, содержащіе въ себѣ разные танцы, романсы и пьесы; цѣна каждому Альбому отъ 2 руб. и до 10 р. сер.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо-больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейс-курантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволяется, 29-го декабря 1853 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

Digitized by Google

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.

Пьесы для фортепьяно.

	Сер. Р.	К.
Schulhoff. — Trois idylles : doux reproche, l'étoile du soir, le ruisseau, op. 36 (3-me Suite)	1	50
Liszt. — Mélodies russes: № 1, Ты не повѣришъ, air bohémien transcrit (1 р. 15 к.). № 2, Соловей. Nouvelle transcription (85 к.). Le désir. Valse célèbre variée	—	85
Leschetitzky. — Les adieux. Romance (60 к.). Les clochettes. Impromptu	—	75
Levy. — Galop de concert (1 р.). Polka-Mazurka de salon (85 к.). Vielliebchen-Polka de salon	—	60
Kontski. — Scherzo. Nouvelle édition (1 р. 15 к.). Caprice héroïque (1 р. 50 к.). Souvenir de Berlin. Galop brillant.	—	85
Vogt. — Etude d'amateurs (50 к.). Deux nocturnes, № 1, 2 (каждый 50 к.). Polka de salon	—	75
Thalberg. — L'art du chant appliqué au piano: № 1, Quatuor de l'opéra i Puritani (75 к,). № 4, L'air du célèbre chanteur Stradella	—	85
Voss. — Macbeth. Grande fantaisie (1 р.). Cavatine de Gitana variée	—	75
Bernard. — Собраніе легкихъ пьесокъ для дѣтей.	1	50

Новые танцы.

Almanach de danses les plus nouvelles pour 1854.—Содержаніе: № 1, *Labitzky*, Gabrièle-Quadrille. № 2, *Schubert*, La rosée de Mai, Valse. № 3, *Stasny*, Polka. № 4, *Messemaeckers*, La favorite, Polka-Mazurka. № 5, *Wallerstein*, Anna-Polka. № 6, *Stasny*, Sophie-Galop. № 7, *Bernard*, Quadrille. № 8, *Strauss* (Sohn), Wiener Punch-Lieder-Walzer. № 9, *Laade*, Carnaval-Polka-Mazurka. № 10, *Ettling*, Lagrange-Polka. № 11, *Tarnowski*, Mazurka. № 12, *Laade*, Sechsziger-Polka; въ переплетѣ (за перес. за 2 ф.).	3	—
Laade. — Rigoletto-Quadrille (60 к.). Кадриль благороднаго собранія (60 к.). Bonvivant-Polka	—	50

Пьесы для скрипки.

Киндингеръ. — Собраніе фантазіи на любимые русскіе романсы и пѣсни для скрипки съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Тетрадь I. «Вотъ на пути село большое», «За Ураломъ», «Коровушка» (1 р. 15 к.). Тетрадь II. «Сарафанчикъ», «Душечка дѣвица», «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» (1 р. 15 к.) Тетрадь III. «Матушка голубушка», «Ты не повѣришь», «Ѣхали ребята» (1 р. 15 к.). Тетрадь IV. «Мы двѣ дѣвицы», «Она милень-

Digitized by Google

Р. К.

кая», «Тяжело, не стало силы» (1 р. 15 к.). Тетрадь V. «Онъ меня разлюбилъ», «Ты скоро меня позабудешь», «Сердце» (1 р. 15 к.). Тетрадь VI. «Вѣтка», «Коса», «Обойми поцалуй». 1 15

— Это же собраніе фантазіи на любимые русскіе романсы и пѣсни *для одной скрипки*, въ двухъ тетрадяхъ, каждая 1 —

Haupt. — Лучина, лучинушка. Air russe varié avec piano. . 1 —

Hauser. — Trois mélodies de Bellini transcrites avec piano, каждая. . . . . — 60

Soirées dansantes. — Собраніе лучшихъ и новѣйшихъ танцевъ для одной скрипки, три тетради, каждая. . . . . . — 75

Русскіе романсы.

Гурилевъ — Въ морозную ночь (40 к.), Я помню взглядъ (40 к.), Какъ смотрю на него, мнѣ такъ отрадно легко . . . — 40

Даргомыжскій. — Двѣ цыганскія пѣсни: Ненаглядная ты (40 к.) Если встрѣчусь съ тобой . . . . — 40

Дерфельтъ. — Забудь меня (40 к.), Тебя здѣсь нѣтъ . . . — 40

Глинка. — О милая дѣва . . . . — 85

Козакова. — Соловей . . . . — 50

Шауфлеръ. — Снова тучи надо мною (85 к.), Жилъ князь въ странѣ далекой . . . . — 40

Имберда. — Они терзали меня . . . . — 40

Черлицкій. — Молитва (60 к.), Незнаніе . . . . — 40

Фонъ Дервизъ. — Ты вспомни обо мнѣ . . . . — 40

Мареничъ. — Уединенная сосна . . . . — 40

Рубинштейнъ. — Шесть романсовъ на два голоса . . . . . 2 —

Варламовъ. — Ты скоро меня позабудешь, на два голоса (60 к.), Для чего ты, лучь Востока, на два голоса . . . . . — 85

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го января первая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ: *Thalberg*. Quatuor de l'opéra i Puritani transcrit.—*Vangrasdorff*, Galop triomphal.—*Schulhoff*, La ruisseau. *Idylle*.—*Lewy*, Vielliebchen-Polka de salon.—*Mayer*, Chant du gondolier.—*Jullien*, La prima donna, Valse.—*Neumann*, Polka.—*Wolfart*, Petite fantaisie sur la Cenerentola.—*Brunner*, Rondeau.—*Гурилевъ*, Падучая звѣзда, романсъ.—*Arnaud*, Romance.

Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Печатать позволяется, 31-го декабря 1853 г. Ценсоръ *А. Фрейгангъ*.

Digitized by Google

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

въ магазинѣ И. Пеца, нынѣ СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 116.

Школы для фортепьяно.

	Сер. Р. К.
Гюнтенъ. — Полная школа для фортепьяно на русскомъ языкѣ. Новѣйшее исправленное и дополненное многими упражненіями, этюдами и пьесами въ двѣ и четыре руки изданіе	3 50
Hünten. — Méthode de Piano, paroles Françaises et Allemande. Quatrième édition revue, corrigée et augmentée de nouvelles leçons faciles et graduées à deux et à quatre mains.	4 —
Крамеръ. — Новая практическая фортепьянная школа, въ которой изложены основанія музыки, и ясно въ избранныхъ примѣрахъ представлены правила аппликатуры, съ присоединеніемъ многихъ пьесъ для упражненій и прелюдій во всѣхъ тонахъ и объясненіе итальянскихъ техническихъ выраженій. На русскомъ языкѣ. Новое исправленное и дополненное изданіе	1 50
Schütz. — E. Ecole primaire de Piano. Collection d'exercices, gammes, préludes, etc. à l'usage des personnes qui desirent faire des progrés rapides dans la théorie et la pratique de la musique. Dédiée aux élèves de L'Institut de S-te Cathérine	3 —
Шитцъ. — Первоначальная школа на фортепьяно, или собраніе упражненій, гаммъ, прелюдій и проч., составленная для особъ, желающихъ по этой методѣ въ короткое время выучиться хорошо и основательно играть на фортепьяно. Школа эта посвящена воспитанницамъ Екатериненскаго Института	3 —
Черни. — Вѣнскій фортепьянный учитель, или теоретическое и практическое наставленіе, какъ по этой легкой методѣ въ короткое время выучиться легко и хорошо играть на фортепьяно. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями изданіе .	3 —

Этюды для фортепьяно:

Bertini. — 25 Etudes faciles, composée principalement pour les jeunes Elèves dont les mains ne peuvent encore embrasser l'étendue de l'octave. op. 100 liv. 1, 2. Chaque . . .	— 85
— 48 Etudes, composées exclussivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de J. B. Cramer. Op. 29 et 32 liv. 1, 2. Chaque	1 50
Chopin. — Etude favorite. Op. 25. (Nouvelle édition) . . .	— 50

Digitized by Google

	Сер. Р. К.
Cramer. J. B. — 84 Etudes ou Exercices doigtés dans les differants ton calculés pour facilités les progrés de ceux qui se proposent d'Etudier cet instrument à fond. Nouvelle édition trés corrécte. Liv. 1, 2, 3, 4. Chaque . .	1 50
Czerny. — L'Etude de la vélocité (Schule der Geläufigkeit) ou 30 Exercices calculés à developper l'agilité des doigts. Op. 299. Nouvelle édition	3 —
— Le même ouvrage en trois livres. Chaque	1 15
— Instructions ou 100 Récreations musicales, doigtés et progressives à l'usage des premiers commençants. (Nouvelle édition) liv. 1, 2, 3, 4. Chaque	— 85
Henselt. A. — Exercices préparatoires pour le piano. Seconde édition, nouvelement revue et corrigée	1 50
— Le même ouvrage en deux livres. Chaque	1 —
Hünten. — Douze études mélodiques. Op. 81. Nouvelle édition.	2 —
Schmitt. — Exercices et Etudes. Op. 16. Nouvelle édition. .	2 50

Танцы для фортепьяно въ двѣ руки:

Herzog. — Hamburger Polka. (Nouvelle édition)	— 30
Kaschewsky. N. Alexandrinen-Polka	— 50
— Les délices du bal. Valse	— 85
Kazynski. — Schottisch-Polka	— 60
Koenig. — Une Larme. Polka-Mazurka	— 40
Ossipoff. E. — Petite-Polka-Mazurka	— 50
Zabello N. — Natalie-Valse	— 40

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейс-курантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволяется, 29-го января 1854 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

Digitized by Google

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.

Школы и этюды для фортепьяно.

	Сер. Р.	К.
Гюнтенъ. — Школа для фортепьяно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Новое дополненное и многими упражненіями умноженное изданіе. Méthode de piano, op. 60 .	4	—
Bertini. — Méthode complète et progressive de piano. Vollständige Pianoforte-Schule.	12	85
Beyer. — Ecole primaire du jeune pianiste. Méthode élémentaire de piano	3	—
Черни. — Вѣнскій фортепьянный учитель, или новѣйшая школа нынѣшней игры на фортепьяно. Часть I.	2	—
Kalkbrenner. — Méthode pour apprendre le piano	6	85
Bertini. — 48 études composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres Etudes de Cramer. Nouvelle édition, op. 29, 32. Двѣ тетради, каждая . . .	1	70
25 études faciles, op. 100 (1 р. 70 к.), 12 petits morceaux précédes chacun d'un prelude, composés expressement pour les élèves. Liv. 1, 2, каждая	—	60
Cramer. — 42 études célèbres. Liv. 1, 2, каждая	1	70
42 études (2-de suite). Liv. 1, 2, каждая	1	70
Czerny. — Etude de la vélocité ou 30 exercices, calculés à développer l'agilité des doigts, op. 299 (2 р. 85 к.), Exercices journaliers (Tägliche Studien) pour atteindre et conserver le plus haut degré de perfection sur le piano, op. 337 (3 р.), L'art de délier les doigts (Suite de l'étude de la velocité) consistant en 50 études, op. 740 Cah. 1 à 6 (каждая 1 р. 70 к.), Cent petites études progressives, op. 139 liv. 1 à 4, каждая	—	85
Hünten. — 18 exercices progressifs, op. 80 (1 р. 40 к.). 12 études mélodiques	2	—
Mayer. — Trois grandes études, op. 61. Nouvelle édition .	1	50
Moscheles. — Etudes célèbres. Studien zur höhern Vollendung bereits ausgebildeter Klavierspieler, op. 70, Cah. 1 (4 р.) Cah, 2.	3	40

Пьесы для фортепьяно.

	Р.	К.
Schulhoff. — Sonate, op. 37 (2 р.). Trois idylles (doux reproche, l'etoile du soir, le ruisseau) 3-me suite, op. 37 . . .	1	50
Thalberg. — L'art du chant appliqué au piano, 12 compositions classiques transcrites, op. 70, № 1 à 12, каждый. . .	1	15

Digitized by Google

Р. К.

Thalberg. — Quatuor de l'opéra i Puritani transcrit (tiré de l'op. 70) (75 к.), Air du célèbre chanteur Stradella transcrit (tiré de l'op. 70) . . . . — 85
Lewy. — Vielliebchen. Polka de Salon, op. 36 . . . . — 60
Léfebure-Wely. — La garde montante. Caprice . . . . . . — 75
Jaell. — Le Carnaval de Venise. Variations burlèsques. . . — 85
Kuhé. — Polka di bravura (85 к.). Rose d'hiver. Nocturne . — 60
Beyer. — Le siège de Gand. Trois daguerréotypes musicales, op. 123, № 1 à 3 (каждый 85 к.) Rigoletto. Petite fantaisie . . . . — 60
Dreyschock. — Invitation à la mazurka, op. 94 . . . . . . — 85
Haberbier. — La fontaine. Etude imitative, op. 1 (1 р.). Trois pensées fugitives, op. 2 . . . . 1 —
Kullak. — Lénore. Ballade, op. 81 (1 р. 70 к.), Illustrations russes. 3 mélodies transcrites, № 1 à 3, каждый . . . — 75
Mayer. — Six novellettes, op. 183, Cah. 1 à 3 (каждая 1 р. 15 к.), Scherzo-étude, op. 187 (85 к.), Grace. Etude élégante (60 к.), Chant du gondolier (60 к.), Le désir. Romance . . . . — 60
Almanach de danses les plus nouvelles pour 1854. — Содержитъ въ себѣ 12 лучшихъ танцевъ, сочиненія Штрауса (сына), Лабицкаго, Лааде, Валлерштейна, Бернарда и другихъ. Въ переплетѣ (за пересылку за 2 фунта) . . . . . 3 —
Киндингеръ. — Собраніе фантазіи на любимые русскіе романсы и пѣсни для скрипки съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Въ шести тетрадяхъ, каждая 1 15
— Это же собраніе фантазіи на любимые русскіе романсы и пѣсни *для одной скрипки*, въ двухъ тетрадяхъ, каждая. . . . . 1 —

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го февраля вторая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ: *Voss*, Ecumes de perles (Champagne) Marceau de concert. — *Schadek*, Осѣдлаю коня. Ballade de Warlamoff transcrite. — *Kullak*, Graciosa, pièce de salon. — *Lee*, L'electricité. Etude de Salon. — *Bernard*, Quadrille de Famille. — *Chledowski*, Polka-Mazurka. — *Пауфлеръ*, Романсъ.

Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Печатать позволяется, 31-го января 1853 г. Цензоръ *А. Фрейганг*.

Digitized by Google

ДОМЪ БРАНДУСА.

Музыкальный Магазинъ (С. ДЮФУРА),

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской Церкви.

LE MONDE MUSICAL.

Первый нумеръ «Музыкальнаго Свѣта» вышелъ 5-го января въ *Магазинѣ Брандуса* (С. Дюфура). Онъ содержитъ въ себѣ 48 столбцовъ текста на русскомъ и французскомъ языкахъ, и слѣдующія прибавленія:

1. *Le Musée des Pianistes ;* cinq morceaux brillants, savoir : ***Mulder***, Rêverie; ***Leschetizky***, six Méditations (1, 2, 3); ***Pusch***, Elégie sur la mort de Chopin; ***Blumenthal***, Le Chemin du Paradis; ***Lefébure-Wely***, les Cloches du Monastère.

2. *Le Succès ;* trois morceaux de moyenne force, et faciles : ***Cramer***, la Mélancolie ; ***Krug***, Air populaire allemand, transcrits ; ***Croisez***, Fantaisie sur les Noces de Jeannette.

3. *Le Bal ;* cinq danses choisies : ***Longueville***, Varsoviana ; ***Strauss***, Indra-Quadrille ; ***Burgmuller***, La Croix de Marie, Valse ; ***Bizot***, les Filles de Marbre, Polka ; ***Momigny***, l'Aurore, Schottisch.

4. *La Lyre ;* deux morceaux de chants : ***Касинова***, Не говорите про нее, Романсъ ; ***Henrion***, le Chardonneret de Rose, Mélodie.

5. Un beau portrait de M-lle ***Rachel***.

6. Comme primes, trois partitions pour piano seul, à choisir parmi les suivantes : 1) ***Le Requiem***, de Mozart; 2) ***Le Freyschütz***, de Weber; 3) ***I Puritani***, de Bellini ; 4) ***Il Barbiere***, de Rossini ; 5) ***Rigoletto***, de Verdi ; 6) ***Stabat Mater***, de Pergolèse; 7) ***Die Heimkehr***, de Mendelssohn ; 8) ***Sonambula***, de Bellini ; 9) ***Les sept Paroles***, de Haydn , 10) ***Lucrezia Borgia***, de Donizetti ; 11) ***Ernani***, de Verdi ; 12) ***L'Art du Chant, appliqué au Piano***, par Thalberg ; six transcriptions. Tous ces ouvrages sont complets.

Второй нумеръ этого журнала (февраль мѣсяцъ) также вышелъ и раздается. Онъ содержитъ въ себѣ 48 столбцовъ текста русскаго и французскаго; къ нему приложены слѣдующія прибавленія :

1. *Le Musée des Pianistes;* cinq morceaux brillants : ***Ascher***, Fragment de salon, danse espagnole; ***Thalberg***, Bella incognita; ***Leschetizky***, 6 Méditations (4, 5, 6); ***Fumagalli***, La Pendule, Caprice fantastique; ***Eghard***, Sérénade italienne.

Digitized by Google

2. *Le Succès;* trois morceaux de moyenne force, et faciles : *Talexy*, Fantaisie-Souvenirs ; *Meltzer*, Prière et Quatuor de l'Opéra Zora, transcrits; *Beyer*, Eantàisie sur Guillaume Tell.

3. *Le Bal*, cinq danses choisies : *Strauss*, Phönixschwingen, grande Valse ; *Longueville*, les Diablotins, Quadrille ; *Wallerstein*, une Goutte de Rosée, Redowa ; *Pontus*, la Danse des Tables, Polka; *Michel*, Betsy, Polka-Mazurka.

4. *La Lyre;* deux Morceaux de chant : *Львова* (В), Рыбачка, Баркароль. *Arnaud*. Le Guide du Glacier, Romance.

5) Un beau portrait de la célèbre Pianiste, *M-lle Wilhelmine Clauss*. Les *2 numéros* parus du Journal avec les *3 partitions* de primes contiennent une valeur de plus de *trente Roubles Arg*.

Господамъ подписавшимся на «*Музыкальный Свѣтъ*», сдѣлана будетъ уступка 30 процентовъ съ цѣны нотъ, продающихся въ *Магазинѣ Брандуса* (С. Дюфура).

Подписная цѣна на «Музыкальный Свѣтъ», за 12 выпусковъ 12 р. сер., а съ пересылою 13 руб. 50 коп. серебромъ.

=

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ БРАНДУСА ТАКЖЕ ПРОДАЮТСЯ

РОЯЛЫ

ФАБРИКЪ ЭРАРДА.

SEULE ET UNIQUE MÉDAILLE A L'EXPOSITION UNIVERSELLE DE LONDRES.

MANUFACTURES DE FORTE-PIANOS

DE P. ERARD.

S. DUFOUR,

SEUL AGENT D'ERARD POUR LA VENTE DE SES INSTRUMENTS

EN RUSSIE.

Печатать позволяется, 31-го января 1854 г. Цензоръ А. Фрейгангъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ВТОРАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. Словесность.

II. Науки и Художества.

Digitized by Google

стр.

III. Критика.

IV. Библіографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Digitized by Google

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

V. Иностранная Литература.

VI. Современная Хроника Россіи.

Digitized by Google

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ НАУКЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Digitized by Google

стр.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ANCIENNE LIBRAIRIE BELLIZARD.

S. DUFOUR,

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE,

au Pont de Police, maison de l'Eglise Hollandaise.

Christophe (l'abbé J. B.) Histoire de la Papauté pandant le quatorzième siècle, avec des notes et des pièces justificatives. Paris 1853. Trois volumes in-8. 6 rb.

(Mod. I p. 48, 55, 56. II p. 327 et 328.)

Desplaces (Auguste). Galerie des poetes vivants. Nouvelle édition, revue et augmentée. Paris, un volume in-8. 1 rb. 50 c.

(Modif: p. 38 et 123.)

Feugère (Léon). Chefs d'Oeuvre de l'éloquence française au dix-septième et dixhuitième siècles, recueillis et publiés avec des jugements et des notes. Paris 1851. Un vol. in-8. 2 rb.

(Mod. p. 392, 442, 475 et 480.)

Jérusalem et la Terre-Sainte. Notes de voyage recueillies et mises en ordre par M. l'abbé G. D. illustrations de M. Rouargue. Un magnifique volume grand in-8, enrichi d'un grand nombre de gravures sur acier, cartes géographiques, etc. 6 rb.

Le même ouvrage reliure mosaique d. s. t. 9 rb.

(Mod. p. 198 à 200 et 240.)

Levi (Alvarès). Nouveaux éléments d'Histoire générale rédigés sur un plan méthodique entièrement neuf. Ouvrage propre à faciliter l'enseignement et l'étude des principaux événements depuis la création jusqu'à nos jours. 29-e édition revue, corrigée et considérablement augmentée. Un vol. grand in-12. 1 rb. 35 c.

(Mod. p. 263, 349, 375, 464, 575, 576, 577, 598, 614, 616, 617, 621, 624.)

Nieritz (Gustave). Les Hongrois, ou la bataille de Mersebourg, nouvelle historique du dixième siècle, trad. de l'Allemand. Paris. Un joli vol. in-12, orné d'illustrations à deux teintes par Derancourt. 1 rb.

Le même ouvrage reliure élégante d. s. t. 2 rb.

(Mod. p. 257.)

Tableau de Paris par Edmond Texier. Ouvrage illustré de quinze cents gravures d'après les dessins de Blanchard, Cham, Champin, Forest, Français, Gavarni, Séguin, Grandville, Lami, Pauquet, Renard, Roussel, Valentin, Vernet, etc. L'ouvrage complet formera deux volumes infol. et coutera. 11 rb.

(Mod. p. 1, 79, 80, 196, 197, 198, 199, 266, 267, 268, 341, 380, 381.)

Печатать позволяется. Спб. 26 декабря 1853 г. Старшій цензоръ *Рочфортъ*.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1854-мъ году

выходятъ въ ПЕРВОЕ *число каждаго мѣсяца* книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ *отъ 20 до 25 листовъ* большаго формата, съ *восьмнадцатью* ПАРИЖСКИМИ картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ Петербургѣ, безъ доставки:	*Съ пересылкою, или доставкою:*
15 рублей **50** коп. серебромъ.	**17** рублей серебромъ.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* **ПРИНИМАЕТСЯ**

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся *на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домѣ* Бейльштейна.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у И. В. Базунова, *на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домѣ Загряжскаго.*

ВЪ ОДЕССѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, *при книжномъ магазинѣ* М. И. Григорьева, *на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домѣ Синицыной*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 2 февраля 1854 года.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ANCIENNE LIBRAIRIE BELLIZARD.

S. DUFOUR,

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE,

au Pont de Police, maison de l'Eglise Hollandaise.

ALMANACH DE GOTHA *pour* **1854.**

Un volume in-18, orné de portraits, cartonné.....	1	rbl.	60	cop.
Franc de port par la poste..............................	2	»	—	»
Les exemplaires papier vélin, reliés en maroquin.	2	»	50	»
Franc de port par la poste..............................	3	»	—	»

Chevalier, Lamy et ***Robiquet***. Dictionnaire raisonné des dénominations chimiques et pharmaceutiques, contenant tous les termes employés en Chimie et en Pharmacie, pour désigner les lois, phénomènes, substances, combinaisons ou préparations connus jusqu'à ce jour. Paris 1853. Tome I, A et B. Un vol. in-8 à deux colonnes. 2 rb. 50 c.

Crocq (le Docteur J.). Traité des tumeurs blanches des articulations. Ouvrage publié par la Société des sciences médicales et naturelles de Bruxelles, accompagné de planches lithographiées. Bruxelles 1853. Un vol. gd. in-8. 2 rb. 50 c.

Dupont (Etienne). Traité pratique de la jurisprudence des mines, minières, forges et carrières, à l'usage des exploitans, maîtres de forges, ingénieurs, etc. Paris 1853. Tome I. Un vol. in-8. 2 rb. 85 c.

Gerhardt (Charles). Suite à la Chimie de Berzelius. Traité de Chimie organique. Paris 1853. Tome I, livraisons 1 et 2 gd. in-8 à 90 c.

Godet (Ch. H.). Flore du Jura, ou description des végétaux vasculaires qui croissent spontanément dans le Jura suisse et français. Neuchatel 1853. Deux. vol. in-8. 5 rb. 70 c.

Haxo. Fécondation artificielle et éclosion des œufs de poissons, suivi de réflexions sur l'ichthyogénie. Epinal 1853. in-8. 80 c.

Le Gras. Instructions nautiques sur le détroit des Dardanelles, la mer de Marmora et le Bosphore. Paris 1853. Un vol. gd. in-8, avec cartes. 1 rb. 50 c.

Morin (Arthur). Leçons de Mécanique pratique. Résistance des Matériaux. Paris 1853. Un vol. in-8. 2 rb. 25 c.

Rathery (E. J. B.). Influence de l'Italie sur les lettres françaises depuis le XIIIe siècle jusqu'au règne de Louis XIV. Paris 1853. Un vol. in-8. 3 rb. 15 c.

Digitized by Google

Печатать позволяется. Спб. 26 ноября 1853 г. Старшій цензоръ *Рочфортъ*.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1854-мъ году

выходятъ въ **ПЕРВОЕ** *число каждаго мѣсяца* **книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ** *отъ 20 до 25 листовъ* **большаго формата, съ** *восьмнадцатью* **ПАРИЖСКИМИ картинками модъ.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ Петербургѣ, безъ доставки:	*Съ пересылкою, или доставкою:*
15 рублей **50** коп. серебромъ.	**17** рублей серебромъ.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* **ПРИНИМАЕТСЯ**

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

ВъКонторѣРедакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся ***на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домѣ*** **Бейльштейна.**

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ *у* И. В. Базунова, *на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домѣ Загряжскаго.*

ВЪ ОДЕССѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, *при книжномъ магазинѣ* М. И. Григорьева, *на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домѣ Синицыной.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 6 января 1854 года.
Цензоръ А. Фрейганъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

Form 410

Digitized by Google

JUN 27 1927

Digitized by Google

Digitized by Google